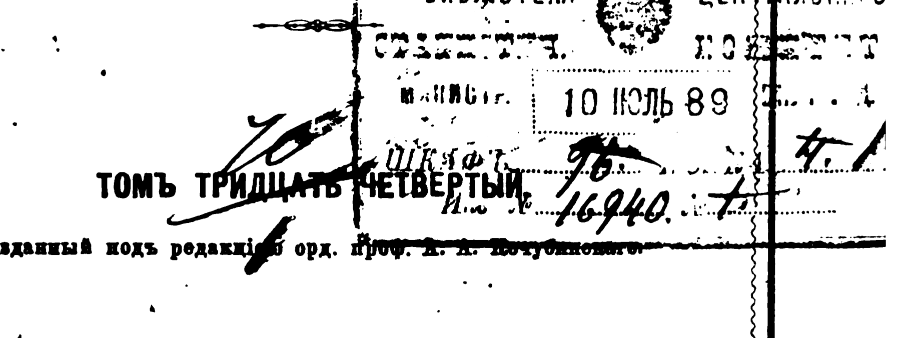

VE
RI
TAS

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ,

изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго.

ОДЕССА.

Типографія Н. А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, домъ № 3-й.

1882.

вышелъ 22 сентября 1882 г., 49 листовъ.

Въ редакціи «Записокъ императорскаго новороссійскаго университета» имѣются и прежніе томы этого изданія, заключающіе въ себѣ:

Томъ I. *Соколовъ И. Д.* Замѣчаніе относительно интегрированія диффер. уравненій движенія свободной точки. *Лапшинъ В. И.* О вулканическихъ явленіяхъ близъ остр. Санторина. *Брунъ Ф. К.* Путешествіе Ив. Шильтбергера по Европѣ, Азіи.... *Леонтовичъ Ѳ. И.* Древнее хорвато-долматское законодательство. *Юргевичъ В. Н.* De Jovis Lycaei natura.... *Бернштейнъ.* Отчетъ о командировкѣ. *Абашевъ Д. Н.* О тепловыхъ явленіяхъ, обнаруживающихся при соединеніи жидкостей.

Томъ II. *Смирновъ М. П.* Ягелло Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею. *Беркевичъ Л. Ѳ.* Изслѣдованіе движенія пл. Юноны. *Патлаевскій И. І.* Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762.

Томъ III. *Орбинскій Р. В.* Англійскіе деисты XVII—XVIII ст. *Соколовъ Н. Н.* О молочной кислотѣ изъ β—іодопропіоновой кислоты. *Вольскій М. М.* Рабская обработка земли. *Струве Ѳ. А.* Путевыя замѣтки.—Празднованіе въ и. нов. ун—тѣ тысящелѣтія со дня кончины св. Кирилла (14 февр. 1869).

Томъ IV. *Некрасовъ И. С.* Зарожденіе національной лит—ры въ сѣв. Руси. *Богдановскій А. М.* Молодые преступники. *Абашевъ Д. Н.* О механическомъ анализѣ почвъ. *Шведовъ Ѳ. Н.* О законахъ превращенія электричества въ теплоту.

Томъ V. *Ярошенко С. П.* О розысканіи особенныхъ рѣшеній диффер. уравненій 1 порядка. *Брунъ Ф. К.* О странствованіяхъ царя пресвитера Іоанна. *Бекетовъ.* Рецензія соч. г. Абашева «О тепловыхъ явленіяхъ...». *Лапшинъ В. И.* Мнѣніе о томъ же. *Соколовъ Н. Н.* Разборъ того же сочиненія. *Абашевъ Д. Н.* Замѣчанія на разборъ пр. Соколова. *Григоровичъ В. И.* Рѣчь на 11 мая 1869.—Отчетъ о состояніи и. нов. ун—та за $18^{69}/_{70}$ ак г.; при немъ: *Шведовъ Ѳ. Н.* Объ отношеніи физики къ естествознанію.—Протоколы засѣданій совѣта: 4 янв.—30 мая 1870. *Богишичъ В. В.* Отчетъ о командировкѣ.

Томъ VI. *Некрасовъ И. С.* Пахомій сербъ, писатель XV в. *Патлаевскій И. І.* Теорія денежнаго обращенія Рикардо. *Шпилевскій М. М.* Политика народонаселенія въ царствованіе Екатерины II. *Григоровичъ В. И.* Изъ лѣтописи науки славянской.—Протоколы засѣданій: 19 авг.—21 дек. 1870 г.

Томъ VII. *Павловъ А. С.* Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. ч. I *Лигинъ В. Н.* Вступ. лекція. *Ярошенко С. П.* Вступ. лекція.—Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{70}/_{71}$ ак. г.; при немъ: *Некрасовъ И. С.* Разборъ соч. «Объ азовскомъ сидѣніи». *Мечниковъ И. И.* Позвоночная теорія черепа.—Протоколы зас. сов.: 18 янв.—21 мая 1871 г. *Бернштейнъ Н. О.* Отчетъ о командировкѣ *Мечниковъ И. И.* Отчетъ о командировкѣ.

Томъ VIII. Протоколы засѣданій совѣта: 16 авг. 1871—29 мая 1872. *Кочубинскій А. А.* Славянскія нарѣчія и сравнительное языкознаніе (вст. лекція). *Кондаковъ Н. П.* Наука классич. археологіи и теорія искусства (вст л.). *Марковниковъ В.* Двѣ вст. лекціи. *Головкинскій Н. А.* Двѣ вст. лекціи. *Павловъ А. С.* Номоканонъ при большомъ требникѣ.

Томъ IX. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—23 дек. 1872 Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{71}/_{72}$ ак. г. *Вольскій М. М.* Задача политической экономіи и отношеніе ея къ прочимъ наукамъ. *Брунъ Ф К* Периплъ каспійскаго моря по картамъ XIV ст. *Павловъ А. С.* Еще наказный списокъ по Стоглаву. *Умовъ Н. А.* Историческій очеркъ теоріи свѣта *Ярошенко С. П.* Начала новой геометріи.

Томъ X. Протоколы зас сов.: 18 янв.—27 апр. 1873. *Малининъ М И.* Убѣжденіе судьи въ гражд. процесѣ. *Ярошенко С П.* Начала новой геометріи. *Умовъ Н А.* Теорія простыхъ средъ *Его же.* Замѣтка о соч. г. Лигина «Теорія абсолютнаго движенія неизмѣн. системы».

Томъ XI. Протоколы зас. сов.: 1 мая—18 авг. 1873. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{72}/_{73}$ ак. г. *Кочубинскій А. А.* Братья—подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII в. *Лигинъ В. Н* Отвѣтъ на «замѣтку» г. Умова.

Томъ XII. Протоколы зас сов: 6 сент.—5 дек. 1873. Програма курса церковнаго законовѣдѣнія. *Кондаковъ Н. П.* Памятникъ гарпій изъ Ксанѳа въ Ликіи. *Лигинъ В Н* Объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ

Томъ XIII. Протоколы зас. сов: 6 янв—2 марта 1874. *Кочубинскій А. А* Записка о путешествіи по славян. землямъ. *Лебедевъ Д П.* Федонъ, переводъ съ примѣчаніями. *Павловъ А. С.* Каноническія рукописи моск. синод. библіотеки.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

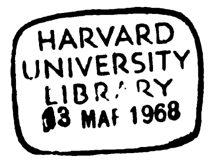
НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ,

изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго.

ОДЕССА.
Типографія П. А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, домъ № 3-й.
1882.

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета. Ректоръ *С. П. Ярошенко.*

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть оффиціальная.

Стран.

Годовой отчетъ за $18^{81}/_{82}$ акад. годъ . . . . . 1—46

Малининъ М. И. о пр. и. нов. ун. — Къ вопросу объ основныхъ принципахъ гражданскаго права и гражданскаго уложенія (рѣчь на университет. актѣ) . . . . . . 1—21

Протоколы засѣданій совѣта и. нов. ун.: 14-го мая—3 декабря 1881 г. . . . . 97—262

II. Часть ученая.

Перетятковичъ Е. И. доц. и. нов. ун.—Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в. Очерки изъ исторіи колонизаціи Низовья (съ картой) . . . . III, 1—404

Чижовъ Н. Е. доц. и. нов. ун.—Энциклопедія и философія права въ Германскихъ и Австрійскихъ университетахъ . . . . 405—498

Палаузовъ В. Н. доц. и. нов. ун.—По поводу отзывовъ профессоровъ Шпилевскаго и Дювернуа . . . . . . 501—532

III. Приложеніе.

Леонтовичъ Ѳ. И. о. пр. и. нов. ун.—Адаты кавказскихъ горцевъ. Матеріалы по обычному праву сѣвернаго и восточнаго Кавказа . . . . 1—32

I. Часть оффиціальная.

ОТЧЕТЪ

о состоянiи и дѣятельности

ИМПЕРАТОРСКАГО НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

за $18^{81}/_{82}$ академическiй годъ.

Состояніе и дѣятельность Новороссійскаго университета за истекшій академическій годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I. ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

А. Преподаватели.

1. По временному штату Новороссійскаго университета, нынѣ дѣйствующему, положено: 1 профессоръ православнаго богословія, 26 ординарныхъ профессоровъ, 11 экстраординарныхъ, 10 доцентовъ, 1 астрономъ-наблюдатель, 4 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ и 4 лаборанта, а по постоянному 1 профессоръ православнаго богословія, 28 ординарныхъ профессоровъ, 13 экстраординарныхъ, 16 доцентовъ, 1 астрономъ-наблюдатель, 4 лектора и 4 лаборанта.

2. На лицо штатныхъ преподавателей состояло къ 1 іюня 1882 года по историко-филологическому факультету: 8 ординарныхъ профессоровъ, изъ нихъ 1 исправлялъ должность, и 2 доцента; по физико-математическому 11 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарный, 1 астрономъ-наблюдатель и 4 лаборанта; по юридическому 7 ординарныхъ профессоровъ и 3 доцента.

Кромѣ того въ университетѣ состоятъ не причисленные ни къ какому факультету 1 профессоръ православнаго богословія и 3 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ.

3. Общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей къ 1 іюня 1882 года было слѣдующее: 1 профессоръ православнаго богословія, 26 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраорди-

нарный, 9 доцентовъ, 1 астрономъ-наблюдатель, 2 лектора и 4 лаборанта.

4. Сверхштатныхъ преподавателей было: на физико-математическомъ факультетѣ 2 ординарныхъ профессора одинъ по каѳедрѣ механики, другой—чистой математики и 4 лаборанта.

Кромѣ того, по рѣшенію совѣта, приглашены были къ чтенію лекцій въ университетѣ по найму 6 стороннихъ преподавателей: на историко-филологическомъ факультетѣ—заслуженный ординарный профессоръ Юргевичъ по римской словесности и кандидатъ Московскаго университета Сперанскій по тому же предмету; на физико-математическомъ бывшій ординарный профессоръ Беркевичъ по астрономіи, приватъ доцентъ Кожевниковъ по ботаникѣ; на юридическомъ факультетѣ заслуженный ординарный профессоръ Богдановскій по уголовному праву и приватъ-доцентъ Чижовъ по энциклопедіи права.

Въ качествѣ приватъ-доцента читали лекціи трое: магистръ русской исторіи Маркевичъ по русской истріографіи, магистръ Репяховъ по зоологіи, докторъ медицины Строгановъ по анатоміи человѣка.

5. Въ теченіи года избраны магистры: Кожевниковъ и Чижовъ въ доценты: первый, вскорѣ скончавшійся,—по ботаникѣ, второй по энциклопедіи права; ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея Азаревичъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ Римскаго права. Назначены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія: заслуженные профессоры Юргевичъ и Богдановскій штатными ординарными профессорами: первый по каѳедрѣ Римской словесности, второй—уголовнаго права; бывшій ординарный профессоръ Сабининъ—сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ чистой математики. Изъ наличнаго состава преподавателей экстраординарные профессора Петріевъ и Клименко и доцентъ Воеводскій возведены въ званіе ординарныхъ профессоровъ.

Составъ почетныхъ членовъ университета пополнился избраніемъ профессора Берлинскаго университета Рудольфа

Фирхова и профессора Военно-медицинской академіи Сергѣя Петровича Боткина.

6. Выбыли изъ университета въ отчетный періодъ времени ординарный профессоръ Дювернуа, перемѣщенный въ Петербургскій университетъ, ординарный профессоръ Вальцъ и доцентъ Бернштейнъ въ отставку по болѣзни. Доцентъ Кожевниковъ, какъ выше сказано, скончался; лекторъ англійскаго языка Рандель уволенъ отъ службы за выслугою срока.

7. Остаются не замѣщенными слѣдующія каѳедры: по историко-филологическому факультету—1) философіи со 2 октября 1876 г., 2) сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ съ 12 октября 1874 г., 3) исторіи всеобщей литературы съ 1 мая 1865 г.; на физико-математическомъ факультетѣ, 4) агрономической химіи съ 10 марта 1879 года; на юридическомъ, 5) международнаго права съ 1 мая 1865 года, 6) государственнаго права съ 19 іюня 1876 г. и 7) церковнаго законовѣденія съ 20 іюня 1875 г.

В. Служащихъ по учебно-административнымъ и другимъ частямъ.

а) Положено по штату 17 и неопредѣленное число хранителей кабинетовъ, б) на лицо 24, въ томъ числѣ 3 хранителя кабинетовъ.

Въ теченіе года избранъ и утвержденъ въ должности университетскаго врача докторъ медицины Разумовскій, на мѣсто уволеннаго отъ службы, по болѣзни, лекаря Иванова.

II. УЧЕБНАЯ И УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА.

1. Съ 1 іюня 1881 по 1 іюня 1882 г. историко-филологическій факультетъ имѣлъ 13 засѣданій, физико-математическій 18, изъ которыхъ 2 публичныя, юридическій 18, совѣтъ университета 26 засѣданій.

2. Историко-филологическій факультетъ представилъ совѣту о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ существующемъ распредѣленіи предметовъ преподаванія на факультетѣ,

которыя приняты совѣтомъ, но еще не разрѣшены министерствомъ.

Въ видахъ восполненія преподаванія факультетскихъ предметовъ приглашены были въ качествѣ стороннихъ преподавателей для чтенія лекцій по остававшейся до половины года вакантною каѳедрѣ римской словесности заслуженный профессоръ Юргевичъ и кандидатъ Московскаго университета Сперанскій; преподаваніе по вакантной каѳедрѣ сравнит. грамматики индо-европейскихъ языковъ поручено было ордин. проф. Кочубинскому, который читалъ сравнительную грамматику литовскаго языка; по вакантной каѳедрѣ философіи чтеніе «исторіи греческой философіи» для III и IV курса было поручено проф. Воеводскому. На физико-математическій факультетъ приглашенъ былъ, въ качествѣ сторонняго преподавателя, для усиленія преподаванія астрономіи бывшій орд. проф. Беркевичъ. Чтеніе ботаники, кромѣ штатнаго преподавателя, возложено было еще на приватъ-доцента Кожевникова, приглашеннаго въ качествѣ сторонняго преподавателя, а преподаваніе анатоміи человѣка поручено было приватъ-доценту д-ру Строганову. На юридическомъ факультетѣ читали лекціи по вакантнымъ каѳедрамъ: международнаго права орд. проф. полицейскаго права Шпилевскій, каноническаго права проф. богословія Кудрявцевъ, энциклопедіи права приватъ-доцентъ Чижовъ, къ концу года и замѣстившій эту каѳедру. Такимъ образомъ вовсе не читались лекціи только по исторіи всеобщей литературы на историко-филологическомъ факультетѣ, агрономической химіи на физико-математическомъ и по исторіи славянскихъ законодательствъ, а также и по государственному праву—на юридическомъ.

3. Въ видахъ усиленія учебной дѣятельности студентовъ, историко-филологическій факультетъ требовалъ отъ всѣхъ желающихъ получить стипендіи или освободиться отъ взноса платы за слушаніе лекцій на всѣхъ курсахъ, кромѣ IV, представленія въ срединѣ учебнаго года письменной работы на тему, заданную однимъ изъ преподавателей. Кромѣ того проф. Кочубинскій посвящалъ 1 часъ въ недѣлю на занятія по

славянской филологіи въ «славянскомъ семинаріи», въ которомъ комментировалось Остромірово Евангеліе. Точно также и юридическій факультетъ требовалъ отъ всѣхъ студентовъ годичныхъ письменныхъ работъ; проф. Малининъ имѣлъ практическія занятія по гражданскому судопроизводству. Физико-математическій факультетъ сохранилъ форму контроля въ видѣ устныхъ полугодичныхъ испытаній и практическихъ занятій въ кабинетахъ и лабораторіяхъ.

4. По разсмотрѣніи представленныхъ студентами сочиненій на преміи—присуждены, согласно удостоенію подлежащихъ факультетовъ и съ утвержденія совѣта, *медали золотыя*: студентамъ историко-филологическаго факультета: III курса Моисею Бруну и IV курса Виктору Соснякову за сочиненія на тему «Ліудпранда Кремонскаго Legatio Constantinopolitana», студентамъ юридическаго факультета: III курса Герману Блюменфельду за сочиненіе «о формахъ землевладѣнія въ древней Россіи», IV курса Давиду Квиркелію за сочиненіе на тему «о правѣ мировыхъ судей, согласно 129 ст. уст. гражданск. судопроизв. разсматривать и рѣшать гражданскія дѣла по убѣжденію совѣсти»; *серебряныя*: студенту III курса Григорію Сердюкову за сочиненіе на тему «о формахъ землевладѣнія въ древней Россіи».

5. Въ теченіи отчетнаго года гг. преподаватели напечатали слѣдующія труды:

I. Профессоръ богословія священникъ А. Н. Кудрявцевъ:

1) «Краткій очеркъ наиболѣе выдающихся трудовъ по церковному праву за послѣднее пятилѣтіе 1875—1880 г.» въ «Протоколахъ засѣданій юридическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ», № 15.

2) Рѣчи: 1) при открытіи сельско-хозяйственной и промышленной выставки. «Новор. Телеграфъ» 1881 г. № 2002, 2) при открытіи съѣзда учителей гимназій и прогимназій одесскаго учебнаго округа. «Одесскій Вѣстникъ» 1881 г. № 288. 3) при празднованіи годовщины общежитія сестеръ милосердія

Краснаго креста. «Новорос. Телеграфъ» 1881 г. № 2075. 4) двѣ рѣчи на панихидахъ по Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ. «Одесскій Вѣстникъ» 1881 г. № 273. 5) на панихидѣ по профессорѣ А. А. Котляревскомъ. «Одесс. Вѣстникъ» 1881 г. № 223. 6) при открытіи «Новой школы». «Одесскій Вѣстникъ» 1881 г. № 228. 7) по случаю отмѣны театральныхъ представленій. «Одесскій Вѣстникъ» 1881 г. № 248. 8) «Объ обязанностяхъ пасомыхъ въ отношеніи къ своимъ пастырямъ» на юбилеѣ протоіерея Соколова. «Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости» 1881 г. № 23 и др.

II. Ординарный профессоръ А. А. Кочубинскій:

1) «Итоги славянской и русской филологіи», по поводу книги профессора Котляревскаго «Библіографическій опытъ о древней русской письменности». Одесса 1882 г. 239 стр. (въ «Запискахъ Имп. Новоросс. университ.» т. XXXIII; первыя четыре главы въ «Журналѣ минист. народ. просв». Августъ 1881 г.).

2) «Въ краю былыхъ еретиковъ. Изъ старыхъ воспоминаній о с. восточ. Чехіи».—«Историческій Вѣстникъ» 1882 г. іюль, гл. I и II, августъ, гл. III—V.

3) «Перекрестный огонь» комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Евгеніева (псевдонимъ) на Вучин. премію. Разборъ. Одесса, 1882 г. 23 стр. (Изъ «протоколовъ засѣданій совѣта», 20 августа 1881 г.).

III. Ординарный профессоръ Н. П. Кондаковъ: «Путешествіе на Синай въ 1881 году» (съ картой), 160 стр. — въ «Запискахъ Имп. Нов. универс.» т. XXXIII.

IV. Ординарный профессоръ Л. Ф. Воеводскій: «Введеніе въ миѳологію Одиссеи», часть 1-я—тамъ же.

V. Ординарный профессоръ Е. Ѳ. Сабининъ напечаталъ въ XXXII томѣ «Университетскихъ Записокъ» рѣчь о Михаилѣ Васильевичѣ Остроградскомъ, произнесенную въ торжественномъ собраніи Новороссійскаго университета 30 августа 1881 года.

VI. Ординарный профессоръ Ѳ. Н. Шведовъ: 1) Sur

la forme et la structure des grêlons». («Séances de la société française de physique» 1881). 2) «Sur l'origine de la grèle (extrait) 1882 Odessa (отдѣльная брошюра). 3) «Les configurations dc la grande comète». 1882 (Отдѣльное изданіе). 4) «Существуетъ ли отталкивательная сила солнца?» («Журн. русскаго физико-химическаго общества». 1882 года, выпускъ 4).

VII. Ординарный профессоръ И. И. Мечниковъ: «Untersuchungen über Orthonectiden въ «Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie». 2) Ueber die systematische Stellung des Balanoglossus въ «Zoologischer Anzeiger».

VIII. Ординарный профессоръ В. Н. Лигинъ: 1) «Sur les aires des courbes anallagmatiques въ «Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques». 2-me série. t. V. 2) «Sur les systèmes articulés de M. M. Peaucellier, Hart et Kempé» — въ Nouvelles annales des mathématiques». 3-me série. t. I.

IX. Ординарный профессоръ Ѳ. И. Леонтовичъ: 1) «Новыя воззрѣнія о природѣ обычнаго права» («Юридич. хроника»). 2) «Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ?» («Наблюдатель»).

X. Ординарный профессоръ Малининъ: «О земскомъ контролѣ надъ эксплуатаціей паровыхъ желѣзныхъ дорогъ».

XI. Доцентъ Г. И. Перетятковичъ: «Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка (очерки изъ исторіи колонизаціи края»). Одесса 1882 г.

XII. Доцентъ П. А. Спиро — прочелъ три публичныя лекціи «о нѣкоторыхъ, явленіяхъ такъ называемаго животнаго магнетизма» (гипнотизмъ).

XIII. Доцентъ Л. В. Рейнгардъ: 1) «О паразитическихъ грибахъ, причиняющихъ вредъ культурнымъ растеніямъ». (въ ноябрскихъ номерахъ за прошлый годъ агрономической газеты «Жатва»). 2) Ein Beitrag zur Kenntniss der Bacillariaceen des Weissen Meeres въ «Bulletin de la soc. impér. des natur. de Moscou.

XIV. Доцентъ Клосовскій оканчиваетъ печатаніе статьи «одновременная система наблюденій и предсказаній погоды» въ «Запискахъ Имп. Новор. университета».

XV. Приватъ-доцентъ Кожевниковъ: «Объ анатомическомъ строеніи лепестковидныхъ·цвѣтковыхъ покрововъ» — тамъ же.

XVI. Консерваторъ Геричъ: «Объ электрическихъ явленіяхъ, наблюдаемыхъ при диффузіяхъ нѣкоторыхъ жидкостей» въ «Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей».

XVII. Лаборантъ Пономаревъ: «Ueber die Cyan-und Cyanursäureaether» въ «Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft» 1882.

XVIII. Лаборантъ Танатаръ: О хлоросубститутахъ фумаровой и малеиновой кислотъ» въ «Запискахъ Общ. естествоиспытателей.

XIX. Консерваторъ Сталевичъ производилъ вычисленія метеорологическихъ наблюденій за 1881 г., печатающіяся въ «Лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ».

XX. Приватъ-доцентъ Чижовъ: «Энциклопедія и философія права въ германскихъ и австрійскихъ университетахъ» вып. 1-й. Одесса 1882.

6. Ординарный профессоръ Трачевскій прочиталъ 10 публичныхъ лекцій о подготовкѣ XIX столѣтія, ординарный профессоръ Некрасовъ въ торжественомъ засѣданіи Одесск. Славянскаго благотворительнаго общества произнесъ рѣчь о могилѣ изобрѣтателя славянской грамоты, ординар. профессоръ Шведовъ прочелъ одну публичную лекцію «о происхожденіи града», доцентъ Спиро—три публичныхъ лекціи «о нѣкоторыхъ явленіихъ такъ называемаго животнаго магнетизма», доцентъ Рейнгардъ одну лекцію «о паразитныхъ грибахъ, причиняющихъ вредъ культурнымъ растеніямъ и 3 лекціи «о современномъ состояніи научныхъ свѣдѣній о бактеріяхъ», лаборантъ Прендель—одну «о метеоритахъ».

7. Историко-филологическій факультетъ разсматривалъ 13

драматическихъ произведеній, представленныхъ на премію И. Г. Вучины, и удостоилъ половинной премія (по 250 р.) слѣдующія пять піесъ: 1) «Кто преступница?» драматическая быль въ 3 д., 2) «Злые недуги», комедія въ 5 д. 3) «Тяжкая доля» др. въ 4 д., 4) «Надя Муринова», др. въ 5 д. и 5) «Непрошенные гости» ком. въ 5 д.; сверхъ того удостоилъ преміи въ 100 р. піесу «Разводъ», ком. въ 3 д.

8. По опредѣленію совѣта 4 апрѣля 1866 года университетъ издаетъ безсрочными выпусками, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, ученые труды подъ общимъ названіемъ «Записокъ Имп. Новор. универ.». Редакціею завѣдываетъ, по избранію совѣта на три года, одинъ изъ преподавателей, въ настоящее время орд. проф. Кочубинскій. Въ теченіе прошлаго академическаго года вышли въ свѣтъ XXXII и XXXIII томы. Кромѣ того печатался отдѣльнымъ изданіемъ 5 выпускъ каталога Университ. библіотеки, подъ наблюденіемъ также редактора «Записокъ».

9. По удостоенію физико-математическаго факультета утвержденъ совѣтомъ въ степени магистра зоологіи кандидатъ нашего университета Р е п я х о в ъ. Изъ окончившихъ курсъ студентовъ, а равно подвергавшихся окончательнымъ испытаніямъ постороннихъ лицъ, удостоено: *степени кандидата*: 1 по историко-филологическому факультету, 6 по физико-математическому и 2 по юридическому; *званія* дѣйствительнаго студента: 21 по историко-филологическому факультету, 6 по физико-математическому и 18 по юридическому, изъ нихъ 41 съ правомъ въ установленный срокъ представить диссертацію на степень кандидата.

10. Сверхъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей многіе преподаватели имѣли особыя занятія и исполняли особыя порученія начальства. Такъ, ректоръ университета С. П. Я р о ш е н к о, съ 17 іюня по 10 августа 1881 г., съ 19 по 27 февраля, съ 10 по 18 мая, съ 28 мая по 4 іюня 1882 г. управлялъ одесскимъ учебнымъ округомъ; ординар. профессоръ М а л и н и н ъ, по порученію совѣта, изготовилъ рѣчь для произнесенія на торжественномъ собраніи университета 30 августа

1882 г., подъ заглавіемъ «объ основныхъ принципахъ гражданскаго права и гражданскаго уложенія». Командированы были г. попечителемъ: ордин. профессоръ Кочубинскій въ Симферополь для присутствованія на испытаніяхъ зрѣлости, а также на экзаменахъ учениковъ IV и VI класса симферопольской гимназіи, — орд. проф. Воеводскій въ Ананьевъ по дѣламъ службы и для присутствованія на испытаніяхъ учениковъ ананьевской гимназіи; ординарные профессора Некрасовъ и Лигинъ для присутствованія на экзаменахъ въ одесскомъ реальномъ училищѣ. Ординарный профессоръ Синцовъ и доцентъ Рейнгардъ совершили ученыя поѣздки, въ Бессарабскую губернію, первый, по порученію С.-Петербургскаго минералогическаго общества, для геологическихъ изслѣдованій, второй, по порученію Императорскаго общества сельско хоз. южной Россіи, для изслѣдованія виноградниковъ въ отношеніи филоксеры и различныхъ другихъ болѣзней.

Командированы были совѣтомъ съ разрѣшенія министерства за-границу съ ученою цѣлію: доценты Палаузовъ, Гамбаровъ и лаборантъ Меликовъ на одинъ годъ, лаборантъ Вернеръ на два года, ордин. профессоръ Кочубинскій на вакаціонное время 1882 г. и 20 дней.

III.

Хозяйственно-распорядительная часть.

1) Новороссійскій университетъ съ 1 іюня 1881 г. по 1-е іюня 1882 г. имѣлъ въ своемъ распоряженіи слѣдующія денежныя средства:

Оставалось къ 1 іюня 1881 г. отъ суммы ассигнованной по § 5 смѣты мин. нар. пр. на тотъ годъ на содержаніе университета:

а) по ст. 1 на содержаніе личнаго состава . . . . 74829 р. 40 к.

б) по ст. 2 на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы . . . . 29889 р. 28 к.

в) по ст. 3 на стипендіи и пособія студентамъ 8821 р. 87 к.

Итого . . 113540 р. 55 к.

Изъ этой суммы израсходовано:

а) на жалованье, столовыя и квартирныя служащимъ. . . . . 74829 р. 40 к.

б) на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы . . . . 29719 р. 11 к.

в) на стипендіи и пособія студентамъ университета . . . . 8821 р. 87 к.

Сверхъ того причитается еще къ выдачѣ содержателю переплетной мастерской Шварцу, за сдѣланные ему университетомъ заказы . . . . 170 р. 17 к.

Итого . . 113540 р. 55 к.

По финансовой смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 1882 г. на содержаніе Новороссійскаго университета въ этомъ году назначено:

по § 5.

а) по ст. 1 на содержаніе личнаго состава	139538 р. 68 к.
б) по ст. 2 на учебныя пособія, хозяйственные и др. расходы	51500 р — к.
в) по ст. 3 на стипендіи и пособія студентамъ . . . . , .	18000 р. — к.

по § 19.

по ст. 10 на пособіе Обществу естествоиспытателей	2500 р. — к.
Итого . .	211538 р. 68 к.

Сверхъ того ассигнованно дополнительнаго кредита:

по § 15.

по ст. 1 на постройку и починку училищныхъ зданій мин. нар. пр. . . .	1000 р. — к.

по § 16.

а) по ст. 1 на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію и научныя командировки.	588 р — р.
б) по ст. 2 на біологическую станцію въ городѣ Севастополѣ	1500 р. — к.
Итого . .	3088 р. — к.
А всего. .	214626 р 68 к.

Изъ этой суммы по 1 іюня 1882 г. израсходовано:

а) на содержаніе личнаго состава .	58976 р. 25 к.
б) на учебныя пособія, хозяйствен. и др. расходы.	22747 р. 54 к.
в) на стипендіи и пособія студентамъ	9039 р. 76 к.

г) на пособіе Обществу естествоиспытателей	2500 р. — к.
д) на содержаніе приготовляющихся къ профессорскому званію и на ученыя командировки	245 р. — к.
е) на содержаніе біологической станціи въ Севастополѣ	1500 р. — к.
Итого . .	95008 р. 55 к.
Затѣмъ къ 1 іюня 1882 г. состоитъ въ остаткѣ	119618 р. 13 к.
Балансъ . .	214626 р. 68 к.

Сверхъ суммы, отпускаемой изъ казны, университетъ имѣетъ и свои спеціальныя средства, состоящія: а) изъ сбора платы со студентовъ за слушаніе лекцій; б) изъ сбора со студентонь за матрикулы; и в) въ пожертвованныхъ капиталахъ на учрежденіе стипендій.

1) Сбора платы со студентовъ за слушаніе лекцій къ 1 іюня 1881 года оставалось	444 р. 38½ к.
Съ 1 іюня 1881 г. по 1 іюня 1882 г. поступило	8075 р. — к.
Итого . .	8519 р. 38½ к.
Изъ нихъ перечислено 2% въ сумму ученаго комитета мин. нар. прос . . .	124 р. 80 к.
Израсходовано на разныя предметы, по постановленію совѣта	7847 р. 32 к.
Итого . .	7972 р. 12 к.
Затѣмъ къ 1 іюня 1882 г. осталось	547 р. 26½ к.
2) Сбора платы за матрикулы къ 1 іюня 1881 г. оставалось.	57 р. 95½ к.
Съ 1 іюня 1881 г. по 1 іюня 1882 г. поступило	687 р. — к.
Итого . .	744 р. 95½ к.

Изъ этой суммы въ отчетномъ году израсходовано . . . . 701 р. 16 к.

Затѣмъ къ 1 іюня 1882 г. осталось. 43 р. 79½ к.

3) Пожертвованныхъ капиталовъ на содержаніе изъ оныхъ стипендіатовъ къ 1 іюня 1881 года оставалось:

Наличными деньгами	2655 р. 49¼ к.
Въ процентныхъ бумагахъ. . . .	149.850 р. — к.
Итого . .	152.505 р. 49¼ к.

Съ 1 іюня 1881 г. по 1 іюня 1882 г. поступило:

Пожертвованныхъ капиталовъ. . .	14.400 р. — к.
Процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ.	10.456 р. 20 к.
Итого. .	24.856 р. 29 к.
А всего. . .	177.361 р. 78¼ к.

Изъ этой суммы съ 1 іюня 1881 г. по 1 іюня 1882 г. выдано стипендій и пособій студентамъ университета и двумъ ученикамъ Ришельевской гимназіи . . . 7.428 р. 5 к.

Затѣмъ къ 1 іюня 1882 г. осталось:

Наличными деньгами	5.683 р. 73¼ к.
Процентными бумагами.	164 250 р. — к.
Итого. .	169.933 р. 73¼ к.
Балансъ. . .	177.361 р. 78¼ к.

2) Въ теченіе отчетнаго періода времени поступили пожертвованія, принятыя университетомъ съ признательностію: а) книгами: отъ начальника военно-юридической академіи генералъ-лейтенанта Бобровскаго, начальника канцеляріи военнаго министерства А. Якимовича, профессоровъ: Е. Ѳ. Сабинина, В. Н. Лигина, Ѳ. И. Успенскаго, Л. Ф. Воеводскаго, П. Болотова, Кожевникова, Р. Ѳ. Зауэе, В. Н. Петра, Познякова, Фонъ-деръ-Флита, В. Н. Палаузова по одному названію, Капеллана 5 и 6 кава-

лерійской дивизіи Фелипскаго два названія, Дѣйст. Ст. Сов. Н. И. Ленца 16 названій, отъ предсѣдателя Ставропольскаго статистическаго комитета І. В. Вентковскаго ркп. сборникъ матеріаловъ по обычному праву кавказскихъ горцевъ, — б) книгами и другими принадлежностями учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета: отъ почетнаго члена университета Высокопреосвященнаго Митрополита Кіевскаго 1) Bibliorum codex sinaiticus изд. Тишендорфа, 2) 15 древнихъ монетъ, изъ нихъ 9 серебр. и 6 мѣдныхъ и 3) 8 океанскихъ раковинъ и окаменѣлостей,—Ст. Сов. Шельгельма коллекція растеній, собранныхъ имъ въ окрестностяхъ г. Измаила, д-ра Игнатовскаго каменный кельтъ, лаборанта Видгальма бронзовый медальонъ большой величины изъ Ольвійскихъ находокъ, отъ товарищества Брянцовской соляной копи глыба каменной соли.

IV.

Объ учащихся.

1) Сравнительная таблица числа студентовъ и постороннихъ слушателей, состоявшихъ въ Новороссійскомъ университетѣ въ 1880—81 и 1881—82 учебныхъ годахъ.

	Состояло на лицо		Въ 1881—82 учебн. году поступило					Въ 1881 — 82 учеб. году выбыло	
	Къ 1 іюня 1881 г.	Къ 1 іюня 1882 г.	Изъ гимназій	Домашняго воспитанія по свидѣтельствамъ зрѣлости	Изъ университетовъ	Изъ другихъ учебныхъ заведеній	ВСЕГО	До окончанія курса	По окончаніи курса
Студентовъ	258	291	97	10	48	5	160	73	54
Постороннихъ слушателей	25	47							

2) Вѣдомость о числѣ учащихся къ 1 іюня 1882 г.

	Число студентовъ						
			Въ физико-математическомъ факультетѣ				
	Въ историко-филологическомъ факультетѣ	Въ юридическомъ факультетѣ	Отдѣленіе математическихъ наукъ	Отдѣленіе естественныхъ наукъ	Всѣхъ студентовъ	Число постороннихъ слушателей	ВСЕГО
Въ Новороссійскомъ университетѣ . .	27	105	62	97	291	47	338

3) Вѣдомость о числѣ студентовъ Новороссійскаго университета с[…]
сословіямъ, категоріямъ учебныхъ заведеній и учебныхъ окр[…]

Факультеты	Историко-филологическій					Физико-м[…] Отдѣленіе матема[…]тическихъ наукъ				
Курсы	I	II	III	IV	всего	I	II	III	IV	всег[о]
Общее число студентовъ . .	9	5	16	23	53	26	15	10	13	6[illegible]
Въ томъ числѣ:										
Православныхъ	7	4	14	23	48	19	9	9	11	4[illegible]
Армяно-григоріанъ	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Римско-католиковъ	1	1	2	—	4	3	5	—	—	8
Лютеранъ	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Евреевъ и караимовъ	1	—	—	—	1	2	1	1	2	6
Сыновей дворянъ и чиновниковъ .	4	3	1	1	9	14	7	4	3	28
Духовнаго званія	2	1	11	21	35	3	1	4	7	15
Почетныхъ гражданъ и купцовъ. .	—	—	1	—	1	4	3	1	1	[illegible]
Мѣщанъ и разночинцевъ	2	1	1	—	4	4	1	1	—	6
Крестьянъ	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Иностранно подданныхъ.	1	—	2	1	4	1	2	—	2	5
Гимназистовъ	7	3	4	1	15	24	13	4	6	47
Семинаристовъ	—	—	9	22	31	—	—	3	7	10
Изъ другихъ учебныхъ заведеній .	2	2	3	—	7	2	2	3	—	7
Вообще изъ учебныхъ заведеній въ предѣлахъ:										
С.-Петербургскаго округа.	—	1	—	—	1	1	—	—	—	1
Московскаго . . »	—	—	1	—	1	—	1	1	—	2
Казанскаго. . . »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Оренбургскаго. . »	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—
Харьковскаго . . »	—	—	1	3	4	1	—	2	2	5
Одесскаго . . . »	8	2	11	9	30	20	11	2	8	41
Кіевскаго . . . »	1	2	3	10	16	3	3	4	2	12
Варшавскаго . . »	—	—	—	—	—	1	—	1	1	3
Дерптскаго . . . »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ и курсамъ, вѣроисповѣданіямъ, говъ въ 1881—82 учебномъ году (на 1 января 1882 года).

тематическій					Юридическій					На всѣхъ факультетахъ				
Отдѣленіе естественныхъ наукъ														
I	II	III	IV	всего	I	II	III	IV	всего	I	II	III	IV	всего
56	18	21	21	116	47	34	27	33	141	138	72	74	90	374
30	7	15	19	71	23	20	17	27	87	79	40	55	80	254
—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1	—	—	2
5	—	3	—	8	3	1	1	2	7	12	7	6	2	27
1	—	—	—	1	1	—	1	—	2	3	—	1	—	4
20	10	3	2	35	20	13	8	4	45	43	24	12	8	87
21	2	6	4	33	18	8	6	13	45	57	20	17	21	115
6	3	9	11	29	4	5	6	11	26	15	10	30	50	105
5	4	—	2	11	4	8	4	1	17	13	15	6	4	38
21	8	4	3	36	16	7	8	3	34	43	17	14	6	80
1	—	—	1	2	1	3	—	—	4	2	4	—	1	7
2	1	2	—	5	4	3	3	5	15	8	6	7	8	29
40	12	9	4	65	28	19	16	15	78	99	47	33	26	205
1	—	8	11	20	2	2	5	13	22	3	2	25	53	83
15	6	4	6	31	17	13	6	5	41	36	23	16	11	86
2	2	2	3	9	1	3	—	2	6	4	6	2	5	17
9	1	—	1	11	6	3	1	—	10	15	5	3	1	24
1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
6	1	2	4	13	4	3	1	2	10	11	4	6	11	32
32	9	12	6	59	27	20	19	19	85	87	42	44	42	215
6	4	5	7	22	7	5		9	26	17	14	17	28	76
—	—	—	—	—	1	—	—	1	2	2	—	1	2	5
—	1	—	—	1	1	—	1	—	2	1	1	1	—	3

4) Вѣдомость о числѣ студентовъ Новороссійскаго университета, пользовавшихся стипендіями, пособіями и освобожденіемъ отъ платы за ученіе въ 1881—82 учебномъ году.

Факультеты	Историко-филологическій	Физико-математическій: Отдѣленіе математическ. наукъ	Физико-математическій: Отдѣленіе естественныхъ наукъ	Юридическій	Всего	Общее число студентовъ	Проц. содерж.
Стипендіатовъ обязательныхъ	—	5	1	6	12		3,2
Стипендіатовъ необязательныхъ	35	12	30	33	110	374	29,6
Получавшихъ пособія (изъ штатной суммы)	8	3	10	12	33		9,1
Освобожденныхъ отъ платы	7	16	24	18	65[*])		17,3
Всѣхъ	50	36	65	69	220	—	59,2

*) Сверхъ того пользовались освобожденіемъ отъ платы 114 студентовъ-стипендіатовъ.

5) Вѣдомость о стипендіяхъ существовавшихъ при Новороссійскомъ университетѣ и о числѣ лицъ, пользовавшихся ими въ 1881—82 учебномъ году.

№	Наименованіе стипендій	Съ 1 іюня 1881 г. по 1 іюня 1882 г. было назначено: Число стипендіатовъ	Размѣръ одной стипенд. Руб.	К.	Съ 1 іюня 1881 года по 1 іюня 1882 года выдано стипендій Руб.	К.	Изъ какого источника производились стипендіи
1	*Казенныя стипендіи:*						
	а) Полныя.	51	240	—	14434	—	Изъ суммъ государственнаго казначейства
	б) Половинныя . . .	21	120	—			
2	Кавказскія.	10	250	—	2500	—	
3	Пансіонеры Его Величества .	2	250	—	500	—	
	Частныя стипендіи:						
4	Имени: Графа Д. А. Толстаго.	1	300	—	300	—	Изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ
5	» Кн С. М. Воронцова.	1	300	—	300	—	
6	» Тайн. Сов. Тройницкаго	1	275	—	275	—	
7	» Доктора Мазія . . .	1	200	—	200	—	
8	» Быв. проф. Рафаловича	1	300	—	300	—	
9	» Л. А. Рафаловича . .	2	275	—	550	—	
10	» Его Величества (болг. кол.)	1	300	—	150	—	
11	» М. Гр. Криворотова. .	1	275	—	275	—	
12	» Ив. Т. Ягницкаго . .	4	300	—	1200	—	
13	» Пот. поч гр Ефруси.	2	300	—	600	—	
14	» Генриха Корчака . .	2	300	—	600	—	
15	» М. Д. Микрюковой. .	4	340	—	1360	—	
16	» Барона Унгернъ-Штернберга	1	300	—	300	—	
17	» Графа П. Е. Коцебу (учр. Херс. и Бес. двор.)	1	300	—	300	—	
18	» Тоже (Рост. думы) . .	1	252	—	252	—	Изъ суммъ высылаемыхъ въ университетъ разными мѣстами и лицами
19	» Кн. Абамелика . . .	1	300	—	300	—	
20	» Губ. сек. Маринаки. .	1	300	—	300	—	
21	Духовнаго Вѣдомства . . .	1	250	—	250	—	
22	Кавказскаго горск. управленія	1	400	—	180	—	
23	Русскаго Общ. Пар. и Тор. .	1	300	—	300	—	
24	Общества сельскаго хозяйства южной Россіи	1	250	—	250	—	

	Наименованіе стипендій	Съ 1 іюня 1881 г. по 1 іюня 1882 г. было назначено: Число стипендіатовъ.	Размѣръ одной стипенд. Руб.	К.	Съ 1 іюня 1881 года по 1 іюня 1882 года выдано стипендій Руб.	К.	Изъ какого источника производились стипендіи
25	Славянскія стипендіи . . .	5	250	—	1250	—	Выдавались изъ канц. по печ. од. уч. ок
26	Его Величества (изъ суммъ кор. сбора)	1	300	—	300	—	Изъ % пожертвован. капиталовъ
27	Θ. Θ. Крупенскаго	1	300	—	150	—	
28	Духов. Вѣд. Д. Т. С. Италинскаго	1	400	—	166	66	
	ИТОГО. . . .	122*)	—	—	27842	66	
1	Независимо отъ показанныхъ стипендій въ 1881—82 уч. году выдано студентамъ Новороссійскаго университета въ видѣ единовременныхъ пособій изъ штатныхъ суммъ и уплочено за лекарства . .	33	Отъ 20 до 45 р	—	762	11	
2	Пособій изъ частныхъ суммъ.	78	Отъ 3 до 50 р.	—	943	62	
	ИТОГО. . . .	111			1705	73	

*) Изъ числа 122 стипендіатовъ пользовались сверхъ того освобожденіемъ отъ платы 114 студентовъ.

Изъ университетскихъ стипендіатовъ въ теченіи 1881—82 уч. г. были лишены стипендій—2 студента.

а) Учебный планъ историко-филологическаго факультета Новороссійскаго университета на $18^{81}/_{82}$ учебный годъ.

Предметы	Профессоры и другіе преподаватели	Общее число лекцій каждаго изъ нихъ	Курсы I.	II.	III. а.	III. б.	III. в.	IV. а.	IV. б.	IV. в.	Всего по предметамъ
			а) клас. филол.; б) истор.; в) славяно-русск. отдѣленіе								
1. Философія: а) логика б) психологія в) исторія философіи	Доц. Воеводскій	1	—	—	2	2	—	2	2	—	2
2. Греческая словесность а) Грес. яз. и авторы б) Исторія греч. литературы в) Греческія древности	Доц. Воеводскій	2	1	1	1.1	1	1	1.1	1	1	2
3. Римская словесность. а) Лит. яз. и авторы б) Исторія римск. литературы	Преп. Сперанскій	3	2	—	1	1	1	1	1	1	
в) Римскія древности	Засл. проф. Юргевичъ	3	—	2	3 1	3.1	3	3.1	3.1	3	9
4. Сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ	Орд. проф. Кочубинскій	2	—	—	—	—	1	—	—	1	2
5. Исторія русск. языка и русск. литературы	Орд. проф. Некрасовъ	4	2	2	—	—	2	—	—	2	4
6. Исторія всеобщей литературы	нѣтъ преподавателя										
7. Славянская филологія: а) Славянск. нарѣчія б) Исторія славянскихъ литературъ в) Славянск. древности	Орд. проф. Кочубинскій	5	2	2	—	—	3	—	—	3	5
8. Всеобщая исторія	Орд. проф. Успенскій	4	2	2	—	2	2	—	2	2	
	Орд. проф. Трачевскій	4	2	2	—	2	—	—	2	—	10
	Доц. Пироговъ	2	2	2	2	2	—	2	2	—	
9. Русская исторія	Доц. Перетятковичъ	3	2	2	—	1	1	—	1	1	6
	Прив. доц. Маркевичъ	3	3	3	—	3	3	—	3	3	
10. Церковная исторія	Орд. пр. Войтковскій	4	—	2	—	2	—	2	2	—	4
11. Теорія и исторія искуствъ	Орд. пр. Кондаковъ	4	3	3	1	1	—	1	1	—	4
12. Богословіе	Орд. пр. Кудрявцевъ	2	2	2	—	—	—	—	—	—	2
ИТОГО	—	—									50

б) Учебный планъ физико-математическаго факультета Новороссійскаго университета на 1881—82 учебный годъ.

Предметы	Профессоры и другіе преподаватели	Общее число лекцій каждаго изъ нихъ	КУРСЫ I, Отдѣленія: Математ.	I Естеств.	II Математ.	II Естеств.	III Математ.	III Естеств.	IV Математ.	IV Естеств.	Всего по предметамъ
1. Чистая математика . .	Орд. пр. Ярошенко	7	3	—	2	—	2.2	—	2	—	
	Орд. пр. Сабининъ	6	—	—	—	—	4	—	2	—	19
	Орд. пр. Преображенскій	6	2	—	2	—	1	—	1.1	—	
2. Механика. а) аналитическая . . .	Засл. пр. Карастелевъ	6	—	—	—	—	3	—	3	—	
б) практическая . . .	Орд. пр. Лигинъ	6	2	—	2.2	—	2	—		—	12
3. Астрономія и геодезія .	Стор. преп. Беркевичъ	5	—	—	3	—	2	—	2	—	
	Доц. Кононовичъ	4	—	—	—	—	2.2	—	2	—	9
4. Физика: опытная . . .	Орд. пр. Шведовъ	4	4	4	4	4	—	—	—	—	
математическая	Орд. пр. Умовъ	6	—	—	—	—	2	—	4	—	10
5. Химія. а) опытная	Орд. пр. Клименко	5	5	5	—	5	—	—	—	—	
б) теоретическая . . .	Орд. пр. Вериго	8	—	—	—	4	—	3	—	1	8
6. Минералогія	Орд. пр. Головкинскій	4	—	2	—	2	—	—	—	-	4
7. Физическая географія .	И. д. доц. Клоссовскій	2	—	—	—	—	2	2	2	2	2
8. Геогнозія и палеонтологія	Орд. пр. Синцовъ	4	—	—	—	—	—	4	—	—	4
9. Ботаника: а) морфологія и систематика	Стор. пр. Кожевниковъ	6	—	—	—	3	—	3	—	3	
б) анатом. и физіол. растеній	Доц. Рейнгардъ	6	—	3	—	—	—	3	—	3	12
10. Зоологія: а) сравн. анатомія и систиматика	Орд. пр. Мечниковъ	7	—	—	—	6	—	6	—	1	
	Орд. пр. Ковалевскій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
б) анатомія человѣка .	Доц. Бернштейнъ	2	—	2	—	2	—	—	—	—	
в) физіол. животныхъ .	Доц. Спиро	3	—	—	—	—	3	—	3	—	12
11. Техническая химія . .	Орд. пр. Петріевъ	3	—	—	—	—	—	3	—	1	3
12. Агрономическая химія .	нѣтъ преподавателя	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13. Богословіе	Орд. пр. Кудрявцевъ	2	2	2	2	2	—	—	—	—	2
Итого . .	—		—	—	—	—	—	—	—	—	97

в) Учебный планъ юридическаго факультета Новороссійскаго университета на 1881—82 учебный годъ.

Предметы	Профессоры и другіе преподаватели	Число лекцій каждаго изъ нихъ	Курсы I	II	III	VI	Всего по предметамъ
1. Энциклопедія права.	Прив. доц. Чижовъ	2	2	—	—	—	2
2. Исторія иностран. законодательствъ	Нѣтъ преподав.	—	—	—	—	—	—
3. Исторія русскаго права	Орд. Пр. Леонтовичъ	6	2.2	22	—	—	6
4. Исторія слав. законодательства .	Орд. Пр. Богишичъ	—	—	-	—	—	—
5. Римское право	Орд. Пр. Дювернуа	5	5	5	—	—	5
6. Государственное право	нѣтъ преподават.	—	—	—	—	—	—
а) общее		—	—	—	—	—	—
б) русское		—	—	—	—	—	—
7. а) Гражданское право	Доц. Гамбаровъ	3	—	—	3	3	3
8. б) Гражданское судоустройство и судопроизводство	Орд. Пр. Малининъ	4	—	—	—	4	4
9. а) Уголовное право	Засл. Пр. Богдановскій	3	—	—	3	—	3
б) Уголовное судоустройство и судопроизводство.	»	2	—	—	2	2	2
10. Полицейское право	Орд. Пр. Шпилевскій	4	—	—	4	4	4
11. Финансовое право	Орд. Пр. Патлаевскій	4	—	—	—	4	4
12. Международное право	Орд. Пр. Шпилевскій	2	—	—	2	—	2
13. а) Политическая экономія . . .	Орд. Пр. Посниковъ	4	-	4	4	—	4
б) Статистика	Орд. Пр. Посниковъ	3	2.1	1	—	—	3
14. Каноническое право	Орд. Пр. Кудрявцевъ	2	—	—	2	—	2
15. Богословіе	Орд. Пр. Кудрявцевъ	2	2	2	—	—	2
ИТОГО	—	—	—	—	—	—	46

7) Вѣдомость о числѣ студентовъ Новороссійскаго университета, переведенныхъ изъ курса въ курсъ и окончившихъ полный курсъ ученія въ 1882 году.

ФАКУЛЬТЕТЫ и КУРСЫ			Всѣхъ было студентовъ	Переведено или окончило курсъ	Въ %
Историко-филологическій . . .		I	7	5	71,3
		II	3	2	66,2
		III	16	12	75,0
		IV	23	22	95,1
Физико-математическій	Отд. математическихъ наукъ	I	26	12	46,4
		II	16	6	37,8
		III	10	3	30,0
		IV	12	2	16,8
	Отд. естественныхъ наукъ	I	51	28	54,1
		II	16	9	56,4
		III	19	18	94,1
		IV	20	10	50,0
Юридическій		I	39	26	66,1
		II	31	23	74,6
		III	22	15	68,4
		IV	33	20	60,1

V.

Вѣдомость о числѣ и наименованіи учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ и о состояніи оныхъ въ 1881 гражданскомъ году.

Число учрежденій	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій	
1	**Университетская библіотека.**	
	Книгъ русскихъ и иностранныхъ . .	сочиненій . . . .
		томовъ . . . . .
	Періодическихъ изданій	названій . . . .
		томовъ . . . . .
	Рукописей (томовъ или тетрадей) . .	названій . . . .
		томовъ . . . . .
	Картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей (томовъ)	названій . . . .
		томовъ . . . . .
2	**Студентская библіотека.**	
	Книгъ	названій . . . .
		томовъ . . . .
	Періодическихъ изданій	названій . . . .
		тетрадей или томовъ
	Рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ (листовъ)	названій . . . .
		томовъ . . . . .
3	**Астрономическая обсерваторія.**	
	Инструментовъ: астрономическихъ геодезическихъ	
	» топографическихъ	
	» физическихъ	
	» механическихъ	
	Книгъ и журналовъ	
	Моделей	
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей	

Въ нихъ состояло къ 1 января 1881 года		Вновь пріобрѣтено въ 1881 году				Въ теченіе 1881 г. убыло				За симъ состояло къ 1 января 1882 года			
Нумеровъ	Экземпляр.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб.	к.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб.	к.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб.	к.
42954	—	1239	—			5	—	15	40	44188	—		
73784	—	1074	—			8	—			75750	—		
749	—	9	—							758	—		
15319	—	576	—	9159	55					15895	—	205513	91
129	—	4	—							133	—		
151	—	4	—							155	—		
599	—	5	—							604	—		
645	—	9	—							654	—		
4641	—	418	—			—	—	—	—	5059	—		
7505	—	760	—			—	—	—	—	8265	—		
109	—	42	—			—	—	—	—	151	—		
1409	—	251	—	1969	96	—	—	—	—	1660	—	7774	17
47	—	—	—			—	—	—	—	47	—		
97	—	—	—			—	—	—	—	57	—		
34	34	1	1	920	93	—	—	—	—	35	35	14526	94
16	16	1	1	7	50	4	4	—	—	13	13	229	—
65	66	—	—	—	—	50	50	—	—	15	16	392	93
1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	100	—
1	21	—	—	—	—	—	—	—	—	1	21	302	40
24	24	—	—	—	—	—	—	—	—	24	24	74	56
112	112	—	—	—	—	32	32	—	—	80	80	1046	55

Число учрежденій	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій
4	**Кабинетъ практической механики.**
	Модели . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . . . . .
	Книгъ . . . .
5	**Физическій кабинетъ съ лабораторіей.**
	Инструментовъ и приборовъ . . . .
	Химическихъ препаратовъ . . . .
	Разнаго рода посуды и мебели . . . .
	Книгъ, атласовъ и моделей . . . .
6	**Химическая лабораторія и кабинетъ.**
	Химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей . . . .
7	**Минералогическій кабинетъ съ лабораторіею.**
	Минераловъ . . . .
	Геологическихъ и географическихъ картъ . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . . . .
8	**Кабинетъ физической географіи.**
	Книгъ, атласовъ, глобусовъ и картъ . . . .
	Инструментовъ . . . .

Въ нихъ состояло къ 1 января 1881 года		Вновь пріобрѣтено въ 1881 году				Въ теченіе 1881 г. убыло				За симъ состояло по 1 января 1882 года			
Нумеровъ	Экземпляр.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб.	к.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб.	к.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб.	к.
257	—	1	—	225	57	—	—	—	—	258	—	11501	72
24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24	—	710	58
20	—	8	—	52	26	—	—	—	—	28	—	180	58
489	489	6	7	294	60	—	—	—	—	495	496	18409	23
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7	7	6	60	42	16	—	—	—	—	13	67	162	26
56	132	7	7	48	09	4	4	—	—	59	135	523	56
1480	1744	450	600	2100	—	220	331	850	—	1710	2013	29760	89
655	—	2	—	30	—	—	—	—	—	657	—	8140	38
23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23	—	222	26
189	—	2	—	74	51	—	—	—	—	191	—	4625	75
74	90	19	19	124	33	—	—	—	—	93	109	1138	54
26	31	—	—	—	—	—	—	—	—	26	31	2447	07

Число учрежденій	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій
9	**Метеорологическая обсерваторія.**
	Инструментовъ и снарядовъ . . . .
	Книгъ, атласовъ и моделей . . . .
10	**Кабинетъ геологическій и палеонтологическій.**
	Книгъ и другихъ изданій . . . .
	Гипсовыхъ моделей . . . .
	Коллекцій разныхъ окаменѣлостей и горныхъ . . . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . . . .
11	**Ботаническій кабинетъ.**
	Сухихъ растеній . . . .
	Инструментовъ и приборовъ . . . .
	Коллекцій гипсовыхъ и восковыхъ моделей, препаратовъ и проч
	Книгъ . . . .
	Подвижной утвари, посуды и проч. . . . .
12	**Ботаническій садъ.**
	Оранжерейныхъ растеній . . . .
	Кустарниковъ и травъ . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . . . .
13	**Зоологическій кабинетъ съ лабораторіею.**
	Книгъ и другихъ изданій . . . .
	Чучелъ и препаратовъ въ спиртѣ . . . .
	Инструментовъ . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . . . .

Въ нихъ состояло къ 1 января 1881 года		Вновь пріобрѣтено въ 1881 году				Въ теченіе 1881 г. убыло				За симъ состояло къ 1 января 1882 года			
Нумеровъ	Экземпляр.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб.	к.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб.	к.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб.	к.
34	48	4	4	271	29	—	—	—	—	38	52	2476	95
8	8	—	—	—	—	—	—	—	—	8	8	1871	77
на су	мму												
2030 р.	22 к.	—	—	230	—	—	—	—	—	—	—	2260	22
103 »	36 »	—	—	25	35	—	—	—	—	—	—	128	71
3489 »	55 »	—	—	554	19	—	—	—	—	—	—	4043	74
2325 »	37 »	—	—	65	—	—	—	—	—	—	—	2390	37
18596	21675	—	—	—	—	—	—	—	—	18596	21675	1926	—
60	138	4	4	304	86	—	—	—	—	64	142	2199	58
3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3	102	26
443	443	86	104	952	34	—	—	—	—	529	547	1865	51
39	42	2	120	40	50	—	—	—	—	41	162	1110	35
356	1296	—	—	—	—	—	—	—	—	356	1296	2536	—
256	—	550	—	безпла	тно	—	—	—	—	806	—	—	—
25	51	5	8	123	75	—	—	—	—	30	59	179	50
287	684	—	1	1	80	—	—	—	—	287	685	20945	53
3667	—	38	—	239	50	—	—	—	—	3705	—		
150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150	—		
63	—	30	—	15	30	—	—	—	—	93	—		

Число учрежденій	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій
14	**Зоотомическій кабинетъ съ лабораторіею.**
	Скелетовъ и препаратовъ въ спиртѣ . . . .
	Книгъ и другихъ изданій . . . .
	Инструментовъ . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . . . . .
15	**Физіологическій кабинетъ.**
	Приборовъ и лабораторной мебели . . . .
	Реактивовъ и препаратовъ . . . .
16	**Техническій кабинетъ съ лабораторіею.**
	Разныхъ техническихъ издѣлій и принадлежностей химическихъ, препаратовъ, реактивовъ и посуды . . . . . .
17	**Агрономическій кабинетъ съ лабораторіею.**
	Точныхъ измѣрительныхъ приборовъ . . . .
	Платиновой и серебряной посуды . . . .
	Различныхъ инструментовъ, фарфоровой и проч. посуды . .
	Книгъ и другихъ изданій . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . . . . .
18	**Музей изящныхъ искусствъ.**
	Изданій съ эстампами, сочиненій съ рисунками и атласами .
	Гипсовыхъ слѣпковъ, статуй, бюстовъ, барельефовъ, алтаря, обелисковъ и утвари . . . .

Въ нихъ состояло къ 1 января 1881 года		Вновь пріобрѣтено въ 1881 году				Въ теченіе 1881 года убыло				За симъ состояло къ 1 января 1882 года			
Нумеровъ	Экземпляр.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб.	к.	Нумеровъ	Экземпляр	На сумму руб.	к.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб.	к.
316	—	11	—	67	60	—	—	—	—	327	—	8056	89
91	116	—	6	12	80	—	—	—	—	91	122		
128	227	5	—	108	34	—	—	—	—	133	227		
211	214	—	—	—	—	—	—	—	—	211	214		
175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	175	—	3879	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	345	—
—	4745	—	200	706	—	—	150	421	—	—	4795	9831	39
52	145	—	7	135	66	—	—	—	—	52	152	12312	10
15	24	—	—	—	—	—	—	—	—	15	24		
454	1222	—	6	200	30	—	—	—	—	454	1228		
26	26	8	—	65	35	—	—	—	—	34	26		
102	—	—	—	—	—	—	—	—	—	102	—		
290	280	32	32	997	—	—	—	—	—	322	312	8080	54
100	100	—	—	—	—	—	—	—	—	100	100	2366	43

Число учрежденій	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій
19	Коллекція слѣпковъ съ работъ изъ слоновой кости . . . Фотографій и другихъ снимковъ . . . . Хромолитографій, литографій и гравюръ (листовъ) . . . Амфоръ древнихъ и ручекъ съ клеймами . . . . Древнегреческихъ живописныхъ вазъ . . . . Оригинальныхъ скульптуръ (терракотты и проч.). . . . Дактимотека Липперта . . . . Мелкихъ древностей . . . . Утвари . . . . Оригинальныхъ масляныхъ картинъ . . . . **Минцъ-кабинетъ.** Монетъ золотыхъ, серебрянныхъ и мѣдныхъ . . . . . Моделей русскихъ и иностранныхъ . . . . Утвари . . . .

Въ нихъ состояло къ 1 января 1881 года		Вновь пріобрѣтено въ 1881 году				Въ теченіе 1881 году убыло				За симъ состояло къ 1 января 1882 года			
Нумеровъ	Экземпляр.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб.	к.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб	к.	Нумеровъ	Экземпляр.	На сумму руб.	к.
1	125	—	—	—	—	—	—	—	—	1	125	160	—
703	1784	210	—	150	—	—	—	—	—	913	1784	1516	86
133	243	—	—	--	—	—	—	—	—	133	243	166	80
169	166	—	—	—	—	—	—	—	—	169	166	—	—
10	1	1	—	3	—	—	—	—	—	11	1	667	85
77	90	—	—	—	—	—	—	—	—	77	90	55	—
2000	2000	—	—	—	—	—	—	—	—	2000	2000	112	50
185	220	—	—	—	—	—	—	—	—	185	220	80	75
37	40	—	—	—	—	—	—	—	—	37	40	1468	—
8	8	61	61	пожертв Самсоно	ов. ва	—	—	—	—	69	69	—	—
2843	2950	89	—	117	—	—	—	—	—	2932	2950	2131	45
1129	1129	--	—	—	—	—	—	—	—	1129	1129		
1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1		

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Новороссійскаго Общетсва Естествоиспытателей при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ въ 1881/2 ак. году.

Въ истекшемъ году дѣятельность Новороссійскаго Общества естествоиспытателей выразилась, какъ и въ предъидущіе годы, главнымъ образомъ 1) въ научныхъ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ членами Общества въ его засѣданіяхъ, 2) въ изданіи спеціальныхъ работъ по естественнымъ и математическимъ наукамъ и 3) въ снаряженіи экскурсій.

I. Научныя сообщенія, имѣвшія мѣсто въ засѣданіяхъ 1881/2 академическаго года, были слѣдующія: *Д. А. Кожевникова* — «объ анатомическомъ строеніи вѣнчика». 2) Проф. *В. Н. Лигина* — «объ отношеніи скоростей въ механизмахъ Поселье, Гарта и Кемпе». 3) Дѣйств. чл. О—ва *Габбе* — «теорія эквиполленцій» (общая часть). 4) Проф. *Преображенскаго* — о дифференціальномъ электрическомъ термометрѣ. 5) *А. В. Клосовскаго* — о метеорологическихъ особенностяхъ осени прошлаго года, 6) о распредѣленіи грозъ въ Россіи, 7) *Л. В. Рейнгарда* — три сообщенія о бактеріяхъ, 8) Проф. *И. И. Мечникова* — о зеленой мюскардинѣ и 9) *Л. А. Ришави* — о зависимости энергіи дыханія растеній отъ количества углеводовъ.

II. Въ 1881 г. вышли въ свѣтъ: III т. «Записокъ математическаго отдѣленія» Общества и 2 вып. VII т. «Запи-

сокъ» со статьями по естественнымъ наукамъ; въ первой половинѣ 1882 г. было окончено печатаніе втораго тома сочиненія Дѣйств. чл. О—ва, д-ра Э. Э. Линдемана — «Flora Chersonensis».

Третій томъ математическихъ записокъ содержитъ въ себѣ статьи: 1) *Ф. Шведова* «Théorie mathématique des formes comètaires» (suite). 2) *А. Старкова* — о сложныхъ процентахъ и текущихъ счетахъ, 3) *В. Лигина* — научная дѣятельность Мишеля Шаля, 4) *Г. Шапира* — основаніе для теоріи самыхъ общихъ кофункцій.

Второй выпускъ VII т. «Записокъ» состоитъ изъ работъ 1) *Л. Ришави* — матерьялы для лихенологической флоры Крыма, 2) *П. Бучинскаго* — къ вопросу о развитіи дождеваго червяка, 3) *Р. Прендeля* — матерьялы для геологіи сѣверовосточной части Херсонской губерніи.

III. Лѣтомъ 1881 г. экскурсировали по порученію Общества:

1) *Р. А. Прендель*, занимавшійся изслѣдованіемъ кристаллическихъ породъ въ восточной части Херсонской губерніи и въ прилегающихъ мѣстностяхъ Екатеринославской губерніи. Изслѣдованіе захватило бассейнъ р. Базавлука и верховьевъ р. Саксагани. Изъ представленной г. Пренделемъ статьи видно, что онъ обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на микроструктуру кристаллическихъ породъ, на ихъ взаимныя отношенія и ихъ генетическое сродство.

2) *Л. В. Рейнгардъ* экскурсировалъ въ окрестностяхъ Одессы (университетская дача) съ альгологическою цѣлью.

3) Экскурсіи, предпринятыя *И. М. Видгальмомъ* въ окрестностяхъ Одессы, имѣли цѣлью главнымъ образомъ рѣшеніе вопроса о появленіи филлоксеры, изслѣдованіе нѣкоторыхъ недавно появившихся вредныхъ двукрылыхъ, опредѣленіе насѣкомыхъ, истребляющихъ табачныя плантаціи и собираніе данныхъ относительно распространенія грибныхъ эпидемій между итальянскою саранчею и другими вредными насѣкомыми.

4) *В. М. Репяховъ*, представившій Обществу краткій отчетъ о своихъ экскурсіяхъ и напечатавшій о полученныхъ имъ результатахъ небольшую предварительную замѣтку въ № 94 Zoologischer Anzeiger (за 1881 г.), воспользовался полученной имъ отъ Общества субсидіей для того, чтобы изслѣдовать (въ Крыму) раннія стадіи развитія двухъ кольчатыхъ червей — polygordius flavocapitatus и saccocirrus papillocercus.

IV. Въ 1881/2 академическомъ году получены и приняты приглашенія къ обмѣну изданіями со стороны:

1) Швейцарскаго ботаническаго общества — Société Murithiènne.

2) Естественно-историческаго общества (Natural History Society) въ Montréal.

Редакцій Россійской библіографіи, Всеобщей газеты и газеты «Свѣтъ».

(Кромѣ учрежденій и раньше обмѣнивавшихся изданіями съ обществомъ).

ОТЧЕТЪ

Юридическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Дѣятельность Общества.

Дѣятельность Общества за истекшій годъ обнаружилась въ трудахъ избранной желѣзнодорожной коммисіи. По открытіи своемъ коммисія, избравъ предсѣдателемъ М. И. Малинина и въ секретари П. П. Пуцилло, имѣла 8 засѣданій, въ которыхъ, по обсужденіи общихъ, основныхъ вопросовъ желѣзнодорожнаго права, распредѣлила труды между отдѣльными членами. Изъ отдѣльныхъ членовъ въ коммисію представили свои труды предсѣдатель М. И. Малининъ, члены: П. А. Крыжановскій и П. П. Пуцилло. Трудъ г. Малинина посвященъ вопросу «о земскомъ контролѣ надъ эксплуатаціей паровыхъ желѣзныхъ дорогъ». Изложивъ основныя положенія, авторъ представилъ проектъ закона по вопросу. Проектъ состоитъ изъ трехъ частей: 1) учрежденіе земскаго контроля надъ эксплуатаціею паровыхъ желѣзныхъ дорогъ; 2) права и обязанности земскихъ желѣзнодорожныхъ агентовъ и 3) ихъ отвѣтственность. Членъ коммисіи П. А. Крыжановскій представилъ мотивированный проектъ уголовнаго закона о преступленіяхъ, направленныхъ противъ безопасности движенія по паровымъ желѣзнымъ дорогамъ.

Членъ коммисіи П. П. Пуцилло представилъ изслѣдованіе по вопросу «о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ государствомъ». Въ результатѣ изслѣдованія авторъ пришелъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Причины бездоходности и убыточности для казны и для обществъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ заключаются въ выпускѣ государственныхъ консолидированныхъ облигацій и въ принятіи на себя обязанности платить по гарантіямъ: на этихъ основаніяхъ на будущее время должна быть прекращена постройка желѣзныхъ дорогъ.

2) Дороги при иной системѣ, въ виду получаемаго съ нихъ валоваго дохода, могутъ давать значительный доходъ, равный приблизительно 6% стоимости всѣхъ дорогъ.

3) Общество и правительство сознали, что желѣзныя дороги не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ и что необходима коренная реформа желѣзно-дорожнаго хозяйства.

4) Неудовлетворительность современнаго желѣзно-дорожнаго хозяйства зависитъ не только отъ несовершенства эксплуатаціи, но и отъ тѣхъ ошибокъ, которыя допущены были у насъ при постройкѣ дорогъ.

5) Выкупъ желѣзныхъ дорогъ до срока концессій на основаніи дѣйствующихъ уставовъ не выгоденъ для государства. Условія выкупа не приведены въ соотвѣтствіе ни съ размѣромъ риска желѣзно-дорожныхъ предпринимателей, ни съ дѣйствительно затраченными на постройку капиталами.

6) Желѣзныя дороги могутъ быть пріобрѣтены государствомъ до срока концессій посредствомъ: а) добровольнаго отъ обществъ отчужденія дорогъ, б) взятія дорогъ государствомъ за долги обществъ и за нарушеніе уставовъ и в) измѣненія въ уставахъ условій выкупа законодательнымъ порядкомъ.

Означенныя труды, по разсмотрѣніи ихъ коммисіей, были съ докладомъ предсѣдателя коммисіи представлены чрезъ Совѣтъ Обществу. Совѣтъ, въ виду близившагося окончанія трудовъ Высочайше учрежденной желѣзнодорожной коммиссіи

представилъ въ оную экземпляръ упомянутыхъ трудовъ. По заслушаніи доклада о протоколахъ и трудахъ коммисіи, Общество приняло ихъ къ свѣдѣнію, не подвергая детальному разсмотрѣнію въ виду стоявшаго на очереди обсужденія но одному изъ рефератовъ.

Кромѣ трудовъ коммисіи дѣятельность общества проявляла себя въ обычныхъ засѣданіяхъ, коихъ было *семь*. При 102-хъ членахъ, имѣющихъ жительство въ Одессѣ, наибольшій составъ засѣданій по числу присутствовавшихъ былъ изъ 33-хъ лицъ, наименьшій—изъ 11.

Труды членовъ Общества.

1) М. И. Малинина: о задачахъ юриспруденціи относительно крестьянскаго права. (Рѣчь, произнесенная въ годичномъ собраніи Общества 19 февраля 1881 г.).

2) Его же вышеупомянутый трудъ объ участіи земства въ контролѣ надъ эксплуатаціей желѣзныхъ дорогъ.

3) П. А. Крыжановскаго,—о преступленіяхъ, направленныхъ противъ безопасности движенія по паровымъ желѣзнымъ дорогамъ.

4) П. И. Пуцилло,—о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ государствомъ.

5) Ф. Д. Богуцкаго, — «Предметъ изученія, предѣлы, мѣсто въ ряду другихъ наукъ и методъ юриспруденціи» (по поводу сочиненія М. Ковалевскаго: историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія исторіи права»).

6) А. Н. Кудрявцева: Краткій очеркъ наиболѣе выдающихся трудовъ по церковному праву за послѣднее пятилѣтіе (1875—1880 г.).

7) М. В. Шимановскаго — по вопросу: «можетъ-ли отвѣтчикъ въ формѣ возраженія противъ иска заявить, что договоръ, служащій основаніемъ иска недѣйствителенъ по силѣ 2 пун. 1529 ст. ч. 1 т. X и, въ силу этого просить искъ,

основанный на оспариваемомъ имъ договорѣ признать не подлежащимъ удовлетворенію?

8) А. А. Муромцева: «Толкованіе 309 ст. ул. о наказаніяхъ».

9) С. Ѳ. Березкина: — о симулятивныхъ договорахъ.

Поступили пожертвованія книгами отъ гг. Малинина, Борзенко, Любавскаго, Чижова и Шимановскаго.

КЪ ВОПРОСУ
ОБЪ ОСНОВНЫХЪ ПРИНЦИПАХЪ ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКАГО УЛОЖЕНІЯ.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Новороссійскаго университета 30 августа 1882 г.

орд. проф. М. И. Малининымъ.

Мм. Гг.!

Мнѣ приходится говорить предъ вами наканунѣ весьма важнаго законодательнаго акта, который имѣетъ своимъ предметомъ самыя существенныя стороны человѣческаго бытія, имѣетъ опредѣлить самыя необходимыя ежедневныя отношенія наши другъ къ другу. Государю Императору благоугодно было 12-го мая текущаго года положить начало законодательнымъ работамъ по составленію *Гражданскаго Уложенія*. Такое великой важности событіе, столь близко касающееся каждаго изъ васъ, столь существенное для благосостоянія и мирнаго культурнаго развитія нашего отечества, не можетъ не привлечь къ себѣ вниманія всей мыслящей Россіи. Грандіозное начинаніе законодателя вызываетъ, одинъ за другимъ, цѣлый рядъ вопросовъ, имѣющихъ глубокій теоретическій и практическій интересъ: предварительное всестороннее изслѣдованіе и удачное разрѣшеніе ихъ обусловливаютъ собою достоинства новаго уложенія и могутъ служить вѣрнымъ ручательствомъ, что оно въ примѣненіи къ жизни будетъ имѣть дѣйствительно благотворное вліяніе на куль-

турное развитіе отечества. Я не беру на себя смѣлости въ настоящей рѣчи ставить и изслѣдовать всѣ основные вопросы предпринимаемой реформы; позволю себѣ коснуться одного существеннаго вопроса, — именно вопроса *объ основныхъ принципахъ гражданскаго права*. Нѣтъ надобности доказывать, что эти принципы должны играть важную роль при составленіи гражданскаго уложенія. Это понятно само собою; ихъ важность призналъ и нашъ законодатель въ вышеупомянутомъ повелѣніи. Въ виду общепризнаннаго значенія научныхъ принциповъ въ законодательной дѣятельности я полагаю, что не безъинтересно и своевременно будетъ остановиться вниманіемъ на вопросѣ о новѣйшихъ результатахъ научныхъ изслѣдованій, насколько они относятся къ гражд. праву, и здѣсь для насъ важны тѣ научные труды, которые изслѣдуютъ *исходныя точки зрѣнія* на гражд. право и на гражданскіе законы, важно констатировать какіе принципы, руководящія идеи выработала теорія и затѣмъ, могутъ-ли и насколько могутъ эти принципы служить исходной точкой зрѣнія при составленіи русскаго Гражданскаго Уложенія.

Юридическая литература обогатилась въ недавнее время изслѣдованіями двухъ ученыхъ, которыхъ западно-европейская критика признаетъ современными представителями двухъ несогласныхъ направленій въ области изслѣдованій права, цѣня высоко заслуги и того и другаго. Я говорю о сочиненіяхъ гетингенскаго профессора Рудольфа фонъ-Іеринга и сочиненіяхъ кенигсбергскаго профессора Феликса Дана*). Іерингъ въ своемъ сочиненіи «Цѣль въ правѣ» изслѣдуетъ индивидъ, обще-

*) Der Zweck im Recht. Von Rudolf von Jhering. Это сочиненіе переведено на русскій языкъ. Die geschichtlich gesellschaftlichen Grundlagen der Ethik. Rudolf von Jhering помѣщено въ Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaft in d. Reich. Herausgeg. von Schmoller. Die Vernunft im Recht. Von Felix Dahn. Ueber Werden und Wesen des Rechts, von Felix Dahn, помѣщ. въ Zeitschrift für Vergleichende Rechtswissenschaft, Herausgeg. von Bernhöft und Cohn 1879. 2 Band, 1 Heft; 1881. 3 Band, 1 Heft.

ство и государство, насколько они проявляютъ себя, какъ главные факторы созиздающіе и осуществляющіе право; въ частности анализируетъ дѣйствіе индивида по отношенію къ самому себѣ, къ обществу и государству, въ такомъ же порядкѣ анализируетъ дѣйствія общества и государства. Центральнымъ вопросомъ всего изслѣдованія является вопросъ, какая сила движетъ въ области права каждымъ въ отдѣльности факторомъ и всѣми вмѣстѣ, въ чемъ заключается жизненный нервъ, вызывающій дѣйствія и отношенія, въ совокупности своей составляющія право, чѣмъ опредѣляется содержаніе и направленіе этихъ дѣйствій и отношеній, какъ бы они нибыли просты, мелки, незначительны или сложны, всеобъемлющи и продолжительны.

Ключь къ разрѣшенію вопроса Іерингъ прежде всего ищетъ въ *природѣ человѣка* какъ физической, такъ и вообще въ той, какая проявляется въ дѣйствіяхъ человѣка какъ члена общества. Простыя обыденныя наблюденія и подтверждающіе ихъ факты исторіи свидѣтельствуютъ, что человѣкъ по природѣ своей и по своимъ дѣйствіямъ всегда представлялъ собою сліяніе двухъ міровъ—внутренняго психологическаго и внѣшняго физическаго.

Каждое *дѣйствіе* человѣка (не явленіе) представляетъ сліяніе обоихъ міровъ и начинается психологическимъ моментомъ, именно въ человѣкѣ есть способность къ *представленію*. Въ душѣ всплываетъ образъ, представленіе будущаго, возможнаго состоянія, которое обѣщаетъ ему большее удовлетвореніе, чѣмъ то состояніе, въ какомъ онъ находится въ данный моментъ. Причина возникновенія такого или иного представленія лежитъ отчасти въ самомъ субъектѣ, его индивидуальности, характерѣ, принципахъ, его воззрѣніяхъ на жизнь, отчасти же во внѣшнихъ вліяніяхъ. Разъ возникаетъ такое представленіе оно служитъ *побужденіемъ* осуществить, достигнуть представляемое состояніе, вызываетъ *хотѣніе*, которому человѣкъ или слѣдуетъ или не слѣдуетъ, совершаетъ дѣйствіе въ желанномъ направленіи или не совершаетъ—*разумъ* даетъ ему то или другое рѣшеніе.

Каждое дѣйствіе человѣка предполагаетъ наличность трехъ психическихъ моментовъ: представленіе, которое служитъ цѣлью дѣйствія, воля или хотѣніе достигнуть цѣли и разумъ, который рѣшаетъ слѣдовать или нѣтъ хотѣнію. По мнѣнію Іеринга весь этотъ психологическій процессъ опредѣляется цѣлію и совершается по цѣлевому закону.

Коль скоро психологическій процессъ заканчивается рѣшеніемъ осуществить цѣль — съ этого момента психическія силы являются во внѣшнемъ мірѣ — совершается дѣйствіе. Здѣсь, во внѣшнемъ мірѣ дѣйствуетъ другой законъ, *законъ причинности*, совершенно отличный отъ цѣлеваго закона, по которому совершается психологическій процесъ. Явленія внѣшнаго міра совершаются такъ, а неиначе, вслѣдствіе механическихъ причинъ; камень падаетъ не для того, чтобы упасть, а потому, что онъ долженъ упасть, т. е. потому что онъ лишенъ точки опоры. Человѣкъ-же, совершающій дѣяніе, совершаетъ его для того, чтобы дѣяніемъ достигнуть того или другаго результата. Предметъ, подвергшійся внѣшнему воздѣйствію, остаетси пассивнымъ, надъ нимъ въ данный моментъ выполняется физическій законъ причинности; живое существо, приводимое въ движеніе цѣлью, представляется самостоятельнымъ, оно дѣйствуетъ по принятому его волею рѣшенію. Само собою разумѣется, человѣкъ, по физической своей природѣ, составляя часть внѣшняго, физическаго міра, проявляя свои дѣйствія въ этомъ мірѣ, необходимо встрѣчается съ законами этого міра. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о тѣхъ случаяхъ, когда силы природы дѣйствуютъ на человѣка помимо его воли, и когда роль его чисто пассивная. Для насъ важны тѣ отношенія человѣка къ природѣ, въ которыхъ можетъ играть роль его психологическій процессъ. Чтоже мы видимъ тогда? Какъ только психологическій процессъ вступаетъ въ область внѣшняго міра, переходитъ въ дѣйствіе, человѣкъ здѣсь не можетъ идти на перекоръ закону причинности; помимо того, для осуществленія психологическаго процесса во внѣ, нужно содѣйствіе этого закона. И человѣкъ, благодаря изученію законовъ природы и условій ихъ дѣйствія, пользуется ими приводя въ

движеніе для своихъ цѣлей. Въ этомъ смыслѣ воля человѣка подчиняетъ себѣ природу, являясь въ ней закономъ причинности. Итакъ, дѣйствія человѣка во внѣшнемъ мірѣ, не нарушая закона причинности, совершаются по цѣлевому психологическому закону.

Тотъ-же цѣлевой законъ опредѣляетъ дѣйствія человѣка и по отношенію къ другимъ людямъ. И здѣсь, повидимому, бываютъ исключенія, когда не цѣль, а законъ причинности опредѣляетъ дѣйствія, напр. дѣяніе совершается вслѣдствіе принужденія, по повелѣніямъ законовъ государства, по привычкѣ, когда совершая дѣяніе мы ни о чемъ не думаемъ. Разсмотримъ *принужденіе*. Когда разбойникъ учиняетъ насиліе, отнимаетъ часы и кошелекъ, тутъ дѣйствій со стороны потерпѣвшаго нѣтъ, онъ пассивный объектъ, дѣйствуетъ разбойникъ. Слѣдовательно положеніе жертвы насилія таково, каково бываетъ, когда на человѣка дѣйствуютъ какія либо стихійныя физическія силы, тутъ психологическій процессъ его не причемъ. Иное дѣло, когда жертва въ состояніи бороться, здѣсь человѣкъ соображаетъ, въ силахъ-ли онъ отразить нападеніе и слѣдовательно если вступаетъ въ борьбу — имъ руководитъ цѣль отразить нападеніе. Точно также если разбойникъ дѣйствуетъ не насиліемъ, а угрозою. Здѣсь потерпѣвшій дѣйствуетъ. Но дѣйствуетъ-ли по извѣстной причинѣ или ради какой либо цѣли? Безъ сомнѣнія ради цѣли. Онъ отдаетъ часы и кошелекъ для того, чтобы спасти жизнь. Точно также если человѣкъ совершаетъ дѣйствія *по предписанію законовъ* государства, развѣ онъ дѣйствуетъ несвободно, развѣ требованіе закона исключаютъ психологическій процессъ? Далеко нѣтъ. При исполненіи закона возможенъ и дѣйствуетъ психологическій процессъ, для воли возможенъ выборъ Правда, при исполненіи закона мы часто дѣйствуемъ по привычкѣ, но когда впадаемъ въ искушеніе нарушить законъ, мы, подвергнувъ себя точному изслѣдованію, всегда найдемъ, что руководимся какою либо цѣлью. Наконецъ *въ дѣйствіяхъ попривычкѣ*, совершая которыя мы ни о чемъ не думаемъ, нельзя отрицать присутствія цѣли. Первоначально

болѣе или менѣе сознаваемая цѣль вызывала въ отдѣльномъ лицѣ, какъ и въ цѣломъ народѣ извѣстный образъ дѣйствій, частое же повтореніе одного и того-же образа дѣйствія, изъ однихъ и тѣхъ-же побужденій, съ одинаковою цѣлью слило до такой степени въ одно и дѣяніе и цѣль, что цѣль перестала являться ощутительнымъ для сознанія моментомъ волеваго процесса, но она съ несомнѣнностью является въ сознаніи, какъ скоро человѣкъ начинаетъ анализировать дѣйствія, совершаемыя имъ по привычкѣ. Такимъ образомъ дѣйствія человѣка по отношенію къ другимъ опредѣляются цѣлевымъ закономъ.

Изложенное воззрѣніе Іеринга можно резюмировать такъ: всѣ дѣйствія человѣкъ совершаетъ по цѣлевому закону, это значитъ, что всѣ дѣйствія совершаются въ силу того, что человѣкъ способенъ имѣть представленія; имѣя представленія человѣкъ чувствуетъ воленіе къ осуществленію этихъ представленій, причемъ разумъ является служебной силой, дающей основаніе слѣдовать или не слѣдовать хотѣнію. Отсюда, первоисточникомъ человѣческихъ дѣйствій нужно признать способность представленія, которое въ дѣйствіи является цѣлью, вызываетъ волю и опредѣляетъ съ помощью разума рѣшеніе воли.

Такова исходная точка зрѣнія Іеринга. Теперь перейдемъ къ изслѣдованію его о тѣхъ дѣйствіяхъ, которые въ совокупности своей составляютъ область права вообще и въ частности права гражданскаго И здѣсь, въ области права дѣйствія человѣка опредѣляются тѣмъ-же цѣлевымъ закономъ. Но для насъ важенъ дальнѣйшій вопросъ, чѣмъ опредѣляется *содержаніе* психологическаго процесса, содержаніе представленій или иначе говоря чѣмъ опредѣляется въ этой области цѣль по своему содержанію? На этотъ вопросъ Іерингъ категорически отвѣчаетъ: силою опредѣляющею содержаніе цѣли въ правѣ служитъ *эгоизмъ*.

Человѣкъ созданъ такимъ, что чувствуетъ наслажденіе и страданіе; жизнь представляется для него благомъ настолько, насколько онъ больше получаетъ наслажденій, чѣмъ страданій. По-

нятно, человѣкъ заинтересованъ въ томъ, чтобы въ его жизни былъ перевѣсъ суммы наслажденій надъ суммою страданій. Потому вся дѣятельность его направлена къ организаціи такихъ условій бытія, при которыхъ ощущалось бы больше наслажденій, чѣмъ страданій. Потребность наслажденія вытекаетъ изъ природы человѣка, удовлетвореніе этой потребности ощущается также природою человѣка. Такимъ образомъ причина и цѣль воли человѣка въ немъ самомъ, онъ дѣйствуетъ «ради самого себя». Словомъ, человѣкъ созданъ быть эгоистомъ. Онъ остается эгоистомъ въ обществѣ и государствѣ. Всюду эгоизмъ — основный мотивъ его дѣйствій. Но если такъ, какимъ же образомъ возможно существованіе общества и государства? Прежде всего Іерингъ обращаетъ вниманіе на то, что эгоизмъ не исключаетъ дѣйствій для другихъ. Эгоизмъ требуетъ, чтобы другіе содѣйствовали его цѣлямъ, а такое содѣйствіе лучше всего пріобрѣтается путемъ соединенія собственной цѣли съ чужимъ интересомъ. Необходимость содѣйствія другихъ, обусловливается тѣмъ, что человѣкъ по своимъ потребностямъ находится въ зависимости отъ себѣ подобныхъ, самъ своими силами не можетъ ихъ удовлетворить, и эта необходимость содѣйствія такъ велика, что человѣкъ былъ-бы самымъ несчастнымъ существомъ на свѣтѣ, еслибы удовлетвореніе его потребностей зависѣло отъ случая и если-бы онъ не могъ съ увѣренностью разсчитывать на содѣйствіе другихъ. Жизнь въ обществѣ даетъ индивиду обезпеченное удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. Такимъ образомъ эгоизмъ создаетъ такія отношенія, которыя представляютъ наиболѣе обезпеченное удовлетвореніе его потребностей; словомъ эгоизмъ служитъ основою общества, создаетъ въ обществѣ организованную систему удовлетворенія. Эту систему Іерингъ называетъ *гражданскимъ оборотомъ*. Общая характеристическая черта оборота заключается въ томъ, что человѣкъ получаетъ отъ другаго то, что ему нужно для удовлетворенія своихъ потребностей, отдавая взамѣнъ другому что тому нужно, такимъ образомъ происходитъ обмѣнъ, перемѣщеніе средствъ удовлетворенія потребностей. Эта возмездность въ оборотѣ отличи-

тельная черта его; она-то и привлекаетъ эгоизмъ къ обороту. Но служа себѣ, эгоизмъ въ оборотѣ служитъ другимъ, содѣйствуетъ другимъ въ достиженіи ихъ цѣлей. Потому, живѣйшій интересъ эгоизма заключается въ томъ, чтобы быть къ услугамъ всякаго всегда и въ какой угодно формѣ; чѣмъ больше пользуются другіе его услугами, тѣмъ большее онъ получаетъ возмездіе. Отсюда далѣе само собою слѣдуетъ, что оборотъ основанный на эгоизмѣ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ взаимодѣйствіе интересовъ и въ результатѣ даетъ обществу и каждому члену въ отдѣльности обезпеченнее удовлетвореніе потребностей. Въ виду этого Іерингъ признаетъ оборотъ, основанный на системѣ эгоизма, высшимъ культурнымъ закономъ исторіи, и чѣмъ больше удается, говоритъ онъ, обороту во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ обосновать удовлетвореніе человѣческихъ потребностей исключительно на началахъ эгоизма, жаждѣ пріобрѣтенія и своекорыстіи, тѣмъ лучше выполнитъ онъ свою задачу.

Въ результатѣ Іерингъ приходитъ къ убѣжденію, что эгоизмъ есть сила имѣющая въ виду жалкое преходящее *я* съ его скудными интересами и эта-же сила творитъ дѣла и формы, предъ которыми индивидъ, что червь въ сравненіи съ горой. «И тутъ, говоритъ Іерингъ, мы находимъ анологическое явленіе въ природѣ: меловыя скалы и инфузорій; животное, едва доступное невооруженному глазу, создаетъ цѣлые кряжи горъ. Инфузорія—это эгоизмъ, живущій исключительно для себя и созидающій міръ».

Какія-же дѣла творитъ эгоизмъ, какой міръ онъ созидаетъ? Въ области насъ занимающей, въ области гражданскаго права, по мнѣнію Іеринга, эгоизмъ, создавая оборотъ, разрѣшаетъ слѣдующія соціальныя проблеммы: независимость лица, равенство и идею справедливости.

При развитомъ оборотѣ человѣку открывается возможность удовлетворять свои потребности. Въ цивилизованной странѣ достаточно поденной платы простаго рабочаго для того, чтобы за нее онъ могъ получить продукты труда тысячи людей. Принципъ раздѣленія труда въ производствѣ предметовъ по-

требленія, большое число потребителей — вотъ основанія, почему оборотъ открываетъ возможность наиболѣе дешеваго и полнаго удовлетворенія потребностей индивида. Такая возможность дѣлаетъ человѣка независимымъ отъ случайностей въ удовлетвореніи, лишь бы было у него чѣмъ вознаградить за удовлетвореніе. Далѣе, оборотъ создаетъ *равенство*. Онъ совершенно равнодушенъ къ лицу; всякій кто бы онъ ни былъ, можетъ быть потерявшій достоинство гражданина государства, доброе имя въ обществѣ, отверженный церковью,—всякій можетъ пользоваться услугами оборота, лишь-бы имѣлъ деньги, слѣд. ему оборотъ обезпечитъ возможность бытія, соотвѣтствующаго культурнымъ условіямъ его времени.

Наконецъ, третья соціальная проблемма рѣшаемая оборотомъ — это *идея справедливости*. Справедливость есть равновѣсіе между дѣяніемъ и послѣдствіями его для совершившаго это дѣянія. Въ оборотѣ въ среднемъ выводѣ каждая сторона получаетъ столько, сколько сама даетъ, т. е. регулярно вознагражденіе является эквивалентомъ. Здѣсь установленіе эквивалента представляется результатомъ самыхъ тщательныхъ, безпрерывно возобновляемыхъ изслѣдованій и опытовъ заинтересованными въ немъ лицами; здѣсь вознагражденіе столь-же чувствительно, какъ ртуть въ барометрѣ, оно поднимается и падаетъ при малѣйшихъ измѣненіяхъ въ экономической атмосферѣ Итакъ, по ученію Іеринга, эгоизмъ есть зиждущая сила въ человѣчествѣ, онъ создаетъ оборотъ, создаетъ культуру и разрѣшаетъ высшія соціальныя проблеммы. Но для полнаго своего значенія эгоизмъ требуетъ одного существеннаго условія: создавая оборотъ, эгоизмъ нуждается въ гарантіяхъ, которыя бы обезпечивали исполненіе того, что каждый долженъ сдѣлать въ оборотѣ; и вотъ эгоизмъ вызываетъ существованіе *права*, а послѣднее для своей дѣйствительности нуждается въ принужденіи къ исполненію его предписаній; необходимость принужденія вызываетъ существованіе государства и государственной власти. Государство и право именно и характеризуются, по мнѣнію Іеринга, тѣмъ, что они исполняютъ функціи

принужденія. Отсюда само собою слѣдуетъ, что право должно быть къ услугамъ эгоизма, законы гражданскіе—обезпеченіемъ эгоистической системы самоподдержанія.

Таковъ выводъ вытекающій съ логическою необходимостью изъ основной точки зрѣнія Іеринга.

Что эгоизмъ такъ сказать присущъ людямъ, что онъ создаетъ гражданскій оборотъ — это несомнѣнный историческій фактъ, ежедневно подтверждающійся цѣлой массой новыхъ фактовъ обыденной жизни Но самъ по себѣ, по своему источнику, по своимъ цѣлямъ эгоизмъ даннаго лица замыкается кругомъ интересовъ этого лица, но мало того, преслѣдуя свои цѣли, эгоизмъ въ борьбѣ интересовъ посягаетъ на другія личности, эксплуатируетъ, давитъ ихъ и въ концѣ концовъ при такомъ господствѣ эгоизма неминуемо должно послѣдовать то, что благами жизни пользовались бы только личности, которыя воспитали въ себѣ страсть своекорыстія, пріобрѣли ловкость къ наживѣ, и, напротивъ, плохо жилось бы тѣмъ, которыя отличаются высокими нравственными, умственными, религіозными и эстетическими достоинствами, составляющими гордость и славу культурныхъ народовъ. Такое преобладаніе однихъ и вслѣдствіе того угнетенное состояніе другихъ должно наступить какъ неминуемое роковое послѣдствіе признанія законодателемъ эгоистической системы. Наконецъ тѣ соціальныя проблемы, къ разрѣшенію которыхъ долженъ стремиться юридическій бытъ и которыя будто разрѣшаются эгоизмомъ — въ существѣ оказываются далеко не разрѣшенными. Можно-ли довольствоваться той независимостью, какую указываетъ Іерингъ какъ результатъ эгоизма. Можно-ли считать, что члены даннаго общества *независимы*, если они видятъ напримѣръ желательные предметы потребленія, но не имѣютъ средствъ пріобрѣсти ихъ, или купить, если эгоизмъ ловкихъ людей ставитъ ихъ въ положеніе жертвы эксплуатаціи и каждое пріобрѣтеніе будетъ съ ихъ стороны дань эгоисту, вовсе ему неслѣдующая; такимъ образомъ независимость, о которой говоритъ Іерингъ, въ сущности ни есть-ли призрачная? Не есть-ли это скорѣе зави-

симость отъ произвола и каприза эгоиста. Далѣе, можно-ли называть идеаломъ *равенства* то равенство, какое создается эгоизмомъ? Въ гражданскомъ оборотѣ, построенномъ по системѣ эгоизма, самый отъявленный негодяй, отвергнутый обществомъ, церковью и государствомъ пользуется всѣми благами оборота наравнѣ съ другими, и вотъ, говорятъ, это равенство, это разрѣшеніе соціальной проблеммы!

Наконецъ, можно-ли признать, что въ эгоистическомъ оборотѣ осуществляется идея справедливости, что здѣсь происходитъ обмѣнъ равноцѣнныхъ стоимостей, т. е. что трудъ получаетъ соотвѣтственное ему вознагражденіе, вещь пріобрѣтается за соотвѣтственную ей цѣну и т. д.? Можно только одно сказать, что еслибы дѣйствительно одинъ эгоизмъ опредѣлялъ оборотъ, еслибы не было другихъ факторовъ, то здѣсь менѣе всего было-бы справедливости и болѣе всего безпощадной эксплуатаціи.

Итакъ, эгоизмъ неизбѣжный факторъ гражд. оборота, но онъ самъ по себѣ не можетъ разрѣшать соціальныхъ проблемъ, вѣрнѣе—его дѣло разрушать соціальные идеалы. Къ счастью эгоизмъ вовсе неединственный факторъ. Никто не можетъ отрицать, что въ основѣ дѣйствій людей по отношенію другъ къ другу, къ обществу и къ государству не всегда лежитъ эгоизмъ, не всегда человѣкъ имѣетъ въ виду свой интересъ, есть не мало случаевъ, когда имѣется въ виду интересъ не свой, а другихъ, когда человѣкъ дѣйствуетъ — безкорыстно и съ самоотреченіемъ. Во имя чего въ такихъ случаяхъ дѣйствуетъ человѣкъ?

Тѣневыя стороны эгоизма на столько очевидны, что изслѣдователь не можетъ ихъ игнорировать. Іерингъ и не обходитъ ихъ, но средство къ устраненію вредныхъ сторонъ эгоизма онъ ищетъ все въ томъ-же эгоизмѣ; въ результатѣ выходитъ, что эгоизмъ приводитъ къ самоограниченію и даже къ самоотреченію!

«Реальный діалектикъ» какъ нѣмецкая критика называетъ Іеринга, аргументируетъ такъ: руководясь эгоизмомъ,

человѣкъ стремится удовлетворить свои потребности, но одными своими силами не можетъ, ему нужно содѣйствіе другихъ, и вотъ является совмѣстная жизнь — является совокупность индивидовъ, такъ сказать коллективная личность. И для этой личности первѣйшей потребностью служитъ самоподдержаніе, отсюда являются свои интересы, неразрывно связанные съ цѣлями самоподдержанія, является дѣятельность направленная къ той цѣли. Словомъ является тотъ же эгоистъ, но нѣсколько другаго типа—коллективный эгоистъ. Его интересы—коллективные, *общіе интересы*, ихъ онъ стремится осуществить, во имя ихъ подчиняетъ себѣ индивидуальный эгоизмъ. Общіе интересы, по существу своему, должны заключать въ себѣ частицу блага для каждаго отдѣльнаго члена коллективной личности, каждый индивидъ призывается содѣйствовать достиженію общей цѣли, которая есть частица и его личнаго блага. И вотъ индивидъ родится, живетъ и дѣйствуетъ въ такомъ строѣ. Понятно, такое положеніе не можетъ не оказывать на него вліянія. Здѣсь необходимо въ индивидѣ возникаетъ представленіе объ общемъ интересѣ, которое долгимъ историческимъ путемъ развивается наконецъ до сознанія этическаго назначенія бытія, т. е. до сознанія. что нужно жить и дѣйствовать не только для себя, но и для другихъ. Сознаніе этическаго бытія и есть источникъ того самоотреченія, которое заявляетъ себя въ гражданскомъ быту въ противоположность индивидуальному эгоизму, оно-же должно служить источникомъ ограниченія эгоизма, устраняя его тѣневыя антисоціальныя проявленія въ гражданскомъ оборотѣ. Какимъ-же образомъ можетъ совершаться это обратное дѣйствіе? Двояко: путемъ свободнаго самоограниченія и самоотреченія индивидомъ своего эгоизма и мѣрами принужденія. Въ послѣднемъ случаѣ принудительныя мѣры принимаетъ коллективный эгоизмъ; наиболѣе реальной мѣрой является положительный законъ, который по волѣ законодатетеля въ той или другой степени ограничиваетъ индивидуальный эгоизмъ, заставляетъ индивида дѣйствовать въ пользу общихъ интересовъ.

Слѣдя за развитіемъ исходной точки зрѣнія Іеринга, мы подошли къ второму занимающему насъ вопросу, именно къ вопросу, насколько положительное гражданское законодательство должно слѣдовать отвлеченнымъ принципамъ, далѣе, насколько гражданское законодательство въ силу этихъ принциповъ можетъ ограничивать индивидуальный эгоизмъ, сферу индивидуальной свободы въ пользу общихъ интересовъ, въ какой мѣрѣ, ограничивая эгоизмъ можетъ потребовать отъ индивида служенія общимъ интересамъ? «Удастся-ли когда либо съ надлежащей ясностью опредѣлить эту мѣру»? спрашиваетъ Іерингъ, и отвѣчаетъ: «Я сомнѣваюсь въ томъ», «по моему мнѣнію, говоритъ онъ, такой вопросъ будетъ постоянно условнымъ, подвижнымъ. По мѣрѣ развитія общества, цѣлей, постоянно вновь нарождающихся, и требованій, подступающихъ къ нему, измѣняется и представленіе объ обязанностяхъ индивида по отношенію къ обществу».

И такъ у Іеринга мы находимъ изслѣдованіе основныхъ принциповъ права вообще и гражданскаго права въ частности, но онъ отказывается изслѣдовать вопросъ о примѣненіи этихъ принциповъ въ положительныхъ гражданскихъ законахъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію основной исходной точки зрѣнія на право другаго автора — Дана, считающагося представителемъ другаго направленія. Постараемся быть возможно краткими, укажемъ существенныя черты его воззрѣній, насколько онѣ представляютъ различіе отъ воззрѣній Іеринга. Признавая, что природа человѣка имѣетъ постоянныя неизбѣжныя потребности, Данъ видитъ въ нихъ реальные источники права, но съ развитіемъ интеллектуальныхъ силъ человѣка, на ряду съ реальными источниками, существуютъ идеальные источники, на ряду съ внѣшней необходимостью *внутренняя логическая необходимость права*. Въ чемъ же заключается эта внутренняя логическая необходимость? Въ постоянномъ и неизмѣнномъ законѣ человѣческаго мышленія. Законъ мышленія состоитъ въ томъ, что человѣкъ имѣетъ логическую потребность каждый отдѣльный фактъ, каждое явленіе подводить подъ

логическую необходимость, подводить подъ *законъ*, т. е. имѣетъ потребность искать законы или причину, которая произвела такое явленіе. Эта потребность и способность логической субсумціи господствуетъ и по отношенію фактовъ, явленій и дѣйствій въ области права. И здѣсь всѣ явленія, въ силу настойчивой потребности человѣческаго мышленія, должны быть субсумированы подъ высшіе принципы не произвольные, но удовлетворяющіе требованіямъ разума. Человѣческое общество съ взаимными внѣшними отношеніями членовъ его между собою и къ внѣшнему міру должно отвѣчать требованіямъ разума, порядокъ этихъ отношеній долженъ быти разумнымъ порядкомъ. Исполненіе этого требованія разума есть право. Идея права есть общечеловѣческая идея, такъ какъ у всѣхъ людей законъ мышленія одинъ и тотъ же, слѣдовательно каждое человѣческое общество, каждый народъ имѣетъ порядокъ долженствующій отвѣчать требованіямъ разума народа. Но внѣшнее проявленіе идеи права повсюду у каждаго народа обусловлено національностью и исторіей, и слѣдовательно право, какъ внѣшній порядокъ отношеній членовъ даннаго народа между собою, не можетъ быть абсолютнымъ, оно всегда относительно. Какой же критерій для опредѣленія того, что правовый порядокъ даннаго народа удовлетворяетъ требованіямъ разума этого народа? — Такимъ критеріемъ является *народное чувство*; если оно представляетъ собою гармонію между правами индивида и его обязанностями, это значитъ, что правовый порядокъ близокъ къ идеалу.

Мм. гг. Я старался очертить передъ вами результаты современныхъ научныхъ изслѣдованій по вопросу объ основныхъ принципахъ права, подвести итоги того, что сдѣлано наукою въ лицѣ признанныхъ представителей ея — Іеринга и Дана.

Сравнивая труды обоихъ названныхъ представителей, нельзя не видѣть въ чемъ по существу они различны и въ чемъ согласны. Одинъ силой создающей право признаетъ эгоизмъ индивида и эгоизмъ общества. Эгоизмъ общества, преслѣдуя общія цѣли, движимый общими интересами, имѣетъ преимущество уже

потому, что создаетъ условія жизни для массы, далѣе потому, что только въ обществѣ вырабатываются нравственные принципы, которые воспитываютъ въ гражданахъ сознаніе этическаго назначенія бытія и чѣмъ больше общество развиваетъ въ индивидахъ это сознаніе, тѣмъ больше осуществляется солидарность интересовъ индивида и общества. Такимъ образомъ по ученію Іеринга первоисточникомъ права является индивидуальный эгоизмъ, общество же, общественный эгоизмъ представляетъ второй моментъ въ правѣ — порождаетъ этическое сознаніе бытія. Насколько въ положительныхъ законодательствахъ, особенно въ гражд. законахъ можно поступаться частнымъ интересомъ въ пользу общихъ интересовъ, индивидомъ въ пользу общества — этотъ вопросъ Іерингъ оставляетъ открытымъ. Но нѣкоторые послѣдователи Іеринга пошли далѣе своего учителя и проводятъ тенденцію, что прогрессъ въ гражданскихъ законахъ долженъ состоять въ томъ, чтобы постепенно расширялись общія цѣли на счетъ частныхъ, общество на счетъ индивида. Но при такой тенденціи солидарность интересовъ индивида и общества не будетъ-ли собственно поглощеніемъ перваго послѣднимъ при посредствѣ права и законовъ и значитъ путемъ принужденія?

Въ противуположность воззрѣніямъ Іеринга Данъ, признавая на ряду съ другими реальными источниками права и потребности физической природы человѣка, порождающія эгоистическія дѣйствія, въ той же природѣ индивида признаетъ и другой источникъ права — *идеальный*. Въ этомъ заключается существенное различіе въ исходной точкѣ зрѣнія Дана отъ Іеринга. Не общество первоисточникъ идеаловъ и нравственныхъ принциповъ въ человѣчествѣ; общество, окружая индивидъ тѣми или другими условіями существованія, такъ или иначе вліяетъ на развитіе идеаловъ индивида, но само по себѣ оно не можетъ создавать и осуществлять идеалы, идеалы могутъ имѣть носителемъ своимъ только индивида, живое, чувствующее, мыслящее и дѣйствующее существо.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое общество само по себѣ? Это — абстрактное понятіе, существованіе общества есть сущест-

вованіе отдѣльныхъ индивидовъ и проявляется только въ томъ, что индивиды способны имѣть абстрактное понятіе объ общихъ интересахъ и дѣйствовать къ достиженію ихъ. Стало быть, что такое идеалы общественной жизни? или, говоря терминами Іеринга, что такое этическое сознаніе бытія? Это идеалы или сознаніе отдѣльныхъ индивидовъ. Что такое дѣйствія въ интересахъ общества? Это дѣйствія опять таки индивида согласно идеалу, который онъ носитъ въ своей душѣ. И такъ, само по себѣ общество обстрактное понятіе, и потому оно не можетъ быть первоисточникомъ права; живой неизсякаемый первоисточникъ права — только одинъ — это индивидъ, представляющій собою нераздѣльное цѣлое физическихъ и идеальныхъ потребностей. Въ индивидѣ можетъ возникать, развиваться, крѣпнуть и осуществляться данный идеалъ отношеній къ другимъ людямъ. Тотъ-же идеалъ можетъ образоваться и въ цѣлыхъ сотняхъ тысячъ другихъ членовъ общества, особенно при одинаковыхъ условіяхъ жизни и развитія, даваемыхъ индивидамъ жизнью въ данномъ обществѣ. Но такое единство и тождество идеаловъ не можетъ исчерпывать ихъ первоисточника. Ни одинъ идеалъ общественный, какъ бы онъ ни былъ величественъ, не могъ бы существовать и осуществляться, если бы закрывался его первоисточникъ; лишите индивидъ развитія его индивидуальныхъ физическихъ и духовныхъ силъ и способностей,—неминуемо будетъ тоже, что бываетъ и съ рѣкой, которая благодаря обилію своихъ водъ способна была играть міровую роль, но источники и притоки которой закрылись: рѣка неминуемо измельчаетъ, превратится въ болото, поблекнутъ и измельчаютъ и общественные идеалы, если въ обществѣ начнется отрицаніе, игнорированіе индивида, хотя бы во имя обстрактнаго понятія общества и общественныхъ интересовъ; эти послѣдствія тѣмъ болѣе неминуемы, если отрицаніе индивида и преобладаніе обстрактнаго понятія объ обществѣ и общественныхъ интересахъ возвести въ систему, положить въ основу правового строя и гражданскихъ законовъ, какова какъ мы видѣли тенденція нѣкоторыхъ послѣдователей Іеринга. Я позволю себѣ

высказать убѣжденіе, что не такова должна быть и не будетъ такова тенденція русскаго Гражданскаго Уложенія.

Область частно-правныхъ отношеній, опредѣляемыхъ Гражданскимъ Уложеніемъ, есть область, гдѣ индивидъ становится лицомъ къ лицу въ другому индивиду въ своихъ дѣйствіяхъ по удовлетворенію своихъ потребностей. Здѣсь законодатель у первоисточника права; предъ нимъ реальные источники — физическія потребности индивида, и «идеальные источники», — тотъ психологическій законъ, въ силу котораго человѣкъ стремится умомъ и чувствомъ къ высшей идеѣ. Оба эти источника въ природѣ человѣка, оба ихъ законодатель не можетъ не признать въ каждомъ индивидѣ, и это признаніе должно служить исходной точкой Гражданскаго Уложенія.

Конкретное примѣненіе въ гражданскихъ законахъ отвлеченнаго принципа, какъ мы видѣли (Іерингъ), считается однимъ изъ самыхъ трудныхъ и даже неразрѣшимыхъ вопросовъ. Такая неразрѣшимость представляется, если въ основу частно правныхъ отношеній положить принципъ, не примѣнимый въ этой сферѣ, — принципъ общественныхъ интересовъ. Задача для законодателя дѣйствительно будетъ трудна и неразрѣшима, если онъ въ гражданскихъ законахъ будетъ опредѣлять мѣру, въ какой индивидъ въ своихъ ежедневныхъ отношеніяхъ къ другимъ индивидамъ долженъ отказываться отъ самого себя во имя обстрактнаго понятія общественныхъ интересовъ. При такомъ принципѣ въ гражданскихъ законахъ возможно одно изъ двухъ: или гражданскіе законы будутъ создавать частноправныя отношенія, но тогда, значитъ, члены общества не доросли до самосознанія или обезличены, — или-же, что исторически вѣрнѣе, такіе законы не будутъ имѣть продолжительнаго существованія.

Посмотримъ возможно-ли практическое примѣненіе въ Гражданскомъ Уложеніи принципа, который мы отстаиваемъ, принципа индивидуальности, или, что тоже, принципа признанія личности? И какія основныя положенія вытекаютъ изъ него для Гражданскаго Уложенія?

Если законъ признаетъ принципъ личности—это значитъ, что цѣлые милліоны подданныхъ являются *каждый* субъектомъ, имѣющимъ право удовлятворять свои потребности, каждый вмѣстѣ носителемъ своего идеала. Признаніе за каждымъ гражданиномъ такого правоваго субъекта заключаетъ уже въ себѣ требованіе, чтобы въ основѣ частноправныхъ отношеній лежало уваженіе индивида къ самому себѣ и уваженіе личности и человѣческаго достоинства во всѣхъ другихъ индивидахъ, съ коими онъ вступаетъ въ эти отношенія. Спрашивается — будетъ-ли это требованіе закона практически примѣнимымъ? Осуществимы-ли такія частноправныя отношенія съ юридической точки зрѣнія?

Разсмотримъ вопросъ прежде съ психологической стороны. Чѣмъ больше мы знаемъ какой либо предметъ, тѣмъ вѣрнѣе можемъ составить себѣ понятіе о немъ, тѣмъ большая въ насъ увѣренность въ правильности образовавшагося понятія, особенно это нужно сказать въ случаѣ, когда мы сами по собственнымъ опытамъ и наблюденіямъ составляемъ понятія. Такія понятія служатъ руководящими въ нашемъ мышленіи и въ нашей дѣятельности. Собственнымъ опытомъ, собственнымъ ощущеніемъ мы узнаемъ настоятельность нашихъ физическихъ потребностей и цѣнимъ всю прелесть ихъ удовлетворенія. Достаточно самой примитивной абстракціи для человѣка, чтобы онъ отъ такихъ понятій могъ перейти къ понятію о потребностяхъ другихъ лицъ и о цѣнности для нихъ удовлетворенія этихъ потребностей. Но мало того. Наукѣ психологіи извѣстно, и каждый изъ насъ по собственному опыту знаетъ, что одинъ видъ страданій человѣка, даже когда вовсе не знаемъ причины ихъ, производитъ на насъ тяжелое впечатлѣніе, до болѣзненности тяжелое, такъ что невольно является потребность устранить его. Таже впечатлительность наблюдается при видѣ радостей другаго. Такова психологическая основа, лучшая основа, на которую можетъ опираться законодатель, признавая идеаломъ нашихъ отношеній другъ къ другу взаимное признаніе и уваженіе гражданами личности и человѣческаго достоинства.

Разсмотримъ теперь вопросъ съ *реальной* точки зрѣнія, съ точки зрѣнія осуществленія принципа Гражданскаго Уложенія въ частноправныхъ отношеніяхъ дѣйствительной жизни.

Если бы мы стали анализировать частноправныя отношенія во всей ихъ совокупности, какъ они представляются въ гражданскомъ быту, или каждое въ отдѣльности—всюду найдемъ одну и ту-же внутреннюю подкладку: потребности индивида вызываютъ эти отношенія, силы и способности индивида совершаютъ ихъ. При современномъ культурномъ развитіи частноправныя отношенія чрезвычайно сложны, но основная черта, подкладка ихъ остается та же. Блестящіе плоды современной культуры — суть результаты многовѣковаго труда индивидовъ. Трудъ въ его самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ, начиная отъ простѣйшаго механическаго труда до произведеній образованнаго ума и изобрѣтательнаго генія—есть первѣйшая основа культуры, при которой каждый съ большимъ удобствомъ можетъ удовлетворять свои потребности. Такимъ образомъ, въ понятіе о личности входятъ не только потребности ея, но вмѣстѣ и дѣятельныя способности и силы для удовлетворенія потребностей. Отсюда, съ точки зрѣнія принципа личности, признаніе правъ на удовлетвореніе потребностей неразрывно соединяется съ признаніемъ самодѣятельности индивида, его силъ и способностей; словомъ, по принципу личности человѣкъ въ гражд. быту является и потребителемъ и производителемъ, пользуется благами, но и производитъ блага. Примѣненіе этого принципа къ частноправнымъ отношеніямъ дастъ прочныя основанія для мирнаго порядка общественнаго и государственнаго.

Возьмемъ отдѣльные случаи примѣненія принципа, возьмемъ частноправныя отношенія между предпринимателями и рабочими.

Здѣсь примѣненіе принципа устранитъ вредныя и возмутительныя стороны эгоизма—*эксплуатацію*; наиболѣе обыкновенная форма эксплуатаціи—пониженіе предпринимателемъ заработной платы рабочимъ. Понижая заработную плату, предприниматель руководится часто, если не всегда, вовсе не тѣмъ, что цѣна продуктовъ труда понизилась и слѣд. при прежней

заработной платѣ невозможно производство, а руководится той жаждой своекорыстія, развитіе которой Іерингъ считаетъ столь желательнымъ.

Если гражданскіе законы будутъ исходить изъ принципа личности, они обезпечатъ ей тогда возможность защищать свой трудъ отъ эгоистической эксплоатаціи его. Кто станетъ отрицать, что такое обезпеченіе — по истинѣ высокая задача закона; такой законъ будетъ вполнѣ отвѣчать народному чувству справедливости. Что касается путей и средствъ, съ помощью которыхъ законъ можетъ опредѣлить это соотвѣтствіе, то они уже указаны и признаны нашимъ законодателемъ въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ. Уставъ гражд. судопр. какъ средство раскрытія и объясненія фактическихъ обстоятельствъ дѣла предоставляетъ и суду и тяжущимся право приглашать экспертовъ. Точно также законъ можетъ предоставить право приглашать экспертовъ для опредѣленія экономической цѣнности даннаго труда въ случаѣ спора между предпринимателями и рабочими.

Если принципъ личности требуетъ, чтобы индивидъ былъ самодѣятеленъ, съ полной энергіей развивалъ и прилагалъ свои индивидуальныя силы и если законъ въ силу этого принципа обезпечиваетъ труды индивида отъ эксплоатаціи, тотъ же принципъ требуетъ, чтобы во взаимныхъ отношеніяхъ индивидовъ былъ признанъ и обезпеченъ закономъ и другой моментъ личности, именно удовлетвореніе потребностей. Это значитъ, что, пріобрѣтая отъ другихъ предметы потребленія или пользуясь услугами другихъ, индивидъ былъ бы также обезпеченъ отъ эксплоатаціи. Потому, исходя изъ принципа личности, законодатель существеннымъ требованіемъ долженъ поставить, чтобы въ гражд. оборотѣ *добросовѣстность* поведенія сторонъ въ отношеніяхъ другъ къ другу, была на первомъ планѣ. Требованіе добросовѣстности не должно быть абстрактнымъ только правиломъ. Законъ долженъ обставить это требованіе такими условіями, при которыхъ для заинтересованнаго лица было бы возможнымъ реальное осуществленіе его, такъ

чтобы недобросовѣстному человѣку никакими формальными актами нельзя было укрыться предъ лицемъ суда, требующаго, во имя закона, добросовѣстности дѣйствій.

Я не буду мм. гг. утруждать вашего вниманія дальнѣйшимъ развитіемъ мысли о примѣнимости принципа личности въ Гражд. Уложеніи; намъ пришлось бы перейти тогда къ подробностямъ законодательной техники, къ спеціальной сферѣ. Но сущность не въ техникѣ, важенъ самый принципъ и возможность и цѣлесообразность его примѣненія. Мы говорили о примѣненіи его по нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ гражд. оборота, примѣните его ко всѣмъ другимъ частноправнымъ отношеніямъ и къ самой деликатной сферѣ отношеній, къ сферѣ брачныхъ отношеній, отношеній родителей къ дѣтямъ, сферѣ семейственныхъ отношеній — всюду, Гражд. Уложеніе, держась этого принципа, дастъ въ результатѣ обезпеченіе правъ личности каждому гражданину.

Въ заключеніе на всѣ, какія только возможны, возраженія противъ принципа личности въ гражданскихъ законахъ позволю себѣ отвѣтить однимъ вопросомъ: можно ли отрицать практическую осуществимость такого гражд. быта, гдѣ бы каждый въ своихъ частноправныхъ отношеніяхъ къ другому, признавалъ въ немъ личность и законъ обезпечивалъ бы, соотвѣтственно тому, права и обязанности гражданскія. Отрицать такой идеалъ отношеній другъ къ другу никто не рѣшится, это значило бы осудить себя, отказаться отъ своего человѣческаго достоинства. Я увѣренъ, что буду ближе къ истинѣ, если скажу, что, напротивъ, каждый изъ насъ носитъ въ душѣ своей этотъ идеалъ; законъ, приближая насъ въ жизни къ дорогому идеалу, будетъ отвѣчать народному чувству справедливости. И нѣтъ сомнѣнія, каждый истинно-русскій человѣкъ глубоко понимаетъ важность начатой законодателемъ работы, высоко цѣнитъ заботы законодателя о прочныхъ законныхъ гарантіяхъ мирнаго культурнаго развитія гражданскаго быта, и всѣми силами души, искренно желаетъ законодателю успѣха въ этомъ великомъ и многотрудномъ дѣлѣ.

житель, забывъ закрыть кранъ, ушелъ изъ университета и истеченіе воды было обнаружено въ то время, когда вода протекла чрезъ потолокъ въ помѣщеніе библіотеки.

Въ виду вышеизложеннаго, въ засѣданіи правленія 25 мая опредѣлено: доложить совѣту съ представленіемъ о необходимости принятія мѣръ, одна изъ которыхъ можетъ состоять во взысканіи съ завѣдывающаго учрежденіемъ той суммы, которая должна быть назначена на исправленіе поврежденія. *Опредѣлили*: 1) принять мѣру, предлагаемую правленіемъ, на будущее время; 2) опредѣлить время закрытія главнаго крана въ учебное время согласно съ отзывомъ объ этомъ физико-математическаго факультета, а въ каникулярное время по усмотрѣнію правленія; 3) предложить правленію доносить совѣту о каждомъ случаѣ подобнаго упущенія для разсмотрѣнія дѣла; 4) о настоящемъ случаѣ произвести разслѣдованіе и донести совѣту; 5) просить физико-математическій факультетъ опредѣлить, въ какихъ именно учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ необходимо удержать водопроводный кранъ для научныхъ цѣлей.

12. Представленіе физико-математическаго факультета о зачисленіи доценту Спиро десяти дней внѣ каникулярнаго времени, употребленныхъ имъ на поѣздку въ Харьковъ для защищенія диссертаціи на степень доктора медицины, въ командировку. *Опредѣлили*: ходатайствовать.

13. Донесеніе того же факультета о томъ, что на этотъ годъ поручено составить рѣчь профессору Сабинину для произнесенія на актѣ подъ заглавіемъ: «Михаилъ Васильевичъ Остроградскій (по моимъ воспоминаніямъ)». *Опредѣлили*: рѣчь одобрить для произнесенія на актѣ и назначить очередь на 1881—82 годъ юридическому факультету, о чемъ его и увѣдомить.

14. Предложеніе профессора Успенскаго: «имѣя въ виду помѣстить въ «Запискахъ новороссійскаго университета» статью, посвященную воспоминаніямъ объ ученыхъ заслугахъ Филиппа Карловича Бруна, я нахожу благовременнымъ просить совѣтъ, не благоволитъ ли онъ почтить отъ себя память покойнаго сочлена разрѣшеніемъ присоединить къ моей статьѣ портретъ Бруна. По наведеннымъ мной справкамъ, стоимость карточки въ 300 экземплярахъ будетъ около 50 рублей. *Опредѣлили*: разрѣшить.

15. Представленіе историко-филологическаго факультета: въ историко-филологическій факультетъ на премію И. М. Вучины представлено въ настоящемъ году восемь драматическихъ піесъ:

1) «Концертъ въ пользу бѣдныхъ», комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, съ девизомъ: «служа искусству, для блага ближняго живи».

2) «Ненужная жизнь», драма въ 5 дѣйствіяхъ, съ девизомъ: «каждому по дѣламъ его».

3) «На новыхъ началахъ», комедія въ 4 дѣйствіяхъ, съ девизомъ: «полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякъ полюбитъ».

4) «Перекрестный огонь» комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. г. Евгеніева (псевдонимъ).

5) «Школа и жизнь, или двѣ доли», комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, съ девизомъ: «искусство прежде всего должно быть искусство, а потомъ уже оно можетъ служить выраженіемъ духа и направленія общества».

6) «Захолустье», комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ девизомъ: «какія бабочки, букашки, козявки, мушки, таракашки».

7) «Сѣти», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, съ девизомъ

«мало словъ, а горя рѣченька, горя рѣченька бездонная!» (изъ Некрасова).

8) «Наканунѣ», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, съ девизомъ: «въ одну телѣгу впрячь не можно коня и трепетную лань» (Пушкина «Полтава»).

Выслушавъ мнѣніе назначенной для разсмотрѣнія этихъ піесъ коммисіи, состоящей изъ проф. Некрасова, проф. Кочубинскаго и доц. Воеводскаго, историко-филологическій факультетъ въ своемъ засѣданіи 28-го мая сего года, постановилъ: комедію «На новыхъ началахъ» и драму «Ненужная жизнь» признать заслуживающими полныхъ премій, въ пятьсотъ рублей каждую; комедію же «Перекрестный огонь» удостоить половинной преміи въ двѣсти пятьдесят руб. *Опредѣлили*: объявить приговоръ на актѣ.

16. Представленіе юридическаго факультета о пріобрѣтеніи для библіотеки недавно изданныхъ министерствомъ юстиціи: «Матеріаловъ для пересмотра нашего уголовнаго законодательства» С.-пб. 1880 г. Типографія Правит. Сенат. 2 тома. *Опредѣлили*: ходатайствовать предъ министерствомъ юстиціи о присылкѣ двухъ экземпляровъ «Матеріаловъ».

При подписи протокола членами совѣта экстраординарный профессоръ Преображенскій предпослалъ своей подписи слѣдующее: «подписывая протоколъ, считаю необходимымъ занести слѣдующій фактъ: по прочтеніи протокола экстраординарнаго засѣданія я попросилъ у г. предсѣдателя объяснить, по поводу 4-й статьи, въ какой мѣрѣ правильно вносить въ повѣстку экстраординарнаго засѣданія такія дѣла, которыя не были упомянуты въ постановленіи совѣта о назначеніи экстраординарнаго засѣданія; г. предсѣдатель отказался дать желаемое объясненіе».

Чрезвычайное собраніе 4-го іюля 1881 года.

Присутствовали 8 профессоровъ.

Слушали:

1. Предложенія г-на попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 11-го и 23-го іюня за № 4379 и 4653 объ утвержденіи ординарныхъ профессоровъ: Ярошенко ректоромъ университета съ 19-го мая 1881 г. на четыре года и Леонтовича—проректоромъ на три года.

При этомъ доложено, что проф. Ярошенко и Леонтовичъ вступили въ отправленіе новыхъ должностей. *Опредѣлили*: принять къ свѣденію.

2. а) препровожденное при отношеніи канцеляріи г-на попечителя отъ 18-го іюня за № 4567 въ копіи предложеніе г-на управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія г-ну попечителю одесскаго учебнаго округа отъ 12-го іюня за № 7391, слѣдующаго содержанія: «Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ устройствѣ инспекціи въ университетахъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Предоставленное министру народнаго просвѣщенія, Высочайше утвержденнымъ 2-го августа 1879 г. положеніемъ комитета министровъ, право издать инструкцію для университетской инспекціи, равно какъ и другія, содержащіяся въ томъ положеніи, временныя правила,—отмѣнить.

II. Возстановить дѣйствіе относящихся до надзора за студентами статей Высочайше утвержденнаго 18-го іюня 1863 года общаго устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ.

III. Въ дополненіе подлежащихъ статей сего устава постановить: въ помощь проректору или инспектору, для наблюденія за порядкомъ въ зданіяхъ университета, сверхъ помощниковъ сихъ должностныхъ лицъ, полагаются, въ случаѣ надобности, также служители инспекціи. Они опредѣляются по вольному найму ректоромъ, по представленію проректора или инспектора.

IV. Проектъ росписанія нормальныхъ окладовъ содержанія должностнымъ лицамъ инспекціи надъ студентами въ университетахъ, управляемыхъ по общему уставу, поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію и, по воспослѣдованіи онаго, привести въ дѣйствіе съ 1-го іюля 1881 года.

V. Въ добавленіе къ суммѣ, назначенной штатомъ на содержаніе инспекціи въ университетахъ с. петербургскомъ, московскомъ, казанскомъ, харьковскомъ, новороссійскомъ и св. Владиміра, отпускать по тридцати шести тысячъ шести сотъ рублей ежегодно, со внесеніемъ этой суммы, начиная съ 1-го января 1882 г. въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія; въ текущемъ же 1881 году ассигновать половинную часть этой суммы сверхсмѣтнымъ кредитомъ на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ.

VI. Предоставить министру народнаго просвѣщенія опредѣлять: 1) число помощниковъ проректора или инспектора въ каждомъ университетѣ и присвоиваемое симъ лицамъ содержаніе, не свыше однако установленнаго для нихъ росписаніемъ оклада, и 2) размѣръ суммы на канцелярскія издержки инспекціи и на наемъ ея служителей, по каждому университету отдѣльно, съ тѣмъ, чтобы распоряженія сіи не выходили за предѣлы общей суммы, назна-

ченной на всѣ вообще расходы по инспекціи въ университетахъ, управляемыхъ по общему уставу (76.000 р.)

Государь Императоръ таковое мнѣніе государственнаго совѣта въ 26 день сего мая Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Сообщая Вашему Превосходительству о таковомъ Высочайшемъ повелѣніи и прилагая при семъ копію съ Высочайше утвержденнаго росписанія нормальныхъ окладовъ содержанія должностнымъ лицамъ инспекціи надъ студентами университетовъ, управляемыхъ по общему уставу, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, истребовать отъ совѣта новороссійскаго университета и доставить мнѣ, по возможности въ непродолжительномъ времени, свѣденіе о тѣхъ суммахъ, которыя потребуются въ нынѣшнемъ году на содержаніе инспекціи сего университета въ добавленіе къ ассигновавшимся доселѣ изъ казны на сей предметъ средствамъ, а также соображенія совѣта съ Вашимъ заключеніемъ о числѣ помощниковъ проректора или инспектора и служителей инспекціи, которое потребовалось бы на будущее время для устройства вполнѣ достаточнаго надзора за студентами.

б) Высочайше утвержденное 26 мая росписаніе нормальныхъ окладовъ содержанія должностнымъ лицамъ инспекціи надъ студентами университетовъ, управляемыхъ по общему уставу:

	Содержаніе одному лицу въ годъ		
	Жалованья	Столовыхъ	всего
	рубли		
Проректоръ	1000 (добавоч.)	—	1000
Инспекторъ	1500	1500	3000
Помощникъ проректора или инспектора	750	750	1500
Секретарь по студентческимъ дѣламъ.	600	600	1200

При этомъ доложено донесеніе правленія отъ 4 Іюля за № 1387 о томъ, что вслѣдствіе предложенія г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія отъ 12 Іюня за № 7391 въ засѣданіи правленія между прочимъ опредѣлено: возстановить матрикулы, назначивъ матрикулярный взносъ въ три рубли въ пособіе на содержаніе студентской читальни. *Опредѣлили*: 1) поручить правленію дать заключеніе въ чрезвычайное засѣданіе совѣта, 2) донесеніе принять къ свѣденію.

3. Препровожденное канцеляріею попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 30 Іюня за № 4776 въ копіи предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія г. попечителю отъ 30 мая за № 7765: «Высочайше утвержденнымъ 26 мая сего года мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено между прочимъ:

1. Предоставленное министру народнаго просвѣщенія Высочайше утвержденнымъ 2 Іюля 1879 г. положеніемъ комитета министровъ право издать инструкцію для университетской инспекціи, равно какъ и другія содержащіяся въ томъ положеніи временныя правила, отмѣнить и 2) возстановить дѣйствіе относящихся до надзора за студентами параграфовъ Высочайше утвержденнаго 18 Іюня 1863 г. общаго устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ.

На основаніи вышеприведеннаго законоположенія совѣтамъ университетовъ возвращаются въ полномъ объемѣ тѣ права, которыя дарованы имъ уставомъ 1863 года по надзору за студентами и по установленію правилъ для внутренняго порядка въ университетахъ. Съ отмѣной изданной министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1879 г. временной инструкціи для университетской инспекціи и

временныхъ правилъ для студентовъ, составленныхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 2 Іюля 1879 г. положенія комитета гг. министровъ—возстановляется въ каждомъ отдѣльномъ университетѣ дѣйствіе тѣхъ правилъ о студентахъ и о порядкѣ въ университетѣ, а также о взысканіяхъ за нарушеніе этихъ правилъ, которыя имѣли силу до изданія въ 1879 году временной инструкціи и временныхъ правилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ виду обнаружившейся необходимости принять всевозможныя мѣры къ утвержденію въ университетахъ спокойствія, порядка и правильности серьезныхъ научныхъ занятій, а также въ виду обнаружившейся недостаточности изданныхъ доселѣ университетами, въ силу § 42 Б п. 8, правилъ для достиженія означенныхъ выше цѣлей и охраненія существенныхъ интересовъ самихъ университетовъ, представляется необходимымъ приступить нынѣ-же къ пересмотру сихъ правилъ.

Покорнѣйше прося Ваше Превосходительство пригласить совѣты университетовъ къ пересмотру правилъ объ обязанностяхъ учащихся и о порядкѣ въ университетахъ, а также о взысканіяхъ за нарушеніе этихъ правилъ, я позволяю себѣ надѣяться, что университеты сознаютъ *всю важность*, особенно въ настоящее время, возлагаемой на нихъ отвѣтственности. Не сомнѣваюсь въ томъ, что совѣты университетовъ сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, дабы воспользоваться дарованными имъ Высочайшею властію полномочіями для улучшенія внутренняго въ нихъ порядка и охраненія его отъ тѣхъ нарушеній, которыя, къ сожалѣнію, неоднократно прерывали правильное теченіе университетской жизни.

Нужнымъ считаю обратить вниманіе Вашего Прево-

сходительства на то, что для достиженія означенной цѣли, составляющей въ настоящее время одну изъ самыхъ главныхъ заботъ правительства, совершенно необходимо, чтобы издаваемыя университетами въ силу § 42 Б. п. 8 правила были вполнѣ точны и опредѣлительны и чтобы соблюденіе ихъ было вполнѣ обезпечено.

При предстоящемъ пересмотрѣ означенныхъ правилъ необходимо прежде всего обратить вниманіе на то, заключается ли въ нихъ вполнѣ дѣйствительное огражденіе научныхъ занятій студентовъ отъ всякихъ попытокъ къ произведенію въ стѣнахъ университета какихъ бы то ни было безпорядковъ, предупрежденіе всякихъ поводовъ къ сборищамъ, нарушающимъ порядокъ и благочиніе и установленіе правильныхъ отношеній студентовъ къ университетской инспекціи и ея чинамъ.

Въ частности представляется необходимымъ въ правилахъ объ обязанностяхъ учащихся и о порядкѣ въ университетахъ опредѣлить съ точностью между прочимъ:

а) порядокъ удостовѣренія личностей, имѣющихъ право на посѣщеніе университетскихъ лекцій, дабы оградить стѣны университета отъ доступа въ среду учащейся молодежи лицъ постороннихъ, проникавшихъ нерѣдко, какъ доказано опытомъ, въ университеты для противуправительственныхъ цѣлей;

б) тѣ условія, при которыхъ могутъ быть допускаемы къ слушанію лекцій въ университеты вольнослушатели, возможное ограниченіе которыхъ не только желательно, но даже необходимо, въ виду того, что университетскія аудиторіи почти во всѣхъ университетахъ едва вмѣщаютъ, вслѣдствіе тѣсноты своей, самихъ студентовъ университета, между тѣмъ какъ обезпеченіе правильныхъ научныхъ

занятій для студентовъ должно быть главною цѣлію университетовъ, и допущеніе къ слушанію лекцій посторонихъ лицъ, въ качествѣ вольнослушателей, можетъ быть дозволяемо лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы отъ сего не страдали интересы самихъ студентовъ, и

в) обязанности служителей инспекціи въ тѣхъ университетахъ, гдѣ согласно Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта будетъ введено это новое учрежденіе, точное опредѣленіе правъ и обязанностей котораго, въ отношеніи къ учащейся молодежи, существенно необходимо для устраненія возможныхъ недоразумѣній.

Одновременно съ правилами объ обязанностяхъ студентовъ, совѣтамъ университетовъ необходимо также заняться пересмотромъ правилъ о назначеніи стипендій студентамъ (§ 42 А. п. 2). При этомъ надлежитъ обратить вниманіе на то, чтобы стипендіи были выдаваемы только дѣйствительно достойнымъ студентамъ и въ особенности таким, которые уже заявили о своемъ серьезномъ отношеніи къ наукѣ и доказали, что они въ университетѣ ищутъ исключительно высшаго образованія и всецѣло преданы научнымъ занятіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть опредѣлены тѣ условія, при которыхъ стипендіи могутъ пріобрѣтаться и въ особенности сохраняться, имѣя въ виду, что давая матеріальное пособіе для прохожденія университетскаго курса, университетъ имѣетъ право и обязанность постоянно слѣдить за тѣмъ, чтобы пользующіеся такими стипендіями и пособіями студенты не ослабѣвали въ своемъ рвеніи къ научнымъ занятіямъ.

Наконецъ весьма важнымъ и требующимъ всесторонняго обсужденія представляется вопросъ объ экзаменахъ, о порядкѣ ихъ производства и о срокахъ, въ которые они

должны производиться. Установленіе твердыхъ правилъ въ семъ отношеніи и точное ихъ исполненіе совершенно необходимы для того, чтобы принадлежащій университетской коллегіи надзоръ за правильностію научныхъ занятій студентовъ могъ получить фактическое осуществленіе и принести дѣйствительную пользу.

Сообщая о всемъ вышеизложенномъ Вашему Превосходительству для надлежащаго съ Вашей стороны исполненія, покорнѣйше прошу Васъ принять мѣры къ тому, чтобы всѣ вышеозначенныя дисциплинарныя правила, касающіяся надзора за студентами и охраненія порядка въ университетахъ, могли получить утвержденіе въ установленномъ порядкѣ и получить дѣйствіе къ началу будущаго 1881—82 академическаго года, а также представить въ министерство для свѣденія копіи со всѣхъ имѣющихъ быть изданными по ввѣренному Вамъ университету правилъ, утвержденныхъ какъ Вашимъ Превосходительствомъ, такъ и совѣтомъ университетовъ, по принадлежности.

Опредѣлили: въ виду категорическаго требованія министерства, поручить правленію составить правила о надзорѣ за студентами и охраненіи порядка въ университетѣ и представить ихъ въ чрезвычайное засѣданіе совѣта; составленіе-же правилъ о стипендіяхъ и экзаменахъ отложить до начала учебнаго года.

4. Представленіе правленія отъ 4 іюля за № 1386: «къ концу текущаго года въ суммѣ на содержаніе университета предвидится дефицитъ, если всѣ ходатайства совѣта объ отнесеніи разныхъ расходовъ на общіе остатки будутъ удовлетворены, до 5500 рублей.

Изыскивая заблаговременно мѣры къ возможному устраненію дефицита, въ послѣднее время угрожающаго уни-

верситету изъ года въ годъ, правленіе университета остановилось на слѣдующихъ соображеніяхъ: на общіе остатки постоянно относятся: 1) содержаніе сверхштатнаго ординарнаго профессора Карастелева и 2) окладъ въ 490 руб одного изъ трехъ хранителей кабинетовъ. На основаніи § 72 университетскаго устава на содержаніе сверхштатнаго профессора могъ бы быть испрошенъ особый кредитъ изъ государственнаго казначейства; точно такъ-же благовременно было бы ходатайствовать о возвышеніи суммы, отпускаемой по *временному штату* новороссійскаго университета на содержаніе хранителей кабинетовъ въ количествѣ 1000 рублей въ годъ, до цифры нормальнаго штата въ 1500 р *Опредѣлили:* ходатайствовать объ ассигнованіи суммъ на содержаніе университета, начиная съ 1 іюля сего 1881 г., не по временному, а по нормальному штату, какъ и въ другихъ университетахъ, въ виду дефицита, указавъ при этомъ на бывшіе прецеденты при введеніи правилъ объ инспекціи 1879 года.

Экстраординарное засѣданіе 20-го Іюля 1881 г.

Присутствовали 9 профессоровъ.

Слушали:

1. Мнѣніе правленія объ устройствѣ университетской инспекціи.

1) Въ виду того обстоятельства, что всѣ университетскія учрежденія распредѣлены въ новороссійскомъ университетѣ въ двухъ совершенно отдѣльныхъ зданіяхъ, изъ которыхъ одно находится на Дворянской улицѣ, другое на

Преображенской, необходимо имѣть двухъ помощниковъ проректора для надзора за студентами въ обоихъ упомянутыхъ зданіяхъ университета.

2) Вопросъ о третьемъ помощникѣ уже разрѣшенъ (предложеніе г. попечителя округа 30 сентября 1880 г. № 7948). Учрежденіе третьяго помощника проректора объясняется, кромѣ необходимости усилить вообще надзоръ за студентами, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ настоящее время, на основаніи опредѣленія совѣта отъ 30 мая 1881 года всѣ студентческія учрежденія, какъ то: библіотека, читальня, сборная и курительная сосредоточиваются въ одномъ мѣстѣ, почему необходимо имѣть при этихъ учрежденіяхъ отдѣльнаго помощника проректора для постояннаго надзора здѣсь за студентами.

3) Что касается служителей при инспекціи, то возможно ограничиться тремя служителями; необходимость въ такихъ служителяхъ особенно явствуетъ изъ распоряженія министерства о недопущеніи постороннихъ лицъ въ студентческія учрежденія и проч.

4) Относительно канцеляріи при инспекціи можно ограничиться нынѣшнимъ ея составомъ, т. е. имѣть секретаря по студентскимъ дѣламъ съ двумя писцами по найму.

5) На содержаніе инспекціи при новороссійскомъ университетѣ необходимы слѣдующія суммы, въ добавленіе къ штатнымъ назначеніямъ на этотъ предметъ: на содержаніе трехъ помощниковъ проректора по 2900 р., на содержаніе одного секретаря 400 р. прибавки; на трехъ служителей, по 500 р. каждому—1500 р., на канцелярскіе расходы 400 р. и на одного писца 400 р.; всего требуется прибавки къ штатнымъ назначеніямъ на содержаніе инспекціи до 5600 р. въ годъ. *Опредѣлили*: докладъ правленія

принять съ слѣдующимъ измѣненіемъ: содержаніе помощниковъ проректора должно быть одному въ 1500 р., двумъ другимъ по 1200 р. каждому, при чемъ означеніе высшаго оклада одному изъ трехъ помощниковъ предоставляется совѣту университета.

2. Представленный правленіемъ проектъ правилъ для студентовъ и постороннихъ слушателей Императорскаго новороссійскаго университета.

Отд. I. О пріемѣ въ студенты, о переходѣ студентовъ изъ другихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ новороссійскій университетъ, о переходѣ изъ одного факультета въ другой и объ увольненіи изъ университета.

II. О платѣ за слушаніе лекцій.

III. Правила, которымъ обязаны подчиняться студенты въ бытность ихъ въ университетѣ.

IV О взысканіяхъ за нарушеніе правилъ, установленныхъ для студентовъ.

V. О порядкѣ разбирательства по взысканіямъ, налагаемымъ на студентовъ проректоромъ, ректоромъ, правленіемъ, университетскимъ судомъ и совѣтомъ.

Правила для постороннихъ слушателей.

Послѣ подробнаго разсмотрѣнія проекта и сдѣлавъ въ нѣкоторыхъ параграфахъ правилъ измѣненія и дополненія, *Опредѣлили*: 1) правила, съ сдѣланными въ нихъ совѣтомъ измѣненіями, одобрить и представить на утвержденіе г. попечителя: 2) собрать справки о числѣ студентовъ, освобождавшихся отъ платы за слушаніе лекцій, для доклада совѣту.

Засѣданіе 20 Августа 1881 г.

Присутствовали подъ предсѣдательствомъ г. ректора С. П. Ярошенко, гг. члены: Ѳ. И. Леонтовичъ, Е. Ѳ. Сабининъ, И. І. Патлаевскій, К. И. Карастелевъ, А. О. Ковалевскій, А. А. Вериго, А. А. Кочубинскій, В. Н. Лигинъ, А. А. Кудрявцевъ, В. М. Войтковскій, В. М. Петріевъ, Е. Ф. Клименко. Не присутствовали профессора: Шведовъ, Синцовъ, Успенскій, Головкинскій, Мечниковъ, Дювернуа, Шпилевскій, Кондаковъ, Посниковъ, Умовъ, Преображенскій, какъ получившіе командировки и отпуски, Некрасовъ, Трачевскій и Малининъ, не извѣстившіе ректора о причинахъ своего отсутствія.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 29 мая за № 3981, съ препровожденіемъ циркуляра г. министра народнаго просвѣщенія гг. попечителямъ отъ 5 мая за № 8562 слѣдующаго содержанія: «по Высочайшему Государя Императора повелѣнію вступивъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, я считаю долгомъ своимъ, для успѣшнѣйшаго исполненія возложенныхъ на министерство сіе обязанностей, ознакомить Ваше Превосходительство, въ самыхъ общихъ пока чертахъ, съ тѣми основными началами, которыя я надѣюсь встрѣтить руководящими дѣятельностью, какъ начальниковъ учебныхъ округовъ, такъ и учебныхъ заведеній всѣхъ степеней, для наилучшаго по мѣрѣ силъ служенія святому дѣлу народнаго образованія.

Не могу не выразить на первыхъ же порахъ той надежды, которую я долженъ возлагать на сотрудничество гг.

попечителей учебныхъ округовъ, какъ ближайшихъ и непосредственныхъ мѣстныхъ помощниковъ министра народнаго просвѣщенія. Сознавая всю невозможность единолично и изъ одного центральнаго пункта руководить подробностями учебной жизни на огромномъ пространствѣ нашего отечества и при разнородныхъ потребностяхъ его населенія, я обязанъ искать въ попечителяхъ учебныхъ округовъ надежнѣйшія опоры, какъ для охраненія и выполненія закономъ установленныхъ правилъ и постановленій, такъ и для того, чтобы министерство народнаго просвѣщенія могло постоянно слѣдить за разномѣстными нуждами и разумными желаніями. Соприкасаясь самыхъ жизненныхъ духовныхъ потребностей всѣхъ сословій и призванное прилагать всѣ свои старанія къ возможному ихъ удовлетворенію, министерство народнаго просвѣщенія менѣе всякаго другаго правительственнаго органа можетъ жить въ канцелярской или формальной замкнутости и не прислушиваться голоса общественнаго въ лицѣ законныхъ его представителей. Сохраняя твердо въ своихъ рукахъ право руководить общимъ направленіемъ, которое должно быть дано духовному развитію народа, правительство съ вниманіемъ относится къ ходатайствамъ, обращаемымъ къ нему законнымъ путемъ, о нуждахъ, истекающихъ изъ священнѣйшихъ обязанностей къ возростающему поколѣнію. Какъ высшіе въ районѣ своего управленія представители правительственной заботливости о народномъ образованіи, попечители учебныхъ округовъ, не уклоняясь при исполненіи прямыхъ своихъ обязанностей отъ указанныхъ имъ закономъ путей и охраняя, въ предѣлахъ предоставленной имъ власти, установленныя правила и порядокъ въ подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, должны вмѣстѣ съ тѣмъ через посто-

янное общеніе, какъ съ мѣстными властями, такъ и съ общественною средою, служить связующимъ звеномъ между мѣстными нуждами и центральнымъ управленіемъ. При такихъ условіяхъ дѣятельность попечителей учебныхъ округовъ будетъ на столько же плодотворна, на сколько она вызоветъ уваженіе и сочувствіе всѣхъ разумныхъ и благомыслящихъ людей. Не позволяю себѣ сомнѣваться въ томъ, что Ваше Превосходительство, раздѣляя такой мой взглядъ на свое призваніе, приложите всякое стараніе къ достойному выполненію высокой задачи, довѣріемъ Высочайшимъ на Васъ возложенной.

Обращаясь къ учебнымъ заведеніямъ, въ предѣлахъ ввѣреннаго Вамъ учебнаго округа находящимся, я считаю долгомъ высказать слѣдующія убѣжденія:

I. Относительно университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Говоря объ университетахъ и о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, желательно бы было исключительно сосредоточиться на заботахъ о процвѣтаніи науки и наибольшемъ развитіи любви къ ней въ средѣ академическаго юношества; но, къ крайнему прискорбію, печальныя условія, въ которыхъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ общественное спокойствіе было поставляемо въ Россіи преступными попытками крамольнаго духа, коснулись и нѣкоторой части юношества, посѣщающаго аудиторіи университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и, нарушая даже въ стѣнахъ ихъ порядокъ и тишину, вынуждали прежде всего заботиться о возвращеніи этихъ учебныхъ заведеній къ единственному ихъ назначенію—служить спокойному занятію наукою. Необходимость эта вызывается какъ оскорбленіемъ, которое подобными безпорядками наносится достоинству высшихъ въ государствѣ образовательныхъ учрежде-

ній, такъ въ особености и тѣмъ вредомъ, который причиняется юношеству, въ значительномъ, конечно, большинствѣ чуждому преступнымъ увлеченіямъ, мѣшая ему спокойно преслѣдовать свое высшее образованіе. Остается надѣяться, что эти печальныя нарушенія, внушаемыя чаще всего извнѣ, будутъ явленіемъ только временнымъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не относиться къ нимъ съ должнымъ вниманіемъ. Высочайше утвержденный 18 іюня 1863 года общій уставъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ, предоставивъ университетамъ широкое самоуправленіе, возложилъ на нихъ же, въ одинаковой мѣрѣ, обязанность пещись какъ о развитіи науки и о возбужденіи въ учащемся юношествѣ любви къ ней, такъ и объ охраненіи порядка въ стѣнахъ университетскихъ. Средствами для сей послѣдней задачи являются: право устанавливать правила объ обязанностяхъ учащихся, о порядкѣ въ университетѣ и о взысканіяхъ за его нарушеніе, избирать лицъ для наблюденія за этими порядками и совершать судъ надъ нарушителями. Облекая ученую коллегію такими полномочіями и оказывая ей такое обширное довѣріе, правительство, конечно, изыскивало наилучшее по его мнѣнію средство, дабы облегчить учащемуся юношеству возможность пріобрѣтенія высшихъ познаній и охранить научныя его занятія отъ посягательства на спокойное ихъ теченіе. Ученое сословіе не можетъ не стать на высоту этого довѣрія, закономъ ему оказываемаго. Не останавливаясь на различныхъ мѣропріятіяхъ, въ послѣдніе годы временно пріостанавливавшихъ полное развитіе началъ, положенныхъ въ основаніе устава 1863 года и вызванныхъ исключительными событіями, я почитаю, что твердое установленіе на почвѣ законности отношеній ученой корпораціи къ университету и его слу-

шателямъ должно послужить вѣрнѣйшимъ залогомъ постепеннаго возстановленія порядка и тишины и полнаго возвращенія университетовъ къ тѣмъ условіямъ правильной научной жизни, которыя одни могутъ обезпечить успѣхъ ихъ дѣятельности. Личный опытъ въ прежнее время моего служенія въ вѣдомствѣ министерства нороднаго просвѣщенія, по управленію кіевскимъ учебнымъ округомъ, меня убѣдилъ, что и въ самое трудное время смутъ и наружнаго пагубнаго давленія на учащуюся молодежь — единодушное, твердое, благоразумное дѣйствованіе соединенной ученой коллегіи могло охранить университетъ отъ рѣзкаго нарушенія въ немъ спокойствія и порядка. Въ этомъ единодушіи для преслѣдованія одной цѣли охраненія университета отъ посягательства на его достоинство, въ этой спокойной твердости при исполненіи часто труднаго гражданскаго долга, въ поддержаніи и поощреніи всѣхъ здравыхъ элементовъ, безъ сомнѣнія преобладающихъ въ большинствѣ учащагося юношества, въ нравственномъ авторитетѣ, который наука такъ легко можетъ дать своимъ служителямъ надъ ихъ слушателями, въ собственнымъ уваженіи къ закону и въ постоянномъ и словомъ, и дѣломъ внушеніи этого уваженія въ средѣ студентовъ — лежитъ залогъ успѣха и оправданіе того самоуправленія, которое даровано ученой корпораціи. На высшемъ ученомъ сословіи лежитъ великая передъ Россіею нравственная отвѣтственность; ничто не было бы прискорбнѣе, какъ необходимость сознаться, что такая отвѣтственность была не по силамъ для тѣхъ, на которыхъ законъ ее возложилъ. Ученымъ корпораціямъ ввѣрена будущность Россіи въ лицѣ будущихъ ея образованнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей; отъ нихъ зависитъ доказать, что служа наукѣ, онѣ слу-

жать опорою основамъ гражданственности: закону, порядку и доброй нравственности. Уважая ихъ призваніе, буду уважать права закономъ имъ предоставленныя, ожидая не въ меньшей мѣрѣ исполненія такихъ обязанностей, которыя съ этими правами неразрывно связаны.

Сообщая съ Высочайшаго соизволенія Вашему Превосходительству такіе на первый разъ общіе взгляды, я обращаюсь къ Вамъ и ко всѣмъ дѣятелямъ народнаго просвѣщенія съ усерднымъ приглашеніемъ соединить всѣ наши усилія къ единодушному служенію священному дѣлу, которому мы себя посвятили. Честно исполняя свой долгъ, проникнутые духомъ любви къ возрастающему поколѣнію, безусловнаго уваженія къ закону, преданности Государю и Россіи, мы успѣемъ, смѣю надѣяться, сослужить посильную службу престолу и отчизнѣ». *Опредѣлили*: принять къ свѣденію и руководству.

3. Отъ 10 іюня за № 4313 о разрѣшеніи производить профессору Кочубинскому и доценту Воеводскому вознагражденіе за порученное имъ чтеніе лекцій по вакантнымъ каѳедрамъ въ 1881-82 академическомъ году. Доложено, что копія настоящаго предложенія передана въ правленіе. *Опредѣлили*: увѣдомить историко-филологическій факультетъ.

4 Отъ 11 Іюня за № 4378 о зачисленіи профессору Синцову въ командировку 29 дней изъ разрѣшеннаго ему въ 1880 г. отпуска въ Бессарабскую губернію для геологическихъ изслѣдованій. *Опредѣлили*: отмѣтить въ формулярномъ спискѣ проф. Синцова.

5. Препровожденное при отношеніи канцеляріи попечителя отъ 7 іюля за № 4899 въ копіи предложеніе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія г. попечителю округа отъ 28 іюня за № 8057, слѣдующаго содер-

жанія: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему въ 19 день сего іюня Высочайше соизволилъ разрѣшить въ будущемъ 188$^{1}/_{2}$ академическомъ году чтеніе лекцій въ новороссійскомъ университетѣ по вакантнымъ каѳедрамъ: римской словесности—заслуженному профессору Юргевичу и кандидату Сперанскому и уголовнаго права —заслуженному профессору Богдановскому съ производствомъ вознагражденія: Юргевичу и Богдановскому въ размѣрѣ 2400 рублей и Сперанскому 1200 руб. въ годъ изъ остатковъ отъ личнаго состава новороссійскаго университета.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство въ послѣдствіе представленій отъ 8 и 12 мая сего года за № 3479 и 3632, для надлежащаго исполненія.

Опредѣлили: увѣдомить гг. преподавателей и сообщить въ историко филологическій и юридическій факультеты.

6. Предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія отъ 30 мая 1881 г. за № 7765, разсматривавшееся въ чрезвычайномъ собраніи совѣта 4 іюля (ст. 3) о составленіи правилъ для студентовъ. *Опредѣлили*: отложить до перваго сентябрскаго засѣданія.

7. Сообщеніе канцеляріи попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 24 іюля за № 5139 объ утвержденіи приказомъ министра народнаго просѣщенія отъ 13 іюля ординарнаго профессора Патлаевскаго деканомъ юридическаго факультета на три года съ 12 іюня 1881 года.

При этомъ доложено, что объ утвержденіи въ должности декана сообщено своевременно г. Патлаевскому и въ правленіе университета. *Опредѣлили:* за сдѣланнымъ распоряженіемъ, принять къ свѣдѣнію.

8. Препровожденное при отношеніи канцеляріи попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 3 іюля за № 4868 въ копіи предложеніе г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія на имя попечителя отъ 25 іюня за № 7879 слѣдующаго содержанія: «Ваше Превосходительство отъ 6 минувшаго мая представили на разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія ходатайство совѣта новороссійскаго университета о командированіи за границу, съ ученою цѣлью, срокомъ на одинъ годъ, лаборанта означеннаго университета Меликова, съ назначеніемъ ему пособія въ размѣрѣ 800 рублей изъ остатка отъ содержанія личнаго состава университета.

Принимая во вниманіе, что назначеніе пособія изъ вышеуказанаго источника не согласно съ 2 п. 33 ст. приложенія къ ст. 221 т. 1 св. зак. ч. II учрежд. минист. по продолженію 1876 г, я не считаю себя въ правѣ удовлетворить изложенное ходатайство. Желая однако съ своей стороны по возможности содѣйствовать осуществленію командировки г. Меликова, въ виду лестнаго отзыва университета о его научныхъ занятіяхъ, я не встрѣтилъ бы препятствій къ назначенію ему пособія въ размѣрѣ 300 р. изъ суммы, ассигнованной министерству народнаго просвѣщенія по § 16 ст. 2. финансовой смѣты на учебныя командировки, предпріятія, разныя пособія и печатаніе,—въ томъ предположеніи, что совѣтъ новороссійскаго университета изъявитъ согласіе дополнить означенное пособіе изъ спеціальныхъ средствъ своихъ въ случаѣ, еслибы вышеуказанный размѣръ онаго былъ признанъ недостаточнымъ для поѣздки г. Меликова за границу, о чемъ имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, покорнѣйше прося о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ.

Справка: въ засѣданіи совѣта 19 Марта (ст. 4.) опредѣлено: «ходатайствовать о назначеніи (г. Меликову) 800 рублей на командировку съ ученою цѣлью изъ остатковъ отъ личнаго состава, а въ случаѣ отказа—назначить изъ спеціальныхъ средствъ.»

Послѣ обмѣна мыслей опредѣлили: 1) ходатайствовать объ асигнованіи 300 р. изъ средствъ министерства; 2) при этомъ довести до свѣденія министерства, что совѣтъ съ своей стороны готовъ назначить изъ спеціальныхъ средствъ университета 500 рублей, съ тѣмъ чтобы выдача ихъ производилась по мѣрѣ поступленія свободныхъ суммъ по этой статьѣ.

9. Предложеніе г. попечителя отъ 13 Августа за № 5734 о командированіи доцента Палаузова за границу съ ученою цѣлью, срокомъ на одинъ годъ, считая съ 15 Августа сего года, съ назначеніемъ г. Палаузову пособія изъ суммъ министерства въ размѣрѣ 400 рублей.

При этомъ доложено, что о разрѣшенной командировкѣ сообщено г. Палаузову. *Опредѣлили*: увѣдомить факультетъ и правленіе.

10. Предложеніе его же отъ 13 августа за № 5760: «утвердивъ составленныя совѣтомъ университета и представленныя мнѣ ири донесеніи за № 1460 правила о надзорѣ за студентами и охраненіи порядка въ университетѣ, препровождаю при семъ таковыя въ засвидѣтельствованной копіи для руководства и исполненія: *Опредѣлили*: предложить правленію озаботиться приведеніемъ въ исполненіе правилъ.

11. Докладъ ректора о пріемѣ въ студенты всѣхъ подавшихъ прошенія о зачисленіи въ студенты новороссійскаго университета 107 человѣкъ; изъ нихъ 80 предста-

вили аттестаты зрѣлости, 27 переходящихъ изъ другихъ университетовъ. Зачислены всѣ представившіе аттестаты зрѣлости: 3 на историко-филологичесскій факультетъ, 58 на физико-математическій [22 по отдѣленію физико-математическихъ наукъ, 36 по отдѣленію наукъ естественныхъ] и 19 на юридическій факультетъ. О переходящихъ изъ другихъ университетовъ идетъ еще переписка съ начальствомъ учебныхъ заведеній, изъ коихъ просители выбыли или переходятъ.

При этомъ ректоръ заявилъ, что и послѣ 15 августа обращаются къ нему съ просьбами о пріемѣ въ университетъ по аттестатамъ зрѣлости, но по дѣйствующимъ правиламъ онъ не считалъ себя въ правѣ принимать ихъ. *Опредѣлили*: принявъ къ свѣденію сдѣланныя г. ректоромъ распоряженія о зачисленіи въ студенты, предоставить ему право принимать просьбы о зачисленіи по аттестатамъ зрѣлости до 1-го сентября.

12. Представленіе физико-математическаго факультета объ утвержденіи въ степени кандидата гг. Рябкова и Кирьякова.

При этомъ секретарь совѣта доложилъ объ исключеніи тифлисскою казенною палатою изъ податнаго сословія Баланчивадзе, удостоеннаго званія дѣйствительнаго студента. *Опредѣлили*: утвердить и выдать первымъ двумъ дипломы, а послѣднему аттестатъ.

13 Представленія факультетовъ: историко-филологическаго:» въ истекшемъ академическомъ году на заданную факультетомъ тему: «Біографія Гоголя въ связи съ его сочиненіями» представлена была одна работа съ девизомъ: «я изучилъ человѣка отъ его колыбели до конца и отъ этого ничуть не счасливѣе: у меня болитъ сердце, когда

я вижу, какъ заблуждаются люди.» Гоголь (письмо къ матери т. V стр. 187); на основаніи отзыва профессора Некрасова факультетъ счелъ справедливымъ удостоить автора означенной работы серебряной медали.

Юридическаго: «по отзыву ординарнаго профессора Леонтовича, принятому факультетомъ, сочиненіе, представленное въ юридическій факультетъ для соисканія наградъ медалями, на тему: «исторія института родовыхъ имуществъ по русскому праву» съ девизомъ изъ К. Аксакова: «родовыя права на наслѣдство были даны у насъ, какъ и у другихъ славянъ, въ позднѣйшее время и даны правительствомъ» (О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и руссина въ особенности. М. сборникъ т. I-й 1852. стр. 115) факультетъ считаетъ возможнымъ удостоить награды серебряной медалью.

По утвержденіи рѣшеній факультетовъ вскрыты были пакеты съ девизами; оказались авторами: первой работы —студентъ IV курса историко-филологическаго факультета Трауцкій Александръ, а второй — студентъ II-го курса юридическаго факультета Турчаниновъ Константинъ. *Опредѣлили*: 1) выдать гг. Трауцкому и Турчанинову серебряныя медали; 2) удостоеніе медалями занести въ отчетъ за прошлый годъ, а мнѣнія напечатать при протоколахъ.

14. Историко-филологическаго и физико-математическаго о распредѣленіи лекцій. *Опредѣлили*: утвердить.

15. Физико-математическаго о замѣнѣ утвержденной прежде темы по астрономіи на медали новою: «опредѣлить высоту одесской обсерваторіи надъ уровнемъ моря при помощи геодезическаго и барометрическаго нивеллированія». *Опредѣлили*: разрѣшить.

16. Представленный коммисіею отчстъ о состояніи университета въ $188^{80}/_{81}$ академическомъ году. *Опредълили*: утвердить и отпечатать, вмѣстѣ съ рѣчью, въ количествѣ 200 экземпляровъ.

17. Представленіе правленія о предоставленіи инспекціи письменнаго стола, находящагося въ профессорской лекторіи. *Опредълили*: разрѣшить.

18. Представленіе историко-филологическаго факультета съ препровожденіемъ отзывовъ профессоровъ Некрасова и Кочубинскаго объ удостоенныхъ премій И. Г. Вучины драматическихъ произведеніяхъ и трехъ пакетовъ, долженствующихъ заключать въ себѣ имена авторовъ этихъ піесъ. *Опредълили*: мнѣнія прочесть на актѣ и вскрыть тогда конверты съ именами авторовъ.

19 Секретарь совѣта доложилъ, что 16 сентября текущаго 1881 года оканчивается двадцатипятилѣтній срокъ службы профессора Сабинина и что на запросъ г. ректора, желаетъ ли г. Сабининъ подвергнуться баллотированію въ совѣтѣ на продолженіе службы въ университетѣ, профессоръ Сабининъ въ отзывѣ отъ 18 августа проситъ заявить въ совѣтѣ, что желаетъ продолжать службу въ новороссійскомъ университетѣ, подвергнувшись баллотированію, на основаніи § 78 университетскаго устава.

При этомъ доложено постановленіе совѣта министра народнаго просвѣщенія 17 марта 1866 года, № 18 журнала, что «избраніе на новый срокъ службы должно быть производимо вслѣдъ за истеченіемъ того срока, на который профессоръ былъ избранъ».

Послѣ преній, большинствомъ всѣхъ присутствовавшихъ, противъ одного (профессора Ковалевскаго, который заявилъ о подачѣ особаго мнѣнія, указавъ на то, что возбужденіе

этого вопроса преждевременно, въ виду отсутсвія многихъ членовъ совѣта, и что считаетъ неправильнымъ постановленіе о назначеніи срока баллотированія), *Опредѣлили*: назначить выборы профессора Сабинина въ первое очередное засѣданіе послѣ 16 сентября, сообщивъ обо всемъ этомъ въ физико-математическій факультетъ.

Приложеніе къ ст. 13 протокола 20 августа.

Біографія Гоголя въ связи съ его сочиненіями. Трудъ представленный на соисканіе медали, съ девизомъ: «Я изучилъ человѣка отъ его колыбели до конца, и отъ этого ни чуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ заблуждаются люди».

Разборъ профессора *Некрасова*.

Сочиненіе состоитъ изъ введенія, въ которомъ авторъ желалъ опредѣлить значеніе Гоголя, какъ поэта русскаго и міроваго, затѣмъ изъ разсказа о дѣтствѣ, юношескихъ годахъ, о службѣ въ департаментѣ, времени учительства, о времени его поэтической дѣятельности, о жизни за-границей, проѣздѣ чрезъ Одессу и смерти въ Москвѣ. Сочиненіе состоитъ изъ 296 страницъ. Къ сожалѣнію менѣе важная часть жизни Гоголя — до начала его литературной дѣятельности — занимаетъ въ сочиненіи 152 страницы. Большая часть сочиненія состоитъ изъ отрывковъ цѣликомъ или въ пересказѣ заимствованнаго. Выписки представляютъ слѣдующія страницы: 27 — 30, 38 — 40, 46 — 49, 52, 55, 58 — 60, 80 — 82, 85 — 95, 101 — 106, 108 — 110, 112, 113, 120—124, 128, 129, 131, 133, 134, 139, 140, 143, 144, 147—149, 151—156, 158—160, 163, 165, 166, 171—174, 177—215, 217—222, 224—240, 242,

243, 253, 254, 273—278, 280, 283—290 стр. Такимъ образомъ только однихъ крупныхъ выписокъ въ сочиненіи 106 стр., слѣд. больше трети всего сочиненія. Болѣе широкая тема предложена была, чтобы дать больше простора желающимъ писать, но при этомъ было заявлено желаніе, чтобы работа эта въ своей основѣ имѣла тщательное изученіе сочиненій Гоголя и извлеченіе изъ нихъ возможныхъ данныхъ для его біографіи, а также сравненіе или выясненіе его сочиненій при помощи сочиненій Диккенса. Авторъ означеннаго сочиненія не представилъ ни того, ни другаго.

Если бы авторъ тщательно изучилъ сочиненія Гоголя, то онъ остановился бы съ подробностью на старосвѣтскихъ помѣщикахъ, какъ на предкахъ Гоголя. Въ изображеніи этихъ лицъ авторъ нашелъ бы многое для уясненія того, что наслѣдственнаго могъ получить Гоголь отъ своихъ предковъ для своего характера. Дѣйствительно много субъективнаго, близкаго автору чувствуется въ его описаніяхъ. Авторъ могъ бы найти много добродушія со стороны описывавшаго старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Я желалъ бы найти въ сочиненіи автора всѣ подробно собранныя черты дѣда Гоголя, дѣда разскащика, о которомъ онъ упоминаетъ въ своихъ вечерахъ на хуторѣ. Ясно, что талантъ мастерства разсказывать былъ у Гоголя наслѣдственный. Изъ этихъ-то полуавтобіографическихъ отрывковъ, оставленныхъ самимъ Гоголемъ въ его сочиненіяхъ, видно, что онъ черпалъ народные разсказы и историческія преданія отъ мастера разсказщика, напоминающаго собою народнаго. А сколько найдется субъективнаго въ тѣхъ отрывкахъ Гоголя, гдѣ онъ вспоминаетъ службу въ департаментѣ! Въ его Шинели и Запискахъ сумашедшаго заключается огром-

ная масса пережитаго, взятаго изъ жизни петербургской его службы въ департаментѣ. Отрывокъ изъ изображенія Тентетникова также можетъ быть прямо внесенъ въ біографію Гоголя. Можетъ быть въ своихъ предварительныхъ изысканіяхъ, результатомъ которыхъ была повѣсть «Тарасъ Бульба», авторъ искалъ своихъ далекихъ предковъ. Какъ не напрашивались святочные разсказы Диккенса на сравненіе съ «Вечерами на хуторѣ близь Диканки», но авторъ не коснулся этого вопроса. И вообще было бы въ высшей степени важно сдѣлать сравненіе не только типовъ Гоголя съ типами Диккенса, но и охарактеризовать сравнительно высоту взгляда и любви къ человѣчеству, выразившуюся у того и другаго.

Въ вышеозначенномъ сочиненіи авторъ не задается вопросами о выясненіи литературныхъ вліяній, подъ дѣйствіемъ которыхъ воспитывался талантъ Гоголя Авторъ не занятъ также выясненіемъ постепеннаго развитія его таланта, прогресса, усовершенствованія въ его произведеніяхъ. Напротивъ того, авторъ больше всего занятъ Гоголемъ какъ человѣкомъ, вообще міромъ его внутренихъ ощущеній, движеній. У автора не стоитъ на первомъ планѣ—объясненіе того классическаго отзыва изъ его сочиненія, когда онъ вспоминаетъ, что въ лѣта его юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго дѣтства онъ отличался удивительною отзывчивостью нервовъ, крайнею впечатлительностью, когда въ пустомъ уѣздномъ городишкѣ любопытнаго много открывалъ дѣтскій наблюдательный взглядъ. Авторъ мало останавливается на вліяніи на Гоголя со стороны отца, автора комедій, мастера разсказщика анекдотовъ, которыми воспользовался Гоголь въ своихъ вечерахъ на хуторѣ и благодаря которымъ онъ прямо началъ съ изображенія

жизни, очерками съ натуры. Это была литература анекдотовъ, разсказовъ, литература близко стоявшая къ народному творчеству или къ поэзіи разскащиковъ, къ поэзіи тѣхъ комическихъ явленій, которыя выполняются Stenterello, Pulcinello, Pantalone, это такая поэзія, которой параллели я могъ бы привесть въ нѣкоторыхъ легендахъ изъ старой жизни Италіи, какъ напр. изъ антологіи Филиппа Сіенскаго. Такимъ образомъ, благодаря такимъ вліяніямъ, Гоголь прямо сдѣлался представителемъ реальнаго направленія въ нашей поэзіи. Извѣстно, что комедіи его отца были прямо взяты изъ дѣйствительной жизни и ходившихъ анекдотовъ. И дѣйствительно, «Вечера на хуторѣ», отличающіеся игривостью анекдотовъ, не заключаютъ въ себѣ ни высокаго взгляда на жизнь, какъ въ разсказахъ Диккенса, напр. въ его святочномъ расказѣ Марле или въ разсказѣ Додэ о празднованіи въ Парижѣ кануна Рождества. Незнакомый съ европейскими языками, Гоголь былъ лишенъ возможности познакомиться съ великими произведеніями литературы европейской. Извѣстно, что онъ въ школѣ купилъ Шиллера, но не могъ его прочесть. Извѣстно, что впослѣдствіи онъ читалъ Шекспира во французскомъ переводѣ. Гоголь въ школѣ воспитывался на Фонвизинѣ, въ комедіяхъ котораго онъ игралъ роли на лицейскомъ театрѣ. Только впослѣдствіи онъ познакомился съ итальянскимъ комикомъ Гольдони, изъ котораго даже пытался дѣлать переводы. Гоголь несомнѣнно былъ знакомъ съ Мольеромъ, котораго пьесы ставили лицеисты. Несомнѣнно авторъ Плюшкина зналъ Скупаго Мольера. Такимъ образомъ, на долю Гоголя исключительно выпало только одно сатирическое изъ нашей литературы, равно какъ и изъ европейской. Онъ не былъ, подобно Пушкину, знакомъ съ литера-

турой французской, съ Вольтеромъ, о которомъ онъ говорить, что онъ не увлекался имъ и въ дѣтствѣ. Онъ былъ знакомъ съ Байрономъ только въ нѣкоторыхъ переводахъ или въ подражаніяхъ Пушкина. Для него были недоступны и Бёрне, и Гейне. Извѣстно, что онъ не сочувствовалъ либеральнымъ идеямъ Жоржъ-Зандъ. Кое какіе переводные романы Вальтеръ Скотта, извѣстные по каталогу Смирдина, конечно, могли быть подъ руками у него. Такимъ образомъ, только сатирическая поэзія собственно имѣла вліяніе на его развитіе. Мы почти не находимъ въ перепискѣ Гоголя разсужденій о литературѣ даже и тогда, когда онъ списывается съ учеными того времени Погодинымъ и Шевыревымъ. Такимъ образомъ, Гоголю не пришлось воспитаться на литературныхъ идеалахъ. Имѣть громадный талантъ и чувствовать недостатокъ въ свѣденіяхъ, не быть въ состояніи со многимъ познакомиться—вотъ что составляетъ крупную трагическую черту въ жизни Гоголя. Ему приходилось развивать свой вкусъ на живописи, въ обществѣ старыхъ нашихъ художниковъ и антикваріевъ, память о которыхъ у него сохранилась въ его разсказѣ—«Портретъ». Въ повѣстяхъ Миргорода Гоголь стоитъ уже съ болѣе высокимъ взглядомъ на жизнь и на людей. Свой Миргородъ онъ заканчиваетъ словами: «скучно на этомъ свѣтѣ, господа». Извѣстно, что Гоголь совершенно не былъ знакомъ съ литературой классической, не былъ знакомъ, слѣдовательно, съ цѣлымъ міромъ поэзіи древности. Попавъ подъ вліяніе Пушкина и Жуковскаго, Гоголь долженъ былъ нѣсколько быть тронутъ поэзіей идеаловъ. Подъ вліяніемъ Жуковскаго онъ даже интересовался греческими поэмами, конечно въ русскомъ переводѣ. Извѣстно, что Гоголь собирался изучать исторію Малороссіи, вмѣсто нея написалъ

на основаніи этихъ матеріаловъ «Тараса Бульбу», который можетъ замѣнить исторію, и который можетъ быть критически провѣренъ историческими документами и пѣснями. Извѣстно, что подъ вліяніемъ Иліады въ переводѣ Гнѣдича, Гоголь передѣлывалъ свою повѣсть, обогативъ ее эпитетами сложными, сравненіями изъ области войны въ описаніи поединковъ, рѣчами героевъ передъ ихъ смертью. Гоголь вообще никогда не былъ богатъ сюжетами. Извѣстно, что сперва онъ пользовался сюжетами комедій отца, которыя варьируются въ его повѣстяхъ на хуторѣ. Извѣстно, что ему много сюжетовъ доставила мать. Лучшую повѣсть изъ вечеровъ объ Ив. Ѳед. Шпонькѣ — этотъ типъ слабохарактернаго—Гоголь вновь переработываетъ въ своей комедіи «Женитьба». Извѣстно, что Гоголь разсказывалъ о томъ, что Пушкинъ далъ ему сюжетъ для Ревизора. А между тѣмъ, совершенно такой же сюжетъ въ 1827 году былъ написанъ Квиткой—«Пріѣзжій изъ столицы или суматохи въ уѣздномъ городѣ». Въ этой комедіи Квитки все до мельчайшихъ вещей было готово для Гоголя, который напечаталъ своего «Ревизора» въ 1840 году. Гоголь говорилъ, что зналъ, но не читалъ пьесу Квитки, что едвали правда. Правда, эта пьеса Основьяненка пропала при Ревизорѣ Гоголя, правда что Шекспиръ бралъ готовыя пьесы своихъ предшественниковъ и своими возсозданіями заставлялъ совершенно забывать предшественниковъ, точно также какъ Гоголь своей высоко художественной отдѣлкой и возсозданіемъ типовъ заставилъ совсѣмъ забыть Основьяненко. Извѣстно, что и сюжетъ мертвыхъ душъ Гоголь получилъ отъ Пушкина. Нужно думать, что, какъ анекдоты о ревизорахъ ходили въ царствованіе императора Николая Павловича, такъ и анекдотъ о мертвыхъ душахъ, который началомъ своимъ ко-

ренится очень рано въ литературѣ раскольничьей, въ которой уже очень рано встрѣчается недовольство тѣмъ, что за мертвыхъ по переписи отъ одной ревизіи до другой берутъ подати. Такимъ образомъ Гоголь, хотя и не богатъ былъ сюжетами, но останавливался на нихъ съ великимъ вкусомъ и отдѣлывалъ ихъ съ величайшимъ мастерствомъ. Когда Гоголь прочиталъ своего Плюшкина, то заставилъ поѣхать съ собою въ Римъ богатаго помѣщика Панова и жить тамъ, чтобы переписывать для него Мертвыя души. Ни одинъ изъ поэтовъ нашихъ при жизни не пользовался такимъ поклоненьемъ. Не даромъ Гоголь самъ говорилъ, что Россія смотритъ на него и великаго ждетъ отъ него. Встрѣча съ славянофилами невольно вызывала его на попытки создавать идеалы. Сначала онъ отдѣлывался лирикой, грустилъ, что на его долю выпало быть сатирикомъ, комическимъ писателемъ, а потомъ подъ тяжестью своей задачи онъ совершенно изнемогъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жизнь Гоголя надорвана и отъ физическихъ причинъ, и отъ аскетизма въ его раннемъ воспитаніи, и вообще отъ многихъ причинъ. Но ни на одномъ изъ намѣченныхъ нами здѣсь вопросовъ авторъ не остановился. Авторъ напримѣръ говоритъ о томъ, что Гоголь свои недостатки олицетворялъ въ своихъ сочиненіяхъ, а между тѣмъ авторъ не анализируетъ того, что своего внесъ авторъ въ Чичикова, Манилова, Пѣтуха. Между тѣмъ извѣстно, напр., какъ Гоголь не только въ Римѣ, но и у Аксакова въ Москвѣ самъ занимался приготовленіемъ макаронъ и т. п.

Переходя къ методу работы автора, мы встрѣчаемся со множествомъ недостатковъ. Авторъ дѣлаетъ невѣрное сравненіе воспитанія Гоголя съ воспитаніемъ Пушкина. Сказавъ, что Гоголь былъ почти также суевѣренъ, какъ любой обитатель миргородскаго уѣзда, авторъ прибавляетъ:

«среда, въ которой жилъ и окрѣпъ ребенокъ Пушкинъ, холодная, пустая, аристократическая среда, могла награждать его въ избыткѣ свѣтской пустотой, но не могла поддерживать тѣхъ вѣрованій, о которыхъ онъ узналъ отъ Арины Родіоновны». Извѣстно, что и Пушкинъ былъ суевѣренъ, но, если мы находимъ разницу въ ихъ воспитаніи, то она объясняется характеромъ образованія. Также нелогична характеристика помѣщиковъ, среди которыхъ выросталъ Гоголь: «если полтавскіе помѣщики первой четверти настоящаго столѣтія были суевѣрны и заключали въ себѣ элементы вредные, если они были мало образованы, то это еще не даетъ намъ права отказывать имъ въ умѣ, точнѣе въ томъ, что по русски называется сметкой, передъ которой Гоголь всегда преклонялся». Слишкомъ невѣрное пониманіе факта и упорство объяснить его по своему заключается въ томъ, что авторъ знаменитый отрывокъ Гоголя «прежде, давно, въ лѣта моей юности» приводитъ для доказательства недостатка сосредоточенности мыслей у Гоголя юноши и ребенка: «что мы здѣсь видимъ? бѣглость, непостоянство взгляда, скользящаго по поверхности предметовъ, здѣсь нѣтъ и тѣни пронизывающаго насквозь Гоголевскаго взгляда. Мысль его все забѣгаетъ впередъ. Онъ желаетъ знать, что будетъ дѣлать чиновникъ и т. д.» Желая доказать, что у Гоголя была хорошая память, авторъ приводитъ примѣръ, какъ Гоголь, прослушавъ чтеніе комедіи Островскаго, могъ вспомнить содержаніе ея и дѣлать по поводу ея замѣчанія, или, что Гоголь имѣлъ успѣхи на экзаменахъ, приготовляясь въ ближайшее передъ ними время. Своеобразно объясняетъ авторъ и характеръ Гоголя. «Такъ какъ природа юмора, говоритъ онъ, слагается изъ чувствительности и ироніи, веселости и грусти, глубины и легкомыслія, и если разложить

эти противорѣчія, то уничтожится сущность .. душа Гоголя, какъ юмориста, которая должна уже заключать въ себѣ отъ природы массу самыхъ противорѣчивыхъ и самыхъ, повидимому, неуживчивыхъ качествъ, отъ которыхъ зависѣли его слава и его несчастіе». Еще большею странностью отличается слѣдующая характеристика Гоголя: «натура, способная увлекаться призраками, своею лихорадочностью до того подогрѣвала стремленіе къ этой призрачности, что она являлась чѣмъ то необходимымъ, дѣломъ его души и сердца, а его хохлацкая природа, о которой говорятъ, что ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое». Но кромѣ того авторъ стоитъ на томъ антиисторическомъ объясненіи, что Гоголь никому ничѣмъ не обязанъ въ своемъ развитіи, ни семьѣ, ни школѣ, ни вліяніямъ. Вообще авторъ почти безусловно довѣряетъ отзывамъ Гоголя о самомъ себѣ. Только нѣсколько критически онъ относится къ письмамъ Гоголя, которыя онъ адресовалъ своей матери. Вообще говоря, авторъ признаетъ жизнь Гоголя нормально здоровою. Авторъ сердится на тѣхъ, которые говорятъ что нибудь противъ Гоголя. «Я не стану, говоритъ онъ, вступать въ полемику съ названными изслѣдователями (Ор. Миллеромъ и Пыпинымъ), не намѣренъ также приставать къ ихъ лику, потому что задача біографа не въ охуленіи и не въ оправданіи даннаго историческаго лица». Авторъ говоритъ, что ни одинъ изъ названныхъ ученыхъ не имѣлъ въ виду характера Гоголя, который заключалъ въ себѣ много двойственности и противорѣчій.

Указавъ факультету на всѣ недостатки означеннаго сочиненія, я не могу не прибавить того, что авторъ очень долго работалъ надъ своимъ трудомъ, очень много прочелъ для этого сочиненія, даже обращался къ товарищу Гоголя

по лицею г. Базили*) отъ котораго получилъ немного мелкихъ свѣденій, касающихся Гоголя.

Изъ сочиненія видно, что авторъ очень любитъ Гоголя, признателенъ ему за его великія произведенія. Въ виду всего этого я не былъ бы противъ того, что бы поощрить большой трудъ автора.

Приложеніе къ ст. 18 протокола 20 Августа.

Отзывы проф. Некрасова о двухъ пьесахъ, удостоенныхъ преміи И. Ю. Вучины.

I.

«На новыхъ началахъ», *ком. въ 4 дѣйст.*

Названная мною комедія посвящена женскому вопросу въ нашемъ обществѣ. Впрочемъ, не одна эта комедія, изъ пьесъ, представленныхъ въ настоящемъ году на соисканіе поощрительной преміи И. Ю. Вучины, посвящена этому вопросу. Если выходить изъ такого положенія, что піесы, представляемыя на конкурсъ въ каждомъ году, по своимъ сюжетамъ могутъ имѣть что нибудь характерное, то о настоящемъ годѣ можно сказать, что большинство пьесъ,

*) Со словъ Г. Базили авторъ внесъ разсказы о нѣкоторыхъ шалостяхъ Гоголя въ школѣ, о томъ, что Гоголь въ школѣ не щадилъ своихъ силъ и постоянно работалъ для театра, для журнала. издававшагося въ школѣ, что Гоголю легко давался стихъ, что, возвращаясь изъ Ерусалима, Гоголь въ Одесскомъ карантинѣ чертилъ каррикатуры, изъ которыхъ одна, принадлежащая Г. Базили, представляетъ прогуливающихся мужчину и женщину подъ ручку и по дорогѣ встрѣчающихъ невѣжливыхъ людей. Другія группы представляютъ какъ бы набросокъ идущихъ и ѣдущихъ на ослахъ пилигримовъ

представленныхъ въ этомъ году на конкурсъ, посвящены женскому вопросу. Извѣстно, что вопросъ женской эмансипаціи въ европейской литературѣ былъ особенно рельефно поставленъ и популяризированъ типами французской писательницы *Жоржъ-Зандъ*. Впрочемъ, въ нашей литературѣ этотъ вопросъ получилъ своеобразный оттѣнокъ, каковъ онъ и въ самой нашей жизни. Тогда какъ Жоржъ-Зандъ поднимала вопросъ женской эмансипаціи безъ связи его съ вопросомъ о женскомъ образованіи, во имя правъ человѣческихъ, во имя темперамента, въ нашей литературѣ, какъ и въ жизни, явилось и то, и другое. Въ жизни-же у насъ, какъ извѣстно, вопросъ женскаго образованія сталъ на первомъ планѣ. У всѣхъ на глазахъ открытіе массы женскихъ гимназій и прогимназій, высшихъ женскихъ курсовъ во многихъ университетскихъ городахъ Россіи Нельзя потому не привѣтствовать и отзывчивость нашихъ драматурговъ!

Названная мною выше комедія «На новыхъ началахъ» посвящена исключительно вопросу женской эмансипаціи. Комедія представляетъ передъ нами картину поведенія глубоко-оскорбленной жены, которую незаслуженно бросилъ мужъ, увлекшись другой.

На собственной дачѣ подъ Москвой живетъ Зинаида Борисовна *Аркунина*, мужъ которой съ другою уѣхалъ въ Парижъ. Аркунину навѣщаетъ занимающійся въ богатой купеческой конторѣ и, больше всего, интересующійся сдѣлать карьеру при помощи богатой невѣсты—Дмитрій Григорьевичъ *Шарумовъ*. «Чрезъ нѣсколько дней, говоритъ Шарумовъ Аркуниной, вы получите разводъ съ человѣкомъ, который не съумѣлъ васъ оцѣнить, дѣлаетесь свободны и, если я прошу васъ довѣрить мнѣ дальнѣйшую

свою судьбу, предлагаю вамъ устроить ваше счастіе, посвятить вамъ жизнь, то только потому, что больше чѣмъ увѣренъ, что, согласившись, вы не раскаетесь». Но Аркунина внутренно смѣется надъ такимъ аферистомъ; она подтруниваетъ надъ его угрозами, что онъ лишитъ себя жизни и, чтобы отдѣлаться отъ его докучливаго ухаживанья, рекомендуетъ ему познакомиться съ ея молодой кузиной *Невинской*, умышленно сказавъ ему, что она очень богата. Отправляясь встрѣтить свою кузину, Аркунина проситъ Шарумова встрѣтить свою тетушку *Гурину*, которая за землю ведетъ безконечный процесъ съ своимъ братомъ. Братъ и сестра Гурины, хотя и являются типами, извѣстными въ нашей литературѣ со времени Гоголя, тѣмъ не менѣе, представляя нѣкоторое своеобразіе, значительно пополняютъ собою комическій элементъ пьесы и въ значительной степени способствуютъ ея движенію. Можно только вывести одно заключеніе, что мало цивилизующаго и освѣжающаго бѣдная молодая женщина Аркунина могла находить у близкихъ своихъ родныхъ. Они были въ пользу развода своей племянницы, но пугали ее, что мужъ будетъ просить отступнаго, денегъ за разводъ. Кромѣ Гуриныхъ, комическимъ лицомъ въ значительной степени является искатель богатыхъ невѣстъ *Шарумовъ*. Встрѣчи съ нимъ молодой дѣвушки серьезной и сердечной въ душѣ, но шалуньи наружной, полны живости и веселаго комизма. И вотъ только одна эта свѣтлая личность въ пользу того, чтобы Аркунина не спѣшила съ разводомъ, не такъ строго осуждала своего мужа

Я уже сказалъ, что Аркунина стоитъ выше увлеченія такими личностями, какъ Шарумовъ. Она точно также равнодушна и къ ухаживающему за нею одному аристо-

крату, котораго перестаетъ принимать къ себѣ, когда онъ началъ дѣлать ей подарки. Ясно поэтому, что Аркунина свободна въ это время отъ всякаго увлеченія и что у нея нѣтъ никого, во имя котораго она систематически-опредѣленно желала-бы получить разводъ съ мужемъ. А между тѣмъ мужъ ея, разочаровавшись въ своемъ увлеченіи, возвращается въ Москву и является къ женѣ съ повинною; но Аркунина глубоко оскорблена своимъ мужемъ, какъ женщина. Въ интимномъ разговорѣ съ кузиной Невинской она говоритъ: «Ужасно быть незаслуженно униженной и сознавать свое ничтожество, но понимать, что не составляешь для любимаго человѣка ни малѣйшаго интереса въ то время, когда готова всю жизнь свою посвятить ему». И вотъ она рѣшается отомстить своему мужу за свое оскорбленіе, за свое униженіе, за раны своего самолюбія. Она желаетъ того, чтобы мужъ «въ отчаяніи у ногъ ея просилъ не прощенія, а пощады, чтобы онъ проклиналъ тотъ день и часъ, когда, покинувъ ее, въ объятіяхъ куртизанки съ курьерскимъ поѣздомъ спѣшилъ въ Парижъ». «Былъ холодный, настоящій осенній вечеръ, говоритъ она; я сидѣла въ спальнѣ у кровати умирающаго ребенка, переживая самыя ужасныя минуты». Такъ, не съ равнодушіемъ, а чувствомъ мести встрѣчается она съ своимъ мужемъ. Долго приходится добиваться мужу позволенія явиться къ своей женѣ; его нѣсколько разъ выгоняютъ, то сама жена, то ея дядя. Не смотря на это, онъ письмами проситъ позволенія видѣть свою жену и дочь. Сначала Аркунина не открываетъ мужу того, что дочь ихъ умерла, а просто говоритъ, что онъ не имѣетъ права ее видѣть. Когда-же мужъ подписываетъ свое согласіе на разводъ и даетъ множество доказательствъ своего сожалѣнія о прошломъ, тогда

только Аркунина изъявляетъ согласіе на свиданіе съ нимъ. Изъ разговора съ кузиной видно, что Аркунина считаетъ своего мужа честнымъ человѣкомъ, исключая только его проступокъ противъ нея, его увлеченія. Она вышла замужъ еще очень молодою, вышла потому, что Аркунинъ былъ ловокъ, остроуменъ, царилъ въ обществѣ, а это льстило ея самолюбію. Она упрекаетъ мужа за то, что она «тихая, кроткая, безъ фальши, безъ обмана, безъ искуственныхъ пріемовъ тонкаго кокетства, не могла поддерживать въ немъ увлеченія, разжигать его страсти, что для него нужна была пикантность, чего въ ней онъ не могъ найти». Мужъ искренно оплакиваетъ минувшее время. Тогда Аркунина дозволяетъ ему посмотрѣть ихъ дочь, или, вѣрнѣе, ея портретъ, потому что дочь умерла. Проведя своего мужа чрезъ чистилище своихъ испытаній, Аркунина, наученная опытомъ осторожности, предлагаетъ ему только дружбу. Аркунинъ-же, увѣренный, что она въ отсутствіе его никого не любила, проситъ ее тоже подписать разводъ и этимъ подвигаетъ дѣло въ свою пользу. Аркунина на первыхъ порахъ отказывается это сдѣлать, желая, чтобы за нею оставалось только это право, какъ гарантія. И вотъ она предлагаетъ, чтобы ея мужъ нанялъ себѣ квартиру въ одномъ съ нею домѣ, купилъ рядомъ съ нею имѣнье Гуриныхъ, изъ-за котораго они ведутъ тяжбу, что со временемъ, какъ она говоритъ, стѣна, раздѣляющая ихъ квартиры, можетъ быть прорублена, а рѣка дастъ возможность переплыть мужу изъ своего имѣнія въ ея имѣніе. Конечно, мужъ соглашается жить на этихъ новыхъ условіяхъ испытанія, или какъ назвалъ авторъ свою пьесу, *на новыхъ началахъ*. И такъ, не смотря на значительные драматическіе задатки, пьеса осталась комедіей. Даже самъ симпа-

тичный Аркунинъ не разъ оказывался въ комическихъ положеніяхъ. Пьеса оканчивается комическимъ извѣстіемъ, что Шарумовъ женился-таки на старухѣ Гуриной, впрочемъ, мнимо богатой.

Типы мужа и жены Аркуниныхъ привлекаютъ глубокую симпатію къ своей судьбѣ, къ ихъ горю, вышедшему отъ ихъ темпераментовъ и сложившихся обстоятельствъ жизни. Полная доброты и честности, но еще не вполнѣ развившаяся Аркунина, встрѣтилась съ порывистой натурой мужа. Такая встрѣча потребовала очистительной жертвы. Но соединеніе разорваннаго всегда уже представляетъ узелъ, новые союзы, новыя условія, новыя начала. Характеръ Аркуниной вѣренъ психологически. Это характеръ мягкой, кроткой женщины, чрезвычайно сдержанной и, прибавлю, пожалуй, не отличающейся большою глубиною, высотой образованія, способной увлечься внѣшностью, выйти замужъ подъ сильнымъ вліяніемъ самолюбія. Тѣмъ не менѣе, нельзя не отдать ей чести въ попыткахъ выйти изъ своего прискорбнаго положенія, созданнаго у насъ соціальными условіями. Если-бы кому на первый взглядъ показался нѣсколько неестественнымъ типъ мужа, согласившагося выносить всѣ униженія, то вопросъ о томъ, что женщина болѣе горда въ дѣлѣ любви, чѣмъ мужчина, художественно разъясненъ еще геніальнымъ европейскимъ драматургомъ, въ одной изъ его комедій, гдѣ влюбленные, поссорившись, сидятъ въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ, и, въ концѣ-концовъ, мужчина, первый, дѣлаетъ шагъ къ примиренію и заговариваетъ съ предметомъ своей любви.

Помимо серьезно поставленнаго вопроса, имѣющаго вполнѣ жизненный интересъ, комедія отличается не только ярко обрисованными характерами лицъ, но и драматизмомъ

отъ начала до конца. Ни одно лицо въ ней не коментируется другимъ, а само выражается въ дѣйствіи. Ходъ пьесы отличается живостью, мастерствомъ обработки отдѣльныхъ сценъ. Желаемъ автору, кромѣ премій имени И. Ю. Вучины, и успѣха на русской сценѣ, въ чемъ мы и не сомнѣваемся.

II.

«Ненужная жизнь», *драма въ 5 дѣйст.*

Названная драма знакомитъ насъ съ жизнью мелкихъ дѣльцовъ, маклеровъ, повѣренныхъ по дѣламъ. Это типъ, только недавно появившійся въ нашей жизни. Драма избираетъ для этого семейную жизнь одного повѣреннаго по дѣламъ. Она представляетъ намъ въ нажившемся маклерѣ любовь къ семейной жизни, желаніе обладать красивой женой, такъ что, для него, жизнь кажется ненужной, когда жена бросаетъ его. Этотъ повѣренный по дѣламъ образовался изъ порядковъ старыхъ судебныхъ учрежденій, изъ писцевъ старой управы благочинія. Фортунатъ Ефимовичъ *Недыхляевъ* долго работалъ на избранномъ имъ поприщѣ, отказывалъ себѣ во всемъ, наживалъ себѣ состояніе всякими путями, и, наконецъ, дозволилъ себѣ вкусить счастье—жениться на красивой дѣвушкѣ, получившей пансіонское образованіе, дочери одной раззорившейся купеческой семьи въ Москвѣ. Впрочемъ похожій на этотъ типъ началъ нарождатся въ нашемъ обществѣ еще во время откупа, благодаря которому въ обществѣ появились кабатчики и сидѣльцы, которые, сколотивъ деньжонки, доживали свой вѣкъ въ какомъ нибудь уѣздномъ городкѣ съ молодой женой и малолѣтними дѣтками. Этихъ-то новыхъ не-

большихъ капиталистовъ нашъ талантливый сатирикъ окрестилъ именемъ homo novus'a. Типъ повѣренныхъ по дѣламъ—новое явленіе въ нашемъ обществѣ. Трудно сказать, какое образованіе получилъ Фортунатъ Ефимовичъ *Недыхляевъ*. Нужно полагать, что все его ученье окончилось старымъ уѣзднымъ училищемъ; невидавшій порядочнаго общества, постоянно стѣсняющійся, Недыхляевъ изъ Москвы перебирается въ глухой губернскій городъ, чтобы жить вдали отъ всякихъ соблазновъ, ужиться съ которыми ему не легко, потому что онъ чувствуетъ большое удовольствіе въ обладаніи своею красавицей женой. Удастся-ли Недыхляеву уберечь свою жену въ провинціи—вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ драмы. Но и въ провинціи есть люди. И, дѣйствительно, вскорѣ послѣ своего пріѣзда Недыхляевъ встрѣчаетъ одного изъ своихъ старыхъ сослуживцевъ Прохора Авдѣевича *Ревякина*, который не увлекся карьерой наживы, а сдѣлался *человѣколюбцемъ*, занявши должность почтмейстера. «На почтѣ, говоритъ Ревякинъ, сужденій и заключеній не требуется, а это при дикости моихъ воззрѣній, такъ сказать, застраховываетъ; матеріалъ у насъ неодушевленный, значитъ самый прекрасный, потому, какъ не усердствуй – зла никакого не выйдетъ». Я назвалъ Ревякина человѣколюбцемъ, потому что онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ общества, которые очень малымъ довольствуются, но зато сочувствуютъ и готовы помогать всему страждущему. Кухаркой у Ревякина служитъ женщина, которая немножко свихнулась, съ тѣхъ поръ, какъ мужа ея переѣхалъ желѣзнодорожный поѣздъ. Съ нимъ живетъ его пріемышъ *Порубежниковъ*, получившій университетское образованіе. «Въ одинъ октябрскій холодный день, говорилъ Порубежниковъ, босой, дрожа и

ежась въ лохмотьяхъ, просилъ на улицѣ милостыню мальчикъ. Онъ былъ круглый сирота, забитый, несчастный ребенокъ. Мальчикъ этотъ вашъ покорнѣйшій слуга. Прохоръ Авдѣичь взялъ меня, полуживаго отъ стужи, привезъ въ своей шубѣ къ себѣ и отходилъ отъ злѣйшаго тифа. Жизнью, образованіемъ, словомъ, всѣмъ я обязанъ ему. Почти при одинаковыхъ условіяхъ со мною взялъ онъ къ себѣ другую несчастную дѣвочку. Ее звали Поленькой. Отецъ ея, пожарный солдатъ, сгорѣлъ на пожарѣ, а мать вскорѣ затѣмъ умерла.—Она исчезла съ однимъ офицеромъ, который квартировалъ по сосѣдству; бѣдной дѣвочкѣ едва минуло тогда 16 лѣтъ»... Итакъ, у Ревякина вся жизнь для другихъ, для страждущихъ, въ противуположность Недыхляеву, у котораго все для себя, для личнаго эгоизма. Самое сильное горе Ревякина—это объ умершей воспитанницѣ Полѣ.

Драма, такимъ образомъ, происходитъ при столкновеніи этихъ противуположныхъ другъ другу семей. Но и въ самой семьѣ Недыхляева есть легкій протестъ противъ его эгоизма въ его сестрѣ Таисѣ, старой дѣвѣ, у которой есть задатки прямоты характера, но которая, при недостаткѣ образованія, въ своихъ претензіяхъ является комичною. Таиса не любитъ брата за эгоизмъ и бранитъ его женѣ. Драма начинается съ того, что молодой Порубежниковъ понравился женѣ Недыхляева, Марьѣ Ильинишнѣ. Порубежниковъ, въ свою очередь, не могъ не увлечься ея красотой. Встрѣтились два лица, воспитавшіяся въ двухъ противуположныхъ семейныхъ и общественыхъ школахъ. Это знакомство сильно возбуждаетъ ревность мужа. Недыхляевъ то дѣлается приторно любезнымъ, то почти инстинктивно говоритъ колкости. Порубежниковъ, какъ воспитавшійся ъв

школѣ честности, предлагаетъ Марьѣ Ильинишнѣ, что онъ объяснится съ ея мужомъ. Но она этого-то именно и не желаетъ. Напротивъ, она находитъ болѣе удобнымъ и заманчивымъ обманывать мужа, чтобы онъ оставался въ полномъ невѣденіи относитительно ея поведенія. Мало того, когда она тайно отъ мужа устраиваетъ свиданья, она дѣлается къ мужу любезнѣе, предупредительнѣе. «Брось мужа, къ намъ иди, говоритъ сама съ собою Недыхляева. Что выдумалъ! И зачѣмъ, когда все такъ удобно и просто? Фантазеръ! Нѣтъ, тѣ мужчины, съ которыми я въ дѣвушкахъ танцовала, не стали-бы такъ.... Онъ и смотрѣть по ихнему не умѣетъ; а у этого разсужденія, философія.. Глупенькій». Такова школа, въ которой воспитывалась жена Недыхляева; это школа обмана, наглаго эгоизма темнаго царства. Маничка одинъ изъ тѣхъ типовъ, надъ которыми такъ много и такъ блистательно трудился Островскій. Въ лицѣ Маріи Ильинишны авторъ даетъ намъ нѣсколько развившійся и видоизмѣнившійся типъ женщины изъ темнаго царства, изъ забитой превращающейся въ требовательницу свободы, т. е. свободы съ извѣстной стороны, со стороны вольныхъ нравовъ. По словамъ Маріи Ильинишны, всѣ кавалеры, съ которыми она въ молодости танцовала, были такого-же взгляда. По несчастію, воспитаніе она получила не гимназическое, а пансіонское. Несомнѣнно, что нужно пройти нѣсколькимъ поколѣніямъ, чтобы въ темномъ царствѣ совершенно очеловѣчились нравы и накопились воспитательные элементы цивилизаціи! Само собою разумѣется, что Марья Ильинишна не искренно вышла замужъ за Недыхляева: «знакомые задрали носы, сама она разсказываетъ, ахъ, и злость-же брала меня на этихъ разфуфыренныхъ дуръ! За Фортуната Ефимовича выйти—это

еще что! Я и не на то-бы рѣшиться могла, чтобы насмѣяться имъ въ глаза, ослѣпить». Ясно отсюда, что фальшивыя отношенія между Порубежниковымъ и Марьей Ильинишной не могли долго продолжаться и сами собою порвались-бы, окончившись на всегда совершенно мирно, безъ всякой драматической катастрофы. Но ходъ пьесы ускоряется Недыхляевымъ, котораго нервы уже не выдерживали; онъ не способенъ былъ сдерживать инстинкты своего воспитанія, которое совершалось въ той средѣ, гдѣ мужъ деспотъ бьетъ, уродуетъ и истязаетъ свою жену. Образованіе Недыхляевъ получилъ ничтожное, чтобы онъ въ состояніи былъ себя переработать. Онъ теряетъ сонъ, ходитъ ночью по комнатамъ, разговаривая самъ съ собою; ему представляется старый владѣлецъ его дома, повѣсившійся на душникѣ, отъ запутанныхъ своихъ дѣлъ. Въ это время Марья Ильинишна упросила Порубежникова, чтобы онъ пришелъ на послѣднее объясненіе въ бесѣдку сада. Недыхляевъ не можетъ справиться съ своими инстинктами, подкрадывается къ влюбленнымъ и хочетъ ножемъ убить Порубежникова, но роняетъ ножъ; когда-же Марья Ильинишна объявляетъ ему, что не будетъ больше жить съ нимъ, то онъ ищетъ потерянный ножъ, чтобы зарѣзать себя.

Несимпатичная личность Недыхляева можетъ вызывать къ нему нѣкоторое сожалѣніе и состраданіе. Бѣдность, недостатокъ образованія, энергія и сила характера и какія-то неопредѣленныя стремленія—таковъ образъ Недыхляева. Не внося собою идеальныхъ нравственныхъ чертъ, Недыхляевъ является представителемъ дѣятельности, неугомонной энергіи. Это типы дѣльцовъ, возникающіе въ послѣднее время!

Драма отличается несомнѣнными достоинствами и основной картиной нравовъ, и характеристикой новаго общественнаго дѣятеля, и меткой обрисовкой характеровъ, и драматизмомъ развитія въ дѣйствіи. Особенно мастерски обработаны отдѣльныя сцены, въ которыхъ авторъ проводитъ серьезные взгляды на жизнь. Все это вполнѣ заслуживаетъ вниманія и достойной оцѣнки.

«Перекрестный огонь», комедія въ 3 д., Евгеніева (псевдонимъ*)

Разборъ ор. пр. *А. Кочубинскаго.*

(Посвящается старому другу).

При нѣкоторомъ обѣднѣніи драматической литературы не только у насъ, но и въ Западной Европѣ, гдѣ «если-бы не было французовъ—говоритъ современный нѣмецкій критикъ, Павелъ *Линдау* — то двѣ трети германскихъ театровъ должны-бы были закрыться», гдѣ—напр. въ Германіи—изъ представляемыхъ на премію Шиллера драматическихъ произведеній въ теченіе 20 лѣтъ только три пьесы были признаны достойными,—нельзя при нашемъ сужденіи Вучиновскихъ наградъ не останавливаться съ признательностью каждый разъ, когда на нашъ конкурсъ появляется хоть сколько-нибудь живой, съ мыслью, выдержанный трудъ, хотя бы онъ ни хитростью развитія, ни новостью содержанія или типа не выдѣлялся бы особенно рѣзко. Поощрительное вниманіе — безспорное право подобнаго труда.

Къ трудамъ такого рода мы позволяемъ себѣ отнести

---

*) Удостоена половинной преміи И. Ю. *Вучины*. Авторомъ оказался *Воскресенскій* (въ С.-Петербургѣ).

и трехактную комедію анонимнаго автора—«Перекрестный огонь».

Дѣйствіе въ Петербургѣ, въ наши дни, хотя послѣднее обстоятельство не имѣетъ особаго значенія (какъ это будетъ ясно сейчасъ ниже). Три акта обнимаютъ событія трехъ послѣдующихъ дней: вечеръ, сумерки петербургскія, слѣд. раннія, и утро третьяго дня, событія самой обыденной жизни семьи — въ данномъ случаѣ — семьи столичнаго адвоката. Эти событія касаются трехъ лицъ: мужа, жены и друга, школьнаго товарища мужа.

Наша комедія — это живая *картинка*, но въ самой слабой степени, *нравовъ* (жизни современнаго адвоката)— а *страсти*, и наиболѣе сильной, какъ и старой—любви, и при томъ любви женщины, незаурядной — даровитой, энергической, съ чувствомъ, ищущей цѣли жизни, и не мирящейся съ прозябаніемъ — сегодня, какъ вчера. Эта комедія —*психологическій этюдъ*, выясняющій въ живомъ дѣйствіи самыя обыкновенныя положенія *сильной* женской натуры, но въ тоже время нерѣдко непонимаемыя людьми, которыхъ они касаются прежде всего и которые могли бы понимать ихъ—*практиками*, и опытными.

Вѣтвицкій (мужъ) — столичный адвокатъ, не начинающій, а обильно пожинающій плоды своей многолѣтней дѣятельности: въ обстановкѣ его дома роскошь, изысканный комфортъ, въ придачу — красавица - жена, тоже часть комфорта. Какъ всякій homo novus, адвокатъ не безъ притязаній на полноту аристократическаго дома—въ квартирѣ даже «зимній садъ». Это одинъ изъ стаи тѣхъ многихъ, представитель которыхъ такъ вѣрно и мило - пикантно обрисованъ гр. Толстымъ въ «Аннѣ Карениной». Когда жена, *Нина Александровна*, въ припадкѣ психическаго раздраженія, какъ

ребенокъ, щиплетъ листья на какомъ-то дорогомъ растеніи въ гостинной, и мужъ застаетъ ее за этимъ дѣломъ, онъ въ ужасѣ. Но отъ чего? *Отъ сора* въ гостинной. «Виновата—я *насорила* въ *вашей* гостинной», торопливо, но колко говоритъ жена. Женатъ онъ давно—ему подъ 40, женѣ — 32 года. Его, годами упроченному, блаженству, по видимому, уже ничто на свѣтѣ не могло стать на пути. Жена—кроткое, преданное существо, по его собственнымъ словамъ—слѣдовательно было все, что требовалось для его комфорта. Онъ готовъ былъ повторить собой евангельскаго богача, какъ *вдругъ* — для него — подкралась и подъ его блаженный кровъ злая судьба и нарушила тишину его души: жена измѣнилась въ своемъ «кроткомъ» обращеніи къ нему—она стала относиться апатично.

Что же за туча явилась и сразу омрачила ясный, безоблачный небосклонъ адвоката? Онъ, опытный ловецъ, не въ состояніи орьентироваться въ обстоятельствахъ своей семейной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, какъ умъ приложить? Чего же женѣ недостало? Роскошная жизнь, блестящая обстановка, а еще самъ онъ—развѣ этого мало? Онъ—всегда съ карманомъ, съ упроченнымъ адвокатскимъ именёмъ. Онъ ищетъ «кроткой» Нины и—не находитъ, теряется въ догадкахъ, мучится съ своимъ себялюбіемъ.

А между тѣмъ перемѣна была такъ естественна, такъ необходима. Причина ея могла быть ясна для каждаго, но — кто съ сердцемъ. Но бѣда — что у самого Вѣтвицкаго сердца для истинной, человѣческой любви къ женщинѣ раньше не было. Одно недавнее обстоятельство изъ его семейной жизни прошло для него незамѣтно, какъ пустое, ничтожное—на его *дѣловой* взглядъ, а между тѣмъ въ немъ и былъ ключъ ситуаціи.

Это пустое обстоятельство—недавняя смерть малютки дочери, и единственной. Въ своихъ требованіяхъ отъ жизни адвокатъ Вѣтвицкій слишкомъ далекъ отъ мысли считаться съ какою-то смертью малютки, не то, чтобы усмотрѣть или заподозрѣть въ немъ единственный источникъ роковой для него, стараго себялюбца, перемѣны. Вѣдь у него или съ нимъ лично никакой перемѣны отъ смерти или по смерти Вѣрочки (малютки) не послѣдовало. Мучится онъ, не понимая причины, и для возвращенія стараго равновѣсія въ своей неглубокой душѣ, онъ готовъ прибѣгнуть къ сценамъ ревности или своеобразнаго вразумленія («вѣдь я—не забывай-те».....). Но жена пренебрежительно величаетъ его «мой мужъ, мой повелитель»... и—спокойна предъ угрозой.

Второе обстоятельство, столь же роковое, какъ и непонятное Вѣтвицкому-дѣльцу, что женѣ въ это-же время идетъ 32 годъ — она вступила въ возрастъ особаго рода. «Тихая лампада—говоритъ авторъ устами Фролова—горитъ ясно и спокойно, а передъ тѣмъ, какъ погаснуть, вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ; тоже бываетъ и съ *порядочными* женщинами *на порогѣ зрѣлыхъ лѣтъ*» (I, 11).

Въ этотъ-то моментъ тяжелаго душевнаго состоянія Вѣтвицкаго, опытнаго въ *своихъ* дѣлахъ, но не понимающаго положенія семьи, и начинается комедія.

Свою душу Вѣтвицкій открываетъ только что возвратившемуся изъ-за границы старому другу, Фролову (онъ у него остановился). Этотъ — по профессіи художникъ, поэтъ-романистъ, спеціально посвятившій свой талантъ анализу страсти и, особенно, женщины. Примѣнительно къ заглавію пьесы Фроловъ — главное лицо комедіи, что совершенно невѣрно.

Фроловъ наводитъ на откровеніе замѣчаніемъ, что *одна веревочка* связываетъ ихъ обоихъ. Другъ-мужъ готовъ былъ уже понять, что эта веревочка ни что иное, какъ потерянная для него жена, Нина, когда Фроловъ объясняетъ ему одинъ эпизодъ изъ своей за-граничной жизни въ которомъ играла несчастную для него роль не Нина, но иная женщина, характеромъ равная ей, «страшная» женщина, прибавляетъ онъ.

«Лѣчи, руководи мною. Самъ видишь, въ какомъ я положеніи..», умоляетъ Вѣтвицкій, особенно, когда услышалъ слово «страшная», и Фроловъ проситъ его разсказать, но подробно, обстоятельства жизни послѣдняго времени.

«Дѣло началось.... прошлаго года, говоритъ Вѣтвицкій. Послѣ смерти Вѣрочки мы поѣхали въ деревню.... Тамъ у насъ опасно заболѣлъ управляющій, и Нина взяла на себя все хозяйство. Она такъ блистательно повела дѣло, что управляющій оказался лишнимъ»... Жена оставалась въ деревнѣ, а мужъ только наѣзжалъ. «Но не забуду послѣдняго пріѣзда... Вхожу и не узнаю моей Нины. Нисколько не обрадовалась, даже не встрѣтила. Начинаю говорить и новое открытіе! Задушевное, простое *ты* она, замѣтила вѣжливымъ, холоднымъ *вы*... Пошли капризы, недоразумѣнія, колкости съ ея стороны. Я началъ теряться. Дошло до того, что она начала обращаться ко мнѣ не иначе, какъ со словами «мой мужъ, мой повелитель»... Стала считать меня... какимъ-то камнемъ на ея дорогѣ, который столкнуть надобно. По переѣздѣ въ городъ таже исторія: вмѣсто кроткой, преданной, любящей жены подлѣ меня очутилась вѣчно будирующая кокетка»... продолжаетъ изливать свою скорбь Вѣтвицкій, давая понять своему другу, какъ незаслуженно несетъ онъ эту пытку кару, когда

не существовало ни малѣйшаго повода къ охлажденію—онъ съ тѣми-же аттрибутами, вокругъ — все тоже, безъ перемѣны. О смерти *своей* Вѣрочки онъ упомянулъ, но въ самомъ началѣ, какъ объ обстоятельствѣ безъ цѣны, значенія, такъ, для лѣтописной полноты. Въ своей, немного комической, безпомощности — вѣдь онъ всетаки изъ *соли* земли, могущій разумѣть вещи, связывать слѣдствія съ причиной—онъ въ своемъ другѣ ищетъ найти разрѣшенія, выхода.

Другъ не дѣлецъ, а поэтъ и романистъ, слѣд. человѣкъ прежде всего *чувства*, человѣкъ не гроша, а *сердца*. Онъ любитъ женщину, но сердцемъ, для него мало того пріятнаго щекотанія, которое испытываетъ и Вѣтвицкій отъ «талій», «класичесскихъ формъ», какъ тотъ признается. Для Фролова, какъ прожившаго большую долю жизни въ мірѣ благороднаго чувства — въ мірѣ поэзіи, искусства, «порядочной» женщины — не загадка положеніе друга-адвоката. Изъ исповѣди адвоката онъ быстро охватываетъ связь обстоятельствъ, и онъ у дороги. Но онъ не торопится въ разъясненіи ему щекотливаго и деликатнаго вопроса: только рядомъ простыхъ, но прямыхъ вопросовъ— о возрастѣ жены, дѣтяхъ — онъ старается навести его самого. Но тотъ въ возбужденіи своемъ ждать не можетъ— вынь да подай истину: «не мучь же меня, умоляетъ Вѣтвицкій, скажи, что это такое». — «Дай мнѣ время ближе вглядѣться въ твою жену и тогда скажу всю правду, какъ бы горька она ни была»—успокаиваетъ Фроловъ, и тотъ соглашается на искусъ — приревновать жену къ Фролову. Но Фроловъ и не предчувствуетъ, на какую женщину ему придется напасть—и выдержитъ ли онъ роль наблюдателя, взявшагося за уврачеваніе ..

Но вотъ и она, очаровательная Нина, 32 лѣтъ, въ разцвѣтѣ красоты, но потерявшая недавно свою малютку, по существу—средоточіе драмы. Она съ прогулки. Она застаетъ у мужа, кромѣ Фролова, еще своего стараго знакомаго, Курганова, профессора и почему-то *скотовѣдьнія*, потому, вѣроятно, и небрежно одѣтаго. Въ туже минуту она даетъ понять свое чувство къ Фролову (который этого не понимаетъ) и свое пренебреженіе къ «повелителю»...

Нина. «Вамъ, поэтъ, вручаю ту вещь, которая покрывала волосы дамы»...

Фроловъ. — Душистые, какъ нардъ и киннамонъ.

Нина. «Можетъ быть, *вамъ* это легко узнать». Иная рѣчь въ обращеніи съ мужемъ. Она дала ему муфту и тотъ чуть не уронилъ: «ахъ, Боже мой... адвокатъ и такъ не ловки!» Тотъ спѣшитъ глупо оправдаться: «я засмотрѣлся на васъ!»—«Очень нужно было», пренебрежительно замѣчаетъ Нина.

Итакъ, и *она* страдаетъ, какъ и онъ: онъ — отъ неполноты обстановки — въ его давно прочно сложившейся жизни сталъ замѣчаться недочетъ — въ «кроткой» женѣ; она — отъ пустоты душевной, которая усугубляется отъ присутствія «повелителя» и его благъ. *Его* страданія могутъ вызвать и улыбку; *ея*—въ каждомъ непредубѣжденномъ человѣкѣ вызываютъ одно чувство—симпатіи, соболѣзнованія.

Она вся въ своемъ симпатическомъ страданіи, съ первыхъ же словъ своего перваго монолога, вся нервная, раздражительная. «Боже мой, Боже мой! никогда не могу его одного встрѣтить... Вѣчно мужъ съ нимъ. Правда, онъ его любитъ, но не *такъже*, какъ...» Въ раздраженіи она судорожно обрываетъ листки дорогаго растенія, «а потомъ и

кадочку брошу за окно, говоритъ она;... я убивать не хочу, а мнѣ теперь просто кого-нибудь помучить хочется» (I, 4). За этимъ дѣтскимъ преступленіемъ застаетъ ее мужъ. «Виновата, я насорила въ вашей гостинной», язвительно извиняется она. Но тотъ ничего не понимаетъ. «Ахъ, умны вы, Владиміръ Николаевичъ, а *женщинъ не* знаете», говоритъ она.

Тяжелое состояніе Нины нѣсколько разрѣшается, когда, наконецъ, ей удалось остаться наединѣ съ Фроловымъ, котораго она полюбила со всѣмъ пыломъ *послѣдней* страсти, и идеально. Почему полюбила — отвѣтъ будетъ сейчасъ.

Нина посадила Фролова около себя «Мнѣ хочется вглядѣться въ васъ, въ ваши черты, ближе вглядѣться, хочу провѣрить себя, *свое воображеніе*», привѣтливо говоритъ она ему и начинаетъ *свою* исповѣдь, полную жизненной правды и горя.

«Въ послѣдній разъ вы пріѣзжали къ намъ годъ тому назадъ, когда я была въ траурѣ, когда я потеряла малютку-дочь, которую любила горячо, безумно, и для которой всю себя хотѣла посвятить семейству *Вы плакали вмѣстѣ со мною.* Не удивляйтесь же, что я, женщина, дала вамъ мѣсто въ своей душѣ, въ своемъ воспоминаніи... Вы знаете Владиміра и можете догадаться, какъ затѣмъ шло время. Дѣтей у меня больше не было, мужъ вѣчно былъ занятъ, общество у насъ не собиралось, а *среди роскоши и комфорта я оставалась одна, совершенно одна*, съ своими мыслями, съ своей безпокойной головой. Тутъ все чаще и чаще стали припоминаться мнѣ *ваши слезы,* ваше лицо, и я, Викторъ, я привязалась къ вамъ... Я взялась за ваши сочиненія. Я цѣлыя ночи проводила надъ ними безъ сна.

Сердце билось, голова пылала, я читала между строками. И тутъ-то я уловила твою душу, пылкую, страстную, отзывчивую на всякую мысль, на всякій вздохъ женщины, на то я сама женщина». Страстнымъ поцѣлуемъ заключила Нина свою горячую исповѣдь предъ растерявшимся Фроловымъ. А его задача? «Чувствую, замѣчаетъ онъ, что меня подхватила какая-то волна и несетъ куда-то съ страшной чарующей силой. А надо устоять, удержаться!»

Но—возможна ли подобная исповѣдь? Скажутъ—женщина, сама бросается на шею—какая вульгарность! Вѣдь это старая исторія о прекрасномъ Іосифѣ и Пентефріевой женѣ — что же интереснаго? Естественно-ли, чтобы полюбила женщина, и замужняя, и такъ страстно, но руководствуясь — воспоминаніемъ, отвлеченной мыслью, анализомъ?...

Въ жизни Нина не одна, но ихъ и не такъ много, этихъ горячихъ, порывистыхъ натуръ, полныхъ чувства и энергіи. Такая натура ищетъ дѣятельности, жизни. Есть дѣти—и она всецѣло предается имъ, ихъ интересамъ, живетъ для нихъ—они для нея все въ мірѣ. Но дѣтей нѣтъ —она ищетъ выхода для жажды дѣятельности, переполняющей ея существованіе — и въ-право и въ-лѣво, безъ разсужденія, такъ какъ сильное чувство не терпитъ... Но еще хуже, когда дѣтей не стало: душевная пустота, вдругъ и такъ мучительно образовавшаяся, гложетъ ее, и сознаніе этой пустоты тѣмъ, конечно, могущественнѣе и страшнѣе, чѣмъ свѣжѣе воспоминаніе недавняго—полноты, душевнаго удовлетворенія. Въ такія минуты воспоминаніе о самомъ незначительномъ, но добромъ обстоятельствѣ приковываетъ умъ, душу, всю женщину, и она набрасывается на этотъ просвѣтъ въ безотрадной темной ночи ея души, какъ уто-

пающій на соломинку, и изъ этого слабаго просвѣта создаетъ внутри себя яркій свѣточъ, свою новую цѣль, и стремится къ ней, какъ мотылекъ къ огню. Въ этомъ состояніи духа находилась Нина, когда, потерявъ малютку, искала точку опоры: она нашла ее въ Фроловѣ, она вспомнила его слезы у гроба малютки — а мужъ былъ безучастенъ,—онъ единый сочувствовалъ ей, и въ его романахъ она подыскивала дальнѣйшихъ основаній для озаконенія своего новаго чувства, выроставшаго изъ простаго воспоминанія.

Наконецъ, бываютъ натуры съ скрытой на время энергіей: онѣ первое время апатичны, пустыя свѣтскія развлеченія удовлетворяютъ ихъ; но прійдетъ минута—въ женщинѣ проснулся ея духъ, и она неудержимо стремится нагнать потерянное время: бываетъ, что ни семья, ни дѣти, какъ-бы она ихъ ни любила, не смогутъ уже удержать нахлынувшей волны страсти, жажды дѣятельности и—женщина порветъ свои съ годами уже окрѣпшія связи, отношенія легко и рынется въ жизнь, ища *своего* идеала жизни.

Всѣ эти натуры—страдалицы, но невольныя. Въ этой невольности—условіе соболѣзнованія къ нимъ. Внѣ спора, въ общественной экономіи римскія матроны цѣннѣе, но зато и скучнѣе*). А мужья ихъ? Они — въ положеніи тѣхъ, кто подаетъ камень, когда просятъ хлѣба.

Но возвращаемся къ комедіи.

Поэту-Фролову все теперь стало ясно—и Нина, и ея мужъ. О чемъ догадывался, стало фактомъ. Онъ помнитъ

*) Кургановъ, въ разговорѣ съ Фроловымъ, восхищается новымъ романомъ послѣдняго и между прочимъ сравненіемъ женщинъ «по натурѣ» съ собаками и кошками: «Собаки и кошки—восхитительно! Вотъ моя Авдотья Петровна—это покладистая и подъ часъ сердитая собачка... мопсикъ, мопсикъ... Ну, а ваша супруга, Владиміра Николаевича (т. е. Нина), это лукавая кошечка, прекрасной ангорской породы, но кошечка»... (I, 2).

обѣщаніе и спѣшитъ подѣлиться съ Вѣтвицкимъ своимъ результатомъ—ты эгоистъ и въ твоемъ эгоизмѣ источникъ твоего наказанія. Фроловъ говоритъ ему: «Своей жаждѣ дѣятельности ты удовлетворяешь до настоящей минуты... Ну, а страсть? Вѣдь она только теперь въ тебѣ закипѣла, а не тогда, когда ты женился на Нинѣ Александровнѣ... А нашелъ ли ты женѣ *какую-нибудь* дѣятельность, посвятилъ-ли ты ее хотя въ собственные интересы, въ свои надежды, планы, опасенія?... Ты не далъ себѣ труда вглядѣться въ ея душу, въ ея стремленія. Ты далъ ей только роскошь, комфортъ, однообразную домашнюю жизнь изо-дня въ день, въ одиночествѣ, безъ общества, и успокоился на этомъ.... Избытокъ-же силъ, избытокъ чувства между тѣмъ волновали ее, при ея даровитости, при ея пылкости. Будь у васъ дѣти—другое дѣло—весь этотъ избытокъ силъ и чувствъ пошелъ-бы на нихъ, на ихъ воспитаніе. Но дѣтей у васъ нѣтъ. Такъ не удивляйся же, что въ ней наконецъ все прихлынуло къ сердцу и зажгло такую жажду страсти, до которой тебѣ далеко—на то она и женщина. Вотъ источникъ всѣхъ ея будированій, неровностей, даже жестокости къ тебѣ».

Мы не можемъ отказать въ справедливости этихъ словъ Фролова, въ вѣрности этого психическаго анализа и понимаемъ вполнѣ всю необходимость того положенія, въ которомъ очутилась семья, счастливая еще такъ недавно. Господа Вѣтвицкіе забываютъ, что цѣна комфорта существуетъ для тѣхъ женщихъ, для которыхъ комфортъ новинка; для той же, кто знакомъ съ нимъ раньше, онъ безъ всякой цѣны—она человѣка ищетъ.

Всѣ тяжелыя обстоятельства противъ Вѣтвицкаго сложились какъ-разъ въ самую критическую минуту жизни

женщины съ чувствомъ, когда молодые годы уже позади, а впереди—сознаніе оконченной жизни: тогда «вспыхиваетъ пламя страсти, заключаетъ Фроловъ, чтобы хотя въ *послѣдній* разъ освѣтить и осмыслить безотрадную жизнь...»

«Я просто пораженъ», могъ только сказать Вѣтвицкій и окончательно потерялся. Но онъ только теперь —поздно — понялъ ясно, какое золото почти что выпало уже изъ его рукъ, и онъ готовъ на все, чтобы только его удержать. «Мнѣ пришла вдругъ странная, эксцентричная, но, право, здравая идея, говоритъ онъ. Прошу тебя, будь другъ.... доведи Нину до роковой минуты и во время останови ее», т. е. влюбить въ себя и во время остановить, и такимъ путемъ разрѣшить кризисъ. Фроловъ съ трудомъ рѣшается на подобный нелегкій искусъ.

Второй актъ—«приступъ къ рѣшительному шагу» — естественное средоточіе комедіи. Чемъ все окончится? Удается ли опытъ, или «слабая, но державная рука женщины», по изящному выраженію автора (II, 3), раздавитъ твердость Фролова и снесетъ всѣ его стратегическіе планы, и спаситель, очутившись подъ перекрестнымъ огнемъ, самъ погибнетъ, уничтожится предъ мощнымъ чувствомъ страстной женщины?..

Зная натуру Нины и обстоятельства первой встрѣчи ея съ Фроловымъ, изъ двухъ вѣроятностей вѣроятнѣе вторая—посланникъ сдастся.

Вотъ 9 сцена 2 акта—верхъ прелести комедіи. Поэтъ, помня свое посланничество, крѣпится и долго. Но Нина чувствомъ женщины ловко обхватываетъ Фролова. Она Разбираетъ душу лучшихъ его произведеній и что-же?« Нѣтъ, Викторъ, тутъ что-то не такъ: твои сочиненія и ты самъ —выходитъ какой-то чудовищный разладъ! «Ты моралистъ,

а не художникъ», замѣчаетъ Нина ѣдко дальше, «ты испугался моего чувства...» Могъ онъ устоять?.. Кто скажетъ—да? Исходъ ясный. Фроловъ, безумно цѣлуя Нину, могъ только выговорить: «Нина, чудная, дивная Нина! О, какъ я люблю, какъ я люблю тебя. Располагай мною... Бѣжимъ... скроемся... за-границу, въ Америку... Назначай приказывай... Я твой вездѣ... всюду!»

Нина достигла цѣли. Она удовлетворена. Она забылась отъ счастья. «А, такъ ты мой наконецъ... мой! Дай-же —я разцѣлую твои волосы, твои глаза... *они плакали, вмѣстѣ со мною*... Вѣдь я такъ давно ждала, жаждала этой минуты... Такъ вотъ оно, счастье...»

И вотъ въ эту, высоко-патетическую, минуту, когда зритель такъ заинтересованъ Ниной, за сценой слышится голосъ мужа, съ его прозой: «а, такъ они еще не *обѣдали*, —прекрасно!» Каждый въ состояніи представить себѣ, что могла почувствовать въ эту минуту Нина! (Мужъ удалился по условію съ Фроловымъ, но не выдержалъ). Вскрикнувъ «мужъ», съ ужасомъ, она падаетъ, какъ подкошенная, на полъ.... Дѣйствіе естественно заключается А мужъ остается мужемъ: «съ Ниной *опять* обморокъ», съ своей дальновидностью замѣчаетъ онъ. Не знаемъ, понялъ ли онъ въ отвѣтъ на это замѣчаніе своего уничтоженнаго друга: «Такъ это обморокъ?! Ну, Владиміръ, самъ Богъ вразумилъ тебя придти во-время... Ты понимаешь меня?..»

Отношенія крайне осложнились — чѣмъ же все это кончится, гдѣ выходъ? Теперь всѣ три лица — одинаково страдальцы. Зритель съ замираніемъ сердца ждетъ рѣшенія судьбы и на первомъ мѣстѣ—Нины. Найдетъ ли она въ мужчинѣ Фроловѣ—то, что, какъ ей казалось, уже нашла?

Фроловъ ясно сознаетъ, что онъ прорвался: «да, говоритъ онъ, дѣла принимаютъ грозный оборотъ, и это дѣло прямо меня касается. Тутъ есть надъ чѣмъ задуматься. Вотъ что значитъ *взять на себя задачу* не по силамъ.... Съ честью нужно будетъ выйти изъ ужаснаго положенія» (III, 4). Фроловъ, очевидно, недоумѣваетъ, но его критическое положеніе увеличивается въ виду безповоротной *рѣшимости* со стороны Нины, женщины.

Вѣтвицкій подробно разсказываетъ Фролову тяжелую ночь, проведенную Ниной. Она жила ночью, продолжая предшествующій день, столь рѣшительный для нея. Состояніе смѣнялось состояніемъ, одно было тяжеле другаго, но наконецъ Нина остановилась и—твердо: «свѣтлый отблескъ, говоритъ Вѣтвицкій, долго не покидалъ ея лица и наконецъ оно приняло серьезно торжественное выраженіе. Видно было, что глубокая дума посѣтила ее и на этой думѣ она вся сосредоточилась.... Правда, была минута колебанія, но она скоро прошла. И тутъ для меня ясно стало, что она на что-то безповоротно рѣшилась. На этотъ разъ я не ошибся. То, что созрѣло у ней въ душѣ, выразилось прямо словами. Она гордо привстала съ постели, откинула назадъ волосы, разсыпавшіеся по плечамъ и громко-отчетливо сказала: *да, непремѣнно такъ и сдѣлаю и завтра-же»*....

И намъ не трудно догадаться, куда было рѣшеніе. Фролову стало ясно, что и въ его жизни, беззаботной, какъ вольной птицы, наступила рѣшительная минута. Онъ, взявшійся спасти своего друга — возвратить ему жену, а съ ней и былое счастье семьи, продѣлать для того только комедію, является теперь въ положеніи предателя его. Всякая минута колебанія напрасна: ему остается на выборъ—или принести въ жертву свое негаданное блажен-

ство—свою страсть, свою Нину, или принять ея рѣшеніе, еще не объявленное, но несомнѣнное, и стать изъ друга врагомъ... Обстоятельства видимо сложились фатально, застали въ расплохъ въ то время, какъ другъ-мужъ, по прежнему, все ходитъ ощупью.

Послѣ недолгаго раздумья Фроловъ рѣшилъ и такъ, какъ не могла ожидать Нина. Мужчина, какъ почти всегда въ русской жизни, оказался силой воли, характера ниже слабой женщины, дряблымъ,—положеніе, хорошо знакомое изъ русской литературы. Въ извѣстномъ «На канунѣ» Тургенева герой романа, по плечу Еленѣ, не изъ русскихъ—онъ черногорецъ.

Фроловъ спрашиваетъ себя—дѣйствительно ли чувство Нины непоколебимо, или это минутная прихоть, игра больной души, и за это сомнѣніе онъ ухватывается, какъ за соломинку. «Владиміру я не смѣю въ глаза смотрѣть, говорилъ онъ,—я обманулъ его довѣріе, его дружбу... И любовь Нины ко мнѣ дѣйствительно ли это любовь, или только проявленіе ея крайней нервозности, болѣзненной экзальтаціи. Можетъ быть, весь организмъ ея надломленъ и расшатанъ, такъ, что ей нужны будутъ не чувства, не страсть, а пожалуй одинъ заботливый уходъ, какъ за опасной больной.... Что же? независимый поклонникъ чистыхъ восторговъ, безъ примѣси чего-нибудь будничнаго, развѣ я въ состояніи буду примириться съ подобной обстановкой?..»

Этотъ, правда, не очень нравственный, но очень человѣческій мотивъ—возможность скучной преспективы домашняго постояннаго лазарета, рѣшилъ вопросъ: «нѣтъ, времени терять нечего», объявилъ Фроловъ. Онъ рѣшилъ принести въ жертву Нину, и это въ ту самую минуту, когда

Нина готова—остановилась на рѣшеніи, прямо противуположномъ.

Проснувшись, Нина спѣшитъ къ своему старому другу, профессору Курганову, за совѣтомъ. А онъ—представитель житейскаго опыта, здраваго смысла, хотя, по непонятной причинѣ, авторъ сдѣлалъ изъ него *спеціалиста скотовѣдѣнія,* а не человѣка. На себѣ самомъ онъ указываетъ Нинѣ, что страсть побѣдима—силой воли, извѣстной дѣятельностью: и онъ любилъ и—туже Нину, когда она предпочла Вѣтвицкаго, но наука спасла его: «теперь вы понимаете, говоритъ онъ учительно, какую побѣду я одержалъ надъ собою; вѣрьте, что всякое чувство можно побѣдить». Но если жертва не у мѣста, тогда, по словамъ профессора, есть иной образъ дѣйствій, но единственный: «когда останавливаешься на замужней женщинѣ, по моему, одно и можетъ быть доказательство истинной любви къ ней — это назвать свое чувство передъ мужемъ и передъ всѣми». Нина, послѣ небольшой паузы, соглашается. «Итакъ, вамъ нужно только немного терпѣнія, говоритъ Кургановъ, чтобы совершенно убѣдиться въ его чувствахъ и посмотрѣть, какъ онъ приступитъ къ рѣшительному шагу». «Я съ твердостью выжду этой минуты», заключаетъ Нина.

Предстоящая коллизія ясна: она рѣшила ждать только «доказательства», а онъ—бѣжать съ поля битвы, не изъ трусости, а изъ поэтическаго расчета.

Но вотъ Вѣтвицкій съ Фроловымъ—явленіе 8. Послѣдній въ высокихъ сапогахъ—слѣдовательно рѣшающихъ... Фроловъ уѣзжалъ на свою старую квартиру—за-границу. Что произошло въ душѣ Нины въ эту минуту? «Доказательство», котораго она рѣшилась ждать, было на лицо, только не то, въ которомъ за минуту раньше она была непоколебимо

увѣрена: она ошиблась, и горько, на закатѣ своихъ молодыхъ лѣтъ—въ своей *послѣдней* любви. Безъ сцены, сдержанно Нина снесла свое испытаніе: когда Фроловъ проситъ согласія посвятить ей свой новый романъ (а героиней его, конечно, она), она насмѣшливо-спокойно отклоняетъ: «Къ чему? безпокойная натура художника останется вѣрна себѣ и новое произведеніе освятитъ *новымъ* именемъ»...

Въ минуту пораженія понятно безмолвіе, какъ знакъ оцѣпенѣнія чувства. Женщина, чтобы не уронить себя въ своихъ глазахъ, охотно прибѣгаетъ тогда къ насмѣшкѣ. Но что же далѣе съ Ниной, этой энергической, страстной натурой, спроситъ читатель? Какъ найдется она теперь съ своимъ испытаніемъ, когда первый пылъ оскорбленнаго самолюбія женщины уляжется, на что пойдетъ она? Чувство къ Фролову было чисто и столь же сильно — оно не забава минутной прихоти....

Авторъ отвѣчаетъ: онъ находитъ выходъ для Нины изъ ея мучительнаго положенія безъ труда, и выходъ спокойный, благопріятный, но на которомъ ни читатель, ни зритель помириться не смогутъ

Психологически было-бы понятно, если бы урокъ, вынесенный Ниной, привелъ-бы ее къ отреченію отъ міра, въ какой бы формѣ это отреченіе ни выразилось — деревня, монастырь, сестра милосердія и т. д. Но авторъ этого не желаетъ: онъ находитъ ей дѣятельность, правда, въ деревнѣ, но нѣсколько комическую, чѣмъ подсѣкаетъ наши симпатіи къ Нинѣ, наше сочувствіе къ ея положенію въ теченіе всей драмы. Авторъ заставляетъ Нину схватиться за профессора «скотовѣдѣнія» и превратиться въ его ученицу-послѣдовательницу, посвятить себя въ деревнѣ обѣту — скотовѣдѣнія: «съ этой минуты изъ лагеря людей, которые

прекрасно пишутъ, я перехожу къ людямъ, которые просто, но благородно дѣйствуютъ... Я вся отдамся труду съ жаромъ и добросовѣстностью женщины. Всѣ *ваши уроки я осуществлю у себя въ имѣньи* и во всемъ, профессоръ, сдѣлаюсь вашей достойной ученицей». А Кургановъ—этотъ профессоръ — въ порывѣ непонятнаго восторга кричитъ: «Нина Александровна! я не могу безъ волненія слышать вашего обѣта—онъ такъ близко касается моей профессіи. Покажите примѣръ, покажите, и великое (!!) дѣло вы сдѣлаете»...

Драма, процессъ развитія чувства, кончилась: спокойно совершилась метаморфоза—изъ Нины Александровны стала «покладистая» Авдотья Петровна (см. выше). Вмѣсто того, чтобы въ упоеніи достигнутаго давно желаннаго блаженства бѣжать съ любимымъ человѣкомъ — въ Америку — Нина спокойно и сейчасъ же переселяется въ деревню, «съ обѣтомъ» — посвятить себя улучшенію дренажа или разведенію японскихъ свиней и кохинхинскихъ куръ... и на томъ успокоиться, согласно рецептамъ своего друга профессора. «Почву подводить я уже началъ», не безъ достоинства объявляетъ профессоръ обезумѣвшему отъ счастья Вѣтвицкому, когда ураганъ пронесся такъ благополучно, успокаивая его—въ самомъ финалѣ комедіи...

Развязка неестественная, ослабляющая впечатлѣніе отъ комедіи, веденной съ умомъ. Авторъ торопился и прилѣпилъ неподходящій конецъ. Кургановъ, профессоръ — не дѣйствующее лицо, а болѣе резонеръ, но онъ развязываетъ драму—спасаетъ женщину. Авторъ словно позабылъ свою героиню — сильную Нину, и заставляетъ ее примириться съ жизнью по такой низкой цѣнѣ, какъ разведеніе скота

или птицы. Правда, стороной авторъ даетъ понять, что Нина *на пути* нравственнаго примиренія съ мужемъ.

Мы окончили анализъ комедіи «Перекрестный огонь».. Мы познакомились съ ея характеромъ, какъ пьесы общей темы, познакомились съ ея вообще естественностью, интересомъ. Остается подвести итогъ подъ ея слабыя и добрыя стороны.

При немногихъ и правильно вообще очерченныхъ лицахъ, лицо профессора, не говоря о его спеціальности — скотовѣдѣніи—и любви его къ терминологіи изъ своей спеціальности, страдаетъ отсутствіемъ жизни—онъ поучаетъ и только.

Отсюда въ сценическомъ отношеніи вездѣ, гдѣ является профессоръ, появленіе его не вызывается необходимостью. Его появленіе въ I актѣ понятно лишь въ соображеніи его необходимости въ послѣдней сценѣ—для развязки.

Названіе не соотвѣтствуетъ содержанію пьесы. Вѣдь ясно, что не Фроловъ основа комедіи, а Нина съ своею страстной натурой, и основная мысль не та, чтобы показать, какъ выходить изъ перекрестнаго огня — идти слѣдомъ Фролова—Іосифа прекраснаго.

Сюжетъ драмы могъ-бы дать болѣе простора, чѣмъ какъ воспользовался авторъ. Обстоятельства до и сейчасъ послѣ смерти Вѣрочки—вотъ содержаніе 1-го акта, а между тѣмъ объ этомъ рѣшающемъ драматическомъ моментѣ узнаетъ зритель только изъ разговора.

Языкъ вообще хорошъ, но кое-гдѣ ошибки: вездѣ *рады;* выраженіе *войти въ себя*=sich zusammenfassen, не русское.

Но при этихъ недостаткахъ есть и достоинства.

Авторъ заботливо, любовно отнесся къ своей темѣ — къ развитію страсти въ незаурядной женщинѣ въ моментъ перелома ея физической природы—на *порогѣ*, съ умѣньемъ развивъ ее въ интересный психологическій этюдъ. Отнесись авторъ легче, предъ нами былъ-бы забавный водевиль: мужъ умоляетъ друга спасти жену, а тотъ и пріобрѣтаетъ ее для себя. Отсюда въ нашей комедіи для смѣха мѣста мало.

Авторъ, безспорно, знаетъ человѣка - женщину, ея природу, сердце, отсюда въ комедіи и интересъ живой, и отсутствіе натяжекъ, дѣланности.

Авторъ владѣетъ умѣньемъ —однимъ пустымъ штрихомъ обрисовать положеніе лица въ данную минуту. Укажемъ на замѣчаніе Нины мужу въ I актѣ: «Что вы такъ *дергаете жилетъ* — онъ ни въ чемъ не виноватъ»; или другое замѣчаніе ея же ему же тамъ же: «что это вы подходите ко мнѣ такимъ деликатнымъ котомъ? Одно плечо выше, другое ниже»...

Условія сценичности вообще соблюдены. Вообще дѣйствіе идетъ съ возрастающимъ интересомъ, живо. Исключеніе—начало I акта, гдѣ излишнія бесѣды—напр. эпизодъ о Дальтони—тормозятъ сцену. Второй актъ отмѣченъ особенной сценичностью (изъясненіе въ любви и—мужъ). Но общая сценичность нашей комедіи требуетъ хорошаго состава исполняющихъ лицъ: малѣйшее несоотвѣтствующее движеніе—поза, мина, жестъ,—и вся прелесть сцены пропала.

Наконецъ, не безъ особенно живаго интереса и самая мысль пьесы. Конечно, она не въ томъ, чтобы сотый разъ показать, что и на каждаго дѣльца есть довольно простоты, покарать безсердечность, эгоизмъ, ему противупоставить мягкую, проницательную натуру непрактика. Гдѣ

же? Если не ошибаемся, въ томъ, чтобы осмыслить тѣ тяжелые, мучительные эксцесы въ жизни *незаурядной* женщины, которые на простомъ, вульгарномъ языкѣ ординарнаго человѣка именуются напр. легкомысліемъ. Авторъ защищаетъ женщину предъ фарисеями изъ прекраснаго пола, жертву тяжкихъ личныхъ обстоятельствъ и, въ тоже время, жертву легкаго отношенія человѣка къ человѣку: возлюбившему много многое и простится.

Въ виду этого, я полагалъ бы, половинная премія имени П. Ю. Вучины—безспорное право комедіи «Перекрестный огонь».

12 Августа 1882 г.
(Хаджибейскій лиманъ).

Приложеніе къ протоколу 20 августа, ст. 19

Въ совѣтъ Императорскаго новороссійскаго университета профессора А. О. Ковалевскаго отдѣльное мнѣніе.

Въ засѣданіи совѣта 20 августа была доложена справка о выслугѣ срока на пенсію профессоромъ Сабининымъ 16-го сентября; затѣмъ г. ректоромъ было сообщено, что г. профессоръ Сабининъ желаетъ подвергнуться баллотированію на пятилѣтіе. Въ виду этого состоялось постановленіе совѣта слѣдующаго содержанія: «назначить выборы профессора Сабинина въ первое очередное засѣданіе послѣ 16-го сентября, сообщивъ обо всемъ этомъ въ физико-математическій факультетъ». — Съ этимъ постановленіемъ совѣта я не могъ согласиться и заявилъ о подачѣ особаго мнѣнія, которое и имѣю честь представить.

Въ совѣтѣ нашего университета установилось правило, по которому вопросы о выборахъ и денежныя дѣла разсматриваются не ранѣе перваго сентябрскаго засѣданія совѣта, т. е. времени дѣйствительнаго начала учебнаго года, когда большинство членовъ совѣта въ сборѣ. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ вопросъ о выборѣ профессора Сабинина возбуждается въ августовское засѣданіе, и по этому вопросу составляются весьма существенныя для направленія дѣла выборовъ постановленія. Въ этомъ засѣданіи совѣта, состоявшемъ всего изъ 11 членовъ, отсутствовали нѣкоторые изъ нашихъ математиковъ (гг. Умовъ, Преображенскій, Шведовъ), и въ виду сказаннаго я и находилъ, что разсмотрѣніе всего дѣла должно быть отложено до перваго сентябрскаго засѣданія совѣта.

Что касается затѣмъ сущности самого постановленія совѣта о назначеніи выборовъ «на первое очередное засѣданіе совѣта послѣ 16 сентября», то есть, какъ и говорилось въ совѣтѣ, на 17 сентября, въ первый четвергъ послѣ 15-го сентября, то съ этимъ постановленіемъ я не согласился въ виду того, что объ этомъ дѣлѣ сообщалось въ физико-математическій факультетъ очевидно для предварительнаго разсмотрѣнія его въ факультетѣ. Въ нашемъ университетѣ, какъ, сколько я знаю, и во всѣхъ другихъ университетахъ, предъ баллотировкою въ совѣтѣ, происходитъ баллотированіе и въ факультетѣ, а потому и совѣту, прежде назначенія срока баллотированія въ совѣтѣ, нужно ждать результатовъ разсмотрѣнія этого дѣла въ факультетѣ. Назначая столь короткій срокъ для выборовъ въ совѣтѣ, совѣтъ можетъ лишить факультетъ возможности обсудить дѣло настолько обстоятельно и подробно, насколько того потребуетъ существо вопроса. Постановляя

баллотировать профессора Сабинина въ первомъ засѣданіи послѣ 16-го сентября, т. е. по установленному порядку нашихъ совѣтскихъ засѣданій—въ четвергъ, 17 сентября, совѣтъ по существу требуетъ, чтобы дѣло о выборѣ профессора Сабинина въ факультетѣ было рѣшено въ одно засѣданіе, такъ какъ, по соглашенію между членами физико-математическаго факультета, его собранія бываютъ въ четверги, свободные отъ совѣтскихъ засѣданій. Между тѣмъ очень возможно, что при разсмотрѣніи дѣла о новомъ избраніи профессора Сабинина потребуются свѣденія о его ученыхъ трудахъ, разсмотрѣніе различныхъ отзывовъ, сношенія съ учеными, ненаходящимися въ Одессѣ и т. п. Однимъ словомъ — можетъ возникнуть много вопросовъ, которыхъ теперь предрѣшать нельзя, опредѣляя срокъ. Коль скоро дѣло подлежитъ разсмотрѣнію факультета, то совѣту предстоитъ ждать результатовъ этого разсмотрѣнія и только тогда возможно постановленіе о срокѣ выборовъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, я полагаю, что какъ все дѣло о выборѣ профессора Сабинина должно быть подвергнуто новому разсмотрѣнію, такъ и постановленіе совѣта по сему дѣлу отъ 20 августа должно быть отмѣнено. 28 августа 1881 года.

Засѣданіе 3 сентября 1881 г.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ г. и. д. ректора Ѳ. И. Леонтовича, гг. члены: И. С. Некрасовъ, И. І. Патлаевскій, К. И. Карастелевъ, А. О. Ковалевскій, И. И. Мечниковъ, Ѳ. Н. Шведовъ, И. Ѳ. Синцовъ, Н. Л. Дювернуа, М. И. Малининъ, А. А. Кочубинскій, В. Н. Лигинъ,

Θ. И. Успенскій, А А. Кудрявцевъ, В. М. Войтковскій, В. М. Петріевъ, В. В. Преображенскій, Е. Ф. Клименко. Не присутствовали: ректоръ Ярошенко, профессора: Шпилевскій, Кондаковъ, какъ получившіе отпуски, Головкинскій и Умовъ, за неявкою изъ отпуска по болѣзни, Посниковъ — по неявкѣ изъ отпуска, Вериго, Сабининъ и Трачевскій — не заявившіе ректору о причинахъ отсутстія.

Слушали:

1. Былъ прочтенъ протоколъ засѣданія совѣта 20 августа.

Послѣ перечня членовъ, не присутствовавшихъ въ прошломъ засѣданіи безъ объясненія причинъ отсутствія, профессоръ Малининъ заявилъ, что въ часы происходившаго засѣданія совѣта онъ приглашенъ былъ, въ качествѣ почетнаго мироваго судьи г. Одессы, къ участію въ засѣданіи одесскаго окружнаго суда.

Вслѣдъ за 19 статьей доложено было особое мнѣніе, въ подлинникѣ приложенное къ протоколу, ординарнаго профессора Ковалевскаго.

Профессоръ Дювернуа обратилъ вниманіе на то, что въ призывной повѣсткѣ на засѣданіе не указано особое мнѣніе профессора Ковалевскаго. Секретарь совѣта далъ объясненіе, что въ практикѣ нашего университета въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ заносились въ повѣстку особыя мнѣнія, въ виду того, что по § 38 университетскаго устава обязательно обозначать въ повѣсткахъ предметы, подлежащіе обсужденію въ засѣданіи, а представленныя въ совѣтъ особыя мнѣнія, по 2-му пункту Высочайше утвержденныхъ правилъ о правахъ и обязанностяхъ ректора, какъ предсѣдателя совѣта, заслушиваются вслѣдъ за со-

отвѣтствующими статьями протокола предшествующаго засѣданія, въ которомъ заявлены были особыя мнѣнія во время сужденій о дѣлахъ, и голосуются. На поставленный предсѣдательствующимъ вопросъ, остается ли совѣтъ при прежнемъ рѣшеніи, или раздѣляетъ мнѣніе профессора Ковалевскаго, большинство 10 голосовъ противъ трехъ (гг. Лигинъ, Мечниковъ, Ковалевскій) высказались за прежнее рѣшеніе, а гг. Преображенскій, Успенскій, Шведовъ, Некрасовъ отказались отъ подачи голосовъ, какъ не бывшіе въ прошломъ засѣданіи; профессоръ Дювернуа заявилъ, что онъ желалъ бы подать свой голосъ, но не поставленъ въ правильныя условія для подачи голоса, такъ какъ отдѣльное мнѣніе профессора Ковалевскаго не было указано согласно уставу въ повѣсткѣ и профессоръ Дювернуа не могъ его своевременно изучить. По прочтеніи протоколъ подписанъ. *Опредѣлили*: протоколъ представить г. попечителю съ отзывомъ, что по мнѣнію совѣта онъ можетъ быть отпечатанъ вполнѣ съ сокращеніемъ 11-й статьи.

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 1-го сентября за № 6514 и 6515 объ утвержденіи ординарнаго профессора Вериго деканомъ физико-математическаго факультета на три года и объ увольненіи отъ этой должности, согласно просьбѣ, ординарнаго профессора Сабинина, обоихъ приказомъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія 14 августа за № 7.

При этомъ доложено, что профессора Вериго и Сабининъ своевременно увѣдомлены и что г. Вериго вступилъ въ должность декана. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ, принять къ свѣдѣнію.

3. Отъ 1-го сентября за № 6529 объ утвержденіи надворнаго совѣтника Прохорова въ должности казначея

университета. *Опредѣлили*: пригласить г. Прохорова ко вступленію въ должность.

4. Отъ 2-го сентября, № 6555, о разрѣшеніи бывшему ординарному професору Беркевичу чтенія лекцій сферической тригонометріи, космографіи и геодезіи въ 1881—82 академическомъ году, съ производствомъ ему вознагражденія въ размѣрѣ 2000 рублей въ годъ изъ остатковъ отъ личнаго состава университета. *Опредѣлили*: увѣдомить физико-математическій факультетъ и правленіе, а также г. Беркевича.

5. Отношеніе департамента народнаго просвѣщенія отъ 20 августа за № 9632, въ которомъ извѣщая объ имѣющей собраться въ Мадритѣ $^{13}/_{25}$ по $^{16}/_{28}$ сентября сего года подъ покровительствомъ его величества короля испанскаго четвертой сессіи международнаго американскаго конгресса, занятія котораго будутъ касаться этнографичесскихъ, лингвистическихъ и историческихъ вопросовъ, относящихся до Америки, какъ сѣверной, такъ и южной, проситъ ректора передать на обсужденіе совѣта вопросъ о томъ, не представляется ли соотвѣтственнымъ участіе въ предстоящемъ конгрессѣ кого-либо изъ гг. профессоровъ-спеціалистовъ, и о рѣшеніи совѣта увѣдомить. *Опредѣлили*: увѣдомить департаментъ, что совѣтъ командируетъ на конгрессъ профессора Мечникова и проситъ о разрѣшеніи командировки по телеграфу.

6. Отношеніе его же отъ 20 августа за № 9633, въ коемъ, увѣдомляя, что въ сентябрѣ настоящаго года имѣетъ быть въ Болоньѣ международный конгрессъ геологовъ, въ программу котораго должны, между прочимъ, войти вопросы касательно объединенія геологической номенклатуры, однообразной системы иллюминованія геологическихъ картъ

и составленія палеонтологическаго свода, проситъ ректора передать на обсужденіе совѣта вопросъ о. томъ, не представляется ли соотвѣтственнымъ участіе въ предстоящемъ конгрессѣ геологовъ кого либо изъ гг. профессоровъ-специалистовъ, о рѣшеніи же совѣта почтить увѣдомленіемъ. *Опредѣлили*: донести, что въ виду неопредѣленности срока конгресса, совѣтъ не находитъ возможнымъ командировать кого либо изъ своихъ членовъ.

7. Представленія: историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ о переводѣ студентовъ на основаніи результатовъ дополнительныхъ испытаній въ высшіе курсы и объ удостоеніи степени кандидата и званія дѣйствительнаго студента. *Опредѣлили*: 1) согласно удостоенію факультетовъ переводъ въ слѣдующіе курсы утвердить. 2) гг. Усаневича и Лясковецкаго утвердить въ степени кандидата, Гогоберидзе въ званіи дѣйствительнаго студента съ предоставленіемъ права представить диссертацію на степень кандидата, а о Симоновичѣ и Андыревѣ предварительно снестись съ подлежащими казенными палатами объ исключеніи изъ податнаго состоянія.

8. Физико-математическаго и юридическаго о продленіи срока для дополнительныхъ испытаній нѣкоторымъ студентамъ.

Послѣ преній и примѣнительно къ высказаннымъ во время ихъ мнѣніямъ поставленъ былъ на голосованіе вопросъ, допустить ли отсрочки для окончанія экзаменовъ, согласно представленія факультетовъ, или назначить для обоихъ факультетовъ одинъ общій срокъ для окончанія экзаменовъ. Большинство 9 голосовъ противъ 8 (Клименко, Кудрявцевъ, Кочубинскій, Малининъ, Шведовъ, Карастелевъ, Патлаевскій, Леонтовичъ) подали за сроки, назначенные фа-

культетами. При этомъ профессоръ Малининъ заявилъ о подачѣ особаго мнѣнія; къ нему присоединился профессоръ Кудрявцевъ. *Опредѣлили*: просить разрѣшенія г. попечителя объ отсрочкѣ дополнительныхъ испытаній согласно представленію факультетовъ.

9. Представленіе физико-математическаго факультета о разрѣшеніи студенту 2-го курса юридическаго факультета Зильберштейну, желающему перейти на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета, держать въ концѣ сентября экзаменъ для перехода на 2-й курсъ естественнаго отдѣленія *Опредѣлили*: отказать въ виду § 13 правилъ для студентовъ.

10. Представленіе того же факультета объ измѣненіи времени чтенія лекцій аналитической геометріи. *Опредѣлили*: утвердить.

12. Отложенное разсмотрѣніемъ до перваго сентябрскаго засѣданія предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія отъ 30 мая за № 7765 касательно составленія правилъ для студентовъ о стипендіяхъ и экзаменахъ. *Опредѣлили*: для составленія проекта правилъ образовать коммисію изъ трехъ профессоровъ, по одному изъ каждаго факультета: гг. Кочубинскаго, Дювернуа и Петріева.

13. Представленіе историко-филологическаго факультета: «историко-филологическій факультетъ, въ своемъ засѣданіи 31 августа, слушалъ прошеніе доцента Воеводскаго о томъ, чтобы, въ виду крайне затруднительнаго положенія его въ матеріальномъ отношеніи и въ виду чрезвычайной дороговизны квартиръ, было ему позволено на непродолжительное время, проживать съ семействомъ въ зданіи университета въ свободной пока комнатѣ на третьемъ этажѣ возлѣ квартиры г. секретаря правленія,

съ прекращеніемъ выдачи ему за это время квартирнаго содержанія. Факультетъ, признавъ справедливымъ уважить просьбу доцента Воеводскаго, честь имѣетъ, согласно постановленію, состоявшемуся въ томъ же засѣданіи, обратиться въ совѣтъ съ покорнѣйшею просьбою, не найдетъ ли совѣтъ возможнымъ предоставить г. Воеводскому до слѣдующей весны вышеозначенную комнату?»

и справку: Высочайше утвержд. 11 ноября 1872 г. мнѣнія государственнаго совѣта п. 1. «въ зданіяхъ университетовъ кромѣ лицъ, коимъ положены по штатамъ казенныя квартиры съ отопленіемъ въ натурѣ, могутъ пользоваться оными, по усмотрѣнію совѣтовъ университетовъ и съ разрѣшенія попечителей учебныхъ округовъ, по мѣрѣ возможности, и другія, служащія при университетахъ лица, коихъ ближайшее къ мѣсту служебныхъ ихъ занятій помѣщеніе требуется для пользы самой службы». *Опредѣлили*: передать на предварительное заключеніе правленія, прося его представить свое заключеніе къ слѣдующему засѣданію совѣта.

14. Происходило избраніе университетскихъ судей и кандидатовъ къ нимъ.. Оказались избранными по баллотировкѣ въ судьи: ординарные профессоры Малининъ и Кочубинскій и экстраординарный профессоръ Петріевъ, въ кандидаты: — ординарный профессоръ Дювернуа, экстраординарный профессоръ Клименко и ординарный профессоръ Посниковъ. *Опредѣлили*: на основаніи § 42 университ. уст. Б. 5. представить избранныхъ въ судьи и кандидаты на утвержденіе г. попечителя.

15. Произведено было избраніе редактора «Университетскихъ записокъ» на три года съ 1 іюня 1881 г. Въ результатѣ баллотировки предложенныхъ записками канди-

датовъ оказался избраннымъ ординарный профессоръ Кочубинскій. *Опредѣлили*: представить г. попечителю объ утвержденіи г. Кочубинскаго редакторомъ «Университетскихъ записокъ» на три года съ 1 іюня 1881 г.

16 Донесенія физико-математическаго и юридическаго факультетовъ по вопросу о международномъ обмѣнѣ изданіями. *Опредѣлили*: отложить до полученія свѣденій отъ историко-филологическаго факультета.

18. Доложено было присланное доцентомъ Бернштейномъ изъ Висбадена при рапортѣ медицинское свидѣтельство о болѣзни, не позволяющей ему явиться на службу изъ отпуска въ срокъ. *Опредѣлили*: признать просрочку законной, о чемъ увѣдомить правленіе для надлежащихъ распоряженій.

Приложеніе къ протоколу 3 сентября, ст. 8.

Въ совѣтъ Императорскаго новороссійскаго университета отдѣльное мнѣніе профессоровъ Малинина и Кудрявцева.

Въ прошломъ засѣданіи при разсмотрѣніи представленій объ отсрочкѣ экзаменовъ мы остались при отдѣльномъ мнѣніи, которое имѣемъ честь представить совѣту.

Мы высказались противъ того, чтобы для студентовъ одного факультета отсрочка была болѣе продожитдльна, а для студентовъ другаго менѣе продолжительна. Какъ видно изъ прошеній, законной причиной для отсрочки всѣми просителями указывается болѣзнь. Если совѣтъ желаетъ уважить такое основаніе, то почему же при тождествѣ основаній, устанавливать различіе въ продолжительности отсрочки? Однообразіе и единство распоряженій совѣта въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе желательны, что иначе студенты одного

факультета оказались бы въ болѣе привиллегированномъ положеніи, пользовались бы большими льготами, чѣмъ студенты другаго факультета. Потому было бы болѣе цѣлосообразно назначить для всѣхъ просителей одинъ общій срокъ, хоть 1 октября, къ которому должны быть окончены всѣ экзамены на всѣхъ факультетахъ При этомъ считаемъ долгомъ присовокупить, что вполнѣ раздѣляемъ ходатайство факультетовъ объ отсрочкѣ экзаменовъ для тѣхъ студентовъ, которые по *особенному* болѣзненному состоянію своему не могутъ окончить экзаменовъ къ 1 октября.

Экстраординарное засѣданіе 9-го сентября.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ проректора Ѳ. И. Леонтовича гг. члены: И. С. Некрасовъ, И. І. Патлаевскій, Е. Ѳ. Сабининъ, И. И. Мечниковъ, Ѳ. Н. Шведовъ, Н. Л. Дювернуа, М. И. Малининъ, А. А. Кочубинскій В. Н. Лигинъ, Ѳ. И. Успенскій, А. А. Кудрявцевъ, В. М. Войтковскій, В. В. Преображенскій. Не присутствовали: профессора. Синцовъ, Ковалевскій, Ярошенко, Шпилевскій, Кондаковъ, какъ получившіе: первый—командировку, остальные отпуски, Головкинскій и Умовъ за неявкою изъ отпуска по болѣзни, Посниковъ—по неявкѣ изъ отпуска, Вериго, Трачевскій, Петріевъ, Клименко, не извѣстившіе ректора о причинахъ отсутствія.

Слушали:

1. Переданную г. попечителемъ лично проректору телеграмму, адресованную на имя тайнаго совѣтника П. А. Лавровскаго изъ Тифлиса отъ 7-го сентября слѣдующаго содержанія: «съѣздъ очень желаетъ собраться въ Одессѣ

въ 1884 году. Обращаюсь къ Вамъ, какъ къ члену перваго нашего съѣзда, чтобы устроить это. Пришлите телеграмму, что университетъ приметъ на себя устройство шестаго русскаго археологическаго съѣзда. Предлагаетъ графъ Уваровъ».

Послѣ обмѣна мнѣній единогласно постановлено выразить полную готовность и, большинствомъ 9 голосовъ противъ 5 (пр. Войтковскій, Кудрявцевъ, Малининъ, Сабининъ, Некрасовъ), съ дополненіемъ, начинающимся въ резолюціи со словъ «и сожалѣютъ».

Опредѣлили: Увѣдомить, что совѣтъ новороссійскаго университета считаетъ за честь принять на себя устройство шестаго археологическаго съѣзда и сожалѣетъ, что по независящимъ отъ университера обстоятельствамъ не могла состояться командировка депутата и другихъ членовъ университета на нынѣшній съѣздъ въ Тифлисъ.

Засѣданіе 17 Сентября.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ г. ректора С. П. Ярошенко, гг. члены: Ѳ. И. Леонтовичъ, И. С. Некрасовъ, А. А. Вериго, И. І. Патлаевскій, К. И. Карастелевъ, А. О. Ковалевскій, И. И. Мечниковъ, Ѳ. Н. Шведовъ, И. Ѳ. Синцовъ, Н. Л. Дювернуа, А. С. Трачевскій, М. И. Малининъ, Н. П. Кондаковъ, А. А. Кочубинскій, А. С. Посниковъ, В. Н. Лигинъ. Ѳ. И. Успенскій, Н. А. Умовъ, А. А. Кудрявцевъ, В. М. Войтковскій, В. М. Петріевъ, В. В. Преображенскій, Е. Ф. Клименко. Не присутствовали: М. М. Шпилевскій по болѣзни, Н. А. Головкинскій, по неявкѣ изъ отпуска по болѣзни, и Е. Ѳ. Сабининъ, не извѣстившій о причинѣ отсутствія.

1. Были прочтены и подписаны протоколы предшествовавшихъ засѣданій 3 и 9 сентября.

Вслѣдъ за прочтеніемъ 8 статьи протокола засѣданія 3 сентября, доложено было особое мнѣніе профессоровъ Малинина и Кудрявцева.

Большинствомъ 17 голосовъ противъ 4 (Кудрявцевъ, Кочубинскій, Малининъ, Шведовъ) совѣтъ остался при прежнемъ рѣшеніи. *Опредѣлили*: протоколы представить г. попечителю съ мнѣніемъ, что они могутъ быть напечатаны вполнѣ, за исключеніемъ 11 и 17 статей протокола засѣданія 3 сентября, которые предполагается вовсе не печатать.

2. Предложеніе г. попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 3 сентября за № 6855: «циркуляромъ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 30 мая за № 7765 предоставлено гг. попечителямъ учебныхъ округовъ возложить на совѣты университетовъ: въ правилахъ объ обязанностяхъ учащихся опредѣлить съ точностью тѣ условія, при которыхъ могутъ быть допускаемы къ слушанію лекцій въ университетѣ вольнослушатели, возможное ограниченіе которыхъ не только желательно, на даже необходимо, въ виду того, что университетскія аудиторіи почти во всѣхъ университетахъ едва вмѣщаютъ, въ слѣдствіе тѣсноты своей, самихъ студентовъ, между тѣмъ какъ обезпеченіе правильныхъ научныхъ занятій для студентовъ должно быть главною цѣлію университетовъ.

Нынѣ, по обсужденіи вышеозначеннаго вопроса въ особой коммисіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова, признано необходимымъ допущеніе въ университеты вольнослушателей обусловить нижеслѣдующими общими правилами: въ посторонніе слушатели универси-

тетовъ безъ зачисленія въ студенты тамъ, гдѣ дозволитъ вмѣстительность аудиторій, допускать: а) лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и представившихъ свидѣтельства о благонадежности отъ своего непосредственнаго начальства и б) лицъ не служащихъ, которыя представятъ свидѣтельство о полномъ окончаніи курса въ какомъ либо среднемъ учебномъ заведеніи и свидѣтельство полиціи о благонадежности; внѣ этихъ двухъ категорій допускать постороннихъ слушателей лишь въ исключительныхъ случаяхъ и только съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа. *Опредѣлили*: принять къ руководству и надлежащему исполненію.

3. Предложеніе его же отъ 8 сентября за № 6819 объ утвержденіи ординарныхъ профессоровъ Малинина и Кочубинскаго и экстраординарнаго профессора Петріева судьями, а ординарныхъ профессоровъ Дювернуа и Посникова и экстраординарнаго профессора Клименко кандидатами въ университетскіе судьи. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе и извѣстить избранныхъ.

Представленія факультетовъ:

4. Физико-математическаго о переводѣ въ слѣдующіе курсы студентовъ, успѣшно окончившихъ переводныя испытанія—Скородинскаго и Цвѣтиновича. *Опредѣлили*: утвердить.

5. Физико-математическаго и юридическаго объ отсрочкѣ экзаменовъ студентамъ Рубановичу и Крыжановскому до 1 октября. *Опредѣлили*: просить разрѣшенія г. попечителя.

6. —юридическаго: «студентъ петербургскаго университета Яковъ Дынинъ вошелъ въ юридическій факультетъ съ прошеніемъ, въ которомъ ходатайствуетъ разрѣшить

вопросъ, можетъ ли онъ Дынинъ быть зачисленъ во 2-й курсъ юридическаго факультета новороссійскаго университета, не смотря на то, что въ Петербургѣ на экзаменѣ перваго курса онъ не могъ выдержать экзамена по римскому праву въ слѣдствіе отсутствія профессора.

Юридическій факультетъ, разсмотрѣвъ какъ прошеніе Дынина, такъ и удостовѣреніе, подтверждающее, что Дынинъ не могъ выдержать экзамена въ слѣдствіе отсутствія профессора, съ своей стороны постановилъ признать возможнымъ зачисленіе Якова Дынина во 2-й курсъ юридическаго факультета, принимая между прочимъ во вниманіе и то обстоятельство, что въ нашемъ университетѣ въ 1-мъ курсѣ юридическаго факультета въ прошломъ году римское право не читалось и что, слѣдовательно, весь курсъ римскаго права Дынинъ долженъ будетъ прослушать въ нашемъ факультетѣ. *Опредѣлили*: зачислить на 2-й курсъ.

7. Физико-математическаго—о назначеніи часовъ преподаванія по космографіи и геодезіи и о перенесеніи лекцій по теоретической механикѣ для третьяго курса съ субботы на среду съ 10—12 час. *Опредѣлили*: утвердить.

8. Представленіе правленія, въ слѣдствіе предложенія совѣта отъ 5 сентября за № 1753 относительно представленія заключенія о временномъ отводѣ казенной квартиры доценту Воеводскому: «предварительно рѣшенія дѣла совѣтъ университета по опредѣленію своему, въ засѣданіи 3 сентября состоявшемуся, имѣетъ честь передать ходатайство факультета на заключеніе правленія, прося представить его къ слѣдующему засѣданію совѣта». Въ приложенномъ къ представленію рапортѣ архитектора Мазирова ректору значится: «въ исполненіе словеснаго порученія Вашего Превосходительства, я осмотрѣлъ трехъэтажный

флигель въ дворѣ университетскаго зданія на Преображенской улицѣ и нашелъ его на столько ветхимъ и въ капитальныхъ стѣнахъ растрескавшимся, что поддерживать его долѣе ремонтнымъ исправленіемъ не представляется никакой возможности, а тѣмъ болѣе оставлять въ немъ теперешнихъ жильцовъ, почему предстоитъ надобность отыскать для нихъ новое помѣщеніе. Послѣ преній *опредѣлено*: назначить коммисію изъ профессоровъ Кочубинскаго, Мечникова и Петріева, которой поручить осмотрѣть всѣ помѣщенія въ университетѣ для отысканія помѣщенія лицамъ, живущимъ во флигелѣ на Преображенской улицѣ и доценту Воеводскому.

9. Его-же: объ утвержденіи расхода въ 97 р. 25 к. изъ спеціальныхъ средствъ по устройству торжественнаго акта въ университетѣ 30 августа. *Опредѣлили*: сдѣланный правленіемъ расходъ утвердить.

10. Представленіе юридическаго факультета о выдачѣ изъ спеціальныхъ средствъ пособія приватъ-доценту Чижову въ размѣрѣ ста рублей.

При этомъ доложена справка бухгалтера о состояніи кассы спеціальныхъ средствъ. Въ кассѣ на лицо 17 сентября 352 р. 38½ к., а къ концу года предвидится дефицитъ до 1481 р. 91½ к.

Въ результатѣ произведенной за тѣмъ баллотировки о выдачѣ испрашиваемаго пособія г. Чижову получилось шестнадцать голосовъ утвердительныхъ и восемь отрицательныхъ. *Опредѣлили*: выдать г. Чижову изъ спеціальныхъ средствъ сто рублей, о чемъ и сообщить въ правленіе для надлежащихъ распоряженій.

11. а) Представленіе физико-математическаго факультета: «въ засѣданіи факультета 10 сентября заслушано

предложеніе профессора Ярошенко, прилагаемое къ сему. На основаніи этого предложенія было рѣшено назначить на 16 сентября засѣданіе факультета для баллотированія профессора Сабинина на пятилѣтіе. Въ результатѣ закрытой баллотировки оказалось 7 голосовъ избирательныхъ и 5 неизбирательныхъ. Въ слѣдствіе этого факультетъ, на основаніи рѣшенія своего имѣетъ честь ходатайствовать передъ совѣтомъ объ избраніи профессора Сабинина на пятилѣтіе.

б) Приложенное къ представленію предложеніе профессора Ярошенко: «въ виду предстоящаго баллотированія ординарнаго профессора по каѳедрѣ чистой математики Егора Ѳедоровича Сабинина для оставленія на службѣ еще на пять лѣтъ, я имѣю честь представить краткій очеркъ его ученой дѣятельности.

Егоръ Ѳедоровичъ получилъ высшее математическое образованіе въ главномъ педагогическомъ институтѣ подъ руководствомъ нашего знаменитаго академика Остроградскаго и по окончаніи курса въ 1856 г. былъ опредѣленъ учителемъ математики въ 3-ю московскую реальную гимназію, гдѣ и оставался до 1866 года. Съ 1866 года онъ занималъ въ нашемъ университетѣ каѳедру чистой математики. Такимъ образомъ изъ двадцатипятилѣтней преподавательской дѣятельности только 15 лѣтъ проведены профессоромъ Сабининымъ въ университетѣ. Къ этому послѣднему періоду времени относятся и всѣ ученые труды профессора Сабинина, за исключеніемъ двухъ статей, напечатанныхъ имъ въ 1861 году.

Главнѣйшіе труды профессора Сабинина посвящены разработкѣ варіаціоннаго исчисленія; одна часть ихъ служитъ къ установленію изложенія варіаціоннаго исчисленія

по способу Эйлера, другая даетъ окончательное рѣшеніе вопроса объ изслѣдованіи второй варіаціи опредѣленныхъ многократныхъ интеграловъ, служащемъ къ опредѣленію ихъ maxima и minima. Первая изъ статей, посвященныхъ вопросамъ варіаціоннаго исчисленія появилась въ 1861 г. въ 59 т. журнала Крелля подъ заглавіемъ: Démonstration d'une formule de M. Ostrogradsky, relative au calcul des variations des intégrales multiples. Въ ней доказывается по способу Эйлера извѣстная формула Остроградскаго для варіаціи многократнаго интеграла. Хотя еще раньше, въ 1866 году Менделовъ въ 50 т. «Comptes rendus de l'académie de Paris» предложилъ выводъ той же формулы по способу Эйлера, но его выводъ основанъ на введеніи вспомогательныхъ перемѣнныхъ и обусловливается непрерывностью предѣльныхъ значеній перемѣнныхъ независимыхъ, между тѣмъ какъ въ статьѣ Сабинина дается прямой выводъ формулы Остроградскаго, основанный на однихъ только началахъ, предложенныхъ Эйлеромъ и не требующій условій непрерывности предѣльныхъ значеній перемѣнныхъ независимыхъ.

Въ 1866 г. профессоръ Сабининъ напечаталъ разсужденіе «объ условіяхъ, служащихъ къ отысканію и различенію maximum и minimum двойныхъ интеграловъ», за которое былъ удостоенъ московскимъ университетомъ степени магистра математики. Въ этомъ трудѣ предложено распространеніе способа, даннаго Якоби (въ 1834 году въ 17 т. журнала Крелля) для различенія maximum и minimum простыхъ интеграловъ на случай двойнаго интеграла, въ которомъ подъинтегральная функція содержитъ перемѣнныя независимыя x и y, относительно которыхъ берется интегралъ, ихъ функціи z и частныя производныя

z по x и y — только перваго порядка. Кромѣ того здѣсь также изложено нахожденіе варіаціи двойнаго интеграла по способу Эйлера, причемъ профессоръ Сабининъ пользуется весьма удачнымъ пріемомъ, употребленнымъ имъ еще въ предыдущей статьѣ и состоящемъ въ томъ, что варіація предѣловъ сводится на варіацію перемѣнныхъ независимыхъ; такимъ пріемомъ варіація опредѣленнаго интеграла приводится къ варіаціи неопредѣленнаго. Въ 1868 года профессоръ Сабининъ помѣстилъ въ 4 т. «Математическаго сборника», издаваемаго московскимъ математическимъ обществомъ, статью подъ заглавіемъ «о двухъ предметахъ, относящихся къ варіаціонному исчисленію». Въ ней предложено рѣшеніе одной геометрической задачи, входящей въ разрядъ вопросовъ о maximum и minimum двойнаго интеграла и дано доказательство, по способу Эйлера, основной теоремы варіаціоннаго исчисленія (варіація дифференціала равняется дифференціалу варіаціи) *независимо* отъ вывода варіацій частныхъ производныхъ, что значительно упрощаетъ изложеніе варіаціоннаго исчисленія.

Въ томъ же 1868 году профессоръ Сабининъ напечаталъ въ I т. «Записокъ новороссійскаго университета» разсужденіе на степень доктора математики подъ заглавіемъ: «Изслѣдованіе наибольшихъ и наименьшихъ значеній опредѣленныхъ многократныхъ интеграловъ». Этотъ трудъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ продолженіе магистерской диссертаціи, такъ какъ въ немъ профессоръ Сабининъ предлагаетъ дальнѣйшее распространеніе способа Якоби на случай многократнаго интеграла, въ подъинтегральную функцію котораго входятъ частныя производныя неизвѣстныхъ функцій только перваго порядка, число же этихъ

функцій совершенно произвольное. При чемъ рѣчь идетъ только объ абсолютныхъ maximum и minimum.

Въ слѣдующемъ 1869 году въ XV т. Bulletin de l'académie des sciences de St.-Pétérsbourg была напечатана статья профессора Сабинина «Sur la méthode de distinguer les maxima et les minima des intégrales définies multiples» Въ этой статьѣ излагается изслѣдованіе не только абсолютнаго, но и относительнаго maximum и minimum многократнаго интеграла для того самаго случая,. который былъ разсмотрѣнъ Клебшемъ въ его мемуарѣ «Ueber die zweite Wariation vielfacher Integrale» помѣщенномъ въ 56 т. журнала Крелля. Результаты, полученные Сабининымъ совершенно тождественны съ результатами Клебша, но пріемъ, употребленный профессоромъ Сабининымъ существенно отличается отъ пріема Клебша.

Въ 1878 г. профессоръ Сабининъ помѣстилъ въ Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques, rédigé par M. Darboux et Hoüel 2 série t. II статью подъ заглавіемъ»: Dévelopement analytique, pour servir á completer la discussion de la variation seconde des intégrales définies multiples». Эта статья содержитъ въ себѣ окончательное рѣшеніе вопроса объ изслѣдованіи второй варіаціи многократныхъ интеграловъ, служащемъ къ опредѣленію ихъ maxima и minima, т. е. излагается способъ изслѣдованія этой варіаціи не только для того случая, когда предѣльныя варіаціи искомыхъ функцій постоянны, но и для того случая, когда эти варіаціи совершенно произвольныя количества, при чемъ профессоромъ Сабининымъ получаются результаты въ совершенно опредѣленной формѣ, между тѣмъ какъ въ предыдущей его статьѣ, также какъ и въ упомянутомъ мемуарѣ Клебша, результаты не представлены

въ той опредѣленной формѣ, которую они должны имѣть для приложенія.

Наконецъ въ текущемъ году профессоръ Сабининъ помѣстилъ въ 32 т. «Записокъ» нашего университета статью о началѣ наименьшаго дѣйствія. Въ ней, кромѣ формулы, выражающей вторую варіацію отъ дѣйствія и доказывающей, что эта варіація величина положительная, констатируется то положеніе, что варіація времени при предѣлахъ интеграла равна нулю, и помощію этого весьма просто обнаруживается ошибочность того положенія, которое даютъ Лагранжъ и Якоби при выводѣ уравненій движенія изъ начала наименьшаго дѣйствія; кромѣ того въ этой статьѣ дѣлается приложеніе къ эллиптическому движенію небесныхъ тѣлъ и доказывается теорема, данная Якоби безъ доказательства въ 17 т. журнала Крелля.

Давъ краткій очеркъ семи работъ профессора Сабинина по варіаціонному исчисленію, я позволю себѣ обратить вниманіе факультета еще на три статьи, не относящіяся къ варіаціонному исчисленію. Въ 13 номерѣ 1 т. «Вѣстника математическихъ наукъ», издававшагося въ Вильно, помѣщена статья «Démonstration d'une théorème du calcul différentiel». Въ этой статьѣ предлагается доказательство того, что предѣлъ $(1+a)^{1/a}$ при безконечно маломъ a имѣетъ опредѣленную и конечную величину, доказательство простое и строгое, при томъ отличное отъ того, которое дано Коши и которое, какъ извѣстно, основано на формулѣ бинома Ньютона.

Во 2 т. «Математическаго сборника» помѣщена статья «Объ остаточномъ членѣ формулы Гаусса». Предметъ этой статьи состоитъ въ выраженіи остаточнаго члена формулы Гаусса въ видѣ подобномъ тому, какой былъ данъ Остро-

градскимъ остаточному члену формулы Эйлера, такъ какъ и самимъ Гауссомъ и другими геометрами, въ томъ числѣ и Якоби, погрѣшность, получаемая отъ приближеннаго вычисленія опредѣленнаго простаго интеграла, не была представлена въ конечномъ видѣ, а выражалась безконечнымъ рядомъ, что представляетъ затрудненіе при опредѣленіи предѣловъ погрѣшности.

Въ «Nouvelles annales de mathématique 2-me série t. XII 1873 помѣщена статья» Sur l'accélération normale á la trajectoire d'un point d'un système invariable mobile dans son mouvement le plus général». Въ этой статьѣ во 1-хъ для нормальнаго ускоренія дается болѣе общее выраженіе, чѣмъ то, которое дано Резалемъ въ его мемуарѣ «Sur les proprietés géométriques de mouvement le plus général d'un corps solide», во 2-хъ доказывается ошибочность того выраженія для нормальнаго ускоренія, которое дано Шеллемъ въ его сочиненіи «Theorie der Bewegung und der Kräfte».

Предлагая вниманію факультета настоящій очеркъ ученыхъ трудовъ профессора Сабинина, я позволяю себѣ надѣяться, что члены факультета согласятся со мной, что ученая дѣятельность профессора Сабинина даетъ ему полное право на новое избраніе. Что касается преподавательской дѣятельности Егора Өедоровича, то она близко извѣстна членамъ факулетета; среди нихъ засѣдаютъ бывшіе ученики уважаемаго профессора. Принадлежа къ числу этихъ послѣднихъ, я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить профессору Сабинину глубокую признательность, какъ бывшему моему наставнику и руководителю въ моихъ занятіяхъ по приготовленію къ профессорскому званію.

Подвергнутый затѣмъ баллотированію профессоръ Сабининъ получилъ двѣнадцать голосовъ избирательныхъ и тринадцать неизбирательныхъ; отсутствовавшій профессоръ Шпилевскій передалъ свой шаръ профессору Дювернуа. *Опредѣлили*: 1) На основаніи § 18 унив. устава объявить занимаемую профессоромъ Сабининымъ каѳедру вакантной, 2) представить г. попечителю объ увольненіи профессора Сабинина отъ службы въ университетѣ и ходатайствовать о назначеніи ему слѣдующей по закону пенсіи за выслугу 25 лѣтъ по учебной части, а на основаніи опредѣленія совѣта министра народнаго просвѣщенія 17 марта 1866 г. (№ 18 жур. ст. 3) пригласить профессора Сабинина читать лекціи до конца учебнаго года.

12. Донесеніе правленія университета съ препровожденіемъ медицинскаго свидѣтельства, представленнаго ординарнымъ профессоромъ Умовымъ въ объясненіе мѣсячной просрочки при возвращеніи на службу изъ разрѣшеннаго ему отпуска. *Опредѣлили*: признать просрочку законной, о чемъ и сообщить въ правленіе.

13. Представленіе профессора Мечникова: «имѣя въ виду ожидаемое прибытіе въ Одессу профессора берлинскаго университета Рудольфа Фирхова, имѣю честь представить его въ почетные члены нашего университета. Заслуги Фирхова въ области медицины и антропологіи настолько общеизвѣстны всему образованному міру, что я считалъ бы излишнимъ распространяться о нихъ. Припомню только, что своими изслѣдованіями въ области гистологической патологіи онъ создалъ цѣлое направленіе научной медицины, составляющее и нынѣ основу этой области знанія».

Въ результатѣ закрытой баллотировки профессоръ Фирховъ оказался избраннымъ въ почетные члены большинствомъ 18 голосовъ противъ одного. *Опредѣлили*: представить г. попечителю объ утвержденіи доктора Фирхова почетнымъ членомъ новороссійскаго университета.

Засѣданіе 8-го октября.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ проректора Ѳ. И. Леонтовича, гг. члены: И. С. Некрасовъ, А. А. Вериго, И. І. Патлаевскій, К. И. Карастелевъ, Е. Ѳ. Сабининъ, И. И. Мечниковъ, Ѳ. П. Шведовъ, И. Ѳ Синцовъ, Н. Л. Дювернуа, М. И. Малининъ, Н. П. Кондаковъ, А. А. Кочубинскій, А. С. Посниковъ, В. Н. Лигинъ, Ѳ. И. Успенскій, Н. А. Умовъ, А. А. Кудрявцевъ, В. М. Войтковскій, В. В. Преображенскій, Е Ф. Клименко. Не присутствовали: ректоръ С. П. Ярошенко — по домашнимъ обстоятельствамъ; профессора: А. О. Ковалевскій—по нахожденію въ командировкѣ, Н. А. Головкинскій и М. М. Шпилевскій—по болѣзни, А. С. Трачевскій и В. М. Петріевъ—не приславшіе заявленій о причинѣ отсутствія.

Слушали:

1. Былъ прочтенъ и подписанъ протоколъ засѣданія совѣта 17 сентября. При чтеніи фамилій профессоровъ, отсутствовавшихъ въ томъ засѣданіи, профессоръ Сабининъ заявилъ, что въ двухъ предшествовавшихъ засѣданіяхъ онъ не присутствовалъ потому, что въ тѣхъ засѣданіяхъ разсматривался между прочимъ вопросъ о баллотированіи его на пятилѣтіе по выслугѣ 25 лѣтъ и происходило са-

мое баллотированіе. *Опредѣлили*: протоколъ представить г. попечителю при заключеніи, что онъ можетъ быть напечатанъ вполнѣ.

2. Предложеніе г. попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 16 сентября за № 7113 о томъ, что управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія назначилъ командируемому за-границу съ ученою цѣлію лаборанту Меликову изъ суммъ министерства триста рублей, съ переводомъ сихъ денегъ въ правленіе означеннаго университета, и вмѣстѣ съ симъ сдѣлалъ распоряженіе о внесеніи командировки г. Меликова въ проектъ Высочайшаго приказа по министерству народнаго просвѣщенія.

При этомъ доложено, что г. Меликовъ отправился уже за-границу, получивъ, въ ожиданіи разрѣшенія командировки, 28 дневный отпускъ, и что о назначеніи ему пособія сообщено въ правленіе. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ, принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г. попечителя отъ 19 сентября за № 7197, слѣдующаго содержанія: «не усматривая изъ донесенія отъ 11 сентября за № 1802 и приложеннаго при ономъ отношенія и. д. директора черниговской гимназіи за № 591 основаній необходимости доводить до свѣденія г. министра народнаго просвѣщенія о томъ, что окончившій въ черниговской гимназіи испытаніе зрѣлости Іустинъ Дыбовскій, по сообщенію директора, заявилъ желаніе поступить въ новороссійскій университетъ и что онъ мало развитъ, имѣю честь покорнѣйше просить совѣтъ увѣдомить меня о побужденіяхъ къ такому представленію». *Опредѣлили*: донести г. попечителю, что совѣтъ имѣлъ въ виду противорѣчіе въ показаніи директора гимназіи и аттестата зрѣлости и необходимость выяснить, какъ поступать въ

подобныхъ случаяхъ на будущее время при пріемѣ въ студенты съ подобными противорѣчивыми аттестаціями.

4. Предложеніе г. попечителя отъ 24 сентября за № 7518 объ утвержденіи профессора берлинскаго университета Р. Фирхова, во вниманіе къ его ученымъ заслугамъ, почетнымъ членомъ Императорскаго новороссійскаго университета.

При этомъ доложено, что дипломъ поднесенъ профессору Фирхову въ бытность его въ Одессѣ. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

5. Предложеніе г. попечителя отъ 24 сентября зя № 7519 слѣдующаго содержанія: «въ слѣдствіе представленія отъ 23 сентября за № 1915 о разрѣшеніи нѣкоторымъ изъ поименованныхъ въ ономъ студентамъ, не окончившимъ экзаменовъ въ назначенное время по болѣзни, держать экзамены въ текущемъ сентябрѣ, другимъ въ октябрѣ и даже ноябрѣ мѣсяцахъ, имѣю честь увѣдомить совѣтъ университета, что принимая во вниманіе справедливость отдѣльнаго мнѣнія профессоровъ Малинина и Кудрявцева по этому ходатайству, а также и вообще неудобство продолжительныхъ отсрочекъ, я нахожу вполнѣ достаточною отсрочку до 15 октября, предоставляя право совѣту, въ этой границѣ, распредѣлить отсрочку въ частности по его усмотрѣнію».

При этомъ доложено, что содержаніе настоящаго предложенія своевременно сообщено въ физико-математическій и юридическій факультеты. *Опредѣлили*: принять къ руководству.

6. Предложеніе г. попечителя отъ 26 сентября за № 7590 о разрѣшеніи отсрочить экзамены студентамъ: Раби-

новичу до конца сентября и Крыжановскому до 1 октября сего года.

При этомъ доложено, что о разрѣшеніи г. попечителя своевременно сообщено въ юридическій и физико-математическій факультеты. *Опредѣлили*: принять къ свѣденію.

7. Отношеніе директора департамента народнаго просвѣщенія отъ 16 сентября за № 10601, слѣдующаго содержанія: «въ слѣдствіе телеграммы отъ 5 сентября о командированіи ординарнаго профессора новороссійскаго университета статскаго совѣтника Мечникова на международный американскій конгрессъ въ Мадритѣ—имѣю честь, по приказанію г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что какъ занятія означеннаго конгресса должны были окончиться уже 16 сего сентября, то предполагаемая командировка профессора Мечникова не можетъ состояться». *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

8. Докладъ г. ректора о зачисленныхъ въ студенты. Изъ приложенной вѣдомости оказывается, что на 8-е октября поступило:

		Изъ гимназій	Изъ университетовъ	всего
На историко-филологическій факультетъ . . .		6	1	7
На физико-математическій факультетъ	Отдѣленіе математическихъ наукъ	25	5	30
	Отдѣленіе естественныхъ наукъ	37	13	50
На юридическій факультетъ		26	21	47
	Итого . . .	94	40	134

Всего на 8 октября студентовъ 365

Кромѣ того переходятъ изъ другихъ университетовъ . 30

Постороннихъ слушателей. 45

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

9. Представленія физико-математическаго и юридическаго факультетовъ о переводѣ въ слѣдующіе курсы студентовъ по дополнительнымъ испытаніямъ и объ утвержденіи въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ. *Опредѣлили*: утвердить.

10. Представленіе физико-математическаго факультета о дозволеніи держать экзаменъ до 15 октября студентамъ Вороному, Ливенцеву и Бискупскому. *Опредѣлили*: разрѣшить согласно предложенію г. попечителя отъ 24 сентября за № 7519.

11. Представленіе физико-математическаго факультета о разрѣшеніи студенту Холмскому Александру, бывшему въ прошломъ году на I курсѣ медицинскаго факультета московскаго университета, держать до 15 октября экзаменъ по кристаллологіи для перехода на II курсъ естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета.

Справка: принятъ на I курсъ естественнаго отдѣленія по увольнительному свидѣтельству московскаго университета, гдѣ состоялъ въ 1-мъ полугодіи 1880-81 учебнаго года на I курсѣ медицинскаго факультета. *Опредѣлили*: въ виду 13 и 18 §§ дѣйствующихъ правилъ для студентовъ новороссійскаго университета отказать.

12. Представленіе физико-математическаго факультета о разрѣшеніи зачислить бывшаго два года студентомъ II курса медицинскаго факультета кіевскаго университета Марка Полляка на II курсъ естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета. *Опредѣлили*: ходатайствовать предъ г. попечителемъ.

13. Представленіе юридическаго факультета о зачисленіи бывшаго студента кіевскаго университета Малахова на II курсъ юридическаго факультета, обязавъ его выдер-

жать экзаменъ по предметамъ I курса при переходѣ на II курсъ.

Справка: изъ увольнительнаго свидѣтельства университета св. Владиміра видно, что Малаховъ 31 августа 1875 г. поступилъ въ число студентовъ на медицинскій факультетъ въ 1-й семестръ и слушалъ лекціи I курса въ теченіи 1875—76 учебнаго года, II курса въ теченіе 1876—77 учебнаго года, а 1 апрѣля 1877 года уволенъ за невзносъ платы за ученіе; 24 сентября снова принятъ въ студенты въ 1-й семестръ юридическаго факультета и слушалъ лекціи въ теченіе 1877—78 учебнаго года на I курсѣ, въ теченіе 1878 — 79 и 1879 — 80 учебныхъ годовъ на II курсѣ, и 31 мая 1880 г. уволенъ изъ университета за невзносъ платы за слушаніе лекцій.

При этомъ доложены § 8 п. б. правилъ для студентовъ новороссійскаго университета 1881 г. и § 56 правилъ 1880 г. *Опредѣлили*: зачислить согласно съ представленіемъ факультета.

14. Представленіе физико-математическаго факультета о перенесеніи лекцій по геологіи съ пятницы отъ 10—12 ч. на пятницу отъ 12—2 ч. *Опредѣлили*: разрѣшить.

16. Донесеніе его-же отъ 25 сентября за № 1952 о томъ, что ординарные профессора Н. А. Головкинскій и А. С. Посниковъ изъ разрѣшенныхъ имъ отпусковъ по 15 августа явились: первый 18 сентября, второй 16-го, причемъ первый представилъ медицинское свидѣтельство. *Опредѣлили*: признать просрочку законною.

17 Донесеніе историко-филологическаго факультета о томъ, что въ виду совершающагося уже обмѣна изданій нашего университета съ другими университетами и учеными обществами, факультетъ затрудняется принять на себя

19. Рапортъ проректора о томъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего 1881 г. пропущено гг. профессорами и преподавателями слѣдующее число лекцій: Успенскимъ 2, Преображенскимъ 3, Некрасовымъ 2, Леонтовичемъ 2, Воеводскимъ 2 и Спиро—1, по болѣзни; Кудрявцевымъ 1, по причинѣ исполненія обязанностей священника и Вериго 1, по назначенію въ судъ экспертомъ. *Опредѣлили*: записать въ протоколъ.

20. Заявленіе г. ректора о принесеніи въ даръ заслуженнымъ профессоромъ Лапшинымъ своего сочиненія «Лунное теченіе и разные способы опредѣленія пасхи православной и западной» съ приложеніемъ двухъ приборовъ въ картонѣ. *Опредѣлили*: книгу передать въ библіотеку и благодарить жертвователя.

21. Предсѣдательствующій предложилъ совѣту, не признаетъ-ли онъ нужнымъ послать ректору кіевскаго университета телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю смерти профессора Котляревскаго. Отозвавшись единодушно на предложеніе предсѣдателя, члены совѣта заявили желаніе выразить соболѣзнованіе и вдовѣ профессора. Профессоръ Кочубинскій предложилъ и проектъ телеграммъ, составленныхъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Кіевъ. Ректору университета. Совѣтъ Императорскаго новороссійскаго университета выражаетъ свое глубокое соболѣзнованіе въ виду тяжкой потери, понесенной наукой и университетомъ въ смерти профессора Котляревскаго». «Москва. Екатеринѣ Семеновнѣ Котляревской. Совѣтъ Императорскаго новороссійскаго университета, въ виду тяжкой потери, понесенной и Вами, и русской наукой въ преждевременной смерти А. А. Котляревскаго, спѣшитъ выразить предъ Вами чувства

своего искренняго и глубокаго соболѣзнованія». *Опредѣлили*: послать телеграммы.

Засѣданіе 29 октября 1881 г.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ г. ректора С. П. Ярошенко, гг. члены: Ѳ. И. Леонтовичъ, И. С. Некрасовъ, А. А. Вериго, И. І. Патлаевскій, К. И. Карастелевъ, Е. Ѳ. Сабининъ И. И. Мечниковъ, Ѳ. Н. Шведовъ, Н. Л. Дювернуа, М. М. Шпилевскій, А. С. Трачевскій, М. И. Малининъ, Н. П. Кондаковъ, А. А. Кочубинскій, А. С. Посниковъ, В. Н. Лигинъ, Ѳ. И. Успенскій, Н. А. Умовъ, А. А. Кудрявцевъ, В. М. Войтковскій, В. М. Петріевъ, В. В. Преображенскій. Не присутствовали: А. О. Ковалевскій, по нахожденію въ заграничной командировкѣ, Н. А. Головкинскій и Е. Ф. Клименко по необъясненной причинѣ, И. Ѳ. Синцовъ, по нахожденію присяжнымъ засѣдателемъ въ окружномъ судѣ.

Слушали:

2. а) Предложеніе г. попечителя на имя ректора отъ 14 октября за № 8267: «вслѣдствіе отношенія департамента народнаго просвѣщенія отъ 6 сего октября за № 11419, послѣдовавшаго по поводу представленія моего отъ 6 августа сего года за № 5452, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, въ дополненіе къ представленію совѣта университета отъ 24 іюля сего года за № 1459, доставить мнѣ, для сообщенія департаменту, болѣе подробныя свѣдѣнія о причинѣ предвидимаго къ концу сего года дефицита въ суммѣ на содержаніе новороссійскаго университета, съ

указаніемъ тѣхъ расходовъ, которые совѣтъ университета предполагаетъ отнести на штатныя суммы.

б) представленіе правленія отъ 24 октября за № 2268: «въ виду требованія департамента народнаго просвѣщенія, изложеннаго въ предложеніи г. попечителя отъ 14 октября за № 8267, о доставленіи болѣе подробныхъ свѣдѣній о причинѣ предвидимаго къ концу сего года дефицита въ суммѣ на содержаніе новороссійскаго университета, съ указаніемъ тѣхъ расходовъ, которые совѣтъ университета предполагаетъ отнести на штатную сумму, правленіе университета въ засѣданіи своемъ 21 октября, разсмотрѣвъ по этому дѣлу докладъ г. ректора и вполнѣ соглашаясь съ нимъ, имѣетъ честь представить его на усмотрѣніе совѣта.

в) докладъ г. ректора: «по поводу внесеннаго въ настоящее засѣданіе предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 14 сего октября за № 8267, имѣю честь представить правленію слѣдующее объясненіе.

Предполагая, что до конца текущаго года не произойдетъ никакихъ измѣненій въ наличномъ составѣ преподавателей, остатокъ отъ содержанія личнаго состава университета долженъ бы быть 19.982 руб. 78 коп., какъ это видно изъ приложенной при семъ таблицы. Изъ этого остатка въ текущемъ году израсходовано и предстоитъ израсходовать:

на содержаніе сверхштатныхъ лицъ.

Ординарнаго профессора Карастелева	2946 р. — к.	
четырехъ лаборантовъ . .	3136 » — »	
1 хранителя кабинета . .	490 » — »	
1 писца при библіотекѣ. .	400 » — »	
		6972 р. — к.

на добавочное содержаніе инспекціи съ 1 января по 1 іюля:

1 инспектору студентовъ .	980 р. — к.	
двумъ помощникамъ проректора	258 » — »	
1 писцу при инспекціи. .	230 » — »	
на канцелярскіе расходы .	177 » 80 »	
		1645 р. 80 к.

на вознагражденіе штатныхъ преподавателей за чтеніе лекцій по вакантнымъ каѳедрамъ . . . . 2784 р. 38 к.

на вознагражденіе стороннихъ преподавателей:

Юргевича	2400 р. — к.	
Богдановскаго	2400 » — »	
Беркевича съ 1 августа .	750 » — »	
Сперанскаго.	1200 » — »	
Кожевникова	1200 » — »	
		7950 р. — к.

На пріобрѣтеніе книгъ по ботаникѣ . . . 775 » — »

Всего. . . 20127 р. 18 к.

Слѣдовательно, предвидящійся дефицитъ будетъ . . . . 145 р. 18 к.

Къ этому нужно прибавить еще разрѣшенные къ перечисленію, но не перечисленные, за недостаткомъ суммъ:

на содержаніе астрономической обсерваторіи . .	500 р. — к.	
на покрытіе предстоящаго дефицита по содержанію нижнихъ служителей .	700 » — »	
на пополненіе основной библіотеки	1500 » — »	
		2700 р. — к.

Тогда ожидаемый дефицитъ будетъ 2845 р. 18 к.

При представленіи совѣта отъ 24 іюля за № 1459 сверхъ указанныхъ выше расходовъ имѣлись въ виду еще слѣдующіе:

на содержаніе сторонняго преподавателя Чижова. .	933 р. — к.	
на пособіе командированному за границу Меликову .	800 » — »	
на печатаніе библіотечнаго каталога	800 » — »	
		2533 р. — к.

Присоединяя эти суммы къ предыдущимъ, дефицитъ былъ-бы равенъ 5378—18, т. е. около той цифры, на какую было указано совѣтомъ въ упомянутомъ представленіи.

Но ходатайство о перечисленіи 800 рублей, ежегодно отчисляемыхъ изъ остатковъ на печатаніе библіотечнаго каталога, не состоялось, такъ какъ правленіе нашло возможнымъ, въ виду крайняго недостатка средствъ, отложить это ходатайство до будущаго года; что-же касается ходатайствъ о вознагражденіи Чижова и о пособіи Меликову, то на первое изъ этихъ ходатайствъ до сихъ поръ отвѣта не послѣдовало, на второе-же полученъ отказъ.

Какъ изъ приведенныхъ выше расчетовъ, такъ и изъ справокъ о расходахъ по университету за прежніе годы,

оказывается, что главныя причины ежегодно угрожающихъ университету въ послѣднее время дефицитовъ суть слѣдующія:

1) отнесеніе на штатныя суммы содержанія сверхштатныхъ лицъ и дополнительнаго содержанія инспекціи.

2. Недостаточность суммъ, отпускаемыхъ на пріобрѣтеніе книгъ и журналовъ. (Отпускается ежегодно 5250 р., а расходуется среднимъ числомъ около 9300 р. Недостающія суммы относятся частью на остатки отъ личнаго состава, частью на спеціальныя средства).

3) недостаточность суммъ, отпускаемыхъ на хозяйственныя нужды. (На содержаніе нижнихъ служителей, отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ и содержаніе въ чистотѣ зданій отпускается 24600 рублей, а расходуется до 30.000 руб. въ годъ, при чемъ недостающія суммы относятся на счетъ остатковъ отъ личнаго состава, а главнымъ образомъ на счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на учебно - вспомогательныя учрежденія).

4) недостаточность суммы, отпускаемой на содержаніе обсерваторіи, что впрочемъ уже признано министерствомъ, такъ какъ въ теченіе трехъ послѣднихъ годовъ министерство ежегодно разрѣшаетъ перечисленіе на этотъ предметъ 500 рублей изъ остатковъ отъ личнаго состава.»

Опредѣлили: представить согласно докладу правленія.

3. Предложеніе г. попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 19 октября № 8316 о разрѣшеніи зачислить бывшаго студентомъ медицинскаго факультета университета св. Владиміра Марка Полляка на II курсъ отдѣленія естественныхъ наукъ. *Опредѣлили*: принять къ исполненію.

4. Предложеніе г. попечителя отъ 19 октября № 8317 слѣдующаго содержанія: «при представленіи, согласно хо-

датайству совѣта университета, объ утвержденіи ординарнаго профессора Вериго деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, я препровождалъ на усмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія особое мнѣніе профессора Ковалевскаго по поводу несвоевременности выбора г. Вериго въ деканы въ то время, когда многіе изъ профессоровъ университета отсутствовали.

Усматривая изъ означеннаго мнѣнія, что выборъ въ деканы г. Вериго происходилъ 7 мая сего года и что въ это время уже не было значительной части профессоровъ физико-математическаго факультета на мѣстѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Николаи, въ предложеніи отъ 7 сего октября за № 11468 проситъ обратить вниманіе совѣта университета на отсутствіе профессоровъ въ такое время, которое не считается вакаціоннымъ.

О вышеизложенномъ имѣю честь сообщить совѣту къ надлежащему свѣдѣнію».

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію и сообщить въ факультеты.

Представленія факультетовъ:

5. Физико-математическаго и юридическаго о переводѣ студентовъ, подвергшихся дополнительнымъ испытаніямъ въ слѣдующіе курсы и объ удостоеніи гг. Воронаго—званія дѣйствительнаго студента, Самко, Мачаваріани и Герценштейна—степени кандидата. *Опредѣлили*: утвердить за исключеніемъ г. Герценштейна, о которомъ предварительно снестись съ подлежащей казенной палатой объ исключеніи его изъ податнаго состоянія.

6. Физико-математическаго о разрѣшеніи студенту III курса математическаго отдѣленія Шегеву остаться на третьемъ курсѣ на второй годъ.

Справка: студентъ Шегевъ состоялъ два года на I курсѣ, два года на II курсѣ и одинъ годъ на III курсѣ отдѣленія математическихъ наукъ.

§ 56 правилъ для студентовъ новороссійскаго факультета изд. 1880 г. *Опредѣлили*: отложить.

7.—о разрѣшеніи профессору Лигину вести практическія занятія по элементарной механикѣ по вторникамъ отъ 2—3 часовъ для I и II курсовъ математическаго отдѣленія. *Опредѣлили*: разрѣшить.

8. Внесенныя г. ректоромъ прошенія: получившаго въ таганрогской гимназіи свидѣтельство зрѣлости Клейна — о пріемѣ въ студенты, студентовъ университета св. Владиміра Клигера, Иванова и Фрумкина — о переводѣ въ новороссійскій университетъ. *Опредѣлили*: признавая причины пропуска срока г Клейномъ уважительными, ходатайствовать о зачисленіи его въ студенты; остальнымъ — отказать.

Представленія правленія:

9. а) отъ 29 октября за № 2327: «разсмотрѣвъ докладъ г. ректора относительно исходатайствованія отпуска суммъ на учебные и хозяйственные расходы въ размѣрѣ высшемъ противъ ассигновавшихся въ предшествовавшіе года, правленіе университета, соглашаясь съ докладомъ г. ректора о необходимости усиленія хозяйственныхъ средствъ университета, имѣетъ честь просить совѣтъ университета, возбудить по этому предмету ходатайство предъ министерствомъ.

Въ приложеномъ къ представленію докладѣ г. ректора значится: въ докладѣ, представленномъ мною правленію по поводу предстоящаго въ текущемъ году дефицита по содержанію университета, въ числѣ причинъ, ежегодно

угрожающихъ дефицитомъ, было указано между прочимъ на недостаточность суммъ, отпускаемыхъ на хозяйственныя нужды и на выписку книгъ и журналовъ. Въ настоящемъ докладѣ я имѣю въ виду представить правленію данныя, подтверждающія справедливость моего заключенія о недостаточности суммъ, отпускаемыхъ университету по указаннымъ статьямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе правленія на необходимость войти въ министерство съ ходатайствомъ, какъ объ увеличеніи этихъ суммъ, такъ и объ отпускѣ единовременно 30941 р. — 18 к. на неотложный капитальный ремонтъ нѣкоторыхъ изъ университетскихъ зданій.

Хозяйственныя нужды:

Начиная съ 1873 г. новороссійскому университету отпускается ежегодно на хозяйственные расходы 24.800 р., именно: 8.200 р. на содержаніе нижнихъ служителей и 16.600 р. на отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ и содержаніе въ чистотѣ зданій. Вслѣдствіе значительнаго возвышенія въ послѣднее время цѣнъ, какъ на рабочія руки, такъ и на строительные матеріалы, дѣйствительный расходъ по этимъ статьямъ значительно болѣе 24.800 р. Такъ и въ послѣдніе три года израсходовано:

а) *на содержаніе нижнихъ служителей*:

	Изъ суммъ, назначенныхъ по штату на						Всего	
	Содержаніе нижнихъ служителей		Отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ и содержаніе зданій		Учебно-вспомогательныя учрежденія			
Въ 1878 году.	8200	—	100	—	777	—	9077	—
» 1879 »	8200	—	622	10	1246	—	10068	10
» 1880 »	8200	—	373	66	1405	—	9978	66

b) *на отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ и содержаніе въ чистотѣ зданій.*

	Изъ суммъ, назначенныхъ по штату на						ВСЕГО	
	Отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ и содержаніе въ чистотѣ зданій		Учебно-вспомогательныя учрежденія		Содержаніе личнаго состава			
Въ 1878 года.	16500	—	3689	32	3500	—	23689	32
» 1879 »	15977	90	2641	50	—	—	18619	40
» 1880 »	16226	34	3066	88	1000	—	20293	22

Слѣдовательно, ежегодный средній расходъ по этимъ двумъ статьямъ равняется 30574 р. 92 к, именно 9707 р. 59 к. на содержаніе служителей и 20867 р. 33 к. на содержаніе зданій. При этомъ изъ суммъ, отпускаемыхъ на учебно-вспомогательныя учрежденія расходовалось ежегодно на хозяйственныя нужды среднимъ числомъ 4275 р. 23 к., что составляетъ почти $^1/_3$ часть средствъ кабинетовъ и лабораторій*). Такое положеніе дѣлъ не можетъ не отзываться крайне вредно какъ на ученой, такъ и

*) Въ хозяйственныхъ расходахъ участвовали слѣдующія учебно-вспомогательныя учрежденія: назначено по штату.

Астрономическая обсерваторія	1000 р.
Кабинетъ практической механики	500 »
Физическій кабинетъ	1000 »
Химическая лабораторія	1500 »
Минералогическій кабинетъ	500 »
Геологическій кабинетъ	600 »
Ботаническій садъ	2500 »
Ботаническій кабинетъ	500 »
Зоологическій кабинетъ	600 »
Зоотомическій кабинетъ	600 »
Техническій кабинетъ	1000 »
Физіологическій кабинетъ	750 »
Агрономическій кабинетъ	1000 »
Музей изящныхъ искусствъ	1000 »
	13050 р.

на учебной дѣятельности учебно-вспомогательныхъ учрежденій, обладающихъ и безъ того ограниченными средствами. Кромѣ того, по недостаточности суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе университетскихъ зданій, правленіе не имѣло возможности вести правильно своевременный ремонтъ, и вслѣдствіе этого отчасти, а также и неудовлетворительности самой постройки нѣкоторыхъ зданій, полученныхъ университетомъ въ готовомъ видѣ, зданія находятся въ такомъ состояніи, что для приведенія ихъ въ надлежащій порядокъ понадобилось бы израсходовать единовременно значительную сумму. Такъ, трехъэтажный флигель во дворѣ на Преображенской улицѣ по заключенію техниковъ находится въ такомъ состояніи, что жильцы могутъ оставаться въ немъ только до весны и то при соблюденіи извѣстныхъ условій, именно немедленнаго исправленія нѣкоторыхъ частей зданія; весною-же необходимо произвести капитальный ремонтъ. Прилегающее къ этому флигелю двухъэтажное зданіе съ холодными службами, по заключенію тѣхъ же экспертовъ угрожаетъ близкимъ разрушеніемъ отъ ветхости, чего нельзя устранить никакимъ ремонтнымъ исправленіемъ. Это зданіе необходимо сломать и замѣнить новымъ. Постройка новаго зданія вызывается не только недостаткомъ службъ во дворѣ на Преображенской улицѣ, но еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что это зданіе, прилегая къ флигелю, служитъ для послѣдняго значительной опорой. Оранжерея при ботаническомъ садѣ, не смотря на постоянныя исправленія, находится въ крайнѣ неудовлетворительномъ состояніи и должна быть замѣнена новой. Каменная лѣстница, соединяющая подвальный этажъ съ третьимъ въ зданіи на Дворянской улицѣ, угрожаетъ паденіемъ; вмѣсто этой лѣстницы необходимо устроить новую

чугунную. Дворы университетскіе, не смотря на настоятельныя трёбованія городскаго управленія, остаются незамощенными, а въ одномъ изъ дворовъ не было до сихъ поръ возможности устроить стока нечистотъ по сплавной системѣ. Оконныя рамы въ большей части университетскихъ помѣщеній требуютъ неотложнаго ремонта. Полы, окна и двери во многихъ помѣщеніяхъ университета не подвергались окраскѣ съ основанія университета.

На покрытіе всѣхъ этихъ расходовъ правленіе не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ, такъ какъ сумма, которую-бы правленіе могло удѣлить на ремонтъ изъ хозяйственныхъ средствъ будущаго года, будетъ недостаточна для производства текущаго ремонта: побѣлки и штукатурки стѣнъ, исправленія и покраски крыши и другихъ мелочныхъ исправленій.

Въ виду всего сказаннаго касательно хозяйственныхъ нуждъ университета, я имѣю честь предложить правленію войти въ министерство съ ходатайствомъ объ отпускѣ съ будущаго года на хозяйственныя нужды университета ежегодно 32000 р., именно 10000 р. на содержаніе нижнихъ служителей и 22000 р. на отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ и содержаніе зданій. Эти суммы нѣсколько болѣе указаннаго выше средняго расхода по этимъ статьямъ—во первыхъ въ виду того, что какъ наемная плата, такъ и цѣны на строительные матеріалы значительно возвысились въ послѣдній годъ; во вторыхъ потому, что въ случаѣ отпуска на содержаніе зданій только 20867 р. 33 к. (цифра равная среднему расходу по этой статьѣ), улучшилось бы только состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій, между тѣмъ какъ на хозяйственныя нужды правленіе имѣло-бы въ своемъ распоряженіи тѣже крайнѣ недостаточныя

средства, какъ и въ прежніе годы, и слѣдовательно, невозможно было бы улучшить веденіе университетскаго хозяйства.

Кромѣ того я имѣю честь предложить правленію ходатайствовать объ отпускѣ единовременно 30941 р. 18 к. на неотложный капитальный ремонтъ университетскихъ зданій, согласно прилагаемымъ при семъ подробнымъ смѣтамъ, такъ какъ безъ такого единовременнаго исправленія не было-бы возможности содержать университетскія зданія въ надлежащемъ порядкѣ даже и въ случаѣ предполагаемаго увеличенія средствъ.

c) *нужды библіотеки.*

По штату новороссійскаго университета на библіотеку ассигнуется ежегодно 4500 р. и сверхъ того на выписку журналовъ и газетъ 750 р. Между тѣмъ за послѣдніе пять лѣтъ на этотъ предметъ израсходовано:

	Изъ суммъ, назначенныхъ на этотъ предметъ по штату		Изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава		Изъ спеціальныхъ средствъ		ВСЕГО	
Въ 1876 году.	5250	—	1470	88	1307	12	8027	—
» 1877 »	5250	—	3700	—	1192	63	10142	63
» 1878 »	5250	—	2247	12	2880	58	10377	70
» 1879 »	5250	—	555	—	1645	37	7450	37
» 1880 »	5250	—	2738	84	2878	33	10866	17

Слѣдовательно, ежегодный средній расходъ на пріобрѣтеніе книгъ и журналовъ равняется 9332 р. 77 к. Не смотря однако на такой значительный расходъ, часто приходится слушать въ совѣтѣ заявленія о крайне плохомъ состояніи нашей библіотеки, въ особенности отъ преподавателей, занимающихъ каѳедры, остававшіяся долгое время вакантными. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что

наша библіотека пополнялась крайне неправильно. Основаніемъ для нея послужила библіотека Ришельевскаго лицея, которая, разумѣется, не могла удовлетворить нуждамъ университета, что признавалось и министерствомъ, которое разрѣшало иногда особыя суммы на пріобрѣтеніе частныхъ библіотекъ. Такія пріобрѣтенія, дѣйствительно, обогащали нѣкоторые отдѣлы, но за то по другимъ отдѣламъ часто не было никакой возможности пріобрѣсти самыя необходимыя сочиненія, пользуясь средствами, приходящими по расчету на каждую каѳедру, такъ какъ многіе отдѣлы существовали въ лицейской библіотекѣ только въ зачаточномъ состояніи, а по нѣкоторымъ не имѣлось даже ни одного сочиненія. До сихъ поръ, какъ видно изъ приведенной выше таблицы, университетъ устранялъ, на сколько возможно, эти затрудненія, удѣляя на библіотеку приблизительно по 2000 р. въ годъ изъ спеціальныхъ средствъ и почти по столько же изъ остатковъ отъ личнаго состава. Но въ виду уменьшенія съ каждымъ годомъ остатковъ отъ личнаго состава, университету предстоитъ на будущее время довольствоваться только своими крайне скудными спеціальными средствами для восполненія недостатка суммъ, отпускаемыхъ на библіотеку. Къ этому нужно прибавить, что съ прошедшаго года въ нашемъ университетѣ открыта студентская читальня, на содержаніе которой не отпускается по штату никакихъ суммъ.

Въ виду всего сказаннаго, я считалъ бы необходимымъ ходатайствовать предъ министерствомъ объ отпускѣ ежегодно, по примѣру другихъ университетовъ, 6000 р. на библіотеку и 1000 р. на пріобрѣтеніе газетъ и журналовъ, и сверхъ того также ежегодно 1000 р. на пополненіе отдѣла библіотеки, состоящаго при студентской читальнѣ и

пополняемаго преимущественно руководствами и необходимыми справочными книгами.

б) Отъ того же числа за № 2328, «Вслѣдствіе ходатайства физико-математическаго факультета отъ 24 октября за № 242 относительно увеличенія средствъ астрономической обсерваторіи на чисто научныя нужды и объ отпускѣ суммы (около 6000 р.), необходимой для постройки новой оранжереи, правленіе университета, согласно опредѣленію своему 26 октября состоявшемуся, прилагая при семъ подлинныя донесенія гг. завѣдывающихъ ботаническимъ садомъ доцента Рейнгарда и астрономической обсерваторіею доцента Кононовича, имѣетъ честь просить совѣтъ университета объ исходатайствованіи необходимой суммы.

Приложенные къ представленію правленія:

1) рапортъ завѣдывающаго ботаническимъ садомъ доцента Рейнгарда слѣдующаго содержанія: «состоящая въ моемъ завѣдываніи оранжерея пришла въ такую ветхость, что является серьезное опасеніе, простоитъ ли она до слѣдующаго лѣта, такъ какъ деревянныя части совершенно сгнили. Кромѣ того: печныя трубы требуютъ полной перекладки, стѣны тоже плохи. Если вспомнить, что въ концѣ прошлаго года и въ началѣ настоящаго потрачено на ремонтировку оранжереи 800 р. и если принять во вниманіе, что постройка этой оранжереи сдѣлана совершенно неправильно (она обращена фасадомъ на западъ, а стеклянная крыша несоразмѣрно широка и имѣетъ слишкомъ малый наклонъ), то конечно придемъ къ заключенію, что исправленіе этой оранжереи невозможно и ремонтированіе ея было бы непроизводительной затратой денегъ. А между тѣмъ оранжерея составляетъ такое существенное пособіе для преподаванія ботаники, безъ котораго не воз-

можно обходиться, и потому необходимо озаботиться о постройкѣ новой оранжереи, для чего потребуется около шести тысячъ рублей. Доводя о всемъ вышеизложенномъ до свѣдѣнія факультета, покорнѣйше прошу факультетъ ходатайствовать объ отпускѣ суммы, необходимой на постройку новой оранжереи».

2) прошеніе завѣдывающаго астрономической обсерваторіею доцента Кононовича слѣдующаго содержанія: «на содержаніе астрономической обсерваторіи полагается въ годъ штатная сумма 1000 р.: 500 рублей на наемъ служителей, и кромѣ того еще 500 р. отпускались изъ суммъ, остающихся отъ содержанія личнаго состава университета.

Въ этомъ году эта послѣдняя сумма была перечислена на обсерваторію, но за неимѣніемъ остатка, въ дѣйствительности не была отпущена.

Хозяйственные расходы по обсерваторіи составляютъ въ годъ слѣдующую сумму: въ прошломъ году было издержано на содержаніе служителей. . . . 540 р. — к.

на отопленіе	618	» 45	»
на воду	44	» —	»
на очистку трубъ и вывозъ нечистотъ.	82	» 50	»
оцѣночнаго сбора	30	» —	»
Итого. .	1314	р. 95	к.

Такимъ образомъ, не считая расходовъ по освѣщенію и мелкихъ хозяйственныхъ расходовъ, на чисто научныя нужды обсерваторіи остается въ годъ менѣе 700 рублей. Такъ какъ отпускаемые обыкновенно изъ остаточныхъ суммъ 500 р. въ этомъ году обсерваторіей получены не были, то на научныя нужды ея совсѣмъ не было денегъ, и потому главнѣйшіе расходы на учебно-вспомогательныя

потребности—(Расходы эти я долженъ былъ сдѣлать, чтобы дать студентамъ возможность практически работать по астрономіи) — были произведены мною, а уплату по нимъ придется сдѣлать только въ слѣдующемъ году.

Принимая все вышеизложенное во вниманіе, имѣю честь покорнѣйше просить факультетъ войти съ ходатайствомъ въ совѣтъ университета: или о принятіи университетомъ расходовъ на чисто-хозяйственныя нужды обсерваторіи (т. е. расходовъ на отопленіе, ремонтъ, наемъ служителей, освѣщеніе, снабженіе обсерваторіи водою, чистку домовыхъ трубъ и ватерклозетовъ и плату въ оцѣночный сборъ) на счетъ общихъ суммъ университета и назначить для обсерваторіи на чисто научныя нужды и мелкіе хозяйственные расходы 1000 рублей, или-же увеличить штатную сумму обсерваторіи до 2000 р., т. е. до суммы, которую обсерваторія въ дѣйствительности расходовала въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, и поставить такимъ образомъ обсерваторію въ возможность правильно производить научныя и учебныя работы, не находясь въ зависимости отъ существованія или отсутствія остатковъ отъ личнаго состава университета.

Среди обмѣна мнѣній между членами совѣта, профессоръ Кочубинскій высказалъ слѣдующее, съ просьбою занести его слово въ протоколъ: «съ глубочайшей признательностью слушалъ я докладъ о суммахъ на университетскіе расходы нашего уважаемаго ректора, этотъ тщательно исполненный личный трудъ г. ректора по сравненію смѣтъ цѣлаго ряда лѣтъ. Безспорно, намъ грозитъ постоянный дефицитъ, грозитъ и все большая ветшалость зданій. Но я позволю себѣ сказать свое посильное слово о дефицитѣ. Я позволяю себѣ указать, что если въ частномъ,

единичномъ хозяйствѣ, то тѣмъ больше въ такомъ обширномъ, какъ университетское, не послѣднюю роль играетъ экономія, сбереженіе. А между тѣмъ есть у насъ статьи, сокращеніе расходовъ по которымъ весьма было бы желательно, да и не невозможно.

1) Ужасное количество потребляемаго топлива—дровъ и каменнаго угля — тысячъ семь въ годъ, т. е. за зиму. До сихъ поръ ясно не опредѣлено, какія печи (а число печей неисчислимое) должно безусловно топить. Расходы на топливо увеличиваются отъ излишняго количества частныхъ квартиръ въ университетскихъ помѣщеніяхъ съ кухнями; слѣдовательно топливо идетъ и на кухни. По моему личному убѣжденію даже многія казенныя квартиры, т. е. согласныя съ уставомъ 1863 года, можно было бы съ выгодой закрыть, а замѣсто квартиры натурой выдавать деньги. Университетскій уставъ назначаетъ доценту квартирныхъ 150 рублей въ годъ, т. е. меньше того, чѣмъ стоитъ въ Одессѣ въ годъ одна комната, по среднему расчету.

2) Число служителей у насъ доходитъ до 50. Насколько мнѣ извѣстны заграничные университеты, тамъ далеко не такое число. И по этой статьѣ необходимо сбереженіе.

3) Весьма обременительная статья для университетскаго хозяйства—это газъ. Если память мнѣ не измѣняетъ, въ одномъ изъ засѣданій совѣта, года два назадъ, мы слушали счетъ по уплатѣ за газъ одной или нѣсколькихъ лабораторій — болѣе тысячи рублей. Эта сумма слишкомъ велика для учебно-вспомогательнаго учрежденія. Число газовыхъ рожковъ у насъ очень велико; а при такомъ

числѣ трудно всякое хозяйственное пользованіе такимъ дорого стоющимъ свѣтильнымъ веществомъ, какъ газъ.

Профессоръ Шведовъ возразилъ, что во время войны, когда топливо было втрое дороже обыкновеннаго, онъ въ качествѣ члена правленія неизбѣжно долженъ былъ руководиться экономіей при отопленіи завѣдываемаго имъ физическаго кабинета, и въ результатѣ оказалось, что вслѣдствіе заведшейся сырости оставленный при университетѣ стипендіатомъ кандидатъ Августиновичъ, работая въ кабинетѣ, сильно разстроилъ здоровье и въ слѣдующемъ году умеръ, а онъ, Шведовъ, получилъ бронхитъ, отъ котораго лечился три года.

Опредѣлили: ходатайствовать объ увеличеніи суммъ.

10. Докладъ коммисіи съ проектомъ правилъ о стипендіяхъ и объ испытаніяхъ: «Коммисія, образованная въ засѣданіи совѣта 3 сентября для составленія правилъ о стипендіяхъ и экзаменахъ, имѣетъ честь представить у сего проектъ означенныхъ правилъ, выработанныхъ ею въ собраніяхъ 20, 21, 24 и 26 сего октября.

Правила о стипендіяхъ.

§ 1. Университетскія стипендіи есть фондъ, которымъ располагаетъ университетъ для цѣлей поддержанія и поощренія *недостаточныхъ* студентовъ добрыхъ нравовъ къ правильнымъ и постояннымъ занятіямъ.

§ 2. Всѣ существующія стипендіи приводятся въ извѣстность студентамъ чрезъ обнародованіе ихъ при дѣйствующихъ студентческихъ правилахъ, при чемъ должны быть указаны: годъ основанія стипендіи, размѣръ и условія пользованія.

§ 3. По отношенію къ способу пріобрѣтенія стипендій различаются: студенты двухъ *высшихъ* курсовъ и студенты двухъ *низшихъ* курсовъ.

Стипендіи для студентовъ двухъ высшихъ курсовъ.

§ 4. Основаніемъ присужденія стипендій студентамъ двухъ *высшихъ* курсовъ принимаются не отмѣтки на экзаменахъ, а *отдѣльныя научныя работы*, при чемъ для студентовъ историко-филологическаго, юридическаго и математическаго отдѣленія физико-математическаго факультетовъ обязательны *письменныя* работы въ области той или другой факультетской спеціальности, свидѣтельствующія о серьезномъ интересѣ къ наукѣ, для студентовъ же естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета письменныя работы такого рода могутъ быть замѣняемы *практическими* лабораторными или кабинетными *упражненіями.*

§ 5. Студентамъ двухъ высшихъ курсовъ стипендіи назначаются *на годъ*, каждый разъ съ 1 по 1 сентября.

§ 6. Указанныя въ § 4 работы и упражненія для пріобрѣтенія стипендій представляются профессорамъ подлежащей спеціальности *до 1 сентября*; профессора же свои *письменные* отзывы о нихъ, отдѣльно о каждой, представляютъ факультету не позже 15 сентября того же года.

§ 7. Всѣ эти письменныя работы (въ извѣстныхъ случаяхъ практическія упражненія) пишутся на темы по назначенію отъ профессора или по соглашенію съ нимъ.

§ 8. Для того, чтобы студенты III курса могли пользоваться годовыми стипендіями уже съ самаго начала ихъ пребыванія на этомъ курсѣ, темы на стипендіи объявля-

ются студентамъ II курса въ началѣ втораго полугодія, т. е. въ январѣ.

§ 9. Въ тѣхъ же видахъ — по отношенію къ студентамъ IV курса—темы объявляются студентамъ III курса въ сентябрѣ.

§ 10. Объявленіе темъ производится чрезъ декана; самое же ихъ назначеніе предоставляется всѣмъ преподавателямъ, лекціи коихъ обязательны.

§ 11. Согласно § 6 сихъ правилъ — письменные отзывы преподавателей о представленныхъ студентами работахъ на стипендіи заслушиваются въ факультетскихъ собраніяхъ сейчасъ же послѣ 15 сентября.

§ 12. Удостоеніе стипендій на основаніи сказанныхъ отзывовъ рѣшается открытой подачей голосовъ; результаты оной доводятся до свѣдѣнія правленія и совѣта (совѣта—для общаго вѣдѣнія). Правленіе производитъ выдачу, но по своему постановленію.

§ 13 Въ случаѣ заявленія мотивированнаго несогласія со стороны кого-либо изъ членовъ факультетскаго собранія на удостоеніе стипендіи, рѣшеніе для окончательной формы переносится въ совѣтъ.

Стипендіи для студентовъ двухъ низшихъ курсовъ.

§ 14. Университетскія стипендіи отъ *ста пятидесяти* (150) рублей и ниже въ годъ—предназначаются главнѣйше для студентовъ двухъ *низшихъ* курсовъ, при чемъ преимущество отдается студентамъ *втораго* курса.

§ 15. Стипендіи на двухъ низшихъ курсахъ назначаются на *полгода*, съ 1 іюля по 1 января и съ 1 января по 1 іюля.

§ 16. Студенты втораго курса пріобрѣтаютъ въ *первомъ* полугодіи стипендіи на основаніи *отмѣтокъ* при *переходныхъ* экзаменахъ съ перваго курса на второй; для удержанія же стипендій и на *второмъ* полугодіи стипендіаты подвергаются *повѣрочнымъ* испытаніямъ по всѣмъ текущимъ предметамъ, каковыя испытанія производятся въ періодъ времени отъ 7 по 15 января.

§ 17. Студенты перваго курса пріобрѣтаютъ стипендіи лишь со втораго полугодія, для чего подвергаются таковому же повѣрочному испытанію, какъ и студенты втораго курса, и въ тотъ же періодъ времени.

§ 18. Присужденіе и этихъ стипендій производится съ удостоенія факультетовъ и постановленія правленія. Въ случаѣ заявленія мотивированнаго несогласія одного изъ членовъ факультетскаго собранія—дѣло переносится въ совѣтъ.

§ 19. Всѣ означенныя въ предшествующихъ параграфахъ (§§ 4 — 18) требованія распространяются какъ на стипендіи, находящіяся въ безусловномъ распоряженіи университета, такъ и на стипендіи правительственныя, съ обязательствами или безъ оныхъ, и частныя, учредители коихъ поставили извѣстныя условія для полученія ихъ.

§ 20. Студентъ, оставшійся на курсѣ на второй годъ не лишается права искать стипендіи по письменной работѣ (практическому упражненію въ извѣстныхъ случаяхъ) или по повѣрочному испытанію, но преимущество предъ нимъ имѣетъ студентъ перваго года, а онъ можетъ получить стипендію лишь по мотивированному ходатайству факультета предъ совѣтомъ.

§ 21. Студентъ, оставшійся на IV курсѣ на второй годъ, для пріобрѣтенія стипендіи подчиняется общимъ условіямъ пріобрѣтенія.

§ 22. Выдача стипендій производится ежемѣсячно. Она должа быть личная, подъ росписку, безъ права дачи довѣренности на полученіе кому бы то ни было, за исключеніемъ вакаціоннаго времени (1 іюля по 15—августа) и случаевъ тяжкой болѣзни, удостовѣренной свидѣтельствомъ университетскаго врача и личнымъ посѣщеніемъ проректора.

§ 23. Лишеніе стипендіи имѣетъ мѣсто:

а) въ силу основнаго значенія стипендій (§ 1 сихъ правилъ) — теченіе стипендіи прекращается съ момента оставленія университета стипендіатомъ по той или другой причинѣ.

б) въ случаѣ взысканія по университетскому суду.

в) въ случаѣ перехода изъ одного факультета въ другой.

Приложеніе къ правиламъ о стипендіяхъ.

Форма свидѣтельства, представляемаго студентомъ, ищущимъ стипендіи, въ Императорскій новороссійскій университетъ.

«Предъявитель сего (имя рекъ, отечество, фамилію, званіе, возрастъ), принадлежащій къ семьѣ (изъ кого состоитъ семья; если есть отецъ, то на службѣ онъ или въ отставкѣ; въ первомъ случаѣ: какое получаетъ содержаніе, во второмъ—какую пенсію; если только мать, то получаетъ-ли пенсію и какую; если предъявитель имѣетъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, то воспитывается ли кто либо изъ нихъ на казенный счетъ, получаетъ ли стипендію, имѣется ли въ семьѣ недвижимая собственность или нѣтъ) дѣйствительно лицо недостаточнаго состоянія, въ удостовѣреніе чего, за подписомъ и приложеніемъ казенной

печати, на основаніи вышеозначенныхъ вполнѣ извѣстныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній, и выдано сіе свидѣтельство.

Примѣчаніе 1-е. Свидѣтельства о недостаточности состоянія выдаются: а) состоящимъ на государственной службѣ и ихъ дѣтямъ—начальствами этихъ лицъ; б) лицамъ дворянскаго сословія внѣ дѣйствительной государственной службы—предводителями дворянства тѣхъ уѣздовъ, въ коихъ эти лица приписаны, а ежели приписаны къ уѣзду, то начальникомъ той губерніи, въ которой эти лица имѣютъ постоянное жительство; в) дѣтямъ лицъ духовнаго и церковнаго званія — мѣстными духовными консисторіями; г) принадлежащимъ къ сословію почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ, посадскихъ крестьянъ и пр. —городскими думами, ратушами, волостными правленіями и другими учрежденіями, въ коихъ объявлены капиталы и коимъ подвѣдомственны эти лица.

Примѣчаніе 2-е Свидѣтельства эти должны имѣть подпись начальника или предсѣдательствующаго лица, скрѣпу секретаря или другаго рода дѣлопроизводителя, казенную печать и № по порядку исходящихъ бумагъ даннаго учрежденія.

Примѣчаніе 3 е Разъ представившіе такое свидѣтельство отъ вторичнаго представленія освобождаются.

Правила объ испытаніяхъ.

§ 1. Для факультетскаго контроля надъ занятіями студентовъ существуютъ устные экзамены *переводные* и *повѣрочные.*

§ 2. Переводные экзамены устанавливаются для студентовъ I, II и III курсовъ, повѣрочные для студентовъ I и II курсовъ; въ обоихъ случаяхъ по всѣмъ предметамъ

§ 3. Внѣ ихъ существуютъ испытанія *окончательныя* для пріобрѣтенія ученой степени кандидата и званія дѣйствительнаго студента.

§ 4. Никакія домашнія испытанія не пріемлются въ расчетъ при оцѣнкѣ факультетомъ знаній: экзамены производятся въ устанавливаемыхъ каждый разъ отъ факультета мѣстѣ, времени и при извѣстныхъ условіяхъ.

§ 5. Согласно университетскому уставу 1863 г. и всякій разъ данному на основаніи сего устава распредѣленію испытаній, переводные экзамены производятся въ университетскихъ помѣщеніяхъ и въ теченіе мая мѣсяца (1—30 мая).

6. Переводные экзамены производятся въ назначенной тѣмъ же распредѣленіемъ коммисіи, состоящей изъ преподавателя предмета, декана и ассистента.

§ 7. Студенты историко-филологическаго факультета, въ силу спеціальнаго постановленія, при переходѣ со II на III курсъ подвергаются испытанію въ присутствіи факультета по французскому или нѣмецкому языкамъ.

§ 8. Повѣрочнымъ испытаніямъ подвергаются студенты I и II курсовъ, желающіе пріобрѣсти или сохранить стипендію.

§ 9. Время производства повѣрочныхъ испытаній — отъ 7 по 15 января. Они производятся преподавателемъ предмета съ участіемъ декана или секретаря факультета.

§ 10. Переиспытанія ни въ переводныхъ, ни въ повѣрочныхъ испытаніяхъ не допускаются.

§ 11. Послѣ вакацій экзамены не допускаются.

Примѣчаніе къ § 11. Послѣ вакацій, въ теченіе второй половины августа, переводные экзамены допускаются для студентовъ, которые не могутъ по причинѣ тяжкой

болѣзни или утраты близкихъ, подвергнуться испытанію въ маѣ. Для удостовѣренія сихъ обстоятельствъ въ факультетъ, на имя декана, должно быть предъявлено прошеніе объ экзаменѣ въ августѣ, при чемъ, въ случаѣ болѣзни, прилагается свидѣтельство университетскаго врача и заявленіе г. проректора о его *личномъ* посѣщеніи больнаго; въ другихъ же случаяхъ на заключеніе факультета предъявляются достовѣрныя данныя.

§ 12. Окончательныя испытанія, существующія для студентовъ IV курса для пріобрѣтенія ученой степени кандидата и званія дѣйствительнаго студента, бываютъ устныя и письменныя и производятся не иначе, какъ въ факультетскихъ собраніяхъ.

§ 13. Число факультетскихъ собраній для окончательныхъ испытаній, сообразное количеству испытуемыхъ предметовъ, мѣсто, время и часы оныхъ опредѣляются заблаговременно факультетомъ.

§ 14. Окончательныя испытанія производятся въ два періода: или съ 15 апрѣля по 30 мая, или съ 1 декабря по 20.

§ 15. По предметамъ IV курса и по предметамъ, преподаваніе коихъ заканчивается на IV курсѣ, студентъ подвергается испытанію по выбору — въ тотъ или другой періодъ времени.

§ 16. Не выдержавшіе испытанія въ первомъ періодѣ подвергаются, буде пожелаютъ, новому испытанію во второмъ періодѣ, при соблюденіи тѣхъ же формъ, но не иначе, какъ по всѣмъ предметамъ, т. е. зачисленіе экзаменаціонныхъ отмѣтокъ изъ перваго періода экзаменовъ во второй не допускается.

§ 17. Оцѣнка познаній на экзаменахъ переводномъ, повѣрочномъ и окончательномъ - обозначается отмѣтками: «неудовлетворительно», «удовлетворительно», «весьма удовлетворительно».

§ 18. Для перехода изъ курса въ курсъ требуется по меньшей мѣрѣ отмѣтка «удовлетворительно» по каждому предмету испытанія.

§ 19. Таже отмѣтка, при тѣхъ же условіяхъ, требуется и на окончательномъ испытаніи для пріобрѣтенія званія дѣйствительнаго студента.

§ 20. Для пріобрѣтенія ученой степени кандидата требуется, кромѣ диссертаціи (о чемъ ниже § 26), отмѣтка «весьма удовлетворительно» по меньшей мѣрѣ въ половинѣ факультетскихъ предметовъ.

Примѣчаніе къ § 20. По отношенію къ старой пятибальной системѣ отмѣтокъ, отмѣтка «неудовлетворительно» соотвѣтствуетъ 1 и 2; отмѣтка «удовлетворительно»— 3 и 4; отмѣтка «весьма удовлетворительно»—5.

§ 21. Отмѣтки по предметамъ, заключеннымъ до IV курса, принимаются въ расчетъ при опредѣленіи правъ студента на степень кандидата или на званіе дѣйствительнаго студента.

Примѣчаніе къ § 21. При семъ сохраняютъ свою силу и особыя факультетскія правила о предметахъ зачисляемыхъ и незачисляемыхъ по отношенію къ окончательнымъ испытаніямъ.

§ 22. Въ случаѣ отсутствія преподавателя, факультетъ имѣетъ право и относительно окончательныхъ испытаній поручить производство оныхъ кому либо изъ своихъ членовъ.

§ 23. Отмѣтки на окончательныхъ испытаніяхъ ставятся испытателемъ по соглашенію съ присутствующими членами факультета. При отсутствіи единогласія вопросъ рѣшается большинствомъ голосовъ.

§ 24. По удовлетворительномъ исходѣ окончательныхъ устныхъ испытаній, ищущій степени кандидата или званія дѣйствительнаго студента подвергается *письменному* испытанію во время и при условіяхъ, назначенныхъ факультетомъ.

§ 25. Темы для сего письменнаго испытанія объявляются деканомъ, по предварительномъ полученіи ихъ отъ преподавателей факультета. Оцѣнка производится преподавателемъ соотвѣтствующей темѣ науки. Заключеніе о письменномъ испытаніи принадлежитъ факультету.

§ 26. Ищущій ученой степени кандидатъ обязанъ, по выдержаніи устнаго и письменнаго испытаній, представить въ шестимѣсячный срокъ диссертацію на тему по собственному выбору, но съ одобренія ея подлежащимъ профессоромъ.

§ 27. Въ случаѣ неудовлетворительности первой диссертаціи или невозможности приготовить ее въ установленный полугодовой срокъ, ищущій имѣетъ право представить вторую диссертацію при соблюденіи тѣхъ же условій.

§ 28. Тому же окончательному испытанію, съ соблюденіемъ тѣхъ же формъ, кои установлены для студентовъ IV курса, подвергаются и *стороннія лица*, ищущія ученой степени кандидата, при томъ по всѣмъ предметамъ факультетскаго преподаванія. Для сего эти лица обязаны подать къ 1 апрѣля, или же къ 15 ноября, прошеніе на имя ректора, съ приложеніемъ подлежащихъ документовъ и ста

шестидесяти (160) рублей, (сумма четырехлѣтней платы за слушаніе лекцій студентами).

Примѣчаніе къ § 28. Половина этой суммы идетъ на вознагражденіе преподавателей, участвующихъ въ испытаніи, и другая половина на усиленіе средствъ университетской библіотеки. Въ случаѣ отказа отъ экзамена со стороны ищущаго, а также неудовлетворительности самихъ испытаній, устныхъ или письменныхъ, или кандидатской диссертаціи, внесенная предварительно плата возврату не подлежитъ.

Опредѣлили: назначить экстренное засѣданіе черезъ двѣ недѣли.

11. Представленіе физико-математическаго факультета: «въ засѣданіи факультета 23 октября баллотировался вопросъ о порученіи г. Кожевникову чтенія лекцій по ботаникѣ въ будущемъ году. Въ результатѣ закрытой баллотировки оказалось 10 голосовъ избирательныхъ и 1 неизбирательный. На основаніи своего рѣшенія факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать предъ совѣтомъ о порученіи приватъ-доценту Кожевникову чтенія лекцій по ботаникѣ въ будущемъ году, съ вознагражденіемъ 1200 рублей въ годъ изъ остатковъ отъ личнаго состава университета.

По произведенной въ совѣтѣ баллотировкѣ о приглашеніи приватъ-доцента Кожевникова къ чтенію лекцій въ 1882 году—получилось 18 голосовъ утвердительныхъ и 3 отрицательныхъ.

Опредѣлили: просить ходатайства г. попечителя предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи приглашенному въ качествѣ сторонняго преподавателя для чтенія лекцій по ботаникѣ въ 1882 г. приватъ-доценту Кожевникову производить вознагражденіе изъ общихъ остат-

ковъ отъ содержанія личнаго состава, въ размѣрѣ 1200 р. въ годъ.

12. Представленіе редактора «Университетскихъ записокъ» Кочубинскаго: «Редакція журнала «Юридическое обозрѣніе» (еженедѣльно, въ Тифлисѣ, второй годъ, редакторъ А. В. Степановъ, издатель А. С. Френкель) и газеты «Новости и Биржевая газета» (ежедневно, въ Петербургѣ, редакторъ О. К. Нотовичъ) предлагаютъ обмѣнъ съ «Записками» нашего университета въ 1882 году, а также объявленіями о подпискѣ.

Доводя до свѣдѣнія совѣта, покорнѣйше прошу, въ случаѣ согласія, увѣдомить о таковомъ редакціи сказанныхъ періодическихъ изданій, какъ они о томъ просятъ. *Опредѣлили*: разрѣшить.

13. Предложеніе куратора студентской читальни Дювернуа: «въ виду измѣнившагося состава нестудентовъ, посѣщающихъ лекціи, и по несогласованію правилъ пользованія читальнею съ новыми положеніями для стороннихъ слушателей, имѣю честь предложить формулировать § 10 правилъ читальни нижеслѣдующимъ образомъ: «Кромѣ студентовъ пользоваться читальнею могутъ и посторонніе слушатели, съ условіемъ взноса ими трехъ рублей въ пользу читальни».

По выслушанія предложенія профессоръ Кочубинскій заявилъ: «съ предложеніемъ г. профессора Н. Л. Дювернуа я согласиться не могу. Я исхожу изъ той точки, что читальня для студентовъ, открытая нами не безъ большаго труда и затратъ, есть учрежденіе только для студентовъ; удобство пользованія ею студентами — наша главная забота. Если по старымъ правиламъ число постороннихъ слушателей могло быть всегда не велико, то теперь, въ

силу новыхъ правилъ, доступъ имъ въ университетъ открытъ широко. Слѣдовательно, при крайней ограниченности средствъ и силъ при нашей читальнѣ для студентовъ, едва ли желательно осложненіе пользованія, такъ какъ съ безусловнымъ открытіемъ студентческой читальни постороннимъ слушателямъ, не обязаннымъ, согласно существующимъ правиламъ, къ годичному экзамену, явятся усиленныя требованія, исполнять которыя, съ каждымъ увеличеніемъ, будетъ труднѣе и труднѣе. Я не считаю невозможнымъ случай, что число постороннихъ слушателей будетъ равно или превышать число студентовъ. Интересы студентовъ въ такомъ случаѣ будутъ терпѣть. Не забудемъ, что въ силу (§ 3 лит. а) «правилъ для постороннихъ слушателей» (ср. еще § 11 тѣхъ же «правилъ») посторонній посѣтитель можетъ считаться таковымъ, записавшись всего на одинъ курсовый предметъ. Вотъ почему я полагалъ бы, что пользованіе читальней для студентовъ можетъ быть предоставлено только тѣмъ постороннимъ слушателямъ, которые записываются на оба полугодія и по всѣмъ предметамъ курса, и то съ усиленной платой за это пользованіе въ интересахъ улучшенія самой читальни, а не всѣмъ, безъ всякаго различія.

Послѣ преній и примѣнительно къ высказаннымъ мнѣніямъ поставленъ былъ па голосованіе вопросъ: увеличить ли плату съ постороннихъ слушателей за право пользованія читальней до пяти рублей или сохранить существующую въ три рубля? Большинство 14 голосовъ противъ 6 (гг. Войтковскій, Кудрявцевъ, Кондаковъ, Малининъ, Дювернуа, Шведовъ) высказались за трехрублевый взносъ.

Опредѣлили: Представить г. попечителю объ измѣненіи редакціи § 10 правилъ читальни.

14. Донесеніе правленія отъ 29 октября за № 2329: «студенты новороссійскаго университета I курса юридическаго факультета Вульфъ Полякъ и II курса Іоахимъ Рейнгерцъ, по постановленію правленія 26 сего октября, были преданы университетскому суду, согласно § 55 лит. ж. правилъ для студентовъ и постороннихъ слушателей.

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, университетскій судъ, признавая, что студентъ юридическаго факультета I курса Полякъ Вульфъ виновенъ въ произнесеніи дерзкихъ словъ предъ г. деканомъ юридическаго факультета, и съ другой стороны, признавая, что студентъ Полякъ былъ въ возбужденномъ состояніи и произносилъ дерзкія слова безъ яснаго разумѣнія оныхъ, опредѣлилъ: руководясь заключительными словами лит. ж. § 55 и примѣняя § 47 лит. *а* и *б*, сдѣлать Поляку Вульфу выговоръ и объявить съ подпиской, что въ случаѣ новаго проступка съ его стороны, онъ будетъ немедленно уволенъ изъ университета. Къ нему же примѣнить § 49 правилъ для студентовъ и постороннихъ слушателей.

Что касается студента юридическаго факультета II курса Рейнгерца Іоахима, судъ опредѣлилъ: сдѣлать ему замѣчаніе безъ внесенія въ штрафную книгу.

Настоящій приговоръ суда приведенъ въ исполненіе въ засѣданіи правленія 28 октября.

Обо всемъ вышеизложенномъ правленіе университета, примѣняясь къ примѣчанію къ § 80 правилъ для студентовъ, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія совѣта. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

15. Заявленіе г. ректора: «27 сего октября секретарь совѣта заявилъ мнѣ, что по его забывчивости постановленіе совѣта, состоявшееся 14 мая о вознагражденіи г. Чи-

жова за чтеніе лекцій, до 27 октября не приведено было въ исполненіе, т. е. не было возобновлено ходатайство о назначеніи г. Чижову въ вознагражденіе 1200 рублей, какъ стороннему преподавателю, изъ остатковъ отъ личнаго состава. Считаю своею обязанностью представить это обстоятельство на усмотрѣніе совѣта.

По докладѣ настоящаго сообщенія, секретарь сдѣлалъ предъ совѣтомъ, съ разрѣшенія предсѣдателя, объясненіе, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: по существу дѣла и по чистой правдѣ онъ долженъ сказать одно слово: «забылъ», нисколько не выручающее изъ бѣды. Да онъ и не имѣетъ въ виду ни на одну іоту умалить той отвѣтственности, которая вотъ уже третій день удручающимъ образомъ гнететъ его сознаніе. Онъ имѣлъ лишь достаточное время, чтобы дать себѣ отчетъ, чувствуетъ потребность высказать и предъ совѣтомъ, какимъ образомъ могло случиться, что одно изъ дѣлъ серьезной важности, о которомъ при томъ рѣчь возобновлялась и въ служебномъ порядкѣ, и въ частныхъ бесѣдахъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ по крайней мѣрѣ пять - шесть разъ, — какимъ образомъ могло случиться, что это именно дѣло изъ памяти вонъ? Вѣдь существуетъ же извѣстный порядокъ въ дѣлопроизводствѣ, который долженъ гарантировать отъ забывчивости дѣлопроизводителя? Отвѣтомъ на эти вопросы и служили объясненія секретаря, резюмировавшіяся въ народномъ изрѣченіи «грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». *Опредѣлили*: считать объясненія секретаря совѣта удовлетворительными.

16. Прошеніе помощника библіотекаря Павлова о назначеніи ему вознагражденія за вечернія занятія при сту-

дентской читальнѣ. *Опредѣлили*: имѣть въ виду выдачу Павлову 100 рублей изъ спеціальныхъ средствъ.

Засѣданіе 12 ноября 1881 г.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ г. ректора С. П. Ярошенко, гг. члены: Ѳ. И. Леонтовичъ, И. С. Некрасовъ, А. А. Вериго, И. І. Патлаевскій, К. И. Карастелевъ, Е. Ѳ. Сабининъ Н. А. Головкинскій, И. И. Мечниковъ, Ѳ. Н. Шведовъ, И. Ѳ. Синцовъ, Н. Л. Дювернуа, М. М. Шпилевскій, А. С. Трачевскій, М. И. Малининъ, Н. П. Кондаковъ, А. А. Кочубинскій, А. С. Посниковъ, В. Н. Лигинъ, Ѳ. И. Успенскій, Н. А. Умовъ, А. Н. Кудрявцевъ, В. М. Войтковскій, В. В. Преображенскій. Не присутствовали: А. О. Ковалевскій, по нахожденію въ заграничной командировкѣ, В. М. Петріевъ, Е. Ф. Клименко по уважительнымъ причинамъ.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 1 ноября № 8909 въ отвѣтъ на представленіе отъ 31 м. октября: «увѣдомляю совѣтъ университета, что при пріемѣ въ студенты лицъ съ аттестатами зрѣлости слѣдуетъ руководствоваться этими документами, выдаваемыми цѣлой педагогической коллегіей учебнаго заведенія, а не личнымъ мнѣніемъ отдѣльнаго члена оной». *Опредѣлили*: принять къ исполненію.

3. Отъ 5 ноября за № 9031 о томъ, что за пропускомъ окончившимъ курсъ въ таганрогской гимназіи Израи-

лемъ Клейномъ срока на поступленіе въ университетъ, установленнаго правилами для студентовъ и посторонних слушателей новороссійскаго университета, Его Превосходительство не находитъ возможнымъ принять его въ настоящее время въ студенты университета. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

4. Отъ 10 ноября № 9312 на имя ректора: «на основаніи нынѣ дѣйствующихъ правилъ, воспитанникамъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній дозволяется оставаться въ томъ же классѣ или курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ. Между тѣмъ въ послѣдніе годы совѣты университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній весьма часто обращались въ министерство народнаго просвѣщенія чрезъ попечителей учебныхъ округовъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи оставить нѣкоторыхъ воспитанниковъ, въ видѣ изъятія изъ общаго правила, на третій годъ въ томъ же курсѣ или классѣ, при чемъ означенныя ходатайства лишь въ рѣдкихъ случаяхъ были основаны на дѣйствительно уважительныхъ причинахъ, могущихъ служить поводомъ къ допущенію подобнаго изъятія.

Вслѣдствіе сего г. министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ отъ 28 минувшаго октября за № 12493 проситъ меня предложить совѣтамъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго мнѣ округа, чтобы на будущее время подобныя ходатайства о разрѣшеніи оставаться на третій годъ въ томъ же классѣ или курсѣ были представляемы только въ исключительныхъ случаяхъ и основаны на дѣйствительно уважительныхъ причинахъ, которыя бы оправдывали просьбу о допущеніи изъятія изъ общаго правила.

Сообщая объ этомъ Вашему Превосходительству для руководства и исполненія, покорнѣйше прошу настоящее

предложеніе мое заслушать въ первомъ засѣданіи совѣта новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: принять къ руководству.

Представленія факультетовъ:

5. Юридическаго—объ утвержденіи окончившихъ курсъ Крыжановскаго и Малышева въ званіи дѣйствительнаго студента съ предоставленіемъ права представить диссертацію на степень кандидата.

При этомъ секретарь совѣта доложилъ объ исключеніи подлежащими казенными палатами изъ податнаго состоянія гг. Алдырева и Цвѣта. *Опредѣлили*: утвердить означенныхъ въ докладной части протокола лицъ въ званіи дѣйствительнаго студента съ предоставленіемъ имъ права представить диссертацію на степень кандидата.

6. Его-же о замѣнѣ для студентовъ III и IV курсовъ повѣрочныхъ испытаній письменными работами, которыя должны быть представлены къ 7 января будущаго 1882 года. *Опредѣлили*: просить разрѣшенія г. попечителя.

7. Историко-филологическаго — объ освобожденіи студентовъ IV курса, въ виду сложности занятій, отъ контрольныхъ испытаній въ настоящемъ году. *Опредѣлили*: представить г. попечителю.

8. Отложенное въ прошломъ засѣданіи (ст. 6 проток. 29 октября) представленіе физико-математическаго факультета о разрѣшеніи студенту III курса математическаго отдѣленія Шегеву остаться на третьемъ курсѣ на второй годъ. *Опредѣлили*: передать въ факультетъ для болѣе подробной мотивировки.

9. Внесенныя ректоромъ прошенія: студента I курса физико-математическаго факультета Келиха о переводѣ на

юридическій факультетъ, бывшаго студента с.-петербургскаго университета I курса Гросмана и студента III курса Нѣжинскаго института Любарскаго о пріемѣ въ студенты новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: ходатайствовать о разрѣшеніи.

10. Доложенный въ прошломъ засѣданіи (ст. 10 протокола 29 октября) проектъ правилъ о стипендіяхъ и объ испытаніяхъ.

Послѣ обмѣна мнѣній и примѣнительно къ высказывавшимся предложеніямъ поставленъ былъ предсѣдателемъ на голосованіе вопросъ: передать ли составленный проектъ правилъ въ факультеты, или же, согласно предложенію министерства отъ 30 мая за № 7765 — пересмотрѣть и составить правила о стипендіяхъ и экзаменахъ въ особой коммисіи? Большинствомъ 14 голосовъ противъ 10 (гг. Войтковскій, Умовъ, Кондаковъ, Малининъ, Трачевскій, Шпилевскій, Синцовъ, Мечниковъ, Головкинскій, Вериго) высказались въ пользу втораго предложенія. *Опредѣлили*: согласно предложенію министерства пересмотрѣть и составить правила о стипендіяхъ и экзаменахъ въ коммисіи изъ профессоровъ: Преображенскаго, Посникова и Трачевскаго, подъ предсѣдательствомъ перваго изъ нихъ.

11. Представленіе правленія отъ 10 ноября за № 2449 слѣдующаго содержанія: «23 сентября и 21 октября сего года командированный г. одесскимъ градоначальникомъ инженеръ статскій совѣтникъ Вейтко, въ присутствіи правленія Императорскаго новороссійскаго университета и университетскаго архитектора Мазирова производилъ осмотръ трехъэтажнаго жилаго флигеля, находящагося во дворѣ зданія университета на Преображенской улицѣ. Акты этихъ осмотровъ правленіе университета, согласно опредѣленію

своему, 4 ноября состоявшемуся, имѣетъ честь представить на усмотрѣніе совѣта.

Представленные акты заключаются въ слѣдующемъ: «Одесса. 1881 г. сентября 23 дня. Командированный г. одесскимъ градоначальникомъ инженеръ статскій совѣтникъ Вейтко, въ присутствіи правленія Императорскаго новороссійскаго университета и университетскаго архитектора Мазирова, производилъ осмотръ трехъэтажнаго жилаго флигеля, находящагося во дворѣ зданія университета по Преображенской улицѣ, при чемъ оказалось, что во всѣхъ этажахъ означеннаго флигеля образовались трещины, какъ надъ нѣкоторыми оконными и дверными перемычками, такъ и въ разныхъ углахъ сего флигеля; въ нижнемъ же этажѣ трещины образовались въ аркахъ, столбахъ и простѣнкахъ. Всѣ вышеописанныя трещины произошли отъ неравномѣрной осадки фундамента, а также частію и отъ ветхости каменной кладки. Для выясненія вопроса, насколько трещины эти могутъ представлять опасность для жильцовъ этого флигеля, коммисія нашла полезнымъ, по предложенію инженера Вейтко, немедленно задѣлать всѣ трещины и, по задѣлкѣ таковыхъ, оставить до 21 октября сего года, и тогда коммисіи вторично осмотрѣть и убѣдиться, произойдетъ-ли въ этотъ срокъ новая осадка стѣнъ, могущая обнаружиться навновь задѣланныхъ трещинахъ. Прилегающее къ этому зданію другое каменное двухъэтажное зданіе съ холодными службами угрожаетъ близкимъ разрушеніемъ отъ ветхости, которое никакимъ ремонтнымъ исправленіемъ поддержать нельзя.

Одесса. 21 октября 1881 года. Командированный г. одесскимъ градоначальникомъ инженеръ статскій совѣтникъ Вейтко, въ присутствіи правленія Императорскаго новорос-

сійскаго университета и университетскаго архитектора Мазирова, осматривалъ трещины, задѣланныя на основаніи акта 23 сентября сего года и нашелъ, что новыхъ признаковъ осадки не обнаружилось. Основываясь на этомъ, г. Вейтко далъ заключеніе, съ которымъ согласился и г. Мазировъ, что во флигелѣ жильцы могутъ оставаться до весны при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) въ нижнемъ этажѣ оконное отверстіе, крайнее къ лѣвому углу, заложить наглухо каменною кладкою. 2) въ этомъ же этао жѣ заложить камнемъ двѣ арки, оставивъ въ одной изъ нихъ отверстіе для прохода. 3) всѣ щели и трещины в всѣхъ этажахъ этого зданія разшить и защебенить осколками черепицы на цементѣ. Указанныя работы по прибли. зительному исчисленію обойдутся до двухъ сотъ рублей-

Затѣмъ доложено опредѣленіе совѣта 8 октября (ст. 18): «отложить разсмотрѣніе доклада коммисіи по квартирному вопросу до новой экспертизы техниковъ.

Послѣ всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, совѣтъ принялъ резолюціи, какъ они редактированы въ опредѣленіи: первую—большинствомъ 16 голосовъ противъ 8 (гг. Кудрявцевъ, Кочубинскій, Малининъ, Синцовъ, Сабининъ, Карастелевъ, Патлаевскій, Ярошенко), вторую большинствомъ 21 голоса противъ трехъ (гг. Кочубинскій, Кондаковъ, Мечниковъ). *Опредѣлили*: 1) согласно заключенію техниковъ оставить жильцовъ въ занимаемыхъ имъ помѣщеніяхъ до весны. 2) дать помѣщеніе доценту Воеводскому до 1 марта, о чемъ, на основаніи п. 1 Высочайше утвер. въ 11 день ноября 1872 г. мнѣнія государственнаго совѣта—представить г. попечителю.

12. Представленіе правленія отъ 29 октября за № 2330

о выпискѣ газетъ и журналовъ на 1882 годъ *Опредѣлили*: передать въ библіотечную коммисію.

13. Представленіе историко-филологическаго факультета о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ распредѣленіи предметовъ преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ новороссійскаго университета.

Вслѣдствіе предложенія ординарнаго профессора А. С. Трачевскаго факультетомъ сдѣланъ былъ пересмотръ специализаціи, существующей на историко-филологическомъ факутьтетѣ.

Изъ болѣе чѣмъ десятилѣтняго опыта спеціализаціи, существующей на историко-филологическомъ факультетѣ въ новороссійскомъ университетѣ—члены факультета убѣдились въ цѣлесообразности и значительныхъ выгодахъ существующаго подраздѣленія факультета на отдѣльныя спеціальности; но таже практика указывала иногда членамъ факультета на нѣкоторые недостатки въ существующемъ въ настоящее время подраздѣленіи. Въ виду нѣкоторыхъ неудобствъ, выяснившихся на практикѣ, историко-филологическій факультетъ сдѣлалъ пересмотръ существующаго подраздѣлепія предметовъ и нашелъ нужнымъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя поправки.

Безспорно, что коренные предметы могутъ быть только на своихъ отдѣленіяхъ, иначе утратится принципъ, а слѣдовательно и смыслъ всего дѣленія, и прежде всего коренные предметы потеряютъ свою руководящую силу. Какъ результатъ этого, вытекаетъ замѣна классическихъ языковъ на историческомъ отдѣленіи чтеніемъ классическихъ историковъ. Кромѣ того, на историческомъ отдѣленіи въ настоящее время необходимо ввести чтеніе нѣкоторыхъ предметовъ, которые теперь преподаются лишь на юридическомъ

факультетѣ. Объ одномъ изъ этихъ предметовъ — о политической экономіи — историко-филологическій факультетъ еще въ 1866 году, при введеніи впервые спеціализаціи, въ своемъ представленіи въ совѣтъ отъ 16 августа за № 12 находилъ, что «слушателямъ историческаго отдѣленія было-бы полезно записываться на курсъ политической экономіи» въ виду, по его замѣчанію, возможнаго стремленія нѣкоторыхъ изъ нихъ «достигнуть высшей степени магистра и доктора историческихъ наукъ, ибо наука эта является необходимою для пріобрѣтенія этихъ степеней». (протоколъ засѣданія совѣта 1866 г., стр. 55). Къ этому въ настоящее время можно прибавить, что историческая наука теперь ни одного существеннаго явленія въ исторіи не объясняетъ безъ серьезнаго вниманія къ экономическимъ условіямъ той среды, въ которой оно совершается. Сверхъ политической экономіи для историческаго отдѣленія филологическаго факультета важенъ также и другой предметъ юридическаго факультета — государственное право. По прежнему уставу знаніе этого предмета было обязательно для историка при магистерскомъ экзаменѣ; слѣдовательно государственное право почиталось весьма близкимъ къ исторіи. Дѣйствительно, тѣсная связь между этими двумя науками очевидна, и если въ нынѣшнее время историческая наука обращаетъ очень серьезное вниманіе на бытовыя начала, то все-же она не перестала быть наукою политическою. Но, признавая полезнымъ чтеніе и того и другаго предметовъ на историческомъ отдѣленіи, филологическій факультетъ считаетъ необходимымъ для студентовъ историческаго отдѣленія изъ политической экономіи — чтеніе исторіи политико-экономическихъ ученій, а изъ государственнаго права — исторіи государственныхъ учрежденій.

Въ связи съ этимъ факультетъ сдѣлалъ пересмотръ и двухъ другихъ отдѣленій: классическаго и славяно-русскаго, при чемъ факультетъ пришелъ къ убѣжденію, что существующее въ настоящее время раздѣленіе предметовъ на главные и второстепенные приводитъ студентовъ къ тому, что они слишкомъ легко относятся къ второстепеннымъ предметамъ, вслѣдствіе чего, выдѣливъ немногіе предметы изъ спеціальныхъ отдѣленій, факультетъ полагаетъ полезнымъ отмѣнить подраздѣленіе предметовъ на главные и второстепенные. По сдѣланномъ пересмотрѣ, факультетъ выработалъ слѣдующее распредѣленіе предметовъ:

I. Для всѣхъ студентовъ историко-филологическаго факультета въ первые два года должны быть прочитаны слѣдующіе предметы: 1) богословіе — двѣ лекціи въ недѣлю, 2) логика — двѣ лекціи, 3) психологія — двѣ лекціи, 4) греческій языкъ: грамматика, чтеніе авторовъ съ толкованіемъ преимущественно лингвистическимъ — по три лекціи на каждомъ курсѣ, 5) латинскій языкъ: грамматика, чтеніе авторовъ съ толкованіемъ преимущественно лингвистическимъ — по три лекціи на каждомъ курсѣ, 6) обозрѣніе славянскихъ нарѣчій — отъ двухъ до трехъ лекцій, 7) сравнительное языковѣдѣніе—двѣ лекціи, 8) общій курсъ по исторіи русскаго языка и литературы — двѣ лекціи, 9) общій курсъ русской исторіи — двѣ лекціи, 10) общій курсъ всеобщей исторіи — четыре лекціи, 11) общій курсъ всеобщей литературы — двѣ лекціи, 12) теорія искусства и общее обозрѣніе исторіи искусства древняго, средняго и новаго, 13) французскій или нѣмецкій языкъ. Экзаменъ изъ французскаго или нѣмецкаго языковъ производится лекторами въ присутствіи факультета.

Только по выдержаніи двухъ годичныхъ испытаній

изъ этихъ предметовъ съ отмѣткою «удовлетворительно», которая даетъ право на полученіе въ послѣдствіи степени кандидата, студентъ можетъ поступить на одно изъ трехъ спеціальныхъ отдѣленій, о чемъ онъ обязанъ заявить декану факультета. На III и IV курсахъ существуютъ слѣдующія три отдѣленія:

А. *Классическое отдѣленіе.*

1) Греческая филологія (языкъ, исторія литературы и древности)

2) Латинская филологія (языкъ, исторія литературы и древности).

3) Исторія древней философіи.

4) Древняя исторія (изъ всеобщей исторіи).

5) Исторія древняго искусства (у грековъ, римлянъ и на востокѣ) и его археологія (художественная миѳологія, обозрѣніе памятниковъ искусства и быта).

6) Сравнительная грамматика индоевропейскихъ языковъ).

Б. *Славяно-русское отдѣленіе.*

1) Сравнительная грамматика индоевропейскихъ языковъ.

2) Исторія славянскихъ нарѣчій и славянской палеографіи.

3) Исторія русскаго языка, литературы и палеографіи.

4) Исторія славянскихъ литературъ.

5) Исторія всеобщей литературы.

6) Русская исторія и древности.

7) Древности славянскія и исторія славянскихъ народовъ.

8) Чтеніе поэтовъ архаическихъ и эпиграфики.

B. *Историческое отдѣленіе.*

1) Исторія всеобщая.
2) Исторія русская и русскія древности.
3) Исторія всеобщей литературы.
4) Исторія русской литературы.
5) Исторія философіи.
6) Исторія церкви.
7) Чтеніе классическихъ историковъ.
8) Славянскія древности и исторія.
9) Классическія древности.
10) Исторія искусства (спеціальный курсъ).
11) Политическая экономія (Исторія политико-экономическихъ ученій).
12) Государственное право (исторія государственныхъ учрежденій).

Представляя означенный пересмотръ, историко-филологическій факультетъ проситъ совѣтъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ объ утвержденіи означенныхъ измѣненій въ распредѣленіи преподаванія.

Опредѣлили: ходатайствовать.

14. Представленіе физико-математическаго факультета: «въ засѣданіи факультета 5 ноября экстраординарные профессора Петріевъ и Клименко подвергались, на основаніи прилагаемыхъ при семъ представленій профессора Веригo, закрытому баллотированію для возведенія въ званіе ординарныхъ профессоровъ. Въ результатѣ закрытой баллотировки профессора Петріева оказалось 11 голосовъ избирательныхъ и 1 неизбирательный, а въ результатѣ закрытаго баллотированія профессора Клименко оказались 7 голосовъ избирательныхъ и 5 неизбирательныхъ. На основаніи этого факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать

предъ совѣтомъ о возведеніи профессоровъ Петріева и Клименко въ званіе ординарныхъ профессоровъ.

Представленія въ факультетъ профессора Вериго:

а) «Въ минувшемъ году, вслѣдъ за окончаніемъ двадцатипятилѣтней службы профессора Беркевича, факультетъ приступилъ къ избранію профессора Умова на освободившуюся ординатуру. Въ настоящее время на нашемъ факультетѣ дѣлается свободною ординатура вслѣдствіе окончанія срока службы профессоромъ Сабининымъ и кромѣ того 3 декабря становится вакантною другая ординатура вслѣдствіе неизлечимой болѣзни профессора Вальца.

Руководствуясь прошлогоднимъ примѣромъ, я имѣю честь покорнѣйше просить факультетъ избрать В. М. Петріева въ званіе ординарнаго профессора, предоставляя ему одну изъ имѣющихся въ виду ординатуръ, которая сдѣлается вакантною первая.

Это же предложеніе я могу мотивировать старшинствомъ г. Петріева по службѣ, его научными заслугами и его полезною педагогическою дѣятельностію. Въ послѣдніе годы на нашемъ факультетѣ вошло въ обычай руководствоваться старшинствомъ службы относительно очереди возведенія въ высшую степень профессорскаго званія. Я полагаю, что и въ настоящемъ случаѣ нѣтъ причинъ отступать отъ этого принципа, а потому въ числѣ мотивовъ моего предложенія имѣю честь указать факультету на то, что г. Петріевъ избранъ въ званіе экстраординарнаго профессора въ 1876 году, т. е. онъ состоитъ въ этомъ званіи двумя годами долѣе двухъ другихъ экстраординарныхъ профессоровъ нашего факультета

Научныя изслѣдованія г. Петріева въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ сосредоточились главнымъ образомъ надъ

весьма важными вопросами въ области химическаго сродства. Методы, ведущіе къ рѣшенію такихъ вопросовъ, требуютъ многочисленныхъ рядовъ опытовъ въ зависимости отъ сложности управляющихъ явленіями условій. Г. Петріевъ выбралъ для своихъ изслѣдованій вопросъ о распредѣленіи кислотъ между основаніями. Онъ успѣлъ привести къ концу слѣдующія части этого обширнаго вопроса: распредѣленіе азотной кислоты между основаніями, распредѣленіе углекислоты между основаніями и скорость и предѣлъ реакціи между углекислыми и азотнокислыми солями.

Экспериментальная часть состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ опытовъ, изъ которыхъ одинъ рядъ опредѣляетъ отношеніе азотной кислоты къ пяти металлическимъ окисламъ при различныхъ температурахъ и различной концентраціи кислоты. Другой рядъ опытовъ опредѣлилъ отношеніе пяти солей азотной кислоты къ пяти свободнымъ основаніямъ этихъ солей. Третій рядъ опытовъ относится къ реакціи, происходящей между восемью углекислыми и азотно-кислыми солями тѣхъ-же основаній въ зависимости отъ температуры количества воды при реакціи, а также между свободною азотною кислотою и парами углекислыхъ солей. Наконецъ четвертый рядъ опытовъ относится къ опредѣленію скорости и предѣла реакціи между восемью углекислыми и восемью азотнокислыми солями тѣхъ-же основаній.

Часть этихъ изслѣдованій напечатана въ Bulletin de la Soc. Chim.; всѣ они вмѣстѣ съ обобщеніями и выводами составятъ предметъ мемуара, надъ которымъ г. Петріевъ работаетъ въ настоящее время.

Кромѣ этого главнаго труда, г. Петріевъ успѣлъ произвести нѣсколько изслѣдованій въ области органической химіи. Онъ изучилъ продукты превращенія трихлорогидрофенозы, дѣйствіе хлорноватистой кислоты на сорбиновую кислоту и продолжаетъ изслѣдованіе относительно изомеріи фумаровой и малеиновой кислотъ. Объ этихъ изслѣдованіяхъ сдѣланы сообщенія въ Парижскомъ химическомъ обществѣ.

Что касается до педагогической дѣятельности г. Петріева, то онъ успѣлъ упрочить за собою репутацію способнаго и прилежнаго преподавателя; лекціи его усердно посѣщаются студентами; техническая лабораторія всегда полна занимающимися студентами, находящими въ г. Петріевѣ усерднаго руководителя. Не малую заслугу въ педагогическомъ отношеніи составляютъ предпринимаемыя г. Петріевымъ экскурсіи на заводы и фабрики. Экскурсіи эти приносятъ большую пользу студентамъ, которые ими интересуются и дорожатъ, въ чемъ я могъ убѣдиться, исполняя преподавательскія обязанности г. Петріева во время его заграничной командировки».

б) «Честь имѣю покорнѣйше просить факультетъ объ избраніи г. экстраординарнаго профессора Е. Ф. Клименко въ званіе ординарнаго профессора — на вакансію, которая имѣетъ открыться вслѣдъ за предоставленной г. Петріеву ординатурой. Мотивомъ моего ходатайства служитъ долголѣтняя служба Е. Ф. въ качествѣ преподавателя химіи въ нашемъ университетѣ. Г. Клименко съ 1872 года до 1879 состоялъ въ званіи доцента, а съ 1879 года въ качествѣ экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ химіи. Педагогическая десятилѣтняя дѣятельность г. Клименко хорошо извѣстна факультету, но я считаю необходимымъ указать

на то, что г. Клименко устроилъ и ведетъ, начиная съ минувшаго года, практическія занятія для студентовъ I курса, которыя охотно ими посѣщаются. Объ ученой дѣятельности Е. Ф. я подробно говорилъ въ моемъ послѣднемъ представленіи. Результаты своихъ работъ Е. Ф. резюмировалъ въ статьѣ, напечатанной въ «Трудахъ» послѣдняго съѣзда естествоиспытателей. Е. Ф. продолжаетъ работать въ томъ же направленіи и его изслѣдованія надъ гидракрилевой кислотою дали интересные результаты, которые онъ приготовляетъ къ напечатанію.

Послѣ обмѣна мнѣній большинствомъ голосовъ всѣхъ присутствовавшихъ противъ одного (г. Синцова, предлагавшаго отложить баллотировку) рѣшено подвергнуть въ настоящемъ же засѣданіи баллотированію экстраординарнаго профессора Петріева въ ординарные. Въ результатѣ произведенной вслѣдъ за симъ баллотировки оказалось двадцать три голоса избирательныхъ и два неизбирательныхъ.

При постановкѣ резолюціи объ утвержденіи г. Петріева ординарнымъ профессоромъ со дня избранія его совѣтомъ въ это званіе профессоръ Сабининъ заявилъ о подачѣ особаго мнѣнія.

Опредѣлили: ходатайствовать объ утвержденіи г. Петріева въ званіи ординарнаго профессора на вакантное мѣсто, открывшееся по случаю выхода въ отставку профессора Сабинина, со дня состоявшагося избранія. Вопросъ о баллотированіи г. Клименко отложить до открытія вакантнаго мѣста, согласно постановленію 8 октября (ст. 15).

Засѣданіе 23-го ноября.

Присутствовали подъ предсѣдательствомъ ректора университета С. П. Ярошенко гг. члены: Ѳ. И. Леонтовичъ, И. С. Некрасовъ, А. А. Вериго, И. I. Патлаевскій, Е. Ѳ. Сабининъ, И. И. Мечниковъ, Ѳ. Н. Шведовъ, Н. Л. Дювернуа, М. М. Шпилевскій, А. С. Трачевскій, М. И. Малининъ, Н. П. Кондаковъ, А. А. Кочубинскій, А. С. Посниковъ, В. Н. Лигинъ, Ѳ. И. Успенскій, Н. А. Умовъ, А. А. Кудрявцевъ, В. М. Войтковскій, В. М. Петріевъ, В. В. Преображенскій, Е Ф. Клименко, К. И. Карастелевъ. Не присутствовали: А. О. Ковалевскій, по нахожденію въ заграничной командировкѣ; Н. А. Головкинскій и И. Ѳ. Синцовъ — о причинѣ неявки своей заявленій не прислали.

Слушали:

1. Представленіе физико-математическаго факультета о продленіи доценту Н. О. Бернштейну заграничнаго отпуска до конца академическаго года въ виду тяжкой болѣзни.

Къ представленію факультета приложено внесенное въ факультетъ предложеніе профессора Мечникова и доцента Спиро слѣдующаго содержанія: тяжкая болѣзнь (morbus brightii), постигшая доцента Н. О. Бернштейна, требуетъ продолжительнаго пребыванія его на югѣ, а между тѣмъ данный ему отпускъ кончается 23 декабря, т. е именно въ такое холодное время, когда пребываніе его въ Одессѣ могло-бы окончательно разрушить его больной организмъ. Въ виду этого, мы обращаемся въ факультетъ съ просьбою

объ исходатайствованіи Н. О. Бернштейну продолженія заграничнаго отпуска впредь до 15 іюня 1882 года.

При этомъ доложена совѣту справка о томъ, что г. Бернштейнъ уволенъ въ заграничный отпускъ по болѣзни на двадцать восемь дней и вакаціонное время, съ 10 мая 1881 года, и что слѣдовательно данный ему отпускъ окончился 23 августа. *Опредѣлили*: ходатайствовать.

2. Представленіе того-же факультета: «на основаніи рѣшенія своего, 16 ноября состоявшагося, факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать передъ совѣтомъ, согласно съ прилагаемымъ при семъ представленіемъ профессора Мечникова и доцента Спиро, объ утвержденіи доктора медицины Н. А. Строганова въ званіи приватъ-доцента и о приглашеніи его къ чтенію лекцій по анатоміи въ теченіе нынѣшняго академическаго года — въ качествѣ сторонняго преподавателя, съ вознагражденіемъ 800 рублей изъ суммъ министерства».

Представленіе профессора Мечникова и доцента Спиро: «имѣя въ виду, что вслѣдствіе тяжкой болѣзни доцента Н. О. Бернштейна преподаваніе анатоміи въ нашемъ университетѣ пріостановилось, мы предлагаемъ факультету пригласить ординатора одесской городской больницы Н. А. Строганова для чтенія лекцій по анатоміи въ качествѣ сторонняго преподавателя.

По имѣющимся у насъ письменнымъ свѣдѣніямъ, на возвращеніе Н. О. Бернштейна въ теченіе нынѣшняго академическаго года разсчитывать невозможно. Между тѣмъ откладывать на болѣе продолжительный срокъ преподаваніе анатоміи немыслимо, такъ какъ она должна быть пройдена ранѣе физіологіи и сравнительной анатоміи.

Предлагаемый нами кандидатъ Николай Алексѣевичъ Строгановъ окончилъ курсъ въ Медико-хирургической академіи въ 1870 году и по конкурсу былъ оставленъ при академіи на три года; въ 1873 году Н. А. получилъ степень доктора медицины, а въ 1874 году онъ былъ командированъ за границу, гдѣ пробылъ два года, занимаясь въ лабораторіяхъ Гоппе-Зейлера и Реклинггаузена въ Страсбургѣ и Ранвье въ Парижѣ. По возвращеніи изъ-за границы Н. А. прочиталъ двѣ пробныя лекціи въ Медико-хирургической академіи. Во время своего пребыванія за границей и по возвращеніи оттуда Н. А. напечаталъ цѣлый рядъ работъ, напечатанныхъ въ «Журналѣ нормальной и патологической гистологіи», въ «Архивѣ» Фирхофа и Пфлюгера, въ Centralblatt f. d. med. Wiss., въ «Archives de phisiologie normale et pathologique» и въ «Трудахъ врачей одесской городской больницы».

Изъ сказаннаго нами явствуетъ, что докторъ Строгановъ имѣетъ несравненно болѣе данныхъ для пренодаванія анатоміи, чѣмъ кто либо изъ наличныхъ преподавателей каѳедры зоологіи при нашемъ университетѣ. Особенное значеніе слѣдуетъ приписать еще тому обстоятельству, что Н. А. Строгановъ, состоя прозекторомъ при больницѣ, имѣетъ въ своихъ рукахъ превосходный матеріалъ для практическихъ занятій, что особенно важно въ виду спеціальныхъ условій нашего физико-математическаго факультета, которому приходится служить подготовительной школой для будущихъ медиковъ.

Предлагая, на основаніи изложенныхъ данныхъ, доктора Строганова на должность сторонняго преподавателя по анатоміи, мы въ тоже время обращаемся въ факультетъ съ просьбою ходатайствовать объ утвержденіи доктора

Строганова въ званіи приватъ-доцента и объ изысканіи средствъ для выдачи ему жалованья».

Секретарь совѣта доложилъ при этомъ § 68 университетскаго устава, по которому «никто не можетъ быть ординарнымъ или экстраординарнымъ профессоромъ, не имѣя степени доктора по разряду наукъ, соотвѣтствующихъ его каѳедрѣ. Приватъ-доцентами же могутъ быть и кандидаты, представившіе диссертацію по тому отдѣлу факультета, въ которомъ они намѣрены преподавать, и защитившіе ее публично въ присутствіи факультета».

По обсужденіи настоящаго дѣла подвергнутъ былъ закрытой баллотировкѣ вопросъ о приглашеніи доктора Строганова къ чтенію въ настоящемъ академическомъ году лекцій въ качествѣ сторонняго преподавателя съ вознагражденіемъ въ 800 рублей изъ суммъ министерства; въ результатѣ баллотировки всѣ голоса (двадцать три) оказались утвердительными. *Опредѣлили*:

1) ходатайствовать о допущеніи г. Строганова стороннимъ преподавателемъ, съ вознагражденіемъ за поручаемый ему курсъ 800 рублей изъ суммъ министерства.

2) допустить доктора Строганова къ чтенію лекцій впредь до утвержденія.

Засѣданіе 3 декабря, продолжавшееся 10 декабря.

Подъ предсѣдательствомъ г. ректора С. П. Ярошенко присутствовали 3 декабря гг. члены: Ѳ. И. Леонтовичъ, И. С. Некрасовъ, А. А. Вериго, И. І. Патлаевскій, К. И. Карастелевъ, Е. Ѳ. Сабининъ, И. И. Мечниковъ, Ѳ. Н. Шведовъ, Н. Л. Дювернуа, М. И. Малининъ, Н. П. Кондаковъ,

А. А Кочубинскій, А. С. Посниковъ, В. Н. Лигинъ, Ѳ. И. Успенскій, Н. А. Умовъ, Н. А. Кудрявцевъ, В. М. Войтковскій, В. М. Петріевъ, В. В. Преображенскій, Е. Ф Климменко; не присутствовали: Ковалевскій, по нахожденію въ командировкѣ, Головкинскій, Шпилевскій, Трачевскій по болѣзни, Синцовъ по домашнимъ обстоятельствамъ; 10 декабря: Ѳ. И. Леонтовичъ, И. С. Некрасовъ, А. А Вериго, И. І. Патлаевскій, К. И. Карастелевъ; Е. Ѳ. Сабининъ, Н. А. Головкинскій, И. И. Мечниковъ, Ѳ. Н. Шведовъ, Н. Л. Дювернуа, М. М. Шпилевскій, А. С. Трачевскій, М. И. Малининъ, Н. П. Кондаковъ, А. А. Кочубинскій, А. С. Посниковъ, В. Н. Лигинъ, Ѳ. И. Успенскій, Н. А. Умовъ, А. Н. Кудрявцевъ, В. М. Войтковскій, В. М. Петріевъ, В. В. Преображенскій. Не присутствовали: Ковалевскій, по нахожденію въ командировкѣ, Синцовъ — по домашнимъ обстоятельствамъ.

Слушали:

1. Были прочитаны протоколы предшествовавшихъ засѣданій совѣта:

12 ноября 1881 года. — Вслѣдъ за 14 ст. доложено особое мнѣніе профессора Сабинина, въ подлинникѣ приложенное къ настоящему протоколу. На поставленный предсѣдателемъ вопросъ, остается ли совѣтъ при прежнемъ рѣшеніи, или раздѣляетъ мнѣніе профессора Сабинина, большинство 12 голосовъ противъ 8 (гг. Петріевъ, Войтковскій, Кудрявцевъ, Малининъ, Сабининъ, Карастелевъ, Патлаевскій, Ярошенко)—высказалось въ пользу прежняго рѣшенія. Затѣмъ протоколъ былъ подписанъ.

—*23 ноября*, который и былъ подписанъ.

Опредѣлили: протоколы представить г. попечителю при заключеніи, что они могутъ быть напечатаны вполнѣ.

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2.—отъ 14 ноября за № 9452 слѣдующаго содержанія: «при всемъ вниманіи къ ходатайствамъ совѣта университета, изложеннымъ въ представленіяхъ за №№ 2466, 2470 и 2471, я не считаю возможнымъ разрѣшить перечисленіе студента Келиха на юридическій факультетъ и принять въ новороссійскій университетъ студента нѣжинскаго института Любарскаго и бывшаго студента с.-петербургскаго университета Гросмана, находя крайне неудобнымъ нарушать только что составленныя совѣтомъ и мною утвержденныя правила для студентовъ и постороннихъ слушателей Императорскаго новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

3.—отъ 20 ноября № 9604: «на представленіе отъ 18 ноября за № 2506 объ измѣненіи редакціи § 10 правилъ студентческой читальни, согласно предложенію профессора Дювернуа, имѣю честь увѣдомить совѣтъ университета, что въ видахъ сохраненія интересовъ студентовъ университета и принимая во вниманіе новыя правила о вольнослушателяхъ, количество которыхъ можетъ возрасти до огромныхъ размѣровъ, я не нахожу возможнымъ измѣнять редакцію § 10 правилъ студентческой читальни, тѣмъ еще болѣе, что редакція означеннаго § основана на требованіи г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія, чтобы въ читальню допускались лишь учащіеся въ университетѣ, но не посторонія университету лица». *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

4.—отъ 19 ноября № 9045 о томъ, что въ виду дѣйствующихъ правилъ для студентовъ и постороннихъ слу-

шателей новороссійскаго университета Его Превосходительство не считаетъ себя въ правѣ, какъ разрѣшить замѣну для студентовъ III и IV курсовъ юридическаго факультета повѣрочныхъ испытаній письменными работами, такъ равно и освободить отъ этихъ испытаній студентовъ IV курса историко-филологическаго факультета.

При этомъ доложено, что предложеніе г. попечителя сообщено въ юридическій и историко-филологическій факультеты, въ отвѣтъ на сдѣланныя ими представленія, и въ физико-математическій факультетъ—къ свѣдѣнію.

Опредѣлили: за сдѣланнымъ распоряженіемъ, принять къ свѣдѣнію.

5.—отъ 25 ноября № 9770, адресованное на имя ректора: «вслѣдствіе представленія совѣта отъ 24 ноября за № 2552 объ исходатайствованіи продленія доценту университета статскому совѣтнику Бернштейну заграничнаго отпуска до конца академическаго года, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство увѣдомить меня: имѣется ли медицинское свидѣтельство о болѣзни доцента Бернштейна, когда и кѣмъ выданное, а также сообщить, было ли подаваемо г. Бернштейномъ прошеніе о продленіи отпуска, и если было, то доставить копію съ него; а также необходимо опредѣлить: съ сохраненіемъ ли содержанія или безъ онаго ходатайствуетъ совѣтъ о продленіи отпуска, и кѣмъ предполагаетъ факультетъ замѣстить отсутствующаго преподавателя. При этомъ считаю необходимымъ имѣть извѣстіе,—когда и по какимъ побужденіямъ испрашивался г. Бернштейномъ отпускъ за границу.

Опредѣлили: передать въ физико-математическій факультетъ.

6.—отъ того же числа за № 9773, при коемъ препровождая обратно четыре смѣты на ремонтныя исправленія и постройку оранжереи, а также проектъ плана послѣдней, Его Превосходительство проситъ совѣтъ доставить ихъ предварительно на утвержденіе г. одесскаго градоначальника и затѣмъ возвратить г. попечителю.

При этомъ доложено, что означенныя смѣты препровождены уже на утвержденіе г. градоначальника. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

7.—отъ 30 ноября № 9888: «на основаніи VI п. Высочайше утвержденнаго 26 мая 1867 года положенія комитета министровъ, начальства высшихъ учебныхъ заведеній, въ видахъ единства дѣйствій и распоряженій, обязаны сообщать другъ другу дисциплинарныя и другія объ учащихся правила, которыя предписаны имъ къ руководству отъ высшаго начальства или установлены управленіемъ самихъ учебныхъ заведеній.

Между тѣмъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія получены свѣдѣнія, что изложенное постановленіе не всегда исполняется университетами и другими высшими учебными заведеніями, вслѣдствіе чего въ правилахъ для студентовъ сихъ заведеній замѣчается значительное разнообразіе.

Въ виду этого, г. министръ народнаго просвѣщенія, въ предложеніи отъ 19 сего ноября за № 13555, проситъ меня подтвердить совѣту новороссійскаго университета о непремѣнномъ и точномъ соблюденіи вышеозначеннаго п. VI Высочайше утвержденныхъ правилъ, съ неослабнымъ со стороны онаго наблюденіемъ, чтобы случаи неисполненія сего правила не могли имѣть мѣста на будущее время.

Къ сему статсъ-секретарь баронъ Николаи не излишнимъ счелъ присовокупить, что Его Высокопревосходитель-

ство предполагаетъ войти въ сношеніе съ министерствами и главными управленіями, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ высшія учебныя заведенія, дабы начальствамъ сихъ заведеній было предложено неуклонно соблюдать вышеприведенное постановленіе.

О вышеизложенномъ сообщаю совѣту новороссійскаго университета къ точному исполненію.

Опредѣлили: принять къ исполненію.

8.—отъ того же числа № 9970, на имя ректора, слѣдующаго содержанія: «согласно личному моему требованію, Ваше Превосходительство, при донесеніи отъ 29 сего ноября за № 2620, представили мнѣ копію донесенія правленія въ совѣтъ университета отъ 28 ноября за № 2612, въ которомъ изложенъ приговоръ университетскаго суда по дѣлу о студентахъ, преданныхъ этому суду согласно § 55 пунк. *ж* и *з* правилъ для студентовъ и постороннихъ слушателей новороссійскаго университета, при чемъ сообщили и результаты обсужденія этого представленія правленія въ засѣданіи совѣта 28 числа сего же мѣсяца.

Утверждая на основаніи § 26 университетскаго устава приговоръ университетскаго суда, изложенный въ представленіи правленія за № 2612, во всѣхъ его частяхъ и сообщая объ этомъ, предлагаю Вамъ, Милостивый Государь, доложить о семъ совѣту университета въ ближайшемъ его засѣданіи.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

9.—отъ 2 декабря № 10028: «въ послѣдствіе циркулярнаго предложенія министерста народнаго просвѣщенія отъ 12 іюня сего года за № 7391, начальства подлежащихъ учебныхъ округовъ представили министерству соображенія совѣтовъ ввѣренныхъ имъ университетовъ по вопросу о

суммахъ, потребныхъ для окончательнаго устройства инспекціи за студентами.

Принимая во вниманіе, что предположенныя нѣкоторыми университетами расходы на инспекцію значительно превышаютъ средства, имѣющіяся на сей предметъ въ распоряженіи г. министра народнаго просвѣщенія, министерствомъ сдѣлано соотвѣтствующее сокращеніе означенныхъ суммъ, которыя распредѣлены сообразно Высочайше утвержденному 26 мая сего года росписанію нормальныхъ окладовъ содержанія должностнымъ лицамъ инспекціи и соразмѣрно съ ассигнуемою министерству съ этою цѣлію, на основаніи Высочайше утвержденнаго 26 мая сего года мнѣнія Государственнаго совѣта, суммою.

На основаніи такого распредѣленія статсъ-секретаремъ барономъ Николаи сдѣлано распоряженіе о предоставленіи въ вѣдѣніе правленія новороссійскаго университета, въ добавленіе къ суммѣ, ассигнуемой оному на инспекцію по штату 1864 г.—по 1900 рублей ежегодно, вслѣдствіе чего вся сумма на содержаніе инспекціи новороссійскаго университета будетъ впредь состоять изъ 5900 рублей, не считая расходовъ на содержаніе проректора, которые будутъ по прежнему включаемы въ смѣты министерства. (Въ сумму 5900 вошелъ остатокъ въ 1000 р., имѣющій образоваться отъ назначенныхъ по штату 2000 руб. на содержаніе инспектора, такъ какъ въ новороссійскомъ университетѣ вмѣсто инспектора имѣется проректоръ). Вышеуказанная сумма распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

На содержаніе помощниковъ инспектора 3000 р. — к.

На содержаніе секретаря по студентческимъ дѣламъ . . . . 1200 » — »

На содержаніе врача . . . . 600 » — »

На содержаніе служителей инспекціи и
канцелярскіе расходы . . . . 1100 » — »

Сообщая мнѣ объ этомъ въ предложеніи отъ 22 минувшаго ноября за № 13768, Его Высокопревосходительство г. министръ присовокупилъ, что въ случаѣ, еслибы совѣтъ новороссійскаго университета призналъ указанную сумму недостаточною для надлежащаго устройства инспекціи, то онъ, баронъ Николаи, съ своей стороны не встрѣчаетъ препятствій къ пополненію оной изъ спеціальныхъ средствъ университета, съ соблюденіемъ существующихъ на то правилъ.

Сообщая о вышеизложенномъ Вашему Превосходительству для зависящихъ распоряженій, имѣю честь увѣдомить, что соразмѣрно вышеприведенному росписанію расходовъ на содержаніе инспекціи, г. министромъ назначено новороссійскому университету добавочныхъ 950 рублей на содержаніе инспекціи во второй половинѣ текущаго года, о переводѣ коихъ въ вѣдѣніе правленія университета сдѣлано уже надлежащее распоряженіе. *Опредѣлили*: передать въ правленіе для зависящихъ распоряженій.

По позднему времени содержаніе засѣданія отложено на 10 декабря.

По возобновленіи засѣданія 10 декабря слушали:

Представленія физико-математическаго факультета:

10. Объ отсрочкѣ подачи кандидатскихъ диссертацій на шесть мѣсяцевъ окончившимъ курсъ Иваницкому Борису и Андереггу Карлу, такъ какъ они, вслѣдствіе болѣзни, не успѣли представить ихъ къ сроку. *Опредѣлили*: разрѣшить.

11. Объ утвержденіи въ степени кандидата естественныхъ наукъ Дорошевскаго Николая, представившаго дис-

сертацію подъ заглавіемъ: «о явленіяхъ диссоціаціи», одобренную факультетомъ. *Опредѣлили*: утвердить и выдать дипломъ.

12. О разрѣшеніи студенту III курса Шегеву остаться на III курсѣ на второй годъ, такъ какъ онъ, по заявленію доктора медицины доцента Спиро, съ начала прошлой зимы и по настоящее время болѣетъ катарромъ гортани, сопровождающимся лихорадочнымъ состояніемъ, каковая болѣзнь въ значительной степени мѣшаетъ его университетскимъ занятіямъ.

Справка: 1) студентъ Шеговъ состоялъ два года на курсѣ, два года на II курсѣ и одинъ годъ на III курсѣ отдѣленія математическихъ наукъ.

2) 8-й п. Высочайше утвержденнаго 8 іюня 1869 г. журнала комитета объ объединеніи правилъ для учащихся: «оставлять на одномъ курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ и притомъ такъ, чтобы двухлѣтнее пребываніе на одномъ курсѣ повторялось въ продолженіе всего ученія не болѣе двухъ разъ; на семъ основаніи дозволяется оставаться въ учебномъ заведеніи, сверхъ времени, положеннаго для полнаго курса, не болѣе двухъ лѣтъ.

3) предложеніе г. попечителя отъ 10 ноября 1881 г. № 9312 (см. ст. 4 протокола засѣданіи совѣта 12 ноября).

Опредѣлили: ходатайствовать предъ г. попечителемъ.

13. Объ утвержденіи назначенныхъ факультетомъ часовъ преподаванія анатоміи и объ измѣненіи часовъ преподаванія химіи. *Опредѣлили*: утвердить.

14. Внесенное г. ректоромъ прошеніе бывшаго студента с.-петербургскаго университета Николая Паули о зачисленіи его студентомъ I курса естественнаго отдѣленія

физико-математическаго факультета. *Опредѣлили*: просить разрѣшенія г. попечителя.

15. Два рапорта проректора о пропущенныхъ преподавателями лекціяхъ въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ.

Въ октябрѣ пропущено слѣдующее число лекцій: Вериго—2, Воеводскимъ 6, Юргевичемъ 1, Беркевичемъ 4, Клименко 1, Рейнгардомъ 1, Спиро 1, Клосовскимъ 2, Хонякевичемъ 3, Ярошенко 2, Некрасовымъ 6, Посниковымъ 3, Сперанскимъ 2, Гамбаровымъ 1, Богдановскимъ 4, Кочубинскимъ 3, Войтковскимъ 1, Шведовымъ 1, Кожевниковымъ 4, Головкинскимъ 4, Мечниковымъ 2 и Шпилевскимъ 2—по болѣзни; Патлаевскимъ 2, Головкинскимъ 2, Леонтовичемъ 8, Кожевниковымъ 2, Вериго 1, Юргевичемъ 1, Беркевичемъ 1, Сабининымъ 14 и Ярошенко 8—по дѣламъ службы; Клименко 9, Успенскимъ 6 и Синцовымъ 8—по назначенію присяжными засѣдателями; Клосовскимъ 1 и Чижовымъ 1—по неявкѣ на лекціи студентовъ; Петріевымъ 1 и Вериго 2—по назначенію въ судъ экспертами; Шведовымъ 1—по причинѣ вызова въ судъ въ качествѣ свидѣтеля; Бернштейномъ 4 и Пироговымъ 8—по случаю отпусковъ. Въ ноябрѣ: Беркевичемъ 4, Клименко 2, Сперанскимъ 3, Посниковымъ 10, Дювернуа 2, Ярошенко 2, Умовымъ 2, Войтковскимъ 1, Хонякевичемъ 3, Гамбаровымъ 2, Петріевымъ 1, Богдановскимъ 2, Маркевичемъ 1, Шведовымъ 1, Некрасовымъ 4 Клосовскимъ 1, Трачевскимъ 1 и Чижовымъ 1—по болѣзни; Патлаевскимъ 2, Сабининымъ 6, Дювернуа 1, Шпилевскимъ 1, Ярошенко 4, Леонтовичемъ 6, Войтковскимъ 1, Кудрявцевымъ 1, Шведовымъ 1 и Малининымъ 1—по причинѣ занятій дѣлами службы; Пироговымъ 3, Бернштейномъ 6 и Воеводскимъ 5—по нахожденію въ отпуску;

Вериго 1—по назначенію въ судъ экспертомъ; Карастелевымъ 12 и Преображенскимъ 11—по назначенію присяжными засѣдателями; Войтковскимъ 1 и Хонякевичемъ 1—по неявкѣ студентовъ. *Опредѣлили*: записать въ протоколъ.

16. Представленіе физико-математическаго факультета —о выраженіи благодарности директору Императорскаго, ботаническаго сада въ с.-петербургѣ г. Регелю и главному садовнику Никитскаго сада г. Клаузену за растенія, присланныя для ботаническаго сада университета. *Опредѣлили*: благодарить.

17. а) Отношеніе совѣта Императорскаго университета св. Владиміра: «совѣтъ университета св. Владиміра, выслушавъ въ засѣданіи своемъ 23 октября сего года телеграмму совѣта новороссійскаго университета отъ 12 октября, опредѣлилъ: изъявить глубокую признательность совѣту новороссійскаго университета за выраженное имъ сочувстіе къ университету св. Владиміра по поводу понесенной имъ тяжкой потери въ лицѣ покойнаго профессора А. А. Котляревскаго.

б) Телеграмму вдовы профессора Котляревскаго изъ Москвы: «глубоко тронута участіемъ и искренно благодарю» Е. Котляревская.

Опредѣлили: записать въ протоколъ.

18. Письмо дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ленца, при коемъ препровождены въ даръ для университетской библіотеки 16 названій книгъ и брошюръ. *Опредѣлили*: благодарить жертвователя.

19. По предложенію г. ректора объ опредѣленіи срока прекращенія чтенія лекцій по случаю наступающихъ праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія. *Опредѣлили*: прекратить лекціи 12 декабря.

20. Доложены были: а) опредѣленіе совѣта 12 ноября (ст. 14.) — «вопросъ о баллотированіи г. Клименко отложить до открытія вакантнаго мѣста, согласно постановленію совѣта 8 октября» (ст. 15). б) постановленіе совѣта 8 октября (ст. 15).—«съ 3 декабря 1881 года объявить каѳедру, (занимаемую ординарнымъ профессоромъ Вальцемъ) вакантной».

Среди возникшихъ преній по вопросу о замѣщеніи послѣдней ординатуры на факультетѣ представляемымъ кандидатомъ — профессоръ Мечниковъ заявилъ, съ просьбою занести въ протоколъ, что онъ считаетъ несоотвѣтствующимъ интересамъ университета замѣщеніе послѣдней ординатуры на физико-математическомъ факультетѣ кандидатомъ, который по его мнѣнію дурной преподаватель и дюжинный химикъ. Профессоръ Вериго, возражая г. Мечникову, заявилъ, что не имѣетъ данныхъ считать профессора Клименко дурнымъ преподавателемъ и признаетъ за нимъ существенныя заслуги въ научномъ отношеніи.

Послѣ преній, большинствомъ 12 голосовъ съ перевѣсомъ голоса предсѣдателя противъ 12 (гг. Умовъ, Успенскій, Лигинъ, Посниковъ, Кондаковъ, Трачевскій, Шпилевскій, Дюверну̀а, Шведовъ, Мечниковъ, Головкинскій, Некрасовъ), рѣшено подвергнуть г. Клименко баллотированію. Въ результатѣ баллотировки оказались тринадцать голосовъ избирательныхъ*) и двѣнадцать неизбирательныхъ. *Опредѣлили*: просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи г. Клименко ординарнымъ профессоромъ со дня избранія, т. е. съ 10 декабря 1881 года.

*) Отсутствовавшій профессоръ Синцовъ передалъ свой шаръ профессору Кочубинскому.

Представленія физико-математическаго факультета.

21.—о командированіи лаборанта физіологической лабораторіи Герича за границу съ ученою цѣлію на вакаціонное время и одинъ мѣсяцъ съ 1 мая по 15 августа 1882., съ пособіемъ въ 100 р. изъ суммъ министерства *Опредѣлили*: ходатайствовать.

22.—объ утвержденіи кандидата Репяхова, которымъ представленная диссертація: «къ морфологіи мшанокъ» защищена съ успѣхомъ въ публичномъ засѣданіи факультета 23 ноября 1880 года. *Опредѣлили*: утвердить и выдать дипломъ.

23.—объ утвержденіи магистра зоологіи Репяхова въ званіи приватъ-доцента.

Г. Репяховъ прочель двѣ пробныя лекціи: одну по назначенію факультета: «сравнительная анатомія скелета конечностей млекопитающихся» и другую по собственному выбору: «связь позвоночныхъ съ кольчатыми червями»; обѣ лекціи признаны удовлетворительными. *Опредѣлили*: на основаніи § 42 универс. устава Б. 3 и § 73 представить г. попечителю о допущеніи магистра Репяхова къ чтенію въ университетѣ лекцій по зоологіи въ качествѣ приватъ-доцента.

25. Донесеніе предсѣдателя библіотечной коммисіи объ измѣненіяхъ, какія коммисія предлагаетъ сдѣлать въ спискѣ газетъ и журналовъ на 1882 годъ.

При подробномъ разсмотрѣніи предложенныхъ перемѣнъ принято еще предложеніе профессоровъ Мечникова, Лигина и Успенскаго объ исключеніи изъ списковъ: «Zoologicher Anzeiger», «Bulletin de la société mathématique de France» и о выпискѣ: 1) «Archives de biologie de E. v. Beneden et v. Bambacke», 2) «Biologiches Centralblatt», 3) «Centralzei-

tung für Mechanik und Optik» и 4) Analecta Bollandiana».
Опредѣлили: утвердить съ тѣми измѣненіями, какія сдѣланы въ самомъ засѣданіи совѣта.

26. Предложеніе куратора студентской читальни Н. Л. Дювернуа: въ виду многочисленныхъ заявленій нашихъ студентовъ о ихъ желаніи сколько можно расширить пользованіе книгами читальни — я имѣю честь обратить вниманіе совѣта на слѣдующія обстоятельства:

1) Согласно дѣйствующихъ нынѣ «временныхъ правилъ § 2 лит. е. общелитературныя и спеціальныя періодическія изданія не выдаются изъ библіотеки для домашняго чтенія студентовъ. Эту мѣру нельзя не одобрить съ точки зрѣнія сохраненія общественнаго имущества. Но казалось-бы возможно охранить цѣлость библіотеки еще иными мѣрами, расширяя въ тоже время пользованіе ею. Дозволеніе брать журналы на домъ могло-бы быть безъ вреда разрѣшено при слѣдующихъ условіяхъ: новые журналы (въ первый мѣсяцъ по ихъ появленіи) выдаются студентамъ на домъ послѣ восьми часовъ вечера и до десяти часовъ слѣдующаго утра, а также съ восьми часовъ вечера наканунѣ праздничныхъ дней до десяти утра послѣпраздничнаго дня. Исправность своевременнаго возврата новаго журнала студентомъ обезпечивается угрозой штрафа въ пять копѣекъ за каждый просроченный часъ, при чемъ начавшійся часъ считается за цѣлый, и сверхъ того отказомъ, при первой просрочкѣ, пользоваться снова правомъ брать журналы на домъ. Для журналовъ неновыхъ (по истеченіи мѣсяца) выдача на домъ ограничивается двумя днями, съ угрозой штрафа по десяти коп. въ сутки и отказомъ въ пользованіи при первой неисправности. Книга журнала, если она, будучи выдана безъ переплета, возвра-

щается въ неисправномъ видѣ, не можетъ быть выдана вновь, прежде чѣмъ будетъ переплетена. Вопросъ о неисправности возвращенія съ этимъ послѣдствіемъ рѣшается кураторомъ безапелляціонно и независимо отъ вопроса о вознагражденіи за вредъ, нанесенный имуществу. Я имѣю честь предложить эту мѣру лишь въ видѣ опыта до конца текущаго академическаго года.

2) У студентовъ существуетъ потребность въ чтеніи иностранныхъ газетъ, посему было-бы полезно выписать нѣкоторыя газеты, смотря по средствамъ, именно для студентской читальни.

Опредѣлили: передать въ библіотечную коммисію.

27. а) представленіе правленія о выдачѣ экзекутору Шульцу единовременнаго пособія въ размѣрѣ 200 руб. изъ спеціальныхъ средствъ.

б) прошеніе служащаго при библіотекѣ Карла Кальсадо о пособіи.

в) опредѣленіе совѣта 29 октября 1881 г. (ст. 16) имѣть въ виду о выдачѣ помощнику библіотекаря Павлову 100 руб. изъ спеціальныхъ средствъ.

г) отложенное въ засѣданіи совѣта 19 марта (ст. 5) ходатайство правленія о назначеніи вдовѣ умершаго швейцара Мартына Яковлева единовременнаго пособія въ размѣрѣ 150 рублей.

д) предложеніе ректора о назначеніи предпраздничнаго пособія помощнику библіотекаря Марченко.

Послѣ обмѣна мнѣній и по соображеніи съ наличнымъ состояніемъ спеціальныхъ средствъ, закрытою баллотировкою разрѣшены пособія: г. Павлову 125 рублей большинствомъ 19 голосовъ противъ 5, г. Кальсадо 125 рублей

единогласно, г. Марченко 100 руб. большинствомъ 21 голоса противъ 1, г. Шульцу 200 руб. единогласно.

Опредѣлили: выдать г. Павлову и Кальсадо по 125 р., Марченко 100 руб., Шульцу 200 и въ распоряженіе правленія 100 на награды служителямъ.

28. Проектъ раздѣла между преподавателями суммы, внесенной посторонними слушателями за первое полугодіе. *Опредѣлили* утвердить.

29. Отношеніе совѣта с.-петербургскаго университета съ просьбою увѣдомить его, не встрѣчается-ли препятствія къ перемѣщенію ординарнаго профессора Н. Л. Дювернуа на службу въ с.-петербургскій университетъ.

При этомъ доложено, что по отзыву юридическаго факультета, послѣдовавшему на запросъ г. ректора, со стороны факультета препятствій не имѣется. *Опредѣлили*: увѣдомить о неимѣніи препятствій.

Въ совѣтъ Императорскаго новороссійскаго университета

ординарнаго профессора Сабинина мнѣніе.

(Приложеніе къ протоколу 3 декабря ст. 1),

Въ засѣданіи совѣта 12 ноября сего года большинствомъ постановлено: «ходатайствовать объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Петріева въ званіи ординарнаго, со дня его избранія, т. е. съ 12 ноября 1881 года. Я остался въ меньшинствѣ, заявивъ о подачѣ особаго мнѣнія, которое и представляю для поступленія съ нимъ на точномъ основаніи § 2 правилъ о правахъ и обязанностяхъ ректора, какъ предсѣдателя совѣта. Мое мнѣніе состоитъ въ слѣдующемъ.

Считать утвержденіе экстраординарнаго профессора Петріева въ званіи ординарнаго со дня его избранія, т. е. съ 12 ноября 1881 года — значитъ полагать легальнымъ и возможнымъ то, чтобы съ этого времени экстраординарнымъ профессоромъ Петріевымъ была бы замѣщена та ординатура, которая, хотя и объявлена вакантною, тѣмъ не менѣе въ настоящее время занята еще мною; но такое положеніе нелегально и невозможно по слѣдующимъ двумъ основаніямъ:

1) По основанному на законахъ россійской имперіи мнѣнію совѣта министровъ, изложенному въ предложеніи г. попечителю одесскаго учебнаго округа отъ 8 апрѣля 1866 года за № 910, — самое объявленіе каѳедры вакантною послѣ невыбаллотированія профессора, выслужившаго срокъ, не есть еще дѣйствительное увольненіе его отъ службы, которое, по общему служебному порядку, должно считаться со дня полученія на мѣстѣ приказа господина министра народнаго просвѣщенія объ увольненіи; замѣщеніе же новымъ лицомъ прежняго, занимающаго извѣстную должность, легально и возможно лишь съ того времени, когда это послѣднее получитъ дѣйствительное увольненіе отъ занимаемой имъ должности.

2) Такъ какъ по день полученія на мѣстѣ приказа господина министра о моемъ увольненіи я буду получать жалованье изъ штатной суммы, то спрашивается, изъ какого же источника г. Петріевъ получитъ ту добавочную сумму къ получаемому имъ жалованью экстраординарнаго профессора, которая ему будетъ слѣдовать съ 12 ноября 1881 года по день моего увольненія, если считать утвержденіе г. Петріева въ званіи ординарнаго профессора со дня избранія, т. е. съ 12 ноября 1881 года. Изъ государ-

ственнаго казначейства такой особой суммы г. Петріевъ не получитъ, такъ какъ отпускается на одну и туже должность одно жалованье, а не два; изъ остатковъ отъ личнаго состава г Петріевъ также получить не можетъ вышеупомянутую добавочную сумму, въ виду неоднократнаго представленія совѣта въ министерство о дефицитѣ.

По этимъ двумъ основаніямъ несомнѣнно лишь одно заключеніе, что слѣдуетъ ходатайствовать объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Петріева въ званіи ординарнаго — со дня полученія на мѣстѣ приказа господина министра народнаго просвѣщенія о моемъ увольненіи.

II. Часть ученая.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поставивъ себѣ цѣлью въ своемъ первомъ трудѣ[1]) прослѣдить исторію распространенія по Волгѣ русскаго господства и русской колонизаціи, я, вслѣдствіе сложности и трудности вопроса, вынужденъ былъ ограничиться въ немъ осуществленіемъ лишь первой задачи, коснувшись, при скудности историческихъ данныхъ, лишь слегка колонизаціи края. Настоящее изслѣдованіе, составляя продолженіе предыдущаго, имѣетъ своимъ предметомъ главнымъ образомъ колонизацію края въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ (до 1708 г. — времени перваго раздѣленія на губерніи), какъ важнѣйшаго явленія въ исторіи низоваго Поволжья за этотъ періодъ времени. Быть можетъ, факты, говорящіе о смѣлости русскаго человѣка при заселеніи пустынной страны, подвергавшейся безпрестаннымъ нападеніямъ кочевниковъ, о способности его найтись при новыхъ и незнакомыхъ ему условіяхъ жизни, наконецъ о неуклонномъ преслѣдованіи имъ своихъ хозяйственныхъ интересовъ

---

[1]) «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ» Очерки изъ исторіи и колонизаціи края 1877 г.

въ сосѣдствѣ со степью и ея хищными обитателями,—побудятъ нѣкоторыхъ видоизмѣнить свой взглядъ на культурныя способности славянъ вообще и русскаго народа въ частности.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ выразить свою благодарность гг. рецензентамъ, удостоившимъ мой прошлый трудъ своимъ вниманіемъ [1]). На этотъ разъ, во избѣжаніе недоразумѣній, полагаю нужнымъ сдѣлать небольшую оговорку. Какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ изслѣдованіи я старался по возможности дѣлать свои выводы изъ цѣлой группы фактовъ, которые лишь встрѣчались мнѣ въ источникахъ и остерегался дѣлать обобщенія на основаніи единичныхъ явленій.

Такъ какъ главнымъ матеріаломъ для предлагаемаго нынѣ изслѣдованія послужили рукописные документы, хранящіеся въ архивѣ министерства юстиціи, то не могу не выразить своей признательности начальнику архива, Н. В. Калачову, за разрѣшеніе мнѣ работать въ архивѣ даже и не въ обычное для занятій время. Точно также считаю для себя пріятнымъ долгомъ благодарить начальника II-го и III-го отдѣленій вышеупомянутаго архива — В. И. Холмогорова, который обязательно помогъ мнѣ разобраться въ матеріалахъ, хранящихся въ этихъ отдѣленіяхъ.

Въ приложеніи къ изслѣдованію сообщаются дословныя выдержки изъ описей второй половины XVII

---

[1]) Мнѣ извѣстны отзывы: Отечеств. Запис. іюль мѣсяцъ 1877 годъ; Кіевск. Унив. извѣст. 1877 г.; Историч. библіот. январь мѣсяцъ 1878 годъ; Revue Historique (первая кн. 1878 г.).

вѣка, содержащія въ себѣ довольно цѣнныя свѣдѣнія о средней зажиточности крестьянъ того времени въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ имѣніяхъ Поволжья.

Кромѣ того, для облегченія читателя, къ сочиненію приложена карта Поволжья съ нанесенными на нее болѣе важными поселеніями, упоминаемыми въ текстѣ.

Поволжье въ XVII и началѣ XVIII-го в. в.

(Очерки изъ исторіи колонизаціи Низовья).

Доцента Е. И. Перетятковича.

ГЛАВА I-я.

Природныя условія Свіяжскаго уѣзда во второй половинѣ XVI вѣка и заселеніе его. Колонизаціонная дѣятельность Троицкаго и Богородицкаго монастырей въ Свіяжскомъ уѣздѣ. Тетюшскій уѣздъ въ концѣ XVI столѣтія. Состояніе нѣкоторыхъ поволжскихъ уѣздовъ во время междуцарствія и колонизація въ это время. Правительственная дѣятельность въ Поволжьѣ послѣ междуцарствія и колонизація правой стороны низоваго Поволжья послѣ этого времени. Вотчины и помѣстья въ Свіяжскомъ уѣздѣ около XVII вѣка. Колонизація Тетюшскаго уѣзда послѣ междуцарствія и его положеніе. Постройка Симбирской черты и заселеніе ея.

Въ Казанскомъ царствѣ, послѣ его завоеванія и утвержденія въ немъ русской власти, началась хозяйственная дѣятельность Московскаго правительства. Сказалась эта дѣятельность въ формѣ, которая въ то время была обычна на Руси: произведена была опись городамъ, слободамъ, пахотнымъ землямъ и угодьямъ; присоединены были также сюда пустоши—земли, бывшія нѣкогда населенными, которыя, по тогдашнему выраженію, «припущены были» къ извѣстному селу или деревнѣ. Но правительственная дѣятельность въ краѣ не могла ограничиться одною этою стороною, такъ какъ русскому правительству необходимо было озаботиться, чтобы страна, пріобрѣтенная русскою кровію, стала прочнымъ достояніемъ Россіи, а это могло произойти лишь съ водвореніемъ здѣсь русской

культуры. Подобное дѣло не возможно было осуществить правительству только своими силами,—для этого ему нужно было содѣйствіе всего русскаго общества, чтò мы и встрѣчаемъ здѣсь на самомъ дѣлѣ.

Одинъ изъ образованныхъ и наблюдательныхъ иностранцевъ нынѣшняго столѣтія, хорошо ознакомившійся во время своего путешествія съ нашимъ отечествомъ и народомъ, говоритъ о русскомъ крестьянинѣ между прочимъ слѣдующее: «онъ (крестьянинъ) съ котомкою легко рѣшается на переселеніе и свободно направляется для колонизаціи въ отдаленнѣйшія страны...., если только при этомъ находится съ нимъ его семья и сосѣди»[1]). И, дѣйствительно, хотя во второй половинѣ XVI столѣтія, при выселеніи русскихъ людей во вновь присоединенный край, могли имѣть, и несомнѣнно имѣли, свою долю участія въ отдѣльныхъ случаяхъ недостатки тогдашней общественной жизни и тяжесть экономическихъ условій, о чемъ говорятъ отечественныя и иностранныя извѣстія того времени (лѣтописи и Флетчеръ): все же роль главнаго дѣятеля въ этихъ переселеніяхъ слѣдуетъ признать за тѣмъ факторомъ, который лежитъ глубоко внутри человѣка, имѣетъ характеръ органическій и можетъ проявляться при всякихъ условіяхъ. Какъ бы то ни было, но, вслѣдствіе взаимодѣйствія всѣхъ этихъ дѣятелей, въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ появляется значительное количество русскихъ людей, которые приходятъ сюда большею частію въ видѣ небольшихъ общинъ и съ соизволенія правительственныхъ лицъ занимаютъ здѣсь на льготѣ свободныя земли. Нѣкоторыя указанія на то, что именно такимъ образомъ совершилось первоначальное заселеніе края русскими крестьянами, мы находимъ въ оффиціальныхъ актахъ того времени: уже въ первыхъ писцовыхъ книгахъ, въ которыхъ описываются земли бывшаго Казанскаго царства, встрѣчается большое количество починковъ и деревень, о коихъ

---

[1]) Haxthausen «Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands» III, 138 p.

говорится, что данное поселеніе «было за крестьяны на оброкѣ»[1]). Кромѣ того, въ концѣ XVI столѣтія (1599 г.), при описаніи новаго дворцоваго села Өедоровскаго, около Тетюшъ, вмѣстѣ съ пятью крестьянскими дворами, которые вышли изъ льготы, описаны 12 другихъ дворовъ, изъ коихъ шестеро обозначены сѣвшими въ этомъ селѣ на тягло 6-го декабря 1598 года, а другіе шесть 6-го апрѣля 1599 года[2]). Наконецъ, это могутъ подтвердить факты подобнаго же рода, совершающіеся на нашихъ глазахъ. Мѣстные жители сообщаютъ изъ Воронежской губерніи, что переселенія крестьянъ отсюда происходятъ цѣлыми общинами. По даннымъ мѣстной казенной палаты, въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ переселилось главнымъ образомъ изъ южной части Воронежской губерніи, преимущественно въ Оренбургскую губернію, около 6500 ревизскихъ душъ[3]). Вслѣдствіе этого можно предположить, что переселенцы еще до своего поселенія на новомъ мѣстѣ составляли небольшую общину людей, соединенныхъ между собой нѣкоторыми интересами. Льготы, даваемыя поселенцамъ на первые годы здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, состояли обыкновенно въ освобожденіи насельниковъ отъ всякихъ платежей и другихъ тягостей на нѣсколько лѣтъ[4]), чтобы они могли обзавестись домомъ, устроиться хозяйствомъ и устранить тѣ природныя препятствія для земледѣлія, которыя здѣсь встрѣчались въ лѣсахъ и болотахъ. Хотя по извѣстіямъ XVI столѣтія и по начальнымъ описямъ можно сказать, что нѣкоторые инородцы (Чуваши и Мордва), входившіе въ составъ Казанскаго царства, занимались земледѣліемъ; но занятіе это мало вліяло на свойства здѣшней страны: множество непроходимыхъ, дѣвственныхъ лѣсовъ и отчасти вслѣдствіе этого изобиліе воды,

---

[1]) Арх. Мин. Юст. писцов. кн. Свіяжскаго у. за № 848, лл. 141, 145 147, 195 и др.

[2]) Арх. Мин. Юст. писцов. кн. за № 153. лл. 1465—1467.

[3]) «Голосъ» 1880 г. № 343.

[4]) Въ XVI ст. въ Свіяжскомъ и Казанскомъ уѣздахъ нерѣдко встрѣчается 10-ти и 15-ти лѣтній срокъ.

которая въ видѣ ключей, ручьевъ, рѣчекъ и рѣкъ протекала во всевозможныхъ направленіяхъ, значительныя болотныя пространства, нерѣдко встрѣчавшіяся не только на луговой сторонѣ Волги, въ Казанскомъ уѣздѣ, но и въ нагорной сторонѣ, въ Свіяжскомъ уѣздѣ, доказываютъ это самымъ нагляднымъ образомъ. Вслѣдствіе подобныхъ свойствъ страны промыслы бортный и звѣроловный были болѣе удобны здѣсь и пользовались большею симпатіею инородцевъ, чѣмъ хлѣбопашество. И русское населеніе, пришедшее въ этотъ край изъ разныхъ мѣстностей Россіи, встрѣчало достаточно препятствій земледѣльческому занятію, устранить которыя можно было лишь въ продолженіе извѣстнаго времени.

По истеченіи же срока льготы община облагалась со стороны правительства, или пахотою, или же оброкомъ, величина которыхъ обусловливалась пространствомъ крестьянской пашни, положенной въ опредѣленную единицу поземельной мѣры, именуемой вытью; величина выти въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ въ продолженіи XVI столѣтія ровнялась 10 четямъ въ каждомъ изъ трехъ полей, или же 15 десятинамъ. Что касается тягостей, которыя лежали на крестьянахъ по истеченіи льготнаго срока, то онѣ не только были не однѣ и тѣ же на земляхъ дворцовыхъ и частныхъ, но на тѣхъ и на другихъ онѣ въ свою очередь варьировались; быть можетъ, эта разность иногда обусловливалась различіемъ въ свойствахъ самой земли, которую крестьяне обработывали и съ которой они въ свою очередь получали бо́льшія или меньшія выгоды[1]).

[1]) Такъ на дворцовыхъ земляхъ Свіяжскаго уѣзда крестьяне «пахали на государя живущихъ вытей десятины, по десятинѣ ржи и по десятинѣ яри». «Починокъ Гремячей... а прежде былъ онъ на оброкѣ за крестьяны... 3 двора крестьянскихъ, пашни добрые земли 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна межь рѣки Свіяги и городища, что прежъ того косили на государя 25 копенъ, а оброку прежде давали полтора рубля въ Свіяж. городъ». Слѣдовательно здѣсь съ выти платили полтора рубля. «Починокъ Жуковъ, у р. у Волги, на берегу, а прежде тотъ починокъ былъ за крестьяны на оброкѣ, а въ починкѣ 2 двора, пашни добрые земли 6 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна въ лугу межь Свіяги и городища 25 копенъ

Изъ свободныхъ земель въ Свіяжскомъ уѣздѣ прежде всего могли привлечь къ себѣ переселенцевъ такъ называемыя пустоши, ибо здѣсь уже прежде находились поселенія и слѣдовательно предшествовавшимъ трудомъ на нихъ могли быть устранены нѣкоторыя препятствія для обработки земли. Дѣйствительно, съ болѣе значительными русскими поселеніями въ Свіяжскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемся на пустошахъ, и подобныя поселенія, хотя они состоятъ изъ русскихъ людей, носятъ большею частью названія не русскія—Марквашп, Бурнашово, Тенки и др. Особенность такого рода поселеній состоитъ еще въ томъ, что здѣсь при поселкѣ, кромѣ пахотной земли, иногда очень незначительной, обыкновенно встрѣчаемся съ довольно большими пространствами перелоговъ и зарослей, что естественно въ заброшенной пахотѣ, не подвергавшейся въ продолженіе извѣстнаго времени обработкѣ[1]). Но если здѣшнія пустоши нѣкоторыми своими особенностями могли привлекать къ себѣ русскихъ насельниковъ, то, съ другой стороны, въ нихъ должно было встрѣчаться и такое свойство, которое могло заставить поселенца остановить свое вниманіе на землѣ, хотя и покрытой вѣковымъ лѣсомъ, но обѣщающей болѣе выгодъ, чѣмъ сосѣдняя пустошь, нерѣдко истощенная въ своихъ производительныхъ силахъ прежними своими хозяевами—инородцами и вслѣдствіе этого покинутая ими. На существованіе

что прежъ сего косили на государя, а оброку съ того починка въ государеву казну на годъ по рублю, да пошлины 10 денегъ». «Деревня Ларина, Бѣлая Волошка... а прежде та деревня была оброчная, 15 дворовъ крестьянскихъ, пашни добрые земли 96 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна у рѣки у Волги 500 копенъ. А оброку съ тое деревни крестьяне въ государеву казну давали съ году на годъ по три рубля, да пошлинные съ рубля по 10 денегъ». Въ томъ же уѣздѣ на земляхъ Троицкаго и Богородскаго Свіяжскихъ монастырей крестьяне по той же книгѣ послѣ льготныхъ лѣтъ должны «пахати монастырскіе десятины съ выти по десятинѣ». Оброкъ же крестьяне должны были платить Богородицкому Свіяжскому монастырю съ 14 вытей слѣдующій: съ трехъ вытей по рублю, а съ 11 вытей по 25 алтынъ съ выти». Арх. Мин. Юст. Писцов. кн. Свіяжскаго уѣзда № 848 л. л. 129, 141—142, 147, 205, 214, 243, 245.

[1]) Тамъ же л. л. 138, 156, 184, 238, 245, 247.

такихъ пустошей въ Свіяжскомъ уѣздѣ указываетъ то обстоятельство, что иныя изъ нихъ оставались нѣкоторое время не обработанными, не смотря на то, что приписаны были къ довольно значительнымъ селамъ и монастырямъ, находясь по сосѣдству съ ними[1]). Что же касается того, гдѣ и при какихъ условіяхъ селились русскіе переселенцы, то на основаніи писцовой книги 1567 года можно указать на слѣдующее. Какъ уже замѣчено было, почва Свіяжскаго уѣзда большею частію была покрыта вѣковыми лѣсами, среди которыхъ текли въ изобиліи рѣки разной величины; поэтому поляны, встрѣчавшіяся у значительныхъ рѣкъ, особенно на возвышеніи — на горѣ, «на гривѣ, на врагѣ,» — преимущественно останавливали на себѣ вниманіе русскаго земледѣльца. Но такихъ мѣстъ здѣсь не могло быть много, вслѣдствіе этого и поселенія «на дикомъ полѣ» встрѣчаются сравнительно не часто. Напротивъ того починки, деревни и займища въ лѣсу составляютъ обычное явленіе въ это время въ Свіяжскомъ уѣздѣ. Понятно само собою, что мѣста и земли, находившіяся въ недалекомъ разстояніи отъ такихъ административныхъ и торговыхъ пунктовъ, какъ Свіяжскъ, въ нагорной сторонѣ и Казань, на луговой, должны были быть выгодны не для однихъ лишь служилыхъ людей, но и для другихъ поселенцевъ. Поэтому естественно, что значительныя природныя препятствія для заселенія и пахоты прежде всего устраняются въ такихъ мѣстахъ.

Какъ на особенно часто повторяющійся фактъ въ начальныхъ поселеніяхъ русскихъ людей въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ, слѣдуетъ указать на то, что здѣсь первые землевладѣльцы, отчасти, быть можетъ, вслѣдствіе той трудности, съ которою здѣсь сопряжено было умноженіе пахоты, стремятся съ самаго начала захватить побольше обширныхъ и въ то время еще совершенно свободныхъ лѣсныхъ угодій, которыя при этомъ измѣряются не десятинами, а верстами. Иногда, особенно въ недавно начавшемся поселеніи, подобнаго измѣ-

---

[1]) Тамъ же л. л. 143, 186, 243.

ренія и отдѣленія не произведено, а говорится, что «лѣсъ не въ роздѣлѣ съ Татары и съ Чувашею», и нерѣдко подобный лѣсъ означенъ находящимся «около поль»[1]). Въ монастырскихъ поселеніяхъ этого времени также встрѣчаемся съ одною особенностью, которая сохраняется и въ послѣдующихъ монастырскихъ описяхъ Свіяжскаго уѣзда. Здѣсь нерѣдко при описаніи поселка—починка или деревни—послѣ пахоты и сѣнокоса указывается на количество десятинъ «пашеннаго лѣса» и отдѣльно отъ него «непашеннаго лѣса»; при этомъ иногда незначительность пахоты и величина пространства «пашеннаго лѣса» указываютъ намъ на недавно основавшееся поселеніе, отъ котораго ожидаютъ въ будущемъ быстраго роста, вслѣдствіе чего по желанію, вѣроятно, самой общины ей заранѣе отводятъ значительное пространство лѣса на пахоту[2]). Подъ пахоту занималась земля хорошая, плодородная, чтò было естественно въ странѣ, мало тронутой земледѣліемъ, гдѣ было много свободныхъ земель. Земля обозначается въ писцовыхъ и въ переписныхъ книгахъ не только въ данное время, но и позднѣе, слѣдующимъ образомъ: «пашни паханыя добрыя земли» столько-то. Лишь одинъ разъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ, при описаніи земель Троицкаго Свіяжскаго монастыря, въ сельцѣ Городищѣ и его починкѣ Притыкинѣ означено просто: «пашенной земли», безъ обычнаго эпитета «доброй»; при сельцѣ Го-

---

[1]) Тамъ же л. л. 132, 147, 155, 195, 237, 247 и др.

[2]) «Троицкаго монастыря, что въ городѣ Свіяжскѣ, починокъ Ключевъ на рѣчкѣ на Олгекирѣ, а въ немъ крестьянъ три двора; *пашни добрыя земли* три чети, да переложной пашни 17 чети въ каждомъ полѣ, *лѣсу около поль пашеннаго сорокъ десятинъ*, да непашеннаго 50 десятинъ; живутъ на льготѣ. Богородицкаго Свіяжскаго монастыря: дер. Малое Утяково на рѣкѣ Свіягѣ, а въ деревнѣ крестьянъ два двора да 3 двора пусты, *пашни добрые земли* одна четь въ каждомъ полѣ, *лѣсу около поль пашеннаго* 20 десятинъ и непашеннаго 30 десятинъ; деревня Юртовка на рѣкѣ на Сухой 3 двора крестьянъ, пашни добрые земли 6 чети, лѣсу пашеннаго 30 десятинъ, да непашеннаго 45 десятинъ. Деревня Новое, а поставлена ново на Черномъ лѣсу, а въ дер. крестьянъ 9 двор., сидятъ на льготѣ, пашни добрые земли пять чети въ каждомъ полѣ, лѣсу пашеннаго 60 десятинъ, и др. деревни и починки. Тамъ же л. л 237, 238, 240, 241, 244, 246.

родищѣ означены такимъ образомъ 25 четей въ каждомъ изъ трехъ полей, а въ починкѣ Притыкинѣ 2 чети. Съ перваго раза это можетъ показаться простымъ пропускомъ, особенно если имѣть въ виду теорію Рикардо, по которой пришлое населеніе, при своемъ заселеніи пустыхъ странъ, прежде всего занимаетъ хорошія земли. Но при сопоставленіи описанія шестидесятыхъ годовъ съ послѣдующими описями этихъ мѣстъ окажется, что здѣшняя земля, сравнительно съ другими, по своимъ свойствамъ и не могла быть названа «доброю землею», ибо, по изображенію позднѣйшей описи, «къ сельцу подошли болота большія отъ Свіяжскія дороги въ длину на версту, а поперекъ на полъ-версты»; о самой же пахотной землѣ говорится: «ко всему сельцу паханые худые земли и съ крестьянскою пашнею 25 чети». У починка Притыкина, который въ концѣ XVI столѣтія сталъ деревнею Куземкиной[1]) значится: «въ пашнѣ болотце», а въ XVII столѣтіи уже прямо говорится: «деревня Кузьминина, что былъ починокъ Притыкинъ на болотѣ».

Вслѣдствіе огромныхъ лѣсовъ, а иногда и болотъ, покрывавшихъ собою большую часть Свіяжскаго уѣзда, а также отъ того, что русскіе насельники являлись съ очень незначительнымъ имуществомъ для заведенія своего хозяйства, правительство же и монастыри, кромѣ свободы отъ тягостей на первые годы, были не особенно щедры на помощь имъ, они на первыхъ порахъ не были въ состояніи обработать значительное количество пахоты. Впрочемъ иногда незначительность пахоты

[1]) Названіе починокъ Притыкинъ получилъ, вѣроятно, отъ одного изъ трехъ крестьянъ, жившихъ въ немъ съ самаго начала отдѣльными дворами: во второмъ дворѣ въ немъ значится Куземка Степановъ. Въ концѣ XVI ст. въ деревнѣ Куземкинѣ 4 двора крестьянскихъ, «пашни паханные худые земли 3 десятины, а четвертные пашни 6 четвертей, лѣсу пашеннаго 48 десятинъ, да у деревни Куземкины въ пашнѣ болотцѣ, въ длину и поперекъ того болотца съ полдесятины; а изъ болотца течетъ ручей возлѣ деревни подъ оврагъ въ большое болото». Тамъ же л. л. 243, 244. Арх. Мин. Юст. 1-го Отд. Каз. уѣзд. грам. № 6431 л. 12; писцов. кн. № 1127 л. 981.

здѣсь могла обусловливаться еще малолюдствомъ общины, которою нерѣдко открывалось поселеніе починка или деревни. Во всякомъ случаѣ малость пахотной земли въ новыхъ поселеніяхъ Свіяжскаго уѣзда есть явленіе часто встрѣчающееся. Эта особенность выступаетъ тѣмъ рѣзче, что другія угодья—сѣнокосъ и лѣсъ—съ перваго раза отводятся въ очень значительныхъ размѣрахъ, иногда даже въ огромныхъ[1]). Явленіе это обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что такія угодья, какъ сѣнокосъ, требовали сравнительно съ земледѣліемъ употребленія со стороны поселенца лишь незначительнаго труда при изобиліи здѣсь многоводныхъ рѣкъ съ богатыми лугами, между тѣмь какъ пахота, если только это не была пустошь, требовала предварительнаго очищенія почвы отъ лѣса, или -же изсушенія болота, для чего необходимы были извѣстныя средства, значительный трудъ и нѣкоторое время. Что же касается пользованія въ начальное время русскими поселенцами стремительностію теченія воды въ рѣкахъ, у которыхъ они селились, для устройства мельницъ, то извѣстія объ этомъ встрѣчаются въ шестидесятымъ годахъ XVI ст. чрезвычайно рѣдко. Такъ, напримѣръ, у двухъ монастырей въ Свіяжскомъ уѣздѣ, изъ коихъ у каждаго во владѣніи было по сельцу и по нѣсколько деревень и починковъ, находилось по одной только мельницѣ, но по размѣрамъ своимъ онѣ были довольно значительны[2]), и одна изъ нихъ сдана была на оброкъ за

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ помѣстной деревнѣ, «что прежде была на оброкѣ за крестьяны», Красная Горка Звѣздина на р. Свіягѣ, при 6 дворахъ крестьянскихъ и 12 четяхъ пашни доброй земли въ каждомъ изъ трехъ полей. сѣна было 1000 копенъ, лѣсу пашеннаго и непашеннаго въ длину и поперекъ на 1 версту. «Въ сельцѣ на Исаковѣ горѣ» (Богород. Свіяж. мон.) при 36 четяхъ пашни доброй земли въ каждомъ полѣ, сѣна по р. Свіягѣ 350 копенъ лѣсу паш. и непаш. «около поль» по смѣтѣ въ длину на версту, а поперекъ на полъ-версты; того жъ монастыря деревня Новое при 9 дворахъ крестьянскихъ и 5 четяхъ пашни добр. земли въ каждомъ полѣ 310 копенъ; деревня Агищева (Троиц. Свіяж. мон.) при 5 дв. крест. и 10 четяхъ пашни по рѣчкѣ и по горамъ 300 копенъ. Арх. Мин. Юст. писцов. кн. № 848 л. л. 155, 237, 241, 243, 246.

[2]) Называются онѣ «мельница большое колесо».

три рубля въ годъ. Быть можетъ, значительная стоимость подобныхъ построекъ въ связи съ нѣкоторымъ рискомъ (ибо край въ шестидесятыхъ годахъ этого столѣтія не могъ еще считаться окончательно замиреннымъ и успокоеннымъ отъ непріязненныхъ движеній инородцевъ) были причиною этого факта.

Въ другомъ мѣстѣ[1]) мы говорили уже, что Московское правительство, послѣ завоеванія Казанскаго царства, поспѣшило роздачею земель служилымъ людямъ и православному духовенству закрѣпить край за Россіею, связавши такимъ образомъ ихъ интересы съ господствомъ въ немъ русскаго правительства. При этомъ значительная часть земель, заселенныхъ уже явившимися изъ Россіи крестьянскими общинами, обложенными со стороны правительства оброкомъ, отдана была служилому сословію, обязанному службою въ городѣ Свіяжскѣ и имѣвшему, по тогдашнимъ понятіямъ, право за свою службу на извѣстный доходъ. Теперь-же, въ виду нѣкоторыхъ явленій, съ которыми впослѣдствіи мы встрѣтимся въ земельномъ хозяйствѣ здѣшняго края, укажемъ на то, какимъ образомъ въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія распредѣлено было владѣніе землей въ Свіяжскомъ уѣздѣ, и въ частности, какъ распоряжались здѣсь монастыри, получившіе въ вотчину довольно значительныя пространства земли.

Кромѣ немногихъ крупныхъ и людныхъ поселеній, какъ Марквашн, Бусурманская слобода и другія, которыя раздѣлены были на части и отданы нѣсколькимъ служилымъ людямъ, остальныя земли, населенныя русскими крестьянами, всецѣло розданы были въ помѣстье служилымъ людямъ, между которыми нерѣдко встрѣчаются русскія княжескія фамиліи[2]), что

---

[1]) «Поволжье въ XV и XVI вѣк.», стр. 243—250.

[2]) Такъ, въ средѣ служилыхъ людей, пожалованныхъ помѣстьями въ Свіяжскомъ уѣздѣ, встрѣчаемъ князей: Андрея Ивановича Ростовскаго, Михаила Ѳедоровича сына Бахтеярова-Ростовскаго, Димитрія Ростовскаго, Никиту Ростовскаго, Бориса Семеновича Пожарскаго, братьевъ Никиту и Ѳе-

при небольшомъ количествѣ людей изъ помѣщенныхъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ—всего 34 человѣка, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Большая часть помѣстій Свіяжскаго уѣзда, особенно починки, обладали незначительнымъ населеніемъ и пахотою, слѣдовательно, они еще не успѣли пустить глубокихъ корней въ пріобрѣтенномъ краѣ. Это тѣмъ болѣе можно сказать о нихъ, что населеніе здѣсь большею частію было все пришлое, не связанное съ мѣстомъ, на которомъ оно жило, ни воспоминаніями дѣтства, ни могилами своихъ отцовъ, вслѣдствіе чего потребно было много умѣнья и осторожности, чтобъ поселки эти укрѣпились и развились, т.-е. чтобъ ихъ населеніе, пахота и другія угодья увеличивались.

Изъ православныхъ монастырей получили землю въ Свіяжскомъ уѣздѣ два монастыря: Троицкій Сергіевъ монастырь и Богородицкій. Послѣдній—значительный монастырь въ Свіяжскѣ, основанный здѣсь вскорѣ послѣ завоеванія Казанскаго царства; первымъ игуменомъ его былъ одинъ изъ членовъ просвѣтительной миссіи, снаряженной царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ для утвержденія въ краѣ христіанства, — это былъ архимандритъ Германъ, впослѣдствіи архіепископъ Казанскій. Троицкій монастырь получилъ земли въ разныхъ мѣстахъ [2]). Богородицкій монастырь также получилъ свои земли не въ одномъ мѣстѣ; но его владѣнія, кажется, не такъ были разбросаны, какъ земли Троицкаго монастыря: они лежали недалеко отъ рѣки Свіяги, и лишь небольшая часть ихъ находилась нѣсколько въ сторонѣ, подлѣ рѣки Волги.

Оба монастыря, кромѣ своего естественнаго средоточія въ Свіяжскѣ, имѣли для завѣдыванія своими вотчинами еще

дора Дмитріевичей Яновыхъ, Ивана Васильевича Темкина, Романа Андреевича Пришмкова, князя Сонцова; кромѣ того, были помѣстья за братьями Шеиными, изъ коихъ одного звали Михаиломъ. Тамъ же л. л. 131, 135, 141, 145, 147, 159, 171, 184, 195.

[2]) На р. р. Волгѣ, Свіягѣ, Бирлѣ, Курмышкѣ и Олгекирѣ.

по одному сельцу[1]); въ каждомъ изъ нихъ находилось по монастырскому двору и была монастырская пашня; ни въ одномъ сельцѣ не упоминается о крестьянскихъ дворахъ. Пахотной земли, какъ монастырской въ сельцахъ, такъ и крестьянской въ деревняхъ было немного. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что «иные крестьяне въ деревняхъ живутъ на льготѣ и выти не учинены и доходъ съ крестьянъ не писанъ, что еще земли не распахали», а льгота должна была миновать у крестьянъ въ разное время. Что касается дѣятельности обоихъ монастырей, то Богородицкій монастырь могъ начать свою колонизацію нѣсколько раньше[2]). Главный центръ его дѣятельности находился на мѣстѣ, подъ бокомъ, поэтому и самая дѣятельность архимандрита Германа могла быть энергичнѣе и плодотворнѣе, не говоря уже о возможности его авторитетнаго вліянія на мѣстѣ, какъ человѣка извѣстнаго лично царю, избравшему его для дѣятельности здѣсь вмѣстѣ съ епископомъ Гуріемъ и архимандритомъ Варсонофіемъ[3]). Вслѣдствіе этого, хотя оба монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ и имѣли въ это время по одному главному хозяйственному центру, но у Богородицкаго монастыря рядомъ съ сельцомъ стоятъ 2 слободки и 8 деревень съ 53 крестьянскими дворами и 27 дворами безпашенными (въ слободѣ); земли обработанной у него въ видѣ «пашни добрыя земли» 263 чети и 2460 копенъ сѣна. У Троицкаго же монастыря при сельцѣ находится лишь 2 деревни и 3 починка съ займищемъ, въ которомъ жило 30-ть дворовъ крестьянскихъ; пахотной земли въ видѣ «пашни добрыя земли» 109 четей, при

[1]) *Сельцомъ* здѣсь именовалось такое поселеніе, въ которомъ недоставало одного или же нѣсколькихъ элементовъ, необходимыхъ для того, чтобы быть селомъ. Такъ, въ настоящемъ случаѣ въ сельцѣ Богородицкаго монастыря—Исаковѣ была церковь, но не было двора священника и церковной земли; въ сельцѣ Троицкаго монастыря — Городищѣ былъ только монастырскій дворъ.

[2]) Онъ основанъ былъ въ 1555 году, а Троицкій Свіяжскій въ 1557 г.

[3]) Чтен. общ. Ист. и Древ. 1880 г. кн. 1-ая «Изложеніе хода Миссіонерскаго дѣла по просвѣщенію Казанскихъ инородцевъ», А. Можаровскаго.

которыхъ 1900 копенъ сѣна; даже въ итогѣ пашеннаго лѣса, принадлежавшаго обоимъ монастырямъ, замѣтна таже разность: у Богородицкаго монастыря 315 десятинъ пашеннаго лѣса, у Троицкаго лишь 200 десятинъ.[1]).

Но, взглянувши внимательнѣе на часть земель, которыми завладѣлъ строитель Троицкаго Свіяжскаго монастыря на Волгѣ, должны будемъ признать за нимъ значительную долю прозорливости и умѣнья въ выборѣ мѣста для монастырскихъ поселковъ. При впаденіи рѣки Казанки въ Волгу, вблизи отъ Казани, на бойкомъ мѣстѣ на Волгѣ, лежали два острова, недалеко другъ отъ друга. На одномъ изъ этихъ островов, на верхнемъ, еще при царяхъ Казанскихъ, въ извѣстное время происходила ежегодно ярмарка, вслѣдствіе чего этотъ островъ получилъ наименованіе Гостиннаго. Въ этомъ мѣстѣ правый нагорный берегъ Волги, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ длины и ширины, въ то время покрытъ былъ дремучимъ, почти сплошнымъ, лѣсомъ. На этомъ берегу, не смущаясь большимъ лѣсомъ, останавливаетъ свое вниманіе строитель и выпрашиваетъ монастырю пространство на двѣ версты въ длину и на полъ версты поперекъ. «А заняли, говорится въ писцовой книгѣ, то займище Троицкаго Сергіева монастыря, что̀ въ Свіяжскѣ городѣ, строитель съ братьею на Черномъ на дикомъ лѣсу, и строителю съ братьею на томъ займищѣ лѣсъ сѣчи и пашня распахивати и покосы росчисчати, а торгу имъ на томъ займищѣ у Волги ни котораго товару и ѣстнаго ничего не держати для Казанскихъ и Свіяжскихъ торговыхъ людей и посадскихъ торговыхъ людей, ни которыхъ людей, ни Казани, ни Свіяжскаго города на то займище не называти». Вслѣдствіе этого дозволенія «на горнѣй сторонѣ, у рѣки у Волги на берегу противъ Казанскаго устья въ Черномъ дикомъ лѣсу» является «займище новое, а на займищѣ *дворъ монастырской,* да пять шелашей, а живутъ въ нихъ монастырскіе дѣтеныши (работники), а пашни новыя роспаши въ три поля

[1]) Арх. Мин. Юст. писцов. кн. Свіяжск. у. № 848 л. л. 243, 248.

шесть чети, да сѣчи три десятины, покосовъ по Морквашъ на 800 копенъ»[1]). Такимъ образомъ въ самомъ началѣ незначительнаго поселенія мы уже встрѣчаемъ особенность, которая указываетъ намъ какъ бы зародышъ въ немъ будущаго хозяйственнаго центра: рядомъ съ сельцомъ Городищемъ, по видимому, главнымъ центромъ монастырской дѣятельности, мы видимъ здѣсь тоже «дворъ монастырскій», въ которомъ, вѣроятно, жилъ и распоряжался представитель Троицкаго Свіяжскаго монастыря; замѣчаемъ также и начало монастырскаго хозяйства—пахоту на почвѣ, расчищенной отъ лѣса. Московское правительство, видя удобства этой мѣстности, стремится оговоркою заранѣе оградить свои интересы: оно обязываетъ монастырь не заводить здѣсь торга, чтобы не подрывать этимъ торговли сосѣднихъ правительственныхъ городовъ; не держать ничего съѣстнаго и не перезывать людей, которые живутъ въ сосѣднихъ городахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ на этомъ мѣстѣ закипѣла такая энергичная и широкая дѣятельность, что монастырь уже въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія сталъ ходатайствовать у правительства о предоставленіи ему здѣсь болѣе обширнаго поля для дѣятельности, вслѣдствіе чего въ 1575 году архимандриту Троицкаго Сергіева монастыря съ братьею былъ пожалованъ «дикой и черной лѣсъ на Услонѣ на четыре версты поперекъ, а вдоль отъ Малаго Маркваша по Долгое Владычное озеро, что у Жерновскихъ горъ впало въ Волгу устьемъ, на пашни расчищати лѣсъ, противъ того Черного лѣса по подгорью луга на сѣно и на животной дворъ»[2]). И вотъ на мѣстѣ, на которомъ находилось лишь займище съ монастырскимъ дворомъ и шалашами для немногихъ работниковъ, появляется сельцо Услонъ съ храмомъ во

---

[1]) Тамъ же л. л. 247 и 248. Опись сдѣлана 1567 года.

[2]) Памятная книга Казан. губ. 1866—67 г. «Замѣчательныя селенія по Волгѣ въ предѣлахъ Каз. губ.» 42 с. Въ рукоп. Арх. Мин. Юст. 1 отд. Казанск. у. за № 6431, 1594 года пространство это обозначено такъ: «лѣсу пашеннаго на 5 верстъ въ длину, а поперегъ отъ р. Волги въ гору на 4 версты», л. 26.

имя Николая Чудотворца» строенія монастырскаго и при немъ священническій дворъ. Кромѣ прежняго монастырскаго двора, въ сельцѣ теперь находится «дворъ прикащиковъ»[1]), достаточное количество крестьянъ и бобылей, составляющихъ общину, которая, будучи поддерживаема монастыремъ, развиваетъ въ началѣ девяностыхъ годовъ XVI столѣтія на пожалованной монастырю землѣ значительную дѣятельность: въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ крестьянская община сельца Услона отдѣляетъ отъ себя поселенцевъ и высылаетъ въ разныя стороны починки. Въ описи 1594 года относительно новыхъ монастырскихъ поселеній въ этихъ мѣстахъ говорится прямо: «Того же села (т.-е. Услона) починки новые, а поставлены Услонской же землѣ послѣ писцовъ»[2]). Первый выселокъ 1591 года направился изъ сельца на югъ, и крестьяне поселились здѣсь въ концѣ монастырскихъ владѣній, основавши починокъ Варсонофьевъ надъ Долгимъ Владычнымъ озеромъ, что̀ впало въ Волгу. Вторая колонія переселенцевъ вышла въ слѣдующемъ году (1592 г.) и направилась изъ сельца на западъ, гдѣ вблизи основала починокъ, «что сталъ на Печищахъ» (Печищи). Наконецъ, послѣдніе переселенцы покинули Услонъ въ 1593 году и направились какъ и первые, къ югу; здѣсь они расположились подлѣ Варсонофьева поселка и основали «починокъ Куровской, что сталъ на Услоновскомъ же лѣсу». Въ 1594 году, во время описи, всѣ эти починки не успѣли еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно отдѣлиться отъ сельца Услона: въ нихъ, по словамъ

---

[1]) Обязанность прикащиковъ главнымъ образомъ состояла: въ надзорѣ за исправностью платежа оброковъ и отбыванія повинностей крестьянами, въ доставленіи монастырю денегъ, собранныхъ чрезъ старостъ и цѣловальниковъ, въ доставленіи монастырю свѣдѣній о состояніи вотчины о храненіи крестьянъ отъ обидъ стороннихъ лицъ, судъ надъ крестьянами въ ихъ ссорахъ и спорахъ. «О земел. влад. Россійск. митроп.» М. Горчакова 389—390 стр.

[2]) «Послѣ писцовъ», означаетъ, что они поставлены послѣ описи 1567 г. Борисова и Кикина.

строителя, крестьяне «сѣно косятъ на Услонскихъ лугехъ, а лѣсъ въ починкамъ Услонской». По описи можно замѣтить, что состояніе каждаго починка обусловливается временемъ его возникновенія: такъ, Варсонофьевъ починокъ по своему населенію и по величинѣ пахоты былъ самый большой[1]); затѣмъ слѣдуетъ починокъ Печищи[2]), и наконецъ Куровскій починокъ носитъ характеръ только что начавшагося поселенія: въ немъ лишь 2 двора крестьянскихъ, а «пашни паханные добрые земли осьмина» въ каждомъ полѣ, при чемъ прибавлено: «*а лѣсъ въ пашню къ починку* сельца Услона по старымъ по межевымъ книгамъ». Во всѣхъ починкахъ сельца Услона крестьяне получили одинъ срокъ льготы—на 15 лѣтъ со времени поселенія крестьянъ въ починкѣ. Можно ожидать, что силы Услонской крестьянской общины отъ такой дѣятельности умалились и она сама ослабѣла; но по описи этого сказать нельзя: въ сельцѣ Услонѣ числится 29 дворовъ крестьянскихъ и 20 дворовъ бобыльскихъ; за крестьянами «пашни паханные добрыя земли 76 чети съ осьминою» въ каждомъ полѣ, а сѣна «межъ Гостинного острова и межъ горъ 3000 копенъ.» Крестьяне и бобыли состояли на оброкѣ; самый оброкъ, которымъ они обложены были со стороны монастыря, указываетъ отчасти на ихъ сравнительную зажиточность: крестьяне Услонскіе платили монастырю по 40 алтынъ съ выти[3]), въ то время, какъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ они платили монастырю лишь по рублю съ выти, слѣдовательно болѣе, чѣмъ на 6 алтынъ; бобыли здѣсь обложены были также не малымъ оброкомъ—по 10 алтынъ со двора[4]). Такимъ образомъ, судя по людности Услонской общины и по нѣкоторой ея зажиточности, надобно

---

[1]) Въ немъ находилось 17 дв. крестьянъ и 16 чети пашни добрыя земли въ каждомъ полѣ.

[2]) Въ немъ было 6 дворовъ крестьянъ, 2 двора боб., пашни добрыя земли 6 чети въ каждомъ полѣ.

[3]) Величина выти въ 1594 году была прежняя, т. е. по 10 четей въ каждомъ полѣ или 15 десятинъ.

[4]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грамот. № 6431 л. л. 24—27.

предположить, что здѣшнее населеніе пользовалось уже выгодами бойкой мѣстности, на которой поселилось. Даже и монастырь, стяжательный инстинктъ котораго въ этой мѣстности правительство старалось, какъ мы видѣли, сдержать,—не могъ отказаться отъ того, чтобы не завести «на берегу на Волгѣ баню для проѣзжихъ людей, и какъ ходятъ на низъ и вверхъ проѣзжіе люди и они (монахи) ее въ тѣ поры топятъ. А банной берутъ съ человѣка по полуденьгѣ. И строитель Макарей и крестьяне сказали, что банныхъ денэгъ сбираютъ по 2 руб. на годъ»[1]). Вслѣдствіе этого можно сказать, что Услонская крестьянская община отдѣляла отъ себя починки, по всей вѣроятности, лишь вслѣдствіе сознанія возможности дѣлать это не только безъ ущерба для себя, но ради ожидаемыхъ отъ этого выгодъ для нея самой и для выселяемыхъ членовъ общины.

Кромѣ колонизаціоннаго центра, орудовавшаго на Услонскихъ горахъ, въ концѣ XVI столѣтія, крестьянскія общины и въ другихъ монастырскихъ поселеніяхъ съ успѣхомъ занимались пахотою и населеніе въ нихъ большею частію увеличивалось. Понятно, что съ увеличеніемъ пашни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ должна была уменьшиться переложная земля и лѣсъ. Это можно замѣтить въ деревняхъ Троицкаго Свіяжскаго монастыря, если только сравнить состояніе ихъ въ шестидесятыхъ годахъ съ состояніемъ въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія. Самое наименованіе поселенія «починокъ» смѣняется названіемъ «деревня», а значительнѣйшая изъ старыхъ монастырскихъ деревень Килдеево, о которой говорится, что она «поставлена на Мордовской землѣ», стала сельцомъ съ церковью монастырскаго строенія, съ дворомъ священника и дворомъ монастырскимъ, въ которомъ живетъ дворникъ[2]).

---

[1]) Тамъ же л. 33.

[2]) Деревня Θедяева, что былъ починокъ Ключевъ (описаніе починка на 7-ой стр. вын. 2-ая) лежитъ недалеко отъ Килдеева, въ дер. 5 дв. кр. пашни паханыя добрыя земли 6 чети, перелогу 14 чети въ каждомъ полѣ, сѣна

Если мы теперь съ правой стороны р. р. Волги и Свіяги обратимся къ лѣвой сторонѣ послѣдней, гдѣ находится старое сельцо Городище и другія поселенія Троицкаго Свіяжскаго монастыря, то и здѣсь мы встрѣтимся съ колонизаціонною дѣятельностію русскаго поселенца. Поприщемъ этой колонизаціи послужили свободныя и отчасти дѣвственныя земли по рѣкамъ Большой и Малой Бирлѣ, притокахъ р. Свіяги съ лѣвой стороны. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ на р. Бирлѣ находилась лишь одна деревня Агишево, которая съ одной стороны, количествомъ своего населенія и пахоты указываетъ на недавность своего появленія здѣсь, съ другой — своимъ названіемъ и довольно значительнымъ перелогомъ намекаетъ на то, что на этомъ мѣстѣ до появленія русскихъ существовало, вѣроятно, инородческое поселеніе, оставившее по себѣ слѣдъ въ названіи мѣстности. Кромѣ того, въ деревнѣ Агишевой есть особенность, какъ бы указывающая на то, что ея первые поселенцы были не русскіе люди: въ писцовой книгѣ прямо сказано: «а живутъ въ ней полоняники,» послѣ чего поименованы 5 дворовъ съ ихъ хозяевами, которые однакожъ названы не такимъ образомъ, какъ это дѣлается обыкновенно въ русскихъ поселеніяхъ: именемъ и отчествомъ, или же прозвищемъ, а называются

подъ деревнею 30 коп.; лѣсу пашеннаго 40 десятинъ, да непашен. 5 десятинъ. Сопоставивъ съ прежнимъ описаніемъ, находимъ увеличеніе крестьянскихъ дворовъ и пахоты, уменьшеніе перелогу на столько, на сколько увеличилась пашня, и уменьшеніе непашен. лѣса; остальное осталось по прежнему. Деревня Килдеево (опись 1567 года) на р. Курмышкѣ, въ ней 19 дв. крест. (Иванко Грѣхъ, Иванко Хвостъ и другія, все русскія прозвища), пашни добрыя земли 67 чети, да перелогу 32 чети въ каждомъ полѣ; зарослей и дубровъ пашенныхъ къ тремъ полямъ 15 десят.; сѣна по р. Курмышкѣ 200 копенъ, лѣсу паш. и непаш. въ длину на 1 версту, а поперекъ на полъверсты. Сельцо Килдеево (94 году) кр. дв. 18, пашни добр. земли 83 чети, зарослей и дубровъ пашенныхъ къ 3 полямъ 15 десят., сѣна на рѣкѣ Курмышкѣ ставится 200 копенъ, лѣсу паш. и непаш. на 1 верс. длины и на полъ поперекъ. Слѣдовательно пахота увеличилась, перелога нѣтъ, однимъ крестьянскимъ дворомъ стало меньше, все остальное въ позднѣйшей описи осталось по старому, т. е. лѣсъ, сѣно и заросли. Арх. Мин. Юст. писцов. кн. № 848 л. 245. 1 отд. Каз. у. грам. № 6431 л. 18—19.

однимъ лишь уменьшительнымъ именемъ, при чемъ въ средѣ ихъ встрѣчаются такія имена, какъ Якушъ и Улянко; и самая деревня въ девяностыхъ годахъ этого столѣтія именуется «деревня Агишева, а Уляпково тожъ.» Къ концу XVI столѣтія на р. Бирлѣ, среди монастырскихъ поселеній встрѣчаемъ три деревни, вмѣсто прежней одной, и одинъ починокъ; двѣ деревни населены довольно порядочно, одна же, менѣе значительная изъ нихъ, своимъ названіемъ указываетъ намъ на то, общинѣ какого поселка она обязана своимъ происхожденіемъ: «деревня Уланкова, что былъ починокъ Уланковъ»; среди угодій деревни — починка по прежнему встрѣчаемъ «лѣсу пашеннаго около поль по смѣтѣ 7 десятинъ съ половиною.» Относительно двухъ монастырскихъ поселеній на р. Бирлѣ сказано, что они «поставлены послѣ писцовъ» (т. е. послѣ описи 1567 года) «по государевой жалованной грамотѣ въ 83 году» (1575), слѣдовательно для нихъ была получена земля монастыремъ отъ правительства вновь[1]).

Обращаясь наконецъ къ сельцу Городищу, которому въ началѣ колонизаціонной дѣятельности Троицкаго Свіяжскаго монастыря могла принадлежать значительная доля вліянія, увидимъ, что въ данное время развитіе этого центра было очень слабое сравнительно съ другими поселеніями этого монастыря. Такъ, намъ извѣстно, что въ шестидесятыхъ годахъ этого столѣтія, вслѣдствіе дѣятельности сельца Городища, на монастырской землѣ въ его сосѣдствѣ появляются два починка — Притыкинъ и Новый. Притыкинъ, какъ мы уже видѣли, къ концу столѣтія увеличился и сталъ деревнею Куземкиною, а починокъ Новый, стоявшій у того же Криваго озера, у котораго находилось и сельцо Городище, увеличился пахотою съ осьмухи въ каждомъ изъ трехъ полей до десятины въ трехъ поляхъ; но пахотная земля Новаго починка, отмѣченная прежде «доброю землею», къ концу XVI ст. «выпахалась»

[1]) Арх. Мин. Юст. 1 отд. Казан. уѣзд. грам. № 6431 л. 20—24.

и теперь стала «худой землею»; самый починокъ, имѣвшій прежде одинъ пустой крестьянскій дворъ, теперь не обладаетъ имъ, — о немъ сказано просто: «а тотъ починокъ пашутъ наѣздомъ изъ сельца Городища». Кромѣ незначительнаго увеличенія пашни, въ сельцѣ Городищѣ значатся роспаханными двѣ десятины перелога или пустоши Бѣлобородѣевской, которая была «припущена» къ нему. Такимъ образомъ монастырская пашня въ сельцѣ Городищѣ за 25 лѣтъ увеличилась почти лишь на одну распаханную пустошь въ двѣ десятины! Но и эта незначительная выгода является очень сомнительною, если мы примемъ во вниманіе достоинство пахотной земли, которая и прежде не богата была плодородіемъ, — она, какъ мы уже говорили, не была отмѣчена обычнымъ эпитетомъ «добрая земля»,—за это же время она истощилась въ своей производительности, такъ что вся обозначена «худою землею»[1]). Но если успѣхи пахоты, вслѣдствіе неблагопріятныхъ природныхъ свойствъ почвы,—на которой основано было сельцо Городище, главнымъ образомъ—болотистости, были сомнительны, то изобиліемъ той же влаги въ этомъ мѣстѣ обусловливалась успѣшность другихъ хозяйственныхъ занятій этого сельца. Уже въ шестидесятыхъ годахъ построена была «противъ сельца Городища за рѣкою за Свіягою на свѣтломъ ручью мельница Большое колесо; да къ той мельницѣ прибавлено луговъ, старыхъ покосовъ по обѣ стороны ручья и новыхъ росчистей 250 копенъ, да островъ за свѣтлымъ ручьемъ въ одну версту длины и

[1]) Опись 1567 года: «сельцо Городище на Кривомъ озерку на Долгомъ, близко р. Свіяги, а въ сельцѣ дворъ Монастырскій, пашни 25 чети, «да перелогу четыре чети въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна по р. 320 коп., лѣсу пашеного около поль 100 десятинъ.» Въ 1594 г.: «сельцо Городище и т. д., а въ немъ дворъ монастырскій, дв. старецъ Троицкаго Сергіева монастыря; да съ ними же живутъ дѣтеныши (работники); дв. крестьянинъ Васька Привалиха, паханные худые земли ко всему сельцу и съ крестьянскою пашнею 25 чети, да *новые* роспаши, что было въ перелогѣ, пустошь Бѣлобородѣевская, пашни на тое пустоши 4 чети и припущена пуспошь къ сельцу Городищу; сѣна по р. Свіягѣ 320 копенъ, лѣсу пашен. около поль 150 десятинъ.» Писц. кн. Свіяж. у. № 848 л. 243. 1-ое отд. грам. № 6431 л. 12.

полъ-версты поперекъ»; къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ это время это была единственная мельница во всѣхъ вотчинахъ Троицкаго Свіяжскаго монастыря. Быть можетъ, особенность этой немаловажной выгоды въ соединеніи съ нѣкоторыми другими, вслѣдствіе которыхъ и прежде (еще до прибытія русскихъ) здѣсь было довольно значительное поселеніе—Городище,—побудила монастырскаго строителя выбрать это мѣсто для основанія перваго центральнаго пункта тогдашнимъ монастырскимъ вотчинамъ. Въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія уже видимъ, что «къ той монастырской мельницѣ по обѣ стороны свѣтлаго ручья луговъ, сѣнныхъ старыхъ и новыхъ покосовъ росчистей 20 десятинъ съ полудесятиною, а сѣна ставится 412 копенъ... да къ той же мельницѣ приписанъ островъ въ длину на 1 версту, а поперекъ на полъ-версты, а на томъ острову сѣнныхъ покосовъ 9 десятинъ, а сѣна ставится 180 копенъ, да некоси[1]) и зарослей сѣнныхъ покосовъ 7 десятинъ, а сѣна на тѣхъ зарослехъ ставилося 140 копенъ»[2]). Слѣдовательно усиленная эксплоатація луговъ и сѣнныхъ покосовъ на острову, на которомъ прежде сѣно оставалось безъ употребленія, является послѣдствіемъ осѣдлости русскаго человѣка на этой малоблагопріятной для земледѣлія мѣстности. Сопоставивши теперь въ результатѣ итогъ монастырской дѣятельности за 27 лѣтъ съ послѣдствіемъ его прежней дѣятельности, мы замѣтимъ, что формально «прибыло 2 сельца, да 3 деревни, да починокъ, да пустошь, что припущена въ пашню... прибыло паханные добрые и худые земли 209 чети, да перелогу добрые земли 39 чети, сѣна 2942 копны, лѣсу пашеннаго прибыло 63 десятины, да 100 дворовъ крестьянскихъ и 27 бобыльскихъ»[3]).

Но самая необходимость селиться на малоплодородныхъ земляхъ и обрабатывать ихъ, хотя бы со льготою и при мона-

[1]) Въ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгахъ поясняется иногда прибавкою «некоси осока».

[2]) Писц. кн. Свіяж. у. № 848 л. 246; 1 отд. Каз. у. грам. № 6431 л. 15.

[3]) Арх. Мин. Юст. 1-е отд. Казан. у. грам. № 6431 л. л. 31—32.

стырской поддержкѣ, должна была побуждать населеніе, какъ пришлое русское, такъ отчасти и туземное инородческое, двигаться далѣе и тамъ себѣ искать лучшихъ земель съ богатыми угодьями. Движеніе это могло совершаться тѣмъ смѣлѣе, что въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія мѣстность подлѣ Тетюшъ обезпечена уже укрѣпленною засѣкой, проведенной въ вѣковомъ лѣсу, который тянулся на 10 верстъ въ длину и на 8 поперекъ и упирался непосредственно въ р. Свіягу[1]). Такимъ образомъ, кромѣ сторожей, разъѣзжавшихъ въ степи и наблюдавшихъ появленіе непріятеля, земли около Тетюшъ были защищены отъ кочевниковъ и самой природой, къ которой присоединена была искусственная защита посредствомъ засѣки. И земли въ этихъ мѣстахъ во второй половинѣ XVI столѣтія отчасти уже эксплоатировались Тетюшскими служилыми людьми и мѣстными монастырями, которые большею частью и помѣщены были около города[2]). Одно изъ помѣстій, недалеко отъ Тетюшъ и засѣки на р. Улемѣ [3]), принадлежавшее помѣщику Болтину, находилось въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія въ печальномъ состояніи, не взирая на довольно благопріятныя природныя условія. По распоряженію царя Бориса, это помѣстье стало дворцовымъ, и въ немъ для поселенія принято было на льготу нѣсколько крестьянскихъ дворовъ. Въ концѣ столѣтія эти крестьяне составляли общину, которая, вышедши изъ льготы, пахала на себя выти, а на государя десятины [4]). Община состояла первоначально изъ пяти дворовъ крестьянскихъ, которые въ 1599 году вышли изъ льготы и сидѣли на тяглѣ[5]). На рѣкѣ Улемѣ находилась мельница *Большое*

---

[1]) Арх. Мин. Юст. писцов. кн. № 153 л. л. 1464—1467.

[2]) Тамъ же 1-ое отд. Казан. у. грам. № 6426 (1589 г.) кн. писцов. № 153, л. 1377 Акт. Истор. и Юрид., собр. Степ. Мельниковымъ, грам. 1 и 2.

[3]) Р. Улема—притокъ р. Свіяги съ правой стороны.

[4]) На выть по 2 чети ржи.

[5]) Трое сидѣли на полъ-чети выти, а двое на чети выти; на первыхъ и на вторыхъ набавлено было еще по стольку же, такъ что первые должны были платить по чети, а вторые по полу-выти.

колесо, старая государева, но пустая, ибо плотина была спущена, а мельникъ означенъ живущимъ въ Тетюшахъ въ жильцахъ. Въ 1599 году построена была здѣсь по царскому приказу церковь во имя Св. великомученика Өеодора Стратилата, и село названо Өеодоровскимъ.

Въ какой степени серіозно было стремленіе русскаго населенія селиться въ здѣшнихъ мѣстахъ, можно видѣть между прочимъ изъ того, что въ продолженіе едва-ли не двухъ послѣднихъ лѣтъ предъ описью община села Өедоровскаго приняла къ себѣ на льготу 13 крестьянскихъ дворовъ и семь дворовъ безпашенныхъ бобылей. Свободной хорошей земли для пахоты оказалось здѣсь вдоволь для всѣхъ. Первоначальные члены общины обрабатывали для себя лишь 18 четей съ осьминою, въ то время, какъ во владѣніи у общины находилось еще 142 чети въ каждомъ полѣ дикаго поля, перелогу и зарослей; что же касается угодій, то онѣ здѣсь были въ обиліи: такъ, «сѣна у села около поль и по дубровамъ и по рѣчкѣ Улемѣ 1700 копенъ»; черный и раменный лѣсъ простирался съ одной стороны до самой засѣки (на 8 верстъ), а съ другой упирался въ р. Свіягу[1]. Кромѣ русскихъ людей въ Тетюшскій уѣздъ стремились для занятія плодородныхъ земель и богатыхъ угодій также и инородцы. Такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь около села Өедоровскаго землю Черемисина Цивильскаго уѣзда, а въ самомъ началѣ XVII столѣтія вмѣстѣ съ Тетюшскими служилыми людьми сѣнными покосами владѣетъ жившая здѣсь въ трехъ деревняхъ Мордва[2]. Само правительство, стремившееся извлекать пользу изъ людей, находившихся въ его распоряженіи, при случаѣ селило плѣнныхъ на здѣшней окраинѣ въ качествѣ служилыхъ людей. Такъ, въ концѣ XVI столѣтія (1599 г.) двадцать Тетюшскихъ служилыхъ плѣнниковъ получили въ двухъ поляхъ 400 четей[3]. Но не на

---

[1]) Писцов. кн. № 153 л. л. 1464—1467.
[2]) Тамъ же л. л. 1380 и 1467.
[3]) Арх. Мин. Юст. Вотч. от. № 6740, кн. 1-я № 2-й.

однихъ окраинахъ Поволжья мы встрѣчаемся съ заселеніемъ свободныхъ земель: въ концѣ XVI и въ первыхъ годахъ XVII столѣтій энергіею русскихъ людей, преимущественно изъ «верховыхъ мѣстъ», заселяются свободныя земли въ Нижегородскомъ уѣздѣ по правой и по лѣвой сторонѣ Волги. Община поселенцевъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, составлялась изъ людей, которые, выражаясь ихъ словами, «посошлись изъ дальнихъ мѣстъ и дворы поставили, и лѣсъ сѣкли, и перелоги раздирали, землю роспахали» и поселились на украйнѣ близко Черемисъ[1]). Изъ приведеннаго очерка можно видѣть, на сколько успѣшно въ концѣ XVI и въ первые годы XVII столѣтій совершалось заселеніе Свіяжскаго и Тетюшскаго уѣздовъ, этихъ окраинъ Московскаго государства въ Поволжьѣ. Между тѣмъ въ началѣ XVII столѣтія въ Россіи наступило время, когда колонизація Свіяжскаго уѣзда, энергично начатая и успѣшно продолжавшаяся, должна была замедлиться на нѣкоторое время въ силѣ и энергіи своего движенія. Какъ извѣстно, со смертью Бориса Годунова начинается эпоха смутъ, когда на Руси совсѣмъ не существовало общепризнанной и авторитетной власти и когда каждая изъ борющихся сторонъ старалась извлечь для себя побольше матеріальныхъ средствъ, не стѣсняясь при этомъ экономическимъ положеніемъ платящихъ. Такъ, мы знаемъ, что Вологодцы, признавшіе царемъ Лжедимитрія II-го, подверглись отъ него значительнымъ поборамъ съ сохи, съ выти и разнымъ натуральнымъ повинностямъ,—особенно значительны были послѣднія. Когда же однажды сверхъ этого отъ Лжедимитрія пришли грамоты съ новыми требованіями, то «какъ тѣ обѣ грамоты въ народѣ прочли, и Вологжане противъ тѣхъ грамотъ ничего не сказали, а иные многіе заплакали»[2]). Въ это время, кромѣ

---

[1]) Нижегород. Губерн. Вѣд. 1848 г. Акты Нижегородскихъ монастырей: Печерскаго и Благовѣщенскаго, № 6, грам. № 11; № 13, грам. № 51.

[2]) А. А. Э. т. II-ой № 88-й.

поборовъ и злоупотребленій всякаго рода властей, всѣ противообщественные элементы русскаго общества, сдерживаемые прежде твердою рукою представителей власти, почувствовали себя свободными. А такихъ элементовъ въ русскомъ обществѣ было всегда достаточно; особенно много ихъ было на окраинахъ, вдали отъ центральной власти, въ такомъ, напримѣръ, мѣстѣ, какъ низовое Поволжье. Въ здѣшнихъ мѣстахъ къ безпокойнымъ русскимъ силамъ присоединялась значительная масса инородцевъ, какъ Черемисы, которые въ XVI вѣкѣ до подчиненія ихъ русской власти занимались грабежемъ, а послѣ покоренія Казанскаго царства своими возстаніями не мало безпокоили Московское правительство и сильно озабочивали мѣстныхъ воеводъ. Хотя при Θедорѣ Іоанновичѣ энергическими мѣрами, особенно постройкою укрѣпленныхъ городовъ въ нагорной и луговой сторонахъ, эти возстанія и были усмирены, однако въ этихъ мѣстахъ оставалось еще много не только горючаго матеріала, но не мало тлѣло и искръ, ожидавшихъ лишь сильнаго вѣтра, чтобы вспыхнулъ серіозный пожаръ.

Вслѣдствіе одновременнаго существованія въ русской землѣ двухъ правительствъ, изъ которыхъ каждое почитало себя какъ бы законнымъ, для честолюбія и своекорыстія многихъ смѣлыхъ и энергическихъ людей на Руси открылось поприще широкой дѣятельности. Образовались воровскія шайки, которыя не только грабили беззащитныя села и деревни, но нападали на укрѣпленные города и осаждали ихъ. Понятно, что подобныя шайки должны были отличаться особою людностью и смѣлостью въ Поволжьѣ. И дѣйствительно, мы знаемъ изъ лѣтописи, что въ царствованіе Шуйскаго «Мордва и бортники, и боярскіе холопи, и крестьяне собрався придоша на Нижней городъ, осадиша»; при этомъ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что скопищемъ начальствовали двое Мордвиновъ, которые, стоя подъ Нижнимъ, «многія пакости дѣяху»[1]). Дерзость

[1]) «Старѣйшинство Мордвина Московъ да Варкодинъ» Никон. л. VIII, 82 ст.

такихъ шаекъ въ Поволжьѣ усилилась особенно въ разгарѣ смутнаго времени, около 1610 и 1611 годовъ; такъ, игуменъ Чебоксарскаго монастыря пишетъ: «въ смутное время приходили въ Чебоксаръ вольскіе казаки и они-де въ тѣ поры городъ Чебоксары взяли, и прежняго ихъ игумена Геласія съ башни скинули и многихъ посадскихъ людей въ тѣ поры побили.... и казну заграбили»[1]). Черемисы въ 1609 году взяли и сожгли городъ Цивильскъ[2]). Затѣмъ въ 1610 и въ 1611 годахъ шайки воровскихъ людей осаждали городъ Свіяжскъ и такъ распоряжались въ его уѣздѣ, что многіе люди, по выраженію современниковъ, «розбрелися». Вотчины Богородицкаго Свіяжскаго монастыря, лежавшія недалеко отъ города Свіяжска,—сельцо Исаково съ деревнями, тянувшими къ нему, о которыхъ выше говорено, всѣ были «отъ измѣнниковъ выжжены, а крестьяне побиты, а иные въ осадѣ померли, а иные разбрелися».[3]) Справедливость требуетъ замѣтить при этомъ, что разбойническія движенія въ Поволжьѣ не пользовались сочувствіемъ всѣхъ инородцевъ и татаръ. Среди нихъ отдѣлилось не мало людей труда и порядка, которые въ это время поддерживали русскихъ воеводъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, сидѣли вмѣстѣ въ осадѣ и съ русскими же вмѣстѣ терпѣли лишенія и опасности, какъ въ городѣ, такъ, вѣроятно, и въ уѣздѣ; воеводы русскіе съ своей стороны помогали въ осадѣ подобнымъ инородцамъ и татарамъ наравнѣ съ русскими, чѣмъ только могли[4]). Хотя съ избранія Михаила Ѳедоровича Романова на престолъ и прекратилось междуцарствіе, но далеко еще не прекратились смуты[5]); это

---

[1]) Прав. Собес. 1864 Февр. 202 с. «Вліяніе монастырей на разсел. народ. въ Казан. краѣ,» выдержка изъ Чебоксарской монаст. рукоп. библіот. Казан. акад.

[2]) Чтеніе Общ. ист. и древн. Российск. 1880 г. 1-ая кн. «Изложеніе хода миссіонерскаго дѣла по просвѣщенію Казан. инородцевъ.» А. Можаровскаго, 7 стр. примѣч. 2-е

[3]) А. А. Эксп. т. III № 86.

[4]) Тамъ же.

[5]) Доп. А. И. т. II, № 17.

особенно слѣдуетъ отнести къ Поволжью, гдѣ находилось не мало воровскихъ шаекъ, которыя попрежнему продолжали опустошать край. Понятно, какія чувства такія опустошенія возбуждали здѣсь въ русскихъ людяхъ и въ тѣхъ инородцахъ, которые склонны были къ мирному земледѣльческому труду, каковыми преимущественнѣе другихъ были Чуваши и Мордва: они покидаютъ свою родину, гдѣ не находятъ безопасности, и съ небольшимъ имуществомъ отправляются въ отдаленныя отселѣ мѣста. Здѣсь они выбираютъ для поселенія мѣсто, не только удобное для земледѣлія, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладавшее и другими выгодами, которыми они дорожили въ это время: они селятся подлѣ Волги въ мѣстахъ пустынныхъ и незамѣтныхъ съ рѣки, гдѣ вслѣдствіе этого меньше можно было ждать нападенія грабительскихъ шаекъ, шнырявшихъ по Волгѣ. При подобныхъ условіяхъ произошло основаніе и заселеніе Чувашской деревни Пролей-Каша. Въ 1611 году нѣсколько Чувашъ Свіяжскаго уѣзда пришли въ Тетюшскій уѣздъ и на югъ отъ Тетюшъ въ 15 верстахъ отъ города облюбовали «дикое поле»; поле это лежало недалеко отъ засѣки подлѣ Чернаго лѣса, къ которому «прилегли татарскія отчины бортныя угодья». Мѣсто было выбрано поселенцами очень удачно: у деревни протекала рѣчка Черемшанка, впадающая въ Волгу; вблизи находилось озеро Крестовое, соединявшееся съ Волгою, а около прилегала «дикая степь» съ сѣнными покосами. Это мѣсто, богатое всякими угодьями, лежало подлѣ самой Волги, но было закрыто и незамѣтно со стороны рѣки[1]). Эти выгоды привлекли вскорѣ сюда Чувашей не только изъ сосѣдняго Свіяжскаго, но и изъ другихъ уѣздовъ; въ одинъ лишь 1615 годъ въ Пролей-Кашинскую деревню при-

[1]) Въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія Олеарій говоритъ, что за Тетюшами «до конца Волги уже не встрѣчается болѣе ни одного селенія», хотя вслѣдъ за этимъ онъ упоминаетъ объ островѣ Пролей-Кашѣ, на который онъ, повидимому, обратилъ свое вниманіе. Отсюда можно заключить, что самаго селенія, которое уже давно существовало здѣсь, не было замѣтно съ Волги. Чт. Общ. Ист. и Древ. 1869 кн. I, 421 стр.

было до 15 человѣкъ, семеро изъ Свіяжскаго уѣзда. Въ 1618 году, когда деревню описывалъ Матвѣй Пальчиковъ, она вся состояла изъ 39 дворовъ Чувашскихъ, среди которыхъ было 34 двора крестьянскихъ и 5 дв. бобыльскихъ. Всѣ Чуваши — переселенцы правой нагорной стороны Волги. Болѣе всего, какъ и слѣдовало ожидать, было переселенцевъ въ Пролей-Кашѣ изъ сосѣдняго Свіяжскаго уѣзда — 19 дворовъ; затѣмъ сосѣдній Свіяжскому и выше его лежащій по Волгѣ Цивильскій уѣздъ выслалъ въ деревню 10 дворовъ; уѣздъ, сосѣдній съ Цивильскимъ, по Волгѣ, Чебоксарскій выслалъ сюда 7 дворовъ; Курмышскій уѣздъ, выше Чебоксарскаго, выслалъ лишь 2 переселенцевъ, и наконецъ изъ Кадомскаго уѣзда, лежащаго въ сторонѣ отъ Волги, во всей деревнѣ былъ только одинъ переселенецъ. Пахотной земли у переселенцевъ, семь лѣтъ спустя, было еще немного: всего 10 четвертей въ каждомъ полѣ или 15 десятинъ; но за то среди угодій значатся: «3 мельницы мутовки, на р. Черемшанѣ, которыя были за ними на оброкѣ, да кромѣ того озеро Крестовое и сама рѣчка Черемшанка[1]). По всей вѣроятности, къ этимъ же годамъ относится выселеніе и другихъ «уѣздныхъ людей Свіяжскаго и Цивильскаго уѣздовъ», которые селились отъ Тетюшъ въ разстояніи 5, 6, 10, 20 и больше верстъ. Предполагаемъ это потому, что въ 1619 году, по дозорнымъ книгамъ, въ такомъ именно разстояніи отъ Тетюшъ земли заселены были крестьянами, ясачными татарами, Чувашами, Черемисами и Мордвою Свіяжскаго и Цивильскаго уѣздовъ [2]). Подобный наплывъ переселенцевъ изъ уѣздовъ верхняго Поволжья не могъ остаться безъ вліянія въ частности на отдѣльные поселки въ Тетюшскомъ уѣздѣ. И дѣйствительно, если мы теперь обратимся снова къ селу Ѳедоровскому и сравнимъ его прежнее состояніе съ тѣмъ, какимъ оно является вскорѣ

---

[1]) Писцов. кн. Каз. уѣзд. № 153, л. л. 1160 — 1167 «Книги деревни Пролей-Каще, Чювашѣ, Тетюшскаго уѣзда Матвѣева дозору Пальчикова».

[2]) Тамъ же, л. 1379.

послѣ междуцарствія, то увидимъ, что въ немъ въ 1616 году вмѣсто прежнихъ 18 дворовъ крестьянскихъ и 7 дворовъ бобыльскихъ, находится уже 60 дворовъ крестьянъ нельготныхъ и 47 дворовъ такихъ крестьянъ, которые жили на льготѣ; бобылей въ селѣ въ это время было 26 дворовъ. Кромѣ того теперь къ селу Ѳедоровскому тянетъ Тинчюринъ починокъ, который появился въ сосѣдствѣ и, вѣроятно, при содѣйствіи общины села Ѳедоровскаго; въ Тинчюринѣ починкѣ въ это время состояло 34 двора крестьянскихъ и 3 двора бобыльскихъ. Но не одинъ лишь русскій починокъ тянулъ къ селу Ѳедоровскому—къ нему были приписаны еще двѣ мордовскія деревни—починки, изъ которыхъ въ одномъ находилось 19 дворовъ, а въ другихъ 9[1]).

Хотя съ прекращеніемъ междуцарствія и былъ устраненъ одинъ изъ главныхъ источниковъ смутъ, но спокойствіе въ Московскомъ государствѣ еще далеко не вполнѣ было возстановлено; особенно это слѣдуетъ отнести къ Поволжью, гдѣ находилось достаточно людей, которымъ было выгодно нестроеніе и беззащитность русской земли. Нѣкоторые изъ такихъ людей и при существованіи вполнѣ законнаго правительства на Руси, не стѣсняясь, при случаѣ нападали на русскія окраины, грабили здѣшнее населеніе и не мало людей уводили съ собою въ плѣнъ; таковыми были кочевые обитатели степей: Ногайцы и Крымцы. Но, кромѣ степняковъ, въ русскомъ обществѣ находилось не мало своихъ людей, которые были не прочь пожить на счетъ трудоваго населенія, пользуясь и зажиточностію предпріимчиваго купца, и скромнымъ достаткомъ трудящагося земледѣльца: то были казаки. Московское правительство, вслѣдствіе скудости своихъ средствъ для борьбы съ опасностями, грозившими ему постоянно на окраинахъ, старается пользоваться для своихъ цѣлей даже безпокойною силою казачества; впрочемъ оно поступало такъ не столько для своей защиты, сколько для развѣдыванія о непріятелѣ въ степи и

[1]) Тамъ же л. л. 972—990.

о воровскихъ казачьихъ шайкахъ въ Поволжьѣ. Но, пользуясь ихъ ненадежною службою, русское правительство въ концѣ XVI вѣка не обманывало себя относительно этой силы въ Поволжьѣ; такъ, въ своихъ наказахъ тамошнимъ воеводамъ, оно рекомендуетъ имъ пользоваться удобнымъ волжскимъ путемъ лишь въ томъ случаѣ, когда «тихо будетъ на Волгѣ отъ Крымскихъ и отъ Ногайскихъ людей и отъ казаковъ, отъ воровъ и отъ Черкасъ»[1]). Слѣдовательно и при существованіи твердой правительственной власти казаки на Волгѣ не особенно стѣсняли себя въ своей дѣятельности. Единственно, междуцарствіе, грабежи всякихъ каравановъ, отдѣльныхъ судовъ и людей на Волгѣ стали гораздо чаще; понятно, что подобное состояніе, т. е. отсутствіе твердой правительственной власти на Руси, долженствовало быть выгодно какъ Ногайцамъ, такъ и казакамъ. Еще въ самомъ началѣ смутнаго времени Ногайцы, какъ будто зная, что Московскому правительству въ то время было не до поволжскихъ окраинъ, проникли черезъ засѣку въ Тетюшскій уѣздъ, напали на находившіяся тутъ Мордовскія деревни и такъ ихъ «погромили», что онѣ и черезъ 12 лѣтъ все еще были «пустовыми деревнями»[2]). Поэтому, когда въ Россіи большинствомъ людей, сознавшихъ наконецъ необходимость прочнаго государственнаго наряда, избранъ былъ на Московскій престолъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, то въ Поволжьѣ вслѣдствіе единства выгодъ соединяются между собою Ногайцы съ атаманомъ Заруцкимъ и «собрався. . . . хотятъ итти къ Самарѣ», гдѣ въ то время засѣлъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей по освобожденію Россіи отъ непріятелей князь Димитрій Пожарскій. Узнавши объ этомъ, новое правительство снарядило весною 1614 года двухъ стрѣлецкихъ головъ, отдавши въ распоряженіе каждому по 500 стрѣльцовъ съ наказомъ: одному изъ нихъ на устьѣ рѣки Усы «поставити острожекъ и въ острожкѣ укрѣпиться»,

[1]) А. И. т. I № 230.
[2]) Писцов. кн. № 153, л. 1380.

а другому въ южной части Самарской луки, на переволокѣ, «гдѣ переволочатся съ Волги на Усу рѣку», тоже «поставити острожекъ и въ острожкѣ укрѣпиться»[1]). Имъ обоимъ, кромѣ помощи князю Пожарскому, велѣно «провѣдывати всякими мѣрами про астраханскихъ воровъ (Заруцкаго съ Мариною) и про воровскихъ казаковъ и про ногаи и про всякихъ воровскихъ людей, и если воровъ будетъ не много, то ему (головѣ), прося у Бога милости, на тѣхъ воровскихъ людей, приходити и надъ ними промышляти. . . смотря по тамошнему дѣлу». Сверхъ того имъ поручено было въ здѣшнихъ мѣстахъ «рыбныхъ ловцовъ ото всякихъ воровскихъ людей оберегати, чтобы воровскіе люди, съ низу безвѣстно пришедъ, рыбныхъ ловцовъ не погромили»[2]). Изъ этого можно сдѣлать двоякій выводъ: съ одной стороны, замѣтно, что низовое Поволжье въ данное время было еще далеко отъ спокойствія, хотя прошелъ цѣлый годъ со времени прекращенія междуцарствія, которое доставляло обильную пищу смутѣ; съ другой стороны можно видѣть и то, что, не взирая на сравнительно неспокойное состояніе Поволжья, на рѣкѣ Волгѣ, притомъ въ мѣстахъ очень мало населенныхъ, многіе люди занимаются рыбнымъ промысломъ и установившееся правительство почитаетъ своимъ долгомъ защищать ихъ отъ опасностей. Это было важно для правительства потому еще, что въ низовомъ Поволжьѣ въ рыбномъ промыслѣ были заинтересованы нѣкоторые богатые и вліятельные монастыри, которые «изстари по государевымъ жалованнымъ грамотамъ рыбныя ловля имѣли въ Казани на Волгѣ и ниже Тетюшъ до Самары. . . . ниже Самары и Саратова», и теперь они, вѣроятно, постарались возстановить на пожалованныхъ мѣстахъ свои рыбные промыслы[3]). Высказано даже мнѣніе, что подъ защитою вышеупомянутыхъ

---

[1]) Слѣдовательно одинъ острожекъ построенъ былъ въ началѣ Самарской луки, а другой въ концѣ ея.

[2]) А. И. т. III № 252, 259, 262.

[3]) Арх. М. Юст. 1-ое отд. Казан. уѣзд. грам. №№ 6429, 6448.

острожковъ въ прилегающихъ къ нимъ мѣстахъ Поволжья увеличилось осѣдлое населеніе[1]). Такимъ образомъ слѣдуетъ признать стремленіе новаго Московскаго правительства возстановить на Руси и поддержать всѣми средствами порядокъ, хотя при этомъ нельзя не упомянуть, что средствъ у него, особенно на первыхъ порахъ, было очень немного. Но вслѣдствіе искренняго сознанія необходимости найти эти средства молодое правительство прежде всего старается уяснить себѣ вопросъ о платежныхъ способностяхъ народа; съ этою цѣлью оно вскорѣ разослало въ разныя мѣста служилыхъ людей, чтобъ тѣ ознакомились съ его экономическимъ состояніемъ. Среди другихъ мѣстностей такіе люди посланы были и въ Поволжье—въ Свіяжскій и въ Тетюшскій уѣзды. Существуетъ отрывочное указаніе, что въ 1614 году въ Свіяжскій уѣздъ отправленъ былъ князь Никита Волконскій съ подъячимъ Василіемъ Карповымъ для описи уѣзда; ими составлены были и поданы въ приказъ «приправочныя книги», которыми даже впослѣдствіи Московское правительство руководилось относительно помѣстій служилыхъ людей въ этомъ уѣздѣ[2]). Къ сожалѣнію книги эти, столь важныя для ознакомленія съ экономическимъ состояніемъ Свіяжскаго уѣзда послѣ смутнаго времени, не дошли до насъ. Отъ Тетюшскаго уѣзда сохранилось лишь нѣсколько дозорныхъ книгъ отдѣльныхъ селъ и деревень 1618 и 1619 годовъ. Между тѣмъ нѣкоторые факты изъ жизни Поволжскихъ городовъ двадцатыхъ годовъ XVII вѣка могутъ намъ косвенно указать на тѣ разоренія, которымъ они подверглись въ смутное время. Такъ, Осипу Хлопову поручено было въ 1622 году приверстать въ городѣ Козьмодемьянскѣ сто ямскихъ охотниковъ, а онъ могъ набрать лишь

---

[1]) Город. посел. Рос. Имп. т. IV, 540.

[2]) Арх. Мин. Юст. подлин. писц. кн. за № 6468, кн. 30, л. 1026 Почти всѣ описи, помѣщенныя въ этой книгѣ относятся къ 1646 или 1647 г. г. и почти всѣ описываютъ Поволжскіе уѣзды. Къ несчастію, нѣкоторыя листы сильно истлѣли, а другіе перепутаны такъ, что пользоваться ими слѣдуетъ съ осторожностью, провѣряя копіею Свіяжскаго уѣзда, помѣщ. въ кн. 8.

50 человѣкъ, кои, образовавъ изъ себя общину, «гоняли за сто человѣкъ и государево денежное и хлѣбное жалованье имали за сто человѣкъ»; даже въ 1629 году охотники эти были въ числѣ «охудалыхъ людей ямскихъ охотниковъ» и у нихъ до ста недоставало 28 человѣкъ[1]). Такимъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія прямыхъ указаній относительно экономическаго состоянія Свіяжскаго и Тетюшскаго уѣздовъ въ началѣ XVII столѣтія мы должны довольствоваться признаніемъ лишь общаго положенія, подтверждаемаго нѣкоторыми печатными актами, что оба эти уѣзда въ смутное время были довольно сильно разорены.

Если съ избранія Михаила Ѳедоровича Романова и не закончилось на Руси безпокойное время, ибо въ русскомъ обществѣ еще много оставалось элементовъ, благопріятныхъ смутѣ, то все же слѣдуетъ признать, что юридическая законность смутъ избраніемъ царя была устранена. Плѣномъ же Марины съ ея сыномъ, а, вслѣдъ за этимъ, миромъ съ Швеціею и Польшею устранена была возможность разнымъ хищникамъ прикрываться легальностью, вслѣдствіе чего люди труда и порядка мало по малу достигли спокойствія, въ которомъ они такъ нуждались для своего хозяйственнаго возрожденія. Существуютъ указанія, что около двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія Поволжье въ верховыхъ частяхъ своихъ освободилось отъ безпокойствъ смутнаго времени, вслѣдствіе чего отсюда начинаются передвиженія мирнаго населенія, искавшаго себѣ выгодъ въ промысловыхъ занятіяхъ въ низовомъ Поволжьѣ[2]). Такимъ образомъ, мы опять встрѣ-

[1]) Арх. Мин. Юст. Писцов и переп. кн. № 847 л. 32.

[2]) Въ 1621 году бояринъ и Казанскій воевода Лыковъ писалъ въ Москву, «что многіе рыбные ловцы *верховскихъ городовъ*, которые напередъ сего оброчились въ Казани въ нашихъ (т. е. правительственныхъ) водахъ, нынѣ оброчатся менши прежнево, а льготя себе оброчатся на Самарѣ и на Саратовѣ и на Царицынѣ и у Казанскаго митрополита и у монастырей.» Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. № 6429. (Собраніе грамотъ Спасскаго Преобр. монаст.).

чаемся въ Поволжьѣ съ явленіями, которыя относятся къ колонизаціонной дѣятельности. Естественно было подобнымъ явленіямъ начаться прежде всего въ мѣстахъ, которыя лежатъ близко къ густо населеннымъ частямъ Поволжья. Однимъ изъ такихъ мѣстъ было пустынное пространство на правомъ берегу Волги въ тридцати верстахъ отъ города Чебоксаръ, гдѣ протекаютъ двѣ небольшія рѣчки, впадающія въ Волгу: Верхняя и Нижняя Сундырка. Здѣсь, кромѣ высокаго берега, удобнаго для пахоты и въ то время свободнаго отъ населенія, находилось у Волги мѣсто, гдѣ могла быть устроена удобная пристань; съ противоположной же стороны въ Волгу впадали двѣ довольно значительныя рѣки: Большая и Малая Кокшаги[1]). Около двадцатаго года XVII вѣка на этомъ мѣстѣ находилась лишь «пустынька Сундырская». И вотъ здѣсь начинаютъ селиться крестьяне, образовывается небольшая община, положившая основаніе селу Сундырю, которое царь Михаилъ Өедоровичъ въ 1624 году пожаловалъ въ вотчину Крутицкому митрополиту Сильвестру[2]). На бойкомъ мѣстѣ, подъ защитою сильнаго человѣка, какимъ несомнѣнно въ то время былъ митрополитъ, Сундырская крестьянская община развиваетъ значительную дѣятельность, которую, однако, мы можемъ представить лишь во внѣшнемъ ея проявленіи. Община заселяетъ не только мѣстность, непосредственно примыкающую къ Волгѣ, но отдѣляетъ отъ себя колоніи и постепенно населяетъ даже такія земли, которыя находились въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ села и отъ р. Волги. Заселеніе окружныхъ земель происходитъ въ формѣ обычной на Руси: появляются починки, которые постепенно покрываютъ собою окрестности села Сундыря. При этомъ естественно было заселиться прежде всего мѣстамъ, ближайшимъ къ селу. И, дѣйствительно, первые починки, судя по ихъ большему развитію во время описи, были именно тѣ,

---

[1]) Журналъ мин. Внутр. дѣлъ 1856 г. октябрь, стр. 99—101.

[2]) Памятн. кн. Казан. губ. 1868—69 г. «Замѣчат. селенія по Волгѣ въ предѣл. Казан. губ.» стр. 9.

что лежали о бокъ съ селомъ, за оврагами, въ которыхъ протекали рѣчки Верхняя и Нижняя Сундырки. Починокъ Денисовъ, вѣроятно, былъ первымъ, который отдѣлился отъ села Сундыря, ибо въ немъ при 10 дворахъ крестьянскихъ находилось 7 дворовъ бобыльскихъ, въ то время, какъ въ остальныхъ починкахъ, кромѣ Верхняго Сундыря, гдѣ тоже крестьянскихъ дворовъ было болѣе бобыльскихъ, — число крестьянскихъ дворовъ было или одинаково съ бобыльскими, или же послѣднихъ было больше первыхъ [1]). Состояніе общины въ самомъ селѣ въ сороковыхъ годахъ XVII ст. указываетъ на то, что она значительное количество починковъ могла отдѣлять въ разное время безъ ущерба для себя. Въ селѣ въ это время находились 31 дворъ крестьянъ и 46 дворовъ бобылей; преобладаніе въ селѣ бобылей надъ крестьянами какъ будто указываетъ на продолжающійся приливъ населенія передъ самою переписью. Другіе факты тоже подтверждаютъ, что въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ средѣ Поволжанъ существовало стремленіе къ выселеніямъ, при чемъ переселенія происходятъ, главнымъ образомъ, въ направленіи къ Низу. Такъ, на посадѣ Кузьмодемьянскомъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ оказалось, сравнительно съ 1622 годомъ, «прибылыхъ, живущихъ своими дворами», 19 посадскихъ дворовъ, между которыми попадаются люди съ такими прозвищами, какъ «Нижегородецъ» и «Лысковецъ» [2]). Впрочемъ крестьяне Поволжья выселялись въ это время не въ одни лишь сосѣднія или же близкія мѣста къ переселенцамъ, какъ указанныя нами, но и въ болѣе отдаленныя земли. Конечно, въ мѣста ближайшія

---

[1]) У села Сундыря по описи 1646 года всѣхъ починковъ было 8: поч. Денисовъ—10 дв. крест. и 7 дв. боб.; Верхній Сундырь—4 дв. кр. и 3 двора боб.; поч. Ворошиловъ—5 дв. кр. и 5 дв. боб.; поч. Костентиновъ—2 дв. кр. и 2 дв. боб.; поч. Вракинъ—4 дв. кр. и 6 дв. боб.; поч. Подшиваловъ — 5 дв. кр. и 7 дв. боб.; поч. Моляковъ — 6 дв. кр. и 7 дв. боб. Послѣдній починокъ находился въ разстояніи 2 верстъ отъ села. Арх. М. Юст. переп. кн. 30 № 6468, л. л. 534—552.

[2]) Тамъ же, писцов. кн. № 847 л. 37. Село Лысково на прав. берегу Волги, Нижегород. уѣзда.

перейти было легче и удобнѣе; поэтому подобныя переселенія должны были совершаться охотнѣе и чаще, чѣмъ въ отдаленныя и слабо населенныя страны; но на родинѣ иногда для земледѣльца наступали условія, при которыхъ никакое разстояніе не останавливало его отъ переселенія.

Въ существованіи многихъ тяжелыхъ условій для поселянина Верхняго и Средняго Поволжья въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія мы не можемъ сомнѣваться. Какъ на явленіе довольно общаго свойства въ Московскомъ управленіи и администраціи до эпохи смутъ, можно указать на слабое развитіе чувства законности; это обусловливалось отчасти преобладаніемъ патріархальности въ понятіяхъ, какъ членовъ русскаго общества того времени, такъ и самаго правительства. Время смутъ съ своей стороны способно было лишь еще болѣе ослабить въ людяхъ привычки и чувства законности. Да и то чувство авторитетнаго страха, которое прежде могло внушать служилымъ людямъ прочное Московское правительство, въ настоящее время, вслѣдствіе молодости правительственной власти, должно было быть гораздо слабѣе. Къ этому присоединяется чрезвычайная скудость матеріальныхъ средствъ у новаго правительства и необходимость во что бы то ни стало добыть ихъ для удовлетворенія своихъ крайнихъ нуждъ. И вотъ для сбора денегъ съ большей части разореннаго и еще не вполнѣ оправившагося населенія посылаются люди, которые привыкли ни предъ чѣмъ не останавливаться. Такъ, напримѣръ, въ августовской отпискѣ царю 1618 года съ Бѣлоозера говорится: «а о посадскихъ, государь, людяхъ писали мы, холопи твои, къ тебѣ, государю, напередъ сего, что посадскихъ людей для осаднаго времени было мало, и изъ тѣхъ многіе лучшіе люди съ правежевъ разбѣглись безвѣстно съ женами и съ дѣтьми, покиня домы свои пусты; а правимъ, государь, на нихъ мы, холопи твои, твоихъ государевыхъ денегъ за Новгородскіе за хлѣбные запасы и за кабацкіе дворы и кабацкихъ же недоборныхъ денегъ, по твоимъ государевымъ грамотамъ, 970 рублей 11 алтынъ; да на нихъ же,

государь, на посадскихъ людяхъ правилъ изъ ямскаго приказа недѣльщикъ Микита Стоговъ твоихъ государевыхъ ямскихъ денегъ 683 руб. 11 алт.; да на нихъ же, государь, на посадскихъ людехъ правитъ съ патріарша двора сынъ боярской Григорій Молинъ твоихъ государевыхъ *запросныхъ денегъ* 200 рублевъ. А которые, государь, были посадскіе люди еще остались на Бѣлѣ озерѣ, и изъ тѣхъ многіе нынѣ, какъ пріѣхалъ на Бѣлоозеро съ Москвы дворянинъ Петръ Хомутовъ и атаманы и есаулы и казаки, ноугородскіе челобитчики, для твоихъ государевыхъ хлѣбныхъ денегъ, и они *изъ достальныхъ многіе розбѣжались*. . . и дворяне и дѣти боярскія живутъ по домамъ (т. е. въ деревняхъ въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ) и бѣгаютъ по лѣсомъ, а твоего государева указу не слушаютъ, въ осадъ (въ городъ) сами не ѣдутъ и крестьяномъ своимъ ѣхать не велятъ»; жалуются далѣе на то, что имъ «осады укрѣпить не-кѣмъ»[1]). Впрочемъ, и сами помѣщики, которые въ настоящемъ случаѣ какъ будто защищали своихъ крестьянъ отъ тягостей и неудобствъ осады, подъ часъ обращаются съ ними также жестоко. Это можно видѣть отчасти изъ челобитной, которую подалъ въ 1625 году на имя царя отъ лица крестьянъ староста села Ширинги Ярославскаго уѣзда. Въ этой челобитной крестьяне жалуются на своего помѣщика князя Артемья Шейдякова, который, пріѣхавши осенью въ пожалованное ему помѣстье — село Ширингу, «крестьянишекъ, что приходили къ нему по обычаю съ хлѣбами на поклонъ, билъ, мучилъ и на ледникъ сажалъ»; будучи женатъ, онъ, князь Артемій, бралъ къ себѣ на постелю татарокъ отъ некрещеныхъ татаръ; затѣмъ, взявши съ крестьянъ, «противъ государева указу», сполна денежный оброкъ за годъ, отписей въ этомъ имъ крестьянамъ, какъ полагалось, не далъ. Уѣхавши изъ села въ Ярославль, князь Артемій всѣ оброчныя деньги и платье съ себя проигралъ «веселымъ женкамъ»; послѣ чего опять съѣхалъ на Рождество въ село Ширингу,

[1]) А. А. Э. т. III № 97. Въ родѣ этого же и въ № 116 (1620 г.).

взявши съ собою въ деревню «веселыхъ»; здѣсь онъ сталъ крестьянъ мучить «смертнымъ правежемъ» въ новыхъ оброчныхъ годовыхъ деньгахъ и доправилъ на нихъ сверхъ опредѣленнаго указомъ оброка 50 рублей, да 40 ведеръ вина, да 10 варъ пива, да 10 пудъ меду. Сверхъ того, «у которыхъ крестьянишекъ были нарочитыя лошаденки, тѣхъ лошадей онъ взялъ на себя»; которые крестьяне на князя Артемья били челомъ государю объ его насильствѣ и «немѣрномъ правежѣ», на тѣхъ «онъ похваляется смертнымъ убійствомъ, хочетъ ихъ посѣкать своими руками». Въ заключеніе своей челобитной крестьяне говорятъ: «и мы, сироты твои, не перетерпя его (помѣщика своего) немѣрнаго правежа и великой муки, разбрелись отъ него розно»[1]). Если служилые люди Московскаго государства не стѣснялись такъ поступать съ людьми, которые были такими же христіанами, какъ и они сами, которые владѣли русскимъ языкомъ, могли составить челобитную и подать ее самому царю, то, понятно, что тѣ же служилые люди относительно инородцевъ могли дѣйствовать еще возмутительнѣе. Сохранилось извѣстіе, что въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія много Мордвы, которая въ Нижегородскомъ уѣздѣ занималась земледѣліемъ и бортничествомъ, разбѣжалось отъ притѣсненій и налоговъ въ разныя стороны. Когда же Московское правительство для уясненія причинъ этого бѣгства отправило въ 1630 году въ Нижегородскій уѣздъ Петра Корсакова съ подъячимъ Дружиной Огарковымъ, то слѣдователи, «сыскивая пробѣглую Мордву», дѣлали ей въ свою очередь большія насилія и притѣсненія, отъ которыхъ, понятно, оставшіеся не привязывались сильнѣе къ своей родинѣ[2]). Вслѣдствіе подобныхъ фактовъ, само правительство, посылая въ это время (1627 г.) въ городъ воеводъ, въ уѣздѣ которыхъ было много инородцевъ, въ грамотахъ своихъ внушаетъ

[1]) Ист. Росс. С. Соловьева т. IX сс. 429—431.

[2]) Нижегород. губ. вѣдомости 1848 г. № 21 грам. 117. Русскій Вѣстникъ 1867 г. ч. VI с. 513 «Очерки Мордвы» П. Мельникова.

имъ, чтобъ они, выискивая среди инородцевъ захребетниковъ, свободныхъ отъ ясака, писали въ ясакъ лишь тѣхъ людей, «которые въ двадцать лѣтъ и больше, а меньши 18 лѣтъ .. за посмѣшно бъ и малыхъ ребятъ въ ясакъ писати не велѣли. . . . *чтобъ впредь ясачные люди не розбѣжались*; и дозоромъ дозирать и валовымъ письмомъ писать Цивильскаго уѣзду Черемисскихъ волостей никого бъ не посылали и сами не ѣздили, *чтобъ тѣмъ Черемисы не ожесточить и не розогнать*»[1])

Результатомъ подобныхъ условій должно было явиться сильное передвиженіе населенія, особенно въ такихъ уѣздахъ, которые лежатъ въ предѣлахъ Волжскаго пути. При этомъ естественно, что тѣ землевладѣльцы, которыхъ вотчины пострадали отъ смутъ во время междуцарствія, должны были теперь стараться всѣми средствами улучшить состояніе своихъ земель, большей частью разоренныхъ и лишенныхъ значительной части своего населенія; поэтому они, вѣроятно, и не пропускали случая привлечь въ свои деревни и села новыхъ поселенцевъ. Понятно, что у вліятельныхъ и крупныхъ землевладѣльцовъ, каковыми въ то время несомнѣнно были монастыри, было больше средства привлекать населеніе на свои земли. Самимъ крестьянамъ должно было быть выгоднѣе селиться на земляхъ, напримѣръ, такого монастыря, какъ Троицко-Сергіевъ, который, будучи богатъ, могъ и средствами помочь крестьянину, и льготу дать ему большую, и, наконецъ, своимъ вліяніемъ могъ его защитить на случай какихъ-нибудь претензій къ нему со стороны прежняго землевладѣльца по истеченіи 10 или 15 лѣтняго срока. Вслѣдствіе этого выселявшіеся должны были предпочтительно селиться въ Поволжье на монастырскихъ земляхъ. Посадскіе люди въ городахъ, образовывавшіе общину, которая обязана была нести довольно значительныя тягости, также заинтересованы были въ увеличеніи своего числа, ибо въ такомъ случаѣ общую сумму повинностей и тягостей они

[1]) Доп. А. И. т. II № 79.

могли разложить на бо́льшее количество лицъ, вслѣдствіе чего имъ было легче нести тягости. Подобное стремленіе къ увеличенію своихъ членовъ должно было у посадскихъ людей усилиться послѣ эпохи смутъ, потому что въ это время большая часть городовъ на Руси, особенно въ Поволжьѣ, сильно пострадала въ своей зажиточности и въ количествѣ своихъ гражданъ. Рѣдкій городъ въ Поволжьѣ не выдерживалъ осадъ отъ воровскихъ шаекъ или не откупался отъ ихъ предводителей; иные города даже были разорены во время междуцарствія и теперь должны были вновь отстраиваться. Кромѣ того, въ Поволжскихъ городахъ, какъ въ военныхъ центрахъ, обыкновенно жили стрѣльцы, число которыхъ въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Свіяжскѣ, было довольно значительное; составъ же стрѣльцовъ часто пополнялся новыми людьми изъ посадскихъ или изъ свободныхъ, гулящихъ людей. Наконецъ, самъ государь, какъ землевладѣлецъ очень крупный, обладалъ множествомъ земель въ видѣ дворцовыхъ вотчинъ, въ заселеніи и доходности которыхъ онъ всегда, а теперь особенно, былъ заинтересованъ.

Слѣдуетъ предполагать, что человѣку, который рѣшился навсегда разстаться съ родиной, жилось въ ней не особенно хорошо. Поэтому, покидая насиженное мѣсто, онъ не могъ уносить съ собою большаго имущества; особенно это слѣдуетъ сказать относительно того случая, когда переселенецъ имѣлъ въ виду мѣста, далекія отъ своей родины. Очень рѣдко переселенецъ обладалъ достаточными средствами, чтобъ онъ могъ на мѣстѣ, гдѣ рѣшилъ поселиться, сейчасъ же заняться постройкою для себя избы. Вслѣдствіе этого поселиться на время у кого-нибудь изъ мѣстныхъ людей, перебиться кое-какъ нѣкоторое время, помогая своею работою человѣку, который его принялъ въ свою избу, было часто для переселенца на новомъ мѣстѣ необходимостью. Впослѣдствіи, обзаведшись своею избою и нѣкоторымъ хозяйствомъ, переселенецъ, по естественному разсчету, долженъ былъ брать на себя сначала небольшой оброкъ, поджидая, когда у него подростутъ дѣти и увеличатся

его хозяйственныя средства. Поэтому переселенецъ чаще всего долженъ былъ являться на новомъ мѣстѣ захребетникомъ, подсосѣдникомъ или сосѣдомъ у мѣстнаго крестьянина или у бобыля; иногда, впрочемъ очень рѣдко, даже у сосѣда встрѣчается подсосѣдникъ или захребетникъ. И вотъ впослѣдствіи сосѣдъ или захребетникъ становится бобылемъ и затѣмъ уже дѣлается крестьяниномъ. Но при поддержкѣ на новомъ мѣстѣ со стороны общины, членомъ которой становился переселенецъ, или же при помощи землевладѣльца, на землѣ котораго селился, онъ могъ съ разу, смотря по семьѣ, — если были взрослые,—и по поддержкѣ, стать бобылемъ или же крестьяниномъ [1]).

Слѣдуетъ предположить, что энергическаго человѣка, которому на родинѣ плохо жилось, въ Поволжьѣ прежде всего могъ привлечь къ себѣ городъ, который на этомъ бойкомъ пути въ томъ или иномъ мѣстѣ былъ торговымъ и административнымъ центромъ, гдѣ, слѣдовательно, онъ могъ надѣяться, что его энергія и сиѣтка найдутъ себѣ скорое примѣненіе и хорошую оцѣнку. И въ самомъ дѣлѣ, уже въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія, какъ мы видѣли, въ Козьмодемьянскѣ между посадскими встрѣчаемся съ 19-ю «прибылыми»; кромѣ посадскихъ, въ городѣ на посадѣ жило 13-ть дворовъ «прибылыхъ бобылей» и шестеро захребетниковъ «приходцевъ» [2]). Это было въ концѣ двадцатыхъ годовъ; впослѣдствіи контингентъ подобныхъ людей въ городахъ Поволжскихъ долженъ былъ увеличиться. Дѣйствительно, по описи 1646 года, въ городѣ Чебоксарахъ на посадѣ, кромѣ 23 человѣкъ, «у которыхъ своихъ дворовъ нѣтъ, живутъ въ сосѣдехъ», встрѣчаемъ 38 человѣкъ «дворовыхъ захребетниковъ» и 11 человѣкъ «бобылей и захребетниковъ безъ дворовъ» [3]). Въ городѣ же Свіяжскѣ можно найти въ описываемое

---

[1]) Арх. Мин. Юст. писцов. кн. № 6468 л. 1033.
[2]) Тамъ же писцов. кн. № 847 лл. 37 и 90.
[3]) Казань. переписн. кн. 30 № 6468 лл. 482—494.

время слѣды еще большаго числа пришлаго люда, живущаго на посадѣ и занятаго тутъ различными дѣлами. Такъ, кромѣ обычныхъ сосѣдей, подсосѣдниковъ и захребетниковъ, живущихъ у посадскихъ людей, мы находимъ, что «у посадскихъ людей живутъ въ сосѣдствѣ посадскіе жъ люди»; далѣе встрѣчаемъ, что «посадскіе бобыли живутъ въ сосѣдствѣ у посадскихъ же людей... да посадскіе жъ люди и бобыли живутъ на дворничествѣ и въ сосѣдехъ у всякихъ чиновъ людей». На посадѣ встрѣчаемся съ такими прозвищами: «Москвитинъ суконной сотни», а другой «Москвитинъ торговый человѣкъ». Затѣмъ, на дворничествѣ живетъ «земскій захребетникъ», а у Свіяжскаго стрѣльца въ сосѣдяхъ «земскій бобыль»[1]). Съ признаками люда пришлаго изъ верхнихъ частей Поволжья встрѣчаемся въ Свіяжскѣ между стрѣльцами, среди которыхъ изрѣдка попадаются такія прозвища, какъ «Костромитинъ» или же «Нижегородецъ»[2]).

Если теперь отъ города Свіяжска обратимся къ селамъ и деревнямъ Троицкаго монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ и сравнимъ ихъ состояніе въ 1646 году съ тѣмъ, въ какомъ они находились въ концѣ XVI столѣтія, то мы найдемъ въ нихъ значительную перемѣну относительно числа дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ. Но, разумѣется, какъ прежде, такъ и теперь, не всѣ монастырскія поселенія двигаются впередъ съ одинаковымъ успѣхомъ. И прежде мы видѣли, что поселки, основанные на плохой землѣ и при другихъ малоблагопріятныхъ условіяхъ, развивались очень медленно сравнительно съ тѣми, условія которыхъ предоставляли поселенцамъ больше выгодъ. Въ настоящее время замѣчается тоже, только съ тѣмъ различіемъ, что теперь, при болѣе значитель-

---

[1]) Тамъ же, лл. 638, 644, 652, 655, 673.

[2]) Стрѣльцы въ Свіяжскѣ дѣлились на «пахотныхъ стрѣльцовъ», которыхъ было 34 двора, затѣмъ, просто «стрѣльцы»—послѣднихъ находилось въ городѣ 96 дворовъ; въ ихъ средѣ встрѣчается около 10 дворовъ вдовъ стрѣлецкихъ, у которыхъ въ сосѣдяхъ живутъ часто стрѣльцы. Тамъ же лл. 673—680.

номъ промежуткѣ времени, особенности эти выступаютъ нѣсколько рѣзче.

Въ концѣ XVI столѣтія среди поселеній Троицкаго Свіяжскаго монастыря находились три сельца. Этимъ сельцамъ естественно было за такой значительный промежутокъ времени стать селами, не смотря на разореніе смутной эпохи. Дѣйствительно, такое превращеніе совершилось съ двумя сельцами: съ Услономъ и съ Кильдеевымъ, а Городище и черезъ 50 лѣтъ осталось сельцомъ. Но рядомъ съ развитіемъ старыхъ центровъ въ монастырскихъ поселеніяхъ за это время успѣли образоваться и выступили новыя средоточія дѣятельности. Одинъ изъ такихъ новыхъ центровъ составился изъ двухъ незначительныхъ поселковъ сельца Услона, которые находились въ очень близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго: изъ починковъ Варсонофьева и Куровскаго Починокъ Варсонофьевъ сперва расположенъ былъ нѣсколько выше, и его жители на старомъ мѣстѣ терпѣли недостатокъ въ водѣ; кромѣ того, спускъ къ р. Волгѣ тамъ былъ неудобенъ; вслѣдствіе этого населеніе въ 1637 году переселилось оттуда на небольшую и неровную площадку при скатѣ горы, гдѣ построило церковь Успенія и, соединившись съ жителями Куровскаго починка, образовало вмѣстѣ съ нимъ село, которое стало именоваться Нижнимъ Услономъ, въ отличіе отъ прежняго Услона, называющагося съ тѣхъ поръ Большимъ или же Верхнимъ Услономъ[1]). И вотъ новый центръ обнаруживаетъ свою самостоятельную дѣятельность заселеніемъ ближнихъ мѣстъ: въ 1646 году къ Нижнему Услону тянутъ два новыхъ поселенія: деревня Студенецъ и починокъ Воробьевъ, появившіеся по сосѣдству и, вѣроятно, не безъ содѣйствія крестьянской общины села Нижняго Услона; въ деревнѣ Студенцѣ въ это время и бобыли еще были общіе съ селомъ[2]). Другой изъ

---

[1]) Писцов. кн. за № 1127 л. 990. Памятн. кн. Казан. губ. 1866 — 1867 гг. «Замѣч. селен. по Волгѣ въ пред. Каз. губ.» стр. 42.

[2]) Въ селѣ Нижнемъ Услонѣ въ 1646 г. находились: «дворъ мона-

новыхъ центровъ образовался между монастырскими поселеніями, находившимися на р. Бирлѣ, притокѣ рѣки Свіяги съ правой стороны. Такимъ центромъ стала здѣсь деревня Селменцова, упоминаемая впервые въ описи 1594 года, слѣдовательно, какъ и Нижній Услонъ, принадлежавшая не къ самымъ старымъ монастырскимъ поселеніямъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ. Такимъ образомъ, община деревни Селменцовой своею дѣятельностью успѣла при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ возвыситься надъ общинами иныхъ, болѣе старыхъ поселковъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, и ихъ деревня, переименованная въ село Новое, стала центромъ, къ которому тянутъ другія монастырскія поселенія на р. Бирлѣ. Состояніе Новаго села въ 1646 году, быть можетъ, условливавшееся отчасти уже его новымъ положеніемъ среди монастырскихъ поселеній, указываетъ намъ на его значительное преимущество въ это время. Между тѣмъ какъ въ остальныхъ деревняхъ, расположенныхъ въ этой мѣстности и тянувшихъ къ Новому селу, количество крестьянъ ни въ одной не достигаетъ 30 дворовъ [1]), — въ Новомъ селѣ, при церкви съ дворомъ священника и монастырскимъ дворомъ, находится 69 дворовъ крестьянскихъ и 28 дворовъ бобыльскихъ; кромѣ того, въ немъ живетъ 6 человѣкъ захребетниковъ, о которыхъ говорится, что они «живутъ переходя по крестьяномъ, а своихъ дворовъ у нихъ нѣтъ». Кромѣ старыхъ поселковъ, тянувшихъ къ Новому селу, мы встрѣчаемся здѣсь съ Новою деревнею и Новымъ починстырскій, а въ немъ живетъ дворникъ и церковный дьячекъ; дворъ поповъ, дворъ пономар., 105 дв. крестьянскихъ, да у нихъ дѣтей и братьи и племянниковъ 235 чел. Да въ селѣ жъ на Нижнемъ Услонѣ и на Студенцѣ бобылей 24 дв., да у нихъ дѣтей и братьи 27 чел. да 1 чел. захребетникъ. Да къ тому жъ сельцу дер. Студенецъ, а въ ней крестьянскіе дворы 18, да у нихъ дѣтей и проч. 47 челов. да 1 чел. захребетникъ. Поч. Воробьевъ, въ немъ кр. дв. 10». Писцов. кн. № 6468 л. 789—810.

[1]) Деревня Агишево—Улянкова,—23 дв. кр. и 3 дв. боб. Дер. Корноухова, 29 дв. кр. и 2 дв. боб. Въ остальныхъ еще меньше. Тамъ же лл. 737—758.

комъ[1]), которые, быть можетъ, явились результатомъ дѣятельности общины этого новаго центра, поддерживаемаго монастыремъ.

Обращаясь теперь къ обзору прежнихъ центровъ Троицкаго Свіяжскаго монастыря, изъ которыхъ двое стали селами, мы и у нихъ встрѣчаемся, вмѣстѣ съ приращеніемъ населенія, съ явленіями колонизаціонной дѣятельности; при этомъ энергія, обнаруженная селомъ Килдеевомъ, нѣсколько выдѣляетъ его сравнительно съ селомъ Большимъ Услономъ. Въ каждомъ селѣ, кромѣ дворовъ причта при церкви, въ настоящее время встрѣчаемъ по монастырскому двору и по прикащичьему[2]). Но къ селу Килдееву, кромѣ деревни Ѳедяевой, которая примыкала къ нему въ концѣ XVI ст., тянутъ теперь еще три новые починка, между тѣмъ какъ къ селу Большому Услону, кромѣ прежняго поселенія Печищи, ставшаго, правда, значительною деревнею, въ настоящее время примыкаетъ лишь починокъ Долгушевъ[3]). Наконецъ, и въ сельцѣ Городищѣ мы должны

[1]) Дер. Одинокая Береза—19 дв. крест., у котор. дѣт., брат. и племян. 53 чел. и 11 дв. боб., у коихъ и дѣтей и проч. 7 чел. да 2 чел. захреб., о которыхъ сказано: «живутъ въ той же деревнѣ по крестьянскимъ дворамъ переходя». Починокъ Рыкова Поляна, а въ ней крестьянскіе дворы — 11, у нихъ братьи, дѣтей и племянниковъ 19 чел. Тамъ же л. л. 763—767.

[2]) Въ сельцѣ Килдеевѣ въ концѣ XVI ст. не было еще двора прикащика.

[3]) Село Килдеево, «а въ немъ церковь, дворъ монастырской, а въ немъ дворникъ Агейко Ивановъ съ племянники, дворъ прикащиковъ, а въ немъ дворникъ Гришка Кузьминъ, дворъ попа, а въ немъ живетъ земской дьячекъ; крестьянскіе дворы 61, у нихъ дѣтей и братій 144 человѣка; того жъ села бобыли 7 дв., у нихъ дѣтей 7 чел., да въ томъ же селѣ захребетники живутъ по тѣмъ же крестьянскимъ дворомъ 7 человѣкъ, у нихъ дѣтей 2 человѣка. Починокъ Никоновъ — 23 двора крест., у нихъ дѣтей и братьи 62 чел., да 5 человѣкъ захребетн. Починокъ Кузьминъ — 7 двор. кр.; у нихъ дѣтей и братьи 17 челов. Поч. Патрикѣевъ—7 двор. крестьян., у которыхъ дѣтей и братьи 17 человѣкъ. Село Большой Услонъ—въ немъ церковь, дв. монастырской, а въ немъ живетъ прикащикъ Ларіонъ Дубанинъ; дворъ Троицкаго монастыря слуги. Да на церковной землѣ дворъ просвирни, дв. Черные старицы, дв. вдовы, дв. попа. Крестьянскіе дворы—87, у нихъ дѣтей и братьи 228 человѣкъ; да сосѣдъ и захребетниковъ 10 чел., у которыхъ дѣтей 2 чел.; бобыльскихъ дворовъ 71, у нихъ дѣтей и братьи

признать нѣкоторый успѣхъ въ развитіи, если сравнимъ его состояніе въ 1646 году съ тѣмъ, въ которомъ онъ былъ въ концѣ XVI столѣтія: въ немъ при прежнемъ монастырскомъ дворѣ, гдѣ живетъ дворникъ, мы находимъ уже не одинъ, какъ это было прежде, а пять дворовъ крестьянскихъ и три двора бобыльскихъ; кромѣ того въ немъ живетъ три захребетника, о которыхъ сказано: «живутъ въ томъ же сельцѣ по тѣмъ же крестьянскимъ дворомъ». Къ сельцу Городищу въ это время примыкаетъ лишь деревня Куземкина, состояніе которой не показываетъ успѣшности ея роста за этотъ промежутокъ времени: въ ней 7 дворовъ крестьянскихъ и 1 дв. бобыльскій [1]). Но слишкомъ медленный ростъ сельца Городища и деревни Куземкиной не могутъ насъ удивлять, ибо намъ извѣстны условія, съ которыми надлежало бороться мѣстному населенію при его земледѣльческомъ занятіи: высушить довольно обширное болото, отчасти покрытое и окруженное лѣсомъ,—для этого у тогдашняго крестьянина было слишкомъ мало знаній и матеріальныхъ средствъ; монастырь же, вѣроятно, находилъ мало выгодъ для себя затрачивать свои средства здѣсь въ виду незначительной прибыли, въ то время, какъ онъ могъ въ этой же странѣ, но только въ иныхъ мѣстахъ, употребить ихъ съ огромнымъ для себя барышомъ. Интересны для насъ самые вопросы: когда появляются новые поселки въ Свіяжскомъ уѣздѣ, съ которыми мы встрѣчаемся въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія, и въ какихъ мѣстахъ они первоначально основывались? Къ сожалѣнію, отвѣчать опредѣленно на первый вопросъ мы не въ состояніи, вслѣдствіе отсутствія прямыхъ указаній, и должны пока довольствоваться указаніемъ

---

125 челов. Деревня Печищи—крест. дв. 52, у нихъ дѣтей и братьи 105 чел., да боб. 9 дв., у нихъ дѣтей и братьи 17 чел. Починокъ Долгушевъ—крест. дв. 13, у нихъ дѣтей и братьи 39 чел.» Писцов. кн. № 6468 лл. 768 — 790; 816—832. (И въ этомъ, и въ другихъ случаяхъ необходимо сличеніе подлинной Писцовой книги за № 6468 съ копіею за № 848, ибо въ подлинной листы нерѣдко перепутаны).

[1]) Тамъ же л. 734—736.

лишь того промежутка времени, въ которомъ новыя поселенія могли возникнуть. Намъ извѣстно, что въ 1619 году Московскимъ правительствомъ разослана была по городамъ окружная грамота, въ которой сказано: «мы приговорили во всѣ городы, которые не были въ разореньѣ, послать писцовъ; а которые городы были отъ Московскихъ людей или отъ Черкасъ въ разореньѣ и въ тѣ городы послать дозорщиковъ добрыхъ», чтобъ сдѣланы были описи «въ правду»[1]). Эта общая перепись производилась до 1625 года. Но, такъ какъ бо̀льшая часть книгъ, составленныхъ въ это время, сгорѣла въ Москвѣ въ большой пожаръ 1625 г., то правительство распорядилось вновь переписать тѣ земли, книги которыхъ сгорѣли; эта перепись продолжалась до 1630 года, и составленныя книги отосланы были въ приказъ. По этимъ книгамъ и стали собираться доходы съ дворовъ; онѣ дѣйствовали до 1646 и 1647 годовъ, когда составлены были новыя описи и книги[2]). Такъ какъ въ 1646 г. всѣ вышеупомянутые починки и деревни уже встрѣчаются въ описяхъ, то мы на основаніи выраженія описи 1652 г. объ нихъ: «а въ жалованной грамотѣ (монастырю) и въ старыхъ въ писцовыхъ и въ дозорныхъ книгахъ тѣхъ деревень и починковъ затѣмъ монастыремъ не написано»[3]), можемъ предположить, что вышеупомянутые деревни и починки возникли приблизительно между двадцатыми и сороковыми годами. Относительно втораго вопроса мы въ состояніи дать болѣе обстоятельный отвѣтъ: изъ четырехъ деревень и четырехъ починковъ, появившихся вновь у Троицкаго монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ, 4 поселка основаны были «на ключѣ», остальные на рѣчкахъ и рѣкахъ. Кромѣ того объ нихъ о всѣхъ сказано: «*а поставлены тѣ деревни и починки* послѣ

---

[1]) А. А. Э. т. III, № 105.

[2]) «О земельныхъ владѣніяхъ всерос. митроп., патріарх. и Св. Синода» М. Горчакова.

[3]) Арх. Мин. Юст. Писцов. кн. № 1127 л. 992.

прежнихъ писцовъ и дозорщиковъ *на монастырскомъ на дикомъ лѣсу»*[1]).

Не у одного лишь Троицкаго монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ шло успѣшно дѣло колонизаціи, — Богородицкій монастырь нисколько не уступалъ ему въ этомъ отношеніи. Мы уже видѣли, что Богородицкій монастырь въ грамотѣ, поданной молодому царю, свидѣтельствуетъ о разореніи въ смутное время ворами не одного только его хозяйственнаго средоточія, но и всѣхъ деревень, тянувшихъ къ нему: «и сельцо Исаково и деревни выжгли и крестьянъ побили»; послѣднее выраженіе вмѣстѣ съ другимъ — «а иные (крестьяне) разбрелися» — можетъ вообще указывать намъ на плохое состояніе въ то время монастырскихъ вотчинъ; а такъ какъ въ той же грамотѣ говорится объ осадѣ и разореніи ворами города Свіяжска, то можно предположить, что и состояніе подгородныхъ монастырскихъ слободъ было не лучше. Обращаясь къ сельцу Исакову въ сороковыхъ годахъ XVII ст., мы застаемъ его селомъ, гдѣ, кромѣ прежняго монастырскаго двора, въ которомъ живутъ дворникъ и монастырскіе работники, находится 67 дворовъ крестьянскихъ и 29 дворовъ бобыльскихъ[2]); при церкви, которая была и прежде, 3 двора, изъ которыхъ въ каждомъ живетъ особый священникъ; сверхъ того, особые дворы для дьячка и для пономаря[3]). Но не только село Исаково находилось въ это время въ такомъ состояніи, — тянувшія къ нему деревни по своей людности производятъ бо́льшею частью тоже впечатлѣніе. Естественно было и монастырскимъ слободамъ подъ Свіяжскомъ за это время не только оправиться, но

---

[1]) Въ 4-хъ деревняхъ и 4 починкахъ Троицкаго монастыря находилось въ 1652 году 126 дв. крест., да 16 дв. боб., да у нихъ дѣтей и братьи и захребетниковъ 380 чел., пашни пах. добр. земли 528 чет. въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 900 коп. Тамъ же л. 995.

[2]) Въ 1567 году въ сельцѣ Исаковѣ совсѣмъ не означено крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ.

[3]) Въ 1567 году при церкви не означено ни одного двора, принадлежавшаго причту.

и увеличиться числомъ: между ними мы встрѣчаемъ теперь одну новую, состояніе которой по числу населенія немного уступаетъ старой слободѣ[1]). Нѣсколько селъ, которыя прежде были деревнями, а также нѣсколько новыхъ «деревень—починковъ», встрѣчающихся намъ въ описи сороковыхъ годовъ Свіяжскаго уѣзда, достаточно свидѣтельствуютъ о колонизаціонной дѣятельности здѣсь, какъ отдѣльныхъ крестьянскихъ общинъ, такъ и самого Богородицкаго монастыря, умѣвшаго своимъ вліяніемъ и средствами возбуждать и поддерживать энергію и духъ предпріимчивости въ общинахъ, уже жившихъ на монастырскихъ земляхъ или же вновь появившихся. Но, кромѣ того, и у Богородицкаго монастыря, какъ это мы видѣли у Троицкаго, встрѣчаемся съ новымъ селомъ, тремя деревнями и тремя деревнями-починками[2]), о которыхъ говорится: «за Богородицкимъ монастыремъ села и деревни и починки, а въ жалованныхъ грамотахъ и въ выписяхъ и въ писцовыхъ и въ дозорныхъ книгахъ тѣхъ селъ и деревень и починковъ за тѣмъ монастыремъ не написано, потому что тѣ села и деревни и починки поставлены вновь послѣ прежнихъ писцовыхъ и дозорныхъ на монастырскомъ на вотчинниковомъ на дикомъ поверстномъ лѣсу»[3]).

---

[1]) Для примѣра: деревня Юртово (оп. 1567 г.) на р. Сухой, 3 дв. крест., пашни добр. земли 6 чети да перелогу 17 чети въ каждомъ полѣ: сѣна по р. Свіягѣ 50 коп., лѣсу паш. 30 десят. да непаш. 45 десят. Слободка на Бусурманскомъ врагѣ противъ Бусурманской слободы, а въ ней живутъ крестьяне безпашенные 15 дворовъ. Въ 1646 г. дер. Старые Юрты, а въ ней 24 дв. крестьянъ, у нихъ дѣтей, братьи и племянниковъ 71 человѣкъ; 5 дв. боб., у которыхъ дѣтей и братьи 10 чел. да 1 челов. сосѣдъ. Подъ городомъ за р. Свіягою Шевлягина слобода, стоитъ на Бусурманскомъ врагѣ, противъ Бусурманской слободы; 46 дв. боб., у которыхъ дѣтей и братьи и племянниковъ 74 чел. Подъ городомъ Свіяжскомъ, на Коровей гривѣ (новая) слобода—35 дв. боб., у которыхъ дѣтей и братьи 54 человѣка. Арх. Мин. Юст. Писцов. кн. № 848 л. л. 238—240, № 6468 л. л. 834—875.

[2]) О нѣкоторыхъ изъ нихъ въ описи сказано также, что они расположены «на ключѣ».

[3]) Въ селѣ, 3-хъ деревняхъ и 3-хъ деревняхъ-починкахъ Богородицкаго монастыря находилось въ 1652 году крестьянъ 121 дворъ, да 15 двор.

Ознакомившись съ колонизаціонною дѣятельностью монастырей въ Свіяжскомъ уѣздѣ, намъ теперь слѣдуетъ обратиться къ обзору правительственной дѣятельности здѣсь относительно населенныхъ земель, которыми правительство распоряжалось въ своихъ интересахъ. Земли эти, какъ уже сказано, розданы были Московскимъ правительствомъ въ помѣстья служилымъ людямъ, обязаннымъ нести за нихъ службу по Свіяжску. Выше замѣчено было также, что правительство, отдавая въ помѣстья земли, не имѣло въ то время наклонности сильно дробить ихъ между служилыми людьми; напротивъ, въ 1567 году можно замѣтить нѣкоторое стремленіе соединять въ однѣхъ рукахъ помѣстье, которое до этого было за нѣсколькими лицами[1]). Даже болѣе населенныя и обширныя села, какъ Маркваши и Бурнашево Красное, имѣли очень ограниченное число помѣщиковъ. Совершенно иными представляются намъ помѣстья служилыхъ людей въ 1646 году: въ это время въ деревняхъ средне-населенныхъ можно довольно часто встрѣтить трехъ или четырехъ помѣщиковъ. Въ помѣстьяхъ же болѣе населенныхъ, каковыми въ это время были село Бурнашево Красное или Жилецкая слобода, число помѣщиковъ было очень порядочное[2]). Принципа—дробить помѣстья на небольшіе же-

---

боб., у которыхъ дѣтей и братьи и племянниковъ и сосѣдъ и захребетниковъ 289 человѣкъ, пашни пах. добрыя земли 782 чети въ каждомъ изъ трехъ полей, сѣна 940 коп. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. № 1127 лл. 978—979.

[1]) Такъ, напримѣръ, поступлено было съ Жилецкою слободою и съ селомъ Теньки, которыя до 1567 года были за нѣсколькими помѣщиками, а въ этомъ году каждое отдано было отдѣльному лицу. Писц. кн. № 848 лл. 137, 159.

[2]) Село Бурнашево, въ которомъ въ XVI ст. было 48 дв. крестьянъ, числилось въ помѣстьѣ за двумя помѣщиками. Въ XVII столѣтіи (1646 г.) въ немъ было 35 дв. крест. и 5 дв. боб., испомѣщено было въ немъ около 17 помѣщиковъ», при чемъ попадаются помѣщики совсѣмъ безъ крестьянъ, или же съ однимъ или 2-мя крестьянскими дворами. Въ Жилецкой слободѣ въ XVI ст. было 19 дв. крест., и она въ 1567 году отдана была въ помѣстье дьяку Безсонову; въ 1646 г. она была населена бобылями—33 дв. и находилась въ помѣстьѣ за 8 помѣщиками; за однимъ помѣщикомъ встрѣчается 1 дв. Писцов. кн. № 848 лл. 159—160, 184—185, № 6468 лл. 1060—1064, 1082 и слѣд.

ребья и раздавать ихъ уѣзднымъ служилымъ людямъ правительство XVII столѣтія держалось не только относительно русскихъ служилыхъ людей, но и относительно служилыхъ инородцевъ; такъ, напримѣръ, въ селѣ Архангельскомъ, «что бывало Татарское Бурнашево», было испомѣщено 15 чел. служилыхъ татаръ [1]); при чемъ здѣсь встрѣчаются тѣ же явленія, которыя мы видимъ въ русскихъ селахъ и деревняхъ, т. е. попадаются помѣщики съ однимъ или двумя дворами крестьянскими, и бобыльскіе дворы преобладаютъ надъ крестьянскими. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ указать еще на одно явленіе, нерѣдко повторяющееся въ помѣстьяхъ служилыхъ людей этого времени—на встрѣчающіеся у нихъ пустые крестьянскіе дворы, владѣтели которыхъ отмѣчены въ бѣгахъ; это, при небольшомъ большею частію количествѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи помѣщиковъ, невольно бросается въ глаза. Хотя, необходимо упомянуть, пустые дворы попадаются въ это время также и въ монастырскихъ вотчинахъ, но рѣже, чѣмъ въ помѣстьяхъ служилыхъ людей. Подобный фактъ отчасти можетъ указывать на тяжелое положеніе крестьянина у мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей, которое въ это время должно было увеличиться вслѣдствіе стѣсненій крестьянъ наканунѣ отмѣны срочныхъ годовъ и окончательнаго ихъ закрѣпощенія Уложеніемъ.

Но если въ такой большой промежутокъ времени и на земляхъ служилыхъ людей можно замѣтить нѣкоторое, иногда даже значительное, приращеніе населенія [2]), если и въ ихъ рукахъ нѣкоторыя деревни, увеличившись, стали селами, если

---

[1]) Тамъ же л. 1070.

[2]) Напримѣръ: деревня Бѣлая Волошка, бывшая въ 1567 году въ помѣстьѣ за однимъ помѣщикомъ, имѣла 15 дв. крестьянъ; въ 1646 году она уже село съ церковью, при которой дворъ попа, 41 дв. кр., у которыхъ дѣтей, братьи и племянниковъ 100 чел., да 16 дв. боб., у коихъ дѣтей и братьи и плем. 22 чел. Въ селѣ испомѣщены 5 человѣкъ помѣщиковъ. Тамъже лл. 1014—1021.

починки возникали и на ихъ земляхъ [1]),—то все же необходимо признать, что дѣятельность служилыхъ людей въ Свіяжскомъ уѣздѣ относительно колонизаціи края далеко отстаетъ отъ дѣятельности здѣсь монастырей. Обусловливается это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что у служилыхъ людей большей частью во владѣніи были помѣстья, а у монастырей вотчины, слѣдовательно мотивы къ проявленію энергіи у тѣхъ и у другихъ были различны; кромѣ того, не безъ серіознаго вліянія должно было быть и то, что крестьянская община на земляхъ служилыхъ людей уже и теперь, по всей вѣроятности, какъ впослѣдствіи при Котошихинѣ, не могла пользоваться тою долею свободы, которая ей была доступна въ монастырскихъ вотчинахъ; поэтому она не могла на земляхъ первыхъ выказать ту энергію и развить такую самодѣятельность, какъ на монастырскихъ земляхъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія (1652 — 1653 гг.) произведена была новая опись Свіяжскому уѣзду, и копія съ этой писцовой книги сохранилась; поэтому мы можемъ видѣть тѣ измѣненія, которыя произошли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ за этотъ небольшой промежутокъ времени въ селахъ и въ деревняхъ Свіяжскаго уѣзда. Но прежде, чѣмъ приступить къ обозрѣнію фактовъ народно-хозяйственной жизни, содержащихся въ этомъ документѣ, мы должны указать на одну особенность, встрѣченную нами въ немъ, которая отличаетъ его отъ другихъ подобнаго рода актовъ. Эта особенность состоитъ въ томъ, что большинство монастырскихъ населенныхъ земель Свіяжскаго уѣзда—слободы, села и деревни — разсматриваются въ этой писцовой книгѣ двояко: сперва описываются населенія, пахота и угодья на первоначальной или, такъ сказать, основной землѣ, а затѣмъ говорится: «да въ томъ же селѣ (или деревнѣ) сверхъ дачъ

[1]) Такъ, напримѣръ, починокъ *Сунчалѣевъ*, а въ немъ дворъ помѣщика служилаго татарина Кибяка Мурзы *Сунчалѣева*. Тамъ же лл. 1124 — 1127.

примѣрено лишніе земли», при чемъ на примѣрной землѣ указывается количество крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, сѣна и прочаго, и наконецъ дѣлается итогъ всему описанному, начинающійся обыкновенно словами: «обоего» — столько-то. Сопоставивши величину первоначальной или основной пахотной земли въ селахъ и деревняхъ Троицкаго Свіяжскаго монастыря съ пахотою, которая находилась въ этихъ вотчинахъ въ концѣ XVI столѣтія, мы замѣтили въ общемъ ихъ приблизительное совпаденіе[1]). Вслѣдствіе этого можно предположить, что здѣсь

[1]) Для примѣра: Сельцо Услонъ по описи 1594 г. въ немъ 29 дв. кр. и 20 дв. боб., пашни 76 чети съ осьмухою въ каждомъ полѣ; сѣна 3000 коп. Село Большое Услонъ (1652 г.), а въ селѣ церковь, да въ селѣ дворъ поповъ и проч., пашни пах. церков. добрые земли 20 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 30 коп., да 25 дв. кр. да 5 дв. боб., а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ дѣтей и братьи и захребетниковъ 71 челов., пашни пах. добрые земли 76 чети въ кажд. полѣ; сѣна 1500 копенъ. Да въ томъ же селѣ примѣрено сверхъ дачъ лишніе земли 443 чети съ осьминою въ каждомъ полѣ, сѣна 200 коп., а на ту, на примѣренную землю 97 дв. крестьян. да 20 дв. боб. да у нихъ дѣтей и братьевъ и зятьевъ и пасынковъ и захребетниковъ 257 челов. И обоего. . . Деревня Селменцова (оп. 1594) на р. Берлѣ, а въ ней крестьянъ 19 дв., пашни пахан. добр. земли 40 четв. въ каждомъ полѣ, сѣна 200 коп. Село Новое, что была деревня Селменцова (оп. 1652 г.) на р. на Берлѣ, а въ селѣ церковь съ папертью древянна клѣтски; дворъ поп. двор. дьяч., дв. просвир.; паш. пах. церк. добр. земли 20 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 40 коп., да въ селѣ дворъ монастырской, а въ немъ дворникъ, да 8 дв. крест., а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ же дѣтей и братьи и племян. и захреб. 25 чел., пашни пах. добрыя земли 40 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 520 коп. Да въ томъ же селѣ примѣрено сверхъ дачи лишніе земли, паш. пах. добрые земли 330 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 100 копенъ; а на ту на примѣренную землю 80 дв. крест. да 11 дв. боб., а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ дѣтей и братьевъ и зятьевъ и племянниковъ и захребетниковъ 225 человѣкъ. И обоего. . . Деревня, что былъ починокъ Уланковъ (оп. 1594 г.), а въ ней крест. 6 дв. и 2 дв. боб., пашни пах. добрыя земли 21 чети въ каждомъ полѣ, да перелогу 3 чети въ каждомъ полѣ, лѣсу пашеннаго около поль 7 десят. съ ½, сѣна 150 коп. Деревня, что былъ починокъ Уланковъ (оп. 1652 г.) на рѣкѣ на Берлѣ, а въ ней 7 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ дѣтей и братьи и племян. 20 человѣкъ, пашни паханыя добрыя земли 29 четв. въ каждомъ полѣ. Сѣна 550 коп. Да въ той же деревнѣ примѣр. сверхъ дачи лишніе земли пашен. пах. добр. земли 90 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 100 коп.; а на ту на прим. землю 16 дворовъ крестьянъ, да у нихъ дѣтей и братьи и захребетниковъ 44 чел. да 2 дв. пустыхъ крестьян. И обоего . . . Арх. Мин. Юст. 1-ое Отд. Казан. уѣзд. грам. № 6431 лл. 20—26. Писцов. кн. № 1127 лл. 985—988.

къ основной пахотѣ отнесена та земля, на которой первоначально основалась крестьянская община и которая при этомъ отмѣрена была для ея первыхъ членовъ. Кромѣ того слѣдуетъ предположить, что члены первоначальной общины удержали отмежеванную имъ землю съ угодьями для себя и для своихъ потомковъ,—новые-же члены, явившіеся, быть можетъ, послѣ междуцарствія и селившіеся тутъ же, образовывали изъ себя по отношенію къ землѣ и угодьямъ новую общину. Такимъ образомъ, первоначальная крестьянская община на монастырскихъ земляхъ относительно своихъ угодій, особенно въ пахотной землѣ, замкнулась, и пришлое населеніе селится и разростается на такъ называемой «лишней примѣренной землѣ». Когда же совершилось это раздѣленіе и впервые установлена была» примѣренная земля» въ монастырскихъ поселеніяхъ Свіяжскаго уѣзда, мы вслѣдствіе отсутствія прямыхъ указаній рѣшительно опредѣлить не можемъ. Но, если принять во вниманіе, что количество пахоты на основной землѣ большею частью приближается къ величинѣ пахоты, которую находимъ въ монастырскихъ поселеніяхъ уѣзда въ концѣ XVI вѣка, то можно предположить, что земля въ селахъ и въ деревняхъ монастырскихъ Свіяжскаго уѣзда стала «примѣряться» лишь въ первой описи XVII вѣка, которая, вѣроятно, произведена была вскорѣ послѣ междуцарствія, когда новое правительство съ фискальною цѣлью старалось привести въ извѣстность состояніе населенныхъ земель и платежную способность своихъ подданныхъ. Нельзя ли предположить, что послѣ экономическаго погрома смутнаго времени немногіе уцѣлѣвшіе члены крестьянскихъ общинъ въ отдѣльныхъ селахъ и деревняхъ Троицкаго и Богородицкаго монастырей Свіяжскаго уѣзда потребовали отъ нихъ утвержденія за собою и за своимъ потомствомъ пахотной земли и угодій, которыя они до эпохи смутъ сообща обработывали и уже пользовались ими, выгораживая такимъ образомъ, какъ бы въ награду себѣ и своимъ потомкамъ, произведенія своего труда отъ новыхъ пришельцевъ? Быть можетъ, и монастыри съ своей стороны, сознавая

нѣкоторую справедливость за подобными требованіями старыхъ крестьянскихъ общинъ, много потерпѣвшихъ во время междуцарствія, согласились на это.

Выше мы уже говорили о томъ, что сохранились нѣкоторыя косвенныя указанія относительно того, что въ 1614 г. изъ Москвы посланы были въ Свіяжскій уѣздъ служилые люди для описи; извѣстно, что они для правительства составили книги, на которыя оно впослѣдствіи ссылается; быть можетъ, въ этихъ-то книгахъ сдѣлана была впервые оговорка относительно этого предмета. Во всякомъ случаѣ изъ описи Свіяжскаго уѣзда 1652 года можно видѣть, что въ монастырскихъ вотчинахъ въ это время встрѣчаются большею частью двѣ разныя общины, которыя, хотя живутъ на одномъ мѣстѣ, но владѣютъ, повидимому, отдѣльно пахотною землею и сѣнными покосами. Слѣдуетъ, впрочемъ, упомянуть, что и въ помѣстьяхъ, и въ вотчинахъ служилыхъ людей Свіяжскаго уѣзда встрѣчаемся въ это время съ примѣренною землею; но здѣсь она, вслѣдствіе, быть можетъ, крайней раздробленности помѣстій и незначительности примѣренной земли, не имѣетъ того значенія въ колонизаціи края, какъ въ монастырскихъ имѣніяхъ.

Первое, что выдѣляется въ писцовой книгѣ половины XVII столѣтія, сравнительно съ описью конца XVI столѣтія, это—малочисленность въ большинствѣ монастырскихъ вотчинъ крестьянъ и бобылей, живущихъ на первоначальной землѣ. Повидимому, погромъ смутнаго времени былъ такъ великъ, что приращеніе населенія посредствомъ нарожденія въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній не могло сгладить той убыли, которую потерпѣли крестьянскія общины на монастырскихъ земляхъ во время междуцарствія. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе большое количество населенія на «примѣренной лишней землѣ», сравнительно съ числомъ поселенцевъ на первоначальной землѣ. Судя по увеличенію населенія на примѣренной землѣ, приливъ новыхъ насельниковъ на монастырскихъ земляхъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ долженъ былъ быть довольно великъ. Понятно, что

этотъ приливъ не могъ быть одинаковъ во всѣхъ монастырскихъ вотчинахъ: на бойкихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Большомъ и Нижнемъ Услонахъ съ нѣкоторыми тянувшими къ нимъ деревнями, равно какъ въ селахъ: Новомъ, Исаковѣ, и въ иныхъ пунктахъ, приливъ былъ очень силенъ, — въ другихъ же мѣстахъ онъ былъ гораздо слабѣе. Вмѣстѣ съ умноженіемъ населенія на примѣренной землѣ замѣтно и сильное увеличеніе здѣсь пахотной земли, которая при значительномъ умноженіи населенія иногда въ нѣсколько разъ превосходитъ пахоту на первоначальной землѣ[1]). Это явленіе въ хозяйственной жизни общинъ обусловливается, по всей вѣроятности, тѣмъ, что луга могли быть съ самаго начала замѣчены первоначальными поселенцами на монастырскихъ земляхъ, которые тотчасъ же обратили на нихъ вниманіе, какъ на статью для себя чрезвычайно выгодную, особенно при трудности мѣстами скоро увеличить свою пахоту. Не то должно было происходить впослѣдствіи, когда новые сѣнокосы добывались либо очищеніемъ полянъ въ лѣсныхъ мѣстахъ, либо высушиваніемъ болотныхъ пространствъ. Обѣ эти операціи сопряжены съ затратою довольно значительнаго труда, не лица, а цѣлой общины; поэтому, сѣнокосы встрѣчаются теперь въ скромныхъ размѣрахъ сравнительно съ пахотою, которая могла постепенно

---

[1]) Такъ, напримѣръ, *деревня, что былъ починокъ Печищи*, по обѣ стороны ручья, близко р. Волги, а въ ней 10 дв. крест., да у нихъ дѣтей и братьи и проч. 23 челов., пашни пах. доб. земли 6 чети съ осьминою въ каж. полѣ; сѣна 500 коп. Да въ той же деревнѣ примѣрено сверхъ дачи лишніе земли, паш. пах. доб. земли 125 чети въ кажд. полѣ, сѣна 50 коп., а на ту на примѣр. землю 48 дв. крест., и 9 двор. боб., да у нихъ дѣтей и братьи и племян. и захреб. 110 челов. *Деревня Новая* (Богородицкаго монастыря), а Старая Нижняя Вязовая тожъ, на озерѣ на Вязовскомъ у р. у Волги, подъ Вязовыми горами, а въ ней 7 дворовъ кр., да у нихъ дѣтей и сосѣдъ 16 человѣкъ, пашни пах. доб. земли 45 чети въ каждомъ полѣ; сѣна 320 коп. да въ той же деревнѣ сверхъ дачи примѣрено лишніе земли пашни пах. доб. земли 104 чети въ кажд. полѣ, сѣна 80 коп., а на ту примѣрную землю 15 дворовъ крестьянъ, да 4 дв. бобылей, а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ же дѣтей и братьи 38 челов. Тамъ же писц. кн. № 1127 лл. 966, 989—990.

увеличиваться работою отдѣльной семьи при небольшой поддержкѣ со стороны. Увеличеніе пахотной земли сравнительно съ сѣнокосомъ въ этотъ періодъ времени замѣтно и на церковной землѣ въ селахъ служилыхъ людей. Въ то время, какъ въ XVI столѣтіи для причта въ селахъ Свіяжскаго уѣзда отводилось обыкновенно 6 четей пахоты въ каждомъ полѣ и 30 копенъ сѣна, въ половинѣ XVII столѣтія на земляхъ служилыхъ людей обычная величина церковной пахотной земли 16 четей въ каждомъ полѣ и 20 копенъ сѣна; въ монастырскихъ селахъ въ это время для причта отводится 20 четей пахотной земли и 30, рѣже 40 копенъ сѣна[1]). Повторяясь въ частномъ хозяйствѣ, фактъ этотъ выдѣляется также и въ общей суммѣ монастырскихъ земель, которая помѣщена въ концѣ описи землямъ Троицкаго и Богородицкаго монастырей Свіяжскаго уѣзда[2]). Понятно, что, кромѣ сѣноковъ, въ XVII столѣтіи должны были уменьшиться, сравнительно съ прошлымъ, и лѣсныя пространства, особенно имѣя въ виду значительное увеличеніе пахотной земли въ этомъ по преимуществу лѣсномъ уѣздѣ. И дѣйствительно, съ пашеннымъ лѣсомъ въ нынѣшнее время мы встрѣчаемся только въ старомъ сельцѣ

[1]) Писцов. кн. Свіяжскаго уѣзда № 848, лл. 155, 184, № 1127 лл. 879, 966, 981, 983, 986, 988.

[2]) Въ Троицкомъ монастырѣ въ 1652 г. въ вотчинѣ было 5 селъ, да сельцо, да 5 деревень, а въ селахъ 5 церквей, пашни пах. церк. доб. земли 100 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 160 копенъ, да 104 дв. крест., да 10 дв. боб.; крес. пашни пах. доб. земли 443 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 6650 копенъ. Да тогожъ монастыря въ вотчинѣ, въ селахъ и въ деревняхъ примѣрено лишніе земли сверхъ дачи паш. пах. доб. земли 2217 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 1250 коп., а на ту на примѣрную землю 469 дв. кр. да 59 дв. боб. Въ Богородицкомъ монастырѣ на первоначальной землѣ въ вотчинѣ въ 1652 г.: 2 слободки, 4 села, 15 деревень, а въ селахъ 4 церкви; пашни пах. церков. доб. земли 80 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 140 коп., 384 дв. крест., да 90 дв. боб; кр. паш. пах. доб. земли 1269 чети въ кажд. полѣ, сѣна 8025 коп. Да у тогожъ монастыря въ вотчинахъ, въ селахъ и въ деревняхъ, которыя за монастыремъ въ дачѣ написаны, сверхъ монастырской дачи примѣрено лишніе земли пашни пах. доб. зем. 2153 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 3800 коп., а на ту на примѣренную землю 340 дв. крест. и 60 дв. боб. Писц. кн. за № 1127 лл. 977—979, 994.

Городищѣ, и при томъ въ количествѣ лишь 89 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей [1]) Слѣдуетъ указать еще на одну особенность въ монастырскихъ вотчинахъ половины XVII-го столѣтія, которая довольно рѣзко отдѣляетъ ихъ не только отъ XVI столѣтія, но и отъ современныхъ вотчинъ и помѣстій служилыхъ людей въ Свіяжскомъ уѣздѣ: у монастырей, кромѣ одной пустоши Богородицкаго монастыря, совершенно не упоминается о перелогахъ и заросляхъ, что можетъ свидѣтельствовать объ успѣшной хозяйственной дѣятельности крестьянскихъ общинъ на монастырскихъ вотчинныхъ земляхъ.

Сопоставляя въ частностяхъ описаніе монастырскихъ вотчинъ Свіяжскаго уѣзда половины XVII столѣтія съ описаніями ихъ конца XVI вѣка и сороковыхъ годовъ XVII-го столѣтія, мы должны отмѣтить нѣкоторыя замѣченныя нами измѣненія, какъ въ свойствахъ почвы мѣстами, такъ и въ хозяйственной жизни вотчинъ и крестьянскихъ общинъ.

Благодаря увеличенію пахотной земли, уменьшенію лѣсовъ, изсушенію мѣстами болотъ, число ключей и источниковъ должно значительно уменьшиться, вслѣдствіе чего количество влаги и стремительность теченія воды въ небольшихъ рѣчкахъ должны были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уменьшиться. Какъ результатъ этого, мы находимъ, что въ половинѣ XVII столѣтія исчезли многія небольшія водяныя мельницы, которыя именуются «меленки колотовки». Такъ, напримѣръ, въ концѣ XVI вѣка подъ деревнею Агишево, Улянково тожъ, что лежала на р. Берлѣ, находились «3 меленки колотовки крестьянскія»; подъ починкомъ Корноуховскимъ, бывшимъ на этой же рѣчкѣ, стояли «на ручью 3 крестьянскія меленки колотовки» [2]),—со всѣми ими мы уже не встрѣчаемся въ описяхъ половины XVII столѣтія. Но за то вмѣсто маленькихъ мельницъ мы видимъ въ это время новыя, большія мельницы, назначеніе которыхъ было удовлетворять увеличившейся по-

[1]) Тамъ же л. 981.

[2]) Арх. Мин. Юст. 1-е отд. Казан. у. грам. № 6431 лл. 22 и 24.

требности вслѣдствіе умноженія населенія въ монастырскихъ вотчинахъ. Такъ, въ вотчинахъ Троице-Сергіева монастыря вмѣсто одной мельницы «Большое колесо», которую мы встрѣчали въ XVI столѣтіи, теперь находимъ 4 мельницы «Большое колесо» и одну «меленку колотовку»; на земляхъ Богородицкаго монастыря вмѣсто одной мельницы «Большое колесо» находимъ въ настоящее время 3 мельницы «Большое колесо», да 2 «меленки колотовки»[1]). Съ уменьшеніемъ влаги исчезли мѣстами препятствія къ улучшенію почвы и къ увеличенію ея производительности. Такъ, мы знаемъ, что подлѣ сельца Городища лежало большое болото; что у деревни Кузеикиной, тянувшей къ этому сельцу, находилось «въ пашнѣ болотцо», намъ извѣстно также, что въ сельцѣ Городищѣ съ самаго начала была монастырская запашка на 25 четяхъ въ каждомъ полѣ, кромѣ крестьянской; въ деревнѣ Кузеикинэй крестьянской пашни числилось 6 четей, или 3 десятины,—вся здѣшняя земля въ концѣ XVI столѣтія, какъ мы уже знаемъ, получила наименованіе «худой земли». Но настойчивый трудъ небольшой крестьянской общины, поддерживаемой, вѣроятно, монастыремъ, достигъ въ теченіе полустолѣтія того, что пашенная земля сельца Городища и деревни Кузеикиной стала наконецъ «доброю землею»[2]). Среди селъ Троицкаго Свіяжскаго монастыря на р. Берлѣ, гдѣ главнымъ мѣстомъ его хозяйственной дѣятельности было село Новое, въ настоящее время встрѣчаемся съ новымъ селомъ, которымъ стала «деревня Агишево, Улянково тожъ». Но состояніе села Агишева въ 1652 году, сравнительно съ его прежнимъ состояніемъ, указываетъ намъ на

[1]) Тамъ же лл. 978 и 995.

[2]) Сельцо Городище (оп. 1652 г.), а въ селѣ дворъ монастырской, а въ немъ 1 человѣкъ дворникъ, да 5 дв. кр. да 2 дв. бобыл., да у нихъ дѣтей и братіи и зятей и захребетниковъ 15 чел., *пашни паханные добрые земли 47 чети*, да лѣсу пашев. 89 чети и обоего 136 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 320 коп.; здѣсь же означена по прежнему мельница больш. кол.; да около сѣна 410 коп. Дер. Кузминина, что былъ починокъ Притыкинъ на болотѣ, а въ ней 8 дв. крест. да дв. боб., да у нихъ дѣтей и братьи и племянниковъ 21 челов., *пашни пах. доб. земли 36 чети* въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 100 копенъ. Тамъ же, л. 981.

довольно медленное развитіе этого пункта, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ, по всей вѣроятности, было и его значеніе среди монастырскихъ селъ; въ немъ не упоминается даже о монастырскомъ дворѣ, въ которомъ жилъ представитель монастырскаго хозяйства[1]). Какъ въ селѣ Агишевѣ, такъ и въ другихъ селахъ и деревняхъ Троицкаго и Богородицкаго монастырей Свіяжскаго уѣзда, прогрессъ за настоящій промежутокъ времени (1646—1652 гг.) состоялъ не столько въ прибытіи новыхъ членовъ, сколько въ переходѣ бобылей или сосѣдей въ число крестьянъ[2]).

Обозрѣвая помѣстья и вотчины служилыхъ людей Свіяжскаго уѣзда, каковыми они намъ являются по описи 1652 г., мы должны признать въ хозяйственномъ отношеніи гораздо большую удовлетворительность за вотчинами. По всей вѣроятности, это обусловливается тѣмъ, что вотчина по своему типу приближалась къ собственности, вслѣдствіе чего пользовалась со стороны владѣльца лучшею хозяйственною дѣя-

[1]) Деревня Агишево, а Улянково тожъ, (по оп. 1594 г.), на р. Бирлѣ а въ ней кр. дв. 20 и 1 дв. боб., паш. пах. доб. земли 30 чети въ кажд. полѣ, да перелогу 3 чети въ каждомъ полѣ, сѣна по рѣкѣ Бирлѣ 300 коп. Деревня Улянково (по оп. 1646 г.) 23 дв. кр., у нихъ братьи, дѣтей и племян. 50 челов., 3 дв. боб. «тое жъ деревни захребетники, а живутъ они въ той же деревни по крестьянскимъ дворамъ переходя—5 челов.» (среди нихъ 3 вдовы съ дѣтьми). По описи 1652 г.—Село, что была деревня Агишево, а Улянково тожъ, а въ немъ церковь, паш. церков. доб. земли 20 чети въ каждомъ полѣ, сѣна 30 коп., да въ селѣ жъ 7 дв. кр., у которыхъ дѣтей и братьи и плем. 15 челов., пашни пах. доб. земли 33 чети въ кажд. полѣ, сѣна 350 коп. Да въ томъ же селѣ примѣрено сверхъ дачи лишніе земли 91 четв. въ кажд. полѣ, сѣна 50 коп., а на ту на примѣрную земли 20 дв. кр., у которыхъ дѣтей и братьи и племян. 49 человѣкъ. Арх. Мин. Юст. 1-е Отд. Казан. уѣзда грам. № 6431 лл. 21—22; писцов. кн. № 1127 л. 986.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ селѣ Большомъ Услонѣ въ 1646 году было 87 дв. крест. и 71 дв. боб.; а въ 1652 г. 122 дв. кр. и 25 дв. боб. Въ селѣ Нижнемъ Услонѣ въ 1646 г. 105 дв. кр. и вмѣстѣ съ деревнею Студенецъ 24 дв. боб., въ этомъ же селѣ въ 1652 г. 116 дв. крест. и 12 дв. боб. Въ селѣ Новомъ въ 1646 г. 69 дв. кр. и 28 дв. боб., въ 1652 г. 88 дв. кр. и 11 дв. бобыл. Въ деревняхъ тоже. Писц. кн. за 6468 лл. 737, 768, 789 (свѣрено съ копіею). № 1127 лл. 983, 988, 990—991.

тельностью, чѣмъ помѣстье, въ прочныхъ отношеніяхъ котораго къ своему потомству владѣлецъ не такъ могъ быть увѣренъ. Вслѣдствіе этого встрѣчаемся съ такимъ, напримѣръ, фактомъ: служилый человѣкъ владѣетъ жеребьями въ четырехъ разныхъ мѣстахъ, при чемъ въ двухъ онъ владѣетъ ими какъ помѣщикъ, а въ двухъ какъ вотчинникъ,—и мы видимъ, что вотчинные жеребья лица, по составу своего населенія, находятся въ удовлетворительномъ состояніи, въ то время, какъ помѣстные жеребья въ самомъ жалкомъ положеніи,—обстоятельство, достойное тѣмъ большаго вниманія, что за шесть лѣтъ до этого состояніе одного изъ помѣстныхъ жеребьевъ, бывшаго и тогда за тѣмъ же лицомъ, находилось въ удовлетворительномъ состояніи [1]). Кромѣ того, не могло не отзываться ущербомъ на вотчинахъ и на помѣстьяхъ сильное ихъ дробленіе на небольшіе жеребья, которые были раски-

---

[1]) Въ селѣ Бѣлой Волошкѣ (по оп. 1646 г.) за Петромъ Тимоѳѣевымъ сыномъ Еснпова на его жеребей при *помѣщичьемъ* дворѣ находилось 11 дв. кр. и 9 дв. боб. Въ этомъ же селѣ за нимъ (по оп. 1652 г.) «жеребей, на его жеребей дворъ помѣщиковъ, да 2 дв. крестьянскихъ пустыхъ, пашни пах доб. земли 16 чети въ кажд. полѣ, сѣна 70 копенъ. Да у него жъ Петра въ томъ же селѣ примѣрено лишніе земли пашни пах. добр. земли 8 чети съ 1/2 въ кажд. полѣ, сѣна 20 коп. За нимъ же въ Жилецкой слободѣ на р. Сулицѣ (оп. 1646 г.) въ помѣстьѣ 6 дв. боб. Въ той же слободѣ (оп. 1652 г. за нимъ въ *вотчинѣ* жеребей, а на его жеребей 6 дв. боб., у которыхъ дѣтей и братьи одиннадцать человѣкъ, *даны ему тѣ бобыли въ вотчину за четвертную пашню*, за 20 четвертей съ осьминою въ полѣ, а во дву потомужъ. За нимъ же въ селѣ Бурнашевѣ Красномъ, или Русскомъ, на р. Сулицѣ жеребей въ *помѣстьѣ*, а на его жеребей 2 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ, пустыхъ, пашни пах. доб. земли 7 четв. въ каждомъ полѣ, сѣна 30 коп.; да у него жъ въ томъ же селѣ примѣрено лишніе земли пах. доб. земли осьмина въ каждомъ полѣ, сѣна 3 копны. За нимъ же въ деревнѣ Ѳедьковѣ, что былъ починокъ (починкомъ было это поселеніе въ 1567 г.) въ *вотчинѣ*, (по оп. 1652 года) половина той деревни, а на его половинѣ 3 дв. крестьян., у которыхъ дѣтей и братьи 5 челов.; паш. пах. доб. земли 10 четв. въ каждомъ полѣ, сѣна 60 копенъ. Да у него жъ Петра примѣрено въ той же деревнѣ сверхъ дачи его лишніе земли паш. пах. добр. земля 24 чети въ кажд. полѣ, сѣна 20 коп., а на ту примѣр. землю 5 дв. крест. да дв. боб., да у нихъ же дѣтей и братьи и сосѣдъ 16 челов.». Арх. Мин. Юст. III Вотчин. Отд. писцов. кн. за № 6468 лл. 1014—1021, 1060—1064; за № 1127 лл. 877, 880, 934, 948.

нуты въ разныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего хозяйственная дѣятельность служилаго человѣка должна была по необходимости разбрасываться. Въ такихъ случаяхъ помѣщику и вотчиннику трудно было услѣдить за всѣми злоупотребленіями не только по управленію, но и по суду, ибо въ настоящее время, по всей вѣроятности, начало становиться достояніемъ дѣйствительной жизни упоминаемое Котошихинымъ: «помѣщики и вотчинники вѣдаютъ и судятъ своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлѣхъ, кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ» [1]). Вслѣдствіе, вѣроятно, разбросанности помѣстныхъ и вотчинныхъ жеребьевъ, встрѣчается нерѣдко, что во дворѣ помѣщика или вотчинника на жеребьѣ живетъ не самъ онъ, а его крестьянинъ; иногда же вмѣсто двора помѣщика обозначенъ дворъ прикащиковъ [2]). Самая дробимость селъ и деревень на жеребья съ 1646 года не уменьшалась, а большей частью увеличивалась [3]). Какъ результатъ подобныхъ условій, является запущенность хозяйствъ въ помѣстьяхъ, что замѣчается не только въ запустѣніи крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, но также въ пустошахъ, въ перелогахъ и въ пашнѣ, о которой говорится: «лѣсомъ поросло». И подобные факты большею частью являются не послѣдствіемъ истощенія земли, потому что о нѣкоторыхъ пустошахъ прямо сказано: «а въ ней пашни и перелогу и лѣсомъ поросло *добрые земли*» столько-то; но самую подобную пустошь съ незначительнымъ количествомъ пахоты и сѣнокоса находимъ во владѣніи двухъ помѣщиковъ, такъ что ни одинъ не былъ серіозно заитересованъ здѣсь, ибо у нихъ иногда находились въ другихъ мѣстахъ болѣе значительные,

¹) Котошихинъ гл. XI, ст. 3.

²) Писцов. кн. за № 6468 л. 1082 и др. № 1127 л. 937.

³) Такъ наприм., въ селѣ Вурнашево Красное въ 1646 году состояло только около 17 помѣщиковъ, а въ 1652 году здѣсь помѣстья числились за 31 помѣщикомъ и за вдовою помѣщицей; въ другихъ, не столь значительныхъ селахъ и деревняхъ увеличеніе болѣе умѣренное, но большей частію большее, чѣмъ въ 1646 году. Писцов. кн. за № 6468 лл. 1082 и слѣд., 1014—1021; за № 1127 лл. 890 — 891, 937.

не запущенные жеребья[1]). Но и въ помѣстьяхъ служилыхъ людей, какъ и въ монастырскихъ вотчинахъ, за настоящій промежутокъ времени (6 лѣтъ), можно не рѣдко замѣтить въ населеніи переходъ изъ бобылей въ крестьяне, что̀ отчасти, быть можетъ, указываетъ на увеличеніе зажиточности въ пришломъ населеніи Свіяжскаго уѣзда, которое селилось здѣсь на земляхъ служилыхъ людей[2]). Наконецъ, разсматривая въ цѣломъ земли служилыхъ людей Свіяжскаго уѣзда въ отношеніи населенности, пахоты и сѣнокоса, и сопоставляя ихъ нынѣшнее состояніе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ съ ихъ состояніемъ въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, мы должны признать въ нихъ большею частью незначительный прогрессъ; даже въ починкахъ, которые стали пустошами, количество запущенной пахоты и сѣнокоса болѣе, чѣмъ было въ нихъ прежде. Но, сопоставляя хозяйственное состояніе земель служилыхъ людей въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ половинѣ XVII ст. съ таковымъ же состояніемъ монастырскихъ земель, мы не можемъ не признать ихъ часто запущенными, находящимися въ печальномъ положеніи. Это, по всей вѣроятности, обусловливается тѣмъ, что крестьянская община на земляхъ служилыхъ людей, даже въ большихъ и людныхъ селахъ, обыкновенно дѣлима была системою помѣстныхъ жеребьевъ на отдѣльныя, иногда незначительныя доли[3]), вслѣдствіе чего, понятно, она не могла

---

[1]) «Пустошъ что былъ починокъ Жуковъ» (оп. 1652 г.): испомѣщено было здѣсь 2 служилыхъ человѣка,—за однимъ было 4 чети въ каждомъ полѣ и 25 коп., а за другимъ 5 чети въ кажд. полѣ и 10 коп. Въ 1567 г. починокъ былъ въ помѣстье за однимъ и въ немъ было тогда 6 чети въ кажд. полѣ и 25 коп. Писцов. кн. за № 1127 лл. 893, 895 896 и пр.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ Жилецкой слободѣ, бывшей въ помѣстьѣ за служилыми людьми въ 1646 году, всѣ 33 двора были бобыльскіе, а въ 1652 г. за помѣстными людьми, въ ней стояло 13 дв. крест. и 19 дв. боб. Въ селѣ Бѣлой Волошкѣ также за это время число крестьянъ увеличилось, а бобылей уменьшилось. Писцов. кн. за № 6468 лл. 1060—1064, 1262—1263. Писцов. кн. № 1127 лл. 878 и 937.

[3]) Одинъ, два, три двора крестьянскихъ и бобыльскихъ встрѣчаются у нихъ довольно часто.

проявлять своей энергіи надлежащимъ образомъ. При разнообразіи характеровъ служилыхъ людей, ихъ интересовъ, столкновеній единичныхъ самолюбій, при томъ вліяніи, которое они, какъ землевладѣльцы, должны были имѣть въ общинѣ чрезъ своихъ крестьянъ и бобылей,—нельзя было ожидать серіознаго проявленія самодѣятельности даже и въ многочисленной крестьянской общинѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить значительную экономическую зависимость отдѣльныхъ членовъ крестьянской общины отъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, которые въ настоящее время, по словамъ современника, «*подати свои на крестьянъ своихъ кладутъ сами*, сколько съ кого что взяти»; при этомъ ограниченіе землевладѣльческаго произвола было крайне неопредѣленно: оно, по словамъ того же современника, состояло лишь въ томъ, чтобы «подати съ нихъ (крестьянъ помѣщичьихъ и вотчинничьихъ) имати по силѣ, съ кого что мочно взяти». Хотя тотъ же авторъ и говоритъ далѣе, что отъ царя въ жалованныхъ грамотахъ служилымъ людямъ обыкновенно писалось, чтобы помѣщики и вотчинники со своихъ крестьянъ не брали «черезъ силу, чтобы тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и изъ вотчинъ не разогнать» [1]), грозя въ такомъ случаѣ отнятіемъ помѣстья или вотчины отъ владѣльца, — но нерѣдко въ это время попадающіяся пустыя помѣстья-жеребья свидѣтельствуютъ, что подобной угрозы служилые люди не особенно боялись; быть можетъ, это обусловливалось тѣмъ, что и правительству не было выгоды брать себѣ пустое помѣстье отъ служилаго человѣка. Впрочемъ, и самое наказаніе служилаго человѣка отобраніемъ пустаго помѣстья было для него проблематическимъ, ибо этимъ онъ не только избавлялся отъ тягости владѣть запустѣлымъ жеребьемъ, но кромѣ того могъ почитать себя освобожденнымъ отъ нѣкоторыхъ своихъ обязанностей предъ правительствомъ, которыя онъ несъ, какъ владѣлецъ извѣстнаго жеребья-помѣстья, которое запустѣло.

---

[1]) Котошихинъ «О Россіи», гл. XI, ст. 3.

Если въ заключеніе взглянемъ на земли, непосредственно примыкавшія къ средоточію уѣздной жизни, къ городу Свіяжску, то и здѣсь замѣтимъ тѣ же явленія, только сосредоточенныя на небольшомъ пространствѣ. Какъ въ селахъ и деревняхъ Свіяжскихъ монастырей, такъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ служилыхъ людей, въ подгородномъ стану встрѣчаемся съ «примѣренною лишнею землею», на которой расположены крестьяне и бобыли; но и здѣсь количество пахотной земли и число крестьянскихъ дворовъ въ монастырскихъ селахъ и деревняхъ превосходятъ значительно пахоту и дворы крестьянскіе въ помѣстьяхъ и вотчинахъ служилыхъ людей. Это вмѣстѣ съ пустошами и перелогами, которые встрѣчаются у послѣднихъ, подтверждаетъ высказанное прежде мнѣніе о неудовлетворительномъ хозяйственномъ состояніи земель служилыхъ людей сравнительно съ землями монастырскими въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ половинѣ XVII столѣтія[1]). Затѣмъ въ подгородномъ же стану, вѣроятно, вслѣдствіе болѣе нормальнаго состоянія въ монастырскихъ вотчинахъ крестьянскихъ общинъ, встрѣчаемся и съ монастырскою колонизаціею, выразившеюся здѣсь въ первой половинѣ XVII-го столѣтія столь же наглядно, какъ и въ другихъ мѣстахъ уѣзда. За обоими монастырями въ подгородномъ стану числится отдѣльно: «село да 10 деревень, да 4 починка, а въ дачѣ и въ книгахъ того села и

---

[1]) «Да въ подгородномъ же стану у помѣщиковъ и у вотчинниковъ въ селехъ и въ деревняхъ и въ починкахъ и въ пустошахъ сверхъ помѣстныхъ и вотчин. дачъ примѣрено лишніе земли пашни пах. доб. земли 1187 чети, да перелогу 73 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 2347 чети; а на ту на примѣр. землю 113 дв. кр. да 8 дв. боб.; да у нихъ дѣт. и брат. и сосѣдъ и захребетниковъ 236 челов. Да въ томъ же подгородномъ стану Свіяжскаго города соборные церкви у протопопа съ братіею и Богородицкаго и Троицкаго Сергіева мон. Свіяж., въ вотчинахъ, въ селахъ и въ деревняхъ и въ пустошахъ, которые. . . . написаны сверхъ дачъ, примѣрено лишніе земли, паш. пах. доб. земли 4450 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 1050 коп.; а на ту на примѣрен. землю 812 дв. крест. да 123 дв. боб., да у нихъ дѣтей и братьевъ и тестевъ и зятьевъ и пасынковъ и внучатъ и пріемышевъ и сосѣдъ и захребетниковъ 2070 чел.». Писцов. кн. за № 1127 лл. 1005—1006.

деревень и починковъ за тѣми монастыри не написано, а поставлены они послѣ прежнихъ писцовъ и дозорщиковъ на монастырскомъ на дикомъ лѣсу»[1]).

Тетюшскій уѣздъ, подобно инымъ Поволжскимъ уѣздамъ, былъ посѣщаемъ въ смутное время воровскими шайками; поэтому Казанскіе воеводы считали необходимымъ посылать служилыхъ людей на ряду съ другими Поволжскими городами и «подъ Тетюши»[2]). Но мы могли видѣть уже по заселенію чувашской деревни Пролей-Каша, что въ смутное время нѣкоторые люди уходили въ Тетюшскій уѣздъ изъ другихъ Поволжскихъ уѣздовъ и селились здѣсь на пустыхъ и удобныхъ мѣстахъ, спасаясь отъ бурь междуцарствія. Судя по быстрому росту населенія въ деревнѣ Пролей-Каша и въ селѣ Өедоровскомъ, слѣдуетъ предположить, что небольшой Тетюшскій уѣздъ могъ скоро возстановить убыль своего населенія и оправиться отъ разореній эпохи смутъ. Чѣмъ же, однако, обусловливается сильное движеніе населенія въ Тетюшскій уѣздъ? По всей вѣроятности, обиліе свободной плодородной земли и всякаго рода угодій влекло сюда какъ предпріимчиваго русскаго человѣка, такъ и инородца. Нѣкоторые факты, съ которыми мы встрѣчаемся въ поселеніяхъ Тетюшскаго уѣзда въ началѣ царствованія Михаила Өедоровича, могутъ подкрѣпить высказанное предположеніе. Спустя годъ послѣ описи деревни Пролей-Каша, населеніе ея осложняется новымъ пришлымъ элементомъ, сообщившимъ ей новый характеръ. Въ 1619 году въ дозорныхъ Тетюшскихъ книгахъ эта деревня именуется уже не просто чувашскою, а «чувашскою и латышскою»; въ другой разъ здѣсь же при упоминовеніи о Крестовомъ озерѣ, которымъ, какъ было сказано, прежде владѣли изъ оброка Чуваши деревни Пролей-Каша, говорится, что

---

[1]) Въ этомъ селѣ, въ деревняхъ и въ починкахъ состояло 247 дв. крест. и 31 дв. боб., у которыхъ дѣтей, братьи, племянниковъ, сосѣдей и захребетниковъ 669 челов.; пашни пах. доб. земли 1309 чети въ кажд. полѣ, сѣна 1840 коп. Тамъ же лл. 1004—1005.

[2]) А. А. Эк. т. II № 157.

этимъ озеромъ «владѣютъ Пролей-Кашинскіе Латыши и Чуваша»[1]). Отсюда можно вывести, что врядъ-ли это былъ одинъ или два Латыша, попавшіе случайно въ чувашскую деревню; по всей вѣроятности, ихъ было болѣе, ибо иначе трудно допустить ту общую окраску значительной чувашской деревни, которую дѣлаютъ служилые люди, Тетюшскіе старожилы, называя ее «чувашскою и латышскою». О чрезвычайномъ изобиліи угодій въ здѣшнихъ мѣстахъ можетъ отчасти свидѣтельствовать слѣдующее: Мордва деревни Кулунчи, тянувшая къ селу Өедоровскому, владѣла въ это время «сѣнными покосы *безъ дачи на дикомъ полѣ* по татарскому городищу и за городище» на 15 верстъ; сами крестьяне дворцоваго села Өедоровскаго, «что подъ Тетюшами, владѣютъ сѣнными покосы на дикомъ полѣ до р. Брусянки, а отъ Брусянки до стараго татарскаго городища *безъ дачи на 15 верстъ и больши въ длину*»[2]).

Само село Өедоровское своимъ состояніемъ въ 1619 году сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было не только на рубежѣ между XVI и XVII вѣками, но даже за три года предъ этимъ, можетъ свидѣтельствовать о значительной энергіи, съ которою земледѣльческое населеніе Россіи стремилось въ страну, гдѣ начиналась полоса чернозема[3]). Сильно увеличившаяся пахота въ селѣ Өедоровскомъ вмѣстѣ съ прибылымъ населеніемъ въ немъ самомъ и въ починкахъ, примыкавшихъ къ нему, доказываетъ нагляднымъ образомъ, что русскіе люди и инородцы скоро оцѣнили земледѣльческія преимущества здѣшней почвы сравнительно съ супесью и суглинкомъ коренной Россіи и верховаго Поволжья[4]). Въ концѣ сороковыхъ

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Писцов. кн. Каз. у. № 153. «Книги дозорныя по мѣстнымъ и порожжимъ землямъ, около Тетюшъ 7127 году» лл. 1378—1379.

[2]) Тамъ же лл. 1379—1380.

[3]) Geologie des europ. Russlands von Murchison und and., bearbeitet von Leonhard., t. I, p. 344.

[4]) Въ селѣ Өедоровскомъ, по оп. 1599 г., пахот. крестьян. земли было 18 четей въ кажд. полѣ; да дикаго поля, перелогу и зарослей 142 чети, сѣна 1700 коп., лѣсу чернаго и рамен. по смѣтѣ въ длину на 10 верстъ, а попе-

годовъ крестьянская община дворцоваго села Өедоровскаго вмѣстѣ съ общинами деревень, тянувшихъ къ нему, какъ къ своему центру, переселены были на Симбирскую черту. Но большое количество пахотной земли, уже обработанной ими и оставленной, нагляднѣе всего свидѣтельствуетъ объ ихъ культурной дѣятельности въ Тетюшскомъ уѣздѣ [1]). Вслѣдствіе такого наплыва переселенцевъ въ Тетюшскій уѣздъ въ болѣе населенныхъ его мѣстахъ насельники пользуются уже не однѣми хорошими землями, а обращаются и къ такимъ, на которыя они вначалѣ, по всей вѣроятности, не обращали вниманія. Такъ, мы знаемъ, что во второй половинѣ XVI столѣтія (1574 года) служилому человѣку Тетюшскаго уѣзда Качалу Жукову отдѣлено было подъ городомъ по рѣчкѣ Имелнѣ селище старое, подъ дворъ, подъ огородъ и подъ гуменное

рекъ до засѣки на 8 верстъ, крест. 5 дв. нельготн., 13 дв. льгот., 7 дв. боб. Въ 1616 г. Авг. 107 дв. кр. и 26 боб. дв.; въ Тинчюринѣ поч. 34 дв. кр. и 3 дв. боб. Въ мордов. деревняхъ: Кулучинской 19 дв., Янговатовой 9 дв. Въ 1619 г. въ томъ же селѣ 112 дв. кр. и 32 дв. боб. «А пашни крестьянскіе по смѣтѣ 132 чети, да перелогу и зарослей 142 чети, да церковные земли 6 чети; земля добрая, сѣна по р. Улемѣ и около поль 1700 копенъ, да на трехъ полянкахъ, что по рѣчкѣ Малиновкѣ 590 коп., лѣсу черново и рам. по смѣтѣ вдлину на 10 вер., а поперекъ до засѣки на 8 верстъ. И тотъ лѣсъ вобче села Өедоровскаго съ деревнями». Къ селу Өедоровскому починокъ Тинчюринъ, а въ немъ дв. крест. 34 дв. и 15 дв. боб., крестьянскіе пашни по смѣтѣ 36 чети, да перелогу и зарослей 22 чети, земля добрая. Къ селу же Өедоровскому починки: Янгуватовъ, а въ немъ живутъ Мордва на оброкѣ, 9 дв., 35 чети, земля добрая; починокъ Колучинской на денежномъ оброкѣ, а въ немъ живутъ Мордва 32 дв., пашни къ нему 38 чети, да перелогу и зарослей 120 чети, земля добрая. Да къ тому жъ селу Өедоровскому починокъ Мечасовской (новый) на денежномъ оброкѣ, на льготѣ, а въ немъ 19 дв., пашни къ тому починку 8 чети, да перелогу и зарослей и дубровъ пашенныхъ на 70 чети, земля добрая, Писцов. кн. за № 153 лл. 972—990, 1464—1469, 1470—1482.

[1]) Въ селѣ Өедоровскомъ въ 1650 году пахоты находилось въ трехъ мѣстахъ 915 десятинъ въ каждомъ полѣ. Въ приселкѣ Тинчюринѣ пашни было 130 десятинъ въ кажд. полѣ, кромѣ *новоросчистной* земли, которую крестьяне расчистили вмѣстѣ съ ясачною Чувашею Цивильскаго уѣзда,—32 десятин. въ кажд. полѣ; въ деревнѣ Янгуватовѣ пахоты 76 десят. въ кажд. полѣ и въ деревнѣ Мечасовѣ (починокъ 1619 г.) 196 десятинъ въ каждомъ полѣ. Писцов. кн. за № 1127 лл. 376—380.

мѣсто, при чемъ въ грамотѣ сказано: «а къ тому усадищу отмѣрено пашни отъ рѣчки отъ Имелни *поляна, что была Нагайскіе станы*, промежу лѣсомъ и *желтымъ болотомъ до городовые межи*. . . . дикова поля на 25 четей» въ каждомъ изъ трехъ полей, и сѣна около пашни на 65 десятинъ. Въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія за Иваномъ Жуковымъ *«подъ Тетюшами»* значится уже *«починокъ на Желтомъ болотѣ»*[1]). Такимъ образомъ утилизуется подъ городомъ земля, мало пригодная для поселенія, вслѣдствіе умножившагося населенія и сравнительно большей безопасности, которою, по всей вѣроятности, пользовалось населеніе подгородныхъ земель въ этихъ окраинныхъ мѣстахъ.

Въ селѣ Ѳедоровскомъ Тетюшскаго уѣзда вмѣстѣ съ тянувшими къ нему русскими и инородческими починками мы встрѣчаемся съ значительными перелогами и зарослями, не смотря на то, что пришлое населеніе, повидимому, селится здѣсь впервые и съ энергіею занимается земледѣліемъ. Это обстоятельство, въ соединеніи съ постоянно прибывающимъ контингентомъ новыхъ переселенцевъ, которые, поступивши въ вотчину, стремились обыкновенно обратиться поскорѣе къ исконному и привычному своему занятію земледѣліемъ, должно было, по видимому, исключить возможность существованія въ здѣшнихъ мѣстахъ зарослей и перелоговъ. Но несомнѣнность существованія въ Тетюшскомъ уѣздѣ подобныхъ явленій заставляетъ насъ усумниться въ томъ, чтобъ появляющіеся въ XVII столѣтіи переселенцы были здѣсь первыми насельниками, которые обработывали впервые почву. По всей вѣроятности, и прежде здѣсь существовали поселенія, жители которыхъ занимались земледѣліемъ; но потомъ эти поселки исчезли, а нивы ихъ заросли лѣсомъ; и стали однѣ изъ нихъ зарослями, а другія перелогами. Аналогическія этому явленія въ Тетюшскомъ уѣздѣ, о которыхъ будемъ говорить впослѣд-

[1]) Акты Ист. и Юрид. собр. Ст. Мельниковымъ, I т., грам. 1 и 8-ая.

ствіи, отчасти могутъ подкрѣпить высказанное здѣсь мнѣніе.

Благопріятныя условія для земледѣлія, о которыхъ рѣчь была выше, искони существовали и могли къ себѣ привлекать переселенцевъ изъ верховаго Поволжья и другихъ мѣстъ. Но рядомъ съ благодатною почвою и богатыми угодьями поселенецъ въ этихъ, уже совершенно окраинныхъ мѣстахъ, искони же встрѣчался съ кочевыми обитателями сосѣднихъ степей, которые всегда стремились поживиться плодами трудовъ окраиннаго населенія. Русское правительство послѣ присоединенія этихъ земель обратило свое вниманіе на это обстоятельство. Сторóжи, учрежденныя въ здѣшнихъ мѣстахъ для наблюденія за появленіемъ непріятеля въ степи, а потомъ засѣка, устроенная въ лѣсу, были правительственными мѣрами для защиты населенія здѣшней окраины. Вѣковой лѣсъ, тянувшійся на большое пространство, примыкая одной стороной къ рѣкѣ Свіягѣ, и самъ по себѣ могъ служить нѣкоторой защитой противъ коннаго непріятеля; но правительство распорядилось еще устроить въ немъ засѣку, къ которой окрестные жители обязаны были въ XVII столѣтіи высылать съ 10 дворовъ по человѣку «съ пищальми, съ саблями и со всякимъ боемъ» [1]. Но само собою понятно, что рядомъ съ мѣрами безопасности, которыя предпринимались правительствомъ, въ здѣшнихъ мѣстахъ должно было умножиться населеніе и его благосостояніе долженствовало увеличиваться; съ этимъ вмѣстѣ возрастала приманка и должна была разгораться хищность обитателя степи, который выжидалъ лишь наступленія благопріятнаго для него времени и обстоятельствъ. Мы видѣли уже, какъ кочевники старались воспользоваться смутнымъ временемъ для своихъ цѣлей и какъ они стремились вмѣстѣ съ Заруцкимъ поддержать и продлить на Руси междуцарствіе, столь для нихъ выгодное. Кромѣ того, вслѣдствіе умноженія въ Тетюшскомъ уѣздѣ земледѣльческаго населенія, въ немъ долженъ

---

[1]) Акты Ист. и Юрид., собр. Ст. Мельниковымъ, т. I, грам. XXII.

былъ уменьшиться лѣсъ, задерживавшій собой кочеваго непріятеля во время его вторженія [1]). Дѣйствительно, старый черный Тетюшскій лѣсъ съ засѣкою, тянувшійся прежде на 10 верстъ въ длину и на 8 поперекъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ простирался лишь на 6 верстъ въ длину и на три поперекъ [2]). При такихъ условіяхъ старыя мѣры должны были стать менѣе дѣйствительны для окраиннаго населенія Тетюшскаго уѣзда. Отдѣльные факты, встрѣчаемые лишь въ памятникахъ сороковыхъ годовъ, но совершившіеся, по всей вѣроятности, раньше, подтверждаютъ только что высказанное. Намъ уже извѣстно [3]), что въ концѣ XVI столѣтія на югъ отъ Тетюшъ появился пустынный монастырь, которому пожалована была «пониже монастыря на рѣчкѣ Черемшѣ *пустошь Атары»*, — при чемъ прибавлено: «и черному священнику Іонѣ и старцу Нилу съ братьею на той пустоши пашня пахати и сѣно косити и всякими угодьи владѣти» [4]). А въ концѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія въ писцовой книгѣ написано: «Покровскаго монастыря, что въ городѣ Тетюшехъ. . . . что напередъ сего была пустыня въ Нижнихъ Тетюшахъ, на Тетюшской же сторонѣ, внизъ рѣки Волги на берегу . . . рѣки Волги *пустошь, что была того монастыря деревня Атары* подъ горами и *подъ старымъ Тетюшскимъ лѣсомъ* на рѣчкѣ на Черемшѣ . . . а на той пустоши *старые селища*, а по сказкѣ того монастыря крестьянъ были деревни — монастырской и крестьянскіе дворы, *и тѣ дворы отъ войны запустѣли . . . и пашенныя земли перелогомъ и лѣсомъ поросли* [5]). Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ на здѣшней окраинѣ, мы въ сороковыхъ годахъ

[1]) Въ Тетюшскомъ уѣздѣ нерѣдко встрѣчаемся «съ росчистьми» «росчистными полянами», «старыми селищами«, которыхъ «пашенныя земли перелогомъ и лѣсомъ поросли» и которыя расположены иногда въ южной части уѣзда «подлѣ лѣса чернаго», гдѣ была устроена засѣка. Писцов. кн. а № 1127, лл. 382, 386, 388.

[2]) Тамъ же л. 374.

[3]) Поволжье въ XV и XVI вв. 1877 г. 321 стр. примѣчаніе.

[4]) Ар. Мин. Юст. 1-ое Отд. Каз. у., грам. № 6426.

[5]) Писцов. кн. за № 1127 л. 388.

XVII столѣтія уже встрѣчаемся съ новыми мѣрами со стороны правительства, назначенными для защиты окраиннаго населенія[1]). Съ лѣвой стороны Свіяги на рѣчкѣ Карлѣ, которая текла въ предѣлахъ Свіяжскаго уѣзда, основана была слобода, состоявшая изъ «полковыхъ казаковъ», числомъ около 200 человѣкъ; назначеніе этихъ служилыхъ людей, поселенныхъ въ слободѣ, вѣроятно, состояло въ охраненіи и защитѣ окраиннаго населенія; за свою службу они получили по тогдашнему обыкновенію пахоту и другія угодья въ достаточномъ количествѣ. Своими прозвищами Карлинскіе полковые казаки свидѣтельствуютъ о своемъ сбродномъ характерѣ, при чемъ главный контингентъ ихъ представило Поволжье [2]). Съ правой стороны р. Свіяги, на притокѣ ея около Тетюшской засѣки, построенъ острожекъ, который отъ рѣчки Килни, у которой стоялъ, получилъ названіе Килнинскаго острожка; «поставленъ» онъ былъ здѣсь собственно «для приходу воинскихъ людей», т. е. для защиты окраины отъ непріятельскаго вторженія [3]).

Трудно сказать, на сколько послѣднія мѣры въ соединеніи съ прежними доставляли надежную защиту окраинному населенію правой стороны Поволжья. Но если принять во вниманіе отрывочность и даже нѣкоторую случайность такихъ мѣръ, какъ основаніе въ одномъ мѣстѣ казачьей слободы, а въ другомъ постройку острожка; если вспомнить, что засѣку охраняли крестьяне и бобыли, о которыхъ ихъ землевладѣльцы

---

[1]) Лишь по актамъ, дошедшимъ до насъ, мы встрѣчаемся съ ними въ сороковыхъ годахъ, на самомъ же дѣлѣ онѣ, по всей вѣроятности, заведены были гораздо раньше.

[2]) Такъ, среди Карлинскихъ казаковъ попадаются съ прозвищами: «Нижегородецъ»—10 человѣкъ, «Свіяженинъ»—10 человѣкъ, «Мурашкинецъ» —7 человѣкъ, «Казанецъ» — 4 человѣка, «Тенковецъ» — 3 человѣка, «Тетюшенинъ»—2 челов.; затѣмъ встрѣчаются Арзамасцы, Володимерцы, Тверитинъ, Суздалецъ, Темниковецъ, Хлыновецъ, Смолянинъ, Новгородецъ, Москвитинъ, Муромецъ, Астраханецъ и Латышъ. Пашни за ними было пахот. доб. земли 1413 четей, кромѣ дикаго поля. Писцов. кн. за № 6468, лл. 985—1012; за № 1127 лл. 1099—1100.

[3]) Писцов. кн. за № 1127 л. 1085—1086.

свидѣтельствуютъ правительству, что они «люди пахотные, а не служилые, и имъ-де то дѣло (охраненіе и защита засѣки) не за обычай»[1]),—если, говорю, принять все это во вниманіе, то нельзя не усумниться въ дѣйствительности такихъ мѣръ для защиты пограничнаго населенія. Ненадежность подобныхъ мѣръ въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія должна была стать ясна и для самого правительства, потому что на окраинѣ же, но только въ другомъ мѣстѣ, оно получило возможность оцѣнить въ это время дѣйствительность иной мѣры для защиты пограничнаго населенія отъ вторженій кочевниковъ.

Въ 1636 году московское правительство распорядилось для защиты Рязанскихъ, Шацкихъ и мещерскихъ окраинныхъ мѣстъ отъ «воинскихъ людей» поставить въ полѣ городъ, которымъ бы можно было въ этихъ мѣстахъ «войну отъ Татаръ отнять». Вслѣдствіе этого «на лѣсномъ Воронежѣ поставленъ городъ Козловъ», въ которомъ были «устроены стрѣльцы и казаки и всякіе жилецкіе люди»; «да отъ Козлова же въ Шацкой же сторонѣ... на 12 верстъ учиненъ земляной валъ, а по тому земляному валу поставлены три городки земляные съ башнями.... да въ томъ же году для береженья отъ Крымскихъ и отъ Ногайскихъ людей... на полѣ на р. Цнѣ поставленъ городъ Танбовъ, а въ немъ устроены всякіе служилые люди; да отъ Танбова къ Козлову городу къ земляному валу учинены надолбы; за Шацкимъ же отъ поля на рѣкѣ на Ломовѣ поставлены два города Ломовы— Верхней и Нижней... *и тѣми новыми городы и крепостьми въ Ряжскихъ, Рязанскихъ и въ Шатцкихъ во всѣхъ мѣстѣхъ татарская война отъ приходовъ укрѣплена»*. Затѣмъ говорится о попыткѣ непріятеля въ 1637 году вторгнуться внутрь Россіи; но воеводы, сказано, изъ этихъ городковъ не пропустили непріятеля, почему, по примѣру уже выстроенныхъ городковъ, правительство намѣрено построить подобныя же укрѣп-

[1]) Акты Истор. и Юрид. собр. Ст. Мельниковымъ, грам. XXII.

ленія и въ другихъ мѣстахъ на югѣ и юго-востокѣ, «чтобы тѣми городами и острогами отъ крымскихъ, отъ ногайскихъ и отъ азовскихъ людей... во всѣхъ украинскихъ городѣхъ войну отнять»[1]). Быть можетъ, въ Москвѣ уже въ это время зародилась мысль о постройкѣ укрѣпленной черты для защиты правой стороны Поволжья, — мысль осуществившаяся лишь чрезъ 10 лѣтъ въ видѣ Симбирской черты. Дѣлаю это предположеніе потому, что правительство, повидимому, теперь уже убѣдилось въ болѣе серіозной дѣйствительности этой, хотя и дорого стоющей, мѣры, сравнительно съ прежде практиковавшимися. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что лишь въ 1648 году открылись работы по сооруженію укрѣпленной Симбирской черты, получившей свое наименованіе отъ вновь построеннаго города у рѣки Волги, отъ котораго черта эта непосредственно зачиналась; городъ же свое названіе наслѣдовалъ отъ живописнаго урочища, на которомъ онъ былъ построенъ, гдѣ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, и прежде находилось болгарское или татарское поселеніе съ тѣмъ же названіемъ[2]). Выстроенъ былъ городъ Симбирскъ по приказу правительства бояриномъ и оружейничимъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово съ товарищи. Для постройки города и укрѣпленій, примыкавшихъ къ нему, вызваны были «посошные люди низовыхъ городовъ, съ русскихъ—съ 5 дворовъ, а съ ясашныхъ — съ 3 дворовъ по человѣку»[3]). Укрѣпленъ былъ городъ Симбирскъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства того времени. Кремль, главнѣйшая его часть, занималъ самое возвышенное мѣсто; за нимъ слѣдовалъ «острогъ», заключавшій въ себѣ посады и обведенный рвомъ и тыномъ. Отъ новаго города начиналась укрѣпленная черта, которая была ведена въ югозападномъ направленіи. Черта состояла изъ не-

---

[1]) А. А. Эксп. т. III № 268.

[2]) Чт. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1869 г. кн. I ст. 424 «Путеш. Олеарія». Город. посел. Рос. Им. т. IV ст. 505.

[3]) Орен. Типогр. Рычкова 1762 г. II ч. 106 ст. примѣчаніе.

прерывнаго вала со рвомъ, увѣнчаннымъ деревяннымъ тыномъ. Въ лѣсныхъ мѣстахъ валъ прерывался засѣкою, устроенною черезъ весь лѣсъ, а въ другихъ мѣстахъ особыми укрѣпленіями, которыя назывались острогами и острожками, со стѣнами и рвами вокругъ и съ башнями по угламъ и въ серединѣ стѣнъ. Всѣхъ остроговъ отъ Симбирска до Инсара позднѣе было восемь[1]). Симбирская черта съ укрѣпленіями строилась въ продолженіе шести лѣтъ,—«работныхъ людей у валового острожнаго дѣла было до 1654 года во всякое лѣто по 3326 и по 4898 человѣкъ»[2]). Послѣднее изъ значительныхъ укрѣпленій, которымъ Симбирская черта заканчивалась на юго-западѣ, былъ Инсарскій острогъ; впрочемъ укрѣпленная черта продолжалась и за Инсаромъ въ югозападномъ направленіи и примыкала къ Нижне-Ломовской чертѣ, которая уже входила въ составъ другой укрѣпленной черты, упомянутой выше[3]). Работы на чертѣ открылись одновременно въ разныхъ мѣстахъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что, кромѣ города Симбирска, въ 1648 году построенъ былъ и городъ острогъ Инсаръ съ частью своей черты, которая упоминается въ этомъ же году[4]). Какъ для построенія города Симбирска, остроговъ и острожковъ на чертѣ, такъ и для заселенія этихъ укрѣпленій воинскими людьми, Московское правительство обращалось прежде всего къ ближайшимъ мѣстамъ и затѣмъ уже къ болѣе далекимъ отъ черты. Такъ, намъ извѣстно, что все населеніе большаго села Ѳедоровскаго, вмѣстѣ съ жителями

[1]) Болѣе значительные отъ Симбирска остроги были слѣдующіе: Тагай, Урень, Корсунь, Погорѣлой, Аргашъ, Сурскъ, Темаръ и Саранскъ. (Атласъ Рос. Им. 1745 года). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что на рукописной картѣ конца XVII ст. по Симбирской чертѣ, здѣсь отмѣченной, нарисовано лишь 7 остроговъ: четыре изъ нихъ между Волгою и Сурою, а три между Сурою и Мокшею. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, карта Астр. губ. № 7.

[2]) Город. посел. Росс. Имп. IV т. 505 ст. Орен. Топогр. Рычкова, II т. 106 ст.

[3]) Арх. Ист. и Юрид. свѣд. Н. Калачева кн. 2-ая, полов. 1-ая, «Объ Инсарѣ и его уѣздѣ», Н. Калачева, 60 и 68 сс.

[4]) Тамъ же, 56 ст.

нѣкоторыхъ поселеній, тянувшихъ къ этому селу, находившемуся недалеко отъ Тетюшской засѣки, переведено было на Симбирскую черту[1]). Все военное населеніе Килнинскаго острожка вмѣстѣ съ полковыми казаками Карлинской слободы переселено было также на Симбирскую черту [2]). Для заселенія города Инсара взято было въ 1647 году 300 службъ [3]) изъ ближайшаго къ нему города Темникова; въ то же время «построено» было столько же служебъ подъ названіемъ казаковъ по Инсарской чертѣ въ засѣчныхъ крѣпостяхъ и слободахъ. Для этого взяты были люди не только изъ окрестныхъ селеній города Темникова, но и изъ окрестностей самого Инсара. «Нѣкоторыя селенія были даже сполна перевезены на Инсарскую черту, гдѣ на новыхъ мѣстахъ жители ихъ устроены были дворами и надѣлены пашней и другими угодьями съ обязанностями служилыхъ людей. Причина такого перемѣщенія цѣлыхъ селеній заключалась, какъ говорится въ актахъ, въ томъ, *что они безпрерывно разорялись Ногайцами*. . . . Внутренняя сторона за Инсарскою чертою получила названіе *Русской* и была причислена вмѣстѣ съ самимъ городомъ Инсаромъ къ Руси, а сторона, оставшаяся внѣ черты, стала называться *Ногайской*, *Крымской* или *степной*»[4]). Въ слободахъ и острожкахъ на чертѣ для надобности службы водворялись

---

[1]) Арх. Мин. Юст. 1-е Отд. Казан. у. грам. за № 6513. Писцов кн. за № 6513. Писцов. кн. за № 1127 лл. 376—381.

[2]) Писцов. кн. за № 1127 лл. 1085, 1100.

[3]) Изъ актовъ того времени видно, что на Инсарскую черту на службу переводились изъ семьи по одному, по два, рѣдко по 3 человѣка; другіе оставались въ тяглѣ на прежнемъ жительствѣ. «Переведенцы, взятые изъ одной семьи (иногда два двоюродные брата), записывались *въ одну службу*, т. е. считались на службѣ за одного человѣка, и по этому разсчету получали жалованье на дворовое строеніе, какъ скоро оно было выстроено (отъ 4 до 5 рублей), и оружіе, смотря по службѣ, въ которую назначались: мушкетъ, карабинъ, пищаль, ружьо, а нѣкоторымъ велѣно служить въ саадакѣ; одинъ человѣкъ изъ семьи чаще все записывался *въ полуслужбѣ* и соазмѣрно съ этимъ получалъ половинное жалованье на дворовое строеніе, или же *на подмогу ему* приписываемо было стороннее лицо». Арх. Ист. Юрид. свѣд., 57—58 сс.

[4]) Тамъ же 58—59 сс.

изъ ближайшихъ и отдаленныхъ мѣстъ безразлично какъ русскіе, такъ и инородцы. Такъ, по словамъ одной грамоты, «какъ построенъ городъ Корсунь и Корсунская черта, и въ то время переведены въ Корсунь изъ Алаторскаго уѣзда станишные мурзы для вѣстей отъ приходу воинскихъ людей», при чемъ десяти изъ нихъ впослѣдствіи было поручено «быть въ Корсуни въ дозорщикахъ»[1]); затѣмъ на черту около Инсара переведена Мордва съ тяглыхъ жеребьевъ изъ разныхъ селеній Темниковскаго уѣзда и приверстана въ казачью службу за городомъ Инсаромъ въ направленіи къ Нижнему Ломову; съ Крымской стороны изъ-за валу тоже переведена была Мордва на черту и поселена выше Инсара въ направленіи къ Саранску[2]). Кромѣ того, намъ извѣстно, что нѣкоторые Татаре изъ деревень Свіяжскаго уѣзда переведены были въ это время «въ государеву конную службу по городу Симбирску въ слободу Елховку на вѣчное житье»[3]). Изъ Тетюшъ по указу государя переведены были въ 1649 году 50 человѣкъ Днѣпровскихъ казаковъ вмѣстѣ съ ихъ атаманомъ «въ новой Симбирской городъ на вѣчное житье»[4]). Въ томъ же году изъ Лаишева[5]) переведено было 40 человѣкъ конныхъ казаковъ въ Симбирскій уѣздъ въ слободу Лебяжью[6]). Наконецъ есть извѣстіе, что изъ города Арска[7]) въ 1649 году переведены были по

---

[1]) Арх. Мин. Юст. III Вотчин. Отд. Казань, отказная стар. лѣтъ, кн. № 6 и № 18 грам.

[2]) Арх. Ист. Юрид. свѣдѣній 57 и 68 с.

[3]) Акты, собр. Ст. Мельниковымъ, I грам. 26.

[4]) Эти Днѣпровскіе казаки вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ были предъ этимъ испомѣщены на службѣ въ Тетюшахъ, и за ними числилось пахотной земли во всѣхъ трехъ поляхъ 782 десятины. Изъ всей общины ихъ «оставленъ былъ въ Тетюшахъ одинъ человѣкъ казакъ *за слѣпотою* и служилъ въ городѣ; и его жеребей, пашня и сѣнные покосы отданы дѣтямъ его 2 сынамъ — Ивашкѣ да Назаркѣ, которые послѣ его остались и служатъ въ городѣ жъ». Писцов. кн. за № 1127 л. 375. Тетюшская слобода лежитъ между Тагаемъ и Симбирскомъ, на мѣстѣ, по которому шла черта.

[5]) На Камѣ рѣкѣ, недалеко отъ устья.

[6]) Арх. Мин. Юст. III Отд. Вотч. Казань № 6552 кн. 1-ая дѣло за № 14.

[7]) На р. Казанкѣ выше, Казани.

указу государя въ конные казаки 50 человѣкъ на Симбирскую черту въ Юшанскъ[1]), вблизи котораго они основали Арскую слободу[2]). Но русское правительство половины XVII вѣка, сооружая Симбирскую черту для защиты своего окраиннаго населенія, имѣло большую нужду въ людяхъ для заселенія воздвигаемой черты; при недостаткѣ таковыхъ въ своихъ городахъ и въ дворцовыхъ имѣніяхъ оно безъ стѣсненія брало людей съ частныхъ земель и водворяло ихъ на чертѣ. Такъ, мы знаемъ, что 57 дворовъ бобылей были взяты въ 1648 г. у Спасскаго монастыря и переведены «съ монастырскихъ выгонныхъ земель въ Воронцовскую и въ Тагайскую и въ иныя слободы, въ тягло и въ посадъ»; гораздо позднѣе (въ концѣ XVII столѣтія) и въ другое уже царствованіе былъ вознагражденъ Спасскій монастырь за матеріальный ущербъ, причиненный ему этимъ отнятіемъ[3]). Всѣ люди, выселяемые въ города, остроги, острожки и слободы по Симбирской чертѣ, какъ и Инсарскіе, вѣроятно, получали деньги на дворовое строеніе; кромѣ того, имъ всѣмъ на новомъ мѣстѣ, «отмѣрено на пашню земли и сѣнные покосы и всякія угодья», смотря по званію, которымъ обладалъ тотъ или другой изъ нихъ[4]); при этомъ земля отмѣривалась не только наличнымъ членамъ общины, но иногда отводилась также «на прибавочныхъ людей», т, е. тѣмъ, которые еще должны будутъ прибыть впослѣдствіи[5]). Пахотная земля и угодья отводились не всегда близко черты, а иногда довольно далеко, такъ что, напримѣръ,

---

[1]) Вѣроятно, въ то время небольшой острожекъ, между Симбирскомъ и Тагаемъ.

[2]) Тамъ же, Казань, отказная книга старыхъ лѣтъ съ городами кн. 4, № дѣла 7.

[3]) Тамъ же Межевая кн. за № 159 л. 37.

[4]) Вѣроятно, на Симбирской чертѣ, какъ впослѣдствіи на Закамской линіи, пятидесятники получали по 40 четей, десятники по 30, а рядовые по 20 четей въ каждомъ изъ зполей пахотной земли. На такую мысль наводитъ все количество земли пахотной, отмѣренной коннымъ казакамъ Лебяжьей слободы.

[5]) Арх. III Отд. Вотч. кн. 1, дѣло за № 14 и кн. 35 №6 473.

Корсунскіе казаки впослѣдствіи жалуются правительству, что «они за дальными полями лошадей перемучили и оскудали; чтобъ ихъ изъ Корсуни на тѣ ихъ отводныя поля выпустить и дворами дозволить построиться на рѣчкѣ Потьмѣ»,[1]). Вслѣдствіе отдаленности пахотныхъ земель отъ мѣста жительства служилыхъ людей, они иногда совершенно отказывались пользоваться отведенною землею, — обстоятельство, бывавшее поводомъ къ появленію на подобной землѣ новаго поселенія. Такъ именно случилось съ другою группою казаковъ, водворенныхъ въ городѣ Корсуни строителемъ его, воеводою Борисомъ Приклонскимъ. Онъ отвелъ Корсунскимъ казакамъ, пятидесятнику Ортюшкѣ Тарасову съ товарищи, на пашню земли и сѣнныхъ покосовъ въ десяти верстахъ отъ города, на рѣкѣ Вердивасской. По словамъ грамоты, «Корсунскіе казаки съ того Борисова отвода на той землѣ пашни не пахали и лежала впустѣ многое время». Впослѣдствіи, когда воеводою въ Корсуни былъ Савелій Скрипицынъ, то онъ утилизовалъ эту землю, «прибравъ отъ отцовъ дѣтей, отъ братьи братьевъ и отъ дядей племянниковъ, и на той казачьей землѣ построилъ вновь Вердивасскую слободу и на пашню земли и сѣнные покосы отвелъ» [2]). Валъ и засѣчныя крѣпости должны были не только впослѣдствіи, но и вначалѣ охраняться караульными, разставленными по близости другъ отъ друга («сторожи частые»). Для такихъ карауловъ назначалось потребное число служилыхъ людей изъ русскихъ или же инородцевъ, получавшихъ здѣсь землю, которымъ исключительно вмѣнялась въ обязанность эта служба: они отправляли ее, перемѣняясь между собою на заранѣе указанныхъ имъ мѣстахъ [3]). Назна-

[1]) Тамъ же. Корсунскій острогъ сосѣдній съ Тагаемъ. Въ немъ, какъ и въ Инсарѣ и въ другихъ болѣе значительныхъ острогахъ на чертѣ, были особые воеводы.

[2]) Арх. Мин. Юст. III Отд. Казань Отказн. стар. лѣтъ кн. 5 № 85.

[3]) Арх. Мин. Юст. III Вотч. Отд. Казань отказн. стар. лѣтъ кн. 5 № 32. Такъ Борисомъ Приклонскимъ въ Сокольскомъ острогѣ на Корсунск. чертѣ назначены были 15 ч. татаръ дер. Ключище Симб. у., которые должны были по валу служить казачью службу. Арх. Истор. Юрид. свѣд., ст. Н. Калачева стр. 76.

ніе вновь построенной Симбирской черты, состоявшей изъ вала со рвомъ, засѣкъ, острожковъ и остроговъ, тоже, по всей вѣроятности, съ самаго начала состояло въ наблюденіи городскихъ и острожныхъ воеводъ на чертѣ за тѣмъ, «чтобъ воинскіе люди къ Симбирску и къ. . . . Симбирской чертѣ на русскія и на мордовскія деревни безвѣстно не пришли и дурна какого не учинили и уѣздныхъ людей не повоевали и не побили и въ полонъ не поимали»[1]). Сверхъ того, въ мѣстахъ степныхъ по чертѣ учреждены были *подъѣзды*, *станы* и *сторожи*. «Въ подъѣздъ посылались служилые люди изъ города за приписанную къ нему черту, въ степь, для «провѣдыванія вѣстей про непріятельскихъ воинскихъ людей». Иногда отправляема была съ тою же цѣлью *станица*, т. е. нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ. Мѣсто, гдѣ они обыкновенно останавливались для собиранія свѣдѣній, называлось *станомъ*, или также станицей, отчего и самые служилые люди назывались *станичниками*. Напротивъ, *сторожи* были такіе пункты или возвышенныя мѣста, гдѣ постоянно находились сторожа, наблюдавшіе за всѣмъ, что происходило въ степи. Извѣстно, что такіе сторожи были разставлены не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго, такъ что вѣсти о непріятеляхъ передавались въ городъ чрезвычайно скоро посредствомъ извѣщенія ими другъ друга, а ближайшимъ къ городу сторожемъ самого городскаго начальства. Такія вѣсти . . . . сообщались тотчасъ въ другіе города, въ которые назначено было правительствомъ. Подобныя сообщенія производились чрезъ вѣстовщиковъ, нарочно для того приставленныхъ» [2]).

---

[1]) Акт. Ист. т. V. № 208,

[2]) Арх. Ист. Юрид. свѣд., статья Н. В. Калачева, с. 69.

ГЛАВА II-я.

Казанскій уѣздъ, его сходство и отличіе отъ Свіяжскаго уѣзда. Правительственныя мѣры для защиты Казанскаго уѣзда въ концѣ XVI вѣка и колонизація его въ это время и въ началѣ XVII столѣтія. Распространеніе христіанства между инородцами въ первой четверти XVII вѣка и хозяйственное состояніе ихъ земель въ это время. Поселенія въ Казанскомъ уѣздѣ около половины XVII столѣтія и его колонизація въ это время. Закамскія земли въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣковъ. Калмыки въ Поволжьѣ. Сооруженія на Закамской чертѣ и заселеніе ея. Положеніе крестьянъ въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ въ первой половинѣ XVII ст.

Казанскій уѣздъ послѣ утвержденія въ немъ русской власти, при водвореніи здѣсь пришлаго русскаго населенія, находился отчасти въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ и Свіяжскій уѣздъ. Поэтому нѣкоторыя хозяйственно-колонизаціонныя явленія, съ которыми мы познакомились уже въ Свіяжскомъ уѣздѣ, встрѣчаются намъ и въ Казанскомъ уѣздѣ, лежавшемъ на лѣвой, луговой сторонѣ Волги. Казанскій уѣздъ, какъ и Свіяжскій, покрытъ былъ большей частью огромными лѣсами, по которымъ въ разнообразномъ направленіи текли разной величины рѣки. Вслѣдствіе этого и здѣсь поселенцы большею частью предпочитали вначалѣ селиться на пустошахъ, которыхъ въ Казанскомъ уѣздѣ даже было больше, чѣмъ въ Свіяжскомъ, ибо прежде онъ былъ гораздо населеннѣе послѣдняго. Такимъ образомъ значительныя пространства перелоговъ и зарослей при сравнительно небольшомъ пространствѣ пахоты, вмѣстѣ съ обширными лѣсными и сѣнокосными угодьями составляютъ и въ Казанскомъ уѣздѣ явленіе, часто

повторяющееся[1]). Но Казанскій уѣздъ, имѣя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходство съ Свіяжскимъ, въ другихъ не мало отъ него различается. Казанскій уѣздъ, говоря вообще, обнимаетъ собой земли луговой стороны р. Волги; пространствомъ своимъ онъ гораздо обширнѣе Свіяжскаго; земли, входившія въ его составъ, орошались слѣдующими рѣками: Илетью и Казанкою, впадавшими въ Волгу, и Міошею, притокомъ р. Камы. Съ одной стороны Казанскій уѣздъ соприкасался съ Волгою, а съ двухъ другихъ—граничилъ Камою и Вяткою. Въ Казанскій уѣздъ съ самаго начала входилъ Лаишевскій острожекъ на р. Камѣ; къ нему же принадлежалъ пригородъ Арскъ на р. Казанкѣ и пригородъ Алатъ на одномъ изъ притоковъ р. Илети. Въ соотвѣтствіи съ болѣе обширнымъ пространствомъ Казанскаго уѣзда, и земли его по свойствамъ своимъ были разнообразнѣе, чѣмъ земли Свіяжскаго уѣзда: около Камы встрѣчаемся съ полосою чернозема[2]), между тѣмъ какъ въ области средняго теченія рѣки Вятки, почва съ самаго начала не отличалась плодородіемъ. Наконецъ, особенность Казанскаго уѣзда, имѣвшая не маловажныя слѣдствія для его населенія заключалась въ томъ, что онъ довольно значительною своею частью примыкалъ непосредственно къ р. Камѣ, за которою тянулись безграничныя пространства, свободныя въ тогдашнее время отъ осѣдлаго населенія; здѣсь начиналось царство кочевыхъ народовъ, признававшихъ, правда, авторитетъ русской власти, но въ то же время не стѣснявшихъ себя въ нападеніи и грабежѣ русскаго окраиннаго населенія. Вслѣдствіе подобнаго сосѣдства и опасностей, съ которыми оно было сопряжено для населенія Казанскаго уѣзда, русское правительство вскорѣ послѣ завоеванія Казани занялось вопросомъ о защитѣ своихъ подданныхъ отъ кочевыхъ обитателей степи. Прежде всего оно обратило вниманіе на тѣ мѣста по р. Камѣ, которыми Ногайцы пользовались для перехода съ лѣвой, низменной, стороны

[1]) Писц. кн. аз. у. за № 643 лл. 185, 186, 398, 399, 412—414 и др.
[2]) Списки насел. мѣстъ Рос. имп. Казанск. губ. 4 стр.

на правую, нагорную. Въ одномъ такомъ пунктѣ построенъ былъ Лаишевскій острогъ или городъ, а другой—Анатошскій перевозъ—поручено было стеречь крестьянамъ ближайшей деревни, названной сторожевою; за эту службу имъ дана была пахотная земля и угодья[1]). Послѣдняя мѣра въ глазахъ правительства, по всей вѣроятности, была лишь временной, потому что въ концѣ XVI вѣка въ этихъ мѣстахъ мы застаемъ построенными два острога, изъ которыхъ одинъ находился на правомъ берегу Камы, а другой подлѣ на рѣчкѣ Беткѣ, впадающей тутъ же въ р. Каму. Оба острога были деревянные и имѣли по пяти башенъ съ треия острожными воротами. Относительно того, на сколько эти остроги достигали цѣли, ради которой они были воздвигнуты, мы можемъ отчасти догадываться по довольно значительному населенію, находимому въ здѣшнихъ мѣстахъ въ концѣ XVI столѣтія. Около острога, что̀ на берегу Камы, раскинулась большая слобода, получившая наименованіе «Рыбной»—отъ промысла, которымъ занимались ея жители. О выгодахъ этого занятія въ здѣшнихъ мѣстахъ и о зажиточности населенія слободы можетъ свидѣтельствовать не только величина оброка, платимаго отдѣльными членами этой общины, но также и то, что церковь, съ теплою трапезою, съ образами, книгами и мѣдными колоколами, означена какъ «сооруженіе и строеніе мірское»; церковной пашни не было,—священникъ и клиръ жили приходомъ. Въ слободѣ находилось 69 дворовъ крестьянскихъ оброчныхъ, платившихъ «въ государеву казну за рыбу 49 рублей, 26 алтынъ, 4 деньги»; въ этой же слободѣ было семь лавокъ, которыми владѣтели торговали «безоброчно». Нѣкоторые крестьяне—13 человѣкъ—составили изъ себя особую общину и, сверхъ рыбной ловли, занялись еще пахотою; но такъ какъ здѣшняя земля покрыта была лѣсомъ, то они стали ее расчищать и въ концѣ столѣтія о нихъ сказано «пашутъ *своей росчисти* 32 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ безоброчно до государева указу». Рыбная

[1]) «Поволжье въ XV и XVI вв.» сс. 240 и 255 съ примѣчаніемъ.

слобода была дворцовою и въ ней находилось «государево садовое озеро», сдѣланное крестьянами, которые «рыбу въ озеро сажають и стерегутъ и изъ озера рыбу вынимаютъ»[1]) Немного выше Рыбной слободы лежитъ дворцовое село Анатошъ, въ которомъ было «три государевы житницы» и дворъ прикащика; въ селѣ находились 30 дворовъ пашенныхъ крестьянъ, обрабатывавшихъ «на себя» 130 четвертей въ каждомъ полѣ, и 13 дворовъ оброчныхъ, вносившихъ оброкъ большей частью (9 дв.) по 4 гривны съ двора на годъ. Нѣсколько повыше села Анатошскаго, на рѣкѣ Беткѣ, притокѣ Камы, стоялъ другой острогъ—Бетки, получившій свое названіе отъ рѣки, на которой находился; около острога расположено было село Бетки съ церковью, церковною пашнею, 35 дворами пашенныхъ крестьянъ и семью оброчными дворами, платящими большею частью по 10 алтынъ (6 двор.) на годъ; пахоты у крестьянъ села Бетки было столько же, сколько и у Анатошскихъ, сѣнокосъ же гораздо большій[2]). Къ этимъ дворцовымъ селамъ

[1]) Среди оброчныхъ крестьянъ въ Рыбной слободѣ между прочимъ значится: «Дворъ Василія Ѳедорова Карачева— оброку платитъ за 3 рыбы полтора рубля. Дворъ Микифоръ Архиповъ, земли росчистить на четь, оброку платитъ за 3 рыбы полтора рубля. . . дв. Василій *Пермитинъ*, оброку платитъ за полторы рыбы — 40 алтынъ съ полугривною; дворъ Варлаамъ Петровъ *Пермитинъ*, оброку платитъ за полторы рыбы 25 алтынъ. Дворъ Меньшой Ивановъ оброку платитъ за 2 рыбы рубль. Дв. Семенъ Ивановъ оброку платитъ за рыбу 16 алтынъ» и т. д. Такихъ дворовъ описано 39. Въ этой же слободѣ дворы оброчные,—всѣхъ дворовъ 30: «оброку платятъ съ дворовъ своихъ ровно—по 12 алтынъ 3 деньги съ двора». «Въ той же Рыбной слободѣ *дворы нищихъ старцевъ*: Дв. Митька Ивановъ, дв. Митька *Слѣпой*. Тое жъ Рыбные слободы крестьяне Василій Ѳедоровъ Карачевъ, Иванъ Троѳимовъ и Микифоръ Архиповъ съ товарищи 13 человѣкъ пашутъ своей росчисти, а хто сколько пашетъ — то писано поимянно». Писц. книга Каз. у. за № 153 лл. 1447—1454.

[2]) У крестьянъ дворцоваго села Анатошъ сѣна было 600 коп., да въ угодьяхъ у нихъ 2 рѣчки Анатошъ и Бетка; на послѣдней было «государева мельница Большое колесо». У крестьянъ села Бетки сѣна 2000 коп. Не обусловливается ли этою значительною разностью въ сѣнокосѣ то, что въ селѣ Беткахъ означено въ «живущемъ» 13 вытей, а въ селѣ Анатошѣ 10 вытей, не смотря на то, что пахота крестьянская по количеству четей одна и та же—130 четей въ каждомъ полѣ—? Тамъ же лл. 1431—1437.

въ концѣ XVI вѣка тянуло шесть деревень, изъ коихъ въ одной—деревня Урай—находилось 25 дворовъ крестьянскихъ, семь дворовъ оброчныхъ и пять дворовъ льготныхъ; въ остальныхъ деревняхъ число дворовъ было не такъ велико, но количество вытей, числившихся въ это время за ними, указываетъ намъ на довольно значительную величину ихъ пахоты и слѣдовательно на порядочную степень зажиточности[1]). Объ одной деревнѣ сказано даже, что «стала послѣ писцовыхъ книгъ Микиты Борисова», т. е., послѣ 1567 года,— можетъ быть, она появилась уже вслѣдствіе увеличившейся безопасности въ здѣшнихъ мѣстахъ послѣ построенія острожковъ[2]).

Выше было замѣчено, что Казанскій уѣздъ по нѣкоторымъ явленіямъ, которыми съ самаго начала сопровождалось его заселеніе, сходенъ со Свіяжскимъ; это сходство заключается въ несоразмѣрности перелоговъ, зарослей, лѣсныхъ и сѣнокосныхъ угодій съ пахотою въ вотчинахъ духовенства и въ помѣстьяхъ служилыхъ людей. Подобные факты въ хозяйственной жизни выступаютъ здѣсь тѣмъ рельефнѣе, что населеніе повидимому на многихъ земляхъ только что успѣло отстроиться, ибо въ описи не рѣдко прямо говорится «что выти еще не учинены, крестьяне живутъ на льготѣ»[3]). Такой фактъ, часто повторяясь въ хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ общинъ, выдѣляется также и въ общей суммѣ обработанной земли у крупныхъ землевладѣльцевъ Казанскаго уѣзда[4]). Вслѣдствіе дѣятельности

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Опнякѣ находилось 16 дворовъ, которые сидѣли на 6 вытяхъ; въ деревнѣ Кузмининѣ 10 дв. сидѣли на 4 выт.

[2]) Тамъ же лл. 1437—1444.

[3]) Писц. кн. Каз. у. за № 643 лл. 186, 416 и нѣк. друг.

[4]) Такъ, напр., у Казанскаго архіепископа (1567 г.) въ вотчинахъ его въ Казанскомъ уѣздѣ было пашни доб. земли 452 чети, перелогу 735 четей, зарослей и дубровъ пашенныхъ 315 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей; сѣна 8650 коп., лѣсу пашеного 430 десят., да лѣсу пашенного и непашен. на 17 вер. въ длину и 9 попер. У Спасскаго Преображенскаго монастыря, что въ городѣ Казани, въ его вотчинахъ паш. добр. зем. 203 чети, перелогу 63 чети, зарослей и дубр. паш. 53 десят., лѣсу на 10 вер. съ полов. длины и на 7 съ полов. поперекъ. Тамъ же лл. 401—402 и 416.

крестьянскихъ общинъ, на вотчинныхъ земляхъ Спасо-преображенскаго монастыря, спустя уже тринадцать лѣтъ послѣ описи шестидесятыхъ годовъ, пахотная земля увеличивается на 60 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей. На этотъ разъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ пахоты встрѣчаемся и съ *пахотнымъ лѣсомъ* въ вотчинахъ Спасо-преображенскаго монастыря. Рядомъ съ такими фактами является совершенно естественнымъ уменьшеніе на монастырскихъ земляхъ лѣсныхъ угодій, на счетъ которыхъ отчасти и могла только увеличиваться пахота [1]). Чрезъ 12 лѣтъ Преображенскому монастырю была дана грамота, которою не только подтверждены были за монастыремъ прежнія его пожалованія, но предоставлены были новыя: «велѣли учинити въ старой и въ новой ихъ монастырской землѣ и что они припахали старова монастыскова лѣсу пашню на 1200 чети, что имъ роспахати въ ихъ же монастырскомъ лѣсу» [2]). Колонизаціонная дѣятельность Преображенскаго монастыря впрочемъ не ограничивалась въ это время уѣздомъ,—въ самомъ острогѣ Казанскомъ заселена была имъ слобода бобылями, которые при своемъ поселеніи получили матерьяльную поддержку отъ монастыря [3]). Другой крупный вотчинникъ Казанскаго уѣзда, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ вліятельнѣйшимъ лицемъ въ этой странѣ,—Казанскій митрополитъ, дѣйствовалъ во второй половинѣ XVI столѣтія въ культурно-хозяйственномъ отношеніи едва ли не успѣшнѣе всѣхъ въ цѣломъ краѣ. Такъ, мы знаемъ изъ царской грамоты, что въ концѣ даннаго столѣтія во владѣніи у Казанскаго митрополита находилось земли около 7871 четвертей, — на 5871 четверть болѣе противъ

---

[1]) По приписи дьяка Битяговскаго 1580 года въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря было 263 чети паш. добр. земли, 72 чети перелогу, 50 десятинъ лѣсу пашеннаго, 160 десят. зарослей и дубр. пашен.; лѣсу пашен. и непашен. на 10 вер. длины и на 6 попер. (уменьш. на полторы версты поперекъ и на полъ версты въ длину). Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. № 6429 гр. 1592 года.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, грам. 1599 г.

прежнихъ писцовыхъ книгъ; вслѣдствіе чего лишняя земля отписана была на государя и лишь по челобитью митрополита отдана была ему обратно [1]). Сохранился фактъ, свидѣтельствующій между прочимъ о колонизаціонной дѣятельности самого правительства въ это время, какъ землевладѣльца Казанскаго уѣзда. Къ 1600 году съ дозволенія правительства недалеко отъ Казани на дворцовомъ «Черномъ лѣсу поставлены» были крестьянскими общинами село Борисоглѣбское и деревня Караваева, на которыя впослѣдствіи предъявлялъ свои притязанія Казанскій митрополитъ Матеѣй[2]). Но не одни русскіе люди являются въ настоящее время дѣятелями по заселенію Казанскаго уѣзда: нѣкоторые и изъ инородцевъ, болѣе другихъ расположенные къ земледѣлію, дѣйствуютъ съ энергіею въ томъ же направленіи. Намъ извѣстно, что ясашные Чуваши деревни Тюбекъ владѣли пахотною землею недалеко отъ пригорода Арска; часть этой земли отдѣлена была правительствомъ для пригорода Арска, а общинѣ въ замѣнъ отнятой у нея земли предоставлена была на имя старосты деревни Тюбекъ по сосѣдству съ деревнею на ключѣ земля, которая была покрыта еловымъ лѣсомъ. Въ 1595 году чувашская ясашная община деревни Тюбекъ [3]), состоявшая изъ 12 дворовъ, почувствовала недостатокъ пахотной земли въ своей деревнѣ, и тогда «*они изъ своей деревни изъ Тюбека* по той дачѣ, для того что у нихъ пашни мало, *отдѣлили трехъ человѣкъ въ починокъ въ Новой Тюбекъ*—Максимка Яковлева, да Олешку Васильева, да Семена Килѣева—*въ старые въ цѣлые ясаки*», на мѣсто, отведенное имъ у ключа. Черезъ пять лѣтъ (1600 г.) чувашскіе бобыли сосѣдней деревни Чечурча отдѣлились отъ

---

[1]) Тамъ же, грам. 1627 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) Говоримъ рѣшительно *община* потому, что и въ нынѣшнее время въ деревняхъ Казанскаго уѣзда Чуваши живутъ семейнородовыми общинами, поселенія которыхъ нерѣдко носятъ названія отцовъ семейства или родоначальниковъ, впервые тутъ поселившихся. «Мат. Эт. Рос. Каз. губ.» Ритиха стр. 16, 62 и 63; «Инородцы Каз. губ.»—Сбоева стр. 18—20.

своей общины въ числѣ трехъ человѣкъ и заняли землю на цѣлый ясакъ по другой сторонѣ ключа; эту землю предоставило имъ правительство также въ замѣнъ земли, отошедшей отъ ихъ деревни для пригорода Арска. Сверхъ того спустя три года (1603 г.) изъ деревни старый Тюбекъ снова отдѣлились три Чувашенина и заняли землю на ключѣ же около своихъ товарищей; сѣли они здѣсь на полъ-ясакѣ, на льготѣ[1]). Къ концу XVI столѣтія усиливается въ Казанскомъ уѣздѣ и колонизаціонная дѣятельность Преображенскаго монастыря. Успѣху этой дѣятельности монастыря должна была способствовать какъ близость части монастырскихъ земель къ городу Казани, гдѣ находился самый монастырь, такъ, съ другой стороны, сосредоточенность монастырскихъ владѣній въ немногихъ мѣстахъ—главнымъ образомъ на притокѣ рѣки Казанки, на рѣчкѣ Ноксѣ. Въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія средства Преображенскаго монастыря увеличились новыми пожалованіями, вслѣдствіе чего въ распоряженіи его, кромѣ прежнихъ земель, находилась еще половина деревни Салмачей, село Борисоглѣбское, Плетени тожъ, съ деревнею Поповкою подъ Казанью[2]). И прежде средства Преображенскаго монастыря были немалы, — съ пріобрѣтеніемъ же земель въ столь выгодномъ мѣстѣ они должны были усилиться въ замѣтной степени, что̀ не могло остаться безъ послѣдствій для хозяйственной дѣятельности монастыря, какъ по отношенію ко вновь доставшимся ему вотчинамъ, такъ и къ находившимся прежде въ его владѣніи. Главнымъ хозяйственнымъ центромъ для подгородныхъ земель Преображенскаго монастыря въ началѣ XVII столѣтія[3]) было село Борисоглѣбское, Плетени тожъ, въ ко-

[1]) Писц. кн. Каз. у. за № 642 лл. 160—163.

[2]) Село Борисоглѣбское съ тянувшею къ нему деревнею Поповкою сперва было въ помѣстьѣ за Никифоромъ Чепчуговымъ, «а послѣ Микифора было въ государевыхъ дворцовыхъ селехъ, а дана въ Преображенскій монастырь по государевѣ грамотѣ въ 104 году» (1596). 1-ое отд. Арх. Мин. Юст. Каз. у. № 6553 л. 3 обор.

[3]) Опись селамъ, сельцамъ и деревнямъ Преображенскаго монастыря сдѣлана была Иваномъ Болтинымъ и Осипомъ Аристовымъ вмѣстѣ съ подъ-

торомъ построена была монастыремъ деревянная церковь во имя Бориса и Глѣба; при церкви былъ дворъ священника, и въ селѣ находились два монастырскихъ двора. Село Борисоглѣбское населено было бобылями, которые, живя подъ городомъ, предпочитали промышленныя занятія земледѣльческому; число ихъ въ это время было не велико и всѣ они платили одинаковый оброкъ[1]). Въ селѣ находилась небольшая монастырская пашня[2]), обрабатываемая крестьянами деревень и деревень-починковъ, которые въ данное время тянули къ селу Борисоглѣбскому. Изъ деревень, тянувшихъ къ селу Борисоглѣбскому, прежде упоминались лишь деревни Поновка и Борискова; первая, какъ мы знаемъ, пожалована была монастырю вмѣстѣ съ селомъ Борисоглѣбскимъ, вторая же упоминается въ писцовой книгѣ Казанскаго уѣзда шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Тогдашнее состояніе деревни Борисовой, какъ впрочемъ и большей части другихъ поселеній, своею пахотою, перелогомъ, населеніемъ, зарослями, значительнымъ сѣнокосомъ, большимъ пахотнымъ и непахотнымъ лѣсомъ и льготою указывало на недавность своего появленія въ здѣшнихъ мѣстахъ. О другихъ поселкахъ, примыкавшихъ къ селу Борисоглѣбскому, и пахавшихъ въ немъ монастырскую пашню[3]), говорится слѣдующее: «деревня Семибратениковъ, *Борисковъ починокъ тожъ*», въ описи же половины XVII в. о ней же сказано, что она «*стала на болотѣ* послѣ большихъ писцовъ[4])

ячимъ Иваномъ Турусовымъ въ 1603 году. Списокъ съ нихъ сдѣланъ только вотчинъ монастырскихъ и наход. подъ № 6553. 1-го отд. Каз. у.

[1]) Эта одинаковость оброка, платимаго бобылями, быть можетъ, обусловливается недавностью ихъ поселенія. Всѣхъ бобылей было 15 дворовъ и платили они по 10 алтынъ съ двора. Сверхъ того были три бобыля льготныхъ; прозвище одного было «Кожевникъ», а другаго «Костромитинъ». По окончаніи льготы они должны были платить тотъ же оброкъ—10 алтынъ на годъ съ двора.

[2]) 17 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей.

[3]) Пахали крестьяне здѣсь по десятинѣ съ выти; выть по прежнему заключала въ себѣ 10 четей въ каждомъ изъ трехъ полей.

[4]) Большими писцами именуются обыкновенно писцы 1565—67 годовъ.

деревни Борисковы на лѣсу»; о другомъ поселеніи, «деревня Харинъ починокъ» сказано въ описи половины XVII вѣка только, что она, «*стала* послѣ большихъ писцовъ *на Борисковской землѣ»*; наконецъ о третьей деревнѣ, «Новоселки», упоминается въ половинѣ XVII ст. только, что она «стала послѣ большихъ писцовъ», — при чемъ послѣдняя деревня относительно населенія и пахоты была самая развитая изъ трехъ поселковъ; затѣмъ въ этомъ отношеніи идетъ Харинъ починокъ и потомъ наконецъ Семибратениковъ[1]). Такимъ образомъ, починокъ Семибратениковъ прямо именуется починкомъ деревни Борисовы; слѣдовательно это поселеніе образовалось чрезъ выдѣленіе отъ общины деревни Борисовой отдѣльной колоніи. Надобно предполагать, что и Харинъ починокъ образовался такимъ же образомъ, потому что о немъ сказано, что онъ возникъ послѣ большихъ писцовъ на землѣ, принадлежавшей деревнѣ Борисовой; только, вѣроятно, его основаніе предшествовало починку Семибратеникову, ибо въ немъ населенія и пахоты въ началѣ столѣтія было болѣе, чѣмъ у послѣдняго. Быть можетъ, и появленіе деревни Новоселокъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ деревнѣ Борисовой, ибо, кромѣ ея названія, она также возникла «послѣ большихъ

---

[1]) *Деревня Борисова* (оп. 1567 г.) на озерѣ на Кабанѣ на верхнемъ, 3 дв. крест. (только въ одномъ дворѣ одинъ человѣкъ, а въ остальныхъ двухъ больше), паш. доб. земли 13 четей, перелогу 4 чети, зарослей и дубровъ паш. 5 десят. въ каждомъ полѣ, сѣна 150 коп.; лѣсу паш. и непашен. полторы версты въ длину и 1 вер. попер.; *Деревня Борисова* Большая на озерѣ на Кабанѣ (оп. 1603) крест. дв. 11, 4 выти, крестьянскіе пашни 37 четей въ каждомъ полѣ, сѣна 70 коп., земля добрая; лѣсу непашен. полторы версты. *Деревня Новоселки, на озерѣ на Кабанѣ*, 13 дв. крестьянъ, 4 выти, пашни крест. 40 чети, сѣна нѣтъ, косятъ наймуя на сторонѣ; лѣсу непашеннаго около поль 3 десятины. *Дер. Харинъ починокъ*, на истокѣ, 6 дв. крест. да дворъ бобыльск., 2 выти; паш. крест. пах. 20 чети въ кажд. полѣ; земля добрая; сѣна и лѣсу нѣтъ, сѣно косятъ наймуя на сторонѣ. *Дер. Семибратениковъ*, Борисковъ починокъ тожъ, 5 дв. крест. въ живущемъ 1 выть съ четью, пашни крест. пах. 12 чети въ кажд. полѣ, сѣна и лѣсу нѣтъ, косятъ наймуя на сторонѣ» Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 643 л. 415. 1-го отд. Каз. у. № 6553 лл. 5—8.

писцовъ» и стояла на томъ же озерѣ, на которомъ съ самаго начала основалась община деревни Борисовой. Быть можетъ, болѣе раннее основаніе деревни Новоселокъ [1]) и довольно скорое увеличеніе въ ней населенія и пахоты были причиною того, что память объ этой связи ея съ деревнею Борисовой исчезла въ началѣ XVII столѣтія. Изъ другихъ вновь появившихся поселеній Преображенскаго монастыря только относительно деревни-починка Решетникова съ нѣкоторою вѣроятностью можно указать на его происхожденіе. Опись починка Решетникова помѣщена непосредственно вслѣдъ за описью сельца Клыки и начинается такимъ образомъ: «деревня-починокъ Решетниковъ *на болотцѣ мшаномъ, сталъ ново на лѣсу промежъ сельца Клыковъ*». Дѣйствительно, у сельца Клыки Мельничные, что на р. Ноксѣ [2]), вмѣстѣ съ деревнями Большіе и Средніе Клыки на той же рѣкѣ, былъ въ 1567 году во владѣніи общій лѣсъ, простиравшійся на 2 версты въ длину и на одну версту поперекъ; въ самомъ сельцѣ Клыкахъ въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, правда, не было крестьянъ, а находились лишь два монастырскихъ двора да монастырская пашня съ сѣнокосомъ [3]),—но въ началѣ XVII столѣтія въ этомъ сельцѣ уже жила крестьянская община изъ 14 дворовъ, которая имѣла довольно порядочную пахоту, кромѣ монастырской [4]).

Такимъ образомъ, возникновеніе починка Решетникова при помощи общины сельца Клыки представляется весьма вѣроятнымъ, особенно, если принять во вниманіе незначительность въ данное время населенія и пахоты въ поселкѣ [5]), равно какъ и

---

[1]) Вслѣдствіе этого, вѣроятно, только въ ней среди угодій и попадается лѣсъ, въ то время, какъ у другихъ поселковъ его нѣтъ.

[2]) Клыки *Мельничные*, ибо на рѣкѣ Ноксѣ находилась мельница Большое колесо.

[3]) «Пашни монастырскіе добрые земля 30 четей въ каждомъ полѣ, а сѣна по р. Ноксѣ и около поль 100 пай».

[4]) Писц. кн. за № 613 и 1-го отд. Каз. у. № 6553, л. 9—10.

[5]) Въ починкѣ Решетниковѣ находилось 306 крест. и 7 четей пахоты въ одномъ полѣ; сѣна 30 копенъ.

то, что его крестьяне во время описи находились еще на льготѣ, что все вмѣстѣ взятое указываетъ на недавность появленія поселка. О возникновеніи остальныхъ поселковъ, съ которыми впервые встрѣчаемся въ началѣ XVII столѣтія, мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, вслѣдствіе отсутствія въ этомъ направленіи какихъ либо указаній [1]). Изъ отношеній же нѣкоторыхъ новыхъ поселковъ къ тому или другому хозяйственному центру въ настоящемъ случаѣ мы не рѣшаемся дѣлать какого либо предположенія [2]). Изъ другихъ измѣненій, происшедшихъ за настоящій промежутокъ времени въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря, слѣдуетъ отмѣтить превращеніе починка Сафарова на р. Ноксѣ въ село Богородское. Въ соотвѣтствіе съ этимъ мы находимъ въ немъ теперь церковь, строенія монастырскаго, съ дворомъ при ней священника, съ дворами монастырскими и съ монастырскою же пашнею, обрабатываемою квестьянами села Богородскаго и деревень, примыкавшихъ къ нему въ хозяйственномъ отношеніи. Хотя число крестьянскихъ дворовъ села было невелико, но зажиточность ихъ, судя по крестьянской пахотѣ и по тому, что сельская церковь снабжена была образами, книгами, колоколами и утварью на счетъ прихожанъ, вѣроятно, была порядочная. Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности этого поселенія: величина сѣнокоса въ немъ осталась та же, что и прежде, равно какъ не измѣнилось и пространство непаханнаго лѣса; послѣднее обстоятельство впрочемъ объясняется въ концѣ описи: «а въ томъ лѣсу борти, вотчинники Татаровя, а оброкъ даютъ въ

---

[1]) Это новыя поселенія суть слѣдующія: *деревня-починокъ Хариповской* 5 дв. крест. на 5 вытяхъ, сѣна нѣтъ, живутъ на льготѣ. *Деревня-починокъ Черемхинъ*—4 дв крест., на 1 выти, сѣна около поль 40 коп. *Починокъ Некрасовъ*,—въ немъ 2 дв. крест. (въ однемъ дворѣ живетъ «Некраско Кузьминъ, да сынъ Якунко») оба двора на полторы выти, сѣна 45 коп.; два поселка стоятъ на р. Ноксѣ. № 6553 лл. 13, 18—19.

[2]) Крестьяне деревни-починка Черемхина вмѣстѣ съ крестьянами деревни Большихъ Клыковъ пахали монастырскую пашню въ деревнѣ Подсѣкѣ, а крестьяне починка Некрасова пахали монастырскую пашню вмѣстѣ съ крестьянами другихъ деревень въ селѣ Богородскомъ.

монастырь». Такимъ образомъ, значительное увеличенiе пахотной земли, находимое нами въ селѣ Богородскомъ, сравнительно съ тѣмъ, какое было въ починкѣ Сафаровѣ, произошло главнымъ образомъ на счетъ перелогу и зорослей, которые съ самаго начала въ довольно значительномъ количествѣ встрѣчаются въ починкѣ [1]). Съ монастырскимъ хозяйствомъ въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря въ данное время встрѣчаемся одинаково какъ въ селахъ и сельцахъ, такъ и въ деревняхъ. Даже можно сказать, что самая значительная пахота монастырская находится теперь въ деревнѣ [2]), между тѣмъ какъ въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія монастырская пашня была лишь въ одномъ сельцѣ Клыкахъ. При этомъ нужно упомянуть, что монастырь для пахоты и для другихъ своихъ промысловъ пользуется уже не только трудомъ крестьянъ, живущихъ на его земляхъ, но содержитъ еще и порядочное количество рабочихъ людей («дѣтенышевъ»), обозначаемыхъ какъ «годовые наемные»; судя по такимъ ихъ прозвищамъ, какъ «Нижегородецъ» или «Вологжанинъ», они приходили въ Казанскій уѣздъ изъ разныхъ, и не близкихъ, мѣстъ [3]). Пространство монастыр-

---

[1]) *Починокъ Саваровъ* (оп. 1567) на р. Ноксѣ, а въ немъ крест. 3 дв., паш. доб. зем. 5 чет., да перелогу 20 четей въ каждомъ полѣ, да зарослей и дубровъ пашенныхъ къ тремъ полямъ 15 десятинъ; сѣна по рѣкѣ и по дубровѣ 100 коп.; лѣсу паш. и непаш. около поль по смѣтѣ 50 десятинъ. Да у того жъ починка монастырская мельница Большое Колесо, а у мельницы дворъ монастырскій, а живетъ въ немъ мельникъ старикъ Якимъ». *Село Богородское, а Саваровъ починокъ тожъ* (оп. 1603) на р. Ноксѣ, а въ немъ храмъ древянъ Успенія преч. Богородицы, монастырское строеніе, а въ церкви образы и книги и всякое строеніе мірское, дворъ монастырской, а въ немъ живутъ старцы изъ монастыря наѣздомъ, перемѣняясь, да 2 дѣтеныша (работника); на монастырскомъ же дворѣ дворъ коровей, а въ немъ живетъ мельникъ, . . . пашни монастырскіе 22 чети съ осьминою, пашутъ Богородскаго села крестьяне, да Енгильдеевскаго, да Некрасова починка, да деревни-починка Полянокъ» крест. двор. 10, «въ живущемъ полъ пяты выти, пашни пах. крестьянскіе 45 четей въ каждомъ полѣ . . сѣна по рѣкѣ и около поль по дубровамъ 100 коп. лѣсу непаш. 50 десят., а въ томъ лѣсу борти, вотчинники татаровя, а оброкъ даютъ въ монастырь». Писц. кн. Каз. у. за № 643 л. 411; 1-е отд. Каз. у. № 6558, л. 17.

[2]) Деревня *Подсѣка* за Арскимъ полемъ.

[3]) 1-го отд. Каз. у. № 6553 лл. 5, 9, 15, 17, 20.

ской пахоты, обрабатываемой лишь монастырскими крестьянами, увеличилось болѣе, чѣмъ въ два раза, противъ того, какою мы ее оставили въ XVI столѣтіи [1]). Число крестьянскихъ дворовъ съ 44 увеличилось до 121 двора. Крестьянская пашня отъ 263 четвертей возросла до 840 четвертей въ каждомъ полѣ. Въ нѣкоторомъ отношеніи съ увеличеніемъ пахотной земли въ монастырскихъ вотчинахъ и умноженіемъ населенія въ нихъ должно находиться уменьшеніе лѣснаго пространства,—которое дѣйствительно съ 10 верстъ длины и 6 поперекъ умалилось до 6 верстъ длины и 3 съ половиною поперекъ. Но прибыль сѣнокоса въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря, какъ и въ поселеніяхъ Свіяжскаго уѣзда въ XVII столѣтіи, находится не въ соотвѣтстіи съ увеличеніемъ пахотной земли; мы уже видѣли, что въ нѣкоторыхъ новыхъ монастырскихъ поселеніяхъ подъ Казанью сѣна совсѣмъ не было,—въ описи говорится: «косятъ наймуя на сторонѣ»; въ иныхъ поселеніяхъ сѣнокосы совсѣмъ не увеличились, а въ другихъ если и замѣтно увеличеніе, то въ размѣрахъ очень скромныхъ [2]). Слѣдуетъ упомянуть также и о томъ, что въ монастырскихъ селахъ и въ деревняхъ въ началѣ XVII столѣтія совсѣмъ не встрѣчаемся съ перелогами и зарослями на пахотной землѣ,—явленіе, косвенно свидѣтельствующее объ удовлетворительномъ состояніи здѣсь крестьянскаго и монастырскаго хозяйствъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря находимъ три мельницы, которыя принадлежали къ одному типу—«Большое колесо» и расположены были на р. Ноксѣ. Въ старыхъ сельцахъ и въ дерев-

---

[1]) Прежде монастырская пашня въ сельцѣ Клыкахъ состояла изъ 30 четей въ каждомъ полѣ, а теперь—84 четей въ каждомъ полѣ; 19 четвертей обрабатывали дѣтеныши.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ сельцѣ Клыкахъ на р. Ноксѣ въ шестидесятыхъ годахъ было 100 коп. и въ началѣ XVII ст. столько же. Въ сельцѣ Среднемъ Клыкѣ, на той же рѣкѣ сперва 150 коп., и впослѣдствіи столько-же. Починокъ Шамасырь сперва 50 коп., потомъ ставши деревнею въ началѣ XVII в. 80 коп. и другіе подобные же факты. Писц. кн. Каз. у. за № 643 и 1-ое отд. Каз. у. № 6553 л. 3, 12.

няхъ, находившихся на р. Ноксѣ, пахота и населеніе увеличились за этотъ промежутокъ времени болѣе, чѣмъ вдвое противу того, какими они были въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія. Сверхъ того, на р. Ноксѣ появляются новыя поселенія [1]), которыхъ крестьяне также обзаводятся пашнею и потребляютъ лѣсъ въ мѣстахъ близкихъ къ рѣкѣ. Вслѣдствіе подобной дѣятельности количество влаги должно было уменьшиться, и воды въ рѣкѣ въ послѣднее время не могло уже быть такъ много, какъ въ началѣ появленія здѣсь поселеній. Въ результатѣ сила водной стремительности въ рѣкѣ Ноксѣ стала гораздо слабѣе, и мельницы, расположенныя на рѣкѣ, не могли теперь всѣ успѣшно работать, вслѣдствіе чего, вѣроятно, одна мельница на р. Ноксѣ упразднена совсѣмъ и либо перенесена, либо вновь построена на другой рѣкѣ, на Сельдѣ. Но и старыя мельницы на р. Ноксѣ величиною своихъ поставовъ теперь уже не всегда были подъ силу рѣкѣ, на которой стояли, потому что о нихъ говорится: «а мелетъ вешнею полою или дождевою скопленною водою» [2]).

Въ заключеніе укажемъ еще одну особенность, съ которою вначалѣ встрѣчаемся въ поселеніяхъ Преображенскаго монастыря въ Казанскомъ уѣздѣ, и на ея послѣдующее видоизмѣненіе. Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ монастырскихъ шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка среди поселенцевъ вмѣстѣ съ русскими крестьянами живутъ «новокрещены, полоняники и Чуваши»; объ одномъ починкѣ даже прямо сказано: «а живутъ въ немъ Татаровя на льготѣ» [3]). Въ началѣ XVII столѣтія во всѣхъ этихъ поселеніяхъ, не исключая починка, все населеніе

---

[1]) На р. Ноксѣ расположены были—деревня-починокъ Хариповской и починокъ Некрасовъ.

[2]) Тамъ же лл. 9, 17, 19.

[3]) Смѣшанное населеніе на земляхъ Преображенскаго монастыря въ 1567 году встрѣчается въ сельцѣ Средній Клыкъ и въ сельцѣ Куюкѣ; имена и прозвища такого рода: «Малахъ полоняникъ, Серга Дочшакъ Осташевъ, Енакъ, Еней и др. Починокъ, въ которомъ живутъ татаровя, называется Шамасырь, въ немъ 6 дв.: дв. Шамасырь, дв. Аникей, дв. Марча Осановъ и др.» Писц. кн. Каз. у. за № 643 л. 413 и др.

носитъ православныя имена съ русскими прозвищами,—слѣдовательно совершилось полное претвореніе за этотъ промежутокъ времени инородцевъ и иновѣрцевъ въ православныхъ русскихъ людей [1]).

Изъ приведенныхъ очерковъ можно видѣть, что на луговой сторонѣ Волги, какъ это мы видѣли ранѣе въ нагорной, дѣло русской колонизаціи и культуры подвигалось довольно успѣшно во второй половинѣ XVI столѣтія. Но съ наступленіемъ эпохи смутъ и въ Казанскомъ уѣздѣ, какъ въ Свіяжскомъ, исчезла безопасность личности и собственности, начались убійства и разоренія не только деревень и селъ, но также и городовъ. И здѣсь, на луговой сторонѣ, преимущественными дѣятелями при разореніяхъ являются инородцы, которые не останавливались и предъ религіозною святынею; такъ, въ одной изъ грамотъ смутнаго времени говорится, «что всякіе воры, и Черемиса и многіе люди городъ Котельничъ взяли и церкви Божіи осквернили и многихъ людей побили и до основанія разорили» [2]). Судя по оскверненію церквей, слѣдуетъ предполагать, что въ данномъ дѣлѣ главными дѣятелями были язычники Черемисы, у которыхъ грабительскіе инстинкты были изощрены, а христіанская святыня не имѣла никакого значенія. Вслѣдствіе отсутствія безопасности и большихъ разореній, въ уѣздѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не собирали доходовъ, такъ что денегъ на общественные расходы въ Казани не было. Объ этомъ сами Казанцы свидѣтельствуютъ въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣнія: «а у насъ въ Казани въ сборѣ денегъ нѣтъ, потому всякихъ доходовъ съ Чуваши и съ Черемисы съ дворовъ ясашныхъ и съ вотчинъ оброчныхъ денегъ

---

[1]) Въ сельцѣ Куюкахъ въ 1603 г. староста Терешка Григорьевъ, затѣмъ Якунка Леонтьевъ, Посничко Андреевъ, Ивановъ, Васильевъ, Ѳедосѣевъ, Михайловъ и др. Въ деревнѣ Малые Татарскіе Клыки, что былъ починокъ Шамасырь, Савка Андреевъ, Вахрамѣйко Дмитрѣевъ, Петрушка Ѳедоровъ, прозвище Веверинъ, Лучка Петровъ, Ѳедька Ивановъ и др. (всѣхъ 9 двор.). 1-ое отд. Каз. у. № 6553. лл. 12 и 16.

[2]) Ак. Арх. Эксп. т. II-ой № 148.

не имано для смутнаго времени *по три годы ни одное деньги, и кабаки заперты были по многое время и таможенныхъ пошлинъ взяти было не съ чево»* [1]).

И въ Казанскомъ уѣздѣ съ избраніемъ Михаила Ѳедоровича на царскій престолъ не установилось полное спокойствіе, хотя и прекратилось междуцарствіе; здѣсь къ мѣстнымъ элементамъ безпокойства въ видѣ множества Черемисъ присоединялось и сосѣдство со степью, которая начиналась непосредственно за рѣкою Камою. Намъ извѣстно уже, что на правомъ берегу Камы въ нѣкоторыхъ, болѣе опасныхъ, мѣстахъ построены были острожки, укрѣпленные башнями и снабженные пищалями, отъ чего безопасность могла здѣсь нѣсколько увеличиться; мы указывали, что въ нѣкоторой связи съ этимъ, по всей вѣроятности, находится умноженіе населенія въ поселеніяхъ, которыя встрѣчаются около остроговъ. Но, быть можетъ, умноженіе населенія въ Казанскомъ уѣздѣ вскорѣ послѣ смутнаго времени и нѣкоторая зажиточность его сильнѣе соблазняла кочевыхъ обитателей сосѣдней степи, находившихъ себѣ иногда хорошихъ союзниковъ въ мѣстныхъ инородцахъ, вмѣстѣ съ которыми они могли успѣшно производить свои вторженія и разорять трудовое земледѣльческое населеніе уѣзда [2]). Вѣроятно, вслѣдствіе этого около двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія (1617 г.) въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ Казанскаго уѣзда, на ряду съ прибылымъ населеніемъ, попадается не мало дворовъ, о которыхъ прямо сказано: «крестьянскіе дворы пустые отъ татарскаго разоренья» [3]).

Землевладѣльцы съ большими средствами, владѣвшіе землями въ такихъ мѣстахъ, которыя подвергались опасности отъ

---

[1]) Собр. госуд. грам. и догов. т. II, № 256; А. А. Эк. т. II, № 188.

[2]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6129 гр. 1644 г.

[3]) Въ селѣ Бетькахъ по оп. 1617 г. на 44 двора жилыхъ, пустовыхъ отъ вышеприведенной причины 14 дв.; въ дер. Ошнякѣ, тянувшей къ Бетькамъ, на 21 дв. жилой, 4 двора пустыхъ; въ новомъ починкѣ Горбуновѣ на 9 дв. жилыхъ, 2 дв. пустыхъ. Писц. кн. Каз. уѣзда за № 153, № 508 лл. 1027—1038.

нападеній со стороны кочевыхъ обитателей степи, съ дозволенія правительства на свой счетъ воздвигали острожки «для приходу Нагайскихъ людей». Подобное позволеніе получилъ въ данное время (1617 г.) архимандритъ Богородицкаго монастыря, владѣвшій пожалованною землею въ Казанскомъ уѣздѣ «на рѣкѣ на Вяткѣ близко Камы рѣки», гдѣ у него находилось сельцо Мамадышъ, бывшее въ опасности отъ близкаго сосѣдства закамской степи [1]). Самъ великій государь, какъ крупный землевладѣлецъ, долженъ былъ тоже заботиться о безопасности крестьянъ, которые жили на дворцовыхъ земляхъ. Эта опасность, какъ мы уже видѣли, могла грозить населенію Казанскаго уѣзда, не только со стороны Камы, а также и со стороны инородцевъ, жившихъ въ уѣздѣ, изъ коихъ нѣкоторые — Черемисы—производили большія опустошенія по среднему теченію р. Вятки. Намекъ на разрушительную дѣятельность Черемисъ въ эпоху смутъ находимъ, кромѣ выше приведеннаго, еще въ другомъ мѣстѣ—по среднему теченію р. Вятки. Около двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія на р. Вяткѣ въ дворцовой Кукарской слободѣ находимъ «кругомъ слободы острогъ, а на острогѣ три пищали затинныхъ, да въ казнѣ 10 ручныхъ самопаловъ». Въ самой слободѣ въ данное время находилась деревянная церковь съ образами и колоколами «государева строенья», дворъ прикащика, 84 двора крестьянскихъ, 12 бобыльскихъ и 5 дворовъ льготныхъ. Крестьяне значатся «на отъѣзжей пашнѣ», которой только 30 четвертей «на росчистяхъ». Кромѣ того, въ слободѣ числится «церковные земли лѣсомъ поросло 40 четей, да крестьянскіе жъ земли *боровымъ большимъ лѣсомъ поросло* 180 четей» [2]). Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ одной стороны съ довольно значительною крестьянскою общиной, а съ другой—съ очень небольшою, сравнительно съ числомъ членовъ общины, пахотой, о которой говорится, что она расчищена,—слѣдовательно, прежде была покрыта лѣсомъ;

[1]) А. А. Э. т. III, № 90.

[2]) Писц. кн. Каз. у. за № 153 лл. 1556—1564.

затѣмъ упоминается о довольно значительной церковной землѣ и о большой пахотѣ крестьянской, которыя поросли лѣсомъ. По этимъ даннымъ слѣдуетъ предполагать, что прежде здѣсь находилось довольно значительное поселеніе, жители котораго распахали землю для церкви и для самихъ себя, но потомъ, быть можетъ, въ смутное время, жившая тутъ крестьянская община подвергалась нападенію и разоренію, вслѣдствіе чего земля большею частью была брошена и успѣла зарости лѣсомъ. Послѣ междуцарствія, правительство, вслѣдствіе опасностей, которыя, вѣроятно, грозили здѣсь общинѣ дворцовыхъ крестьянъ, распорядилось окружить слободу острогомъ; и вотъ къ остаткамъ отъ прежней общины крестьянской присоединяются новые,—быть можетъ, возвратились также нѣкоторые изъ разбѣжавшихся,—и стали расчищать почву, успѣвшую зарости порядочнымъ лѣсомъ. Предположеніе о разгромѣ Кукарской слободы выведено изъ показаній старосты и слободскихъ крестьянъ, что «крестьяне десятинные пашни не пашутъ и денежнаго оброку не платятъ отъ смутныхъ годовъ», и далѣе они же показали, что «платежныя отписи у нихъ поимали Черемиса въ смутные годы». Кромѣ обычныхъ льготъ крестьянъ влекли сюда еще обширныя угодья въ видѣ «рыбныхъ ловель, бобровыхъ гоновъ и всякихъ водяныхъ промысловъ», которыя предоставлены были имъ въ разномъ направленіи на много верстъ по рѣкѣ Вяткѣ и по ея притокамъ—Пижмѣ и Немдѣ [1]).

Мы видѣли разоренія, которыя Казанскій уѣздъ испыталъ въ смутное время въ разныхъ мѣстахъ, видѣли также и недостатокъ средствъ въ первое время для удовлетворенія общественныхъ нуждъ, въ то время, какъ они требовали удовлетворенія. Одною изъ общественныхъ нуждъ въ Казанскомъ уѣздѣ, гдѣ среди населенія находилось не мало всякихъ инородцевъ, были средства для содержанія стрѣльцовъ, которые должны были поддерживать авторитетъ русской власти и порядокъ, еще не вполнѣ установившійся въ краѣ, граничившемъ со

[1]) Тамъ же лл. 1561—1564.

степью и его кочевыми обитателями. Эти-то средства, быть можетъ, мѣстами взимаемыя въ очень значительномъ количествѣ, въ соединеніи съ нападеніями пришлыхъ и мѣстныхъ инородцевъ являются причинами того, что послѣ междуцарствія уже нѣкоторые крестьяне, жившіе на дворцовыхъ земляхъ, «разбѣжались отъ татарскіе шатости и отъ стрѣлецкихъ запасовъ»[1]).

Казанское царство, богатое землями, по всей вѣроятности, старалось также ихъ раздачей отдѣльнымъ людямъ извлекать для себя нѣкоторыя выгоды. Вслѣдствіе этого русское правительство послѣ завоеванія Казанскаго царства застало не мало такихъ людей, которые владѣли здѣсь землями «по старинѣ». Непосредственно послѣ завоеванія Московское правительство по понятному чувству осторожности не могло къ своимъ новымъ подданнымъ отнестись съ такимъ же довѣріемъ, какъ къ русскимъ людямъ, которыхъ оно и старается поэтому водворять въ этой странѣ въ качествѣ служилыхъ людей на доставшихся ему обширныхъ земляхъ Казанскаго царства. Въ то же время русское правительство не могло отнять землю у туземныхъ землевладѣльцевъ, которые не скомпрометировали себя участіемъ въ возстаніяхъ противъ Россіи. Поэтому мы встрѣчаемъ иногда, что нѣкоторые туземцы, обладавшіе «жеребьями», «послѣ Казанскаго взятья съ того жеребью земли въ государеву казну платятъ денежной оброкъ». По всей вѣроятности, оброкъ этотъ былъ не великъ и правительство находитъ впослѣдствіи для себя болѣе выгоднымъ подобныхъ людей обязать вмѣсто денежнаго оброка «съ жеребья служить государева служба»[2]). Этимъ, должно быть, обусловливается значительное количество служилыхъ новокрещенъ, служилыхъ татаръ и ясачныхъ чувашъ, владѣвшихъ въ Казанскомъ уѣздѣ помѣстными жеребьями и землею «безъ дачь и государевыхъ грамотъ и выписей», которые, однако, указывали правительственнымъ лицамъ, какъ на

---

[1]) Тамъ же лл. 1503—1510. (описаніе 1621 года дворцоваго села Сабуголей съ деревнями).

[2]) Писц. кн. Каз. у. за № 642, л. 27.

законное основаніе для своего обладанія, на то, «что тѣми жеребьи владѣли отцы ихъ и дядья и братья до Казанскаго и послѣ Казанскаго взятья, а они послѣ ихъ тѣми помѣстными жеребьи владѣютъ по старинѣ жъ безъ дачь» [1]). Московское правительство, съ своей стороны, послѣ замиренія края старается пользоваться умомъ и энергіею мѣстнаго населенія для государственныхъ цѣлей; русскихъ служилыхъ людей было недостаточно для удовлетворенія нуждъ здѣшняго края, поэтому правительство раздаетъ отдѣльныя жеребья и другія доходныя статьи въ помѣстье инородцамъ, обращая ихъ въ своихъ служилыхъ людей и обязывая службою себѣ въ здѣшней странѣ. Земли и угодья, бывшія за служилыми и ясачными инородцами, обыкновенно записывались въ отдѣльныхъ книгахъ, которыя не смѣшивались съ книгами, заключавшими въ себѣ земли и угодья русскихъ служилыхъ людей.

Приступая къ обзору явленій, которыя встрѣчаются намъ въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ инородческомъ хозяйствѣ Казанскаго уѣзда, мы предварительно должны остановиться на одномъ обстоятельствѣ: въ это время намъ нерѣдко попадаются въ деревняхъ и даже иногда въ селахъ земли, находящіяся во владѣніи «за служилыми за ясачными *новокрещены*». Чтобы намъ понятно было это обстоятельство, мы должны сперва указать на нѣкоторые факты, совершившіеся въ Казанскомъ уѣздѣ вскорѣ послѣ прекращенія на Руси междуцарствія.

Начало XVII столѣтія въ жизни русскаго народа, какъ извѣстно, было болѣзненною эпохою, извѣстною подъ названіемъ эпохи смутъ, о которой выше говорено было достаточно. Народъ русскій вышелъ изъ этой тяжелой эпохи побѣдителемъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что возродившійся въ лучшихъ людяхъ политическій смыслъ сообщился большинству тогдашняго общества, понявшаго необходимость для русскаго народа особеннаго политическаго единенія, которое было бы независи-

[1]) Тамъ же лл. 69—70, 140, 235 238.

нымъ отъ западныхъ сосѣдей Россіи. Но время это было временемъ возрожденія не одного только общественнаго смысла въ русскомъ народѣ, а также и временемъ возбужденія въ немъ религіознаго чувства, потому что русскій человѣкъ сознавалъ въ то время не столько политическую особенность свою отъ сосѣдей, сколько религіозную. Многіе члены русскаго общества въ соотвѣтствіи съ своимъ религіознымъ настроеніемъ склонны были видѣть въ единичныхъ и общественныхъ страданіяхъ смутнаго времени наказаніе, свыше ниспосланное за тѣ пороки и недостатки, которые обнаруживались въ нравственныхъ и экономическихъ отношеніяхъ общества тогдашняго времени [1]). Результатомъ подобнаго настроенія является обыкновенно необходимость покаянія, вслѣдствіе чего число братіи въ монастыряхъ увеличивается прибытіемъ новыхъ членовъ, ищущихъ въ монастыряхъ удовлетворенія охватившей ихъ религіозной ревности. И дѣйствительно, въ Преображенскомъ монастырѣ, что въ Казани, количество братіи въ началѣ XVII столѣтія сильно увеличилось [2]). Въ Преображенскій же монастырь пришелъ въ 1618 году, между прочимъ, и благочестивый инокъ Филаретъ. Проживая въ монастырѣ, Филаретъ часто удалялся для молитвы въ пустынныя мѣста. «Однажды, пришедъ на мѣсто, на которомъ стоитъ теперь Раифская пустынь, онъ плѣнился красотою и безмолвіемъ его и рѣшился остаться тутъ. Никого не было въ этомъ мѣстѣ, только дикіе Черемисы приходили по временамъ на озеро для принесенія языческихъ жертвъ. Скоро собрались къ нему другіе иноки, и, по смерти Филарета, здѣсь былъ основанъ монастырь» [3]).

Около двадцатыхъ годовъ этого столѣтія появился въ Казанскомъ уѣздѣ и другой монастырь, основанный инокомъ

---

[1]) Подозрѣніе, легкое отношеніе къ присягѣ, огромные росты и пр.

[2]) Въ 1614 году архимандритъ Преображенскаго монастыря въ своей челобитной царю пишетъ, что при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ въ ихъ монастырѣ «братьи было немного, *всего братовъ съ тридцать, а ныне де въ монастырь братьи умножило, братовъ съ полтараста*» Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6429, грам. 1614 г.

[3]) Правосл. собес. 1864 года Февр. «Вліяніе монаст. на .разс. народное въ Казан. краѣ» Нурманскаго 204 с. (ссылка на рукоп. библ. Казан. акад.).

Евфиміемъ [1]). Прибывши въ Казань Евфимій сталъ искать уединеннаго мѣста, которое обрѣлъ тамъ, гдѣ въ настоящее время находится Семиозерная пустынь. Это мѣсто, кромѣ озеръ, было въ то время богато еще и вѣковымъ лѣсомъ, въ которомъ жили Черемисы. Около того мѣста, гдѣ поселился инокъ Евфимій, стоялъ тогда дубъ, къ которому приходили Черемисы для принесенія языческихъ жертвоприношеній. Однажды въ этотъ дубъ ударила молнія и разбила его. Черемисы приняли это за особенное знаменіе Божіе и удалились отсюда. Къ Евфимію между тѣмъ начали сходится другіе иноки; положено было основаніе монастырю, около котораго вскорѣ стали появляться и крестьянскіе дворы. Такимъ образомъ возникъ Семиозерный монастырь [2]). Въ иномъ мѣстѣ было уже нами высказано [3]), что первымъ православнымъ монастырямъ въ здѣшнемъ краѣ, населенномъ исключительно язынками и магометанами, естественнѣе всего было являться въ городахъ, какъ единственныхъ въ тогдашнее время мѣстахъ, гдѣ жили многіе христіане. Съ тѣхъ поръ, однако, въ продолженіи пятидесятилѣтняго господства здѣсь московскаго государства, обстоятельства нѣсколько измѣнились: въ Казанскомъ уѣздѣ появляются не только русскіе служилые люди, но на земляхъ, принадлежащихъ имъ и другимъ русскимъ землевладѣльцамъ, поселяются и общины православныхъ крестьянъ, которые водворяютъ здѣсь русскую культуру. Вслѣдствіе этого и православные монастыри могли, такъ сказать, выйти изъ-за городскихъ стѣнъ, потому что они получили теперь возможность опираться на православнаго русскаго человѣка не въ городѣ только, но и внѣ городской черты. И вотъ религіозный подъемъ, наглядно обнаружившійся въ появленіи въ Казанскомъ уѣздѣ православныхъ монастырей среди инородцевъ и на землѣ для нихъ священной

[1]) Раифская пустынь находится въ западномъ направленіи отъ города Казани приблизительно въ 30 верстахъ отъ города; Семиозерная болѣе въ сѣверномъ направленіи и въ 17 верстахъ отъ Казани. Извѣстія о Семиозерной пустыни попадаются около 1625 года.

[2]) Тамъ же сс. 203—204.

[3]) Поволжье въ XV и XVI вв. 243 стр.

(они совершали въ тѣхъ мѣстахъ, какъ мы видѣли, свои языческія жертвоприношенія), долженъ былъ сказаться также и въ ревности по распространенію Христовой вѣры между инородцами. Этимъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснить значительное число служилыхъ и ясачныхъ *новокрещенъ*, съ которыми встрѣчаемся въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ Казанскомъ уѣздѣ [1]). При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что къ христіанству обращались иногда инородцы, владѣвшіе «помѣстными жеребьями безъ дачь и государевыхъ грамотъ..... по старинѣ» [2]), слѣдовательно, люди, бывшіе, повидимому, издавна обезпеченными. Кромѣ того, есть факты, показывающіе, что это обращеніе, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, было не однею лишь формальностью, потому что, напримѣръ, служилые новокрещены бывшей деревни Ишеры, среди которыхъ находились люди, искони обладавшіе землею, построили деревянную церковь, снабдили ее образами, книгами, ризами, сосудами церковными и колоколами,—все это означено, какъ «строенье служилыхъ и ясачныхъ новокрещенъ» [3]); такимъ образомъ инородческая деревня превращается въ православное село усиліями и средствами новыхъ христіанъ, что не можетъ несвидѣтельствовать объ ихъ ревности къ христіанской вѣрѣ.

Обращаясь къ хозяйству служилыхъ и ясачныхъ инородцевъ въ Казанскомъ уѣздѣ, мы прежде всего должны отмѣтить тотъ фактъ, что въ данное время у нихъ большей частью преобладаетъ сѣнокосъ надъ пахотою въ столь рѣзкой формѣ, въ какой почти не встрѣчается въ поселеніяхъ русскихъ людей [4]);

---

[1]) Служилые и ясачные новокрещены встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ уѣзда—въ деревняхъ и въ волостяхъ. См. Писц. кн. Каз. у. № 642 лл. 5—7, 58—90, 103, 124.

[2]) Тамъ же лл. 69—70.

[3]) Тамъ же.

[4]) Для примѣра—«*деревня Аганбашъ* за Ясачною Чувашею за 22 дворами пашни 198 чет. въ каждомъ полѣ, сѣна по р. Мешѣ да за р. за Камою 6600 коп. *Въ волости въ Малмыжѣ* за служилыми и за ясачными людьми пашни и перелогу и лѣсомъ поросло 248 чет. въ кажд. полѣ, сѣна на 8200 коп.; лѣсу дубровы пашенные въ длину на 3 вер., а поперекъ на 1 в. *Въ дер. Байгюзѣ* за ясачною Чувашею и за служилыми татары паш. 93 чет., сѣна 4700 коп. Тамъ-же лл. 16, 43, 124 и др.

даже у священника села Ишеры, населеннаго, какъ мы уже видѣли, ясачными и служилыми инородцами, при 16 четвертяхъ пахоты въ каждомъ полѣ числится 300 копенъ сѣна. Но и та земля, которая находилась подъ пахотою, далеко не вся была обработана удовлетворительно въ хозяйственномъ отношеніи, о чемъ свидѣтельствуютъ довольно наглядно пустоши, перелоги и зоросли, перѣдко попадающіяся на ихъ земляхъ [1]). Отсюда можно заключить, что, вѣроятно, инородцы въ Казанскомъ уѣздѣ и въ описываемое время скотоводствомъ занимались съ бо́льшею охотою, чѣмъ земледѣліемъ. Населеніе инородческихъ земель, кромѣ самихъ инородцевъ, состоявшихъ изъ служилыхъ и ясачныхъ новокрещенъ, татаръ, черемисъ и чувашъ, принадлежало также и другимъ народностямъ; такъ, напримѣръ, среди нихъ встрѣчаются «дворы латышскіе», а затѣмъ люди съ прозвищами «Латышъ», «Литвинко», «Нѣмчинъ», которые иногда занимаются пахотою и живутъ на льготѣ; между льготными земледѣльцами на земляхъ служилыхъ инородцевъ изрѣдка попадаются дворы людей съ прозвищемъ «Русакъ» [2]). Кромѣ пахотныхъ земель съ сѣнокосными угодьями за служилыми инородцами въ помѣстьѣ въ Казанскомъ уѣздѣ находились еще и другія доходныя статьи, какъ-то: рыбныя ловли въ рѣкахъ и озерахъ, бортные ухожаи, бобровые гоны, перевозы и мельницы на рѣкахъ и кабаки; къ послѣднимъ, кажется, иногда относились отдѣльныя строенія на рѣчныхъ перевозахъ и на дорогахъ, гдѣ взималось съ проѣзжихъ «таможенное». Всѣ эти доходныя статьи эксплоатировались либо непосредственно служилыми людьми, либо же сдавались ими на откупъ другимъ лицамъ. Въ общемъ и состояніе перечисленныхъ статей дохода у служилыхъ инородцевъ находилось въ несовсѣмъ удовлетворительномъ состояніи. Это лучше всего можно видѣть изъ того обстоятельства, что изъ всей суммы угодій и доходныхъ статей въ Казанскомъ уѣздѣ болѣе четверти были пусты,—слѣдова-

[1]) Тамъ лл. 5, 25, 31, 46, 122, 124 и др.
[2]) Тамъ же лл. 2, 15, 103—104, 109, 112—113.

тельно не приносили своимъ владѣльцамъ никакой выгоды [1]). Что же касается до положенія въ это время инородцевъ на луговой сторонѣ, то можно сказать, что оно въ общемъ было тоже, что и въ нагорной сторонѣ. И здѣсь воеводамъ, отправляемымъ въ какой-либо городъ, въ уѣздѣ котораго жили инородцы, поручалось «смотрѣти надъ головою стрѣлецкимъ и надъ подъячими и надъ толмачами и надъ приставы и надъ всякими русскими людьми и *беречи того накрѣпко, чтобъ они Черемисы не обидили и посуловъ и поминковъ съ нихъ не имали и насильствъ имъ нечинили*; да емужъ смотрѣти за дѣтьми боярскими за всякими сборщики и за кабацкими и за таможенными откупщики дозирати по часту, чтобъ . . . . . Царевококшайскимъ Новокрещеномъ и Черемисы и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людемъ напрасные жесточи и насильства и налоговъ и продажъ не дѣлали . . . . . а къ Новокрещеномъ и къ Черемисамъ держати ласки и привѣтъ и береженье, чтобъ они въ Царевококшайскомъ измѣнъ не завели и какова дурна не учинили»; здѣсь же поручается воеводѣ «лучшихъ людей» изъ Черемисы «имати въ аманаты» (заложники) и держать ихъ въ городѣ [2]).

Около половины XVII вѣка служилому человѣку Семену Волынскому было поручено Казанскимъ приказомъ сдѣлать опись Казанскому уѣзду. Вѣроятно, вслѣдствіе обширности и довольно уже значительной населенности этого уѣзда опись въ данное время производилась въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1648—1656 гг.). Заключалась она въ нѣсколькихъ тетрадяхъ или книгахъ, при чемъ населеніе селъ и деревень переписывались, кажется, въ отдѣльныхъ книгахъ, а пахота и угодье

---

[1]) Въ Казанскомъ уѣздѣ за служилыми инородцами числилось около 92 кабаковъ, 42 бортныхъ ухожаевъ, 6 перевозовъ на разныхъ рѣкахъ и 5 бобровыхъ гоновъ. Изъ нихъ пустыми были 25 кабаковъ, 11 бортныхъ ухожаевъ, 2 бобровые гона. Тамъ же лл. 241—242.

[2]) Арх. Мин. Юст. Родослов. кн. Рос. двор. т. I, л. 406—407. Наказъ 1626 года воеводѣ Воронову.

также въ отдѣльныхъ [1]). Въ книгахъ Волынскаго мы снова встрѣчаемся съ вотчинами Преображенскаго монастыря въ Казанскомъ уѣздѣ. Кромѣ прежнихъ поселеній, успѣвшихъ за это время большей частью видоизмѣниться въ своемъ населеніи и пахотѣ, здѣсь попадаются такіе поселки, которые вновь появились за этотъ значительный промежутокъ времени.

Село Борисоглѣбское, что подъ Казанью, въ началѣ XVII столѣтія, какъ мы знаемъ, было населено бобылями, число которыхъ не доходило до двадцати, а оброкъ, платимый ими монастырю, былъ менѣе пяти рублей. Въ половинѣ XVII вѣка село Борисоглѣбское населено оброчными крестьянами, которые «пашни не пашутъ, а оброкъ денежной платятъ въ монастырь съ дворовые и съ огородные земли». Въ немъ кромѣ трехъ причетничьихъ дворовъ, въ которыхъ живутъ своими дворами отдѣльно священникъ, дьяконъ и пономарь, находится 127 дворовъ оброчныхъ бобылей и ихъ вдовъ, вносившихъ въ монастырскую казну болѣе ста рублей. Главные плательщики въ слободѣ были, повидимому, кожевники, число которыхъ, судя по ихъ прозвищамъ, равнялось 27 дворамъ; нѣкоторые изъ нихъ платили по одному и по два рубля,—а одинъ даже вносилъ пятирублевый оброкъ [2]; за тѣмъ идутъ оброчные крестьяне съ прозвищами: «огородникъ» (шестеро), «плотникъ» (семеро), «токарь» (четверо), «скорнякъ» (двое), «портной мастеръ» (двое), «сапожный мастеръ» (двое),—далѣе по одному двору—«строгальщикъ», «шерстобитъ», «ветошникъ», «крашенильникъ», «сыромятникъ» и «калачникъ» [3]). Нѣкоторые слобожане своими прозвищами, кромѣ занятія, указываютъ иногда и

---

[1]) Сравнить слѣд. Писц кн. за № 155 и собр. грам. 1-го отдѣл. Каз. у. за № 6553 лл. 1, 25—100.

[2]) «Дворъ Васька Кондратьевъ сынъ *Кожевникъ, прозвище пастухъ*, у него 4 сына, да у него жъ купленной татаринъ Степка Романовъ сынъ *новокрещенъ*, у Степки сынъ Лукьянко,—оброку платитъ пять рублевъ» 1-ое отд. Каз. у. № 6553 л. 30.

[3]) Два двора платили оброку по три рубля, 6 дворовъ болѣе двухъ рублей, 23 двора вносили болѣе рубля, оброкъ же остальныхъ дворовъ былъ менѣе рубля.

мѣсто своей родины, откуда они пришли въ слободу,—такъ, напримѣръ, «Ярославецъ кожевникъ» или «Строгальщикъ Ярославецъ» [1]). Иные слобожане въ одно время принадлежали и къ городскому посаду и состояли членами общины села Борисоглѣбскаго,—по этому поводу въ описи говорится, что они «въ посадъ тянутъ съ полушки, а въ монастырь съ земли», или же въ другомъ мѣстѣ: «тягло тянутъ съ посадскими людьми, оброкъ платятъ въ монастырь» [2]). Но повидимому такая двойная зависимость неприятна была для правительства, потому что большею частью въ подобныхъ случаяхъ опредѣляется: «а впредь ему жить въ Казани на посадѣ». Кромѣ того извѣстно, что въ селѣ Борисоглѣбскомъ въ началѣ XVII вѣка въ небольшомъ количествѣ [3]) находилась монастырская пашня, обрабатываемая крестьянами тѣхъ деревень, которые тянули къ нему, какъ къ своему хозяйственному центру. И въ половинѣ XVII столѣтія застаемъ тутъ монастырское земельное хозяйство, но только на гораздо обширнѣйшемъ пространствѣ: здѣсь находилось «пашни монастырскіе десятинные» 63 десятины въ каждомъ изъ трехъ полей [4]). Монастырская пахота, по всей вѣроятности, воздѣлывалась по прежнему крестьянами деревень, находившихся вблизи отъ села Борисоглѣбскаго и примыкавшихъ къ нему въ хозяйственномъ отношеніи. Понятно, что въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ монастырскою пахотой должно было находиться въ данное время какъ населеніе деревень, тянувшихъ къ нему, такъ и крестьянская въ нихъ пашня. Но не во всѣхъ деревняхъ число крестьянскихъ дворовъ и пашня увеличились одинаково: въ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, въ деревнѣ Семибратеникахъ, которая, какъ мы уже знаемъ, на-

---

1) «Дворъ Максимко Якимовъ сынъ *Ярославецъ Кожевникъ*, у него сынъ Ивашко, оброку платитъ два рубля. Дворъ Логинко Ондреевъ сынъ *строгальщикъ Ярославецъ*, у него четыре сына (имена), оброку 20 алтынъ, а прежъ сего онъ Логинко въ Ярославлѣ на посадѣ, а въ селѣ Борисоглѣбскомъ за монастыремъ живетъ десятый годъ.» Тамъ же лл. 28, 39—40.

2) Тамъ же лл. 28, 34.

3) Семнадцать четвертей въ каждомъ полѣ.

4) Писц.-кн, за № 1127 л. 5.

ходилась при неблагопріятныхъ естественныхъ условіяхъ («на болотѣ»), число дворовъ увеличилось лишь однимъ; слѣдуетъ впрочемъ замѣтить при этомъ, что количество людей, жившихъ въ этихъ шести дворахъ было довольно значительное: «а людей въ нихъ 27 человѣкъ». Значительнымъ количествомъ трудовыхъ силъ, сосредоточенныхъ въ небольшомъ числѣ дворовъ, слѣдуетъ объяснить и умноженіе крестьянской пашни, находимое въ деревнѣ Семибратеникахъ, въ которой пахота могла увеличиться, главнымъ образомъ, «отъ лѣсные росчисти» [1]). Въ другихъ поселеніяхъ, тянувшихъ къ селу Борисоглѣбскому, хотя число дворовъ увеличилось и болѣе, нежели въ деревнѣ Семибратеникахъ, но увеличеніе это умѣренное; только въ деревнѣ Борисовѣ, община которой въ прежнее время отдѣляла отъ себя новые поселки и этимъ, вѣроятно, нѣсколько задерживала умноженіе своего населенія, теперь число дворовъ увеличилось почти втрое противъ предъидущаго. Но если въ остальныхъ поселкахъ число вновь прибывшихъ дворовъ и невелико, то за то количество людей, живущихъ въ этихъ дворахъ, лишь немногимъ уступаетъ деревни Семибратеникамъ. Въ соотвѣтствіи съ населеніемъ во всѣхъ деревняхъ встрѣчается значительное увеличеніе пахотной земли и, какъ кажется, большей частью отъ «лѣсные росчисти» [2]). Лѣсныя угодья въ до-

[1]) *Деревня Семибратеники* (1603 г.) паш. крестьян. 12 четей въ кажд. полѣ; земля добрая. Деревня Семибратеники (пол. XVII вѣка) *на Сухой Долѣ*, пашни 16 десятинъ съ половиною въ каждомъ полѣ «тое жъ деревни лѣсные росчисти подлѣ Ногайскіе дороги полъ третьи десятины» въ каждомъ изъ трехъ полей. 1-ое отд. Каз. у. № 6553 л. 6 обор. и л. 45. Писц. книга за № 1127 л. 6.

[2]) «*Деревня Поповка* (1603 г.) на озеркѣ 13 дв. крест., а людей въ ней 15 чел. крестьянъ, въ живущемъ 5 вытей, паш. пахан. крестьянскіе 50 чет. въ каждомъ полѣ, сѣна подъ деревнею 240 коп. лѣсу непаш. 1 верста. *Она-же* (пол. XVII в.) крест. дв. 29, а людей въ нихъ 80 челов. да 3 двора бобылей, а людей въ нихъ 6 челов. паш. крест. 84 десят. въ каждомъ полѣ сѣнныхъ покосовъ 36 десят. *Дер. Борискова* (1603) *Большая*, на озерѣ на Кабанѣ 11 дв. крест., паш. крестьянскіе 37 четей въ кажд. полѣ, лѣсу непаш. полторы версты. *Она-же* (полов. XVII в.) 31 дв. крест. и боб., людей въ нихъ 107 челов. пашни 212 дес. въ кажд. полѣ «тоежъ деревни лѣсные рос-

вольно обширныхъ размѣрахъ значились въ началѣ XVII столѣтія въ деревняхъ Поповкѣ и Большой Борисковой, вслѣдствіе чего пахота монастырская и крестьянская могли расширяться въ извѣсномъ направленіи безъ стѣсненій. Въ остальныхъ прежде существовавшихъ монастырскихъ вотчинахъ населеніе за это время умножилось въ общемъ въ два съ половиною раза противъ того числа, какое было въ нихъ въ началѣ столѣтія. Увеличеніе это встрѣчается и въ крупныхъ, и въ мелкихъ поселеніяхъ; послѣднія даже увеличиваются обыкновенно съ бо̀льшею энергіею, чѣмъ первыя [1]). Новыхъ поселеній въ Казанскомъ уѣздѣ у Преображенскаго монастыря въ настоящій промежутокъ времени прибавилось не много,—но иныя изъ нихъ заслуживаютъ вниманія. Къ подобнымъ поселеніямъ слѣдуетъ отнести новое село Егорьевское на р. Каипкѣ. Объ этомъ селѣ сказано, что это сперва «былъ погостъ особно», а затѣмъ «росчищали они (крестьяне) къ церковной землѣ изъ государевы пашни и отводного лѣсу, которой лѣсъ отведенъ и отграненъ былъ къ церкви, пашенные земли . . . . . въ трехъ поляхъ 73 десятины» [2]). Въ половинѣ XVII вѣка въ селѣ

чисти 2 десятины въ каждомъ полѣ». *Дер. Новоселки* (1603) 13 дв. кр., паш. крест. 40 четей въ каждомъ полѣ, лѣсу непашен. около поль 3 десят. *Она-же* (въ полов. XVII в.) двор. крест. и боб. 19, людей въ нихъ 67 человѣкъ, пашни крест. 40 четей въ кажд. полѣ «тоежъ деревни лѣсные росчисти 7 десят.» въ кажд. полѣ. *Дер. Харинъ починокъ* (1603 г.) на истокѣ, 6 дворовъ крест. и 1 дв. боб., паш. крест. 20 четей. *Она же* (въ пол. XVII в.) 11 дв. крест., людей въ нихъ 38 челов., паш. крест. 27 десят. въ каждомъ полѣ. «Тоежъ деревни лѣсные росчисти подлѣ Ногайскіе дороги полтретьи десятины». Арх. Мин. Юст. 1 ое отд. Каз. у. тетр. за № 6553 лл. 6, 7, 44—45, 46—48, 49. Писц. кн. за № 1127 л. 5—6.

[1]) *Деревня починокъ Енгильдѣевъ* (1603) на р. Ноксѣ 14 дв. кр. *Она же* (въ пол. XVII в.) «*по обѣ стороны р. Ноксы, стоитъ на 4 посада*, крест. и бобыльск. дворовъ 49, а людей въ нихъ 179 челов. *Деревня починокъ Хариповской* (1603) 5 дв. краст.; *она же* (въ пол. XVII в.) *стоитъ на рѣкѣ Ноксѣ на 2 посада съ проѣзжими улицы*, крестьян. и боб. дворовъ 24, людей въ нихъ 93 челов. *Сельцо Куюкъ* (1603 г.) на рѣкѣ Куюковкѣ, 40 дв. крест. и 1 дв. боб., *оно же* (въ пол. XVII с.) крест. и боб. дв. 35, людей въ нихъ 107 чел. Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6553 лл. 13, 15, 17, 19, 72—74, 82—89, 91—91, 96—100.

[2]) Писц. кн. Сем. Волынскаго № 155 л. 71.

Егорьевскомъ при церкви застаемъ три двора для причта, въ которыхъ отдѣльно жили священникъ, дьяконъ и пономарь; за тѣмъ дворъ монастырскій, гдѣ жили работники, и 40 дворовъ крестьянскихъ [1]). Изъ другихъ поселковъ монастыря слѣдуетъ указать на новое поселеніе на пустоши, которая прежде принадлежала служилому человѣку, а потомъ пожалована была Преображенскому монастырю и онъ заселилъ ее [2]). Были еще у Преображенскаго монастыря новыя поселенія за р. Камою, на лѣвой сторонѣ ея, но объ нихъ будетъ рѣчь ниже.

Обращаясь къ культурной дѣятельности другаго крупнаго поземельнаго владѣтеля Казанскаго уѣзда, къ дворцовому вѣдомству, мы должны признать, что и на его земляхъ встрѣчаемся за это время съ энергическою дѣятельностью крестьянскихъ общинъ, направленною къ устраненію значительныхъ природныхъ препятствій, которыя встрѣчались на пути земледѣлію. Впрочемъ и здѣсь дѣятельность какъ общинъ, такъ и правительства была въ разныхъ поселеніяхъ неодинакова: въ однихъ количество росчистей и величина пахотной земли умножилась сравнительно съ началомъ XVII столѣтія сильно, а въ другихъ, хотя тоже произошло увеличеніе пахоты, но сравнительно гораздо умѣреннѣе [3]).

---

[1]) 1-ое отд. Каз. у. № 6553 лл. 53—56.

[2]) Тамъ же л. 50.

[3]) Такъ въ *дворцовой деревнѣ Побѣдиловѣ починкѣ въ 1617 году* было крестьянской пашни 25 чет. въ кажд. полѣ; а въ полов. XVII в. крестьянской пашни въ ней 71 десят. въ кажд. полѣ, да «лѣсные росчисти» 16 дес. въ кажд. полѣ. Въ дворц. *дер. Заднія Атары* въ 1619 г. крест. паш. 30 четей въ кажд. полѣ, а въ полов. XVII ст. въ ней крест. паш. 88 десят. въ кажд. полѣ, да лѣсные росчисти въ разныхъ мѣстахъ 10 десят. въ кажд. полѣ. Въ дворцовомъ селѣ Веткахъ въ началѣ XVII ст. пахота крестьянская равнялась 130 чет. въ кажд. полѣ, а въ половинѣ XVII ст. въ немъ «государевы десятинные и крестьянскіе пашни 552 дес. въ кажд. полѣ.» Въ дворц. селѣ Анатошѣ въ началѣ XVII ст. крест. пашни 130 четей въ кажд. полѣ, а въ полов. XVII ст. въ немъ госуд. и крест. пашни 337 чет. въ каждомъ полѣ, и въ другихъ мѣстахъ тоже. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 153 лл. 1418 — 1517. Писцов. кн. за № 1127 лл. 4, 20—23, 117; Писцов. кн. за № 155 л. 90.

Если отъ крупныхъ поземельныхъ владѣтелей Казанскаго уѣзда мы перейдемъ къ мелкимъ, то и здѣсь, какъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ, вслѣдствіе, вѣроятно, незначительности средствъ, которыми чаще всего располагали служилые люди, и того, что ихъ помѣстья большей частью были раздроблены, ихъ владѣнія въ хозяйственномъ отношеніи уже въ концѣ столѣтія находились часто не въ удовлетворительномъ состояніи [1]). Но, не смотря на это, въ половинѣ XVII столѣтія въ Казанскомъ уѣздѣ встрѣчаются поселки съ названіями селецъ и деревень, о которыхъ сказапо, что это «починокъ-выставка» стараго села или деревни, находившагося «въ помѣстьяхъ за разными помѣщиками», при чемъ помѣщики въ выставкѣ попадаются иногда тѣ же, что и въ главномъ селѣ; иногда деревня именуется такимъ образомъ: «деревня Черемышъ новая помѣстная татарская и ясачная выставка изъ деревни старые Черемыши». Подобныя выставки какъ бы въ воспоминаніе объ общинѣ, отъ которой онѣ первоначально отдѣлились, носятъ часто названіе своей метрополіи [2]). Наконецъ въ Казанскомъ уѣздѣ встрѣчаемся еще съ явною дѣятельностью крестьянскихъ общинъ на земляхъ дворцоваго вѣдомства, богатою по своимъ культурно-колонизаціоннымъ послѣдствіямъ. Поприщемъ для

---

[1]) Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать состояніе двухъ помѣстьевъ въ Казанскомъ уѣздѣ служилыхъ людей, которые были пожалованы Троицкому Свіяжскому монастырю въ 15?3 году. Помѣстье, бывшее въ селѣ Царицынѣ за Андреемъ Плещеевымъ: при 8 дв. крестьянскихъ 40 чет. паш. доб. зем. въ кажд. полѣ, находилось 63 чети перелогу и зарослей въ кажд. полѣ. Въ половинѣ деревни Пермяковѣ, которая была въ помѣстьѣ за Михаиломъ Волынскимъ, 4 дв крест., пащ. доб. земли 50 четей въ кажд. полѣ, перелогу 38 четей въ кажд. полѣ, да дубр. пашенныхъ 10 десят. въ кажд полѣ Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6431 лл. 5, 7.

[2]) Тогожъ села *Шигалѣева выставка—сельцо*, что былъ *починокъ Шигалѣевской* на рѣкѣ на Сулѣ въ помѣстьѣ за разными помѣщики». «За Михаиломъ Посниковымъ сыномъ Неѣлова въ сельцѣ, что была *деревня Кады малая выставка изъ села Кады*». «*Тогожъ села Кишкилдѣева выстовка—деревня Кишкилдѣева*». «*Деревня Новая Мамла выставокъ* изъ Ясачной *старой деревни Мамлыжъ*» и друг. Писц. кн. за № 1127 лл. 153 — 157, 167 — 168, 172, 177, 183 и др.

этой дѣятельности являются земли по среднему теченію рѣки Вятки, не отличавшіяся благодатною почвою и чаще всего покрытыя лѣсомъ. Центральнымъ пунктомъ для группы поселеній, основанныхъ здѣсь большей частью небольшими крестьянскими общинами, является дворцовая Кукарская слобода, съ состояніемъ которой въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія мы уже ознакомились. Мы видѣли, что Кукарская слобода въ то время состояла изъ крестьянскихъ дворовъ, число которыхъ хотя и было довольно значительно (100 дв.), но крестьянская «отъѣзжая пашня» далеко не соотвѣтствовала ихъ количеству и могла вызвать предположеніе, что большая часть здѣшнихъ насельниковъ поселилась на мѣстѣ лишь послѣ смутнаго времени, отъ котораго Кукарская слобода, повидимому, сильно пострадала. Въ то же время указано было и на особенность въ этой же слободѣ, — на обширныя угодья, которыя простирались на десятки верстъ по пустыннымъ притокамъ р. Вятки. Около половины XVII вѣка на этихъ рѣкахъ и на самой Вяткѣ встрѣчаемся съ очень значительнымъ количествомъ поселковъ, большей частью носящихъ названіе—займищъ, починковъ и деревень, что были починками; большинство поселеній обладаютъ незначительною пахотою, о которой нерѣдко говорится: «пашни новоросчистные земли», или «пашни и лѣсной росчисти», или же просто: «пашни и росчисти». Крестьянскія общины въ поселкахъ состоятъ чаще всего изъ 3, 5, 10 человѣкъ, при чемъ форма выраженій нерѣдко такая: «Починокъ Матюшки Важенина съ товарищи». Изрѣдка, но встрѣчается, что поселенецъ своимъ прозвищемъ указываетъ на свое прежнее отечество; такъ, попадаются «Пермитинъ», «Перминъ» и «Двинянинъ»[1]).

---

[1]) Писц. кн. за № 1127 лл. 277 — 301. Всего на этихъ листахъ описано «за крестьяны» около 200 мелкихъ поселковъ. Для примѣра: «*Деревня что былъ починокъ Обуховской*, за Логинкомъ Левонтьевымъ, сыномъ *Обухова*, съ пятью товарищи»,—13 десятинъ въ каждомъ полѣ. «Займище вверхъ по Кукавкѣ рѣкѣ, въ черномъ лѣсу, крестьянина Емельяна Григорьева, сына Медуницына, по смѣтѣ на десятину въ трехъ поляхъ». «Деревни Жерков-

Кромѣ крестьянъ и крестьянскихъ общинъ, культурными дѣятелями въ здѣшнихъ мѣстахъ являются и представители православнаго духовенства: такъ, напримѣръ, говорится о «росчисти» попа села Петровскаго; въ Кукарской слободѣ въ данное время находимъ монастырь Покрова Богородицы, который, съ своей стороны, также поддерживалъ колонизаціонно-хозяйственную дѣятельность крестьянскихъ общинъ, основывавшихъ починки на его земляхъ по рр. Вяткѣ и Немдѣ [1]).

Представленный очеркъ показываетъ наглядно, сколь успѣшно совершалось заселеніе обширнаго Казанскаго уѣзда въ первой половинѣ XVII столѣтія. Отсюда мы можемъ видѣть, что и на луговой, какъ въ нагорной сторонѣ, главнымъ дѣятелемъ въ культурной дѣятельности Россіи въ здѣшнихъ, большей частью пустынныхъ и покрытыхъ лѣсомъ странахъ является русскій крестьянинъ и тѣ инородцы, которые больше другихъ имѣли охоты къ земледѣльческому занятію—Чуваши и Мордва. Дѣло остальныхъ дѣятелей, по всей вѣроятности, заключалось большей частью лишь въ помощи и въ поддержкѣ крестьянскихъ общинъ, которыя рѣдко сами могли обладать достаточными средствами для своей хозяйственно-колонизаціонной дѣятельности на первыхъ порахъ.

Въ то время, какъ такимъ образомъ засѣлялись и обрабатывались земли Казанскаго уѣзда, замыкаемыя рр. Волгою Камою и Вяткою, страны, простиравшіяся за Камою и отчасти примыкавшія къ Волгѣ, находились еще въ первобытномъ состояніи. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ Закамскія страны совсѣмъ не обращали на себя вниманія предпріимчиваго населенія Поволжья,—напротивъ, вскорѣ послѣ замиренія вновь

ской бобыля Петрушки Кузьмодемьянова, близко Кузьмодемьяновы деревни переложные земли»—2 десятины въ кажд. полѣ «Починокъ Осипинской на рѣчкѣ на Бѣлой, Ивашки Ларіонова Двинянина съ товарищи, пашни новоросчистные земли и подъ сѣно 5 десят.» въ кажд. полѣ. «Займище вверхъ по р. Вяткѣ, выше жерновыхъ горъ. . . Богдашки Земцова съ товарищи» 8 человѣкъ «росчисти по смѣтѣ 15 десятинъ въ трехъ поляхъ». Тамъ же лл. 278, 283, 290, 293.

[1]) Тамъ же лл. 301—304.

присоединеннаго царства мы уже встрѣчаемся здѣсь съ дѣятельностью русскихъ и инородцевъ, которые жили въ сосѣднихъ уѣздахъ луговой и нагорной сторонъ. Но эта дѣятельность вовсе не была постоянною, а временной; поэтому она нисколько не измѣняла общаго характера первобытности странъ Закамскихъ, отчасти примыкавшихъ къ Волгѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что русскіе люди, главнымъ образомъ, обращали здѣсь свое вниманіе на богатые сѣнокосные луга, находившіеся по сосѣдству съ мѣстомъ ихъ жительства, и на рыбную ловлю въ притокахъ Волжскихъ, между тѣмъ какъ инородцы нагорной и луговой сторонъ Волги въ этой сторонѣ занимались преимущественно бортными ухожаями и бобровыми гонами. Такъ, мы знаемъ изъ писцовой книги XVI вѣка и жалованной грамоты первой половины XVII столѣтія, что Преображенскій монастырь въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія ловилъ рыбу въ Чертыкѣ и въ Красномъ озерѣ «съ заводьми и съ истоки» [1]). Дозорная книга первой четверти XVII вѣка свидѣтельствуетъ, что лугами на лѣвой сторонѣ р. Волги противъ Тетюшъ пользовались «Тетюшскіе троицкіе попы и дворяне и дѣти боярскія и стрѣльцы и служилые казаки и полоненники и посадскіе люди и крестьяне монастырскіе и дѣтей боярскихъ и всякіе люди Тетюшскаго города изстари какъ и Тетюшской городъ сталъ». Здѣсь же говорится, что послѣ междуцарствія дѣтямъ боярскимъ даны были «въ угодье, а не въ помѣстье» четыре озерка, находившіяся на луговой сторонѣ Волги противъ Тетюшъ [2]). Покровскому Тетюшскому монастырю въ первой четверти XVII столѣтія предоставлены

---

[1]) Писц. кн. Каз. у. № 643. 1-ое отд. Каз. у. гр. за № 6471. Чертыкъ и Красное озеро соединяются съ р. Камою около ея устья съ лѣвой стороны. Чертыкъ, по предположенію нѣкоторыхъ, есть старое русло рѣки Камы, въ которой вода, во время своего теченія, напираетъ на правый берегъ—и поэтому отодвигается отъ лѣваго берега. Подробнѣе объ этомъ см. «Поволжье въ XV и XVI вв.» 9—15 сс.

[2]) Писц. кн. Каз. у. за № 153, подъ № 546 (1619 г.) л. 1378. Дѣти боярскія, которымъ даны были эти озера, братья Петръ и Ѳедоръ Неклюдовы.

были «рыбныя ловли и озеро Бѣлое по конецъ Арбугиныхъ горъ на луговой сторонѣ, противъ Костомскаго Яру, озеро Торопово, озеро Подгорное, противъ узей, озеро Княинка и съ протоки»[1]). Что касается инородцевъ, то они еще въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія владѣли бортными угодьями и бобровыми гонами «на Черемшанскомъ устьѣ, по Казанской дачѣ»[2]). Въ концѣ XVI столѣтія бортные ухожаи, бобровые гоны и рыбныя ловли на луговой сторонѣ, бывшіе во владѣніи служилыхъ инородцевъ, захватывали собой огромныя пространства. Такъ, напримѣръ, въ двадцатыхъ годахъ XVII-го столѣтія одинъ изъ служилыхъ инородцевъ свидѣтельствуетъ о томъ, что «за отцемъ его было бортной ухожей и бобровые гоны и рыбныя ловли за рѣкою за Камою по рѣкѣ по Волгѣ, по ногайской дорогѣ, ниже Тетюшъ, по Майнѣ рѣкѣ, Алтыбаевскій лугъ по рѣкѣ по Уреню по вершинѣ да къ Малому бору, а отъ Малаго бору по Верхній боръ и по дубровникъ и по Волгу рѣку, а по Волгѣ по рѣкѣ на низъ отъ Маинскаго устья нижняя межа по Красной Яръ, по выше Синбирскаго городища, а верхняя межа по Майнѣ рѣкѣ.... а по тѣмъ урочищамъ бобровыми гоны и рыбными ловлями владѣетъ самъ князь Яковъ,—рыбу ловятъ и бобровъ гоняютъ на него его князь Яковлевы люди; а бортной ухожей по записи 97 году (1589) отдаетъ онъ на оброкъ Свіяжскаго уѣзду съ горные стороны Чювашѣ»[3]).—Изъ приведенныхъ извѣстій можно видѣть, что владѣніе разными угодьями, которыя только и эксплоатировались на лѣвой или луговой сторонахъ рѣкъ Камы и Волги, вовсе не требовало постояннаго пребыванія здѣсь своихъ владѣтелей: они могли приходить сюда лишь на из-

---

[1]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6463 (1624 г.). *Костомскій* островъ на Волгѣ противъ пригорода Бѣлаго яра.

[2]) Писц. кн. Каз. у. за № 642 лл. 46—47.

[3]) Писц. кн. Каз. у. за № 642 л. 54. Эта выдержка приведена сверхъ того въ статьѣ Невоструева «О городищахъ», помѣщенной въ трудахъ 1-го съѣзда т. II. 550 с. Авторъ отсюда выводитъ, что Симбирское городище было не на правой сторонѣ Волги, какъ говоритъ Олеарій, а на лѣвой.

вѣстное время, а потомъ возвращаться къ себѣ домой въ Тетюши, въ Казанскій или Свіяжскій уѣзды. Но въ другомъ мѣстѣ мы имѣли уже возможность замѣтить, что иногда въ нагорной сторонѣ Поволжья, въ мѣстахъ, гдѣ правительствомъ дозволено было заниматься лишь рыбною ловлею, возникали постоянныя поселенія «изъ работныхъ людей», которые «селились дворами жъ во крестьянство и, росчистя изъ того пустошю черняго лѣсу, учинили малое число пашни»[1]). Въ данное время на луговой сторонѣ происходятъ тѣ же явленія. Мы уже знаемъ, что Преображенскій монастырь издавна владѣлъ рыбными ловлями за р. Камою въ р. Чертыкѣ и въ Красномъ озерѣ, съ прилегавшими водами. Въ описи начала XVII в. сказано, что здѣсь для рыбной ловли на рѣкѣ на Волгѣ противъ Тетюшъ (?) поставленъ монастырской дворъ на пріѣздъ для рыбные ловли, а въ немъ живутъ старцы изъ монастыря перемѣняясь; а нынѣ живетъ старецъ Лука Безпортошный да десять человѣкъ дѣтенышевъ, годовые наемные»[2]). Изъ послѣдующихъ извѣстій мы узнаемъ, что здѣсь среди рабочихъ рыбныхъ ловцовъ находились иногда и «крестьяне Преображенскаго монастыря»[3]); самъ монастырь впослѣдствіи въ своей грамотѣ, поданной царю, пишетъ, что монахи «владѣютъ тою землею и *пашню пашутъ и сѣно косятъ изстари*»[4]). Въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія застаемъ, что здѣсь «въ межахъ рыбныхъ ловель на острову межъ Волги и Чертыка поставленъ монастырь и устроенъ храмъ во имя Троицы, а въ томъ монастырѣ живетъ старцевъ и служебниковъ тридцать человѣкъ». Но Преображенскій монастырь, что въ Казани, въ данное время не ограничиваетъ своей дѣятельности предѣлами острова, находящагося между Волгою и Чертыкомъ, а двигается далѣе: въ описываемое время «противъ того монастыря за рѣкою Чертыкомъ по рѣчкѣ Безднѣ на гривѣ» стояла уже

---

[1]) Поволжье въ XV и XVI вв.» сс. 247—248 примѣчаніе 1-ое.

[2]) Ар. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6553, л. 20.

[3]) Тамъ же № 6429 гр. 1647 г.

[4]) Тамъ же грам. 1639 г.

деревня Преображенскаго монастыря, въ которой былъ монастырскій дворъ, гдѣ жилъ прикащикъ, нѣсколько жилыхъ крестьянскихъ и пустыхъ бобыльскихъ дворовъ; здѣсь же находилось «по гривамъ» въ небольшомъ количествѣ монастырской и крестьянской пахоты съ перелогомъ, зарослями и обширнымъ сѣнокосомъ [1]). Впрочемъ монастыри утверждались въ первой половинѣ XVII вѣка не только въ низовьяхъ р. Камы, а также и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, намъ извѣстно, что основанный въ 1616 году монастырь Живоначальныя Троицы Каменнаго городища, что на Елабугѣ, получилъ по ходатайству своего келаря въ 1638 году на 200 четей земли съ сѣнными покосами и съ рыбными ловлями изъ пустовыхъ пространствъ, которыя тянулись по рѣкамъ Заѣ и Бетьѣ на много верстъ. При этомъ обычное выраженіе въ грамотѣ указываетъ намъ цѣль, съ которою земля пріобрѣтена была монастыремъ,—«и которые, говорится, крестьяня на той землѣ учнуть жити, старца келаря съ братьею слушали и доходъ имъ въ монастырь платили, чѣмъ они ихъ пооброчатъ» [2]). Но не одни лишь такія лица, какъ монастыри, въ данное время двигались за р. Каму и селились тутъ для постояннаго земледѣльческаго занятія. Такъ, до насъ дошло извѣстіе, что въ описываемое время находилась недалеко отъ деревни Преображенскаго монастыря «съ версту въ степь на увеле деревня Андрея да Ивана Молоствова». [3]). Сверхъ того, мы знаемъ, что повыше впаденія р. Вятки въ Каму въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ, на Камѣ, въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка (1626 года) составилась община изъ «новыхъ крестьянъ елабужанъ» съ крестьяниномъ Өедоромъ Поповымъ во главѣ, которая рѣшилась, перейдя рѣку, поселиться «подлѣ Камы рѣки на Уфимской сторонѣ»;

---

[1]) Тамъ же. Крестьянскихъ дворовъ въ деревнѣ было 3, а бобыльскихъ 6; монастырской и крестьянской пашни 10 десятинъ, де на 12 десят. перелогу и зарослей «а сѣнныхъ покосовъ въ тѣхъ межахъ и урочищахъ на островахъ около болотъ промежъ осокорнику на лугахъ на 3000 коп.»

[2]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6469.

[3]) Тамъ же III-е отд. Казань. Переп. кн. 7, № 152, л. 209.

здѣсь они образовали починокъ и стали «въ Уфимскомъ уѣздѣ жити во крестьянѣхъ на пашнѣ, на льготѣ, на Чалнѣ, на Мелекесѣ рѣчкахъ» [1]). Судя по довольно значительному пространству земель, которыя съ самаго начала имъ отведены были [2]), слѣдуетъ предположить, что образовавшаяся община Елабужскихъ крестьянъ («Ѳедька Ниѳонтьевъ Поповъ съ товарыщи») либо съ самаго начала обладала достаточнымъ количествомъ членовъ, либо же была увѣрена въ томъ, что сюда скоро явятся новые поселенцы, ради которыхъ она и поспѣшила занять удобныя и свободныя земли и угодья. Первоначальныя поселенія за р. Камой могли быть и незначительны по числу своихъ членовъ, но для насъ имѣетъ значеніе несомнѣнность появленія этихъ поселеній въ здѣшнихъ мѣстахъ въ извѣстное время. Увеличеніе количества насельниковъ въ старыхъ поселеніяхъ и появленіе новыхъ, какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, не могло задержаться надолго вслѣдствіе измѣненій, которыя мѣстами въ Казанскомъ уѣздѣ становятся замѣтны въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка.

Мы видѣли уже, что обработанныя земли Казанскаго уѣзда въ описи шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія обыкновенно обозначаются словами «доброй земли»,—явленіе вполнѣ естественное, если имѣть въ виду, что эти земли большей частью были или дѣвственны, или же, воздѣланныя, были покинуты и могли въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ возстановить утраченныя силы свои. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. въ писцовыхъ книгахъ Казанскаго уѣзда встрѣчаются земли въ нѣкоторыхъ деревняхъ, которыя въ шестидесятыхъ годахъ обозначены «доброй землей», а теперь обозначены безъ этого эпитета; въ иныхъ же дворцовыхъ поселеніяхъ вмѣсто

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127 л. 677.

[2]) Пространство это, кромѣ вышеуказаннаго, обозначено такимъ образомъ: «съ верхней стороны пришла Шилня рѣчка, а съ нижнюю сторону подошла Бекляня рѣчка, промежъ тѣхъ рѣчекъ съ устья и до вершины» Тамъ же.

«доброй земли» говорится: «крестьянскіе пашни мягкіе земли»[1]). Къ концу первой четверти XVII вѣка производительность земель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанскаго уѣзда уменьшилась, потому что ихъ достоинство прямо опредѣляется наименованіемъ «земля середняя», между тѣмъ какъ въ XVI столѣтіи иныя изъ этихъ земель обозначались «добрыми»[2]); въ одномъ даже мѣстѣ на р. Вяткѣ внутреннее достоинство земли опредѣлено такимъ образомъ: «земля худая».[3]) Отсюда мы можемъ вывести, что земли въ Казанскомъ уѣздѣ мѣстами въ продолженіе извѣстнаго времени успѣли уже истощиться, или, какъ въ то время выражались, «выпахались»[4]), такъ что земледѣльческій трудъ крестьянина не удовлетворялся ими въ достаточной степени, сравнительно съ прошлымъ временемъ. Кромѣ того, въ странахъ сѣвернѣе Казанскаго уѣзда, которыя однако соединялись воднымъ путемъ съ рѣкою Камою, постоянно встрѣчались условія, неблагопріяныя тамошнему земледѣльцу. Вотъ какъ сами жители этой мѣстности изображаютъ ее въ своей челобитной, поданной царю въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія: «а у нихъ де у Пермичъ мѣсто подкаменное, студеное, хлѣбъ не родится, побиваетъ морозъ по вся годы, и отъ нашихъ (т. е. царскихъ) денежныхъ сборовъ. . . . и отъ хлѣбнаго недороду они Пермичи обнищали и одолжали вели-

---

[1]) Писц. кн. за № 643 лл. 247, 251. (опись дер. Большихъ и Малыхъ Атаръ въ 1567 г.) Писцов. кн. за № 153 лл. 1406, 1408, 1431—1436; (опись тѣхъ же деревень, села Анатошъ и Воскресенскаго въ 1600 г.)

[2]) Такъ, двѣ деревни Атары,—бывшія сперва помѣстными и находившіяся, одна на Долгомъ озеркѣ, а другая на Глухомъ,—земля въ нихъ, по описи Борисова и Кикина, отмѣчена какъ «добрая земля». По описи 1619 г. эти деревни дворцовыя тянутъ къ селу Воскресенскому и земля въ нихъ означена «земля средняя». Кромѣ того дворцовая деревня Карташевка, тянувшая къ дворцовому селу Сабуголь, по описи 1621 года земля въ ней «середняя». Сравни писц. кн. за № 643, лл. 247, 251 и Писц. кн. за № 153 лл. 1509, 1512, 1515, 1517.

[3]) Писц. кн. за № 153 л. 1561.

[4]) Въ царской грамотѣ 1620 г. въ Сибирь говорится: «А будетъ у старыхъ у пашенныхъ крестьянъ земли старая роспашь выпахались, и на тѣхъ пашняхъ старыхъ хлѣбъ не родится». «Соб. Гос. Гр. и Дог. т. III, № 54.

кими долги и врозь разбрелися по льготнымъ мѣстамъ»[1]). При такихъ обстоятельствахъ русскіе поселенцы, переселившіеся за Каму, не могли чувствовать недостатка въ новыхъ товарищахъ, являвшихся къ нимъ для пользованія тѣми выгодами, которыя представляли собою нетронутый пахотою черноземъ и богатыя угодья въ обширныхъ лѣсахъ и лугахъ. Совершенно естественнымъ поэтому является, что въ началѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія (1643 г.) за р. Камою, на томъ мѣстѣ, гдѣ первоначально поселилась крестьянская община Ѳедора Нифонтьева Попова съ товарищи, находилась уже цѣлая группа поселеній съ тѣмъ поселкомъ во главѣ, который основанъ былъ общиною выходцевъ изъ дворцоваго села Елабуги, поставившихъ свой починокъ при впаденіи рѣчки Чалны въ Каму, «на мысу»[2]). Въ данное время поселокъ этотъ былъ селомъ, къ которому, вѣроятно, тянули новыя поселенія, находившіяся здѣсь; пахотной земли во всѣхъ поселкахъ было довольно много: «по сказкѣ чалнинскихъ выборныхъ людей пашенныхъ земель они крестьяне пашутъ 656 червертей ржи, овса тожъ». Что же касается до населенія въ это время, то намъ извѣстно, что однихъ бобылей, которые жили въ поселкахъ вмѣстѣ съ крестьянами, было 40 человѣкъ[3]). Въ концѣ сороковыхъ годовъ[4]) мы можемъ болѣе ясно видѣть дѣятельность, которая развита была здѣсь крестьянскою общиною села Чалновъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить то, что въ данное время мы застаемъ здѣсь, кромѣ самаго села, восемь поселеній, носящихъ названіе деревень; изъ нихъ семь, по свидѣтельству описи, обязаны своимъ происхож-

---

[1]) А. А. Э. т. Ш, № 293.

[2]) Рѣчка Чална впадаетъ въ р. Каму съ лѣвой стороны ея, нѣсколько ниже рр. Ика и Мензелы.

[3]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1126 лл. 675—676

[4]) Опись кажется произведена около 1647 года; по крайней мѣрѣ она заключается въ книгѣ за № 6408, гдѣ памѣщены описи 1646 и 1647 годовъ и слѣдуетъ непосредственно за описью Самарскаго уѣзда, которая произведена была въ 1646 году.

деніемъ крестьянской общинѣ села Чалновъ[1]). Кромѣ того, въ здѣшнихъ мѣстахъ находимъ еще два починка, изъ которыхъ одинъ, хотя и принадлежитъ мѣстному Чалнинскому монастырю, но обязанъ былъ происхожденіемъ своимъ той же Чалнинской общинѣ[2]). Во всѣхъ деревняхъ среди крестьянскихъ попадается немало бобыльскихъ дворовъ, указывающихъ на то, что населеніе въ здѣшнихъ поселеніяхъ продолжало прибывать до самаго послѣдняго времени. Численное состояніе села, не смотря на его энергическую колонизаціонную дѣятельность въ здѣшнихъ мѣстахъ, было вполнѣ удовлетворительно: въ немъ въ данное время находилось около 118 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Вслѣдствіе этого можно предполагать, что Чалнинская община отъ себя отдѣляла лишь избытокъ своихъ членовъ; это отдѣленіе естественно должно было совершаться съ промежутками въ разное время существованія крестьянской общины, что отчасти и отражается въ различномъ состояніи деревень въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка. При этомъ нельзя не указать и на то, что болѣе людныя поселенія помѣщены въ описи вслѣдъ за селомъ, при томъ въ постепенности, соотвѣтствующей количеству населенія деревень; кромѣ того, и въ мѣстонахожденіи того или иного поселка замѣчается отсутствіе произвола: деревня, ближайшая къ селу[3]), есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самая населенная, немногимъ уступающая своей метрополіи; затѣмъ идутъ далѣе другія деревни[4]), а въ концѣ починокъ Богородскаго монастыря, представляющій, вѣроятно, послѣдній выселокъ села, лежитъ нѣсколько сѣвернѣе, уже на другой рѣкѣ и заключаетъ въ себѣ лишь два крестьянскіе

---

[1]) Обо всѣхъ этихъ деревняхъ говорится такъ: «Тогожъ Чалнинскаго починка деревня» (такая-то). О восьмой же сказано «Чалнинскаго жъ уѣзда деревни Круглой—3 двора». Писц. кн. за № 6408 лл. 179, 193, 206.

[2]) Объ немъ сказано такъ: «Чалнинскаго жъ починка на рѣкѣ на Шилнѣ Новаго починка монастыря Пречистые Богородицы Казанскіе» Тамъже л. 209.

[3]) Деревня Бережная—около 100 двор. крестьян. и бобыл.

[4]) Орловка и Миронова: въ 1-ой 27, а во 2-й 25 дв. крест. и боб.

двора[1]). Нельзя не указать еще на одну особенность села Чалновъ, которая заключается въ томъ, что это село, не смотря на свое очевидное значенiе въ колонизацiи здѣшней мѣстности, повидимому, сохранило въ представленiи населенiя свое первоначальное наименованiе, отразившееся и въ самой описи, гдѣ оно чаще именуется починкомъ, а не селомъ; обусловливается это, вѣроятно, тѣмъ, что возвышенiе новаго поселенiя произошло слишкомъ скоро, такъ что члены самой общины еще не успѣли привыкнуть называть его селомъ, а именовали попрежнему починкомъ[2]). Всего населенiя въ данное время въ селѣ Чалнинскомъ съ примыкавшими къ нему деревнями и починками было 349 дворовъ, въ которыхъ проживало 683 человѣка; изъ нихъ крестьянскихъ дворовъ было 296, а бобыльскихъ 53 двора. Сверхъ того, въ самомъ селѣ съ деревнями находилось еще 25 дворовъ пустыхъ, которыхъ владѣтели, «по сказкѣ чалнинскаго старосты и всѣхъ крестьянъ», либо бѣжали, либо «выданы на старину, гдѣ кто за кѣмъ прежъ сего живалъ». Судя по послѣднему выраженiю, крестьянскiя общины въ селѣ и въ деревняхъ, повидимому, не особенно стѣснялись въ прiемѣ новыхъ членовъ, приходившихъ къ нимъ. Какъ кажется, такихъ блестящихъ результатовъ въ продолженiе сравнительно недолгаго перiода времени Чалнинская крестьянская община достигла, благодаря тому обстоятельству, что дворцовое вѣдомство предоставило ей право самоуправленiя въ экономическомъ, быть можетъ, также и въ нѣкоторыхъ другихъ отношенiяхъ; такъ, намъ извѣстно, что лишь въ началѣ пятидесятыхъ годовъ (1651 г.) отправленъ былъ въ село Чалны съ деревнями служилый человѣкъ[3]) «дозрить и описать дворы и во дворѣхъ людей поименно и братью и бобылей и захребетниковъ и рос-

[1]) Тамъ же лл. 179, 193, 198, 201, 205, 206, 209.

[2]) Въ самомъ начачалѣ описи: «Въ государевѣ, царевѣ. . . . *Селѣ* въ Чалнинскомъ починкѣ, на р. на Камѣ на усть рѣчки Чалны», а затѣмъ говорится всё о дѣятельности лишь Чалнинскаго починка, такъ что, если бы не обмолвка вначалѣ, выходило бы, будто починокъ основываетъ деревни. Тамъ же л. 162.

[3]) Этотъ служилый человѣкъ былъ уфимецъ Семенъ Карево.

писать повытно тяглыхъ крестьянъ и льготчиковъ порознь, кто сколько пашетъ и сколько семьянистъ и почему что государева денежнаго и хлѣбнаго оброку платитъ на годъ .... *потому что государевымъ Чалнинскимъ крестьянамъ и пашеннымъ ихъ землямъ таковы описи и мѣры не бывало*»; о извѣстіяхъ же, находившихся до селѣ въ рукахъ правительства, которые отчасти нами приведены были выше, сказано слѣдующее: «а то писано по крестьянскимъ сказкамъ, а не по мѣрѣ»[1]).

Но если благодатная черноземня почва въ соединеніи съ богатыми и обширными угодьями лѣвой стороны Камы манили къ поселенію одинаково русскаго и инородца, вслѣдствіе чего населеніе въ здѣшнихъ мѣстахъ увеличивалось съ такою скоростью, какъ это можно видѣть на селѣ Чалнахъ съ деревнями, то, съ другой стороны, опасности, угрожавшія поселенцу здѣшней стороны, были такъ значительны, что иногда могли парализовать дѣятельность землевладѣльца, обладавшаго довольно значительными средствами и опытностью въ дѣлѣ колонизаціи. Хотя непосредственное сосѣдство этихъ странъ со степью и ея обитателями, какъ мы уже знаемъ, давало себя постоянно чувствовать Прикамскому населенію, однако слѣдуетъ сказать, что опасность конца XVI и первой четверти XVII столѣтія была гораздо меньше сравнительно съ тою опасностью, кототорая наступила для здѣшнихъ насельниковъ въ тридцатыхъ годахъ XVII вѣка.

Въ XVI и въ первой четверти XVII столѣтій обитателями обширныхъ степей, простиравшихся за рѣками Камою и Волгою, были Ногайцы, которые обыкновенно съ наступленіемъ тепла перекочевывали со своими стадами отъ Каспійскаго моря къ сѣверу, постепенно подвигаясь по луговой сторонѣ Волги вплоть до самой Камы. Хотя Ногайцы и производили при этомъ набѣги на русскія окраины, но, благодаря умѣлой и ловкой политикѣ московскаго правительства, они постепенно

[1]) Писц. кн. за № 1127 л. 675.

были приведены въ зависимость отъ Россіи, такъ что въ концѣ XVI столѣтія признали авторитетъ русской власти, а въ началѣ XVII вѣка они отдавали въ Астрахани русскимъ воеводамъ въ «аманаты лутчихъ людей» своихъ, которые тамъ содержались «на закладномъ дворѣ», какъ залогъ, вѣроятно, подчиненія ихъ начальныхъ людей московскому правительству [1]). Кромѣ того, сами Ногайцы въ данное время уже не отличались тою людностью, и среди нихъ не было теперь такого большаго количества взрослыхъ воиновъ, какъ въ половинѣ XVI столѣтія, когда число воиновъ насчитывалось у нихъ сотнями тысячъ [2]). Вслѣдствіе этого нападенія и вторженія Ногайцевъ въ началѣ XVII вѣка уже не могли отличаться тѣмъ характеромъ, какъ въ началѣ или половинѣ XVI столѣтія. Но обстоятельства рѣзко измѣняются съ появленіемъ въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія на лѣвой сторонѣ Волги новаго кочеваго народа—Калмыковъ.

Калмыки своими внѣшними признаками—коротькій, плоскій носъ, выдающіяся скулы и скосившіеся углы глазъ — указываютъ ясно на принадлежность свою къ монгольскому типу, къ которому они и относились изслѣдователями прошлаго и настоящаго столѣтія [3]). Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII-го столѣтія Калмыки жили еще въ Сибири, въ южныхъ частяхъ нынѣшней Томской и Енисейской губерній, по берегамъ рѣкъ Ишима и Тобола. Калмыки дѣлились на отдѣльныя поколѣнія, а послѣднія на роды; поколѣніями и родами управляли княжескія владѣтельныя фамиліи, находившіяся въ зависимости отъ хана, какъ верховнаго главы народа. Но ханская власть у Калмыковъ была ограничена: онъ имѣлъ свой удѣлъ и не

---

[1]) «Поволжье въ XV и XVI вв.» сс. 272—308, 322. А. И. т. III, № 154.

[2]) Къ 1649 году въ одной ногайской ордѣ, кочевавшей подлѣ Астрахани, оказалось по смѣтѣ «мужскаго полу, которые могутъ на конь сѣсть четыре тысячи, а женъ, дѣтей, робятъ и дѣвокъ тысячъ съ пятнадцать» А. И. т. IV, № 32.

[3]) «Путешествіе Палласа» т. I, 456 с. «Der Ugrische Volksstamm» F. Müller I, 72 p.

касался доходовъ начальниковъ поколѣній, которые въ свою очередь не касались доходовъ отдѣльныхъ родоначальниковъ. Въ началѣ XVII столѣтія Калмыцкій ханъ, по имени Хара-Хула, задумалъ ввести единодержавіе и сильнѣе подчинить себѣ отдѣльныхъ начальниковъ; въ свою очередь и владѣтели поколѣній захотѣли господствовать независимо отъ власти своего хана. Обладая достаточными средствами и авторитетомъ среди своихъ подчиненныхъ, владѣтели поколѣній объявили себя независимыми ханами, вслѣдствіе чего между калмыцкими начальниками поднялся сильный раздоръ, не мало способствовавшій въ началѣ XVII столѣтія утвержденію русской власти на югѣ Томской и Енисейской губерній. Во время своего движенія впередъ русскіе въ это время встрѣчались только съ малочисленными и разсѣянными по странѣ родами, изъ которыхъ каждый отдѣльно защищалъ лишь свои пастбища; при невозможности же сопротивленія родъ складывалъ на верблюдовъ свои пожитки и уходилъ далѣе въ иную землю. Отсутствіе упорнаго сопротивленія со стороны Калмыковъ, кромѣ междоусобій, обусловливается еще и кочевымъ образомъ жизни, потому что «народы кочевые, не имѣя постоянной осѣдлости, не имѣютъ и большой привязанности къ родинѣ»[1]). При этомъ нѣкоторые калмыцкіе князья со своими родичами—дали безъ труда и присягу подданства Москвѣ (1609 г.). Легкость, съ которою въ настоящемъ случаѣ ихъ князья присягнули, объясняется довольно удовлетворительно однимъ изъ нашихъ отечественныхъ писателей, прожившимъ долгое время въ Китаѣ и имѣвшимъ возможность наблюдать достаточно бытъ и нравы кочевыхъ народовъ; онъ свидѣтельствуетъ, что обыкновенно «кочевые народы подданствомъ полагаютъ выиграть четыре процента на одинъ; поэтому, при случаѣ, они даже соперничаютъ въ готовности подданства. Клятву они считаютъ средствомъ выиграть, а клятвопреступленіе и вѣроломство пу-

---

[1]) «Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ». Іакинѳа. стр. 2—28 съ примѣчаніями.

стыми словами. Таково общее качество кочевыхъ народовъ; кромѣ того, они ищутъ свободы отъ ясака и возможности служить въ войнѣ для грабежу»[1]). По всей вѣроятности, изъ южной Сибири Калмыки уже въ началѣ XVII столѣтія направились къ верховьямъ р. Урала и къ р. Ори[2]), гдѣ и расположились на нѣкоторое время[3]). Въ то время, какъ Калмыки со своими стадами кочевали по р. Ори, они, говорятъ, услыхали, будто р. Волга гораздо больше Урала и представляетъ лучшія удобства для кочеваній со стадами. Вслѣдствіе этого одинъ изъ калмыцкихъ начальниковъ[4]) послалъ нѣсколькихъ своихъ подчиненныхъ на мѣстѣ изслѣдовать достовѣрность этихъ слуховъ; тѣ посѣтили Поволжье и, возвратившись домой, подтвердили, «что дѣйствительно по Волгѣ есть много пажитныхъ мѣстъ, удобныхъ для кочеванія». Въ данное время между тѣмъ по лѣвой или луговой сторонѣ Волги кочевали соплеменники Калмыковъ — Ногайцы. И вотъ, когда однажды въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія (1634 г.) нѣкоторые ногайскіе мирзы съ своими улусными людьми отправились по своему обыкновенію отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ «за зверемъ» на прежнія кочевья между Волгою и Яикомъ, то неожиданно для себя наткнулись на Калмыковъ, которые во множествѣ кочевали на ихъ старыхъ кочевьяхъ. Дѣло дошло до столкновенія между противниками, и въ результатѣ Ногайцы остались въ накладѣ: нѣкоторые изъ нихъ должны были перейти на правый берегъ Волги или на Крымскую сторону, а другіе обратились къ Астраханскимъ воеводамъ съ жалобою на Калмыковъ и съ просьбою о помощи имъ противъ этихъ пришельцевъ, которые «ихъ побивали, женъ и дѣтей въ полонъ имали и животину отгоняли». Воеводы, которымъ изъ

---

[1]) Тамъ же 31—32 сс.

[2]) Рѣка Орь—притокъ Урала въ верхнемъ теченіи его.

[3]) Доказательствомъ того, что Калмыки поволжскіе до своего появленія здѣсь кочевали на р. Ори, служатъ ихъ пѣсни, въ которыхъ еще во второй половинѣ XVIII столѣтія упоминается эта рѣка. См. объ этомъ въ Оренб. Топографіи Рычкова ч. I, 125 с.

[4]) По Іакинѳу это былъ Хоурлукъ, а по Рычкову—Хоузангъ.

Москвы поручено было защищать ногайскихъ Татаръ «отъ всякихъ воровскихъ людей», выслали отъ себя ратныхъ людей; тѣ соединились съ ногайскими мирзами и съ ихъ улусными людьми отправились противъ Калмыковъ и вступили съ ними въ бой,— но не устояли противъ нихъ, по донесенію воеводъ, ибо «стоять имъ было не въ силу»[1]). Оставшись безъ защиты Ногайцы луговой стороны Волги, числомъ около сорока тысячъ кибитокъ, вмѣстѣ съ Турхменцами, кочевавшими по восточной, сторонѣ Каспійскаго моря, принуждены были подчиниться Калмыкамъ[2]), которые отъ этого еще больше усилились и такимъ образомъ сдѣлались очень опасными для окраинныхъ земель и пограничныхъ городовъ московскаго государства. Эта опасность не преминула отразиться на населеніи, жившемъ постоянно въ Прикамскихъ странахъ; особенно же должны были ее почувствовать тѣ поселенцы, которые имѣли смѣлость поселиться на лѣвой сторонѣ р. Камы и, быть можетъ, въ это время еще не были достаточно защищены острожками отъ непріятельскихъ вторженій[3]). Дѣйствительно, уже въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія (1639 г.) Калмыки, въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, со своихъ кочевьевъ по притокамъ р. Волги[4]) пробираются вверхъ и нападаютъ на городъ Самару, который

---

[1]) Доп. А. Ис. т. II, №№ 62 и 63.

[2]) Оренб. Топогр. Рычкова ч. I, 123 с.

[3]) Иные утверждаютъ, будто «въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ еще, со времени Бориса Годунова, т. е., въ первые годы XVII вѣка появляются городки и острожки: напримѣръ, Полянскій, Ахтачинскій и другіе» (списки насел. мѣстъ Рос. Имп. Казан. губ., обработанная А. Артемьевымъ стр. 47). Другіе въ этомъ направленіи идутъ еще далѣе, говоря, что въ началѣ XVII ст. земли, на которыхъ стоялъ Полянскій острожекъ «пожалованы были первому россійскому патріарху Іову и на нихъ основана патріаршая деревня Полянка, заселенная выведенными изъ разныхъ селъ патріаршими крестьянами» (Памятная книга Каз. губ. 1866—67 гг. «Замѣчательныя селенія по Волгѣ въ предѣлахъ Казанской губ.» стр. 9). Какъ первое, такъ и второе мнѣніе не подкрѣплено какимъ либо указаніемъ, поэтому мы не можемъ ихъ считать обязательнымъ для себя. Мы склонны къ предположенію что первые острожки на лѣвой сторонѣ р. Камы появляются не ранѣе царствованія Михаила Ѳеодоровича.

[4]) Кочевали они по рѣкамъ Еруслану и Торгуну.

подвергся при этомъ большой опасности[1]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ (1643—1644 г.), Калмыки становятся сильнѣе: мы встрѣчаемся уже съ ними въ Прикамскихъ странахъ, гдѣ они, руководимые мѣстными инородцами, нападаютъ на деревни Преображенскаго монастыря, стоявшіе на р. р. Чертыкѣ и Безднѣ, и болѣе значительную изъ нихъ на р. Чертыкѣ совершенно разгромили: десять человѣкъ крестьянъ были убиты; находившійся въ деревнѣ священникъ съ женою, монастырскіе служебники, рыбные ловцы, и крестьяне съ женами и дѣтьми въ числѣ восьмидесями человѣкъ были уведены калмыками въ плѣнъ; все монастырское и крестьянское имущество въ видѣ большаго количества лошадей[2]) и всякой рухляди, цѣною до четырехъ тысячъ рублей на тогдашнія деньги, Калмыки захватили съ собою[3]). Озабоченное этимъ, Московское правительство распорядилось, чтобъ воеводы изъ Самары и Уфы пошли въ началѣ 1644 года съ войсками на врага. Калмыки потерпѣли пораженіе отъ самарскаго воеводы Плещеева, начальники отряда котораго за это дѣло награждены были золотыми[4]). Поэтому постройка острожковъ для отпора усилившимся непріятельскимъ вторженіямъ и для защиты поселенцевъ, которые въ данное время жили постоянно на лѣвой сторонѣ р. Камы, явилась мѣрою крайне необходимою. Вслѣдствіе этого въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія уже встрѣчаемся здѣсь съ тремя острожками: Ахтачинскимъ, Шешминскимъ и Мензелинскимъ[5]); о Шешминскѣ

---

[1]) Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1860 г. № 2. «Историч. замѣт. о Самарск. краѣ» Леопольдова 73 с. Авторъ говоритъ, что при составленіи своей статьи пользовался, кромѣ преданій, также и мѣстными оффиціальными документами.

[2]) 387 монастырскихъ лошадей и 56 мериновъ и кобылъ крестьянскихъ.

[3]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. № 6429 грам. 1644 года, Марта мѣсяца.

[4]) Дворц. разряды т. II, 713 с. А. И. т. III, № 240.

[5]) Острожки эти стояли на притокахъ р. Камы съ лѣвой стороны: на рр. Ахтаѣ, Шешмѣ и Мензелѣ; послѣдняя —притокъ р. Ика, впадающей въ Каму.

даже прямо говорится, что онъ построенъ былъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича,—вѣроятно, въ самомъ началѣ «для обережи Закамской стороны, отъ воровскихъ людей, отъ Башкирцевъ и отъ Калмыковъ»[1]).

Если мы посмотримъ теперь на поселенія Преображенскаго монастыря по р. р. Чертыкѣ и Безднѣ въ половинѣ XVII вѣка, то состояніе ихъ покажетъ намъ наглядно ту тяжелую и неблагодарную работу, которую долженъ былъ въ это время нести здѣсь какъ поселянинъ, такъ и землевладѣлецъ—монастырь. На р. Чертыкѣ обозначена—«пустошь, *что была деревня Чертыковская старая*», въ которой находилось «по гривамъ» пустой, нѣкогда пахатной земли 60 десятинъ въ трехъ поляхъ; за тѣмъ на р. Безднѣ «тогожъ монастыря пустошь, *что былъ починокъ Старцовъ*», гдѣ было перелогу 90 десятинъ въ каждомъ полѣ. Вслѣдъ за этимъ идутъ населенныя земли въ видѣ «сельца, что была деревня Чертыковская Мельничная на р. на Большой Безднѣ»,—въ немъ, сверхъ монастырскаго двора, въ которомъ жили «старецъ да работники перемѣняясь», находилось лишь два крестьянскихъ двора и 10 бобыльскихъ, съ пашнею «по гривамъ» 45 десятинъ въ каждомъ полѣ. Кромѣ небольшаго сельца съ довольно значительною впрочемъ пахотою мы находимъ еще тутъ только что образовавшійся починокъ Богдановъ на озерѣ Утешевѣ[2]), о которомъ сказано, что въ немъ «живутъ на льготѣ Чюваша, а селятся вновѣ»,—«пашни и *перелогу дикаго поля* по гривамъ» въ этомъ починкѣ было 12 десятинъ въ каждомъ полѣ[3]).

Правда, мы находимъ, что русское правительство вскорѣ завязываетъ мирныя сношенія съ Калмыками, кочевавшими по р. Волгѣ, и достигаетъ того, что они въ концѣ царствованія Михаила Өедоровича присягнули «быть подъ высокою царскою

---

[1]) Ак. ист. Юрид. Ст. Мельникова грам. 64.

[2]) Починокъ, состоявшій изъ двухъ дворовъ, изъ которыхъ въ одномъ живетъ «Богдашко Гонгильдеевъ».

[3]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. № 6553 л. 59. Писцов. кн. за № 1127 л. 143.

рукою, чтобъ имъ (Калмыкамъ) давати повольный торгъ въ государевыхъ городѣхъ, а войною имъ на государевы города и уѣзды не приходити» [1]).

Но подданническая присяга калмыцкихъ хановъ точно такъ же, какъ въ XVI столѣтіи присяга князей ногайскихъ, имѣла для Россіи болѣе формальное значеніе, чѣмъ по существу дѣла; она, по всей вѣроятности, давалась ими лишь для того, чтобы получать отъ русскаго правительства разные подарки, до которыхъ всегда охочи были начальники кочевыхъ народовъ. Какъ въ прежнее время начальники Ногайцевъ не особенно стѣснялись своими клятвами, а при удобномъ случаѣ вторгались и грабили Россію, такъ теперь Калмыки, ихъ соплеменники, не обращаютъ вниманія на свою присягу о подданствѣ русскому государю, и ихъ тайши (начальники) «на той своей шерти не устояли, учали приходить подъ Сибирскіе городы, подъ Уфу, подъ Саратовъ, подъ Астрахань и на Ногайскіе улусы; и приходя городы и уѣзды воюютъ, села и деревни жгутъ, ногайскіе улусы разоряютъ, людей побиваютъ и въ полонъ емлютъ» [2]).

При подобныхъ условіяхъ правительству молодаго царя нельзя было не обратить вниманія своего на большія опасности, которымъ въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка подвергались выселки, появившіеся на р. Чалнѣ и на сосѣднихъ съ нею рѣкахъ,—тѣмъ болѣе, что почти всѣ они принадлежали дворцовому вѣдомству, ибо, какъ мы знаемъ, поселенія здѣшнія основаны были общиною крестьянъ выходцевъ изъ дворцоваго села Елабуги и возникли на свободной, т. е. на государевой землѣ. Ближайшій къ селу Чалны острожекъ былъ Мензелинскій, находившійся въ разстояніи десятковъ верстъ; поэтому правительство распорядилось въ 1650-мъ г. построить среди

[1]) А. И. IV т. № 32. «Историч. обозр. Ойратовъ» Іоакинѳа 46 с.
[2]) А. И. т. IV № 32. (1649 г.)

здѣшнихъ поселковъ городокъ [1]). Городъ воздвигнутъ былъ при впаденіи р. Чалны въ Каму; стоялъ онъ на горѣ надъ послѣднею рѣкою, окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ тарасными валомъ, и сверхъ того съ двухъ сторонъ, обращенныхъ къ землѣ, рвомъ, около котораго вбиты были надолбы [2]); кругомъ города по рву выстроены были шесть башенъ, изъ которыхъ четыре угловыя были глухія, а двое въ срединѣ съ проѣзжими воротами и образами надъ воротами [3]).

Въ томъ же году поручено было «въ новомъ Чалнинскомъ городкѣ устроить 100 человѣкъ конныхъ бѣлопашенныхъ казаковъ», которымъ «велѣно дать жалованья денегъ на дворовое строеніе по осьму рублевъ человѣку; да на сѣмена хлѣба по три четверти ржи, по пяти четвертей овса человѣку; да имъ же дано земли на пашню по 20 четвертей и сѣнныхъ покосовъ противъ Мензелинскихъ бѣлопашенныхъ стрѣльцовъ», —впослѣдствіи каждому изъ нихъ дано было по 5 десятинъ сѣнокоса или же по 100 копенъ. Какъ постройка города, такъ и водвореніе въ немъ казаковъ сдѣлано было собственно «для обереганья отъ приходу Калмыцкихъ и Ногайскихъ воинскихъ людей» [4]) Бѣлопашенные казаки, по всей вѣроятности, набраны были изъ охочихъ гулящихъ людей, которыхъ въ это время было довольно на Руси; судя по ихъ прозвищамъ, они вербовались въ разныхъ мѣстахъ и городахъ, какъ ближнихъ, сосѣднихъ Чалнамъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ отъ нихъ. Такъ, въ 1651 году мы здѣсь встрѣчаемся съ дво-

---

[1]) О городкѣ сказано, что онъ «рубленъ въ тарасы, намощенъ, покрытъ драницами; мѣрою городокъ въ длину 100 саженъ, а поперекъ 60 саженъ»; *тарасами* назывались бревенчатые ящики, установленные на землѣ и набитые внутри плотно утрамбованною землею; изъ нихъ составлялся валъ.

[2]) *Надолбами* называлось деревянное укрѣпленіе, состоящее изъ дубовыхъ стояковъ, вбитыхъ въ землю сплошною стѣною. Арх. Ист. Юридич. свѣдѣній Н. Калачева кн. 2-ая, половина первая. «Замѣтки объ Инсарѣ и его уѣздѣ» Н. Калачева с. 67.

[3]) Отъ этихъ образовъ ворота прозывались—однѣ Спасскими, а другія Архангельскими.

[4]) Писц. кн. за № 1127 лл. 674, 767—768.

рами: «Елабуженина», «Сарапульца» «Лаишевца» (2 двора), «Уржумца», «Ветлуги», «Самаренина», «Пермитина», «Устюженина» (2 двора), «Двинянина» (2 двора), «Ярославца» и «Астраханца»; сверхъ того, такія прозвища у нѣкоторыхъ, какъ «Кожевникъ» (3 двора), «Сапожникъ», «Сѣдельникъ» и «Портной» могутъ навести на мысль, что инымъ изъ бѣлопашенныхъ казаковъ не чужды были и промыслы [1]). Всѣ бѣлопашенные казаки были водворены подъ городомъ. О поселеніи ихъ сказано слѣдующее: «около города Чалновъ, подлѣ городовой стѣны отъ рѣчки Чалны и до рѣки Камы отмѣрено на площадь отъ города до усаду, гдѣ быть дворамъ конныхъ служилыхъ казаковъ . . . съ дву сторонъ города по 30 саженъ; да на усады отмѣрено около той площади по обѣ жъ стороны... подлѣ Камы р. вверхъ и подлѣ рѣчки Чалны по угорамъ *росчистные земли* 12 десятинъ съ половиною». Бѣлопашенные казаки были раздѣлены на десятки, имѣвшіе своихъ десятниковъ, избираемыхъ, кажется, на годъ; во главѣ нѣсколькихъ десятковъ стоялъ пятидесятникъ [2]). Пашенную землю приказано было имъ отвести, «чтобъ къ городу ближе», при чемъ относительно ближайшихъ пахотныхъ полей, которыя отойдутъ бѣлопашцамъ, пояснено слѣдующее: «вмѣсто тѣхъ земель, чьи крестьянскія земли отойдутъ бѣлопашцамъ велѣно (имъ крестьянамъ) отвесть гдѣ пригоже, чтобъ по государеву указу бѣлопашенныхъ казаковъ дворами, пашнями, сѣнными покосы построить вправду, смотря по тамошнему дѣлу, *а крестьянамъ бы въ пашнѣ*

---

[1]) Тамъ же лл. 681—684. На прозвища, какъ въ настоящемъ, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ нельзя не обращать вниманія, потому что не всегда къ имени и отчеству служилаго человѣка прибавляется прозвище; такъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ попадаются иногда наименованія подобнаго рода: дворъ Сенька *Герасимовъ*; дв. Матюшка *Купріяновъ*, между тѣмъ какъ у другихъ: дв. Сергушки Купріянова *Устюженина*, или дв. Ермолки Яковлева *Муромца*, Мироновецъ онъ же и другіе въ такомъ же родѣ.

[2]) Какъ пятидесятники, такъ и десятники выбирались и назначались на годъ, ибо въ 1652 году мы въ новой описи находимъ новыхъ пятидесятниковъ и нѣкоторыхъ новыхъ десятниковъ. Одинъ изъ пятидесятниковъ сталъ десятникомъ, а нѣкоторые рядовые стали десятниками и пятидесятниками. Тамъ же лл. 681—682, и л. 774.

и въ сѣнныхъ покосѣхъ и во всякихъ угодьяхъ утѣсненія не было» [1]). Бѣлопашенные казаки раздѣлены были на двѣ части и каждая съ особымъ пятидесятникомъ поселена была подъ городомъ въ отдѣльной слободѣ: одна на берегу р. Камы, а другая на берегу р. Чалны. Годъ спустя (1651 г.), уже «бѣлопашенные казаки дворами построились и пашни пахать и хлѣбъ сѣять учали». Въ городѣ находились шесть затинныхъ пищалей [2]); дубовый съ выходомъ погребъ, гдѣ хранился порохъ; анбаръ, въ которомъ хранилось «стрѣлецкое знамя дороги зеленыя, на немъ *вышитъ крестъ* дороги алыя»; изба тюремная, изба караульная у Спасскихъ воротъ; да въ городѣ же на караулѣ по перемѣнно стояли пять человѣкъ бѣлопашенныхъ казаковъ или стрѣльцовъ, которые жили за городомъ. Всѣмъ бѣлопашеннымъ казакамъ было дано сто ручныхъ пищалей, и «по государеву указу по ихъ по всѣхъ по стѣ человѣкахъ были взяты поручныя записи въ государевѣ денежномъ жалованьѣ и въ сѣменномъ хлѣбѣ и въ службѣ и въ житьѣ» [3]),—т. е. они, вѣроятно, были обязаны взаимною круговою порукою. Пахотная земля отведена была имъ та, что принадлежала крестьянамъ села Чалны, по обѣ стороны села нѣсколько выше «противъ Вятскаго взвозу» со включеніемъ усадебной земли деревни Мироновой, ближайшей къ Чалнамъ, изъ которой крестьяне были переведены въ село и въ деревни, къ нему тянувшія; всей пашни отведено было имъ 2000 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей [4]); сѣнные покосы имъ отвели по рѣкѣ Шильнѣ и въ другихъ ближайшихъ мѣстахъ на 10,040 копенъ [5]),—«а больши того казакамъ къ ихъ землямъ покосовъ дать не изъ чего, потому что близко Чалновъ лишнихъ покосовъ нѣтъ». Лѣсъ на дворовое строеніе и на дрова отведенъ былъ бѣлопашеннымъ казакамъ на 500 деся-

[1]) Тамъ же л. 676.

[2]) Небольшія пушечки.

[3]) Тамъ же лл. 684, 768—769.

[4]) По 20 четвертей на человѣка въ кажд. полѣ.

[5]) По 100 копенъ или по 5 десятинъ сѣнокосу на человѣка.

тинъ по близости «въ ихъ межахъ межъ пашень», а хоромной ихъ лѣсъ находился подальше, за рѣкою Шильною, противъ сѣнныхъ покосовъ, гдѣ былъ боръ, которымъ они должны были пользоваться «вопче съ государевы съ чалнинскими крестьяны». Наконецъ сказано, что «по ихъ же казачью челобитью въ ихъ межахъ и урочищахъ отведено 20 четвертой пашни къ церкви, которую впредь по своему обѣщанію» бѣлопашенные казаки должны здѣсь построить. Самое село съ этого времени именуется не какъ прежде—Чалны, а «Мысъ», потому что Чалнами сталъ называться новый городокъ[1]).

Если мы, пользуясь описью 1651 года, взглянемъ на село Чалны-Мысъ съ прилегающими къ нему деревнями и починками и сравнимъ его тогдашнее состояніе съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія, то мы не можемъ не обратить вниманія на измѣненія, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ произошли за это время въ немъ. Не смотря на незначительность даннаго промежутка времени, мы теперь находимъ здѣсь новыя деревни и починки, съ которыми прежде не встрѣчались. Таковыми были двѣ деревни и пять починковъ[2]),—при чемъ въ одной деревнѣ[3]) обозначено «пашни пахотные *новоросчистные добрые земли* 130 четвертей»; въ монастырскомъ починкѣ[4]) тоже отмѣчено «пашни паханные новоросчистные добрые земли подъ боромъ 4 четверти, да перелогу и росчисти непашенной 7 четвертей». Въ другомъ починкѣ[5]) при четырехъ тяглыхъ дво-

---

[1]) Тамъ же лл. 684—686, 695.

[2]) Обѣ деревни и одинъ починокъ принадлежатъ Богородицкому монастырю.

[3]) *Деревня Маркова*, на р. на Камѣ и на озерахъ, въ которой тринадцать дворовъ крестьянскихъ.

[4]) *Починокъ Савинъ* на р. на Камѣ, на берегу къ рѣкѣ Пещанкѣ, 3 двора крестьянскихъ.

[5]) *Починокъ Кругълова* на усть рѣки Сусарки» въ немъ тяглыхъ крестьянъ четыре двора, людей въ нихъ девять человѣкъ; да льготныхъ 11 дворовъ, людей въ нихъ 21 человѣкъ. Подобное же явленіе встрѣчаемъ въ другомъ починкѣ *Шишкинъ*.

рахъ значится 11 льготныхъ; при этомъ отмѣрено «пашни и дикихъ поль. . . . *ново прибылымъ крестьянамъ и бобылямъ, которые впредь прибудутъ*»[1]). Въ самомъ селѣ Мысѣ число дворовъ за это время увеличилось: въ немъ живутъ теперь 123 крестьянскихъ двора, у которыхъ значительная пахота и большой сѣнокосъ[2]). Составъ населенія въ селѣ былъ довольно разнообразенъ: среди крестьянъ встрѣчаются дворы крестьянскіе съ такими прозвищами, какъ «Галичанинъ» (2 двора), «Вятчанинъ» (2 двора), «Стародубецъ», указывающія, повидимому на мѣста, откуда владѣтели дворовъ пришли, или же «Мордвинъ»—прозвище, свидѣтельствующее о происхожденіи даннаго лица. Крестьяне села описываются по вытямъ отдѣльно, и каждая выть имѣетъ особое наименованіе, какъ бы указывающее на своего представителя: такъ, напримѣръ, описывается «Замараева выть», — а въ концѣ описи мы узнаемъ, что староста Чалнинскихъ крестьянъ прозывался «Тренка Замарай»[3]). Среди бобылей села Мыса на денежномъ оброкѣ означенъ «Гришка Кузьминъ, торгуетъ мелкимъ щепетильемъ», затѣмъ встрѣчаются бобыли съ прозвищами «портной мастеръ»,

[1]) Тамъ же лл. 728—735, 756—758.

[2]) «И всего села Мысу и съ мироновскими (т. е. переселенцами изъ деревни Мироновой) тяглыхъ крестьянъ 123 двора, людей въ нихъ 219 человѣкъ, тягла на нихъ 5 вытей съ четвертью (выть здѣсь равнялась 56 четвертямъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, и обложена была 4 рублями денегъ и 12 четвертями ржи, овса тожъ); да дворъ льготнаго крестьянина, да бобыльскихъ 16 дворовъ, людей въ нихъ и захребетниковъ 30 человѣкъ; оброку платятъ на годъ 2 рубля 20 алтынъ, 10 денегъ. Да для откупныхъ и торговыхъ промысловъ живутъ два двора людей,—и всего 143 двора, а людей въ нихъ 255 человѣкъ; тягла на нихъ 6 вытей безъ чети и безъ полъ, полъ, полъ четверти выти. Пашни паханной (за крестьянами въ селѣ съ деревнями) и на ново прибылыхъ и льготчиковъ, которые впредь прибудутъ 2627 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ»; сѣнныхъ покосовъ на 720 десятинахъ 14, 400 копенъ, а съ деревнями и починками дальними и близкими 32, 150 коп. Тамъ же лл. 675, 707—710.

[3]) Остальныя выти села Мысъ - Чалны были: Вяцкая выть, — быть можетъ, отъ Вяцкаго взвозу, затѣмъ слѣдуютъ: Кожевникова выть, Кузнецова выть и Воинова выть; въ каждой выти описано болѣе двадцати крестьянскихъ дворовъ. Тамъ же лл. 697—703.

«сапожникъ» и «бочкарь»; въ селѣ же находились два двора «торговыхъ людей», которыхъ владѣтели жили здѣсь «для откупныхъ промысловъ»: обладатель одного изъ нихъ несъ тягло на Москвѣ въ Бронной слободѣ, а въ селѣ жилъ шестой годъ «для откупнаго кабацкаго и таможеннаго промыслу»; владѣтель другаго жилъ на тяглѣ во Владимірѣ, предоставивъ своему двоюродному брату, Владимірскому же тяглецу, торговать на селѣ изъ двухъ анбаровъ солью и хлѣбомъ; сверхъ того, «у него жъ (т. е. у владимірца) на монастырской землѣ солодовня, роститъ солодъ и отпускаетъ въ Астрахань»[1]). Такимъ образомъ мы встрѣчаемся на окраинѣ не съ одними земледѣльцами изъ коренной Россіи, а также и съ предпріимчивою энергіею торговаго великоросса, который, живя подъчасъ за тысячи верстъ, умѣлъ организовать и эксплоатировать дѣло съ барышемъ для себя и не безъ выгоды для другихъ людей не только здѣсь, на мѣстѣ, но и въ отдаленной отсюда Астрахани. Поселенія, тячувшія къ селу Мысу, за это время также въ большей или меньшей степени увеличились, при чемъ и характеръ нѣкоторыхъ поселковъ успѣлъ болѣе прежняго выясниться; такъ, Набережная слобода на р. Камѣ[2]), нѣсколько увеличившись, получила теперь болѣе промышленный характеръ, что замѣчается не въ нѣкоторыхъ только прозвищахъ поселенцевъ слободы, — «рыболовъ» (4 двора), «Кожевникъ», «Перевощикъ»,—но также и въ сравнительно меньшей, чѣмъ въ другихъ поселеніяхъ, пахотѣ и сѣнокосѣ у слобожанъ»[3]).

---

[1]) Тамъ же л. 706.

[2]) Прежде она прозывалась «Бережная» просто.

[3]) Всего въ Набережной слободѣ 112 дворовъ, такъ что населенія прибыло около 11 дворовъ; но при этомъ въ ней 10 дворовъ означено пустыхъ,—изъ нихъ 9 отданы въ 1650 и 1651 годахъ разнымъ лицамъ «во крестьянство» (главнымъ образомъ Данилѣ и Петру Строгоновымъ). Кромѣ прозвищъ «Рыболовъ», въ формѣ, напр., такой: «во дворѣ Аѳонька Васильевъ Шульгинъ съ сыномъ съ Гришкою Рыболовымъ», встрѣчаются люди съ прозвищами «Пермякъ» (2 двора) и «Вятчанинъ». Въ слободѣ находится церковь съ тремя дворами для причта; пахотной земли 371 четв. и 750 коп.; пахота и сѣнокосъ являются незначительными при сравненіи ихъ съ дру-

Въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ, если не всегда замѣчаемъ серіозное увеличеніе тяглаго населенія, то зато постоянно встрѣчаемъ дворы льготныхъ людей, — притомъ въ пропорціи иногда очень значительной, сравнительно съ наличнымъ составомъ населенія въ деревнѣ[1]). Въ одномъ изъ подобныхъ поселковъ, въ которомъ застаемъ много льготныхъ дворовъ, по описи можно отчасти видѣть, какимъ образомъ здѣсь заселялись свободныя земли и какъ иногда увеличивалось населеніе въ селахъ и въ деревняхъ. Въ деревнѣ Средней Шильнѣ, послѣ описи жилыхъ и тяглыхъ дворовъ сказано: «тоежъ деревни Середніе Шильни льготныхъ крестьянъ», вслѣдъ затѣмъ идетъ опись льготныхъ дворовъ, которые расположены особыми группами съ отдѣльнымъ лицомъ во главѣ; эти группы состоятъ изъ двухъ, девяти и болѣе дворовъ. Повидимому группы эти являлись въ деревнѣ отдѣльно, принимались крестьянскою общиною деревни и селились на извѣстное время на льготѣ. Очень вѣроятно, что и группы новыхъ поселенцевъ въ свою очередь составляли общину, при чемъ извѣстное лицо могло быть уполномоченнымъ или представителемъ данной группы въ ея переговорахъ съ деревенскою общиною, которая принимала ее къ себѣ и уступала членамъ группы на опредѣленныхъ условіяхъ землю усадебную, пашенную и угодья; деревенская община могла оказывать группѣ и нѣкоторую матеріальную помощь на первыхъ порахъ ихъ жизни на новомъ мѣстѣ. Такъ, послѣ вышеприведеннаго выраженія слѣдуетъ опись группы, состоящей изъ двухъ дворовъ крестьянскихъ, изъ коихъ въ одномъ дворѣ живутъ два брата, а въ другомъ одинъ крестьянинъ; въ заключеніе сказано: «и тотъ Фетька Яковлевъ съ товарищемъ изо льготы выдутъ во 162 году» (1654); вслѣдъ за этимъ идетъ опись другой группы дворовъ

гими поселеніями здѣсь же, въ которыхъ гораздо меньше дворовъ крестьянскихъ, чѣмъ въ Набережной слободѣ.

[1]) Такъ, напримѣръ, деревня Средняя Шильня на рѣкѣ Шильнѣ, въ которой тяглыхъ дворовъ около 20, а льготныхъ гораздо больше. Затѣмъ починокъ Кругловъ, починокъ Ключъ и др.

состоящей изъ 16 человѣкъ; начинается опись дворомъ Стеньки Федорова съ дѣтьми и заключается слѣдующимъ образомъ: «И тѣ шестнадцать человѣкъ Стенька Федоровъ съ товарищи изъ льготы выйдутъ во 163 году» (1655). Затѣмъ слѣдуютъ еще двѣ группы, состоящія — одна изъ четырехъ крестьянскихъ дворовъ съ братьями и дѣтьми, а другая изъ девяти, опись каждой изъ нихъ заканчивается такимъ же образомъ, какъ и предъидущихъ, при чемъ заключительныя слова относительно послѣдней группы: «и тѣ девять дворовъ Власко Яковлевъ съ товарищи сѣли на льготу въ нынѣшнемъ во 159 году (1651), а изъ льготы выдутъ во 165» (1657), указываютъ намъ и срокъ льготы, на который могли приниматься группы отдѣльныхъ переселенцевъ деревенскою общиною на свои земли [1]).

Изъ этого можно видѣть, что приливъ новыхъ переселенцевъ въ Закамскія страны продолжался, и что это обратило на себя вниманіе правительства молодаго царя, которое построеніемъ здѣсь городка и водвореніемъ въ немъ служилыхъ людей полагало защитить ближайшихъ къ нему поселенцевъ отъ усилившейся опасности. Но трудно допустить, чтобъ русское правительство, сознавшее ненадежность единичныхъ и отрывочныхъ мѣръ на правой сторонѣ Волги, вслѣдствіе чего оно довольно энергически принялось за построеніе Симбирской укрѣпленной черты,— трудно, повторяемъ, допустить, чтобы оно сооруженіе Чалнинскаго города вмѣстѣ съ уже существовавшими острожками считало мѣрою достаточной для защиты Закамскаго населенія, опасность котораго со стороны кочевыхъ обитателей степи была несравненно сильнѣе, чѣмъ у обитателей правой, нагорной стороны. По всей вѣроятности, правительство смотрѣло на это дѣло только какъ на временную мѣру, которая во всякомъ случаѣ была лучше, чѣмъ ничего. Справедливость настоящаго предположенія, между прочимъ, подтверждается тѣмъ, что въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ

---

[1]) Тамъ же лл. 738—742.

(въ 1651 году) по порученію правительства въ Закамской сторонѣ дѣлались разысканія нѣкоторыми служилыми людьми [1]), которымъ поручено было составить планъ укрѣпленной Закамской черты или линіи. Для помощи въ настоящемъ дѣлѣ служилымъ людямъ, къ нимъ прикомандированы были «въ вожахъ» нѣкоторые инородцы, имѣвшіе вотчины за р. Камою, которые вслѣдствіе этого должны были хорошо знать здѣшнія мѣста и этимъ знаніемъ могли быть имъ полезны [2]) въ Закамской сторонѣ. Такимъ образомъ составлена была «роспись и чертежъ Закамской засѣчной землѣ», по которой должны были быть выстроены «городы и жилые и стоялые остроги и всякія засѣчныя и землянныя и деревянныя крѣпости отъ р. Волги до Ику рѣки и по Ику внизъ до Камы рѣки». Изготовленные планы Казанскими воеводами отосланы были въ Москву въ Казанскій приказъ; здѣсь ихъ разсмотрѣли, одобрили и въ 1652 году прислали обратно въ Казань къ боярину и воеводѣ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому съ товарищи, съ повелѣніемъ, чтобъ они устроили все «по росписи и чертежу, въ которыхъ мѣстахъ городкомъ и острогомъ и засѣчнымъ крѣпостямъ быть пристойно» [3]). Вслѣдствіе этого приказанія въ 1652 г. съ наступленіемъ лѣта «по государевой грамотѣ» открылись работы по построенію укрѣпленной Закамской черты или линіи. Для работъ по Закамской чертѣ по указу наряжались изъ Казанскаго уѣзда «подымовные люди» и, какъ кажется, преимущественно Чуваши, Черемисы и Вотяки. На первый годъ изъ ихъ среды бралось «въ степь, въ работу, въ дѣловые люди» по одному рабочему съ трехъ дворовъ, а впослѣдствіи брался одинъ работникъ съ шести дворовъ. Инородцы, хорошо знакомые съ Закамской стороной, опредѣлялись «по прежнему быть въ вожахъ» при работахъ на Закамской чертѣ [4])

---

[1]) Эти служилые люди были—Степанъ Змѣевъ и Григорій Львовъ.

[2]) Акт. Ист. Юрид. Собр. Ст. Мельниковымъ грам. 23.

[3]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127 лл. 553—554.

[4]) Тамъ же л. 583. Акт. Ист. Юридид. Собр. Ст. Мельниковымъ гр. 23.

По мѣрѣ построенія черты на нее переселяли людей изъ разныхъ мѣстъ, водворяя ихъ здѣсь на время или «на вѣчное житье»; кромѣ того, по чертѣ заводились «проѣзжія станицы», которыми начальствовали головы, руководимые вожами изъ тѣхъ же, знакомыхъ со страною, инородцевъ [1]). По всей вѣроятности, и по Закамской чертѣ, какъ на Симбирской, работы производились въ разныхъ мѣстахъ одновременно, ибо это удобнѣе было и для рабочихъ людей, которые набирались изъ разныхъ частей обширнаго Казанскаго уѣзда, вслѣдствіе чего однимъ сподручнѣе было работать около р. Ику, а другимъ около р. Волги.

Какъ результатъ подобныхъ работъ, появляется на луговой сторонѣ р. Волги, выше впаденія р. Черемшана, въ мѣстахъ, гдѣ въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка были рыбныя ловли Покровскаго монастыря «въ Нижнихъ Тетюшахъ», *городъ* Бѣлый Яръ, «поставленный» въ 88 саженяхъ отъ Волги [2]). Построенъ былъ городъ на низкомъ мѣстѣ и большей частью изъ сосноваго лѣса. Бѣлоярскій городъ представлялъ собою четыреугольникъ, стороны котораго были почти равны [3]). Окруженъ былъ городъ тарасныиъ валомъ въ сажень вышины и столько же ширины, въ которомъ утвержденъ былъ острогъ, подымавшійся изъ тарасовъ на двѣ сажени; съ половодной стороны къ тарасамъ устроенъ былъ земляной привалъ, а по валу въ разныхъ мѣстахъ «для бою дѣланы лавы» [4]). По валу устроены были восемь башенъ, изъ коихъ четыре были осьмиугольныя, глухія, и стояли по угламъ города, — остальныя были четыреугольныя; изъ числа послѣднихъ трое были съ

---

[1]) Ак. Ист. Юрид. Мельникова гр. 23.

[2]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6464. III е отд. Писц. кн. за № 1127 л. 554.

[3]) По измѣренію служилаго человѣка Никиты Гладкова, которому, послѣ окончанія черты, поручено было осмотрѣть ее отъ Бѣлаго Яра до Новошешминска, Бѣлоярскій городъ имѣлъ 142 сажени въ длину и 140 сажень поперекъ.

[4]) Мосты, по которымъ сходили сражавшіяся изъ укрѣпленія.

проѣзжими воротами, надъ которыми были иконы[1]). Проѣзжія башни были расположены въ городѣ слѣдующимъ образомъ: одна съ сѣверной стороны города («съ Казанскую сторону»), другая съ западной стороны («отъ Волги») и третья съ южной стороны («отъ волошки Бушуйки»[2]); одна изъ проѣзжихъ башень и четыре угловыхъ были съ вышками на верху[3]). Въ городѣ около проѣзжихъ воротъ находились караульныя избы; кромѣ того, въ немъ помѣщались общественныя зданія, церковь, дворы причта и нѣсколько стрѣлецкихъ дворовъ[4]). Вооруженіе Бѣлоярскаго города состояло изъ трехъ пищалей мѣдныхъ въ станкахъ на колесахъ, трехъ пищалей полковыхъ и 405 самопаловъ[5]) Кругомъ города, въ разстояніи двухъ саженей

---

[1]) Отъ этихъ иконъ и ворота прозывались Спасскими, Казанскими и пр.

[2]) Волошка Бушуйка была небольшая рѣчка, впадавшая въ Волгу съ южной стороны города Бѣлаго Яра. Эта рѣчка еще означена на подробной картѣ 1800 г.; на нынѣшнихъ картахъ генеральнаго штаба ея нѣтъ.

[3]) Вышки на башняхъ устроены были, вѣроятно, для часовыхъ, наблюдавшихъ за появленіемъ на горизонтѣ непріятеля. Вотъ для примѣра описаніе одной изъ башенъ (всѣ башни на чертѣ построены по одному плану и разнятся лишь въ величинѣ частей, причемъ проѣзжія иногда сдѣланы нѣсколько больше, а иногда меньше глухихъ): «Башня отъ Волошки Бушуйки четвероугольная, съ проѣзжими вороты: стѣны по 4 сажени; вышину до обламовъ 5 сажень съ половиною, обламовъ до шатра сажень, шатра до вышки 4 сажени съ получетвертью; а въ техъ воротныхъ башняхъ затворы брусяны и сосновые». Это описаніе сдѣлано до осмотра Гладкова, а вотъ описаніе той же башни «по досмотру» послѣдняго: «на Бушуйскихъ проѣзжихъ воротахъ образъ Спаса Вседержителя. Башня четвероугольная, въ вышину съ земли до обламовъ 5 сажень, обламовъ сажень, съ обламовъ до вышки 4 сажени, вышка 2 сажени, съ вышки въ степь видѣть на 9 вер.» Съ вышекъ другихъ башень, обращенныхъ въ иныя стороны, наблюдаемое разстояніе было другое. Такъ, напримѣръ, съ угловой башни, обращенной къ Волгѣ р. «съ вышки въ стѣнѣ видѣть за Волгу рѣку на 10 верстъ, а подлѣ валу видѣть степную сторону на 2 версты». Тамъ же лл. 555. 592.

[4]) Такъ, въ городѣ упоминается по досмотру Гладкова: Приказная судная изба, государевъ дворъ, гдѣ приказные люди, баня; у волжскихъ проѣзжихъ воротъ государевъ выходной погребъ, изба тюремная, колодезъ—срубъ дубовый; стрѣлецкихъ дворовъ въ городѣ было пять. Тамъ же лл. 594—595.

[5]) «Ружья на Бѣломъ Яру 3 пищали мѣдные въ станкахъ на колесахъ, пищаль фунтовая, къ ней 30 ядеръ, 2 пищали четырехъ фунтовыхъ,

отъ вала, выкопанъ былъ ровъ въ двѣ сажени глубиною; отъ наугольной башни города съ южной стороны до Волги р. «поставлены были двойные надолбы»[1]). О населеніи Бѣлоярскаго города извѣстно слѣдующее: въ сентябрѣ 1653 года Лаишевскому воеводѣ Левашеву поручено было изъ Казани «выбрать сто Лаишевскихъ конныхъ служилыхъ казаковъ, добрыхъ и семьянистыхъ и сказать имъ, что по государеву указу велѣно ихъ съ женами и съ дѣтьми перевести на Бѣлой Яръ, строить на вѣчное житье»; при этомъ прибавлено: «переводить ихъ на Бѣлой Яръ нынѣшнею осенью послѣ пашенные пары, чтобъ они рожь сѣяли въ Лаишевѣ на прежнихъ своихъ земляхъ, а яровой хлѣбъ сѣять на Бѣломъ Яру». Въ этомъ же распоряженіи говорится, чтобъ переведенцы впередъ отправили «своихъ дѣтей и братью и племянниковъ», да и самибъ «готовились на переведенье на Бѣлой Яръ», т. е., велѣно было имъ «къ зимнему времени сѣна готовить и бревна на дворовую селитьбу»[2]). Среди переселенцевъ, дѣлившихся на десятки, бывшихъ подъ начальствомъ 8 десятниковъ и двухъ пятидесятниковъ, встрѣчаются семьи, въ которыхъ не только глава, но и другіе члены семейства въ числѣ двухъ или даже трехъ членовъ отмѣчены годными въ службу[3]). Такія ихъ

къ нимъ 50 ядеръ; 9 пудъ 20 гривенокъ зелья пушечнаго; 3 пищали полковые къ нимъ 89 ядеръ пушечныхъ; 3 пуда зелья ручнаго, свинцу тожъ, 405 самопаловъ». Тамъ же л. 593 съ оборот.

[1]) Тамъ же лл. 554—556.

[2]) Тамъ же л. 537.

[3]) Такъ, напримѣръ, «Ивашка Савельевъ сынъ Санюковъ, а у него сынъ Степка, въ службу годится, да два племянника —Лучка Матвѣевъ въ службу годится, Федька Леонтьевъ — недоросль. Десятникъ Ивашка Мартьяновъ сынъ Бѣляевъ, а у него братъ Митька Уевъ, да съ нимъ въ службѣ захребетники—Ивашка да Алешка Ивановы дѣти, живутъ себѣ дворомъ розно. Артюшка Яковлевъ сынъ Кадышевъ, а у него 3 сына—сынъ Ѳедька въ службу годится, Левка да Гришка — недоросли, да съ нимъ въ службѣ два брата Николка и Ивашка въ службу годятся.» Тамъ же лл. 538, 540, 546. Вѣроятно, и на Закамской чертѣ, какъ прежде на Симбирской, нѣсколько человѣкъ составляли вмѣстѣ *одну службу*, или же при недостаткѣ наличныхъ членовъ семьи—*полъ-службы*.

прозвища какъ: «Тетюшенинъ», «Арзамасецъ», «Нижегородецъ», или же такія, какъ «Мещеровъ» и «Нагаевъ», могутъ навести на мысль, что служилые казаки въ Лаишевѣ вербовались въ это время изъ охочихъ людей различныхъ городовъ и разнообразнаго происхожденія[1]). Въ этотъ же годъ на конную службу въ Бѣлый Яръ переведены были 29 человѣкъ «полониковъ» изъ Тетюшъ съ ихъ десятниками и 9 человѣкъ ссыльныхъ, тоже опредѣленныхъ здѣсь на службу; подобныя прозвища у ссыльныхъ, какъ «Чебоксаренинъ» (2 двора), «Цывиленинъ» и «Саранецъ,» указываютъ намъ, изъ какихъ мѣстъ преимущественно были эти люди[2]). Всѣ переселенцы, опредѣленные въ бѣлопашенные конные казаки, поселены были «за городомъ, съ трехъ сторонъ города», и изъ нихъ образовались двѣ слободы. Всякому переведенцу отведено было «земли подъ дворъ, подъ огородъ и подъ гумно по 40 саженъ длиннику, по 10 поперечнику»; сверхъ того, имъ намѣрены были отвести земли на пашню въ опредѣленномъ количествѣ четвертей и сѣнокосу, но не отвели, «потому что близко города Бѣлаго Яру въ чертѣ пашенные земли и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ». Слободы защищены были отъ непріятельскихъ нападеній надолбами[3]).

Непосредственно отъ города Бѣлаго Яра начиналась укрѣпленная Закамская черта, состоявшая изъ группы сооруженій, тянувшихся по правой сторонѣ Большаго Черемшана, такъ что кочевому непріятелю надобно было при вторженіи перейти сперва эту рѣку, и потомъ уже онъ встрѣчался съ укрѣпленною чертою. При сооруженіи укрѣпленной линіи строившіе ее старались повидимому приспособляться и пользоваться природными особенностями, которыя встрѣчались имъ на пути, вслѣдствіе чего находимъ, что одни укрѣпленія воздвигались въ степныхъ мѣстахъ, а другія въ лѣсныхъ; но такъ какъ въ

[1]) Тамъ же лл. 544, 547, 549.
[2]) Тамъ же лл. 551—553, 556, 557. Переп. кн. № 6475, кн. 41, лл. 1—2.
[3]) Тамъ же лл. 556, 595, 601.

здѣшнихъ мѣстахъ господствовалъ лѣсъ, то поэтому на чертѣ между укрѣпленіями преобладаетъ «засѣка». Отъ наугольной башни за рвомъ, на пятисаженномъ разстояніи, «поставлено острогу», который примыкалъ къ тарасному валу, сооруженному «дубровою и степью чистымъ мѣстомъ до черного лѣсу» на пространствѣ четырнадцати верстъ и 63 сажень; въ частности говорится, что «тарасы рублены въ крайнемъ сосновомъ и въ дубровномъ лѣсу, въ вышину до обламовъ двѣ сажени, поперекъ тожъ; а обламы рублены въ полъ-аршина и въ три четверти, и въ тарасахъ насыпана земля»[1]). По тарасному валу построены были въ разномъ разстояніи еще особыя небольшія укрѣпленія, которыя назывались городками и выводами; всѣхъ такихъ построекъ по валу сдѣлано двадцать пять на четырнадцати - верстномъ разстояніи[2]). Со стороны поля, въ разстояніи двухъ и болѣе саженей отъ тараснаго вала, городковъ и выводовъ, на всемъ этомъ пространствѣ былъ выкопанъ ровъ въ двѣ сажени глубины и въ три ширины «въ государеву сажень». Отъ конца тараснаго вала по направленію «къ засѣкѣ, подъ увалъ, на десяти саженяхъ поставлены тройныя надолбы». Затѣмъ чрезъ черный лѣсъ на разстояніи двухъ верстъ и девятисотъ саженей устроена была «валежная засѣка въ крѣпкихъ топкихъ мѣстахъ», шириною отъ 40 до 60 саженей, — при чемъ въ засѣкѣ лѣсъ валенъ всякой: дубнякъ, вязникъ, липнякъ, ольшнякъ; отъ корени деревья рублены въ аршинъ и въ два аршина». Около лѣса, въ которомъ была устроена засѣка, на пространствѣ нѣсколькихъ сажень находилось топкое мѣсто, вслѣдствіе чего здѣсь вбиты были «семерныя надолбы», примкнувшія непосредственно къ новому тарасному валу за чернымъ лѣсомъ. Здѣсь на про-

---

[1]) Тамъ же л. 557.

[2]) Объ этихъ укрѣпленіяхъ при осмотрѣ Закамской черты Гладкимъ въ 1658 году сказано слѣдующее: «а тарасы (найденные имъ въ вышину отъ земли на полторы сажени, обламы на полъ сажени) и выводные городки и башни (выводныя) насыпаны землею, а выводные городки въ длину и поперекъ по 10 сажень». Тамъ же л. 602.

странствѣ двухъ верстъ и 350 саженъ сооруженъ былъ снова тарасный валъ, по которому «сдѣланы четыре городка, да четыре вывода на польскую сторону»; затѣмъ попрежнему, на извѣстномъ разстояніи отъ этихъ укрѣпленій, выкопанъ былъ со стороны степи ровъ извѣстной уже глубины и ширины. Отъ послѣдняго тараснаго вала «въ гору ко рву поставлено на тридцать сажень острогу». Здѣсь на рѣчкѣ Ерыклѣ, текущей съ сѣвера и впадающей въ Большой Черемшанъ, на правомъ берегу ея построенъ новый острогъ, назвавшійся отъ рѣки Ерыклинскимъ. Отъ города Бѣлаго Яра до Ерыклинскаго острога «всего валоваго и надолбнаго и острожнаго и засѣчнаго дѣла» было устроено на разстояніи девятнадцати верстъ и 343 саженей [1]).

Ерыклинскій острогъ стоялъ подъ горою въ лощинѣ [2]) и по величинѣ много уступалъ городу Бѣлому Яру. Острогъ имѣлъ видъ четыреугольника, котораго длина равнялась 52, а ширина 42 саженямъ. Вышина острога была около трехъ саженъ, и въ немъ находилось шесть башенъ; изъ нихъ двѣ, обращенныя одна на сѣверъ [3]), а другая на югъ [4]), имѣли проѣзжія ворота и вышки и были нѣсколько больше остальныхъ четырехъ, угловыхъ и глухихъ, безъ вышекъ. Башни въ Ерыклинскомъ острогѣ, быть можетъ, вслѣдствіе меньшей величины самого острога, были нѣсколько меньше Бѣлоярскихъ башенъ, поэтому съ ихъ вышекъ открывался не столь обширный горизонтъ, какъ съ предыдущихъ; на вышкѣ одной изъ проѣзжихъ башенъ острога (на сѣверной) находился «государевъ вѣстовой колоколъ» [5]). Въ Ерыклинскомъ острогѣ, какъ

---

[1]) Тамъ же лл. 559, 602—603.

[2]) Въ актахъ объ этомъ говорится такъ: «надъ рѣчкою Ерыклою *на ували*, подъ горою поставленъ *острогъ*»; въ осмотрѣ Гладкова: «Ерклинскій *городокъ* построенъ *на уторъ*». Тамъ же лл. 560, 603.

[3]) «Съ Казанскую сторону».

[4]) «Съ Нагайскую сторону».

[5]) Вотъ для примѣра описаніе Казанской проѣзжей башни по досмотру Гладкова: «Въ Ерыклинскомъ городкѣ Казанскіе проѣзжіе ворота, на нихъ образъ Спаса Вседержителя. Башня четвероугольная въ вышину и съ земли

и въ Бѣлоярскомъ городѣ, «по острогу для верхняго бою... дѣланы лавы»; внутри острога у двоихъ проѣзжихъ воротъ тоже встрѣчаемъ двѣ караульныя избы и сверхъ того общественныя зданія, съ тѣмъ отличіемъ, что въ Ерыклинскѣ, вслѣдствіе его меньшаго объема, нѣкоторыя зданія, какъ церковь съ дворами причта, не могли помѣститься въ серединѣ, а потому построены были внѣ острога у сѣверныхъ проѣзжихъ воротъ. Вооруженіе Ерыклинскаго острога было еще незатѣйливѣе Бѣлоярскаго: одна пушечка въ станкѣ на колесахъ и шесть пищалей затинныхъ, изъ которыхъ четыре расположены на острожныхъ башняхъ, составляли наличный арсеналъ острога [1]). Подобное вооруженіе можетъ, съ одной стороны, свидѣтельствовать о скудости въ то время правительственныхъ средствъ, ибо, вѣроятно, правительство затруднялось снабжать воздвигаемыя на окраинѣ укрѣпленія болѣе значительнымъ вооруженіемъ,—съ другой стороны, такое вооруженіе отчасти указываетъ на незначительныя силы у того непріятеля, противъ котораго оно могло почитаться порядочнымъ средствомъ защиты. Въ Ерыклинскомъ острогѣ, какъ и въ Бѣломъ Яру, на опредѣленномъ разстояніи отъ острога выкопанъ былъ ровъ извѣстной уже глубины и ширины, который, подобно предшествовавшему, въ случаѣ надобности, могъ наполняться водою изъ рѣчки, у которой поставленъ былъ настоящій острогъ. Для заселенія Ерыклинскаго острога переведены въ 1653 году «изъ села Чалновъ сто пятьдесятъ

до обламовъ 5 сажень безъ аршина, обламовъ сажень, съ обламовъ до вышки полъ четверты сажени, вышка 2 сажени (въ другой описи говорится, что «вышка рубленная четвероугольная»), на вышкѣ государевъ вѣстовой колоколъ; съ вышки въ степь видѣть на 5 верстъ; въ башнѣ пищаль желѣзная затинная». На Ногайской проѣзжей башнѣ, такой же величины и съ такимъже горизонтомъ, находился «образъ Гурья и Варсонофья, Казанскихъ чудотворцевъ», и на этой же башнѣ стояли 2 пищали желѣзныхъ затинныхъ. Тамъ же лл. 604—605.

[1]) Къ этому вооруженію припасено было: «конопати 9 гривенокъ, 870 пулекъ, четыре шомпола желѣзныхъ; 6 пудъ 28 гривенокъ зелья ручнаго, 4 пуда 35 гривенокъ зелья пушечнаго; свинцу — свичья почата». Тамъ же лл. 561, 605.

человѣкъ пашенныхъ крестьянъ и устроены въ казачью службу»; на ихъ счетъ были пріобрѣтены нѣкоторыя книги церковныя и образъ [1]). Еще лѣтомъ 1652 года по указу государя отправленъ былъ изъ Казани дворянинъ вмѣстѣ съ подъячимъ въ село Чалны съ деревнями съ повелѣніемъ—«села Чалновъ служилыхъ людей стрѣльцовъ и пашенныхъ крестьянъ и бобылей *всѣхъ до одного человѣка перевесть на Закамскую черту и устроить ихъ на Закамской чертѣ въ жилыхъ городѣхъ и острогахъ* гдѣ пригоже». Для осуществленія этого плана «велѣно имъ (дворянину и подъячему) села Чалновъ деревень и починковъ крестьянъ и бобылей и стрѣлецкихъ дѣтей и братью и племянниковъ и захребетниковъ переписать *до одного человѣка*, а переписавъ велѣно ихъ отвести на Закамскую черту въ новые городы и остроги и устроить ихъ въ тѣхъ новыхъ городѣхъ и острогехъ *на вѣчное житье въ службы* по государеву указу и по разсмотрѣнію, сколько въ которомъ мѣстѣ въ какую службу устроить доведется». Такъ какъ отъ здѣшнихъ мѣстъ до Закамской черты разстояніе было довольно большое, то правительство, въ заботѣ о томъ, чтобъ «надъ ними на дорогѣ какое дурно не учинилось,» велѣло ихъ проводить «до указныхъ мѣстъ» дворянину, который долженъ переписать ихъ вмѣстѣ съ казанскими служилыми людьми. Относительно имущества, которое на мѣстѣ было у всякаго крестьянина въ видѣ хлѣба и построекъ, сказано слѣдующее: «а который у нихъ хлѣбъ стоячей и молоченной и дворы останутся въ селѣ Чалнахъ и въ деревняхъ и въ починкахъ, и тотъ хлѣбъ и дворы послѣ ихъ велѣно приказать оберечь *тутошнимъ окольнымъ людемъ*, покамѣстъ они съ Закамской черты для того хлѣба и для продажи и для перевозки дворовъ своихъ въ село Чалны и въ деревни и въ починки пріѣдутъ»; далѣе говорится еще опредѣленнѣе, что переведенцы свои дворы въ селѣ, въ деревняхъ и въ починкахъ

[1]) Тамъ же л. 562 и 604 «мірского церковнаго строенія запрестольный образъ Богородицы; книгъ: Евангеліе, напрестольный часовникъ».

могутъ «продавать повольною цѣною,» или же буде «похотятъ перевести на Закамскую черту на указныя мѣста, гдѣ имъ быть въ службѣ», — то въ такомъ случаѣ имъ «по томужъ вольно дворовое свое строеніе перевести на Закамскую черту и на Закамской чертѣ въ указныхъ мѣстахъ велѣно имъ дворы свои строить вскорѣ безо всякого мотчанія»[1]).

Подобное переселеніе для переведенцевъ сопряжено было со многими потерями и нравственными страданіями. Значительный ущербъ имущественный неизбѣженъ былъ для всѣхъ переселенцевъ; необходимость разстаться съ мѣстомъ, въ которомъ многіе изъ нихъ родились, другіе же, если и не родились, то успѣли уже осѣсть и не безъ труда обзавелись избою и домашнимъ хозяйствомъ, что теперь съ рискомъ и значительными издержками нужно или перевести за сотни верстъ, или же отдать на мѣстѣ за безцѣнокъ постороннему человѣку, — перспектива всего этого естественно должна была во многихъ переведенцахъ возбуждать неудовольствіе, которое при случаѣ могло перейти въ ослушаніе правительственному распоряженію. Это предвидѣло правительство, и поэтому въ концѣ встрѣчаемся съ такимъ распоряженіемъ: «А будетъ которые служилые люди, стрѣльцы и крестьяне и бобыли на Закамскую черту изъ села Чалновъ, изъ деревень и съ починковъ ѣхати не похотятъ, и тѣхъ велѣно выслать и въ неволю; а за ослушаніе велѣно имъ дѣлать наказаніе: бить батоги и сажать въ тюрьму; чтобъ одноличво ихъ на Закамскую черту на вѣчное житье выслать всѣхъ нынѣшнимъ лѣтомъ»[2]).

Прежде чѣмъ слѣдить за устройствомъ Чалнинскихъ переведенцевъ на Закамской чертѣ, разсмотримъ тѣ измѣненія, которыя произошли за годъ въ городѣ Чалнахъ и въ селѣ Мысу съ деревнями. Теперь мы уже застаемъ церковь, которую бѣлопашенные казаки, нынѣшніе стрѣльцы, обѣщались, какъ мы знаемъ, построить здѣсь. Не одна церковь, но и

[1]) Тамъ же лл. 763—765.

[2]) Тамъ же л. 765.

«всякое церковное строеніе,» по показанію старцевъ Семиозерной пустыни, которые жили подлѣ церкви въ трехъ кельяхъ, принадлежало имъ. Затѣмъ въ средѣ стрѣльцовъ, бывшихъ казаковъ, теперь замѣчаемъ присутствіе новыхъ личностей, которыхъ не встрѣчали годъ тому назадъ. Такъ, между ними упоминаются стрѣльцы съ прозвищами: «Мысовецъ», «Солдатъ», «Свіяженинъ» (2 двора), «Хохлуша-Ломоносовъ»; владѣтели двухъ дворовъ носятъ прозваніе «Портной-Швецъ»[1]); въ замѣнъ этого нѣкоторые стрѣльцы означены въ бѣгахъ, а ихъ оружіе сохранялось въ городѣ. Кромѣ того, у стрѣльцовъ въ настоящее время въ сосѣдствѣ попадаются изрѣдка гулящіе люди, при чемъ такое прозвище, какъ «Вятчанинъ,» можетъ намъ указывать на мѣсто, откуда пришелъ этотъ гулящій человѣкъ. Затѣмъ, дѣти нѣкоторыхъ стрѣльцовъ отмѣчены теперь «въ пахотныхъ», — слѣдовательно, они чрезъ ихъ посредство какъ будто начали уже ассимилироваться съ мѣстными общинами пахотныхъ крестьянъ[2]). Село Мысъ-Чалны въ описываемое время именуется уже *посадомъ*; среди крестьянъ этого села, кромѣ людей съ извѣстными намъ прозвищами, теперь попадаются новые люди съ прозвищами: «Пермякъ» (2 двора), «Новоселъ», «Шерстобитъ» (2 двора). Какъ въ самомъ посадѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ, къ нему тянувшихъ, по прежнему встрѣчаемся съ пустыми дворами, которыхъ владѣтели отмѣчены «отданными во крестьянство» служилымъ людямъ ближайшихъ уѣздовъ[3]). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, тянувшихъ къ селу-посаду, населеніе за этотъ годъ увеличилось довольно серіозно: такъ, на примѣръ, въ одной деревнѣ вмѣсто прежнихъ тринадцати дворовъ теперь находимъ сорокъ семь[4]). И здѣсь прозвища крестьянъ и захребетниковъ иногда указываютъ на мѣсто, откуда приходило на-

[1]) За годъ предъ этимъ упоминался лишь «Власка Давыдовъ Портной», теперь же, кромѣ него, два новыхъ.

[2]) Тамъ же лл. 774—783.

[3]) Тамъ же 791, 793—805, 822—830.

[4]) Деревня Верхняя Шильня.

селеніе въ Закамскую сторону: Такъ, въ монастырской деревнѣ «Середь Тихихъ горъ» изъ пятнадцати дворовъ четыре крестьянина и одинъ захребетникъ носятъ прозвище «Пермякъ»[1]). Но вмѣстѣ съ этимъ въ описываемое время встрѣчаемся иногда въ деревняхъ съ явленіями, которыя какъ бы свидѣтельствуютъ о новомъ процессѣ, начинающемся въ здѣшнихъ поселеніяхъ: такъ, намъ уже попадаются деревни, въ которыхъ число пустыхъ дворовъ не только равно, но иногда значительно превосходитъ собою количество жилыхъ дворовъ крестьянскихъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что владѣтели нѣкоторыхъ пустыхъ дворовъ обозначены перешедшими съ лѣвой стороны Камы обратно на правую [2]). Въ заключеніе не лишнимъ будетъ упомянуть, что въ селѣ-посадѣ въ данное время находились на р. р. Чалнѣ и Мелекесѣ шесть мельницъ, изъ которыхъ три были «на откупу за Москвитиномъ за Федькою Гурьевымъ», при чемъ за одну мельницу онъ вносилъ двадцать рублей откупныхъ денегъ на годъ; въ деревнѣ Средней Шильнѣ на р. того же имени также стояли въ это время двѣ мельницы, которыя были «на откупу за крестьяны тое жъ деревни»[3]). И вотъ пашенные люди изъ села Чалновъ переведены были въ количествѣ ста пятидесяти человѣкъ на Закамскую черту въ Ерыклинскій острогъ и опредѣлены были здѣсь для конной казачьей службы. Около острога они построили себѣ 133 двора и поселились въ двухъ слободахъ. Въ 1655 году имъ отвели пашенной земли и сѣнокоса въ опредѣленномъ количествѣ, обезпечивающемъ лично каждаго, смотря по его званію [4]). Въ

---

[1]) Тамъ же лл. 870—874.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ *Шишкинъ починокъ*, въ которой за годъ предъ симъ находилось 6 дворовъ крестьянскихъ и 2 дв. льготныхъ, въ описываемое время 4 дв. крест. жилыхъ и 4 дв. пустыхъ. Въ деревнѣ Нижней Шильнѣ—2 дв. крест. жилыхъ и 7 дв пустыхъ; изъ послѣднихъ о 2 крестьянхъ сказано, что они въ 1652 г. бѣжали съ женами и дѣтьми въ Казанскій уѣздъ въ село Елабугу. Тамъ же лл. 837, 838—860.

[3]) Въ этой деревнѣ находилось теперь около 60 крестьянскихъ дворовъ. Тамъ же лл. 813, 847—858.

[4]) Пятидесятникамъ дано было по 40 четвертей земли, десятникамъ по 30 четв., рядовымъ по 20 четв. человѣку въ каждомъ изъ трехъ полей,

описываемое время въ тѣхъ же поляхъ отведены были пашня и сѣнные покосы также и для пѣшихъ стрѣльцовъ, на случай, если таковые присланы будутъ, или же въ будущемъ окажутся охотники изъ мѣстныхъ людей [1]).

Отъ рва Ерыклинскаго острога, примыкавшаго къ глухой, угольной башнѣ, шла укрѣпленная черта, которая начиналась по прежнему сперва острогомъ на разстояніи нѣсколькихъ саженей, а за нимъ простирался опять тарасный валъ съ обламами на верху и рвомъ со стороны поля извѣстной уже глубины и ширины; лѣсными пространствами устроены были по прежнему засѣки опредѣленной ширины, а *«топлыми»* мѣстами (около рѣкъ) устанавливались по всему болотному пространству «семерныя надолбы». Но такъ какъ тутъ среди лѣсныхъ пространствъ не встрѣчалось такихъ значительныхъ открытыхъ мѣстъ, какъ между городомъ Бѣлымъ Яромъ и Ерыклинскимъ острогомъ, то поэтому здѣсь встрѣчаемъ нѣсколько разъ на разстояніи около 200 саженей одинъ тарасный валъ со рвомъ при немъ безъ городковъ и выводовъ. Но коль скоро открытое пространство приближается къ 500 саженямъ, то опять встрѣчаемся съ городкомъ при тарасномъ валѣ. Преобладаніе лѣса на пространствѣ между Ерыклинскимъ острогомъ и Тіинскимъ обусловило собой преобладаніе засѣки надъ тарасными валами и городками по укрѣпленной чертѣ, которая тянулась на разстояніи около двадцати двухъ верстъ отъ Ерыклинскаго острога [2]).

На «сѣнные покосы по 10 десятинъ, а на десятинѣ ставится по 15 копенъ —итого будетъ по 150 копенъ человѣку». Тамъ же лл. 609—610.

[1]) Пѣшимъ стрѣльцамъ также отведена была пахота и угодья на 150, человѣкъ въ слѣдующей пропорціи: пятидесятникамъ по 10 четв., десятникамъ по 9 четв., а рядовымъ по 8 четв. въ кажд. полѣ; сѣнныхъ покосовъ отведено было каждому пѣшему стрѣльцу по 4 десятины. Въ 1658 году въ донесеніи Гладкова сказано: «а пѣшихъ стрѣльцовъ въ Ерыклинскомъ въ приборѣ никого нѣтъ». Тамъ же лл. 610—611.

[2]) Тамъ же лл. 562—564, 612. Выводные городки и засѣки устроены были повидимому по одному плану и поэтому о нихъ говорится обыкновенно въ одинаковыхъ выраженіяхъ.

Рѣчка Тія, какъ и Ерыкла, течетъ съ сѣвера и также впадаетъ въ рѣку Черемшанъ съ правой стороны; здѣсь, на лѣвой сторонѣ Тіи, на ровномъ мѣстѣ [1]) построенъ былъ острогъ, получившій, какъ и предъидущій, своё наименованіе отъ рѣчки, у которой стоялъ. Не только общій планъ Тіинскаго острога съ такимъ же количествомъ башенъ, но и его величина близко подходила къ Ерыклинскому острогу,—такъ что описаніе предшествовавшаго укрѣпленія можетъ собой замѣнить настоящее [2]). Внутри Тіинскаго острога встрѣчаемся съ тѣми же общественными зданіями, какъ и въ Ерыклинскомъ острогѣ; церковь тутъ находилась также внѣ города и, какъ въ предыдущемъ острогѣ, стояла около южныхъ проѣзжихъ воротъ; но при описаніи церковнаго имущества здѣсь отмѣченъ «малый колоколъ, строенія мірскаго». Вооруженіе въ Тіинскомъ острогѣ было въ общемъ столь же незатѣйливо, какъ и въ Ерыклинскомъ [3]); внѣ острожное укрѣпленіе состояло изъ того же рва, который выкопанъ былъ кругомъ въ разстояніи двухъ саженей отъ острога. Для того, чтобъ населить Тіинскій острогъ, въ 1653 году перевели сюда пятьдесятъ конныхъ стрѣльцовъ съ семьями изъ Ахтачинскаго острожка; къ нимъ присоединены были сто человѣкъ чалнинскихъ пашенныхъ крестьянъ; на

---

[1]) Въ одномъ описаніи впрочемъ сказано, что Тіинскій острогъ «поставленъ надъ рѣчкою Тіею *на ували*».

[2]) Такъ, по измѣренію Гладкова, Ерыклинскій острогъ имѣетъ 52 саж. въ длину и 42 поперекъ,—Тіинскій же 49 саж. въ длину и 53 поперекъ; по другому же измѣренію оба они имѣли 60 саж. длины и 55 поперекъ. Въ Тіинскомъ острогѣ находилось тоже 6 башенъ, изъ коихъ 4 наугольныя глухія, безъ вышекъ, и 2 проѣзжія, нѣсколько больше предыдущихъ, съ вышками; однѣ проѣзжія съ сѣверной стороны, а другія съ южной; затѣмъ лавы для боя и проч. Тамъ же лл. 564—565; 612—613.

[3]) «Ружья въ Тіинскомъ острогѣ: пищаль мѣдная, другая желѣзная, къ нимъ 60 ядеръ; 2 пуда зелья пушечнаго, 4 пуда зелья ручнаго, свинцу тожъ». Во время посѣщенія Гладкова одна изъ этихъ пищалей находилась на Ногайской проѣзжей башнѣ; въ его донесеніи сказано: «въ башнѣ (описывается Нагайская башня) наряду: пищаль желѣзная въ длину мѣрою полтора аршина, другая пищаль желѣзная жъ затинная». Въ острогѣ же находился «государевъ вѣстовой колоколъ, вѣсу опричь языка 50 пудъ съ полупудомъ». Тамъ же лл. 666, 613.

всѣхъ ихъ здѣсь возложена была конная казачья служба. Посолены были они возлѣ Тіинскаго острога въ двухъ слободахъ, въ 136 дворахъ. Такія прозвища въ ихъ средѣ, какъ «Сарапулецъ», «Свіяженинъ», «Темниковецъ» (2 двора) и «Царицынецъ», свидѣтельствуютъ наглядно о ихъ сбродномъ составѣ. Въ соотвѣтствіи со службою и званіемъ, каждому изъ нихъ, какъ и въ предыдущемъ острогѣ, отведена была земля на пашню, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что «сѣнныхъ покосовъ имъ не отведено,—косятъ по тѣмъ же пашеннымъ полямъ»; вѣроятно, это обусловливалось отсутствіемъ сѣнокосовъ вблизи настоящаго острога.

Серіозная опасность, грозившая окраинному населенію со стороны Поволжскихъ степняковъ, вмѣстѣ съ малымъ количествомъ собственнаго населенія, особенно военнаго, задолго до описываемаго времени побуждала русское правительство обращаться къ иноземцамъ, которыхъ оно водворяло при случаѣ на окраинѣ, стараясь пользоваться здѣсь ихъ энергіею и силами. Такъ, въ концѣ XVI вѣка (1599 г.), при Борисѣ Годуновѣ, мы встрѣчаемъ въ Казанскомъ уѣздѣ испомѣщенными иноземцевъ: здѣсь упоминаются «нѣмецкія помѣстныя деревни». При Михаилѣ Ѳедоровичѣ (въ 1619 г.) въ Казанскомъ уѣздѣ были испомѣщены землями двое служилыхъ Литвиновъ; при немъ же нѣкоторыхъ иноземцевъ, которые пріѣзжали въ Москву изъ разныхъ мѣстъ отъ голода и нужды, съ побоевъ или заворовавши, ссылали на кормъ въ Казань и другіе понизовые города [1]). Въ данное время Московское правительство стремится тоже воспользоваться средствами, которыя очутились въ его распоряженіи въ 1654 году вслѣдствіе счастливо начавшейся войны съ Польшею за Малороссію. Какъ извѣстно, главная часть русскаго войска, подъ предводительствомъ царя Алексѣя Михайловича, направилась къ Смоленску, который чрезъ два слишкомъ мѣсяца сдался ему. Въ Смоленскѣ, какъ

[1]) Арх. Мин. Юст. Вотч отд. № 6740, кн. 1-ая, № дѣла 10; Писц. книга Каз. у. № 153, лл. 1168—1173. Ист. Рос. С. Соловьева т. IX, 118, 386 сс.

въ большой пограничной крѣпости Польскаго государства, между многими военными людьми находились Смоленскіе шляхтичи и казаки, которые универсалами польскихъ королей были обязаны въ городѣ нести крѣпостную службу, за что нѣкоторымъ изъ нихъ «въ сторонѣ королевскаго величества предоставлены были маетности и земли» Число шляхтичей и казаковъ въ Смоленскѣ, повидимому, было довольно значительно, ибо они раздѣлялись на четыре отряда, различавшіеся по цвѣту знамени — бѣлаго, черкаго, краснаго и желтаго. Въ 1655 году рѣшено было Смоленскихъ иноземцевъ всѣхъ знаменъ водворить «на вѣчное житье» въ Казанской губерніи; вслѣдствіе этого ихъ прислали въ Казань, причемъ «велѣно устроить по Закамской чертѣ дворами и землями и сѣнными покосы и всякими угодьи»[1]). Въ этомъ году изъ Смоленскихъ иноземцевъ въ Тіинскій острогъ присланы были 127 человѣкъ, принадлежавшихъ къ бѣлому знамени; къ нимъ въ скорости были присоединены еще 14 человѣкъ, такъ что образовался отрядъ изъ 141 человѣка. Всѣмъ имъ около Тіинска отведены были земли: «подъ дворы, подъ огороды, подъ гумна . . . противъ бѣлоярскихъ конныхъ стрѣльцовъ,» — причемъ каждому изъ нихъ выдано было «на дворовое строеніе по шести рублей 26 алтынъ и 4 деньги». Они построили себѣ 123 двора, въ которыхъ и поселились на житье. Сперва хотѣли было имъ также отвести «пашни и сѣнныхъ покосовъ, противъ бѣлоярскихъ стрѣльцовъ», но, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ собственнаго желанія, вмѣсто этого, приказано было имъ выдавать «государева жалованья поденнаго корму по алтыну на день», что они и получали по 1658 годъ включительно. Смоленскіе иноземцы имѣли въ Тіинскѣ свое знамя и знаменщика, своихъ десятниковъ и поручика, который, кажется, начальствовалъ ими [2]).

[1]) Арх. Мин. Юст. Казань, раздаточныя и отказныя книги разныхъ годовъ XVII ст. № 6452, кн. 13, № дѣла 73, л. I; Ак. Ист. и Юрид. собр. Мельниковымъ грам. 34.

[2]) Тамъ же Писц. кн. за № 1127, лл. 566, 620—623. Поручикъ смоленскихъ иноземцовъ бѣлаго знамени назывался Лавринко Бутовъ, а знаменщикъ Гришка Бѣляевъ; другіе Кособуцкій, Арминскій, Мутурути и друг.

От Тіинска Закамская укрѣпленная черта попрежнему сперва шла рядомъ съ рѣкою Большимъ Черемшаномъ, а потомъ, перейдя рѣку Малый Черемшанъ [1]), она принимала сѣверовосточное направленіе, подымаясь къ р. Шешмѣ, притоку р. Камы. За Тіинскомъ укрѣпленія Закамской черты были тѣ же, что и прежде: точно также отъ науголъной башни на небольшомъ пространствѣ (14 саженей) «поставченъ острогъ»; затѣмъ на нѣсколькихъ стахъ саженяхъ до чернаго лѣсу сдѣланъ тарасный валъ, насыпанный землею, съ городкомъ и рвомъ состороны поля, а далѣе чрезъ лѣсъ извѣстной ширины засѣка. Но такъ какъ полянъ[2]) по пути черты было не много и онѣ были сравнительно не велики, то поэтому тарасные валы не отличались длиною; напротивъ, сплошной лѣсъ начинался не доходя Малаго Черемшана и тянулся непрерывно безъ малаго на разстояніи шестидесяти верстъ. Въ сорока одной верстѣ отъ Малаго Черемшана чрезъ лѣсъ проходила въ направленіи съ сѣвера на югъ «старая вотчинная дорога», которую пересѣкала устроенная чрезъ весь лѣсъ засѣка около 50 саженей ширины. Въ концѣ лѣса на полянѣ, не достигавшей двухъ верстъ, встрѣчаемся опять съ тарасным валомъ, тремя городками и выводами со стороны поля, защищенными рвомъ на протяженіи всей поляны. При сооруженіи вала на этой полянѣ, онъ на пространствѣ 500 саженей сдѣланъ былъ на полъсажени меньше обыкновеннаго[3]), «для того, что дѣланы (тарасы) по старому татарскому валу». Послѣ засѣки, устроенной по небольшому лѣсу, открывалась болѣе значительная поляна, простиравшаяся до р. Шешмы; здѣсь снова построенъ былъ тарасный валъ съ восемью городками и девятью выводами по валу, и снова на разстояніи трехъ верстъ и 200 саженей при

---

1) Рѣка Малый Черемшанъ—значительный притокъ Большаго Черемшана, впадающій въ нее съ правой стороны.

2) Поляны между лѣсомъ нерѣдко именуются въ описяхъ «переполянами».

3) Вмѣсто двухъ саженей вышины тарасный валъ устроенъ былъ лишь въ полторы сажени. Тамъ же л. 568.

сооруженіи вала воспользовались находившимися тутъ остатками стараго вала. Отъ тараснаго вала на пространствѣ нѣсколькихъ саженей, не доходя рѣки Шешмы, быть можетъ, вслѣдствіе болотистости ея берега, «поставлены тройные надолбы», а на противоположной сторонѣ рѣки стоялъ уже новый острогъ, который, какъ и предыдущіе, получилъ свое наименованіе отъ рѣки; но такъ какъ на этой же рѣкѣ ниже настоящаго находился уже острогъ, называвшійся Шешминскимъ, то острогъ, построенный на Закамской чертѣ, сталъ именоваться Новошешминскимъ, а прежній Старошешминскимъ. Укрѣпленная черта между острогами Тіинскимъ и Новошешминскимъ проходила на розстояніи 83 верстъ, 386 саженей и состояла, какъ мы видѣли, преимущественно изъ засѣкъ, устроенныхъ въ лѣсахъ [1]).

На правой, нагорной сторонѣ Шешмы, въ разстояніи 174 саженей отъ рѣки, «на горѣ поставленъ *острогъ*», подходящій по своей величинѣ къ предшествовавшимъ, съ такими же шестью башнями, изъ которыхъ двѣ (на югъ и на сѣверъ) были проѣзжія, остальныя глухія и угольныя [2]); всѣ башни въ этомъ острогѣ были съ вышками; здѣсь также были устроены «для бою лавы» и находился вѣстовой колоколъ, только меньшихъ размѣровъ [3]). Вооруженіе Новошешминскаго острога состояло изъ пищали желѣзной въ станкѣ, на колесахъ, другой пищали—полковой и десяти затинныхъ. Внутри этого острога находились, вѣроятно [4]), тѣже общественныя зданія, что и въ предыдущихъ. Что касается населенія Новошешминскаго острога, то въ немъ водворены были стрѣльцы въ количествѣ ста че-

---

[1]) Тамъ же лл. 567—570; 624—625.

[2]) Величена острога, по описанію за подписью дьяка Мины Грязева, слѣдующая: «вдоль города отъ воротъ до воротъ 58 саженъ съ половиною, поперекъ города 60 сажень». Тамъ же л. 571.

[3]) О колоколѣ сказано слѣдующее: «вѣсу въ немъ 9 пудъ съ четвертью' языкъ 13 гривенокъ».

[4]) Говоримъ *вѣроятно*, ибо извѣстій въ описи за подписью Мины Грязева нѣтъ

ловѣкъ съ ихъ семьями, состоявшими изъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ и захребетниковъ; переведены были они сюда изъ Старошешминскаго острога. Разнообразныя прозвища многихъ переведенцевъ указываютъ намъ также на близкія и отдаленныя мѣста, изъ которыхъ они приходили въ Старошешминскъ, гдѣ вербовались въ стрѣлецкую службу. Такъ, мы находимъ стрѣльцовъ съ прозвищами: «Казанецъ» (7 дворовъ), «Устюженинъ» (5 дворовъ), «Вятчeнинъ» (3 двора), «Алаторецъ» (2 двора), «Курмышенинъ» (2 дв.), «Пермякъ,» «Темниковецъ,» «Арзамасецъ,» «Стародубецъ,» «Владимірецъ,» «Кайгородецъ,» «Торопчeнинъ» и «Новгородецъ». Такія прозвища между стрѣльцами, какъ «Мещера» и «Черемискинъ,» могутъ свидѣтельствовать о томъ, что инородцы наравнѣ съ русскими имѣли на окраинѣ свободный доступъ въ среду служилаго сословія[1]). Къ Старошешминскимъ стрѣльцамъ для поселенія присоединены были пятьдесятъ человѣкъ пашенныхъ крестьянъ изъ села Чалновъ да 127 человѣкъ смоленскихъ казаковъ; послѣдніе всѣ принадлежали къ отряду «краснаго знамени». Относительно испомѣщенія ихъ въ Новошешминскѣ сказано слѣдующее: «А земли имъ подъ дворы, подъ огороды, подъ гумна, на пашню и сѣнныхъ покосовъ отведено, противъ государева указу, по сколько отведено служилымъ людямъ въ иныхъ городкахъ»; но намъ извѣстно, что многіе Смоленскіе иноземцы краснаго знамени, водворенные въ Новошешминскѣ, вовсе были «землями не построены,» а вмѣсто того имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ «давали великаго государя жалованья по три рубля человѣку» вмѣстѣ «съ хлѣбнымъ жалованьемъ»; впрочемъ немногимъ изъ нихъ въ 1660 году «по указу государя велѣно отвести земли по четыре чети въ каждомъ полѣ, да на сѣнные покосы по двѣ десятины»[2]).

---

[1]) Тамъ же лл. 529—537.

[2]) Акты Ист. и Юрид. Ст. Мельникова грам. 34.

Арх. Мин. Юст. III-е отд. Казань, раздаточныя и отказныя книги разныхъ годовъ XVII ст, кн. 13, № дѣла 1.

Отъ рва Новошешминскаго острога начиналась укрѣпленная черта также сперва острогомъ на небольшомъ разстояніи, затѣмъ продолжалась на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ саженей тарасныимъ валомъ съ городкомъ, выводомъ и рвомъ со стороны поля. По прежнему черта держалась сѣверовосточнаго направленія, приближаясь постепенно къ р. Камѣ. Тарасный валъ упирался въ «перелѣсокъ,» которымъ устроена была обыкновенная засѣка, оканчивавшаяся у «переполяны,» по которой проходилъ тарасный валъ, упиравшійся въ лѣсъ, тянувшійся на восемь слишкомъ верстъ; лѣсомъ засѣка шла до поля, а полемъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ саженей построенъ былъ тарасный валъ съ городкомъ, выводомъ и рвомъ со стороны степи. Послѣдній валъ примыкалъ къ новому острогу, который стоялъ не далеко отъ притока рѣки Шешмы, рѣчки Кичи, текущей съ юговостока на сѣверозападъ [1]); отъ рѣчки и острогъ именовался Кичуевскимъ. Всей черты между Новошешминскимъ и Кичуевскимъ острогами было построено на одиннадцать верстъ 495 съ половиною сажень.

Изъ городовъ и остроговъ, построенныхъ на Закамской чертѣ, Кичуевскій острогъ, повидимому, былъ самый малый; при этомъ въ устройствѣ этого острога замѣтны нѣкоторыя особенности, съ которыми мы не встрѣчались въ предшествовавшихъ острогахъ. Всѣ остроги на Закамской чертѣ, которые доселѣ нами разсмотрѣны, имѣли форму четыреугольника, противоположныя стороны котораго были равны. Это можно вывести изъ измѣренія вдоль и поперекъ, которое обыкновенно дѣлается для опредѣленія величины острога, а также изъ того, что при описаніи всѣхъ остроговъ упоминаются четыре глухія наугольныя башни и, кромѣ того, проѣзжія. Между тѣмъ въ Кичуевскомъ острогѣ находилось всего четыре башни, изъ которыхъ двѣ были глухія, а двѣ съ проѣзжими воротами; послѣднія башни имѣли вышки и по обыкновенію обращены были

[1]) Въ описи теченіе рѣчки опредѣлено такимъ образомъ: «рѣчка Кича течетъ изъ степи въ русскую сторону» Писц. кн. за № 1127 лл. 577—573.

одна къ сѣверу, другая къ югу. Величина проѣзжихъ и глухихъ башенъ въ Кичуевскомъ острогѣ была нѣсколько меньше предыдущихъ,—но отдѣльныя части въ нихъ были тѣже. Кромѣ проѣзжихъ и глухихъ башенъ, въ Кичуевскомъ острогѣ находились еще два *вывода*, которые описаны въ немъ вмѣстѣ съ острожными башнями. Далѣе, величина Кичуевскаго острога измѣряется не вдоль и поперекъ, какъ это дѣлалось доселѣ, а слѣдующимъ образомъ: «всего острога съ выводами межъ башенъ сто девяносто три сажня съ получетвертью»; такимъ образомъ форма Кичуевскаго острога не можетъ быть опредѣлена, не смотря на довольно обстоятельное описаніе его въ актѣ. Настоящій острогъ, какъ и предыдущіе, снабженъ былъ лавами для бою и вооруженіемъ; но послѣдняго въ немъ было гораздо менѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ предшествовавшихъ остроговъ: въ немъ находилась лишь одна полковая пищаль, для которой было припасено ядеръ и пороху [1]). Внѣострожное укрѣпленіе въ Кичуевскомъ острогѣ, какъ и во всѣхъ прежнихъ, состояло изъ рва, который въ двухъ саженяхъ отъ острога выкопанъ былъ кругомъ него. Относителено населенія въ описанномъ острогѣ сказано слѣдующее: «Служилыхъ людей въ Кичуевскомъ на вѣчное житье никого не построено, *а стоятъ въ немъ по перемѣнамъ по пятьдесятъ человѣкъ Казанскихъ стрѣльцовъ*» [2]).

Укрѣпленная чѳрта за Кичуевскимъ острогомъ непосредственно начиналась «отъ острожной выводной стѣны, отъ рву» тарасным валомъ съ обламами, который тянулся на разстояніи нѣсколькихъ сотъ саженей до рѣчки Кичуя и за нею. Далѣе черным лѣсомъ, на пространствѣ девятнадцати верстъ, устроена была засѣка, до болотистаго мѣста на полянѣ; болотомъ на разстояніи нѣсколькихъ саженей установлены были надолбы, затѣмъ поляною устроенъ былъ тарасный

---

[1]) «Ружья въ Кичуевскомъ: пищаль полковая и къ ней 50 ядеръ, полтора пуда зелья ручнаго, свинцу тожъ; пушечнаго зелья 3 пуда».

[2]) Тамъ же лл. 573—575.

валъ, отъ котораго снова «по болоту поставлено тройныхъ надолобъ,»—на этотъ разъ на довольно значительномъ разстояніи (240 саженей). Въ виду же того, что далѣе, до р. Заи, болото па довольно большомъ пространствѣ поросло березовымъ и еловымъ лѣсомъ, тутъ устроена была неширокая засѣка [1]); сдѣлана же она такою потому, что болото и лѣсъ сами по себѣ могли служить препятствіемъ конному непріятелю (кочевникамъ), если бы онъ рѣшился пробираться здѣшнею стороною; но такъ какъ болотное пространство не было сплошнымъ, а прерывалось сухими промежутками, то въ подобныхъ мѣстахъ устроены были тройные надолбы. Чрезъ рѣку Заю, притокъ рѣки Камы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходила черта, перекинутъ былъ мостъ, а на другой сторонѣ рѣки, въ неблизкомъ отъ нея разстояніи, находилось новое укрѣпленіе, которое, какъ и предъидущія, получило названіе отъ рѣки. Пространство всей черты отъ Кичуевскаго острожка до города Заинска равнялось 23 верс. 965 саженямъ.

Заинскъ, подобно Бѣлому Яру, именуется *городомъ*; укрѣпленіе это стояло на высокомъ мѣстѣ и находилось въ разстояніи 279 саженей отъ моста, что на рѣкѣ Заѣ. Городъ Заинскъ не былъ, подобно всѣмъ предшествовавшимъ укрѣпленіямъ на чертѣ, вновь построенъ, а «переведенъ съ Камы рѣки изъ села Чалновъ» [2]). И на самомъ дѣлѣ городъ Заинскъ близко подходитъ по своей величинѣ къ городу Чалнамъ: на новомъ мѣстѣ онъ лишь нѣсколько увеличенъ противъ прежняго [3]). О городѣ Заинскѣ въ описи сказано тоже, что было раньше говорено о Чалнахъ, т. е. что онъ «рубленъ тарасами» и въ немъ шесть башенъ, изъ которыхъ двѣ съ проѣзжими воротами, а четыре наугольныя глухія; что «башни и городъ рублены въ сосновомъ лѣсу и крыты—башни тесомъ, а городъ драницами.» Вооруже-

---

[1]) Ширина засѣки въ этомъ мѣстѣ была отъ 7 до 10 сажень.

[2]) Ар. Мин. Юст. Переп. кн. за № 6479, кн. 41, л. 168.

[3]) Городъ Чалны, какъ извѣстно, равнялся въ одномъ направленіи 100 саженямъ, а въ другомъ 60 саж.; городъ Заинскъ имѣлъ 58 сажень длины и 104 сажени поперекъ.

ніе въ Заинскѣ находимъ то, которое прежде было въ Чалнахъ: тѣже шесть затинныхъ пищалей вмѣстѣ съ дорогильнымъ[1]) знаменемъ; вѣроятно, что и общественныя зданія здѣсь находились тѣ же, которыя ранѣе были въ Чалнахъ. Въ Заинскѣ не упоминается о рвѣ внѣ города (должно быть его не было), а говорится лишь о слободахъ около города, которыя защищены были двойными надолбами, расположенными на пространствѣ 762 саженей «кругъ города и слободъ»[2]). Для заселенія Заинска были назначены Чалнинскіе стрѣльцы въ числѣ ста человѣкъ, къ которымъ присоединены были Смоленскіе иноземцы казаки въ числѣ 81; тѣ и другіе жили, кажется, въ отдѣльныхъ слободахъ[3]). Относительно предоставленія заинскимъ служилымъ людямъ земли и угодій сказано лишь слѣдующее: «земли имъ (Заинскимъ поселенцамъ) отведено подъ дворы, подъ огороды, подъ гумно и пашни и сѣнныхъ покосовъ по государеву указу противъ иныхъ городковъ служилыхъ людей»[4]).

Отъ моста, что противъ города Заинска, на пространствѣ трехъ верстъ было болото, покрытое ельникомъ, березнякомъ и осинникомъ, прорываемое иногда сухими мѣстами, вслѣдствіе этого здѣсь попрежнему устроены были по болоту засѣки[5]), а по сухимъ мѣстамъ надолбы. Отъ горы, у которой поставленъ былъ Заинскъ, на разстояніи двѣнадцати слишкомъ верстъ тянулся черный лѣсъ до «переполянья», — поэтому на этомъ пространствѣ была устроена обыкновенная засѣка. На «переполяньѣ,» имѣвшей не особенно большое пространство[6]), устроенъ былъ тарасный валъ, увѣнчанный обламами; но, не

---

[1]) «Дорогильное знамя—изъ шелковой клѣтчатой ткани».

[2]) Писц. кн. за № 1127 лл. 577—578.

[3]) По крайней мѣрѣ въ описи они помѣщены отдѣльно: Чалнинскіе стрѣльцы жили въ 81 дворѣ, а Смоленскіе иноземцы помѣщались въ 51 дворѣ. Ар. М. Юст. III отд. № 6479 кн. 41 лл. 168—175.

[4]) Тамъ же Писц. кн. за № 1127 л. 578.

[5]) Засѣки были устроены по болоту въ 10 и 15 сажень ширины.

[6]) Пространство тараснаго вала здѣсь равнялось одной верстѣ 273 саженямъ.

смотря на незначительное пространство поляны, на ней мы встрѣчаемся съ особеннымъ укрѣпленіемъ, которое, вѣроятно, воздвигнуто было здѣсь въ виду огромнаго пространства черного лѣса, который послѣ этого тянулся на 54 версты слишкомъ. Укрѣпленіе это описано такъ: «да въ томъ же тарасномъ дѣлѣ проѣзжая башня съ караульною вышкою и съ вороты, да на польскую сторону два вывода»; кромѣ того, по обыкновенію со стороны поля въ разстояніи двухъ саженей отъ этого укрѣпленія былъ выкопанъ ровъ, чрезъ который перекинутъ былъ мостъ; здѣсь же, въ одномъ мѣстѣ, противъ тарасовъ вмѣсто рва «поставлено двойныхъ надолобъ 28 сажень»[1]). По всему лѣсу на огромномъ разстояніи устроена была отъ 30 до 50 сажень ширины засѣка, до небольшой поляны, вдоль которой по обыкновенію сдѣланъ былъ тарасный валъ съ городкомъ; далѣе начинался «перелѣсокъ» съ засѣкой и затѣмъ дуброва съ тараснымъ валомъ и выводомъ со стороны поля. Здѣсь опять на разстояніи 14 слишкомъ верстъ тянулся лѣсъ; поэтому въ немъ устроена была обыкновенная засѣка, которая на маломъ пространствѣ прерывалась тараснымъ валомъ и рвомъ, а потомъ на разстояніи семи слишкомъ верстъ снова шелъ черный лѣсъ, чрезъ который устроена была засѣка, упиравшаяся уже въ рѣку Икъ[2]). Чрезъ послѣдній лѣсъ проходила Мензелинская дорога въ разстояніи четырехъ верстъ отъ Мензелинскаго острога, и на ней построена была проѣзжая башня съ караульною вышкою на верху. Отъ города Заинска до самаго Мензелинскаго острага укрѣпленная черта шла почти параллельно рѣкѣ Камѣ.

Надъ рѣкою Мензелою, притокомъ р. Ика, на горѣ стоялъ *старый* острогъ, называвшійся Мензелинскимъ отъ рѣки, на которой находился. Въ немъ упоминаются пять башенъ, изъ коихъ четыре были глухія наугольныя, а одна съ проѣзжими

---

[1]) Тамъ же л. 579.
[2]) Рѣка Икъ притокъ рѣки Камы съ лѣвой стороны и крайній предѣлъ Закамской линіи.

воротами и вышкою. Сверхъ стараго острога теперь здѣсь построенъ былъ новый, о которомъ сказано, что онъ «приткнутъ къ стѣнѣ къ старому Мензелинскому острогу». Новый острогъ по пространству своему былъ самымъ обширнымъ укрѣпленіемъ на Закамской чертѣ: кривая линія, охватывавшая этотъ острогъ, равнялась 1026 саженямъ. Въ немъ находились двѣ башни проѣзжія съ вышками, нѣсколько наугольныхъ глухихъ башенъ и нѣсколько выводовъ съ башнями. Вообще система укрѣпленія настоящаго острога была, повидимому, сложнѣе предыдущихъ. Новый Мензелинскій острогъ тоже стоялъ на рѣкѣ Мензелѣ и построенъ былъ выше стараго: здѣсь, на рѣкѣ, на довольно значительномъ пространствѣ (болѣе 100 саженей) устроена была осыпь и отчасти по ней установленъ былъ острогъ съ башней и выводами въ разныхъ мѣстахъ [1]). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ Новомензелинскомъ острогѣ мы встрѣчаемъ тѣ же укрѣпленія и то же незначительное вооруженіе, что и въ предыдущихъ острогахъ [2]). Поселена была въ Новомензелинскомъ острогѣ сотня вновь набранныхъ конныхъ стрѣльцовъ, къ которымъ присоединены были 129 человѣкъ Смоленскихъ казаковъ черняго знамени, присланныхъ «на вѣчное житье» въ Мензелинскъ [3]). Хотя въ описи собственно нѣтъ извѣстій о томъ, какимъ образомъ устроились подлѣ острога стрѣльцы и иноземные казаки, равно какъ ничего не сказано объ ихъ испомѣщеніи здѣсь землями и угодьями, но мы, имѣя въ виду прошлые факты устройства по чертѣ служилыхъ людей, не сомнѣваемся, что и Новомензелинскіе устроены были подъ острогомъ въ отдѣльныхъ слободахъ, точно также, какъ имъ,

---

[1]) Вслѣдствіе неясности для насъ описанія отдѣльныхъ укрѣпленій Новомензелинскаго острога, мы не беремъ на себя смѣлости дѣлать предположеніе объ его формѣ, отдѣльныхъ частяхъ и укрѣпленіяхъ, предоставляя это людямъ болѣе компетентнымъ въ военной археологіи.

[2]) Здѣсь упоминаются «лавы кругъ острога для верхняго бою», двѣ мѣдныя пищали въ станкѣ на колесахъ и десять затинныхъ пищалей, для которыхъ припасено пороху и ядеръ.

[3]) Тамъ же лл. 581—585; Переп. кн. за № 6479, кн. 41.

по всей вѣроятности, предоставлены были здѣсь пахотныя земли и угодья въ опредѣленномъ количествѣ, «противу городковъ служилыхъ людей» по чертѣ.

Въ то время, какъ работы на Закамской чертѣ подвигались къ окончанію, въ 1655 году велѣно было «по новому дозору и чертежу Казанца Ивана Лазарева» сдѣлать къ старой засѣкѣ, въ концѣ ея, около рр. Мензелы и Ика нѣкоторыя дополненія въ системѣ укрѣпленій: во первыхъ, прибавлено было на версту съ лишнимъ засѣки лѣсомъ; затѣмъ на пространствѣ болѣе четырехъ верстъ простиралось поле, а по серединѣ его текла рѣчка Мензела; съ одной и другой стороны рѣчки «полемъ и дубровою поставлено надолобъ и рву выкопано и за рвомъ частику бито». Сверхъ того, съ каждой стороны рѣки «на той же полянѣ поставлена башня.» Отсюда въ направленіи къ р. Ику чернымъ лѣсомъ на пространствѣ болѣе семи верстъ была устроена обыкновенная засѣка, отъ которой снова начиналось поле и дуброва, тянувшіяся на двѣ версты вплоть до самаго Ика; здѣсь «поставлены двои четвертныя надолбы и два выкопа подлѣ надолобъ». Всего укрѣпленія на прибавочной чертѣ по плану Лазарева сдѣлано было на разстояніи 15 верстъ и 525 саженъ [1]).

Лѣтомъ 1652 года начались работы по проведенію Закамской черты, а въ декабрѣ 1657 года бояринъ и Казанскій воевода Салтыковъ извѣщаетъ царя, «что по Казанской чертѣ (такъ названа здѣсь Закамская черта) валовое и надолобное и засѣчное дѣло до Ику рѣки по 22 число сентября 1656 года подымовными людьми сдѣлано все» [2]). Работали на чертѣ подымовные люди Казанскаго уѣзда, набираемые по человѣку съ нѣсколькихъ дворовъ, притомъ главнымъ образомъ инородцы,—слѣдовательно люди, занятые по преимуществу землedѣліемъ и промыслами, требовавшими отъ нихъ дѣятельности, которою каждый поддерживалъ себя съ семьею. Для подобныхъ

[1]) Писц. кн. за № 1127 лл. 585—586.
[2]) Тамъ же л. 587.

людей самое удобное время работать на чертѣ была осень, потому что хозяева за лѣто могли покончить свои работы. До насъ дошло извѣстіе, что Закамскую черту дѣйствительно «дѣлали въ осень не по одинъ годъ»[1]). Но хотя работы и производились преимущественно осенью, все же онѣ должны были ложиться тяжкимъ бременемъ на населеніи Казанскаго уѣзда, такъ какъ, кромѣ постоянныхъ работъ по проведеніи укрѣпленной черты въ новыхъ мѣстахъ, рабочимъ нужно было постоянно починять укрѣпленія, раньше построенныя и мѣстами попорченныя вешнимъ половодьемъ. Не мудрено поэтому, что рабочіе люди вслѣдствіе подобнаго труда въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ разстроились имущественно въ такой степени, что когда покончили наконецъ работы по проведенію вновь Закамской черты, то въ сентябрѣ 1656 года рѣшительно отказались дальше оставаться «для подѣлки (починки) по Казанской чертѣ худыхъ и порченныхъ мѣстъ», которыя въ 1655 году «попортило вешнею водою». Вслѣдствіе этого правительство въ интересахъ дѣла должно было распорядиться, чтобъ въ томъ же году «порченныя крѣпости по Казанской чертѣ и чего будетъ не додѣлали додѣлать *иныхъ городовъ* Казанскими подымовными людьми»; прежніе же работники инородцы не только оставлены были теперь въ покоѣ, но впослѣдствіи (1658 г.) по ихъ челобитью государь «не велѣлъ посылать впредь на Закамскую черту и къ поташному дѣлу», дабы они могли свободно заниматься рыбною ловлею и другими своими промыслами[2]).

Послѣ окончанія укрѣпленной Закамской черты Казанскому воеводѣ [3]) въ 1658 году приказано было изъ Москвы послать за рѣку Каму служилаго человѣка, которому «велѣно досмотрѣть по Казанской чертѣ: засѣчное и валовое дѣло и всякія крѣпости отъ Бѣлаго Яру сдѣланы ль и совсѣмъ

---

[1]) Тамъ же л. 625.

[2]) Тамъ же лл. 587—588.

[3]) Воеводою въ то время былъ окольничій Өедоръ Васильевичъ Бутурлинъ.

ли сдѣлано?» Поэтому для осмотра Закамской черты изъ Казани отправленъ былъ Никита Гладковъ, котораго, кажется, снабдили инструкціею, поручивъ осмотрѣть укрѣпленную черту на пространствѣ отъ города Бѣлаго Яра до Новошешминскаго острога. Результатомъ такого осмотра явилось подробное описаніе укрѣпленій Закамской черты на всемъ этомъ пространствѣ, равно какъ опись зданій въ городѣ и острогахъ, населенія въ слободахъ и неудовлетворительнаго состоянія, въ которомъ находилась часть укрѣпленій черты въ моментъ осмотра. Свое обстоятельное донесеніе о состояніи Закамской черты на вышеупомянутомъ разстояніи Гладковъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «А гдѣ по валу объявились худыя и полыя и горѣлыя мѣста и рѣдкая засѣка (описанныя имъ въ донесеніи своемъ), и буде приходъ воинскимъ людемъ будетъ, и воинскимъ людемъ тѣми мѣсты пройти будетъ мочно; а въ валовомъ тарасномъ дѣлѣ полыя и худыя и горѣлыя и въ засѣкѣ рѣдкія мѣста починить мочно валовымъ же тарасным дѣломъ, а на топлыхъ мѣстахъ надолбами [1]).

Задолго до окончанія Закамской черты между Тіинскомъ и Новошешминскомъ совершилось въ 1654 году происшествіе, которое показало правительственнымъ лицамъ, руководившимъ сооруженіями на этой линіи, недостаточность укрѣпленій черты на этомъ пространствѣ. Отъ Тіинскаго острога до Новошешминскаго было, какъ извѣстно, болѣе 83 верстъ. Главное укрѣпленіе на этомъ пространствѣ, какъ мы видѣли, составляла засѣка, которая проходила чрезъ лѣсъ на разстояніи пятидесяти четырехъ верстъ. Чрезъ этотъ черный лѣсъ въ разстояніи сорока слишкомъ верстъ отъ Малаго Черемшана, какъ мы уже знаемъ, пролегала «старая вотчинная дорога». Между этими двумя острогами попадались, между тѣмъ, о чемъ мы также упоминали, остатки отъ земляныхъ сооруженій прежнихъ народовъ, которыми они, по всей вѣроятности, старались защитить свое достояніе отъ кочевыхъ обитателей

[1]) Тамъ же л. 625.

Низоваго Поволжья, ибо Поволжскія степи искони населены были кочевниками, чередовавшимися другъ съ другомъ лишь въ названіяхъ, а не въ занятіяхъ и въ хищническихъ инстинктахъ. Остатки эти должны были бы предостеречь служилыхъ людей, составлявшихъ планъ черты послѣ осмотра здѣшней мѣстности. Но, повидимому, они не обратили должнаго вниманія на нихъ и на существованіе слѣдовъ нѣкогда значительнаго города Билярска, находившихся недалеко отъ вотчинной дороги. И вотъ событія не преминули указать правительству на упущеніе въ проектѣ служилыхъ людей, составлявшихъ планъ проведенія Закамской черты въ здѣшнихъ мѣстахъ. Въ 1654 году «изъ степи по той вотчинной дорогѣ приходили воинскіе Ногайскіе люди и засѣку просѣкли и прошли Закамскія мѣста и погромили Саввы Аристова село Жукотино[1]) и назадъ прошли тоюжъ дорогою; и послѣ того въ томъ же мѣстѣ послѣ поставлены во шести мѣстахъ тройныя надолбы поперекъ дороги, по два звена, въ длину шесть сажень, и завалены лѣсомъ; да вновь прибавлено валежныя засѣки съ польскую сторону по дорогѣ на двадцать сажень»[2]). Но ограничиться этою мѣрою въ такомъ исполненномъ опасностей мѣстѣ, какимъ, повидимому, было настоящее, правительство не могло; для него теперь должно было сдѣлаться ясно, что здѣшняя мѣстность особенно удобна кочевому непріятелю для его вторженія, потому что по «старой вотчинной дорогѣ» они могли удобно здѣсь пройти, а по близости не было значительнаго укрѣпленія, гдѣ бы постоянно жили воинскіе люди, присутствіе которыхъ могло бы задержать непріятеля или устрашать его. Вслѣдстіе этого правительство, кажется, въ этомъ же году распорядилось выстроить между Тіинскомъ и

---

[1]) Въ половинѣ XVII вѣка въ описи Семена Волынскаго (Писц. кн. за № 155 л. 121) «за Саввою Тимоѳеевымъ, сыномъ Аристова, *въ вотчинѣ село Новое* Никольское, Жукотино тожъ, на ключѣ, въ паровомъ полѣ всего 150 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому жъ» (Село находится теперь подлѣ г. Чистополя, на лѣвой сторонѣ р. Камы).

[2]) Писц. кн. за № 1127 л. 568.

Новошешминскомъ, подлѣ Малаго Черемшана и вотчинной дороги, новый острогъ, который отъ рѣчки, на которой стоялъ, и отъ стараго городища получилъ названіе Билярскаго[1]). Городъ построенъ былъ на правой сторонѣ рѣчки Билярки, недалеко отъ ея впаденія въ рѣку Малый Черемшанъ. Для заселенія этого города изъ Ахтачинскаго острога переведены были сто стрѣльцовъ съ ихъ семействами, которые поселились въ слободѣ около города въ пятидесяти дворахъ. Судя по такимъ ихъ прозвищамъ, какъ «Нижегородецъ», «Царицынецъ», «Балахонецъ», «Ветчанинъ», «Темниковецъ», «Самарянинъ», «Алаторецъ», «Муромецъ», «Тетюшенинъ» и «Забродя», надобно предположить, что стрѣльцы въ Ахтачинскѣ набирались изъ свободныхъ и охочихъ людей, которые стекались сюда отовсюду. Дѣлились стрѣльцы на десятки подъ начальствомъ десятниковъ, которыхъ было 8, и сверхъ того

[1]) Прямыхъ извѣстій о времени построенія Билярска мы не имѣемъ, но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можемъ предположить его построеніе въ упомянутомъ году. Въ первоначальномъ описаніи Закамской черты за подписью діака Мины Грязева вовсе не упоминается о Билярскомъ острогѣ,— между тѣмъ говорится о вторженіи Ногайцевъ въ 1654 году и объ исправленіи черты въ этомъ мѣстѣ. Билярскъ не упомянутъ, вѣроятно, потому, что онъ не входилъ въ первоначальный планъ или чертежъ Закамской черты. Между тѣмъ есть извѣстіе (Собр. акт. Ист. Юрид. Ст. Мельник., грам. 66), что въ 1654 году Казанцу Артемью Пелепелицыну «велѣно въ Булярскомъ устроить стрѣльцовъ 100 человѣкъ или больши»; въ другомъ мѣстѣ этой грамоты даже говорится, что стрѣльцы «въ 1652 году, по указу великаго Государя, переведены изъ Ахтачинскаго острогу въ Булярскъ», но послѣднее врядъ ли можетъ быть принято; скорѣе можно предположить, что стрѣльцы въ 1698 году (время грамоты) смѣшали повелѣніе того времени описать и перевести стрѣльцовъ изъ Ахтачинска, но только не въ Билярскъ, а въ Ерыклинскъ (объ этомъ смотри Писц. кн. за № 1127 л. 521). На дѣлѣ мысль объ этомъ послѣднемъ переводѣ была оставлена; въ Ерыклинскъ переведены были, какъ уже было выше указано, 150 Чалнинскихъ крестьянъ. Изъ Ахтачинска же въ 1653 году 50 стрѣльцовъ переведено было въ Тіинскъ, а сто впослѣдствіи въ Билярскъ. Является нѣсколько страннымъ лишь то, что о Билярскѣ вовсе не упоминаетъ Гладковъ, которому поручено было осмотрѣть Закамскую черту отъ Бѣлаго Яра до Новошешминска; но это можетъ быть, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что Гладкову было поручено осмотрѣть черту, сооруженную по первоначальному плану безъ позднѣйшихъ дополненій, къ

въ сотнѣ находились два пятидесятника[1]). Изъ среды этихъ стрѣльцовъ нѣкоторые опредѣлены были въ пушкари, въ затинчики и въ воротники. Земля отведена была стрѣльцамъ «подъ дворы, подъ огороды и подъ гумна по сорока сажень длиннику, по десяти сажень поперечнику .... а вмѣсто денежнаго жалованья даны имъ пашенныя земли около городка, по обѣ стороны рѣчки Малаго Черемшану съ лѣсомъ и сѣнными покосы .... пятидесятнику по сорока чети, десятникамъ по тридцати чети, рядовымъ по двадцати чети человѣку, а сѣнныхъ покосовъ по десяти десятинъ»[2]). Наконецъ, въ заключеніе не будетъ лишнимъ упомянуть о слѣдующемъ: между тѣмъ какъ въ подробномъ донесеніи Гладкова говорится, что «къ городу Бѣлому Яру, къ Ерыклинску и къ Тіинску новокрещенскихъ и Чувашскихъ деревень и Черемшанскихъ волостей уѣздныхъ людей не приписано», — въ межахъ пашенныхъ земель у Билярскихъ стрѣльцовъ упоминается о Мордовской деревнѣ, которая, кажется, находилась тутъ при отводѣ пахотныхъ земель и угодій Ахтачинскимъ стрѣльцамъ во время ихъ водворенія въ Билярскѣ[3])

Въ началѣ настоящаго изслѣдованія сказано было, что тягости, лежавшія на крестьянахъ во второй половинѣ XVI

которымъ могъ относиться Билярскъ, явившійся лишь вслѣдствіе вторженія Ногайцевъ въ 1654 году. Дорога чрезъ Билярскъ, намѣченная на картѣ 1800 года, проходитъ приблизительно около 42 верстъ отъ впаденія Малаго Черемшана въ Большой Черемшанъ (гдѣ означена «старая вотчинная дорога»). Кромѣ грамоты въ Собр. Мельникова, Билярскъ съ населеніемъ описанъ въ Переп. кн. за № 6479, кн. 41. л. 154. (Арх. Мин. Юст. Вотч. отд.). Опись эта составлена въ 1656 году, ибо на 164 л. при описи города Бѣлаго Яра встрѣчается такое указаніе: «дворъ пустъ Ивашка Лаптева, а Ивашко сбѣжалъ *въ нынѣшнемъ* въ 164 году». Начинается опись Билярска въ этой рукоп. слѣдующимъ образомъ: «Городъ Билярской, на рѣчкѣ на Биляркѣ, поставленъ на старомъ городищѣ» и т. д. Въ этой описи нѣтъ извѣстій о величинѣ городка, его формѣ, укрѣпленіяхъ или зданіяхъ внутри его.

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Писц. кн. за № 1127 лл. 521—528 Переп. кн. за № 6479 лл. 154, 155.

[2]) Акт. собр. Ст. Мельниковыхъ гр. 66.

[3]) Арх. М. Юс. III отд. Писц. кн. за № 1127 л. 626 и Акты Соб. Мельник. гр. 66.

вѣка, были довольно разнообразны. Теперь, по истеченіи первой половины XVII столѣтія, попытаемся соединить и представить тѣ отрывочныя данныя, которыя попадались намъ въ извѣстіяхъ того времени, въ надеждѣ, что въ своей совокупности они хоть нѣсколько выяснятъ намъ положеніе крестьянина-колонизатора въ низовомъ Поволжьѣ. Естественно, что послѣ завоеванія края, когда онъ еще не былъ окончательно замиренъ, какъ правительству, такъ и стороннимъ лицамъ, которыя здѣсь получили земли, нужно было стараться большими льготами привлекать сюда русское населеніе. Вслѣдствіе значительныхъ опасностей, которыя грозили вначалѣ поселенцу въ здѣшнихъ мѣстахъ, вслѣдствіе разнообразныхъ и чувствительныхъ лишеній, которымъ онъ подвергался на новомъ мѣстѣ, подобныя льготы были для него справедливымъ, хотя, быть можетъ, и слабымъ воздаяніемъ за эти опасности и лишенія, не говоря уже о большомъ трудѣ на первыхъ порахъ. И безъ легкости передвиженія, коренящейся въ характерѣ русскаго человѣка, мы врядъ ли встрѣтились бы съ такимъ сравнительно скорымъ заселеніемъ здѣшняго края русскими колонистами.

Въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ въ вотчинахъ правительственныхъ и митрополичьихъ и въ помѣстьяхъ служилыхъ людей въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія крестьяне пахали съ каждой выти[1]), по десятинѣ ржи и по десятинѣ яри[2]); въ тѣхъ же уѣздахъ на монастырскихъ вотчинахъ крестьяне въ тоже время пахали по десятинѣ съ выти [3]). Срокъ льготы для крестьянъ въ данное время большею частью былъ десятилѣтній. Крестьяне иногда замѣтно тѣснились на первыхъ порахъ своего поселенія въ здѣшней странѣ; это можно видѣть изъ того, что встрѣчаются поселенія, въ которыхъ въ одномъ дворѣ

¹) Выть, какъ было сказано, равнялась въ это время 15 десятинамъ, раздѣленнымъ на три поля.

²) Арх. Мин. Юст. III-ее отд. Писц. кн. Каз. у. за № 643 лл. 239, 240, 402; Писц. кн. Свіяж. у. за № 848, л. 129.

³) Тамъ же № 848 лл. 243 и 245; № 643, л. 417.

живетъ по нѣскольку крестьянъ, которые не всегда и родственники между собою[1]). Съ теченіемъ времени обстоятельства измѣняются: край постепенно замиряется, а населеніе, благодаря сильному приливу новыхъ поселенцовъ, умножается. Такъ какъ опасностей стало меньше, а выгоды отъ умноженія населенія увеличились, то нѣтъ уже прежней большой нужды въ насельникахъ, и тягости, налагаемыя землевладѣльцами на поселенца, становятся больше,—такимъ образомъ онѣ приближаются постепенно къ тѣмъ, которыя лежали на крестьянахъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ, въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія оброкъ на монастырскихъ земляхъ большею частью равнялся 25 алтынамъ съ выти и лишь изрѣдка одному рублю,—въ девяностыхъ же годахъ того же столѣтія (1594 г.) оброкъ съ той-же выти равняется либо одному рублю, либо 40 алтынамъ, и сверхъ того крестьяне при этомъ «издѣлье дѣлаютъ въ городѣ монастырское и мельничное»[2]). Въ дворцовыхъ вотчинахъ тягости, лежавшія, на земледѣльцѣ, тоже нѣсколько увеличились къ концу столѣтія. Хотя выть на дворцовыхъ земляхъ къ этому времени, кажется, мѣстами увеличилась противъ прежняго, но все же не на столько, на сколько прибавились тягости. Вмѣсто прежней десятины ржи и яри въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія крестьяне съ выти[3]), «пашутъ по 2 чети ржи, а овса вдвое»; кромѣ того, они еще «платятъ государева оброку съ выти по 500 вѣниковъ да по 50 лубовъ; да для государевыхъ понизовыхъ отпусковъ крупу

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ вотчинѣ Казанскаго Преображ. мон., въ дерев. Борисовѣ, состоявшей изъ 3-хъ дворовъ, только въ одномъ живетъ одинъ крестьянинъ, а въ остальныхъ по нѣскольку; тоже и въ починкѣ Полянка. Это впрочемъ замѣтно не только въ отдѣльныхъ поселеніяхъ монастыря, но и въ общемъ итогѣ, въ которомъ значится, что въ 44 хъ дворахъ живетъ 55 взрослыхъ людей. Писц. кн. за № 643, лл. 414—416.

[2]) Писц. кн. за № 848 л. 243; 1-ое отд. Арх. Мин. Юст. тетр. за № 6431, лл. 7, 20, 23, 26 (Рубль равнялся 33 алтынамъ 2 деньгамъ).

[3]) Кажется, уже въ концѣ XVI столѣтія, какъ и въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія, въ дворцовыхъ вотчинахъ выть равнялась 18 четямъ въ каждомъ изъ трехъ полей, или же 27 десятинамъ.

и толокно дѣлаютъ же... и у государевыхъ мельницъ всякое мельничное издѣлье... и прикащиковъ дворъ»[1]). Ко всему этому мѣстами встрѣчается прибавка: крестьяне, сверхъ пахоты, по вытямъ, обыкновенной въ дворцовыхъ селахъ въ данное время еще «пашутъ *вызгономъ* на государевыхъ же десятинахъ»; послѣднее, кажется, означаетъ обязанность цѣлой общины, за пользованіе какою-либо статьею предоставленною ей (мельницею), обрабатывать извѣстное число десятинъ сверхъ опредѣленнаго[2]). Но въ Тетюшскомъ уѣздѣ около двадцатыхъ годовъ XVII вѣка (1619 г.) количество крестьянской пахотной работы на такую выть въ дворцовыхъ вотчинахъ найдено было слишкомъ значительнымъ, и выть была увеличена здѣсь вдвое; оброкъ же съ подобной выти взимался въ уѣздѣ въ данное время въ количествѣ четырехъ рублей[3]). Въ Казанскомъ же уѣздѣ въ описываемое время крестьяне въ дворцовыхъ селахъ пашутъ съ неувеличенныхъ вытей по прежнему. Не обусловливалось ли увеличеніе вытей въ Тетюшскомъ уѣздѣ разореніями, которыя могли терпѣть дворцовые крестьяне въ этомъ пограничномъ и плохо защищенномъ уѣздѣ? На сѣверѣ Казанскаго уѣзда, въ области средняго теченія Вятки, при скудной почвѣ, крестьяне дворцовой слободы въ началѣ XVII вѣка вносили ежегодно съ выти величиною въ двѣ чети, или же съ трехъ десятинъ «посопнаго хлѣба по пяти чети ржи и по пяти овса»[4]). И незначительныя повидимому статьи дохода въ здѣшней странѣ въ началѣ XVII столѣтія уже обращаютъ на себя правительственное вниманіе и сдаются на оброкъ мѣстнымъ крестьянамъ; такъ, въ 1600 году въ дворцовой деревнѣ около Казани отмѣчено: «перевѣсье утячье за Кондратьемъ Кирило-

---

[1]) Относительно впрочемъ вѣниковъ и лубовъ постоянно повторяется оговорка, что крестьяне «за половину вѣниковъ и за половину лубовъ емлютъ изъ государевы казны деньги».

[2]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 153, лл. 1395, 1408, 1419—1420, 1416, 1518.

[3]) Тамъ же лл. 1473, 1477, 1482.

[4]) Тамъ же л. 1561.

вымъ.... а впредь ему съ того перевѣсья государева оброку платить по гривнѣ на годъ»[1]). Въ частности, сопоставляя извѣстія о тягостяхъ, лежавшихъ въ началѣ XVII вѣка на крестьянинѣ Преображенскаго монастыря въ Казанскомъ уѣздѣ, съ таковыми же въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка, мы замѣчаемъ за это время серіозное ихъ увеличеніе и приближеніе къ тягостямъ, лежавшимъ въ концѣ XVI столѣтія на монастырскихъ крестьянахъ въ коренной Россіи. Въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія въ Казанскомъ уѣздѣ крестьяне Преображенскаго монастыря, подобно крестьянамъ Троицкаго и Богородскаго монастырей Свіяжскаго уѣзда, по истеченіи льготныхъ лѣтъ должны были на монастырь пахать «по десятинѣ». Въ 1603 году крестьяне Преображенскаго монастыря обязываются уже къ слѣдующему: «а какъ льготные годы отойдутъ, и имъ (крестьянамъ) на монастырь пашня пахати на выть[2]), по десятинѣ и оброкъ платить съ товарыщи ровно; за сѣнокосъ въ монастырь давать съ выти по 2 гривны, да хмѣлю по чети, да по 2 луба»; о тѣхъ же крестьянахъ въ другомъ мѣстѣ говорится, что они «съ выти издѣлье дѣлаютъ и дрова возятъ»[3]). Сверхъ того намъ извѣстно, что монастырскіе крестьяне въ описываемое время «на монастырь гребутъ сѣно въ монастырскихъ лугахъ» въ количествѣ приблизительно одной десятины съ выти, гребутъ при томъ въ такихъ вотчинахъ, гдѣ у самихъ крестьянъ «сѣна и лѣсу нѣтъ, сѣно косятъ наймуя на сторонѣ»[4]). Обращаясь къ тягостямъ, которыя около этого времени лежали на монастырскихъ крестьянахъ въ центральной Россіи, мы находимъ, что въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ концѣ XVI вѣка, по грамотѣ патріарха Іова, они обязаны были «пахати на монастырь подъ рожь по полуторѣ десятины и навозъ возить на монастырскую пашню.... и сѣно косить...

[1]) Тамъ же лл. 1408—1409.

[2]) Величина выти въ монастырскихъ вотчинахъ въ это время была прежняя, т. е., 10 четв. въ каждомъ полѣ.

[3]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. Тетр. за № 6553 лл. 10, 13 и 22.

[4]) Тамъ же лл. 6, 7 и 22.

да имъ же молоть на монастырь ржи монастырской по двѣ четверти на вытъ, да имъ же возиты на монастырь съ выти по три воза дровъ . . . . а не велитъ игуменъ дровъ возити и крестьяне даютъ въ монастырь съ выти по алтыну за возъ»[1]). Принявъ во вниманіе сравнительное плодородіе почвы въ началѣ XVII вѣка въ Казанскомъ уѣздѣ, для которой навозъ не былъ необходимостью, мы видимъ, что положеніе здѣсь земледѣльца въ данное время во многомъ приблизилось къ положенію его въ коренной Россіи[2]). Впослѣдствіи, въ началѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія, и въ дворцовыхъ вотчинахъ крестьянскія тягости становятся больше прежнихъ; напримѣръ, въ Прикамскомъ селѣ Чалнахъ съ деревнями послѣ льготнаго времени крестьяне съ выти[3]), вносили «государева оброку по четыре рубля денегъ, да хлѣба по 12 четвертей ржи, овса тожъ»[4]).

Крестьяне же, живя на землѣ разныхъ владѣльцевъ, вносили имъ за нее оброкъ или отрабатывали имъ своимъ трудомъ, или же отбывали вмѣстѣ то и другое; они составляли изъ себя общину, которая, получивъ отъ землевладѣльца землю, сама уже распредѣляла ее между своими отдѣльными членами, а въ отсутствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ пользовалась ихъ землями и отрабатывала за отсутствующихъ землевладѣльцу. Такъ, въ дворцовомъ селѣ Сабуголь подлѣ Казани въ первой четверти XVII вѣка (1621 г.) крестьяне этого села и деревни тянувшей къ нему, «пашутъ на государевыхъ же десятинахъ бѣглыхъ крестьянъ жеребьи, которые крестьяне разбѣжались,.... пашутъ изъ оброку Сабугольскіе крестьяне Ѳедька Павловъ съ товарищи»[5]). Иногда, быть можетъ въ видѣ особой льготы,

---

[1]) Временникъ № 2, смѣсь стр. 18.

[2]) Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что въ коренной Россіи выть часто бывала менѣе 10 четв. въ полѣ. См. объ этомъ Горчакова «О земельн. владѣн. всерос. митр.» 211 с. «Большой Бояринъ» II. Забѣлина 23—24 сс.

[3]) Выть равнялась 56 четв. въ каждомъ изъ трехъ полей.

[4]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1126, л. 675.

[5]) Тамъ же Писц. кн. за 153, лл. 1505—1508

жеребьи умершихъ крестьянъ въ дворцовомъ селѣ вмѣстѣ съ сѣнными покосами предоставляются во владѣніе прикащику [1]).

Внѣ города мы встрѣчаемся прежде всего со слободами, которыя расположены или около города, или же на рѣкѣ. Обыкновенно жители такой слободы если и занимаются земледѣліемъ, то все же оно не составляетъ ихъ исключительнаго занятія, а чаще побочное; главный же доходъ свой слобожане большею частью получаютъ отъ какого либо промысла: кожевеннаго, огороднаго, рыбнаго и тому подобнаго. Обстоятельство это отражается и на слободскомъ священникѣ, о которомъ нерѣдко говорится: «пашни церковныя подъ нимъ нѣтъ, живетъ приходомъ» [2]). Населеніе въ слободахъ въ первой половинѣ XVII вѣка замѣтно увеличилось, особенно это слѣдуетъ отнести къ подгороднымъ слободамъ, въ которыхъ, какъ, напримѣръ, въ Борисоглѣбской слободѣ подъ Казанью, населеніе во много разъ стало больше. Вмѣстѣ съ умноженіемъ населенія въ слободахъ увеличивается и зажиточность его, въ чемъ можно отчасти убѣдиться не только изъ значительнаго оброка, вносимаго Борисоглѣбскими слобожанами Покровскому монастырю, но также и изъ оброка, взимаемаго дворцовымъ вѣдомствомъ въ началѣ XVII вѣка въ Рыбной слободѣ на Камѣ [3]). Не смотря на постепенное со временемъ увеличеніе въ слободахъ пахотнаго пространства, какъ въ селахъ и въ деревняхъ, все же слободы продолжаютъ сохранять свой промышленный характеръ и въ половинѣ XVII столѣтія, какъ въ началѣ его [4]). Оброкъ въ слободѣ, какъ и въ остальныхъ поселеніяхъ, распредѣлялся, вѣроятно, между членами самою общиною, ибо отдѣльнымъ членамъ ея должны были быть хорошо извѣстны занятія и доходъ каждаго лица и его платежная способность. Каждый дворъ облагался отдѣль-

---

[1]) Тамъ же л. 1514. (село Воскресенское).

[2]) Тамъ же л. 1447 1-го отд. Арх. Мин. Юст. Каз. у. Тетр. за № 6556, л. 3.

[3]) Тамъ же Писц. кн. за № 153, 1044—1047, 1447—1452 лл.

[4]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127 лл. 5, 121—123.

нымъ оброкомъ; если въ дворѣ дѣломъ заправляла женщина, то и она точно также обязывалась опредѣленнымъ оброкомъ, потому что въ глазахъ общины значеніе въ данномъ случаѣ имѣлъ промыселъ и доходъ, получаемый отъ него, а не тотъ или другой полъ лица [1]). Но въ слободѣ могли жить люди, занятія которыхъ доставляли приблизительно одиноковый доходъ каждому изъ нихъ; въ такомъ случаѣ они въ слободѣ могли составлять особую группу, можетъ быть даже отдѣльную общину [2]). Понятно, что если община раскладывала оброкъ сообразно доходу лицъ, жившихъ въ разныхъ дворахъ слободы, то она могла и совсѣмъ освободить лицо, хозяйственное положеніе котораго въ ея глазахъ заслуживало этого; подобные дворы, хоть изрѣдка, но попадаются въ слободахъ. Кромѣ того, въ людной и зажиточной слободѣ нерѣдко встрѣчаемся съ дворами или кельями, особенно при церквахъ, въ которыхъ живутъ убогіе и нищіе люди, кормившіеся, вѣроятно, подаяніями членовъ людной общины [3]).

Отъ слобожанъ перехожу къ крестьянскимъ общичамъ, жившимъ въ селахъ и деревняхъ Казанскаго и Свіяжскаго уѣздовъ. Выше было сказано, что крестьяне, приходившіе въ

[1]) Такъ, напримѣръ, въ Рыбной слободѣ въ началѣ XVII вѣка встрѣчаются: «Дворъ вдова Марка Володимерская жена, оброку платитъ за полторы рыбы 25 алтынъ. Дв. Огафья Иванова, оброку платитъ за полторы рыбы 25 алтынъ». Въ Борисоглѣбской слободѣ въ половинѣ XVII в. также попадаются вдовы, вносящія оброкъ, такъ, между прочимъ: «Дв. Овдотьица, Васькина жена, Остафьева сына, прозвище Ивашки *Токаря*, у нея сынъ 11 лѣтъ, а мужъ ея Васька сбѣжалъ въ 1646 году; оброку 13 алтынъ 2 деньги». Арх Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. тетр. за № 6553, л. 40; Писцов. кн. за № 153, лл. 1450—1451.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ рыбной слободѣ, послѣ описанія отдѣльныхъ дворовъ съ разнымъ оброкомъ, говорится: «въ той же слободѣ дворы оброчные, а оброку платятъ съ дворовъ своихъ ровно», затѣмъ идетъ опись каждаго двора отдѣльно, а въ заключеніе: «государева оброку платятъ въ государеву казну Митрофанъ Леонтьевъ *съ товарыщи* съ 30-ти дворовъ 11 руб. съ четью, по 12 алтынъ по 3 деньги съ двора». Тамъ же писц. кн. за №153, л. 1451.

[3]) Тамъ же л. 1452, 1-ое отд. Каз. у. тетр. за № 6553, лл. 25, 28, 36.

этотъ край изъ Россіи, очень рѣдко могли обладать достаточными средствами для своего обзаведенія на новомъ мѣстѣ полнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе чего они по необходимости нуждались здѣсь въ освобожденіи на нѣсколько лѣтъ отъ всякихъ тягостей, что обыкновенно предоставлялось имъ на самомъ дѣлѣ въ видѣ такъ называемыхъ льготныхъ годовъ; эти послѣдніе въ шестнадцатомъ столѣтіи на земляхъ богатаго Троицкаго монастыря достигали пятнадцати-лѣтняго срока. На первыхъ порахъ, когда поселенцевъ въ здѣшней сторонѣ было очень мало, ими естественно чрезвычайно дорожили, и мѣстные владѣтели земель спѣшили къ переселенцамъ, приходившимъ изъ Россіи, не съ одними лишь льготными годами, а по всей вѣроятности и съ матеріальною поддержкою на первыхъ порахъ ихъ хозяйственной дѣятельности на новомъ мѣстѣ; впослѣдствіи же, въ XVII столѣтіи, населеніе здѣсь умножилось, а поэтому и льготные годы для переселенцевъ сократились довольно сильно, и помощь отъ землевладѣльца стала, вѣроятно, выдаваться имъ скупѣе. Вслѣдствіе этого земледѣлецъ, являющійся въ этотъ край, рѣже имѣетъ возможность съ разу стать крестьяниномъ и по необходимости предпочитаетъ въ продолженіе первыхъ лѣтъ небольшой бобыльскій оброкъ нелегкому крестьянскому тяглу; для него это было тѣмъ выгоднѣе, что въ XVII столѣтіи бобыли обыкновенно получали льготу на нѣсколько лѣтъ «для дворовые ставки»[1]). По прошествіи нѣкотораго времени поселенецъ, разжившись, либо непосредственно переходилъ съ оброка на тягло, либо ему снова давалась льгота спеціально

---

[1]) Такъ, въ началѣ XVII ст. (1600 г.) въ Казанск уѣздѣ въ дворцовой деревнѣ Ивертовѣ: «въ той же деревнѣ велѣно жить въ бобылѣхъ новоприхожему Еремкѣ, а льготы ему дано для дворовые ставки на 2 года». Въ 1619 году, въ дворцовомъ селѣ Задніе Атары: «въ той же деревнѣ велѣно жить на льготѣ въ бобылѣхъ новоприхожимъ (2 чолов.), а льгота имъ дана для дворовые ставки». Въ дьорц. селѣ Рождественское, что на Укречѣ, въ 1717 г, означено 14 бобылей на льготѣ: «а льготы тѣмъ бобылямъ дано на 3 годы, а дворовъ у нихъ своихъ нѣтъ, хотятъ ставитъ» Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 153, лл. 1089, 1509, 1517.

для перехода съ бобыльства въ крестьянство [1]). Но кромѣ такого, такъ сказать, самостоятельнаго положенія новаго человѣка въ крестьянской общинѣ, среди которой онъ рѣшилъ поселиться, для него была еще возможность войти въ общину до поры до времени въ качествѣ сосѣда или захребетника къ крестьянину или бобылю этой общины. Относительно того, какъ жилось крестьянину въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ XVII вѣка, можемъ нѣсколько догадываться по тѣмъ тягостямъ, которыя были указаны нами выше, отчасти же можемъ судить по нижеслѣдующему. Крестьяне на дворцовыхъ земляхъ также жили общинами, для которыхъ главнымъ средоточіемъ обыкновенно было село, а къ нему уже тянули другіе поселки; въ такомъ селѣ нерѣдко была *«государева десятинная пашня»*, обрабатываемая крестьянами, находились государевы житницы, гдѣ хранился хлѣбъ, и въ этомъ же селѣ жилъ прикащикъ [2]). Количество работъ, отбываемыхъ крестьяниномъ или крестьянкою въ дворцовыхъ земляхъ, обусловливалось величиною земельнаго участка, который они для себя обрабатывали въ дворцовомъ селѣ или деревнѣ. Это можно видѣть изъ того, что если крестьянинъ или крестьянка (вдова) почему-либо не пользовались землею, то они освобождались отъ соотвѣтственной тягости. Такъ, въ первой четверти XVII столѣтія (1617 г.) объ одномъ изъ крестьянъ дворцоваго села говорится: «живетъ на четверти выти, а хлѣба у него въ землѣ не сѣяно, скотины у него никоторые нѣтъ, и тягла онъ государева никотораго не тянетъ»; въ другомъ дворцовомъ селѣ крестьянская вдова, жившая на полу выти, «сказала: что ей изъ государевы казны

---

[1]) Такъ, въ Казанскомъ уѣздѣ, въ дворцовомъ селѣ Анатошѣ въ началѣ XVII ст. крестьянинъ платилъ оброкъ, и о немъ говорится слѣдующее: «оброкъ съ него сложенъ, а впредь ему быть на пашнѣ на полувыти»; въ это же время въ дворцовомъ селѣ Сабуголь «велѣно быть на пашнѣ на четь выти тогожъ села бобылю Ивану Гаврилову, а льготы ему дано на годъ». Тамъ же лл. 1422, 1431.

[2]) Впрочемъ иногда государевы житницы были въ деревняхъ; такъ, напримѣръ, въ Казан. у. въ деревнѣ Шумковѣ находились 2 государевы житницы. Тамъ же лл. 1431, 1422.

нынѣшняго 125 году (1617 г.) десятинныхъ яровыхъ сѣмянъ сѣять не дано, дѣтей де у меня нѣтъ, пашни пахать некому»; въ третьемъ селѣ того же вѣдомства крестьянинъ, сидѣвшій «на осьмухѣ», т. е., на осьмой части выти, сказалъ, что онъ «ко 125 году яроваго государева десятиннаго хлѣба не пахалъ, потому что боленъ»[1]). Отсюда мы можемъ видѣть, что тягости, лежавшія на крестьянинѣ, условливаются главнымъ образомъ землею, находившеюся въ его пользованіи, и есть какъ бы процентъ, платимый имъ за капиталъ, бывшій въ его распоряженіи; если же крестьянинъ почему-либо не пользовался землею, то въ такомъ случаѣ «онъ государева тягла никотораго не тянетъ», что въ то время было ясно и понятно всякому. Естественно предположить, что если пользованіе со стороны члена общины почему-либо было не полно и это обусловливалась не виною его, а несчастіемъ (болѣзнью, пожаромъ), то въ такомъ случаѣ община могла уменьшить тягость, лежавшую на немъ; равно, если отдѣльный членъ крестьянской общины къ участку обрабатываемой имъ земли присоединялъ новую часть, кѣмъ либо прежде запущенную, либо онъ самъ ее расчистилъ, въ такомъ случаѣ на эту часть крестьянинъ получалъ особую льготу на нѣсколько лѣтъ[2]).

Сверхъ пахотныхъ крестьянъ, въ дворцовыхъ вотчинахъ встрѣчаемся съ оброчными крестьянами. Оброкъ, платимый такими крестьянами, очень разнообразенъ, что обусловливается,

---

[1]) Въ другихъ случаяхъ подобное указаніе на неиспользованіе землею крестьяниномъ выражено не такъ прямо, но его слѣдуетъ предполагать. Такъ, въ дворцов. деревнѣ Каз. уѣзда Кузьминѣ крестьянинъ Илейко Осиповъ показалъ: «живетъ на полъ-четверти выти, *погорѣлъ*, скотины у него никоторые нѣтъ»; того же уѣзда въ дворцовой деревнѣ Шумковѣ у одного крестьянина «скотины у него никоторые нѣтъ»; въ той же деревнѣ: «Дворъ Лукерьицы Андреевой, живетъ на четверти выти, скотины у ней никоторые нѣтъ». При отсутствіи скотины у хозяина, очевидно, и пахать нечѣмъ ему было. Тамъ же лл. 1026, 1033, 1034, 1082, 1088.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ дворцовомъ селѣ Рожественномъ, что на Укречѣ, среди крестьянъ нѣсколько дворовъ отмѣчены такъ: «Карпъ Осиповъ, на четверти выти, да за нимъ же на льготѣ на 5 годовъ осьмой жеребей выти»; нѣсколько другихъ крестьянъ также описаны. Тамъ же л. 1087.

вѣроятно, разною степенью зажиточности крестьянъ и разною прибыльностью ихъ занятій, соотвѣтственно чему только и могла община накладывать тягости на своихъ отдѣльныхъ членовъ[1]). Кромѣ крестьянъ, на дворцовыхъ земляхъ встрѣчаются бобыли. По всей вѣроятности, для большинства крестьянъ бобыльство было не цѣлью, а лишь средствомъ или ступенью для того, чтобъ меньше платить, легче разжиться, обзавестись всѣмъ необходимымъ для крестьянскаго хозяйства и стать крестьяниномъ. Наконецъ, въ дворцовыхъ селахъ, особенно въ людныхъ и зажиточныхъ, встрѣчаемся съ дворами нищей братьи и съ кельями, въ которыхъ живутъ старицы. Прозвище нищаго указываетъ иногда не на его лишь убогость, а также и на мѣсто, откуда онъ пришелъ[2]). Безъ сомнѣнія, всѣ подобные люди кормились средствами, которыя имъ добровольно удѣляли остальные, зажиточные члены сельской общины. Не лишнимъ будетъ упомянуть и о ссылкѣ крестьянъ въ концѣ XVI столѣтія изъ западной Руси въ Казанскій уѣздъ, гдѣ они въ дворцовомъ селѣ занимаются пахотою вмѣстѣ съ живущими здѣсь крестьянами, не неся однако съ ними тягостей въ пользу дворцоваго вѣдомства [3]).

---

[1]) Тамъ же л. 1431 и др.

[2]) Въ дворцовомъ селѣ Чялны въ полов. XVII в. означены 3 двора нищихъ, между которыми попадаются такія прозвища: «во дворѣ нищей Ивашко Степановъ *слѣпой* у него сынъ Ѳедька 10 лѣтъ; во дв. нищей Трошка Лазаревъ *Устюженинъ*, женатъ, дѣтей нѣтъ». Сверхъ того въ селѣ были еще 6 келей, принадлежавшихъ старицамъ; объ одной изъ нихъ говорится: «келья старицы Уляньи, а въ ней живетъ нищей Паршутка Дементьевъ *слѣпой*, женатъ, дѣтей нѣтъ». Писц. кн. за № 1127, лл. 812—813.

[3]) Въ дворцовомъ селѣ Воскресенскомъ (оп. 1619 г.) послѣ бобыльскихъ дворовъ: «Въ томъ же селѣ Воскресенскомъ крестьяне: дворъ Семенка *Копоренинъ*, да дв.: Мишка *Копоренинъ*, живутъ на полъ-выти. . . . и села Воскресенскаго попъ Петръ да крестьяне—староста Олешка Васильевъ съ товарищи сказали, что тѣ крестьяне живутъ въ селѣ лѣтъ съ 30 ть, государевы десятинные пашни не пашутъ и издѣлій никакихъ съ ними не дѣлаютъ, не вѣдаютъ почему. И крестьяне Семенка да Мишка Копоренины про то допрашиваны, а въ роспросѣ сказали: блаженные де памяти при государѣ царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ они сосланы изъ Копорья за опалу,

Положеніе крестьянъ въ селахъ и деревняхъ Казанскаго и Свіяжскаго уѣздовъ въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка обусловливалось еще и тѣмъ, на чьихъ земляхъ они жили. По нѣкоторымъ признакамъ можно предполагать, что на земляхъ Троицкаго монастыря крестьянамъ въ частности жилось лучше, чѣмъ на другихъ земляхъ, не исключая и дворцовыхъ. Такъ, напримѣръ, въ вотчинахъ только одного этого монастыря мы встрѣчаемся въ концѣ XVI вѣка съ водяными крестьянскими мельницами («меленки колотовки»), о которыхъ говорится, что «крестьяне съ нихъ оброку ничего не платятъ»[1]). Изъ этого мы видимъ, что у крестьянъ, въ ихъ хозяйствѣ, могла находиться извѣстная доходная статья, которую монастырь ничѣмъ не облагалъ въ свою пользу. Отсюда мы можемъ вывести, что пріемы Троицкаго монастыря относительно крестьянъ, жившихъ на его земляхъ, не отличались слишкомъ большою стяжательностью, потому что иначе мы врядъ ли встрѣтились бы съ подобнымъ фактомъ въ хозяйственной дѣятельности монастыря. И въ монастырскихъ вотчинахъ, какъ въ дворцовыхъ, между тяглыми крестьянскими дворами нерѣдко встрѣчаются дворы вдовъ, сидящихъ на полу, четверти и другихъ частяхъ выти, пользующихся землею наравнѣ съ крестьянами и несущихъ наравнѣ съ ними тягости, сопряженныя съ такимъ пользованіемъ; изрѣдка попадаются вдовы, у которыхъ водворѣ живутъ семейные сыновья или зятья, при чемъ главное хозяйственное значеніе все-таки сохраняется матерью[2]). Точно также и бобыльство въ монастырскихъ вотчинахъ было, какъ и въ дворцовыхъ, большею частью

въ Казань, а въ Казани велѣно ихъ устроить пашнею, а государевы десятинные пашни пахати и издѣлей никакихъ дѣлать имъ не велѣно». Писцов. кн. Каз. у. за № 153 лл. 1513—1514.

[1]) Это не была одна или двѣ мельницы на земляхъ Троицкаго монастыря въ Свіяжскомъ уѣздѣ, а гораздо больше Такъ, въ деревнѣ Агишево, въ которой находилось 20 дворовъ крестьянскихъ «подъ деревнею были 3 меленки колотовки»; въ починкѣ Корноуховѣ на ручью 3 меленки колотовки; въ деревнѣ Уланковѣ, съ 6 дворами, меленка колотовка, и прибавлено: «а держатъ крестьяне про себя». Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. тетр. за № 6431 лл. 23, 24.

[2]) Тамъ же № 6553 лл. 7, 47, 48.

лишь переходною ступенью къ крестьянству; такъ, въ селѣ Преображенскаго монастыря (полов. XVII ст.) между пустыми бобыльскими дворами владѣтели нѣкоторыхъ отмѣчены нерешедшими въ крестьяне[1]). Среди дворовъ людей, живущихъ на монастырскихъ земляхъ, изрѣдка попадаются дворы, о владѣтеляхъ которыхъ говорится: «оброку не даютъ, бродятъ по миру», или же: «питаются по миру»; такіе дворы принадлежатъ обыкновенно бобылямъ или вдовымъ бобылькамъ [2]). Отдѣльные факты, съ которыми встрѣчаемся въ первой половинѣ XVII вѣка на монастырскихъ земляхъ, могутъ свидѣтельствовать, что просвѣтительная и образовательная дѣятельность не чужда была монастырямъ въ здѣшнемъ краю. Такъ, въ половинѣ XVII вѣка между немногими крестьянами инородцами, жившими въ вотчинахъ Преображенскаго монастыря за рѣкою Камою, встрѣчаемся съ слѣдующимъ дворомъ: «Сенька Емельяновъ сынъ Новокрещенъ, Мордвинъ». Въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія (1646 г.) въ людномъ селѣ Свіяжскаго уѣзда, принадлежавшемъ Троицкому монастырю, при описи дворовъ причта во дворѣ попа Мины Васильева среди его домашнихъ упоминается «ученикъ Ѳедька Алексѣевъ»[3]).

Обращаясь къ положенію крестьянина на помѣстныхъ земляхъ, мы должны прежде всего указать на крайнюю скудость объ этомъ извѣстій, находящихся въ нашемъ распоряженіи; но то малое, которымъ мы располагаемъ, отчасти подкрѣпляетъ мнѣніе, высказанное нами раньше, — что положеніе крестьянъ на помѣстныхъ земляхъ было, говоря вообще, тяжелѣе, чѣмъ

---

[1]) Тамъ же лл. 91—94.

[2]) Тамъ же лл. 16, 25, 28, 82: Памят. кн. Каз. губ. 1866—67 «Замѣч. сел. по Волгѣ въ пред. Каз. губ.» стр. 9—10.

[3]) Тамъ же л. 59. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 6468 л. 789. Село это—Нижній Услонъ, на берегу Волги, въ которомъ находилось 105 дворовъ крестьянскихъ и 24 дв. бобыльскихъ (бобыли считаются вмѣстѣ съ деревнею Студенецъ, которая тянетъ къ селу). Дворъ описанъ такъ: «Дворъ попа Мины Васильева, у него сынъ Васька, да у него жъ ученикъ Ѳедька Алексѣевъ, да у него жъ работникъ Ѳедька Якимовъ».

въ вотчинахъ монастырскихъ и дворцовыхъ; и если такія дѣйствія, какъ поступки князя Шейдякова въ Ярославскомъ уѣздѣ въ помѣстномъ его селѣ Ширингѣ не представляли еще собою въ то время явленія обыденнаго, а скорѣе были исключеніемъ, то все же начало личнаго усмотрѣнія и произвола, которымъ онъ руководился въ своихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, становится главнымъ мотивомъ для помѣщиковъ первой половины XVII столѣтія относительно ихъ крестьянъ. Такъ, намъ извѣстно, что въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка служилый помѣщикъ Казанскаго уѣзда князь Бакшанда, «по сказкѣ» его самого и «по выспросу тутошнихъ и окольныхъ людей», бралъ съ волости Нали Кукморы, въ которой находилось 99 дворовъ, «дорогильные пошлины 14 рублей, 18 алтынъ 2 деньги, съ двора по 5 алтынъ, да съ тѣхъ же дворовъ емлетъ со свадебъ кунишную пошлину. А почему съ тое волости князь Бакшанда емлетъ дорогильную и со свадебъ кунишную пошлину, и государевы грамоты князь Бакшанда не положилъ»[1]). Отсюда мы можемъ отчасти видѣть, что явленіе, констатированное Котошихинымъ во второй половинѣ XVII вѣка и состоявшее въ томъ, что «помѣщики и вотчинники.... подати свои кладутъ на крестьянъ своихъ сами, сколько съ кого что взяти»,—въ жизни подготовлялось, вѣроятно, постепенно отдѣльными фактами, выработавшими его до общаго положенія, какимъ оно стало уже въ началѣ второй половины XVII вѣка, и, какъ таковое, занесено юристомъ практикомъ на страницы своего сочиненія «О Россіи». Само правительство нерѣдко въ половинѣ XVII столѣтія раздаетъ отдѣльными дворами крестьянъ дворцовыхъ вотчинъ разнымъ служилымъ людямъ въ Поволжскихъ уѣздахъ; бобылей же оно въ это время раздаетъ служилымъ людямъ, какъ всякую другую доходную статью, говоря, что «тѣ бобыли, даны ему (служилому человѣку) въ вотчину за четвертную пашню»[2]). Не смотря на стремленіе мелкопо-

[1]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. Каз. у. за № 642, л. 105.
[2]) Тамъ же Писц. кн. за № 1127 лл. 795, 805, 822—832, 865, 877—878.

мѣстныхъ помѣщиковъ эксплуатировать всякую живую силу, имѣвшую какое-либо отношеніе къ ихъ землѣ у нихъ также мы встрѣчаемся иногда съ личностями, о которыхъ сказано: «кормится христовымъ именемъ»[1]).

Безъ сомнѣнія, то или иное положеніе поселенца въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ въ первой половинѣ XVII вѣка въ связи съ его состояніемъ должно было отражаться въ жизни какъ его самого, такъ и его семейства. Въ бытѣ простомъ, какимъ и по настоящее время является бытъ нашихъ крестьянъ, болѣе или менѣе тяжелое положеніе поселенца не могло не отражаться на его семьянистости. Въ городахъ болѣе семьянисты посадскіе люди, за ними слѣдуютъ бобыли, а за бобылями идутъ захребетники. Въ селахъ и деревняхъ самые семьянистые люди—крестьяне, послѣ нихъ идутъ бобыли и наконецъ захребетники [2]).

---

[1]) Тамъ же Писц. кн. за № 6468 л. 1082 и др. При описаніи въ Цывильскомъ уѣздѣ небольшой деревни Рындиной, бывшей въ помѣстьѣ за Данилою Рындинымъ, въ заключеніе сказано слѣдующее: «У него жъ Данила въ деревнѣ Рындинѣ живетъ за бѣдность Цывиленинъ сынъ боярской Иванъ Микифоровъ, сынъ Марковъ». Тамъ же л. 568

[2]) Намъ хорошо извѣстны злоупотребленія, бывавшія при переписяхъ вызывавшія со стороны правительства распоряженіе «смотрить и беречи, накрѣпко, чтобъ въ той перепискѣ никто не воровалъ: крестьянъ и бобылей не таили, и *изо многихъ дворовъ въ одинъ дворъ не переводили*, и чюжихъ-бы крестьянъ и бобылей ничьихъ за собою не писали» (изъ наказа писцамъ въ 1646 году. Писц. кн. за № 6468 л. 321—322); но мы полагаемъ, что частныя злоупотребленія, бывавшія при описяхъ, не уничтожаютъ общаго значенія явленія, которое сохраняетъ въ общемъ свою силу въ настоящемъ случаѣ, какъ и при описаніи пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель. Для примѣра представляемъ населеніе города Свіяжска въ 1646 г. по описи Андрея Андреевича Племянникова и подъячаго Ивана Ѳадѣева: въ это время находилось на посадѣ «165 дворовъ, а людей въ нихъ тожъ, да у нихъ дѣтей и братьи и племянниковъ 379 челов., да у нихъ же сосѣдъ и подсосѣдниковъ 14 челов., у которыхъ дѣтей и братьи 8 челов.; *да у посацкихъ людей живутъ въ сосѣдствѣ посацкіе же люди* 9 челов., у нихъ дѣтей и братьи 12 чел. *да посацкіе бобыли живутъ въ сосѣдствѣ у посацкихъ же людей* 14 челов., у нихъ дѣтей и братьи 6 челов.; да посацкіе люди и бобыли живутъ на дворничествѣ и въ сосѣдяхъ у всякихъ чиновъ людей—8 челов. посацкихъ людей, у нихъ дѣтей и братьи 15 челов.: бобылей 13 челов. у нихъ дѣтей и братьи 9 чел.» Тоже большею частью въ общемъ встрѣчается и въ другихъ городахъ. Какъ примѣръ села въ это же время, представляемъ село въ

ГЛАВА III-я.

Занятіе земель бывшихъ подъ старою Тетюшскою засѣкою и находившихся въ сосѣдствѣ съ ними. Заселеніе пространства между Симбирскою чертою и Тетюшскою засѣкою. Занятіе служилыми людьми земель, лежавшихъ за Симбирскою чертою. Стенька Разинъ въ Низовомъ Поволжьѣ и его дѣятельность съ приверженцами на Симбирской чертѣ. Испомѣщеніе служилыхъ людей за валомъ послѣ Разинскаго бунта и состояніе Симбирскаго уѣзда въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVII вѣка. Самарская Лука, особенности ея и заселеніе въ концѣ XVI-го, въ первой и второй половинахъ XVII столѣтія. Построеніе Сызрани и Кашпира и проведеніе Сызранской черты. Монастырскія поселенія по Волгѣ ниже Кашпира во второй половинѣ XVII-го вѣка. Построеніе новыхъ городовъ на притокахъ р. Дона и въ Низовомъ Поволжье въ концѣ XVII-го столѣтія.

Правая сторона Поволжья, замыкаемая съ сѣвера бывшею Тетюшскою засѣкою, а съ юга новою Симбирскою чертою, составляетъ сѣверную часть нынѣшней Симбирской губерніи. Еще въ половинѣ настоящаго столѣтія производительность здѣшняго

Свіяжскомъ уѣздѣ, принадлежавшее Троицкому монастырю: «Новое Село» въ немъ крестьянскихъ дворовъ 69; у нихъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ 161 челов.; бобыльскихъ дворовъ 28, у которыхъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ 27 чел.; да въ томъ же селѣ захребетниковъ 7 чел., у которыхъ дѣтей 3 челов.». Тоже въ общемъ въ другихъ селахъ и въ деревняхъ Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 6468 лл. 638—644; 737 — 828, 834 — 875. Въ заключеніе, быть можетъ, не лишнимъ будетъ упомянуть о слѣдующихъ явленіяхъ, съ которыми въ описываемое время намъ пришлось встрѣтиться: въ Кузьмодемьянскѣ въ 1629 году среди бобыльскихъ дворовъ одинъ такъ описанъ: «во дворѣ вдова попадья Левонтьевская жена съ дѣтьми съ Гришкою, да съ сыномъ Ивашкомъ; въ томъ же дворѣ бобыль Ивашко Остафьевъ, *дворомъ владѣютъ вопче*». Въ Борисоглѣбской слободѣ Покровскаго монастыря подъ Казанью въ половинѣ XVII стол., одинъ изъ оброчныхъ дворовъ описанъ такимъ образомъ: «дворъ Игнашко Ивановъ сынъ Вороженинъ, у него сынъ Куземка 5 л., у него жъ 2 брата — Микифорко да Ѳедька Ивановы дѣти,—*живутъ въ роздѣлѣ на одномъ дворѣ и въ одной избѣ*», оброку платили 20 алтынъ. Тамъ же Писц. кн. за № 847 л. 37; 1-е отд. Каз. у. тетр. за № 6553 л. 32.

чернозема возбуждала восторгъ специалистовъ, посѣщавшихъ эту страну[1]). Между тѣмъ плодородіе здѣшней почвы въ болѣе раннее время должно было быть гораздо сильнѣе, ибо, кромѣ теплоты и влажности, обусловливаемой въ половинѣ XVII вѣка изобиліемъ здѣсь лѣсовъ, въ то время находился еще не тронутый пахотою глубокій черноземъ, обладавшій богатствомъ производительныхъ силъ для всякаго рода хлѣбныхъ растеній. Подобныя свойства здѣшнихъ земель не могли быть неизвѣстны землевладѣльцамъ сосѣднихъ уѣздовъ, которыхъ контингентъ состоялъ преимущественно изъ служилыхъ людей Тетюшскаго, Свіяжскаго и Казанскаго уѣздовъ. При такихъ обстоятельствахъ естественно, что служилые люди прежде другихъ поспѣшили, съ соизволенія правительства, овладѣть землями въ здѣшней странѣ. Подобное стремленіе съ ихъ стороны могло находить, по всей вѣроятности, сочувствіе въ правительствѣ, которому выгодно было водворять здѣсь людей, опытныхъ въ несеніи окраинной службы, интересы которыхъ вслѣдствіе этого тѣсно соединялись съ интересами правительства, старавшагося о защитѣ окраиннаго населенія, съ каковою цѣлью построена была и Симбирская черта.

Тетюшская засѣка проходила, какъ извѣстно, южною стороною Тетюшскаго уѣзда около деревни Пролей Каши, — и подлѣ засѣки протекала небольшая рѣчка Кильня, впадающая съ правой стороны въ рѣку Свіягу; Кильня, въ свою очередь, принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны нѣсколько притоковъ, среди которыхъ встрѣчается рѣчка Кертель и нѣкоторыя другія. Подлѣ Тетюшской засѣки на Кильнѣ стоялъ Килнинскій острожекъ, который, какъ мы знаемъ, «поставленъ былъ для приходу воинскихъ людей». Послѣ проведенія Симбирской черты военное значеніе Кильнинскаго острожка должно было упраздниться, и въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка (около 1655 года) мы

---

[1]) Bulletin de la Société imperiale des naturalistes de Moscou. 1853. «Beiträge zur Kenntniss der schwarzen Erde in Russland» u. Wangenheim, von Qualen., p. 21

застаемъ этотъ острожекъ «въ помѣстьѣ и на оброкѣ» за служилыми людьми, причемъ вмѣстѣ съ нимъ имъ здѣсь было отведено извѣстное число «пашни дикаго поля добрые земли» и сѣна въ соотвѣтствіи[1]). Земля, по которой прежде проходила Тетюшская засѣка, въ описываемое время занята и эксплуатируется служилыми людьми; въ документѣ того времени нѣсколько разъ встрѣчаемся съ землями, о которыхъ говорится слѣдующее: «имъ (служилымъ людямъ) дано въ помѣстье *изъ порозжихъ земель дикое поле въ старой въ Свіяжской и въ Тетюшской засѣкѣ....* въ верхъ по рѣкѣ по Свіягѣ»[2]). Въ средѣ служилыхъ людей, испомѣщенныхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, нерѣдко встрѣчаемъ людей, которые владѣютъ помѣстными и вотчинными жеребьями въ Свіяжскомъ уѣздѣ[3]). Затѣмъ говорится о земляхъ, которыя лежатъ «за старою Тетюшскою засѣкою въ степи» и находятся «за разными помѣщики въ помѣстьяхъ»,—сами же помѣщики означены здѣсь испомѣщенными «на дикомъ полѣ». Дикія поля по рѣкѣ Кильнѣ, по рѣчкѣ Кертели, Беденгѣ, *Сторожевой-Ельховкѣ* и по другимъ рѣчкамъ розданы были въ описываемое время въ значительномъ количествѣ помѣщикамъ Казанскаго и Тетюшскаго уѣздовъ[4]); между здѣшними помѣщиками попадаются фамиліи и коренныхъ служилыхъ людей вышепоимено-

---

[1]) «За Иваномъ Семеновымъ сыномъ, да Микифоромъ Еуфимьевымъ сыномъ Колодничими въ помѣстьѣ и на оброкѣ острожекъ Кильнинской, на рѣчкѣ на Кильнѣ, что былъ поставленъ для приходу воинскихъ людей, да къ тому жъ острожку пашни дикаго поля добрые земли 100 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 600 коп.; а оброку имъ съ того острожку и съ земли и съ сѣнныхъ покосовъ платить въ государеву казну по 16 алтынъ по 4 деньги на годъ». Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127, л. 1085.

[2]) Тамъ же л. 1086.

[3]) Такъ, здѣсь мы находимъ испомѣщенными Илью Соловцова и Ивана Елагина, которые владѣютъ жеребьями въ селѣ Бурнашевѣ; затѣмъ встрѣчаемъ Якова Лукошкова, который въ это же время владѣлъ помѣстьемъ въ Жилецкой слободѣ, и др. Тамъ же лл. 875—879 и 1082—1086.

[4]) «За разными помѣщики дикого поля межъ рѣчки Кильны и межъ рѣчки Кертели: «за Тетюшениномъ» (такимъ то),—затѣмъ «за Казанцемъ», снова «за Тетюшениномъ». Тамъ же. Писц. кн. Сем. Волынскаго 1655 года за № 155 лл. 370—371; Писц. кн. за № 1127 лл. 389—393.

ванныхъ уѣздовъ [1]). Вслѣдствіе того, что интересъ, представляемый русскимъ правительствомъ въ Поволжской окраинѣ, былъ преимущественно общечеловѣческій—культурный, ибо онъ, главнымъ образомъ, выражался въ трудѣ и въ защитѣ его плодовъ отъ хищничества кочевыхъ обитателей степи, русское правительство раздавало здѣсь съ полнымъ довѣріемъ земли не только русскимъ, но и инородцамъ, въ увѣренности, что послѣдніе заинтересованы не меньше русскихъ въ защитѣ окраинъ отъ нападеній и вторженій кочевниковъ. Такъ, подлѣ рѣчки Кильны мы встрѣчаемъ испомѣщенными не только Свіяжскихъ новокрещеновъ, но также и Казанскихъ служилыхъ татаръ, которые въ здѣшнихъ мѣстахъ владѣли цѣлыми деревнями [2]); нѣсколько позднѣе (1663 г.) служилые татары въ числѣ двадцати пяти человѣкъ были водворены на верховьяхъ рѣки Цилны [3]), гдѣ они получили пахотныя земли и сѣнные покосы [4]). Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія на службу въ Симбирскъ стали посылать служилыхъ людей изъ Москвы, предоставивши имъ право на опредѣленный надѣлъ землею въ Симбирскомъ уѣздѣ. Прибывши на мѣсто, служилый человѣкъ обыкновенно самъ отыскивалъ себѣ свободную землю и просилъ мѣстнаго воеводу назначить земельнаго отказщика для отвода ея; назначенный воеводою отказщикъ отправлялся «на порозжую землю на дикое поле»; не доѣзжая земли, бралъ «съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей, сколько пригоже», распрашивалъ ихъ о найденной челобитчикомъ землѣ, и если тѣ показывали, «что эта земля ни въ помѣстье, ни въ оброкъ никому не отдана и отъ засѣчныхъ крѣпостей въ дальнихъ мѣс-

---

[1]) Такъ, въ помѣстьяхъ на р. Безднѣ упоминаются дѣти Ивана Жукова, старожильца Тетюшскаго уѣзда, затѣмъ встрѣчается фамилія Аристовыхъ, служилыхъ людей Казанскаго уѣзда. Тамъ же л. 397.

[2]) Тамъ же. Писц. кн. за № 155, л. 371. Писц. кн. за № 1127 л. 395.

[3]) Рѣка Цилна—притокъ Свіяги, впадающій въ нее съ лѣвой стороны, южнѣе притока Карлы.

[4]) Здѣсь водворены были служилые татары Ахмаметко съ товарищи. Тамъ же. Казань, отказная старыхъ лѣтъ кн. 2, № дѣла 15.

тахъ», то въ такомъ случаѣ земля отводилась челобитчику. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII-го столѣтія выше Симбирской черты еще встрѣчались свободныя, нетронутыя земли; такъ. по рѣкѣ Сухому Бирючу[1]) еще попадается «дикое поле ковыль и сѣнные покосы», которые охотно занимаются служилыми людьми, испомѣщаемыми въ Симбирскомъ уѣздѣ. Но подобныхъ пространствъ, вѣроятно, было немного, ибо въ это же время служилые люди нерѣдко должны были обращать свое вниманіе на свободныя земли, находившіяся «за валомъ на Крымской сторонѣ», и здѣсь имъ отводились на разныхъ рѣкахъ земли по шестнадцатой главѣ Уложенія: въ сороковой статьѣ этой главы сказано, чтобъ «украинныхъ городовъ дѣтемъ боярскимъ, которые бьютъ челомъ государю въ помѣстье на порозжія земли на дикое поле, давати изъ порозжихъ земель изъ дикихъ поль», въ соотвѣтствіи съ ихъ окладомъ[2]). Въ шестидесятыхъ же годахъ болѣе отважные и предпріимчивые изъ русскихъ крестьянъ заняли за чертою ниже Симбирска обширную полосу земли, примыкавшую къ Волгѣ и отъ мѣстныхъ возвышенностей именовавшуюся Арбугинскою землею. Въ этомъ мѣстѣ р. Волга обиловала рыбою, вслѣдствіе чего еще въ двадцатыхъ годахъ XVII в. здѣсь находились рыбныя ловли Покровскаго монастыря, что въ Нижнихъ Тетюшахъ. Теперь въ здѣшнихъ мѣстахъ крестьяне основали нѣсколько слободъ, которыя защищены были отъ непріятельскихъ нападеній особою чертою, называвшеюся Арбугинскою; эти слободы приписаны были къ дворцовому вѣдомству, и по книгамъ 1669 г. за мѣстными крестьянами значатся пахотныя земли на правой, нагорной сторонѣ, а сѣнные покосы на лѣвой, луговой сторонѣ Волги[3]). Такая смѣлость

---

[1]) Сухой Бирючъ—притокъ Свіяги съ лѣвой стороны, ниже Большаго Бирюча.

[2]) Тамъ же; отказ. старыхъ лѣтъ кн. 5, №№ дѣлъ 16, 37 и др. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, глава 16, ст. 40.

[3]) Всѣхъ слободъ въ 1669 году здѣсь было пять: Кременская, Кривушинская, Шиловская, Тушинская и Ключищенская; а въ 1675 году упоминается съ юго-западной стороны объ Арбугинской чертѣ. Арх. Мин. Юст. Казань, отказ. старыхъ лѣтъ съ городами кн. 1-ая, № дѣла 14; кн. 4, № дѣла 101; 1-го отд. Каз. у. грам. за № 6464.

крестьянъ могла побудить нѣкоторыхъ захребетниковъ, жившихъ въ Бѣлоярскомъ городѣ на луговой сторонѣ Волги, составить общину, перейти на правую сторону и поселиться на рѣчкѣ Сенгилѣйкѣ противъ Бѣлаго Яра; въ 1666 году они предложили правительству свою службу здѣсь въ качествѣ *станичныхъ казаковъ*, а правительство распорядилось въ томъ же году подлѣ ихъ поселенія отвести имъ «земли и сѣнные покосы противъ Бѣлаго Яру на нагорной сторонѣ по рѣчкѣ Сенгилѣйкѣ съ вершины и до Волги рѣки». Но едва лишь они успѣли отстроиться на новомъ мѣстѣ, какъ уже въ слѣдующемъ году новый Симбирскій воевода, князь Дашковъ, «перевелъ ихъ съ той земли жить для крѣпости отъ башкирскаго разоренья къ Волгѣ рѣкѣ на городище, промежъ Тушны и Сенгилѣйки»[1]). Отсюда можно видѣть, съ какими опасностями соединялось тогда поселеніе за Симбирскою чертою поблизости даже съ значительнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ, какимъ въ то время былъ городъ Бѣлый Яръ, находившійся только на лѣвой сторонѣ Волги. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка въ мѣстности, примыкавшей къ Симбирску, поселенцы принуждены были занимать уже земли, находившіяся за валомъ,—а въ семидесятомъ году того же столѣтія занятіе свободныхъ земель за валомъ происходитъ и въ другихъ мѣстахъ по чертѣ, западнѣе Симбирска. Такъ, въ этомъ году отведены были земли за валомъ на рѣчкѣ Селдѣ[2]) солдатамъ выборнаго полку Андрюшкѣ Богданову съ товарищи въ числѣ двѣнадцати человѣкъ; въ томъ же году испомѣщены были землею и сѣнными покосами «за валомъ на Крымской сторонѣ вверхъ по Бѣлому Уреню[3]), по обѣ стороны отъ проѣзжіе башни» двадцать четыре солдата выборнаго полку[4]).

---

[1]) Тамъ же, отказ. старыхъ лѣтъ съ городами кн. 5, № дѣла 100.

[2]) Рѣчка Селдя — притокъ рѣки Свіяги съ лѣвой стороны, впадающій въ нее противъ Симбирска.

[3]) Рѣчка Бѣлый Урень—притокъ р. Суры; низовьями своими она отчасти протекала въ предѣлахъ укрѣпленной черты.

[4]) Арх. Мин. Юст. Отказн. стар. лѣтъ Казань, кн. 5, №№ дѣлъ 1 и 40. Выборнымъ солдатамъ отводилось обыкновенно по 20 четв. въ каждомъ полѣ на человѣка.

Въ то время, какъ русское правительство старалось по возможности заселить свободныя земли новаго Симбирскаго уѣзда служилыми людьми и заселеніе это шло довольно успѣшно, ибо въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія насельники должны были уже занимать свободныя земли за валомъ, на Крымской сторонѣ, не защищенныя укрѣпленною чертою и подвергавшіяся значительнымъ опасностямъ, —въ то время, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ низовьяхъ Дона среди казачества началось движеніе, результаты котораго были не безъ серіознаго значенія для населенія Симбирской черты. Движеніе это вначалѣ было чисто мѣстное, обусловливаемое лишь казачьимъ интересомъ, опредѣляемымъ самими казаками такимъ образомъ: «учала имъ (казакамъ) на Дону быть скудость большая,—на Черное море проходить имъ не мочно, учинены отъ Турскихъ людей крѣпости, и они отбрався охочіе люди пошли на Волгу, и съ Волги на море безъ вѣдома войсковаго атамана Корнила Яковлева; а начальный человѣкъ къ тому дѣлу у нихъ былъ Стенька Разинъ; а пошло де ихъ съ Дону человѣкъ съ 600; да къ нимъ же приставали на Волгѣ и на Яикѣ изъ Астрахани и изъ иныхъ городовъ всякіе вольные люди»[1]. Но, начавшись движеніемъ мѣстнымъ и въ размѣрахъ на Дону обычныхъ, какъ прежде, такъ и послѣ Разина[2]), движеніе охватило собою на

---

[1]) «Матеріалы для исторіи возмущ. Стеньки Разина». Москва 1857 г. 38 стр.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ 1683 году съ Дону вмѣстѣ съ Донскимъ козакомъ Максимомъ Скалозубомъ съ дозволенія войсковаго атамана отправилось «для зипуна» на Калмыцкіе улусы за Волгу до 2000 человѣкъ; впослѣдствіи къ нему пристали многіе казаки изъ верховыхъ городковъ, такъ что число всѣхъ ихъ достигло 3000 «и въ томъ числѣ были многіе казацкіе бурлаки и запорожскіе хохлачи и иные многіе гулящіе люди». Позднѣе, въ 1693 году, по донесенію Черноярскаго воеводы «въ третьемъ часу дня прибѣжали безвѣстно *съ верху изъ степи* воровскіе люди воинскіе, человѣкъ сотъ съ пять и больше, и къ городу приступали и били о самые надолбы, *и съ тѣми воровскими воинскими людьми бой былъ долгое время,* и съ пушекъ по нихъ велѣлъ стрѣлять съ башень; а бой у тѣхъ воинскихъ людей былъ изъ луковъ и пищалей». Ак. Ист. т. V, № 220; Дополн. къ Ак. Ист. т. VIII, № 99.

этотъ разъ довольно скоро все низовое Поволжье до самаго Нижняго Новгорода. Поэтому для насъ имѣетъ значенiе то, почему именно въ настоящее время казачье движенiе не ограничилось по обыкновенiю Дономъ, а охватило собою такое огромное пространство и привлекло къ себѣ массу разнообразнаго населенiя не только въ низовомъ Поволжьѣ, но и въ сторонѣ отъ него. Къ сожалѣнiю, ограниченность найденнаго досихъ поръ матерiала, его отрывочность и нѣкоторое однообразiе[1]) чрезвычайно затрудняютъ раскрытiе внутреннихъ, экономическихъ и соцiальныхъ, причинъ даннаго движенiя. Для того, чтобы хоть нѣсколько пополнить этотъ пробѣлъ, необходимо обратиться къ явленiямъ общаго характера той эпохи, которыя должны были отражаться и въ мѣстностяхъ Поволжья.

Извѣстно, что въ началѣ царствованiя Алексѣя Михайловича, вслѣдствiе недостатка опредѣленности въ русскомъ законодательствѣ и вслѣдствiе своекорыстiя родственниковъ царской жены и людей къ нимъ близкихъ, происходили злоупотребленiя, вызвавшiя возстанiе народа въ Москвѣ и въ иныхъ мѣстахъ государства. Послѣ подавленiя этихъ движенiй правительство молодаго царя, сознавая недостатки дѣйствовавшаго зоконодательства, созвало въ 1648 году соборъ изъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства, чтобы устранить ихъ съ общею помощью. Результатомъ отчасти этой дѣятельности явилось соборное Уложенiе 1649 года, которое содержитъ въ себѣ нѣкоторыя новыя законоположенiя, имѣвшiя большiя последствiя для служилаго и не служилаго сословiй на Руси. Къ такимъ законоположенiямъ принадлежатъ, между прочимъ, первая, вторая, девятая и десятая статьи главы одиннадцатой упомянутаго Уложенiя, которыми отмѣняются «урочныя лѣта» крестьянскаго перехода съ земель одного владѣльца на земли другаго. До сихъ поръ урочные года могли сдерживать собой нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ въ примѣненiи крайняго произ-

[1]) Въ матерiалахъ, изданныхъ А. Поповымъ въ Москвѣ, очень много мѣста занимаютъ донесенiя воеводъ о движенiяхъ на мятежниковъ и сраженiяхъ съ ними.

воля къ личности крестьянина, ибо у него не была отнята еще возможность протеста уходомъ отъ помѣщика; крестьянину необходимо было при этомъ лишь въ продолженіе извѣстнаго времени скрывать свою личность отъ своего бывшаго землевладѣльца; по истеченіи же срочныхъ лѣтъ онъ безъ всякихъ послѣдствій для себя и своей семьи могъ явиться даже по сосѣдству съ прежнимъ мѣстомъ жительства. Вышеупомянутыя статьи одиннадцатой главы Уложенія выгодны были служилымъ людямъ, особенно мелкимъ изъ нихъ, поэтому казались въ интересѣ государства, односторонне понимаемомъ, и чрезвычайно неудобны для крестьянъ, у которыхъ такимъ образомъ отымалась возможность уходомъ избавлять себя и свою семью отъ притѣсненій и вымогательствъ землевладѣльца, злоупотреблявшагс положеніемъ своимъ и правами относительно крестьянъ, жившихъ на его землѣ. Намъ извѣстно между тѣмъ, что около половины XVII вѣка тягости, налагаемыя на крестьянъ нѣкоторыми частными землевладѣльцами въ Поволжьѣ, увеличились въ нѣсколько разъ сравнительно съ прежними[1]). Кромѣ права произвольно увеличивать тягости, лежавшія на крестьянахъ, въ это время, какъ намъ извѣстно изъ словъ современника, «бояре, и думные и ближніе, и всякихъ чиновъ люди, помѣщики и вотчинники, вѣдаютъ и судятъ своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлехъ, кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ»; вотчинный же судъ, который землевладѣлецъ

---

[1]) Такъ, въ имѣніяхъ, пожалованныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ своему бывшему воспитателю Борису Ивановичу Морозову, тягости увеличены были въ нѣсколько разъ. Морозову въ Нижегородскомъ уѣздѣ принадлежали нѣкоторыя богатыя села на самой Волгѣ и въ сторонѣ отъ нея; такъ, въ его владѣніяхъ находились: Лысково, Мурашкино, Покровское-Погавицыно, Покровское-Вадъ, Бурцово, Сергачъ (нынѣ городъ), Кузьминъ-Усадъ, Уварово и нѣкоторыя другія. Въ Богатомъ Приволжскомъ селѣ Лысковѣ крестьяне, бывши въ числѣ дворцовыхъ вотчинъ, платили всякихъ оброковъ по писцовымъ книгамъ со 126 вытей по 7 руб. 50 коп. съ выти. Морозовъ увеличилъ число вытей въ Лысковѣ на 6, а оброкъ назначенъ былъ въ селѣ по 20 руб. съ выти, а въ присѣлкахъ и въ деревняхъ по 15 рублей» (1646 г.). Вѣст. Евр. 1871 г. I ч. «Большой Бояринъ» И. Е. Забѣлина 10 и 28 стр.

могъ производить и не самъ лично, а чрезъ своего прикащика, «пользовался правомъ сажать въ тюрьму, въ колоду, въ желѣза, бить батогами и кнутомъ..... даже могъ подвергать подсудимыхъ пыткѣ»[1]). Вслѣдствіе подобныхъ условій, поводовъ къ неудовольствію крестьянъ на землевладѣльцевъ могло въ описываемое время накопиться много, и уходъ по прежнему оставался для нихъ единственною возможностью избавиться отъ притѣсненій землевладѣльца; но теперь этотъ уходъ получаетъ навсегда характеръ преступленія. Уже въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія дворяне и дѣти боярскія сѣверныхъ городовъ и уѣздовъ въ челобитьѣ на имя государя писали, что съ 1654 года, «какъ они пошли на государеву службу, отъ нихъ учали бѣгать люди ихъ и крестьяне, а бѣгая ихъ помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ разоряютъ и домы ихъ пожигаютъ, а иныхъ самихъ и ихъ женъ и дѣтей и людей и крестьянъ до смерти побиваютъ; и бѣгая живутъ въ Нижнемъ Новгородѣ и въ Нижегородскомъ уѣздѣ»[2]). Вслѣдствіе этого въ Нижегородскій уѣздъ посланъ былъ сыщикъ, которому поручили «посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ и Татаръ и Мордву роспрашивая и сыскивая подлинно, и изъ тѣхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ выбравъ изъ десяти человѣкъ человѣка два, за побѣгъ бить кнутомъ, чтобы впредь имъ и инымъ не повадно было бѣгать; и высылать ихъ за поруками съ женами и съ дѣтьми и съ животы въ прежніе ихъ мѣста и дворы, откуда кто бѣжалъ, и велѣть имъ жить и государево тягло платить: посадскимъ на посадѣ, а Татарамъ, Мордвѣ и Черемисѣ ясакъ по прежнему платить сполна»[3]). Но, по справедливому замѣчанію г. Костомарова, «рѣдкій уживался на мѣстѣ жительства, будучи возвращенъ туда насильно: еслибъ ему было тамъ хорошо, онъ бы и въ первый разъ не бѣгалъ, а теперь, послѣ того какъ его разъ поймаютъ, ему, конечно, станетъ

---

[1]) Тамъ же стр. 19.
[2]) Доп. А. И. т. IV, № 48.
[3]) Тамъ же.

хуже: на него наложатъ еще больше повинностей за то, что онъ бѣгалъ; онъ опять навострить лыжи»[1]). Но на этотъ разъ онъ, по всей вѣроятности, уже не остановится въ Нижнемъ Новгородѣ или его уѣздѣ, а отправится куда-либо подальше,— если не на вольный Донъ, откуда бѣглецовъ не выдавали обыкновенно, то на глубокій сѣверъ, въ Сибирь, или въ украинныя мѣста, гдѣ и воеводы и землевладѣльцы сильно нуждались въ людяхъ и поэтому были мало наклонны исполнять добросовѣстно двадцатую статью одиннадцатой главы Уложенія[2]). Такъ, намъ извѣстно, что по Симбирской чертѣ, въ Саранскомъ уѣздѣ, въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка (1662 г.), по донесенію сыщиковъ, отправленныхъ правительствомъ въ здѣшнія мѣста, «за дворяны и за дѣтьми боярскими живутъ многіе бѣглые люди и крестьяне», и что «Саранскіе помѣщики и вотчинники и всякихъ чиновъ люди многихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ у себя укрываютъ и таятъ, а къ распросу и къ запискѣ къ нимъ (сыщикамъ) на съѣзжей дворъ не приводятъ». Когда же сыщики «для подлиннаго сыску велѣли Саранскихъ помѣщиковъ выслать въ Саранскъ и про бѣглыхъ людей и крестьянъ взять сказки» у нихъ, то «многіе Саранскіе помѣщики и вотчинники въ Саранскъ не ѣдутъ, а которые де и пріѣхали и они про бѣглыхъ и крестьянъ сказокъ не даютъ,— чинятся не послушны». Относительно того, до какой степени переполнены были въ дѣйствительности поселенія на чертѣ бѣглыми людьми въ шестидесятыхъ годахъ описываемаго столѣтія, можетъ свидѣтельствовать деревня Александрова Саранскаго уѣзда, принадлежавшая князю Андрею Болховскому: въ ней, по розыску сыщика, жили восемнадцать бѣглыхъ семей

---

[1]) Историч. монограф. и изслѣдов. Н. Костомарова т. II, «Бунтъ Стеньки Разина, 235 с.

[2]) Землевладѣлецъ, по этой статьѣ, обязанъ былъ людей, которые пожелаютъ «за нимъ жити въ крестьянѣхъ или въ бобылѣхъ», подробно распрашивать, требовать у нихъ отпускные и «приводити ихъ того же году къ запискѣ» въ Казань, Москву или другой подобный городъ. Улож. гл. XI, ст. 20.

крестьянскихъ, которыхъ всѣхъ «принялъ во крестьяне князь Андрей Болховской». Кромѣ крестьянъ, по чертѣ попадались бѣглые въ лицѣ стрѣльцовъ, казаковъ и посадскихъ людей, которые здѣсь селились, поступали на службу, отправляя ее въ городахъ и уѣздахъ [1]). Правительство же Московское вмѣсто того, чтобъ заняться на мѣстахъ изслѣдованіемъ условій, большей частью тяжелыхъ и ненормальныхъ, въ которыя здѣсь поставлена была жизнь стрѣльца, казака, посадскаго человѣка и крестьянина, постараться урегулировать ихъ жизнь здѣсь болѣе нормальнымъ образомъ, чтобъ люди не бѣжали съ своей родины,—разсылало сыщиковъ, которымъ на мѣстахъ ихъ дѣятельности должны были давать стрѣльцовъ и воинскихъ людей съ затинными пищалями, а тѣ брали бѣглыхъ, наказывали ихъ и водворяли на старыхъ мѣстахъ; и въ Москвѣ наивно полагали, что, дѣйствуя такимъ образомъ, серіозно устраняется зло бѣгства людей цѣлыми массами съ родныхъ, насиженныхъ мѣстъ.

Если въ описываемое время тяжело приходилось русскому человѣку въ низшихъ слояхъ служилаго и неслужилаго сословій, то инородческому населенію при тѣхъ же условіяхъ приходилось еще тяжелѣе. Разность языка и вѣры ставила инородца въ особое положеніе въ глазахъ, быть можетъ, не однихъ воеводъ, но и вообще русскаго народа. Вслѣдствіе этого воеводы и другіе служилые люди въ своихъ вымогательствахъ и насиліяхъ относительно инородцевъ еще менѣе стѣснялись, чѣмъ по отношенію къ русскому православному населенію. И на самомъ дѣлѣ, извѣстно, напримѣръ, что сборъ ямскихъ денегъ до такой степени разорилъ Мордву Нижегородскаго уѣзда, что въ 1639 году все племя Терюханъ и значительная часть Ердзянъ, обитавшихъ около Арзамаса, не дождавшись лѣтомъ уборки хлѣба, покинули свои деревни и поля, забрали съ собою скотъ, домашнюю рухлядь и разсыпались по дремучимъ

[1]) Арх. Мин. Юст, III отд. Столбцы. Городъ Казань. Царствованіе Алексѣя Михайловича № 22, 562. Донесенія сыщика Ивана Бутурлина и подъячаго Ивана Протопопова въ 1662 г. изъ города Симбирска.

лѣсамъ Муромскимъ и Саливарскимъ; нѣкоторые изъ нихъ стали уходить внизъ по Волгѣ и населяли въ Низовьѣ пустыя земли монастырей и лицъ, сильныхъ своимъ вліяніемъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. По словамъ изслѣдователя, «чрезъ все XVII-ое столѣтіе продолжаются стѣсненія Мордвы, то и дѣло заставлявшія ее бѣгать изъ мѣстъ своего жительства; къ тяжкимъ податямъ, къ налогамъ, къ обидамъ воеводскимъ и разныхъ другихъ служилыхъ людей, со временъ патріарха Никона присоединились еще новыя бѣды для Мордвы—насильственное обращеніе ихъ въ христіанскую вѣру»[1]). Отношенія служилыхъ людей къ другимъ инородцамъ были врядъ ли лучше, нежели къ Мордвѣ; лишь подобными отношеніями въ продолженіе цѣлаго ряда поколѣній можетъ обусловливаться приниженность и забитость Черемисъ въ наше время, равно страхъ Чувашъ предъ волостнымъ писаремъ, какъ лицемъ начальственнымъ въ его глазахъ[2]). О воеводахъ въ русскихъ городахъ, особенно въ окраинныхъ, ихъ злоупотребленіяхъ и произволѣ относительно подвѣдомственнаго населенія и подчиненныхъ имъ служилыхъ людей въ описываемое время, мы не считаемъ необходимымъ говорить, какъ объ явленіяхъ, извѣстныхъ въ русской жизни, обусловливавшихся отчасти патріархальностью понятія «кормиться».

Такимъ образомъ, матеріала для недовольства и озлобленія въ низшихъ слояхъ русскаго общества къ шестидесятымъ годамъ XVII столѣтія въ общемъ могло накопиться много. Особенно недовольные люди должны были сосредоточиться въ Поволжской окраинѣ, куда по преимуществу стремились трудовые

---

[1]) Русск. Вѣст. 1867 год. ч. VI, «Очерки Мордвы» П. Мельникова. Авторъ при составленіи этихъ очерковъ пользовался между прочимъ матеріалами изъ монастырскихъ и уѣздныхъ архивовъ, на которые иногда ссылается.

[2]) Матер. Эт. Россіи Каз. губ. Полков. Ритиха 145—146. Инород Каз. губ. Сбоева с. 16. Сбоевъ приводитъ въ примѣръ слова, сказанныя на рынкѣ пріѣзжимъ Чувашениномъ попадьѣ, обратившейся къ нему со словами: «Побойся Бога»,—онъ ей отвѣчалъ: «Богъ не писарь, чтобъ его бояться».

и гулящіе люди изъ внутренней полосы Россіи, потому что и тѣ и другіе находили здѣсь обширное приложеніе для своихъ инстинктовъ и силъ; естественныхъ богатствъ въ здѣшнихъ лѣсахъ, рѣкахъ и въ низовой почвѣ было много, въ рабочихъ людяхъ сильно нуждались, и поэтому бѣглыхъ, какъ мы видѣли, здѣсь охотно принимали и старались всячески укрыть ихъ отъ сыщиковъ[1]). Кромѣ множества бѣглыхъ, имѣвшихъ причины быть недовольными нѣкоторыми отношеніями на родинѣ, покинувшихъ ее съ чувствомъ горечи и поселившихся подлѣ Симбирской черты,—остальное населеніе здѣсь носило большей частью сбродный характеръ: его, какъ мы знаемъ, вербовали изъ разныхъ городовъ и мѣстъ и водворяли по чертѣ и около нея въ слободахъ, селахъ и деревняхъ; иногда между поселенцами на чертѣ встрѣчаемся даже съ дворами людей, которые, кажется, были сосланы сюда за преступленія[2]). Стрѣльцы и казаки, водворенные въ городкахъ и острожкахъ по Закамской и Симбирской чертамъ, брались группами изъ разныхъ мѣстъ, а въ этихъ мѣстахъ они вербовались большей частью изъ гулящихъ и охочихъ людей, отовсюду приходившихъ, что и отражается нерѣдко въ ихъ прозвищахъ, свидѣтельствующихъ наглядно о сбродномъ характерѣ низшаго служилаго сословія въ здѣшнихъ мѣстахъ. Вѣроятно, вслѣдствіе необходимости воеводамъ на чертѣ «недостающее число служилыхъ людей... прибирать вновь изъ людей вольныхъ, «которые (какъ говорится въ актахъ) *ни въ какихъ службахъ не бывали и въ тяглѣ ни за кѣмъ не бывали*»[3]), что на окраинѣ сдѣлать было труднѣе,

---

[1]) Такъ, въ Саранскомъ уѣздѣ крестьянинъ князя Андрея Болховскаго, кажется, нѣчто въ родѣ приказщика его, говорилъ сыщику: «а изъ двора во дворъ въ иные жилые дворы переводилъ онъ Ивашка бѣглыхъ крестьянъ по князь Андрееву приказу». Арх. Мин. Юст. Столбцы. Городъ Казань, № 22, 562.

[2]) Такъ, на Закамской чертѣ подлѣ Бѣлаго Яра встрѣчаемъ около десяти дворовъ ссыльныхъ людей, преимущественно изъ Поволжскихъ городовъ. Арх. Мин. Юст. III ее отд. кн. 41, лл. 1—5.

[3]) Арх. Ист. Юрид. свѣд. Н. Калачева, книги второй половина первая. «Инсаръ и его уѣздъ», ст. Н. Калачова. 73 с.

чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, въ среду стрѣльцовъ и казаковъ здѣсь попадаютъ не только бѣглые крестьяне, стрѣльцы и казаки, но также и ссыльные люди[1]). Въ заключеніе, быть можетъ, будетъ не лишнимъ указать и на особенность въ характерѣ русскаго человѣка, которая отмѣчена наблюдательнымъ иностранцемъ нынѣшняго столѣтія, посѣтившимъ наше отечество; онъ утверждаетъ, что будтобы «въ народномъ характерѣ русскихъ лежитъ извѣстная легкость и подвижность... они любятъ рискъ», далѣе этотъ же путешественникъ говоритъ, что у русскаго человѣка замѣтно «мало преданности своему сословію и ремеслу»[2]).

При такихъ условіяюъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія (1667 г.) на Дону началось казачье движеніе, перешедшее вскорѣ на Волгу; здѣсь, въ низовьяхъ Волги, не было недостатка въ элементахъ, благопріятствовавшихъ быстрому увеличенію сподвижниковъ Разина. Эти послѣдніе являлись къ нему десятками изъ среды рабочихъ, плывшихъ по Волгѣ на судахъ и стругахъ, разбиваемыхъ Разинымъ, изъ ссыльныхъ, отправляемыхъ на судахъ въ низовые города и расковываемыхъ спутниками Разина по его приказанію,—наконецъ, изъ самихъ стрѣльцовъ, которые переходили къ нему и предъ битвою, и во время ея, и послѣ нея, смотря по обстоятельствамъ[3]). По

[1]) Такъ, въ городѣ Бѣломъ Ярѣ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ между стрѣльцами 2 раза попадается «дворъ стрѣлецъ, ссыльной человѣкъ». Арх. Мин. Юст. III отд. кн. 41, л. 1 съ оборотомъ.

[2]) Haxthausen. «Studien über die Inneren Zustände.. Russlands» I. B., 64 p., III. B., 147 p.

[3]) Въ 1667 году на Волгѣ, ниже Саратова, Разинымъ былъ разграбленъ большой караванъ. «А которые ссыльные люди посланы были въ Астрахань, и тѣхъ людей тѣ казаки расковали»; послѣ этого къ нему прибыло, «по его (Разина) подговору», 16 человѣкъ Ярыжныхъ, т. е. (по Костомарову) рабочихъ. Въ томъ же году къ нему «изъ Астраханскихъ стрѣльцовъ пристало воровать три струга». Въ слѣдующемъ году послѣ сраженія Разина съ Яковымъ Безобразовымъ, высланнымъ противъ него воеводою изъ Астрахани, оказалось прапавшими безъ вѣсти и перешедшими къ Стенькѣ 41 человѣка. Въ томъ же году, по донесенію воеводы изъ Астрахани, къ Разину пристали «съ пасадовъ и струговъ гулящихъ и всякихъ работныхъ людей своею охотою человѣкъ съ 300». Матер. для. истор. возмущ. Стеньки Разина. 22—29 сс.

этому поводу не можемъ не привести мѣткой характеристики стрѣльца, сдѣланной мастерскою рукою покойнаго С. М. Соловьева, который говоритъ, что «самое сильное обаяніе казацкій духъ производилъ, разумѣется, на стрѣльца. Стрѣлецъ вышелъ изъ тѣхъ же слоевъ общества, какъ и казакъ, онъ человѣкъ военный, привыкъ владѣть оружіемъ, но онъ не дисциплинированъ, какъ солдатъ, онъ полуказакъ, и легко понять, какъ при первой встрѣчѣ съ настоящимъ вольнымъ казакомъ, при первой возможности повоевать на себя, т. е. пограбить, добыть зипунъ, стрѣлецъ бросаетъ знамена государства и присоединяется къ казакамъ»[1]). Совершивши удачный походъ на Персію Каспійскимъ моремъ, Разинъ вмѣстѣ съ сподвижниками своими съ богатою добычею возвратился къ устью Волги; здѣсь онъ выказалъ готовность принести повинную въ Астрахани и выдать оружіе, чтобъ его съ товарищами простили и пропустили на Донъ. Дѣйствительно, часть оружія вмѣстѣ съ небольшою частью имущества, большей частью изъ награбленнаго у русскихъ купцовъ, Разинъ возвратилъ. Потребовать отъ Разина, чтобъ онъ выдалъ все оружіе и награбленное теперь же, Астраханскій воевода, по его словамъ, нерѣшился, «потому что ихъ (казаковъ съ Разинымъ) было многолюдно въ Астрахани, береженья къ нимъ держать было некѣмъ.... астраханскихъ служилыхъ людей малолюдно, и тѣ шатки и къ воровству склонны»[2]). Вслѣдствіе этого Астраханскій воевода рѣшился поскорѣй спровадить этихъ гостей въ Царицынъ, чтобъ оттуда они могли перейти на Донъ. Прибывши въ Царицынъ, «Стенька Разинъ съ товарищи», по донесенію мѣстнаго воеводы въ Москву, «всякое озорничество чинили, вѣдая на Царицынѣ малолюдство», т. е., попросту, Разинъ съ сподвижниками своими дѣлалъ въ Царицынѣ все, что хотѣлъ, не только относительно простыхъ людей въ городѣ, но и по отношенію къ Царицынскому воеводѣ. Когда же наконецъ Разинъ вмѣстѣ съ своими товари-

---

[1]) Ист. Россіи С. Соловьева, т. XI. 361 с.

[2]) Матер. для ист. возмущ, Стеньки Разина, 47.

щами казаками, съ богатою добычею и оружіемъ явился на Дону, то его торжество здѣсь было полное; голоса его противниковъ, которыхъ не мало было среди домовитыхъ казаковъ, должны были теперь смолкнуть. На Дону Разинъ пробылъ съ осени 1670-го года до весны того же года[1]). Слѣдуетъ отдать справедливость Царицынскому воеводѣ, — онъ не терялъ изъ вида Разина, а наблюдалъ за нимъ и въ декабрѣ того же года между прочимъ сообщалъ въ Москву слѣдующее: «Донскіе казаки Стенькѣ Разину съ товарищи рады, что они пришли на Донъ и называютъ его Стеньку отцомъ, и изо всѣхъ донскихъ и хоперскихъ городковъ казаки, которые голутвенные люди, и съ Волги гулящіе люди къ нему Стенькѣ идутъ многіе... да сказывали ему (воеводѣ)... *что на весну отъ казаковъ безъ воровства, конечно, не будетъ, потому что на Дону стало гораздо много, а кормится имъ нечѣмъ*, никакихъ добычь не стало, и онъ (Царицынскій воевода) живетъ съ великимъ опасеньемъ»[2]). Напрасно Царицынскій воевода писалъ въ Казанскій приказъ и предупреждалъ заранѣе о серіозной опасности, грозившей низовому Поволжью отъ «Разина съ товарищи», которыхъ число на Дону дѣйствительно сильно увеличилось. По всей вѣроятности, въ Москвѣ опасенія воеводы сочли преувеличенными и не особенно спѣшили помощью ему. Лишь весною со вскрытіемъ рѣкъ отправлена была тысяча стрѣльцовъ, направившаяся Волгою на судахъ къ Царицыну. Но Разинъ прежде, чѣмъ стрѣльцы достигли Царицына, успѣлъ перебраться съ Дона на Волгу и, благодаря сочувствію Царицынскаго населенія къ нему, овладѣлъ этимъ важнымъ городомъ. Послѣ этого съ шайкою, возросшею до пяти тысячъ сподвижниковъ, онъ напалъ на плывущихъ стрѣльцовъ съ луговой и нагорной стороны, поразилъ ихъ и въ соединеніи съ Царицынцами и вновь прибывшими сподвижниками въ числѣ десяти

---

[1]) Годъ въ то время на Руси считался съ сентября мѣсяца, а не съ января.

[2]) Матер. 48—50 сс.

тысятъ направился на Черный Яръ[1]), овладѣлъ этимъ послѣднимъ и пошелъ на Астрахань. При сочувствіи къ Разину Астраханскихъ стрѣльцовъ и большей части населенія, онъ безъ большихъ потерь успѣлъ завладѣть и этимъ значительнымъ городомъ Московскаго государства. Во всѣхъ городахъ, которыми Разинъ овладѣвалъ, правительственные воеводы умерщвлялись и вводилось устройство казачье съ атаманомъ во главѣ вмѣсто воеводы. Пробывши нѣкоторое время въ Астрахани, Стенька въ іюлѣ отправился на двухъ стахъ судахъ вверхъ по Волгѣ, а волжскимъ берегомъ въ то же время двигалась его конница. Съ самаго начала похода Разинъ объявлялъ, что онъ идетъ къ Москвѣ противъ бояръ и воеводъ за государя; впослѣдствіи казаки, приближенные къ Разину, говорили, что у него находится старшій сынъ царя Алексѣя Михайловича, царевичъ Алексѣй (незадолго предъ этимъ умершій), будто бы бѣжавшій изъ Москвы къ казакамъ; «и какъ де Нижній возьмемъ», говорили эти казаки, «и въ то де число увидятъ царевича всѣ крестьяне»[2]). Сказывали также, будто въ Разинскомъ стану находился и патріархъ Никонъ, изгнанный боярами изъ Москвы[3]).

Саратовъ сдался Разину безъ сопротивленія[4]). Въ Самарѣ казачья партія сперва встрѣтила было нѣкоторое противодѣй-

---

[1]) Черный Яръ въ то время былъ острогъ между Царицынымъ и Астраханью съ жившими въ немъ служилыми людьми. Говорятъ, поводомъ къ основанію его послужило ограбленіе въ 1621 году около этого мѣста каравана. Построенъ былъ острогъ въ 1627 году воеводами Андреемъ Глуховымъ и Матвѣемъ Львовымъ, присланными изъ Москвы. Главное назначеніе Чернаго Яра состояло въ огражденіи каравановъ отъ нападеній на нихъ со стороны казаковъ и кочевниковъ. Въ актахъ Черный Яръ упоминается нерѣдко въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія. Монографіи Костомарова II, 210 с. Город. пос. Рос. имп. I, 93 с. Доп. А. И. III, № 126,

[2]) Матер., отн. къ бунту Разина. 5—7, 15, 123, 250—251 сс.

[3]) Монографіи Н. Костомарова II, 313 с. Ист. Рос. С. Соловьева XI, 377 с.

[4]) Въ то время Саратовъ находился не на лѣвой сторонѣ, какъ во время его построенія («Поволжье въ XV и XVI вв.» 320 с.), а на правой, и нѣсколько ниже прежняго мѣста. Время перенесенія Саратова съ лѣваго берега на правый не можетъ быть точно опредѣлено. Мѣстное преданіе утвер-

ствіе въ горожанахъ, но появленіе Разина подъ городомъ дало перевѣсъ его приверженцамъ, и Самара также очутилась въ его распоряженіи. Съ воеводами въ этихъ городахъ Разинъ поступалъ по прежнему, и на ихъ мѣста водворены были атаманы, избранные вольными голосами[1]). Съ присоединеніемъ каждаго новаго города число спутниковъ Разина, его войска, увеличивалось обыкновенно новыми приверженцами, присоединявшимися къ нему, когда онъ двигался дальше[2]). Въ началѣ сентября новаго года (4-го сентября 1671 г.) Разинъ стоялъ уже подъ Симбирскомъ. Здѣсь на первыхъ порахъ ему посчастливилось овладѣть острогомъ и отбить князя Юрія Борятинскаго, пришедшаго съ небольшимъ войскомъ на помощь къ Симбирску, но овладѣть внутреннимъ укрѣпленіемъ города, кремлемъ, въ которомъ засѣлъ Симбирскій воевода Иванъ Милославскій съ

ждаетъ, что городъ Саратовъ «оставался на мѣстѣ своего первоначальнаго основанія лишь 13 лѣтъ. Нахлынувшіе ордынцы разорили его до основанія въ началѣ XVII столѣтія». Дѣйствительно, въ одномъ актѣ, относящемся къ началу царствованія Михаила Өедоровича, говорится стрѣлецкимъ головамъ слѣдующее: «и вы съ Самары отпущены подъ Астрахань на спѣхъ, днемъ и ночью, и вы поѣхали отъ Самары *до Саратовскаго городища . . . . заѣзжали есте на Саратовское городище* и копали ямы и искали поклажевъ (кладовъ), *а отъ городища заѣзжали къ Саратову близко десять верстъ* и прислали колокола; а мы васъ послали подъ Астрахань на спѣхъ, а не ямъ копать и не поклажевъ искать и не для колоколовъ» («О Саратов. краѣ» Леопольдова, 32 стр. А. И. т. III, № 273). Обладая такимъ яснымъ свидѣтельствомъ нашихъ актовъ, мы не можемъ не отвергнуть свидѣтельство Олеарія, говорящаго, что Саратовъ въ его время находился на лѣвой сторонѣ Волги («Путеш.» Олеарія 434 стр.) Эти же данныя привели къ подобному же результату и другихъ изслѣдователей до насъ. См. Город. посел. Рос. им. IV, 406. Мнѣніе г. Костомарова, высказанное объ этомъ вопросѣ въ Памятн. кн. Сарат. губ. 1858 г. въ подобномъ же направленіи, намъ не удалось до сихъ поръ прочесть, ибо этой памятн. кн. мы не могли отыскать въ 1876 году въ іюлѣ мѣсяцѣ даже въ библіотекѣ Саратовскаго статист. комит., издавшаго её.

[1]) Сборникъ кн. Хилкова. 1879 г. № 87.

[2]) О скопищѣ Разинскомъ подъ Симбирскомъ говорится слѣдующее: «и воръ Стенька Разинъ собрався съ ворами Донскими казаками и съ Астраханскими и съ Царицынскими и Саратовскими и съ Самарскими ворами, и съ измѣнниками Синбирскими и по чертѣ изо всѣхъ городовъ съ ворами и разныхъ городовъ съ Татары и съ Чювашею и съ Черемисою и съ Мордвою». Матер. 63 стр.

стрѣльцами и солдатами, Разину не удалось, такъ что онъ долженъ былъ приступить къ осадѣ главнаго укрѣпленія города Симбирска[1]). Успѣшнѣе дѣйствовали Донскіе казаки и приверженцы Разина между населеніемъ и служилыми людьми на Симбирской и Закамской чертахъ. Мы знаемъ, что составъ населенія на укрѣпленныхъ линіяхъ и служилыхъ людей въ здѣшнихъ городахъ и острожкахъ былъ сбродный, и населеніе, не соединенное въ прошломъ между собой внутренними связями, не могло за этотъ промежутокъ времени осѣсть прочно на мѣстѣ своего новаго поселенія. Къ этому слѣдуетъ прибавить значительный контингентъ всякого рода бѣглыхъ — изъ крестьянъ, стрѣльцовъ, казаковъ и солдатъ, постоянно опасавшихся, что откроется ихъ инкогнито, имъ испишутъ спины кнутомъ и вышлютъ на мѣсто прежняго жительства; приходъ Разина представлялъ имъ удобный выходъ изъ затруднительнаго положенія: они получили возможность стать руководителями и обнаружить свои силы и военный опытъ, который иные изъ нихъ могли пріобрѣсти, отправляя въ томъ или другомъ мѣстѣ обязанности стрѣльца или солдата. Вслѣдствіе подобныхъ условій мѣста, ближайшія къ Волгѣ, въ Закамской укрѣпленной линіи (Бѣлый Яръ и Ерыклинскъ) и вся Симбирская черта были скоро охвачены казачьимъ движеніемъ и открыто приняли сторону Разина.

Какъ на Симбирской чертѣ, такъ и въ ближайшихъ къ ней уѣздахъ: Тетюшскомъ, Свіяжскомъ, Цывильскомъ и другихъ, жило много инородцевъ изъ татаръ, Чувашъ, Черемисъ и Мордвы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по чертѣ, какъ мы видѣли, со времени проведенія ея водворены были въ разныхъ мѣстахъ инородцы въ качествѣ служилыхъ людей; такъ, кромѣ прежде упомянутыхъ, въ 1652 году было «отдѣлено Корсунской черты города Малаго Корсунова служилымъ коннымъ татаромъ деревни Ногаевы Иряшкѣ Тергулову съ товарыщи и съ тѣми, которые впредь будутъ прибраны, на пятьдесятъ чело-

[1]) Истор. Рос. С. Соловьева т. XI, 375 с. «Монографіи» Костомарова II, 311 с.

вѣкъ.... къ прежней отдѣльной ихъ землѣ, которая отдѣлена имъ татаромъ въ среднемъ полѣ на рѣчкѣ Сухомъ Корсуновѣ, гдѣ они построились слободою»[1]). Раньше мы упоминали о ненормальныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между инородцами и представителями русскаго государства въ мѣстахъ ихъ жительства; отъ подобныхъ отношеній въ сердцѣ инородцевъ должно было накопиться много неудовольствія противъ государства, представляемаго такими служилыми людьми. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что у нѣкоторыхъ инородцевъ, какъ напримѣръ, у Черемисъ, въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія еще тлѣлись прежніе разбойническіе инстикты, которые и разгорѣлись при благопріятныхъ обстоятельствахъ со всею энергіею[2]).

Вмѣстѣ съ осадою Симбирска укрѣпленная Симбирская черта съ острогами по ней и городами стала главнымъ мѣстомъ для военныхъ операцій Разина и его приверженцевъ, которые разсѣялись не только по чертѣ, но и выше ея, всюду пользуясь накопившимся неудовольствіемъ въ низшихъ слояхъ[3]), возбуждая населеніе противъ правительственныхъ людей, представлявшихъ собой власть. Лишь въ немногихъ мѣстахъ воеводы и приказные люди были населеніемъ «одобрены», вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ по ходатайству населенія предъ приверженцами Разина успѣли сохранить свою жизнь; огромное же большинство воеводъ, «облихованное» населеніемъ, умерщ-

---

[1]) Отведено было имъ «по 20 чет. человѣку въ полѣ, а въ дву потомужъ, да сѣнныхъ покосовъ въ трехъ поляхъ по 86 коп. человѣку .... а отдѣлена та земля имъ татарамъ изъ поля, что была земля деревни Сухова Корсунова Мордвы». Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, отказ. старыхъ лѣтъ, кн. 6, № дѣла 18.

[2]) Матер. 148 с.

[3]) Въ возстаніяхъ иногда принимали дѣятельное участіе священники и посадскіе люди; такъ, въ Кузьмодемьянскѣ «у воровскихъ людей былъ старшиною Кузьмодемьянской посацкой человѣкъ Ивашко Шустъ и Кузьмодемьянскіе соборные церкви попъ Михайло Өедоровъ, который съ тѣми воровскими людьми воровалъ за одно и былъ противъ великаго государя ратныхъ людей на бою.» Тамъ же 69, 76 и др. стр.

влялось немедленно, если только они не спѣшили заблаговременно уйти со своихъ мѣстъ, зная нерасположеніе къ себѣ народа и подчиненныхъ служилыхъ людей. Кромѣ сильнаго нерасположенія населенія и низшаго служилаго люда къ начальственнымъ лицамъ, приверженцамъ Разина не трудно было овладѣвать городками и острогами еще вслѣдствіе ихъ малолюдства и большей частью плохаго состоянія въ нихъ вооруженія[1]). Во главѣ возставшихъ, ихъ руководителями въ бояхъ по естественному порядку вещей являются люди, нѣсколько уже знакомые съ военнымъ дѣломъ,—Донскіе казаки, бѣглые солдаты и изрѣдка стрѣльцы; иниціаторами движенія тоже нерѣдко выступаютъ казаки и бѣглые солдаты[2]). Быть можетъ, отчасти вслѣдствіе преобладанія инородческаго населенія на Симбирской чертѣ и въ иныхъ мѣстахъ низоваго Поволжья здѣсь среди возставшихъ съ самаго начала бросается въ глаза сильное численное превосходство инородческаго элемента надъ русскимъ, съ тѣмъ ограниченіемъ впрочемъ, что болѣе зажиточные изъ инородцевъ примыкаютъ крѣпко къ русскому правительству и не принимаютъ участія въ возстаніяхъ[3]).

---

[1]) Тамъ же сс. 126, 148, 158.

[2]) Руководящее значеніе казаковъ и бѣглыхъ солдатъ между прочимъ можно видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ. Воевода Урусовъ доноситъ, что по Симбирской чертѣ «всему воровству заводчики Уренскіе казаки» т. е. казаки изъ пригорода Уреня, что на Симбирской чертѣ. Воевода Милославскій послѣ снятія осады съ города Симбирска пишетъ: «собрався Симбирской и Корсунской черты изъ пригородковъ, изъ слободъ и изъ деревень многіе воровскіе люди и казаки и крестьяне, Татаровя и Чюваша и Мордва тысячь съ шесть, да съ ними воровскихъ казаковъ 20 челов.». Въ ноябрѣ 1671 года воевода Хлоповъ пишетъ изъ Касимова, что въ ближайшихъ городахъ (т. е. въ Верхнемъ Ломовѣ, Кадомѣ, Темниковѣ и др.) бунтуютъ и на всякое зло научаютъ. . . . выборныхъ полковъ Агѣя Шепелева да Матвѣя Кравкова солдаты, которые сбѣжали изъ полковъ въ домы свои». Тамъ же сс. 66, 67, 170; смотри также 133 и 135 сс.

[3]) При движеніи князя Юрія Борятинскаго къ Симбирску для выручки города отъ Разина, онъ на пути долженъ былъ въ разныхъ мѣстахъ выдержать четыре сраженія съ шайками мятежниковъ; каждая шайка, по его донесенію, была въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Объ этихъ шайкахъ говорится

Воевода Милославскій, задержавши Разина подъ Симбирскомъ, далъ возможность князю Юрію Борятинскому собраться въ Казани съ новыми силами и вторично двинуться къ Симбирску, который былъ уже въ большой крайности. Послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ сраженій съ шайками возставшихъ, Борятинскій съ войсками, главную часть которыхъ составляли полки солдатъ, обученныхъ новому строю, въ концѣ сентября вступилъ подъ Симбирскомъ въ битву съ скопищемъ самого Разина. Сраженіе, по словамъ воеводы, было упорное: «люди въ людѣхъ мѣшались, и стрѣльба на обѣ стороны была въ притипъ», ибо противники сошлись на чрезвычайно близкое разстояніе. Разинъ былъ разбитъ и ушелъ со своими казаками, покинувъ у Симбирска своихъ приверженцевъ. Послѣ этой побѣды часть городовъ и острожковъ вмѣстѣ съ населеніемъ по Симбирской и Закамской чертамъ, по донесенію Симбирскаго воеводы, «добили челомъ государю и вины свои принесли». Но, не смотря на отсутствіе главы въ возстаніи, оно держалось въ разныхъ мѣстахъ низоваго Поволжья еще долгое время, вызывая мѣстами со стороны правительственныхъ воеводъ

такъ: «собрався воры казаки и татаровя, и Чуваша, и Черемиса и Мордва». Когда бунтъ охватилъ собою Свіяжскій, Цывильскій и другіе Поволжскіе уѣзды, то о бунтовщикахъ въ донесеніи воеводъ говорится между прочимъ: «нагорные стороны *Черемиса вся* воруетъ съ воровскими казаками». При казни бунтовщиковъ тоже можно замѣтить преобладаніе въ бунтѣ инородцевъ; такъ, воевода, дѣйствовавшій въ Цывильскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ, доноситъ въ Москву: «на тѣхъ двухъ бояхъ взялъ языковъ 20 человѣкъ, и изъ тѣхъ взятыхъ языковъ велѣлъ я, холопъ твой, повѣсить пущихъ воровъ и заводчиковъ двухъ человѣкъ русскихъ людей, да Чюваши 10 человѣкъ». Объ отношеніи зажиточныхъ инородцевъ къ русскимъ въ это время можетъ свидѣтельствовать челобитная трехъ ясачныхъ Чювашъ Цывильскаго уѣзда, пересланная ими въ Москву чрезъ воеводу, въ которой они говорятъ, что были вѣрны въ бунтѣ русскому правительству и доносили ему, когда должны были прійти къ Цывильску воровскіе люди, за что «воровскіе татары и Чуваши хотѣли до смерти убить ихъ»; при этомъ пишется въ грамотѣ, что воровскіе люди у одного изъ челобитчиковъ взяли «на триста рублевъ (вещей?) да денегъ 85», у отца другаго «на 505 руб. да 240 руб. денегъ», у третьяго «на 100 руб. да денегъ 50 руб.». Тамъ же 62—63, 73, 79, 80, 83, 124 сс.

жестокія мѣры противъ населенія, принимавшаго большей частью сильное участіе въ разинскомъ движеніи[1]). Стрѣльцамъ и казакамъ, жившимъ въ городкахъ и острожкахъ по Симбирской чертѣ, не взирая на видимое ихъ раскаяніе и подчиненіе правительству, воеводы не довѣряли вполнѣ и держали ихъ въ полкахъ у себя, «для того, по коихъ мѣстъ укрѣпятся»[2]). Самара и Саратовъ не впустили къ себѣ бѣжавшаго изъ подъ Симбирска Разина и стали снова правительственными городами. Послѣ взятія и казни Разина (апрѣль 1671 года) спокойствіе было постепенно возстановлено всюду правительственными воеводами.

Схваченный на Дону, Разинъ казненъ былъ въ Москвѣ; движеніе въ Поволжьѣ и по Симбирской чертѣ было въ продолженіе года успокоено; но тяжелыя экономическія слѣдствія разинскаго движенія давали чувствовать себя мѣстному населенію и послѣ наступленія спокойствія въ здѣшнихъ мѣстахъ, не взирая на природныя богатства страны. Впрочемъ оно и быть не могло иначе, потому что большинство населенія въ здѣшнемъ краѣ съ той или другой стороны, т, е., за правительство или же за Разина, принимало дѣятельное участіе въ этомъ движеніи, вслѣдствіе чего и должно было поплатиться лично и имущественно, ибо не только Разинцы, но и приверженцы правительства старались дѣйствовать чувствомъ страха на своихъ противниковъ, неостанавливаясь ни предъ чѣмъ въ этомъ направленіи. Само правительство вскорѣ послѣ побѣды князя Юрія Борятинскаго надъ Стенькою Разинымъ говоритъ по этому случаю о дѣйствіяхъ своихъ воеводъ въ выраженіяхъ хотя и общихъ, но едвали допускающихъ сомнѣніе; оно свидѣтельствуетъ, что воеводы «тѣхъ, которые, обольстясь, къ воровству ихъ (т. е. Разинцевъ) пристали въ городѣхъ, что по чертѣ,... *многихъ побили и разорили безъ остатку*»[3]).

[1]) Тамъ же 79 с

[2]) Тамъ же 71 с.

[3]) Сборникъ кн. Хилкова 1879 г. № 87; грам. 1671 г. 12 го октября. Въ томъ же году въ ноябрѣ князь Даніилъ Борятинскій, братъ побѣдителя Разина, извѣщалъ царя изъ Кузьмодемьянскаго уѣзда, что онъ въ Кузьмо-

Нѣкоторые изъ служилыхъ людей Симбирской черты, у которыхъ съ самаго начала, по ихъ словамъ, было «пахотной земли и сѣнныхъ покосовъ скудно», до разинскаго движенія еще несли свои обязанности, не жалуясь на свою скудость; теперь же казачій пятидесятникъ Арской слободы вмѣстѣ съ пятидесятью товарищами жалуется государю, что они «безъ пахотной земли и сѣнныхъ покосовъ оскудали», и просятъ, чтобъ царь въ прибавку къ ихъ прежнимъ землямъ и сѣннымъ покосамъ «велѣлъ имъ, для ихъ скудости, отвести на пашню земли и сѣнныхъ покосовъ *за валомъ*, на Крымской сторонѣ, вверхъ по Студеному ключу»[1]). Послѣ наступленія въ здѣшней сторонѣ спокойствія началось усиленное испомѣщеніе въ ней служилыхъ людей, которые приходили въ Симбирскъ отовсюду изъ Россіи. Большей частью въ отказныхъ грамотахъ говорится, что такой-то служилый человѣкъ, па основаніи 40-й статьи 16-ой главы Уложенія, «поверстанъ на Москвѣ въ приказѣ Казанскаго дворца.... великаго государя жалованья окладъ ему учиненъ (такой-то) и по указу велѣно его написать въ помѣстномъ и въ денежномъ окладѣ въ Симбирскую десятню въ служилый списокъ». Такой служилый человѣкъ, или же иногда цѣлая группа ихъ приходила въ Симбирскій уѣздъ и здѣсь сама разыскивала «за валомъ на Крымской сторонѣ порозжую землю, дикое поле, которое въ помѣстье и па оброкъ никому не отдано»; послѣ этого переселенцы обращались къ Симбирскому воеводѣ съ просьбою назначить «откащика», который бы имъ отвелъ землю, найденную ими, съ угодьями. Воевода выбиралъ кого-либо изъ мѣстныхъ служилыхъ людей («Симбиренина»), котораго, нерѣдко вмѣстѣ съ подъячимъ, отправлялъ въ тѣ

демьянскѣ сыскивалъ воровъ и измѣнниковъ: «и по сыску, государь, тѣхъ воровъ и измѣнниковъ бито кнутомъ нещадно 400 человѣкъ; да изъ нихъ же, государь, казнено сто человѣкъ, отсѣчено по персту у правой руки, а инымъ отсѣчены руки, а пущихъ воровъ и заводчиковъ казнено смертью 60 человѣкъ». Матер. 79 с.

[1]) Арх. Мин. Юст. III-ее Вотч. отд. Казань, отказная старыхъ лѣтъ съ городами кн. 4. № дѣла 7-ой (1673 г.)

мѣста, гдѣ находилась найденная челобитчиками земля. Отказщикъ долженъ былъ обыкновенно, «не доѣзжая той порозжей земли, взять съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей, старостъ, цѣловальниковъ и крестьянъ, сколько человѣкъ пригоже, и около той порозжей земли сыскать (иногда прибавляется: «большимъ повальнымъ обыскомъ») русскими людьми по святѣй непорочнѣй евангельстѣй заповѣди господней, а мурзы и татары и мордвою и чювашею по ихъ вѣрѣ, по шерти: та земля, о которой бьютъ челомъ, порозжая и въ помѣстье и на оброкъ и въ ясакъ кому напередъ сего не отдана, и спору о той землѣ не будетъ, и отъ государевыхъ пашенныхъ земель и отъ засѣчныхъ крѣпостей не въ ближнихъ мѣстехъ и отъ воинскихъ людей уберечься мочно ль». Если показанія вышеупомянутыхъ людей относительно всего этого были благопріятны, то найденныя земли съ угодьями отводились челобитчикамъ, сообразно указу и статьѣ Уложенія, и отмежевывались отъ сосѣднихъ земель, раньше занятыхъ или же пустыхъ[1]). Такимъ образомъ, въ 1673 году испомѣщено было въ Симбирскомъ уѣздѣ за валомъ на рѣкѣ Ташлѣ[2]), и на другихъ рѣкахъ и рѣчкахъ довольно значительное число служилыхъ людей[3]); нѣкоторые изъ нихъ теперь и впослѣдствіи, найдя по близости свободную землю, подходящую для обработки, просили о дополнительномъ надѣлѣ къ землѣ, находившейся уже въ ихъ владѣніи[4]). Каждый служилый человѣкъ, получившій землю въ Симбирскомъ уѣздѣ и зачисленный въ служилый списокъ по городу Симбирску прозывался Симбирениномъ, хотя бы у него находились земельныя дачи и въ другихъ уѣздахъ; такъ, до насъ дошла грамота, данная «Арзамасцу[5]), Борису Петрову сыну Бекетову», нашедшему за валомъ «по-

---

[1]) Тамъ же отказн. стар. л. Казань кн. 5, №№ дѣлъ 26, 43, 51, 97 и др.

[2]) Ташла—притокъ Свіяги съ правой стороны, южнѣе Симбирска.

[3]) Тамъ же отказ. ст. л. Казань кн. 4, №№ дѣлъ 32, 37, 38, 43, 82, 88.

[4]) Такъ, въ августѣ 1673 года Иванъ Петровъ Аксаковъ билъ челомъ государю, чтобъ ему отвели 70 четвертей пустой земли, которую онъ нашелъ на Крымской сторонѣ, какъ дополнительный надѣлъ, потому что ему по первоначальной дачѣ слѣдуетъ еще получить. Тамъ же № 3 й.

[5]) Городъ Арзамасъ теперь принадлежитъ Нижегородской губерніи.

розжей земли дикаго поля» и просившему, чтобъ отвели его ему «служба служить по Синбирску съ прежнимъ его помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ»,—въ отводной грамотѣ онъ именуется «Синбирениномъ»[1]).

Среди служилыхъ людей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ подавленіи разинскаго движенія, не разъ упоминаются люди «выборнаго солдатскаго строя полку Агѣя Шепелева»; нѣкоторые изъ нихъ съ успѣхомъ дѣйствовали противъ приверженцевъ Разина[2]). По этому нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣ усмиренія бунта солдаты этого полка, какъ бы въ вознагражденіе отъ правительства, были «поверстаны на Москвѣ въ приказѣ Казанскаго дворца денежнымъ и землянымъ окладомъ по Симбирску»[3]). Вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ солдатъ, соединившись между собой, пріискали себѣ «дикое поле за валомъ противъ станичной тетюшской слободы на рѣчкѣ Тетюшкѣ»; другіе нашли себѣ землю на ключѣ, противъ Тетюшской башни, иные же—южнѣе, по рѣчкамъ Гушѣ и Ташлѣ[4]). Всякому солдату назначаемо было въ Симбирскомъ уѣздѣ по 50 четвертей пахотной земли въ каждомъ полѣ съ угодьями и пять рублей денегъ; объ отдѣльныхъ солдатахъ въ частности говорится иногда, что «ему велѣно отвести помѣстной земли дикаго поля въ Симбирскомъ уѣздѣ за полонное терпѣніе и за раны». Всѣхъ ихъ, согласно указу, записывали въ помѣстномъ и въ денежномъ окладѣ въ Симбирскую десятню въ служилый списокъ, съ повелѣніемъ послѣ земельнаго отвода «солдатская служба служить по прежнему»[5]). Несогласія, происходившія временами между служилыми людьми, побуждали иныхъ изъ нихъ уходить со старыхъ мѣстъ и искать за валомъ сво-

---

[1]) Тамъ же грам. за № 62. (1674 г.).

[2]) Матер. 75 и 80 сс.

[3]) Арх. Мин. Юст. III-е Вотчин. отд. Казань, отказ. стар. лѣтъ кн. 4, № дѣла 101; кн. V, № дѣла 25.

[4]) Рѣчка Тетюшка и Гуша—притоки р. Свіяги съ правой стороны,—послѣдняя южнѣе города Симбирска.

[5]) Отказ. стар. лѣтъ Казань, кн. 4, №№ дѣлъ 73, 101; кн. 5, № дѣла 1 и № дѣла 46. Грам. 1675—1676 гг. Между отдѣльными товариществами солдатъ изъ Ше-

бодныхъ земель, объ отводѣ которыхъ они и просили потомъ, указывая правительству, что «ихъ, солдатъ выборнаго полку, стрѣльцы и казаки изъ дворовъ выбиваютъ и земли пахать не даютъ»[1]). Вслѣдствіе изобилія здѣсь земель, никѣмъ не занятыхъ, солдаты, если имѣли средства обрабатывать лишнія сосѣднія земли, занимали ихъ безъ стѣсненій и воздѣлывали безъ соизволенія правительства въ продолженіе своей жизни, передавая даже своимъ дѣтямъ; только дѣти, пользуясь подходящимъ случаемъ, ходатайствуютъ предъ государемъ объ отводѣ имъ этихъ земель[2]). Дѣти, братья и племянники солдатъ въ свою очередь соединяются между собою, отыскиваютъ на разныхъ рѣчкахъ за валомъ свободныя земли и обращаются къ правительству съ просьбою объ отводѣ имъ этихъ земель съ угодьями при нихъ въ опредѣленномъ количествѣ[3]).

Но не только солдаты соединяются между собою и пріискиваютъ за валомъ свободныя земли, — служилые люди съ гораздо большими пожалованіями поступали точно такъ же въ описываемое время. До насъ дошло нѣсколько грамотъ, изъ которыхъ видно, что люди, поверстанные въ приказѣ Казанскаго дворца на Москвѣ по Симбирску 300, 250 и 200 четвертями земли, соединяются вмѣстѣ по 4 и по 6 человѣкъ, отыскиваютъ для себя за валомъ свободныя земли съ угодьями и обращаются къ Симбирскому воеводѣ съ челобитьемъ назначить имъ отказщика изъ мѣстныхъ служилыхъ людей; получивши отказщика, они отправляются съ нимъ на найденныя ими свободныя земли, которыя тотъ и отводитъ имъ на основаніи статьи

пелева полка, испомѣщенными въ здѣшнихъ мѣстахъ,—двое имѣютъ прозвище «Темниковецъ», а одинъ «Муромецъ».

1) Тамъ же, кн. 6 № дѣла 54. Выборнаго полку солдаты Марчко Ивановъ сынъ Мозинъ съ товарищи, 7 челов.; грам. 1680 г.; на рѣчкѣ Корсуновкѣ.

2) Тамъ же № дѣла 77.

3) Тамъ же кн. 5, № 66. Распоряженіе объ отводѣ земли на рѣчкахъ —Мансѣ, Инзѣ и Кучкѣ, «противъ челобитья солдатскихъ дѣтей и братьи и племянниковъ Ивашки *Москвы* съ товарищи», по 20 четв. человѣку въ каждомъ полѣ (1677 г.).

Уложенія въ опредѣленномъ количествѣ[1]). Нѣкоторые изъ членовъ подобныхъ товариществъ, получившіе свободныя земли за валомъ въ Симбирскомъ уѣздѣ, владѣли пожалованными помѣстьями и въ другихъ, иногда отдаленныхъ отъ упомянутаго уѣзда мѣстахъ; такъ, кромѣ помѣщиковъ, обладавшихъ помѣстьями въ ближайшемъ Алаторскомъ уѣздѣ, мы встрѣчаемъ здѣсь владѣтелей уѣздовъ—Курмышскаго, Арзамаскаго, Нижегородскаго и даже далекаго Углицкаго[2]). Нѣкоторые изъ помѣщиковъ дальнихъ уѣздовъ, не обращая вниманія на разстояніе, переводятъ семьи крестьянъ изъ своихъ помѣстій во внутренней Россіи на пожалованныя имъ земли Симбирскаго уѣзда, богатыя производительностью, и такимъ образомъ постепенно заселяютъ ихъ[3]).

Чѣмъ южнѣе занимались и заселялись свободныя земли въ Симбирскомъ уѣздѣ, тѣмъ больше правительству слѣдовало имѣть въ виду защиту населенныхъ земель отъ непріятельскихъ разореній, тѣмъ болѣе ему надобно было расширять такъ называемую станичную или разъѣздную службу на извѣстномъ пространствѣ. По этому правительству были на руку челобитныя отдѣльныхъ лицъ—преимущественно инородческихъ, отправлявшихъ уже станичную службу въ Симбирскомъ уѣздъ, когда они, найдя южнѣе свободныя и для нихъ удобныя земли, отдѣлялись отъ своихъ товарищей и обращались къ правитель-

[1]) Такъ, шесть Симбирянъ просили объ отводѣ имъ земель, найденныхъ ими «вверхъ по р. Барышу, по обѣ стороны» (1676 г.); сверхъ того четыремъ отведено было по ихъ просьбѣ «противъ города Уренска по Самарской дорогѣ» (1380 г.). Тамъ же Казань, кн. 5, №№ дѣлъ 43 и 110.

[2]) Тамъ же кн. 6, №№ дѣлъ 19 и 75 (гр. 1679 и 1680 гг.).

[3]) Такъ, въ 1676 году въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Березопольскомъ стану, въ деревнѣ Топаревѣ часть земли была въ помѣстьѣ за Симбирениномъ Артемьемъ Елизаровымъ сыномъ Жеребятниковымъ; за нимъ въ помѣстьѣ его числилось 8 дворовъ жилыхъ крестьянъ и нѣсколько пустыхъ; среди пустыхъ о двухъ дворахъ говорится: «а тѣ крестьяне переведены въ Симбирской уѣздъ въ дер. Майню». Дѣйствительно, въ Симбирскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Малой Майнѣ въ 1686-мъ году встрѣчается помѣстье Артемья Жеребятникова. Арх. Мин. Юст. Нижній, Переп. кн. 1676 г. кн. 46 № 477; Казань, отказ. стар. л. кн. 6, № дѣла 19.

ству съ просьбою отвести имъ эти земли, обязываясь съ своей стороны съ новой земли «станишную службу съ своею братьею служить по прежнему». Такія товарищества составлялись изъ одной или нѣсколькихъ деревень, числомъ въ 5, 10 и 25 человѣкъ. Иногда цѣлая деревня станичниковъ, можетъ быть вслѣдствіе опасностей, которымъ они подвергались на мѣстѣ своего жительства, переходила южнѣе, на новыя, болѣе безопасныя отъ нападеній мѣста, откуда по старому несли сторожевую станичную службу цѣлой общиной[1]).

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVII вѣка (1678 г.) произведена была опись городу Симбирску съ уѣздомъ; по этой описи мы можемъ нѣсколько ознакомиться съ составомъ Симбирскаго общества, которое жило въ то время на посадѣ и въ уѣздѣ. Не смотря на личный и имущественный погромъ, которому неминуемо долженъ былъ подвергнуться городъ Симбирскъ съ своимъ уѣздомъ во время разинскаго движенія, ибо здѣшняя мѣстность была узломъ, около котораго въ продолженіе извѣстнаго времени сосредоточена была сперва дѣятельность Разина съ сподвижниками, а потомъ правительственныхъ воеводъ, дѣйствовавшихъ противъ Разинцевъ,—не смотря, на это, состояніе Симбирскаго посада съ его уѣздомъ въ описываемое время было очень удовлетворительное,—что можетъ свидѣтельствовать отчасти о сильномъ приливѣ новыхъ жизненныхъ силъ изъ великой Россіи въ здѣшнюю страну, обильную всякими природными благами. Лишь по значительному преобладанію бобыльскихъ дворовъ надъ посадскими въ Симбирскѣ надобно предполагать, что какъ новые, такъ, быть можетъ, и нѣкоторые изъ старыхъ насельниковъ къ данному времени не успѣли еще разжиться на столько, чтобъ могли попасть въ разрядъ посад-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, станичные Татары и Чювашѝ деревни Сенгилѣевки Казабайка Ябаевъ съ товарищи 25 человѣкъ, да Чюваши деревни Тимерель, Ягайка съ товарищи 10 человѣкъ въ своей челобитной, поданной въ Симбирскѣ, говорятъ, что имъ на старыхъ мѣстахъ жить «стало немочно» (а по чему разобрать въ грамотѣ нѣтъ возможности: листы сгнили и выцвѣли чернила), и просятъ отвести имъ «порозжую землю дикое поле» юж-

скихъ людей[1]). Кромѣ посадскихъ и бобылей, въ Симбирскѣ находилось около тридцати дворовъ площадныхъ подъячихъ, которымъ по царскому указу и по грамотѣ, присланной въ 1676-мъ году изъ Казанскаго дворца, «за ихъ службы и за осадное сидѣнье велѣно быть на площади, а опричь площадной службы иной службы служить не велѣно»; на посадѣ же въ это время въ сорока слишкомъ дворахъ жили рыбные ловцы; сверхъ того, по нѣскольку дворовъ занимали: плотники, кузнецы, воротники, балакирники, пороховаго дѣла мастеры и однимъ дворомъ владѣлъ звѣровщикъ. Люди, занимавшіеся какимъ либо промысломъ, платили съ своего промысла особое тягло: такъ напримѣръ балакирники несли «балакирское тягло»[2]). На Симбирскомъ посадѣ находились еще дворы монастырей: Троице-Сергіева, Спасскаго и Богоявленскаго Костромскаго[3]). Между посадскими людьми, рыболовами и кузнецами встрѣчаемся съ прозвищами: Тетюшенинъ» (4 двора), «Курмышенинъ», «Устюженинъ» и «Нижегородецъ», указывающими на мѣста, откуда являлись поселенцы Симбирскаго посада. Среди

нѣе *по р. Усь въ урочищахъ Усолья*, обязуясь съ этой земли служить станичную службу по прежнему; ихъ же старыя земли отведены были русскимъ станичникамъ Сенгилѣевской слободы въ наддачу къ прежнимъ землямъ, согласно просьбѣ послѣднихъ. Точно также станичная Мордва деревни Кондарати и дер. Вельминъ, въ числѣ 5 чел., просила правительство отвести имъ «порозжее дикое поле въ угодьи и покосами за валомъ по рѣчкѣ Туармѣ по обѣ стороны», обязуясь отсюда нести по прежнему станичную службу. Тамъ же Казань кн. 5, №№ дѣлъ 51, 100, 103 (1670 г.—1679 г.).

¹) Въ городѣ Симбирскѣ въ 1678 году посадскихъ дворовъ было 178, людей въ нихъ жило 498 челов.; бобыльскихъ дворовъ было 326, въ нихъ жило 836 челов. Арх. Мин. Юст. III. Казань. Переп. кн. за № 6455, кн. 17, л. 263—313.

²) Казань, Переп. кн. 7, № 152 л. 156.

³) Площадныхъ подъячихъ въ Симбирскѣ было 29 дворовъ, людей въ нихъ жило 58 чел.; рыбныхъ ловцовъ 42 дв., людей въ нихъ 106 человѣкъ; плотниковъ 7 дв., людей въ нихъ 20 челов.; кузнецовъ — 6 дв., людей въ нихъ 15 челов.; воротниковъ 5 дв., людей въ нихъ 17 челов.; пороховаго дѣла мастеровъ 4 дв., людей въ нихъ 12 челов; балакирниковъ—3 дв., людей въ нихъ 4 челов.; у звѣровщика былъ сынъ и сосѣдъ; кромѣ того упоминаются приказной избы сторожи, которыхъ 4 дв. съ десятью человѣками. Тамъ же кн. 17 лл. 313—327.

площадныхъ подъячихъ попадаются прозвища: «Корсунецъ», «Чебоксаренинъ», «Москвитинъ» и «сынъ Поповъ» (4 двора), свидѣтельствующія о сбродномъ характерѣ на окраинѣ этого послѣдняго сословія, какъ и всѣхъ остальныхъ. Въ племенномъ отношеніи прозвища посадскихъ людей не столь разнообразны; во всякомъ случаѣ такія прозванія, какъ «Мордвининъ» и «Татариновъ» указываютъ на отсутствіе однообразія въ здѣшнемъ населеніи, котораго впрочемъ и ожидать нельзя вслѣдствіе присутствія довольно значительнаго числа инородцевъ въ составѣ уѣзднаго населенія[1]).

Симбирскій уѣздъ въ описываемое время, какъ мы уже видѣли, не ограничивался пространствомъ, замыкаемымъ укрѣпленною чертою, а захватывалъ массу земель, которыя простирались далеко за валъ. Земли въ уѣздѣ были главнымъ образомъ въ рукахъ служилыхъ людей, испомѣщенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно же по рѣкамъ и рѣчкамъ, изрѣзывающимъ уѣздъ вовсевозможныхъ направленіяхъ. Владѣли служилые люди землею въ различномъ количествѣ, и владѣнія ихъ въ Симбирскомъ, какъ и въ другихъ уѣздахъ, состояли изъ отдѣльныхъ участковъ или жеребьевъ, которыхъ въ цѣломъ уѣздѣ было болѣе двухъ сотъ. Въ деревнѣ обыкновенно находилось нѣсколько участковъ, въ соотвѣтствіи, вѣроятно, съ товариществами, которыя, какъ мы уже видѣли, составлялись нерѣдко служилыми людьми для пріисканія себѣ земель на новыхъ мѣстахъ. Огромное большинство участковъ отмѣчено за «Синбирянами», но попадаются между участками иногда и такіе, которые, быть можетъ вслѣдствіе своего недавняго испомѣщенія въ уѣздѣ, помѣчены «за Алаторцемъ», «за Курмышениномъ» или же «за Арзамасцемъ». Деревни, въ которыхъ испомѣщены служилые люди, нерѣдко носятъ названія, одинаковыя съ фамиліями помѣстныхъ людей, владѣющихъ въ нихъ участками, какъ бы свидѣтельствуя этимъ, что они дѣйствительно были первыми основателями поселеній въ мѣ-

[1]) Тамъ же.

стахъ пустынныхъ, не имѣвшихъ прежде никакого наименованія[1]). Населеніе помѣстныхъ земель въ описываемое время состояло изъ крестьянъ, задворныхъ людей[2]) и бобылей; всего больше было крестьянскихъ дворовъ (442 дв.), послѣ нихъ слѣдуютъ задворные люди (250 дв.), а за тѣмъ уже идутъ бобыли (159 дв.).

Кромѣ помѣстныхъ земель, въ Симбирскомъ уѣздѣ въ данное время находились еще дворцовыя земли, на которыхъ, какъ мы знаемъ, раскинулось нѣсколько слободъ, называвшихся слободами «на Арбугинскихъ поляхъ»; изъ нихъ четыре: Кременская, Кривушинская, Шиловская и Тушнинская, расположены одна ниже другой, въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ Волги; пятая же слобода, Ключищенская, лежитъ у р. Свіяги, на западъ отъ Кременской слободы Составъ населенія въ слободахъ одинъ и тотъ же: въ каждой слободѣ встрѣчаемъ крестьянъ и бобылей, но количество тѣхъ и другихъ въ нихъ различно. Въ самомъ лучшемъ состояніи въ моментъ описи находилась Кременская слобода, лежавшая сѣвернѣе другихъ и ближе всѣхъ къ уѣздному и военному средоточію края—къ Симбирску; за ней по количеству крестьянъ слѣдуетъ Кривушинская, лежавшая южнѣе Кременской, потомъ идетъ Шиловская, и наконецъ всего меньше крестьянскихъ дворовъ въ самой южной слободѣ—въ Тушнинской; въ Ключищенской же слободѣ число крестьянскихъ дворовъ еще меньше Тушнинской[3]). Слѣдуетъ предполагать, что на увеличеніе на-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, «*за Курмышенинымъ* за Дмитріемъ Аѳанасьевымъ *Дубенскимъ* на рѣчкѣ Бирючевкѣ *деревня Дубенка*»; «за *Алаторцемъ* за Константиномъ Алексѣевымъ сыномъ *Ворыпаевымъ* на рѣчкѣ Большой Яклѣ *въ деревнѣ Ворыпаевѣ*»; «*въ селѣ Кокоревѣ* за Мареою да за Соломонидою Микифоровыми дочерьми *Кокорева*»; «за *Синбирениномъ* за вторымъ Петровымъ сыномъ *Копыловымъ въ деревнѣ Копыловкѣ*»; «за *Синбирениномъ* за Исаемъ Ананьевымъ сыномъ *Бѣликова деревня Бѣликова*», и другіе подобные же примѣры. Кромѣ одного князя Еделева, мордовскаго мурзы, жившего въ деревнѣ Еделевѣ, всѣ остальные помѣщики, повидимому, русскіе люди. Тамъ же л. л. 17—106.

[2]) Не дворовыхъ ли слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ «задворныхъ»?

[3]) По описи 1678 г. въ Кременской слободѣ на рѣчкѣ Кременкѣ было 95 дв. крест., въ котор. жило 310 челов., и 55 дв. боб. въ котор. находилось

селенія въ слободахъ не оставалось безъ вліянія то или другое ихъ отношеніе къ средоточію уѣздной жизни, съ чѣмъ могли для населенія соединяться нѣкоторыя торговыя выгоды и большая безопасность; кромѣ того, сосѣдство съ значительною рѣкою не могло не оказывать притягательнаго дѣйствія на населеніе, прибывающее въ здѣшнія мѣста, чѣмъ, по всей вѣроятности, обусловливается приливъ бобыльскаго населенія, замѣчаемый въ Шиловской и Ключищенской слободахъ, стоящихъ на такихъ рѣкахъ, какъ Волга и Свіяга. Прозвища: «Галичанинъ» и «Свіяженинъ», равно какъ «сапожникъ», «кузнецъ» и «бочкаръ», изрѣдка попадающіяся среди арбугинскаго слободскаго населенія, могутъ отчасти намъ указывать какъ на мѣста, откуда слободы получали своихъ поселенцевъ, такъ и на нѣкоторыя занятія слобожанъ въ данное время. Крестьяне и бобыли Арбугинскихъ слободъ, будучи дворцовыми, должны были пахать *десятинную пашню* на государя, величина которой для всѣхъ слободъ равнялась 130 десятинамъ въ каждомъ изъ трехъ полей [1]). На Арбугинскихъ же дворцовыхъ земляхъ между Кременскою и Кривушинскою слободами въ описываемое время находимъ деревню Панскую, состоящую изъ иноземцевъ, о которыхъ сказано, что они сюда «переведены изъ Казани»; иноземческихъ дворовъ въ деревнѣ было болѣе тридцати; у нихъ «во дворехъ живутъ русскіе люди», кажется, въ качествѣ захребетниковъ; здѣсь же живутъ и нѣсколько русскихъ бобылей [2]). Что касается обязанности, возложенной

---

127 челов.; въ Кривушинской слободѣ на рѣчкѣ Кривушѣ 92 дв. кр., людей въ нихъ 342 челов., и 32 дв. боб., въ котор. жило 101 челов.; въ слоб. Шиловской *на рѣкѣ Волгѣ*, 60 дв. крест., людей въ нихъ 188, 74 дв. боб. со 145 челов.; въ Тушнинской слободѣ 55 дв. крест. съ 209 челов. и 39 дв. боб. съ 72 челов.; въ Ключищенской слободѣ на р. Свіягѣ 31 дв. крест. и 66 дв. боб. Тамъ же л.л. 181—262.

[1]) Тамъ же л. 259.

[2]) Тамъ же л.л. 252—259. Эти иноземцы именуются такъ: «Васка Оремьевъ сынъ», «Ивашко Михайловъ сынъ Рудной» и проч.; всѣхъ дворовъ въ деревнѣ 32, людей въ нихъ иноземцевъ жило 84 челов.; захребетниковъ 10 человѣкъ и 6 двор. русскихъ бобылей, въ которыхъ жило 12 человѣкъ.

рѣчка Усолка, посреди которой бьютъ соляные ключи, въ изобиліи насыщеные солью[1]).

Обильная естественными произведеніями, Самарская лука защищена была съ трехъ сторонъ широкой и глубокой Волгой отъ хищническихъ обитателей волжскихъ степей; къ этой природной защитѣ, какъ извѣстно, въ концѣ XVI столѣтія присоединилась искуственная защита: при впаданіи р. Самары въ Волгу, у юговосточной части луки, при Ѳедорѣ Іоанновичѣ построенъ былъ крѣпостной городъ Самара. Этотъ городъ получилъ значеніе не только военное, но и торговое, благодаря природнымъ удобствамъ Волги въ здѣшнемъ мѣстѣ и вслѣдствіе усилившейся по этой рѣкѣ навигаціи въ концѣ XVI вѣка; къ этому присоединяется и то еще, что въ XVII столѣтіи путь изъ Москвы на Яикъ проторился чрезъ городъ Самару, гдѣ поэтому устроена была таможня[2]). Серіозное стратегическое (въ смыслѣ защиты) значеніе города Самары объясняется уже и тѣмъ, что послѣ разоренія и перенесенія въ началѣ XVII вѣка города Саратова съ лѣвой стороны Волги на правую, Самара долгое время оставалась во всемъ низовомъ Поволжьѣ единственнымъ значительнымъ городомъ. Поэтому, когда появились въ Поволжьѣ Калмыки и увеличилась опасность въ здѣшнихъ мѣстахъ, она не замедлила, какъ мы уже видѣли, обрушиться на Самару. Въ Москвѣ не могли не знать этого, и вотъ въ сороковыхъ годахъ (1645 г.), по приказанію царя Михаила Ѳедоровича, вылитъ былъ для Самары особый *вѣстовой колоколъ*, который повѣшенъ былъ въ городѣ на крѣпостной башнѣ и въ случаѣ непріятельскихъ нападеній долженъ былъ своимъ набатнымъ звономъ предупреждать окрестныхъ жителей о наступившей для нихъ опасности[3]).

---

[1]) Тамъ же 320 с. Журн. Мин. Вн. Д. 1858 г. ч. IV, 26—27 с.с. Гор. Посел. Рос. Имп. IV, 540 с.

[2]) Акт. Ист. I т. № 230, т. III, № 154; Ист. Рос. С. Соловьева VII, 64 с.; Жур. Мин. Вн. Д. 1858 г. № 3, 8 с.: Город. Пос. Рос. Им. IV, 368 с.

[3]) Этотъ колоколъ и въ настоящее время находиться въ Самарѣ, виситъ на Соборной колокольнѣ: вѣсу въ немъ 14 пудовъ 25 гривенокъ. Жур. Мин. Вн. Д. 1860 г. № 2. «Историческія замѣтки о Самарскомъ краѣ» А. Леопольдова.

Вслѣдствіе всѣхъ вышеупомянутыхъ условій природныя богатства Самарской луки должны были рано привлечь къ себѣ вниманіе сильныхъ предпріимчивостью людей, жившихъ не только въ городѣ Самарѣ, но и въ дальнихъ мѣстахъ Россіи. Отдаленность земель, которыя обиловали естественными произведеніями, не останавливала на Руси въ XVII столѣтіи предпріимчивыхъ людей. Мы уже имѣли вазможность видѣть, какъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка энергически эксплуатировались смѣлыми инородцами нѣкоторыя угодья на луговой сторонѣ Волги, въ мѣстахъ, далекихъ отъ р. Камы, бывшей въ то время крайнимъ предѣломъ ихъ поселеній. На правой сторонѣ Волги встрѣчаемся съ подобными же явленіями; такъ, намъ извѣстно, что въ концѣ XVI столѣтія нѣкоторыя угодья на луговой сторонѣ около нынѣшняго Симбирска, представлявшія собою доходныя статьи, отдавались служилыми инородцами Казанскаго уѣзда «на оброкъ Чувашѣ съ горные стороны Свіяжскаго уѣзда»[1]). Не только въ Поволжскихъ уѣздахъ, но и въ мѣстахъ, лежавшихъ нѣсколько въ сторонѣ отъ великаго волжскаго пути, большое разстояніе не останавливало предпріимчиваго человѣка, если страна была богата природными произведеніями. Мы имѣемъ извѣстіе, что нѣкоторые крестьяне дворцовыхъ деревень Шацкаго уѣзда въ первой четверти XVII вѣка (1622—1623) владѣли на оброкѣ бортными ухожаями, рыбными ловлями и бобровыми гонами «на рѣкѣ на Медвѣдицѣ, отъ рѣчки Князевки вверхъ по Медвѣдицѣ, по обѣ стороны, до верховъ и съ малыми рѣчками», внося за эти угодья ежегодно не малыя для крестьянъ того времени деньги[2]). Есть даже указаніе, что въ концѣ XVI сто-

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. Каз. у. за № 642 л. 55.

[2]) Тамъ же, Дѣла Саратов. уѣзда. Связка 31, № 959. Въ дѣлѣ помѣщены выдержки изъ писцовыхъ книгъ Шацкаго уѣзда. Такъ, въ писцовой кн. 1622 года написано: «Бортникъ Гришка Васильевъ сынъ Давыдовъ, да Өедька Семеновъ сынъ прозвище Блинокъ, до села Ялтунова Ивашка Андреевъ сынъ Нырокъ, да Спирко Ивановъ сынъ Шмакъ, да села Алеменева Анөрейко Аөанасьевъ сынъ Марымовъ ходятъ въ бортной Шубенской ухо-

лѣтія бортными ухожаями на Самарской лукѣ владѣли служилые инородцы: въ писцовой книгѣ Казанскаго уѣзда начала XVII вѣка сказано, что одному изъ служилыхъ Татаръ этого уѣзда въ 1594 году за его службу данъ былъ «бортной ухожей близко Комшери (?) горы по сей сторонѣ Дѣвичьихъ горъ на р. на Волгѣ»[1]). Отсюда можно видѣть, что эксплуатація природныхъ богатствъ Самарской луки, по обыкновенію, въ началѣ временная, а потомъ постоянная, должна была начаться рано, и мѣстное преданіе, что будто бы еще при Грозномъ въ нѣнѣшнемъ Сенгилѣйскомъ уѣздѣ появляются поселенія[2]), при подобныхъ условіяхъ врядъ ли можетъ быть совершенно отвергнуто изслѣдователемъ колонизаціи низоваго Поволжья, — скорѣе это извѣстіе надо принять съ нѣкоторымъ лишь огра-

жей на рѣкѣ на Медвѣдицѣ, по обѣ стороны, до верховъ и съ малыми рѣчками: съ Карамышемъ и съ Калшлеи и съ Боландинскаго юрта и съ рѣчкою съ Идолгою», платятъ 4 р. 28 алт. 2 деньги. На другомъ листѣ той же писцовой книги написано: «села Конобеева крестьяне Артемко да Максимко Агаѳоновъ дѣти Збродовы, да села Алеменева крестьянинъ Корнилъ Ѳедоровъ, да села Ялтунова крестьяне (перечислено нѣсколько) платятъ съ рѣки Медвѣдицы съ рыбные ловли и съ бобровыхъ гоновъ съ усть рѣчки Бурлука въ верхъ по Медвѣдицѣ по рѣчку по Князевку съ рѣчкою Терсою денежнаго оброку 21 алт.» и т. д. Вообще «Въ Шацкихъ писцовыхъ дворцовыхъ книгахъ 1623 года Ѳедора Чеботова на 237 л. написано: «Итого ... бортныхъ ухожеевъ съ липягами и съ дубровами и съ лѣсами и съ полянами и съ лугами и съ сѣнными покосы и съ дикими полями и съ степьми и съ раменьи и съ рѣками и съ падучими рѣчками и съ озеры и съ болоты и съ суходолы и съ бобровыми гоны и съ рыбными ловли и съ хмѣлевыми и со всякими угодьи 308, да на рѣкахъ же по обѣ стороны по урочищамъ и съ рыбными ловли безъ вышеписанныхъ угодій 469, — всего 777 ухожьевъ». (Эти мѣста находятся въ сторонѣ отъ Саратова).

[1]) Въ писцовой книгѣ Самарскаго уѣзда 1646 года при описаніи селъ и деревень, бывшихъ въ то время на лукѣ, на 67 л. упоминается деревня Маркваши «въ Дѣвичьихъ горахъ»; далѣе, Олеарій въ своемъ путешествіи, описывая мѣстность Усолья, гдѣ въ то время добывалась уже соль, говоритъ объ р. Усѣ, на которой «обыкновенно держатся казаки», послѣ чего продолжаетъ: «въ недальнемъ разстояніи затѣмъ лежитъ гора, называемая Дѣвичьей горой». Слѣдовательно одна изъ горъ на Самарской Лукѣ носила тогда такое названіе. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. Каз. у. № 642 л. 46; Писц. кн. Сам. у. за № 6408, кн. 30; Чтен. Общ. Ист. и Др. Рос. 1869, 426 с.

[2]) «Поволжье въ XV и XVI вв». 311 с.

ниченіемъ относительно времени появленія поседковъ въ здѣшней сторонѣ: т. е., русскія поселенія могли показаться здѣсь если и не при Грозномъ, то въ концѣ XVI или въ началѣ XVII столѣтія. Мы знаемъ, что въ самомъ началѣ царствованія Михаила Өедоровича на Самарской лукѣ построены были для защиты рыбныхъ промышленниковъ два острожка; одинъ изъ нихъ, какъ извѣстно, поставленъ былъ при впаденіи рѣки Усы въ Волгу, на излюбленномъ мѣстѣ казаковъ, откуда они преимущественно нападали на купеческія суда и караваны, что должно было быть извѣстно правительству, которое и распорядилось построить одинъ изъ острожковъ именно въ этой мѣстности. Между тѣмъ вблизи отъ здѣшняго мѣста въ небольшой рѣчкѣ Усолкѣ «посрединѣ ея протока бьютъ соляные ключи»[1]), а кругомъ простирается огромный лѣсъ, искони росшій на этомъ мѣстѣ и остававшійся безъ всякаго употребленія. На эти природныя условія обратилъ вниманіе предпріимчивый русскій купецъ, Надѣй Свѣтешниковъ, и рѣшилъ завести здѣсь варницы для добычи соли, которою въ изобиліи насыщены были ключи рѣчки Усолки. Вслѣдствіе этого сюда привлечены были рабочіе и началась въ значительномъ количествѣ выварка соли, которая съ выгодою сбывалась въ верховые города и въ Москву[2]), потому что въ то время еще, кажется, не разрабатывались въ низовьяхъ Волги соляныя озера,—если же и разрабатывались, то во всякомъ случаѣ далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ XVIII столѣтіи. Говорятъ, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка (1632 г.) подлѣ р. Усолки раскинулись уже поселенія, которыя царемъ Михаиломъ Өедоровичемъ пожалованы были гостю Надѣю Свѣтешникову и его сыну Семену[3]). Можетъ быть, въ это время обращено было вниманіе и на самую выдающуюся изъ Усольскихъ возвышен-

---

[1]) «Записки Лепехина» I, 320 с.

[2]) Олеарія путеш. 426 с.

[3]) «Волга отъ Твери до Астрах.» Н. Боголюбова 281 с.; Списки насел. мѣстъ Рос. Им. Симб. губ. 20 с.

ностей, съ которой предоставляется открытый видъ во всѣ стороны на значительное разстояніе, гдѣ учреждены были наблюдательные караулы, вслѣдствіе чего и гора получила названіе *караульной*, надолго сохранившееся за ней[1]). По всей вѣроятности, варничныя дѣла купцовъ Свѣтешниковыхъ шли не худо и въ Усольѣ сдѣлано было много построекъ и приспособленій для выварки соли, потому что заведеніе это обратило на себя вниманіе одного изъ любимыхъ монастырей царя Алексѣя Михайловича—Саввы Сторожевскаго. Послѣ смерти послѣдняго изъ братьевъ Свѣтешниковыхъ Надѣинское Усолье досталось сестрѣ Свѣтешникова, вдовѣ Антонидѣ, и вотъ, по распоряженію царя Алексѣя Михаиловича, въ 1660 году «изъ приказа Казанскаго дворца вдовѣ Антонидѣ дано за то Усолье 6.500 рублей... а Надѣинское Усолье съ варницы и съ варнишными заводы и со крестьяны и съ бобыля и съ рыбными ловлями и со всякими угодьи отдано въ Саввинъ монастырь»[2]). Съ переходомъ Усолья къ Сторожевскому монастырю развитіе его пошло еще успѣшнѣе, потому что этотъ монастырь, сильно покровительствуемый царемъ, обладалъ большими льготами и привилегіями, которыя теперь перешли и на Усолье; такъ монастырю была пожалована грамота, по которой «съ работныхъ людей и бобылей Надѣинскаго Усолья съ деревнями, которые работаютъ въ соляныхъ (варницахъ), никакихъ податей и стрѣлецкаго хлѣба имать не велѣно». За тѣмъ чрезъ нѣсколько лѣтъ мы находимъ во владѣніи у Саввинскаго монастыря пожалованныя ему на рѣкѣ Волгѣ въ Самарскомъ уѣздѣ «Лопатинскія и Васильчиковскія рыбныя ловли», лежавшія у Самарской луки, повыше города Сызрани[3]). Вслѣдствіе такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ къ Усолью чрезъ шестнадцать лѣтъ уже тянутъ нѣсколько деревень, въ которыхъ вмѣстѣ съ Усольемъ находилось 283 двора; въ дворахъ жили крестьяне,

---

[1]) «Путеш. по разн. пров.» Палласа I, 267 с.; «Записки Лепехина» I, 323 с

[2]) Арх. Мин. Юст. III отд. книга межевая за № 159, л. 8.

[3]) Тамъ же лл. 11, 20.

бобыли, мастеровые, работники и Чуваши; послѣднихъ было 30 дворовъ[1]). Съ особенной энергіей дѣйствовалъ въ Надѣинскомъ Усольѣ въ интересахъ монастыря въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ (1682 г.) соборный старецъ Леонтій Маренцовъ; въ своей дѣятельности, въ упомянутомъ направленіи, онъ не стѣснялся ни интересами другихъ лицъ, тоже владѣвшихъ здѣсь землями и угодьями, ни даже авторитетомъ правительства, которое еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича завело на Самарской лукѣ такъ называемую десятинную пашню. Леонтій Маренцовъ захватилъ земли, отведенныя городу Самарѣ, завладѣлъ цѣлою Мордовскою деревнею и дворцовыми землями, на которыхъ уже была заведена правительствомъ десятинная пашня; всего захвачено было имъ земли, сверхъ той, которая отведена была купцамъ Свѣтешниковымъ, верстъ на двѣсти. На этой землѣ Маренцовъ завелъ монастырскія слободы, заселивши ихъ бѣглыми людьми изъ верховыхъ городовъ, а также крестьянами, Мордвою и Чувашею, жившими прежде на дворцовыхъ земляхъ, съ которыхъ онъ переманилъ ихъ, освободивши на нѣсколько лѣтъ отъ тягла и податей[2]). Результатомъ подобной дѣятельности явилось то, что въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ (1687 г.) Усолью принадлежали: село Жигулевка, Вознесенское тожъ, слобода Переволоцкая[3]), Чувашскія деревни: Новый Теплый Станъ подлѣ Брусянскаго ключа, Новый Теплый Станъ на Ногайскомъ бродѣ и деревня Старый Теплый Станъ. Въ самомъ Усольѣ, находившемся въ 863 саженяхъ отъ р. Волги и стоявшемъ на Усольскомъ озерѣ, въ интересахъ защиты отъ нападеній построенъ былъ деревянный городокъ[4]);

---

[1]) Тамъ же л. 9.

[2]) Акты Ист. т. V, № 107.

[3]) Эта слобода лежитъ въ южной части Самарской луки, гдѣ р. Уса приближается къ Волгѣ.

[4]) Впрочемъ деревянное укрѣпленіе въ Усольѣ было, кажется, уже въ 1671 году, ибо нѣкоторые изъ приверженцевъ Разина (около 700 человѣкъ) сопротивлялись здѣсь правительственнымъ войскамъ, выбравши себѣ это мѣсто послѣ бѣгства Разина изъ подъ Симбирска. См. Матер. изд. А. Попова 67—68 сс.

всѣхъ дворовъ въ это время было около трехъ сотъ[1]), а жило въ нихъ около тысячи человѣкъ. Количество монастырской пашни съ тридцати четвертей, полученныхъ монастыремъ послѣ Свѣтешниковыхъ, дошло до 417 четвертей въ каждомъ полѣ съ 16.060 копнами сѣна, причемъ 387 четвертей земли въ каждомъ полѣ поименованы «новораспашною монастырскою пашнею». Кромѣ того, здѣсь же находилось «пашни крестьянскіе, тяглые и оброчные, бобыльскіе и работничьи и чувашскіе, что емлютъ изъ монастырскіе земли на оброкъ, 938 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 4606 копенъ». Сверхъ обработанной земли, Саввинскому монастырю въ описываемое время принадлежала здѣсь огромная масса «лѣсу пахотнаго и дикіе пахотные и непахотные степи», да кромѣ этого монастырь же владѣлъ на много верстъ Муромскимъ и Усинскимъ боромъ въ разныхъ мѣстахъ, въ которыхъ находились «бортные вотчины и звѣровья»[2]).

Если въ началѣ Самарской луки, въ сѣверной ея части, въ началѣ царствованія Михаила Ѳодоровича мы встрѣчаемся съ острожкомъ, подъ защитой котораго могло образоваться постоянное поселеніе, то въ юговосточной части луки вслѣдствіе такого сосѣдства, какъ Самара, подобныя поселенія могли появиться гораздо раньше. Это кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что земля для города Самары изстари отведена была на противоположной сторонѣ Волги, отъ чего и уѣздъ города искони находился на правой сторонѣ Волги[3]). Въ здѣшнемъ мѣстѣ было тѣмъ удобнѣе отвести земли городскому населенію Самары, что въ юговосточной части Самарской луки горный кряжъ, изрѣзывающій ее своими отрогами, оставляетъ порядочную полосу земли свободною какъ разъ противъ города Самары. Обозрѣвая опись Самары съ уѣздомъ 1647-го года, мы встрѣчаемъ данныя, могущія подкрѣпить высказанное мнѣніе о появленіи по-

---

[1]) 299 дворовъ, въ которыхъ жило 962 человѣка. По всей вѣроятности, дѣятельность Леонтія Маренцова относится еще къ семидесятымъ годамъ XVII вѣка; объ этомъ см. Д. А. И. т. 10, № 27.

[2]) Арх. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159, лл. 8—10.

[3]) А. И. т. V, № 107.

селковъ на юговосточной сторонѣ Самарской луки. Въ самомъ городѣ Самарѣ составъ населенія въ описываемое время можетъ отчасти указывать намъ на посредствующее значеніе этого города для верховаго и низоваго Поволжья: среди посадскаго населенія Самары попадаются иногда такія прозвища, какъ «Чебоксаронинъ», «Казанецъ» и «Черноярецъ»[1]). Весь уѣздъ города Самары лежитъ на Самарской лукѣ; земли въ его уѣздѣ находятся во владѣніи дворцоваго вѣдомства, патріарха и нѣсколькихъ помѣстныхъ людей —«Самарянъ дѣтей боярскихъ». Болѣе значительное село уѣзда Рождественское лежитъ противъ Самары, нѣсколько сѣвернѣе его, и принадлежитъ патріарху; въ немъ живутъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ (306 челов.), и среди нихъ попадаются бывшіе дворцовые, монастырскіе, помѣщичьи и посадскіе люди изъ Арзамасскаго, Алаторскаго и Тетюшскаго уѣздовъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ показываютъ слѣдующее: перешелъ онъ изъ Арзамасскаго уѣзда, изъ-за Арзамасца сына боярскаго, у котораго жилъ въ крестьянахъ, въ ближайшій Алаторскій уѣздъ, гдѣ жилъ за Алаторцомъ сыномъ боярскимъ, отъ котораго уже явился въ Самарскій уѣздъ и поселился въ селѣ Рождественскомъ. Кромѣ крестьянъ, въ патріаршемъ селѣ жили бобыли и захребетники; о послѣднихъ говорится, что они «прихожіе люди разныхъ городовъ»,—слѣдовательно, можно предполагать, что пришли сюда недавно и едва успѣли устроиться. Сверхъ того, въ этомъ же селѣ, вѣроятно, для хозяйственныхъ надобностей, жили—патріаршій служка и наемные люди служебники[2]). За Рождественскимъ слѣдуетъ дворцовое село Ильинское, лежавшее, кажется, выше перваго; въ немъ въ моментъ описи было 255 человѣкъ; коренное населеніе его повидимому уже давно жило на этомъ мѣстѣ, потому что лишь немногіе указываютъ на мѣсто своей родины

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Каз. Переп. кн. Самарскаго уѣзда за № 6408, кн. 30, лл. 7—22. «Всего въ городѣ Самарѣ на посадѣ посадскихъ жилецкихъ людей и ихъ дѣтей и братьи и племянниковъ и внучатъ и сосѣдей и подсосѣдниковъ 317 человѣкъ«.

[2]) Тамъ же лл. 49—63.

и на время прихода своего въ село; напротивъ, захребетники этого села почти всѣ свидѣтельствуютъ о мѣстѣ прежняго своего жительства и о времени своего прибытія на мѣсто[1]). Къ селу Ильинскому были приписаны двѣ дворцовыя деревни: Выползова, лежавшая сѣвернѣе Ильинскаго, въ ней жили 195 человѣкъ, и *Новая Караульная*, въ которой во время описи было 140 человѣкъ. Быть можетъ, обѣ деревни основаны были, какъ это нерѣдко случалось, выходцами общины села Ильинскаго, которая временами отдѣляла отъ себя избытокъ населенія, селившійся подлѣ своей метрополіи; поселки эти сначала, вѣроятно, были невелики и увеличились вслѣдствіе сильнаго прилива населенія въ эту богатую землю, нѣсколько защищенную отъ случайности нападеній кочевыхъ обитателей низоваго Поволжья. Состояніе деревень въ моментъ описи и нѣкоторыя ихъ особенности того времени подкрѣпляютъ сдѣланное предположеніе; такъ, въ деревнѣ Выползовѣ не только захребетники, которыхъ здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ селѣ Ильинскомъ, но и многіе изъ крестьянъ указываютъ на прежнее свое мѣстопребываніе и на время своего прибытія въ деревню. Главный контингентъ насельниковъ выше упомянутой деревнѣ доставили Арзамасскій, Алаторскій и Тетюшскій уѣзды; кромѣ нихъ, мы встрѣчаемся еще здѣсь съ выходцами изъ Нижегородскаго и Балахонскаго уѣздовъ, лежащихъ далеко отъ Самарской луки[2]).

---

[1]) Такъ, бобыль «Александрко Софоновъ *Бочкаръ*» показалъ: «а прежде сего жилъ онъ Александрко Тетюшскаго Покровскаго монастыря въ селѣ Исаковѣ во крестьянехъ, а въ селѣ Ильинскомъ живетъ онъ 6-й годъ»; у этого бобыля было 4 сына. Во дв. Иванко Петровъ, прозвище *Скоморохъ*, у него 3 сына, «да у него жъ Ивашки живутъ въ захребетникахъ Микитка да Сенька Архиповы дѣти; а Микитка и Сенька сказали: жили они прежъ сего въ Арзамасскомъ у. въ государевѣ селѣ Озоватовѣ во крестьянехъ, а въ селѣ Ильинскомъ живутъ другой годъ». Во дв. Офонька Петровъ *Овчинникъ*, у него 5 сыновей, «да у Офоньки жъ живетъ въ захребетникахъ Тимошка Дмитрѣевъ; а Тимошка сказалъ: жилъ онъ прежъ сего на Курмышѣ въ посадскихъ людехъ, а въ село Ильинское пришелъ въ нынѣшнемъ въ 1647 году», и. т. п. Тамъ же лл. 23—24, 32—33.

[2]) Такъ, въ деревнѣ Выползовѣ между прочимъ описаны слѣдующіе дворы: «Во дв. Микитка Алексѣевъ *Арзамасецъ*, у него сынъ Гришка, а у Гришки сынъ Ивашко, а прежъ сего жилъ онъ Микитка въ Арзамасскомъ

Большинство выходцевъ были на родинѣ крестьянами въ селахъ и деревняхъ дворцовыхъ, монастырскихъ, митрополичьихъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ; изрѣдка попадаются также люди, бывшіе на родинѣ посадскими или же служилыми казаками. Что касается помѣстныхъ людей въ Самарскомъ уѣздѣ, то въ описываемое время мы находимъ испомѣщенными лишь двухъ: Филатова и Порѣцкаго; за первымъ изъ нихъ въ помѣстьѣ была деревня Ширяевъ Буеракъ, находившаяся въ сѣверовосточной части Самарской луки около рѣчки того же наименованія; въ этой деревнѣ жило 67 крестьянъ, бобылей и захребетниковъ съ семьями, при чемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ во дворѣ находились работники и гулящіе люди. За Порѣцкимъ въ помѣстьѣ состояли двѣ деревни: одна, подъ названіемъ Осиновый Буеракъ, кажется, лежала въ южной сторонѣ луки[1]), другая же, Марквашп, находилась въ сѣверной ея части, на западъ отъ Ширяева Буерака; въ первой деревнѣ жило семь человѣкъ, а во второй, повидимому, недавно начавшей свое существованіе, находился только одинъ дворъ, въ которомъ, кромѣ самого крестьянина съ семьей, еще жилъ какой то Свіяженинъ[2]). Изъ обзора поселковъ Самарскаго уѣзда мы можемъ видѣть, что ближайшее къ городу Самарѣ поселеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самое населенное, при чемъ, вѣроятно, Рождественское село появилось на лукѣ прежде другихъ, вслѣдствіе чего оно и получило возможность достигнуть сравнительно большей людности.

уѣздѣ въ селѣ Красномъ во крестьянехъ. а въ деревнѣ Выползовѣ живетъ во крестьянехъ 10-й годъ. Во дв. Пашка и Тимошка Ивановы дѣти Гробовщиковы, въ деревнѣ Выползовѣ живутъ во крестьянехъ 10-й годъ, а прежъ сего жили въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ Красной слоб. во крестьянехъ же. Во дв. Бориско Михайловъ, а у него живутъ въ захребетникахъ 2 зятя его Никифорко Өедоровъ, Тимошка Игнатьевъ, а прежде сего жили они въ Нижегородскомъ уѣз. въ Стародубовотцкомъ въ государевѣ селѣ Казаковѣ во крестьянехъ, а въ дер. Выползовѣ живутъ во крестьянехъ же 10-й годъ». и т. под. Тамъ же лл. 34—36.

[1]) На югѣ Самарской луки и теперь еще есть владѣльческое село Осиновка-Никольское. См. Насел. М. Рос. Им. Симб. губ.

[2]) Тамъ же л. 67.

За тѣмъ, судя по количеству населенія и по названію «село», должно было основаться село Ильинское, послѣ котораго и, быть можетъ, въ зависимости отъ него появляются деревни Выползова и *Новая Ново-Караульная.* Первые поселки основывались, повидимому, преимущественно въ сѣверномъ направленіи отъ Самары, ибо мы застаемъ ихъ болѣе людными въ моментъ описи. Что же касается самаго времени ихъ появленія здѣсь, то, судя по состоянію ихъ въ описи, такія села какъ Рождественское и Ильинское, могли появиться не позже конца XVI столѣтія. Помѣстные же люди только недавно стали испомѣщаться въ Самарскомъ уѣздѣ, на что указываетъ и число испомѣщенныхъ людей, и слабая еще населенность деревень, бывшихъ во владѣніи Самарскихъ помѣщиковъ.

Изъ представленнаго очерка русскихъ поселеній на Самарской лукѣ мы можемъ вывести, что русскіе люди въ здѣшнихъ мѣстахъ старались по преимуществу селиться либо у самой Волги, либо въ близкомъ отъ нея разстояніи. Но мы знаемъ уже, что еще до появленія на лукѣ русскихъ поселковъ бортными и другими угодьями здѣсь владѣли инородцы, жившіе въ Казанскомъ уѣздѣ; нѣкоторые изъ нихъ, по словамъ старожиловъ уѣзда въ началѣ XVIII вѣка, владѣли подлѣ луки «бортною вотчиною и звѣриными и рыбными ловлями изстари.... многіе годы, какъ и городъ Самара сталъ», внося за это владѣніе ясакъ; на владѣніе въ этихъ мѣстахъ угодьями инородцы (Мордва) имѣли грамоты еще отъ Казанскаго царя Сафа Гирея, подкрѣпленныя царемъ Борисомъ. Вслѣдствіе умноженія населенія и увеличившейся безопасности въ здѣшнихъ мѣстахъ инородцы, чтобы быть, вѣроятно, ближе къ своимъ богатымъ угодьямъ и лучше наблюдать за ними, переходятъ и селятся на Самарской лукѣ, которая могла представлять имъ бо̀льшую безопасность отъ нападеній кочевниковъ, чѣмъ луговая сторона; впослѣдствіи на луговой сторонѣ инородцы владѣютъ уже не только старыми своими угодьями, но также и пахотною землею и сѣнными покосами[1]).

---

[1]) Арх. М. Ю. III отд. Меж. кн., за № 159, лл. 348—350.

Въ половинѣ XVII вѣка начинають заселяться земли, лежащія во внутренней части Самарской луки, и первыя поселенія въ этомъ направленіи принадлежатъ инородцамъ; такъ, весною 1652 года четыре Черемисина обратились съ челобитною, «чтобъ государь ихъ пожаловалъ велѣлъ имъ Черемисѣ поселиться за собою государемъ на оброкѣ въ Самарскомъ уѣздѣ на нагорной сторонѣ *на дикомъ полѣ* въ Брусяныхъ вершинахъ у ключа вновь дворы выставить и подъ пашню заложные земли распахать и мутовку ручные жернова на томъ же ключѣ для молотя поставить изо льготы». По прошествіи же трехъ льготныхъ лѣтъ Черемисы вносили по два съ лишнимъ рубля въ годъ за пользованіе отведенною имъ землею и угодьями[1]). Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVII ст. среди Самарской луки застаемъ новую Чувашскую деревню Аскулу, изъ которой двое Чувашъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (1661 г.) просятъ позволенія перейти и «поселиться на новую, на пустовую землю на дикое поле на Сосновой солонецъ, за Аскулу (рѣку) на другую сторону, у семи сосенъ», на что, по обыкновенію, послѣдовало разрѣшеніе со льготою на первые годы и съ платою потомъ небольшаго оброка[2]).

Мы видѣли уже прежде, что служилые люди, записанные въ приказѣ Казанскаго дворца въ Москвѣ службою по Симбирску, послѣ своего прибытія на мѣсто должны были для прінсканія себѣ земель отправляться за валъ, т. е. находили земли южнѣе Симбирской черты, и здѣсь усердно испомѣщались мѣстными властями въ продолженіе семидесятыхъ годовъ

---

[1]) Чувашская деревня «Брусяна» находится посреди Самарской луки. Хотя въ началѣ грамоты говорится прямо о Черемисѣ, тѣмъ не менѣе во второй половинѣ грамоты говорится: «а льготы *имъ чювашъ* дано на 3 годы; а какъ льготные годы отойдутъ и имъ *чювашъ* съ тое своей пашенной земли и т. д.». Вообще, какъ изъ настоящаго случая, такъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ видно, что правительство не заботилось особенно различать инородцевъ. Тамъ же л. 90.

[2]) Тамъ же л. 90.

описываемаго столѣтія. Рядомъ съ ихъ испомѣщеніемъ идетъ заселеніе Самарской луки не только по берегамъ рѣки Волги, но и въ внутренней части луки. Въ виду этого заселенія правительству нужно было подумать о защитѣ населенія, спускавшагося и селившагося южнѣе Симбирской черты съ ея укрѣпленіями. Вѣроятно, отчасти для удовлетворенія такой потребности въ защитѣ построенъ былъ въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія укрѣпленный городъ Пенза на рѣкѣ Сурѣ [1]). Вслѣдствіе сравнительно болѣе поздняго своего появленія въ здѣшнихъ мѣстахъ городъ Пенза и въ семидесятыхъ годахъ описываемаго столѣтія именуется еще «новымъ городомъ». Послѣ построенія Пензы служилые люди ближайшихъ къ нему уѣздовъ, желавшіе получить земли въ Пензенскомъ уѣздѣ, стали обращаться къ правительству съ челобитными отвести имъ пахоту съ угодьями въ ближайшихъ мѣстахъ; она отводилась имъ нерѣдко въ очень значительныхъ размѣрахъ. Быть можетъ, вслѣдствіе обширности подобныхъ пожалованій и отсутствія у служилыхъ людей возможности вполнѣ обработать полученныя земли, эти послѣднія иногда занимались пришлыми людьми, которые селились на нихъ своими дворами, считая ихъ, по всей вѣроятности, свободными землями [2]). Но уже

---

[1]) Городъ Пенза построенъ при впаденіи р. Пензы въ Суру. Время его построенія въ точности неизвѣстно. По преданію острогъ Пензенскій былъ выстроенъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII ст. *воеводою Елисеемъ Лачиновымъ*, который будто бы и населилъ Пензу. Населеніе ея состояло изъ Черкасъ, которые переселены были сюда изъ конныхъ казаковъ Троицкаго острога (Воронежской губ.), пѣшіе же казаки собраны были изъ разныхъ мѣстъ; да кромѣ того конные служилые люди присланы были двукратно изъ Шацка. Въ это же время будто бы отдѣльно поселены были и слободы, именующіяся: первая Черкасская, вторая Конная, третья Стародрагунская и четвертая Новодрагунская. Преданіе это записано въ описаніи города Пензы, которое сдѣлано подполковникомъ Свѣчинымъ въ 1765 году; помѣщено въ Арх. Мин. Юст. въ кн. Сенат. 1762—1767 г. за № 936—3419, л. 924. Воевода Елисей Лачиновъ былъ казненъ въ Пензѣ въ 1671 году во время Разинскаго бунта Донскимъ казакомъ атаманомъ Мишкою Харитоновымъ. См. Матер. 153 с. По мнѣнію г. Артемьева, городъ Пенза основанъ раньше 1666 года. Гор. Пос. III, 583 с.

[2]) Арх. Мин. Юст. III отд. Межев. кн. за № 159, лл. 30—32.

стремленіе населенія въ семидесятыхъ годахъ въ Пензенскій уѣздъ должно было показать правительству невозможность ограничиться построеніемъ здѣсь одного только города: послѣ проведенія въ Поволжьѣ Симбирской и Закамской чертъ, это въ глазахъ и самого правительства могло имѣть характеръ лишь временной мѣры. И дѣйствительно, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ у правительства складывается мысль о необходимости заложить въ здѣшнихъ мѣстахъ новую черту. Въ 1681 году, по царскому указу, въ восточную часть Пензенскаго уѣзда переводятся служилые люди изъ Саранска для засѣчной и сторожевой службы и водворяются въ отдѣльной слободѣ на городищѣ на рѣчкѣ Луевкѣ «на проходное мѣсто для обереженія отъ приходу воинскихъ людей». Саранцы образовали товарищество изъ «пятидесяти служебъ», и имъ въ здѣшнихъ мѣстахъ отведено было земли на сто человѣкъ подъ усадьбы и на пахоту вмѣстѣ съ угодьями. Но едва лишь эти сто человѣкъ распахали землю и отстроились на городищѣ въ Налуевской слободѣ, какъ отъ нихъ отдѣлился товарищъ ихъ, засѣчный сторожъ Васька Хлоповъ, и набралъ еще 50 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ изъ пригородовъ и слободъ Симбирской черты въ засѣчные сторожа; поселился онъ со вновь набранными товарищами въ особой слободѣ, въ разстояніи полуторы версты отъ своихъ прежнихъ сотоварищей, стѣснивши ихъ нѣсколько въ пахотѣ и угодьяхъ[1]). Лѣтомъ 1683 года Симбирскому воеводѣ князю Григорію Козловскому поручено было набрать полкъ служилыхъ людей и вмѣстѣ съ набраннымъ полкомъ отправиться къ Самарской лукѣ; здѣсь, подлѣ южной стороны луки, на рѣкѣ Сызранкѣ ему велѣно было построить новый городъ. Въ его полку приказано было находиться Симбирянамъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, изъ иноземцевъ, мурзъ и татаръ полковой службы, изъ Симбирскихъ и Корсунскихъ

---

[1]) Въ обоихъ отрядахъ отводилось: пятидесятнику по 40 четв., десятнику по 30 четв. и рядовому по 20 четв. въ каждомъ изъ трехъ полей; сѣна и угодій въ соотвѣтствіи съ пахотою. Тамъ же лл. 29—30, 33—37.

копейщиковъ и рейтаръ, изъ стрѣльцовъ и казаковъ Симбирской и Корсунской черты; въ заключеніе всѣмъ имъ «велѣно не замотчавъ иттить для строенія того Сызранскаго города»[1]). Выстроенъ былъ городъ Сызрань на мѣстѣ, на которомъ дотолѣ находились, кажется, мордовскіе бортные ухожаи; городъ занималъ веселое гористое мѣстоположеніе между рѣками Сызранкою и Крымзою, въ сѣверной части. Для городской крѣпости было выбрано самое высокое мѣсто на берегу р. Сызранки; укрѣпленіе было обнесено кругомъ бревенчатою стѣною съ валомъ и сверхъ того было окопано рвомъ[2]). Для населенія новаго города въ 1684 году взяты были изъ Казани и Тетюшъ 236 солдатъ съ женами и дѣтьми, къ которымъ должны были присоединиться 239 человѣкъ изъ Чебоксаръ; всѣмъ имъ было выдано на дворовое строеніе по 4 рубля на человѣка — «противъ ихъ братьи переведенцевъ иныхъ городовъ, которые переведены въ новопостроенные пригороды по Симбирской и по Корсунской чертѣ», и всѣ они опредѣлены были «на вѣчное житье въ новопостроенный городъ Сызрань»[3]). Въ томъ же году Симбирскому воеводѣ Козловскому «велѣно солдатъ новопостроеннаго города Сызрана устроить землями вмѣсто денежнаго и хлѣбнаго жалованья», вслѣдствіе чего уже въ слѣдующемъ году (1685 г.) Сызранскимъ солдатамъ были отведены и самыя земли. Подлѣ города на пространствѣ двухъ верстъ прежде всего «отведено изъ порожжей земли въ верхъ и въ низъ рѣки Сызрана города Сызрана всякихъ чиновъ градскимъ жителямъ на выпуски», — и затѣмъ уже «отведено на пашню земли Сызранскимъ солдатамъ 148 человѣкамъ, переведенцамъ Казанскимъ, Тетюшскимъ, Чебоксарскимъ»; земли отведены были имъ по Симбирской, Корсунской и Самарской дорогамъ;

---

[1]) Доп. А. И. т. 10, № 86.

[2]) Таковою была развалившаяся деревянная крѣпость во время Палласа. «Путеш.» I, 254 с. Журн. Мин. Вн. Д. 1849 г., часть 28, 471 с.; помѣщенная здѣсь статья о Сызрани составлена по архивнымъ документамъ Симбирской гражданской палаты.

[3]) Доп. А. И. т. 10, № 86, грам. II.

сѣнные же покосы отмѣрены были имъ на рѣкѣ Волгѣ, по близости, на большомъ Сызранскомъ островѣ и въ нѣкоторыхъ иныхъ мѣстахъ[1]). Одновременно съ распоряженіемъ о построеніи города Сызрани другою грамотой (1683 г. окт.) приказано было селиться тутъ Симбирскимъ казакамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. При сооруженіи самаго города старецъ Кириллъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми переведенцами изъ солдатъ подали (1683 г.) царямъ челобитную, прося разрѣшить имъ построить у города на мысу, между рѣками Сызранью и Крымзою, при устьѣ послѣдней, мужской деревянный монастырь, чтобъ мѣстнымъ жителямъ, давшимъ обѣтъ, можно было въ старости постригаться въ немъ. Постройка монастыря была разрѣшена правительствомъ, которое при этомъ отвело монашествующимъ на пропитаніе въ здѣшнихъ мѣстахъ 825 десятинъ пахотной, лѣсной и сѣнокосной земли[2]). Одновременно съ новымъ городомъ Сызранью тѣмъ же бояриномъ и воеводою построена была *новая Сызранская черта*, по которой и въ засѣчныхъ крѣпостяхъ въ разныхъ мѣстахъ поселены были служилые люди[3]). Имѣя въ виду то обстоятельство, что къ Сызранской чертѣ относились станичные казаки Луевскаго городища, слѣдуетъ предполагать, что эта черта примыкала къ городу Пензѣ. Къ Сызранской укрѣпленной линіи принадлежали и станичные казаки Печерской слободы, поселенные въ юго-западной части Самарской луки, въ 35 верстахъ отъ города Сызрани; здѣсь въ 1684 году имъ, пятидесяти человѣкамъ,

---

[1]) Вѣроятно, изъ Чебоксаръ вмѣсто 239 человѣкъ прислано было гораздо меньше солдатъ, потому что по смыслу грамоты 236 солдатъ Казанскихъ и Тетюшскихъ были уже въ Симбирскѣ на пути въ Сызрань, Чебоксарскихъ же въ то время еще тамъ не было. Земли солдатамъ отводились «противъ Симбирскихъ валовыхъ казаковъ: сержантамъ 8 человѣкамъ по 40, десятникамъ 40 человѣкамъ по 30, рядовымъ на 370 человѣкъ по 20 четв. въ полѣ, а въ дву потому жъ съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи». Арх. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159 лл. 394—395.

[2]) Жур. Мин. Вн. 1849 г. 28 ч. 471, 473 сс.

[3]) Арх. Мин. Юст. III отд. Межев. кн. за № 159, лл. 254—255; Жур. Мин. Вн. Д. 1849, 28 ч. 474—475 сс.

отведены были по Самарской дорогѣ пахотныя земли съ сѣнными покосами и угодьями[1]). Впослѣдствіи солдаты Печерской слободы съ сержантомъ владѣютъ сѣнными покосами на луговой сторонѣ Волги, противъ Печерской слободы, вмѣстѣ съ Симбирскими служилыми людьми, испомѣщенными въ южной части Самарской луки, около Печерской слободы[2]).

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Сызрани, южнѣе этого города, въ разстояніи семи верстъ отъ него, построено было на Волгѣ новое укрѣпленіе, получившее названіе Кашпира отъ рѣчки, у которой оно находилось[3]). Кашпировское укрѣпленіе, выстроенное на Волжскихъ горахъ, состояло, кажется, изъ четырехъугольнаго дубоваго кремля, утвержденнаго на земляномъ валѣ, на каждой стѣнѣ котораго стояли три башни[4]). Населеніе города Кашпира, какъ пограничнаго военнаго пункта, состояло главнымъ образомъ изъ солдатъ, которые были тутъ водворены въ числѣ 188; всѣмъ имъ въ 1688 году «вмѣсто денежнаго и хлѣбнаго жалованья отведено подъ пашню земли и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодій противъ Сызранскихъ

---

[1]) Предѣлы ихъ земель опредѣляются между прочимъ такъ: «до Печерскихъ горъ ... по Волгѣ рѣкѣ до Татарскаго городища и до рѣчки Усы и вверхъ по Усѣ до Кошерика (Тишерика рѣчки)... новоприборныхъ казаковъ, которые прибраны будутъ въ казачью службу». Арх. Мин. Юст. Меж. кн. за № 159 л. 83.

[2]) Тамъ же лл. 365, 388.

[3]) Время построенія города Кашпира въ точности неизвѣстно; вслѣдствіе же того, что въ 1689 году «*изъ Москвы посланъ былъ въ новопостроенный городъ Кашпиръ нарочный*», которому поручено было «въ томъ городѣ Кашпирѣ отвесть солдатамъ переведенцамъ *подъ дворы* и подъ пашню земли», слѣдуетъ предполагать, что постройка Кашпира, какъ раньше этого Сызрани, была произведена за годъ предъ отводомъ земель, т. е. въ 1687 году, и никакъ не раньше 1686 года,—во всякомъ случаѣ *послѣ* города Сызрани, потому что сѣнокосы Сызранскимъ солдатамъ были отведены уже въ 1684 году и простирались до рѣчки Кашпирки, и только позднѣе, въ 1689 году, сѣнныя угодья отведены были переведенцамъ солдатамъ Кашпира, при чемъ отводомъ была захвачена часть сѣнокосовъ Сызранскихъ жителей, которые жаловались правительству на этотъ захватъ. Тамъ же л. 395.

[4]) Въ такомъ видѣ, лишь *обветшалымъ*, пригородъ Кашпиръ былъ въ шестидесятыхъ годахъ XVIII в., при посѣщеніи Лепехина. «Записки Лепехина» I, 344 с.

солдатъ»[1]). Составъ населенія въ Кашпирѣ, судя по назначенію сюда вначалѣ нѣкоторыхъ служилыхъ людей, былъ, какъ и въ остальныхъ вновь созидаемыхъ городахъ, пестрый: солдаты, вѣроятно, были набраны изъ старыхъ Поволжскихъ городовъ, и ихъ водворяли здѣсь вмѣстѣ съ семьями на вѣчное житье, взявши «по нихъ поручныя записи»[2]). Одновременно съ землями и угодьями для Кашпировскихъ солдатъ пожалована была нѣсколько южнѣе земля и угодья Московскому дворянину Семену Константинову сыну Дмитріеву, который отводилъ земли Кашпировскимъ солдатамъ; покосы Дмитріева были по обѣимъ сторонамъ Волги, ниже Кашпира, и впослѣдствіи (1699 г.) были еще больше увеличены[3]).

Между тѣмъ какъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII вѣка русское правительство было озабочено работами по постройкѣ новаго города Сызрани и по проведенію въ здѣшнихъ мѣстахъ новой черты, которая должна была обезопасить населеніе правой стороны низоваго Поволжья на пространствѣ между городами Сызранью и Симбирскомъ,—на Волгѣ появляется стремленіе къ осѣдлости въ мѣстахъ, лежащихъ южпѣе города Кашпира. Вслѣдствіе изобилія рыбы въ Волжскихъ водахъ, особенно въ пустынныхъ полосахъ, гдѣ ее почти не тревожили уловомъ, нѣкоторыя мѣста здѣсь съ давняго времени обратили на себя вниманіе вліятельныхъ и предпріимчивыхъ Московскихъ монастырей. Такъ, извѣстный Чудовъ монастырь уже въ началѣ XVII столѣтія (1606 г.) получилъ отъ царя Ивана Васильевича Шуйскаго право рыбной ловли въ рѣкѣ Волгѣ ниже Самарской луки «въ Самарскихъ тихихъ Сосновыхъ водахъ, отъ Чернаго затону внизъ Волги рѣки на 45 верстъ до устья Елань-Иргизъ». Право монастыря на рыбную ловлю въ

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Меж. кн. № 159, л. 395.

[2]) Тамъ же «Казань, реестръ дѣламъ по Симбирскому уѣзду кн. 35; № 6473. Челобитье 1687 г. (?). Въ 1703 г. среди Кашпирскихъ солдатъ находился «Семенъ *Костромитиновъ*». Тамъ же Межев. кн. за № 159, л. 382.

[3]) Тамъ же Межев. кн. за № 159, л. 378.

здѣшнихъ мѣстахъ впослѣдствіи было подкрѣплено грамотами царей Михаила и Алексѣя; послѣдній разрѣшилъ (1653 г.) монастырскимъ властямъ «на рѣкѣ Волгѣ въ Самарскихъ водахъ... рыбу ловить про монастырской обиходъ тридцатью связками»[1]). Все это пространство предоставлено было Чудову монастырю, по выраженію грамоты, «съ займищи и съ разливы *по сухой берегъ только для одной рыбной ловли*», вслѣдствіе чего «ватаги рыбнаго промыслу» должны были «стоять по островамъ». Рыбною ловлею въ этихъ мѣстахъ ловцы занимались обыкновенно «только съ весны до полулѣта», послѣ чего они уходили, оставляя станы и ватажное строеніе по островамъ. Весною, въ полую воду, острова на Волгѣ обыкновенно затопляются водою, а «станы ихъ (монаховъ) и всякое ватажное строеніе по вся годы сноситъ и ломаетъ безъ остатку, и убытки имъ чинятся великіе». Въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія монастырь порѣшилъ, вслѣдствіе, вѣроятно, ожидаемыхъ выгодъ, кромѣ лѣтней завести здѣсь «осеннюю и зимнюю ловлю»; для этого ему необходимо было предварительно заготовлять «къ тому зимовью всякіе зимніе припасы и лошадиные кормы, для всякаго ловецкаго извороту—лѣсъ, лыка и лубья», права же занять нужный для всего этого сухой берегъ на нагорной сторонѣ, который «не снимаетъ водою» у монастырскихъ властей не было. И вотъ въ 1685 году онѣ обращаются къ царю съ челобитною, прося дать имъ на устройство ватагъ для рыбнаго промыслу, мѣсто напротивъ ихъ рыбныхъ ловель «на нагорной сторонѣ подлѣ Волги рѣки сухой берегъ отъ Ташевые горы по Хорошенской переборъ», указывая при этомъ государю на то, что «тотъ вольской пустой берегъ въ дачахъ ни за кѣмъ не бывалъ, сталъ *за новою чертою* ниже города Сызранска верстъ съ сорокъ»[2]). Вся эта мѣстность находится въ началѣ XVIII столѣтія во владѣніи Чудова монастыря и въ то время здѣсь

---

[1]) Тамъ же лл. 249—253.
[2]) Тамъ же лл. 254—255.

уже встрѣчается значительное монастырское поселеніе,—извѣстное село Архангельское, Сосновый островъ тожъ. Вѣроятно, въ видахъ большей убѣдительности монастырь указываетъ еще и на то, что въ это время «по указу великихъ государей учали на Волгѣ новые городы строить[1]), и земли и угодья въ дачи давать,—чтобъ имъ (монахамъ) отъ нихъ (новыхъ поселенцевъ) тѣсноты не было»; при этомъ высказывается опасеніе относительно того, «чтобъ которые люди тѣхъ береговыхъ угодій (для нихъ нужныхъ) не заняли подъ пашни и сѣнокосы». Отсюда мы можемъ заключать, что, быть можетъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII столѣтія въ здѣшнихъ мѣстахъ существовалъ уже постоянный монастырскій поселокъ. Другой изъ Московскихъ монастырей, Новоспасскій, тоже поспѣшилъ воспользоваться своими рыбными ловлями въ Волжскихъ водахъ, чтобъ завести въ этихъ мѣстахъ постоянныя поселенія, въ увѣренности, что монастырскія выгоды отъ этого много выиграютъ. Еще въ царствованіе Михаила Ѳедоровича (1632 г.) Новоспасскій монастырь получилъ жалованную грамоту, которою ему за ежегодный двадцатирублевый оброкъ предоставлены были «въ рѣкѣ Волгѣ Саратовскія Иргизскія рыбныя ловли отъ Канины Тубы внизъ по Волгѣ по нижнюю изголовь осиноваго куста и съ осиновою нижнею и съ Терсицкою косами по обѣ стороны Волги по разливъ вешней воды, *по старымъ рубежамъ*». Должно быть, здѣшнія рыбныя ловли доставляли Новоспаскому монастырю хорошіе доходы, потому что при Алексѣѣ Михайловичѣ монастырь спѣшитъ расширить въ этихъ мѣстахъ свой промыселъ: въ царствованіе этого государя братія выхлопотала грамоту (1653 г.), по которой, за прибавку къ старому оброку 17 рублей и 7 алтынъ, монастырю «дано къ тѣмъ же водамъ Иргизскій юртъ по обѣ стороны тѣхъ водъ и Волги рѣки по старымъ рубежамъ съ рѣчки и съ ерки, и съ буераки, и съ озеры, и съ займищи, а на горахъ съ вѣн-

[1]) Города Сызрань и Кашпиръ были дѣйствительно построены около того времени.

цы и съ рѣчки; Иргизомъ отъ россошей до устья и съ уполыми рѣчки, которыя изъ за-поль впали въ Иргизъ». Такимъ образомъ, воды рѣки Волги на извѣстномъ протяженіи, вмѣстѣ съ ея притоками: рѣчкою Терсою съ нагорной стороны и рѣками Большимъ и Малымъ Иргизомъ съ луговой стороны, были эксплоатируемы Новоспасскимъ монастыремъ за небольшой, повидимому, оброкъ.

Увѣнчавшееся успѣхомъ стремленіе Московскаго Чудова монастыря пріобрѣсти себѣ часть нагорнаго берега Волги съ цѣлью завести постоянное поселеніе въ мѣстности, гдѣ онъ прежде владѣлъ одною лишь рыбною ловлею, вызвало, какъ сказано, подобное же стремленіе у властей Новоспасскаго монастыря. Въ девяностыхъ годахъ XVII-го столѣтія власти этого монастыря обращаются къ правительству съ ходатайствомъ, чтобъ примыкающія къ ихъ водамъ «земли со всѣми угодьи даны (были) въ вотчину Спасскому монастырю безъ мѣры по старымъ урочищамъ». Будучи заранѣе увѣрены, что правительство предоставитъ имъ просимыя земли, также точно, какъ прежде пожалованы были земли Чудову монастырю, Новоспасскія власти до формальнаго отвода имъ земли поспѣшили перевести нѣкоторыхъ своихъ крестьянъ «изъ разныхъ вотчинъ» и поселили ихъ въ этихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ Новоспасскимъ монастыремъ были, по его словамъ, «построены два села: Малыковка на Волгѣ, Терса на р. Терсѣ», — и когда просимыя земли въ концѣ XVII столѣтія (1699 г.) отведены были монастырю, то вышеупомянутыя села уже существовали на монастырскихъ земляхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ [1]). Вѣроятно, молва о богатствѣ земель и угодій ни-

---

[1]) Тамъ же лл. 29, 248. Говоря, что поселенія здѣсь были раньше формальнаго отвода земель Новоспасскому монастырю, мы имѣемъ въ виду, что отводъ земель монастырю произведенъ былъ лишь въ 1699 году, между тѣмъ какъ въ этомъ же году отводились земли ниже Воскресенскому монастырю, а въ его межахъ значатся уже земли селъ Малыковки и Терсы; слѣдовательно, можно предполагать, что оба эти села существовали раньше отвода, ибо необходимо было время для переселенія и устройства крестьянъ на мѣстѣ.

зоваго Поволжья вмѣстѣ съ тою легкостью, съ какою правительствомъ пожалованы были угодья Чудову и Новоспасскому монастырямъ, возбудили въ представительницѣ третьяго Московскаго монастыря, въ игуменьѣ Новодѣвичья монастыря, желаніе пріобрѣсти въ низовомъ Поволжьѣ участокъ для своихъ хозяйственно-экономическихъ операцій. Вслѣдствіе этого игуменья обратилась съ ходатайствомъ къ государю и Новодѣвичью монастырю пожалованы были вь 1683 году въ вотчину «Атрубскіе воды въ Синбирскомъ уѣздѣ, которые были на оброкѣ за Синбиреняномъ посацкимъ человѣкомъ за Иваномъ Бородулинымъ, а послѣ за крестьяниномъ боярина князя Михаила Яковлевича Черкасскаго, за Обросимомъ *Портнымв* и за иными обротчики, съ стержневыми рыбными ловлями, которые за тѣми обротчики написаны по приходнымъ книгамъ 190 г.» (1682)[1]). По всей вѣроятности, хозяйственная дѣятельность Новодѣвичья монастыря принесла вскорѣ ему хорошіе плоды потому что уже въ началѣ XVII вѣка въ здѣшнихъ мѣстахъ на берегу р. Волги «раскинулось довольно обширное село, густо застроенное съ нѣсколькими церквами и высокою колокольней», носившее названіе монастыря-владѣтеля,—Новодѣвичье[2]). По всей вѣроятности тѣже мотивы, которые возбуждали въ это время энергію Московскихъ монастырей побудила и властей Воскресенскаго монастыря, находящагося въ Московскомъ уѣздѣ, обратиться въ концѣ XVII вѣка къ правительству съ просьбою отвести ему «на рѣкѣ Волгѣ въ Змѣевыхъ горахъ дикое поле». Какъ результатъ этого ходатайства, было въ 1699 году «отмежевано архимандриту Воскресенскаго монастыря съ бра-

---

[1]) Границы монастырскихъ владѣній означены въ грамотѣ слѣдующимъ образомъ: «На Нагайской сторонѣ Атруба съ истошными озеры по обѣ стороны отъ Черемшанской заводи до Усы р. и по Волгѣ р. выше Атрубы до Черемшанской волошки ... да рѣчка Бушуйка въ верхъ по Волгѣ р. до Костомской заводи *св озеры и св истоки по обѣ отороны Волги рѣки*», и 2 острова на самой Волгѣ. Арх. Мин. Юст. Межев. кн. № 159, л. 196.

[2]) «Путешествіе Корнилія де-Бруина черезъ Московію» с. 172. (Чт. Общ. Ист. и Др. Рос. 1872 г. 3 ч.).

тьею въ Сызранскомъ уѣздѣ изъ дикихъ поль отъ устья рѣчки Багая, идучи на низъ по рѣчкѣ Терешкѣ, до устья рѣчки Березовки, и межъ тѣхъ рѣчекъ Багаю и Березовки отъ устья и до вершинъ.... до Волги рѣки.... на пашню земли на 500 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, да подъ усадьбы на 100 чети»[1]). Въ началѣ XVIII столѣтія на этомъ мѣстѣ застаемъ уже село Сергіевское, Воскресенское тожъ, принадлежавшее Воскресенскому монастырю, которое, вѣроятно, образовалось здѣсь такъ же, какъ и села другихъ монастырей: изъ монастырскихъ крестьянъ, переведенныхъ монастыремъ изъ другихъ своихъ вотчинъ, съ присоединеніемъ къ нимъ бѣглаго и гулящаго люда, котораго въ низовомъ Поволжьѣ всегда было достаточно. Въ то время какъ ватаги рыбныхъ ловцовъ въ низовьяхъ Волги обзаводились постояннымъ населеніемъ, паралельныя имъ мѣста, находившіяся въ сторонѣ отъ Волжскаго пути, въ это время также занимаются предпріимчивыми людьми, стремящимися воспользоваться тѣми особенностями, которыя имъ представлялись тамъ. Такъ, одинъ изъ служилыхъ людей конца XVII вѣка, найдя на рѣкѣ Кададѣ[2]), «порозжее мельничное мѣсто и порозжіе сѣнные покосы», здѣсь лежавшіе, просилъ, чтобъ ему «то мельничное мѣсто дать въ помѣстьѣ за четвертную пашню за десять четвертей, а сѣнные покосы межъ рѣчекъ въ угодье», — что и было ему отведено по распоряженію изъ Казанскаго дворца[3]).

Выше было говорено о ненормальномъ положеніи нѣкоторыхъ инородцевъ, жившихъ въ Поволжьѣ, по отношенію къ христіанству и къ представителямъ православной вѣры, которые не пренебрегали насиліемъ при обращеніи Мордвы въ

---

[1]) Тамъ же л. 257. Земля эта лежитъ по Волгѣ ниже земель Новоспасскаго монастыря, съ которыми она граничила на сѣверѣ. Относительно лѣса сказано: «а въ лѣсъ въѣзжать крестьянамъ въ той своей дачѣ, которая по Волгѣ и по Терешкѣ рѣкамъ».

[2]) Рѣчка Кадада течетъ въ западной части Хвалынскаго уѣзда.

[3]) Саратов. Сборн. 1881 г. «Старинный документъ» 56 — 58 сс. Челобитчика звали Степанъ Григорьевъ Чирковъ,—впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ является *село Чирково-Никольское* на р. Кададѣ.

христіанскую вѣру; мы видѣли, какъ дѣйствовали подобные пріемы на несчастныхъ инородцевъ, покидавшихъ родину и заселявшихъ свободныя, ненаселенныя земли. Но не одни инородцы были въ религіозномъ отношеніи въ ненормальномъ положеніи въ XVII столѣтіи, — масса русскихъ людей послѣ патріарха Никона очутилась въ томъ же положеніи: они отказались признать книжныя исправленія и нововведенія этого патріарха, вслѣдствіе чего получили наименованіе старообрядцевъ или раскольниковъ. Возмущеніе Соловецкое въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ показало Московскому правительству, что количество и энергія приверженцевъ стараго благочестія значительны. Преслѣдуемые въ центральныхъ и населенныхъ мѣстностяхъ Россіи, раскольники въ восьмидесятыхъ и въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка убѣгали въ украинныя мѣста—на Хоперъ и на Медвѣдицу, пробирались въ низовое Поволжье и на Донъ къ казакамъ; всюду они соединялись между собой, привлекали къ себѣ недовольныхъ общественными и религіозными порядками тогдашняго времени, строили городки (на рѣкѣ Медвѣдицѣ), изъ которыхъ распространяли свое вліяніе на сосѣднія мѣста, стараясь возбуждать людей къ дѣйствіямъ противъ Московскаго правительства. Иногда раскольники собирались въ большія шайки, грабили на Волгѣ людей, приступали къ городамъ въ низовомъ Поволжьѣ и наводили страхъ на мѣстныхъ воеводъ[1]). Подобные факты въ связи съ появленіемъ въ описываемое время осѣдлаго населенія на правой сторонѣ Волги, южнѣе Сызрани и Кашпира, должны были озабочивать русское правительство. Между тѣмъ въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ выступаетъ Петръ Великій, неутомимая энергія котораго обнаружилась вскорѣ послѣ его восшествія на русскій престолъ. Какъ извѣстно, Петръ послѣ своей сестры Софьи унаслѣдовалъ непріязненныя отношенія къ Турціи, и вотъ этою

---

[1]) Акт. Ист. т. V, №№ 220 и 254. Ист. Рос. С. Соловьева т. XIII, 360 с.; т. XIV, 82—83, 284 сс.

войной онъ рѣшился воспользоваться для осуществленія своей мысли—утвердиться на берегу моря. Для этого въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка (1695 и 1696 г.) Петръ предпринималъ два похода къ Черному морю на укрѣпленный приморскій городъ Азовъ, принадлежавшій Туркамъ, и, наконецъ, завладѣлъ имъ. Но, овладѣвши городомъ, лежавшимъ вдали отъ центра русской власти и въ сторонѣ отъ остальныхъ русскихъ городовъ, Петръ долженъ былъ закрѣпить его за Россіею, сдѣлать русскимъ городомъ, этого же можно было достигнуть лишь водвореніемъ здѣсь русской военной силы и поселеніемъ русскихъ людей. Поэтому царскимъ указомъ велѣно было, чтобъ «служилые люди казаки, засѣчные сторожи и станишники изъ Низовыхъ городовъ: Симбирска, Саранска, Инсара и Пензы, которые въ уѣздахъ тѣхъ городовъ были устроены землями и поселены были слободами, всего 3007 съ женами и съ дѣтьми переведены (были) на вѣчное житье въ Азовъ»; изъ одного Налуевскаго городища переведено было въ Азовъ 198 засѣчныхъ сторожей[1]). Сверхъ того было опредѣлено: быть всегда въ Азовѣ въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ Московскимъ стрѣльцамъ и годовымъ солдатамъ[2]). Одновременно съ переселеніемъ массы людей съ Симбирской и Сызранской укрѣпленныхъ чертъ русское правительство, кажется, вознамѣрилось провести въ Поволжьѣ новую черту южнѣе Сызранской, такъ какъ послѣдняя, въ описываемое время, послѣ появленія на Волгѣ ниже Кашпира новыхъ поселковъ, уже не вполнѣ соотвѣтствовала своему назначенію: служить защитой окраинному населенію отъ опасностей со стороны кочевыхъ непріятелей. Поводомъ же къ такому рѣшенію могло послужить намѣреніе молодаго царя соединить каналомъ Волгу съ Дономъ[3]). И въ самомъ дѣлѣ, укрѣпленная черта, проведенная въ здѣшнихъ мѣстахъ, могла защитить не только поселки, появившіеся южнѣе Кашпира въ

---

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Межев. кн. за № 159, л. 37, обор.
[2]) Ист. Рос. С. Соловьева т. XIV, 216 с.
[3]) Каналъ долженъ былъ проходить между рѣкою Илавлею, притокомъ Дона, и рѣчкою Камышенкою, притокомъ Волги.

восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ XVII столѣтія, но и городъ Саратовъ. Кромѣ черты подлѣ Камышенки, правительство на этомъ большомъ пространствѣ, вѣроятно, въ видахъ той же защиты своего окраиннаго населенія не только противъ кочевниковъ, но и со стороны русскихъ бѣглецовъ-удальцовъ, рѣшилось выстроить на рѣкахъ Медвѣдицѣ и Хопрѣ по одному городу: на первой построенъ былъ Петровскъ, а на второй Павловскъ. Петровская крѣпость выстроена была (1697—1698 гг.) изъ дубоваго лѣса на лѣвомъ берегу р. Медвѣдицы и имѣла четыреугольную форму; эта крѣпость обнесена была валомъ, по которому шла стѣна съ восемью башнями, а подлѣ вала былъ выкопанъ глубокій ровъ[1]). Для заселенія новыхъ городовъ назначены были люди, жившіе по вышеупомянутымъ укрѣпленнымъ линіямъ. Объ этомъ говорится слѣдующее: «которые въ тѣхъ слободахъ за тѣми азовскими переведенцами остались третчики и половинщики, и тѣхъ велѣно перевесть на вѣчное житье въ новопостроенные городы: на Медвѣдицу — въ Петровской, да на Хоперъ—въ Павловской». Должно быть, въ воспоминаніе о родныхъ мѣстахъ нѣкоторыя улицы въ Петровскѣ доселѣ носятъ названія, происходящія отъ Пензы, Саранска, Инсара и т. под. Первые жители записаны были въ пахотные солдаты, воротники, пушкари и затинщики; пахотные солдаты дѣлились на четыре роты и были снабжены ружьями; другіе служилые люди обязаны были находиться въ случаѣ обороны отъ непріятелей при пушкахъ и воротахъ крѣпостныхъ[2]). Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, что масса слободскаго служилаго населенія, поселенная на Сызранской чертѣ для охраны и защиты здѣшнихъ окраинъ, была переведена отсюда въ отдаленный Азовъ и въ новые города, построенные на притокахъ р. Дона; такимъ образомъ русская граница въ этихъ мѣстахъ была, повидимому, обнажена. Но нельзя допустить, чтобъ правительство молодаго царя обнажало окраину отъ защиты, не

---

[1]) «Историч. очер. Саратовск. края». Леопольдова, 59 с.

[2]) Арх. Мин. Юст. III отд. Меж кн. за № 159, л. 37, обор. и 270 л. «Историч. очер. Сарат. кр.» Леопольдова 59 с.

предпринимая въ тоже время въ иныхъ мѣстахъ новыхъ защитительныхъ мѣръ въ пользу обнаженныхъ земель. Между жителями города Камышина сохранилось преданіе о томъ, будто бы въ 1692 году Казанскій воевода бояринъ князь Черкасскій, согласно полученному указу, собралъ со всѣхъ городовъ Казанской области тысячу человѣкъ изъ стрѣльцовъ и черносошныхъ крестьянъ, и сформировалъ изъ нихъ полкъ. Четыре года спустя, полку этому велѣно было отправиться съ семействами въ городъ Камышенку, куда они и прибыли въ концѣ лѣта 1697-го года[1]). Показанія нѣкоторыхъ старожиловъ города Дмитріевска, дошедшія до насъ отъ первой половины XVIII-го вѣка, подтверждаютъ отчасти мѣстное преданіе. Отставные и служилые солдаты того времени показывали, что они «по указу Петра перваго въ прошлыхъ давнихъ лѣтехъ переведены изъ Казани и изъ прочихъ верховыхъ городовъ на рѣку Камышенку для построенія вновь города Дмитріевска и для содержанія карауловъ и разныхъ служебъ». Прозвище «Лаишевецъ» одного изъ казаковъ—старожиловъ половины XVIII-го вѣка можетъ также свидѣтельствовать, что Поволжскіе города преимущественно доставили контингентъ для населенія города Дмитріевска[2]). Доказательствомъ того, что городъ Дмитріевскъ построенъ не ранѣе начатія работъ по проведенію соединительнаго канала между Волгою и Дономъ, т. е., не ранѣе девяностыхъ годовъ XVII вѣка, можетъ также служитъ и грамота патріарха Адріана къ Астраханскому митрополиту, написанная весною 1699-го года: въ ней городъ Дмитріевскъ названъ «новопостроеннымъ» городомъ. Сверхъ того, иностранный путешественникъ начала XVIII вѣка (въ маѣ 1703 г.), посѣтившій проѣздомъ Камышинъ, свидѣтельствуетъ, что городъ былъ тогда еще не вполнѣ обстроенъ и говоритъ, что постройка города начата была за четыре года предъ этимъ временемъ[3]);

---

[1]) Город. Посел. Рос. Им. т. IV, 436 с.

[2]) Арх. Мин. Юст. III отд. Дѣла Сарат. уѣзда. Вязка 61, дѣло за № 2300.

[3]) «Путешествіе Корнилія де-Бруина» Чт. Об. Ист. и Др. Рос. 1872 г. 3 ч. 179 с. Пытаемся опредѣлить время построенія города Дмитріевска на

самое время отвода пахоты и угодій первымъ насельникамъ города Дмитріевска (что совершилось лишь въ началѣ XVII столѣтія (1707 г.)), также косвенно подкрѣпляетъ то, что городъ здѣсь построенъ не ранѣе девяностыхъ годовъ XVII вѣка, ибо, какъ мы уже не разъ видѣли, отводъ земель и угодій новоселенцамъ происходилъ вскорѣ послѣ ихъ водворенія на новомъ мѣстѣ[1]). Къ основанію города въ этомъ мѣстѣ низоваго Поволжья правительство могло быть побуждаемо рѣшеніемъ построить здѣсь соединительный каналъ между Волгою и Дономъ; этотъ каналъ вслѣдствіе большаго значенія, которое ему придавало русское правительство для торговли, нужно было тщательно охранять отъ опасностей въ низовомъ Поволжьѣ, которыя, по свидѣтельству путешественника половины XVII вѣка, особенно велики были именно въ здѣшнихъ мѣстахъ[2]). Что же касается укрѣпленной черты, которую, повидимому, правительство имѣло въ виду провести въ здѣшнихъ мѣстахъ, то объ этомъ мы можемъ догадываться по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ.

рѣчкѣ Камышенкѣ въ виду маловѣроятнаго извѣстія о постройкѣ этого города, находящагося въ Географич. Лексик. Рос. Госуд. Полунина, изд. въ 1773 г.; здѣсь на 82 стр. сказано слѣдующее: «Дмитріевскъ или Камышенка, при устьѣ р. Камышенки, построенъ въ 1668 году и укрѣпленъ англійскимъ полковникомъ, бывшимъ въ русской службѣ, Томасомъ Байлемъ».

[1]) По просьбѣ служилыхъ людей города Дмитріевска сюда присланъ былъ «нарочно изъ приказа Казанскаго дворца дьякъ Макаръ Полянскій», который въ 1707 году отвелъ имъ «вокругъ города Дмитріевска на выпускъ и на сѣнные покосы, также лѣсныя мѣста и воды для рыбныхъ ловель» по нагорной и по луговой сторонѣ на 440 десятинъ; между прочимъ по луговой сторонѣ рѣка Еруслапъ съ вершинами; а на р. Волгѣ острова: Дубовскій Камышенскій и Шишкинскій. Арх. Мин. Юст. III отд. Саратов. у. дѣла Вязка 61-я, № дѣла 2300.

[2]) Олеарій въ своемъ путешествіи говоритъ слѣдующее объ этомъ мѣстѣ: «По этимъ рѣкамъ (Камышенкѣ и Илавлѣ) Донскіе казаки на легкихъ челнахъ заплываютъ и въ Волгу, отъ чего мѣсто это считается самымъ опаснымъ по разбоямъ»; далѣе онъ говоритъ о большомъ побоищѣ, которое «не много лѣтъ тому назадъ» было на этомъ мѣстѣ между русскимъ войскомъ и казаками, которые укрѣпились здѣсь «и хотѣли запереть свободный ходъ по Волгѣ»; во время сраженія съ обѣихъ сторонъ погибло около 1000 человѣкъ. Де-Брюину въ началѣ XVIII стол. тоже разсказывали въ г. Камышинѣ о нападеніяхъ Донскихъ казаковъ въ этомъ мѣстѣ. Чт. Об. Ист. и Др. Рос. 1869 г. I, 436 с; 1872 г. 3 ч., 180 с.

На самой Волгѣ, около рѣчки Камышенки, кромѣ города Дмитріевска, стоявшаго на лѣвой сторонѣ рѣчки на высокомъ мѣстѣ, находилось на правой сторонѣ другое укрѣпленіе, которое, по своему положенію, почиталось какъ бы частью перваго и называлось Петровскъ[1]). Кромѣ этихъ новопостроенныхъ городовъ «у Волги рѣки на усть рѣчки Камышенки», имѣлось въ виду, судя по выраженію патріаршей грамоты конца XVII-го столѣтія, построить и другіе города *«по чертѣ къ Дону рѣкѣ»*, въ которыхъ должны были быть выстроены церкви; слишкомъ значительное для вновь построеннаго укрѣпленія число семей служилыхъ людей, бывшихъ въ началѣ XVIII столѣтія въ Камышинѣ (ихъ жило тогда 4000 семей), косвенно можетъ также свидѣтельствовать о намѣреніи въ то время русскаго правительства построить въ этой мѣстности новую укрѣпленную черту[2]). Сами старожилы города Дмитріевска въ своей челобитной правительству въ половинѣ XVIII столѣтія писали, что они «по строеніи города (Дмитріевска), за неимѣніемъ въ то время Царицынской линіи, отъ набѣговъ Кубанскихъ имѣли неусыпные въ службѣ труды и всеусердное *по присяжной своей должности* стараніе». Такимъ образомъ можно предположить, что служба служилыхъ людей въ здѣшнихъ мѣстахъ до постройки въ 1719 году Царицынской линіи, замѣняла собою службу служилыхъ людей на этой послѣдней[3]),

---

[1]) «Stromsyst. Wolga» von Müller 499 р. Город. Пос. Рос. Им. IV, 437 с.

[2]) Чтеніе Общ. Ист. и Др. Рос. 1872 г. 3 ч., 180 с.

[3]) Арх. Мин. Юст. III отд. Сарат. уѣзд. дѣла. Вязка 61, дѣло за № 2300. Доп. А. И. т. XII, № 98. Цвѣтущее сост. Всерос. Государ. Ив. Кириллова II-ая ч., 29—30 сс. Трудно допустить, чтобъ патріархъ въ своей грамотѣ подъ «чертой» между Волгою и Дономъ разумѣлъ только строившійся въ то время каналъ.

ГЛАВА IV-я.

Земли, защищенныя Закамскою чертою и ихъ положеніе сравнительно съ землями, замыкаемыми Симбирскою чертою. Заселеніе Закамскихъ земель послѣ проведенія Закамской черты. Русскія и инородческія поселенія въ здѣшнихъ мѣстахъ. Водвореніе Полоцкой шляхты на р.р Уткѣ и Майнѣ. Построеніе острожковъ на р.р. Уткѣ и Майнѣ. Крестьянская колонизація на земляхъ Прикамскихъ. Хозяйственныя условія въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка Нижегородскаго и нѣкоторыхъ иныхъ уѣздовъ внутренней Россіи и выселенія крестьянъ въ низовое Поволжье. Русскіе и инородческіе поселки въ предѣлахъ р.р. Утки, Майны и Уреня въ послѣдней четверти XVII столѣтія. Башкирцы и Калмыки въ прикамской сторонѣ и ихъ дѣйствія здѣсь. Продолженіе заселенія Примайнскихъ странъ русскими людьми и инородцами. Состояніе русскихъ и инородческихъ поселеній на земляхъ Примайнскихъ въ концѣ XVII вѣка. Водвореніе иноземцевъ на р.р. Бездвѣ, Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ въ концѣ описываемаго вѣка. Положеніе крестьянъ и служилыхъ людей въ Прикамской сторонѣ въ концѣ столѣтія.

Земли, защищенныя Закамской линіею, пространствомъ своимъ были обширнѣе земель, которыя замыкались укрѣпленною Симбирскою чертою; послѣднія, будучи меньше по своему пространству, въ тоже время находились въ болѣе благопріятномъ положеніи относительно кочеваго населенія степи, чѣмъ Закамскія земли: Симбирская полоса лежала, съ одной стороны, вдали отъ Крыма и Кубани, а съ другой—ширина и глубина Волги нѣсколько защищали ее отъ хищническихъ нападеній Калмыковъ и Башкиръ. Находясь въ такомъ сравнительно благопріятномъ положеніи къ степному населенію, Симбирскія земли, кромѣ того, соединялись съ коренными русскими областями,—примыкали къ нимъ непосредственно. Вслѣдствіе этого русскому населенію изъ значительныхъ городовъ и густо населенныхъ странъ двигаться въ Симбирскую сторону было легче и удобнѣе, чѣмъ въ Закамскія страны; Симбирскія земли по

своему положенію могли нерѣдко быть переходными даже для людей, которые стремились къ переселенію въ Закамскую сторону. При подобныхъ условіяхъ землямъ, защищеннымъ Симбирскою чертою, всего естественнѣе было скоро заселиться, и неудивительно, что служилые и неслужилые люди довольно скоро спускаются ниже Симбирской черты и заселяютъ постепенно земли, лежащія за валомъ вмѣстѣ съ Самарскую лукою, такъ что уже въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка является необходимость построить новый городъ Сызрань съ Сызранско-Пензенскою укрѣпленною чертою. Совершенно въ иномъ положеніи находились Закамскія земли: съ одной стороны онѣ граничили со степью, гдѣ жили кочевые Башкирцы и Калмыки, при всякомъ случаѣ готовые не только поживиться достаткомъ осѣдлаго населенія, но и захватить въ плѣнъ самого поселенца вмѣстѣ съ членами его семейства, чтобъ выгодно сбыть этотъ живой товаръ на рынкахъ средней Азіи; съ другой стороны эти земли примыкали къ Камѣ рѣкѣ, по которой населеніе, за исключеніемъ южной части ея, было очень рѣдко: огромныя пространства правой, нагорной стороны Камы, заняты были еще дремучими лѣсами, поджидавшими себѣ населенія, которое не особенно сюда спѣшило, предпочитая иныя болѣе благопріятныя страны. Вслѣдствіе этого медленный процессъ колонизаціи Закамскихъ земель, замыкаемыхъ укрѣпленною Закамскою чертою, является естественнымъ результатомъ тѣхъ условій, въ которыя онѣ были поставлены. Къ этому слѣдуетъ прибавить и то, что вслѣдствіе болѣе значительнаго пространства, захваченнаго Закамскою чертою, земли эти для своего заселенія требовали гораздо большаго количества людей, чѣмъ земли, защищенныя Симбирскою укрѣпленною чертою.

Еще до окончанія постройки Закамской черты земли на Камѣ, давно покинутыя своимъ населеніемъ и лежавшія «отъ татарскаго разоренія впустѣ», начали привлекать вниманіе нѣкоторыхъ лицъ, обладавшихъ средствами. Такъ, напримѣръ, игуменъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря выхлопоталъ у правительства въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія (1655 г.)

на оброкъ «порозжую землю за р. Камою противъ устья рѣки Икъ» вмѣстѣ съ лѣсомъ, сѣнными покосами и рыбными ловлями,—причемъ инородцы ближайшихъ деревень, подтверждая тотъ фактъ, что «нынѣ та земля лежитъ впустѣ и лѣсомъ поросла», свидѣтельствуютъ также и о томъ, что на этихъ мѣстахъ «въ прежніе годы живали на пашенной землѣ отцы ихъ», которые отъ нападенія на нихъ съ боемъ «съ той земли розошлися розно на новыя мѣста, и съ тѣхъ мѣстъ ту землю покинули и та земля поросла лѣсомъ»[1]). Послѣ проведенія Закамской линіи тотъ же игуменъ Богоявленскаго монастыря получилъ въ оброкъ «порозжую землю», которую онъ съ братьею «обыскалъ въ Казанскомъ уѣздѣ на Волгѣ рѣкѣ противъ города Симбирска внизъ по Волгѣ», указывая при этомъ правительству, что «та земля, луги и лѣсъ—мѣсто степное, лежитъ впустѣ, никому не отдана»[2]). Но, кромѣ игумена отдаленнаго Костромскаго монастыря, послѣ окончанія укрѣпленной черты на здѣшнія земли обратилъ вниманіе человѣкъ съ значительными средствами и большимъ вліяніемъ на Руси — патріархъ Московскій и всея Россіи. Въ надеждѣ, что съ проведеніемъ Закамской черты утвердится безопасность въ здѣшней сторонѣ, патріархъ поспѣшилъ пріобрѣсти земли на рѣкахъ Уткѣ и Майнѣ, притокахъ рѣки Волги; на правомъ берегу первой, подлѣ Балымерскаго городища, онъ завелъ поселенія, между которыми впослѣдствіи упоминаются село съ деревнею; на берегу другой рѣчки, Майны, позднѣе тоже упоминаются патріаршіе поселки, среди которыхъ встрѣчаемъ село съ церковью, и деревню. На другой сторонѣ Майны, на полянкѣ, по всей вѣроятности для защиты вышеупомянутыхъ поселеній, водворены были «за патріархомъ бѣлопашенные казаки». Въ патріаршихъ селахъ и деревняхъ на рѣкахъ Уткѣ и Майнѣ при усадьбахъ отведены были земли, на которыхъ заведены были «пашня и сѣн-

[1]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. грам. за № 6488.

[2]) Въ межахъ этой земли говорится, что она на 10 верстъ южнѣе Симбирска, при чемъ не разъ упоминается рѣчка Камаюръ, впадающая въ рѣку Волгу южнѣе Симбирска съ лѣвой стороны. Тамъ же грам. 1661 г. за № 6498.

ные покосы и всякія угодья»[1]). Съ окончаніемъ же укрѣпленной черты не одни русскіе люди стремяться въ Закамскую сторону, богатую черноземною почвою и естественными произведеніями, — сюда направляются также и инородцы. Природныя богатства здѣшнихъ рѣкъ и лѣсовъ искони были извѣстны инородцамъ Казанскаго уѣзда, и они, какъ мы знаемъ, не оставались праздными созерцателями этихъ богатствъ, а пользовались ими въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ. Но пользованіе нѣкоторыми природными богатствами здѣшней страны не требовало постояннаго пребыванія здѣсь инородца: онъ могъ лишь на время приходить сюда, справляться съ состояніемъ своихъ бортей въ лѣсахъ, съ бобровыми гонами и рыбными ловлями въ мѣстныхъ рѣкахъ, пользоваться тѣми произведеніями, которыя попадали въ его руки и возвращаться въ Казанскій или Свіяжскій уѣзды, гдѣ находилось его мѣстожительство. Но такъ поступать инородецъ могъ лишь до тѣхъ поръ, пока здѣшнія земли были пустынны; когда же стали появляться здѣсь постоянныя поселенія, то инородцу было необходимо селиться подлѣ своихъ угодій, чтобъ блюсти за ихъ неприкосновенностью со стороны постороннихъ людей. Кромѣ того, плодородіе черноземной почвы, нетронутой еще обработкой, тоже должно было привлекать служилыхъ инородцевъ сосѣднихъ уѣздовъ, которые при земледѣліи могли заниматься тутъ и другими промыслами. И вотъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія (1661 г.) сынъ служилаго татарина Симбирскаго уѣзда *Янганайка Кадышевв* предоставляетъ братьямъ своимъ владѣть на родинѣ отцовскою помѣстною землею и нести съ нея государеву службу, а самъ отправляется въ Казань и выхлопатываетъ себѣ и будущимъ своимъ сотоварищамъ на берегу рѣки Уреня пахотной земли съ сѣнными покосами около Волги, обязываясь за это нести государеву службу по Казанскому уѣзду; вслѣдствіе этого на лѣвой сто-

---

[1]) Арх. Мин. Ю т. III отд. Писц. кн. за № 1127 лл. 629, 631, 649 и 652; кн. 13 за № 6452, № дѣла 55, л. 4.

ронѣ Уреня, притокѣ рѣки Волги, появляется деревня *Янганаева*, Яртудина тожъ, населенная служилыми татарами, которые несутъ впослѣдствіи полковую службу по Казани съ пожалованныхъ имъ земель[1]). На другой сторонѣ рѣки Уреня, ближе къ устью, на притокѣ ея, небольшой рѣчкѣ Кременкѣ, основывается также поселеніе, о которомъ, впрочемъ, намъ извѣстно лишь то, что «въ тѣхъ *росчищахъ* надъ рѣчкою Кременкою селидьба бывала до селидьбы патріаршихъ крестьянъ»[2]). Вмѣстѣ съ описанными здѣсь поселеніями въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка по Уреню и по Майнѣ съ ея притокомъ, рѣчкою Красною, появляются другіе поселки, мордовскіе и татарскіе, которыхъ насельники между прочимъ занимаются также и пашнею; но, по всей вѣроятности, главное занятіе инородцевъ въ здѣшнихъ мѣстахъ были промыслы, особенно бортный, ибо въ правительственныхъ актахъ конца шестидесятыхъ годовъ говорится прямо: «на Закамской чертѣ безъ бортныхъ ухожеевъ лѣсовъ мало, потому что за Камою рѣкою въ лѣсахъ все бортные ухожеи во всей Закамской чертѣ», въ другомъ мѣстѣ это же самое выражено еще рѣзче: «а безъ бортныхъ ухожеевъ во всей Закамской чертѣ лѣсовъ нѣтъ»[3]). Вспоминая огромныя пространства дѣвственныхъ лѣсовъ, которые упоминаются при описаніи Закамской черты, мы получаемъ ясное представленіе о главномъ занятіи инородцевъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и о степени развитія у нихъ бортнаго промысла. Слѣдуетъ указать и на то еще, что при своемъ поселеніи здѣсь русскіе люди чаще всего предпочитаютъ мѣста около Волги и, вообще, недалеко отъ устьевъ здѣшнихъ рѣкъ, между тѣмъ какъ инородцы селятся по среднему теченію рѣкъ или же въ верховыхъ частяхъ. За тѣмъ при выборѣ мѣстъ для поселенія русскіе, какъ люди, главнымъ образомъ занима-

[1]) Тамъ же Казань, переп. кн. за № 7, дѣло за № 152, лл. 228, 237 и 259.

[2]) Тамъ же Писц. кн. за № 1127, лл. 651 и 668.

[3]) Тамъ же лл. 632, 649, 651 и 670.

вшіеся земледѣліемъ, предпочитали мѣстность открытую, свободную отъ лѣса, который въ здѣшнихъ мѣстахъ былъ только лишнимъ препятствіемъ для земледѣльца, препятствіемъ, требовавшимъ отъ него значительнаго предварительнаго труда,—очищенія почвы для пахоты. Сохранившіяся наименованія нѣкоторыхъ деревень, бывшихъ за патріархомъ на р.р. Уткѣ и Майнѣ, доказываютъ это наглядно: онѣ называются Полянка и Застепная[1]). Инородцы же по свойству своихъ любимыхъ занятій должны были предпочитать мѣста у лѣсныхъ опушекъ, если не самыя полянки въ лѣсу[2]).

Такъ началось въ разныхъ мѣстахъ заселеніе обширной страны, въ надеждѣ на прочную защиту со стороны вновь проведенной укрѣпленной черты. Защита эта и на самомъ дѣлѣ существовала, но далеко не въ той степени, какъ ожидали нѣкоторые изъ предпріимчивыхъ колонизаторовъ, которые поспѣшили пріобрѣсти отъ правительства земли въ здѣшнихъ мѣстахъ и заселили ихъ въ ожиданіи значительныхъ выгодъ. По всей вѣроятности, кочевые обитатели сосѣдней степи не замедлили своими нападеніями дать почувствовать новымъ колонистамъ, что сооруженіемъ Закамской линіи достигнута была лишь относительная безопасность здѣшнихъ мѣстъ, ибо мы знаемъ, что вотчиннымъ крестьянамъ Троицкаго Елабужскаго монастыря около этого времени «отъ приходу измѣнниковъ Башкирцевъ и Татаръ чинилось разоренье не по одно время», и что нѣкоторые изъ крестьянъ «были пожжены, а иные посѣчены и въ полонъ пойманы»[3]). Объ одномъ же изъ нападеній Башкирцевъ 1666 г., дошедшихъ до устьевъ рѣки Камы, мы имѣемъ даже извѣстіе, которое, не смотря на свою отрывочность, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на положеніе насельника въ здѣшней сторонѣ послѣ

---

[1]) Тамъ же лл. 631, 649, 652; кн. за № 13, дѣло за № 55, л. 4.

[2]) Такъ, напримѣръ, берега средняго теченія р. Майны съ притокомъ ея р. Красною, по которымъ въ то время находились Мордовскіе поселки, еще и въ настоящее время покрыты огромными лѣсами. См. спец. карту Евр. Рос. (машт. 10 вер.) 1870 г. № 110.

[3]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. грам. за № 6562.

проведенія Закамской черты. Въ царской грамотѣ, данной Казанскому Преображенскому монастырю, говорится, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ вышеупомянутаго года «измѣнники Башкирцы Закамскую вотчину Преображенскаго монастыря, деревню Чертыкъ, разорили», — при чемъ указываются и данныя, свидѣтельствующія о матеріальномъ ущербѣ, понесенномъ деревнею, которая за двадцать слишкомъ лѣтъ предъ этимъ испытала разореніе отъ Калмыковъ: въ грамотѣ сказано, что во время нападенія, «по досмотру и по доѣзду станичнаго головы и по сказкѣ крестьянина деревни Чертыкъ, въ полонъ взято монастырскихъ крестьянъ 42 человѣка, да побито 7 человѣкъ,—2 человѣка ранены; да въ деревнѣ жъ Чертыкѣ сожжено 4 крестьянскихъ двора; а людей въ тѣхъ дворѣхъ сгорѣло: посельской старецъ да 20 человѣкъ крестьянъ»[1]). Отсюда можно видѣть, что даже поселенія, лежавшія на р. Чертыкѣ, по прежнему испытывали отъ кочевниковъ опустошенія, послѣ которыхъ поселокъ не скоро могъ оправиться. Но само собою понятно, что съ постепеннымъ удаленіемъ поселеній отъ береговъ Камы опасность, грозившая имъ въ здѣшней сторонѣ, должна была сильно увеличиваться, при чемъ поселенія, лежавшія въ чистомъ полѣ или въ степныхъ мѣстахъ, подвергались гораздо большимъ опасностямъ, чѣмъ поселки, находившіеся въ лѣсу или же подлѣ лѣсной опушки; поселенія, подобныя послѣднимъ, могли быть либо совсѣмъ незамѣчены вторгнувшимися непріятелемъ, либо насельники могли укрыться въ лѣсу, въ которомъ легко спасались въ такомъ случаѣ. Вслѣдствіе подобныхъ условій мы находимъ, что русскія поселенія наУткѣ и Майнѣ, принадлежавшія патріарху, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія совершенно исчезаютъ, между тѣмъ какъ инородческіе поселки большей частью сохраняются, ибо акты того времени упоминаютъ о нихъ, какъ о существующихъ въ области рѣкъ Майны и Уреня. Такимъ образомъ для мѣстной

[1]) Тамъ же, Собран. грам. Преображ. монастыря подъ № 6429, грам. 1667 года.

власти должно было стать ясно, что для безопасности русскаго населенія въ здѣшней сторонѣ одной Закамской черты съ ея укрѣпленіями недостаточно, что мѣстами здѣсь необходимы особыя укрѣпленія, независимо отъ сооруженій по укрѣпленной линіи, что полезно было бы водвореніе здѣсь такого рода насельниковъ, которые не только были бы въ состояніи держать въ рукахъ земледѣльческое орудіе, но при необходимости могли бы замѣнять его оружіемъ для успѣшнаго дѣйствованія противъ внезапно появившагося непріятеля. Такіе люди въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII вѣка были въ распоряженіи русскаго правительства, которое и воспользовалось ими въ своихъ интересахъ на здѣшней окраинѣ.

Въ началѣ польской войны при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ почти одновременно со взятіемъ Смоленска царскія войска овладѣли другимъ древне-русскимъ городомъ на западной окраинѣ—Полоцкомъ. Въ Полоцкѣ, подобно Смоленску, пограничной крѣпости Польскаго государства, находилось особое мѣстное войско,—такъ называемая «Полоцкая шляхта», состоявшая изъ полковника, ротмистровъ, поручиковъ, хорунжихъ и рядовыхъ людей, которые послѣ сдачи Полоцка поступили въ распоряженіе русскаго правительства. Въ то время, какъ Полоцкъ по Андрусовскому перемирію (1667 г.) былъ возвращенъ Польшѣ, Полоцкая шляхта съ полковникомъ Гаврилою Гаславскимъ обнаружила должно быть желаніе остаться на Руси, чтобъ служить русскому государю. И вотъ московское правительство въ 1668 году рѣшилось водворить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Закамской стороны Полоцкую шляхту, подобно тому, какъ въ пятидесятыхъ годахъ этого же столѣтія, оно поселило подлѣ разныхъ острожковъ Закамской черты Смоленскую шляхту четырехъ знаменъ. Шляхты «Гаврилова полку Гаславскаго съ товарыщи» въ распоряженіи правительства было 532 человѣка. Съ самаго начала всѣ они раздѣлены были на двѣ группы: къ первой, небольшой группѣ съ полковникомъ во главѣ, принадлежали тѣ изъ нихъ, которымъ вмѣстѣ съ землею и угодьями рѣшено было дать и крестьянъ; остальнымъ же

предположено было отвести въ здѣшнихъ мѣстахъ одну лишь землю съ угодьями. Принявъ во вниманіе, что между получившими и неполучившими крестьянъ шляхтичами встрѣчаются одинаково люди чиновные и нечиновные, затѣмъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что всѣ шляхтичи, получившіе крестьянъ, за исключеніемъ одного ротмистра, поселены были по обѣимъ сторонамъ православной церкви, можно предполагать, что крестьянъ получили тѣ шляхтичи, которые либо исповѣдывали уже православную вѣру, либо согласились предварительно принять православіе. Говоримъ это потому, что трудно предположить, чтобъ русское правительство при такомъ религіозномъ царѣ, какимъ, безъ сомнѣнія, былъ царь Алексѣй Михайловичъ, рѣшилось предоставить православныхъ людей во владѣніе не только иноземцамъ, но и иновѣрцамъ. Присутствіе же православныхъ среди полоцкой шляхты допустить слѣдуетъ тѣмъ скорѣе, что городъ Полоцкъ съ своею областью очень долгое время принадлежалъ древней Россіи и тамъ, не взирая на дѣятельную католическую пропаганду въ XVII столѣтіи, могло еще сохраниться православіе въ нѣкоторыхъ дворянскихъ семьяхъ, потому что, какъ извѣстно, религіозная сфера принадлежитъ къ консервативнѣйшимъ въ человѣческихъ обществахъ.

Въ началѣ 1668 года (сентяб.) изъ Казанскаго приказа, находившагося въ Москвѣ, отправлена была грамота въ Казань на имя тамошнихъ воеводъ, въ которой говорилось, что «государь указалъ и бояре приговорили всю Полоцкую шляхту Гаврилова полку Гаславскаго съ товарищи, которые были на Москвѣ и которые были въ Казани, всѣхъ разобрать по статьямъ въ Казани и устроить ихъ землями въ Казанскомъ уѣздѣ по Закамской чертѣ; а на тѣ земли, продолжаетъ грамота, указалъ великій государь взять крестьянъ изъ Казанскаго, Свіяжскаго Царевококшайскаго и изъ Еранскаго уѣздовъ изъ дворцовыхъ селъ великаго государя—съ двадцати дворовъ по крестьянину съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ животы и съ хлѣбомъ»[1]).

---

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, отказ. старыхъ лѣтъ, кн. 13, № 2 л. 1.

Вслѣдствіе этого распоряженія въ началѣ весны того же года отправлены были изъ Казани служилые люди въ дворцовыя села названныхъ уѣздовъ, для того, чтобъ въ тѣхъ селахъ съ тянувшими къ нимъ деревнями и починками «переписатъ крестьянъ и сосѣдъ и подсосѣдниковъ и ихъ братью и племянниковъ со отцы и съ прозвищи всякаго человѣка и, переписавъ, выбрать изъ того села и изъ деревень съ двадцати дворовъ по крестьянину съ женами и съ дѣтьми и со всѣми крестьянскими животы и съ хлѣбомъ». Въ другомъ мѣстѣ находимъ указаніе на то, что относительно зажиточности выборъ крестьянъ производился «изъ середней статьи, съ жеребья», т. е., приблизительно съ каждыхъ двадцати дворовъ крестьянскихъ, «по сказкамъ земскихъ старостъ и за руками всѣхъ крестьянъ», выбирались по зажиточности крестьяне средней статьи, которые и вынимали жребій; крестьянинъ, вынувшій жребій, со всею семьею и имуществомъ поступалъ въ число крестьянъ, предназначенныхъ для Полоцкой шляхты[1]). Вслѣдствіе этого распоряженія дворцовымъ крестьянамъ вышепоименованныхъ уѣздовъ выпала тяжкая доля, потому что каждому переселенцу въ настоящемъ случаѣ необходимо было разстаться съ общиною, въ которой онъ если и не родился, то во всякомъ случаѣ могъ успѣть обжиться и достигнуть средней зажиточности въ крестьянскомъ хозяйствѣ; теперь же это хозяйство, при переѣздѣ въ далекія, незнакомыя мѣста, должно было неминуемо разстроиться. Сверхъ того ему на новомъ мѣстѣ являлась въ перспективѣ власть помѣщика — иноземца. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что тягости, лежавшія на жеребьевыхъ крестьянахъ, должны были распредѣлиться между остальными членами крестьянской общины. Ничего нѣтъ удивительнаго по этому, что при такихъ обстоятельствахъ въ нѣкоторыхъ людныхъ селахъ Свіяжскаго уѣзда (въ Тенкахъ и Ключищахъ) «старосты и всѣ крестьяне, по словамъ перепищика, указу великаго государя не послушали, учинились сильны, къ книгамъ

[1]) Тамъ же № 6, л. 3 и другіе.

рядовой *породной шляхты*». По поводу земель, которыя должны были отводится Полоцкой шляхтѣ безъ крестьянъ, говорится слѣдующее: «а давать имъ безъ крестьянъ землю съ ряду съ одного и не выборомъ, противъ указу и разбору, а лишніе земли сверхъ указу одноличио никому не давать; а что, сказано далѣе, будетъ земли за ихъ дачами, и то потому жъ измѣрить и положить въ четверти и отъ ихъ земли отмежевать». Наконецъ въ наказѣ находится и повелѣніе о томъ, чтобъ Полоцкой шляхтѣ не отводить мѣстъ, гдѣ въ старину были укрѣпленные города: «а на которыхъ мѣстехъ на рѣкахъ на Уткѣ и на Майнѣ бывали старые городищи и валы и осыпи со всякими крѣпостьми, и тѣхъ мѣстъ шляхтѣ не давать, потому что въ тѣхъ мѣстахъ будутъ построены по прежнему городы и всякіе крѣпости»[1]). Вслѣдствіе такого приказанія центральнаго правительства въ концѣ того же года (августъ) изъ Казани отправлены были съ подробнымъ наказомъ на рр. Утку и Майну служилый дворянинъ Михаилъ Бараковъ и подъячій Анисимъ Чередѣевъ съ порученіемъ исполнить все вышеупомянутое. И вотъ они, пріѣхавъ на Утку и Майну, остановили свое вниманіе на мѣстахъ, «гдѣ прежъ сего были патріаршія села и деревни, усадьбы, пашня и земли и сѣнные покосы и всякія угодья»; все это они «описали и въ четверти положили и на чертежъ начертили»; на этихъ-то земляхъ, по ихъ словамъ, и были «построены усадьбою и пашенною землею и сѣнными покосы со всѣми угодьи» полковникъ съ ротмистрами, поручиками, хорунжими и рядовою шляхтою, «*которые пріѣхали на Утку и на Майну рѣки принимать земли*». Большая часть прибывшихъ шляхтичей (таковыхъ же оказалось очень не много) водворены были на р. Майнѣ. Здѣсь по лѣвой сторонѣ, надъ рѣкою Майною, на мѣстѣ прежняго патріаршаго села, предварительно было «отмѣрено земли, подъ церковь Божію, гдѣ прежъ сего была церковь Божія, и попомъ съ причетники подъ усадьбы»; послѣ этого уже «отъ церковной земли на низъ по Майнѣ рѣкѣ» отмѣрена была земля на усадьбы полковнику и нѣкоторымъ его товарищамъ (до 18 человѣкъ); за-

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127, лл. 626—627 и др.

тѣмъ «по другую сторону церковной земли въ верхъ по Майнѣ» отведены были усадебныя земли одному изъ ротмистровъ съ товарищами. Не смотря на желаніе служилыхъ людей, помѣщавшихъ шляхту, а можетъ быть и самихъ водворяемыхъ жить на р. Майнѣ въ одномъ мѣстѣ, они не могли быть испомѣщены такимъ образомъ потому, «что на старой усадьбѣ ихъ полковника съ товарищи, которые пріѣхали на р. Майну пріимать земли, въ одномъ мѣстѣ усадебною полною землею всѣхъ ихъ построить негдѣ, а другая половина усадебной земли дана имъ по той же сторонѣ» Майны, рядомъ, но только въ другомъ мѣстѣ. Сверхъ того, отдѣльная группа шляхты вмѣстѣ съ капитаномъ водворена была «на другой сторонѣ р. Майны на полянкѣ, гдѣ за патріархомъ жили бѣлопашенные казаки». Всего въ разныхъ мѣстахъ на р. Майнѣ поселено было изъ Полоцкой шляхты 43 человѣка, которымъ отведено было усадебной земли 236 десятинъ. Объ отводѣ же имъ пахоты сказано, что «къ той усадебной землѣ полковнику съ товарищи отмѣрено пашенные земли противъ усадебъ среди поля», при чемъ нѣкоторымъ изъ рядовыхъ шляхтичей, не получившимъ крестьянъ на земли, вмѣстѣ съ двумя сыновьями полковника Гаславскаго отведено было по 50 четвертей въ полѣ каждому, вмѣсто 60 четвертей; на церковь («попу съ причетники») отмѣрено было по 40 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей. Пахотная земля во всѣхъ трехъ поляхъ отведена была «съ ряду въ верхъ по Майнѣ рѣкѣ къ Краснорѣцкимъ мордовскимъ пашнямъ»[1]). При землѣ усадебной и пашенной Полоцкой шляхтѣ отмѣрено было здѣсь «по дубровамъ и по низкимъ непашеннымъ мѣстамъ и по болотамъ подлѣ Майны рѣки на выпускъ (выгонъ) 236 десятинъ». О сѣнныхъ покосахъ сказано, что отведены «всѣмъ имъ помѣщикомъ вопче», при чемъ они простирались, съ одной стороны, отъ устья рѣки Майны внизъ по Волгѣ до конца шляхецкихъ пахотныхъ полей, а съ другой— вверхъ по Майнѣ до грани полей размежеванныхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ съ

---

[1]) Рѣчка Красная—притокъ Майны съ лѣвой стороны ея.

землями Краснорѣцкой Мордвы; подобно сѣннымъ покосамъ, и лѣсныя угодья также отведены были «всѣмъ имъ помѣщикомъ вопче, отъ Майны рѣки въ гору къ Уткѣ рѣкѣ на три версты опричъ бортныхъ ухожеевъ[1]»). Кромѣ одного ротмистра, всѣ шляхтичи, получившіе крестьянъ, поселены были на рѣкѣ Майнѣ около того мѣста, гдѣ построена была православная церковь, къ которой назначенъ былъ причтъ. Меньшая же группа Полоцкой шляхты (23 человѣка) вмѣстѣ съ ротмистромъ Петромъ Костенецкимъ, который получилъ опредѣленное число крестьянъ на свою землю, водворена была на р. Уткѣ, сверху ея. Усадебная земля въ количествѣ 111 десятинъ отведена была здѣшней шляхтѣ «подлѣ Балымскаго городчица, гдѣ прежъ сего была патріаршая деревня Полянка»; затѣмъ сказано, что «противъ ихъ усадебной земли, подъ горою на лугахъ кругъ озерковъ» отмѣрено было имъ 111 десятинъ «на выпускъ». На здѣшнихъ же лугахъ вплоть до самой Волги отведены были сѣнные покосы Полоцкой шляхтѣ «всѣмъ вопче»[2]); по близости съ усадебною землею и выгонами отведена была имъ здѣсь въ опредѣленномъ количествѣ и пашенная земля. Вообще земли на Майнѣ и Уткѣ для всей Полоцкой шляхты отмѣрено было 24,575 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей[3]); изъ этого количества отведено было 66 человѣкамъ на вышеупомянутыхъ рѣкахъ лишь 4160 четвертей въ каждомъ полѣ. Неиспомѣщенными остались «по списку, каковъ данъ подъ наказомъ, 466 человѣкъ, — потому что они на Утку и на Майну для пріему помѣстные земли не бывали»; не явились же они, какъ впослѣдствіи оказалось, къ пріему земель, отмѣренныхъ для нихъ, вслѣдствіе того, что «многіе безъ крестьянъ земель принять не похотѣли»[4]). Вся вышеозначенная земля отмѣрена

---

[1]) Тамъ же лл. 629 — 648. Сѣнныхъ покосовъ отведено было имъ по указу на 7075 копенъ.

[2]) Сѣнныхъ покосовъ предоставлено было имъ здѣсь на 3350 копенъ.

[3]) Земли для Полоцкой шляхты, судя по послѣдующему, отведены были по обѣимъ сторонамъ рр. Утки, Майны и Уреня. Арх. Мин. Юст. Казань, переп. кн. 7, № 152, лл. 232, 234.

[4]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127, лл. 650—652, 654.

была, кромѣ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ въ прежнее время находились города, ибо въ актѣ прямо сказано, что «городища.... описаны на великаго государя». Въ заключеніе донесенія Баракова и Чередеева сказано слѣдующее: «А будетъ Закамская черта не укрѣпится, и полковнику Гаврилѣ Гасловскому и Полоцкой шляхтѣ на Уткѣ и на Майнѣ рѣкахъ отъ приходу воинскихъ людей жить (будетъ) страшно, потому что на тѣхъ рѣкахъ крѣпкихъ[1]) мѣстъ нѣтъ»[2]). Вѣроятно, Полоцкая шляхта, получившая землю безъ крестьянъ на Уткѣ и Майнѣ, вначалѣ была довольна своими землями и угодьями въ здѣшнихъ мѣстахъ, и слухъ объ этомъ довольствѣ дошелъ и до тѣхъ, которые раньше не пожелали принимать земель безъ крестьянъ, потому что вскорѣ послѣ испомѣщенія полковника Гаславскаго съ товарищами новая группа шляхтичей, состоявшая изъ 54 человѣкъ, обращается къ правительству съ просьбою послать на Утку и на Майну откащика для отвода имъ тамъ земель безъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого лѣтомъ слѣдующаго года (іюль 1669 г.) отправленъ былъ изъ Казани дворянинъ Владиміръ Макаровъ съ порученіемъ снова отвести Полоцкой шляхтѣ на рѣкахъ Уткѣ и Майнѣ земли. Наказъ, данный Макарову для отвода, въ общемъ содержитъ тоже, что и предшествовавшій, съ тѣмъ же указаніемъ, чтобъ «старые городища и валы и осыпи шляхтѣ одноличио недавать, потому что въ тѣхъ мѣстахъ построены будутъ по прежнему городы и всякія крѣпости»; относительно пахотныхъ земель для послѣдней группы прямо сказано: «а отдѣлить имъ та земля по переписнымъ и отдѣльнымъ книгамъ Михайла Баракова.... а осталась (та земля) послѣ отдачи Полоцкой шляхтѣ полковника Гаврила Гаславскаго съ товарищи»[3]). На этотъ разъ всѣ шляхтичи, пожелавшіе получить землю безъ крестьянъ, водворены были въ разныхъ мѣстахъ подлѣ рѣки Утки; раздѣлены были они

---

[1]) Крѣпкихъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ, въ которыхъ можно было бы спастись во время появленія непріятеля.

[2]) Тамъ же л. 653.

[3]) Тамъ же л. 655.

при водвореніи на три группы, — изъ коихъ одни [1]) испомѣщены были усадьбами «на горѣ и подъ горою, гдѣ была усадьба патріаршихъ крестьянъ»; другой группѣ [2]) усадебная земля отведена была «у Балымерскаго городища»; наконецъ послѣдняя группа [3]) испомѣщена была усадебною землею «залѣсомъ на большой полянѣ ниже Тетюшъ [4]). Сверхъ усадебной земли, каждой группѣ по близости отведены были земли пахотныя, выгонныя и сѣнные покосы соотвѣтственно пахотѣ. Остатки отъ нѣкогда бывшихъ здѣсь укрѣпленій, или такъ называемыя городища, съ выгонными около нихъ мѣстами по прежнему были «отписаны на великаго государя» [5]). Въ концѣ своего донесенія Макаровъ указываетъ, что онъ «сверхъ письма и мѣры дворянина Баракова, служа и радѣя великому государю, изыскалъ и измѣрилъ на Уткѣ и на Балымерѣ и на степи противъ большой поляны» нѣсколько тысячъ четвертей лишней пахотной земли, а сѣнныхъ покосовъ больше двадцати тысячъ копенъ; заключаетъ же онъ свое донесеніе такими словами: «а будетъ *прибылыхъ людей жильцовъ на Закамской чертѣ небудетъ, и Полоцкой шляхтѣ впредь отъ воинскихъ людей на Закамской чертѣ на тѣхъ мѣстахъ жить будетъ*

---

[1]) Юрій Луцкій съ товарищами (19 челов.), получившіе каждый по 60 четвертей земли въ каждомъ полѣ и по 60 копенъ сѣна.

[2]) Тимоѳей Людоговскій съ товарищами (6 челов.),—каждый изъ нихъ получилъ столько же, сколько и предыдущіе.

[3]) Поручикъ Юрій Романовскій съ товарищами (19 челов.),—поручику по старому отмѣрено было 70 четвертей въ каждомъ полѣ и сѣнныхъ покосовъ на 70 копенъ; остальнымъ каждому по 50 четвертей земли и по 50 копенъ сѣна.

[4]) Всего отмѣрено было 54 мъ человѣкамъ 2650 четвертей пахатной земли въ каждомъ полѣ и сѣнокосу на 2650 копенъ,—при чемъ сказано слѣдующее: «а писцовая мѣра въ десятинѣ длина по 70 сажень, поперекъ 30 саж. а въ десятинѣ 2 четверти; а сѣнные покосы противъ четвертные пашни; а въ Казанскихъ городскихъ лугахъ ставится на десятинѣ по 30 копенъ волоковыхъ». Тамъ же лл. 656, 666.

[5]) Тамъ же л. 663. Большая часть городищъ, которыя упоминаются при водвореніи Полоцкой шляхты, лежали около рѣки Утки; таковы: Уткинское, Балымерское, Луткинское, Селитренное и Кокряшское; подлѣ р. Майны упоминается лишь «Высокое городище» около дачъ полковника Гаславскаго.

страшно; а по Майнѣ и по Уткѣ рѣкамъ къ Болгаромъ на низъ Чертика рѣки и по Безднѣ рѣкѣ на степи подлѣ крѣпостей многія села и деревни построить мочно»[1]). Вслѣдствіе такихъ настоятельныхъ указаній свѣдущихъ людей, испомѣщавшихъ полоцкую шляхту, Московское правительство уже въ слѣдующемъ году (1670 г.) отправило указъ въ Казань, чтобъ воеводы послали на мѣсто служилыхъ людей, для составленія смѣты укрѣпленіямъ, которые въ ближайшемъ будущемъ должны были быть выстроены на рѣкахъ Уткѣ и на Майнѣ въ интересахъ защиты тамошнихъ поселенцевъ. И вотъ въ началѣ марта 1670 года отправлены были изъ Казани на Утку и Майну служилый человѣкъ Андрей Черновъ съ подъячимъ Галактіоновымъ, которымъ поручено было: «пріѣхавъ на Майну, взять у полковника у Гаврилы Гаславскаго и у начальныхъ людей, а на Уткѣ у Петра Костенецкаго (ротмистра) и у шляхты сказки, чтобъ (знать заранѣе) гдѣ построить на Майнѣ и на Уткѣ въ крѣпкихъ мѣстехъ, и по тѣмъ ихъ сказкамъ отписать, и измѣрить и осмотрить, въ которомъ мѣстѣ около слободъ Полоцкой шляхты на Майнѣ и на Уткѣ пристойно построить остроги и башни со всякими городовыми крѣпостьми»; за тѣмъ говорится, что въ смѣтѣ должно быть означено, «сколько будетъ въ острогѣ пряселъ и башенъ и что около острогу и башенъ.... всякихъ крѣпостей.... и на всякія крѣпости сколько какова лѣсу надобно»; къ этому прибавлено объясненіе, «чтобъ сдѣлать городъ тыномъ». Явившись на мѣсто, посланные по наказу обратились къ вышепоименованнымъ людямъ, и послѣ совѣта съ ними рѣшено было построить 2 острога: одинъ, большій на р. Майнѣ, а другой, по меньше на Уткѣ рѣкѣ. Майнскій острогъ рѣшили поставить «на прежнемъ жиломъ мѣстѣ, гдѣ было патріаршее село, — на усадьбахъ, которыя усадьбы отвелъ полковнику и начальнымъ людямъ Михайло Бараковъ». По величинѣ Майнскій острогъ долженъ былъ равняться 900 саженямъ въ дли-

[1]) Тамъ же лл. 669—670.

ну и 200 саженямъ поперекъ, — въ окружности же онъ долженъ былъ имѣть 2200 сажень; въ этомъ острогѣ должно было находиться 12 башенъ глухихъ и 6 проѣзжихъ. Вокругъ острога предположено было выкопать ровъ, а за городомъ подлѣ слободъ и огородовъ съ степной стороны укрѣпить острогъ надолбами. Сверхъ того предположили «отъ рѣки Майны въ пахотныя поля до озера Яику (Булгакуль тожъ) и до Красные рѣчки.... отъ Самарскіе степи.... учинить надолбы и въ тѣхъ надолбахъ на трехъ дорогахъ и отъ Булярскіе степи сдѣлать три караульныя вышки»[1]). Уткинскій острогъ рѣшено было построить «на прежнемъ же жиломъ мѣстѣ, гдѣ жили патріаршіе крестьяне на усадьбахъ Петра Костенецкаго съ товарищи». По своей величинѣ Уткинскій острогъ много уступалъ предыдущему: длина его должна была равняться 200 саженямъ, а поперекъ онъ долженъ былъ имѣть 70 сажень, кругомъ 540 сажень; глухихъ башенъ въ послѣднемъ острогѣ предположено было лишь четыре. Подлѣ Уткинскаго острога съ степной стороны предположено было выкопать ровъ; отъ острога до Балымерскаго врага, также за городомъ подлѣ слободъ и огородовъ, отъ степной стороны на четверть версты, рѣшено было устроить надолбы; на Балымерскомъ же врагѣ и у лѣса, который глядѣлъ на похотныя поля, предполагалось выставить три караульныя вышки[2]). Такъ какъ въ коммиссіи, которой поручено было составленіе на мѣстѣ смѣты укрѣпленіямъ на рѣкахъ Уткѣ и Майнѣ, находились, кромѣ дворянина и подъячаго, еще и люди, знакомые съ техническою стороною постройки остроговъ, надолбъ, караульныхъ вышекъ и другихъ сооруженій, то по этому мы находимъ въ смѣтѣ также и опредѣленіе того, сколько бревенъ понадобится на построеніе каждой отдѣльной башни и острога[3]). Относительно же

---

[1]) Тамъ же лл. 671 и 672.

[2]) Тамъ же л. 673.

[3]) Такъ, въ актѣ говорится: что «по смѣтѣ и по сказкѣ подмастерьевъ Казанскихъ стрѣльцовъ Николки Захарьева да Ѳетки Баженина надобно на Майнское острожное дѣло и на катки и на мосты и на иглы и на подпоры

количества деревяннаго матеріала на постройку надолбъ и караульныхъ вышекъ въ обоихъ острогахъ буквально сказано слѣдующее: «А сколько на тѣ надолбы и на вышки надобно какова лѣсу, того смѣтить не можно, потому что укинули снѣги большіе и измѣрять тѣхъ мѣстъ нельзя; а которыми мѣсты надолбы вести, и въ тѣхъ мѣстахъ на надолбы лѣсъ близко»[1]). Есть извѣстіе, свидѣтельствующее, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ намѣченныхъ и въ иныхъ мѣстахъ здѣсь уже существовали остроги, въ которыхъ съ самаго начала жили не только воинскіе люди, но и простые тяглые люди и бобыли[2]). Полоцкіе же шляхтичи, оставшіеся неиспомѣщенными на Уткѣ и на Майнѣ, согласились, кажется, на водвореніе ихъ въ Казани, въ Казанскихъ пригородахъ и въ нѣкоторыхъ низовыхъ Поволжскихъ городахъ, гдѣ они жили въ продолженіе почти тридцати лѣтъ, получая вмѣсто земель «великаго государя денежное и хлѣбное жалованье»; лишь впослѣдствіи, по ихъ желанію, они какъ увидимъ, водворены были правительствомъ на здѣшнихъ земляхъ, отмѣренныхъ для нихъ служилыми людьми въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія[3]).

Между тѣмъ какъ Московское правительство, пользуясь находившеюся въ его распоряженіи Полоцкою шляхтою, стара-

---

на всякую сажень по 20 бревенъ; итого на острожное дѣло 42,000 бревенъ трехъ саженныхъ, въ отрубкѣ по полупята и по 5 и по 6 вершковъ; да на проѣзжіе на 6 башенъ по 300 бревенъ, да по 100 тесницъ на башню»,—затѣмъ слѣдуетъ разсчетъ на глухія башни, и наконецъ «всего на Майнское и на башенное дѣло надобно 80,000 бревенъ, да 1800 тесницъ». Въ Уткинскомъ острогѣ «всего на то острожное и башенное дѣло надобно 30,100 бревенъ, да 700 тесницъ». Тамъ же лл. 672—673.

[1]) Тамъ же.

[2]) Въ концѣ XVII вѣка нѣкоторые поселенцы селъ Кременки (около р. Уреня) и Кандалы (на р. Кандалѣ, притокѣ Майны) показывали, что они за тридцать и за 20 лѣтъ перешли изъ городка Майны; поселенцы иныхъ селъ свидѣтельствовали о своемъ переходѣ изъ пригородка Утки. Кромѣ того есть извѣстіе, что въ здѣшнихъ же мѣстахъ (кажется на р. Уткѣ) находился «Полянскій городокъ». Арх. Мин. Юст. III отд. Казань переп. кн. 7, № 152; Казань, раздаточныя и отказныя книги XVII в. кн. 13, № дѣла 57.

[3]) Тамъ же.

лось на мѣстахъ, исполненныхъ опасностей и однажды уже потерявшихъ свое населеніе, водворять людей, умѣвшихъ обходиться съ военнымъ оружіемъ, мѣста болѣе безопасныя на правомъ берегу Камы, пустоши, успѣвшія порости дикимъ лѣсомъ, заселяются русскими крестьянами по ихъ собственной иниціативѣ и безъ сторонней поддержки. Въ приходной книгѣ Казанскаго уѣзда конца шестидесятыхъ годовъ (1668 г.) написано: «по Зюрейской дорогѣ подлѣ Камы рѣки сталъ ново починокъ»; оказалось, что повыше Вятскаго устья надъ рѣкою Камою находилось урочище Свиныя горы, нѣкогда населенныя, но предъ описываемымъ временемъ о нихъ говорится «поросли дикимъ лѣсомъ». Описаніе поселка въ приходной книгѣ носитъ на себѣ слѣдъ только что начавшагося поселенія: въ немъ находились два полудвора, и въ каждомъ изъ нихъ отмѣченъ свой особый хозяинъ; сверхъ того, есть еще цѣлый дворъ, въ которомъ живутъ вмѣстѣ, очевидно лишь на время, пятеро крестьянъ[1]). Но въ то время какъ крестьяне заняты были на новомъ мѣстѣ усердной расчисткой земли отъ лѣса подъ пахоту и для большей успѣшности въ этомъ трудномъ дѣлѣ стремились привлечь въ свою общину новыхъ поселенцевъ, слухъ объ ихъ дѣятельности здѣсь и выгодахъ, которыя, быть можетъ, они уже успѣли пріобрѣсти на новомъ мѣстѣ, достигъ до игумена Савватія Раиеской пустыни, лежавшей недалеко отъ Казани; этотъ игуменъ занятъ былъ около того времени серіозными хозяйственными заботами: имъ была «зачата вновь строить пустыня». Вѣроятно, расходы на возобновленіе пустыни понадобились немалые, потому что количество братіи увеличилось въ это время, «а къ той пустыни вотчинъ и пустыхъ земель нѣтъ, строить нечѣмъ, скитаются (братья) христовымъ именемъ»[2]), — вслѣдствіе этого игуменъ обратился къ царю съ просьбою предоставить имъ во владѣніе «пустошь надъ Камою

[1]) Кромѣ двухъ крестьянъ, всѣ съ разными именами отчественными.

[2]) т. е. вѣроятно, братья монастырская принуждена была собирать для построенія обители средства въ мірѣ, какъ это дѣлается иногда и теперь при постройкѣ или возобновленіи церкви и обители.

рѣкою урочище Свиныя горы», свидѣтельствуя при семъ, что «на томъ мѣстѣ поселилисъ пришлые люди», о коихъ въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ, что это были «крестьяне», которые «поселились на Свиныхъ горахъ въ ново на дикомъ черномъ лѣсу, лѣсъ (крестьяне здѣсь) росчищали и роспахивали». Спорва игуменская просьба была лишь та, чтобъ государь «пожаловалъ бы ихъ велѣлъ тое новую пустошь Свиныя горы съ дикимъ лѣсомъ противъ ихъ челобитья по межамъ и урочищамъ отдать имъ въ монастырь съ ясаками». По этому въ семидесятомъ году послѣдовало распоряженіе, чтобъ при переписке «тѣхъ крестьянъ, которые крестьяне объявятся сверхъ ясачныхъ людей,—записать за государя». Монахи повидимому не предполагали, чтобъ въ короткій, двухлѣтній промежутокъ времени, прошедшій съ того времени, какъ правительство наложило на поселенцевъ ясакъ, пришлыхъ, безъ ясачныхъ людей могло прибыть много,—на самомъ же дѣлѣ оказалось, что населеніе поселка за это время сильно умножилось. Кромѣ семи прежнихъ крестьянъ, которые къ этому времени (1670 г.) обзавелись особыми дворами, теперь на ясакѣ находились еще три крестьянскихъ двора; сверхъ того въ починкѣ оказалось значительное число дворовъ «безъ ясачныхъ крестьянъ, которые сверхъ ясачныхъ людей пашни пашутъ и сѣнные покосы косятъ»,—подобныхъ людей было сорокъ два двора. Такъ какъ пахотная земля могла здѣсь увеличиваться лишь очисткою почвы отъ «дикаго лѣса», то слѣдовало бы предполагать, что разность въ величинѣ пахоты между старыми ясачными и новыми безъ ясачными должна быть во всякомъ случаѣ значительна, но на дѣлѣ этого не оказалось: у ясачныхъ пахотная земля равнялась семи десятинамъ, а у безъясачныхъ она составляла шесть десятинъ; сѣнокосъ же у всѣхъ крестьянъ починка Свиныя горы былъ общій[1]). Подобный, можно сказать, блестящій результатъ въ столь короткій промежутокъ времени могъ быть достигнутъ лишь энергическими усиліями всей крестьян-

---

[1]) На сѣнокосѣ ставилось 1700 копенъ сѣна.

дворцовому селу Городнѣ, дать въ Казанскомъ уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ новой починокъ деревню Соколовку.... съ пашнею и съ лѣсомъ и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, какъ владѣли тѣ крестьяне» (т. е. Алексѣй Чертищевъ съ товарищи)[1]). Правительство рѣшило отдать деревню Соколовку Донскому монастырю, «а крестьянъ изъ того починка, которые пришли изъ разныхъ городовъ и изъ дворцовыхъ селъ, покиня свои старые службы и тягла, развесть по тѣмъ же городамъ и селамъ, гдѣ напередъ сего жили; а которые, продолжаетъ грамота, въ томъ починкѣ явятся помѣщиковы и вотчинниковы и монастырскіе крестьяне и тѣмъ крестьянамъ быть въ томъ починкѣ за монастыремъ до указу великаго государя, покамѣсть отыщутся помѣщики и вотчинники». Для выполненія этого распоряженія изъ Казани посланъ былъ «въ новый починокъ деревню Соколовку» казанецъ Аѳанасій Бутлеровъ, по отзыву котораго въ 1688 году въ починкѣ-деревнѣ находилось 14 крестьянскихъ дворовъ; по словамъ его, «живутъ тѣ крестьяне въ томъ починкѣ дворами на три усадьбы: а по смѣтѣ на одной усадьбѣ на три десятины, на другой усадьбѣ на три жъ десятины, а въ третьей усадьбѣ пашенные земли нѣтъ, потому что поселились въ лѣсу; сѣнные покосы къ тому починку за Камою рѣкою по смѣтѣ на три тысячи копенъ». И покосъ, и пахота приводятся лишь по смѣтѣ, т. е., вѣроятно, по указанію крестьянъ, такъ какъ самому Бутлерову «мѣрять было въ томъ починкѣ пашенные земли (и о сѣнныхъ покосахъ въ другомъ мѣстѣ говорится тоже самое) нельзя, потому что росчищена въ лѣсу и снѣги большіе»; по смѣтѣ же лѣсъ означенъ на восемь верстъ въ длину и на 6 поперекъ[2]). Неизвѣстно, по какой причинѣ[3]), но только въ продолженіе двухъ

---

[1]) Тамъ же грам. за № 6569.

[2]) Тамъ же III отд. Раздат. и отказ. кн. 13, № 16.

[3]) Не могло ли обусловливаться промедленіе въ передачѣ протестомъ со стороны Алексѣя Чертищева, который, какъ мы знаемъ, владѣлъ грамотою, разрѣшавшей ему съ товарищами селиться на этомъ мѣстѣ, которое они, по всей вѣроятности, только съ большимъ трудомъ и издержками успѣли

лѣтъ деревня Соколовка продолжала находиться во владѣніи крестьянской общины съ Алексѣемъ Чертищевымъ во главѣ и не передавалась, какъ было предположено вначалѣ правительствомъ, Донскому монастырю, вслѣдствіе чего за этотъ промежутокъ времени продолжался пріемъ новыхъ насельниковъ въ крестьянскую общину, которая за послѣдніе два года увеличилась больше, чѣмъ съ самаго основанія своего [1]). Присланный изъ Казани въ 1690 году служилый человѣкъ произвелъ новую опись вышеупомянутой деревнѣ и передалъ ее наконецъ Донскому монастырю на томъ условіи, чтобъ «оброкъ съ того монастыря сполна имать потому жъ, почему платили крестьяне». Что же касается распоряженія Московскаго правительства, чтобъ крестьяне городскіе и дворцовые возвращены были на старые свои мѣста, откуда кто пришелъ, то оно мѣстными Казанскими властями видоизмѣнено было еще въ наказѣ Бутлерову, которому поручено было такихъ крестьянъ «перевесть въ Казанскомъ уѣздѣ въ государевы дворцовыя волости и въ ясачныя села и деревни, гдѣ они похотятъ жить, и быть имъ (на тѣхъ мѣстахъ) въ тяглѣ» [2]). Согласно этому повелѣнію, которое повторено было и Воеводину, немногіе дворцовые крестьяне, по ихъ желанію, переведены были въ ближайшія ясачныя деревни [3]),—большинство же поселенцевъ деревни Соколовки, перешедшихъ, какъ оказалось при послѣдней описи, съ помѣстій и вотчинъ частныхъ лицъ и мона-

---

культивировать? На подобную мысль можетъ навести тотъ фактъ, что при послѣдней описи Димитрія Воеводина, во время передачи деревни монастырю, шесть дворовъ крестьянъ, пришедшихъ въ деревню большею частью за 2 года, показывали каждый, что онъ «помогаетъ платить тое деревни крестьянину Алешкѣ Чертищеву ясаки, а особаго ясаку на немъ нѣтъ»; отсюда можно предположить, что Чертищевъ принималъ ихъ въ общину, въ надеждѣ, вѣроятно удержать землю, пріобрѣтенную тяжелымъ крестьянскимъ трудомъ, на основаніи пожалованной ему грамоты.

[1]) Количество всѣхъ дворовъ въ деревнѣ по описи Воеводина было тридцать.

[2]) Тамъ же.

[3]) Такъ, основатель деревни крестьянинъ Алексѣй Давыдовъ Чертищевъ съ сыномъ и двумя внуками, по его желанію, переведенъ былъ за рѣку Каму въ ясачную деревню Полянку.

стырей, были, какъ таковые, оставлены за Донскимъ монастыремъ до царскаго указа. Такимъ образомъ вслѣдствіе подобной операціи очень много выигралъ Донской монастырь; правительство, если смотрѣть на вопросъ съ внѣшней стороны, не проиграло,—за то въ большомъ накладѣ остались бѣдные крестьяне основатели деревни, Алексѣй Чертищевъ съ товарищи, очистившіе землю отъ лѣса, распахавшіе ее, какъ оказалось однако, не для себя, а для вліятельнаго Московскаго монастыря, владѣвшаго раньше по сосѣдству съ починкомъ одними лишь рыбными ловлями, къ которымъ присоединена была теперь деревня въ двадцать дворовъ, съ хорошею землею, богатымъ сѣнокосомъ и огромнымъ лѣсомъ,—все это братія получила въ замѣнъ пустоши, взятой правительствомъ у монастыря въ Тверскомъ уѣздѣ. Обозрѣвая населеніе деревни Соколовки, какимъ оно является намъ по описи девяностаго года, мы видимъ, что въ это время нѣкоторыхъ крестьянъ (четыре двора) не было на деревнѣ,—они, по словамъ ихъ женъ, «пошли на судахъ въ работѣ»; такимъ образомъ не всѣ поселенцы деревни снискивали себѣ пропитаніе земледѣліемъ, а нѣкоторые изъ нихъ работали на сторонѣ, пользуясь близостью судоходной р. Камы. Довольно значительная часть крестьянъ деревни показала себя выходцами верхнихъ частей Поволжья[1]), при чемъ нѣкоторые крестьяне свидѣтельствовали, что они изъ родныхъ мѣстъ *бѣжали* «отъ хлѣбнаго недороду» или же «отъ скудости»[2]). Но не только отдѣльныхъ насельниковъ доставляло деревнѣ Соколовкѣ Верховое Поволжье,—цѣлыя поселенія въ здѣшнихъ мѣстахъ основываются около этого времени выходцами оттуда. Такъ, въ девяностыхъ годахъ архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря извѣщаетъ царя, что въ пустоши Казанскаго уѣзда Алмалы, по Зюрейской дорогѣ, «поселились бѣглые ихъ монастырскіе крестьяне верховыхъ вотчинъ», которые платятъ въ царскую казну «два ясака сполна безъ

---

[1]) Изъ одного Нижегородскаго уѣзда вышло пять дворовъ.

[2]) Арх. Мин. Юст. III-ое отд. Раздат. и отказ. кн. 13, № дѣла 13, лл. 5, 13, 14.

донинки»[1]). Въ виду того, что главный контингентъ насельниковъ для новыхъ поселеній, появляющихся на рр. Уткѣ и Майнѣ, доставляютъ мѣста, лежащія въ Поволжьѣ выше этихъ рѣкъ, и по преимуществу Нижегородскій уѣздъ, мы обращаемся теперь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ особенностей, встрѣчающихся въ селахъ и деревняхъ этого уѣзда.

Обозрѣвая поселенія Нижегородскаго уѣзда по переписнымъ книгамъ конца семидесятыхъ годовъ въ двухъ станахъ[2]), мы замѣчаемъ здѣсь въ селахъ и деревняхъ серіозное умноженіе бобылей; это умноженіе замѣчается одинаково на монастырскихъ и патріаршихъ земляхъ и въ вотчинахъ и помѣстьяхъ служилаго класса. Но само собою разумѣется, что это, такъ сказать, общее увеличеніе не исключаетъ количественной разницы между ними въ отдѣльности, сводящейся къ тому, что преобладаніе бобылей надъ крестьянами особенно рѣзко кидается въ глаза въ мелкихъ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ служилыхъ людей[3]).

---

[1]) Тамъ же 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6596.

[2]) Эти станы суть: Березопольскій, лежавшій между р. Окою и р. Кудьмою и Закудемскій, обнимавшій собою обширную страну между р. Кудьмою и р. Сурою.

[3]) Такъ, въ Березопольскомъ станѣ за патріархомъ было 414 крестьянскихъ дворовъ и 224 бобыльскихъ; въ вотчинахъ монастырскихъ въ томъ же станѣ крест. двор. 575, а бобыльск. 224; въ томъ же станѣ: за стольникомъ за князь Михаиломъ Яковлевичемъ Черкасскимъ въ вотчинахъ его, въ селѣ Ворсмѣ, въ слободкахъ и деревняхъ, крест. дв. было 456, а бобыл. 338; въ вотчинѣ за бояриномъ княземъ Владиміромъ Дмитріевичемъ Долгоруковымъ въ селѣ Дуденевѣ 31 дв. крест. и 16 дв. боб. Въ Закудемскомъ станѣ: за бояриномъ за княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Воротынскимъ въ селѣ Княгининѣ, въ селѣ Барминѣ съ приселками и деревнями 1092 дв. крест. и 607 двор. боб.; въ томъ же станѣ въ помѣстьѣ за бояриномъ за княземъ Яковомъ Никитичемъ Одоевскимъ въ помѣстьѣ село Троицкое, въ которомъ крест. двор. 108, боб. 91 дв.; въ томъ же стану въ помѣстьѣ за княземъ Никитою Семеновымъ сыномъ Болховскимъ въ деревнѣ Гаряхъ 2 дв. кр. и 2 дв. боб; тамъ же въ дер. Большомъ Бѣлозерьѣ въ помѣстьѣ за Андреемъ Ивановымъ Мяснымъ крест. дв. 1 и 3 дв. боб.; въ той же деревнѣ на помѣстьѣ столника Луки Никифорова Мясного 1 дв. кр. и 3 дв. боб.; здѣсь же за вдовою Мареою Степановой дочерью Ларионовой, женою Иванова, сына Мянова въ помѣстьѣ 1 дв. кр. и 3 дв. боб. Въ этомъ же станѣ въ вотчинѣ за бояриномъ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Воротынскимъ деревня Ключища крест. дв. 18, боб. 23; деревня Яковлева крест. дв. 23, боб. 30; деревня

Кромѣ этой общей особенности, можно указать и на другія черты, встрѣчающіяся въ это время въ Нижегородскомъ уѣздѣ: такъ, напримѣръ, крестьянскіе и бобыльскіе дворы теперь гораздо люднѣе, чѣмъ это было прежде; но эта людность обусловливается не столько величиною крестьянскихъ и бобыльскихъ семей, сколько тѣмъ, что въ настоящее время къ крестьянскому и бобыльскому двору приписаны сосѣди, подсосѣдники и захребетники въ такомъ количествѣ, въ которомъ въ прежнія времена почти не встрѣчалось[1]). Сверхъ того попадаются цѣлыя села, населенныя либо бобыльскими полудворами, либо дворами безпашенныхъ бобылей[2]). При значительномъ количествѣ бобылей, сосѣдей, подсосѣдниковъ и захребетниковъ въ многихъ селахъ у крестьянъ, нѣкоторыя села принуждены были выдѣлять довольно значительное число такихъ крестьянъ, о которыхъ говорится, что они «живутъ въ работѣ на березовскомъ

Княжиха крест. дв. 11, боб. 15. Всѣ деревни тянутъ къ селу Княгинину. Арх. Мин. Юст. Переп. кн. 46, №№ 506, 571 и 572. Переп. кн. 47, №№ 1, 32, 230, 231, 232 и 279.

[1]) Такъ, въ Закудемскомъ станѣ въ вотчинахъ кн. Воротынскаго: село Осташиха — 24 дв. крест., при которыхъ 22 подсосѣдника и захребетника; бобыльскихъ дв. 17, у которыхъ 7 захребетниковъ. Село Теплый Врагъ, а Присѣкъ тожъ — 35 дв. кр., при коихъ 29 сосѣдей и захребетниковъ, да бобыльск. 22 дв., у которыхъ 6 сосѣдей; тоже самое въ деревняхъ: Бѣлозерихѣ, Коробихѣ, Варганѣ, Большой Клоковицѣ и др. Въ частности попадаются иногда такіе дворы: въ дер. Варганѣ «Дв. Мишка Артемьевъ, у него захребетники: Петрушка да Пронька 15 лѣтъ, да Ивашко 5 л. Михайловы дѣти, да захребетникъ Петрушка Ивановъ, у него дѣти—Онашко 10 л., Якимко 8 л., да захребетникъ Митька Михайловъ, у него сынъ Петрушка 7 л.». Въ Патріаршемъ селѣ Работки (на Волгѣ), состоявшемъ изъ однихъ безпашенныхъ бобылей, «дв. вдова Агрипѣница Силуянова дочь Даниловша, жена Самсонова, у нея зять Кондрашка Семеновъ 25 лѣтъ, да 2 захребетника: Ивашко Ермѣевъ сынъ Крупа, Назарко Савостьяновъ, сынъ Мазура». Нижній, Переп. кн. 47, № 278, л. 261, № 279 лл. 235—236 и др.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ Закудемскомъ станѣ было патріаршее село Работки, состоявшее изъ 47 двор. безпашенныхъ бобылей, при которыхъ числилось 34 захреб. и 2 сосѣда; въ томъ же станѣ въ вотчинахъ кн. Воротынскаго находилось село Троицкое, а Бармино тожъ, состоявшее изъ 57 бобыльскихъ полудворовъ и 18 келей, въ которыхъ жили семьи захребетниковъ. Тамъ же № 278, лл. 240—267, № 279, лл. 312—316.

н огневскомъ майданехъ»[1]), т. е., занимались добычей поташа изъ золы, остающейся послѣ сожиганія деревъ. Изъ представленнаго очерка можно видѣть, что крестьяне Нижегородскаго уѣзда въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія тяготятся крестьянскимъ тягломъ и отдаютъ предпочтеніе бобыльскому. Иногда крестьянинъ предпочитаетъ, повидимому, даже зависимое положеніе сосѣда или захребетника независимому положенію крестьянина и бобыля; иные изъ нихъ принуждены были покидать свои семьи и отправлялись въ ближайшія къ нимъ мѣста на будное майданное дѣло, которое, по словамъ современнаго изслѣдователя, въ то время было «для крестьянъ настоящею каторгою, тяжелымъ бременемъ, отъ котораго они старались уходить всякими средствами»[2]). Чѣмъ же обусловливается предпочтеніе, отдаваемое крестьянами Нижегородскаго уѣзда не только бобыльству, но даже захребетничеству предъ крестьянствомъ? не было ли это слѣдствіемъ чрезмѣрной величины въ то время крестьянскаго тягла или оброка? Если судить по показаніямъ крестьянъ сходцевъ Нижегородскаго уѣзда, которые въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія селятся въ селахъ и деревняхъ Казанскаго уѣзда на рр. Уткѣ и Майнѣ, то они большею частью на родинѣ несли небольшое тягло и обложены были незначительнымъ оброкомъ[3]), который въ большинствѣ случаевъ несли въ томъ же

---

[1]) Такъ, въ Закудемскомъ станѣ изъ числа вотчинъ Воротынскаго: изъ села Воротынска,—состоявшаго изъ 27 дв. кр., у которыхъ было 14 сосѣдей и подсосѣдниковъ и 18 дв. боб., 15 крестьянъ (у нѣкоторыхъ были взрослые сыновья и братья) было въ работѣ на майданахъ; изъ села Бѣловки, состоявшаго изъ 13 дв. кр., у которыхъ 9 сосѣдей и подсосѣдниковъ и 2 дв. боб., 9 крест. было на работѣ майданной. Тамъ же № 279, лл. 316 — 320, 325 — 327, 390—394.

[2]) Вѣстн. Евр. за 1871 г. февр. статья И. Е. Забѣлина «Большой бояринъ», 482 с.

[3]) Такъ, напримѣръ, сходцы Княгининской волости, которыхъ въ селѣ Кондалѣ (на рѣчкѣ Кандалѣ, притокѣ р. Майны) было около 15 семей, большею частью несли тягло на родинѣ съ получети десятины, а меньшая часть ихъ съ чети десятины; оброкъ сходцы Барминской волости села Воротынска платили по 5 или 6 алтынъ. Въ томъ же селѣ Кандалѣ сходцы Мурашкинской волости платили у себя на родинѣ по 5 алтынъ или же иные по 2 гривны; сходцы Сергачской волости въ Кандалѣ были на родинѣ обложены по 8

количествѣ и на новомъ мѣстѣ, иногда даже въ большемъ. Рядомъ съ показаніями сходцевъ о величинѣ лежавшихъ на нихъ тягостей, нѣкоторые изъ нихъ свидѣтельствуютъ также и о той причинѣ, по которой они принуждены были покинуть родныя мѣста и перейти на отдаленную окраину. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые крестьяне села Грязнухи[1]) при распросѣ въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка показывали слѣдующее: одинъ, что онъ «Нижегородскаго уѣзда Княгининской волости, жилъ въ бобыляхъ и сошелъ изъ той волости *отъ хлѣбнаго недороду* лѣтъ съ десять» (тому назадъ); другой «въ роспросѣ сказалъ: крестьянинъ Нижегородскаго уѣзда Сергачской волости, платилъ въ той волости по двѣ четверти поташной золы, и изъ той волости *сошелъ онъ отъ скудости своей* и пришелъ въ село Грязнуху тому десять лѣтъ»[2]). Изъ этого можетъ быть ясно, что крестьянское населеніе Нижегородскаго уѣзда тяготилось не столько величиною тягла или оброка, сколько истощеніемъ почвы, на которой оно хозяйничало, — такъ что, выражаясь политикоэкономическимъ языкомъ, крестьянину того времени тяжело было владѣть истощеннымъ капиталомъ, съ котораго ему надлежало платить сравнительно слишкомъ высокіе проценты, вслѣдствіе чего онъ старался имѣть у себя въ оборотѣ такого капитала поменьше, чтобъ этимъ уменьшить величину процента и своего обязательства предъ правительствомъ и хоть такимъ путемъ облегчить свою долю. По всей вѣроятности, отъ истощенности же почвы нѣкоторые крестьяне у владѣльца обширныхъ вотчинъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ покинули свои родныя палестины и перешли на свободную землю того же вотчинника, на которой основали новую деревню; такъ, объ одной изъ деревень князя Воротынскаго въ Закудемскомъ стачѣ

алтынъ, по полуполтинѣ, а иные и по 10 алтынъ. Изрѣдка, впрочемъ, нѣкоторые сходцы показываютъ, что они платили на родинѣ по 20 и болѣе алтынъ. Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, Переп. кн. 7, № 152.

[1]) Село Грязнуха находится на правой сторонѣ р. Майны, въ низовьяхъ рѣки.

[2]) Тамъ же лл. 75 и 129.

сказано слѣдующее: «деревня Отары поселилась въ новѣ на пустѣ мѣстѣ.... а перешли тѣ крестьяне изъ Барминскіе жъ волости изъ селъ и изъ деревень»[1]). Болѣе же смѣлые и рѣшительные изъ крестьянъ покидали свою родину съ истощенной и мало благодарной для земледѣльческаго труда землей и уходили въ дальнія, но благословенныя страны съ благодатною для земледѣльца черноземною почвою. Вслѣдствіе этого является совершенно естественнымъ довольно значительное число пустыхъ дворовъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ на земляхъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ[2]). Къ этой общаго свойства и могущественной причинѣ присоединяются другія, которыя тоже нерѣдко побуждаютъ крестьянъ покидать родныя мѣста; такъ, напримѣръ, въ Поволжскомъ селѣ Работки Нижегородскаго уѣзда, принадлежавшемъ въ описываемое время патріарху Іоакиму, попадается нѣсколько дворовъ, о коихъ говорится: «а бѣжали они Васька, да Ермолка, да Демка[3]) въ 1671 году съ женами и съ дѣтьми отъ церковнаго расколу»[4]). Но, кромѣ религіозныхъ мотивовъ, мѣстами должна была также дѣйствовать и неопредѣленность отношеній помѣщика и вотчинника къ крестьянину, какъ лицъ сильныхъ, имѣвшихъ возможность злоупотреблять своею властью надъ существомъ въ соціальномъ отношеніи болѣе слабымъ и подвластнымъ, у котораго при томъ въ то время почти не было иного способа протеста противъ

---

[1]) Тамъ же Нижн. Переп. кн. 47, № 279, л. 347.

[2]) Такъ, въ Березопольскомъ станѣ на земляхъ Іоакима Патріарха на 414 дв. кр. и 224 дв. боб. 162 двора пустыхъ; въ томъ же станѣ на монастырскихъ вотчинахъ при 575 дв. кр., 224 дв. боб. и 142 дв. пустыхъ; въ томъ же станѣ въ помѣстьѣ Алексѣя Елизарова Жеребятникова въ деревнѣ Токаревѣ 11 дв. кр., 8 дв. боб. и пять человѣкъ въ бѣгахъ. Въ Закудемскомъ станѣ за Васильемъ Григорьевымъ сыномъ Курзаковымъ въ помѣстьѣ въ Маломъ Андроновѣ 2 кр. дв., а людей въ нихъ 5 человѣкъ, да въ бѣгахъ 4 человѣка, — всѣ крестьяне бѣглые съ семьями; въ той же деревнѣ въ помѣстьѣ за Осипомъ Семеновымъ сыномъ Аристова—2 дв. кр., людей въ нихъ 3 человѣка, да пустыхъ 3 двора, людей въ бѣгахъ 4 человѣка. Тамъ же Пер. кн. 46, №№ 478, 506; переп. кн. 47, №№ 50, 52.

[3]) Всѣ три брата жили въ одномъ дворѣ.

[4]) Нижній, Переп. кн. 47, № 278, лл. 263, 268.

злоупотребленій господина, кромѣ ухода. Таковы были условія жизни крестьянъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ; въ иныхъ поволжскихъ и сопредѣльныхъ съ Поволжьемъ уѣздахъ они въ описываемое время въ общемъ были не лучше. Говоримъ такъ потому, что почвенныя условія въ другихъ мѣстностяхъ выражались въ томъ же суглинкѣ и супеси, съ тѣмъ лишь различіемъ, что населеніе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ могло быть гуще Нижегородскаго, вслѣдствіе чего земля должна была быть сильнѣе истощена, чѣмъ въ Нижегородскомъ, и послѣдствія подобнаго истощенія тамошнимъ населеніемъ должно было больше чувствоваться. Отдѣльныя показанія крестьянъ, переселившихся на р. Майну изъ мѣстностей сопредѣльныхъ съ Нижегородскимъ уѣздомъ, могутъ подкрѣпить высказанное нами мнѣніе. Такъ, одновременно съ неурожаемъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ неурожай, оказывается, былъ и въ близкомъ къ нему *Гороховскомъ уѣздѣ*, ибо крестьянинъ села Грязнухи, бобыль упомянутаго уѣзда, показываетъ въ девяностыхъ же годахъ, что онъ десять лѣтъ тому назадъ «сошелъ изъ той деревни *отъ хлѣбнаго недороду*»[1]). Въ то же время нѣкоторые крестьяне села Кандалы показываютъ слѣдующее: одинъ, что «родина его *Костромскаго уѣзда... сошелъ съ племянникомъ отъ голоду* и пришелъ въ Кандалу»; другой въ распросѣ сказалъ: «родина его въ Вязниковскомъ уѣздѣ.... *сошелъ* изъ той дередни *отъ голоду* и пришелъ въ село Кандалу»[2]). Крестьянинъ *Унженскаго уѣзда*[3]) вотчины Макарьевскаго монастыря въ девяностомъ году XVII столѣтія показывалъ, что «отецъ его Ганка съ нимъ Ивашкою да съ братомъ Максимкомъ *бѣжалъ отъ хлѣбнаго недороду*»[4]). Но не въ этихъ только мѣ-

---

[1]) Крестьянинъ деревни Комлевы Гороховскаго уѣзда. Тамъ же. Казань, переп. кн. 7, № 152, л. 127.

[2]) Первый крестьянинъ изъ деревни Пеньга Костромскаго у.; второй изъ деревни Колесниковой Вязниковскаго уѣзда. Тамъ же лл. 77, 82.

[3]) Городъ Унжа на рѣкѣ того же имени, впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны.

[4]) Крестьянинъ села Хаскина Унженскаго уѣзда.

стахъ, гдѣ усѣлось населеніе съ давняго времени и издавна обрабатывало землю, эта послѣдняя перестала достаточно вознаграждать трудъ земледѣльца, — въ другихъ уѣздахъ, съ почвою сравнительно болѣе свѣжею, въ описываемое время встрѣчаемся съ подобными же явленіями. Такъ, помѣстный *крестьянинъ Свіяжскаго уѣзда* разсказываетъ въ девяностомъ году, что онъ «изъ деревни *бѣжалъ отъ хлѣбнаго недороду*»[1]); *въ Казанскомъ уѣздѣ* нѣкоторыя земли, какъ мы уже видѣли, не отмѣчаются по прежнему доброю землею, а только среднею, и во второй половинѣ XVII вѣка (въ концѣ семидесятыхъ годовъ) съ этихъ земель *крестьяне, уходятъ*, по ихъ словамъ, «*за скудостью*»[2]). Всѣ упомянутые крестьяне несли у себя на родинѣ не значительныя тягости[3]), и все же вслѣдствіе недорода и голода должны были со своими семьями выселиться на отдаленную окраину.

Мы знаемъ, что русское правительство, рѣшивши водворить на рр. Уткѣ и Майнѣ Полоцкую шляхту, отправило сюда служилыхъ людей, которые измѣрили по этимъ рѣкамъ всѣ свободныя земли, на которыхъ долженъ былъ быть поселенъ цѣлый полкъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ съ полковникомъ во главѣ; но мы видѣли, что для полученія земель въ оба раза сюда явилась лишь небольшая часть полка, которая и была водворена,—большая же часть Полоцкой шляхты, повидимому, предпочла болѣе безопасную мѣстность Казани съ пригородами богатымъ, но безпокойнымъ землямъ по Уткѣ и Майнѣ. Послѣ испомѣщенія шляхты, пожелавшей селиться на этихъ рѣкахъ, правительство для защиты водворенныхъ построило укрѣпленія, отъ которыхъ безопасность здѣсь должна была на самомъ дѣлѣ увеличиться. При увеличившейся безопасности отъ появившихся острожковъ, богатыя земли на Уткѣ и Майнѣ должны были еще сильнѣе манить къ себѣ поселенцевъ изъ

---

[1]) Крестьянинъ деревни Каралги помѣщика мурзы Кулешева.

[2]) Казань, переп. кн. 7, № 151.

[3]) Они были или бобыли, или же платили по 5 алтынъ, другіе по одной гривнѣ на годъ.

сосѣднихъ и дальнихъ мѣстъ Россіи. Вслѣдствіе этого и процессъ заселенія здѣшнихъ земель людьми пришлыми идетъ чрезвычайно успѣшно, такъ что чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ значительная часть свободныхъ земель по рр. Уткѣ и Майнѣ уже заняты были переселенцами. Первые насельники сперва основали небольшіе поселки, которые однако вскорѣ стали наполняться новыми переселенцами изъ русскихъ людей и инородцевъ, и въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка мы здѣсь встрѣчаемся уже съ обширными селами, насчитывающими у себя по нѣсколько сотъ поселенцевъ. Люди, приходившіе сюда, найдя земли свободными, занимали ихъ и селились, разсчитывая лишь на извѣстныя выгоды и удобства, представляемыя ими; чаще всего они предпочитали земли, лежащія ближе къ р. Волгѣ, этому торному водному пути, который соединялъ ихъ съ населенными мѣстами остальной Россіи; сюда они стремились, вѣроятно, и потому еще, что въ здѣшнихъ мѣстахъ находились поселенія Полоцкой шляхты, для защиты которой правительствомъ воздвигнуты были укрѣпленные остроги. Какъ мы знаемъ, значительная часть здѣшней земли описана была служилыми людьми по повелѣнію Московскаго правительства, предположившаго водворить на нихъ поселенцевъ особаго рода, со стороны которыхъ оно могло ожидать большой пользы въ интересахъ защиты здѣшняго края; а между тѣмъ служилые люди ближайшихъ городовъ и остроговъ (воеводы, наборщики и др.) не только дозволяли селиться пришлымъ людямъ, являвшимся къ нимъ съ заявленіемъ о своей личности и о подобномъ своемъ желаніи, но иногда сами направляли сюда поселенцевъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что какъ пришлый людъ, такъ и мѣстные представители власти смотрѣли на описанныя, но не занятыя земли, какъ на свободныя для заселенія.

Непосредственно послѣ водворенія первой группы поселенцевъ Полоцкой шляхты (1668 г.), недалеко отъ впаденія р. Кандалы въ Майну и по среднему теченію рѣки Утки появляются поселки; однимъ изъ первыхъ поселенцевъ поселка, получившаго свое наименованіе—Кандала, отъ рѣки, у которой онъ

появился, былъ выходецъ изъ Ломовскаго уѣзда[1]). Основателями втораго поселка, называвшагося Утка-Кокрячъ, Алань тожъ[2]), были Мордовскіе выходцы далекаго Нижегородскаго уѣзда, къ которымъ присоединились переселенцы изъ Мордовской деревни сосѣдняго Казанскаго уѣзда[3]). Вскорѣ послѣ этихъ поселковъ основываются другія два поселенія. Первое—Грязнуха, появляется недалеко отъ устья р. Майны, на правой сторонѣ ея, на почвѣ богатой влагою[4]); однимъ изъ старѣйшихъ поселенцевъ Грязнухи былъ крестьянинъ Нижегородскаго уѣзда[5]). Другое поселеніе — Кременки, появляется южнѣе, на притокѣ р. Уреня, на небольшой рѣчкѣ Кременкѣ, впадающей въ нее недалеко отъ устья. Старѣйшими поселенцами въ этой деревнѣ были выходцы изъ отдаленнаго Вязниковскаго уѣзда и сосѣдняго Тетюшскаго; къ нимъ вскорѣ присоединились переселенцы Нижегородскаго и Симбирскаго уѣздовъ, равно какъ

[1]) Города Верхній и Нижній Ломовы—Пензенской губерніи. Савка Лаврентьевъ сынъ Бѣлобородовъ въ 1699 г. въ селѣ Кандалѣ «въ распросѣ сказалъ: родина его въ Ломовскомъ уѣздѣ въ селѣ Самаіевскомъ, бобыльской сынъ, а въ село Калдалу пришелъ тому лѣтъ съ 30, и платитъ по окладу оброчнаго тягла по 2 гривны на годъ». Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, переп. кн. 7, № 152, л. 77.

[2]) Первое прозвище происходитъ отъ рѣки, у которой появилось поселеніе, а второе отъ городища, на которомъ поселились первые поселенцы деревни, именовавшейся такимъ образомъ.

[3]) Въ томъ же году поселенецъ Мордовской деревни Утки-Кокрячъ, Алань тожъ Меншотка Шапунинъ «въ распросѣ сказалъ: родина его Нижегородскаго уѣзда въ деревнѣ Акувовѣ, а отецъ его былъ въ той деревнѣ въ тяглѣ и умрѣ, а сколько платилъ не знаетъ, потому де лѣтъ 30 сошелъ онъ изъ той деревни и пришелъ въ деревню Утку. . . . а платитъ онъ тягло въ Казани съ четверти ясака». Кромѣ него, одновременно съ нимъ изъ той же деревни вышли еще 3 мордвина, пришедшіе вмѣстѣ съ нимъ въ деревню Утку. Въ томъ же году пришли въ деревню Утку по показаніямъ ихъ 2 бобыля изъ деревни Акувовы Казанскаго уѣзда. Тамъ же лл. 171—176.

[4]) Здѣсь и теперь еще въ значительномъ числѣ встрѣчаются небольшія рѣчки и озера.

[5]) Въ томъ же году крестьянинъ села Грязнухи Максимко Михайловъ, «въ распросѣ сказалъ: Нижегородскаго уѣзда, села Сергачь, крестьянской сынъ; отецъ его въ томъ селѣ платилъ на будные станы по 2 четверти золы, и пришелъ отецъ его въ село Грязнуху тому 25 лѣтъ,—и въ переписныхъ книгахъ 186 (1678 г.) году отецъ его и онъ написаны». Тамъ же л. 75.

города Сапожка и сосѣднихъ пригородовъ: Майны и Ерыклинска[1]). Въ семидесятыхъ годахъ нѣкоторые вліятельные люди въ Москвѣ, услыхавъ о богатствѣ здѣшнихъ земель, на которыя охотно селятся переселенцы изъ внутренней Россіи, въ увѣренности, что земли на р. Уткѣ свободны, поспѣшили присвоить себѣ часть земель по лѣвой сторонѣ этой рѣки, недалеко отъ ея устья, и стали заселять ихъ на свой страхъ; такъ образовалась деревня Утка, Зеленовка тожъ, принадлежавшая князьямъ Трубецкимъ, и деревня Волосниковка, принадлежавшая стольнику Нарышкину[2]). Въ концѣ семидесятыхъ годовъ (1679 г.) по среднему теченію р. Утки возникаютъ новыя поселенія, основываемыя инородцами, переселенцами изъ Мордвы. Нѣкоторые тяглые Мордвины Нижегородскаго уѣзда, той деревни, откуда раньше нѣсколько человѣкъ, выселившись, поселились на городищѣ подлѣ р. Утки, по всей вѣроятности услыхали отъ своихъ земляковъ, во время посѣщенія тѣми родныхъ мѣстъ, о плодородіи тамошнихъ земель и о нѣкоторыхъ другихъ выгодахъ ихъ жизни на Уткѣ[3]) и рѣшились въ свою

---

[1]) Смотри показанія крестьянъ этого села въ 1699 г. Тамъ же лл. 42—71. Одинъ изъ поселенцевъ села Кременокъ показываетъ даже, что онъ «тому нынѣ 30 лѣтъ сошелъ изъ пригородка Майны и пришелъ въ село Кременки»,—но въ этомъ свидѣтельствѣ очевидна ошибка, ибо въ 1670 году какъ намъ уже извѣстно, составленъ былъ только проектъ Майнскаго острога который слѣдовательно въ 1669 году не могъ еще существовать. Вязниковскій и Тетюшскій переселенцы показываютъ, что они сошли за 23 года до 1699 года, остальные за 20 лѣтъ.

[2]) Деревня Утка, Зеленовка тожъ считалась среди вотчинъ боярина князя Ивана Юрьевича да стольника князя Юрья Юрьевича Трубецкихъ; въ ней въ концѣ столѣтія, кромѣ бѣглыхъ и умершихъ, было 36 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ жило 65 человѣкъ. Въ деревнѣ Волосниковкѣ, числившейся между вотчинами стольника Андрея Ѳедоровича Нарышкина, кромѣ бѣглыхъ и умершихъ, находилось 70 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ жило въ тоже время 108 человѣкъ. На земляхъ этихъ деревень, какъ увидимъ, въ концѣ девяностыхъ годовъ поселены были иноземцы, а крестьяне взяты были за государя и переселены отселѣ на свободныя земли въ вершинахъ р. Кандалы. Тамъ же лл. 139—148, 219.

[3]) Говоримъ это потому, что подобныя посѣщенія выселенцами своихъ родныхъ и знакомыхъ, оставшихся въ Нижегородскомъ уѣздѣ, попадались намъ. Такъ, въ концѣ столѣтія, при описи села Кандалы, жены двухъ посе-

очередь послѣдовать ихъ примѣру: въ концѣ семидесятыхъ годовъ они переселились па Утку, гдѣ, вмѣстѣ съ другими переселенцами изъ Алаторскаго и Саранскаго уѣздовъ, основали около своихъ земляковъ на той же сторонѣ Утки рѣки деревню Матвѣевку[1]). Въ это время южнѣе, около деревни Кремепки, основывается Мордвинами, выходцами Казанскаго и Арзамаскаго уѣздовъ, деревня Помряскина[2]); теперь же, либо въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ верховьяхъ р. Майны появляется инородческое поселеніе,—преимущественно изъ Татаръ, основанное выходцами изъ деревень Свіяжскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ мотивовъ, которые побуждали ихъ оставить родныя мѣста; вѣроятно, мотивы эти были очень серіозные и имѣли общій характеръ, потому что инородцы выселялись не отдѣльно, а цѣлыми группами и приблизительно около одного времени; притомъ выселялись не самовольно, а послѣ челобитья мѣстнымъ властямъ о желаніи своемъ перейти съ тѣмъ же тягломъ въ здѣшнія мѣста[3]), и всѣ получили это разрѣшеніе,—слѣдовательно мотивъ къ переселенію былъ уважителенъ и въ глазахъ мѣстной власти[4]).

ленцевъ показывали: «а нынѣ мужъ ея въ Сергачской волости у сродниковъ своихъ», другая, которой мужъ былъ изъ деревни Ляпуновой Нижегородскаго уѣзда, свидѣтельствовала: «а мужъ де ея нынѣ въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Ляпуновѣ». Тамъ же № 152.

[1]) Изъ Нижегородскаго уѣзда за 20 лѣтъ вышли въ деревню Матвѣевку 6 человѣкъ; трое изъ нихъ принадлежали деревнѣ Акуловой; изъ Алаторскаго уѣзда въ ту же деревню вышло 5 человѣкъ, всѣ изъ деревни Пожарокъ, гдѣ были въ посопномъ тяглѣ въ четверти десятинѣ. Тамъ же лл. 161—162, 178—183, 220—221.

[2]) Показанія крестьянъ деревни Помряскиной. Тамъ же лл. 156—160, 187, 267.

[3]) Тягло большинства переселенцевъ на родинѣ было по времени довольно значительное: они платили по полъ-ясака, между тѣмъ какъ обычная величина его была треть или четверть ясака на дворъ.

[4]) Изъ деревни Анеутъ Свіяжскаго у. такимъ образомъ одновременно выселилось 8 семей татарскихъ; изъ Нижнихъ Тарханъ, деревни того же уѣзда, выселилось 4 семьи; изъ деревни Еркѣевой Свіяж. у. 3 семьи. Всѣхъ подобныхъ переселенцевъ разныхъ деревень Свіяжскаго у. въ этомъ поселеніи было 28 дворовъ. Тамъ же лл. 23—42. (Показанія крестьянъ деревни Боранъ).

Въ то время, какъ русскіе люди и инородцы, переселившіеся изъ разныхъ полосъ Россіи, старались получше устроиться по рр. Уткѣ, Майнѣ и Уреню, и, благодаря плодородію здѣшней почвы и обилію естественныхъ произведеній, хорошо вознаграждавшихъ трудъ и предпріимчивость поселенцевъ, скоро могли зажить довольно порядочно,—въ сосѣдней степи давно начавшееся движеніе[1]) среди одной части ея обитателей успѣло разростись въ ураганъ, который со всею силою обратился на сосѣднія Прикамскія и Приволжскія земли, опрокидывая въ своемъ движеніи тѣ искусственныя преграды, которыя съ такимъ трудомъ устроены были Московскимъ правительствомъ для защиты этихъ странъ, населенныхъ трудовымъ населеніемъ. Еще въ семидесятыхъ годахъ (1676 г.) Башкирцы осаждали Мензелинскъ, но Мензелинскіе служилые люди, благодаря подоспѣвшему къ нимъ отряду яицкихъ козаковъ, съ успѣхомъ отразили непріятелей[2]). Но опасность отъ башкирскаго движенія для Закамскихъ земель чрезвычайно усилилась въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, потому что въ это время Башкирцы успѣли привлечь на свою сторону значительную часть Калмыковъ съ ихъ извѣстнымъ начальникомъ Аюкой. По донесенію мѣстныхъ воеводъ 1682 года, «Аюкай и иные тайши[3]), собрався съ своими ратными людьми, пошли подъ Казанскіе и Уфимскіе уѣзды войною, по присылкѣ воровскихъ Башкирцевъ и Казанскихъ Татаръ.... а пошло де съ ними воинскихъ людей Калмыковъ и Татаръ съ сорокъ тысячъ.... и изъ улусовъ де своихъ они Калмыки женъ своихъ и дѣтей отпустили за рѣку Яикъ, въ дальные мѣста»[4]). Повидимому, Примайнскія страны были назначены мѣстомъ встрѣчи новыхъ союзниковъ, потому

[1]) Это движеніе—извѣстный среди Башкирцевъ Сеитовскій бунтъ, начавшійся въ 1662 году подъ предводительствомъ башкирскаго старшины Сеита, который соединился вскорѣ съ Киргизъ Кайсаками.

[2]) Историч. библіот. за 1878 г. Декабрь. «Очеркъ колонизаціи Башкирскаго края» В. Новикова 45 с. Статья составлена отчасти по мѣстнымъ архивнымъ матеріаламъ.

[3]) Такъ именуются главные начальники Калмыковъ.

[4]) Тамъ же 44 с.

что, одновременно съ движеніемъ Калмыковъ подъ начальствомъ Аюки съ южной стороны чрезъ Закамскую черту,—Башкирцы съ востока направились на Мензелинскъ, Заинскъ, Новошешминскъ и Билярскъ[1]). Движеніе на эти укрѣпленныя мѣста, какъ и естественно со стороны людей, воевавшихъ съ цѣлью грабежа, было не одновременное; такъ, отъ укрѣпленій Мензелинскаго острога Башкирцы напали и разгромили по сосѣдству довольно людное село на Камѣ—Чалны; слѣдъ отъ ихъ остановки здѣсь замѣтенъ былъ еще въ концѣ описываемаго столѣтія въ видѣ 35 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ, владѣтелей которыхъ, крестьянъ, «въ прошломъ во 190 году (1682) измѣнники Башкирцы и Татары порубили и въ полонъ взяли съ женами и дѣтьми, а ихъ дворы выжгли»[2]). Неизвѣстно, на сколько серіозно могли сопротивляться стремительному натиску Башкирцевъ служилые люди, проживавшіе въ вышеупомянутыхъ острогахъ; но, судя по тому, что въ Билярскѣ они вынуждены были брать съ собою въ сраженіе оброчныхъ бобылей[3]), можно сомнѣваться, чтобъ при подобныхъ обстоятельствахъ они способны были оказать сильное противодѣйствіе непріятелю. Кромѣ того, самое разрушеніе бобыльскихъ и стрѣлецкихъ дворовъ въ нѣкоторыхъ острогахъ и бѣгство растерявшихся жителей изъ укрѣпленій и изъ деревень, подвергшихся нападеніямъ Башкирцевъ, также могутъ отчасти свидѣтельствовать, что отпоръ и защита были слабы, вслѣдствіе чего и должна была увеличиться паника среди населенія, жившаго подлѣ укрѣпленій. По всей вѣроятности, Башкирцы въ нынѣшнее, благопріятное для нихъ, время отъ Билярска р. Малымъ Черемша-

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Казань переп кн. 7. №№ 135, 151.

[2]) Тамъ же № 151.

[3]) По показанію въ концѣ XVII вѣка Билярскихъ стрѣльцовъ, четверо Билярскихъ оброчныхъ бобылей (Ивашко Сидоровъ, Андрюшко Дергачь и еще два) *«побиты на бою»* отъ измѣнниковъ татаръ въ прошломъ во 191 году (1683 г.), а послѣ ихъ жены ихъ и дѣти разбрелись въ розвь»; въ другихъ острогахъ сами бобыли разбѣжались отъ страха. Въ Мензелинскѣ, Заинскѣ и Новошешминскѣ Башкирцы хозяйничали годомъ раньше, т. е. въ 1682 г. Тамъ же, тѣ же номера.

номъ спустились до чувашской деревни Ахметевой, которая раскинулась по обѣимъ сторонамъ упомянутой рѣки; память о пребываніи ихъ въ этой деревнѣ осталась, ибо въ девяностыхъ годахъ само правительство въ грамотѣ, данной другимъ инородцамъ на поселеніе въ здѣшнихъ мѣстахъ, свидѣтельствуетъ, что «та деревня разорена и выжжена, и люди отъ башкирскаго разоренія разбѣжались»[1]). Похозяйничавши на Маломъ Черемшанѣ, гдѣ въ то время еще не могло быть многихъ поселковъ, Башкирцамъ естественно было отсюда пройти въ сосѣднюю, сравнительно болѣе населенную, страну, въ которой, правда, въ настоящее время были уже два острога, — но кочевники привыкли не особенно страшиться подобныхъ укрѣпленій, ознакомившись съ ними на пути во время своего послѣдняго вторженія; здѣшнія укрѣпленія не должны были остановить ихъ и потому еще, что тамъ они могли соединиться съ своими союзниками, Калмыками. И дѣйствительно, мы встрѣчаемся съ слѣдами ихъ пребыванія недалеко отъ устья рѣки Майны, гдѣ они посѣтили село Грязнуху, которое, по свидѣтельству одного поселенца въ концѣ описываемаго столѣтія, «въ прошлыхъ лѣтехъ разорено отъ Башкирцевъ»; другой поселенецъ въ тоже время говорилъ, что «онъ сошелъ изъ того села отъ башкирскаго разоренія и жилъ въ разныхъ мѣстахъ»[2]). Съ береговъ Майны Башкирцы, кажется, двинулись на югъ, къ р. Уреню, на встрѣчу своимъ союзникамъ, Калмыкамъ, ибо есть извѣстіе, что они побывали въ Кременкахъ, откуда нѣкоторые поселенцы также ушли, по ихъ словамъ «отъ Башкирскаго разоренія»[3]). Между тѣмъ какъ Башкирцы послѣ заключенія союза съ Калмыками двинулись изъ-за р. Бѣлой (съ востока) на Мензелинскъ, союзники ихъ, Калмыки, въ тоже время съ юга направились въ Прикамскія страны; перешедши

---

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, отказ. стар. лѣтъ съ городами кн. 13, № дѣла 15, л. 1.

[2]) Арх. Мин. Юст. III отд. Казань. Переп. кн. 7, № 152, лл. 77—79.

[3]) Говоримъ *кажется*, потому что показанія крестьянъ-выходцевъ села Кременокъ менѣе опредѣленны, чѣмъ предшествовавшихъ. Тамъ же л. 257.

укрѣпленную черту, они, по всей вѣроятности, не оставались здѣсь праздными зрителями и хозяйничали съ такимъ же успѣхомъ, какъ и союзники ихъ Башкирцы, которыхъ они могли встрѣтить въ области р. Уреня[1]). При условіяхъ, въ которыхъ теперь очутились Примайнскія земли, въ правительственныхъ сферахъ могла снова явиться мысль о пользѣ, которая должна произойти отъ водворенія въ здѣшнихъ мѣстахъ служилыхъ иноземцевъ, какъ людей привычныхъ къ опасностямъ войны, которые потому менѣе другихъ могли смущаться и устрашаться. Такимъ образомъ, принятое правительствомъ рѣшеніе въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка водворить значительную группу служилыхъ иноземцевъ на рѣкѣ Майнѣ было совершенно естественно по обстоятельствамъ того времени. И вотъ вслѣдствіе этого, инородцы Свіяжскаго уѣзда, поселившіеся было съ дозволенія правительства въ вершинахъ р. Майны, были отсюда переведены въ сосѣднюю деревню Баранъ, повидимому, тоже основанную инородцами, выходцами Свіяжскаго уѣзда, а земли переведенцевъ отведены были подъ пахоту съ сѣнными покосами значительной группѣ Казанскихъ служилыхъ иноземцевъ— Степану Селивановскому съ товарищи, которые въ вершинахъ р. Майны основали село Верхнюю Майну и деревню Богацкую[2]).

Существованіе мѣстами поселковъ въ продолженіе извѣстнаго времени не могло не оказывать притягательнаго

[1]) Въ царской грамотѣ отъ 8 іюня 1683 года есть извѣстіе о сборищѣ Башкиръ съ Калмыками для продолженія войны. По свѣдѣніямъ мѣстныхъ воеводъ, «Калмыцкій царевичъ Дидюбакъ Бокаевъ съ воинскими людьми съ Калмыки зимовалъ подлѣ озера Чертаклы, а съ нимъ Калмыковъ сорокъ тысячъ». Озеро Чердаклы лежитъ южнѣе р. Уреня, въ Поволжьѣ. «Истор. Биб.» 1878 г. Декабрь. «Очеркъ колонизаціи башкир. зем.» Новикова, 48.

[2]) Смотри по этому поводу показанія многихъ крестьянъ-татаръ деревни Баранъ. Тамъ же лл. 23 — 42; кромѣ того л. 76. Къ сожалѣнію, мы, по отсутствію какихъ либо данныхъ, не могли опредѣлить числа Казанскихъ иноземцевъ, водворенныхъ въ это время на вершинахъ р. Майны, равно и объяснить, почему именно эти иноземцы поселены были въ вершинахъ рѣки Майны, а не въ мѣстахъ подлѣ Полоцкой шляхты. Не сохранялись ли правительствомъ свободныя земли около Полоцкой шляхты для тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежали къ полку Гаславскаго и которые, быть можетъ, не прямо отказались, а болѣе медлили своимъ прибытіемъ?

дѣйствія на новыхъ переселенцевъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ спѣшили присоединяться къ прежнимъ и селились вмѣстѣ съ ними, ибо подобное сожительство старымъ насельникамъ, при изобиліи здѣсь свободныхъ земель и крайнемъ малолюдствѣ, могло быть только пріятно; въ другихъ переселенцахъ жизнь въ томъ или иномъ мѣстѣ земляковъ, соединенная съ извѣстными выгодами, должна была возбуждать смѣлость къ поселенію по сосѣдству съ ними, въ надеждѣ, что и ихъ житье пойдетъ не хуже въ здѣшнихъ мѣстахъ. Подобными мотивами, по всей вѣроятности, обусловливается появленіе новыхъ поселковъ вблизи старыхъ, спустя нѣкоторое время. Такъ, намъ извѣстно, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ на лѣвой сторонѣ р. Уреня появляется деревня служилыхъ инородцевъ Яганаева Яртудина, въ которой поселился служилый татаринъ съ подобнымъ же прозвищемъ; въ недалекомъ же разстояніи отъ этой деревни, южнѣе, на берегу озера Чердаклы, въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ мы застаемъ деревню служилыхъ татаръ, въ которой старѣйшими поселенцами были выходцы изъ Саранскаго уѣзда (нынѣшней Пензенской губ.), принадлежавшіе на родинѣ къ служилому классу и переселившіеся на луговую сторону, гдѣ основали деревню Чердакли[1]). Существованіе и выгоды, получаемыя служилыми инородцами деревни Чердакли, могли въ свою очередь побудить служилыхъ инородцевъ сосѣднихъ уѣздовъ предложить мѣстному правительству свою службу за земли

---

[1]) Тамъ же лл. 229, 245—249. Одинъ изъ поселенцовъ показывалъ въ 1699 году, что онъ на родинѣ служилъ службу съ 20 четвертей земли въ каждомъ полѣ; на своей службѣ оставилъ брата, а самъ 20 лѣтъ тому назадъ сошелъ въ Чердакли и по челобитью его въ городѣ Симбирскѣ дано ему на новомъ мѣстѣ 20 четвертей въ каждомъ полѣ для службы по Симбирску. Другой поселенецъ деревни изъ Саранскаго уѣзда, сынъ служилаго человѣка, остался послѣ отца въ малыхъ лѣтахъ, сошелъ лѣтъ съ 40 тому назадъ, «жилъ переходя въ разныхъ мѣстахъ», въ Чердакли пришелъ 17 лѣтъ тому назадъ, билъ челомъ въ Симбирскѣ и получилъ 20 четв. земли въ каждомъ полѣ для службы по Симбирску. О самой деревнѣ сказано: «В Симбирскомъ уѣздѣ *на степи* подлѣ озера Чердаклинскаго поселилась деревня Чердакли, а в ней живутъ служилые татара».

въ здѣшнихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этого въ началѣ девяностыхъ годовъ XVII столѣтія по сосѣдству съ деревнею Чердакли («въ ободу Чердаклинскихъ татаръ») находимъ новую деревню Уренбашъ, о которой говорится: «живутъ въ ней служилые татары, а служатъ полковую службу по Синбирску»[1]). Продолжительное существованіе на р. Уренѣ мордовской деревни Поирясвиной, заселенной съ самаго начала выходцами изъ Казанскаго уѣзда, не могло не оказывать вліянія на инородцевъ сосѣдняго уѣзда, — и вотъ въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ описываемаго вѣка мы встрѣчаемъ въ сосѣдствѣ съ Поирясвиной деревню Войкину, состоящую изъ ясачныхъ татаръ, переселенцевъ Свіяжскаго уѣзда[2]). На р. Уткѣ, на правомъ берегу ея, какъ мы знаемъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ появляется мордовское поселеніе, получившее наименованіе Кокрячь — отъ городища, на которомъ оно было основано; а въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ того-же столѣтія на противоположной сторонѣ р. Утки встрѣчаемся съ мордовскимъ же поселкомъ, въ которомъ живетъ выходецъ Алаторскаго уѣзда (нынѣшней Симбирской губерніи), сдавшій тягло свое брату, а самъ съ сыномъ перешедшій на Утку, гдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ къ нему присоединились другіе соплеменники Казанскаго уѣзда, и всѣ они вмѣстѣ живутъ въ мордовской деревнѣ Айбаши[3]). На притокѣ р. Уреня, на рѣчкѣ Кременкѣ въ семидесятыхъ годахъ застаемъ деревню

---

[1]) Старѣйшими поселенцами этой деревни, которая въ концѣ XVII вѣка насчитывала у себя 25 человѣкъ служилыхъ инородцевъ, были переселенцы Темниковскаго и Симбирскаго уѣздовъ; всѣ 3 переселенца Темниковскаго уѣзда показывали, что они сходцы изъ деревни Идяковой и перешли въ дер. Уренбашъ за 6 лѣтъ до допроса. Тамъ же лл. 250—261.

[2]) Тамъ же лл. 188—192. Показанія ясачныхъ татаръ деревни Войкиной; л. 267.

[3]) Тамъ же лл. 20—23. Къ Мордвину деревни Чюкалѣй Алаторскаго уѣзда, переселившемуся на Утку за 15 лѣтъ до 1699 года, присоединились 6 выходцевъ изъ деревни Бевсоновой Казанскаго уѣзда, переселившіеся въ деревню Айбаши за 10 лѣтъ; изъ послѣднихъ переселенцевъ пятеро были тяглыми и несли на родинѣ—трое тягло съ полуясака, а двое съ четверти; одинъ былъ бобылемъ.

Кременки, а въ восьмидесятыхъ годахъ подлѣ, на правомъ берегу Уреня находимъ инородческое поселеніе Урень-Тюгѣево, въ которой старѣйшіе поселенцы — выходцы Казанскаго и Темниковскаго уѣздовъ[1]). Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, при испомѣщеніи по р. Майнѣ Полоцкой шляхты, въ межахъ отведенныхъ имъ здѣсь земель упоминается между прочимъ о «Краснорѣцкихъ Мордовскихъ пашняхъ»[2]), вслѣдстіе чего можно предполагать, что въ то время на рѣчкѣ Красной, притокѣ Майны, недалеко отъ впаденія ея, на лѣвой сторонѣ существовало уже инородческое поселеніе, котораго населеніе занималось земледѣліемъ; а въ восьмидесятыхъ годахъ нѣкоторые служилые инородцы Свіяжскаго уѣзда, по челобитью своему, получаютъ отъ правительства землю въ верхнихъ частяхъ рѣчки Красной, основываютъ здѣсь деревню Урайкину и обязываются нести службу по Казанскому уѣзду; къ нимъ на новомъ мѣстѣ вскорѣ присоединились инородцы — выходцы изъ Алаторскаго уѣзда, тоже испомѣщенные здѣсь съ обязательствомъ нести службу за отведенныя имъ земли. Въ девяностыхъ годахъ XVII столѣтія (1692 г.) служилые инородцы описываемой деревни достигаютъ тридцати человѣкъ и, образовавши общину, сами принимаютъ къ себѣ свою братью[3]). Но не только въ верховьяхъ

---

[1]) Тамъ же лл. 185 — 187. Мордвинъ деревни Уреня Сючелѣевъ въ концѣ столѣтія «въ роспросѣ сказалъ: родина его Казанскаго уѣзда деревни *Стараго Уреня, отецъ его въ деревню Урень пришелъ* жить бивъ челомъ великому государю въ Казани съ прежнимъ ясакомъ, и тотъ ясакъ нынѣ платитъ онъ»; другой выходецъ Темниковскаго уѣзда показываетъ, что онъ пришелъ въ дер. Урень 10 лѣтъ тому назадъ.

[2]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. за № 1127, л. 632.

[3]) Казань. Переп. кн 7, № 152 лл. 149 — 155. «*Деревни Ураевы* служилые татары: *Дв. Алка Ураевъ* въ роспросѣ сказалъ: родина его въ Свіяжскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Алмендярѣ; служилъ полковую службу безъ помѣстья по Свіяжску и тому нынѣ лѣтъ 10 и больше по челобитью отца его.... по грамотѣ великаго государя изъ Казани дано ему въ той деревнѣ Ураевѣ въ помѣстье и въ оброкъ 50 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ; братъ у него родной Кондарка Ураевъ, помѣстье за братомъ его въ той деревнѣ Ураевѣ» столько же и т. д.; нѣкоторые служилые инородцы показываютъ: пришелъ онъ въ дер. и «снялъ *полюбовно безъ челобитья* въ той деревнѣ Ураевѣ у татарина (имя и фамилія) половину помѣстья той оброчной земли его»

Красной рѣчки, и у самой вершины р. Майны около описываемаго времени появляются инородческіе поселки; такъ, въ началѣ девяностыхъ годовъ нѣсколько Мордвиновъ—выходцевъ Казанскаго уѣзда, соединившись съ соплеменниками своими изъ Саранскаго и Темниковскаго уѣздовъ, съ дозволенія правительства поселились недалеко отъ инородческой деревни Баранъ, существовавшей въ верхнихъ частяхъ р. Майны[1]). Къ концу столѣтія основываются поселки въ верхнихъ частяхъ рѣчки Кандалы, болѣе восточнаго притока рѣки Майны съ лѣвой стороны ея; въ этихъ мѣстахъ нѣкоторые инородцы, выходцы изъ Симбирскаго уѣзда[2]), пожелали получить отъ правительства земли съ обязательствомъ нести съ нихъ службу по Казанскому уѣзду; къ нимъ присоединились вскорѣ инородцы изъ другихъ уѣздовъ и такимъ путемъ образовалась деревня, въ которой служилые инородцы, составивши общину, въ свою очередь принимаютъ къ себѣ на поселеніе свою братью — новыхъ выходцевъ[3]). Начиная съ шестидесятыхъ годовъ, какъ мы видѣли, по сторонамъ рѣки Уреня появляются русскіе и инородческіе поселки, существованіе которыхъ могло возбудить смѣлость въ ясачныхъ инородцахъ Симбирскаго уѣзда, поселиться въ началѣ девяностыхъ годовъ въ вершинѣ рѣки Уреня и основать здѣсь деревню, въ которой въ концѣ XVII столѣтія насчитывалось уже около 20 ясачныхъ дворовъ[4]). По всей вѣроят-

---

[1]) Тамъ же лл. 18—20. «Въ вершинахъ Майны р... *деревни Налитевы* Ясачная Мордва: Дв. Атяшко *Налътевъ* въ распросѣ сказалъ: жилъ въ Казанскомъ у. въ дер. Уренѣ и платилъ съ четверти ясака; сошелъ 7-ой годъ въ деревню Налитеву и платитъ въ Казани прежнее тягло»; у него сынъ и родные братья, изъ которыхъ одинъ женатъ и платитъ тягло особое.

[2]) Рѣки Утка и Майна съ притоками тянули къ Казанскому уѣзду.

[3]) Тамъ лл. 136—139. «На Кандалѣ рѣчкѣ, *деревни Ертугановы*, верхъ Кандала тожъ, служилые татары: *Дв. Ертуганка Мурзы*, сынъ Тагоевъ въ распросѣ сказалъ: родина его въ Симбирскомъ у. въ дер. Каракигѣ, жилъ въ бобыляхъ, и въ прошлыхъ годѣхъ по ево челобитью въ Казани дано ему въ той деревнѣ Ертугановѣ помѣстья 50 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; живетъ въ той деревнѣ съ прошлаго 206 года (1698 г.); сынъ у него Елмаметка—женатъ» и др. дворы.

[4]) Тамъ же лл. 168—170. «На рѣчкѣ Уреню поселились Мордва и Татары Симбирскаго уѣзду *деревни Богдашкиной Богдашко Ведляшевъ съ товарищи*».

ности, такія же условія вызвали появленіе инородческихъ поселеній на сѣверъ отъ р. Утки, нѣсколько восточнѣе поселковъ, раньше существовавшихъ. Главными дѣятелями при основаніи здѣсь новыхъ поселеній являются выходцы Свіяжскаго уѣзда, къ которымъ скоро присоединяются инородцы, вышедшіе изъ мѣстныхъ селъ и деревень. Такъ, довольно значительная татарская деревня Яркули, существовавшая уже въ началѣ девяностыхъ годовъ XVII-го столѣтія, основана была группою ясачныхъ инородцевъ, которые въ числѣ восьми вышли изъ деревни Анеутъ Свіяжскаго уѣзда, откуда и прежде не разъ выселялись жители на Майну; и вотъ переселенцы въ Казани бьютъ челомъ о ясакахъ на новомъ мѣстѣ, гдѣ къ нимъ вскорѣ присоединяются новые выходцы изъ тогоже уѣзда. При этомъ слѣдуетъ указать, что въ этотъ разъ, какъ и прежде, причина эмиграціи населенія, должно предполагать, была въ глазахъ мѣстныхъ властей вполнѣ уважительна, ибо они не противятся подобному выселенію, не смотря на то, что въ нынѣшній разъ переселенцы не передаютъ на родинѣ своихъ ясаковъ другимъ, такъ какъ, по ихъ показанію, «тотъ полъ ясака и Анеутъ деревня нынѣ въ пустѣ»[1]). Но новыя поселенія основываются въ описываемое время въ здѣшнихъ мѣстахъ не одними выходцами изъ отдаленныхъ или сосѣднихъ уѣздовъ,— мѣстные уроженцы или насельники, поселившіеся было здѣсь, но не вполнѣ удовлетворенные на мѣстѣ своего жительства, являются въ свою очередь виновниками новыхъ поселковъ въ Примайнскихъ странахъ. Такъ, мы знаемъ, что нѣкоторые изъ ино-

---

Замѣчательны фамиліи нѣкоторыхъ инородцевъ въ этой деревнѣ: Нечаевъ, Борисовъ, Смирновъ и нѣкоторыя другія; такія и подобныя русскія прозвища встрѣчаются у инородцевъ и въ другихъ здѣшнихъ поселкахъ.

[1]) Тамъ же лл. 192—196, 204. «Деревни Яркуль Татары: дв. Ахметка Тюгѣевъ, въ распросѣ сказалъ: родина его въ Свіяж. у. въ деревнѣ Анеутъ; платилъ въ Свіяжску съ братомъ своимъ двоюроднымъ; а въ дер. Яркуль пришелъ онъ тому седьмой годъ (показ. въ 1699 г.); и тотъ полъ ясака и Анеутъ деревня нынѣ въ пустѣ; а въ деревнѣ Яркулѣ, по его челобитью, данъ ему изъ Казани вновь въ прибыль четь ясака. У него жъ Ахметки братья родные: Елдашка, Еричка—женаты». Показанія остальныхъ изъ этой деревни большею частью такія же.

родцевъ, жившіе въ деревняхъ по р. Уткѣ, въ девяностыхъ годахъ покидаютъ свои деревни и основываютъ съ разрѣшенія мѣстной власти въ восточномъ направленіи новое поселеніе, которое быстро увеличивается прибытіемъ туда выходцевъ изъ Свіяжскаго уѣзда[1]). Въ данное же время въ здѣшнихъ мѣстахъ встрѣчаемся и съ такими явленіями: служилый инородецъ Свіяжскаго уѣзда свою помѣстную землю на родинѣ вмѣстѣ со службою съ нея предоставляетъ своему брату, — самъ же въ преклонномъ возрастѣ съ семьею переходитъ въ Казанскій уѣздъ, гдѣ останавливаетъ свое вниманіе на привольныхъ земляхъ, лежащихъ въ области р. Малаго Черемшана; здѣсь, въ верхнихъ частяхъ рѣчки Шіи[2]), «по обѣ стороны и въ иныхъ урочищахъ дано ему изъ Казани земли по его челобитью, — а велѣно ему съ той земли платить по ясаку на годъ». На рѣчкѣ же Шіѣ, кромѣ земли, отведенной служилому татарину, находилось еще много свободныхъ земель, на которыхъ въ концѣ столѣтія застаемъ двѣ другія инородческія деревни. Вѣроятно, старому служилому татарину было не совсѣмъ пріятно постоянно жить въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ то время еще рѣдко населенныхъ и лежавшихъ въ сторонѣ отъ укрѣпленныхъ острожковъ, потому что мы застаемъ его въ 1698 году «отставленнаго, по грамотѣ вел. госуд., отъ службы за старостью»:

---

¹) Тамъ же лл. 196—197, 204. «Деревни Долгаго Озера Мордва» второй дворъ отъ начала «Дв. Юрка Мялковъ, въ распросѣ сказалъ: родина его въ Казанскомъ у. въ деревнѣ Уткѣ, а Зеленовка тожъ, былъ въ тяглѣ въ чети ясакѣ, а въ деревню Долгое Озеро пришелъ онъ тому 4-ой годъ, и то тягло четь ясака сдалъ онъ крестьянину Ивашкѣ Дементьеву, а въ дер. Долгомъ озерѣ платитъ онъ съ получети ясаку, бивъ челомъ великому государю въ Казани въ прибыль; да у него жъ сынъ, живетъ особо избою, Мартышка, — живетъ въ бобыляхъ». «Дв. Петрушка Сергѣевъ, въ распросѣ сказалъ: родина его въ Казан. у. въ дер. Урюмѣ; было на отцѣ его тягла полъ ясака и по челобитью его съ тѣмъ ясакомъ перешелъ жить въ Казанскій у. въ дер. Утку, Зеленовка тожъ; жилъ лѣтъ съ 20 и больши, и съ тѣмъ же тягломъ перешолъ онъ Петрушка въ дер. Долгое Озеро тому четвертой годъ». Въ нѣкоторыхъ другихъ дворахъ подобныя же показанія. Деревня лежала не далеко отъ дер. Яркуля.

²) Рѣчка Шія течетъ на одной линіи съ рѣкою Уткою.

онъ проживалъ въ деревнѣ на р. Красной[1]), куда прибылъ за годъ до описи, и гдѣ получилъ землю «въ помѣстье и въ оброкъ», съ которой службу несъ сынъ его[2]). Въ то время какъ пришлое населеніе отъ Волги по ея притокамъ постепенно двигается на востокъ, на встрѣчу ему, по другимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, подвигаются инородческія поселенія съ востока на западъ,—такъ что новые поселки въ здѣшней мѣстности какъ бы стремятся въ описываемое время образовать изъ себя непрерывную цѣпь поселеній. Такъ, въ восьмидесятыхъ годахъ группа служилыхъ «*неверстанныхъ*» Мещеряковъ (10 человѣкъ) обратилась къ правительству съ слѣдующимъ челобитіемъ: «отдѣлились они дѣти отъ отцовъ и братья отъ братей» для заселенія пустой пахотной земли, оставшейся отъ разбредшихся Чювашъ, населявшихъ деревню Ахметову—Миронову, которая расположена была по обѣимъ сторонамъ р. Малаго Черемшана; вслѣдствіе этого пахатная земля по Малому Черемшану съ сѣнными покосами по рѣчкѣ Шіѣ отдана была Мещерякамъ сперва на оброкъ, а потомъ «въ помѣстье и въ оброкъ»[3]).

Здѣшнее населеніе въ девяностыхъ годахъ двигалось на востокъ отъ Волги не только по р.р. Уткѣ и Майнѣ,—тоже движеніе можно замѣтить и южнѣе, въ области р. Уреня: здѣсь «въ вершинѣ рѣчки Уреня, по лѣвой сторонѣ, подъ чернымъ Чиглинскимъ лѣсомъ» встрѣчаемся въ началѣ девяностыхъ годовъ съ инородческимъ поселеніемъ, которому основаніе положено было, повидимому, Чувашами Симбирскаго и Свіяжскаго уѣздовъ; самое названіе этой деревни образовалось отъ одного изъ первыхъ поселенцевъ инородческой деревни[4]).

---

[1]) Въ дер. Ураевѣ, въ верхнихъ частяхъ р. Красной (прит. р. Майны).

[2]) Тамъ же лл. 154 и 205.

[3]) Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, отказ. стар. л кн. 13, № дѣла 15.

[4]) И въ настоящее время деревня Еремкина находится подъ лѣсомъ (см. карту генер. штаба съ 10 вер. машт. 1870 г.). Описывается она такъ: «Да за рѣкою ж Уренемъ на той же отписной землѣ, которая земля отписана во 176 году (1668 г.) по Михайловымъ книгамъ Баракова..... поселилась Синбирскаго уѣзду деревня Наратколь, *Еремкина* тожъ, а въ ней живутъ

Не одни впрочемъ крестьяне внутренней Россіи и инородцы сосѣднихъ уѣздовъ стремятся въ концѣ описываемаго столѣтія занимать земли, почитавшіяся свободными, и селятся въ здѣшнихъ мѣстахъ, чтобъ пользоваться природными богатствами ихъ, — служилые люди и представители духовенства дѣлаютъ съ своей стороны тоже. Такъ, въ верхнихъ частяхъ рѣки Уреня, въ концѣ девяностыхъ годовъ (1697 г.), «поселена на правой сторонѣ деревня *Новая* Синбирскихъ иноземцовъ». Эта деревня во время описи (1699 г.) состояла лишь изъ нѣсколькихъ дворовъ (пять), большинство которыхъ были переселенцами Нижегородскаго уѣзда; но значительное количество земли, которое отведено было для нея подъ усадьбу, пахоту и покосъ могли свидѣтельствовать о томъ, что владѣльцы расчитывали на большой приливъ населенія[1]). Кромѣ того, въ сосѣдствѣ съ деревнею Чердакли въ концѣ столѣтія встрѣчаемся съ землями стольника Наумова и крестьянъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря; въ самой же деревнѣ, въ отдѣльныхъ дворахъ, живутъ три чувашскихъ семейства, выходцы Симбирскаго уѣзда, свидѣтельствовавшіе о себѣ, что они приняты были нѣсколько лѣтъ тому назадъ на священническую землю Симбирскимъ соборнымъ священикомъ, у котораго теперь и состояли «въ работѣ», т. е., по ихъ словамъ, «пашню на него (священика) пашутъ и всякіе издѣлья дѣлаютъ». Отсюда мы можемъ видѣть, что Симбирскому священику было выгодно владѣть здѣсь землею и эксплоатировать ея богатства посредствомъ наемныхъ работниковъ[2]).

Если теперь обратимся къ разсмотрѣнію вышеупомянутыхъ поселеній на рр. Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ въ концѣ XVII вѣка, то въ нихъ можно отмѣтить слѣдующія особенности: въ по-

---

иеѵчные Татара и Чюваша. А у досмотру и у мѣры они Татара и Чюваша *Еремка* Бекбулатовъ подали выпись съ отказныхъ книгъ». Тамъ же кн. 7, № 152, л. 234.

[1]) «Деревня *Новая* Синбирскихъ иноземцевъ Ивана Тимоѳеева сына Ильинича и Ивана Новокульскихъ». Тамъ же лл. 233, 256—261.

[2]) Тамъ же лл. 248—250, 261.

селкахъ русскіе и инородцы живутъ всегда отдѣльно[1]); инородцы по своему происхожденію принадлежатъ главнымъ образомъ Татарамъ и Мордвѣ; инородцы-новокрещены, когда ихъ число въ деревнѣ значительно, имѣютъ, какъ кажется, стремленіе составлять изъ себя отдѣльную общину и принимаютъ на свои земли, вмѣсто выбывшихъ, новыхъ членовъ[2]). Естественно ожидать, что старѣйшія поселенія въ здѣшнихъ мѣстахъ станутъ люднѣе сравнительно съ позднѣйшими поселками. И дѣйствительно, самыя многолюдныя поселенія на рр. Майнѣ, Уткѣ и Уренѣ суть тѣ, которыя основаны въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія[3]); къ нимъ по людности примыкаютъ поселки, появившіеся въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Такая людность замѣчательна, потому что нѣкоторыя изъ раннихъ поселеній на Майнѣ и Уренѣ испытали, какъ намъ извѣстно, разореніе отъ Башкирцевъ, вслѣдствіе чего населеніе въ нихъ должно было уменьшиться[4]). Самымъ

---

[1]) Только одинъ разъ, въ деревнѣ Помряскинѣ, встрѣчается отступленіе: въ этой деревнѣ вмѣстѣ съ русскими крестьянами жили новокрещены изъ Мордвы и нѣсколько дворовъ (три) языческой Мордвы. Тамъ же лл. 156—160, 187.

[2]) Такъ въ деревняхъ Матвѣевкѣ и Помряскиной дворы новокрещенъ описываются особо,—при чемъ одинъ изъ новокрещенъ послѣдней деревни—«Дв. Ѳедка Дмитріевъ сынъ Новокрещенъ въ распросѣ сказалъ: родина его въ Казанскомъ у. въ деревнѣ Мордовской Шесталѣ; и крестясь въ православную христіанскую вѣру тому лѣтъ 13 пришелъ въ дер. Помряскину, и не бивъ челомъ великому государю *приняли въ той деревни новокрещены и Мордва* въ пустовой четверть ясака умершаго Мордвина (имя и отеч.)». Тамъ же лл. 158—161.

[3]) Исключеніемъ является лишь деревня *Янганаева*, которая, хотя и была основана въ шестидесятыхъ годахъ, но имѣла въ концѣ столѣтія только 32 двора служилыхъ людей; такое малолюдство деревни могло обусловливаться окраинньмъ ея положеніемъ (на лѣвой стор. р. Уреня) и сосѣдствомъ со степью (ближайшая къ ней деревня Чердакли означена «*на степи*»), требовавшей очень большую долю смѣлости отъ насельника; кромѣ того, медленно развивалась дер. Помряскина.

[4]) Два крестьянина села Кандалы показывали, что они изъ села Грязнухы — «изъ того села сошелъ отъ Башкирскаго разоренья и жилъ въ разныхъ мѣстахъ»; сверхъ того крестьянинъ деревни *Новой*, Новокульскихъ, разсказывалъ о себѣ, что онъ жилъ на ясакѣ въ селѣ Кременкахъ «и сошелъ изъ того села отъ Башкирскаго разоренья». Тамъ же лл. 79, 257.

большимъ поселеніемъ здѣсь было селеніе Кандала; въ немъ находилось 168 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ проживало 369 человѣкъ взрослыхъ, большею частью семейныхъ. Почти всѣ они, по ихъ свидѣтельству, были *сходцами* или переселенцами изъ разныхъ мѣстъ Россіи,—преимущественно же изъ Нижегородскаго[1]), Симбирскаго[2]), Казанскаго[3]) и Вязниковскаго уѣздовъ[4]). Но кромѣ значительнаго числа выходцевъ изъ упомянутыхъ уѣздовъ мы встрѣчаемся здѣсь еще и съ переселенцами другихъ уѣздовъ, и близкихъ, и далекихъ отъ описываемой мѣстности[5]). Время ухода крестьянъ съ родины и поселенія ихъ на р. Кандалѣ было различное; при этомъ нерѣдко встрѣчаемся съ фактомъ, что переселенецъ, сдавши тягло или оброкъ въ своей деревнѣ другому крестьянину, иногда родственнику, до своего водворенія въ селѣ Кандалѣ, по его словамъ, «жилъ переходя въ разныхъ мѣстахъ». Такіе переходы совершались инымъ крестьяниномъ съ семьею въ продолженіи довольно значительнаго промежутка времени[6]); быть

---

[1]) Всего переселенцевъ изъ Нижег. у. было 67 челов.; при этомъ больше всего выслала Княгининская волость—15 челов.,—изъ одной лишь деревни Яблочной выселилось 6 человѣкъ.

[2]) Изъ Симб. у. переселились 35 челов, — 18 челов. изъ одной Арбугинской слободы.

[3]) Изъ Казан. у. 28 челов.; 11 человѣкъ бобылей переведено было изъ пригорода Тіинска, — большею частью воеводою Супоневымъ.

[4]) Изъ Вязников. у. было въ с. Кандалѣ 23 переселенца.

[5]) Такъ, изъ Ломовскаго уѣзда перешли 10 челов.; изъ Муромскаго у.—8 челов.; изъ Свіяж. у. 7 чел.; изъ Суздальск. у. 6 челов.; изъ Костром. у. 5 челов.; изъ Арзамаск. у. 5 челов.; изъ Москов. у. 5 челов.; изъ Тетюшск. у. 3 челов. Сверхъ того попадаются сходцы: изъ Ярославскаго, Владимірскаго, Можайскаго, Вяземскаго, Коломенскаго, Юрьева Польскаго, Юрьева Повольскаго, Уфимскаго, Самарскаго, Шацкаго, Корсунскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

[6]) Такъ, напримѣръ, крестьянинъ Нижегород. у. села Мурашкина въ распросѣ говорилъ: «отецъ его жилъ въ томъ селѣ въ бобыляхъ, а онъ сошелъ изъ того села тому лѣтъ съ 10 и жилъ переходя въ разныхъ мѣстахъ; и въ село Кандалу пришелъ въ нынѣшнемъ 207 г. (1699) и живетъ въ бобыляхъ». Крестьянинъ Костромскаго у. деревни Решетниковой показывалъ: «отецъ его былъ въ посопномъ тяглѣ въ десятинной пашнѣ и умре; а въ томъ тяглѣ остался другой крестьян. (имя), а онъ сошелъ изъ той деревни

можетъ, это обусловливается отчасти тѣмъ, что крестьянинъ полагалъ необходимымъ вполнѣ приспособиться къ окружающимъ его новымъ условіямъ, прежде чѣмъ рѣшиться на окончательное поселеніе. Во всякомъ случаѣ, фактъ подобнаго странствованія со стороны крестьянъ не только внутренней Россіи, но и сосѣднихъ уѣздовъ, можетъ наглядно свидѣтельствовать о томъ, что русскій крестьянинъ XVII вѣка, какъ и въ наше время, не боялся передвиженій въ сообществѣ съ родными и близкими людьми. Выходцы изъ одного уѣзда, иногда той же деревни, оставляютъ родину одновременно и въ Кандалѣ селятся также въ одно время, при чемъ одинъ изъ переселенцевъ на новомъ мѣстѣ становится крестьяниномъ, а другой сосѣдомъ у него; точно тоже можно сказать и относительно близкихъ деревень или уѣздовъ[1]). Но не только крестьяне,—жены послѣ смерти мужей покидаютъ съ семьею родныя мѣста и селятся въ здѣшнихъ краяхъ, далеко еще не безопасныхъ отъ нападеній кочеваго непріятеля[2]). Нерѣдко встрѣчаемся съ показаніями крестьянъ

лѣтъ съ 20 и жилъ въ разныхъ мѣстехъ; а въ село Кандалу пришелъ тому 6 лѣтъ, и *билъ челомъ государю въ Тетюшахъ* и дано ему, по его челобитью, въ томъ селѣ Кандалѣ послѣ крестьянина (имя и прозв.), и *платитъ въ Казани* по полтинѣ на годъ оброку; дѣти у него: Ивашко, Оска, Васька, Пронка, Гришка—женаты, да Митька 15 л; у Ивашки дѣти (2 сына малыхъ). Крестьянинъ Ломовскаго уѣзда, села Троицкаго разсказывалъ, что онъ «сдалъ тягло дядѣ своему родному по матерѣ (имя) и сошелъ изъ той деревни тому лѣтъ съ 30, и жилъ, переходя въ разныхъ мѣстехъ, а въ село Кандалу пришелъ тому 3 года; и *по его челобитью въ Тіинску*, дано ему пустоваго оброку послѣ бѣглаго крестьянина (имя и прозв.) и платитъ по 5 алт. на годъ», у него нѣсколько небольшихъ дѣтей. Другіе крестьяне свидѣтельствуютъ въ своихъ показаніяхъ о иныхъ, менѣе продолжительныхъ срокахъ своего странствованія «въ разныхъ мѣстехъ» до водворенія своего въ Кандалѣ. Тамъ же, лл. 77—125.

[1]) Такъ, напр., изъ деревни Комлевы, Вязниковскаго уѣзда, одновременно сошли пятеро крестьянъ, поселившихся въ одно время въ Кандалѣ, причемъ два крестьянина имѣютъ *сосѣдями* своихъ земляковъ, сошедшихъ одновременно; тоже встрѣчается и у другихъ крестьянъ, сошедшихъ изъ иныхъ мѣстностей.

[2]) Вдова Агафья Иванова, жившая въ особомъ самостоятельномъ дворѣ и платившая оброкъ въ селѣ Кандалѣ «въ роспросѣ сказала: мужъ ее (имя и отеч.) жилъ въ Суздальск. у. въ селѣ Лопатинѣ въ бобыляхъ и умеръ; а

того либо другаго уѣзда, или же ихъ сосѣдей, что они вышли изъ родныхъ мѣстъ, спустя годъ или два одинъ послѣ другаго, при чемъ первый переселенецъ свидѣтельствуетъ о своемъ странствованіи въ теченіи нѣкотораго времени, прежде чѣмъ поселиться въ Кандалѣ,—слѣдующіе же за нимъ крестьяне тойже мѣстности показываютъ, что они прямо переселились на р. Кандалу. Иные крестьяне на новомъ мѣстѣ довольно скоро обзаводятся самостоятельнымъ дворомъ и хозяйствомъ, другіе же въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ занимаютъ подчиненное положеніе сосѣда, живущаго лишь въ особой избѣ, а иногда въ одномъ дворѣ съ крестьяниномъ-патрономъ: такой сосѣдъ «помогаетъ того села крестьянину (имя и прозвище) въ оброчномъ тяглѣ». Разность въ хозяйственномъ положеніи переселенца на новомъ мѣстѣ обусловливается иногда недавнимъ временемъ его перехода: повидимому, онъ не успѣлъ еще разжиться,—но улучшеніе въ его общественномъ положеніи наступитъ скоро вслѣдствіе обилія рабочихъ силъ въ семьѣ; либо такое улучшеніе должно нѣсколько замедлиться, вслѣдствіе того, что нужно было извѣстное время, чтобы подростки, съ которыми онъ пришелъ, могли подняться и сформироваться въ взрослыя рабочія силы. Нерѣдко встрѣчающіеся примѣры подобнаго движенія въ общественно-хозяйственномъ положеніи переселенца на новомъ мѣстѣ наглядно подкрѣпляютъ высказанную мысль[1]). По своему составу члены Кандалинской общины были

она Агашка съ дѣтьми сошла изъ того села и пришла въ село Кандалу тому 3-ій годъ и не бивъ челомъ вел. госуд. сняла она у крестьянина (имя и прозв.) оброку и платитъ 4 алт. на годъ (у нея 2 сына—15 и 14 лл.); платить тягло съ получети ясака». Тамъ же.

[1]) Такъ, напр. крестьянинъ Суздальск. у. пригорода Шуи Ѳедоръ Карповъ Ныронъ показывалъ, что онъ съ отцемъ своимъ жили въ бобыляхъ; пришелъ въ Кандалу 9 лѣтъ тому назадъ, отецъ его умеръ въ Кандалѣ, а онъ, «не бивъ челомъ государю», сперва помогалъ другому крестьянину платить оброкъ, внося по 3 алт. 2 ден. на годъ; за тѣмъ «у него Ѳедки въ сосѣдствѣ братья родные—Ѳилька да Максимка—женаты, Денисна—15 л.; платитъ онъ съ братьями (въ моментъ допроса) пустовой оброкъ послѣ бѣглаго крестьянина (имя и прозв.) по 6 алт. 4 ден. на годъ. Платить тягло ясакъ безъ четверти». Тамъ же л. 77.

большею частью изъ дворцовыхъ крестьянъ и бобылей, между которыми встрѣчаются служилые люди: преимущественно казаки, сдавшіе на родинѣ свою службу другимъ людямъ, а сами, переселившись въ Кандалу, стали оброчными крестьянами. Кромѣ служилыхъ людей попадаются ихъ дѣти — сыновья стрѣльцовъ и казаковъ ближайшихъ пригородовъ, а также сыновья людей, тянувшихъ къ духовенству, и дворовые, отпущенные своими господами на волю; нерѣдко встрѣчаются бобыли изъ городовъ и пригородовъ, — изрѣдка попадаются посадскіе и ямскіе люди, крестьяне свѣтскихъ и духовныхъ властей тогдашняго времени. Всѣ они покидали родныя мѣста для того, чтобъ зажить новою жизнью на берегахъ р. Кандалы. Тяглые и оброчные крестьяне, какъ и служилые, даже при голодѣ или скудости, не иначе уходятъ съ своей родины, какъ сдавши предварительно свое тягло или оброкъ родственнику или постороннему лицу. Нѣкоторые бобыли ближайшихъ пригородовъ были, «по ихъ (бобылей) челобитью», издавна переведены официальными лицами «жить на порозжую землю, гдѣ ныне ясачное село Кандала», и здѣсь на нихъ наложенъ былъ опредѣленный оброкъ[1]). Многіе изъ переселенцевъ свидѣтельствуютъ, что, они, по приходѣ въ Кандалу, стали членами общины, снявши у одного и изъ мѣстныхъ крестьянъ

---

[1]) «Дворъ Ивашка Павловъ сынъ Горбунъ, въ роспросѣ сказалъ: отецъ его жилъ въ Тамбовск. у. въ селѣ Ивановѣ въ оброчномъ тяглѣ, а многоль оброку платилъ и онъ Ивашка не знаетъ, потому остался въ малыхъ лѣтехъ; а сошелъ онъ изъ того села тому 20 лѣтъ и жилъ въ Казан. у. въ городѣ Тіинску въ бобыляхъ; и перевелъ его Ивашку въ село Кандалу Григорій Сухоневъ (стольникъ, производившій опись въ 1678 г.) и по окладу его платить онъ по 4 алт. 1 ден. на годъ; сынъ у него Микитка женатъ, у Микитки сынъ 2 л.; у него же сосѣдъ Спирко Ивановъ сынъ Макаровъ; платить ему (Ивашкѣ) тягло съ полу чети ясака. Въ роспросѣ Спирко сказалъ родина его въ Казан. у. въ Тіинскомъ острогѣ; отецъ его Ивашка Макаровъ жилъ въ Тіинску въ бобыляхъ и переведенъ въ село Кандалу тому лѣтъ съ 15 и по окладу Александра Дубровскаго отецъ его платилъ оброку 11 алт., — и отецъ его умре; у него Спирки братья родные (двое по именамъ) женаты, и тотъ оброкъ платить онъ съ братьями. Платить тягло съ полуясака». Показанія другихъ въ томъ же родѣ. Тамъ же № 134 и № 152 лл. 77—125.

часть тягла «не бивъ челомъ великому государю», или же «помогаетъ онъ (выходецъ) того села крестьянину (имя) въ оброчномъ тяглѣ», внося извѣстное количество оброка. Не рѣдко впрочемъ встрѣчаемся и съ показаніями переселенца, что онъ послѣ своего прибытія въ Кандалу «билъ челомъ вел. госуд. въ Тіинску (иногда прибавлено «въ прибыль»), и данъ ему пустовой оброкъ въ томъ селѣ (Кандалѣ) крестьянина» (имя и прозв.), — или же «по его челобитью въ Тетюшахъ снялъ онъ (переселенецъ) въ томъ селѣ у крестьянина (имя и прозв.), и платитъ въ Казани» такой-то оброкъ. Судя по величинѣ оброка, коимъ въ концѣ семидесятыхъ или въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ обложена была Кандалинская община (42 рубля въ годъ), зажиточность большинства ея членовъ должна была быть порядочная; это тѣмъ вѣроятнѣе, что недоимокъ за ними не значилось, а въ 1698 году оброкъ увеличенъ былъ съ 42 рублей до 54 рублей, 15 алтынъ. Въ слѣдующемъ же году Кандалинскіе крестьяне переведены были съ оброка на тягло, причемъ они должны были вносить по 50 ясаковъ въ годъ[1]), что указываетъ на значительную пахотную землю, которая съ своей стороны можетъ свидѣтельствовать о зажиточности Кандалинской общины въ концѣ XVII столѣтія.

Обращаясь къ остальнымъ двумъ старѣйшимъ поселеніямъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ которыхъ жили русскіе крестьяне: къ селу Грязнухѣ и Кременкамъ, мы должны сказать, что въ нихъ встрѣчаются тѣже явленія, какъ и въ Кандалѣ; можно даже замѣтить, что нѣкоторыя стороны въ послѣднихъ двухъ поселеніяхъ выступаютъ рельефнѣе и поэтому рѣзче бросаются въ глаза, чѣмъ въ Кандалинской общинѣ. Прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что Грязнуха и Кременки, какъ намъ извѣстно, пострадали отъ нападеній кочевниковъ, вслѣдствіе чего крестьянкія общины этихъ поселковъ не отличаются такою

[1]) Пахоты на ясакъ полагалось по 6 десятинъ въ каждомъ полѣ, а сѣнныхъ покосовъ въ распоряженіи крестьянъ находилось по р. Кандалѣ на 3000 копенъ. Тамъ же лл. 133 и 217.

людностью, какъ Кандала. Повидимому, Башкирское разореніе особенно сильно отразилось на Грязнухѣ, гдѣ во время описи находилось всего 57 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ жило 106 человѣкъ, — при чемъ значительное большинство время своего пребыванія въ селѣ Грязнухѣ опредѣляетъ 10, 8 и менѣе годами. Гораздо богаче числомъ людей является Кременская община, — но и она далеко уступаетъ Кандалинской: въ Кременкахъ по описи было 96 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ проживало 280 человѣкъ. Но и въ Кременкахъ значительное число людей, явившихся сравнительно позднѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что множество поселенцевъ (около 80 человѣкъ) проживало въ Кременкахъ въ моментъ описи въ качествѣ сосѣдей, приписанныхъ къ крестьянскимъ дворамъ, въ числѣ двухъ, а иногда и трехъ человѣкъ, равно какъ и встрѣчаемая здѣсь группа (изъ 12 человѣкъ) бобылей, — всё это свидѣтельствуетъ о недавнемъ увеличеніи Кременской общины новоприбылыми членами. И обозрѣваемымъ теперь селамъ главный контингентъ поселенцевъ доставлялъ Нижегородскій уѣздъ, за которымъ, по числу высланныхъ сходцевъ, слѣдуютъ Симбирскій и Казанскій уѣзды. Кромѣ нихъ, по прежнему, встрѣчаемся здѣсь съ группами переселенцевъ изъ Костромскаго, Суздальскаго, Коломенскаго уѣздовъ, равно какъ попадаются представители Дорогобужскаго, Хлыновскаго, Устюжскаго и другихъ отдаленныхъ уѣздовъ[1]). Многіе изъ жителей Кременокъ и Грязнухи свидѣтельствуютъ

[1]) Изъ Нижегородскаго у. въ Кременкахъ во время описи (1699 г.) было 34 челов. (Изъ Мурашкинской вол. 10 чел., Изъ Терюшевской вол. 7 чел. изъ остальн. менѣе), изъ числа которыхъ 26 челов. были у себя на родинѣ бобылями, а въ Кременкахъ почти всѣ стали тяглыми людьми. Изъ Симбирск. у. перешло 29 челов. (12 челов. изъ одного города Симбирска),— изъ среды которыхъ 18 человѣкъ до перехода были бобылями, а въ Кремен. стали тяглыми. Изъ Казанскаго уѣзда выселилось 11 челов.—и изъ нихъ 8 до переселенія были бобылями. Изъ Костромскаго у. перешло 8 челов.,—изъ котор. 6 были на родинѣ бобылями. Изъ Суздальскаго у. 8 челов., — 7 изъ нихъ были бобылями; Изъ Свіяж. у. 6 челов., — 4 изъ нихъ были бобылями. Изъ города Шуи, именуемаго «Суздальскимъ пригородномъ» 4 челов. вы

о томъ, что они, сдавши тягости, лежавшія на нихъ на родинѣ, до своего водворенія въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ теченіи извѣстнаго времени, «жили переходя по разнымъ мѣстамъ»; можно даже сказать, что число такихъ людей среди поселенцевъ послѣднихъ двухъ селъ было сравнительно больше, чѣмъ въ Кандалѣ [1]). Въ этихъ селахъ, какъ и въ Кандалѣ,

селил., и всѣ были бобылями. Изъ Коломенскаго у. выселил., 5 челов., — причемъ трое бобылей изъ села Дедилова сошли одновременно, странствовали въ продолженіи 10 лѣтъ: «жили переходя въ разныхъ мѣстехъ» и въ одно время поселились въ Кременкахъ. Изъ города Сапожка (Ряз. губ.) одновременно вышли 3 бобыля и поселились вмѣстѣ въ Кременкахъ. Сверхъ того попадаются переселенцы изъ уу. Московскаго, Дмитровскаго, Вязниковскаго, Каширскаго и др., а также изъ городовъ Ярославля, Владиміра и нѣкот. другихъ. Въ село Грязнуху изъ Нижегород. у. выселилось 17 челов., изъ Симбир у. 5 чел.; кромѣ того по нѣсколько челов. изъ Балахонскаго, Казанскаго, Ломовскаго, Владимірскаго, Пензенскаго, и др. Тамъ же № 152 лл. 42—77, 125—133.

[1]) Позволяемъ себѣ привести нѣсколько характерныхъ примѣровъ. «Дворъ Терешка Дороѳѣевъ сынъ Красной въ роспр. сказалъ: родина его въ городѣ Ерославлѣ; отецъ его Дороѳѣйко Яковлевъ былъ въ Ямской службѣ; и отецъ его и онъ сошли тому лѣтъ съ 40 и жили переходя по разнымъ мѣстамъ, а въ село Кременки пришли тому лѣтъ съ 20, и по окладнымъ книгамъ стольника Григорья Супонева платитъ чатверть ясака; у него Терешки дѣти — Родка — женатъ, (2-ой сынъ 10 л.). У него же Терешки въ сосѣдствѣ братъ родной Луконка, платитъ по окладу Григорья Супонева, четв. ясака; у него Луконки дѣти — Куземка да Сенка — женаты, (3-ій с. 10 л.); платить прежняго тягла полъясака, да вновь съ получетверти ясака. Дв. Ѳилка Еремѣевъ, въ роспр. сказ.: родина его въ Казани; отецъ его Еремка Васильевъ и онъ Ѳилька были дворовые люди Казанца Савы Арестова, и въ прошлыхъ годѣхъ по указу велик. госуд. взятъ онъ Ѳилька отъ него Савы въ данные къ Москвѣ и написанъ въ стрѣльцахъ, и на Москвѣ служилъ стрѣлецкую службу лѣтъ съ 12, и со службы велик. госуд. бѣжалъ онъ тому 29 ой годъ, и жилъ по разнымъ мѣстамъ, а въ село Кременки прешелъ онъ тому другой годъ. И по распроснымъ рѣчамъ посыланъ онъ Ѳилька съ сыномъ Емелькою на Алатырь (къ тамошнимъ воеводамъ Ловчиковымъ), и по указу велик. госуд. съ Алатыря онъ Ѳилька присланъ въ село Кременки, — велѣно ему Ѳильке съ сыномъ Емелькою жить по прежнему въ селѣ Кременкахъ въ ясачномъ тяглѣ; и въ томъ по немъ Ѳильке собрана поручная запись. Платить тягло вновь полъ четверти ясака». Нѣкоторые же крестьяне показываютъ такъ: «Въ роспросѣ Ивашка сказалъ: отецъ его Ерошка Елизаревъ каково чину былъ и откуды сходецъ, — не знаетъ, потому остался онъ послѣ отца своего въ малыхъ лѣтехъ и жилъ переходя въ разныхъ мѣстехъ, а въ село Кременки пришелъ (столько то

составъ населенія былъ довольно пестрый, съ замѣтнымъ преобладаніемъ людей, переселившихся изъ дворцовыхъ земель, — причемъ слѣдуетъ указать на то, что огромная часть поселенцевъ Кременокъ и Грязнухи были у себя на родинѣ бобылями, а послѣ водворенія своего въ здѣшнихъ мѣстахъ нѣкоторые вскорѣ, другіе же спустя нѣкоторое время, стали тяглыми[1]). И здѣсь большая часть прибывшихъ становятся членами общины, принявши на себя, съ согласія отдѣльнаго члена, часть тягости, лежавшей на цѣлой общинѣ, «не бивъ челомъ великому государю»; впрочемъ, нѣкоторые переселенцы, по ихъ словамъ, были приняты въ село «наборщикомъ», — другихъ принялъ Тетюшскій воевода; иные же указывали, что поселились здѣсь, «объявясь въ Тетюшахъ», или же «по челобитью въ Казани»[2]). Точно также и о зажиточности многихъ членовъ описанныхъ общинъ можно догадываться изъ того факта, что тягло ихъ въ концѣ столѣтія было значительно увеличено сравнительно съ тѣмъ, какое крестьяне вносили раньше[3]). Что же касается поселеній русскихъ крестьянъ на земляхъ, которыми успѣли завладѣть нѣкоторые вліятельные служилые люди, то

лѣтъ и платитъ такое то тягло). Такихъ крестьянъ странствователей изъ одного Нижегород. у. было въ Кременкахъ 6 челов (отъ 29 лѣтъ до 5 лѣтъ странствовали); Изъ Симбирскаго и другихъ уѣздовъ тоже нерѣдко попадаются подобные крестьяне. Тамъ же.

[1]) Между поселенцами Кременскими около 120 человѣкъ были, по ихъ показаніямъ, на своей родинѣ бобылями, — среди Грязнуховцевъ около 40 человѣкъ.

[2]) Тамъ же лл. 42—77, 125—133.

[3]) Крестьяне с. Кременокъ сперва платили 25 ясаковъ, а при описи набавлено на нихъ около 12 ясаковъ; Грязнуховскіе поселенцы вносили 8 ясаковъ, — а набавлено было на нихъ болѣе 8 ясаковъ. Надбавка вновь ясаковъ отчасти можетъ служить признакомъ зажиточности потому, что по приказу изъ Москвы на здѣшнихъ жителей было «велѣно *накладывать въ новь смотря по семейству и по ихъ пожиткамъ и по угодью*», — вслѣдствіе чего на дѣлѣ ясакъ не всегда надбавляемъ былъ на крестьянинѣ, а нерѣдко ему оставлялся старый ясакъ; попадаются даже случаи уменьшенія ясака. Такъ напр., одному изъ сосѣдей крестьянина села Кременокъ, вносившему четверть ясака послѣ бѣглаго крестьянина, было назначено «*Платить тягло изъ прежняго поль четверти ясака для его скудости*». Тамъ же лл. 1, 60 и др.

въ нихъ, какъ появившихся позднѣе, не находимъ слишком значительной людности, но и они къ концу столѣтія успѣл достигнуть порядочной величины [1]). Переходя къ инородческим поселкамъ на здѣшнихъ рѣкахъ, мы можемъ видѣть, что болѣ раннія изъ нихъ также успѣли достигнуть къ концу столѣті довольно значительныхъ размѣровъ; такъ, деревня Баранъ, на селенная оброчными Татарами, переведенными въ 1697 год на тягло, насчитывала у себя 71 дворъ, въ которыхъ жил 161 человѣкъ. Подобной людности деревня достигла, не смотр на то, что большая часть деревенскихъ жителей сперва посе лилась на р. Майнѣ, а потомъ отсюда переведена была въ де ревню Баранъ; такое передвиженіе, послѣ незначительнаго пр промежутка времени, проведеннаго поселенцами на новомъ мѣстѣ, н могло произойти безъ ущерба въ ихъ хозяйствахъ, что и видн на самомъ дѣлѣ, потому что многіе изъ нихъ на р. Майн несли болѣе значительное тягло, чѣмъ послѣ водворенія своег въ деревнѣ Баранъ. Другая деревня на р. Уткѣ, именовавшаяс Утка—Кокрячь, Алань тожъ, населенная Мордвой, во врем описи состояла изъ 45 инородческихъ дворовъ, въ которых жило 64 человѣка. Населенность этихъ инородческихъ дере вень нельзя не признать значительною, если примемъ во вни маніе то, что онѣ находились въ мѣстности, подвергавшейс частымъ нападеніямъ кочевниковъ, отъ которыхъ не могли быт совершенно безопасны и поселенія инородцевъ, хотя и лежавші иногда въ мѣстахъ, болѣе защищенныхъ природными условіями чѣмъ русскіе поселки. Всѣ Татары деревни Баранъ суть вы ходцы Свіяжскаго уѣзда, а Мордва деревни Утки-Кокрячь пе реселилась большою частью изъ Нижегородскаго уѣзда, отчаст изъ Казанскаго[2]). Въ остальныхъ инородческихъ поселеніяхъ

[1]) Въ деревнѣ стольника Андрея Ѳедор. Нарышкина Волосниковк оказалось 70 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ жило 108 челов. взр слыхъ; въ дер. Княз. Трубецкихъ Утка-Зеленовка было 39 двор., и въ них жило 62 челов. Тамъ же л. 219.

[2]) Изъ деревни Анеутъ Свіяж. у. переселилось на р. Майну 11 челов кромѣ одного всѣ перешли въ одно время. Изъ дер. Еркѣевой того же у

основанныхъ позже, хотя въ концѣ столѣтія и было меньше поселенцевъ сравнительно съ вышеупомянутыми, но и о нихъ можно сказать, что были достаточно населены; особенно, какъ мы видѣли, силенъ былъ приливъ инородцевъ въ деревни, появившіяся въ девяностыхъ годахъ XVII столѣтія: въ теченіи шести — семи лѣтъ онѣ достигаютъ двадцати и болѣе дворовъ. Насельниковъ въ здѣшнія поселенія, основываемыя и впослѣдствіи инородцами, высылаетъ главнымъ образомъ Свіяжскій уѣздъ, къ которому примыкаютъ Алаторскій и Симбирскій уѣзды[1]). Многіе инородцы, проживавшіе въ деревняхъ на рр. Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ, показывали, что они селились здѣсь «бивъ челомъ великому государю» въ томъ или другомъ городѣ, прибавляя иногда къ этому «въ прибыль». Нерѣдко также среди нихъ встрѣчаемъ людей, свидѣтельствующихъ, что они живутъ въ деревнѣ «по пріемной записи», или же «по пріемной заручной челобитной» инородцевъ того поселка. Тѣ изъ инородцевъ, на которыхъ лежали на родинѣ извѣстныя тягости (служба, тягло или оброкъ), большею частью указываютъ, что они передали ихъ своимъ родственникамъ или же стороннимъ людямъ; нѣкоторые, впрочемъ, говорятъ, что они отправляли на родинѣ службу «безъ дачь», т. е., безъ земли, которая дана была имъ впервые въ здѣшнихъ мѣстахъ; попадается нерѣдко и такой инородецъ, который показываетъ, что

выселилось въ разное время 10 дв. крест. Въ дер. Уткѣ-Кокрячь изъ Ниже. город. у. переселилось 31 дворъ, — изъ нихъ 28 челов. перешли изъ дер. Акувовой; изъ Казан. у. перешло 8 челов. Тамъ же лл. 23—42, 172—176, 215, 271.

[1]) Такъ наприм., деревня Яркуль, населенная ясачными татарами, состояла изъ 23 дворовъ, въ которыхъ жили 34 человѣка,—всѣ они были выходцами Свіяжскаго уѣзда; въ дерев. Войкиной, населенной тоже ясачными татарами, жившими въ 19 дворахъ,—16 дворовъ принадлежали также Свіяжскому уѣз.; съ тѣмъ же отчасти встрѣчаемся въ дер. Долгое — Озеро. Нѣкоторые инородцы не съ разу прибыли на Майну, а двигались изъ своего уѣзда сперва въ сосѣдній, постепенно спускаясь все южнѣе и южнѣе. Такъ, Чувашенинъ Цивильскаго уѣзда переходитъ сперва въ болѣе сѣверную часть Казанскаго уѣзда, и оттуда уже перебирается на р. Урень въ дер. Уренбашъ. Тамъ же л. 255.

онъ (инородецъ), сдавши на родинѣ свою землю и службу брат] пришелъ сюда и *«снялв полюбовно безв челобитья* половин оброчной земли» у инородца здѣшней деревни, вслѣдствіе чег и проживаетъ теперь здѣсь[1]). Говоря объ инородческихъ посе леніяхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ нельзя не коснуться процесс ихъ ассимиляціи и обрусѣнія, выражающагося мѣстами въ фа миліяхъ инородцевъ и въ обращеніе ихъ въ православіе. Про цессъ этотъ особенно замѣчается на Мордвѣ, среди которо нерѣдко встрѣчаются такія фамиліи какъ: Богдановъ, Бори совъ, Смирновъ, Нечаевъ, Новиковъ, Надѣовъ и др. Мордва ж повидимому легче другихъ инородцевъ разставалась съ своим язычествомъ и обращалась къ христіанству, потому что н только отдѣльныя личности изъ Мордвиновъ принимали про вославную вѣру и селились здѣсь вмѣстѣ съ русскими крестьяна ми, но и цѣлыя ихъ группы описываются иногда отдѣльно в здѣшнихъ поселеніяхъ[2]). О нѣкоторой зажиточности инородцев въ этихъ мѣстахъ, какъ и русскихъ крестьянъ, мож сдѣлать выводъ изъ отношенія вносимаго прежде ясака к вновь наложенному на нихъ: не только въ отдѣльныхъ де ревняхъ, но и въ общемъ итогѣ ясакъ оказывается увеличен

---

[1]) Тамъ же лл. 153—196, 252—261.

[2]) Такъ, въ селѣ Кандалѣ, населенномъ русскими крестьянами, описы вается отдѣльн. дворъ крестьянина: «Янушка Ивановъ сынъ Коноваловъ, в роспросѣ сказалъ: отецъ его Ивашка Микитинъ былъ *Мордовской породы* жили переходя въ разныхъ мѣстехъ, а въ село Кандалу пришелъ тому 9 л не бивъ челомъ вел. госуд. взялъ онъ Янушка оброчнаго тягла у крестья нина (имя и фам.) и платитъ онъ съ братьями 11 алт.; у него сынъ 8 л., д братья родные: Макарко, Степка, Ивашка—женаты; платить тягло съ по луясака. Другой крестьянинъ того же села, проживавшій въ сосѣдяхъ, «в роспросѣ Петрушка *Новокрещеновв* сказалъ: родина его въ Красной слобод отецъ его Максимко Алексѣевъ крестился въ православную христіанску вѣру изъ Мордвы, а сколь давно — онъ не знаетъ, и жили они переходя в разныхъ мѣстехъ, и отецъ его умре; а онъ Петрушка пришелъ въ сел Кандалу тому 3-ій годъ, и не бивъ челомъ вел. госуд. *помогаетв онв Пет рушка того села крестьянину у котораго, вв сосѣдствѣ живетв*, и платитъ об року по 3 алт. по 2 д. на годъ; у него Петрушки сынъ 5 л.; платитъ тягл съ получетверти ясака». Отдѣльными группами встрѣчаются новокрещены в деревняхъ Помряскинѣ и Матвѣевкѣ. Тамъ же лл. 77—125. 158—176.

нымъ въ сильной степени, не смотря на то, что встрѣчаемся съ уменьшеніемъ ясака отдѣльнымъ личностямъ[1]).

Раньше мы уже говорили о томъ, что Московское правительство, желая воспользоваться Полоцкою шляхтою для защиты Закамскихъ земель, хотѣло ее всю водворить на луговой сторонѣ р. Волги, съ каковою цѣлью, какъ извѣстно, были описаны и измѣрены земли, удобныя для поселенія по рр. Уткѣ, Майнѣ и Уреню. Но мы видѣли, что для полученія земель сюда явилась лишь незначительная часть шляхты съ полковникомъ Гаславскимъ, къ которой чрезъ годъ присоединилась группа ихъ товарищей; большая же часть шляхтичей не пожелала селиться въ здѣшнихъ мѣстахъ, — а предпочла нести службу въ другихъ, болѣе безопасныхъ мѣстахъ, за денежное и хлѣбное жалованье. Не смотря на это Примайнскія страны стали постепенно заселяться русскими и инородческими переселенцами, которые извлекали для себя большія выгоды изъ плодородія здѣшней почвы, посылая хлѣбъ отсюда въ верховые города, а иногда, ради выгоднѣйшаго сбыта, отправляясь туда лично[2]). Молвѣ о выгодахъ, получаемыхъ Примайнскими

---

[1]) Въ деревнѣ Войкиной, напримѣръ, (19 двор.) ясачные Татары платили «прежняго 2 ясака и 2 чети, новаго 2 ясака безъ получети»; въ дер. Долгое—Озеро, гдѣ было 15 дв. Мордвы «тягла имъ платить прежняго полъ 2 ясака съ получетью; новаго полъ 3 ясака съ получетью,—всего прежняго и новаго тягла платить имъ 4 ясака съ четью»; въ послѣдней деревнѣ *тремъ* человѣк. во время описи ясакъ уменьшенъ на четверть ясака, съ полуясака ими вносимаго. Въ другихъ деревняхъ также встрѣчается серіозное увеличеніе ясака. Общій итогъ стараго и новаго ясака въ поселеніяхъ русскихъ и инородческихъ на рр. Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ является слѣдующимъ: «Всего прежнихъ жителей ясачныхъ крестьянъ—русскихъ и Татаръ и Мордвы и Чюваши 270 дворовъ, людей въ нихъ (взрослыхъ) 561 челов. Тягла платить имъ *прежняю* 30 ясаковъ, съ полуясакомъ, *новаю 56 ясаковъ* съ третью. Всего тягла имъ платить *новаю и стараю 87 ясаковъ* безъ получети. На пашню имъ земли 521 десят. съ четью въ кажд. полѣ». Тамъ же лл. 190—225.

[2]) Въ концѣ описываемаго столѣтія нѣкоторые служилые Татары деревни Уренбашъ, на р. Уренѣ, (четыре человѣка) не могли получить слѣдуемой земли, которую отмѣрялъ служилымъ татарамъ той деревни подъячій Василій Астраханцевъ, потому что «они (эти 4 челов.) въ то число въ той деревни не прилучились, — *были въ Нижнемъ для хлѣбной продажи*». Тамъ же № 152 л. 286.

служилыми людьми, естественно было дойти до находившихся тогда еще въ живыхъ иноземцевъ и ихъ дѣтей, которые, отказавшись отъ предназначенныхъ для нихъ земель по рр. Уткѣ, Майнѣ и Уреню, несли въ то время службы по Казани и по Казанскимъ пригородамъ, за неособенно, вѣроятно, щедрое хлѣбное и денежное вознагражденіе. Вслѣдствіе этого нѣкоторые иноземцы, находившіеся на службѣ на р. Камышенкѣ, гдѣ въ концѣ девяностыхъ годовъ уже шли работы по проведенію соединительнаго канала между Волгою и Дономъ, воспользовались, по всей вѣроятности, пріѣздомъ на Камышенку начальника приказа Казанскаго дворца—князя Бориса Алексѣевича Голицына, и просили его отвести имъ земли на рр. Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ, выражая свою полную готовность принять ихъ въ описываемое время[1]). Какъ слѣдствіе такого желанія съ ихъ стороны, въ іюнѣ 1697 года отправлена была изъ Казанскаго приказа грамота къ мѣстному воеводѣ, въ которой велѣно «Казанскихъ и Казанскихъ пригородовъ и иныхъ низовыхъ городовъ иноземцовъ полковой службы и рейтаръ, вмѣсто великаго государя денежнаго и хлѣбнаго жалованья, устроить землями по указнымъ статьямъ: ротмистромъ по 80 чети, поручикомъ по 70 чети, хорунжимъ и рядовымъ по 60 чети .... въ Казанскомъ уѣздѣ изъ отписныхъ земель, что осталось за раздачею Полоцкой шляхты 178 году (1668) по Майнѣ и по Уткѣ рѣкамъ; а *для таковой селидьбы на строеніе* велѣно выдать всѣмъ иноземцамъ великого государя денежное и хлѣбное жалованье на одинъ годъ по указнымъ статьямъ». При этомъ приводится и число иноземцевъ, которые должны были быть водворены на отведенныхъ земляхъ, а именно: Казанскихъ

[1]) Говоримъ такъ, потому что приказъ Симбирскому воеводѣ объ отводѣ земель иноземцамъ послѣдовалъ отъ князя Бориса Алексѣевича Голицына «какъ былъ въ пути.... шелъ съ Камышенки и былъ на Пензѣ»; на Камышенкѣ же въ это время, какъ намъ извѣстно, находились между прочимъ и служилые иноземцы нѣкоторыхъ Понизовыхъ городовъ. Кромѣ того, въ 1699 г. Симбирскіе иноземцы обращаются уже прямо въ Москву и въ Симбирскъ съ челобитіемъ объ отводѣ имъ земель по р. Уреню. Тамъ же лл. 227, 281, 303.

и Казанскихъ пригородовъ иноземцевъ и рейтаръ—198 человѣкъ, Царевосанчурскихъ рейтаръ — 11 человѣкъ, Яранскихъ рейтаръ — 11 человѣкъ, Уржумскихъ иноземцевъ полковой службы 61 человѣкъ, а рейтаръ—22 челов., всего же такихъ иноземцевъ оказалось 303 человѣка. Въ Казанскомъ приказѣ однако не могли не знать, что въ здѣшнихъ мѣстахъ за это время успѣли уже появиться значительныя поселенія, населенныя русскими людьми и инородцами, изъ которыхъ одни тянули къ дворцовому вѣдомству, а другіе принадлежали частнымъ лицамъ. Вслѣдствіе этого владѣльческія деревни, появившіяся здѣсь и занесенныя въ отписныя книги 1697 г., равно и дворцовые поселки, о коихъ упоминается въ слѣдующемъ году, — всѣ эти поселки, «которые появились на отписной (т. е. на измѣренной и опредѣленной для Полоцкой шляхты) землѣ, велѣно съ нихъ свесть и поселить въ вершинѣ рѣки Майны и Кандалы и на Красной рѣчкѣ и на Уренскихъ вершинахъ». Сверхъ того центральное правительство распорядилось людей, «которыхъ велѣно свесть и поселить, которые на тѣхъ земляхъ на вершинахъ рѣкъ Майны, Кандалы и Красной рѣки и Уренскихъ вершинахъ живутъ, распросить: кто, откуды пришелъ и сколь давно и по какому великаго государя указу живутъ, и въ Казани и въ Синбирску великаго государя подати какія платили и кто что платитъ; и буде ясачное тягло и всякія великаго государя подати платятъ льготно, — велѣно на нихъ вновь накладывать, *смотря по семейству и по ихъ пожиткамъ и по угодью,* и дать имъ въ томъ платежѣ льготъ для селитьбы и строенія — которые поселены будутъ на распашныхъ земляхъ, тѣмъ на годъ, а на дикихъ земляхъ, тѣмъ года на два и на три. А буде кто учнетъ великому государю бить челомъ (на) тѣхъ отписныхъ вотчинъ деревни Утки, Зеленовка тожъ, да деревни Волосниковки крестьянъ, которые будутъ переведены, въ холопствѣ и во крестьянствѣ, — велѣно ... вмѣсто тѣхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, взять и отдать изъ иныхъ ихъ вотчинъ и помѣстій крестьянъ; а вышеупомянутымъ переведеннымъ людемъ

и крестьяномъ.... быть за великимъ государемъ въ тяглѣ; а буде и въ иныхъ селѣхъ и деревняхъ въ вышеписанныхъ урочищахъ явятся бѣглые люди и крестьяне пришли послѣ переписныхъ книгъ 186 году (1678), и по челобитью въ роспросахъ отпиратся не учнутъ, — велѣно объ отдачѣ помѣщикомъ и вотчинникомъ по крѣпостямъ великого государя указъ учинить. А которые прежніе жители въ тѣхъ урочищахъ иноземцы и Русскіе и ясачные крестьяне и Татары и Мордва и Чювашa, поселясь живутъ, а землями ободными (т. е. сосѣдними, въ близи лежащими) владѣютъ многое число, и тѣ земли и сѣнные покосы измѣрить, а измѣря дать имъ, иноземцамъ, по указнымъ статьямъ; а ясачнымъ людемъ вымѣрять на ясаки по шти чети, а лишнюю землю отдать переведенцамъ. Пришлыхъ служилыхъ татаръ, у которыхъ въ иныхъ уѣздахъ есть помѣстья, роспрося ихъ, велѣно отсылать въ тѣ прежнія помѣстья, гдѣ кто напередъ сего жилъ, а у которыхъ въ иныхъ уѣздахъ помѣстій нѣтъ, — и имъ велѣно на той землѣ жить до указу велик. государя..... также, буде прежде сего или нынѣ тѣ земли взяли которыхъ городовъ помѣщики и вотчинники или служилые мурзы и Татары или ясачные Русскіе люди и Татара и Мордва, *не освѣдомясь подлинно*.... и тѣхъ людей съ тѣхъ земель сослать и дачь за ними не быть, — а быть той землѣ за новопостроенными ясачными людьми». Далѣе говорится, что если у кого изъ вышеупомянутыхъ людей окажутся люди «въ работѣ», то ихъ тоже велѣно было «роспросить по вышеписанному и, роспрося, отдавать тѣмъ же людямъ съ роспискою» на случай, если съ людей, у которыхъ они жили, окажется нужнымъ взять за прожитое время пожилыя деньги по 20 рублей за годъ[1]).

Вслѣдствіе подобнаго распоряженія центральнаго правительства, въ 1698 году отправленъ былъ изъ Симбирска воевода Саловъ на рр. Майну и Утку, чтобы водворить на «отписныхъ» земляхъ «Казанскихъ и Казанскихъ пригородовъ и

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Казань, Переп. кн. 7, № 152. первые листы.

Кандала. Четвертая группа Казанскихъ иноземцевъ также имѣла во главѣ ротмистра, сверхъ котораго въ ней находился хорунжій и 29 рядовыхъ; ротмистръ получилъ 80 четвертей пашенной земли, — остальные всѣ по 60 четв. въ каждомъ полѣ. Пахотная земля, отмѣренная для нихъ, лежала по обѣимъ сторонамъ средняго теченія р. Утки, — но главный центръ земель съ усадьбами назначенъ былъ имъ «въ прежней селитьбѣ въ деревнѣ Уткѣ—Кокрячь, Алань тожъ»; пашни ихъ простирались главнымъ образомъ «отъ Кокря городища въ степь къ Безднѣ р., подлѣ чернаго лѣса, до острога» (Уткинскаго?); здѣсь же находилась и главная часть отмѣренныхъ имъ сѣнныхъ покосовъ (370 десятинъ), и лишь небольшая часть послѣднихъ (100 десят.) отведена была этой партіи «на Волгѣ, межъ Майнскаго и Уткинскаго устья»[1]). Населеніе деревни Кокрячь, состоявшее изъ Мордвы, переведено на вершину р. Уреня, гдѣ было водворено на примѣренной свободной землѣ Мордовской деревни Богдашкиной, нѣсколько повыше ея[2]). Пятая группа Казанскихъ иноземцевъ состояла изъ семнадцати рядовыхъ; имъ отведены были пашни съ сѣнокосами около предыдущей группы въ опредѣленномъ количествѣ десятинъ; усадьбами же ихъ устроили «въ прежней селитьбѣ, гдѣ была деревня Матвѣевка»[3]). Что касается инородческаго населенія послѣдней деревни, то одна часть, состоявшая изъ новокрещеновъ, водворена была вмѣстѣ съ русскими и новокрещенами деревни Поиряскиной въ верхнихъ частяхъ Красной рѣчки, на свободной землѣ служилыхъ татаръ деревни Ураевы, гдѣ они совмѣстно образовали новую ясачную деревню—Помряскино; другая часть населенія — Мордва язычники, поселена была

---

[1]) Ротмистръ въ здѣшней группѣ былъ Семенъ Игнатьевъ сынъ Бухановскій, хорунжій—Михаилъ Тимофѣевъ сынъ Касовскій; между рядовыми попадаются фамиліи: Засѣцкій, Садовскій Янушевскій, Шестаковъ, Мертвецовъ и др.

[2]) Тамъ же лл. 171 и 221.

[3]) Фамиліи рядовыхъ, встрѣчающіяся въ этой группѣ, суть: Погоскій, Ермолинскій, Карась и нѣкот. друг.

вмѣстѣ съ Мордвой деревни Утки-Кокрячь на вышеупомянутой примѣренной землѣ деревни Богдашкиной въ вершинахъ р. Уреня[1]). Шестая группа Казанскихъ иноземцевъ была также изъ рядовыхъ; они въ числѣ 21 чел. водворены были по сосѣдству съ предшествовавшею группою деревни Матвѣевки, подлѣ которой они получили не только пахотныя земли и сѣнокосы въ указанномъ количествѣ, но также и усадьбы: членамъ этой группы назначено было жить «въ прежней селитьбѣ въ деревнѣ Шмелевкѣ», лежавшей на правой сторонѣ Ясашъ болота, раздѣлявшаго обѣ поименованныя деревни[2]). Наконецъ, седьмая, и послѣдняя, партія Казанскихъ иноземцевъ, состоявшая изъ 27 рядовыхъ, получила свои пахотныя земли и угодья въ томъ же количествѣ восточнѣе предыдущихъ: они заняли земли, которыя прежде принадлежали Яркульскимъ и Долгоозернымъ инородцамъ[3]). Относительно усадебъ настоящей группы сказано: «а усадьбы имъ.... въ прежнихъ селитьбахъ въ деревнѣ Яркулѣ и въ дер Долгомъ Озерѣ». Населеніе же этихъ деревень раздѣлено было на двѣ части: одна[4]) переведена была на отписную землю, оставшуюся свободною отъ Казанскихъ иноземцевъ въ здѣшнихъ же мѣстахъ; другая часть, вмѣсто Майнскихъ и Уренскихъ вершинъ, которыя были «отъ той ихъ селитьбы въ дальнихъ мѣстахъ» и жителямъ, по ихъ словамъ «дворовымъ строеніемъ и скотиною перевестись за скудостью и за дальнимъ разстояніемъ было не въ мочь», — вслѣдствіе этого, и согласно своему желанію и челобитью служилаго татарина Риски, владѣвшаго въ здѣшнихъ мѣстахъ землею, переведена была на рѣчку Шію; при чемъ опредѣлено, чтобы «имъ деревни Яркуль и деревни Долгаго Озера татарамъ селиться въ одной селитьбѣ съ Рискою, въ деревнѣ Ри-

---

[1]) Тамъ же лл. 162, 221.

[2]) Въ этой группѣ встрѣчаются фамиліи: Стенповскій, Калиновскій Литвиновъ, Неклюдовъ и др.

[3]) Въ послѣдней партіи попадаются фамиліи: Поплавскій, Бурдневъ и нѣк. друг.

[4]) Эта часть состояла изъ большинства Яркульскихъ Татаръ (23 двор.),

скинѣ»[1]). Сверхъ того, въ деревнѣ Матвѣевкѣ испомѣщены были пахотою, угодьями и усадьбами, вмѣстѣ съ прежде поселенными, двое рядовыхъ Казанскихъ иноземцевъ, явившихся, быть можетъ, послѣ другихъ водворенныхъ[2]). Такимъ образомъ, въ 1698 году въ здѣшнихъ мѣстахъ водворено было нѣсколько группъ Казанскихъ иноземцевъ изъ тѣхъ, «которые у пріему земли явились». Всѣмъ имъ въ совокупности (141 челов.), по описи, «дано земли по указнымъ статьямъ 8510 четв.» въ каждомъ полѣ, при чемъ прибавлено, что не вся земля, предполагавшаяся къ раздачѣ, была роздана,—нерозданной осталось еще довольно много земли, «потому къ пріему тѣхъ земель явились не всѣ Казанскихъ и Казанскихъ пригородовъ и иныхъ низовыхъ городовъ иноземцы».

Кромѣ Казанскихъ иноземцевъ, въ томъ же году испомѣщены были на р. Уренѣ «Уржумскіе иноземцы полковой службы», отдѣльною партіею, состоявшей изъ 82 рядовыхъ. Пахотныя земли съ угодьями отведены были имъ, въ извѣстномъ намъ количествѣ[3]), на огромномъ пространствѣ по правой сторонѣ р.

---

[1]) На рѣчку Шію переведенъ былъ 21 дворъ. По поводу водворенія этихъ людей въ здѣшнихъ мѣстахъ произошелъ споръ между нѣсколькими деревнями на рѣчкѣ Шіѣ, изъ которыхъ каждая просила правительство поселить переселенцевъ у нихъ, указывая на излишекъ у себя земель и угодій. Такъ служилый татаринъ Риска Клекѣевъ въ своей челобитной правительству писалъ: «дано ему Риске по его челобитью изъ Казани земли по обѣ стороны р. Шіи и въ иныхъ урочищахъ, а велѣно ему съ той земли платить по ясаку на годъ; и на той землѣ, поселясь, живетъ онъ одинъ, и никто съ нимъ въ ясаку не селится; и той де земли и сѣнныхъ покосовъ и угодій будетъ на 20 дворовъ; и чтобъ тѣхъ Яркульскихъ татаръ 20 дворовъ свесть и поселить съ старыми ихъ ясаки и что вновь прибавлено будетъ, — и владѣть тою землею вопче». Правительство рѣшило поселить переселенцевъ съ Рискою, «потому что его Рискино челобитье прежде ихъ (другихъ 2-хъ деревень здѣшнихъ: деревни Качаевы Чувашей и деревни Ахметевы татаръ, просившихъ правительство о томъ же) челобитья». Тамъ же л. 205.

[2]) Иноземцы водворенные здѣсь были Яковъ Набоковъ и Андрей Глазовскій.

[3]) Т. е., по 60 четвертей земли, — всего 4920 четвертей въ каждомъ полѣ.

Уреня. Центральными мѣстами для водворенныхъ были, повидимому, здѣсь два пункта: рѣчка Кременка, съ бывшими усадьбами села Кременокъ и землями по обѣимъ сторонамъ этой рѣчки, была однимъ центромъ, а другой находился по сосѣдству съ нимъ, въ бывшей деревнѣ Войкиной. Сѣнные покосы, предоставленные имъ[1]), съ одной стороны примыкали къ Волгѣ, а съ другой тянулись «отъ устья Кременскова по рѣкѣ Уреню вверхъ ѣдучи и по рѣчкѣ Кременкѣ по обѣ стороны и по конецъ поль по дубровамъ и по вражкамъ». Относительно усадебныхъ земель и лѣса для Уржумскихъ иноземцевъ говорится: «а усадьбы имъ въ прежней селитьбѣ въ селѣ Кременкахъ и въ деревнѣ Войкиной, а лѣсъ хоромной и дровяной рубить имъ въ Уренскомъ и Майнскомъ и въ Кандалинскомъ лѣсахъ, опричь бортнаго деревья»[2]). Что касается жителей села Кременокъ и деревень, земли которыхъ отведены были Уржумскимъ иноземцамъ, то населеніе Кременокъ выселено было, какъ мы знаемъ, на вершину р. Майны, гдѣ они съ большинствомъ крестьянъ села Грязнухи образовали поселеніе Хмѣлевку; инородцы же деревень Войкиной и Помряскиной поселены были отчасти на Красной рѣчкѣ, отчасти въ верхней части р. Уреня—«въ старомъ селищѣ, гдѣ была татарская деревня Тюгѣева»[3]). И на р. Уренѣ, какъ на прежнихъ рѣкахъ, изъ отписныхъ земель, измѣренныхъ и предназначенныхъ въ 1668 году для иноземцевъ, оказалось довольно большое количество «отписной земли въ остаткѣ въ разныхъ мѣстахъ», которая на этотъ разъ впрочемъ скоро занята была иноземцами, видимо спѣшившими занимать земли, остававшіяся здѣсь еще свободными.

Такимъ образомъ, довольно значительное число людей, прожившихъ болѣе или менѣе времени на рр. Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ и успѣвшихъ уже сдѣлаться домовитыми, переведены были,

---

[1]) Каждому человѣку отмѣрено было по 15 десятинъ,—всегоже на 1230 десятинъ.

[2]) Между фамиліями Уржумскихъ иноземцевъ встрѣчаются: Выходцевъ (8 разъ), Васильковскій, Полоцкій, Пивоваровъ, Дедюлинъ и друг.

[3]) Тамъ же лл. 191—192, 220, 222.

послѣ ихъ опроса, на новыя мѣста; при чемъ тягости, лежавшія на нихъ на старыхъ мѣстахъ въ соединеніи съ вновь прибавленными, могутъ отчасти свидѣтельствовать о нѣкоторой зажиточности, которой они успѣли достигнуть въ здѣшней сторонѣ[1]). Но не смотря на выселеніе русскихъ крестьянъ и инородцевъ съ отписныхъ земель и на водвореніе иноземцевъ на ихъ земляхъ, почти всѣ поселки удерживаютъ свои старыя названія, съ которыми и доходятъ до нашего времени[2]).

Въ октябрѣ слѣдующаго года (1699) двѣ партіи Симбирскихъ иноземцевъ[3]) обратились чрезъ представителей своихъ въ Москву и въ Симбирскъ съ челобитными, въ которыхъ писали: «служатъ де они по Симбирску..... всякіе великаго государя городовые и уѣздные службы; а по указу великаго государя и по грамотѣ велѣно устроить ихъ землями, и за одинъ годъ велѣно выдать имъ вел. государя жалованье по окладамъ ихъ»; далѣе, они извѣщаютъ, что есть свободныя земли по обѣимъ сторонамъ р. Уреня въ Казанскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ, на которыхъ поселилось нѣсколько инородческихъ деревень (называемыхъ ими) прибавляя, что «въ тѣ деревни, собрався разныхъ городовъ Татара и Чюваша, покиня свои жеребья и ясаки, поселясь живутъ въ тѣхъ деревняхъ, а великаго государя службъ не служатъ и ясаковъ не платятъ»[4]). Вслѣдствіе этого изъ Симбирска посланъ былъ подъячій на

---

[1]) «Да переведенцевъ ясачныхъ крестьянъ русскихъ и татаръ и мордвы 357 двор., людей въ нихъ 701 челов.; недорослей (т. е. людей отъ 11 л. до 2 недѣль) 548 челов. (всего больше 10 лѣт.); тягло имъ платитъ въ указные годы (т. е. по истеченіи льготныхъ лѣтъ): *прежняго — 108 ясаковъ, новаго — 120 ясаковъ*, прежняго и новаго 228 ясаковъ». Тамъ же лл. 225—226.

[2]) Только жители села Кандалы (впослѣдствіи «Большой Кандалы») оставлены были на своемъ мѣстѣ, остальные переведены были на новыя мѣста. По поводу названій см. подробныя карты Россіи 1801 г. и 1870 гг.

[3]) Одна партія иноземцевъ состояла изъ 64 челов., «служащихъ *по разбору* по Симбирску»,—другая состояла изъ 50 челов., «служащихъ *сверхъ разбору*»; представителей 1-й партіи былъ Михайла Елецъ, а 2-ой Данила Абрамовъ и Степанъ Коробецъ,

[4]) Деревни, именуемыя ими при этомъ, находились всѣ на лѣвой сторонѣ р. Уреня, Ар. М. Юст. Казань. Пер. кн. 7, № 152 л. 227.

р. Урень[1]), которому «велѣно тѣ земли досмотрить и описать имянно и роспросить: какіе они (тамошніе жители) люди и сколько ихъ поселилось, и не въ отписныхъ-ли земляхъ Михаила Баракова (1668 г.) или сверхъ той отписной земли; и есть ли у нихъ на тѣ земли крѣпости, и откуда они въ тѣ деревни пришли»,—все это велѣно описать вмѣстѣ съ урочищами, рѣками, рѣчками и озерами, «учиня всему книги и чертежъ учинить» и подать «тотъ досмотръ и опись и книги и чертежъ и роспросные ихъ (жителей) рѣчи» воеводѣ Салову на съѣзжемъ дворѣ въ Кременкахъ. Въ результатѣ жители почти всѣхъ деревень, находившихся по лѣвой сторонѣ Уреня[2]), переселены были восточнѣе, на вершины рѣки, а земли ихъ отданы иноземцамъ, которые водворены были здѣсь въ разныхъ мѣстахъ отдѣльными группами.

И вотъ въ томъ же году (1699), по наказу Симбирскаго воеводы поручено было Салову остальныхъ, не водворенныхъ еще «Казанскихъ и Казанскихъ пригородовъ иноземцевъ» поселить въ Казанскомъ уѣздѣ на отписныхъ земляхъ, «что осталось за роздачею Полоцкой шляхты 1668 года по Майнѣ и по Уткѣ рѣкамъ»; послѣ того говорится: «а Симбирскихъ иноземцевъ полковой службы (устроить) *на порозжихъ земляхъ* изъ дикихъ поль, въ которыхъ мѣстехъ пристойно»; при этомъ повторяется, чтобъ «для той новой селитьбы на строеніе выдать всѣмъ иноземцамъ великаго государя денежное и хлѣбное жалованье на одинъ годъ, — а впредь всѣмъ имъ вел госуд. денежнаго и хлѣбнаго жалованья давать не велѣно». Въ частности о Симбирскихъ иноземцахъ-челобитчи-

---

[1]) Подъячій, отправленный въ Казанскій и Симбирскій уѣзды былъ «Симбирскіе приказные избы подъячій Василій Астраханцевъ»; правая сторона р. Уреня вмѣстѣ съ землями, простиравшимися на сѣверъ, повидимому тянула къ Казани, а земля, по лѣвой сторонѣ р. Уреня и лежавшія на югъ отъ него, принадлежали къ Симбирскому уѣзду.

[2]) Только деревня служилаго Татарина Янганаева Ялтудина и деревня Уренбашъ (находившаяся на притокѣ р. Уреня, рѣчкѣ Уренбашъ) оставлены были на своихъ мѣстахъ; остальныя же, не исключая деревни служилыхъ Симбирскихъ иноземцевъ Новокульскихъ, переведены были въ другія мѣста.

кахъ постановлено было, чтобъ имъ «116 человѣкомъ (?) землю роздать въ урочищахъ по р. Уреню противъ ихъ челобитья по указнымъ статьямъ». Когда же для водворенія Симбирскихъ иноземцевъ изъ Симбирска потребованъ былъ списокъ имъ, то въ спискѣ «по справкамъ съ Симбирскимъ приказомъ и посказкамъ иноземцевъ *вмѣсто умершихъ и отставныхъ иноземческихъ дѣтей Симбирскихъ* явилось 147 человѣкъ»[1]). Вслѣдствіе водворенія съ разу значительнаго количества людей въ разныхъ мѣстахъ по рр. Уткѣ, Майнѣ и Уреню, между ними появилась, кажется, нѣкоторая спекуляція отведенными имъ землями, выражавшаяся въ мѣнѣ и въ уступкахъ другъ другу своихъ участковъ; по крайней мѣрѣ, это можно вывести изъ заключительныхъ словъ указа 1699 года, который говоритъ слѣдующее: «и съ сего великаго государя указу *мѣновыхъ помѣстій межъ ими* (иноземцами) *росписывать и по ихъ поступкамъ справливать ни закѣмъ не указано*; и велѣно имъ иноземцамъ *жить смирно и селиться, гдѣ кому усадьбы и пашня отведена*, и бѣглыхъ людей и крестьянъ отнюдь бы не принимать; а кому куды доведется отъѣхать, спрашивались бы они иноземцы съ начальными людьми, а буде кто поѣдетъ въ иной городъ для какихъ своихъ нуждъ, — являлись бы въ Майнскомъ городкѣ, въ приказной избѣ»[2]).

На этотъ разъ сперва водворены были двѣ группы иноземцевъ на правой сторонѣ р. Уреня, на земляхъ, которыя, какъ намъ извѣстно, остались отъ испомѣщенія здѣсь Уржумскихъ иноземцевъ. Первая группа состояла изъ одиннадцати рядовыхъ Царевосанчурцевъ, въ средѣ которыхъ двое были «по разбору *за старостью отъ службы* великаго государя *отставлены*», и вмѣсто нихъ земли отведены были дѣтямъ ихъ, изъ коихъ наслѣдникъ одного отмѣченъ «въ малыхъ лѣтехъ». Другая группа была изъ рядовыхъ Симбирскихъ иноземцевъ такого же числа, и земли съ угодьями они получили

---

[1]) Присланные въ 1699 году списокъ и справка были «за приписью дьяка Михаила Шапкина по разбору 185 году (1677)». Тамъ же лл. 264—265.

[2]) Тамъ же л. 265.

рядомъ съ своими предшественниками[1]); здѣсь же оставле была пахота съ угодьями для третьей группы, состоявшей и одиннадцати рядовыхъ иноземцевъ города Еранска[2]), которы во время отвода не было еще на мѣстѣ, но скораго ихъ пр бытія, вѣроятно, ожидали. Въ частности мѣста пашень послѣ нихъ трехъ группъ отмѣчены такъ: «гдѣ владѣли деревı Помраскины русскіе и новокрещены въ одной округѣ съ яса ными крестьяны села Кременокъ да деревни Войкиной съ Т тары»; сѣнные покосы отведены были имъ «въ томъ же обод межъ поль, по вражкамъ и дубровамъ»,—а о лѣсѣ повторе дословно распоряженіе, приведенное нами раньше. Что же к сается усадебной осѣдлости упомянутыхъ группъ, то имъ всѣм велѣно «селиться въ прежней усадьбѣ въ деревнѣ Помр скинѣ»[3]).

Симбирскіе иноземцы, явившіеся за полученіемъ земель лѣвой сторонѣ у. Уреня, раздѣлены были на двѣ партіи: в одной находилось девяносто семь рядовыхъ иноземцевъ, а в другой 33 человѣка; къ нимъ примыкала маленькая групп изъ четырехъ человѣкъ недорослей, которые «по справкѣ с Симбирскими списками и по сказкамъ Симбирскихъ иноземцевъ оказались родственниками умершихъ Симбирскихъ иноземцевъ вслѣдствіе чего имъ, по ихъ челобитью, отведены были земл также въ здѣшнихъ мѣстахъ. Земли для поселенія перво партіи, заключавшей въ себѣ такое значительное количест Симбирянъ, назначены были въ мѣстахъ «прежней селитьбı въ деревнѣ Чердакли»,—а подлѣ, охватывая большое простра ство, простирались пашенныя земли «съ сѣнными покосы и с всѣми угодьи, гдѣ владѣли Симбирскаго уѣзду деревни Че дакли Татары»; относительно же лѣсныхъ угодій по прежнем говорится, что «лѣсъ имъ хоромной и дровяной рубить в Уренскомъ и въ Чиглинскомъ лѣсу, и въ дубровахъ и в

[1]) Между иноземцами первой и второй группы попадаются: Островскі Черкасовъ, Дубровскіе, Малаховскій, Миняевъ и друг.

[2]) Казанскій пригородъ.

[3]) Тамъ же лл. 266—267.

колкахъ опричь бортнаго деревья»[1]). Что касается служилыхъ Татаръ деревни Чердакли, то, по ихъ желанію, они были переведены въ сосѣднюю деревню Уренбашъ, населенную также служилыми Татарами[2]). Вторая партія, въ которую входило и нѣсколько новокрещенъ, водворена была «межъ вершинъ рѣки Уреня да Уренбаша, гдѣ по дачамъ владѣли Симбирскіе иноземцы»—Новокульскіе[3]). Въ здѣшнихъ мѣстахъ, т. е., съ лѣвой стороны р. Уреня, только «ниже деревни Новокульской, поселены были и Симбирскіе иноземцы изъ недорослей», которымъ также отведено было каждому по 60 четвертей пашенной земли съ сѣнокосами и угодьями подлѣ[4]). Въ это же время, на лѣвой сторонѣ Уреня, отмѣрены были земли отсутствовавшей группѣ Сызранскихъ иноземцевъ, которая состояла изъ девяти человѣкъ, просившихъ объ отводѣ имъ въ счетъ службы земель, найденныхъ ими подлѣ Симбирскихъ иноземцевъ[5]).

Не успѣлъ еще Саловъ помѣстить всѣхъ иноземцевъ, которыхъ ему поручили водворить на р. Уренѣ, какъ отъ Симбирскаго воеводы (въ 1700 г.) на Майну пришелъ новый указъ «о поселеніи Свіяжскихъ, Цивильскихъ, Чебоксарскихъ, Кузь-

---

[1]) Тамъ же лл. 268—270. Между прочими въ этой партіи встрѣчаются такія фамиліи: Петрашевскій, Максимовскій, Журовскій, Грохольскій, Романовскій, Крюковскій, Обрамовскій, Пугачевскій, Рожекранцъ, Богдановъ, Елецъ, Журавлевъ, и друг.

[2]) Поступлено было съ ними такъ, «потому что те Чердаклинскіе Татары поселились на той землѣ по Симбирской дачѣ (?) и потому.... били челомъ вел. госуд. деревни Уренбашъ Татары, Янтурдины (дерев.) Татары жъ и подали челобитные: (чтобъ) вышеписанной деревни Чердакли Татаръ свесть къ нимъ на ихъ примѣрные земли, потому селитьбы у нихъ въ деревняхъ за малолюдствомъ ихъ мало; и дер. Чердакли Татары вел. госуд. били челомъ, чтобъ ихъ въ тѣ деревни свесть». Быть можетъ, земля Чердаклинскихъ Татаръ, хотя и лежавшая въ Симбирскомъ уѣздѣ, по, какъ описанная по приказу изъ Казани и Казанскимъ дворяниномъ. почиталась въ зависимости отъ Казани, а не отъ Симбирска.

[3]) Въ этой партіи попадаются: Дерюжинскій, Скугоровскій, Яновскій, Вертюшинскій, Костюковъ, Литвиновъ и др.; у новокрещенъ: князь Издеберскій, Поповъ и друг.

[4]) Тамъ же лл. 272—277.

[5]) Изъ девяти Сызранскихъ иноземцевъ 6 отмѣчены «первой статьи», 3 «второй статьи»; каждому отмѣрено по 60 четв. пахот. зем. съ угодьями.

модемьянскихъ, Курмышскихъ и Ядринскихъ иноземцевъ»; всѣх
ихъ велѣно было «устроить землями по *указнымъ статьямъ*
и поселить въ Казанскомъ уѣздѣ на отписной землѣ по Безднѣ
Уткѣ и по Майнѣ». Но такъ какъ большая часть земель по
Уткѣ и Майнѣ отошли уже подъ поселенія Казанскихъ ино
земцевъ, то вновь прибывшихъ пришлось по необходимости во
дворить на рѣкѣ Безднѣ. Иноземцы-претенденты, прислан
ные для испомѣщенія на рѣкѣ Безднѣ, составляли партію
изъ 136 человѣкъ. Вслѣдствіе новаго распоряженія, Майн
скій воевода Саловъ отправился въ январѣ мѣсяцѣ на р. Безд
ну, «описалъ и измѣрялъ земли въ десятины и положилъ въ
чети, и изъ той земли по урочищамъ, учиня грани и всякіе
признаки, отмѣрялъ на всякаго человѣка по указнымъ стать
ямъ, по 60 четвертей въ каждомъ полѣ, — сѣнныхъ покосовъ
по 15 десятинъ на человѣка». Въ частности о мѣстѣ поселе-
нія иноземцевъ сказано, что имъ отведены «усадебныя земли
на р. Безднѣ, по обѣ стороны, около стараго городища, что
надъ рѣкою Бездною, на низъ, по правой сторонѣ, ниже де-
ревни Ижборискиной, по 3 десятины на человѣка»; угодья —
сѣнные покосы — отведены были имъ здѣсь же «по р. Безднѣ
и по рѣчкѣ Енасаркѣ и около озеръ, по вражкамъ и по дубро-
вамъ». Но если южнѣе мы встрѣчались въ здѣшнихъ мѣстахъ
съ поселками, то тѣмъ естественнѣе имъ было находиться въ
описываемое время по р. Безднѣ. И дѣйствительно, кромѣ де-
ревни Ижборискиной здѣсь упоминаются еще и другія деревни[1]),
большей частью, повидимому, населенныя инородцами; нѣкото-
рые служилые инородцы въ здѣшнихъ мѣстахъ поселились даже
съ разрѣшенія правительства, отъ котораго даны были имъ
крѣпости и вводныя грамоты[2]). О мѣстныхъ же поселенцахъ
правительство сдѣлало такое распоряженіе: «которые люди

[1]) Упоминаются, напримѣръ, деревни: Кошкина и Тахталы.

[2]) Такъ, наприм., говорится, что крѣпостью и вводной грамотой на землю отъ 1691 г. владѣлъ здѣсь служилый Татаринъ Тюргейбека Кельмаметевъ съ товарищи—четыре человѣка, за которыми числилось 200 четвертей земли въ каждомъ полѣ и 4000 сѣнныхъ копенъ.

живутъ на тѣхъ отписныхъ земляхъ—иноземцы и русскіе ясачные крестьяне и Татары и Мордва и Чюваша, а землями ободными владѣютъ многое число, и тѣ земли и сѣнные покосы измѣрить, и измѣря дать имъ иноземцамъ по указнымъ статьямъ; а ясачнымъ людямъ вымѣрять на ясаки по 6 десятинъ на ясакъ, да сѣнныхъ покосовъ по 3 десятины на ясакъ». Вслѣдствіе подобнаго распоряженія воевода Саловъ служилымъ инородцамъ «отмѣрилъ (земли) въ вершинѣ р. Бездны, по обѣ стороны, и велѣлъ имъ жить на той землѣ до указу велик. государя»; точно также, повидимому, поступлено было съ ясачными людьми — Чювашами, которые жили въ здѣшнихъ деревняхъ[1]).

Зимой 1700 года поселены были иноземцы вышеупомянутыхъ городовъ на р. Безднѣ, а осенью того же года[2]) нужно было водворять иноземцевъ Казанскихъ и другихъ городовъ, которые почему либо не явились во время за полученіемъ слѣдуемыхъ имъ земель на рр. Уткѣ и Уренѣ. На этотъ разъ всѣ являвшіеся иноземцы, кромѣ Еранскихъ и Сызранскихъ, были не велики числомъ: одинъ, два, найболѣе пять человѣкъ; нѣкоторые изъ нихъ объясняли правительству позднее свое появленіе для полученія земель, указывая при этомъ на службы въ Казани и на Камышенкѣ, на задержавшія ихъ нужды или на болѣзнь. Вновь прибывшимъ отводилось обыкновенно каждому по 60 четвертей пахотной земли съ сѣнными покосами и угодьями соотвѣтственно пашнѣ; усадебныя земли назначались имъ всегда въ мѣстахъ, гдѣ жили иноземцы, такъ что запоздавшіе примыкали къ прежнимъ, иногда своимъ товарищамъ. Такимъ образомъ, осенью и зимою 1700 года водворены были на отмѣренныхъ уже земляхъ на р. Уренѣ 11 рядовыхъ

[1]) Тамъ же лл. 303—304.

[2]) Испомѣщеніе на этотъ разъ началось въ октябрѣ 1700 года. Въ декабрѣ 1699 года, по распоряженію Петра Великаго, лѣтосчисленіе приказано вести не отъ сотворенія міра, какъ прежде, а отъ Рождества Христова; кромѣ того новый годъ должны были считать не съ 1-го сентября, а съ 1-го генваря. Истор. Рос. С. Соловьева, т. XIV. 293 с.

иноземцевъ Еранскихъ и девять Сызранскихъ; между послѣдними упоминаются нѣсколько новокрещенъ. Сверхъ того, изъ свободныхъ земель вновь отведены были земли по лѣвой сторонѣ р. Уреня и по рѣчкѣ Уренбашу: подполковнику, четыремъ рядовымъ Симбирскимъ иноземцамъ и рядовому Сызранскому иноземцу[1]). Въ томъ же году поселены были на р. Уткѣ небольшими группами запоздавшіе Казанскіе иноземцы: семеро присоединены были къ иноземцамъ деревни Яркуль-Долгое Озеро, и имъ здѣсь же отмѣрены были изъ «остаточной земли» пашни и угодья. Кромѣ нихъ, пятеро испомѣщены были въ иноземческой деревнѣ Шмелевкѣ, а четверо водворены въ деревнѣ Матвѣевкѣ[2]).

Вѣроятно, молва о плодородіи здѣшнихъ земель и о богатствѣ угодій въ описываемое время распространилась быстро по всей Руси, потому что въ началѣ XVIII столѣтія (1701 г., февраль) изъ приказа Казанскаго дворца прислана была грамота на Майну къ воеводѣ Салову съ повелѣніемъ отвести земли здѣсь двумъ служилымъ иноземцамъ, которыхъ «отецъ и родственники служили по Кіеву», сами же они просили государя о назначеніи имъ земель съ Симбирскими иноземцами, соглашаясь служить по Симбирску. Вслѣдствіе этого распоряженія, Кіевскимъ иноземцамъ отведена была пашенная земля «съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи..... въ однихъ межахъ и урочищахъ съ Симбирскими иноземцы и съ подполковникомъ», вмѣстѣ съ которыми приказано было имъ се-

---

[1]) Подполковнику Прокофью Алексѣеву сыну Опреву отмѣрено было 100 четвертей пашенной земли въ каждомъ полѣ; «а селиться ему... подлѣ р. Уреня внизъ по лѣвой ст. ниже деревни Новокульской», гдѣ поселена была партія изъ 33 челов. Симбирскихъ иноземцевъ. Относительно угодій сказано: «сѣнные покосы ему по вражкамъ и по дубровамъ, а лѣсъ хоромной и дровяной въ Уренскомъ и т д. Здѣсь же испомѣщены были пашнею, угодьями и усадьбами Симбиряне и Сызранецъ. Среди фамилій Симбирскихъ иноземцевъ встрѣчаются: (двое) Шапчинскіе (иноземцы съ такими фамиліями встрѣчаются среди Полоцкой шляхты водворенной въ 1668 г.); между Еранскими: Богдановскій, Зубрицкій, Черкашенинъ и друг. Тамъ же лл. 277—282, 297.

[2]) Между иноземцами водворенными въ Шмелевкѣ значатся два «Тетюшенина» по фамиліи «Бизяевы». Тамъ же лл. 295—298.

литься «подлѣ р. Уреня внизъ по лѣвой сторонѣ»[1]). Одновременно съ Кіевскими иноземцами (нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе) водворяемы были на Уткѣ вновь появлявшіеся Казанскіе иноземцы, которые испомѣщались въ теченіи цѣлаго года на свободныхъ отписныхъ земляхъ пашнею и угодьями, тяпувшими къ деревнямъ — Шмелевкѣ, Матвѣевкѣ и Яркуль-Долгое Озеро, гдѣ новоприбывшіе и селились усадьбами вмѣстѣ съ раньше водворенными здѣсь Казанскими иноземцами[2]).

Если къ концу XVII столѣтія замѣтно усиливается приливъ новыхъ сходцевъ въ Закамскія страны, защищенныя Прикамскими острожками и укрѣпленіями Закамской черты, чтобъ пользоваться здѣшними выгодами, то слѣдуетъ ожидать, что мѣстные жители, съ самаго начала водворенные здѣсь русскимъ правительствомъ, не останутся съ своей стороны спокойными зрителями мѣстныхъ богатствъ, находившихся по сосѣдству съ ними; событія, происходившія въ послѣдней четверти XVII вѣка, наглядно показываютъ стремленіе ихъ относиться дѣятельно къ природнымъ богатствамъ второй своей родины. Такъ, Ерыклинскіе солдаты, именовавшіеся прежде казаками и стрѣльцами, будучи переведены изъ Прикамскаго села Чалны и водворенные въ Ерыклинскомъ острогѣ «для обережи отъ татарскаго и Калмыцкаго приходу», получили слѣдуемыя имъ земли и угодья сперва «съ одну русскую сторону валу», т. е., въ верхней части, защищенной укрѣпленіями Закамской черты; но уже въ восьмидесятыхъ годахъ они обращаются къ

---

[1]) Кіевскіе иноземцы, бившіе государю челомъ въ Москвѣ и испомѣщенные здѣсь землями въ количествѣ 60 четв. паш. въ каждомъ полѣ, были братья Якимъ и Григорій Жилевскіе. Тамъ же л. 283.

[2]) Такъ, въ февр. поселенъ былъ въ деревнѣ Яркуль Каз. иноз. Петръ Борисовъ; въ апр. водворенъ былъ тамъ же Андрей Петровскій; въ апрѣлѣ же, только въ дер. Матвѣевкѣ, помѣщенъ былъ Каз. иноз. Иванъ Горшевскій; въ маѣ водворенъ, по его желанію, въ дер. Шмелевкѣ Каз. иноз. Өедоръ Корелинъ; въ декаб. поселены 6 въ той же дер. трое Казан. иноз. (Глинскій, Алехновскій и Неклюдовъ); всѣмъ отводилось по 60 четв. паш. земли въ каж. полѣ «съ сѣнными покосы и совсѣми угодьи въ однихъ межахъ и урочищахъ, гдѣ даны земли Казанскимъ же иноземцамъ». Тамъ же лл. 298—301.

мѣстному правительству съ челобитьемъ, по которому въ 1686 году отведены были «имъ сѣнные покосы *на другой сторонѣ валу по обѣ стороны рѣки Черемшану, по урочищамъ*»[1]). Въ восьмидесятыхъ годахъ Ерыклинцы соблазнились богатствомъ сѣнныхъ покосовъ за р. Черемшаномъ и пользуются ими съ соизволенія правительства, а въ девяностыхъ годахъ (1692 г.) партія служилыхъ татаръ получаетъ отъ правительства за небольшой оброкъ пахотныя земли съ угодьями «на Ногайской сторонѣ, а рѣки Черемшана на другой сторонѣ», и основываетъ недалеко отъ Черемшана двѣ деревни: Лебяжье Озеро и Быкову Поляну[2]). Три года спустя група солдатъ выборнаго полка получаетъ, въ счетъ службы, пахотныя земли за укрѣпленной чертой, «на устьѣ рѣчки Сосновки», гдѣ въ свою очередь основали поселеніе[3]). Но не только служилые люди проникаются энергіей къ концу столѣтія и пріобрѣтаютъ земли, лежавшія за укрѣпленіями Закамской черты, — частные люди, отличавшіеся смѣлостью и предпріимчивостью, также стремятся пріобрѣтать здѣсь выгодныя для себя земли; но эти земли не всегда являются теперь свободными, вслѣдствіе чего приходится пріобрѣтать ихъ уже со вторыхъ рукъ, отъ первоначальныхъ обитателей, у которыхъ они находились во владѣніи. Такъ, напримѣръ, на рѣчкѣ Сосновкѣ, подлѣ мѣста, гдѣ находились северные надолбы, полоса земли была удобна для устройства мельницы и другихъ хозяйственныхъ сооруженій; между тѣмъ участкомъ этимъ владѣли Ерыклинскіе солдаты. Это не остановило однако Симбирянина Злобина: онъ уговорилъ Ерыклинскихъ служилыхъ людей уступить въ 1699 году нужную ему полосу земли, пріобрѣтши которую, онъ поспѣ-

---

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159, лл. 221—225.

[2]) Партія служилыхъ татаръ состояла изъ 22 человѣкъ, — всякому изъ нихъ отведено было по 40 четвер. земли пахотной въ каждомъ полѣ, которою они владѣли «изъ оброку по 10 алт. на годъ съ человѣка». Тамъ же л. 222.

[3]) Рѣчка Сосновка, притокъ Б. Черемшана, течетъ паралельно Ерыклѣ. Група состояла изъ 11 человѣкъ; всякому солдату отмѣрено было по 20 чет. паш. земли въ каждомъ полѣ. Тамъ же.

шилъ отмежевать[1]). Намъ извѣстно обиліе въ здѣшнихъ мѣстахъ нетронутаго пахотою чернозема; извѣстно и богатство дѣвственныхъ лѣсовъ съ текущими по нимъ ручьями и рѣками, несущими массу влаги и увеличивающими благодатность почвы; намъ извѣстно также, что мѣстные жители находили для себя выгоднымъ сбывать свой хлѣбъ даже въ Нижнемъ Новгородѣ; при подобныхъ условіяхъ мы не найдемъ страннымъ намѣреніе предпріимчиваго человѣка построить на рѣкѣ Сосновкѣ кромѣ мельницы еще винокуренный заводъ, который, при быстро возрастающемъ населеніи въ здѣшней мѣстности, могъ сулить ему въ будущемъ хорошіе барыши. Какъ результатъ всего этого въ началѣ XVIII вѣка (1710 г.) мы застаемъ на р. Сосновкѣ, въ томъ мѣстѣ, «гдѣ бывали северные надолбы», кромѣ мельницы, винокуренные заводы, принадлежавшіе купцу «гостинныя сотни» Осипу Твердышеву, смѣнившаго собой Симбирянина, первоначальнаго покупщика[2]). Само правительство въ началѣ XVIII столѣтія обращаетъ свое вниманіе на здѣшнія земли, сильно привлекавшія новыхъ поселенцевъ, и изъ заселенія ихъ старается извлечь для себя пользу. Въ 1704 году, по просьбѣ Ерыклинскихъ солдатъ, обезпокоенныхъ, вѣроятно, усиливающимися наплывомъ новыхъ насельниковъ по сосѣдству съ ними, присланъ былъ служилый человѣкъ на Закамскую черту для формальнаго отвода слѣдуемыхъ имъ земель и угодій. Послѣ измѣренія свободныхъ земель въ здѣшнихъ мѣстахъ и предоставленія слѣдуемой части Ерыклинцамъ, оказалось, что «въ округѣ города Ерыклинска..... во владѣнье Ерыклинскихъ солдатъ были многіе улишніе земли сверхъ ихъ дачь», которыми правительство и рѣшилось воспользоваться теперь въ своихъ интересахъ. Правительству хорошо было извѣстно, что въ то время «въ Казанскихъ пригородехъ, въ волостяхъ, за помѣщики и за вотчинники жили» многіе люди, «которые бѣ-

[1]) 650 десятинъ земли и 175 десятинъ сѣнокоса въ 1699 году пріобрѣлъ здѣсь Симбиренинъ Иванъ Злобинъ «по поступке Ерыклинскихъ солдатъ». Тамъ же л. 223.

[2]) Тамъ же л. 221.

жали (сюда) изъ верховыхъ городовъ»; поэтому оно распорядилось, чтобъ на свободной землѣ, оставшейся отъ надѣла Ерыклинскихъ солдатъ и отписанной на государя, «селить ясашные села», принимая въ нихъ вышеупомянутыхъ бѣглецовъ. Результатомъ этого дозволенія, было то, что въ теченіи пяти лѣтъ переселенцы заселили свободныя земли не только по правой сторонѣ большаго Черемшана, но перешли и на лѣвую сторону, образовавъ цѣлую дворцовую волость—Черемшанскую, въ которую входили: два села и деревня на правой сторонѣ, и два селенія по лѣвой сторонѣ рѣки, въ недалекомъ разстояніи отъ нея[1]). Судя потому, что эти поселенія состояли главнымъ образомъ изъ селъ и образовывали въ 1710 году уже волость, слѣдуетъ предполагать въ нихъ довольно значительную людность.

Въ то время какъ на луговой сторонѣ Волги земледѣльческое населеніе, защищаемое укрѣпленіями Закамской черты, заселенной служилыми военными людьми, въ началѣ XVIII столѣтія едва переваливало за Большой Черемшанъ, въ нагорной сторонѣ, защищенной отъ нападеній Калмыковъ и Башкирцевъ шириною и глубиною Волжскихъ водъ, земледѣльческія поселенія появляются въ мѣстахъ болѣе южныхъ и увеличиваются сравнительно быстрѣе. Мы уже видѣли, какъ скоро заселилось село Новодѣвичье, достигшее своего значительнаго благосостоянія вслѣдствіе природныхъ богатствъ, которыми тогда обиловали земли и воды низоваго Поволжья. Но эти же, почти нетронутыя, природныя богатства вмѣстѣ съ тѣми результатами, которыхъ въ скорости достигалъ тотъ или иной крупный землевладѣлецъ, должны были возбуждать апетитъ у многихъ другихъ людей того времени, вслѣдстіе чего у нѣкоторыхъ изъ нихъ уси-

---

[1]) Поселенія, составлявшія Черемшанскую волость въ 1710 г. были,—на правой стор. Большаго Черемшана села: Никольское-Черемшанъ и Рождественское—Сосновка; по лѣвой ст. р. находились села: Богородское—Грязнуха, на рѣчкѣ Грязнухѣ и Архангельское — Городище, на р. Черемшанѣ и на рѣчкѣ Городищѣ; сверхъ того, къ волости принадлежала еще деревня Золотаревка. Тамъ же лл. 215 и 225.

ливается стремленіе стать землевладѣльцами въ здѣшнихъ мѣстахъ. Благодаря этому мы встрѣчаемся въ началѣ XVIII столѣтія съ немалымъ числомъ новыхъ владѣтелей, которыхъ владѣнія попадаются не только на Самарской лукѣ, но и гораздо южнѣе, въ разныхъ мѣстностяхъ низоваго Поволжья; земли ихъ, не смотря на сравнительно небольшой промежутокъ времени, являются уже заселенными деревнями, о которыхъ свидѣтельствуютъ и акты начала XVIII столѣтія, и иностранный путешественникъ того времени, проѣзжавшій по Волгѣ[1]).

По всей вѣроятности, тоже усиленное желаніе пользоваться природными богатствами низоваго Поволжья побуждало еще въ концѣ XVII вѣка крупныхъ землевладѣльцевъ нагорной части не оставлять безъ вниманія луговой стороны Поволжья — мѣстъ, ближайшихъ къ тѣмъ, которыми владѣтели пользовались или намѣрены были воспользоваться въ нагорной сторонѣ. Вслѣдствіе этого къ селамъ: Архангельскому, Малыковкѣ и Терсѣ «по крѣпостямъ написаны земли и угодья на луговой сторонѣ», простиравшіяся на значительное число верстъ[2]). Болѣе мелкіе владѣтели тоже съ своей стороны не упускали

---

[1]) Такъ, по межевой книгѣ 1710 г. на югѣ Самарской луки находились: земли служилаго человѣка Алексѣя Никитича Кольцова (деревня Кольцовка?); село Городище-Костычи, принадлежавшее Московскому Вознесенскому дѣвичьему монастырю; ниже была слободка служилаго Москвича Семена Константинова Димитріева; кромѣ того, въ здѣшнихъ мѣстахъ упоминаются «дачи боярина Ѳедора Алексѣевича Головина». Въ межахъ съ селами Архангельскимъ, Малыковкою и Сергіевскимъ—Воскресенскимъ упоминаются: инородческая деревня Колмантая и деревня Алексѣевская «князя Сергія, князь Борисова сына Голицына» (князь Борисъ Голицынъ въ концѣ XVII ст. былъ начальникомъ Приказа Казанскаго дворца). Кромѣ того, Де Бруинъ въ своемъ путешествіи говоритъ, что ниже «села, лежавшаго въ 60 верстахъ отъ Кашпира (не Архангельское-ли?)... часъ спустя мы увидѣли еще *три селенія на берегу рѣки* (Волги), а съ лѣвой стороны достигли до р. Васильевой, насупротивъ которой виднѣлась *Новая деревня*, принадлежащая Ѳедору Алексѣевичу Головину». Арх. Мин. Юст. III отд меж. кн. за № 159. лл. 266, 362, 363, 382, 388. Путеш. Де Бруина. Чт Об. Ист. и Др. Рос. 1872, 3 кн. 175—176 сс.

[2]) Такъ, «по сказкѣ старожиловъ селъ Малыковки и Терсы» въ началѣ XVIII вѣка 1710 г.) монастырскія угодья на луговой сторонѣ въ концѣ XVII ст. были слѣдующія: «отъ рѣки Волги съ устья рѣка Тишеня до рѣчки

богатыхъ заливныхъ луговъ низовой стороны, лежавшихъ насупротивъ отведенныхъ имъ пашенныхъ и усадебныхъ земель, особенно, если тамошніе сѣнокосы были защищены теченіемъ рѣкъ и рѣчекъ. Такъ, мы знаемъ, что сѣнокосные луга по лѣвой сторонѣ Волги, противъ города Сызрана и по рѣчкѣ Тростянкѣ, въ концѣ XVII столѣтія отведены были служилымъ людямъ вышеупомянутаго города и уѣзда; кромѣ того, въ этихъ же и сосѣднихъ мѣстахъ Низовья сѣнными покосами владѣли Кашпирскіе солдаты и нѣкоторые служилые люди, получившіе земли на югѣ Самарской луки, по сосѣдству съ Сызранскими и Кашпирскими солдатами; всѣ они получили сѣнокосы на луговой сторонѣ Волги, въ промежутокъ времени отъ конца восьмидесятыхъ и до первыхъ годовъ XVIII вѣка включительно[1]). Даже въ такой мѣстности низоваго Поволжья, какъ Камышинъ, служилымъ людямъ, водвореннымъ въ городѣ въ началѣ XVIII столѣтія, отведены были, по ихъ желанію, угодья съ сѣнными покосами на луговой сторонѣ Волги[2]). Подобное усиленное стремленіе въ концѣ XVII и въ первыхъ годахъ XVIII вѣковъ къ завладѣнію выгодными мѣстами на луговой сторонѣ Волги, кромѣ тамошнихъ природныхъ богатствъ, могло обусловливаться и нѣкоторымъ спокойствіемъ, которое наступило, на короткое время, со стороны кочевыхъ обывателей степи, не тревожившихъ особенно своими набѣгами окраиннаго населенія. Впрочемъ и въ это время болѣе предусмотрительные изъ мѣстныхъ жителей не предавались илюзіямъ, а, вступая въ до-

---

Вертубы, до вершины съ 20 верстъ, а отъ Вертубы до Иргизскихъ вершинъ до россошей 40 верстъ, а отъ россошей степью до р. Сазанлей съ 10 верстъ, а отъ Сазанлей до рѣчки Канины Тубы съ 20 верстъ, а рѣкою Каниною Тубою до Волги р. съ 10 верстъ». Арх. Мин. Юст. III отд. меж. кн. № 159 лл. 264—265.

[1]) Тамъ же лл. 363, 365, 378, 379, 382, 384, 388.

[2]) Угодья и сѣнокосы служилымъ людямъ въ г. Камышинѣ (Дмитріевскѣ) отведены были въ 1707 дьякомъ Макаромъ Полянскимъ, присланнымъ для этого изъ приказа Казанскаго дворца; земли эти между прочимъ захватывали на луговой сторонѣ Волги «рѣку Еруслань съ вершинами ее, а отъ устья оной... на низъ по Волгѣ займище и острова»—Дубовскій, Камышенскій и Шишкинскій. Арх. Мин. Юст. III отд. Дѣла Сарат. у. Вязка 61, № 2300.

говоры съ владѣтелями угодій по лѣвой сторонѣ Волги, старались обезпечить свои интересы на случай вторженія кочевниковъ и ихъ разореній[1]). Но само собою понятно, что отсутствіе въ теченіе извѣстнаго времени губительныхъ вторженій кочевниковъ если и способно было усилить стремленіе землевладѣльцевъ нагорной стороны пользоваться природными богатствами луговой, то все же оно не могло изгладить общаго впечатлѣнія, оставшагося отъ предшествовавшихъ вторженій, не могло при постоянномъ сосѣдствѣ со степью, быстро видоизмѣнить положеніе низоваго Поволжья. И въ самомъ дѣлѣ, иностранный путешественникъ начала XVIII столѣтія, проѣзжая Волгу около Сызрани, заноситъ на страницы своего сочиненія, что «Калмыцкіе татары дѣлаютъ набѣги изъ этихъ мѣстъ вплоть до Казани и захватываютъ все, что могутъ или съумѣютъ, людей, скотъ и проч. и проч.»[2]). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ вовсе не упоминаетъ здѣсь о другихъ врагахъ окраиннаго населенія въ низовомъ Поволжьѣ, о Башкирцахъ и Кубанскихъ татарахъ, которые дѣйствовали въ здѣшнихъ мѣстахъ не хуже Калмыковъ. Дѣйствительно, въ 1708 году Башкирцы вторглись въ Прикамскія земли и на правой сторонѣ р. Камы напали на извѣстное намъ село Сокольи горы, принадлежавшее Донскому монастырю,—«село разорили и церковь сожгли и многихъ крестьянъ побили»; это разореніе было до такой степени сильное, что, по словамъ грамоты монастырской, «изъ Донскаго монастыря въ ту вотчину отъ того разоренія долговременно никого не посылали»[3]). Понятно, если Башкирцы такъ хозяйничали на правой сторонѣ Камы, на земляхъ защищен-

---

[1]) Такъ, крестьянинъ Самарской луки села Ширяева Буерака, снявши въ началѣ XVIII стол. у Мордвы деревни Бахиловой, принадлежавшіе имъ луга на лѣвой сторонѣ Волги, противъ луки, обязывается платить имъ за нихъ въ такомъ лишь случаѣ, если не будетъ разоренія отъ Башкирцевъ; въ противномъ же случаѣ онъ не долженъ вносить денегъ за луга. Ар. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159 лл. 338—339.

[2]) Путеш. Корнил. Де Бруина, 175 с.

[3]) Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Каз. у. грам. за № 6687.

ныхъ укрѣпленіями Закамской черты и глубокими водами р. Камы, то въ мѣстахъ, лишенныхъ защиты, населеніе луговой стороны было совершенно предоставлено ихъ нападеніямъ, что не могло не возбуждать въ немъ нѣкотораго страха. Но вслѣдствіе возобновившихся нападеній Башкирцевъ страдали не только постоянные жители луговой стороны, а также и люди нагорной стороны, пользовавшіеся тамъ угодьями; такъ, мы знаемъ, что крестьяне сѣверной полосы Самарской луки въ 1710 и въ 1711 годахъ на лугахъ лѣвой стороны не могли косить сѣна, потому что, по ихъ словамъ, «имъ на тѣхъ сѣнныхъ покосахъ въ те годы было разореніе отъ приходу Башкирцевъ, и (они) сѣна за тѣмъ разорѣніемъ не кашивали», въ то время какъ прежде эти-же крестьяне «на тѣхъ лугахъ кашивали стоговъ по 40 и больше»[1]). Если населеніе страдало отъ Башкирскихъ разореній въ области между р. р. Самарой и Камой, то земли луговой стороны, простиравшіяся южнѣе луки, въ продолженіе первой четверти XVIII столѣтія были вполнѣ во власти Калмыковъ, которыхъ посѣщали здѣсь наѣздомъ лишь ихъ сотоварищи по нападеніямъ на русскія окраины — Башкирцы. Область, орошаемая рѣками Большимъ и Малымъ Иргизами, была мѣстомъ, гдѣ, кажется, они по временамъ встрѣчались и вмѣстѣ кочевали. Понятно, что безопасность сосѣднихъ мѣстъ нагорной стороны отъ совмѣстнаго ихъ пребыванія въ здѣшнихъ мѣстахъ не могла увеличиться. Такъ, въ 1710 году крестьяне—старожилы монастырскихъ поселеній на правой сторонѣ Волги (Малыковки и Терсы), свидѣтельствуютъ предъ правительствомъ, что земли и угодья, отведенныя ихъ монастырю въ концѣ XVII ст. на лѣвой сторонѣ Волги, остались не мѣряны и не межеваны, потому что «межевать той земли и съ вервью идти и столбовъ ставить и ямъ копать и на деревьяхъ грани насѣкать невозможно, для того по Иргизу и по степи Калмыки и Башкирцы кочуютъ зимовьями, и затѣмъ ихъ кочевьемъ и они (крестьяне) тою землею не владѣютъ; а опричъ татарскихъ кочевей на той луговой сторонѣ

[1]) Арх. Мин. Юст. III отд. Меж. кн. за № 159 лл. 338—339.

русскихъ людей жилья ничьего нѣтъ». Въ другой разъ тѣже старожилы и понятые, говоря объ этомъ же, высказываютъ, что «тѣхъ земель за Волгою на луговой сторонѣ межевать не возможно, для того: живутъ въ той ихъ (т. е. отведенной ихнему монастырю) округѣ по рѣкѣ Иргизу Калмыки и Башкирцы воровскими кочевьями, и зимуютъ и за зверьми ходятъ *и ихъ колютъ и грабятъ*, и отъ того ихъ воровства они на луговой сторонѣ пашни не пашутъ и сѣнъ не косятъ; а въ округу де *той земли дикая порозжая степь, а жилья ничьего нѣтъ*»; въ заключеніе крестьяне прибавляютъ: «будетъ они сказали ложно и великій государь указалъ бы за то учинить имъ смертную казнь»[1]).

На страницахъ настоящаго изслѣдованія не разъ говорилось, что положеніе осѣдлаго населенія правой, нагорной стороны Поволжья, относительно кочеваго непріятеля, жившаго въ степяхъ, было много выгоднѣе, чѣмъ положеніе населенія лѣвой, луговой стороны; этими выгодами отчасти и обусловливается болѣе успѣшное заселеніе нагорной части Поволжья сравнительно съ луговою. Но этими преимуществами правой стороны не слѣдуетъ особенно увлекаться, потому что они, въ свою очередь, были лишь относительны; въ этомъ можно убѣдиться между прочимъ изъ факта, приводимаго образованнымъ современникомъ Кириловымъ, который былъ хорошо знакомъ съ условіями жизни Россіи первой четверти XVIII столѣтія. Кириловъ говоритъ, что до 1720 года[2]) *жители «при городахъ Царыцинѣ и Саратовѣ ничего сѣять въ поляхъ и степяхъ не смѣли, за опасеніемъ внезапныхъ приходовъ» Кубанской орды*, проживавшей въ южныхъ мѣстахъ, которая «чинила всякія озлобленія россійскому народу, живущему въ низовыхъ мѣстахъ, — брали людей въ полонъ и скотъ отгоняли»[3]). Такимъ образомъ, лишь построеніемъ со

[1]) Тамъ же лл. 217, 264—265.

[2]) Въ этомъ году окончена была построеніемъ новая укрѣпленная линія — Царицынская.

[3]) Отъ 1718—1720 гг. произведена была, по приказу Петра Великаго. постройка укрѣпленной черты или линіи между Царицынымъ и Дономъ на

стороны Россіи новыхъ укрѣпленныхъ чертъ въ нагорной : луговой сторонахъ Поволжья, сооружаемыхъ съ большимъ тру домъ и значительными издержками въ продолженіи XVIII сто лѣтія, и воздвигаемыхъ каждый разъ южнѣе и южнѣе, отвоевалис отъ кочевниковъ земли въ низовомъ Поволжьѣ для земледѣческо культуры и государственной жизни русскаго общества [1]).

Переходя къ разсмотрѣнію того, какъ жилось въ низо вомъ Поволжьѣ крестьянину и служилому человѣку во второ половинѣ XVII вѣка, мы и теперь вынуждены, какъ в прошлый разъ, указать на скудость и отрывочность матеріала которымъ располагаемъ, и на невозможность вслѣдствіе этог отвѣчать обстоятельно на многіе вопросы, интересующіе совре меннаго изслѣдователя. Въ ряду вліятельныхъ событій второ половины описываемаго столѣтія прежде всего слѣдуетъ упо мянуть о моровомъ повѣтріи (чумѣ), которое посѣтило низо вое Поволжье и произвело здѣсь, какъ и въ большей части Россіи, страшное опустошеніе посреди всѣхъ классовъ населенія. Для засвидѣтельствованія губительныхъ послѣдствій, которыя произведены были чумою въ низовомъ Поволжьѣ, достаточно будетъ привести тотъ фактъ, что по описи половины XVII вѣка за Казанскимъ Преображенскимъ монастыремъ въ его вотчинахъ, расположенныхъ въ Казанскомъ уѣздѣ, числилось крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ 821; послѣ мороваго повѣтрія по тщательному изслѣдованію, произведенному правительствомъ въ 1662 году, оказалось «за монастыремъ въ

пространствѣ 60 верстъ; на всемъ этомъ пространствѣ была «сдѣлана линія, т. е., ровъ и по тому рву земляной валъ и 4 земляныя крѣпости (перечислены какія и въ какихъ мѣстахъ). Въ тѣхъ крѣпостяхъ и по всей линіи всегда бываютъ служилые люди для карауловъ и разъѣздовъ; а особливо въ лѣто присылаются командированныя отъ армейскихъ полковъ. «*Итако* за Божью помощью *Низовая Украйна отъ тѣхъ Кубанскихъ набѣговъ успокоена, и гдѣ было не токмо прежніе жилье, но и въ новыхъ пустыхъ мѣстахъ селитьба умножается*». «Цвѣтущее сост. Всерос. государства» И. Кирилова, II ч. 29—30 сс.

[1]) На луговой сторонѣ въ XVIII ст. сперва проведена была укрѣпленная линія по р. Соку, а впослѣдствіи по р. Самарѣ.

живущемъ крестьянскихъ и бобыльскихъ 434 двора»; при чемъ, кромѣ небольшаго количества бѣглыхъ и на службу взятыхъ (въ стрѣльцы) «пустыхъ выморочныхъ дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ» насчитано было 368 дворовъ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, по описи, произведенной монастырскимъ вотчинамъ въ 1662 году, изъ пятнадцати деревень, принадлежавшихъ монастырю въ Казанскомъ уѣздѣ, семь совершенно потеряли свое населеніе, — *стали пустошами* съ 15 и болѣе дворами, о которыхъ говорится, что «крестьяне тѣхъ дворовъ съ женами и съ дѣтьми въ моровое повѣтріе померли безъ остатка»; одинъ или два человѣка, изрѣдка уцѣлѣвшіе, уходили изъ роднаго поселка со своими семьями «въ иные села и деревни (того монастыря, гдѣ сохранилось больше населенія) для малолюдства» [2]). Но не смотря на страшный ураганъ, пронесшійся надъ низовымъ Поволжьемъ, который унесъ массу людей изъ среды трудоваго и подростающаго поколѣнія, хозяйственное положеніе оставшихся въ живыхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ чрезъ десять лѣтъ было уже довольно порядочное. Объ этомъ мы можемъ составить себѣ понятіе по имущественному состоянію тѣхъ крестьянъ, которые взяты были по жребью изъ семей средней зажиточности («средніе статьи») съ дворцовыхъ поселеній нѣскольнихъ уѣздовъ луговой и нагорной сторонъ

---

[1]) Разслѣдованіе о количествѣ крестьян. и бобыльск. дворовъ въ вотчинахъ Преображенскаго мон., произведено было по повелѣнію правительства на мѣстѣ, ибо власти монастыря жаловались въ Москвѣ, что съ монастыря берутъ поборы (полоняничные, задаточныхъ и проч.) за многіе пустые дворы. Вслѣдствіе чего присланы были переписныя книги и сдѣланъ былъ «обыскъ» на мѣстѣ; при этомъ говорится что «въ обыскѣхъ всякихъ чиновъ людей 670 челов. сказали: Преображенскаго мон. въ вотчинахъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ крестьяне и бобыли въ моровое повѣтріе померли многіе, и въ деревняхъ (перечислены 4 дер.) и въ иныхъ деревняхъ *крестьяне вымерли безъ остатку*». Ар. М. Ю. 1-ое отд. Собр. грам. Преобр. мон. тетр. за № 6429 грам. 1667 г. декаб. м.

[2]) Быть можетъ, не будетъ лишнимъ упомянуть, что почти всѣ монастырскія деревни, запустѣвшія отъ морового повѣтрія, были расположены (судя по прежнимъ описямъ) «на болотѣ», «на озерѣ» или же «на рѣкѣ» Тамъ же, тетр. за № 6553, лл. 44—123.

низоваго Поволжья. Довольно порядочнымъ экономическое состояніе упомянутыхъ крестьянъ является въ нашихъ глазахъ потому, что опись ихъ имущества произведена была не раньше второй половины марта мѣсяца, — слѣдовательно въ то время, когда запасы въ крестьянскихъ хозяйствахъ за осеннее и зимнее время должны были значительно истощиться. Обозрѣвая въ частности хозяйственное состояніе дворцовыхъ крестьянъ, взятыхъ для Полоцкой шляхты съ низоваго Поволжья, мы видимъ, что сравнительно большею зажиточностью въ скотинѣ и хлѣбѣ обладаетъ населеніе Теньковской волости въ Свіяжскомъ уѣздѣ, которая лежала въ нагорной сторонѣ, пониже Казани; почти у всѣхъ крестьянъ этой волости въ хозяйственномъ инвентарѣ значится по двѣ коровы и по парѣ лошадей; кромѣ того у каждаго упоминается по 5 и болѣе овецъ и по нѣскольку свиней. Всякаго хлѣба, въ зернѣ и посѣяннаго, крестьяне часто насчитываютъ у себя осьминами и четвертями, что въ другихъ мѣстностяхъ встрѣчается гораздо рѣже. Благопріятная мѣстность, на которой расположена была Теньковская волость, простиравшаяся по самой Волгѣ, находившаяся недалеко отъ такого люднаго и торговаго центра какъ Казань, вѣроятно, не мало способствовала населенію волости достигнуть такого благосостоянія[1]). Крестьяне дворцовыхъ селъ и деревень иныхъ мѣстностей, хотя въ зажиточности и уступали нѣсколько крестьянамъ Теньковской волости, — но и ихъ хозяйственное состояніе нельзя не признать достаточнымъ; такъ, у большинства крестьянъ Царевококшайскаго уѣзда число скотины въ ихъ экономіяхъ не уступаетъ Теньковскимъ; у остальныхъ въ ихъ хозяйствахъ при одной коровѣ обыкновенно встрѣчается пара лошадей. Въ Кукарской слободѣ съ поселеніями, къ ней примыкавшими, большинство крестьянъ въ ихъ хозяйствахъ насчитываетъ либо по 2 коровы съ лошадью, либо по парѣ лошадей съ коровою, при чемъ число овецъ не рѣдко превосходитъ собою ихъ ко-

---

[1]) Всѣ поселки, тянувшіе къ Тенкамъ, какъ Ключищи, Шеланга Матюшкино, Ташевка — лежатъ на р. Волгѣ и ближе къ Казани, чѣмъ Тенки.

личество въ экономіяхъ предыдущихъ крестьянъ; точно тоже слѣдуетъ сказать относительно хлѣба въ зернѣ и посѣяннаго,— по крайней мѣрѣ, сравнительно съ крестьянами Царевококшайскаго уѣзда. По всей вѣроятности, крестьянинъ здѣшней полосы, не обладавшей, какъ извѣстно, плодородною почвою, умѣлъ вознаградить себя богатыми промыслами въ обширныхъ лѣсахъ и довольно значительныхъ рѣкахъ, которыя по прежнему предоставлялись правительствомъ въ его распоряженіе. Менѣе другихъ поселенцевъ дворцовыхъ волостей зажиточны крестьяне Анатошской волости на р. Камѣ; но и они не столько уступаютъ своей братьѣ въ озимыхъ посѣвахъ или въ хлѣбныхъ запасахъ, сколько въ количествѣ скотины, находившейся въ ихъ распоряженіи: почти у всѣхъ крестьянъ волости было лишь по лошади и по коровѣ. Впрочемъ, послѣдняя особенность врядъ ли можетъ удивлять насъ, ибо мы знаемъ мѣстоположеніе, занимаемое этою волостью, и разоренія, которыя въ началѣ XVII вѣка поселенцамъ волости приходилось испытывать отъ сосѣдства со степью и ея обитателей, отъ которыхъ они и во второй половинѣ этого столѣтія не могли быть совершенно безопасны, ибо намъ извѣстно, что и въ началѣ XVIII столѣтія монастырскія поселенія въ низовьяхъ Камы страдали отъ кочевыхъ обитателей степи.

Но возраставшія государственныя потребности въ связи съ продолжительною и утомительною войною, которую при Алексѣѣ Михайловичѣ вело русское государство, не могло не отразиться на экономическомъ состояніи общества, какъ внутри Россіи, такъ и въ Поволжьѣ[1]). Къ этой общей причинѣ въ

---

[1]) Такъ, съ Казанскаго Преображенскаго монастыря, за которымъ, какъ намъ извѣстно, въ его вотчинахъ въ полов. XVII ст. числилось 821 дворъ, начиная съ 1650 года по 1665 годъ съ 821 двора бралось ежегодно «полоненникомъ на окупъ по 8 денегъ съ двора на годъ, — всего 525 руб. 14 алтынъ 4 деньги. Кромѣ того, по госуд. указу съ монастырскихъ вотчинъ взято въ 1664 г. въ Казань «въ стрѣльцы на вѣчное житье крестьянъ съ женами и дѣтьми и съ животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченнымъ — 82 семьи». *Въ 1657 и слѣдующемъ году* съ монастыря взято было съ 477 дворовъ «*за даточныхъ конныхъ по 13 алт по 3 ден. съ двора на годъ*,—и того

концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ надъ низовымъ Поволжьемъ разразилось свое собственное несчастье,— Разинскій бунтъ, охватившій всё низовое пространство отъ Астрахани до Нижняго, сопровождавшійся огромною потерею людей и ихъ совершеннымъ разореніемъ. Къ этому, такъ сказать, временному соціальному недугу низового Поволжья присоединяется другой, представляющій собою его исконную хроническую болѣзнь — нападенія кочевниковъ изъ Приволжскихъ и Прикамскихъ степей. Невозможно исчислить тѣхъ потерь, которыя наносились хозяйству трудоваго окраиннаго населенія въ Поволжьѣ вторженіемъ кочевыхъ обывателей степи, — не говоря о физическихъ и нравственныхъ страданіяхъ людей, оставшихся въ живыхъ послѣ такихъ разореній[1]). Вслѣдствіе этого не легко жилось русскому крестьянину, служилому человѣку и инородцу въ низовомъ Поволжьѣ во второй половинѣ XVII столѣтія. Старыя тягости увеличились, къ нимъ присоединяются новые поборы и налоги, которые отъ времени до времени тоже прогрессируютъ; между тѣмъ войны, веденныя русскимъ правительствомъ по смерти царя Алексѣя Михайловича, и расходы по сооруженію флота въ концѣ вѣка не способны были уменьшить тягостей, лежавшихъ на подданныхъ, а скорѣе могли ихъ увеличить. Къ этому въ девяностыхъ годахъ присоединяется спеціальное сооруженіе, предпринятое въ низовомъ Поволжьѣ, для соединенія р. Волги съ р. Дономъ каналомъ у рѣчки Камышенки; для здѣшнихъ работъ люди снаряжались главнымъ образомъ изъ низовыхъ странъ. Слѣдуетъ прибавить, что мѣстами въ низовомъ Поволжьѣ естественныя богатства, заключавшіяся въ землѣ, нетронутой пахотою, во множествѣ дѣвственныхъ лѣсовъ съ пушными въ

---

190 р. 26 алт. 4 д.; *а на 1659 годъ по 26 алт. по 4 ден. съ двора*, — И того 381 р. 20 алт.; *а на 1661 и на 1662 по рублю съ двора на годъ*, — и того 954 р. Арх. Мин. Юст. 1-ое отд. Казан. у. Собран. грам. Преображ. мон. кн. за № 6429, грам. 1667 г. декабрь м.

[1]) Убійство родителей, братьевъ, дѣтей,—а также уводъ ихъ въ плѣнъ и продажа на рынкахъ европейскихъ и азіатскихъ.

нихъ звѣрями и бортями, теперь уже не представляли того, что на первыхъ порахъ, — слѣдовательно, не могли собой привлекать новыхъ насельниковъ такъ, какъ въ началѣ колонизаціи здѣшней страны. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ поселкахъ почти совершенно прекращается приливъ новыхъ колонистовъ[1]); въ иныхъ-же, если и замѣчается увеличеніе поселенцевъ сравнительно съ прошлымъ, то это является больше результатомъ естественнаго прироста населенія за извѣстный промежутокъ времени, чѣмъ слѣдствіемъ прибытія новыхъ[2]). Попадаются даже такія поселенія, которыя постепенно умаляются въ количествѣ своихъ обитателей, такъ что конецъ XVII вѣка застаетъ ихъ менѣе людными, чѣмъ каковыми они были въ началѣ столѣтія[3]).

Для того чтобы хоть нѣсколько освѣтить это явленіе, обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ условій, среди которыхъ приходилось въ то время жить крестьянину низоваго Поволжья. Какъ

---

[1]) Такъ, наприм., въ дворцовыхъ селахъ Казан. у.: въ селѣ Анатошѣ въ 1617 г. находилось 45 дв. крест. и 16 дв. бобыл.; въ 1676 г. въ селѣ было 50 двор., да еще впослѣд. оказались 6 двор. кр. въ селѣ, владѣтелей которыхъ въ моментъ описи не было въ селѣ «для того, что они, по ихъ словамъ, кормились работою» на сторонѣ; въ концѣ столѣтія въ селѣ находилось всего 62 дв. крест. Въ селѣ Воскресенскомъ въ 1617 г. было 20 двор. крест.; а въ концѣ столѣтія «сторонних и пришлыхъ» 20 двор., кромѣ пустыхъ. Тоже встрѣчается въ селѣ Беткахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. Каз. у. за № 153 лл. 1023—1089; Переп. кн. 7, №№ 137, 142. 144, 145.

[2]) Такъ, въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ и въ деревняхъ старинныхъ крестьянъ въ 1678 г. находилось 168 дв.,—а въ концѣ столѣтія ихъ оказалось 217; но въ поясненіе къ этому въ описи сказано: «и по нынѣшней перепискѣ явилось, которые отдѣлились отъ отцевъ дѣти и отъ братьи-братья и которые жили у сродичевъ своихъ сверхъ тѣхъ переписныхъ книгъ—55 дворовъ, да бобыльскихъ 7 дв. — всего 62 двора». Тамъ же переп. кн. 7, № 191.

[3]) Такъ, напр., въ дворцов. селѣ Казан. у. Сабуголь по описи 1600 года въ немъ было 23 дв. кр. и 3 дв. боб.; въ 1621 г. «въ живущихъ» находилось 36 двор. По описи 1678 въ немъ было 23 двора; а въ концѣ столѣтія «противъ тѣхъ переписныхъ книгъ въ томъ селѣ убыло 7 двор. крестьянскихъ, да прибылъ въ жилыхъ одинъ дворъ, — въ томъ прибыломъ дворѣ живетъ отдѣлясь послѣ переп. кн. 1678 г. братъ отъ брата». Тамъ же Писц. кн. № 153, лл. 1418—1422, 1505. Переп. кн. 7, № 140.

извѣстно, крестьяне жили общинами въ селахъ и деревняхъ. О щинная организація выражалась во владѣніи крестьянами з млею и угодьями и въ несеніи тягостей, налагаемыхъ на ни: правительствомъ, какъ землевладѣльцомъ; въ актахъ того вр мени объ послѣднемъ говорится прямо: «а сбираютъ те день (платимыя всею общиною правительству) они (крестьяне) меж собою по разверсткѣ»[1]). Влѣдствіе этого всѣ члены общин были заинтересованы, чтобъ число взрослыхъ рабочихъ единиц послѣ описи не уменьшалось въ общинѣ, а увеличивалось, п тому что при подобныхъ условіяхъ несеніе тягостей облегч лось для всѣхъ. Поэтому всякая община была рада новым колонистамъ, такъ какъ въ то время земель и угодій больше частью было достаточно, ибо самому правительству, какъ земл владѣльцу, было выгодно, чтобъ въ оборотѣ у общинъ был больше земли, съ которой они должны были въ такомъ сл чаѣ нести и больше тягостей. Новоприбывшій, являвшійся н новое мѣсто чаще всего съ легкимъ имущественнымъ багажемъ[2] обыкновенно либо выбиралъ себѣ отдѣльнаго вліятельнаго член въ общинѣ, у котораго становился сосѣдомъ или захребетни комъ, непосредственно помогая ему или чрезъ него всей об щинѣ нести часть тягостей[3]), либо прямо становился членом общины; при этомъ въ первые годы послѣ своего водворенія н мѣстѣ переселенцы показываютъ: одинъ—«онъ помогаетъ платит крестьяномъ тое деревни пустовые ясаки, а особаго ясаку н немъ нѣтъ», другой — «платитъ онъ ясакъ съ крестьяны то деревни, что въ которомъ году достанется, потому что на всѣх крестьянехъ той деревни» лежитъ столько то ясаковъ; наконец иные свидѣтельствуютъ предъ правительственнымъ лицомъ, чт

---

[1]) Арх. М. Юст. Казань, переп. кн. 7, № 151.

[2]) Такъ, въ концѣ девяностыхъ годовъ о трехъ пришлыхъ дворах въ деревнѣ Задніе Атары, Казан. у. говорится «тягла на нихъ своего з скудостью нѣтъ, а помагаютъ въ тяглѣ той деревни крестьяномъ». Тамъ ж № 137.

[3]) Такъ, въ деревнѣ Соколовкѣ на р. Камѣ нѣсколько новыхъ пер селенцевъ помогаютъ основателю деревни крестьянину Алексѣю Чертишев

«тое деревни, крестьяне емлютъ съ него» столько то[1]). Такъ разрѣшался этотъ вопросъ русскою жизнью къ обоюдной выгодѣ участниковъ. Въ подобномъ состояніи была община при отсутствіи сторонняго вмѣшательства въ отправленіяхъ ея жизни до новой описи, во время которой обыкновенно производилась ревизія отдѣльнымъ ея членамъ, ихъ семьямъ и платежнымъ способностямъ. Но бывали случаи, нарушавшіе обычное теченіе общинной жизни, производившіе разстройство въ отдѣльныхъ хозяйствахъ ея членовъ, тѣмъ болѣе чувствительное для нихъ, что они происходили совершенно неожиданно. Такъ, намъ извѣстно, что съ дворцовыхъ земель нѣскольких уѣздовъ въ низовомъ Поволжьѣ взяты были крестьяне съ ихъ семьями и имуществомъ для Полоцкой шляхты, водворенной на рр. Уткѣ и Майнѣ; мы видѣли также, что болѣе зажиточныя общины Свіяжскаго уѣзда (Теньковская волость) выразили протестъ противъ образа дѣйствій своего землевладѣльца, которымъ въ этомъ случаѣ оказалось само правительство. Столь же неожиданное событіе, въ другомъ только родѣ, въ обыденной жизни крестьянскихъ общинъ Низоваго Поволжья произошло чрезъ десять лѣтъ. Въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка понадобились для правительства «рыбные ловцы бѣлодворцы»,—вслѣдствіе чего приказано было мѣстному служилому человѣку[2]) «ѣхать въ Казанскіе пригороды: въ Тетюши, въ Лаишевъ, да въ дворцовые села (перечислены)[3]), а пріѣхавъ взять у крестьянъ сказки за руками, кто въ прошлыхъ годахъ имянно крестьяне на обиходъ великаго государя въ подрядѣ и у промышленниковъ и про себя плавною и иною какою ловлею рыбу ловили.... и которымъ за обычна та рыбная ловля, выбрать лучшихъ людей и пожиточныхъ въ рыбные ловцы, въ бѣлодворцы, а скудныхъ

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Казань, отказ. стар. лѣтъ съ городами кн. 13, № дѣла 13.

[2]) Михаилу Ивановичу Баракову.

[3]) Въ село Толминское, въ Рыбную слободу (въ какую? ихъ было нѣсколько на р. Камѣ), въ село Елабугу, въ село Чалны, да въ починки Савинскіе Аристова, въ деревню Кривушу и въ починокъ Мельничной.

не выбирать..... перевести (ихъ) съ женами и съ дѣтьми въ Рыбную слободу, и отвести имъ подъ дворы мѣста, *а на тяглые ихъ жеребьи, съ которыхъ жеребьевъ тѣ ловцы взяты будутъ, поселить отъ семей изъ остальныхъ крестьянъ, отдѣля отъ семей, смотря по тамошнему дѣлу и по семьямъ»*[1]). Такимъ образомъ, оставшіеся на мѣстѣ члены общины обязаны были нести тягости, которыя правительствомъ наложены были прежде на общину соотвѣтственно бо̀льшему числу ея наличныхъ членовъ, что долженствовало быть непріятнымъ сюрпризомъ для оставшихся на мѣстѣ общинниковъ, — главнымъ образомъ для болѣе семьянистыхъ, зажиточныхъ и вліятельныхъ членовъ, на которыхъ эти тягости при разверсткѣ должны были лечь. Въ послѣднемъ случаѣ, благодаря, быть можетъ, тому, что Рыбная слобода, куда переводились рыбные ловцы, лежала недалеко отъ мѣстъ, откуда они взяты были, а также и нѣкоторымъ другимъ условіямъ, въ общинахъ не обнаружилось непріязненнаго движенія. Между тѣмъ какъ подобный захватъ членовъ изъ Теньковской волости, при такой же раскладкѣ тягостей на оставшихся членахъ общины, вмѣстѣ съ тяжелою преспективою въ будущемъ для односельчанъ переселенцевъ, вызвало движеніе среди мѣстныхъ общинъ, которое въ наше время иные администраторы были бы не прочь озаглавить эпитетомъ крестьянскаго бунта, для прекращенія котораго не преминули бы вызвать военную команду. Къ счастію того времени, болѣвшаго, правда, иными общественными недугами, русская жизнь не обладала подобными администраторами, и движеніе крестьянскихъ общинъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ прошло безъ особаго шума и улеглось, вѣроятно, само собою. Но если отвѣтственность за тягости, лежавшія на общинахъ, находившихся въ завѣдываніи правительства, тяготѣла на всемъ крестьянскомъ обществѣ, которое поэтому заинтересовано было въ увеличеніи своего наличнаго состава новыми членами, — особенно, при введеніи новыхъ налоговъ и увеличеніи въ объ-

[1]) Тамъ же, № дѣла 9.

емѣ старыхъ, то переселяющимся крестьянамъ съ своей стороны было естественно сильнѣе интересоваться такими мѣстами, гдѣ было больше нетронутыхъ природныхъ богатствъ, гдѣ крестьянскія общины продолжали жить на льготномъ положеніи, — а такого рода земли во второй половинѣ XVII вѣка большею частью лежали уже за рѣкою Камою и за Сызранскою чертою, куда и стремится усиленно крестьянское населеніе не только внутренней Россіи, но изъ Прикамскихъ и другихъ окраинныхъ земель. Въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ было, правда, больше опасностей отъ обитателей сосѣдней степи, но и верхнія мѣста окраиннаго Поволжья, какъ и земли праваго берега Камы не были въ то время совершенно безопасны отъ тѣхъ же кочевниковъ; между тѣмъ естественныя богатства послѣднихъ земель за цѣлое столѣтіе могли во многомъ уменьшиться сравнительно съ болѣе низовыми странами, которыя вполнѣ сохраняли еще свой дѣвственный характеръ. Но если приливъ новыхъ насельниковъ въ крестьянскія общины, жившія въ верхнихъ частяхъ окраиннаго Поволжья сильно уменьшился вслѣдствіе умаленія тамъ природныхъ богатствъ, а тягости, лежавшія на общинахъ, сильно увеличились, то при подобныхъ обстоятельствахъ надо ждать пониженія крестьянскаго благосостоянія въ здѣшнихъ мѣстахъ, что и замѣтно на самомъ дѣлѣ уже въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія, — особенно же въ концѣ его. Яснымъ признакомъ пониженія крестьянскаго благосостоянія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можетъ служить то, что, при описи въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ селахъ и деревняхъ Казанскаго уѣзда по правой сторонѣ р. Камы встрѣчаются небольшія группы крестьянъ, которые не попали въ опись, хотя и были «старинные», ибо они въ то время, по ихъ словамъ «изъ того села (или деревни) ходили *отъ скудости* и кормились въ разныхъ мѣстахъ»[1]). Кромѣ того въ людныхъ селахъ къ

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Казань, переп. кн. 7, №№ 137, 142, 146. Такія показанія встрѣчаются въ дворцовыхъ селахъ Каз. у.: Анатошѣ, Воскресенскомъ, Ошнякѣ, Беткахъ, и въ нѣкот. деревняхъ.

концу семидесятыхъ и въ восьмидесятыхъ годахъ увеличивается контингентъ нищихъ, что можно замѣтить отчасти въ селахъ Елабугѣ и Сундырѣ[1]). Но если благосостояніе крестьянскихъ общинъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ описываемаго времени было не велико, то къ концу столѣтія, вслѣдствіе наложенія новыхъ тягостей на общины, оно должно было понизиться. Достаточно привести голый перечень окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, взимавшихся въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ съ дворцовыхъ крестьянскихъ общинъ въ низовомъ Поволжьѣ, чтобы ясно видѣть тяжелое положеніе крестьянъ того времени. Такъ, напримѣръ, крестьяне Анатошской волости[2]) обязаны были въ это время «платить по окладу въ Казани въ казну великаго государя на годъ: за лѣсъ низовыхъ отпусковъ[3]), за дрова[4]), за уголье[5]), за береговой лѣсъ, за лубье и за драницы, за шесты и за бабайки, за лыка и за мочала[6]);

---

[1]) Въ дворцов. с. Елабугѣ съ деревнями находилось въ 1678 г. болѣе 40 дворовъ, которыхъ хозяева «пашенными землями и сѣнными покосы не владѣютъ, кормятся христовымъ именемъ»; впрочемъ, не взирая на бѣдность, у нихъ въ то время еще былъ кое какой достатокъ, ибо сказано, что они «платили съ ними крестьяны всякихъ податей», причемъ въ частности говорится чего и сколько они вносили; такъ, напр., «сошнаго хлѣба—5 четвертей, за лѣсъ низовыхъ отпусковъ — 16 алт., за Ланшевскую десятину—5 четвертей, ямскихъ и полоняничныхъ 26 алт. 4 ден.» и пр. Въ селѣ Крутицкаго митрополита Сундырѣ съ деревнями на Волгѣ въ 1654 было: при 90 дворахъ крест., въ которыхъ проживало 235 человѣкъ, 49 двор. боб. со 102 челов., и 9 дворовъ нищихъ «людей въ нихъ 12 человѣкъ, бродятъ межъ дворовъ, питаются христовымъ именемъ». Въ томъ же селѣ съ деревнями въ 1685 г. значится 105 двор. крест. людей въ нихъ 424 челов., бобыльск. 49, людей въ нихъ 202 челов., нищихъ 9 дворовъ, людей въ нихъ 20 челов. «кормятся христовымъ именемъ». Такимъ образомъ, хотя дворы боб. и нищихъ остались прежніе въ числѣ, но взрослое населеніе дворовъ значительно увеличилось. Тамъ же № 151; Памят. кн. Казан. губ. 1866—67 г, 9—11 сс.

[2]) Волость означена «съ селы и съ деревнями», въ ней въ 1678 г. находилось 262 двора крест. и боб., а къ концу столѣтія «сверхъ переписныхъ книгъ прибыло 81 дворъ»,—слѣдоват. волость относительно населенія своего была въ сравнительно благопріятномъ положеніи.

[3]) «По 14 руб. по 29 алт. 2 ден.».

[4]) «По 24 руб. 25 алт.».

[5]) «По 5 р. 5 алт.».

[6]) «По 21 руб. 7 алт.».

и всего они платятъ тѣхъ окладныхъ доходовъ съ жилыхъ и съ умершихъ и бѣглыхъ и отдаточныхъ крестьянъ съ 178 безъ малой чети[2]); да онижъ всѣ вопче платятъ съ пустовыхъ съ пяти осьмухъ съ малою четью тѣхъ же вышеписанныхъ окладныхъ доходовъ[3]); да сверхъ тѣхъ окладныхъ доходовъ онижъ, крестьяне, платятъ по переписнымъ книгамъ 186 году (1678) съ рыбно слободскими крестьяны съ 288 дворовъ по окладу: ямскихъ и полоняпичныхъ денегъ по 10 денегъ съ двора[4]), да сошнаго стрелецкаго хлѣба въ Астрахани по полу осьмине съ получетверикомъ ржи, овса потомужъ съ двора. Да великого государя всякихъ издѣлей дѣлаютъ Апатошские жъ волости крестьяня съ селы и съ деревнями: на Казанскихъ подгородныхъ мелнницахъ всякіе починки по 20 человѣкъ; въ Рыбную слободу и на кружечной дворъ и въ таможню даютъ бурмистровъ по 3 человѣка, целовальниковъ по 3 человѣка, и за тѣхъ бурмистровъ всякіе великаго государя подати платятъ, издѣлья дѣлаютъ онижъ крестьяня; а целовальникамъ даютъ подмоги по 4 рубля на годъ, въ Рыбной же слободѣ на кружечномъ дворѣ и въ таможпѣ ставятъ караульщиковъ по 2 человѣка, на конскую площадку въ целовальники одного человѣка, подмоги ему даютъ по 2 руб. на годъ; да онижъ изъ Рыбные слободы гоняютъ по годы вверхъ Камою рѣкою до Елабуги, а на низъ до Лаишева безъ прогоновъ; въ селѣ Бетвахъ и въ селѣ Ошнякѣ велик. государя на двухъ мельницахъ всякіе вешніе и осенніе починки и лѣсъ к тому мельнишному строенію готовятъ и зимою дрова возятъ и целовальниковъ даютъ по 2 челов., а подмоги имъ даютъ по 4 руб. на годъ человѣку; да къ тѣмъ же мельницамъ даютъ по караульщику къ мельницѣ; а за тѣхъ мельнишныхъ целовальниковъ велик. государя всякіе издѣлья дѣлаютъ они крестьяня. Въ Анатошской волости къ приказнымъ людямъ даютъ двор-

[2]) «63 руб., 32 алт. 2 ден».
[3]) «2 руб. 4 алт. 4 ден.».
[4]) «Всего 13 руб. 3 алт. 2 ден.».

щиковъ[1]) по 2 человѣка, а подмоги имъ даютъ по 5 руб. на годъ. На Камышенку по нынешней 1701 годъ посылали работниковъ: пѣшихъ по 53 человѣка[2]), найму и подмоги имъ давали по 5 руб. человѣку, конныхъ по 5 человѣкъ[3]), найму имъ давали по 10 руб. человѣку. Великаго государя десятинные пашни пашутъ 175 десятинъ. Да они же къ лѣсной ронкѣ, которой лѣсъ ронятъ на Шмаковое дѣло (?), посылаютъ работниковъ по очереди по 2 человѣка, а подмоги имъ даютъ по 23 алт. по 2 ден. человѣку. Да въ нынѣшнемъ 1701 году послали въ Казань къ Шмакову дѣлу работниковъ пѣшихъ 28 челов., подмоги имъ дали по 5 руб. человѣку, да 6 челов. конныхъ, подмоги и найму имъ дали по 10. руб. человѣку»[4]). Такія же тягости лежали въ описываемое время на крестьянскихъ общинахъ дворцоваго вѣдомства въ иныхъ селахъ и деревняхъ низоваго Поволжья[5]). При подобныхъ тягостяхъ крестьянскимъ общинамъ въ Поволжьѣ жилось трудно; между тѣмъ, вслѣдствіе большихъ тягостей, которыя здѣсь ждали поселенца вскорѣ послѣ его водворенія, при умаленіи естественныхъ богатствъ, уменьшился сильно приливъ новыхъ насельниковъ въ здѣшнія мѣста. Поэтому нѣкоторые изъ Прикамскихъ крестьянъ, которымъ приходилось, вѣроятно, особенно тяжело на родинѣ, избывая тягостей, на нихъ лежавшихъ, уходятъ на свободныя окраинныя земли нижняго Поволжья, гдѣ на новыхъ мѣстахъ занимаютъ болѣе легкое и льготное положеніе относительно тягостей[6]). Но понятно, что оставшимся на мѣстѣ поселенцамъ становилось

[1]) Слово не вполнѣ разобрано, можетъ быть, денщиковъ?

[2]) Съ пяти дворовъ по одному пѣшему человѣку, какъ говорится объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

[3]) Съ 50 дворовъ по одному конному человѣку.

[4]) Арх. Мин. Юст. Казань. Переп. кн. 7, №№ 142 и 147.

[5]) Въ нѣкоторыхъ волостяхъ вмѣстѣ съ приведенными здѣсь встрѣчаются и новыя натуральныя повинности; такъ, напр., въ селѣ Воскресенскомъ съ деревнями крестьянская община обязана была поставлять: пучки луку, драницы, «каменью, опричь буту» и тому подобное.

[6]) Такъ, въ селѣ Кандалѣ встрѣчаемся съ выходцами изъ Прикамскаго села Чалны, которые на мѣстѣ у себя несли тягло съ полуасака, а въ Кандалѣ платили оброка по 3 съ половиною и по 4 алтына.

отъ этого еще тяжелѣе, и труднѣе было отбывать тягости, лежавшія на общинѣ. Вслѣдствіе чего уровень благосостоянія мѣстныхъ крестьянъ долженъ былъ понизиться, что не могло не отразиться ближайшимъ образомъ на членахъ общины, владѣвшихъ меньшею долею имущества. И дѣйствительно, если уже въ семидесятыхъ годахъ трудно жилось бѣдному крестьянину въ верхнихъ частяхъ окраиннаго Поволжья и онъ, ради лучшихъ заработковъ, уходилъ въ другія мѣста, если и тогда въ людныхъ общинахъ не мало встрѣчаемъ людей, числившихся въ разрядѣ крайне бѣдныхъ — нищихъ, все же подобные люди были въ состояніи еще каждый лично за себя и всѣ вмѣстѣ нести ту незначительную тягость, которая, сообразно ихъ хозяйственному положенію, налагалась на нихъ крестьянскою общиною, знавшею хорошо ихъ экономическое состояніе. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству крестьянъ села Елабуги съ деревнями, еще въ семидесятыхъ годахъ (1678 — 1679) «нищіе платили съ ними крестьяны всякихъ податей», которыя лежали на всѣхъ ихъ; между тѣмъ какъ въ 1701 году таже крестьянская община показываетъ, что за 43 двора нищихъ и нищенскихъ женъ они «платятъ миромъ»[1]). Въ другихъ общинахъ въ это время тоже нерѣдко попадаются отдѣльные члены и даже небольшія группы крестьянъ, о которыхъ или говорится, что крестьянинъ «тягла за скудостью не платитъ», или «а тягло для ево скудости платятъ того села крестьяны, или же «тягла на нихъ (крестьянахъ) своево за скудостью нѣтъ, а помогаютъ въ тяглѣ той деревни крестьяномъ»[2]). Вслѣдствіе тяжелаго положенія остающіеся на мѣстахъ крестьяне стремятся найти для себя новые источники доходовъ, помимо земледѣлія и сѣнокоса, которые мѣстами въ Поволжьѣ не представляютъ для нихъ преж-

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Каз. переп. кн. 7, № 151. Въ книгѣ указано, что въ частности платили всѣ дворы нищихъ въ 1678 по каждому отдѣлу тягостей. Тоже и въ селѣ Ошнякѣ — нищіе раньше платили за себя, а потомъ община; см. № 146.

[2]) Тамъ же №№ 137, 140, 141. Нѣкоторые изъ подобныхъ захудалыхъ крестьянъ отмѣчены, какъ «старинные».

нихъ выгодъ. Такъ, жители Свіяжскаго уѣзда села Нижній Услонъ и сосѣднихъ поселковъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ занимаются добычею извести въ горахъ, которую, по всей вѣроятности, съ выгодою для себя сбывали въ Казани и иныхъ ближайшихъ людныхъ пунктахъ. Въ деревнѣ Шуиковѣ Казанскаго уѣзда нѣкоторые крестьяне вмѣсто сѣнныхъ покосовъ кормятся, по ихъ показанію, кузнечнымъ и крашенинныиъ мастерствомъ. Въ другихъ мѣстахъ населеніе пользуется особыми свойствами мѣстной глины, изъ которой приготовляетъ посуду, отправляемую для выгоднѣйшаго сбыта въ отдаленную Астрахань[1]). Такимъ образомъ, тяжелыя соціальныя и экономическія условія населенія, вмѣстѣ съ истощеніемъ прежняго обилія природныхъ богатствъ въ краѣ, открывшихся, съ начала для поселенца побуждаютъ Поволжанъ внимательнѣе всматриваться въ окружающія ихъ условія, вслѣдствіе чего ихъ энергіи и труду открываются новыя поприща для плодотворной дѣятельности. Но если къ большимъ тягостямъ, лежавшимъ на дворцовыхъ крестьянахъ въ описываемое время, присоединялись нѣкоторыя неблагопріятныя случайности[2]), которымъ иногда подвергались Прикамскія земли, то положеніе несчастныхъ крестьянъ въ такомъ случаѣ становилось мѣстами невыносимымъ. Въ подобномъ состояніи очутилась между прочимъ въ концѣ столѣтія Челнинская крестьянская община. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ по описи въ селѣ Челнахъ находилось 143 крестьянскихъ двора, на которыхъ и расчитана была вся значительная сумма окладныхъ и неокладныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, о коихъ говорено было прежде. Между тѣмъ здѣшняя мѣстность вмѣстѣ съ селомъ подверглась, какъ мы уже знаемъ, въ 1682 году нападенію кочевниковъ, послѣ ухода которыхъ 35 дворовыхъ мѣстъ остались пустыми, незастроенными; о бывшихъ ихъ владѣтеляхъ въ концѣ столѣтія говорится «по сказкѣ бурмистра

---

[1]) Тамъ же № 115; «Путеш. Корнилія Де Бруина» 169 и 176 сс.

[2]) Вторженія кочевниковъ, пожары.

да земскаго старосты», что ихъ «измѣнники Башкирцы и Татара порубили и въ полонъ взяли съ женами и съ дѣтьми, а иные (крестьяне-обладатели дворовъ) отъ нихъ измѣнниковъ въ Камѣ рѣкѣ потонули съ женами и съ дѣтьми, а дворы ихъ (крестьянъ) выжгли» Башкирцы. Послѣ такого разгрома Чалнинскіе крестьяне съ разу очутились въ очень тяжеломъ положеніи: вѣроятно у весьма немногихъ изъ нихъ сохранились дворы послѣ посѣщенія Башкирцевъ; вмѣстѣ съ избами должна была погибнуть и большая часть крестьянскаго имущества. Слѣдовательно, послѣ ухода Башкирцевъ крестьянамъ нужно было обзаводиться дворомъ и хозяйствомъ, а тутъ, между тѣмъ, большія тягости и повинности, лежавшія на цѣлой общинѣ, — вслѣдствіе чего и раньше еще нѣкоторые крестьяне изъ среды Чалнинской общины взяты были «въ солдаты въ Чигиринскую службу»[1]; теперь же иные крестьяне снаряжены были «къ слюзному дѣлу на Камышенку», другіе отданы «въ крестьянство» Казанскому митрополиту и разнымъ помѣщикамъ[2]); многіе крестьяне послѣ подобнаго хозяйственнаго погрома, сопровождавшагося и нравственными потрясеніями, неизбѣжными въ такихъ случаяхъ, умерли вскорѣ послѣ этого[3]); нѣкоторые крестьяне въ преспективѣ тягостей, которыя послѣ Башкирскаго разоренія должны на нихъ обрушиться еще сильнѣе прежняго, не смогли остаться на мѣстѣ и разбѣжались. Какъ результатъ всего этого, въ Чалнахъ къ началу столѣтія «по досмотру» оказалось пустыхъ 82 двора и дворовыхъ мѣста. Но не смотря на значительное уменьшеніе крестьянской общины въ числѣ ея членовъ, она обязана была нести тягости и повинности за полное количество дворовъ, которые значились за ней по описи конца семидесятыхъ годовъ; вслѣдствіе этого Чалнинскіе крестьяне должны были ежегодно вносить: «сошнаго стрѣлецкаго хлѣба» съ 56 жилыхъ дворовъ

---

[1]) Таковыхъ были 5 крест. двор.

[2]) Однихъ и другихъ было болѣе 20 дворовъ крестьянскихъ.

[3]) Умершихъ дворовъ означено 15; о нѣкоторыхъ сказано «умерли съ женами и дѣтьми».

«19 четвертей съ осьминою и полъ-полъ четверикомъ ржи, овса тожъ», а за опустѣлые дворы: «30 четвер. съ осьминою ржи, овса тожъ»[1]); окладныхъ денежныхъ доходовъ они же платили: за жилые дворы 17 руб. 6 ден., а за опустѣлые 28 руб. 16 алт. съ денгою[2]). И вотъ въ результатѣ такого положенія общины въ началѣ XVIII столѣтія оказалось, что Чалнинскіе крестьяне «той вышеписанной стрѣлецкой хлѣбъ и всякіе денежные доходы за вышеписанныхъ крестьянъ съ пустыхъ дворовъ и мѣстъ (дворовыхъ) *платятъ они осталые крестьяня съ правежу*»,—платятъ, не взирая на то, что «по сказкѣ бурмистра и старосты земскаго съ товарыщи всѣхъ вышеписанныхъ крестьянъ (т. е., крестьянъ, послѣ коихъ остались пустые дворы и дворовыя мѣста) пашенными землями и сѣнными покосами никто не владѣетъ,—лежатъ въ пустѣ». Повинности Чалнинскіе крестьяне обязаны были отбывать точно также съ жилыхъ и съ пустовыхъ дворовъ[3]). Слѣдуетъ замѣтить, что тяжелое состояніе Чалнинской крестьянской общины было въ данное время явленіемъ вовсе не исключительнымъ,—дворцовые крестьяне въ нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ уѣзда

---

[1]) Хлѣбъ этотъ крестьяне сдавали «въ Астрахани въ Московскую восьмичетвериковую мѣру»; Елабужскіе крестьяне свидѣтельствовали предъ правительствомъ, что имъ провозъ въ Астрахань своего сошнаго стрѣлецкаго хлѣба 51 четв. ржи, овса тожъ обходился въ 33 рубля. Тамъ же № 151.

[2]) О деньгахъ сказано: «а сбираютъ тѣ деньги они (крестьяне) межъ собою по разверсткѣ».

[3]) Только повинности община несла не за 82, а за 104 пустовые двора что обусловливалось, вѣроятно, тѣмъ, что относительно повинностей къ Чалнамъ приписаны были еще нѣкоторыя сосѣднія поселенія,—по крайней мѣрѣ такъ было съ общиною Анатошской волости; въ повинностяхъ отношеніе жилыхъ къ пустовымъ было таково: «да съ нихъ же (т. е. съ Чалнин. крест.) въ прошломъ 1700 году взято было къ слюзному дѣлу на Камышенку въ работу съ жилыхъ съ 56 дв. пѣшихъ 11 челов., (съ 5 дв. одного), да съ лошадью 1 челов. (съ 50 дв.); да съ пустыхъ съ 104 дв. *доправлено* на нихъ: пѣшихъ 21 челов., съ лошад. 2 челов. А дали они тѣмъ работникомъ найму съ своихъ съ жилыхъ съ 56 дв. коннымъ и пѣш. работникамъ 68 р. съ полтиною, да съ пустыхъ со 104 дв кон. и пѣш. дано найму 131 руб. съ полтиною». Другіе повинности (къ Шмаковому дѣлу, къ лѣсной ронкѣ и т. д. см. выше) расчитаны были точно также, какъ и эти. Арх. Мин. Юст. Каз. переп. кн. 7, № 151.

находились въ подобномъ же положеніи. Это можно ясно видѣть изъ правительственнаго распоряженія начала XVIII вѣка (1701 г. март.) въ которомъ говорится: «великому государю учинилось вѣдомо, *что Казанскихъ волостей* всякіе его окладные доходы сбираются по окладу[1]) не сполна, и *многую доимку сбираютъ съ правежемъ*, для того, что изо многихъ дворцовыхъ селъ крестьяня разошлись въ Казанской же уѣздъ и въ пригороды, и поселились въ иныхъ селахъ и въ деревняхъ и живутъ въ захребетникахъ, а иные въ третчикахъ и въ половинщикахъ, покинувъ старые свои тягла; и съ тѣхъ покидныхъ тяглъ правятъ всякіе окладные доходы на остаточныхъ крестьянехъ, и отъ того имъ чинится разоренье и достаточные идутъ въ рознь; а въ кои села и въ деревни перешли въ новь и тѣ живутъ на льготѣ и великаго государя податей не платятъ»[2]).

Но если въ старыхъ окраинныхъ мѣстностяхъ Поволжья жилось трудно крестьянину, то бобылю здѣсь приходилось еще тяжелѣе. Крестьянинъ при нѣкоторомъ достаткѣ и при поддержкѣ со стороны крестьянской общины, хотя съ трудомъ, но всё же могъ реставрироваться послѣ случайности пожара или нашествія кочевниковъ, — между тѣмъ какъ бобыль такими случайностями низводился на степень нищаго, лишеннаго крова и всякаго имущества. Послѣ проведенія Закамской черты нѣкоторые изъ переселенцевъ въ надеждѣ, вѣроятно, на хорошую защиту, которую они во время опасности найдутъ за стѣнами остроговъ, построенныхъ на чертѣ, стали селиться подлѣ дворами и зажили тутъ въ качествѣ бобылей. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVII столѣтія число бобылей въ нѣкоторыхъ острожкахъ было уже порядочное[3]); впослѣдствіи, однако, очень

---

[1]) Т. е., какъ пояснено раньше, доходы сбирались по переписнымъ книгамъ 1678 года.

[2]) Тамъ же № 151.

[3]) Такъ, по описи въ Мензелинскѣ находилось 29 двор. боб.; въ Билярскѣ — 17 дв; въ другихъ острожкахъ число ихъ было меньше. Составъ бобылей, судя по такимъ прозвищамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ «Лаишевецъ», «Самара», «Верховецъ» — былъ сбродный.

многимъ бобылямъ пришлось раскаяться въ томъ, что они в
брали себѣ для поселенія здѣшнія мѣста. Надо сказать, ч
бобыли въ острожкахъ, повидимому, также составляли общи
которая отвѣчала предъ правительствомъ за тягости, лежавш
на ея членахъ[1]). Между тѣмъ у бобылей, по свидѣтельст
служилыхъ и посадскихъ людей, съ которыми тѣ жили въ о
трожкахъ, «пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ небывало
никакими торгами и промыслами не промышляли»,—кормили
же они, «черною работою». Вслѣдствіе своего подобнаго с
стоянія бобыли за вознагражденіе охотно подряжались къ кр
стьянскимъ и посадскимъ общинамъ, въ сосѣдствѣ которыхъ пр
живали, отправлять лежавшія на нихъ натуральныя повинност
Такъ, напримѣръ, встрѣчаемъ, что бобыли чаще всего посыл
лись «въ работу къ слюзному дѣлу на Камышенку», или же на
дились «у Шмаковова дѣла (?) въ кузнецахъ», получая за это пл
ту отъ той или иной общины. По всей вѣроятности, отправле
этихъ повинностей было не легкимъ дѣломъ, ибо нерѣдко п
падаются извѣстія, что одни бобыли умирали на такихъ раб
тахъ, а другіе съ нихъ убѣгали. Но и хорошо оплаченн
черную работу бобылю на мѣстѣ можно было достать лишь п
нѣкоторой зажиточности посадскихъ людей, крестьянъ или сл
жилаго сословія, — между тѣмъ, вторженія кочевниковъ и п
жары, о которыхъ нерѣдко встрѣчаемъ извѣстія въ актахъ то
времени, не могли способствовать такой зажиточности здѣ
няго населенія. Вслѣдствіе этого болѣе энергическіе бобыли
захребетники поспѣшили, съ разрѣшенія мѣстнаго начальст
перейти въ села и деревни сосѣдней Примайнской страны, гд
благодаря льготамъ и природнымъ богатствамъ тамошнихъ

[1]) Это можно видѣть изъ того, что, напр., въ пригородѣ Новошешми
скѣ по описи 1678 г. было всего 2 дв. боб., и когда владѣтель одного дв
въ началѣ девяностыхъ годовъ бѣжалъ съ женою и дѣтьми, то посвидѣте
ству оставшагося на мѣстѣ въ началѣ XVIII в. (1701) «и послѣ его М
кова побѣгу всякіе великаго государя подати доправили на немъ Иваш
сошной хлѣбъ, да за сало и за вятчину 10 алт.; за седла и за узду 7 а
2 ден.» Тамъ же № 151.

мель стали крестьянами, иногда довольно зажиточными[1]). Другіе бобыли, лишившись во время пожара или Башкирскаго вторженія своихъ дворовъ и имущества, уходятъ съ женами и дѣтьми въ иныя мѣста, можетъ быть, болѣе безопасныя отъ нападеній степняковъ, или же съ болѣе зажиточнымъ населеніемъ, гдѣ можно было достать выгодную «черную работу»; факты подобнаго бѣгства бобылей и отдѣльно и цѣлыми группами встрѣчаются здѣсь въ немаломъ количествѣ[2]). Что касается бобылей, оставшихся на мѣстѣ, то одни изъ нихъ, какъ мы уже сказали, находили себѣ за вознагражденіе отъ своихъ общинъ занятіе въ дали отъ своей осѣдлости, при чемъ иногда продавали свой дворъ и оставляли семью въ крайности; другіе, въ надеждѣ на лучшее будущее, продолжаютъ жить изъ года въ годъ, накопляя всё больше и больше недоимокъ, не смотря на сравнительно незначительный оброкъ, платимый лично бобылемъ; третьи, не имѣя ни кола ни двора, проживая въ сосѣдствѣ у посадскаго или служилаго человѣка, или же у своего брата бобыля, кормились случайно перепадавшею на ихъ долю черною работою; иные бобыли, не имѣвшіе двора и жившіе у родственника, отдаются имъ «въ крестьянство помѣщику»; о нѣкоторыхъ же бобыляхъ просто говорится, что они «кормятся христовымъ именемъ». При подобныхъ условіяхъ бобыльской жизни въ пригородахъ на Закамской чертѣ насъ не должно удивлять совершенное отсутствіе бобылей въ нѣко-

[1]) Такъ, мы знаемъ, что Тіинскіе бобыли были переведены «по ихъ челобитью жить на порожжую землю, гдѣ нынѣ ясачное село Кандала»; о двухъ Старошешминскихъ захребетникахъ также сказано, что они «живутъ въ ясакѣ въ деревнѣ Толкишѣ». Изъ города Симбирска тоже перешло не мало бобылей въ Примайнскія поселенія и стали здѣсь крестьянами. Тамъ же №№ 134, 151, 152.

[2]) Такъ, служилые люди въ Мензелинскѣ свидѣтельствовали предъ правительствомъ, что «Оска Мойсеевъ (бобыль) съ товарищи, пять человѣкъ, послѣ бунту измѣнниковъ Башкирцовъ 190 году съ женами и съ дѣтьми бѣжали; а гдѣ они нынѣ живутъ, и того они (свидѣтельствовавшіе) не знаютъ». Въ другихъ острожкахъ по показанію служилыхъ людей о цѣлыхъ групахъ женъ и дѣтей бобылей, а также и о нихъ самихъ говорится, что одни—послѣ убійства отцевъ и мужей, а другіе послѣ разоренія ихъ дворовъ «разбрелись въ рознь». Тамъ же №№ 135 и 151.

торыхъ острожкахъ на чертѣ въ началѣ XVIII столѣтія, хотя прежде число ихъ тамъ было довольно значительное; въ иныхъ же пригородахъ застаемъ въ это время одного или двухъ бобылей, причемъ нѣкоторые изъ этихъ немногихъ, возвращеные насильно изъ бѣгства, въ моментъ описи съ семьею «сидятъ въ приказной избѣ за карауломъ» за недоимки и долги, которые на нихъ накопились въ періодъ ихъ бобыльства въ пригородѣ[1]).

Изъ представленнаго очерка можно видѣть какъ тяжела была жизнь крестьянина и бобыля въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ въ верхнихъ частяхъ окраиннаго Поволжья на такъ называемыхъ государевыхъ земляхъ. Трудно предположить чтобъ крестьянамъ и бобылямъ на земляхъ частныхъ людей въ описываемое время жилось лучше. Изъ краткаго обзора предшествовавшаго времени, а также вслѣдствіе усиленія власти помѣщиковъ и вотчиниковъ послѣ прикрѣпленія крестьянъ, слѣдуетъ предполагать, что положеніе ихъ на частныхъ земляхъ должно было стать тяжелѣе. Слова Посошкова, крестьянина конца XVII и начала XVIII столѣтія, могутъ под-

[1]) Такъ о бобылѣ Тишкѣ Тихоновѣ, жившемъ въ Заинскѣ въ одномъ дворѣ съ братомъ и платившемъ оброку 6 алт. 4 ден. сказано, что онъ послѣ смерти своего брата въ 1701 году «посланъ къ слюзному дѣлу на Камышенку въ работу, а дворъ брата своего онъ Ивашко продалъ человѣку (изъ Казани), взялъ 20 алт., потому что ему Ивашку Тихонову поднятся къ слюзному дѣлу не чѣмъ; а дѣтей у него Ивашка не осталось, а жена его ныне кормится христовымъ именемъ». О Старошешминскомъ бобылѣ Сенкѣ Марковѣ, платившемъ оброку по полтинѣ на годъ и бѣжавшемъ за десять лѣтъ предъ этимъ, говорится «и въ нынѣшнемъ 1701 г. по извѣту пасынка его (имя и прозв) приведенъ съ женою въ Старошешминскъ по прежнему, и сидятъ въ приказной избѣ за карауломъ, *для того, что на немъ Сенке въ прошлые годы есть въ доимкѣ много его бобыльскаго оброку и всякіе подати*». Въ пригородѣ Заинскѣ было 5 бобылей, о которыхъ говорится «двора у него не было, жилъ въ сосѣдяхъ», — о всѣхъ о нихъ, а равно и о другихъ бобыляхъ, владѣвшихъ дворами въ иныхъ острожкахъ сказано, что они «*кормились христовымъ именемъ и черною работою*». Въ Мензелинскѣ въ 1678 г. находилось 29 двор. боб., а въ 1701 г. «на лицо никого не явилось»; въ Билярскѣ въ 1678 г, было 18 дв. боб., а въ нач. XVIII в. сказано: «а ныне тѣхъ бобылей не явилось»; въ Старошешминскѣ было 14 дв. боб., а сохранился только 1 дв. боб.; въ Заинскѣ было 8 дв. боб., а осталось лишь 2 дв. боб. Тамъ же №№ 135, 151.

крѣпить собою сказанное. Вотъ что говоритъ умный и наблюдательный Посошковъ, котораго трудно заподозрить въ недостаточномъ знакомствѣ съ бытомъ помѣщичьихъ крестьянъ начала XVIII вѣка, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ» въ главѣ, трактующей о крестьянствѣ: «сіе не весьма право зрится мнѣ,еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена, неудобь носимая, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ.... и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у инаго и козы не оставляютъ. *Отъ таковыя нужды* (помѣщичьи крестьяне) *домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ Понизовыя мѣста, иные же во Украинныя, а иные — и въ зарубежныя*[1]); *тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ*». Вслѣдствіе этого авторъ приходитъ къ заключенію о необходимости самодержавной власти, заинтересованной въ благосостояніи крестьянъ, «понеже крестьянское богатство — богатство царственное», прійти на помощь помѣщичьимъ крестьянамъ, опредѣливши на всегда закономъ «почему имъ (помѣщикамъ) съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и поколику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и иного какого сдѣлья дѣлать, чтобъ имъ (крестьянамъ) сносно было государеву

---

[1]) Между прочимъ на нѣкоторыхъ участкахъ Полоцкой шляхты, возлѣ р. Утки, на которыхъ они получили дворцовыхъ крестьянъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ 1690 году «тѣ крестьяне съ тѣхъ помѣстныхъ жеребьевъ (двухъ) въ бѣгахъ». Арх. Мин. Юст. Казань. Раздаточ. и отказныя кн. разныхъ годовъ XVII ст. № 6452, кн. 13, № дѣла 55.

подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды»[1]). Но чаяніямъ русскаго крестьянина начала XVIII столѣтія и его, повидимому, простымъ и яснымъ мыслямъ суждено было стать законодательнымъ достояніемъ не раньше конца XVIII и начала XIX вѣковъ. Намъ извѣстно уже, что одна изъ причинъ плохого хозяйственнаго состоянія прежнихъ помѣстій заключалась въ крайней ихъ дробимости, между тѣмъ за новый періодъ времени дробимость эта не уменьшилась, а, кажется, еще болѣе увеличилась. По крайней мѣрѣ, тотъ же Посошковъ, говоря о состояніи дворянскихъ помѣстій въ началѣ XVIII столѣтія, замѣчаетъ, что въ его время «*у одной пустоши бываютъ владѣльцовъ по* 10 *и гораздо больше*; и такая бездѣлица бываетъ, что иному владѣльцу достанется 10 четвертей, инымъ же четверти подвѣ-три, *а иному и по четверти и по осьминѣ и по четверику, и всякую пахотную полосу худу и добрую, всё паютъ*.... и въ тѣхъ дробныхъ дѣлахъ, кромѣ ссоры, да бѣды инаго нѣтъ ничего, и за ссорами многія общія земли и пустѣютъ и дернѣютъ и лѣсомъ поростаютъ»[2]).

Переходя отъ крестьянъ къ инородцамъ низоваго Поволжья во второй половинѣ XVII вѣка, можно замѣтить, что ихъ положеніе не лучше. Мы уже говорили прежде о притѣсненіяхъ, которыя дѣлались инородцамъ въ нѣкоторыхъ Поволжскихъ уѣздахъ при сборѣ съ нихъ податей и обращеніи ихъ въ христіанство, притѣсненіяхъ, вызывавшихъ бѣгство инородцевъ съ родныхъ мѣстъ цѣлыми деревнями. Сверхъ того, усиленное участіе инородцевъ низоваго Поволжья въ Разинскомъ бунтѣ, можетъ быть объяснено не исключительно силою въ нихъ противообщественныхъ инстиктовъ, а также вымогательствами и притѣсненіями, испытываемыми ими со стороны пред-

[1]) Сочинен. И. Посошкова, т. I. «Книга о скудости и богатствѣ» гл. VII, 182—183 сс.

[2]) Тамъ же гл. VIII, с. 191. Примѣры дробленія помѣстій на отдѣльныя части попадаются и между помѣщиками (Полоцкой шляхтою) низоваго Поволжья. Арх. Мин. Юст. Казань, отк. ст. л. кн. 13. № дѣла 55.

ставителей русскаго государства, стѣснявшихся въ своихъ предосудительныхъ отношеніяхъ къ инородцамъ менѣе, чѣмъ относительно русскихъ крестьянъ. Нами было высказано даже предположеніе, что не только воеводы, но и русскіе люди того времени глядѣли на инородца, человѣка другой вѣры и чуждаго языка, какъ на существо особаго рода, быть можетъ, низшаго порядка сравнительно съ нимъ, православнымъ человѣкомъ[1]). Послѣдующія событія свидѣтельствуютъ, что притѣсненія инородцевъ продолжаются попрежнему; такъ, мы узнаемъ, что подъячіе въ девяностыхъ годахъ XVII столѣтія брали, какъ съ отдѣльныхъ инородцевъ, такъ и съ цѣлыхъ инородческихъ общинъ, деньги въ счётъ тягостей, на нихъ лежавшихъ, не отдавая при этомъ «имъ отписей въ платежѣ тѣхъ денегъ», вслѣдствіе чего брали, по показанію инородцевъ, за одно и тоже по два раза въ годъ[2]). Сказанное можетъ служить доказательствомъ того, что нижеслѣдующія слова Посошкова имѣютъ силу не только относительно начала XVIII-го вѣка, но сохраняютъ значеніе и по отношенію ко второй половинѣ XVII столѣтія. Разсуждая о пользѣ обученія русской грамотѣ инородческой Мордвы Понизовья Посошковъ прибавляетъ, что для нихъ необходимо это сдѣлать «потому что къ нимъ (Мордвѣ) паче русскихъ деревень, пріѣзжая солдаты и приставы и подъячіи, овогда съ указомъ, *овогдаже и безъ указу, и чинятъ что хотятъ, потому что они* (инородцы) *люди безграмотные и беззаступные. И того ради всякій ихъ изобижаетъ, и чего въ указѣ никогда не бывало, того на нихъ спрашиваютъ и правежемъ правятъ*»[3]).

---

[1]) Не можетъ ли слѣдующій фактъ отчасти иллюстрировать это. Около половины XVII ст. (1647 г.) въ патріаршемъ селѣ Рождественскомъ, что на Самарской лукѣ, на монастырскомъ дворѣ среди работниковъ отмѣчены живущими вмѣстѣ съ ними «да Яицкіе казаки *дали вкладу* въ Преображенскій монастырь *дву татарченковъ* — Семейку, да Трошку, Осиповыхъ дѣтей». Арх. Мин. Юст. Писц кн. 30. Самар. у. л. 62.

[2]) Тамъ же, переп. кн. 7, № 152 лл. 248—250, 260.

[3]) Соч. Ив. Посошкова, I, 176 с.

Обращаясь, наконецъ, къ обозрѣнію состоянія во второй половинѣ XVII вѣка служилыхъ людей, испомѣщенныхъ правительствомъ въ разныхъ мѣстностяхъ низоваго Поволжья, — преимущественно подлѣ городовъ и острожковъ въ нагорной и луговой сторонахъ Волги, я полагаю остановиться особенно на тѣхъ изъ нихъ, которымъ пришлось перейти съ западной окраины на восточную — Поволжскую: на Смоленскихъ казакахъ и на Полоцкой шляхтѣ. Какъ однимъ, такъ и другимъ опасности и случайности пограничной военной службы должны были быть хорошо знакомы. Но, должно быть, тягости военной службы на восточной границѣ Польскаго государства, граничившаго съ Россіею, сравнительно съ трудностями службы на восточной окраинѣ Русскаго государства, стали ясными для болѣе интеллегентныхъ изъ нихъ, потому что огромное большинство Полоцкой шляхты отказалось, при условіяхъ окраинной жизни того времени, принимать на рр. Уткѣ и Майнѣ земли безъ крестьянъ, вслѣдствіе чего они и были водворены въ городѣ Казани и его пригородахъ. То состояніе, въ какомъ очутились Смоленскіе казаки, поселенные въ острожкахъ по Закамской чертѣ, въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ описываемаго столѣтія, убѣждаетъ насъ, что нельзя осуждать большинство Полоцкой шляхты за отказъ отъ Примайнскихъ земель въ то время. По первоначальному распоряженію властей, Смоленскіе казаки всѣхъ четырехъ знаменъ должны были получить земли около острожковъ по чертѣ, какъ и русскіе служилые люди. Но вскорѣ оказалось, что предположеніе центральной власти о изобиліи хорошихъ земель для пашни и угодій подлѣ острожковъ должно было отступить предъ дѣйствительностью. Земель, удобныхъ для пахоты, около нѣкоторыхъ острожковъ оказалось очень мало; большая же часть земель, простиравшихся около нихъ, въ это время была недоступна для земледѣлія, «потому что пришли лѣсы большіе и мѣста болотные». Вѣроятно, вслѣдствіе подобныхъ условій Смоленскимъ казакамъ четырехъ знаменъ, которые водворены были на Закамской чертѣ, вмѣсто земель выдавали денежное жалованье по три рубля

человѣку на годъ до 1674 года[1]); въ этомъ же году по указу государя и, должно быть, по согласію Смоленскихъ казаковъ, «имъ вмѣсто денежнаго государева жалованья даны пашенныя земли, и службы великаго государя велѣно имъ служить съ тѣхъ земель, а денежнаго жалованья имъ впредь давать невелѣно». Въ результатѣ пахотныя земли, отведенныя Смоленскимъ казакамъ, въ однихъ мѣстахъ оказались малыми,—въ другихъ онѣ соединены были съ нѣкоторыми очень существенными неудобствами для служилыхъ людей, живущихъ постоянно въ острожкахъ. Такъ, Смоленскимъ казакамъ краснаго знамени, которыхъ въ Новошешминскѣ находилось во время отвода 126 человѣкъ[2]), пашенной земли въ ближайшемъ полѣ отъ острога—«за валомъ, въ степную сторону по Шешмѣ рѣкѣ» отведено было «мѣрою по полудесятинѣ въ полѣ» на человѣка,—поясняя при этомъ, что «больши того въ томъ полѣ пахотныя земли нѣтъ, а прибавить негдѣ, потому что пришли лѣсы большіе и мѣста болотные». Пашни же для остальныхъ двухъ полей могли быть имъ отведены лишь «за валомъ, за Шешмою рѣкою въ степь, *за болотами вдаль отъ посаду*»[3]). Смоленскіе казаки бѣлаго знамени, находившіеся въ Тіинскѣ въ числѣ 134 человѣкъ[4]), испомѣщены были въ томъ же году (1674) землями вмѣсто денежнаго жалованья, и, должно быть, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ земли съ угодьями отведены были имъ «въ разныхъ мѣстахъ въ десяти и больши верстахъ отъ Тіинска», такъ что угодья ихъ лежали въ верхнихъ частяхъ рѣки Майны и около рѣчки Хмѣлевки[5]) И вотъ спустя два года послѣ отвода имъ пашенныхъ земель и угодій, «Смоленскіе казаки Закамскихъ городковъ били челомъ великому государю (Ѳедору Алексѣевичу) о денежномъ жалованьѣ», говоря въ

[1]) Арх. Мин. Юст. Казань, раздат. и отк. кн. 13, № дѣла 73.

[2]) Во главѣ ихъ упоминается поручикъ Степанъ Ероѳѣевъ Пузанъ.

[3]) Тамъ же № дѣла 1-ый л. 2.

[4]) Во главѣ Смоленскихъ казаковъ бѣлаго знамени стоялъ, повидимому поручикъ Павелъ Коскѣевъ.

[5]) Тамъ же №№ дѣлъ 50 и 73.

своей челобитной, что «съ земли.... имъ служить великаго государя служба не въ мочу». Тогда для провѣрки жалобы и для лучшаго ознакомленія съ хозяйственнымъ ихъ состояніемъ Новошешминскому воеводѣ[1]) поручено было «досмотрить въ правду: что имъ (Смоленскимъ казакамъ въ Новошешминскѣ) земли отведено, и мочно ль имъ съ той земли безъ государева денежнаго жалованья служба служить.... На тѣхъ пашенныхъ земляхъ, которые имъ отведены вмѣсто государева денежнаго жалованья, хлѣбъ они сѣялиль, и сколько десятинъ какова хлѣба прежъ сего кто сѣялъ и ныне сѣетъ, и впредь кому пахать мочно ли, и сколько той отводной земли въ пустѣ и зачѣмъ тое земли не пашутъ». Новошешминскій воевода, сдѣлавъ осмотръ по данной ему инструкціи, доноситъ, что большинство Новошешминскихъ Смоленскихъ казаковъ за послѣдніе два года пахали лишь одно ближайшее къ нимъ поле, «а вдаль имъ земли (т. е. остальныя два поля, отведенныя имъ) пахать за приходомъ воровскихъ и воинскихъ людей нелзе потому, что стало въ степи и отъ посадовъ ихъ далечо», прибавляя съ своей стороны указаніе, что «около тѣхъ дву поль никакихъ крѣпей (т. е. укрѣпленныхъ мѣстъ) нѣтъ». Но и въ ближайшемъ къ Новошешминску полѣ не всѣ Смоленскіе казаки были въ состояніи обрабатывать свои земли, — воевода свидѣтельствуетъ, что «*въ томъ полѣ иные доли лежатъ не паханы за скудостью ихъ и за безконьствомъ*», при чемъ прилагаетъ и поименный списокъ скуднымъ и безконнымъ Смоленскимъ казакамъ, которыхъ оказывается 33 человѣка[2]). Тіинскіе Смоленскіе казаки бѣлаго знамени въ своей челобитной государю въ восьмидесятыхъ годахъ (1685 г.) также указываютъ на то, что «*ихъ земли лежатъ въ пустѣ за дальностью*», свидѣтельствуя при

---

[1]) Воеводою былъ—Өедоръ Агаөонниковъ Нелловъ.

[2]) Арх. Мин. Юст. Казань, отк. кн. 13, № дѣла 1-ый. Среди фамилій скудныхъ встрѣчаются: Сушковъ, Усовъ, Лобановъ и др. нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Сушковы и Лобановы и друг. фигурируютъ теперь въ числѣ дворянскихъ родовъ Уфимской губ. «Истор. библ.» 1878 г. дек. «Очеркъ колониз. Башкир. края» 24 с.

семъ, что у нихъ «за частыми службами и за посылками» не остается времени для обработки земель въ столь отдаленныхъ мѣстахъ; что же касается земель «близъ города», то они говорятъ, что ихъ «мало и скотиннаго выпуску никакого нѣтъ, и въ тѣхъ де дальныхъ мѣстехъ земли имъ пахать не мочь, *и отъ того они оскудали безъ остатку*»[1]).

Не многимъ лучше, вѣроятно, жилось во второй половинѣ XVII вѣка многимъ служилымъ изъ Полоцкой шляхты, испомѣщенныхъ землями по рр. Уткѣ и Майнѣ. Такое предположеніе дѣлаемъ не только относительно шляхтичей, получившихъ однѣ земли, а также и по отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которые на свои помѣстныя земли получили дворцовыхъ крестьянъ. Особенно тяжело приходилось Полоцкой шляхтѣ въ восьмидесятыхъ годахъ описанаго столѣтія, когда Башкирцы въ союзѣ съ Калмыками усердно распоряжались въ Примайнской сторонѣ. Помѣстныя земли нѣкоторыхъ шляхтичей, получившихъ крестьянъ на свои земли, потеряли ихъ скоро, потому что крестьяне воспользовались удобствами въ этомъ отношеніи окраинныхъ земель и убѣжали отъ своихъ новыхъ господъ. Оставшись безъ крестьянъ, при тяжелой окраинной службѣ, среди безпрестанныхъ опасностей со стороны кочеваго непріятеля, шляхтѣ было очень трудно успѣшно обрабатывать доставшіяся имъ плодородныя земли, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ «покиня свои земли (на р. Уткѣ) переписались служить по Симбирску, и емлютъ (въ Симбирскѣ) великихъ государей денежное и хлѣбное жалованье, а земли ихъ лежатъ порозжи»; другіе шляхтичи (на р. Майнѣ) «переписались по Казани и по Симбирску, — а земли ихъ ныне (т. е. въ концѣ столѣтія) въ пустѣ»; наконецъ, третьи спѣшатъ обмѣнять въ девяностомъ году свои помѣстья, или же часть ихъ на небольшое количество земли въ другихъ, болѣе безопасныхъ, мѣстахъ Поволжья, переуступая здѣшнія свои земли болѣе мужественнымъ и смѣлымъ изъ русскихъ служилыхъ людей[2]).

---

[1]) Тамъ же № дѣла 73.

[2]) Такъ, нѣсколько помѣстій въ Примайнской странѣ вымѣняли у По-

Изъ сказаннаго можно видѣти, что нѣкоторые служилі люди Полоцкой шляхты, быть можетъ, находясь подъ впеч тлѣніемъ слишкомъ безпокойныхъ восьмидесятыхъ годовъ, стр мятся въ началѣ девяностыхъ годовъ перебраться съ мѣстъ свое водворенія въ Поволжскіе уѣзды нагорной стороны, болѣе без пасные относительно вторженія Калмыковъ и Башкирцевъ, чѣ Примайнскія земли. Но и жизнь служилыхъ людей нагорной час Поволжья, хотя и была сравнительно безопаснѣе отъ кочевы непріятелей сосѣдней степи, была богата въ описываемое вре многими тягостями, которыя по необходимости представители г сударственной власти на окраинѣ, вслѣдствіе недостатка по рукою достаточного количества служилыхъ людей, должны бы возлагать на немногихъ изъ нихъ, жившихъ въ здѣшнихъ мѣстах Такъ, солдаты Печерской слободы, что на Самарской лукѣ, бы шіе въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка въ зависимости отъ Сы ранскаго воеводы, въ лицѣ своихъ выборныхъ — сержанта и н скольких рядовыхъ — свидѣтельствовали предъ правител ствомъ, что имъ на луговой сторонѣ, противъ слободы, не бы въ надлежащее время отведены покосы «за ихъ (солдатъ) н ходьбою, для того что всѣ высланы на службу и до ныне сл жатъ, *а которые де остались за старостью и тѣ непр станно были на караулахъ и въ посылкахъ на Сызрань въ подвотчикахъ, и въ работѣ на Камышенкѣ»*[1]).

Но при обиліи тягостей, лежавшихъ на служиломъ чел вѣкѣ низоваго Поволжья, требовавшихъ при выполненіи о

лоцкихъ шляхтичей Змѣевы – стольникъ Θедоръ Ивановъ и Иванъ Гара мовъ; первый, напр., промѣнялъ у Казиміра Венкѣева на р. Уткѣ въ 1690 20 чет. изъ его помѣстья въ кажд. полѣ на 2 чети въ кажд. полѣ свос помѣстья въ Нижегород. у. въ Березопольскомъ стану, при чемъ Венкѣе за переходжіе чети взялъ съ Θедора Змѣева денегъ 20 р.; онъ же вымѣня еще у другаго иноземца 60 четв. земли въ кажд. полѣ около Полянска городка (подлѣ р. Утки), уступивъ ему изъ своего помѣстья въ Арзам. у. четвер. и заплативши 100 р. денегъ «за переходжіе чети и крестьянс животы», — всего одна семья. Тамъ же №№ дѣлъ 55, 57, 66; Казань, Пере кн. 7. № 152, л. 76.

[1]) Арх. Мин. Юст. Меж. кн. за № 159, л. 365.

него напряженія всей энергіи и большихъ хлопотъ, жизнь его здѣсь внѣ отправленія служебныхъ обязанностей не была свободна отъ случайностей, способныхъ иногда отправлять ему самое существованіе. Подобныя обстоятельства тѣмъ сильнѣе могли чувствоваться въ то время служилымъ человѣкомъ, что семейная сфера въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ была, быть можетъ, единственной для него, гдѣ онъ могъ находить свое отдохновеніе и утѣшеніе отъ многихъ заботъ, которыя возлагались на него на окраинѣ русскимъ государствомъ. И тѣмъ тяжелѣе служилымъ людямъ было выносить оскорбленія своихъ интимныхъ семейныхъ чувствъ, что они дѣлались иногда людьми, которые могли почитаться представителями по преимуществу нравственныхъ началъ. Извѣстно, что Надѣинское Усолье, благодаря расположенію царя Алексѣя Михайловича къ монастырю Саввы Сторожевскаго, перешло къ нему во владѣніе. И вотъ монастырскія власти, пользуясь своимъ вліяніемъ и значительными средствами, развили въ здѣшнихъ мѣстахъ значительную дѣятельность, сопровождавшуюся, какъ мы уже видѣли, нѣкоторыми довольно успѣшными колонизаціонными послѣдствіями для края. Къ Усолью, какъ и къ нѣкоторымъ другимъ населеннымъ промышленнымъ пунктамъ низоваго Поволжья, въ интересахъ, должно быть, защиты мѣстнаго населенія отъ случайныхъ опасностей, были приписаны такъ называемые бѣлопашенные казаки. Особенно, какъ мы видѣли, отличался въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII столѣтія энергическою хозяйственною дѣятельностью на пользу своего монастыря соборный старецъ Леонтій Маренцовъ, заправлявшій монастырскимъ хозяйствомъ въ Усольѣ. Но этотъ хозяинъ-колонизаторъ, почувствовавъ на окраинѣ низоваго Поволжья отсутствіе надъ собою высшаго духовнаго авторитета и монастырскаго надзора, совершенно не считалъ для себя обязательнымъ одинъ изъ монашескихъ обѣтовъ — цѣломудріе, и сталъ вести образъ жизни крайне предосудительный для него, какъ представителя монашествующихъ, людей по преимуществу цѣломудренныхъ. Разнуздавшись въ животной похоти, соборный старецъ для удовле-

творенія своей преступной страсти не довольствовался уже ближайшимъ матеріаломъ, который находился у него подъ рукою, а сталъ у бѣлопашенныхъ казаковъ отнимать «своимъ насильствомъ и озорничествомъ женъ отъ мужей.... и дѣвицъ у отцевъ», выдавая послѣднихъ впослѣдствіи «насильствомъ замужъ». Свою челобитную царю по этому поводу несчастные служилые люди Надѣинскаго Усолья заключаютъ такими многознаменательными словами «*и отъ его* (соборнаго старца Маренцова) *злого озорничества и разореня мы съ женами и дѣтьми погибаемъ.... а иные многiе разбѣжались*»[1]).

Говоря о служилыхъ людахъ низоваго Поволжья, нельзя не упомянуть и о томъ, что они, по крайней мѣрѣ, въ ка-

---

[1]) Эти интересныя грамоты напечатаны въ Доп. къ А. И. т. X подъ № 27. (1682—1684 гг.). *Одна грамота* отъ патріарха Іоакима архимандриту Саввы Сторожевскаго монастыря Сильвестру о розыскѣ надъ Маренцовымъ, вслѣдствіе челобитной поданной патріарху поваромъ Ивашкою Игнатьевымъ Слѣпымъ на соборнаго старца, который «взялъ жену его въ Надѣино Усолье въ коровницы, и забывъ страхъ Божій, онъ старецъ его жену взялъ къ себѣ по неволѣ и живетъ съ нею блудно, а его де Ивашка билъ и мучилъ и на чѣпъ сажалъ и морилъ голодною смертью. Да онъ же старецъ прежъ того племянницу жены вдову (имя) также взялъ по неволѣ и держалъ па дворѣ и блудно жилъ съ нею и ныне живетъ». *Другая грамота* — челобитье царю отъ бѣлопашенныхъ казаковъ, приписанныхъ къ Усолью, на того же Маренцова; между прочимъ челобитчики пишутъ, «что онъ (соборный старецъ) своимъ насильствомъ и озорничествомъ, забывъ страхъ Божій, женъ отъ мужей у насъ сиротъ вашихъ отлучилъ блуднымъ насильствомъ. Да онъ же старецъ *у многихъ нашія братьи*, для блуднаго воровства, дѣвицъ у отцевъ отнявъ и растля блудомъ, выдаетъ замужъ насильствомъ»; далѣе говорятъ они, что Маренцовъ отнимаетъ у нихъ насильствомъ лошадей «емлетъ взятки, посулы и поминки безпрестанно, и многихъ бьетъ и мучитъ напрасно»; послѣ этого объясняютъ въ частности, что онъ соборный старецъ, у одного жену отнялъ къ себѣ на блудъ «и тотъ Ѳедка (мужъ) отъ него старца ушелъ»; «да онъ же старецъ отлучилъ жену блуднымъ насильствомъ у Савостки Иванова, а дочь его Авдотьицу емлетъ на блудъ безпрестанно, а его Савостку хочетъ убить до смерти и т. д. въ этомъ же родѣ; къ челобитной вмѣсто жалующихся приложили руки «Уржумецъ» и «Устюжининъ». Наконецъ, *третья грамота*—въ пользу Маренцова, отвергающая приписываемыя ему притѣсненія; она отъ работныхъ людей «Надѣинскаго Усолья солянаго и рыбнаго промысловъ» и отъ Усольскихъ жителей. Сопоставляя извѣстія всѣхъ грамотъ, трудно сомнѣваться, гдѣ содержится болѣе реальной правды.

зачьей службѣ, могли свободно поступать и потомъ выходить изъ службы въ посадскіе, крестьяне и бобыли; только при этомъ необходимо было оставить на свое мѣсто другого человѣка, который бы согласился нести службу вмѣсто него; встрѣчаемся даже съ полюбовною мѣною людей своимъ общественнымъ положеніемъ, при чемъ одна изъ сторонъ состоитъ на службѣ[1]).

---

[1]) Такъ, въ селѣ Кандалѣ нѣсколько крестьянъ показывали, что сами они или отцы ихъ сперва находились въ казачьей службѣ, которую отправляли по 10 и больше лѣтъ, а потомъ, оставивъ вмѣсто себя другого, свободно переходили въ крестьяне или бобыли. Служилые люди пригорода Заинска показываютъ объ одномъ Заинскомъ бобылѣ слѣдующее: «а двора у него Алешки не бывало, жилъ въ сосѣдехъ у бѣлопашеннаго казака, у зятя своего у Степки Винокурова, и тотъ свой бобыльской оброкъ сдалъ онъ бѣлопашенному казаку Ѳеонке Родивонову сыну Осетрову тому восьмой годъ, а Ѳеонкину казачью службу снялъ онъ Алешка на себя; и въ нынешнемъ 1701 году сынъ Ѳеонкинъ Ѳеонка ж посланъ къ слюзному дѣлу на Камышенку въ работу, а отецъ его Ѳеонки Ѳеонка ж работаетъ в Казани у Шмаковова дѣла в кузнецахъ, а живутъ они в ясашной деревнѣ Красной Дубровѣ. въ одномъ дворѣ. И тотъ съемной бобыльской оброкъ онъ Ѳеонка с сыномъ Ѳеонкою платятъ по вся годы, а онъ Алешка Ильинъ его Ѳеонкину службу служитъ с бѣлопашенными казаки». Арх. Мин. Юст. Казань, переп. кн. 7. №№ 151, 152.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Архивъ Минист. юстиціи, III отд. Казань, раздаточ. и отказ. кн. 13.

№ 6.

«176 году апрѣля въ 4 день подалъ Өедоръ Черниковъ. Выписалъ ис книгъ на перечень, сколько выбралъ крестьянъ и тѣхъ крестьянъ беречь кому приказалъ и противъ ли указу крестьянъ выбиралъ». «Лѣта 7176 г., февраля въ 25 день, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу и по наказу столника и воеводы князя Юрья Петровича Трубецкаго, окольничего Никиты Михаиловича Боборыкина, дьяковъ Оөонасья Ташлыкова, Юрья Блудова, велѣно Өедору Черникову Онучину ѣхать въ Анатошсвую волость и в Рыбную слободу и в сѣло Толминское с приселки и з деревнями, для того: в нынѣшнемъ во 176 году сентября въ 6 день в грамоте великаго государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца писано в Казань к боярину и воиводамъ ко князю Григорью Семеновичю Куракину с товарыщи,—указалъ великій государь и бояре приговорили Полоцкую всю шляху Гаврила Гаславскаго с товарыщи, которые были на Москве и которые на Москве нѣбыли, а были в Казани, всѣхъ разобрать по статьямъ в Казани и устроить их землями в Казанскомъ уѣзде по Закамской черте, а на тѣ земли указалъ великій государь взяти крестьянъ ис Казанскаго и из Свияжскаго и ис Царевококшаского и из Еранскаго уѣздов, великого государя из дворцовыхъ селъ, з двадцати дворовъ по крестьянину з женами

и з дѣтьми и со всѣми ихъ животы и с хлѣбомъ; и Ѳедоръ Черниковъ Онучинъ в Анатошскую волость и в Рыбную слободу и в сѣло Толминское с приселки и з деревнями ѣздилъ и выбиралъ крестьянъ по книгамъ, каковы даны в Казани за дьячею приписью, з дватцати дворовъ по крестьянину з женами и з дѣтми и со всѣми ихъ крестьянскими животы из середние статьи з жеребья, кому по жеребью и по скаскамъ земскихъ старостъ и всѣхъ крестьянъ за руками довелось, а хто имяны крестьяня выбраны, и тѣхъ выборныхъ крестьянъ имяна и что у ково животовъ и хлѣба и скоту и с которыхъ крестьянъ имяны тѣ выборные крестьяня взяты, и то писано в книгахъ имянно порознь; и велѣлъ тѣхъ выборныхъ крестьянъ тѣмъ крестьяномъ, с которыхъ они выбраны, беречь до указу великого государя». (л.л. 2—4)

«*Села Толминского* крестьянские дворы»: (перечислены по дворамъ отдѣльно двадцать крестьянъ). «И того 20 дворовъ. И с тѣхъ дватцати дворовъ выбранъ за полоцкую шляхту крестьянинъ из середние статьи, и з жеребья досталось Ивашку Семенову Дулѣпехе; у него жена Палашка Сидорова дочь, да два сына: Мишка, Ондрюшка, да дочь — дѣвка Анютка, Степанидка, Ѳедорка, а у него лошадь да корова, да телица, да теленокъ, двѣ овцы, пятеро свинѣй, да в гумнѣ стоячего хлѣба два овина овса, да посеяно в землѣ три четверика ржи». (Затѣмъ снова перечислены от- (лл. 5—6) дѣльно по двор. 20 крест.). «И съ тѣхъ дватцати дворовъ выбранъ за полоцкую шляхту крестьянинъ изъ середние статьи, и з жеребью досталось Сенке Сидорову Кривоносу; у него жена Окулька Сидорова, да сынъ Тишка, Ивашко, да у негож лошадь да свиня, четыре поросенка, корова, двѣ овцы, да в землѣ посеяно четверть ржи». (Опять 20 дворовъ (л. 7—8) крест. переч.). «И с тѣхъ 20 двор. выбранъ за полоцкую шляхту крестьянинъ изъ середние статьи, и з жеребью досталось Гришке Мелентьїву; у него жена Ѳеимка Ермолаева да сынъ Васка, да Костка, да дочь дѣвка Василиска, да у него ж лошадь, 3 жеребенка, 10 овецъ, 5 свинѣй, 3 четверика овса, да в землѣ посеяно хлѣба 5 четвериковъ ржи, и приказано тѣ крестьяномъ, кои всей статье писаны, того Гришку беречь з женою и з детьми до указу великого государя, покамѣста ево за помѣщиковъ спросятъ на Закамскую черту». (Снова оп. 20 дв. крес.). (л. 9—10) «И с тѣхъ 20 дв. выбранъ за полоц. шлях. крестья-

нинъ из середние статьи, и з жеребью досталось Никонку Иванову Мѣдынину; у него жена Марѳутка Григорьіва; у нихъ сынъ Ивашко, Пронка, да 3 дочери дѣвки: Оксютка, да Парашка, да Танька, да у него ж лошадь, корова, да в землѣ посеяно хлѣба 3 четверика ржи. И приказанъ онъ Никонко и з животами бѣречь до указу великаго государя крестьяномъ, кои всѣй статье имяны писаны». Послѣ 20 дв. кр. «И ис тѣхъ двадцати дворовъ выбранъ за полоцкую шляхту крест., из жеребью досталось из середние статьи Елисейку Сидорову Кривоносу, у него жена Окулка Васильіва, да сынъ Гришка, да 2 дочери дѣвки—Анютка да Улка, да у него ж лошадь, корова, 2 теленка, 3 овцы, свиня, да 3 четверика ржи, 2 четверика овса, да в землѣ посеяно четверть ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Елисейко з женою и з детьми и со всѣми иво крестьянскими животы приказанъ бѣречи до ук. вел. г-ря крестьяномъ кои всѣи статье имяны писаны». (л. 11—12)

(л. 13—14)

Деревни Мысу крестьянские дворы: (переч. 20 дв. кр.). «И ис тѣхъ двадцати дворовъ выбраны крестьяня из середние статьи и з жеребю досталось за полоцкую шляхту крестьянину Митке Иевлѣву Подковырину, а у него жена Окулька Микитина дочь, да детѣй: Бориско, Лукашка, Ѳетка, да дочь дѣвка Оринька, да у него ж лошадь, корова, 10 овецъ, да в землѣ посеяно хлѣба 3 четверика ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Митка з женою и з дѣтми и со всѣми крестьянскими животы до указу вел. гос. крестьяномъ кои всей статье писаны». (Снова 20 дв. крест.). «И с тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня в жеребей из середние статьи и з жеребю досталось за полоцкую шляхту Оске Макарову, у него жена Устиньица Онтонова дочь, да сынъ Игнашко, Ѳролко, двѣ дочери дѣвки — Овдотица, Огашка, да у него ж лошадь, корова, осмина ржи, 3 овцы, 5 свинѣй, да в землѣ посеяно хлѣба осмина. И тотъ выборной крестьянинъ Оска з женою и з дѣтми и всѣми крестьянскими животы и т. д. (л. 15—16)

(л. 17—18)

Рыбной Слободы крестьянские дворы: (описаны 20 дворовъ; одинъ дворъ «Дв. Лучка, да Петрушка, да Васка да Максимко Григоріевы дѣти Палмины»). «И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны в жеребей крестьяня из середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Ѳролко Емельяновъ Шабановъ, у него братъ Ивашко, у Ѳролка жена Анютка Кон-

дратіева, да сынъ Ивашко да Сенка, у Ивашка жена Палашка Тимоѳѣева, да дочь дѣвка Катерина, да у
(л. 19—20) него ж лошадь, корова, теленокъ, 3 овцы». (Опять 20 дв. кр.). «И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны в жеребей крестьяня из середние статьи, и з жеребью достался полоцкой шляхте крестьянинъ Петунка Троѳимовъ; у него жена Танка Тимоѳѣева, да сынъ Лаврушка да Мишка, да дочь дѣвка Манка да Анютка, да у него ж лошадь, корова, овца. И приказанъ тотъ выборной крестьянинъ Пятунка бѣречи з женою и з дѣтми и з животы до указу великаго государя темъ крестьяномъ, кои в сей статье имяны писаны». (Пе-
(л.л. 21—22) речисл. 20 дв.). «И ис тѣхъ 20 дв. выбраны крестьяня в жеребей из средние статьи, и з жеребью достался полоцкой шляхте крестьянинъ Гришка Максимовъ, у него жена Овдотица Констентинова дочь, да 2 сына Митка, Васка, у Митки жена Елисаѳетца; у него ж 2 лошади, корова, 4 овцы, свиніа; в землѣ посеяно
(л. 22—23) осмина ржи».

Анатошские волости крестьянские дворы: (переч. 20 дв. кр.). «И того 20 дворовъ; и с тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребеи изъ середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Васка Яковлевъ, у него жена Огашка Семенова дочь, да сынъ Ѳетка, у Ѳетки сынъ Ивашко, Анкудинко, Ондрюшка; у него 2 лошеди, 3 коровы, 8 овецъ, 2 свини, 10 поросятъ, четверть муки ржаные, 3 чети овса, осмина полбы, осмина ячменя; в землѣ посеяно хлѣба 2 чети. И приказанъ тотъ выборной крестьянинъ Васка Яковлевъ до ук. вел. государя бер. тѣмъ крест., кои вс. ст. им. писаны». (Снова переч. 20 дв.
(л. 24—25) кр.). «И ис тѣхъ 20 дв. выбр. крест. въ жеребей из середние ст. і жеребю достался полоц. шлях. крестьянинъ Васка Ермолаевъ; у него жена Оѳимка Степанова дочь, да сынъ Триѳонко, Васка, да дочь дѣвка Марѳутка, Палашка; да у него ж 2 лошади, корова, телѣнокъ, 6 овецъ, шестеро свинѣй, 3 четверика муки ржаной, четверть овса; да въ землѣ посеяно хлѣба— четверть ржи. И тотъ выбор. крест. Васка Ермолаевъ з жен. и з дѣт. приказ. бѣречи и т. д. какъ
(л. 26—27) прежде.

«*Деревни Полянки* крестьянские дворы: (переч. 20 дв. кр.). И ис тѣхъ 20 дв. и т. д. по прежнему, и з жеребю достался полоцкой шляхтѣ крестьянинъ Исачко Микитинъ, у него жена Овдотица Тимоѳѣева дочь, да у него ж сынъ Стенка, у Стенки 2 сына—

Матюшка, Ивашко; да у него ж 2 лошади, корова, 3 овцы, свиня; да въ зѣмлѣ посеяно хлѣба — четверикъ ржи. И тотъ выборной крестьянинъ и т. д. по прежнему. (л. 28—29)

Села Ураю крестьянские дворы: (переч. 20 дв. кр.). «И всего в сей статье 20 дворовъ. И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня в жеребеи из середние статьи и из жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Ивашко Дементиевъ; у него жена Улка Иванова, братъ Ганка, у Ивашки сынъ Ивашко да пасынокъ Ивашко Левонтиевъ, да Ганька Өедоровъ; да у него ж лошадь, да жеребенокъ, корова, 3 овцы, десятеро свинѣй, осмина ржи, 2 чети овса, четверикъ конопляного семени, четверикъ ячмени, да в зѣмлѣ посеяно ржи 5 четвериковъ. И тотъ выборной крестьянинъ Ивашко Дементиівъ з женою и з дѣтми и т. д. (Снова перечислены 20 дв. крест.). «И ис (лл. 30—32) тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребеи из середние статьи и з жеребю достался полоц. шляхте крестьянинъ Васка Прокоөиевъ, у него жена Оринка Дмитрѣева дочь, да сынъ Емилка; у него лошадь, корова, 3 овцы, осмина ржи, да в землѣ посеяно ржи осмина. И тотъ выборной крестьянинъ и т. д. какъ и прежде. (Опять переч. 20 дв. крест.). «И ис тѣхъ (л. 33—34) 20 дворовъ выбраны въ жеребей крестьяня изъ середние статьи и з жеребью достался полоц. шляхте крестьянинъ Никонко Клементиевъ, у него жена Өеоска Максимова дочь, да сынъ Максимко да Ивашко, да дочь Наталица, да Паранка; у него ж двѣ лошеди, 3 овцы; въ зѣмлѣ посеяно осмина ржи». (л. 35—36)

Села Бетковъ крестьянские дворы: (переч. 20 дв. крест.). «И того 20 дв.; и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны в жеребей крестьяня изъ середние статьи, и з жеребью достался полоц. шлях. крестьянинъ Стенка Игнатіевъ, у него жена Оринка Захарова дочь, да у него ж 5 сыновъ—Галахтионко, Сидорко, Ивашко, Ротка, Максимко; да у него ж лошадь да жеребенокъ, 2 овцы, въ зѣмлѣ посеяно четверик ржи. И тотъ выборной крестянинъ з женою и з детми и со всѣми крестьянскими животы приказанъ бѣречи до указу вел. гос. крестьяномъ, кои въ сѣй статье имяны писаны». (л. 37—38)

Деревни Шумковы крестьянскіе дворы: (переч. 20 дв. кр.). «И того 20 дв., и ис тѣхъ 20 двор. выбраны крестьяня въ жеребей из середние стать ии з жеребю досталось полоц. шляхте крестьянинъ Өеонка

Сергѣивъ, у него жена Варка Иванова дочь да 2 сына—Митка да Окимко, да двѣ дочери дѣвки—Танка, Өероска; да у него ж лошадь, двѣ коровы, 3 овцы, 6 свинѣй, четверикъ ржи, четверть овса, осмина полбы, да в землѣ посеяно 3 осмины ржи. И тотъ выборный крестьянинъ з женою и з детми и со всѣми
(л. 39—40) крестьянскими животы приказанъ бѣречи и т. д.

Деревня Ошнякъ крестьянские дворы: (перечисл. 20 дв. крест.). «И ис тѣхъ 20 дворовъ и т. д. какъ прежде, и з жеребю дост. полоц. шлях. крестьянинъ Тимошка Евсѣевъ Бирюковъ, у него жена Өеимка Өедорова дочь да два сына — Данилко, Пронка, да 2 дочери дѣвки — Огашка, Елисаөетица, да у него ж лошадь, корова, четверикъ муки, 3 овцы, 2 свини, въ землѣ посеяно осмина ржи. И приказанъ тотъ выборной крестьянинъ з женою и з дѣтми бѣречи до указу вел. гос. крестьяномъ, кои в сей статье имяны
(л. 41—42) писаны». (Снова переч. 20 дв. крест.). «И того 20 дв., и ис тѣхъ 20 двор. выбраны крестьяне и т. д. и з жер. дост. полоц. шлях. крестьянинъ Олешка Васильевъ Мамонъ, у него жена Танка Тимоѳѣева дочь, да сынъ Петрушка, да у него ж 2 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, 3 свини, четверикъ ржи, осмина овса, да в зѣмле посеяно осмина ржи. И тотъ выборной крестьянинъ з жен. з дѣтми до указу вел. гос.
(л. 43—44) приказанъ бѣречи и т. д.

Села Рожественского крестьянские дворы: (переч. 20 двор.). «И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребеи из середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Петрушка Васильевъ, у него жена Оксютка Наумова дочь, да дочь дѣвка Катерина; да у него ж 2 лошади, корова, теленокъ, 9 овецъ, 4 свини, четверть овса; да в землѣ посеяно осмина ржи. И тотъ выборной крестьянинъ з женою и з детми до указу великого государя приказанъ бѣречи крестьяномъ и пр. (Снова переч. 20 дв. крест.). «И того 20 дворовъ, и ис тех 20 двор. выбраны крестьяня въ жеребеи из середние статьи и т. д. крестьянинъ Ивашко Аникиевъ Щербакъ, у него жена Лукерица Иванова дочь, да сынъ Акинѳейко, да двѣ дочери дѣвки—Анютка, Мареутка, да пасынокъ Петрушка Өилиппевъ, да у него ж 2 лошеди, 2 коровы, 3 овцы; въ землѣ посеяно полтора четверика ржи. И тотъ выборной крестьянинъ з женою и з детми приказанъ бѣречи и проч. какъ въ
(л. 45—46) прош. (Затѣмъ описаны два двора того же села, да

14 дворовъ *деревни Тонпевы*, къ которымъ прибавлены 4 двора села Рожественскаго). «И того 20 дворовъ, и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей из середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Васка Карповъ, (деревни Тонѣевой) у него жена Хаврошка Михайлова дочь, да у него ж лошадь, корова, 2 теленка, 4 овцы, да в земле посеяно четверть ржи. И тотъ выборной крестьянинъ и т. д. какъ прежде. (л. 49—50)

Села Сабуголпй крестьянские дворы: (перечислено 14 двор. крест.); *села Бптковъ*—(переч. 6 двор. кр.). «И того 20 дворовъ и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей из середние статьи и з жеребю достался полоц. шляхте крестьянинъ Ивашко Дмитрѣивъ (изъ села Сабуголѣй), у него жена Манка Васильѣва дочь, да 3 сына — Гурка, Ивашко, Силка, да племянникъ Сенка женатъ; да у него ж скота: 2 лошади, жеребенокъ, 3 коровы, 2 теленка, 10 овецъ, свинья, 5 поросятъ, да четверть муки, четверть овса; да в землѣ посеяно 3 осмины ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Ивашко Дмитрѣівъ з женою и з дѣтми приказанъ бѣречи до указу и т. д. (л. 51—53)

Села Воскресенскаго крестьянские дворы: (переч. 20 двор. крестьянскихъ, среди которыхъ «дворъ вдова Окулка Осипова у нѣе сынъ Стенка»). «И ис тѣхъ 20 дввровъ выбраны крестьяня въ жеребей и з жеребю достался полоцкой щляхте крестьянинъ Гришка Ортемивъ, а у него скоту: 2 лошади, корова, 2 овцы, свиня, молоченаго хлѣба осмина ржи, да в зѣмлѣ посеяно 3 четверика ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Гришка Ортемівъ з женою(?) и з детми(?) и со всѣми крестьянскими животы приказанъ бѣречи до указу вел. государя крестьяномъ, кои в сей статьи имяны писаны». (л. 54—55)

Тогож села Воскресенскаго деревни Побпдиловы крестьянские дворы (переч. 20 дв. крест.). «И ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребеи из середние статьи и из жеребю достался полоц. шлях. крестьянинъ Ѳилка Василивъ, у него жена Марѳутка Васильива, да 4 сына: Ягонка—женатъ, Ондрющка, Якушко, Ганка, да у него ж скоту: лошадь, корова, 10 овецъ, свиня, осмина ржи; въ землѣ посеяно 3 четверика ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Ѳилка Василивъ з женою и з детми приказанъ бѣречи и т. д. (л.л. 47—49) (Затѣмъ перечисл. 9 дв. крест. той же деревни, среди которыхъ дв. вдовы; потомъ 11 дворовъ *деревни Ко-*

кушкины). «И того 20 дворовъ, и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей из середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ деревни Побѣдиловы Васка Микитинъ, у него жена Дарица Ларивонова; да скоту: лошадь з жеребенкомъ, 4 овцы, четверть ржи, четверикъ овса, четверикъ пшеницы; въ землѣ посеяно четверть ржи. И тотъ выборной крестьянинъ Васка Микитинъ з
(л. 50—51) женою и з дѣтми, приказанъ бѣречи и т. д.

Тогож села Воскресенского деревни Середнихъ Атаръ (переч. 14 дворовъ крест, между которыми дв. вдовы) затѣмъ: «*деревни Заднихъ Атаръ*: (переч. 6 дворовъ). «И того 20 дворовъ, и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребеи из середние статьи и з жеребю достался полоц. шляхте крестьянинъ деревни Середнихъ Атаръ Пронка Давыдовъ,—у него жена Мареутка Микиеорова, да четыре сына: Осташка, Өетка, Пронка, Ивашко, а скоту: лошедь, 3 овцы, свиня; въ землѣ посеяно четверть ржи. И тотъ вы-
(л. 52—53) борной крестьянинъ и т. д. д. по прежнему.

Тоежъ деревни Заднихъ Атаръ: (переч. 20 дв. крест.). «И того 20 дворовъ, и ис тѣхъ 20 дворовъ выбраны крестьяня въ жеребей из середние статьи и з жеребю достался полоцкой шляхте крестьянинъ Трошка Тимоөѣевъ, у него жена Варварка Иванова, да 2 сына: Ларка—женатъ, Якунка; да скоту: 2 лошади, корова, 5 овецъ, 3 четверика овса, осмина ржи, батманъ пшеницы; въ землѣ посеяно четверть ржи. И тотъ выборной крестьянинъ приказанъ бѣречи до указу великого государя крестьяномъ, кои. всей стате имяны писаны».

5.

(л. 1-й). «187 г. Книги Кукарской слободы з деревнями выборнымъ крестьяномъ, которые выбраны за полоцкую шляхту во крестьяня из середние стати зжеребя».

(л. 2). «*Починка Толминскаго* — крестьянинъ Овдѣйка Родионовъ сынъ Кочергинъ, у него жена Анютка Алексѣева дочь; дѣтей — сынъ Гришка 20 лѣтъ, да сынъ Ларка 16 лѣтъ; пожитковъ: кобыла з жеребенкомъ, 2 коровы, 2 четверика овса, овинъ ржи, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Жучковы* — Илюшка Григорьевъ сынъ Мандри, у него жена Дунка Анисимова дочь; дѣтей:

сынъ Лукашка—женатъ, у Лукашки сынъ Еремка 3-хъ лѣтъ, дочь дѣвка Опроска; пожитковъ: 2 лошади, 2 коровы, 8 овецъ, 4 четверти ржи, 8 четвертей овса; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Починка Черепанова* — крестьянинъ Якушко Евсѣевъ сынъ Некрасовъ, у него жена Дунка Семенова дочь, дѣтей: сынъ Савка — женатъ, у Савки сынъ Ларка 5 лѣтъ; пожитковъ: 2 лошади, жеребенокъ, 4 коровы, 6 овецъ, 2 четверти ржи, 4 четверти овса; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Греховы* — крестьянинъ Лазарко Ѳедоровъ сынъ Золотаревъ, у него жена Наташка Никитина дочь, дѣтей: сынъ Аѳонка 12 лѣтъ, сынъ Стенка 8 лѣтъ, сынъ Сенка 5 л., сынъ Ивашко 2 л., дочь дѣвка Ѳедоска; пожитковъ: лошадь да корова, 4 овцы, 2 теленка, осмина ржи, осмина овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Медвѣдевы* — крестьянинъ Пашка Прокоѳьевъ сынъ Черепановъ, у него жена Огашка Иванова дочь; дѣтей: сынъ Аѳонка — женатъ, сынъ Никитка 4 лѣтъ, сынъ Ивашко полугоду, 3 дочери дѣвки: Оксютка, да Оришка, да Дунка; да внучка Дунка ж; пожитковъ: 2 лошади, 4 четверти овса; ржаные муки четверикъ, 3 четверика ячменю; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Ѳедка Ѳокинъ, у него жена Оленка Исакіева дочь; дѣтей: сынъ Якунка 5 лѣтъ; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, теленокъ, 3 овцы, осмина ржи, 3 осмины овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно четверть ржи». (л. 3).

«*Деревни Осиновъ* — крестьянинъ Гришка Андрѣевъ сынъ Шеломенцовъ, у него жена Оксютка Андрѣева дочь; дѣтей: сынъ Серешко — женатъ, сынъ Оска 15 лѣтъ, 3 дочери: Устинка, да Василиска, да Оришка; пожитковъ: лошадь да корова, 3 овцы, 3 теленка, 2 четверти ржи, 5 четвертей овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

Деревни Жаворонковы — крестьянинъ Ивашко Родионовъ сынъ Синцовъ, у него жена Оришка Триѳонова дочь; дѣтей: пасынокъ Васка Аѳонасьевъ, у Васки сынъ Ивашко году, у него 2 дочери дѣвки — Маришка да Сонка, у него ж Ивашка падчерица, дѣвка ж; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 6 овецъ,

четверикъ ржи, осмина ячменю, да в землѣ посѣяно осмина ржи».

«*Кукарской* — крестьянинъ Купряшка Карповъ сынъ Глазыревъ, у него жена Улка, дѣтей: 3 дочери дѣвки — Оксютка, Дунка да Параска; пожитковъ лошадь, да корова; в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Села Ишлыка* — крестьянинъ Левка Анисимовъ сынъ Сушавинъ, у него жена Параска Третьякова дочь; дѣтей: сынъ Сенка 3 лѣтъ, дочь дѣвка Улка; пожитковъ: кобыла з жеребенкомъ, 2 коровы, 5 овецъ, четверикъ ржи, четверть овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

(л 4). «*Деревни Палника* — крестьянинъ Максимко Стеѳановъ сынъ Пушкаревъ, у него жена Анютка Козмина дочь; дѣтей: сынъ Оска—женатъ, сынъ Аѳонка 9 лѣтъ, сынъ Алешка 2 лѣтъ; пожитковъ: 2 лошади, жеребенокъ, 2 коровы, 9 овецъ, 3 четверти овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Ивашко Аѳонасьевъ сынъ Зыкинъ, у него жена Олисаветка Аѳонасьева дочь; дѣтей: сынъ Гаранка 10 лѣтъ, сынъ Гришка 8 л., сынъ Ивашко 4 л., 2 дочери дѣвки — Ѳедоска да Улка; пожитковъ: лошадь, да жеребонокъ, да корова, 10 овецъ, четверть овса; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

«*Деревни Зѣборской* — крестьянинъ Ивашко Ѳедоровъ, у него жена Паранка Сидорова, нѣтъ дѣтей. пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 5 телятъ, 5 овецъ; четверикъ ржи, 3 четверика овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Силдуса* — крестьянинъ Мартинко Тимоѳѣевъ сынъ Малковъ, у него жена Анютка Сидорова дочь; дѣтей: сынъ Кирюшка — женатъ, сынъ Стенка 4 лѣтъ, 3 дочери дѣвки — Антонидка да Оришка, да Ѳедоска; пожитковъ: лошадь з жеребенкомъ, да корова, четверо телятъ, 5 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, четверть ячменю, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Сухоруковы* — крестьянинъ Ганка Томиловъ сынъ Мошкинъ, у него жена Маришка Моисѣева дочь; дѣтей: сынъ Стенка 10 лѣтъ, сынъ Якушка 7 л., сынъ Евтошка шти лѣтъ, сынъ Ивашко 5 л., дочь дѣвка Ѳедоска; пожитковъ: 2 лошади, да ко-

рова, трое телятъ, осмина ржи, 3 четверти овса, да в землѣ посѣяно осмина ржи».

«*Деревни Лоптины* — крестьянинъ Данилко Артемьевъ сынъ Маточкинъ, у него жена Ѳедоска Обросимова дочь; дѣтей: сынъ Ѳетка 5 лѣтъ, сынъ Кирюшка 4 л., сынъ Ѳилка году; пожитковъ: лошадь да корова, 2 овцы, четверикъ ржи, четверть овса; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Шубинские* — крестьянинъ Тимошка Андрѣевъ сынъ Горевъ, у него жена Настка Павлова дочь; дѣтей: сынъ Емелка, 2 дочери дѣвки — Дунка да Василиска; пожитковъ: лошадь да корова с теленкомъ, 7 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи». (л. 5).

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Якимко Семеновъ сынъ Дудоладовъ, у него жена Оксютка Каликина дочь; дѣтей: сынъ Костка 15 лѣтъ, дочь Акилинка; пожитковъ: кобыла зъ жеребенкомъ, да корова, два теленка, 7 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи». (л. 5).

«*Деревни Сидоркины* — крестьянинъ Тимошка Аѳонасьевъ, у него жена Опроска Тимоѳѣева дочь; дѣтей: сынъ Антипка 12 лѣтъ, Макарка 6 л., да сынъ Ларка 14 лѣтъ, двѣ дочери дѣвки — Дунка да Огашка; пожитковъ: лошадь з жеребенкомъ, 3 коровы, 3 телятъ, 7 овецъ, четверикъ ржи, 4 четверти овса; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Толкины* — крестьянинъ Тимошка Юрьевъ сынъ Вошкинъ, у него дѣтей: Ведейка — женатъ, 3 дочери дѣвки: Окулка да Улка, да Ѳедоска; у Ведейки дочь Паранка; пожитковъ — лошадь, да корова с теленкомъ, четыре овцы, четверть ржи, 2 четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

Тоеж деревни — крестьянинъ Гришка Ивановъ сынъ Патрушинъ, у него жена Опроска Есипова дочь; дѣтей: сынъ Гришка — женатъ, сынъ Аѳонка 3 лѣтъ, дочь дѣвка Ѳедоска; пожитковъ: 2 лошади, 3 коровы, 2 теленка, 10 овецъ, четверть ржи, 5 четвертей овса, четверть ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи». (л. 6).

«*Села Ильинскаго* — крестьянинъ Стенка Ѳеѳиловъ сынъ Ведерниковъ, у него жена Ѳедоска Семе-

нова дочь; дѣтей: сынъ Ѳедотко 3 лѣтъ; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, 4 овцы, 3 четверти ржи, 3 четверти овса, осмина ячменю, четверикъ полбы; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Галомидовы* — крестьянинъ Лазорко Антоновъ сынъ Шершневъ, у него жена Ховрюшка Ѳотиева дочь; дѣтей: сынъ Данилка шти лѣтъ, сынъ Карпушка 4 л., сынъ Оксенко 2 л., дочь Огашка; пожитковъ: кобыла з жеребенкомъ да корова, 2 теленка, 3 овцы, четверикъ ржи, 2 четверти овса, осмина ячменю; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Косогорской* — крестьянинъ Илюшка Андрѣевъ сынъ *Волгинъ*, у него жена Катерина Максимова дочь; дѣтей: сынъ Ларка; пожитковъ: кобыла 3 овцы, 3 четверика ржи, 2 четверти овса, четверикъ полбы; да в землѣ посѣяно 5 четвериковъ ржи».

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Ларка Гавриловъ сынъ Гнаващевъ, у него жена Манка Аѳонасьева дочь; да пожитковъ: лошадь, 3 коровы, 5 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, осмина ячменю, четверть полбы; да в землѣ посѣяно полторы четверти ржи».

(л. 7). «*Деревни Дубровы* — крестьянинъ Сенка Ивановъ сынъ Порминъ, у него жена Грунка Логинова дочь; дѣтей: сынъ Панкратко 14 л., сынъ Митюшка 5 л., дочь дѣвка Анютка; пожитковъ: кобыла, 2 коровы, 2 теленка, 6 овецъ, четверикъ ржи, четверть овса; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Кошелевы* — крестьянинъ Оска Денисовъ сынъ Метелевъ, у него жена Лукшатка Микитина дочь; дѣтей: сынъ Евсѣвейко 4 л., да братъ Гришка Ивановъ, вдовъ, у Гришки сынъ Ивашко Тихѣй, у Оски дочь дѣвка Оксютка; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, 7 овецъ, четверть ржи, 2 четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Загорковской* — крестьянинъ Ѳетка Насоновъ, у него дѣтей: сынъ Якунка — женатъ, дочь дѣвка Манка; пожитковъ: лошадь да корова, 2 теленка, 4 овцы, четверикъ ржи, полтора четверти овса, четверикъ ячменю, четверикъ полбы, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Тоеж деревни*— крестьянинъ Потишко Еремѣевъ сынъ Гиревъ, у него жена Лукщарка Кирилова дочь; дѣтей: сынъ Селиванко, сынъ Лазарко — женатъ, дочь дѣвка Улка; да у Лазарка дочь дѣвка Василиска; пожитковъ: 2 лошади, корова, 4 телятъ, 7 овецъ, осмина ржи, 3 четрерти овса, осмина ячменю; да в землѣ полторы четверти ржи».

Деревни Палтины — крестьянинъ Оброско Петровъ сынъ Черmного, у него жена Ѳедоска Назарова дочь; дѣтей: сынъ Пронка—женатъ, четыре дочери дѣвки—Соломонидка, Огашка, Анютка, Еленка; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 4 теленка, 6 овецъ, четверикъ ржи, полторы четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи». (л. 8).

Деревни Самысловы — крестьянинъ Ѳетка Ермолаевъ сынъ Пуртовъ, у него жена Ѳедорка Антонова дочь, дѣтей: сынъ Юрька 2 л., пятеро дочерей, дѣвки — Дунка, да Улка, да Еленка, да Танка, да Ѳедорка; пожитковъ: лошадь, да корова, 2 теленка, четверикъ ржи, 2 четверти овса; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

Деревни Шалаховы— крестьянинъ Бориско Козминъ сынъ Аноѳреівъ, у него жена Манка Еминова дочь, дѣтей — сынъ Мишка 5 л., сынъ Родка 2 л., дочь дѣвка Ѳедорка; пожитковъ: 2 лошади, да 2 коровы, 3 теленка, 4 овцы, осмина ржи, четверть овса, полтора четверика ячменю, четверть полбы; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

Деревни Гайдура — крестьянинъ Оброско Евдокимовъ сынъ Спицынъ, у него жена Опроска Ѳедорова дочь; дѣтей: 2 дочери дѣвки—Ѳедулка да Матрена; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, четверть ржи, 3 четверика овса, четверикъ ячменю, четверикъ полбы; да в землѣ посѣяно 2 четверика ржи».

Деревни Усть Чернорѣчки — крестьянинъ Оничка Марковъ сынъ Жеребцовъ, у него жена Агашка Максимова дочь, дѣтей: сынъ Савка 8 л., сынъ Гришка 5 л., сынъ Никифорко 2 л., дочь дѣвка Соѳка; пожитковъ: лошадь, да корова, 2 теленка, семъ овецъ, полъ четверика ржи, четверикъ овса, четверикъ полбы; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи». (л. 9).

Дереяни Зараменской — Сенка Корма сынъ Саваловъ, у него жена Каптелинка; пожитковъ: 5 лошадей, 5 коровъ, теленокъ, 7 овецъ, 6 овиновъ ржи,

10 четвертей овса, четверть ячменю, 2 четверти полбы; да в землѣ посѣяно полторы четверти ржи».

«*Деревни Володины* — крестьянинъ Ивашко Васильевъ сынъ Злобинъ, у него жена Ѳеколка Григорьева дочь; дѣтей: сынъ Ларка 10 л., у него ж пасынокъ Гришка 10 л., 2 дочери дѣвки — Улка да Ѳедоска; пожитковъ: лошадь з жеребенкомъ да корова, да нетелъ, 3 овцы; четверть ржи, 2 четверти овса, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Жеребцовы* — крестьянинъ Васка Леонтьевъ сынъ Комовъ, у него жена Устенка Кароманова дочь; дѣтей: сынъ Стенка — женатъ, у Стенки сынъ Ѳилка 3 л., у Васки дочь дѣвка Танка, у Стенки сынъ Васка году; пожитковъ: 2 лошади, корова да нетелъ, 10 овецъ, 3 овина ржи, 3 четверти овса, четверикъ ячменю, полторы четверти полбы; да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Жаравлевы* — крестьянинъ Андрюшка Ларионовъ сынъ Марихинъ, у него жена Ѳеколка Якимова дочь, да сынъ Потапка 3 л., 3 дочери — Оксютка да Анютка, да Акилинка; пожитковъ: лошадь да корова, 2 натели, 7 овецъ, 3 четверика ржи, полторы четверти овса, четверикъ ячменю; да в землѣ посѣяно осмина ржи».

(л. 10). «*Деревни Емельяновской* — крестьянинъ Васка Ивановъ сынъ Ковалевъ, у него жена Настка Яковлева; дѣтей: сынъ Матюшка 10 л., сынъ Петрушка шти лѣтъ, сынъ Мишка 4 л., 3 дочери дѣвки — Ѳедорка, да Оришка, да Дунка; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 3 телятъ, 5 овецъ, 2 четверти овса, осмина ячменю, 3 четверика полбы, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Починка Левки Тарасова* — крестьянинъ Якунка Антипинъ сынъ Сухово, у него жена Дашка Ѳилипьева дочь; дѣтей: сынъ Гришка — женатъ, у Гришки сынъ Алешка 3 л. да пріемышъ Лучка Софоновъ; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 3 теленка, 8 овецъ, четверикъ ржи, 2 четверти овса, осмина ячменю, осмина полбы; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Мансуровы* — крестьянинъ Ларка Болдиковъ сынъ Хвостовъ, у него жена Дунка Лукина дочь; дѣтей: сынъ Лазорко 3 л., у него же братъ Костка — женатъ, да братъ Ивашко 7 лѣтъ; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, 3 овцы, четверикъ ржи,

2 четверти овса, пол четверика ячменю, осмина полбы, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

«*Деревни Конановы* — крестьянинъ Сенка Ивановъ сынъ Корчагинъ, у него жена Степанидка Леонтьева дочь; дѣтей: сынъ Митка — женатъ, сынъ Ѳилка 15 л., сынъ Гришка 10 л., сынъ Вахрушка 7 л.; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, трое телятъ, 2 четверти овса, четверикъ ячменю, осмина полбы; да в землѣ посѣяно осмина ржи». (л. 11).

Тоеж деревни — крестьянинъ Ѳедотко Ильинъ, сынъ Турусинъ, у него жена Ѳедорка Иванова дочь, у нихъ племянникъ Кипрянко Тимоѳѣевъ 5 л.; пожитковъ: лошадь да корова, 3 телятъ, 2 четверти, овса, 3 четверика полбы; да в землѣ посѣяно четверть ржи».

«*Деревни Лесниковы* — крестьянинъ Терешка Наумовъ сынъ Глотовъ, у него жена Ѳилка Ермолаева дочь; дѣтей: сынъ Ивашко — женатъ, да сынъ Гришка — женатъ, у Ивашка сынъ Маркелко 5 л., 2 дочери — Марѳица да Ѳедоска; пожитковъ: 3 лошади, да жеребенокъ, 4 коровы, 7 телятъ, 10 овецъ, 2 четверти ржи, 8 четвертей овса, четверть ячменю, овинъ ржи; да в землѣ посѣяно 9 четвериковъ ржи».

«*Тоеж деревни* — крестьянинъ Якимко Осиповъ сынъ Тарасовъ, у него жена Матренка Агаѳонова дочь; дѣтей: сынъ Енка — женатъ, да сынъ Андрюшка 14 л., да сынъ Вавилко 10 л.; пожитковъ: лошадь, 2 коровы, 2 теленка, 6 овецъ, осмина ржи, 3 четверти овса, осмина ячменю, да в землѣ посѣяно 3 четверика ржи».

Деревни Загуляевы — крестьянинъ Юрька Соѳроновъ сынъ Соколовъ, у него жена Ѳедоска Терентьева дочь; дѣтей: сынъ Данилко 12 л., сынъ Мартьянко 13 л., сынъ Мишка 13 л., 2 дочери дѣвки — Катеринка да Степанидка; пожитковъ: лошадь з жеребенкомъ, 2 коровы, 3 телятъ, 4 овцы, четверть ржи, 4 четверти овса, осмина ячменю: да в землѣ посѣяно четверть ржи».

Той-же книги № 4.

«Лѣта 7106 г. февраля въ 25 день по Государеву Цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича (л. 1).
всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержца

указу и по наказу столника и воевод князя Юрия Петровича Трубецкого, окольничего Никиты Михайловича Боборыкина, діаковъ Аѳонасія Ташлыкова, Юрия Блудова,— велѣно Григорию Скрыпицыну ѣхать в Свияжской уездъ великаго государя в дворцовые села и в деревни, а в тѣхъ селахъ и в деревняхъ велено выбрать з двадцати дворовъ по крестьянину з женами и з детми и со всѣми их крестьянскими животы з жеребю за полоцкую шляхту Гаврила Гославскаго с товарыщи; и Григорей Скрыпицынъ в Свияжской уездъ великаго государя в дворцовые села и в деревни ѣздилъ, и в тѣхъ селахъ и в деревняхъ противъ наказу по книгамъ из середние статьи по жеребю з двадцати дворовъ по крестьянину выбралъ, а кого имяны крестьянъ выбралъ и что у тѣхъ выборныхъ крестьянъ дѣтей и братей и племянниковъ и сосѣдъ и подсосѣдниковъ и животовъ и
(л. 2). хлѣба молоченного и земляного, и то писано в сихъ книгахъ порознь по статьямъ; а тѣхъ селъ — села Тенковъ и села Ключищъ старосты и всѣ крестьяне великаго государя указу непослушали, учинились сильны, к книгамъ рукъ не приложили и сказокъ за руками не дали; а выборныхъ крестьянъ, которые выбраны за полоцкую шляхту велѣлъ беречь до указу великаго государя тѣхъ селъ и деревень крестьяномъ, съ кого они взяты.

(л. 3—4). «*Села Тенковъ* — (перечислены 20 дворовъ крест.). «Итого 20 дворовъ; и из тѣх двадцати дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние статьи Ѳетка Васильивъ Крапивинъ, детей у него: Гришка, Стенка, Мишка; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 10 овецъ; пять четвертей всякаго хлѣба моло-
(л. 4—5). ченого, да посѣяно в землѣ четь ржи».

(Снова перечислены 20 дв. кр.) «Итого 20 двор., и изъ тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Ивашко Ѳедоровъ; дѣтей у него: Ивашко, Артюшка, Ѳролко; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 10 овецъ; всякаго хлѣба 3 четверти молоченного, да посѣяно в землѣ осмина ржи.

(Перечисл. 20 дв. кр.) «Итого 20 дв., и из тѣх 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Егорко Еѳимовъ; у него братей — Харка, Трошка, Савка; у него сынъ—Дениско; скотины: 3 лошади, 2 коровы, 10 овецъ; всякаго хлѣба 4 четверти молоченного, да посѣяно в землѣ осмина ржи».

(Перечисл. 20 дв. крест.). «И того 20 двор., и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Степка Карповъ, у него детей: Данилко, Гурка; скотины: 3 лошади, 2 коровы, 10 овецъ 3 свини; всякаго хлѣба 2 четверти молоченого, да посѣяно в земле четь ржи». (л. 6—7)

(Перечисл. 20 дв. кр.). «И того 20 дв., и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середней стати Тимошка Прокоѳинъ, у него пасынки: Мелешка, Ѳеонка Прокоѳiвы дѣти; у Тимошки сынъ Васка у Васки сынъ Оска; скотины: 3 лошади, корова, 5 овецъ, 4 свини; всякаго хлѣба четверть, да посѣяно в земле осмина ржи». (л. 8—9)

(*Перечисл. 20 дв. кр.*). «И того 20 дв. и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ полоцкой шляхте крестьянинъ из середней стати Ивашко Павловъ; у него братъ Тимошка; сынъ у него Ивашко, да у него ж племянникъ Ѳилка Ипполитовъ; скотины: 2 лошади, 2 коровы; всякаго хлѣба 2 четверти, да посѣяно в земле осмина ржи». (л. 9—1(

Села Ключицъ: (перечисл. 20 дв. крест.). «И того 20 дворовъ и из тѣхъ 20 дворовъ, выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середней стати Терешко Прокоѳiевъ, у него сынъ Тимошка, да Стенка, да пасынокъ Никонко; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, 6 свиней; хлѣба — осмина ржи, осмина пшеницы, да посѣяно в земле ржи четь». (л. 11—

(*Перечисл.* 20 *дв. кр*). «И того 20 дв. и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Триѳонко Ивановъ; у него сынъ Андрюшка; у Андрюшки дѣтей — Гришка да Ѳилка; да скотины: 3 лошади, 2 коровы, 3 овцы, 5 свиней; хлѣба 3 осмины, да посѣяно в землѣ четь ржи». (л. 13—

(*Перечисл. 20 дв. кр.*). «И того 20 дв. и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середней стати Левка Аввакумовъ; у него сынъ Овдейко, да пасынки — Ѳедка да Ивашко Авгѣевы; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 7 овецъ, 5 свиней; хлѣба—три чети молоченнаго, да посѣяно в земле четь ржи». (л. 15—

(Перечисл. 20 дв. кр.). «И того 20 дв. и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Сенка Менѣевъ; у него дѣтей — Пашка да Ивашко, да пасынокъ Андрюшка; скотины: 3 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, 3 свини, хлѣба молоченнаго четь, да посѣяно в земле ржи осмина». (л. 16—

(л. 18—19) (*Перечисл. 16 дв. кр.*) послѣ чего «да к селу Ключищамъ придано из села Тенковъ в прибавку» прибавлено нѣсколько дв. «И того 20 дворовъ, и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Оѳерко Даниловъ, у него сынъ Пронка; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 7 овецъ, 3 свини; хлѣба молоченого 3 осмины, да посѣяно в земле ржи четь».

(л. 19—20) «*Деревни Матюшкина починка*—(переч. 20 дв. кр.). «Итого 20 дворовъ и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Аѳонка Семеновъ Короблевъ, у него сынъ Ивашко; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 8 овецъ, 10 свиней; всякого молоченого хлѣба 3 чети, посѣяно в земле 2 чети ржи».

(л. 20—21) (*Перечисл. 20 дв. крест.*). «И т. 20 дв., и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середней стати Якушка Михайловъ Студенецъ; у него сынъ Емелка; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, хлѣба всякого молоченого 2 чети, да посѣяно в землѣ четь ржи».

(л. 21—22) (*Перечисл. 20 дв. крест.*). «И т. 20 дв., и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте изъ середние стати Петръ Семеновъ; у него сынъ Микишка, Лукашка, Алешка; скотины: 2 лошади, корова, телица, 10 овецъ, 5 свиней, всякого хлѣба 3 чети, да посѣяно в земле четь ржи».

(л. 22—23) *Села что бывала деревня Шаланга*—(перечисл. 20 дв.). «И того 20 дворовъ, и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середние стати Карпунка Харитоновъ, у него детей: Ивашко, Ивстюшка; скотины: лошадь, корова, 3 свини; всякого хлѣба четвечть, да посѣяно в земле осмина ржи».

(л. 24—25) (*Перечисл. 16 двор. кр.*). «А къ селу Шаланге придано из села Тенковъ в прибавку» (еще переч. 4 двора кр.). «И того 20 дворовъ, и из тѣхъ 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхтѣ из середней стати Алешка Полуехтовъ; у него детей: Ивашко да братъ Якушка; скотины: 3 лошади, 2 коровы, 6 овецъ; 2 четверти хлѣба молоченого, да посѣяно в земле осмина ржи».

(л. 25—26) *Деревни Ташевки*: (перечисл. 20 двор. крест.). «И того 20 дворовъ, и из тѣх 20 дворовъ выбранъ крестьянинъ полоцкой шляхте из середней стати Дениско Лаврентиевъ; у него детей: Тихонко, Ивашко, Я-

кимко; скотины: 2 лошади, 3 коровы, 5 овецъ, 6 свиней; всякого хлѣба молоченого 3 четверти; да посѣяно в земле четверти ржи».

(*Перечисл. 15 двор. кр.*). «Итого 15 дворовъ, и из тѣхъ 15 дворовъ взятъ за полоцкую шляхту кре- (л. 27—28
стьяня из середней стати Ивашко Аникѣивъ; у него детей: Васка, Мишка; скотины: 2 лошади, 2 коровы, 5 овецъ, 3 свини; хлѣба всякого 2 чети; да посѣяно в земле осмина ржи».

Той же кн. № *3.*

«Лѣта 7106, февраля въ 25 день по государеву ца- (л. 2)
реву и великого князя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу и по наказу столника и воевод князь Юри Петровича Трубецкого, околничего Никиты Михайловича Боборыкина, дьяковъ Оѳонасія Ташлыкова, Юри Блудова—велѣли Миките Маркову ѣхать из Казани въ Царевококьшаской для того: в нынешнемъ во 106 году сентября въ 26 день в грамоте великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всея велик. и мал. и бѣл. Рос. самод. писано въ Казань к боярину и воеводамъ ко князю Григорю Семеновичу Куракину с товарыщи—указалъ великій государь и бояре приговорили: полоцкую и всю шляхту Гаврилова полку Гаславского с товарыщи, которые были на Москве и которые на Москве не были, а были в Казани, всехъ разобрать по статямъ и устроить ихъ землями в Казанскомъ уѣзде по Закамской черте; а на те земли указалъ великій государь взяти крестьянъ из Казанского и из Свіяжского и из Царевококьшаского и из Еранского уѣздовъ
великого государя из дворцовыхъ селъ з 20 дворовъ (л. 3)
по крестьянину з женами и з детми и со всеми ихъ животы и с хлѣбомъ. И Микита Марковъ пріѣхавъ в Царевькокьшаской взялъ у воеводы у Вилинбаша Ахлебинина да у подячего у Луки Скрыпова переписные книги великого государя дворцовой волости за рукою подячего Луки Скрыпова, и по книгамъ выбралъ з дватцати дворовъ по крестьянину з женами и з детми и со всеми ихъ животы изъ середние стати по скаскамъ дворцовой волости старосты и всѣхъ крестьянъ за руками быть доведетца, и с хлѣбомъ стоячимъ и с молоченымъ и з землянымъ, которой посѣянъ къ нынешному ко 106 году, и тѣхъ выборныхъ крестьянъ имяны со отцы и с прозвищи

и их детей и братю и племянниковъ, которые с теми выборными крестьяны въ однехъ дворехъ живутъ, и что у ково живота и хлѣба, и с которых крестьянъ имяны тѣ выборные крестьяня взяты и тому книги имяно порознь и по статямъ».

(л. 4—7) *Деревни Вараксины:* (перечислены дворами и семьями 18 дворовъ кр.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоеж деревни Серешка Тимофѣев, жена у него Овдотица Савелева; детей у него 3 сына, — Кирюшка—женатъ, Анисимко 10 л., Петрушка шти лѣтъ: у Кирюшки жена Матренка Григорьева, да сынъ Өеонка году; а живота у него: 2 лошеди, да 2 жеребенка—годовики, да корова, да 2 теленка—годовикижъ, да 3 овцы; молоченого хлеба 5 четвериковъ ржи, овса тожъ; посеено ржи—3 четверика, овса посеено 8 четвериковъ».

(л. 7—10) *Деревни Лапшины*: (переч. 19 двор крест.съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ Ондрюшка Тимоөѣевъ, жена у него Онтонидка Павлова, да у него 2 пасынка: Микитка—женатъ, да Трошка 8 лѣтъ — Олексѣевы дѣти; у Микитки жена Өеколка Михайлова; а живота у него: 2 лошади, да корова, да нетелъ, да телица полутора году, да 3 овцы, да свиня; молоченого хлѣба: ржи 5 четвериковъ, овса тожъ; посѣяно: ржи осмина, а овса посеяно 8 четвериковъ».

(л. 11—14) «*Деревни Березовы*: (переч. 19 дв. съ семьями кр.) «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоеж деревни Березовы Трошка Онтипинъ, жена у него Мамельөица Трофимова; дѣтей у него 4 сына· Матюшка 14 л., Ондрюшка 12 л., Микешка 7 л. Демка 5 л.; да 3 дочери: Оксютка 10 л.. Овдотица шти лѣтъ, Соломонидка двy летъ; а живота у него: 2 лошеди, да корова, 4 овцы, 6 свиней; оржаной муки—осмина; молоченнаго хлѣба: 5 четвериковъ ржи, а овса тожъ; посѣяно ржи 3 четверика, а овса посеено 6 четвериковъ».

(л. 14—18) «*Починка Мосина*»: (переч. 10 дв. кр. съ сем.); «*Починокъ Мышинъ*»: (переч. 4 дв. кр. съ сем.); «*Починка Маркова*» (переч. 2 дв. кр. съ сем.); «*Деревни Березовы*: (переч. 3 дв. кр. съ сем.) «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ починка Мосина Соөронка Савелевъ, жена у него Маврутка Микитина, да 2 сына: Ивашко 13 л., Ортюшка 4 недел; 2 дочеря: Огроөенка 8 л., Оришка 3 л.; а живота у него: 2 лошади, да 2 коровы, 4 овцы; а молоченого хлѣба—5 четвериковъ ржи, а овса тожъ; посеено ржи 4 четве-

рика, да всякова яровова хлѣба посеено 8 четвериковъ».

«Деревня Коряковская: (переч. 16 кр. дв. съ сем.); (л. 18—21
«Починка Маркова» (переч. 2 дв. кр. съ сем.); *«Починка Голзевв»* (1 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ деревни Коряковские Микитка Ѳроловъ сынъ Туманинъ; жена у него Анютка Зотѣева; детей у него 5 сыновъ: Ивашко 13 л., Сидорка 8 л., Игонка 5 л., Карпунка да Семенка—двойни, 3 летъ, да 2 дочери: Василиска 15 л., да Василиска ж 5 л.; а скотины у него: 2 лошеди, 3 коровы, 5 овець, да пятеро свиней; молоченого хлѣба: 5 четвериковъ ржи, а овса тож; посѣено ржи осмина, да ерововa хлѣба посѣено 4 четверика».

«Деревня Пахомова» (переч. 9 дв. кр. съ сем.); (л. 22—2
«Починка Гозева» (переч. 2 дв. кр. съ сем.); *«Деревня Вяткина»* (переч. 8 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ деревни Пахомовы Ѳедка Созоновъ, жена у него Мамелѳица Прокоѳиева; детей у него: сынъ Ивашко 10 л., Гришка 8 л., Ивашко шти лѣтъ; дочери: Устиница 5 л., Окулка—полугоду; а живота у него: 2 лошади, да 2 коровы, 4 овцы, 2 свини; молоченого хлѣба; 5 четвериковъ ржи, а овса тожъ; посѣяно ржи: 3 четверика, а овса посеяно 5 четвериковъ».

«Деревни Жуковы: (переч. 4 дв. кр. съ сем.); *По-* (л. 25—2
чинка Ширяикова: (переч. 4 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбраны крестьяня деревни Ширянкова починка Созонка да Ниѳонка Ниѳантовых детей Нестеровыхъ; у нихъ мать Ѳедорка Сергѣева; у Созонка жена Анютка Яковлева; детей у него два сына: Тимко по седмому году, Ѳедосейко по пятому году, да дочь Окулка—полугоду; у Ниѳонка жена Василиска Михайлова, да сынъ Агейко по другому году; а живота у нихъ: 2 лошади, да 3 коровы, да 3 телонка, да 2 овцы, да 5 свиней; а молоченого хлѣба: 5 четвериковъ ржи, овса тож; посеено ржи осмина, а овса посеено 6 четвериковъ».

Деревня Княжня. (Перечисл. 19 кр. дв. съ сем.). (л. 29—3
«А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоеж деревни Княжни Васка Ивановъ, жена у него Оришка Киприянова, детей у него: сынъ Спирка; у Спирки жена Матренка Микиѳорова; а скотины у него 2 лошади, да 2 коровы, да нетелъ, 4 овцы, да одна свиня; молоченого хлѣба: 5 четвериковъ ржи, овса тож; посеено ржи 3 четьерика, да ерововa всякова хлѣба посеено 8 четвериковъ».

(л. 33—36) *(Той же деревни* переч. 14 кр. дв. съ сем.); *Починокъ Семеновъ»* (переч. 4 дв. кр. съ сем.). А с техъ дворов выбранъ крестьянинъ деревни Княжни Матюшка Дороѳѣевъ, жена у него Устинница Иванова, да 4 сына: Ивашко 17 л., Якимко 15 л., Пашка двунадцати летъ, Стенка 8 л., да дочь Оринница 4 л.; а скотины у него: кобыла з жеребенкомъ, да 2 коровы; молоченого хлѣба 5 четвериковъ ржи, а овса тож, а посѣено всякова ероваго хлѣба 3 четверика».

(л. 36—40) *Деревня Середня Кузнецовская* (переч 12 крест. дв. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоеж деревни середние Кузнецовские Ѳочка Ивановъ; жена у него Василиска Улянова, да сынъ Дорофейко— женатъ; да 2 дочери: Улянка да Анютка 8 л., да зять Ульянкинъ муж Ѳедка Окуловъ; у Дороѳеика жена Ненилка Микитина; да у Ѳедки сынъ Лаврушка; а скотины у него: 2 лошеди да 2 коровы, 4 овцы, 6 свиней, молоченого хлѣба 5 четвериковъ ржи, а овса тожъ; посеено: ржи осмина, а овса посѣяно 4 четверика, да ячьменю пол четверика, да пьшеницы бажня».

(л. 40—44) *Деревня Далная Кузнецовская*: (перечисл. 19 дв. крест. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ тоеж деревни Далные Кузнецовские Гришка Ѳеонасьевъ, жена у него Варварка Ѳедорова, да 4 сына: Ѳедка — женатъ, да Кирюшка 10 л., да Ѳеонка 7 л., да Савка 4 л., да 2 дочери Оленка шти летъ, Ульянка 3 л.; у Ѳедки жена Окулка Кузмина; а скотины у него: 3 лошеди, да жеребенокъ, да 5 коровъ, 4 овцы; а молоченого хлѣба: 5 четвертей ржи, а овса тож; а посѣяно ржи 5 четвериковъ, а овса посѣяно 10 четвериковъ».

(л. 44—48) «*Починокъ Юшковъ (*переч. 15 двор. кр. съ сем.); дерев. *Далная Кузнецовская* (переч. 3 дв. кр. съ сем.). «А съ тех дворовъ выбраны крестьяня починка Юшкова Доронка да Захарко Полуехтовы дети; у Доронки жена Матренка Прокоѳьева, да пасынокъ у него Якимко Микитинъ 10 л.; у Захарка жена Василиска Иванова; а скотины у нихъ: 2 лошеди, да корова, 3 овцы, 4 свини; а молоченого хлѣба 5 четвериковъ ржи, а овса тож; посеено ржи три четверика, а еровова хлѣба посѣяно 4 четверика».

(л. 48—50) «*Починокъ Якимовъ*: (перечисл. 5 кр. дв. съ сем.); *Починокъ Кожинъ*: (переч. 6 дв. кр. съ сем.); *Починокъ Игнатьевъ*: (переч. 3 дв. кр. съ сем.); *Починокъ Семеновъ*: (переч. 2 дв. кр. съ сем.); *деревня Середня Кузнецовская*: (переч. 2 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дво-

ровъ выбранъ крестьянин починка Якимова Кирюшка Родивоновъ; жена у него Өедорка Васильева, да детей у него два сына: Максимко 7 л., Мишка 5 л., да дочь Матрена 10 л.; а скотины у него: 2 лошеди, да 2 коровы, да 3 овцы; молоченого хлѣба 5 четвериковъ ржи, а овса тож; посеено ржи 2 четверти казенных, да три четверти овса».

Той же книги № 2.

«Лѣта 7106 Өевраля въ 25 день по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу столникъ и воевода князь Юрьи Петровичъ Трубецкой, околничій Никита Михайловичъ Боборыкинъ, дьяки Өѳонасей Ташлыковъ, Юри Блудовъ велели Миките Маркову ѣхать в село Лебяже, для того... (далѣе дословно тоже, что и въ предыдущемъ)... и (л. 1)
приѣхавъ в село Лебяже и в том селе и в деревняхъ переписать крестьянъ и соседъ и подсоседниковъ и ихъ братю и племянниковъ со отцы и прозвищи всякого человѣка, и переписавъ выбрать ис того села и из деревень з дватцати дворовъ по крестьянину з женами и з детми и со всеми ихъ крестьянскими животы и з хлѣбомъ стоячимъ и с молоченымъ и земляным, которой посеенъ ко 106 году; а кого имянемъ выбранъ и с коихъ дворовъ и тому книги имные под семъ доѣздомъ». (л. 2)

«Книги села Лебяжя и деревнямъ и починкамъ крестьянамъ имянные».

«*Села Лебяжя*»: (переч. 9 дв. кр. съ сем.); «*Деревня Тишкина починка*» (переч. 4 кр. дв. съ сем.); «*Починокъ Малыхъ Шорей*» (переч. 4 дв. кр. съ сем.); *Деревни Большой Шоры* (переч. 2 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ врестьянинъ деревни Большой Шоры Янка да Ивашко Родивоновы дети *Астраханцы*; у Янки жена Соломонидка Огаөонова, детей у него 2 сына—Мишка 10 л. да Демка 4 л., да 2 дочери—Оришка 12 л., Оносьица 3 л.; у Ивашки жена Устиница Өролова, детей у него: 2 сына—Микоөорка 4 л., да Митка полутора году; скотины у нихъ: 2 лошеди да 2 жеребенка, 4 коровы, да быкъ, да 3 теленка, 9 овецъ, 2 свиньи; молоченого хлѣба: овса 5 четвериковъ, ржи осмина, ячьменю четверикъ, оржаной муки четверикъ; посеено ржи 3 четверика». (л. 7)

«*Деревни Большой Шоры*»: (переч. 3 кр. дв. съ сем.), «*Деревни Лоптевы*» (переч. 3 дв. кр. съ сем.) (л. 8—12)

«Деревни Огаооновские» (1 дв. кр. съ сем.). *«Починка Наисоковскаго»* (переч. 2 дв. кр. съ сем.). *«Починка на горахв над озеры»* (переч. 2 кр. дв. съ сем.). *«Починок Микитки Богаева»*. «Дв. крестьянинъ Микитка, да Марчко, да Сооонко, да Ларка, да Овдокимко Савины дети Богаевы; у Микитки жена Оришка Лукина; детей у него: сынъ Өедка, да дочери Оксьютка да Өедорка; у Марчки жена Окулька Саөонова; детей у нихъ: сынъ Юрька, да 2 дочери—Огроөенка, да Василиска; у Сооонка жена Палашка Григорьева; детей у него—сынъ Мишка; у Ларки жена Анютка Өедосѣева». *«Деревня Куркурская»* (переч. 5 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворовъ выбранъ крестьянинъ Ондрюшка Михайловъ сынъ Вышивцовъ, жена у него Степанидка Гаврилова; детей у него 2 сына—Семионко 13 л., Ондрѣянко шти летъ, да 2 дочери—Матренка 11 л., Василиска 3 л.; скотины у него: 3 лошеди, да 3 жеребенка, да корова, 5 теленковъ, 15 овецъ, 6 свиней; молоченого хлѣба: ржи 5 четвертей, овса 7 четвертей, ячменю осмина, полбы 3 четверика».

(л. 13—19) *«Починокв Бакаевв»* (переч. 2 дв. кр. съ сем.). *«Починокв Кремонки»* 1 дв. кр. изъ 2хъ братьевъ съ сем.). *Починка Пермьскаго* (переч. 10 дв. кр. съ сем.). *Починка на Дуброве Лаптева»* (переч. 6 дв. кр. съ сем.). «А с тех дворовъ выбранъ крестьянинъ починка Пермьскаго Өеөилко Ивановъ сынъ Ворыпаевъ, у него жена Пестелиница Кирилова; детей у него: сынъ Микитка 10 л., да пасынокъ Левка Огаповъ 12 л., да 2 дочери—Окулка 11 л., Наташка 7 л.; да у него ж соседъ Захарко Харитоновъ, жена у него Улинка Минѣева; да захребетникъ Кормушка Давыдовъ, жена у него Анютка Огапова, сынъ у него Давыдко 2 л.; у Өеөилка скотины: лошедь, да 2 жеребонка, да корова, 2 телонка, 2 овцы, 4 свиньи, посеено хлѣба ржи осмина; молоченого хлѣба: ржи четверикъ, овса 2 четверика, полбы 3 четверика, ячьменю осмина; у Захарка скотины: корова, 2 овцы, овса четверикъ; у Кормушки: одна лошедь, хлѣба ржи осмина».

(л. 20—23) *«Починокв Золотаина»* (переч. 7 дв. кр. съ сем.). *«Починокв Калянурской»* (описаны 2 дв. кр. съ сем.), *«Деревня Кореновская»* (оп. 2 дв. кр. съ сем.). *Деревни Реткины* (перечисл. 8 дв. кр. съ сем.). «А с тех дворовъ выбран крестьянинъ починка Калянурскаго Алешка Пареоновъ сынъ Сукьсынъ, жена у него Паранка Иванова; детей у него: сынъ Өедка полугоду,

да 2 дочери—Овдотица 12 л., Овдотица ж 4 л.; скотины у него: 3 лошеди, да 2 коровы, 3 телонка, да 3 овцы, 4 свини, 2 поросенка (зимняковъ); молоченого хлѣба: ржи четверть, овса 3 четверти, четверть полбы, ячьменю четверикъ; посеено ржи 3 четверика».

«*Деревни Толунбаики*» (переч 8 дв. кр. съ сем.). (*л.* 23—29)
«*Деревни Тулунбаска*» (опис. 5 дв. кр. съ сем.). «*Починокъ вершина по Тулунбайке речке*» (опис. 1 дв. крес. съ сем.). «*Починокъ Шишкинъ*» (опис. 3 дв. кр. съ сем.). «*Починокъ Дьяковъ*» (опис. 2 кр. съ сем.). *Починка Жукова*» (опис. 1 дв. кр. съ сем.). «А с техъ дворов выбран крестьянинъ деревни Реткины Ивашко Григорьевъ сынъ Белянинъ; у него жена Анютка Евеимова; детей у него 5 сыновъ: Гришка да Васка, да Костюнка, да Марчко, да Микитка; у Гришки жена Домника, у него 2 дочери—Оринка 4 л., Машка—году; у Васки жена Окулка Потапова, да сынъ Кузка году; у негож скотины: 2 лошеди, 2 коровы, да нетелъ, 2 теленка, 5 овецъ, 5 свиней; молоченого хлѣба ржи осмина, овса 3 четверти с осминою, ячьменю осмина; посеено ржи четверть».

«Да осталось четыре двора починка Жукова» (они описаны въ концѣ съ семьями).

УКАЗАТЕЛЬ ПОСЕЛЕНІЯМЪ.

А.

Агайбашъ дер. Казан. у. 104 пр. 3.
Агишева дер. Свіяж. у. 9 пр. 1, 18, 19, 44 пр. 2, 59, 60 пр. 1.
Айбаши дер. Каз. у. 293 пр. 3.
Александрова дер. Саранск. у. 196.
Алексѣевская дер. Сарат. у. 334 пр. 1.
Анатошъ село Казан. у. 84 пр. 2, 111 пр. 3.
Арбугинскія слоб. Симб. у. 190 пр. 3.
Архангельское—Городище село Каз. у. 333.
Архангельское или Бурнашево татарское Свіяж. у. 51.
Архангельское — Сосновый островъ тожъ Сар. у. 241.
Аскула дер. Сам. у. 233.
Ахметево — Мироново дер. Каз. у. 298.

Б.

Байгюзъ дер. Каз. у. 104 пр. 4.
Ветки село Каз. у. 84 пр. 2, 111 пр. 3.
Билярскъ городъ на Закам. чер. 169 пр. 1.
Богацкая дер. Казан. у. 291.
Богдановъ почин. Каз. у. 130 пр. 2.
Богдашкина дер. Симб. у. 295 пр. 4.
Богородское — Грязнуха село Каз. у. 333 пр. 1.
Богородицкій мон. въ Свіяж. 11, 12.
Богородское село Каз. у. 92, 93 пр. 1.
Борисова дер. Казан. у. 90 пр. 1, 109 пр. 2.
Борисоглѣбское — Плетени тожъ Каз. у. 88, 89, 107, 108.
Вракинъ почин. Чебок. у. 35 пр. 1.
Брусяна дер. Сам. у. 233 пр. 1.
Бурнашево село Свіяж. у. 5, 50 пр. 2, 61 пр. 1, 62 пр. 3.
Бусурманская слоб. Св. у. 10, 49 пр. 1.
Бѣлая Волошка дер. Св. у. 51 пр. 2, 61 пр. 1, 63 пр. 2.
Бѣлый Яръ городъ на Закам. 141—144.
Быкова поляна дер. Каз. у. 331

В.

Варсонофьевъ почин. Св. у. 15.
Вердиваская слоб. Симб. у. 79.
Верхній Сундырь поч. Чебок. пр. 1.
Войкина дер. Каз. у. 293.
Волосниковка дер. Каз. у. 286 і
Воробьевъ поч. Св. у. 43 пр. 2.
Ворошиловъ поч. Чебок. у. 35 і
Выползова дер. Самар. у. 230 п

Г.

Городище сельцо Св. у. 14, 18, пр. 1, 21, 43.
Гремячей поч. Св. у. 4 пр. 1.
Грязнуха село Каз. у. 285, 305,

Д.

Денисовъ поч. Чебок. у. 35.
Димитріевскъ, Камышинъ город
Долгое Озеро дер. Каз. у. 297 і
Долгушевъ почин. Св. у. 45 пр.

Е.

Енгильдѣевъ поч. - дер. Каз. у пр. 1.
Еремкина дер. Симб. у. 298 пр.
Ертуганова дер. Каз. у. 295 пр.
Ерыклинскъ острогъ на Закам. 146—147.

Ж.

Жилецкая слобода Св. у. 50 пр. пр. 2.
Жуковъ почин. Св. у. 4 пр. 1.

З.

Задніе Атары дер. Каз. у. 111 пр. 3.
Заинскъ городъ на Закам. чертѣ 161.
Закамская укрѣпл. черта 140—167.
Застепная дер. Каз. у. 256.
Золотаревка дер. Каз. у. 333 пр. 1.

И.

Ильинское село Сам. у. 229—230 пр. 1.
Инсаръ городъ на Симб. чертѣ 75, 76.
Исаково сельцо, а пот. село Св. у. 9 пр. 1, 12 пр. 1, 26, 48.
Ишери село Каз. у. 104.

К.

Кандала-Большая село Каз. у. 284—285 пр. 1, 304—305.
Кандала-Малая пос. Каз. у. 317.
Карлинская слоб. Св. у. 72 пр. 2.
Кашпиръ городъ на Волгѣ 238 пр. 3.
Килдеево дер. Св. у 17 пр. 2, 43, 45 пр. 3.
Кильнинскій острож. Тет. у. 72, 187, 188 пр. 1.
Кичуевскъ остр. на Закам. чер. 159—160.
Ключевъ почин. Св. у. 7 пр. 2.
Ключищенская слоб. Симб. у. 218.
Колмантаи дер. 334 пр. 1.
Корноуховъ поч. Св. у. 44 пр. 2.
Костентиновъ поч. Чебок. у. 35 пр. 1.
Красная Горка дер. Св. у. 9 пр. 1.
Кременки село Каз. у. 285, 305—306.
Кременская слоб. Симб. у. 218.
Кривушинская слобода Симб. у. 218.
Кругловъ поч. Уфим. у. 135 пр. 5.
Куземкина дер. Св. у. 8 пр. 1, 46, 59 пр. 2.
Кузьминнина дер. Каз. у. 85 пр. 1.
Кузьминъ поч. Св. у. 45 пр. 3.
Кукарская слоб. Каз. у. 98, 99, 113.
Кулунча дер. Тет. у. 67 пр. 4.
Куровской поч. Св. у. 15.
Кукюкъ сельцо Каз. у. 110 пр. 1.

Л.

Ларина-Бѣлая Волошка дер. Св. у. 4 пр. 1.
Лебяжье-Озеро дер. Каз. у. 331.

М.

Майна Верхняя село Каз. у. 291.
Майнскій острогъ 267—268.
Малмыжъ волость Каз. у. 104 пр. 4.
Малыковка село Сар. у. 242.
Маркваши дер. Самар. у. 231.
Маркваши село Св. у. 5, 10.
Маркова дер. Уфим. у. 135 пр. 3.
Матвѣевка дер. Каз. у. 287 пр. 1.
Мензелинскій остр. на Зак. чер. 163—164.
Мечасовскій почин. Тет. у. 67 пр. 4.
Моляковъ поч. Чеб. у. 35 пр. 1.
Мысъ (Чалвы) село Уфим. у. 136 пр. 2 и 3, 137, 151.

Н.

Набережная слоб. Уфим. у. 137 пр. 3.
Налетева дер. Каз. у. 295 пр. 1.
Налуевская слоб. Пенз. у. 235.
Некрасовъ почин. Каз. у. 92 пр. 1.
Никольское-Черемшанъ село Каз. у. 333 пр. 1.
Никоновъ почин. Св. у. 45 пр. 3.
Новая деревня Новокульская 299 пр. 1.
Новая дер., а Старая Нижняя Вязовая тожъ Свіяж. у. 56 пр. 1.
Новодѣвичье село Симб. у. 243.
Новое дер Свіяж. у. 7 пр. 2.
Новое Никольское, Жукотино тожъ Каз. у. 168 пр. 1.
Новоселки дер. Каз. у. 90 пр. 1, 109 пр. 2.
Новое село (быв. дер. Селменцова) Св. у. 44, 53 пр. 1, 59.
Новошешминскъ остр. на Закам. чертѣ 157—158.

О.

Одинокая Береза дер. Св. у. 45 пр. 1.
Осиновый Буеракъ дерев. Сам. у. 231.
Ошнякъ дер. Каз. у. 85 пр. 1.

П.

Павловскъ городъ 247.
Панская дерев. Симб. у. 219—220.
Патрикѣевъ почин. Свіяж. у. 45 пр. 3.
Пенза городъ 234 пр. 1.
Петровскъ городъ 247.
Печерская слоб. Сызр. у. 237—238.
Печищи почин., пот. дерев. Св. у. 15, 45 пр. 3, 56 пр. 1.
Побѣдиловъ поч. Каз. у. 111 пр. 3.
Подшиваловъ почин. Чебок. у. 35 пр. 1.
Полянка дер. Каз. у. 256.
Полянскій городокъ 269 пр. 2.
Помряскина дер. Каз. у. 287, 318.

Поповка дер. Каз. у. 109 пр. 2.
Пролей Каша дер. Тет. у. 27, 28, 66, 67.

Р.

Раиеская пустынь Каз. у. 102.
Решетниковъ поч. Каз. у. 91.
Рискина дер. Каз. у. 319—320 пр. 1.
Рождественское село Сам. у. 229.
Рождественское-Сосновка Каз. у. 333 пр. 1.
Рыбная слоб. Каз. у. 83, 84 пр. 1.
Рыкова Поляна поч. Св. у. 45 пр. 1.

С.

Савинъ почин. Уфим. у. 135 пр. 4.
Самара городъ 228—229.
Самарская Лука 220—222.
Саеаровъ поч. Каз. у. 93 пр. 1.
Свиныя горы дерев. Каз. у. 270—272.
Селменцова дер. Св. у. 44, 53 пр. 1.
Семибратенникова дер. Каз. у. 89, 90 пр. 1, 109 пр. 1.
Семиозерная пустынь Каз. у. 103.
Сенгилѣевская слоб. Симб. у. 191.
Сергіевское-Воскресенское тожъ с. 244.
Середь Тихихъ горъ дер. Уф. у. 151.
Слобода на Коровей Гривѣ Св. у. 49 пр. 1.
Симбирская укрѣп. черта 74 75.
Симбирскій уѣздъ 217—218.
Симбирскъ городъ 74, 215—217.
Сокольи Горы дер. Каз. у. 272—276, 336.
Сосновка дер. 371.
Сосновый Солонецъ дер. Сам. у. 233.
Студенецъ дер. Св. у. 43 пр. 2.
Сундырь село Чебок. у. 34—35.
Сунчалѣевъ почин. Св. у. 52 пр. 1.
Сызранъ городъ 235—236.

Т.

Тагай пригор. Симб. у. 220.
Тенки село Св. у. 5.
Тереса село Сарат. у. 242.
Тетюшская засѣка 22.
Тіинскій острогъ на Закам. чертѣ 153.
Тинчюринъ почин. Тет. у. 29. 67 пр. 4.
Троицы Серг. мон. въ Свіяж. 11, 12, 13.
Тушинская слоб. Симб у. 218.
Тюбекъ дер. Каз. у. 87, 88.

У.

Уланкова дер. Св. у. 19, 53 пр. 1.
Урай дер. Каз. у. 85.
Урайкина дер. Каз. у. 294 пр. 3.
Уренбашъ дер. Симб. у. 293 пр. 1.
Урень-Тюгѣево дер. Каз. у. 294 пр. 1.
Услонъ Большой или Верхній село Св. у. 43, 45 пр. 3, 53 пр. 1, 60 пр. 2.
Услонъ Нижній Св. у. 43 пр. 2, 60 пр. 2.
Услонъ сельцо Св. у. 14, 15, 43, 53 пр. 1.
Усолье Надѣинское Сам. у. 225—228.
Утка-Зеленовка дер. Каз. у. 286 пр. 2.
Утка-Кокрячъ, Алань тожъ дер. Каз. у. 285 пр. 2 и 3.
Уткинскій острогъ 267—268.
Утяково Малое дер. Св. у. 7 пр. 2.

Х.

Харинъ почин. Каз. у. 90 пр. 1, 109 пр. 2.
Хариповскій дер.-почин. Каз. у. 92 пр. 1, 110 пр. 1.
Хмѣлевка дер. Каз. у. 317.

Ч.

Чалны городъ Уфим. у. 132—134.
Чалны село Уфим. у. 119 121—124.
Чердакли дерев. Симб. у. 292 пр. 1, 325—326.
Черемхинъ дер. поч. Каз. у. 92 пр. 1.
Черный Яръ острогъ 203 пр. 1.
Чертыковское сельцо Каз. у. 130.
Чертыкъ дер. Казан. у. 257.

Ш.

Шевлягина слоб. Св. у. 49 пр. 1.
Шиловская слоб. Симб. у. 218.
Шильня Средняя дер. Уф. у. 138 пр. 2.
Шильня Нижняя дер. Уф. у. 151 пр. 2.
Ширяевъ-Буеракъ дер. Сам. у. 231.
Шишкинъ почин. Уф. у. 151 пр. 2.
Шмелевка дер. Каз. у. 319.

Ю.

Юртовка (Старые Юрты) дер. Св. у. 7 пр. 2, 49 пр. 1.
Юртово дер. Св. у. 49 пр. 1.
Юшанскъ пригор. Симб. у. 78.

Я.

Янганаева-Яртудина дер, Каз. у. 255.
Янгуватовъ поч Тет. у 87 пр. 4.
Яркуль дер. Каз. у. 296 пр. 2.

Ѳ.

Ѳедоровское село Тет. у. 23, 28, 29, 67 пр. 4.
Ѳедяева дер. Св. у. 17 пр. 2.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать*
24	7-я сверху	Составлялась	Составилась
25	4-я снизу	крестьяпе	крестьяне
30	10-я сверху	Единственно,	Естественно, что въ
44	1-я снизу	Новою деревнею и Новымъ починкомъ	новою деревнею и новымъ починкомъ
57	6-я »	сѣноковъ	сѣнокосовъ
76	въ 3-мъ примѣчанiи 4-я снизу	все	всего
—	»	соазмѣрно	соразмѣрно
84	въ 1-мъ примѣчанiи 5-я сверху	плвтитъ	платитъ.
92	11-я снизу	квестьянами	крестьянами
110	въ примѣч. 1-мъ 3 я снизу	дв. 35 людей въ нихъ 107	дв. 97, людей въ нихъ 316
118	въ примѣч. 1-мъ 3-я снизу	де на 12 десят.	да на 12 десят.
155	3-я »	по 1658 годъ	по 1674 годъ
165	1-ая сверху	по всей вѣроятности, предоставлены были	по всей вѣроятности, вслѣдствiи предоставлены были
178	въ 1-мъ примѣч. 3-я снизу	въ 1717 г.	въ 1617 г.
200	въ 3-мъ примѣч. 4-я сверху	(Разана)	(Разина)
205	7-я »	острожкакъ	острожкахъ
214	3-я снизу	въ Симбирскомъ уѣздъ	въ Симбирскомъ уѣздѣ.
244	12-я »	тѣми особенностями	тѣми особенными выгодами
249	1-я сверху	нахоты	пахоты
279	8-я »	болыля ; пные	бобыля; иные
—	10-я »	современнаго	современнаго намъ
291	9-я »	могли смущаться	могли ими смущаться
304	1-я снизу	одного и изъ	одного изъ
325	5-я »	простирались пашенныя	простирались ихъ пашенныя
338	3-я »	всякiя озлобленiя	великiя озлобленiя
338	въ примѣч. 1-мъ (на слѣд. стр.) 3-я снизу	*прежнiе*	*прежнее*
369	въ примѣч. 1-мъ 9-ая сверху	иеволѣ	неволѣ

Энциклопедія и философія права въ Германскихъ и Австрійскихъ университетахъ

Магистра Н. Е. Чижова.

Въ послѣднее время все громче и громче стали раздаваться голоса за необходимость радикальнаго преобразованія науки права и кореннаго измѣненія положенія науки права среди всего человѣческаго знанія. Въ наши дни считаютъ необходимымъ поставить правовѣдѣніе на реальную, объективную почву, а право опредѣлять, преимущественно, объективными условіями человѣческаго бытія. Надъ субъективизмомъ, какъ философскимъ направленіемъ въ правѣ, нынѣ издѣваются. Новая струя научнаго направленія въ правовѣдѣніи само-собой привела ученыхъ къ установленію и новыхъ задачъ энциклопедіи права и къ измѣненію ея содержанія. Энциклопедія права нашего времени (скажемъ и мы вмѣстѣ съ другими) безспорно требуетъ значительной переработки, которая должна коснуться основныхъ ея началъ. Въ виду того обстоятельства, что современная юридическая литература еще не представляетъ ни одного сочиненія по энциклопедіи права (а оно ждется съ нетерпѣніемъ), основаннаго на *новыхъ* началахъ, мы рѣшились поставить задачу и содержаніе энциклопедіи права въ зависимость отъ требованій *современнаго* правовѣдѣнія. Наше рѣшеніе находится уже на пути къ исполненію. Для успѣшнаго веденія дѣла, мы предпринимали двѣ поѣздки въ Германію и Австрію, для знакомства съ положеніемъ нашего предмета на каѳедрахъ университетскихъ. Результатомъ этихъ поѣздокъ было наше ознакомленіе съ со-

стояніемъ энциклопедіи права и философіи права въ Вѣнскомъ, Пражскомъ, Гейдельбергскомъ, Страсбургскомъ и Мюнхенскомъ университетахъ. Мы намѣрены, кромѣ того, посѣтить еще нѣсколько другихъ университетовъ Германіи, Австріи, Франціи и Италіи съ тѣмъ, чтобы, въ недалекомъ будущемъ, дѣйствительно представить нашу науку сообразно *современнымъ* научнымъ требованіямъ. Состояніе науки никогда не узнаешь вполнѣ изъ однихъ только *печатныхъ* изслѣдованій. Для полнаго ознакомленія съ наукой необходимо непосредственное ея изученіе на каѳедрахъ и чрезъ личныя бесѣды съ профессорами. Очень многое не печатается изъ того, что читается на каѳедрахъ, а между тѣмъ часто только съ каѳедры и въ личныхъ бесѣдахъ съ профессорами можно услышать то, что зовется «послѣднимъ словомъ науки». Въ виду такой важности *непосредственнаго* знакомства съ энциклопедіей и философіей права, мы отвели въ своемъ трудѣ изложенію состоянія нашего предмета на каѳедрахъ самое видное мѣсто. Настоящій выпускъ о состояніи энциклопедіи и философіи права въ Германіи и Австріи есть не иное что, какъ *часть матеріаловъ* къ нашему основному труду «пересмотръ ученій объ энциклопедіи права». Въ этотъ выпускъ вошло изложеніе содержанія лекцій профессоровъ Гейдельбергскаго университета *Штрауха и Шульце*, и профессора Вѣнскаго университета *Лоренца* фонъ *Штейна* (философія права) съ небольшими, пока, критическими замѣчаніями.

ВВЕДЕНІЕ.

Нѣтъ ни одной отрасли правовѣдѣнія, относительно которой было бы столь много самыхъ неопредѣленныхъ взглядовъ, какъ энциклопедія права. Не говоря уже о непросвѣщенныхъ, даже среди мыслителей юристовъ почти каждый трактуетъ объ энциклопедіи права *по своему*. При такомъ положеніи вещей, изучающій энциклопедію права становится, можно сказать, втупикъ предъ вопросами: что же это за наука энциклопедія права? Какое ея значеніе среди другихъ наукъ юридическаго образованія? Какая цѣль ея изученія и какое ея содержаніе?..

Разрѣшеніе означенныхъ вопросовъ представляетъ такую важность, что имъ обусловливается не только судьба нашего предмета въ университетѣ, но и научная самобытность энциклопедіи права.

Обыкновенно, смотрятъ на энциклопедію права, какъ на *сборъ* знаній изъ всей области спеціальныхъ юридическихъ наукъ. Нерѣдко говорятъ, что энциклопедія есть «извлеченіе» изъ тетрадокъ и записокъ по всѣмъ предметамъ, преподоваемымъ на юридическомъ факультетѣ. Изъ этого заключаютъ, что стоитъ только соединить всѣ юридическія науки въ одно цѣлое (хотя бы, даже, сократя объемъ каждой изъ нихъ) и выйдетъ энциклопедія права. Есть даже личности, которыя издѣваются надъ энциклопедіей, называя ея изученіе верхоглядствомъ. Такой пошлый взглядъ на нашу науку имѣлъ бы свое оправданіе только въ томъ случаѣ, если бы энциклопедія состояла изъ

сбивчивыхъ, шаткихъ мнѣній и взглядовъ на право; если бы она была только *суммою*, механически связанныхъ между собою юридическихъ свѣдѣній. Но, къ счастію, исторія нашей науки опровергаетъ вышеприведенный взглядъ на энциклопедію права, такъ что такому взгляду нынѣ уже нѣтъ мѣста въ университетѣ. Въ ученой юридической литературѣ и на университетскихъ каѳедрахъ хотя и идетъ споръ, хотя и существуетъ разнообразіе мнѣній, относительно энциклопедіи права, но совершенно на другихъ началахъ.

По своимъ взглядамъ на энциклопедію права, ученые раздѣляются на два противоположные лагеря. Одни изъ ученыхъ не признаютъ за энциклопедіей значенія *самостоятельной* науки, считая ее только *введеніемъ* въ изученіе права и *заключеніемъ* изученія онаго; при этомъ оправдываютъ ея существованіе среди другихъ юридическихъ наукъ чисто *практическими* цѣлями, *пропедевтическими* соображеніями (Конопакъ, Фалькъ, Фридлибъ, Гольдшмидтъ и французскіе энциклопедисты). Напротивъ, другіе ученые считаютъ энциклопедію права *самостоятельною* наукою (Фридлендеръ, Варнкöнигъ, Вальтеръ, Аренсъ, Ренненкампфъ, Карасевичъ, Капустинъ, и друг.).

Отрицаніе самостоятельности энциклопедіи началось очень давно и продолжается до сихъ поръ. Еще *Конопакъ* въ своемъ сочиненіи «Über den Begriff und Zweck einer Encyklopädie im Allgemeinen und der der Rechtswissenschaft im Besondern» (1800) весьма рѣзко и сильно говорилъ противъ энциклопедіи, какъ самостоятельной науки. По его мнѣнію, энциклопедія науки должна быть изложеніемъ главныхъ моментовъ науки въ ихъ тѣсной связи между собою, но такое изложеніе было бы не возможнымъ, если бы всѣхъ этихъ моментовъ нельзя было привести къ одному, высшему общему моменту. Обращая вниманіе только на это, энциклопедію можно разсматривать какъ науку; но сравнивая энциклопедію науки съ самой наукой, съ одной стороны находятъ, что въ энциклопедіи ничего не содержится такого, что не заключалось бы въ самой наукѣ, къ которой она относится, съ другой стороны, что она имѣетъ своимъ пред-

метомъ только главнѣйшіе, тѣсно связанные между собою, материалы. Въ этомъ и все различіе между ними. Но подобнаго различія недостаточно, чтобы энциклопедію разсматривать, какъ особую науку (§ 14).

Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ мыслить науку или in abstracto (въ идеѣ) или такою, какою она является въ дѣйствительности, въ изложеніяхъ, in concreto. Въ первомъ случаѣ, она была бы совершеннымъ, во всѣхъ своихъ частяхъ вполнѣ исчерпаннымъ цѣлымъ, въ послѣднемъ, напротивъ, ея границы были бы до извѣстной степени не опредѣленны, въ частностяхъ никогда неполны. Конспектъ (compendium) науки и ея самое полное изложеніе были бы одною и тою-же изложенною наукою съ тѣмъ только различіемъ, что первый былъ бы менѣе подробенъ втораго. Если приложить это къ энциклопедіи, то она могла бы стоять къ компендіуму точно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ этотъ послѣдній къ болѣе подробному развитію науки, а это развитіе къ наукѣ вообще (in abstracto). Но какъ нельзя назвать науку, изложенную въ компендіумѣ, особой, самостоятельной наукой по отношенію къ изложенной въ подробномъ развитіи, то потому же самому основанію нельзя назвать и энциклопедію науки самостоятельною наукою по отношенію къ изложенной въ компендіумѣ (§§ 14—16). Конопакъ отрицаетъ самостоятельность не только частной, но и общей энциклопедіи. Полемизируя съ Вил. *Кругомъ* (Über den Zusammenhang der Wissenschaften unter sich und mit den höchsten Zwecken der Vernunft, 1795), Конопакъ замѣчаетъ: «если бы общая энциклопедія была самостоятельною наукою, то она, простираясь на всѣ науки, необходимо должна была бы имѣть предметомъ самое себя. Но къ чему это поведетъ? А къ тому, что самое понятіе энциклопедіи уничтожится. Если мы обозначимъ всѣ науки буквами a, b, c, d, e, а энциклопедію всѣхъ этихъ наукъ буквою E, то будетъ-ли это E общею энциклопедіей? Вовсе нѣтъ, потому что она сама наука и должна была бы обнимать собою и это E. Если прибавимъ это E къ прочимъ наукамъ, и обозначимъ энцикло-

педію наукъ a, b, c, d, e..., E буквою E′, то это E′ снова не будетъ общею энциклопедіею, ибо она сама наука, на которую должна была бы простираться также общая энциклопедія. Изъ всего сказаннаго Конопакъ выводитъ, что мы никогда не найдемъ общей энциклопедіи, такъ какъ все то, что мы примемъ за таковую, будетъ наука и потому войдетъ въ составъ общей энциклопедіи. Энциклопедія права, по Конопаку, тоже не самостоятельная наука; ея назначеніе — удовлетворять только *практическимъ* цѣлямъ *введенія* въ изученіе права. Слѣд. по Конопаку, существованіе энциклопедіи оправдывается только *педагогическими* цѣлями. Педагогическими цѣлями опредѣляютъ значеніе энциклопедіи права и большинство новѣйшихъ энциклопедистовъ. Мыслители этого направленія говорятъ, что энциклопедія права предназначена для *начинающихъ* и *оканчивающихъ* юридическое образованіе. Въ этомъ случаѣ, не лишне будетъ привести мнѣніе нашего извѣстнаго юриста покойнаго *К. А. Неволина*. По его мнѣнію, энциклопедія законовѣдѣнія есть *обзоръ* наукъ законовѣдѣнія въ общей ихъ связи, какъ со всѣмъ человѣческимъ вѣдѣніемъ, такъ и между собою (§ 1). Съ дной стороны, энциклопедія есть наука самостоятельная, направленная къ тому, чтобъ понять образованіе наукъ законовѣдѣнія и соединеніе ихъ въ одно цѣлое; съ другой стороны, по тому же самому она есть вмѣстѣ и связное, сокращенное ихъ изложеніе, небольшая модель величественнаго зданія (§ 3). Энциклопедія законовѣдѣнія имѣетъ главнымъ своимъ предметомъ изложить систематически весь составъ наукъ законовъ (§ 4). Въ этомъ смыслѣ, энциклопедія необходима, какъ вообще, такъ и въ особенности для начинающихъ и оканчивающихъ курсъ наукъ юридическихъ.

1. Для начинающихъ энциклопедія необходима въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

a) Энциклопедія, обозрѣвая науки юридическія въ общей ихъ связи со стороны содержанія, тѣмъ самымъ даетъ начинающему твердыя точки для того, чтобъ онъ могъ установить свои понятія при изученіи наукъ законовѣдѣнія. Безъ нея раз-

нообразіе содержанія совершенно бы подавило его; въ цѣломъ онъ видѣлъ бы предъ собою почти одинъ только хаосъ; онъ блуждалъ бы какъ будто въ странѣ неизвѣстной, среди обширнаго океана, не зная гдѣ онъ находится, что лежитъ у него сзади, что — спереди, — что по одну его сторону, что по другую.

б) Энциклопедія, обозрѣвая науки юридическія въ общей ихъ связи со стороны формы, указываетъ начинающему правильную методу изученія законовъ. Безъ такого указанія онъ легко можетъ уклониться отъ прямаго пути, можетъ сдѣлаться нетвердымъ въ шагахъ своихъ; во всякомъ случаѣ долженъ будетъ идти къ своей цѣли слѣпо, безъ сознанія. — Правда, для тѣхъ, которые обучаются въ заведеніи, гдѣ весь порядокъ ученія опредѣленъ правительствомъ, потребность энциклопедіи въ этомъ отношеніи менѣе можетъ быть чувствительна; но и они должны имѣть отчетливое познаніе о томъ, что съ ними и для нихъ дѣлается. Многое, сверхъ того, при изложеніи всякой науки, а слѣдовательно и наукъ юридическихъ, необходимо должно быть предоставляемо собственному занятію воспитанника; при этомъ знаніе правильнаго способа изученія для него необходимо. Еще болѣе нужно для него такое знаніе по выходѣ его изъ учебнаго заведенія, когда онъ совершенно предоставляется себѣ самому, и когда, тѣмъ не менѣе, онъ все долженъ пополнять и распространять свои познанія.

в) Энциклопедія удовлетворяетъ естественному желанію учащагося — имѣть какое нибудь понятіе о предметахъ будущаго своего ученія, обозрѣть предварительно весь путь свой съ самаго начала до конца (§ 2)[1].

---

[1]) Мы привели очень подробно мнѣніе Неволина о значеніи энциклопедіи, такъ какъ оно представляетъ одно изъ лучшихъ и ясныхъ мнѣній во всей европейской юридической литературѣ по данному пункту. Для полноты взгляда Неволина на значеніе энциклопедіи права, какъ науки *вводной* необходимо присоединить къ нему и мнѣніе Роберта фонъ *Моля*. Въ его Encyklopädie der Staatswissenschaften (§ 9 изд. 1859 г.) мы читаемъ: Unter Encyklopädie einer Wissenschaft versteht man eine vollständige Übersicht über deren gesammten Umfang und über den Inhalt aller ihrer Theile. *Dem*

Независимо отъ значенія энциклопедіи для начинающихъ, она предназначается и для *оканчивающихъ* юридическое образованіе. Въ этомъ случаѣ, мы опять воспользуемся мнѣніемъ проф. *Неволина*. Особенно важно, говоритъ *Неволинъ*, и полезно можетъ быть энциклопедическое обозрѣніе по окончаніи курса наукъ юридическихъ Слабые очерки, въ какихъ энциклопедія изображаетъ предметы, теперь получили для учащагося всю нужную полноту; изъ легкаго очерка развилась въ его духѣ живая картина. Энциклопедическое обозрѣніе при концѣ его поприща вдругъ освѣщаетъ въ его памяти все слышанное имъ въ продолженіи нѣсколькихъ годовъ; онъ оканчиваетъ свое ученіе такъ, какъ будто бы оно продолжалось только нѣсколько дней [1]).

Ко всему сказанному надо прибавить, что мыслители, придающіе энциклопедіи права значеніе науки вводной и заключительной, требуютъ отъ энциклопедіи *краткости* и *сжатости* изложенія ея содержанія и эту краткость и сжатость изложенія признаютъ необходимою принадлежностью энциклопедическаго преподаванія права. Такимъ образомъ, энциклопедія права, разсматриваемая съ точки зрѣнія *практической* ея пригодности, будетъ изложеніемъ общихъ моментовъ права и правовѣдѣнія,

---

Umfange nach ist die Gesammtheit derjenigen einzelnen Lehren und ganzen Systeme aufzunehmen, welche ihren Mittelpunkt in dem Gegenstande der fraglichen Wissenschaft haben... Die *Aufgabe* einer Encyklopädie kann eine dreifache sein. — 1. Sie kann dienen zur ersten Einleitung in das Studium der betreffenden Wissenschaft. In diesem Falle ist die Hauptsache: scharfe Bezeichnung der Grundbegriffe; Hervorhebung der wichtigsten Sätze und Andeutung der bedeutendsten Streitfragen, richtige logische Ordnung der Haupttheile; ein Umriss der Ausbildungs-Geschichte und der Bücherkunde. 2. Ein anderer Zweck mag sein, der grösseren Lesewelt eine leichtfassliche, somit nicht tief unter die Oberfläche eindringende allein gefällige, Uebersicht über ein wissenschaftliches Gesammtgebiet zu geben (S. 46, 47). Ср. Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. I. 114 и слѣд.

[1]) По *Молю* значеніе энциклопедіи, какъ заключительной науки, выражается въ слѣдующихъ словахъ; 3. Endlich mag eine Encyklopädie für die mit dem Gegenstande bereits im Einzelnen Vertrauten als Kritik des Systems, der Methode und der hauptsächlichsten Lehrsätze bearbeit sein. (Encyklopädie der Staatswissenschaften, § 9. Стр. 47).

предназначенным для начинающих и оканчивающих юриди ское образованіе, при томъ изложеніемъ краткимъ и сжатымъ. воря иначе — энциклопедія права есть «обозрѣніе» всѣхъ час права и всѣхъ юридическихъ наукъ.

Постарается выяснить, на сколько состоятельно мнѣніе у ныхъ, оправдывающихъ существованіе энциклопедіи права чи практическими цѣлями и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшимъ вопро слѣдуетъ ли считать краткость и сжатость изложенія необ димыми и существенными признаками энциклопедіи права?

Несостоятельность практическаго взгляда на энциклопе, права и недостаточность краткости и сжатости изложенія, к существенныхъ признаковъ энциклопедіи, весьма рельефно оп дѣлилъ бывшій проф. С.-Петербургскаго университета, *П. Рѣдкинъ*, въ своемъ курсѣ «Энциклопедіи юридическихъ, литическихъ и соціальныхъ наукъ», (литографированный курс который занимаетъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ европейской литературѣ по юридической энциклопедіи. Зна ніе каждой науки въ истинномъ смыслѣ зависитъ отъ ея держанія, которымъ, хотя и можно пользоваться для извѣ ныхъ практическихъ, внѣшнихъ цѣлей, однако оно, это сод жаніе, существуетъ независимо отъ сихъ послѣднихъ. Ц изложенія каждой науки опредѣляются сущностью нау говоря вмѣстѣ съ проф. *Рѣдкинымъ*, онѣ должны б объективны. Вслѣдствіе сего, наука сама по себѣ являе объективною, такъ какъ она содержитъ въ себѣ объективн истины (содержаніе науки), а слѣдовательно она не имѣ ни какой зависимости отъ внѣшнихъ, чуждыхъ ея природѣ лей. Въ самомъ дѣлѣ, гов. проф. Рѣдкинъ, если наука дол вести къ какой либо внѣшней, ей чуждой цѣли, то значитъ пустить, что наука должна быть только *средствомъ* для дос женія этихъ внѣшнихъ цѣлей, а превративши ее въ средс мы уничтожимъ ея самостоятельность. Но не самоцѣльная, самостоятельная наука не есть наука въ истинномъ смыслѣ уничтоживъ ея самостоятельность, мы тѣмъ самымъ уничтож ее вообще, какъ науку въ истинномъ смыслѣ. Поэтому, если

изложенія науки, мы зададимся внѣшними цѣлями, то мы тѣмъ самымъ стѣснимъ самихъ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ стѣснимъ самую науку, мы убьемъ ее, убивъ ея самоцѣльность, самостоятельность. Оттого и происходитъ, что излагающіе науку въ виду только внѣшнихъ цѣлей и цѣлей этихъ не достигаютъ и науку излагаютъ противно ея сущности, какъ не самостоятельную и не самоцѣльную. Изъ этого мы заключаемъ, напротивъ, что не задаваясь напередъ при изложеніи науки ни какими внѣшними цѣлями, не стѣсняя ими ни самихъ себя, ни науку, мы изложимъ ее самостоятельно, независимо, свободно, какъ науку въ истинномъ смыслѣ слова, а между тѣмъ въ результатѣ такого изложенія науки непремѣнно окажется, что всѣ цѣли будутъ достигнуты сами собою. Основываясь на вышесказанномъ, можно сдѣлать слѣдующій выводъ: если значеніе энциклопедіи права опредѣлять практическими цѣлями ея преподаванія для начинающихъ и оканчивающихъ юрид. образованіе, то значитъ свести энциклопедію права на степень *средства*, для достиженія при ея содѣйствіи субъектныхъ, шаткихъ самихъ по себѣ, цѣлей учащихся или учащихъ; и такъ же значитъ отличать энциклопедію права отъ другихъ наукъ не по *обьективнымъ*, чисто-научнымъ основаніямъ, а по зависимости ея отъ *субъективныхъ* требованій слушателей или преподователя. Ограничивать же нашу науку и ея значеніе субъективными слабостями учащихся или субъективными соображеніями преподователя значитъ исключить энциклопедію изъ области наукъ, сводя ее на мѣсто простаго средства для внѣшней цѣли. Всѣ постороннія цѣли изученія и преподаванія энциклопедіи достигнутся сами собою, если значеніе энциклопедіи и ея существованіе въ научномъ организмѣ будутъ опредѣляться *обьективными* научными началами, вытекающими изъ природы предмета нашей науки.

Признаніе энциклопедіи права только «обозрѣніемъ», краткимъ и сжатымъ (хотя бы систематическимъ) «очеркомъ» всѣхъ юридическихъ наукъ слѣдуетъ признать тоже не научнымъ По этому случаю, мы скажемъ снова вмѣстѣ съ проф. Рѣдкинымъ, что краткость и сжатость не составляютъ существеннаго свой·

ства энциклопедіи права въ отличіе отъ всѣхъ другихъ юридическихъ наукъ. Эти понятія (краткость и сжатость) не опредѣленны, растяжимы и вытекаютъ не изъ сущности содержанія энциклопедіи права, а изъ субъективныхъ соображеній преподавателя или автора, который можетъ, какъ *ему* угодно и *когда ему* угодно вносить свой произволъ въ содержаніе энциклопедіи права, что совершенно чуждо наукѣ, въ истинномъ ея смыслѣ.

Независимо отъ ненаучности означенныхъ свойствъ (т. е. краткости и сжатости) энциклопедіи права, признаніе ихъ *существенными* качествами нашей науки оказывается даже совершенно *безполезнымъ*. Если свести все содержаніе энциклопедіи права *къ сокращенному* изложенію *важныхъ* (въ наукѣ каждая истина *важна*) истинъ науки, оправдываемому внѣшними, посторонними цѣлями, то ея университетское положеніе можетъ быть признано даже излишнимъ: ее нужно уничтожить, такъ какъ можно обойтись и безъ энциклопедіи права, какъ легко обходятся безъ всякихъ сокращеній. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ проф. *Рѣдкинъ*, можетъ быть по этому и обходятся безъ энциклопедіи другіе юридическіе факультеты, гдѣ энциклопедія права не преподается, въ виду напрасной траты драгоцѣннаго академическаго времени на изложеніе энциклопедіи права,—времени, необходимаго для основательнаго изученія спеціальныхъ наукъ. Значеніе каждой науки среди другихъ наукъ опредѣляется *особенностью* ея *содержанія*, чуждаго всякихъ личныхъ усмотрѣній и цѣлей. Только самостоятельное, покоющееся на объективныхъ началахъ, содержаніе, возводитъ знаніе въ науку и дѣлаетъ послѣднюю самобытною.

Самостоятельное научное значеніе энциклопедіи права опредѣляется ея *специфическимъ* содержаніемъ, не входящимъ ни въ одну изъ спеціальныхъ юридическихъ наукъ въ ихъ отдѣльности и въ ихъ совокупности. Мы считаемъ энциклопедію права *самостоятельною* наукою среди другихъ юридическихъ наукъ. Въ виду этого признанія энциклопедіи права самостоятельною наукою мы переходимъ къ характеристикѣ ученій тѣхъ энциклопедистовъ, которые стоятъ за самостоятельность нашей

науки. Мыслители, отстаивающіе самостоятельность энциклопедіи права среди другихъ юридическихъ наукъ, смотрятъ на энциклопедію права, какъ на *единое цѣлое*, органически связанное во всѣхъ своихъ частяхъ. Она, по ихъ мнѣнію, должна представлять свое содержаніе, какъ стройную *систему* понятій, логически связанныхъ между собою и подчиненныхъ единому высшему и общему понятію. Подобно тому, какъ въ кругѣ всѣ части периферіи находятся въ зависимости отъ центра, вокругъ котораго всѣ они смыкаются и въ совокупности образуютъ замкнутую фигуру, такъ точно въ энциклопедіи всѣ составныя ея части должны группироваться вокругъ своего центра, а въ совокупности составлять одно законченное цѣлое (Обр. вн. на ст. г. *Н. Звѣрева* «энциклопедія права въ ряду юридическихъ наукъ»). Если энциклопедія права есть единство частей ея содержанія, то писателямъ нетрудно уже было перейти къ признанію энциклопедіи права *органическимъ* построеніемъ *системы* правовѣдѣнія (Ортлофъ, Варнкёнигъ, Аренсъ, Вальтеръ, Ренненкампфъ, и друг.).

Если энциклопедія права есть органическое единство всѣхъ частей права и науки права, то мы еще не знаемъ — *откуда* она заимствуетъ свое *содержаніе?*

При рѣшеніи этого вопроса, одни изъ писателей говорятъ, что энциклопедія права не имѣетъ своего *особаго* содержанія или предмета изученія, что не заключалось бы во всѣхъ прочихъ юридическихъ наукахъ, но ея самостоятельность пріобрѣтается способомъ отношенія къ изучаемому матеріалу, не тѣмъ, что она изучаетъ, а тѣмъ, *какъ* она изучаетъ (Сравн. Ренненкампфъ, Деляровъ, Рѣдкинъ, Walter и друг.). Напротивъ, другіе утверждаютъ, что энциклопедія права имѣетъ свое *самостоятельное* содержаніе, независимое отъ спеціальныхъ юридическихъ наукъ взятыхъ вмѣстѣ; свое содержаніе она пріобрѣтаетъ сама, изъ внутренняго и внѣшняго опыта и дѣлаетъ соотвѣтственные выводы. Она заключается не *внѣ* науки, которую она обнимаетъ, но есть эта самая наука. Показать, что должно быть идеею, одушевляющею научный организмъ, есть

задача энциклопедіи. А такъ какъ энциклопедія занимается развитіемъ идеи науки, то она сама наука; она, другими словами, наука наукъ (Фридлендэръ, J. E. 1837, p. 2. 3. *Карасевичъ*, энциклопедія права, стр. 10—12).

На сколько основательно то и другое изъ вышеприведенныхъ мнѣній, касательно самостоятельнаго значенія энциклопедіи права среди другихъ юридическихъ наукъ, въ томъ мы убѣдимся наглядно, если обратимъ вниманіе на причины, вызвавшія къ жизни энциклопедію вообще и энциклопедію права въ частности.

Энциклопедія существуетъ рядомъ съ другими спеціальными науками на томъ же самомъ основаніи, на какомъ рядомъ съ анализомъ существуетъ синтезъ. Преимущественное примѣненіе анализа къ явленіямъ міровой жизни создаетъ спеціализмъ знанія, а преобладаніе синтеза — энциклопедизмъ. Вотъ почему, потребность въ энциклопедизмѣ явилась сейчасъ же, коль скоро отдѣльныя спеціальныя отрасли знанія достигли болѣе или менѣе высокаго развитія. Существованіе энциклопедіи вообще вызвано къ жизни потребностями человѣческаго духа въ единствѣ и обусловливается развитіемъ спеціализаціи человѣческаго знанія, а не оправдывается только практическими пропедевтическими цѣлями.

Понять явленія изъ ихъ причинъ и найти законы, управляющіе міровымъ организмомъ, составляетъ цѣль человѣческаго знанія. Совокупность же познанныхъ законовъ, на основаніи которыхъ совершается сосуществованіе и послѣдовательность міровыхъ явленій, можно назвать *наукой* въ истинномъ смыслѣ этого слова. Всѣ міровыя явленія, на основаніи сходства и различія другъ отъ друга, можно распредѣлить на *группы*, куда входятъ явленія и отношенія съ одинаковыми свойствами и признаками. По группамъ міровыхъ явленій дѣлится и человѣческое знаніе; разнообразіе группъ міровыхъ явленій образуетъ дѣленіе науки на отдѣльныя отрасли. Съ развитіемъ знанія возникаетъ множество отдѣльныхъ отраслей наукъ, которыя прежде были едва знакомы или совершенно неизвѣстны. Въ

свою очередь, каждая отрасль науки распадается на столь многія части, что нѣтъ никакой возможности обозрѣть ихъ во всемъ ихъ объемѣ и каждый изслѣдователь вынужденъ выбирать для своихъ занятій какой-либо небольшой отдѣлъ или небольшую вѣтвь науки для того, чтобы знать non multa, sed multum. (Ср. Ренненкампфъ, «очерки юридической энциклопедіи», 2 изд. 1880, стр. 222). Такъ образуется *специализмъ* знанія, составляющій характеристику нашего времени. (См. Ог. *Контъ*, Phil. posit. I). Нынѣшняя наука до того развѣтвилась, знанія до того специализировались, и стремленіе къ специализаціи наукъ до того неудержимо, что подобное стремленіе могло бы повести къ самымъ печальнымъ результатамъ (къ преобладанію спеціальнаго образованія въ ущербъ общаго), если бы рядомъ со стремленіемъ человѣческаго знанія къ специализаціи не шло другое направленіе, отыскивающее потерянныя, повидимому, связующія нити въ массѣ спеціальныхъ знаній. Это второе направленіе человѣческаго знанія, противоположное первому, есть стремленіе *къ соединенію* выводовъ, представляемыхъ отдѣльными отраслями знанія, къ *подведенію* результатовъ, ими добытыхъ подъ однѣ общія начала, *къ слитію* существенныхъ основаній всѣхъ наукъ въ одно стройное цѣлое, въ одну *систему* на основаніи господства во всѣхъ міровыхъ явленіяхъ, подлежащихъ человѣческому знанію, общихъ законовъ, на основаніи единства дѣйствующихъ въ міровыхъ явленіяхъ, силъ. Для представленія единства различныхъ наукъ, на основаніи общности законовъ познанныхъ явленій, и существуютъ *энциклопедіи* (Главеръ). Энциклопедія—это синтезъ человѣческаго знанія, примиряющій всѣ противоположности отдѣльныхъ наукъ и удовлетворяющій стремленію человѣческаго духа къ гармоніи, единству. Это есть наука въ ея истинномъ смыслѣ, сведенная къ самымъ простымъ верховнымъ началамъ, на основаніи которыхъ устанавливаются и развиваются всѣ явленія міровой жизни. (Олицетвореніемъ специализма являются факультеты, а представителемъ энциклопедизма—университетъ, какъ научная система въ реальности (Ср. Рѣдкинъ)).

Представленіе въ единствѣ всего человѣческаго знанія, на основаніи общихъ законовъ міроваго организма, образуетъ *всеобщую* энциклопедію, а лицо способное составить такое представленіе называется *энциклопедистомъ* въ истинномъ и обширномъ смыслѣ этого слова. Исторія человѣческой мысли знаетъ такихъ энциклопедистовъ весьма не много. На скрижаляхъ исторіи красуются имена только Аристотеля, Лейбница Гумбольдта и не многихъ другихъ (т. н. энциклопедисты XVIII в. не подходятъ, такимъ образомъ, подъ опредѣленіе энциклопедистовъ, въ истинномъ смыслѣ). Представленіе систематической совокупности знаній, относящихся къ одной какой либо области науки, составляетъ *частную, спеціальную энциклопедію* Спеціальная энциклопедія вызвана къ жизни тѣми же причинами, какъ и существованіе всеобщей энциклопедіи, т. е. потребностью человѣческаго ума въ единствѣ, въ системѣ среди разнообразія. Сколько отдѣльныхъ группъ человѣческаго знанія, столько можетъ существовать и спеціальныхъ энциклопедій. Такъ существуетъ энциклопедія философскихъ наукъ, энциклопедія медицины и т. д. Къ спеціальнымъ, частнымъ энциклопедіямъ причисляется и энциклопедія *права*, относящаяся къ группѣ юридическихъ знаній. Энциклопедія права, какъ *особая* наука, досихъ поръ не опредѣлилась еще вполнѣ. Во всякомъ случаѣ, при нынѣшнемъ положеніи энциклопедіи права, можно уже положительно сказать, что *единство всѣхъ юридическихъ наукъ, на основаніи общихъ законовъ развитія явленій юридической жизни, представляетъ энциклопедія права.* Она отличается отъ другихъ предметовъ юридическаго образованія не тѣмъ, что заимствуетъ свое содержаніе изъ *всѣхъ* наукъ, преподаваемыхъ на юридическомъ факультетѣ и не *способомъ* только разсмотрѣнія ей предлежащаго матеріала, а тѣмъ, что ей присуще *особое* содержаніе, не зависимое отъ всѣхъ другихъ спеціальныхъ юридическихъ наукъ и что она ставитъ свои *самостоятельныя* задачи. Содержаніе энциклопедіи права представляетъ единство простыхъ, коренныхъ силъ и законовъ, которые дѣйствуютъ во всѣхъ проявленіяхъ права,

какъ одного изъ явленій общественной жизни. Познаніе всеобщаго въ правѣ выходитъ за предѣлы той или другой спеціальной юридической науки и составляетъ принадлежность энциклопедіи права. На долю энциклопедіи права выпадаетъ разрѣшеніе, главнымъ образомъ, двухъ *самостоятельныхъ* задачъ, дающихъ энциклопедіи *самостоятельное* положеніе среди другихъ юридическихъ наукъ. Эти задачи состоятъ: 1) въ установленіи *системы* права и юридическихъ наукъ и 2) *въ уясненіи права во всѣхъ* его проявленіяхъ на основаніи коренныхъ соціальныхъ силъ, законовъ[1])

Указанное нами содержаніе и задачи энциклопедіи права не произвольны, не опредѣляются нашимъ личнымъ усмотрѣніемъ, а вытекаютъ изъ требованій науки права. Въ самомъ дѣлѣ, установленіе системы правовѣдѣнія и выясненіе основъ юридической жизни общества на столько необходимо при изученіи спеціальныхъ наукъ права, на сколько необходимо вообще выясненіе частностей изъ общаго цѣлаго. Содержаніе и задачи энциклопедіи права не могутъ входить ни въ одну изъ спеціальныхъ наукъ, безъ нарушенія ихъ собственнаго содержанія и вторженія ихъ въ чужую область. Такое содержаніе и такія задачи должны были образовать особую вѣтвь юридическихъ наукъ, которою и является только энциклопедія[2]).

Есть мыслители (напр. Аренсъ, Звѣревъ и друг.), утверждающіе, что энциклопедія права заимствуетъ свое содержаніе изъ *философіи права*. Означенное мнѣніе слѣдуетъ признать

---

[1]) Наука права, съ точки зрѣнія позитивизма, гов. проф. *Пахманъ* имѣетъ задачею раскрыть законы развитія юридическихъ явленій. (о соврем. движеніи науки права, 1882. Стр, 8).

[2]) Энциклопедія права, замѣчаетъ проф. *Карасевичъ*, не обнимаетъ *всего* содержанія, всего матеріала, входящаго въ составъ всѣхъ юридическихъ наукъ. Она занимается только установленіемъ общихъ понятій, общихъ началъ, лежащихъ въ основѣ всей юриспруденціи. Но, съ другой стороны, энциклопедія не есть и компедіумъ, простой аггрегатъ отдѣльныхъ положеній; она не содержитъ въ себѣ лишь извлеченія, результаты, добытые другими науками, свое содержаніе она получаетъ сама, почерпаетъ изъ внутренняго и внѣшняго опыта и дѣлаетъ собственные выводы. Она наука по пре-

не вѣрнымъ по основаніямъ нами изложеннымъ въ сво(мѣстѣ[1]). Соотвѣтственно двумъ самостоятельнымъ задачамъ циклопедіи права, ея изложеніе распадается на два отдѣ Въ первомъ изъ нихъ уясняется природа права на основа коренныхъ соціальныхъ силъ, а во второмъ — представляет система права и юридическихъ наукъ. Указавъ нашу исходн точку зрѣнія на энциклопедію права, мы переходимъ теперь разсмотрѣнію состоянія энциклопедіи и философіи права Германскихъ и Австрійскихъ университетахъ.

имуществу эмпирическая, ея предметъ составляютъ явленія обществен жизни, ея ближайшій признакъ, какъ науки, есть изслѣдованіе и прито методическое. Энциклопедія права не стоитъ внѣ науки права, какъ это с рался доказать напр. Конопакъ, относительно энциклопедіи. Энциклопе права есть сама наука права, какъ единство общихъ идей, проникающи всѣ ея тѣсно связанныя между собою части. (Ср. *Карасевичъ*, ibid. стр. 10, 1

[1]) См. нашу статью «Положеніе энциклопедіи права среди другихъ ю дическихъ наукъ». Ср. взглядъ проф. *Ренненкампфа*, Очерки юридич. эн клопедіи, стр. 279 и слѣд.

I.

Гейдельбергскій университетъ: проф. Штраухъ и Шульце (энциклопедія и методологія правовѣдѣнія и философія права)[1].

Желая познакомиться съ современнымъ состояніемъ энциклопедіи и философіи права въ Германіи, мы, во время нашего заграничнаго пребыванія, благодаря краткости времени, успѣли посѣтить только пять университетовъ: Вѣнскій, Пражскій, Гейдельбергскій, Страсбургскій и Мюнхенскій. Болѣе всего намъ привелось штудировать въ Вѣнскомъ и Гейдельбергскомъ университетахъ. Но, не смотря на относительную краткость нашего пребыванія въ Прагѣ, Страсбургѣ и Мюнхенѣ, мы, благодаря личному знакомству съ профессорами, успѣли достаточно опредѣлить состояніе и направленіе энцеклопедіи и философіи права въ университетахъ этихъ городовъ. Откладывая сообщеніе о состояніи нашего предмета въ Пражскомъ, Страсбургскомъ и Мюнхенскомъ университетахъ до подробнаго нашего «отчета» о состояніи энциклопедіи и философіи въ Германіи, мы остановились теперь на преподованіи энциклопедіи права и философіи права только въ Гейдельбергскомъ и Вѣнскомъ университетахъ.

Временемъ нашего пребыванія въ Гейдельбергѣ былъ лѣтній семестръ 1880 г. Въ означенный семестръ энциклопедію права (Encyklopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft) (три часа въ недѣлю) и философію права (Rechtsphi-

---

[1]) Извлечено изъ матеріаловъ къ «отчету» о нашей заграничной командировкѣ (съ октября 1879 г. по октябрь 1880 г.) и нашей заграничной поѣздкѣ весной и лѣтомъ 1881 г. (съ мая по августъ).

losophie oder Naturrecht) (четыре часа въ недѣлю) чит
проф. *Штраухз. Римское право* излагали профессора: *Беккер*
институціи римскаго права (ежедневно) и исторію римскаго п
(тоже ежедневно); *Буль* (Buhl), объясненіе институцій Гая,
IУ). Онъ же читалъ французское гражданское право (5
въ недѣлю), а также пандекты (Pandekten Prakticum
юриспруденцію обыденной жизни (по два часа въ недѣлю). Кр
того, онъ удѣлялъ по два часа въ недѣлю на семинарію
частному праву; *Карлова* (пандекты, ежедневно по три час
отъ 9 до 11 и отъ 12 до 1 ч. На практическія занятія
два часа въ недѣлю). *Исторія нѣмецкаго права и государс*
преподавалась проф. *Шульце* (ежедновно — по одному ча
Онъ же читалъ *нѣмецкое имперское и земское право* (6
совъ въ недѣлю). *Частное нѣмецкое право* читалъ проф. *I*
(Renaud) (ежедневно по три часа). *Уголовное право*, съ
ращеніемъ особеннаго вниманія на уголовное законодатель
Германской Имперіи (ежедневно), и *философско-историче*
введеніе въ уголовное право (теоріи уголовнаго права и ист
уголовнаго права) (два раза въ недѣлю) излагалъ *Гей*
Онъ же читалъ католическое и протестантское церковное п
(5 разъ въ недѣлю). *Государственное устройство* герм.
періи изъяснялъ Штраухъ. *Международное право* читалъ *Блун*
(по своей печатной книгѣ «современное международное п
цивилизованныхъ государствъ») 4 часа въ недѣлю. (
же, разъ въ недѣлю, разъяснялъ важнѣйшіе факты
временной международной юридической жизни (или, какъ
самъ говорилъ «Auserwählte völkerrechtliche Fälle der
genwart»). Кромѣ того, подъ руководствомъ проф. велись п
тическія занятія по государственно-научнымъ вопросамъ (по
часа въ недѣлю). *Лёнингъ* (Löning) излагалъ нѣмецкій
ловный процессъ (пять часовъ въ недѣлю) и велъ практиче
занятія по уголовному праву (два часа въ недѣлю) *I*
(Kohn) читалъ прусское земское право (пять часовъ въ
дѣлю) и занимался практически торговымъ правомъ (Hand
rechtspraktіcum) (по два часа въ недѣлю). Онъ же читал

саксонскомъ зеркалѣ по два часа въ недѣлю. Кромѣ того руководили семинаріями проф. Блунчли, Беккеръ, Карлова, Буль. *На философскомъ* факультетѣ, по отдѣленію государственныхъ и камеральныхъ наукъ, читались, между прочимъ, слѣдующіе предметы: *Политическую экономію* излагалъ (и завѣдывалъ семинаріей) *Книсъ* (Knies) (ежедневно; онъ же излагалъ *общее ученіе о государствѣ* по три часа въ недѣлю); *Лезеръ—политич. экон.* (по 6 и 5 часовъ въ недѣлю). Лезеръ же знакомилъ съ *наукою о финансахъ* (по три часа въ недѣлю) *Общее ученіе о государствѣ* предлагалъ *Книсъ* (по три часа въ недѣлю). *Обществовѣдѣніе* или *соціологію* излагалъ прив. доцентъ *Шереръ* (Scherrer) (по одному часу въ недѣлю). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что *исторію новой философіи* читалъ *Куно Фишеръ* (по четыре часа въ недѣлю). Онъ же читалъ *логику и метафизику* или наукоученіе (четыре раза въ недѣлю). *Психологія*, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на народную психологію, соціологію и языковѣдѣніе, (два раза въ недѣлю), а также — *исторія и критика матеріализма*, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на развитіе естествознанія (разъ въ недѣлю) и *задачи* познавательной дѣятельности человѣка съ точки зрѣнія психологической и критической (разъ въ недѣлю) излагались и разрѣшались *Каспари.*

Во время нашего пребыванія въ Гейдельбергѣ, намъ пришлось посѣщать лекціи по энциклопедіи и философіи права Штрауха, по международному праву—Блунчли, по соціологіи — Шерера, по исторіи философіи—Куно Фишера. Такъ какъ для насъ имѣютъ особенное значеніе лекціи по энциклопедіи и философіи права, то мы ихъ преимущественно и коснемся въ настоящемъ нашемъ очеркѣ.

Относительно лекцій Блунчли, можно сказать только то, что они не представляли никакого интереса, въ виду того обстоятельства, что этотъ маститый ученый, обремененный лѣтами и текущими международными вопросами, предлагалъ своимъ слушателямъ §§ своего печатнаго международнаго права, изложеннаго въ видѣ кодекса. Для того, кто читалъ его книгу

или же сколько нибудь знакомъ съ международнымъ право его лекціи не представляли рѣшительно никакого интереса. если ко всему сказанному присоединить его вялое и утомите ное изложеніе своихъ лекцій, то будетъ понятно, почему аудиторіи профессора число студентовъ ограничивалось 9— человѣками. За то аудиторія проф. Куно Фишера была всеı полна студентами (100—150 человѣкъ изъ 800). Всѣı кто бывалъ въ Гейдельбергѣ, извѣстна прекрасная форма ı ложенія лекцій Куно Фишера, его тонкій анализъ филосо скихъ ученій и другіе рѣдко встрѣчающіеся прекрасныя п фессорскія качества. Въ этотъ семестръ Куно Фишеръ чита «о развитіи раціонализма и эмпиризма въ новой философіи не выходя изъ предѣловъ своей извѣстной «Geschichte der neuer Philosophie». Къ особенностямъ лекцій К. Фишера относит его способъ схематизировать (графически) философскія систем

Приватъ доцентъ Шереръ (имѣвшій только троихъ сл шателей), читая соціологію по одному часу въ недѣлю, не изложи всего предмета, а если что имъ и было изложено, то, при (ществованіи *въ нѣмецкой* литературѣ ученій объ обществѣ Шэфф. Трейчке, Штейна, Поста, Лиліенфельда и друг., не пре ставляетъ большаго интереса. Къ основнымъ недостаткамъ вс зрѣній г. Шерера относится признаніе имъ общества *самосто тельнымъ* организмомъ рядомъ съ государствомъ (Эпоха Молı Что касается курса энциклопедіи и методологіи правовѣдѣн проф. Штрауха, то онъ раздѣляетъ весь свой курсъ *на д книги*. Въ первой онъ излагаетъ энциклопедію правовѣдѣнія, во второй — методологію. Содержаніе первой книги распадает на три части: 1) основанія юридическаго порядка (филосо ская часть), 2) историческое развитіе права и правовѣдѣн *въ Германіи*, (историч. часть) 3) систематика нынѣшняго *н мецкаго* права (догматическая часть). Для профессора Штрау) судя по его лекціямъ философіи права, разработка права видимому не шла далѣе Аренса, Тренделенбурга, Шталя т. п. Всю философскую часть своей энциклопедіи Штрау: основалъ на ученіяхъ только что приведенныхъ писателей.

Относительно раздѣленія энциклопедіи правовѣдѣнія *на три* части, проф. Штрауху можно сдѣлать тотъ же упрекъ, что и многимъ нѣмецкимъ энциклопедистамъ, а именно, его можно упрекнуть во включеніи въ энциклопедію права исторіи (да при томъ только *нѣмецкаго*) права и правовѣдѣнія. Подобное включеніе нарушаетъ единство энциклопедическаго представленія права, такъ какъ въ энциклопедію права должно входить только представленіе *основъ и системы* права и правовѣдѣнія (и, при томъ, не только *нѣмецкаго*). Всеобщая исторія права, а тѣмъ болѣе частная исторія права, должна быть выдѣлена изъ энциклопедія права *въ особый* предметъ преподованія, независимый отъ энциклопедіи права Включеніе Штраухомъ въ энциклопедію права исторіи нѣмецкаго права является отголоскомъ того взгляда на энциклопедію, по которому въ послѣднюю можно сваливать все, что не находитъ себѣ мѣста въ системѣ факультетскаго преподаванія. Включеніе въ энциклопедію права всеобщей исторіи права, какъ напр. это мы видимъ у Варнкёнига, можетъ быть оправдано только тѣмъ соображеніемъ, что въ Германскихъ университетахъ нѣтъ особенной каѳедры по сравнительной исторіи права. А такъ какъ энциклопедія права представляетъ весьма удобное мѣсто для включенія въ нее всего того, что заблагоразсудится профессору, то мы и видимъ, что энциклопедисты—нѣмцы являются одновременно профессорами энциклопедіи права совмѣстно съ исторіей права. Но профессоръ Штраухъ не подходитъ подъ это правило. Онъ въ своихъ лекціяхъ преподовалъ не *всеобщую* исторію права, а только исторію права *нѣмецкаго*. И если принять во вниманіе, что въ Гейдельбергскомъ университетѣ въ томъ же семестръ читалъ спеціальный курсъ по исторіи *нѣмецкаго* права проф. *Шульце*, то существованіе исторіи *нѣмецкаго* права въ курсѣ Штрауха не оправдывается не только научными, но и чисто педагогическими соображеніями (излишняя трата времени). Мы не излагаемъ содержаніе лекцій профессора Штрауха по энциклопедіи и методологіи правовѣдѣнія, такъ какъ думаемъ отослать желающихъ познакомиться съ этимъ курсомъ къ подлиннымъ сочиненіямъ, на основаніи кото-

рыхъ онъ былъ склеенъ, а именно къ сочиненіямъ 1) *Арен* «Juristische Encyklopädie» и «Rechtsphilosophie», 2) *Ва* *тера*« Juristische Encyklopädie» и «Naturrecht», 3) *Шта* «Philosophie des Rechts», 4) *Тренделенбурга* «Naturrecht» и т

Если мы обратимся теперь къ курсу лекцій Штрауха *философіи права*, то, прежде всего, встрѣтимся въ немъ мыслями только что означенныхъ авторовъ. Весь курсъ лек по философіи права проф. Штраухъ, раздѣлилъ на *введеніе* двѣ *части* (книги): 1) на *исторію* философіи права и *систему* философіи права (которая составила у него поч цѣликомъ *философскую* часть его энциклопедіи). Всѣхъ ф лисофовъ, юристовъ и государствовѣдовъ онъ разсортиров ваетъ на десять группъ, которыя идутъ въ слѣдующемъ п рядкѣ:

I.

Идеалъ права и государства греко-романскаго (gräco-manisch) *міра.*

Пифагоръ, Демокритъ, Гераклитъ. Софисты и Сократъ.
Платонъ.
Аристотель.
Философія права Эпикурейцевъ и Стоиковъ.
Римская философія права и государства.

II.

Христіанскій идеалъ права въ средніе вѣка.

Августинъ. Өома Аквинскій.

III.

Идеалъ права эпохи возрожденія и реформаціоннаго времен

Макіавелли, Бодинусъ, Бэконъ Веруламскій. Лютеръ Кальвинъ.

IV.

Идеалъ права и государства писателей т. н. называемаго естественнаго права отъ Гуго Гроція до Фихте.

Гуго Гроцій и Гоббезъ.
Пуфендорфъ, Томазій, Вольфъ.
Локкъ и французскіе энциклопедисты. Руссо.
Физіократы и Адамъ Ситмъ.
Спиноза, Лейбницъ, Юмъ.
Кантъ и Фихте.

V.

Идеалъ права и государства по Шеллингу, Гегелю и школѣ Гегеля.

Шеллингъ и Шлейермахеръ. Гегель, Гансъ, Кёстлинъ.

VI.

Идеалъ права т. н. контрреволюціонныхъ писателей и идеалъ права представителей исторической школы.

Де-Мэстръ, Галлеръ, Шталь.
Монтескё, Савиньи и Ейхгорнъ, Дальманъ, Токвиль, Вайцъ.

VII.

Новая матеріалистическая и позитивная философія права.

Бентамъ и Іерингъ.
Контъ, Литтрé, Дж. С. Милль, Гербертъ Спенсеръ.

VIII.

Критико-индивидуалистическая философія права съ Канта.

Гербартъ и его школа. Краузе, Аренсъ и Рöдеръ.
Шопенгауэръ, Гартманъ, Ренанъ, Жофруа.

IX.

Идеалъ права соціалистовъ, коммунистовъ, соціалдемократовъ и соціалистовъ каѳедры (Kathedersocialisten).

С. Симонъ, Фурье, Прудонъ, Луи Бланъ.
Бабёфъ, Энгельсъ, Бакунинъ.
Карлъ Марксъ, Лассаль, Родбертусъ.
Шэффлэ, Ад. Вагнеръ, Шмоллеръ.

X.

Обще-критическая философія права настоящаго времени и ея критико-объективный идеалъ права и государства.

Тренделенбургъ, Тэнъ, Гнейстъ.

Систему философіи права Штраухъ раздѣляетъ на двѣ части: *на общую* часть и *особенную* часть. Въ первой излагаются у него этическія основанія права, сообразно съ точкою зрѣнія обще-критической философіи права, (а именно: развитіе идеи права изъ этическаго принципа, осуществленіе идеи права въ жизни, научное изложеніе идеи права), а во второй части — главныя черты *критикообъективнаго идеала права и государства въ настоящее время* (идеалъ развитія права въ государствѣ; идеалъ развитія государственнаго, церковнаго права и идеалъ развитія права въ международномъ союзѣ).

По мнѣнію профессора Штрауха задача философіи права — проникнуть въ сущность, въ природу права. Право есть разумно нравственная общая воля (Gesammtwille) человѣчества. Право есть часть этики. Осуществленіе идеи права есть справедливость. Философія распадается на двѣ части: на философію природы и философію духа. Центральная дисциплина философіи духа есть этика, распадающаяся *на моральную* философію и философію *справедливости* или философію права. Не излагая всего содержанія ученій Штрауха, такъ какъ уже изъ приведенныхъ образцовъ видно къ какому состоянію правовѣдѣнія могутъ быть отнесены его основные взгляды на за-

дачу и предметъ философіи права, скажемъ нѣсколько словъ объ исторической части его курса философіи права.

Профессоръ Штраухъ не обращаетъ никакого вниманія на значеніе оріентальныхъ юридическихъ міровоззрѣній и ихъ вліяніе на греческое міровоззрѣніе. Далѣе, къ недостаткахъ курса Штрауха относится игнорированіе имъ нѣкоторыхъ мыслителей, которыя имѣли значеніе въ исторіи философіи права и пріобрѣли себѣ заслуженное мѣсто среди другихъ дѣятелей философіи права. Такъ напр., говоря о писателяхъ эпохи возрожденія и реформаціоннаго времени, когда, можно сказать, кладутся прочныя начала для послѣдующей разработки философіи права, онъ ни слова не сказалъ о значеніи тѣхъ писателей *переходнаго* времени, которые были предтечами школы естественнаго права. Къ этимъ писателямъ относятся, какъ извѣстно, *Ольдендорпъ* (1506—1567), *Геммингъ* (1513—1600), *Винклеръ* (1579—1648) и друг. Въ лицѣ этихъ писателей, а особенно Винклера, мы видимъ рѣшительное стремленіе выдѣлить философію права изъ теологіи.

Разсматривая писателей съ Гуго Гроція до Фихте (ключительно), профессоръ не представилъ въ своихъ лекціяхъ вліянія раціонализма (Декартъ) и эмпиризма (Боконъ) на того или другаго писателя школы естественнаго права и тѣмъ не обрисовалъ особенностей двухъ группъ этой школы, въ основаніи которыхъ (группъ) лежитъ преобладаніе или эмпиризма или раціонализма, дающее особенный тонъ нравственнымъ, юридическимъ и политическимъ ученіямъ того или другого мыслителя, принадлежащаго, къ послѣдователямъ школы естественнаго права. Не проводя рѣзкаго различія между двумя философскими направленіями новаго времени (эмпиризмъ и раціонализмъ) въ ученіяхъ представителей школы естественнаго права, Штраухъ потому самому не вполнѣвыяснилъ своимъ слушателямъ разрѣшеніе новой философіи въ скептицизмѣ *Юма*, разбудившемъ догматическую дремоту Канта и приведшемъ послѣдняго къ обоснованію *критическаго* направленія въ философіи.

При разсмотрѣніи англійской философіи права, профе ромъ были упущены *Кумберландъ*, *Шефстбури*, *Кларкъ*, *У* *ластонъ*, *Прейсъ*, *Гутчесонъ*, *Фергюзонъ*, которые, безспо имѣли не малое значеніе въ философскомъ развитіи идеи пр въ Англіи и въ Европѣ. Излагая ученія этихъ анг скихъ писателей, ему слѣдовало бы познакомить слушате съ ученіями Гельвеція, Гольбаха. Профессоръ Штраухъ, по шему, не вѣрно зачислилъ *Шлейермахера* къ послѣдовател Шеллинга. Шлейермахеръ, какъ извѣстно, вышелъ изъ шк І. Г. Фихте. Кромѣ того, у Шеллинга мы встрѣчаемъ *на рализмъ*, а у Шлейермахера *нравственный* идеализмъ (х надо замѣтить философія Шеллинга имѣла извѣстное влі на Шлейермахера, но къ натуръ—философіи онъ остался чу и занимался съ любовью преимущественно этикою). На осно ніи сказаннаго, мы думаемъ, что Шлейермахеръ является сво представителямъ *особой* школы въ исторіи философіи прав именно, школы *этической*. Между писателями контръ-рево ціонистами (или, по нашему, теологами) мы не встрѣчаем Штрауха Адама *Мюллера*, Фридриха *Шлегеля*, *Бадера*, *Бонал* и друг. Къ исторической школѣ необходимо было присовокуп *Гуго*, *Пухту* и нѣкоторыхъ другихъ, чего у Штрауха не сдѣла

Для насъ было не понятнымъ, почему профессоръ Штра ставитъ проф. *Іеринга* на одну линію съ *Бэнтамомъ* и призна его *матеріалистомъ*? На сколько извѣстно, проф. Іери является представителемъ *критическаго догматизма* въ п вовѣдѣніи. По его мнѣнію, чтобъ знать нормы права нужно пон дѣйствительность, создающую нормы. Онъ, подобно напр Лей и другимъ, ставитъ на первый планъ объективныя основы пра Но не ужели изъ этого слѣдуетъ, что онъ *матеріалистъ?* смотря на глубокое уваженіе къ дѣйствительности, какъ по права, Іерингъ твердо вѣритъ въ человѣческій «духъ» и значеніе въ процессѣ правообразованія[1]). Если профессоръ Штрау призналъ Іеринга *матеріалистомъ*, то ему гораздо легче бы

---

[1]) Ср. Geist des röm. Rechts. III. 306. 307 стр.

бы признать таковымъ напр. Джемса Милля, Дж. Стюарта Милля, Бэна и даже самого Спенсера. Но онъ этого не дѣлаетъ. О Бэнѣ онъ не говоритъ ни слова, а Спенсера помѣщаетъ въ ряду писателей *позитивной* философіи права, рядомъ съ Ог. Контомъ, Литтрѐ, Дж. Стюартомъ Миллемъ, (что совершенно основательно). Въ числѣ позитивистовъ пропущено Штраухомъ очень важное лицо, а именно *Лаффитъ*, который считается представителемъ одного изъ лагерей позитивизма въ противоположность Литтре́. Лаффитъ является представителемъ преимущество *соціальной* стороны позитивизма, въ то время какъ Литтрѐ — общаго міровоззрѣнія позитивной философіи Конта. Лаффитъ—этотъ фанатическій послѣдователь Ог. Конта — въ своихъ лекціяхъ стремился примѣнить начала позитивизма къ изъясненію основныхъ общественныхъ вопросовъ. Соціальная динамика излагается Лаффитомъ уже около 20 лѣтъ. И такого мыслителя — позитивиста, какъ Петръ Лаффитъ, нельзя пропускать въ систематическомъ изложеніи исторіи философіи права. Мы уже не будемъ говорить о томъ, что Гербартъ и Рёдеръ, Аренсъ и Гартманъ, Краузе, Ренанъ и Шопенгауэръ ни коимъ образомъ не могутъ быть сведены *къ одному* какому-то «критико-индивидуалистическому направленію философіи права» Въ главѣ, о соціалистахъ, коммунистахъ, соціалъ-демократахъ и катедеръ-соціалистахъ мы не встрѣчаемъ именъ: *F. de la Mennais* (религіозный соціализмъ), *P. Leroux* (абстрактный соціализмъ), *Cabet* и др. (les communistes icariens) и мн другихъ. Ко всему этому надо прибавить, что на лекціяхъ ни слова не было сказано о такомъ писателѣ, какъ *Лавеле* (Laveleye); упущенъ такъ же и *Замтеръ* Не мѣшало бы въ этой главѣ сказать и о П. *Лиліенфельдѣ*.

Въ своей заключительной главѣ курса онъ приписываетъ самое высокое значеніе тремъ весьма различнымъ (но Штраухомъ сведеннымъ подъ *одно* направленіе) мыслителямъ: *Тренделенбургу*, *Тэну и Гнейсту*.

Какое сочетаніе: Тренделенбургъ и Гнейстъ!.. Первый крайній метафикъ и, какъ не юристъ, разрабатываетъ науку

права на чисто апріористическихъ, субъективныхъ, вполнѣ *произвольныхъ* началахъ, а второй—историкъ—юристъ, держащійся въ своихъ изслѣдованіяхъ положительной, реальной почвы. И мы вполнѣ убѣждены, что проф. Гнейстъ, узнавъ о зачисленіи его въ единомышленники своего бывшаго коллеги по Берлинскому университету, (т. е. Тренделенбурга) навѣрно, пришелъ бы въ крайнее недоумѣніе.

Такъ какъ въ своемъ курсѣ лекцій по *философіи права* проф. Штраухъ излагалъ и исторію развитія *идеи о государствѣ*, то мы замѣтили въ его курсѣ, кромѣ указанныхъ выше недостатковъ, отсутствіе очень видныхъ мыслителей юристовъ и государствовѣдовъ, которые уже давно завоевали себѣ мѣсто въ наукѣ права и государства. Не перечисляя всѣхъ ихъ, мы укажемъ на отсутствіе слѣдующихъ мыслителей: Венжамэна *Констана*, *Роттека*, Лоренца фонъ *Штейна*, *Р. Моля*, *Бэра*, Альберта *Поста*, *Фольграфа*, *Тьера*, *Бастіана* и друг.

Вообще, надо замѣтить, что курсъ энциклопедіи права и философіи права Штрауха требуетъ очень многихъ исправленій и дополненій.

Мы остановились на курсахъ Штрауха болѣе или менѣе подробно для того, чтобы показать, что въ Гейдельбергскомъ университетѣ нашъ предметъ находится въ весьма не завидномъ положеніи. Доказательствомъ нашего мнѣнія о неудовлетворительномъ преподаваніи энциклопедіи права можетъ служить курсъ лекцій по энциклопедіи и методологіи профессора *Шульце*, къ изложенію котораго мы и переходимъ. Но мы напередъ должны замѣтить, что курсъ профессора *Шульце*, по нашему мнѣнію, стоитъ значительно выше курса профессора Штрауха. У него есть много такихъ взглядовъ на предметъ своего преподаванія и содержаніе своей науки, которые имѣютъ не малое научное значеніе (краткая оцѣнка его мыслей помѣщена послѣ изложенія его курса).

Не зависимо отъ проф. Штрауха, въ Гейдельбергскомъ университетѣ читаетъ энциклопедію и методологію права проф.

Шульце. По мнѣнію Шульце, энциклопедія правовѣдѣнія есть «обозрѣніе» всей области правовѣдѣнія, зиждущееся на научныхъ осново-положеніяхъ. Приводя внѣшне соединенныя части правовѣдѣнія и весь юридическій матеріалъ въ органическое единство, энциклопедія правовѣдѣнія даетъ учащемуся возможность сразу охватить всю область правовѣдѣнія прежде чѣмъ онъ вступитъ въ изученіе отдѣльныхъ дисциплинъ науки права. Главное дѣло въ энциклопедіи не матерія, но система (Die Hauptsache ist hier nicht der Stoff, sondern das System). Послѣ краткаго изложенія о значеніи энциклопедіи и ея историческаго развитія (§ 2.), проф. Шульце, замѣчаетъ, что въ энциклопедіи содержится не извлеченіе (Auszug) изъ отдѣльныхъ дисциплинъ, но научное пониманіе каждой части права, какъ члена цѣлаго юридическаго организма. Энциклопедія правовѣдѣнія распадается у Шульце на три книги. Въ первой книгѣ говорится о сущности и значеніи права вообще (философская часть); во второй—представляется систематическое расчлененіе всего юридическаго организма на его отдѣльныя части и дисциплины (систематическая часть), въ третьей, наконецъ, указывается общее развитіе правоваго состоянія *у нѣмецкаго* народа (историческая часть).

Въ первую книгу входитъ разсмотрѣніе права въ объективномъ и субъективномъ значеніи (§ 4); различныхъ сторонъ права (§ 5), противоположности между нравственнымъ и естественнымъ порядкомъ вещей (въ первомъ господствуетъ законъ свободы, а во второмъ необходимость, въ первомъ *Sollen*, а во второмъ *Müssen* (§ 6). Говоря объ идеѣ права, (§ 7), Профессоръ замѣчаетъ, что справедливость опредѣляется единственно природою нашего разума, но не опытомъ и обычаемъ. Справедливость соотвѣтствуетъ нравственной идеѣ личности и требуетъ признанія личнаго достоинства. Достоинство лица заключается въ его разумной природѣ, оно безусловно и существуетъ какъ цѣль. Благодаря общей разумной сущности (достоинство лица), люди соединяются въ одно разумное общество (это, между прочимъ, напоминаетъ намъ еще Цицерона) въ

которомъ каждый человѣкъ долженъ уважать достоинств право другаго человѣка (на основаніи общей разумной роды). Основной законъ человѣческаго разумнаго взаимодѣй есть справедливость, по которому всѣ лица имѣютъ р личное достоинсво; только вещь, но ни какъ не лицо, мо быть *средствомъ* для человѣческихъ цѣлей. Опредѣленіе п сдѣланное Кантомъ, по которому право есть свобода — (сторонне. Напротивъ, по мнѣнію профессора, равенство право (die Gleichheit ist Recht). Ученіе о правѣ имѣет виду не опредѣленіе свободы, не опредѣленіе того, что д ляется или что запрещается, но равенство двухъ лицъ, вступленіи ихъ въ общественный оборотъ. (§ 7. Ср. съ ніемъ профессора Лоренца фонъ Штейна) Этика въ обшир смыслѣ, какъ ученіе о человѣческихъ обязанностяхъ (Pfli lehre) распадается на ученіе *о добродѣтели* и на учен *правѣ*. Въ нравственныхъ обязанностяхъ я подчиняюсь м собственному законодательству, въ юридическихъ обязаннос для меня существуетъ другое, внѣшнее законодательство. раль относится къ внутреннему настроенію лица, а право внѣшнимъ дѣяніямъ человѣка. Только вонмя общественных ношеній человѣкъ подчиняется юридическому порядку. П по этому, есть человѣческій порядокъ общественныхъ р ныхъ отношеній (Ubi societas, ibi jus esto). Такъ какъ бродѣтель есть дѣло только внутренняго настроенія, то м не принудительна и къ ней не примѣнимо ни какое внѣ законодательство. Добродѣтель желаетъ только свободнаго моопредѣленія къ добру, добра ради добра. Для юридичес обязанностей имѣетъ мѣсто только внѣшнее законодател которое, по поводу нарушенія права, употребляетъ внѣшнее нужденіе. Принудительность не находится въ непосредстве связи съ юридическою обязанностью, она никоимъ образо аттрибутъ ея, но всегда только слѣдствіе человѣческаго новленія (Veranstaltung), созданнаго государствомъ (§ 8 (а развѣ въ до государственныхъ формахъ общежитія не принужденія правоваго?) Совокупность нормъ, которыя санкц

ровны положительнымъ законодательствомъ, составляетъ содержаніе позитивнаго ученія о правѣ (§ 9).

Говоря объ отношеніи философскаго къ позитивному праву, Шульце замѣчаетъ, что философское ученіе о правѣ не имѣетъ непосредственнаго примѣненія, позитивное же ученіе о правѣ есть дѣйствующее право, ограниченное состояніями данныхъ государствъ и народовъ. Законодатель имѣетъ своею задачею осуществить идею права. Спекулятивные принципы права могутъ стать только идеальными критеріями при обсужденіи данныхъ отношеній, но никогда — дѣйствующими правоположеніями.

Въ развитіи права народовъ должно различать три элемента: 1) высшую *идею права*, опредѣляющую законы и предписанія, долженствующія осуществляться въ жизни народовъ; 2) *Естественные и хозяйственные* законы человѣческой жизни, въ которыхъ заключаются основныя формы общаго позитивнаго права; 3) *позитивное право* отдѣльныхъ государствъ и народовъ, которое на основаніи естественныхъ и хозяйственныхъ законовъ человѣческой жизни, различными способами стремится ввести въ жизнь предписанія вѣчно дѣйствующей идеи права. По мнѣнію Шульце, *только въ сферѣ позитивнаго права можетъ быть рѣчь о происхожденіи права*; только здѣсь можно говорить о фактѣ развитія (Werden). Идея вѣчна и неизмѣнна, она не происходитъ, но глубже познается и понимается въ постепенномъ правообразованіи человѣчества (§ 10). Народъ, гов. Шульце, есть естественный факторъ права. Народный духъ производитъ право каждаго народа, какъ естественнаго цѣлаго, стремится проявить во внѣшней формѣ свое невидимое единство. Изъ этого стремленія проистекаетъ государство, которое является формою, внѣшностью духовнаго народнаго общенія (Volksgemeinschaft). Только въ государствѣ право находитъ свое развитіе и обезпеченіе своего примѣненія. Одинаковое духовное направленіе, одинаковыя климатическія и теллурическія условія производятъ необходимо въ народѣ общее направленіе народнаго характера, общія убѣжденія, об-

щее сознаніе права. Но правосознаніе народа должно п
виться во внѣ. Чрезъ это проявленіе правосознанія во
происходятъ юридическія опредѣленія. Юридическія опред
нія происходятъ или непосредственнымъ путемъ изъ глу(
народной жизни или же они являются произведеніемъ акта г
дарственной власти. На основаніи этого различія происхо:
нія юридическихъ положеній, мы дѣлаемъ различіе между о
нымъ правомъ и законодательнымъ правомъ (§ 11). Обязат
ная сила обычнаго права заключается не въ молчаливомъ
исволеніи государства на его примѣненіе, но гораздо болѣ
немъ самомъ, на сколько въ немъ выражается общее правоу(
деніе. Взгляды Шульце на обычное право (§ 12),
средства познанія обычнаго права (§ 13), на законъ и
раздѣленіе (§§ 14, 15, 16), на коллизію источниковъ п|
(§ 17) (временный и мѣстный конфликтъ (§ 18, 19),
познаніе отдѣльныхъ юридическихъ отношеній (§ 20),
аналогію (§ 21) не представляютъ ничего особенно вы
щагося и не имѣютъ большого значенія.

Относительно научнаго права (§ 22), профессоръ за
чаетъ, что знаніе отдѣльныхъ положеній права не достат
для научно образованнаго юриста. Онъ долженъ понять с
купность юридическихъ положеній въ ихъ внутренней св
вслѣдствіе такого пониманія юридическихъ положеній про
знаніе права (Rechtskunde) становится правовѣдѣніемъ (Rec
wissenschaft). Направленіе научной дѣятельности къ по
нію органической связи позитивнаго права образуетъ *сист*
тическую сторону правовѣдѣнія. Но, чтобъ достигнуть си
матическаго единства и чтобы вообще обосновать нау
юриспруденцію, должно обратиться къ историческимъ и ф
софскимъ основамъ права. Такъ образуется *историческа*
философская сторона научнаго изученія права. *Философ*
сторона научнаго изученія права показываетъ намъ вы
развитіе идеи права въ соціальной жизни. Только истор
философское пониманіе права можетъ быть признано ос
ніемъ научной *систематики* права.

Содержаніе *второй книги* курса проф. Шульце состояло въ представленіи *систематическаго разчлененія всего юридическаго организма.*

Все право Шульце дѣлитъ *на публичное и частное* право (§ 23), при чемъ на государство онъ смотритъ, какъ на организмъ. Отношеніе публичнаго права къ частному, по его мнѣнію, такое же, какое было у Римлянъ отношеніе между jus publicum и jus privatum. Въ область публичнаго права входитъ государственное право въ тѣсномъ см. и внѣ государственное (международное) право. (§ 24). Вся система права у Шульце представляется (§§ 25, 26) въ слѣдующемъ видѣ:

I. *Право внутри государства.*

A. Частное право.

B. Публичное право:

a) государственное право въ тѣсномъ см.

b) гражданское судопроизводство

c) уголовное судопроизводство

d) уголовное право

e) административное право (Verwaltungsrecht) и другія дисциплины публичнаго права, имѣющія появиться въ будущемъ.

II. *Право внѣ государства.*

Международное право.

III. *Церковное право.*

За тѣмъ профессоръ переходитъ къ спеціальному разсмотрѣнію явленій частнаго и публичнаго права. На какіе вопросы имъ обращено было въ этомъ случаѣ вниманіе, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго перечня его §§ курса.

§ 27. Физическая и юридическая личность.

§ 28. Объекты или вещи.

§ 29. Объ имуществѣ вообще.

§ 30. Вещное и личное право.

§ 31. Вещное право. Владѣніе.

§§ 32, 33. Сущность собственности и способы пріобрѣтенія собственности.

§ 34. Право на чужую вещь (jura in re aliena).

§§ 35, 36, 37. Обязательственное право.

§§ 38—39. Семейное право

§ 40—45. Наслѣдственное право.

Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ не было высказано имъ ничего особеннаго, кромѣ общеизвѣстныхъ опредѣленій изъ Lehrbuch'овъ. Подобнымъ характеромъ отличаются у него такъ же явленія государственнаго права, (§ 46 — 48), гражданскаго процесса (§ 49 — 52), уголовнаго права, уголовнаго процесса международнаго права и церковнаго права (§ 53 — 62).

Третья книга курса обнимаетъ историческое развитіе права *въ Германіи* въ связи съ обозрѣніемъ источниковъ права.

Методологія правовѣдѣнія распадается у Шульце на двѣ части:

I.

Историческое развитіе отдѣльныхъ дисциплинъ права въ Германіи.

II.

Порядокъ лекцій.

По мнѣнію профессора, дисциплины настоящаго времени (онъ разумѣетъ германскую науку права) слѣдующія:

1) *Пандекты* съ обращеніемъ особеннаго вниманія на сегодняшнее ихъ примѣненіе. 2) Нѣмецкое частное право въ тѣсномъ смыслѣ. 3) Гражданскій процессъ. 4) Уголовное право и уголовный процессъ. 5) Государственное право. 6) Международное право. 7) Особенныя (particulär) права отдѣльныхъ земель. Вотъ, что нужно, по мнѣнію извѣстнаго государствовѣда Германіи, преподавать на юридическомъ факультетѣ! Въ заключеніе своего курса Шульце замѣчаетъ, что философія права весьма полезна будетъ послѣ соотвѣтственнаго обозрѣнія

позитивнаго права. Онъ признаетъ нужнымъ для юриста изученіе теоріи государства, политики, науки о финансахъ, національной экономіи.

Юристъ долженъ слушать также философію и ея исторію, психологію, логику, этику, всеобщую исторію. Весьма полезно изучать юристу литературу правовѣдѣнія и государствовѣдѣнія (исторію юридическихъ и политическихъ ученій) и юридическія источники.

Вотъ содержаніе курса лекцій по энциклопедіи и методологіи правовѣдѣнія Проф. Шульце. Мы изложили это содержаніе болѣе или менѣе подробно во первыхъ потому, что оно въ научномъ отношеніи стоитъ значительно выше содержанія энциклопедіи и методологіи правовѣдѣнія проф. Штрауха, а во вторыхъ для того, что бы наглядно показать состояніе нашей науки въ Гейдельбергскомъ университетѣ.

Не смотря на то, что профессоръ Шульце, находится еще подъ сильнымъ вліяніемъ старой раціоналистической философіи, искавшей все свое спасеніе *въ индивидуальной* личности (личность есть сама себѣ цѣль; справедливость, говорилъ профессоръ, опредѣляется *единственно* природою нашего *разума*, но не опытомъ и обычаемъ; справедливость требуетъ признанія *личнаго* достоинства и т. д.), не смотря на вполнѣ устарѣвшее дѣленіе этики (раціоналистической) на двѣ части: на ученіе о добродѣтели и ученіе о правѣ и нѣкоторые другіе анахронизмы, у Профессора Шульце, по нашему, довольно вѣрно намѣчены элементы (названіе не вполнѣ точное) права въ его развитіи у народовъ; а именно: элементъ *логическій* (идея, понятіе права), элементъ *жизненный* (естественные и хозяйственные законы человѣческой жизни, обнимаемые формальнымъ моментомъ права (норма, позитивное право). (Хотя онъ только намѣтилъ эти элементы права, а не показалъ надлежащимъ образомъ ихъ *развитіе*). По мнѣнію Шульце, «народный *духъ* производитъ право». «Правосознаніе народа должно проявиться во внѣ; слѣдствіемъ этого обнаруженія правосознанія во внѣ являются юридическія опредѣленія». Подобныя мысли

приводятъ насъ къ исторической школѣ, взглядъ на проис:
деніе права которой уже значительно разшатанъ послѣдуюп
мыслителями — юристами. Признаніе народнаго *духа*, пр
сознанія источникомъ права есть не иное что, какъ модифик
ученія, по которому источникъ права есть субъектъ, личн(
его воля и сознаніе. Духъ *народа* есть только абстра
извѣстныхъ особенностей индивидуальнаго духа.

Съ понятіемъ *духъ народа* воскрешается то крайне-суб
тивистическое направленіе въ правовѣдѣніи, оппозиціей к
рому была сама историческая школа. Уже давно признано,
не достаточно одного *психологическаго* момента (т. е. д
сознанія..), для происхожденія права, а нужно еще *объект*
ное основаніе права, коренящееся въ природѣ вещей, въ ф
тическихъ жизненныхъ отношеніяхъ людей. Мысль объ об
тивной основѣ права хотя была сознаваема и Савиньи, одн
внесена въ правовѣдѣніе, какъ поправка ученія историчес
школы о происхожденіи права, между прочимъ, *Аренсомъ*
развита многими другими учеными (Вангеровъ, Унгеръ, Іерин
Лейстъ, Штейнъ, Гнейстъ, Муромцевъ, и друг.) Изслѣдова
мыслителей убѣдили, что на происхожденіе права имѣн
громадное вліяніе реальныя объективныя условія человѣческ
существованія, которыя указываютъ человѣчеству и народн(
духу пути установленія права.

Далѣе, уже доказано, что *народнымъ* духомъ, *обще*
роднымъ сознаніемъ, *общенародной* волей нельзя объясн
происхожденіе всѣхъ видовъ права, напр. *обычнаго* пра
которое возникаетъ иногда тамъ, гдѣ общенародный ду
не имѣетъ никакого значенія, напр. въ образованіи *ц*
ковнаго обычнаго права, *торговаго* права, *морскаго* обі
наго права, международнаго права, въ образованіи обі
наго права по селамъ, городамъ, мѣстечкамъ и т. д. ((
Карасевичъ, гражданское обычное право во Франціи, с
30 — 33)... На основаніи цѣлаго ряда изслѣдованій, мож
признать за общепринятое, что право не самостоятельное яв.
ніе, происходящее изъ народнаго духа, человѣческаго сознан

а только явленіе, обусловленное и возникшее на почвѣ объективныхъ реальныхъ условій человѣческаго существованія, въ которыя человѣкъ вступаетъ силою своего положенія въ природѣ. Право служитъ только выраженіемъ окружающихъ народъ условій, которыя опредѣляютъ и право и общежитіе людей. Юридическая и политическая организація людей исключаетъ мысль о произвольномъ ихъ созданіи человѣкомъ, (какъ думали юристы прежняго времени и нѣкоторые соціалисты), но всецѣло вытекаетъ изъ природы реальныхъ условій.

Сознаніе и воля человѣка оперируютъ уже только съ данными реальными отношеніями, которыя входятъ въ право, какъ его содержаніе, но не создаются человѣческимъ сознаніемъ. На основаніи сказаннаго, въ наши дни все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ право гражданства та мысль, что правовѣдѣніе, чтобъ стоять на высотѣ современнаго научнаго положенія, должно, имѣть предметомъ не только одни голыя юридическія опредѣленія, но и тѣ основныя жизненныя реальныя условія и явленія, изъ которыхъ рождаются юридическія нормы. Современная наука права должна уяснить *процессъ* образованія права изъ основ ныхъ реальныхъ явлѐній соціальной жизни, а не заниматься только народнымъ *духомъ* (какъ это дѣлаетъ проф. Шульце), который никогда не дастъ вамъ полнаго и точнаго отвѣта на вопросы: что такое право? Какъ и откуда происходитъ право?

Кромѣ того намъ кажется, что профессоръ Шульце, не вполнѣ выяснилъ и опредѣлилъ значеніе и задачи дѣятельности юристовъ. Отъ юриста, въ его истинномъ смыслѣ, не достаточно требовать знанія *нормъ* позитивнаго права и пониманія ихъ внутренней между собой связи. Дѣятельность юристовъ подобнаго рода подходитъ очень близко къ интерпретаторской дѣятельности, которая, по современнымъ требованіямъ науки права, не составляетъ еще жизненнаго призванія юристовъ. Недостаточность подобной дѣятельности юристовъ до очевидности доказали около тридцати лѣтъ тому назадъ проф. *Іерингъ* и другіе. Главная задача научной дѣятельности юристовъ состоитъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ: 1) въ приведеніи къ сознанію существующаго права

или въ формѣ идей или въ формѣ дѣйствительныхъ юрид скихъ положеній; 2) въ систематической обработкѣ прав въ возведеніи права въ логическій организмъ (логичес структура права); 3) въ познаніи психическаго момента правѣ или духа права; 4) въ познаніи физіологическ отправленій права; 5) въ изученіи реальныхъ соціальн условій, какъ факторовъ права и т. д. и т. д...

Не смотря на то, что проф. Шульце смотритъ на эн клопедію, какъ на юридическій организмъ (совершенно вѣр однако значеніе энциклопедіи онъ оцѣниваетъ только съ то чисто *педагогическихъ* соображеній, признавая ее только «о рѣніемъ» юридическихъ наукъ и считая въ энциклопедіи суще веннымъ *не матерію*, а систему (форму). Такая оцѣнка з ченія энциклопедіи, по нашему, не выдерживаетъ строгой к тики, (что мы подробно развили въ особой статьѣ значе энциклопедіи права среди другихъ наукъ юридическаго об зованія). Наконецъ, проф. Шульце, подобно почти всѣмъ мецкимъ профессорамъ, включаетъ въ свой курсъ энцик педіи права исторію *нѣмецкаго* права, которая тѣмъ бо является не умѣстною *въ его* курсѣ энциклопедіи, такъ ка онъ-же самъ излагаетъ *въ томъ же* Гейдельбергскомъ унив ситетѣ спеціальный курсъ *исторіи нѣмецкаго права и го дарства.* Познакомившись съ состояніемъ предмета нап спеціальности въ Гейдельбергскомъ университетѣ, перейде *въ Вѣнскій* университетъ.

II.

Вѣнскій университетъ: проф. Лоренцъ фонъ Штейнъ (Философія права).

Въ Вѣнскомъ университетѣ мы пробыли зимній семестръ 1879 — 80 г. и лѣтній семестръ 1881 г. Въ лѣтній семестръ 1881 г. на юридическомъ факультетѣ читались слѣдующіе предметы:

I. *Римское право:*

a) *Пандекты* (проф. *Маассенъ* — облигаціонное право, 5 часовъ въ недѣлю; Проф *Екснеръ* — вещное право. по 9 часовъ въ недѣлю; проф. *Гофманъ* — семейственное право по два часа въ недѣлю; Приватъ-доц. *Шей* (Schey) Залоговое право 2 часа; приватъ доцентъ *Ганаусекъ* — семейственное право 2 часа; *онъ же* — избранныя ученія изъ римскаго обязательственнаго права 2 часа и чтеніе избранныхъ титуловъ изъ пандектовъ 2 часа). b) *Исторія римскаго права* (приватъ доцентъ Шей, по 10 часовъ въ недѣлю). Такимъ образомъ, для чтенія римскаго права употреблялось 34 часа въ недѣлю.

II. *Исторія нѣмецкаго права и государства* (Проф. *Зигель* по 5 часовъ; Проф. *Томашекъ* 5 часовъ; Проф. *Шустеръ* 10 часовъ и два раза въ недѣлю онъ же излагаетъ исторію нѣмецкаго процесса). Т. о. на исторію нѣмецкаго права и государства назначено 22 часа въ недѣлю.

III. *Церковное право* (Проф. *Маассенъ* 5 часовъ; *Жишманъ* (Zhishman) 5 часовъ; онъ же удѣляетъ одинъ часъ въ недѣлю на практическія занятія по церковному праву).

IV. *Философія права* (Проф. Лоренцъ фонъ *Штейнъ* часа въ недѣлю и приватъ доцентъ *Елинекъ* (Jelinek) часа).

V. *Юридическая энциклопедія и методологія* (Пр *Томашекъ* 4 часа).

VI. *Гражданское право* (Проф. *Пфаффъ*—австрійс обязательственное право 6 часовъ; кромѣ того два часа въ дѣлю онъ велъ практическія занятія по общеавстрійскому ча ному праву; Проф. *Гофманъ*—австрійское наслѣдствен право 5 часовъ; приватъ доцентъ *Фуксъ*—австрійское ипот ное право; *онъ же* упражненіе въ австрійскомъ гражданск правѣ 2 часа; приватъ-доцентъ *Штöркъ*—излагалъ исто и избранныя ученія изъ международнаго частнаго права 3 час

VII. *Уголовное право и судопроизводство* (Проф. *Ва бергъ* (судопроизв.) 6 часовъ. Проф. *Майеръ*—(судопро водство) 5 часовъ; прив. доц. *Лентнеръ*—репетиторіумъ ав рійскаго матеріяльнаго уголовнаго права 2 часа; онъ же объ няетъ австрійскіе законы о печати 1 часъ; прив. доце *Ламмашъ*—основныя положенія австрійскаго уголовнаго пр два часа; кромѣ того австрійскій процессъ излагалъ проф. *М геръ* 7 часовъ, Гейслеръ—7 часовъ).

VIII. *Австрійское вексельное право* (Проф. *Грюнгутъ* часа и 2 ч. семинарія по торговому праву).

IX. *Статистика* (Проф. *Нейманъ* 5 часовъ; онъ излагаетъ консульское право по 1 часу въ недѣлю).

X. *Финансовое право* (Проф. Л. фонъ *Штейнъ* 5 часо проф. *Менгеръ* 5 часовъ, онъ же заним. практически въ на нальной экономіи и наукѣ о финансахъ 2 часа; приватъ-д *Влодигъ*—4 часа).

XI. *Административное австрійское право* (Проф. *Лю кандль* 4 часа).

Союзъ государствъ и союзное государство (Staatenbu und Bundesstaat) и австрійско-венгерское государственное пр (прив. доц. *Данчеръ* фонъ *Коллесбергъ* 3 часа). Кромѣ т проф. *Елинекъ* бесѣдовалъ со студентами о Montesqui

Rousseau, Burke по два часа въ недѣлю; *медицинскую полицію* излагалъ проф. *Гачеръ*, по 3 часа въ недѣлю. Наконецъ, можно упомянуть о лекціяхъ проф. *Шротта* подъ заглавіемъ «Oesterreichische Staatsverrechnungskunde».

Въ зимній семестръ 1879 года предметомъ нашихъ занятій было ученіе объ управленіи и національная экономія подъ руководствомъ профессора Лоренца фонъ Штейна. Независимо отъ посѣщенія лекцій, намъ пришлось чрезъ личныя бесѣды съ профессоромъ познакомиться съ его философско-юридическими идеями, которыя онъ сообщаетъ въ спеціальномъ курсѣ «философіи права» въ теченіи каждаго лѣтняго семестра. Проходя мимо изложенія лекцій проф. Лоренца фонъ Штейна, объ управленіи и національной экономіи (такъ какъ содержаніе ихъ можно встрѣтить въ его печатныхъ трудахъ «Verwaltungslehre», (1866 — 1869), «Handbuch der Verwaltungslehre und Verwaltungsrechts» (1870). «Lehre der Volkswirhschaft» (1858) или Volkswirthschaftslehre» (1878), и не останавливаясь на лекціяхъ Томашека и Елинка, (такъ какъ ихъ лекціи не представляютъ ничего особенно выдающагося и о нихъ будетъ сказано въ добавленіи къ разсмотрѣнію состоянія энциклопедіи и философіи права въ Пражскомъ, Мюнхенскомъ и Страсбургскомъ университетахъ), мы остановимся на лекціяхъ проф Лоренца фонъ *Штейна* по философіи права, которыя составляютъ выдающееся явленіе въ вѣнской университетской жизни и въ германской наукѣ права вообще.

Занимаясь болѣе сорока лѣтъ изученіемъ политическихъ и соціальныхъ явленій, профессоръ Лоренцъ фонъ *Штейнъ* успѣлъ образовать *свою* теорію общественной и государственной жизни — теорію, которая послужила для другихъ ученыхъ образцомъ ихъ спеціальныхъ занятій. Не перечисляя всѣхъ послѣдователей проф. Штейна, достаточно указать на имя великаго современнаго ученаго историка — юриста профессора Берлинскаго университета Рудольфа *Гнейста*, который понятіе Штейна объ обществѣ (см. Der Begriff der Gesellschaft, 1850) положилъ въ основаніе своей обработки исторіи англійскаго госу-

дарственнаго устройства и управленія. Diese meisterhafte Da stellung (т. е. изложеніе Штейна объ обществѣ), гов. са Гнейстъ, ist für meine Bearbeitung der englischen Verfa sungsgeschichte von massgebender Bedeutung geworde Rechtsstaat, 2-te Auflage, Berlin, 1879, стр. 333).

Труды проф. Штейна не прошли мимо нашей страны не остались безъ вліянія на дѣятельность русскихъ ученых Большое значеніе приписываютъ теоріи Штейна Гг. про Андреевскій, Тарасовъ и друд. Политическая теорія Штей сдѣлалась даже предметомъ спеціальной критики въ магистерск диссертаціи А. Л. Блока, (съ которымъ можно было бы многомъ не согласиться относительно его взгляда на теор Штейна; но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ).

Вообще можно сказать, что въ трудахъ русскихъ юр стовъ нашла себѣ мѣсто по преимуществу *политическая* теор проф. Штейна. Вопросъ же о его *юридическомъ* міровоззрѣні вопросъ о взглядѣ Штейна на основы права и правовѣдѣн на сколько намъ извѣстно, остается въ Россіи открытымъ А между тѣмъ знакомство съ *юридической* теоріей про Штейна представляетъ большую важность не только уже одному тому, что у насъ въ Россіи, она почти совсѣмъ появлялась въ печати, но и въ виду современнаго положенія ф лософско-юридической мысли въ Германіи, гдѣ, насколько на пришлось лично познакомиться, на университетскихъ каѳедра царятъ самыя разнообразныя и противорѣчивыя мнѣнія и теор по философско-юридическимъ вопросамъ.

---

[1]) Во время печатанія настоящей статьи, вышла въ свѣтъ броши извѣстнаго нашего профессора С. В. *Пахмана*, «о современномъ движеніи наукѣ права», (С. П. Б. 1882.) гдѣ мы читаемъ: Однимъ изъ сильнѣйши поборниковъ радикальной перестройки науки права является извѣстный блицистъ Лоренцъ *Штейнъ*, который предлагаетъ положить въ основу нау права философію, построенную на реальной почвѣ (стр. 14. 15). Изъ изло нія нашей статьи читатель увидитъ, что почтенный профессоръ не ясно пр ставляетъ себѣ *основы* философіи Штейна, такъ какъ именно основы то лософіи права (въ противоположность наукѣ права) Штейна и страдак болѣе всего отсутствіемъ реальности.

По своему первоначальному образованію юридическая теорія проф. Штейна относитъ насъ ко временамъ преимущественнаго господства въ Германіи гегелевской философіи. Эта философія проходитъ красною ниткою по всей политической и юридической теоріи Штейна, но она не могла обратить его въ безусловнаго своего послѣдователя, потому что Лоренцъ фонъ Штейнъ, при своихъ изслѣдованіяхъ политической и юридической жизни народовъ, имѣлъ подъ собой реальную почву. Реальная почва юридическаго просвѣщенія не допустила Штейна всецѣло уйти въ абсолютный идеализмъ Гегеля, такъ что явленія государственной, общественной и правовой жизни являются у него не результатомъ діалектическаго развитія мышленія (въ смыслѣ Гегеля), производящаго съ необходимостью весь дѣйствительный міръ и міровую исторію, но результатомъ основныхъ силъ и законовъ, коренящихся въ самой жизни личности (хотя, надо признаться, діалектика Гегеля, какъ увидимъ ниже, проникаетъ всю философско-юридическую систему профессора Лоренца фонъ Штейна) Между такими силами и законами, управляющими личной жизнью въ обществѣ, самое видное мѣсто занимаютъ силы и законы развитія человѣческой хозяйственной сферы. Вотъ почему, проф. Штейнъ поставилъ во взаимную связь (или, лучше — зависимость) съ законами хозяйственной жизни и государство, и общество и право, а государствовѣдѣніе, обществовѣдѣніе и правовѣдѣніе — въ непосредственное отношеніе къ наукѣ народнаго хозяйства.

Но въ отличіе отъ другихъ нѣмецкихъ писателей, полагающихъ экономическій элементъ социальной жизни въ основу юридической и политической жизни, Лоренцъ фонъ Штейнъ представляетъ въ своихъ трудахъ примиреніе и соединеніе двухъ философскихъ направленій — метафизическаго и позитивнаго (субъективизма и объективизма). Такое примиреніе двухъ противоположныхъ направленій у Л. фонъ Штейна произошло, по нашему мнѣнію, вслѣдствіе его стремленія построить свою реалистическую политическую и юридическую теорію на философско-политическихъ и юридическихъ воззрѣніяхъ Гегеля. Объ

этомъ стремленіи самъ онъ, какъ намъ извѣстно, ничего упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ и лекціяхъ; но на са дѣлѣ, въ своей философской системѣ государства, обществ права, проф. фонъ Штейнъ является однимъ изъ гегельянц усвоившихъ весьма основательно общія начала индивидуали ческой философіи. При изложеніи курса лекцій по филос права мы постараемся провести параллель между философ юридической и политической теоріей Гегеля и Л. фонъ Ште Только подобная параллерь дозволитъ намъ выдѣлить самос тельныя идеи Штейна, развитыя имъ на основаніи объектив изученія фактовъ. Въ лицѣ проф. Штейна мы видимъ, наско могутъ быть примиримы законы явленій, выведенные à p съ законами, добытыми à posteriori. Лоренцъ фонъ Ште какъ бы нежелая быть въ непосредственной зависимости отъ тафизическихъ тенденцій XVIII и XIX вв. завязываетъ крѣ союзъ съ положительной наукой, сильное развитіе которой с сится къ самому недавнему времени. Въ лицѣ Штейна до (поръ живетъ метафизическая философія XVIII и XIX в. въ пр вѣдѣніи и государствовѣдѣніи и, насколько возможно, пр ряется (хотя съ большимъ трудомъ) съ позитивной философ Л. фонъ Штейнъ стоитъ на границѣ отъ метафизики къ зитивизму; онъ, живя со старыми началами, переступаетъ новую жизнь. Пунктъ сближенія Штейномъ стараго съ нов направленіемъ въ его политической, соціальной и юридиче теоріи представляетъ громадный интересъ для изучаю *процессъ* образованія новаго позитивнаго взгляда на государс общество и право изъ прежняго метафизическаго воззрѣні эти предметы[1]).

---

[1]) Доцентъ *Гумбловичъ*, стоящій на совершенно другой точкѣ з въ разрѣшеніи государственныхъ и общественныхъ явленій, чѣмъ Шт говоритъ про послѣдняго слѣдующее › Ein selteneres Gemisch von Ideali und Realismus, wie Stein, hat es nie gegeben. Während er sowohl in s Formen wie in seinem Gedankengange noch ganz die idealistische I sophie, speciell die dialektische Methode Hegels repräsentirt: bricht sic seinem Inhalt, ein bisher ungekannter, *unerbittlicher Realismus* Bahn. Ste

Изложивъ свою теорію объ обществѣ и государствѣ во многотомныхъ сочиненіяхъ[1]), Проф. Л. фонъ Штейнъ рѣшился выдѣлить, обособить свою юридическую теорію среди другихъ своихъ теорій. Онъ задумалъ понять право изъ соціальныхъ силъ и установить систему права. (метафизическій принципъ его философіи однако имъ не только игнорируется, но всегда является какъ бы спасителемъ тамъ, гдѣ явленіе оказывается непонятнымъ съ точки зрѣнія его объективнаго изученія). Съ этою цѣлью въ 1876 году имъ издается сочиненіе «настоящее и будущее право — и государствовѣдѣнія Германіи»[2]), гдѣ онъ требуетъ реформы въ юридическомъ образованіи и выставляетъ свою юридико-философскую теорію, а въ 1881 г. онъ выпускаетъ въ свѣтъ «три вопроса землевладѣнія»[3]) (ирландскій, континентальный и американскій), въ которомъ такъ же весьма рельефно проявляется его юридическая теорія. Кромѣ печатныхъ трудовъ, философско-юридическая теорія излагается проф. Штейномъ въ его спеціальномъ курсѣ лекцій «о философіи права», открытомъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Вѣнскомъ университетѣ. Въ своемъ курсѣ

---

ein Realist der im breiten Faltenwurf des Idealismus einherschreitet. (См. Rechtsstaat und Socialismus von Dr Ludwig *Gumblowicz*, Innsbruck, 1881, § 15 стр. 151).

[1]) Приведемъ здѣсь только самыя выдающіяся его произведенія:

Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs, 1842.

Verwaltungslehre, 1866—1869 I—VII Th.

Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich I—III. Bd. 1850.

System der Staatswissenschaft, I, II (1852—1856).

Volkswirthschaftslehre (1878) прежде—Lehrbuch der Volkswirthschaft, 1858.

Lehrbuch der Finanswissenschaft. I. II. 1860 — 78. Eisenbahnrecht, 1872. Der Wucher und sein Recht, 1880.

Einige Bemerkungen über die Aufgaben der Völkerrechtslehre (Помѣщена въ Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaft im Deutschen Reich. Herausgegeben von G. *Schmoller* 1882, VI. Jahrg. 2-tes Hept) и мн. другихъ

[2]) Gegenwart und Zukunft der Rechts—und Staatswissenschaft Deutschlands, 1876.

[3]) Drei Fragen des Grundbesitzes, 1881.

Лоренцъ фонъ Штейнъ вылился весь. Съ этимъ-то курсомъ мы и рѣшили познакомить читателей и тѣмъ самымъ пополнить свѣдѣнія о научной дѣятельности Проф Штейна, которыя оказывались до сихъ поръ въ русской юридической литературѣ недостаточными. Изложеніе главныхъ моментовъ философіи права проф. Штейна будетъ служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, *матеріаломъ* для нашей основной работы по ревизіи современныхъ энциклопедическихъ и философско-юридическихъ ученій въ университетахъ и въ литературѣ Европы.

Курсъ лекцій по философіи права проф. Лоренца фонъ *Штейна* распадается на слѣдующія части: 1) *на введеніе* (куда входятъ общія замѣчанія, относящіяся къ системѣ философіи права и весьма сжатый очеркъ исторіи философіи права); 2) на изложеніе основъ *публичнаго* права; 3) на уясненіе началъ *уголовнаго* права и 4) на представленіе системы *гражданскаго* права.

Объективное право, говоритъ проф. Штейнъ, постоянно измѣняется сообразно съ своимъ содержаніемъ. Вотъ фактъ, который повторяется всегда и вездѣ и ни кѣмъ не отрицается. Фактъ постояннаго измѣненія права само собой приводитъ къ необходимости изслѣдовать *научно* не только самое право, но, главнымъ образомъ, *причину* или ту *силу*, которая *производитъ* и *измѣняетъ* право. Но съ чего начать научное изслѣдованіе права? По мнѣнію Штейна, слѣдуетъ приступать къ изслѣдованію права съ изученія *нормъ* положительнаго дѣйствующаго права. Нѣтъ народа, говоритъ профессоръ, безъ дѣйствующихъ въ его жизни обязательныхъ нормъ. Для каждаго народа *дѣйствующимъ* правомъ будетъ то право, которое въ данное время для него *обязательно*. Нужно *изучить* совокупность *нормъ* дѣйствующаго права. Но изученіемъ нормъ *дѣйствующаго* права не исчерпывается научное (университетское) юридическое образованіе. То учебное заведеніе, замѣчаетъ Штейнъ, въ которомъ ни чѣмъ не занимаются кромѣ преподаванія дѣйствующаго права, не заслуживаетъ ни имени

университета, ни имени факультета въ высшемъ смыслѣ этого слова. Это—юридическая школа, école de droit.

Истинная наука права не можетъ ограничиваться изученіемъ *только* дѣйствующаго права. Исходя изъ позитивнаго права, она должна стремиться къ тѣмъ *причинамъ*, которыя производятъ право вообще. Изученіе совокупности нормъ дѣйствующаго права, безъ пониманія правопроизводящихъ силъ, образуетъ, по мнѣнію Штейна, die Rechtskunde (простое знаніе положительныхъ нормъ права). Познаніе же *силъ*, создающихъ право, входитъ въ область *науки права* (die Wissenschaft des Rechtes, die Rechtswissenschaft). Сущность правовѣдѣнія, необходимо предполагающаго знаніе позитивныхъ нормъ права (Rechtskunde), заключается *въ пониманіи нормы права*, какъ *слѣдствія* ея причинъ. Die Rechtskunde есть *знаніе* права, какъ *факта*, а та духовная работа, которая направляется *къ пониманію позитивнаго права изъ производящихъ его причинъ* и которая обнимаетъ *правообразованіе*, какъ *органическій процессъ*, есть *правовѣдѣніе* въ собственномъ смыслѣ. Отъ правовѣдѣнія Лоренцъ фонъ Штейнъ отличаетъ *философію права*. Философія права, говоритъ профессоръ, занимается изслѣдованіемъ тѣхъ силъ, которыя производятъ право, *безъ обращенія вниманія на опредѣленное позитивное право*[1]).

---

[1]) Въ своемъ сочиненіи «Gegenwart und Zukunft der Rechts — und Staatswissenschaft Deutschlands» профессоръ Лоренцъ фонъ Штейнъ отношеніе между Rechtskunde, Rechtswissenschaft und Rechtsphilosophie опредѣляетъ нѣсколько иначе. Въ этомъ сочиненіи мы читаемъ: «*Der Inhalt des Rechtes ist kein Recht*; die Wissenschaft des Rechts ist keine Rechtswissenschaft, sondern die Wissenschaft *der Kräfte welche dasselbe erzeugen*; (ниже авторъ употребляетъ выраженіе die Rechtswissenschaft въ томъ же значеніи, какъ и выраженіе die Wissenschaft des Rechtes. Ср. 82, 103, 104 и слѣд. стр.) es ist mit allem was es begrifflich lehrt, oder was als Recht gilt, oder was als Urtheil ausgesprochen und vollzogen wird, die *Consequenz dieser Kräfte*, welche im Subjekte, der Persönlichkeit, und im Objekte, der Natur der Dinge lebendig sind. Ich soll daher das Recht nicht in dem studiren was es ist und was es *gilt*; das kann ich dem Gedächtniss überlassen und Paragraphen lernen um sie zu vergessen, sondern ich lerne das Recht *wissen* in dem wass dasselbe erzeugt. (VII стр.). Wenn ich die Gesammtheit von gel-

Право (объективное) есть во внѣ проявившаяся вол
щества, воля государства (objectiv gewordener Wille
Gemeinschaft, des Staates), которой мы должны *подчиня*
Относительно этой воли мы *не свободны*. Если же мы спро
какимъ образомъ государство образовываетъ право, то не
симо отъ основъ права, должны будемъ изслѣдовать пр
государства. Философія права всѣхъ временъ была, поэ
вмѣстѣ съ тѣмъ и философіей государства; философское
ченіе права начиналось всегда съ изученія государства;
лософія права стремилась, обыкновенно, къ лучшему госуда
и тѣмъ сливалась съ философіей государства, изслѣду
основанія, *почему* мы находимся въ государствѣ, *почему* и
своей свободой *должны* подчиняться объективному праву
кимъ образомъ и *почему* произошло государство и т. д. и

---

tenden Rechtsbestimmungen als Gegenstand der objektiven Kenntniss ir
wie und irgendwo zusammenfasse, so ensteht das, was wir die R
kunde nennen.. (11 12 стр.). Das Recht, welches kein Recht *mehr* is
das Recht der vergangnen Zeit und *seine* Rechtswissenschaft ist die R
gesshichte. Ist das Recht, welches *noch* kein Recht ist sondern erst
werden will, das Recht welches gar keiner Zeit angehört das absolute Rech
seine Rechtswissenschaft nennen wir die Rechtsphilosophie. Rechtsgesc
und Rechtsphilosophie sind der Boden der wahren Rechtswissenschaf
ihnen lerne ich das Recht denken statt es blos zu kennen. (82 стр.).
was wir als die Wissenschaft des Rechtes zu bezeichnen haben, *zuers*
Lehre von den rechtsbildenden Kräften von demjenigen *scheiden* muss,
sie selber erzeugen, das ist von dem von ihnen gebildeten Recht. Ist
die Scheidung vollzogen, so beginnt das *Begreifen* des Rechts als der Wi
tener Kräfte... Die Darstellung des Rechtsleben ist die *Rechtslehre*.
Rechtslehre wird nun zur *Rechtswissenschaft*, indem die Gesammtheit
Kräften welche den Inhalt der Rechtsbegriffe als Lebensbegriffe bilden
damit das Recht und seine Rechtslehre erzeugen, als die Quelle des
jenden Rechts und seines Verständnisses begriffen werden. (102 стр.)
Rechtsphilosophie ist die Wissenschaft des Rechts, *in so fern* dieses
nur aus dem Wesen und nicht aus der That der Persönlichkeit hervo
Dawo die *That* der individuellen Persönlichkeit anfängt, hört sie au
ist daher vermöge ihrer Natur die Wissenschaft des für alle Persönli
gleichen Rechts. (112 стр.). Die wissenschaftliche Einheit der L
von den Kräften, welche die menchlichen Lebensverhältnisse *aller* Ar
mit ihnen und durch sie das Recht erzengen, ist die Staatswissens
(VII стр.). Die Rechtswissenschaft ensteht nicht durch das Recht, so

Если право образуется государствомъ, то является вопросъ: *откуда* оно можетъ вывести право? *какимъ образомъ* оно можетъ издать законъ, не зная того, чѣмъ занимается право (напр не зная владѣнія, брака, лица и т. д)? Чтобъ эти вопросы были рѣшены удовлетворительно, *въ основаніи государственной дѣятельности должна лежать наука права*, такъ какъ съ одной философіей государства мы не найдемъ права.

Послѣ вышеприведенныхъ предварительныхъ замѣчаній о значеніи простаго изученія нормъ позитивнаго права, правовѣдѣнія, философіи права, профессоръ Штейнъ переходитъ къ изложенію своихъ философско-юридическихъ, политическихъ и соціальныхъ воззрѣній.

Все существующее и являющееся въ мірѣ имѣетъ свое основаніе внѣ себя. Но есть одинъ моментъ въ мірѣ, говоритъ Штейнъ, который основаніе свое имѣетъ въ себѣ; этотъ моментъ — *сущность личности*, изъ которой и происходитъ право. *Существованіе* (Dasein) личности, по Штейну, образуетъ одинъ изъ моментовъ всеобщаго *бытія* (lebendiges Sein), содержащаго въ себѣ два самостоятельныхъ (für sich) существованія: *естественное и личное* существованіе. Личное существованіе проявляется въ двухъ видахъ: *въ физической и духовной* жизни лица. Физическая и духовная жизнь личности представляетъ *процессъ*, въ которомъ личность дѣлаетъ содержаніемъ своей жизни внѣшній міръ. Разсматривая процессъ *духовной* жизни личности, мы замѣчаемъ, что формы этого процесса весьма разнообразны; они начинаются съ представленія (съ существованія вещи въ личномъ самоопредѣленіи) и кончаются самоопредѣляющейся волей, изъ которой происходитъ

---

dadurch das ich das bestimmte Recht als Consequenz der wirtschaftlichen und Gesellschaftlichen Kräfte im Staate begreife, welche es erzeugten und erzeugen mussten. (117 стр.). Die Staatswissenschaft ist die Quelle alles wechselnden und damit alles zeitlichen, das ist positiv geltenden Rechts und seines Verständnisses, und wie die Rechtsphilosophie die als Recht formulirte Philosophie, so ist die *Rechtswissenschaft* die als Recht formulirte Staatswissenschaft. (145 стр.).

дѣйствіе (die That), дѣлающее внѣшній міръ объектомъ л
ной жизни. Весь процессъ духовной жизни личности вход
въ содержаніе личнаго *самоопредѣленія*.

Естественная жизнь личности, подобно духовной жи:
есть органическій *процессъ* и составляетъ также содер
ніе личнаго самоопредѣленія. Этотъ процессъ начинается
потребностей и кончается различными формами *имуществен*
жизни (Güterleben) личности. Имущественная и духов
жизнь личности суть два противоположныя органическія пр
ленія личнаго самоопредѣленія; это — жизнь Я въ
духа и въ природѣ. Но, какъ въ имущественной, такъ н
духовной жизни, личность имѣетъ назначеніемъ своимъ, цѣ
своею подчинить внѣшній міръ своему самоопредѣленію. С
ществляя свое назначеніе и свою цѣль, личность убѣждае
что ея дѣйствія, ея цѣли *ограничены*, *конечны*, а между тѣ
сама по себѣ, личность *безгранична*. Разсматривая *сущно*
личности, мы видимъ, что она есть *абсолютная свобода*
самоопредѣленіе и безконечное полномочіе. Вполнѣ разві
индивидуальный человѣкъ сознаетъ въ себѣ свободу и с
безконечное назначеніе, какъ *основаніе* своей жизни. Р
сматривая же *дѣйствительную жизнь* личности, мы замѣча
что каждый индивидъ не только *не свободенъ* въ самомъ ш
комъ смыслѣ, но и *ограниченъ*. Такимъ образомъ, въ жи
личности возникаетъ *противорѣчіе* между индивидомъ и
безконечнымъ назначеніемъ (абсолютной свободой), — прот
рѣчіе между безконечностью индивидуальныхъ стремлені
ограниченностью индивидуальныхъ силъ. Въ жизни личнс
происходитъ *процессъ*, представляющій борьбу личности
ограничивающими ее внѣшними условіями и стремленіе личнс
подчинить себѣ внѣшній міръ. Противорѣчіе, возникшее
жизни личности между безконечностью индивидуальныхъ стре
ній и ограниченностью индивидуальныхъ силъ, не можетъ
уничтожено въ индивидуальной жизни человѣка. Оно уни
жается только *въ совмѣстной жизни* индивида съ дру
людьми: только въ общеніи съ другими каждый индивид

состояніи достигнуть своей высшей жизненной цѣли и выполнить свое человѣческое назначеніе.

Но, найдя разрѣшеніе противорѣчія между безконечнымъ назначеніемъ личности и индивидуальною ограниченностью человѣка въ совмѣстной жизни съ другими людьми, человѣкъ снова вступаетъ въ противорѣчіе, но уже не съ самимъ собою, а *съ общественнымъ порядкомъ.* Каждое общеніе (увеличеніе) людей есть простое сочетаніе индивидовъ. Такъ какъ каждая личность самостоятельна, то простое количество лицъ есть только умноженіе означеннаго нами выше противорѣчія между внутреннимъ назначеніемъ личности и дѣйствительными силами индивида. Это — только видоизмѣненіе и повтореніе индивидуальнаго безсилія. Какъ же быть? Какъ выдти изъ противорѣчія между индивидомъ и обществомъ? По мнѣнію проф. Штейна, соединеніе людей должно стать *чѣмъ нибудь* для индивида. Оно существуетъ потому, что индивидъ есть абсолютное противорѣчіе. Сущность соединенія людей состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить данное противорѣчіе, а для этого общество должно быть, по отношенію къ индивиду, *хотящимъ чего-нибудь и дѣлающимъ что-нибудь.* Хотѣніе и дѣйствіе общества (Die Gemeinschaft), разрѣшающія индивидуальное противорѣчіе, необходимо требуютъ признанія за совмѣстной жизнью людей *самостоятельной формы жизни,* независимой отъ индивидуальнаго произвола. (Правда, это требованіе трудно для разсудка, но оно *необходимо*).

Вся внѣшняя совмѣстная жизнь людей покоится на двухъ полюсахъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть названъ одинаково абсолютнымъ фактомъ (die Thatsache) человѣческой жизни. Эти полюсы — самостоятельность индивида, *индивидуальной личности* и самостоятельное единство индивидовъ: *общая (коллективная) личность*. Общая, коллективная личность, дѣлаясь *чѣмъ-либо* для индивида, становится, по отношенію къ послѣднему, *самостоятельнымъ организмомъ,* ограничивающимъ индивидуальную самостоятельность. Какъ въ каждомъ организмѣ содержится высшій и низшій рядъ органовъ, такъ точно и въ общественномъ организмѣ заключается высшій и низшій рядъ

людей, подчиненіе одного другому, господство одного и другимъ. Всякое подчиненіе есть *ограниченіе моей воли*, и *самоопредѣленія.* Вотъ здѣсь-то и происходитъ *второе* гл кое противорѣчіе дѣйствительной жизни индивида съ его ид Въ общественной жизни индивидуальная воля является *час* цѣлаго и, какъ таковая, *подчиняется* высшей волѣ (волѣ щественной). Въ общественной жизни дѣлается несвободн не только *внѣшнее* проявленіе воли, но и самое *хот* (Wollen) — самый духовный міръ человѣка. Ограниченіе а лютной индивидуальной самостоятельности общественною жи: производитъ противорѣчіе между индивидомъ и общественн порядкомъ (Ordnung der Gemeinschaft). До тѣхъ поръ, і индивидъ не сознаетъ, что въ своей внѣшней жизни мыслимъ только, какъ *членъ* цѣлаго, до тѣхъ поръ, повторя *каждая* форма органическаго единства человѣческой совмѣс жизни, будетъ казаться ограниченіемъ его личности, его *свободою.* Но какъ бы-то ни было, общественный органі является для индивида абсолютною, вѣчною необходимос потому что человѣкъ можетъ осуществить свое назначені достигнуть своихъ цѣлей только, какъ *членъ общества* если такъ, то и противорѣчіе индивида съ общественнымъ рядкомъ вытекаетъ естественнымъ путемъ и неизбѣжно.

Жизнь каждаго индивида представляетъ постоянное стре ніе подчинить себѣ внутренній и внѣшній міръ. Если это стре ніе осуществляется путемъ духовной дѣятельности человѣка образуется сфера явленій *духовнаго* міра человѣка. Если человѣкъ желаетъ сдѣлать содержаніемъ своего самоопред нія (подчинить себѣ) внѣшній міръ посредствомъ внѣшней) тельности, то происходитъ *имущественная сфера личной жі* (Güterleben). Подчинивъ себѣ внѣшнюю природу, челов преобразовываетъ ее: онъ производитъ *второе* твореніе і

Все, что сказано нами выше—хорошо, говоритъ Ште Но что же можно изъ всего сказаннаго извлечь для опр ленія понятія *права*? *Гдѣ* слѣдуетъ искать права?

До сихъ поръ, говоритъ проф. Штейнъ, мы разсматривали жизнь личности самой по себѣ (für sich). Очевидно, что въ *этой* жизни личности самой въ себѣ *еще нѣтъ никакого права.* Нельзя себѣ вообразить ни права представленія или понятія, ни права вѣры, ни права человѣка на природу, подчиненную его собственнымъ трудомъ и т. д. .

Мы уже видѣли, что противорѣчіе, возникшее между безконечнымъ назначеніемъ личности и ея дѣйствительною ограниченностью уничтожается въ общеніи (Gemeinschaft) одной личности съ другою и при томъ такъ, что другія личности не могутъ уничтожить самостоятельности личности, находящейся съ ними въ общеніи: личность всегда и вездѣ должна оставаться самостоятельной и неприкосновенной. А посему, *рядомъ съ самостоятельностью общества должна существовать самостоятельность личности.* Но свобода и самостоятельность личности во внѣшнемъ общеніи съ другими личностями должна имѣть *предѣлъ, границы*, далѣе которыхъ она идти не можетъ. Та сила, которая поддерживаетъ и опредѣляетъ самостоятельность одной личности по отношенію къ другой, есть *право.* Право слѣдуетъ искать только въ совмѣстной жизни людей; оно составляетъ великую функцію самостоятельности личности во внѣшней общей жизни людей; оно опредѣляетъ и поддерживаетъ границы внѣшняго поведенія одной личности по отношенію къ другой; оно имѣетъ цѣлью поддержать святость и ненарушимость одной личности относительно другой. Система права, какъ увидимъ ниже, почерпается изъ жизни. Юридическія отношенія имѣютъ въ виду обратить жизненныя отношенія *въ условіе* личнаго развитія.

Если право полагаетъ границы между разными личностями, то эти границы устанавливаются не произвольно, а вытекаютъ изъ природы того акта, посредствомъ котораго образуется общеніе одной личности съ другой. Сила, руководящая установленіемъ границъ внѣшняго общенія между личностями, есть *справедливость* (das Gerechte). Мы должны имѣть не только право, но право *справедливое* (ein gerechtes Recht). Поэтому

и говорится, обыкновенно о справедливомъ или несправедливомъ приговорѣ суда, о несправедливомъ правѣ и т. д. Справедливость права состоитъ въ томъ, что право выводится изъ природы акта сношенія (Verkehr) одной личности съ другой.

Право и справедливость, которыя имѣютъ силу для отдѣльной личности въ ея отношеніи къ другой единичной же личности, мы зовемъ правомъ *гражданскимъ*. Напротивъ, право и справедливость, которыя имѣютъ силу въ общеніи единичной личности съ коллективною, общею личностью, называется *публичнымъ* правомъ. Самостоятельная единичная личность, подчиняясь коллективной личности, удерживаетъ однако за собой свою самостоятельность. *Справедливость гражданскаго права* состоитъ въ ненарушимости одного индивида по отношенію къ другому индивиду, а юридическія границы установляются здѣсь дѣятельною волею вступающихъ въ гражданскій оборотъ (Verkehr) лицъ. *Справедливость публичнаго права*, въ которомъ индивидуальная личность составляетъ одинъ изъ моментовъ цѣлаго общества, необходимо предполагаетъ сознательное подчиненіе отдѣльной субъективной воли общей волѣ. Справедливость публичнаго права вытекаетъ изъ природы цѣлаго общества и изъ требованій развитія индивидуальной личности. Условіе всякаго развитія есть самостоятельность. Высшая справедливость состоитъ въ томъ, чтобы общество пользовалось повиновеніемъ индивидуальной личности (т. е. сознательнымъ подчиненіемъ субъективной воли общей волѣ) съ цѣлію развитія свободы (um die Freiheit zu entwickeln), т. е. общество должно дать условія для общаго личнаго развитія. Процессъ, посредствомъ котораго даются условія личнаго развитія, мы называемъ *управленіемъ* (Verwaltung). Поэтому говорятъ о справедливомъ управленіи, о справедливыхъ чиновникахъ и т. д.

Правовая жизнь есть процессъ, въ которомъ справедливое становится правомъ[1]). Процессъ образованія правовой

[1]) Rechtleben ist derjenige Process, гов. профессоръ Штейнъ, vermöge dessen aus dem Gerechten das Recht wird.

жизни выражается *въ сознаніи* личности (правосознаніе). Если правосознаніе присуще цѣлому народу, то оно зовется *народнымъ правосознаніемъ* или народнымъ правомъ. Если же *правосознаніе* идетъ далѣе, если спрашивается — *почему* то или другое правовое положеніе установлено, если отыскиваются *основы* правовыхъ положеній, если поднимаютъ вопросъ *о причинахъ* права, то возникаетъ *наука* права (въ противоположность простому знанію нормъ дѣйствующаго права). *Исторія права* есть работа міровой исторіи надъ установленіемъ справедливаго права. Правовѣдѣніе знаетъ каждое правовое положеніе, какъ *выводъ* изъ правопроизводящихъ причинъ. Но эта форма правовой жизни есть еще *субъективная* форма, возникающая въ каждомъ индивидуальномъ духѣ. А такъ какъ право имѣетъ силу для другихъ, то оно должно быть *объективно*. Процессъ, въ которомъ право становится внѣ (ausserhalb) и выше субъективнаго настроенія и воли индивида, мы зовемъ вообще *правообразованіемъ* (die Rechtsbildung); это есть тотъ процессъ, въ которомъ образуется *объективное право*.

Наука права и философія права предполагаютъ, что общество уже сдѣлалось личностью. Общественная личность есть *организмъ*, содержащій въ своей волѣ волю многихъ индивидовъ. Воля общественной личности *желаетъ* права. Поэтому, *процессъ правообразованія состоитъ въ томъ, что право становится содержаніемъ общей воли* (Rechtsgesetzgebung)[1]). Опредѣленная сознательная воля общества (государства), самостоятельно проявившаяся во внѣ, есть *законъ*[2]). Въ законодательствѣ предъ нами выступаетъ въ первый разъ дѣятельное (arbeitend), мыслящее и волящее государство. Воля государства должна всегда принимать въ себѣ народное правосознаніе и правовѣдѣніе; если же она идетъ имъ наперекоръ, то начинается борьба между правосознаніемъ народа и закономъ,

[1]) Der Process der Rechtsbildung ist daher derjenige, vormöge dessen das Recht zum Inhalt des allgemeinen Willens wird (das ist die Rechtsgesetzgebung).

[2]) Ср. Gegenwart und Zukunft der Rechts — und Staatswissenschaft Deutschlands, стр. 117.

противорѣчіе между справедливостью и правомъ. По своей сущности и чистой идеѣ, государство должно *хотѣть* справедливости и *реализировать* ее въ правѣ. Для этой цѣли существуетъ *законодательная и исполнительная власть* въ государствѣ.

Въ своемъ печатномъ трудѣ «Gegenwart und Zukunft der Rechts — und Staatswissenschaft Deutschlands» профессоръ Лоренцъ фонъ *Штейнъ* даетъ подробную характеристику понятія права и процесса правообразованія. Для полноты представленія философско-юридическихъ воззрѣній Штейна, мы считаемъ необходимымъ присоединить къ нашему изложенію его мыслей по философіи права и его взглядъ на право и его образованіе, высказанный имъ въ означенномъ трудѣ.

Право, гов. Штейнъ, постоянно измѣняется. Измѣненіе права выражается въ томъ, что бывшее право перестаетъ быть правомъ и становится неправомъ (Unrecht). Но право само по себѣ не содержитъ элементовъ, дѣлающихъ его неправомъ; въ самомъ по себѣ правѣ нѣтъ данныхъ для измѣненія права и превращенія его въ неправо. Причина измѣненія права лежитъ не въ самомъ правѣ, а въ его *содержаніи*, которое, существуя самостоятельно отъ права, постоянно измѣняется. *Измѣненіе содержанія права измѣняетъ и производитъ право.*

Каждое правопонятіе необходимо заключаетъ въ себѣ два элемента, тѣсно связанные между собою: 1) *содержаніе* права и 2) *самое право*. Первое постоянно измѣняется и образуетъ право, а между тѣмъ второе — вѣчно одно и то-же. Такимъ образомъ, измѣняющееся въ правѣ не составляетъ самаго права, а только одинъ изъ моментовъ жизни личности, который *устанавливаетъ* право. Наука права начинается при *разъединеніи* элементовъ правопонятія, при чемъ она стремится понять право на основаніи взаимнаго отношенія ихъ между собою.

Найдя, что право не можетъ измѣниться и уничтожиться само собою (т. е. что причина измѣненія права лежитъ *внѣ* права), проф. Штейнъ пытается опредѣлить то начало, отъ котораго зависитъ измѣненіе (а значитъ, и уничтоженіе) права: онъ пытается обозначить въ правѣ *не правовой* элементъ.

Мы говоримъ, замѣчаетъ Штейнъ, о правѣ *собственности*, о правѣ *владѣнія* и т. д. Но можно-ли назвать собственность, владѣніе и т. д. правомъ? Очевидно, нѣтъ. Собственность, владѣніе..... въ этомъ случаѣ не есть право (ist kein Recht); они только *имѣютъ* право (sie haben ein Recht), или *правовой элементъ*. Говорится: я *имѣю* право *на* собственность, я *имѣю* право *на* владѣніе.... Объектъ, собственность, владѣніе... словомъ, все то, *на что* я имѣю право или *изъ чего* происходитъ мое право, находится *внѣ* меня и я долженъ пріобрѣсти его въ силу права. Несомнѣнно, что этотъ объектъ, или, лучше говоря, это *содержаніе* права вообще не составляетъ права (kein Recht), а представляетъ изъ себя что-то самостоятельно существующее отъ права. «Право» же этого содержанія, *этой* собственности, *этого* владѣнія... обозначаетъ только опредѣльнное отношеніе *содержанія* права къ опредѣленной личности[1]). Оба элемента правопонятія (содержаніе права и самое право), будучи, независимыми другъ отъ друга, соединены между собою внутреннею связью и одинъ безъ другаго не понятны. Ихъ отношеніе другъ къ другу такое же, какъ отношеніе кислорода къ водороду. Самостоятельность каждаго изъ элементовъ правопонятія уяснится само собою, если мы изъ массы всѣхъ правопонятій мысленно выдѣлимъ элементъ «право». Послѣ такого выдѣленія изъ совокупности правопонятій «правоваго» элемента останутся намъ хорошо извѣстныя явленія: благо, капиталъ, договоръ, государство, управленіе и т. д. Всѣ эти явленія составляютъ *жизненныя отношенія личности*, но не личности вообще, а личности дѣятельной (der arbeitender), развивающейся *среди* этихъ явленій *и при посредствѣ* ихъ.

[1]) На своихъ лекціяхъ по философіи права профессоръ Штейнъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: Das Recht ist ein Moment an demjenigen wofür es gilt, aber nicht selbst dasjenige, wofür es gilt. Jeder Rechtsbegriff hat seinen Jnhalt und das Wort «Recht» bedeutet ein Moment daran, aber nicht den ganzen Jnhalt.

Жизненныя явленія личности составляютъ, съ одной стороны, *развитіе* понятія и высшаго *назначенія* (Bestimmung) личности, а съ другой — необходимое *условіе* развитія личности. Личность, разсматриваемая сама по себѣ, есть безсодержательное Я. Только въ жизненныхъ явленіяхъ, отношеніяхъ и можетъ проявиться дѣйствительная жизнь личности. Если выходить изъ равной всѣмъ людямъ сущности личности, то мы найдемъ, что жизненныя явленія, въ сущности, также для всѣхъ равны. Каждое изъ этихъ отношеній, взятое въ отдѣльности, есть то, что можно назвать *жизненнымъ понятіемъ* (Lebensbegriff). Благо, семейство, владѣніе, залогъ, договоръ.... и другія жизненныя понятія, разсматриваемыя сами по себѣ, составляютъ вполнѣ опредѣленную форму, вполнѣ опредѣленную стадію въ жизни личности (будетъ-ли это *личность сама въ себѣ* (an sich) или же *общеніе лицъ* (Gemeinschaft), возвысившееся до личности — все равно). Несомнѣнно, что факты и понятія жизни личности составляютъ тотъ *первый* элементъ правопонятія, ту часть правопонятія, которая, не будучи правомъ, *требуетъ и производитъ* право. Если такъ, то что же такое *право*?

Какъ общество (Gemeinschaft), такъ и каждый индивидъ, во всѣхъ проявленіяхъ своей дѣятельности, должны быть самостоятельными личностями. Индивидъ безъ самостоятельности не личность. Признаніе самостоятельности личности рядомъ съ признаніемъ самостоятельности общественнаго организма есть необходимое условіе личнаго и общественнаго развитія. Самостоятельность всякаго индивида должна каждымъ сознаваться и признаваться, такъ какъ чѣмъ я долженъ быть для самого себя, тѣмъ же долженъ быть для меня и равный мнѣ. Отрицая своимъ хотѣніемъ и дѣйствіемъ святость личности въ другомъ, я тѣмъ самымъ отрицаю свою собственную личность; признавая другаго несамостоятельнымъ (средствомъ моихъ цѣлей), тѣмъ самымъ я долженъ признать самого себя по отношенію къ нему таковымъ.

Общественная жизнь людей, вытекая органически изъ сущности личности, необходимо предполагаетъ осуществленіе

принципа святости и неприкосновенности одного индивида по отношенію къ волѣ и дѣйствію другаго. Самостоятельность индивида есть свобода; ненарушимость и святость жизненной сферы одной личности произвольнымъ или невольнымъ движеніемъ другой есть *право*. Поэтому, всякое право необходимо предполагаетъ *двѣ* личности, находящіяся во внѣшнемъ взаимномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ. Право происходитъ тамъ, гдѣ оволенное (gewollte) дѣйствіе одного обнимаетъ внѣшнюю сферу жизни другаго, гдѣ одинъ индивидъ выступаетъ противъ другаго. Право — великая этическая сила, которая установляетъ и поддерживаетъ личную самостоятельность одного по отношенію къ волѣ другаго. Оно — защита основъ всякой жизни, индивидуальной ненарушимости отъ дѣйствія и насилія другой личности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно есть первое и священное основаніе и предположеніе всякаго развитія, какъ индивида, такъ и цѣлаго. Вотъ, въ чемъ состоитъ сущность и содержаніе *права*, какъ *втораго* и самостоятельнаго момента правопонятія въ обыкновенномъ смыслѣ слова!

По своему принципу, право вполнѣ *индиферентно къ своему содержанію*, т. е. право со своимъ принципомъ не спрашиваетъ о томъ, *къ чему* оно должно защищать ненарушимость личности, собственность, владѣніе..., оно не спрашиваетъ о томъ, *въ какомъ* состояніи находятся эти вещи, оно не заботится ни о ихъ внутреннемъ отношеніи къ развитію личности, ни о свободѣ или несвободѣ, ни о жизни или смерти, но такъ, какъ вещи существуютъ, право окружаетъ данный фактъ личности, какъ священная его граница, для воли и дѣйствія другой личности. Бытіе права опредѣляется не развивающеюся жизнью, но чистымъ ея понятіемъ (es ist nicht erst da durch das werdende Leben, sondern durch den einfachen Begriff desselben). Поэтому, право, какъ второй элементъ правопонятія, не имѣетъ въ себѣ *другаго содержанія, кромѣ содержанія* святости и ненарушимости личнаго существованія для другаго лица. Въ этомъ своемъ значеніи, право въ без-

конечно измѣняющемся процессѣ дѣятельной личной жизни остается *вѣчно равнымъ*.

Послѣ всего сказаннаго выше, ясно, кажется, что въ такъ называемомъ правѣ дѣйствительно содержатся *два* существенно различныхъ элемента, которые не должны быть смѣшиваемы между собою. *Первый* изъ этихъ элементовъ есть *личность*, но личность развивающаяся (werdende) и живущая частью для себя и чрезъ себя, частью же въ соединеніи съ другими, необходимомъ для личнаго развитія. *Вторымъ* элементомъ является таже *личность*, но личность точно ограниченная и неприкосновенная по отношенію къ другой личности. Въ жизненномъ понятіи личность существуетъ для *себя и чрезъ себя саму*, въ правѣ же — какъ предметъ дѣйствія *другаго лица*. Оба элемента правопонятія суть два различныхъ отношенія одной и той же личной жизни, одной и той же сущности личности. Ихъ можно *представить* отдѣльно другъ отъ друга, но нельзя *разъединять*: они всегда неразрывно связаны между собою. Наука права, начинаясь при ихъ раздѣленіи, стремится познать формы и законы, въ которыхъ они снова соединяются. Насколько необходимо было намъ раздѣленіе элементовъ правопонятія для правильнаго опредѣленія права, настолько же настоятельно нужно пониманіе и ихъ живой связи. Живая связь между элементами правовѣдѣнія уяснится тогда, когда мы рѣшимъ вопросъ: *какая жизненная функція права*?

Праву, созданному тою же силою, которая произвела и различныя жизненныя явленія, принадлежитъ специфическій элементъ жизни. Этотъ специфическій жизненный элементъ, принадлежащій праву, проф. Штейнъ выясняетъ слѣдующимъ образомъ. Недостаточность индивидуальной силы пополняется ея соединеніемъ съ другими людьми. Общественная жизнь людей вытекаетъ необходимо изъ сущности личности. Отсюда — чисто отрицательное отношеніе лицъ другъ къ другу въ обществѣ не возможно, такъ какъ такое отношеніе находится въ противорѣчіи съ сущностью личности. Въ соединеніи людей между собою происходитъ общность внѣшнихъ жизненныхъ че-

ловѣческихъ сферъ. Общность людей представляетъ постоянное выдѣленіе извѣстной части моего личнаго бытія для другаго и воспріятіе этой части другимъ, но безъ нарушенія моей самостоятельности дѣятельною волею другой личности. Для сохраненія самостоятельности личности въ ея совмѣстной жизни съ другими людьми должны существовать границы этой самостоятельности. Эти границы мы назвали *правомъ*, а ихъ святость — *принципомъ права*. Правовой принципъ долженъ осуществляться *во всѣхъ* жизненныхъ понятіяхъ личности. Въ свою очередь, каждое жизненное понятіе должно быть точно опредѣлено не только, какъ органическое содержаніе индивидуальной личности, но и въ его *отношеніи къ волѣ и дѣйствію другаго лица*: жизненное понятіе должно быть точно и объективно *формулировано*. Только формулированіе жизненнаго понятія сообщаетъ ему то значеніе, котораго требуетъ принципъ права, т. е. сообщаетъ ему *юридическое значеніе* (юридическія границы по отношенію къ другому). Съ формулированіемъ жизненнаго понятія начинается процессъ, въ которомъ жизненное понятіе или опредѣленное жизненное отношеніе (какъ-то: благо, трудъ и т. д.) *становится содержаніемъ* права. Жизненное понятіе или отношеніе, ставшее содержаніемъ права (т. е. формулированное правомъ), называется *юридическимъ понятіемъ* или *отношеніемъ*. Образованіе правопонятія *изъ* жизненнаго понятія и *чрезъ* жизненное понятіе составляетъ *первый* актъ *правообразованія*.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ правопонятіи, какъ юридическомъ формулированіи (Formulirung) жизненнаго отношенія, содержится не только вѣчно равное и неподвижное право, но и элементъ, по своей сущности, живой, жизненный.

Жизнь есть трудъ, дѣятельность, движеніе и развитіе личности. Это развитіе (Werden) и измѣненіе личности не абстрактная идея, но конкретныя отношенія, проявляющіяся въ процессѣ жизненныхъ и юридическихъ понятій. *Какъ* данный процессъ совершается и *какъ* образуются данныя отношенія, это иной вопросъ. Для насъ въ данномъ случаѣ важно одно

только обстоятельство, что съ измѣненіемъ и развитіемъ даннаго жизненнаго отношенія должно образоваться соотвѣтствующее этому измѣненному отношенію и право. При этомъ, право имѣетъ въ виду только защиту личной жизни одного по отношенію къ волѣ и дѣйствію другаго лица, *безъ* обращенія вниманія на свое содержаніе. Такимъ образомъ, если юридическое отношеніе есть только юридическое выраженіе жизненнаго отношенія, то право должно измѣняться и развиваться на столько, *на сколько измѣняется и развивается его содержаніе.* При этомъ естественно, измѣняется не самое право, а содержаніе, право же только слѣдуетъ за измѣненіемъ своего содержанія, какъ граница послѣдняго. Изъ вышесказаннаго можно видѣть, что выходя изъ одного права, мы никогда не дойдемъ до правопонятія и правообразованія. Только жизненное содержаніе права, производящее, обусловливающее и образующее дѣйствующее право, откроетъ намъ двери къ правопонятію и правообразованію. Изъ вышеизложеннаго можно также усмотрѣть, что принципъ права вытекаетъ изъ сущности личности самой въ себѣ (an sich), въ то время какъ самостоятельное содержаніе права и, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое правопонятіе создается дѣятельной и постоянно измѣняющеюся жизнью личности. Пойдемте далѣе.

Жизненное понятіе, въ силу юридическаго формулированія, становится правопонятіемъ и пріобрѣтаетъ твердую форму и опредѣленность для дѣйствія третьихъ лицъ. Но, такъ какъ жизненное содержаніе правопонятія постоянно обновляется, то можетъ наступить (и наступаетъ) такой моментъ, когда форма жизненнаго элемента правопонятія, отношеніе его къ третьимъ лицамъ (формулированное правопонятіе) оставаясь неизмѣннымъ, перестанетъ соотвѣтствовать этому, измѣнившемуся своему содержанію. Въ этомъ случаѣ въ правовой жизни возникаетъ то состояніе, про которое говорятъ, что форма права уже болѣе не соотвѣтствуетъ своему жизненному содержанію. Это состояніе, это противорѣчіе въ правовой жизни всѣмъ намъ хорошо понятно. Оно состоитъ въ томъ, что формальное право стало

матеріальнымъ не правомъ. При подобномъ состояніи правовой жизни вполнѣ находятъ свой смыслъ изрѣченія: «summum jus, summa injuria; разумъ сдѣлался безсмыслицей, благо зломъ». Теперь «право является неправомъ», такъ какъ жизненное содержаніе правопонятія теперь уже другое, чѣмъ то, какое имѣло правопонятіе при своемъ первоначальномъ формулированіи. Здѣсь, по мнѣнію профессора Штейна, начинается *второй актъ правообразованія*. Этотъ *второй великій процессъ правообразованія* представляетъ не только образованіе и формулированіе права для жизненнаго понятія, но и *уничтоженіе права внутреннею силою жизненнаго понятія*. Право, въ этомъ случаѣ, какъ противорѣчащее сущности права, обусловливаемаго и производящагося *жизненными* отношеніями, становится неправомъ[1]).

Послѣ общихъ замѣчаній о правѣ и его содержаніи, профессоръ Л. фонъ Штейнъ даетъ въ своемъ курсѣ философіи права весьма краткій очеркъ *исторіи философіи права*, начиная съ Платона и кончая въ двухъ-трехъ словахъ Гегелемъ, Гербартомъ и Шопенгауэромъ. Свой очеркъ исторіи философіи права Штейнъ заключаетъ положеніемъ, что *задача* государства —*осуществлять справедливость въ правѣ*[2]). За краткою исторіею философіи права, начинается уже изложеніе и самаго *содержанія* его курса лекціи по предмету философіи права, которое мы и представимъ теперь въ самыхъ общихъ чертахъ.

1.

Публичное право.

Жизнь личности есть процессъ, въ которомъ она стремится сдѣлать содержаніемъ своей жизни внѣшній міръ. При осуществленіи этого стремленія оказывается, что люди духовно и матеріально различны, вслѣдствіе чего количество и качество

---

[1]) Ср. G. u. Z. d. R. u. S. W. Стр. 88 и слѣд.

[2]) Wir haben, гов. профессоръ, den Satz gefunden, dass der Staat das Gerechte im Rechte verwirklichem soll.

das Mass und die Art) подчиненнаго человѣкомъ естест
наго бытія неодинаковы. А такъ какъ естественное бытіе,
чиненное человѣческимъ цѣлямъ, есть *благо* (das Gut),
щество, то, на основаніи духовнаго и матеріальнаго разл
людей, ихъ имущественная жизнь (Güterleben) неравна.
личествомъ и качествомъ имущества опредѣляется степен
свойство *личнаго* развитія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ,
щество, благо мы называемъ *владѣніемъ*. Между людьми
ществуетъ, такимъ образомъ, *неравенство владѣнія*. Н
венство владѣнія, какъ условіе личнаго развитія, входитъ
государство и вноситъ въ него элементъ *неравенства*,
смотря на то, что въ понятіи государства лежитъ идея
венства). Раздѣленіе владѣнія становится основаніемъ *п
тивнаго* (неравнаго) *права* въ государствѣ. На раздѣленіи
дѣнія покоится *совмѣстная жизнь людей* (die Gemeinsch
какъ *единство* въ разнообразіи, а *порядокъ* (die Ordnu
въ этомъ различіи образуетъ *общество* (die Gesellschaf
Государство со своимъ правомъ, законодательствомъ и вс
чего оно *желаетъ*, выражаетъ состояніе общества. А такъ
общество вѣчно развивается (ewig werdende ist), то государ
со своимъ правомъ должно измѣняться. Этою зависимостью п
отъ состоянія общества объясняется то обстоятельство,
по истеченіи извѣстнаго времени, право болѣе уже не пр

Всякое *право*, говоритъ профессоръ Штейнъ, *въ одн
тоже время* (zugleich) *равно и неравно*, такъ какъ

---

[1]) При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что слово «die Gemeinschaf
Штейна обозначаетъ всякую форму общенія индивидовъ между собою.
Gemeinschaft основывается у него на понятіи das *Sein* der Persönlicl
на понятіи das *Wesen* der Persönlichkeit, на идеѣ *равенства* (die Gleich
всѣхъ личностей, на идеѣ *равнаго* права. «Die Gesellschaft», по мнѣнію
фессора Штейна, есть система зависимости однихъ отъ другихъ, основ
на раздѣленіи владѣнія; есть жизненная среда людей, выведенная не изъ
ности личности, не изъ личнаго Sein, но изъ *That* der Persönlichkeit,
дѣятельной и развивающейся жизни личности. Понятіе die Gemeins
говоритъ профессоръ Штейнъ, входитъ въ область философіи права, а по
die Gesellschaft — въ область правовѣдѣнія; въ первую входитъ поняті
тія (Sein) личности, и во вторую—понятіе *дѣйствія* (That) личности.

люди въ одно и тоже время равны (по сущности) и различны (въ дѣйствительности). Поэтому, существуетъ двѣ *системы права*: система, выведенная изъ органическаго *бытія* личности (чистая система) и система, проистекающая изъ *дѣйствія* личности (система реальная). Первая система права предполагаетъ, что всѣ личности *равны*, а вторая — что они *различны*. Первой — чистой системѣ права — противополагается система позитивнаго права, покоющаяся на состояніи различія и неравенства между людьми. Зависимостью позитивнаго права отъ состоянія неравенства людей между собою (т. е. отъ состоянія общества) и опредѣляется измѣненіе позитивнаго права.

Неравенство владѣнія производитъ въ обществѣ *классы*, а форма (Art) владѣнія — общественные *порядки* (Ordnung). Каждая форма владѣчія производитъ *зависимость* невладѣющихъ отъ владѣющихъ и вноситъ въ государство элементъ *неравенства*, которое изъ хозяйственнаго становится *юридическимъ* неравенствомъ и *юридической* несвободой. Количество владѣнія, какъ условіе личнаго развитія, можетъ быть увеличено личною силою. Поэтому, индивидъ стремится къ тому, чтобы увеличить количество своего владѣнія, какъ можно болѣе Сознаніе количества владѣнія, какъ условія личнаго развитія и какъ основанія общественнато положенія лица, образуетъ *общественный классъ*. Существуетъ три класса: 1) *низшій классъ* (невладѣющіе), 2) *средній классъ* (обладающіе среднимъ владѣніемъ) и 3) *высшій классъ* (богатые, на сколько возможно). Различіе между классами сознается каждымъ членомъ того или другаго класса, при чемъ всегда маловладѣющіе стремятся сдѣлаться богатыми. Сознательное стремленіе къ накопленію богатства (владѣнія),—стремленіе, осуществляющее идею личности, производитъ *движеніе общественныхъ классовъ* — необходимое условіе общественнаго и личнаго прогресса. Тамъ, гдѣ нѣтъ движенія классовъ, существуетъ застой: образуются *касты*. Движеніе общественныхъ классовъ производитъ борьбу между ними (соціальная война), для уничтоженія которой требуется власть. Пунктъ примиренія интересовъ невладѣющихъ съ инте-

ресами владѣющихъ, пунктъ ихъ взаимодѣйствія заключается въ совмѣстномъ быту людей (Gemeinschaft), гдѣ единство и гармонію частныхъ интересовъ водворяетъ *государственная власть*, а совмѣстная жизнь людей, въ такомъ случаѣ, какъ носитель гармоніи интересовъ *всѣхъ*, находящая свою личную самостоятельность *внѣ* общества, называется *государствомъ*. Государство есть совмѣстная жизнь людей (Gemeinschaft), возвысившаяся до самоопредѣленія личности.

Въ безконечномъ разнообразіи интересовъ отдѣльныхъ лицъ и, равно, въ противорѣчіи между частными интересами отдѣльныхъ классовъ государство стремится къ развитію *всѣхъ* индивидовъ и при томъ такъ, что мѣра и степень его собственнаго развитія обусловливаются мѣрою развитія всѣхъ индивидовъ. Заботясь о *всѣхъ*, государство тѣмъ самымъ заботится о самомъ себѣ. Идея государства есть идея равенства, свободы, въ противоположность идеѣ общества, которая является идеею неравенства, несвободы. Такимъ образомъ, по мнѣнію Штейна, отношеніе государства къ обществу такое же, какъ отношеніе свободы личности къ ея несвободѣ. А такъ какъ свобода находится въ противорѣчіи съ несвободою, то принципъ государства находится въ противорѣчіи съ принципомъ общества, и между государствомъ и обществомъ происходитъ борьба. Въ виду такой-то борьбы, государство и должно обладать могуществомъ, необходимымъ для подчиненія каждаго частнаго интереса истинно всеобщимъ цѣлямъ.

Но мы уже знаемъ, что государство со своимъ правомъ выражаетъ состояніе общества, какъ системы зависимости однихъ отъ другихъ, слѣдовательно, выражаетъ состояніе общественнаго неравенства, которое переходитъ и въ позитивное право. Возникаютъ вопросы: Какимъ является государство, если оно выражаетъ только состояніе общества? Какимъ образомъ государство, выражая собою состояніе общества, можетъ осуществить свою задачу и свой принципъ (равенство и свободу личности)?

Рѣшая первый изъ этихъ вопросовъ, профессоръ Лоренцъ фонъ Штейнъ замѣчаетъ, что государство, какъ высшая форма личности,

должно заключать въ себѣ высшую степень развитія личныхъ силъ. А такъ какъ высшая степень образованія личныхъ силъ обусловливается высшею мѣрою экономическихъ благъ (владѣнія), то государство образуется изъ того класса, который болѣе всѣхъ другихъ классовъ обладаетъ *условіями* высшаго развитія личныхъ силъ, слѣдовательно, *государство образуется изъ высшаго, владѣтельнаго класса*; правящимъ классомъ въ государствѣ является *владѣтельный* классъ; государство организуется сообразно съ интересами *высшаго* класса и этотъ классъ является въ государствѣ рѣшающимъ. Естественно, что *вся власть государства* находится въ рукахъ тѣхъ, которые имѣютъ высшее личное развитіе и которые обладаютъ бо̀льшими условіями къ этому развитію, чѣмъ другіе классы, т. е. тѣ, которые всѣхъ богаче. *Государственная власть становится на службу интересовъ высшаго класса*, при чемъ позитивное право имѣетъ въ виду только интересы *высшаго* класса.

Хозяйственное и общественное неравенство классовъ и лицъ, при посредствѣ нормъ позитивнаго права, изданныхъ исключительно въ интересахъ высшаго класса, становится *юридическимъ* неравенствомъ классовъ и лицъ. Низшій классъ общества, не имѣющій условій высшаго развитія, совершенно лишается участія въ государственной власти. Владѣющіе дѣлаются *господствующими* (herschende), а невладѣющіе — *подчиненными* (beherschte). Неравенство классовъ, установленное юридическомъ закономъ, является содержаніемъ *публичнаго права*. При юридическомъ неравенствѣ классовъ существуетъ двѣ системы права: *система права свободнаго* (для владѣющихъ) и *система права несвободнаго* (для невладѣющихъ). Эти двѣ системы права находятся въ уголовномъ, гражданскомъ и публичномъ правѣ. Изъ вышесказаннаго, кажется, не трудно убѣдиться, что позитивное право въ государствѣ можетъ быть понято только чрезъ изученіе *образованія и движенія общественныхъ классовъ*. Ученіе объ общественныхъ классахъ должно быть также основаніемъ изученія по-

зитивнаго государственнаго устройства и управленія[1]) Вотъ какимъ является государство и его право, если оно выражаетъ состояніе общества. Очевидно, что, въ данномъ случаѣ, раздѣленіе владѣнія произвело дѣйствительное государство и его право,— что такое государство и право находится въ абсолютномъ противорѣчіи съ понятіемъ равной личности, такъ какъ государствомъ управляютъ не *всѣ* члены государства, а только одна ихъ часть. Государству нужно выдти изъ сказаннаго противорѣчія. Профессоръ Штейнъ находитъ и пути къ выходу изъ этого противорѣчія.

Разрѣшая второй вопросъ, т. е. какимъ образомъ государство, выражая собою состояніе общества, можетъ осуществить свою задачу (принципъ равенства и свободы личности), профессоръ Лоренцъ фонъ Штейнъ говоритъ, что *господствовать* (herrschen) въ государствѣ значитъ чего-либо *хотѣть* (wollen) и что-либо *дѣлать* (thun), т. е. издавать законъ и управлять. Но юридическое господство одного класса надъ другимъ должно быть не только правовымъ а и *справедливымъ* господствомъ, которое можетъ осуществиться тогда только, когда законодательство и управленіе будутъ имѣть въ виду не только интересы высшаго класса, но интересы *всѣхъ* индивидовъ и классовъ, при чемъ государство должно споспѣшествовать поднятію низшихъ классовъ въ высшіе (т. е. дать условія невладѣтельнымъ классамъ сдѣлаться владѣтельными). Справедливое господство, согласное съ идеею государства и его принципомъ, наступаетъ тогда, когда высшій классъ работаетъ надъ осуществленіемъ въ общественной жизни людей свободы и равенства и эту свою работу выражаетъ въ законодательствѣ и управленія[2]). Съ этой точки зрѣнія на

[1]) При этомъ проф. Штейнъ снова замѣчаетъ, что *философія права* знаетъ государство на основаніи органическаго *бытія личности*, а правовѣдѣніе знаетъ его на основаніи *общества*.

[2]) Въ своемъ сочиненіи «Geschichte der socialen Bewegung», проф. Л. фонъ Штейнъ говоритъ, что монархическая власть въ государствѣ, какъ представитель государственной идеи, ощущаетъ глубочайшую потребность въ личномъ хотѣніи и дѣйствіи. Назначеніе этой потребности состоитъ въ не иномъ чемъ, какъ въ томъ, что монархическая власть должна самодѣятельно,

справедливое право господства въ государствѣ (въ смыслѣ возвышенія низшихъ классовъ чрезъ высшихъ) можно сказать, что никогда не было сдѣлано такъ много для низшихъ классовъ, какъ въ наше время. Мы не только сознаемъ, что низшій классъ не въ состояніи *пособить самому себѣ* и что соціальное развитіе низшихъ классовъ возможно только при содѣйствіи высшихъ классовъ, но издаемъ законы и работаемъ на пользу низшихъ классовъ. *Соціальная дѣятельность нашего времени состоитъ въ поднятіи низшихъ классовъ чрезъ высшіе*; только *такая* соціальная дѣятельность и можетъ быть признана справедливымъ правомъ на господство въ государствѣ. Соціальная дѣятельность высшаго класса на пользу низшаго выражается *въ соціальномъ управленіи*, какъ органической работѣ высшихъ классовъ *для* низшихъ, въ силу которой (работы) послѣдніе получаютъ изъ рукъ первыхъ *условія* своего развитія, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частности. Если высшіе классы не понимаютъ своей соціальной задачи *въ этомъ* смыслѣ или не выполняютъ оной, то государство *принуждаетъ* ихъ къ выполненію своей задачи, а низшіе классы *уполномачиваются требовать* отъ высшихъ классовъ соціальной работы въ вышеозначенномъ смыслѣ. Это принужденіе государства и правомочія низшихъ классовъ относительно высшихъ выражается чрезъ юридическіе законы въ дѣйствующемъ правѣ, въ извѣстныхъ учрежденіяхъ и опредѣленныхъ мѣропріятіяхъ. Вотъ, какимъ образомъ, по мнѣнію профессора Лоренца фонъ Штейна, государство, выражая собою состояніе общества, можетъ осуществить свою идею, свой принципъ равенства и свободы личности[1]).

противъ воли и естественной тенденціи господствующаго класса, работать надъ возвышеніемъ, соціально и политически подчиненнаго класса и въ этомъ случаѣ употреблять ввѣренное ей государственное верховенство (См. III 16, 18, 19, 46 стр. и друг. Ср. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft, стр. 144).

[1]) Подобныя же мысли проводитъ профессоръ Лоренцъ фонъ Штейнъ и въ своемъ сочиненіи «Die staatswissenschaftliche und die landwirthschaftliche Bildung» (Breslau, 1880). Стр. 81, 82. При рѣшеніи «трехъ вопросовъ землевладѣнія» (ирландскаго, континентальнаго и американскаго) для единства всѣхъ общественныхъ элементовъ и интересовъ проф. Л. фонъ Штейнъ

Неравенство владѣнія производитъ общественные *классы*, а различныя *формы* (Arten) владѣнія образуютъ *общественные порядки* (Ordnungen), покоющіеся, такимъ образомъ, на внутренней сущности владѣнія.

Благо (das Gut), какъ естественное бытіе, есть *земля* (Grund und Boden), а *первая* форма владѣнія есть *землевладѣніе*. *Второю* формою владѣнія является *духовное* владѣніе (der geistige Besitz), состоящее изъ духовныхъ силъ (благъ) человѣка и опредѣляющее самого человѣка. Если это владѣніе развивается, то мы говоримъ о знаніи, о духовномъ образованіи, о наукѣ и т. д. Когда духовное владѣніе становится соціальною *силою*, то возникаетъ *призваніе* (der Beruf), которое считается тѣмъ выше, чѣмъ совершеннѣе духовное благо индивида. Третью форму владѣнія образуетъ *пріобрѣтенное* владѣніе (der erworbene Besitz) силою свободнаго самоопредѣленія личности. Такимъ образомъ, въ имущественной жизни общества существуетъ *три* формы владѣнія. Первая изъ нихъ основывается на землѣ, вторая — на призваніи, третья — на свободной дѣятельности (die Arbeit). Общественный порядокъ, возникающій изъ раздѣленія *землевладѣнія*, мы называемъ *родовымъ порядкомъ* (die Geschlechtsordnung). Общественный порядокъ, образующійся на основаніи *призванія*, мы называемъ *сословнымъ порядкомъ* (die ständische Gesellschaftsordnung). А тотъ общественный порядокъ, который покоится *на личной предпріимчивости и личномъ трудѣ, мы называемъ государственно-гражданскимъ порядкомъ* (die staatsbürgerliche Ordnung der Gesellschaft) [1]).

требуетъ ограниченія отдѣльныхъ интересовъ, защищаемыхъ гражданскимъ правомъ, государствомъ (право управленія), посредствомъ внесенія государственнаго интереса въ гражданско-правовыя отношенія граждан. (Сг. 104, 106 и друг. стр.).

[1]) Професоръ Лоренцъ фонъ Штейнъ въ своемъ сочиненіи Gegenwart und Zukunft der Rechts und Staatswissenschaft говоритъ, что сила, производящая неравенство между равными, по сущности своей личностями, заключается въ самой личности. Познать эту силу, производящую неравенство людей, необходимо въ томъ отношеніи, что осуществившееся неравенство есть общество; общество производитъ позитивное право, а наука позитивнаго права

Каждый изъ трехъ общественныхъ порядковъ, точно также, какъ каждый изъ общественныхъ классовъ, имѣетъ *свой* принципъ, *свой* правовой порядокъ; въ каждомъ общественномъ порядкѣ существуютъ *свои* три класса. Позитивное право вытекаетъ изъ одного изъ этихъ трехъ общественныхъ порядковъ, а въ самыхъ порядкахъ, оно есть *право классовъ* (das Klassenrecht). Поэтому, *позитивное право есть слѣдствіе дѣйствующихъ въ общественныхъ порядкахъ силъ, результатъ*

есть пониманіе послѣдняго изъ той силы, которая его производитъ. Итакъ, что же это за сила, которая производитъ неравенство людей? Личность, содержащая эту силу не простое понятіе, а органическое; данная сила съ ея проявленіемъ—неравенствомъ, обнимая всю жизнь личности, также не простое понятіе, но имѣетъ тѣ же основныя формы, какія имѣетъ и сама жизнь личности. Эта сила возникаетъ и живетъ, прежде всего, въ естественной личности, потомъ—въ творческой и дѣятельной и, наконецъ, въ самосознаніи личности. Ту силу, которая производитъ лицо, мы называемъ *родомъ* (das Geschlecht). Напротивъ того, духовную силу, которая лежитъ въ основаніи каждой дѣятельности (die Arbeit) самой по себѣ развивающейся личности, мы называемъ *призваніемъ* (der Beruf). Наконецъ, ту силу, которую содержитъ дѣятельное самосознаніе, мы называемъ *самоопредѣленіемъ* (die Selbstbestimmung) или *свободою*. Вотъ три основныя формы силы жизни всякой личности. Хотя всѣ эти силы присущи каждой личности, но въ каждой изъ нихъ онѣ, *по своей мѣрѣ, различны;* неодинаковая мѣра этихъ силъ производитъ неравное развитіе самихъ индивидовъ и водворяетъ среди равныхъ (по своей сущности) личностей неравенство.

Извѣстно, что каждый составляетъ *условіе* развитія другаго. Чѣмъ выше развитіе индивида, тѣмъ сильнѣе онъ обусловливаетъ развитіе другаго Въ силу высшаго развитія, болѣе развитой индивидъ завладѣваетъ развитіемъ другаго и свою волю ставитъ условіемъ его развитія, а между тѣмъ, другой, имъ обусловливаемый, подчиняется ему. Различная мѣра силы производитъ общеніе (Gemeinschaft) неравныхъ, въ которой менѣе сильный подчиняется болѣе сильному. Такъ возникаетъ *порядокъ* зависимости однихъ отъ другихъ,—неравенство, а единство неравенства и есть *общество.* Такъ какъ каждая изъ тѣхъ трехъ силъ различна не только по мѣрѣ, но и по своей сущности, то каждая изъ нихъ производитъ *порядокъ*, который является выраженіемъ ея сущности. Порядокъ, произведенный которою либо изъ этихъ силъ, мы зовемъ *общественнымъ порядкомъ.* Сообразно съ этимъ существуетъ *три основныя формы или порядка общества.* Тотъ изъ нихъ, который создается силою *естественнаго* происхожденія лица, мы называемъ *родовымъ порядкомъ.* Порядокъ же, произведенный *призваніемъ*, мы, по историческимъ основаніямъ, называемъ *сословнымъ порядкомъ.* А порядокъ, который вытекаетъ изъ *свободнаго самоопредѣленія*, мы называемъ *государственно-гражданскимъ порядкомъ.* (См. стр. 133, 134, 135).

общественнаго движенія. Каждое правовое положеніе опирается всегда на принципъ того или другаго общественнаго порядка, изъ котораго оно происходитъ и опредѣляется, прежде всего, движеніемъ классовъ[1]).

Государственная организація (die Verfassung) должна быть согласна съ тѣмъ соціальнымъ порядкомъ, который въ данное время является господствующимъ. При этомъ, естественно, высоко развитыя личности и высшій классъ будутъ опредѣлять *волю государства.* Эта дѣятельность высоко развитыхъ личностей и высшихъ классовъ, какъ таковая, составляетъ *благо* (das Gut) въ томъ смыслѣ, что она является дѣятельностью не только для меня одного, но и *для другихъ.* Значеніе для другихъ означаетъ *честь* и *власть* (Ehre und Macht). Честь и власть суть *общественныя блага* (gesellschaftliche Güter), въ противоположность *хозяйственнымъ* благамъ. Сознаніе значенія общественныхъ благъ для личности мы называемъ *интересомъ*[2]). Такъ какъ значеніе для другихъ опредѣляется мѣрою

---

[1]) Gewiss, гов. профессоръ Штейнъ, — das Recht *muss* eine andere Quelle haben, als seine blosse Geltung; die Wahrheit des Rechts liegt nicht in dem positiven Recht, sondern in dem was dasselbe erzeugt; das aber was es erzeugt ist ja dasselbe, aus dem Geburt, Glaube und Arbeit zugleich und lebendig hervorgehen; in *diesem* Wesen ist die wahre Quelle des Lebens der Menschen, ihrer Wirtsschaft, ihrer Gesellschaft, ihres Staats und ihres Rechts; und diese Grundkraft *aller* Ordnung unter den Menschen ist ja doch eben der Mensch *selbst*, die freie, selbsbestimmte Persönlichkeit (См. Gegenwart etc. Стр. 211. 212).

[2]) Интересъ, говоритъ профессоръ Штейнъ, есть понятіе, тѣсно связанное съ *личною* жизнью; нѣтъ интереса по отношенію къ природѣ и чистому духу. Содержаніе интереса состоитъ въ томъ, что одинъ индивидъ признается по отношенію къ другому исключительною цѣлью, при чемъ развитіе другаго индивида приносится, какъ средство, въ жертву развитія перваго индивида. Поэтому интересъ является вмѣстѣ съ внутреннею сущностью личности; не имѣющее интереса—безлично. Онъ есть элементъ вѣчно фигурирующій въ отношеніи одного индивида къ другому; онъ—мотивъ *каждаго* дѣйстія Будучи безпредѣльнымъ, интересъ представляетъ вѣчное отрицаніе каждаго ограниченія другимъ, нераздѣльный отъ человѣческаго Я, онъ безусловный врагъ чужой самостоятельности Интересъ представляется общественною силою особенно тогда, когда онъ становится *интересомъ цѣлаго класса.* Содержаніе интересовъ общественныхъ классовъ состоитъ въ томъ, что низшіе классы, обладающіе

владѣнія (или, лучше сказать—обусловливается различіемъ въ количествѣ владѣнія), то въ основаніи чести и власти, какъ общественныхъ интересовъ и благъ, лежитъ хозяйственное превосходство однихъ лицъ и классовъ надъ другими.

Развитіе владѣнія совершается по вѣчному закону *производительности* (die Productivität, d. h. der Kaufpreiss ist höher, als Gestehungskosten). На основаніи этого закона, невладѣющіе классы становятся владѣтельными и начинаютъ требовать для себя чести и власти, какъ общественныхъ благъ, которыхъ они были прежде лишены, по неимѣнію владѣнія. Низшій классъ, стремящійся къ пріобрѣтенію владѣнія, идетъ вмѣстѣ къ чести и власти. Стремиться къ послѣднимъ составляетъ *интересъ* низшаго, невладѣтельнаго класса. Но въ то время, какъ низшій классь употребляетъ всѣ свои усилія къ увеличенію владѣнія, высшій классъ стремится удержать за собой то, посредствомъ чего онъ самъ сдѣлался высшимъ и господствующимъ классомъ: высшій классъ не желаетъ уступить свою рѣшающую роль въ государствѣ низшему классу. Съ этою цѣлью, высшій классъ пользуется всѣми средствами для того, чтобы воспрепятствовать переходу невладѣющихъ классовъ во владѣющіе (низшихъ въ высшій классъ). А такъ какъ только собственная сила и трудъ въ состояніи сдѣлать низшій классъ владѣтельнымъ классомъ, то въ интересѣ высшаго класса заключается сдѣлать трудъ *юридически не способнымъ къ пріобрѣтенію* (der Erwerb), дать личности *право на трудъ только подъ извѣстными условіями*, опредѣленные *виды труда запретить* и т. д. Словомъ говоря, въ интересѣ высшаго класса лежитъ его стремленіе сдѣлать, при посредствѣ позитивнаго права, недостижимыми для невладѣющихъ условія, способствующія къ развитію ихъ владѣнія (къ капиталообразованію) Такая политика высшаго класса по отношеніи къ низшимъ

малымъ количествомъ благъ, требуютъ ихъ болѣе, а высшіе, напротивъ, стремятся удержать то, посредствомъ чего они сдѣлались высшими классами Начинается борьба классовъ. (Ср. Gegenwart und Zukunft der Rechts—und Staatswissenschaft Deutschlands, стр. 141, 142, 143).

классамъ даетъ въ результатѣ продолжительное подчиненіе низшихъ классовъ высшему классу, продолжительное уничтоженіе самостоятельности и самодѣятельности личности. Неправо, при этомъ, дѣлается правомъ; наши прирожденныя права теряются.... Ужели, *такое* состояніе общественныхъ классовъ въ государствѣ слѣдуетъ признать нормальнымъ? Ужели *въ такомъ* состояніи общественныхъ классовъ состоитъ осуществленіе задачи и верховнаго принципа государства??...

То, что мы называемъ *правомъ, содержитъ въ себѣ жизнь личности въ ея отношеніи къ дѣятельной волѣ другаго лица.* Но жизнь личности есть безконечно большой и развивающійся *организмъ*, содержащій безконечное множество жизненныхъ отношеній. Между жизненными отношеніями личности нужно отличать отношенія одной самостоятельной индивидуальной личности къ другой и отношеніе индивидуальной личности къ общественному цѣлому, частью котораго состоитъ индивидъ. Сообразно двумъ означеннымъ выше категоріямъ жизненныхъ отношеній личности происходятъ двѣ области права: *область права гражданскаго и область права публичнаго.* Гражданское право есть право свободнаго, самостоятельнаго оборота между индивидуальными личностями. (Оно распадается на частное и торговое).. Чрезъ *публичное право* поддерживается самостоятельность личности въ общественномъ цѣломъ.

Право есть результатъ жизни личности въ совмѣстной ея жизни съ другими личностями. *Система права* есть большая система дѣятельной жизни личности,—*система*, какъ единство различныхъ основныхъ формъ жизни личности. Поэтому, если говорится о системѣ, то тѣмъ самымъ указывается на опредѣленныя категоріи жизни личности, категоріи, которыя вѣчно одни и тѣже. Чтобъ установить систему права, нужно понять основныя формы отношеній одной личности къ другой, вытекшія изъ основныхъ категорій бытія личности.

Каждый индивидъ, говоритъ профессоръ Лоренцъ фонъ Штейнъ, можетъ быть для другихъ: 1) простымъ *фактомъ*, 2) *силою* и 3) *условіемъ*. Всѣ другія отношенія одной лич-

ности къ другой принадлежатъ духовному, не имѣющёму права, міру.

Если абсолютное самоопредѣленіе одной личности не признаетъ личности другаго индивида, то оно относится къ послѣдней, какъ къ чистому естественному *факту*. Въ этомъ случаѣ, личность, признаваемая за фактъ, (за неличное) является *безправною*, такъ какъ естественный фактъ, по отношенію къ человѣку, не имѣетъ никакого права. Отрицаніе личности есть отрицаніе права. Дѣйствіе, отрицающее личность въ другомъ, находится въ противорѣчіи съ сущностью права: оно—*неправо* (Unrecht), *злодѣянія* (Unthat). Такимъ образомъ, неправо не составляетъ части права, а есть только противорѣчіе права. Неправо входитъ въ область *уголовнаго права.*

Когда же дѣятельная воля одного будетъ работающею *силою* для другаго, тогда возникаетъ процессъ, въ которомъ одинъ является *средствомъ* для цѣлей другаго. Въ этомъ процессѣ сохраняется самостоятельность одного по отношенію къ другому; каждый, будучи средствомъ для другаго, самъ *себѣ цѣль*. Формы, въ которыхъ происходитъ этотъ процессъ, мы называемъ *оборотомъ*; отдѣльный же актъ оборота—*договоромъ*. Содержаніе оборота есть процессъ, въ которомъ одинъ служитъ самоопредѣленію и развитію другаго. Поэтому, оборотъ можетъ установиться только чрезъ обоюдное самоопредѣленіе сторонъ. Онъ необходимо предполагаетъ *самостоятельность* одной личности по отношенію къ дѣятельной волѣ другой, онъ производитъ, поэтому, *право* и это право есть *право оборота.*

Наконецъ, каждый индивидъ сознаетъ, что его отношеніе къ дѣятельной волѣ другаго есть абсолютное *условіе* его собственной жизни; онъ сознаетъ, что только въ соединеніи съ силою другаго онъ въ состояніи достигнуть своего назначенія; значитъ, личность сознаетъ, что ея отношеніе къ другой личности совершается не только чрезъ признаніе другой личности простымъ *фактомъ* и не только въ силу обоюднаго *самоопредѣленія*, на основаніи котораго одинъ служитъ средствомъ другому, но устанавливается самостоятельною силою личности. Такъ начи-

нается жизненная форма, которую мы зовемъ *совмѣстною жизнью* людей (die Gemeinschaft). Совмѣстная жизнь людей проявляется прежде всего въ естественномъ фактѣ—*въ семействѣ*. Затѣмъ, она становится продуктомъ дѣятельной воли индивидовъ и выражается *въ обществѣ и личномъ* союзѣ (die Gesellschaft und der Verein). Наконецъ, совмѣстная жизнь людей возвышается до самоопредѣляющейся личности *въ государствѣ*. Во всѣхъ этихъ формахъ совмѣстной жизни людей индивидуальное самоопредѣленіе является однимъ изъ моментовъ цѣлаго, но не абсолютно подчиненнымъ своему собственному самоопредѣленію. Границы индивидуальнаго самоопредѣленія кладутся природою совмѣстнаго быта людей, въ которомъ состоитъ индивидъ членомъ, и потребностями личнаго развитія. То право, которое опредѣляетъ границы индивидуальнаго самоопредѣленія въ совмѣстной жизни людей и которое заботится объ обезпеченіи самостоятельности и неприкосновенности индивида въ его отношеніи къ общественному организму (die Gemeinschaft), какъ части къ цѣлому, мы называемъ *публичнымъ правомъ*. Части публичнаго права распредѣляются по основнымъ жизненнымъ формамъ коллективной личности, основнымъ и дѣятельнымъ моментомъ которой состоитъ индивидуальная личность (Эти моменты коллективной личности: община, церковь, государство и т. д....).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что такъ называемое «право» получаетъ свое содержаніе при посредствѣ означенныхъ выше трехъ основныхъ формъ отношенія одного индивида къ другому, т. е. чрезъ злодѣяніе, оборотъ и совмѣстную жизнь. Изъ этихъ трехъ главныхъ формъ отношенія одной личности къ другой возникаютъ три основныя вполнѣ формальныя категоріи права: неправо, право оборота и право общественной жизни людей (das Gemeinschaftsrecht). Если мы разсмотримъ эти категоріи права, то увидимъ, что они произошли исключительно изъ сущности — *изъ органическаго бытія* (Sein) *личности*. Чтобъ развились эти категоріи, не требуется никакого дѣйствія (That), но нужно только, съ одной стороны, понятіе самоопре-

дѣлающейся личности, а съ другой—понятіе личнаго объекта соприкосновенія личности съ внѣшнимъ бытіемъ другой личности.

Право всѣхъ этихъ отношеній коренится въ сущности личности. Если содержаніе права есть личное *бытіе* и вышеозначенныя его категоріи, то всѣ личности *равны*. Точно также, и всѣ моменты личной жизни, покоющіеся *на равной* сущности всѣхъ личностей, *равны*. А такъ какъ эти жизненные моменты и понятія личности производятъ *право*, то право, вытекающее изъ равной сущности всѣхъ личностей, также *равно*. Но рядомъ съ равнымъ самимъ по себѣ правомъ развивается *неравное* право, которое вытекаетъ не изъ сущности личнаго *бытія* (das Sein), но изъ человѣческаго *дѣйствія* (die That) и которое отражаетъ на себѣ состояніе людей въ обществѣ (die Gesellschaft). Слѣдовательно, мы снова пришли къ тому выводу, что существуетъ два права: право *само въ себѣ* и право *позитивное*; первое—вѣчно *равно*, а второе – постоянно *измѣняется* на основаніи тѣхъ же силъ, которыя производятъ въ обществѣ неравенство лицъ и общественныхъ классовъ. Противорѣчіе между позитивнымъ правомъ и правомъ самомъ въ себѣ всегда существовало и будетъ существовать. На почвѣ противорѣчія между позитивнымъ правомъ и правомъ самомъ въ себѣ совершается процессъ исторіи права: вѣчная работа человѣческаго рода надъ образованіемъ права изъ справедливости.

2.

Уголовное право.

А. *Преступленіе*

Преступленіе есть дѣяніе (die That), а такъ какъ дѣяніе имѣетъ свое основаніе въ сущности личности, которая (т. е. сущность) вѣчно одна и таже, то преступленіе само по себѣ

вѣчно и не имѣетъ исторіи. Измѣняется и имѣетъ исторію только *наказаніе*, которое вытекаетъ изъ общественнаго порядка. Отрицаніе самостоятельности личности есть отрицаніе сущности личности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицаніе права: есть *неправо*. Отдѣльный актъ неправа есть *преступленіе*. Чрезъ неправо отрицается и связь личности съ общественнымъ организмомъ. Противъ неправа высказывается общественная воля; возникаетъ *законъ о неправѣ* (das Gesetz über das Unrecht), который, признавая то или другое дѣйствіе неправомъ, опредѣляетъ *наказаніе* за преступленіе (создается *уголовное право*—Strafrecht) а также организацію и дѣятельность *суда* (уголовное *судоустройство* и *судопроизводство*).

Неправо, какъ нарушеніе гармоническаго отношенія между индивидомъ и общественной средой, можетъ имѣть *двѣ формы*: *проступокъ* (Vergehen) и *преступленіе* (Verbrechen). Тамъ, гдѣ я желаю *только* дѣйствія, но не отрицательныхъ его послѣдствій, происходитъ *проступокъ*, а гдѣ я желаю также *и* отрицательныхъ послѣдствій своего дѣйствія, возникаетъ *преступленіе*. Каждое отдѣльное дѣйствіе есть причинный (causales) моментъ въ совмѣстной жизни людей. А такъ какъ я составляю часть общественной жизни, то въ сущности моей личности лежитъ обязанность *знать послѣдствія* моего дѣйствія не только для меня, но и для общественной жизни. Возможность знать послѣдствія моего дѣйствія, какъ и все человѣческое и земное, имѣетъ *мѣру*, т. е. существуетъ *граница*, *предѣлъ*, до котораго я *обязанъ предвидѣть* послѣдствія моего дѣйствія. Такимъ образомъ, возможность предвидѣть послѣдствія дѣйствія становится *обязанностью* (die Pflicht). Если же я не выполняю эту обязанность, то возникаетъ отношеніе, въ силу котораго несознаніе послѣдствій моего дѣйствія становится причиною *нарушенія* (die Übertretung), а мое отношеніе къ незнанію того, что я долженъ былъ бы знать, будетъ *виною* (culpa). Границы моихъ дѣйствій въ общественной жизни опредѣляются отчасти природою вещи, отчасти же волею государства.

Указавъ отношеніе полицейско-уголовныхъ законовъ къ уголовному праву, призвавъ необходимую оборону средствомъ защиты самимъ по себѣ недозволеннымъ (ибо общество или государство *можетъ* допустить безнаказанно необходимую оборону только въ томъ случаѣ, если его органы не въ состояніи дать защиту лицу въ данное время, такъ что лучше было бы сказать: *справедливая* необходимая оборона, но не *право* необходимой обороны), профессоръ Штейнъ замѣчаетъ, что каждое дѣйствіе, дѣяніе состоитъ изъ двухъ моментовъ — изъ личнаго *самоопредѣленія* и *объекта* дѣянія. Ученіе о дѣяніи распадается, поэтому, на *ученіе о дѣяніи самомъ въ себѣ* и на ученіе *объ объектѣ дѣянія*. Ученіе о дѣяніи самомъ въ себѣ образуетъ *общую часть* уголовнаго права, а ученіе объ объектѣ дѣянія входитъ *въ особенную часть* уголовнаго права.

Общая часть уголовнаго права есть система самостоятельныхъ правопонятій, образовавшихся изъ отдѣльныхъ моментовъ дѣянія. Особенная часть улоловнаго права обнимаетъ объекты дѣянія. Не природа преступленія самого въ себѣ, но природа *объекта* даетъ видъ и названіе каждому преступленію. Особенная часть уголовнаго права образуется изъ того, что опредѣленное фактическое отношеніе личной, хозяйственной, общественной или государственной жизни становится *объектомъ* злодѣянія. Слѣдовательно, система особенной части уголовнаго права вытекаетъ изъ жизни: она—система *жизненныхъ* отношеній, сдѣлавшихся предметомъ злодѣянія.

Объектомъ злодѣянія могутъ быть: 1) *государство* 2) *общество* и 3) *отдѣльное лицо* (съ его личными и имущественными благами). Поэтому, уголовныя преступленія профессоръ Лоренцъ фонъ Штейнъ раздѣляетъ на три категоріи, а именно, на преступленія: a) направленныя противъ *государства* (государственныя преступленія въ тѣсн. см. Сюда относятся: государственная измѣна, оскорбленіе величества, преступленіе по должности и т. д.); b) противъ *общественнаго порядка* (соціальныя преступленія. Сюда относятся, между прочимъ, преступленія, совершенныя путемъ печати, преступленія противъ

нравственности, религіозныя преступленія и т. д.) и с) противъ *отдѣльныхъ лицъ* (частныя преступленія). Частныя преступленія распадаются: 1) на преступленія противъ *отдѣльныхъ моментовъ личной жизни* (напр. преступленія противъ жизни, тѣла, свободы и т. д.) и 2) на преступленія противъ *хозяйственной сферы лица*. Въ послѣднемъ случаѣ, существуютъ преступленія: а) противъ *блага* (das Gut), b) противъ *цѣнности* (Werth) и с) противъ *капиталообразованія*. Къ первому виду хозяйственныхъ преступленій относится *воровство* во всѣхъ его формахъ. Ко второму — *подлогъ* и *обманъ* (поддѣлка цѣнныхъ бумагъ, векселей, мѣры и вѣса, злоупотребленіе довѣріемъ и т. д.). Къ третьему виду хозяйственныхъ преступленій относятся дѣянія, нарушающія нормальное отношеніе между капиталомъ и трудомъ и вредящія капиталообразованію. (Сюда можно отнести, напр. *систему обмана*, когда рабочимъ платятъ вмѣсто *денегъ товаромъ* меньшей стоимости, чѣмъ рабочая плата и т. д.).

B. *Наказаніе.*

Мы видѣли, что преступленіе не имѣетъ никакой исторіи; оно не измѣняется и вѣчно одно и то же. Измѣняется же и имѣетъ исторію только *наказаніе*. Различіе и измѣненіе наказанія обусловливается тою реальною силою, которая производитъ различіе и измѣненіе права. Эта сила заключается въ *общественномъ порядкѣ*. Наказаніе не вытекаетъ изъ сущности преступленія, а изъ *цѣлесообразности. Наказаніе есть актъ, посредствомъ котораго дѣйствіе, отрицающее право, въ свою очередь само отрицается* (= отрицаніе отрицанія, значитъ, есть наказаніе). Право наказанія принадлежитъ общественному цѣлому (въ сущности же — *обществу* (die Gesellschaft), представляющему три порядка: родовой, сословный и государственно-гражданскій порядокъ, при чемъ въ каждомъ изъ этихъ

порядковъ существуютъ *свои* уголовныя наказанія). Перечисливъ виды наказаній, господствующіе въ каждомъ изъ общественныхъ порядковъ, прослѣдивъ исторію ученій о наказаніи въ новое время, сказавъ два-три слова о мѣстахъ заключенія (тюрмовѣдѣніе), проф. Л. фонъ Штейнъ замѣчаетъ, что мѣра наказанія опредѣляется степенью *злой воли* преступника и степенью *общеопасности* злодѣянія.

3.

Гражданское право.

Гражданское право распадается на *частное право* и *торговое право* (частное право предпріятія)[1]). Частное право дѣлается предметомъ науки на основаніи пониманія той *силы*, которая *произвела* это право. Эта сила есть свободная, индивидуальная самодѣятельная личность, и при томъ личность въ процессѣ ея капиталообразованія. Капиталообразованіе должно происходить при посредствѣ гражданскаго оборота между *индивидами* и по поводу точно *опредѣленнаго* блага. Политическая экономія намъ показываетъ, что капиталообразованіе есть хозяйственный жизненный процессъ, въ которомъ отдѣльные моменты капиталообразованія, *обусловливая* другъ друга, образуютъ одно органическое цѣлое. Каждый отдѣльно взятый моментъ капиталообразованія можетъ быть самъ *хозяйственною силою* въ движеніи благъ и въ происхожденіи капитала. Слѣдовательно, если понятіе самодѣятельной хозяйственной личности вообще производитъ частное право, то каждый изъ моментовъ жизнен-

---

[1]) Въ печатномъ своемъ трудѣ (Gegenwart und Zukunft etc) проф. Л. фонъ Штейнъ сферу гражданскаго права раздѣляетъ на три области: a) область частнаго права, b) область торговаго права и c) область общественнаго права (das Gesellschaftsrecht). Подъ гражданскимъ общественнымъ правомъ профессоръ Штейнъ разумѣетъ гражданское право личныхъ союзовъ во всѣхъ ихъ формахъ. (См. 220 и слѣд. стр. 271 и слѣд. стр.).

наго процесса капиталообразованія, какъ условіе и содержаніе этого процесса, производитъ и имѣетъ *свое* право. Право каждаго изъ этихъ моментовъ не можетъ имѣть другаго содержанія, какъ степень его силы, на основаніи которой каждый изъ этихъ моментовъ является условіемъ свободнаго капиталообразованія. Если моменты капиталообразованія выступаютъ противъ дѣятельной воли *другаго* лица, то изъ чисто личныхъ и хозяйственныхъ понятій они становятся *юридическими понятіями*. Хозяйственная жизнь индивида, разсматриваемая по отношенію къ другому, какъ органическое цѣлое, становится *системою правопонятій*, входящею *въ систему и въ науку частнаго права*. Эта система развивается въ философіи права. Ея первый моментъ есть лицо; второй — капиталъ въ обширномъ смыслѣ; третій — движеніе капитала между индивидуальными личностями на основаніи ихъ индивидуальныхъ воль: оборотъ; четвертый — единство лицъ, ставшее хозяйственнымъ единствомъ въ бракѣ и семействѣ, пятый — смерть, какъ хозяйственное событіе. Въ силу своей природы всѣ эти моменты дѣйствуютъ какъ хозяйственныя и общественныя силы. Они будутъ правопонятіями, если ихъ разсматривать, какъ факторы и условія капиталообразованія по отношенію къ другому лицу. Въ такомъ случаѣ, возникаютъ всѣмъ хорошо извѣстныя понятія о правѣ—лицъ, о правѣ—собственности, о правѣ—оборота, о правѣ—брака и семейства, о правѣ — наслѣдства и т. д. Повторяемъ, что *право* каждаго изъ моментовъ капиталообразованія есть не иное что, какъ степень (das Mass) той силы, съ какой каждый изъ нихъ является условіемъ капиталообразованія. Эта сила — дѣятельная сущность каждаго изъ этихъ моментовъ. Пониманіе этой личной и хозяйственной сущности каждаго момента будетъ, поэтому, научнымъ пониманіемъ его правообразующей силы; или говоря иначе: если я хочу найти право, то мнѣ слѣдуетъ искать его въ понятіи той силы, которая его производитъ (въ понятіи правообразующей силы). Въ такомъ случаѣ, юридическое опредѣленіе (Definition) обнимаетъ не право въ обыкновен-

номъ смыслѣ слова, но или физіологическое (напр. возрастъ, родъ, плоды), или психологическое (напр. воля, ошибка, безуміе), или экономическое (напр. владѣніе, собственность, трудъ) и т. д. понятіе. А между тѣмъ мы привыкли думать, что содержаніе права есть право. Послѣ вышеизложеннаго, кажется, понятно, какимъ образомъ вмѣстѣ съ этими физіологическими, психологическими и экономическими и т. д. понятіями должно измѣняться и развиваться право. Не право, а его содержаніе составляетъ исторію права[1]).

Мы видѣли, что основаніе права заключается въ томъ, что одинъ индивидъ составляетъ *условіе* развитія другаго индивида; мы видѣли, что противорѣчіе между безконечнымъ назначеніемъ личности и ея конечностью можетъ быть уничтожено только *въ совмѣстной жизни* личности съ другими личностями, т. е. въ жизненномъ процессѣ, въ которомъ часть бытія одной личности становится содержаніемъ существованія другой. Въ этой совмѣстной жизни личности съ другими личностями право устанавливаетъ *границы* самостоятельности и ненарушимости одной личности по отношенію къ другой. Слѣдовательно, право должно также и *въ экономическомъ* общеніи людей между собою установить границы хозяйственной самостоятельности и ненарушимости одной личности по отношенію къ другой. Такъ вызывается къ жизни *гражданское право*, которое *возникаетъ тамъ, гдѣ хозяйственная жизнь одной личности дѣлается предметомъ дѣятельной воли другаго лица*[2]). Отсюда, каждое правопонятіе гражданскаго права всегда и необходимо *хозяйственное* понятіе.

---

[1]) Ср. Gegenwart und Zukunft der Rechts — und Staatswissenschaft Deutschlands, 224 и слѣд. 124—127. Прежде чѣмъ дошли до идеи, что основаніе частнаго права лежитъ въ свободной, самодѣятельной личности, прошли столѣтія, въ теченіи которыхъ шла борьба свободнаго частнаго права съ частнымъ правомъ двухъ другихъ порядковъ (родоваго и сословнаго порядковъ).

[2]) Das was wir das bürgerliche Recht genannt haben, гов. проф. Л. фонъ Штейнъ, hat zu seinem Inhalt die Gesammtheit derjenigen wirthschaftlichen Erscheinungen, in denen der Verkehr—die Gemeinschaft in der Bewegung des wirthschaftlichen Lebens—durch den indiwiduellen Willen der ienzelnen erzeugt wird (См. Gegenwart und Zukunft der R. u. St. W. стр. 221).

Въ дѣйствительности, самостоятельная хозяйственная личность не только фактъ, но живая *сила*. Слѣдовательно, личность какъ таковая, имѣетъ *двойное* содержаніе. Ея *хозяйственный* элементъ, разсматриваемый самъ по себѣ и будучи въ свою очередь хозяйственною силою, есть *капиталъ*; напротивъ, ея *личный* элементъ, самостоятельно разсматриваемый, какъ дѣятельная хозяйственная сила, называется *трудомъ*. Совмѣстная дѣятельность этихъ двухъ элементовъ личности дѣлаетъ послѣднюю *капиталообразующею* личностью [1]). Соприкосновеніе хозяйственной сферы одной самостоятельной личности съ хозяйственною сферою другой такой же личности производитъ *общность* въ ихъ развитія хозяйственной жизни (гражданскій оборотъ). Если моменты соприкосновенія хозяйственныхъ сферъ самостоятельныхъ личностей будутъ составлять *условія* капиталообразованія, то они относятся къ ученію *о хозяйствѣ* (къ ученію о производствѣ, потребленіи и воспроизведеніи). Напротивъ, если они, въ силу гражданскаго оборота, становятся предметомъ дѣятельной воли другаго, то они получаютъ *свое право* и обращаются *въ правопонятія*. Вотъ почему мы сказали, что *каждое* правопонятіе гражданскаго права всегда и необходимо *хозяйственное* понятіе[2]).

Личность можетъ быть индивидуальною и можетъ быть *коллективною* (соединеніе многихъ личностей). Коллективная хозяйственная личность есть *фирма*. Хозяйство торговой личности или фирмы мы, въ отличіе отъ частнаго хозяйства), называемъ *предпріятіемъ* (die Unternehmung). Вотъ почему хозяйственное право имѣетъ двѣ области: область *частнаго* права и область *торговаго* права. Первая область имѣетъ въ обоснованіи своемъ *личный* элементъ капиталообразующей личности. Напротивъ, вторая область гражданскаго права покоится на *хозяйственномъ* элементѣ капиталообразующей жизни личности, т. е. на капиталѣ. Образованіе капитала возможно только

---

[1]) Ср. Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft, стр. 16 и слѣд.

[2]) Gegenwart und Zukunft etc., стр. 222.

тогда, когда цѣнность продукта выше цѣнности его производства. Для увеличенія цѣнности продуктовъ существуютъ двѣ формы движенія экономическихъ благъ: *оборотъ* и *торговля*. Въ послѣднемъ случаѣ изъ капитала дѣлается предпріятіе, а на мѣсто лица (которое въ оборотѣ активная сила) выступаетъ *торговая личность* (фирма)[1]). Торговое право опредѣляетъ мое отношеніе къ хозяйственной жизни фирмы. Въ этомъ правѣ встрѣчаются тѣже правопонятія, какъ и въ частномъ правѣ, только измѣненныя сообразно природѣ предпріятія.

Гражданское право не можетъ быть изучено и понято безъ знанія политической экономіи. Самый важный предметъ гражданскаго права есть *собственность* (das Eigenthum)[2]), *благо.* (das Gut). Обыкновенно говорятъ, что *собственность есть право* полнѣйшаго, абсолютнаго господства лица надъ вещью. Но данное опредѣленіе собственности является не вполнѣ точнымъ и невольно вызываетъ вопросъ: если собственность есть *право*, то, спрашивается, *откуда берется это право*? Здѣсь собственность опредѣлена правомъ, но, въ такомъ случаѣ, *къ чему* потребовалось понятіе *собственности* рядомъ съ понятіемъ *права*, если сама собственность есть *право*? Что же такое сама собственность *внѣ* права? Если я знаю только о томъ, *почему* я имѣю право на собственность, то это составляетъ только одно *описаніе* факта, но не научное пониманіе собственности. Чтобъ понять собственность, какъ содержаніе гражданскаго права, нужно выяснить *происхожденіе собственности*.

Собственность есть единство владѣнія, пользованія и цѣнности опредѣленной вещи. Если это единство окончательно

---

1) Въ своемъ, «G. u. Z. d. R. u. S. W.» профессоръ говоритъ, что единство обоихъ элементовъ капиталообразующей личности, вытекающее не изъ *сущности* вещи, а изъ самодѣятельной воли индивидовъ съ цѣлью капиталообразованія, выражается *въ обществѣ*; хозяйственная жизнь общества производитъ *общественное право* (das Gesellschaftsrecht). (См. стр. 223).

2) Das Gut ist ein Theil einer Persönlichkeit für andere. In dieser Identität mit meinem Leben wird es für Dritte das Eigenthum. Das Eigenthum ist das Gut als Einheit für die That des andern. (Gegenwart und Zukunft... Стр. 126).

распадается, то собственность уничтожается. Процессъ, в' торомъ *происходитъ* собственность, мы зовемъ *пріобрѣте* благъ, (собственности) а процессъ, въ которомъ уничтож собственность—*потерею* благъ (собственности). Этотъ про относится къ физіологіи имущества и разсматривается в литической экономіи, а не въ юриспруденціи. *Для юриспр ціи* не важенъ самый *процессъ происхожденія* благъ, а и значеніе, главнымъ образомъ, тотъ *способъ, посредствомъ* *раго одна личность дѣлаетъ объектомъ своей дѣятельной благо (собственность) другаго*, (переходъ собственности одного къ другому) посредствомъ котораго одна личность лучаетъ и удерживаетъ за собой владѣніе, пользованіе и ность опредѣленной вещи по отношенію ко всѣмъ осталь лицамъ. Собственность, *съ юридической* точки зрѣнія, есть *ис ченіе* изъ владѣнія, пользованія и цѣнности опредѣленной другихъ лицъ; по своему же *содержанію* она есть *благо*, торое составляетъ существенное *условіе* человѣческаго раз вообще. Если отдѣльные моменты собственности опредѣля правомъ, то они обращаются въ отдѣльные моменты *права* ственности. *Ученіе о правѣ собственности есть преобразов хозяйственныхъ моментовъ собственности въ правопоня*

При происхожденіи собственности нужно имѣть въ два элемента всякаго хозяйства и его права: *личный и щественный* (лицо и вещь). Личность представляетъ собо только бытіе, но и дѣятельность (не только das Sein die That). Жизнь личности есть ея дѣятельное развитіе Werden). Для пониманія области гражданскаго права, должны указать отношеніе различныхъ стадій развитія личн къ собственности.

Если правопонятіемъ дѣлается развитіе самой лично то происходитъ *личное право* со всѣми его видами, какъ *вая* область гражданскаго права. Но такъ какъ правопонят можетъ быть не только развитіе *личности*, но и *вещь*, рядомъ съ областью личнаго права существуетъ еще др область права—*право вещное*. Къ понятію *вещнаго права*

фессоръ Лоренцъ фонъ-Штейнъ приходитъ слѣдующимъ путемъ. Все неличное (природа) можетъ быть содержаніемъ личной воли и личнаго дѣйствія только въ томъ случаѣ, если оно имѣетъ извѣстный предѣлъ, такъ какъ личность, по ограниченности своихъ силъ, не въ состояніи подчинить себѣ безпредѣльную природу. Опредѣленная часть природы есть *тѣло*. Если личность сдѣлала тѣло объектомъ дѣятельной своей воли, то это значитъ, что тѣло стало *вещью* (wird zur Sache). Вещь есть благо, способное чрезъ владѣніе обратиться въ собственность. Но здѣсь еще нѣтъ правопонятія. Правопонятіемъ вещь становится тогда, когда она чрезъ личный хозяйственный процессъ можетъ быть пріобрѣтена или потеряна. Вещь, какъ юридическое понятіе, составляетъ предметъ *вещнаго права*. Вещь имѣетъ рядъ самостоятельныхъ моментовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ можетъ сдѣлаться объектомъ дѣятельной воли другаго. Въ этомъ случаѣ, хозяйственныя жизненныя явленія (моменты вещи) обращаются въ *правопонятія*, а система такихъ правопонятій—въ *систему вещнаго права*, подобно тому, какъ отдѣльные моменты *личности* становятся системою *личнаго* права. Вещное право производитъ таже сила, которая образуетъ и самую вещь. Эта сила, коренящаяся въ данной вещи, есть ея хозяйственная *цѣль* (der Zweck).

Право говоритъ, что̀ неограничено, то̀ не вещь и не можетъ быть пріобрѣтено. Изъ этого слѣдуетъ, что все неограниченное—общее (res communes). Выдѣленіе частной собственности изъ общественной (gemeinschaftlich) непосредственно связано съ превращеніемъ естественнаго бытія въ вещь. Вещь способна распадаться на части, изъ которыхъ каждая можетъ быть *самостоятельнымъ* явленіемъ, приспособленнымъ къ человѣческимъ цѣлямъ (дѣлимость и недѣлимость вещи; вещи простыя и сложныя и т. д.). Если противъ стремленія личности сдѣлать вещь или одинъ изъ ея моментовъ служебнымъ своимъ цѣлямъ выступаетъ третье лицо, то начинается процессъ, въ которомъ каждый изъ моментовъ вещи обращается въ *юридическое понятіе*. *Юриспруденція занимается разсмот-*

рѣніемъ превращенія отдѣльныхъ моментовъ вещи въ право-понятія. Эти моменты вещи, по отношенію къ третьимъ лицамъ, мы называемъ *владѣніемъ, пользованіемъ, цѣнностью* вещи. Какъ правопонятія, они входятъ въ сферу *права владѣнія, права пользованія* (собственно вещныя права — die eigentlich *dingliche Rechte*) и *право залога.* Владѣніе, пользованіе, цѣнность, какъ правопонятія, обозначаютъ опредѣленное отношеніе личности къ опредѣленной вещи. Если владѣніе, пользованіе и цѣнность соединить въ одно цѣлое, то произойдетъ *собственность.*

Первый моментъ собственности есть *владѣніе.* Онъ сосостоитъ въ томъ, что личность *фактически* подчиняетъ своей волѣ опредѣленную вещь. Этотъ моментъ выражаетъ *пространственное* и *временное* единство вещи съ личностью. Но и право владѣнія основывается не только на фактическомъ отношеніи лица къ вещи въ см. detentio, а *и на отношеніи воли къ вещи.* Указавъ разныя способы пріобрѣтенія владѣнія и средства его защиты, проф. Штейнъ переходитъ ко второму моменту собственности, т. е. къ *пользованію,* которое можетъ быть предметомъ права только съ хозяйственнымъ выдѣленіемъ его изъ вещи, къ которой оно относится. Вслѣдствіе способности вещи выдѣлять изъ себя пользованіе, опредѣленное пользованіе можно сдѣлать содержаніемъ собственности другаго. Такъ проистекаетъ напр. *сервитутъ,* т. е. пользованіе собственностью другаго, разсматриваемое, какъ самостоятельное правопонятіе. Но пользованіе одного, какъ безусловный моментъ собственности, не должно уничтожать собственности другаго. Въ противномъ случаѣ, прекращается пользованіе одного, какъ самостоятельный моментъ собственности другаго, сдѣлавшійся правопонятіемъ.

Третій моментъ собственности есть *цѣнность.* Цѣнность можно отдѣлить отъ опредѣленной вещи и, аналогично съ самою вещью, сдѣлать предметомъ капиталообразующаго процесса. Какъ самостоятельный моментъ собственности, цѣнность должна стать *вещью.* Цѣнность, какъ самостоятельная вещь, есть *деньги.* Выдѣленіе цѣнности изъ опредѣленной вещи вы-

ражается въ *залогѣ*, гдѣ, вообще, одинъ владѣетъ вещью, а другой—цѣнностью. Право-же, вытекающее изъ залога есть *залоговое право*. Цѣнностью, разсматриваемой само по себѣ, можно пользоваться для капиталообразованія. Такъ что пользованіе цѣнностью вещи имѣетъ, въ свою очередь, цѣнность и эта цѣнность пользованія цѣнностью капитала есть процентъ (der Zins)[1]).

Разсмотрѣвъ различные виды права залога, какъ стадіи выдѣленія цѣнности изъ владѣнія, проф. замѣчаетъ что собственность есть сила, производящая владѣніе, пользованіе и цѣнность вещи. Изъ этой силы вытекаетъ и мое право имѣть моменты собственности, если я обладаю самою собственностью. *Право собственности слѣдуетъ опредѣлять какъ ненарушимость процесса образованія собственности*. Въ этомъ органическомъ процессѣ образованія собственности ея моменты постоянно измѣняются и измѣняютъ постоянно право на собственность.

Оставляя въ сторонѣ изложеніе проф. Штейна способовъ пріобрѣтенія, потери и защиты собственности, какъ не представляющее большаго интереса, мы скажемъ нѣсколько словъ объ ученіи Штейна о *договорахъ*. Въ своемъ ученіи о договорахъ профессоръ Штейнъ стремится снова оправдать свою основную мысль о гражданскомъ правѣ. *Гражданское право*, гов. профессоръ Штейнъ, *есть система права капиталообразованія*. Въ дѣйствительной жизни право обусловливается *капиталообразованіемъ*. *Содержаніе гражданскаго права есть политическая экономія*. Элементы и законы развитія гражданскаго права суть элементы и законы народнаго хозяйства. Поэтому, источникъ гражданскаго права есть народно-хозяйственная жизнь.

Индивидъ можетъ удовлетворить свои потребности только въ совмѣстной жизни съ другими людьми. Это положеніе имѣетъ силу и въ гражданско-правовой жизненной сферѣ

---

[1]) Ср. Gegenwart. .... стр. 235 и слѣд.

индивида. Для удовлетворенія всѣхъ потребностей индивида необходимъ *обмѣнъ* имущественныхъ благъ — переходъ собственности отъ одной личности къ другой. Процессъ перехода собственности отъ одного лица къ другому долженъ быть установленъ *свободно*. Это движеніе собственности между личностями составляетъ *оборотъ* (der Verkehr).

Всякое образованіе блага, по своей сущности, есть *капиталообразованіе*, т. е. изъ блага, какъ *органическаго факта*, вытекаетъ органическая *сила*, которую мы называемъ *цѣнностью*. Процессъ, посредствомъ котораго благо одного передается другому, долженъ сдѣлаться процессомъ капиталообразованія, потому что онъ содержитъ въ себѣ цѣнность блага. Цѣль движенія хозяйственныхъ благъ между людьми есть развитіе *цѣнности*. *Безъ оборота нѣтъ цѣнности, а только годность* (Brauchbarkeit) *блага*. Только въ оборотѣ единичное благо становится общимъ благомъ. Оборотъ, покоясь на самоопредѣленіи личности, необходимо вытекаетъ изъ понятія личности и возникаетъ по волѣ индивидовъ. Отдѣльный актъ оборота, установленный волею личности, есть *договоръ*. Чрезъ оборотъ и его отдѣльное проявленіе — договоръ капиталообразующая воля одного становится содержаніемъ хозяйственнаго хотѣнія другаго. Въ оборотѣ движется хозяйственная жизнь капиталообразованія вообще. Система договоровъ основывается на системѣ собственности, при чемъ каждый договоръ, основываясь на самоопредѣленіи личности, содержитъ въ себѣ, съ одной стороны, *благо* (собственность или услуга), а съ другой — *цѣнность* его. Въ договоръ могутъ входить всѣ моменты собственности, блага. Самый главный моментъ въ договорѣ есть *воля*.

Развитіе понятія о соглашеніи воль и, вытекающія изъ этого соглашенія, дѣйствія входятъ *въ общую часть* ученія о договорахъ. Но договоръ не есть только актъ оборота, обусловленный *личнымъ* самоопредѣленіемъ. Кромѣ личнаго элемента (входящаго въ общую часть ученія о договорахъ) въ договорѣ заключается опредѣленное *хозяйственное* содержаніе, — природа собственности, блага, какъ *естественнаго* условія договора. Самостоя-

тельно разсматриваемые моменты собственности, какъ *объекты* воли, образуютъ систему *особенной части* ученія о договорахъ. То обстоятельство, что моя дѣятельная воля согласна съ дѣятельною волею другаго, есть еще *фактъ*, но не право. Какимъ же образомъ, изъ понятія договора вытекаетъ *договорное право*? Насколько личная воля одного обусловливаетъ чрезъ договоръ переходъ собственности изъ однихъ рукъ въ другія, или же на сколько капиталообразующая сила одного становится условіемъ хозяйственнаго развитія другаго, изъ договорныхъ отношеній лицъ возникаютъ *юридическія* отношенія, а право этихъ отношеній есть *договорное право*. Такимъ образомъ, *договорное право* есть *условіе развитія хозяйственныхъ моментовъ вещи*. Обязательная сила договоровъ вытекаетъ не изъ требованій индивидуальной личности, а изъ требованій *совмѣстной жизни людей*.

Человѣкъ можетъ достигать своихъ цѣлей только въ общеніи съ другими людьми, составляющемъ абсолютное условіе индивидуальнаго и общественнаго развитія и жизни. Признаніе ненарушимости договоровъ есть необходимое *условіе совмѣстной жизни людей*, а значитъ и индивида. Въ договорѣ личность выступаетъ не какъ индивидъ, а какъ моментъ совмѣстной жизни.

Въ договорѣ два элемента: *личный* и *вещный*. Личный элементъ заключается *въ волѣ*, вещный — *въ благѣ* со всѣми его моментами. Перечисливъ стадіи развитія договоровъ, условія заключенія договоровъ, формы и условія выполненія договоровъ, профессоръ *Штейнъ* заключаетъ свое ученіе о договорахъ *видами* договоровъ (особенной частью) которые, по Штейну, опредѣляются природою *объекта* каждаго акта оборота (купля — продажа, наемъ, ссуда и т. т.) Къ частному праву профессоръ Штейнъ причисляетъ *семейственное* право и *наслѣдственное право*. Характеристическая черта этихъ правъ состоитъ въ томъ, что не моментъ дѣятельной воли, но моменты личнаго единства, родственныя отношенія становятся правопонятіями.

Вторая область гражданскаго права, по мнѣнію профессора Штейна, есть *торговое право*, которое, какъ мы уже ска-

зали, имѣетъ тѣже моменты, что и *частное право*, только видоизмѣненные природою предпріятія.

Главный факторъ, обусловливающій существованіе торговаго права есть *цѣнность*. Цѣнность составляетъ внутренній элементъ вещи; цѣнность можетъ увеличиваться и уменьшаться, не обращая вниманія на состояніе самой вещи. Цѣнность, какъ носитель безконечной способности развитія имущественной жизни, создаетъ новый капиталъ, не уничтожая стараго. Цѣнность, выдѣляясь изъ вещи, становится сама *вещью* и, какъ самостоятельное явленіе отъ вещи, создаетъ *особый* хозяйственный организмъ, стоящій *надъ* организмомъ вещей. Организмъ цѣнности производитъ и *свое* право. Система права, произведенная цѣнностью, какъ самостоятельнымъ хозяйственнымъ явленіемъ отъ вещи, образуетъ систему *торговаго права*.

Цѣнность, какъ самостоятельное явленіе отъ вещи, есть *деньги*. На самостоятельности цѣнности въ деньгахъ покоится вся система обращенія цѣнностей. Съ выдѣленіемъ цѣнности (капитала) изъ вещи происходитъ раздѣленіе *капитала* отъ *труда*, при чемъ трудъ становится на службу капитала. Но какъ капиталъ, такъ и трудъ сходятся въ одной общей *цѣли*: *въ образованіи капитала однимъ при посредствѣ другаго*. Стремясь къ образованію капитала, каждый изъ нихъ является *самостоятельною* хозяйственною *силою*, производящею *свое* право. Вся сфера обращенія цѣнности и ея права раздѣляется на двѣ большія части: 1) *на торговое право* въ тѣсномъ смыслѣ и на 2) *право труда* (Arbeitsrecht). Въ первомъ случаѣ, *капиталъ*, а во второмъ—*трудъ*, какъ капиталообразующія силы, производятъ при посредствѣ обращенія цѣнности право капиталообразованія.

Разсмотрѣвъ виды торговаго права въ собственномъ смыслѣ и виды права на трудъ, профессоръ Штейнъ заключаетъ свой курсъ лекцій по философіи права приблизительно слѣдующими словами: «Если философія права не въ состояніи выяснить отдѣльныя понятія, входящія въ юриспруденцію, какъ органическое *слѣдствіе* одного общаго верховнаго понятія (силы),

то она безполезна для юриста. Мы думаемъ, что философія права *въ состояніи* выполнить эту задачу. Мы проникаемся глубокимъ уваженіемъ къ праву потому, что понимаетъ его со всѣхъ сторонъ философски въ вышеозначенномъ смыслѣ. Только философія права убѣдитъ насъ въ необходимости права....» «Der Inhalt, сказалъ профессоръ, des Rechts ist ein Kampf des Gerechten mit dem Recht. Das Gerechte ist das Recht in der Bewegung; das Recht ist das Gerechte im Stillstand...» Вотъ, въ главныхъ чертахъ, философско-юридическая теорія профессора Лоренца фонъ Штейна, оцѣнка которой войдетъ въ слѣдующій выпускъ нашихъ «матеріаловъ».

Къ стр. 11.

Въ своей статьѣ «очеркъ ученій русскихъ юристовъ о правѣ» (стр. 9), смотря на энциклопедію права, какъ на науку вводную и заключительную, какъ на сокращенное изложеніе содержанія всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ на юридическомъ факультетѣ, мы говорили, что энциклопедія права наука не самостоятельная. Съ означенной точки зрѣнія на энциклопедію права, какъ можно убѣдиться изъ *введенія* «къ энциклопедіи и философіи права въ Германскихъ и Австрійскихъ университетахъ», мы были совершенно правы. Но эта точка зрѣнія на энциклопедію права нынѣ признана нами одностороннею. Нынѣ мы держимся того мнѣнія, что энциклопедія права есть сама наука права, въ которую вошла *философія* права. Въ такомъ смыслѣ энциклопедія права *самостоятельная* наука. Мы думаемъ, что послѣдняя точка зрѣнія на энциклопедію права болѣе вѣрная, чѣмъ первая, способна устранить односторонній взглядъ на энциклопедію права, раздѣляемый нами прежде.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

			Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Стр. 409	Строка 1.	Сверху	антеріалы	матеріалы
» 413	» 5	»	постарается	постараемся
» 414	» 18	»	субъектныхъ	субъективныхъ
» 419	» 2	»	міроваго	мірового
» 422	» 7	снизу	Германіи	Германіи и Австріи
» 424	» 14	»	пзлагались	излагались
» 425	» 1	сверху	встрѣчающіюся	встрѣчающіяся
» »	» 12	»	о развитій	о развитіи
» 426	» 8	снизу	въ томь	въ тотъ
» »	» 11	»	преподовалъ	преподавалъ
» 428	» 6	сверху	Ситмъ	Смитъ
» 429	» 1	снизу	отнесеные	отнесены
» 430	» 14	»	Боконъ	Бэконъ
» 440	» 6	сверху	государствовѣдѣнія	государствовѣдѣнія
» »	» 8	»	юридическія	юридическіе
» 445	» 1	снизу	финансовое право	наука о финансахъ
» 446	» 16	сверху	Volkswirhaft	Volkswirthschaft
» 450	» 6	»	игнорируется	не игнорируется
» »	» 4	снизу	Hept	Heft.
» 470	» 8	сверху	покоющіяяся	покоющіяся
» »	» 14	снизу	общественнато	общественнаго
» 475	» 17	»	пврядкомъ	порядкомъ
» 478	» 6	сверху	Kaufpreiss	Kaufpreis
» 481	» 6	»	nnd	und

По поводу отзывовъ профессоровъ Шпилевскаго и Дювернуа о моей магистерской диссертаціи и пробныхъ лекціяхъ.

Доцента В. Н. Палаузова.

Бываютъ обстоятельства, при которыхъ авторъ окритикованнаго труда не только имѣетъ *право*, но и *обязанъ* возражать. Такъ, если диссертація дала автору ея не только степень, но и доступъ къ университетскому преподаванію, если вмѣстѣ съ тѣмъ она стала предметомъ критическаго отзыва *профессора*, если этотъ отзывъ привелъ автора его къ выводу, что и степень, и право преподавать признаны за авторомъ диссертаціи неправильно; то на послѣднемъ лежитъ нравственная, освященная академическими обычаями обязанность дать отвѣтъ своимъ избирателямъ по поводу такого критическаго отзыва.

Во исполненіе этой нравственной обязанности я и взялся теперь за перо, чтобы разобрать отзывы профессора Шпилевскаго о моей диссертаціи и проф. Дювернуа — о моихъ пробныхъ лекціяхъ, отзывы, приложенные, въ видѣ особыхъ мнѣній, къ протоколу засѣданія совѣта Новоросс. университета 2 октября 1880 г. и напечатанные въ предъидущемъ (32) томѣ «Записокъ» этого университета.

Я не отвѣчаю на мнѣніе проф. Дювернуа о моей диссертаціи, напечатанное въ 30 т. «Записокъ», такъ какъ отъ этого труда избавилъ меня профессоръ М. И. Малининъ[1]), которому

---

[1]) См. его статью, помѣщенную въ 31 т. «Записокъ» подъ назв. «По поводу мнѣнія пр. Н. Л. Дювернуа о книгѣ Палаузова» и проч.; также отдѣльнымъ оттискомъ.

здѣсь приношу за это свою искреннюю благодарность. Пользуюсь также этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать свою глубокую признательность профессорамъ А. М. Богдановскому, А. Ѳ. Кистяковскому, И. І. Патлаевскому и г. Сергѣевскому, почтившимъ мои скромные труды своимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ.

Теперь перейду къ разбору мнѣній гг. Шпилевскаго и Дювернуа, при чемъ сначала разсмотрю отзывъ перваго о диссертаціи, а затѣмъ мнѣніе втораго о лекціяхъ.

I.

Я не буду останавливаться на первыхъ двухъ страницахъ мнѣнія г. Шпилевскаго, гдѣ рецензентъ мой распространяется о принятой имъ основѣ для оцѣнки, о желаемомъ имъ безпристрастіи и о точкахъ зрѣнія, съ которыхъ слѣдуетъ разсматривать ученыя сочиненія. Отвѣтомъ на эти общія соображенія послужитъ весь дальнѣйшій разборъ, который, надѣюсь, покажетъ, на сколько моимъ рецензентомъ соблюдены правила истинно-научной рецензіи, и есть-ли въ его мнѣніи хоть тѣнь не то безпристрастія, научнаго объективизма, а даже — простаго спокойствія и академическаго приличія.

Итакъ, я прямо перейду къ первому упреку, къ обвиненію *въ неполнотѣ моихъ литературныхъ пособій*. Г. Шпилевскій при этомъ ссылается на приложенный имъ въ концѣ отзыва списокъ 38 непроцитированныхъ мною сочиненій. Мой рецензентъ старается подкрѣпить свое утвержденіе привлеченіемъ къ себѣ на помощь и г. Сергѣевскаго, мимоходомъ упрекнувшаго меня въ неуказаніи на сочиненія Штеллинга и Газенбальга. Г. Шпилевскій въ итогѣ дѣлаетъ выводъ, что моя диссертація «основана, главнымъ образомъ, на нѣсколькихъ брошюрахъ (Flugschriften) и статьяхъ полемическаго содержанія, вызванныхъ проектомъ Германскаго правительства».

Что касается мимолетнаго замѣчанія г. Сергѣевскаго, то на это я вынужденъ г. Шпилевскимъ сказать слѣдующее. Объ

измѣненій обвиненія (сочиненія Газенбальга и Штеллинга написаны по этому предмету) я писалъ не какъ о главномъ предметѣ моего изслѣдованія, что уже видно изъ заглавія моей диссертаціи (къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ угол. юстиціи). Я счелъ нужнымъ только указать въ первой главѣ на положеніе вопроса въ современной наукѣ. Мнѣ важно было констатировать фактъ, что современная теорія уголов. процесса изъ обвинительнаго принципа, значеніе котораго *одинаково* признаютъ какъ сторонники жюри, такъ и приверженцы шеффенгерихта, вывела положеніе, въ силу котораго извѣстная часть фактической и юридической стороны обвиненія должна оставаться неизмѣнной во все теченіе производства, что судейское усмотрѣніе при обсужденіи казуса должно ограничиваться извѣстными предѣлами, что *при какой-угодно* организаціи судейской коллегіи *не возможно то исчерпывающее казусъ обсужденіе его,* котораго такъ добиваются сторонники шеффенгерихта и *по поводу котораго такъ ожесточенно* нападаютъ на судъ присяжныхъ. Мнѣ нужно было, однимъ словомъ, *только на столько затронуть вопросъ объ измѣненіи обвиненія, насколько это необходимо было для изслѣдованнаго мною спора между судомъ присяжныхъ и шеффенгерихтомъ, насколько это важно было для опредѣленія истиннаго объема и силы того аргумента сторонниковъ шеффенгерихта, который ставитъ въ вину суду присяжныхъ ограниченіе судейскаго обсужденія казуса извѣстными предѣлами.* Внимательный читатель пойметъ, что, при такомъ значеніи вопроса о предѣлахъ измѣненія обвиненія для предмета моей диссертаціи, я долженъ былъ изложить *только общепризнанныя* въ наукѣ положенія по этому вопросу, я долженъ былъ *всѣми силами стараться избѣгать* при этомъ такихъ *ненужныхъ деталей*, такихъ подробностей, *которыя составляютъ предметъ спора, личный взглядъ спеціальныхъ изслѣдователей этого вопроса.* Напротивъ, какъ математикъ къ искомому неизвѣстному идетъ только отъ извѣстнаго и доказаннаго, — такъ и я, разбирая и оцѣнивая аргументы шеффенистовъ при помощи ссылокъ на

теорію измѣненія обвиненія, долженъ былъ брать изъ послѣдней *только тѣ положенія*, которыя *стали общимъ достояніемъ ученыхъ*, все равно — шеффенисты-ли они или сторонники суда присяжныхъ.

Прошу, однако, читателя не выводить изъ сказаннаго заключенія, что, не находя надобности *ссылаться* на отдѣльныя, касающіяся ненужныхъ деталей, мнѣнія спеціальныхъ изслѣдователей вспомогательнаго вопроса, я считаю вовсе возможнымъ обойтись *безъ знакомства* съ литературой даже такого вопроса. Нѣтъ, знакомство это нужно во 1) для уразумѣнія того, что общепризнано, во 2) — для самостоятельной провѣрки, что занесенное въ общіе трактаты, какъ общепризнанное, дѣйствительно таково. Но такое знакомство не можетъ быть доказано простой цитатой: можно ссылаться на сочиненія не только невиданныя и нечитанныя, но даже и несуществующія; съ другой стороны можно *не ссылаться* на дѣйствительно прочитанныя, — можно дѣлать и такую ссылку, какую я сдѣлалъ въ данномъ случаѣ и какая въ ученомъ мірѣ часто употребляется въ особенности при указаніи на литературу второстепеннаго или вспомогательнаго вопроса, именно можно отослать читателя къ сочиненію, въ которомъ перечислена вся литература вопроса. Если бы г. Шпилевскій обратилъ вниманіе на 25 стр. моей диссертаціи, то увидѣлъ бы, что я давалъ свое изложеніе даннаго вопроса *въ виду* довольно богатой его литературы, что въ одномъ изъ примѣчаній я даже указываю читателю, гдѣ онъ найдетъ необходимыя библіографическія свѣдѣнія, именно на 508 стр. II т. классическаго трактата Цахаріэ. А если бы мой рецензентъ развернулъ, по моему указанію, сочиненіе Цахаріэ, то увидѣлъ бы тамъ, въ числѣ другихъ болѣе важныхъ работъ по этому предмету, и сочиненія Штеллинга и Газенбальга, между прочимъ. Г. Шпилевскій увидѣлъ бы, слѣдовательно, что ссылаясь на Цахаріэ, я implicite ссылаюсь и на этихъ двухъ авторовъ. Наконецъ, если бы рецензентъ внимательно сличилъ названія указанныхъ у Цахаріэ сочиненій по вопросу объ измѣненіи обвиненія съ работами, цитированными

физическою невозможностью: диссертація моя, какъ это могъ узнать мой рецензентъ, вышла *въ декабрѣ 1876 года*, а статья г. Лицкаго помѣщена въ VI книжкѣ «журнала гражд. и угол. права» за тотъ же годъ; «журналъ» же, какъ это общеизвѣстно, выходя за два мѣсяца однимъ №-ромъ, получается въ началѣ втораго мѣсяца, слѣдовательно, книжка en question была получена *не ранѣе начала того же декабря 1876 года.*

Теперь, въ связи съ разобранными упреками, перейду къ разсмотрѣнію того *перечня нецитированныхъ мною сочиненій*, который приложенъ въ концѣ мнѣнія г. Шпилевскаго. Здѣсь, какъ мы упоминали, значится всего 38 названій. Изъ нихъ тѣ, которыя приведены въ спискѣ подъ №№ 3,17 и 21, не процитированы мною потому же, почему не процитирована статья г. Лицкаго, — по одновременности появленія въ свѣтъ этихъ брошюръ и моей диссертаціи. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти сочиненія вышли въ свѣтъ *въ 1876 г.* и два изъ нихъ *заграницей*[1]).

Статьи, помѣченныя №№ 18, 28, 30 и 36, составляютъ не болѣе, какъ заключенія (Gutachten), занесенныя въ тѣ именно протоколы (Verhandlungen) 9 и 10 съѣздовъ нѣмецкихъ юристовъ, за нецитированіе которыхъ г. Шпилевскій упрекалъ уже въ текстѣ мнѣнія своего, при чемъ, слѣдуя примѣру, г. Дювернуа, не упомянулъ, что и я этого не скрываю (см. дисс., стр. 58). Впрочемъ, г. Шпилевскій идетъ далѣе своего предшественника: не довольствуясь ссылкой въ текстѣ мнѣнія на Verhandlungen en bloc, г. Шпилевскій въ спискѣ своемъ ставитъ каждое содержащееся въ этихъ Verhandlungen заключеніе (Gutachten) подъ особый № и такимъ образомъ 90 страницъ, посвященныхъ этимъ Gutachten, дали ему

[1]) Кстати, если бы г. Шпилевскій просмотрѣлъ цитаты другихъ нѣмецкихъ авторовъ по моему вопросу, то увидѣлъ бы, что несмотря на близость къ мѣсту выхода въ свѣтъ сочиненій другъ друга, не смотря на большую живость обращенія книжекъ въ предѣлахъ Германіи, одинъ авторъ не цитируетъ сочиненія другаго, если послѣднее вышло въ томъ же году, что и первое. Прошу, напр., посмотрѣть, есть-ли въ сочиненіи Гуго Мейера, вышедшемъ въ 1873 году, цитаты на книжку Велльманна (того же года) и вообще на сочиненія, вышедшія въ свѣтъ позже 1872 г.

4 нумера, изъ коихъ одинъ[1]), напр., занимаетъ въ этихъ Verhandlungen цѣлыхъ 7 страницъ. Напрасно г. Шпилевскій не разбилъ на отдѣльные нумера и тѣхъ рѣчей отдѣльныхъ ораторовъ съѣзда, содержаніе коихъ вкратцѣ записаны въ Verhandlungen,—тогда бы онъ увеличилъ уличающій меня списокъ на десятки нумеровъ.—Конечно, и г Шпилевскій, такъ же какъ и г. Дювернуа, успокаивается на чисто *формальномъ* упрекѣ въ нецитированіи и ни единымъ словомъ не пытается показать, какіе именно пробѣлы произошли въ моей диссертаціи отъ непользованія подлинными протоколами при тѣхъ свѣдѣніяхъ моихъ о 9 и 10 съѣздахъ, которыя я почерпнулъ отъ самихъ участниковъ ихъ. Впрочемъ, такихъ указаній на пробѣлы и нельзя было сдѣлать, какъ это явствуетъ изъ объясненія, даннаго профессору Дювернуа М. И. Малининымъ о значеніи съѣздовъ нѣмецкихъ юристовъ и ихъ протоколовъ[2]). Замѣчу кромѣ того, что и здѣсь г. Шпилевскій, упрекая меня въ нецитированіи, самъ опять дѣлаетъ ошибку въ цитатѣ: заключеніе Stöckel'я въ дѣйствительности представлено было 10-му съѣзду, а г. Шпилевскій относитъ его къ 9-му Да, напрасно мой рецензентъ не просмотрѣлъ самъ протоколовъ 9 съѣзда, ибо, въ такомъ случаѣ, не только не сдѣлалъ бы только-что указанной ошибки, но и почерпнулъ бы изъ нихъ еще лишнихъ два нумера для своего списка, нашелъ бы еще два заключенія (Беккера и Биндера) и тѣмъ довелъ бы уличающую меня цифру до круглаго числа 40.

Дальнѣйшій упрекъ моего рецензента по поводу отсутствія цитаты на сочиненіе, означенное въ спискѣ подъ № 19, также успѣшно, надѣюсь, отклоненъ проф. М. И. Малининымъ[3]).

Касательно сочиненій, означенныхъ №№ 11, 14, 26, 32 и 38, замѣчу, что напрасно мой рецензентъ такъ милостивъ ко мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если меня обвиняютъ здѣсь въ нецитированіи *комментарія* Шварце *къ саксонскому* уставу

---

[1]) Статья Wetzki, означенная г. Шпилевскимъ подъ № 36.

[2]) «По поводу мнѣнія пр. Дюв. о книгѣ Палаузова» и пр., стр. 15 и слѣд. (отдѣльнаго оттиска).

[3]) «По поводу мнѣнія проф. Дювернуа» и пр., стр. 17 отд. отт.

уголовнаго *судопроизводства*, германскаго проекта устава угол. *судопроизводства*, критики на него Вальберга и сочиненія Гейнце о судѣ присяжныхъ, то что въ такомъ случаѣ мѣшало выписать изъ какого-нибудь учебника всю литературу не только о судѣ присяжныхъ, но и по уголов. судопроизводству вообще!? Съ равнымъ правомъ можно было бы захватить и списокъ всѣхъ кодексовъ угол. судопроизводства, когда-либо дѣйствовавшихъ въ разныхъ концахъ земнаго шара или даже только проектированныхъ. Тогда бы можно было издать каталогъ, по объему превосходящій самую диссертацію!

Г. Шпилевскій слишкомъ, однако, увлекся въ своихъ поискахъ за нецитированными мною книгами,—онъ не замѣтилъ, что статьи Гаагера и Циммерманна, *означенныя имъ №№ 10 и 37*, *какъ нецитированныя мною*, *не только въ моей диссертаціи процитированы*, но—что, надѣюсь, важнѣе—*эксплуатированы*. Чтобъ убѣдиться въ этомъ г. Шпилевскому стоило только развернуть мою диссертацію на 104 (касательно Гаагера) и 106 (кас. Циммерманна) страницахъ. Замѣчу еще, что если бы мой ученый рецензентъ *прочиталъ мою диссертацію* хоть въ этихъ мѣстахъ, то поправилъ бы ошибки въ цитатахъ, сдѣланныя въ той книжкѣ, откуда, вѣроятно, выписывалъ онъ названія статей Гаагера и Циммерманна. Дѣло въ томъ, что здѣсь опять, обвиняя меня *въ нецитированіи*, г. Шпилевскій самъ дѣлаетъ ошибку въ цитатахъ, ибо статья Гаагера напечатана въ Gerichtssaal'ѣ *не за 1875*, *а за 1865 г.*, а статья Циммерманна въ дѣйствительности помѣщена въ *18*, а не въ *20* томѣ журнала Гольтдаммера. Конечно, можно привлечь къ отвѣтственности наборщика, корректора или, наконецъ, переписчика подписаннаго г. Шпилевскимъ подлиннаго мнѣнія. Но кого привлечь для отклоненія упрека, который читатель этихъ строкъ можетъ сдѣлать г. Шпилевскому *по поводу неправильнаго обвиненія имъ меня въ нецитированіи процитированныхъ и эксплуатированныхъ мною сочиненій Гаагера и Циммерманна? Кто обязанъ былъ за г. Шпилевскаго прочитать рецензируемое имъ сочиненіе?*

Упрекъ въ нецитированіи брошюры и статьи Гейнце (№№ 12 и 13) также неоснователенъ, какъ и предъидущіе, и если сдѣланъ моимъ резензентомъ, то только потому, что онъ, вѣроятно, не видывалъ этихъ произведеній; должно быть, онъ просто переписалъ изъ какой-нибудь монографіи по моему вопросу случайную, сдѣланную мимоходомъ, ссылку на эти сочиненія, предполагая, что всѣ цитаты, дѣлаемыя однимъ изслѣдователемъ, обязательны для всякаго другаго. Въ самомъ дѣлѣ, сочиненіе «Strafprocessuale Erörterungen» посвящено самымъ разнообразнымъ вопросамъ угол. судопроизводства, *имѣющимъ на сколько мало общаго съ предметомъ моего изслѣдованія, на сколько могутъ имѣть двѣ книги по одной наукѣ.* Въ ряду 24-хъ главъ книжки, трактующихъ о такихъ предметахъ, какъ «вопросы *государственнаго* права въ угол. проц.», «уголовно-правовыя привилегіи *прессы*» и проч., есть только 2 главы (19-я и 20-я), дающія возможность Гейнце сказать *по нѣскольку словъ* по поводу *спора* суда присяжныхъ съ шеффенгерихтомъ. При этомъ даже то, что сказано по предмету моей диссертаціи, не только *не аргументировано*, но и *не утверждаетъ* ничего такого, о чемъ не говорилъ бы *каждый* почти сторонникъ жюри въ спорѣ съ шеффенистами[1]), о чемъ и я говорю гораздо подробнѣе и съ приведеніемъ аргументовъ. Желающаго убѣдиться прошу сличить стр. 92 — 94 соч. Гейнце съ 130 — 137 и др. стр. моей диссертаціи.

Что касается статьи Гейнце, отмѣченной въ спискѣ подъ № 13, то она содержитъ сообщеніе о работахъ саксонскихъ камеръ и правительства по вопросу о введеніи суда присяжныхъ *и* шеффенгерихта, какъ суда для дѣлъ средней

[1]) Если авторы монографій по моему вопросу цитируютъ мимоходомъ Гейнце, то не потому, чтобы онъ далъ какіе-нибудь оригинальные или вообще какіе бы то ни было аргументы по занимавшему меня спору между сторонниками жюри и шеффенгерихта, а потому, что онъ предложилъ одинъ изъ *неудачныхъ* проектовъ реформы въ судѣ присяжныхъ, проектъ, *неодобряемый ни сторонниками сего послѣдняго, ни приверженцами шеффенгерихта.* Ср. H. Meyer, die Frage des Schöffengerichts, стр. 34; также Баръ, Recht und Beweis, стр. 51 и слѣд.

подсудности. Напротивъ, по предмету *спора* между судомъ прisяж. и шеффенгерихтомъ *тамъ нѣтъ ни одной страницы*,—*слѣдоват. ничего, что касалось бы изслѣдованнаго мною вопроса.*

Одно указанiе г. Шпилевскаго, именно означенное № 20 списка, можетъ быть, для неспецiалиста самое краснорѣчивое: здѣсь указано сочиненiе извѣстнаго авторитета, сочиненiе, по названiю, подходящее къ предмету моего изслѣдованiя. При томъ мой рецензентъ такъ его обозначилъ, что невидавшiй можетъ подумать, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь капитальномъ сочиненiи покойнаго Миттермайера. Я, впрочемъ, не настаиваю на умыслѣ, такъ какъ дѣло можетъ объясняться просто тѣмъ, что и самъ рецензентъ мой не видывалъ этого сочиненiя, а заимствовалъ цитату изъ вторыхъ рукъ. — Какъ бы то ни было, цитированное подъ № 20 сочиненiе есть не болѣе, какъ *статья* для *популярнаго* изданiя *естествоиспытателя* Вирхова и юриста Гольцендорфа «Sammlung *gemeinverständlicher* wissenschaftlicher Vorträge» Статья en question помѣщена въ 18-й тетради и о шеффенгерихтѣ упоминаетъ на *семи послѣднихъ страничкахъ* (33 — 40). Знакомый съ этимъ изданiемъ Вирхова и Гальцендорфа не нуждается, конечно, въ объясненiи, какой интересъ эта *популярная* статья можетъ имѣть для спецiалиста и почему не только въ моемъ скромномъ трудѣ, *но и въ сочиненiяхъ Гуго Мейера и др. нѣтъ цитатъ на статейку Миттермайера.* Если же г. Шпилевскiй захочетъ самъ провѣрить справедливость только-что сказаннаго, то пусть прочтетъ эту статейку и посмотритъ, есть ли тамъ хоть строчка чего-нибудь такого, что не было бы развито въ моемъ сочиненiи съ большею подробностью. Если и это не убѣдитъ г. Шпилевскаго, то посовѣтую ему принять въ соображенiе обстоятельство (на которое указалъ уже уважаемый процессуалистъ нашъ М. И. Малининъ), что Миттермайеръ умеръ раньше, чѣмъ возгорѣлся споръ о быть или не быть суду присяжныхъ замѣненнымъ шеффенгерихтомъ, что и эта статья Миттермайера появилась тогда, когда и «отцу новѣйшаго шеффенгерихта»

не вѣрилось въ жизнеспособность своего дѣтища (Ср. 46 стр. моей диссерт.).

Что касается статьи *прокурора* Спинолы (Spinola, а не Spinala, какъ значится у моего рецензента подъ № 27), то, какъ показываетъ *самое названіе*, *неполно* приведенное г. Шпилевскимъ, и какъ это еще яснѣе изъ текста (см. стр. 228—229, Goltd Arch., XX т.), то это не болѣе, какъ *краткій* (на 14 стр.) *очеркъ* наблюденій надъ практикой шеффенгерихтовъ *съ низшей подсудностью* и притомъ глав. обр. въ *Шлезвигъ-Гольштейнѣ*. Эта статейка, однимъ словомъ, принадлежитъ къ разряду тѣхъ *свидѣтельствъ* въ пользу шеффенгерихта, *цѣну которыхъ я измѣряю* на стр. 107 дисс. *Прокуроръ непосредственно ничего не можетъ знать* о томъ, что происходитъ въ коллегіи шеффенгерихта, и потому *его свидѣтельство* не можетъ опровергнуть самаго существеннаго возраженія противъ шеффенгерихта, возраженія, основаннаго на *давленіи* ученыхъ, коронныхъ судей на непрофессіональныхъ. Вотъ причина того, что, давая на стр. 57 списокъ *главнѣйшихъ* журнальныхъ статей въ пользу шеффенгерихта, изъ коихъ одна помѣщается *въ томъ же томѣ журнала Гольтдаммера*, *гдѣ и статья Спинолы*, я не назвалъ сочиненія послѣдняго.

Я разсмотрѣлъ 19 нумеровъ списка г. Шпилевскаго и показалъ, надѣюсь, что онъ напрасно трудился ихъ переписывать. Если къ этому числу прибавить 4 *газетныя статьи* №№ 23, 31, 33 и 34), изъ коихъ 2 помѣщены *въ неспеціальной газетѣ* (Allgemeine Zeitung); если, далѣе, сюда же прибавить article Глазера въ Rechtslexicon'ѣ (№ 7) и все это вычесть изъ общей суммы 38 нумеровъ списка, то получимъ довольно *скромную* цифру непроцитированныхъ мною брошюръ (Flugschriften), цифру, немногимъ превосходящую то число не бывшихъ въ моемъ распоряженіи брошюръ, *которое показано у меня же, на стр. 58 диссертаціи Итакъ*, *весь почти самостоятельный трудъ г. Шпилевскаго сводится къ повторенію того*, *что у меня сказано въ диссертаціи*, т. е. той истины, что, пиша о столь живомъ вопросѣ, волновавшемъ

все образованное германское общество, я не собралъ и не могъ собрать *всей* флюгшрифтной литературы его, а удовольствовался главнѣйшими сочиненіями, сочиненіями *ученыхъ* авторовъ. (Ср. стр. 57 дисс.). Это, конечно, съ моей стороны — вина, что я и признаю, выражая въ диссертаціи по этому поводу сожалѣніе (стр. 58, пр. 10 дисс.); но не г. Шпилевскому такъ возмущаться этимъ грѣхомъ, такъ какъ онъ же самъ свысока относится къ небольшимъ по объему, но важнымъ въ наукѣ по значенію сочиненіямъ такихъ авторитетовъ, какъ Цахаріэ, Гуго Мейеръ, Шварце, Гіэ-Глунекъ, Глазеръ, когда ставитъ мнѣ въ упрекъ то, что сочиненіе мое построено «главнымъ образомъ, на нѣсколькихъ брошюрахъ (Flugschriften)» (диссертація моя именно имѣетъ дѣло «главнымъ образомъ» съ сочиненіями названныхъ ученыхъ). Впрочемъ, вина моя не признана большой и безпристрастной критикой, ибо никто изъ доселѣшнихъ моихъ рецензентовъ-спеціалистовъ не бросалъ мнѣ столь рѣзкаго упрека по поводу грѣха, лежащаго на душѣ и такихъ ученыхъ, какъ Цахаріэ, Гуго Мейеръ и др., библіографическія указанія которыхъ по числу и выбору цитируемыхъ сочиненій не отличаются почти отъ указаній въ моей диссертаціи. — Почти *канцелярскій формализмъ* упрека моего рецензента-неспеціалиста, — для котораго, какъ видно, важнѣе всего №, — вынуждаетъ меня объяснить, что въ наукѣ не всѣ сочиненія имѣютъ одинаковое значеніе, и если непользованіе однимъ не можетъ не отразиться дурно на *внутреннемъ* достоинствѣ изслѣдованія, то нецитированіе другаго — не болѣе, какъ *формальная* вина, слѣдовательно, не настолько большая, чтобы не смягчаться тѣми circonstances atténuantes, на которыя я уже указалъ выше и къ которымъ сверхъ того, относится всѣмъ извѣстная неблагопріятная обстановка не-профессора, работающаго въ провинціи, гдѣ иногда небогатая университетская библіотека есть чуть-ли не единственное хранилище иностранныхъ ученыхъ книгъ.

Такова *самостоятельная* часть рецензіи г. Шпилевскаго. Розсмотрю теперь тотъ отдѣлъ ея, который посвященъ оцѣнкѣ моего метода, постановки вопроса, системы и результатовъ.

Въ постановкѣ вопроса, по мнѣнію моего рецензента, выразилась «безтактность», «неумѣлость». Для подкрѣпленія этого утвержденія рецензентъ мой сообщаетъ справку изъ отзывовъ гг. Сергѣевскаго и А. М. Богдановскаго. Г. Сергѣевскій въ выписанномъ рецензентомъ мѣстѣ претендуетъ на меня за то, что я посвящаю сочиненіе свое оцѣнкѣ шеффенгерихта въ сравненіи съ судомъ присяжныхъ, что занимаюсь уличеніемъ «нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей въ нѣкоторыхъ литературныхъ плутняхъ»[1], — такъ, значитъ, г. Сергѣевскій убѣжденъ въ неосновательности аргументовъ и такихъ ученыхъ шеффенистовъ, какъ Цахаріэ, Гуго, Мейеръ, Шварце и др. Г. Шпилевскій называетъ это мнѣніе «совершенно справедливымъ» (стр. 116). Прочитавъ это, я одинъ моментъ былъ увѣренъ, что г. Шпилевскій никоимъ образомъ ужь не согласится съ А. М. Богдановскимъ, мнѣніе котораго какъ-разъ *противоположно* въ этомъ отношеніи взгляду г. Сергѣевскаго. Но не тутъ-то было: «безпристрастіе» г. Шпилевскаго не стѣсняется даже логикой! Выписавъ «совершенно справедливое» замѣчаніе г. Сергѣевскаго, мой рецензентъ называетъ сейчасъ же справедливымъ также мнѣніе А. М. Богдановскаго, который *не только не находитъ спора съ шеффенистами излишнимъ, мало интереснымъ, но, напротивъ, упрекаетъ меня въ увлеченіяхъ, въ недостаточномъ вниманіи къ нѣкоторымъ шеффенистамъ* (ср. два отрывка, перепечатанныхъ на стр. 117 мнѣнія г. Шпилевскаго). Вотъ до чего можетъ довести своеобразно понимаемое г. Шпилевскимъ безпристрастіе, которое, какъ видно, состоитъ въ сваливаніи въ одну кучу самаго противоположнаго, лишь бы оно клонилось ко вреду автора рецензируемаго сочиненія! Этого argumenti ad hominem, надѣюсь, для г. Шпилевскаго достаточно, споръ съ которымъ по этому поводу прекращаю, чтобъ поговорить по существу перепечатанныхъ имъ упрековъ гг. Сергѣевскаго и А. М. Богдановскаго.

---

[1]) Цитирую слова по копіи г. Шпилевскаго, ибо, какъ упомянулъ уже, подлинной рецензіи г. Сергѣевскаго достать не могъ. Въ виду свойствъ цитатъ и, какъ увидимъ, выписокъ г. Шпилевскаго, надѣюсь, это заявленіе читатель не найдетъ излишнимъ.

Упрекъ г. Сергѣевскаго можно понимать *двояко*: *или* онъ не одобряетъ самой *темы*, т. е. ему пріятнѣе, можетъ быть, было бы видѣть изслѣдованіе не спора между шеффенгерихтомъ и судомъ присяжныхъ, а разсужденіе о значеніи народнаго элемента вообще, — *или* онъ упрекаетъ меня за *невыполненіе моей задачи*, т. е. за невниманіе *въ спорѣ* о формахъ участія народнаго элемента къ миссіи послѣдняго. Хотя даже выписанныя г. Шпилевскимъ фразы говорятъ за первое пониманіе упрека г. Сергѣевскаго, тѣмъ не менѣе разберу оба *мыслимыя* толкованія.

Въ обѣихъ формахъ упрекъ несправедливъ. — Что касается выбора темы, ея *теоретической* и *практической важности* не только для германскаго, *но и русскаго* юриста, то объ этомъ говорилъ и *я* (въ предисловіи къ дисс.), писали и другіе (профессоры А. Ѳ. Кистяковскій, А. М. Богдановскій и М. И. Малининъ). Мало того, важность эту я не только провозглашаю, но и показываю въ текстѣ сочиненія (ср. стр. 80 и 81), объясняя отношеніе спора о формахъ участія непрофессіональнаго элемента къ организаціи процедуры постановки вопросовъ присяжнымъ. (Ср. по этому поводу также мое сообщеніе въ Одесское Юрид. Общество, отдѣльный оттискъ, стр. 16—17, и въ протоколахъ). Теперь разсмотрю упрекъ въ другой формѣ. Правда-ли, что, изслѣдуя споръ между жюри и шеффенгерихтомъ, я ограничиваюсь «личнымъ вопросомъ», не разсматриваю дѣла «по существу», не внимателенъ къ той связи, какая существуетъ между миссіей и формой участія нар. элемента въ угол. юстиціи? — Нѣтъ, и въ этой формѣ упрекъ несправедливъ.

Въ самомъ дѣлѣ, все изслѣдованіе у меня ведется именно съ точки зрѣнія современныхъ теорій привлеченія непроф. элемента къ участію въ угол. юстиціи. Какъ извѣстно, такихъ теорій миссіи нар. элемента — *два главныхъ типа*[1]). Одна изъ этихъ теорій, т. н. *теорія всемогущества присяжныхъ* (Omni-

[1]) Я беру *крайнія* выраженія, такъ сказать, два противоположныхъ полюса, опуская, какъ неимѣющія интереса для моего вопроса, переходныя воззрѣнія.

potenz der Jury), требуетъ отъ *законодателя* признанія за ними права *помилованія*, видитъ въ присяжныхъ *не простыхъ примѣнителей* закона къ конкретному случаю, а *ничѣмъ несвязанныхъ вѣщателей народной (общественной) правды, критиковъ закона писаннаго* (ср. 116 стр. диссерт.). Понятно, что какова бы ни была основательность этой теоріи[1]), послѣдняя ни коимъ образомъ *не вяжется* съ той формой участія непрофесс. элемента на судѣ, которая представляется шеффенгерихтомъ. Законодатель, *такъ* смотрящій на миссію непроф. судей (если законодатель такъ *можетъ* смотрѣть), не только не дастъ доступа въ ихъ коллегію судьямъ короннымъ *съ рѣшительнымъ голосомъ*, но всячески будетъ стараться гарантировать приговоръ вѣщателей народной правды отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній.—Таково *отношеніе* этой первой теоріи къ моему вопросу, *развитое мною на 115—118 стр. моей диссертаціи.*

Но успокоиться на этомъ я не имѣлъ права и именно потому, что такая теорія исповѣдуется далеко не всѣми процессуалистами, *что не только сторонники шеффенгерихта, но и приверженцы жюри* не взываютъ къ такой роли непроф. судей. Напротивъ, какъ упомянуто у меня на 128 стр., такіе извѣстные ученые, какъ Гуго Мейеръ, покойный Цахаріэ Гнейстъ и др., рѣшительно возстаютъ противъ подобныхъ взглядовъ[2]).

Теоріи Omnipotenz они противопоставляютъ другую теорію. По этой другой теоріи непрофессіональный элементъ (присяжные) есть только *одинъ* изъ факторовъ приговора о виновности *предъ закономъ*, другой факторъ котораго (приговора)—коронные, ученые судьи. По этой теоріи каждый изъ этихъ факторовъ долженъ *не исключать*, *а восполнять* другъ друга, каждый долженъ отправлять соотвѣтствующія *его особому приз-*

[1]) См. злую критику ея въ знаменитомъ сочиненіи Р. ф. Іеринга, der Zweck im Recht, стр. 406—407 и др.

[2]) Мало того, изъ за этой-то теоріи и подобной же практики такіе ученые, какъ Іерингъ, приходятъ къ выводу *о негодности суда присяжныхъ.* См. Zweck im R, стр. 401.—412.

ванію функціи. Ясно, что эта теорія *выгоднѣе для ш*
проекта, чѣмъ теорія Omnipotenz der Jury, — *вотъ т*
я, *не желая увиливать отъ спора съ болѣе серьезными*
ными противниками, *особое вниманіе* обратилъ на из
ваніе отношенія *этой*, *болѣе выгодной для серьезныхъ и*
нистовъ, теоріи къ спору о сравнительномъ достоинствѣ
фенгерихта и суда присяжныхъ. Могу сказать, что чере
мое сочиненіе красной нитью проходитъ изслѣдованіе эт
ношенія. Доказывать это — значитъ перепечатывать дис
цію; поэтому ограничусь только указаніемъ на тѣ мѣста
гдѣ особенно рельефно отразилось мое вниманіе *къ связи*
идеей привлеченія непроф. элемента къ суду, какъ она
мается лучшими учеными, и той *формой* участія этог
мента, которая осуществляется въ шеффенгерихтѣ. Это —
120 — 123, 128 — 138 и др. стр. диссертаціи. Въ
концевъ я получилъ результатъ, что форма шеффенгери
вяжется *съ обѣими* теоріями миссіи непроф. элемента, — р
татъ, занесенный въ положенія, напечатанныя на 165—16

Итакъ, можно упрекать меня въ чемъ хотите, только
томъ, что «за споромъ о преимуществѣ шеффенгерихта и
присяжныхъ» я будто упустилъ изъ виду «другой споръ,
существенный и глубокій — споръ о значеніи народнаг
мента вообще». Я не знаю также, отъ кого «*скрыва*
этотъ глубокій споръ за споромъ о шеффенгерихтѣ;
только, что — не отъ меня и не отъ моего читателя, и
диссертаціи я *не только явственно констатирую* разно
ученыхъ въ пониманіи «значенія нар. элемента», но и *раск*
связь, *отношеніе* каждаго изъ крайнихъ взглядовъ къ в
мною изслѣдованному, и прихожу къ заключенію, что н
изъ теорій миссіи непроф. судей не мирится съ шеф
рихтомъ. Итакъ, вопросъ о значеніи народнаго элемент
изслѣдованъ и именно по стольку, по скольку этотъ в
имѣлъ *отношеніе* къ предмету моей диссертаціи,
несправедливо обвинять меня въ неразсмотрѣніи вопр
существу, въ томъ, что я будто ограничиваюсь «одни

нымъ вопросомъ». Это будетъ еще яснѣе изъ дальнѣйшаго. Упрекъ же г. Сергѣевскаго, на сколько помню общій характеръ его статьи, я понимаю какъ недовольство горячаго сторонника теоріи всемогущества присяжныхъ на человѣка, тратящаго время на разсмотрѣніе аргументовъ въ пользу шеффенгерихта, исходящихъ изъ другой, болѣе умѣренной теоріи.

Противоположный же упрекъ — въ невниманіи къ доводамъ болѣе серьезныхъ защитниковъ шеффенгерихта (Гуго Мейера)—я объясняю только тѣмъ, что уважаемый авторъ его (А. М. Богдановскій) *не достаточно ясно выразился*. Я дѣйствительно *въ очеркѣ литературы* мало останавливаюсь на Гуго Мейерѣ; но *все дальнѣйшее изложеніе мое* имѣетъ главнымъ предметомъ своимъ *критику доводовъ Гуго Мейера и Цахаріэ*, что не только ясно изъ *текста*, но и показано *въ цитатахъ* (ср. 79 и слѣд., 98, 120, 130—137 стр. дисс.). Въ очеркѣ же литературы я не остановился на сочиненіи Гуго Мейера потому, что разборъ его здѣсь повелъ бы къ обращенію *очерка литературы* въ самое изслѣдованіе *существа* вопроса. Напротивъ, изъ внимательнаго прочтенія диссертаціи, читатель могъ бы вывести заключеніе, что я даже стараюсь *очистить* аргументацію такихъ шеффенистовъ, какъ Цахаріэ, отъ *случайныхъ промаховъ* и спорю уже противъ очищенной *основы* ихъ соображеній, т. е. *не противъ нихъ лично*, *а* противъ ихъ *теорій въ принципѣ*.

Также несправедливъ упрекъ А. М. Богдановскаго, будто я «не перечислилъ всѣхъ недостатковъ суда прис...... которые всѣ указаны въ соч. Шварце». *Я не только ссылаюсь* на перечисленіе, данное Шварце (ср. дисс. стр. 95 прим.), но и *самъ перечисляю* эти предполагаемые пороки (стр. 62 — 63 дисс.). *Мало того*, на стр. 85 — 95 дисс., я подробно останавливаюсь на *критическомъ разборѣ* этихъ, дѣлаемыхъ Шварце и Гіэ-Глунекомъ, упрековъ суду присяжныхъ.

Теперь обратимся снова къ г. Шпилевскому. Опять преувеличивая замѣчаніе другихъ, онъ обвиняетъ меня въ несоблюденіи *системы*. На это замѣчу слѣдующее. Въ началѣ я по-

мѣстилъ то, что должно было служить и дѣйствительно служило *точкой отправленія* при изслѣдованіи спора: я говорю объ *основныхъ принципахъ организаціи* современнаго процесса, принципахъ, на которые *ссылаются* въ спорѣ какъ сторонники, такъ и противники шеффенгерихта. Эти же принципы, въ особенности принципы привлеченія непрофесс. элемента къ угол. юстиціи, *выясняли самое значеніе спора*, — достаточная, кажется, причина для того, чтобы изслѣдованію спора предпослать то, что изложено у меня въ I главѣ. — Выяснивъ так. обр. *суть спорнаго вопроса*, опредѣливъ его *общее значеніе*, я долженъ былъ, прежде изложенія деталей аргументаціи, указать на *движеніе спорнаго вопроса въ жизни и наукѣ*, я долженъ былъ во II главѣ дать *очеркъ литературы* выясненнаго въ I главѣ вопроса. Затѣмъ въ III гл. я представляю, согласно данному въ предисловіи обѣщанію, *аргументы сторонниковъ шеффенгерихта*, распредѣляя ихъ по *категоріямъ*. Сначала я излагаю доводы, которыми стараются, такъ сказать, *очистить поле для шеффенгерихта*, изображая неизлѣчимые, по мнѣнію шеффенистовъ, недостатки суда присяжныхъ (60—64 стр. дисс.). Затѣмъ я перехожу къ той части аргументаціи сторонниковъ суда шеффеновъ, которая имѣетъ цѣлью показать *преимущества* этого учрежденія; здѣсь я сначала излагаю доводы, черпающіе силу *въ исторіи* права (65 — 71 стр), далѣе — аргументы, опирающіеся на свидѣтельства *опыта* (71 — 72), наконецъ — доводы, имѣющіе *дедуктивную* подкладку (72 — 78). Вотъ содержаніе III главы — Въ IV главѣ, опять согласно обѣщанію, я представляю *критическую оцѣнку изложенныхъ въ предыдущей главѣ доводовъ*, причемъ расположеніе матерій въ критикѣ *соотвѣтствуетъ* расположенію критикуемыхъ доводовъ, сдѣланному въ 3-й главѣ. — Въ послѣднихъ 2-хъ главахъ (V и VI) я, согласно обѣщанію и *не желая ограничиваться личнымъ споромъ съ шеффенистами*, представляю *положительные* доводы *въ пользу суда присяжныхъ* и *дѣлаю сопоставленіе доводовъ pro и contra*. Въ частности, сопоставленіе находится на 132 — 138, 165 — 168

стр.—Меня упрекаютъ въ томъ, что я помѣстилъ историческій очеркъ судоустройства и судопроизводства въ послѣдней главѣ. Какъ доказалъ это уже одинъ изъ внимательнѣйшихъ моихъ рецензентовъ, проф. М. И. Малининъ[1]), упрекъ этотъ въ корнѣ своемъ имѣетъ *недоразумѣніе*: содержаніе послѣдней главы моей *не есть историческій очеркъ*, *а историческая аргументація въ пользу суда присяжныхъ* и, какъ таковая, мною отнесена къ той части сочиненія, которая посвящена *положительнымъ доводамъ въ пользу суда прис.* —

Такова моя система. Это, въ короткихъ словахъ,—система изложенія изслѣдованія въ видѣ[2]) спора сторонниковъ шеффенгерихта съ приверженцами жюри: сначала аргументы первыхъ, далѣе—ихъ критика, затѣмъ—самостоятельные доводы вторыхъ (а слѣдовательно и мои), наконецъ—сопоставленіе доводовъ pro и contra. То обстоятельство, что историческія свѣдѣнія попадаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ, понятно для человѣка, знающаго мою систему: на исторію ссылаются шеффенисты — ссылки эти и вошли въ III главу, излагающую ихъ аргументацію; эти ссылки на исторію, какъ аргументы шеффенистовъ, мнѣ слѣдовало оцѣнить въ IV главѣ, посвященной критикѣ доводовъ шеффенистовъ; наконецъ, исторія даетъ и положительные доводы въ пользу суда присяжныхъ — достаточная причина для помѣщенія этого въ одной изъ послѣднихъ главъ, посвященныхъ аргументаціи въ пользу жюри. Мало того, сила, значеніе моей исторической аргументаціи такова, что она какъ бы *подкрѣпляетъ* ту дедуктивную аргументацію въ пользу суда присяжныхъ и противъ шеффенгерихта, которая изложена въ V главѣ. Въ V главѣ я разсуждаю такъ. Если дѣйствительно, а не на словахъ желать участія народнаго элемента, то нужно желать такого порядка и въ коллегіи шеффенгерихта, чтобы *каждый* (народ. и коронный) *элементъ* отправлялъ *въ*

[1]) См. его «По поводу мнѣнія пр. Дювернуа», стр. 14 отд. отт.

[2]) Этотъ *видъ*, вѣроятно, и ввелъ г. Сергѣевскаго въ заблужденіе на счетъ *характера* моего изслѣдованія. См. выше.

полной мѣрѣ тѣ функціи, которыя ему свойственны по современной теоріи значенія народнаго и професс. элемента. Слѣдовательно *и въ шеффенгерихтѣ* дѣятельность двухъ *разнородныхъ* элементовъ *должна* быть организована по началу *раздѣленія труда*, какъ это имѣетъ мѣсто также въ судѣ присяжн. Далѣе, я доказываю, что организація шеффенгерихта, *при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ*, можетъ устранить только *внѣшнія*, *случайныя* невыгоды раздѣленія труда; напротивъ, представляя такой ничтожный maximum выгодъ, судъ шеффеновъ не даетъ *гарантій* правильнаго, согласно *принципу*, *распредѣленія функцій* между спеціальными факторами, не проводитъ *устойчивыхъ границъ* между этими факторами и тѣмъ грѣшитъ противъ самаго принципа привлеченія народнаго элемента, какъ *особаго* фактора. *Изчисливъ* невыгоды такого порядка, показавъ *вѣроятность* (весьма большую) ихъ наступленія, я прихожу въ V главѣ къ заключенію о неудовлетворительности шеффенгерихта сравнительно съ судомъ присяжныхъ *въ принципѣ* и помимо тѣхъ положительныхъ достоинствъ послѣдняго (т. е. суда прис.), которыя указаны въ началѣ этой же (V) главы[1]). Вотъ этотъ-то *дедуктивный* выводъ я старался *подкрѣпить индукціей*, *исторической аргументаціей*, развитой въ VI главѣ, *о чемъ прямо и говорю въ текстѣ* (См. 2 послѣднія стр. V гл.). Именно въ VI гл. у меня показано, что общая тенденція перемѣнъ въ исторіи процесса состоитъ въ постепенномъ *дифференцированіи*, въ болѣе послѣдовательномъ проведеніи принципа раздѣленія труда установленіемъ болѣе *устойчивыхъ границъ* между спеціальными факторами, — тенденція, благопріятная для суда присяжныхъ, а не для шеффенгерихта. Вотъ почему историческая аргументація, понятная только послѣ соображеній, развитыхъ въ V гл., изложена у меня въ VI главѣ сочиненія. Конечно, г. Шпилевскій, не давшій, какъ мы видѣли, себѣ труда даже позна-

---

[1]) Читатель видитъ, что это и есть то *сопоставленіе* доводовъ pro и contra, которое я обѣщалъ дать въ концѣ сочиненія (ср. стр. 9 предисл.) и которое подкрѣпляется исторической аргументаціей VI главы.

комиться съ моими цитатами (а вѣдь здѣсь-то онъ *самостоятеленъ*), не могъ понять этого *внутренняго* основанія расположенія моего матеріала. Впрочемъ, эти основанія раскрыты не въ цитатахъ, а въ текстѣ, хотя очень явственно....

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ такими пріемами моего ученаго рецензента, съ такими свойствами его рецензіи, которые объясняются *непониманіемъ предмета рецензіи*, вопроса, мною изслѣдованнаго, а потому и тѣхъ замѣчаній другихъ моихъ рецензентовъ, изъ которыхъ дѣлалъ выписки г. Шпилевскій. Къ сожалѣнію, мы принуждены отмѣтить и такое свойство его рецензіи, которое трудно объяснимо даже непониманіемъ дѣла. Для избѣжанія непріятныхъ эпитетовъ я не буду *называть* этого пріема, а только *демонстрирую* его. Дѣло вотъ въ чемъ. На стр. 118 мнѣнія г. Шпилевскій отмѣчаетъ кавычками и приписываетъ уважаемому криминалисту А. Ѳ. Кистяковскому слѣдующія, между прочимъ, слова:..... «*неряшливость автора* (т. е. моя) доходитъ до того, что онъ не составилъ оглавленія къ своему сочиненію и не обозначилъ каждую главу или лучше параграфа, наименованіемъ его содержанія». — Не надо даже сличать копіи г. Шпилевскаго (если, какъ увидимъ, это можно назвать копіей) съ оригиналомъ, чтобы не повѣрить, что такой серьезный и вообще ко мнѣ благосклонный рецензентъ, какъ А. Ѳ. Кистяковскій, могъ. сказать фразу, столь неумѣстно придирчивую. Не составить особаго (на отдѣльномъ листкѣ) оглавленія (ибо оглавленіе у меня находится въ предисловіи) — есть неслыханная вина, достойная названія неряшливости! Но предоставлю слово самому уважаемому рецензенту моему: «Коснувшись плана этого сочиненія, говоритъ А. Ѳ. Кистяковскій, мы не можемъ не сдѣлать автору упрека за то, что онъ не составилъ оглавленія къ своему сочиненію и не обозначилъ каждую главу, или лучше параграфъ, наименованіемъ ея содержанія. *Это дѣло третьестепенной или четырехстепенной важности*, но тѣмъ не менѣе и средство великаго удобства и облегченія для читателя пользованія сочиненіемъ. Въ послѣднее время *вообще* иногда по-

являются труды въ сто, двѣсти и болѣе страницъ *безъ раздѣленія на главы*, безъ заглавій и оглавленія. Это слѣдуетъ отнести къ нѣкоторой поспѣшности, *не скажу небрежности*, съ которой печатаются нѣкоторыя ученыя сочиненія новѣйшаго времени» (Стр. 374—375 Кіев. унив. Изв. 1677 г., № 11)[1]). —Итакъ, не только несоставленіе особаго оглавленія, но и выпускъ ученыхъ трудовъ вовсе безъ раздѣленія на главы и проч. А. Ѳ. Кистяковскій не рѣшается назвать *небрежностью*, а г. Шпилевскій рѣшился *приписать уважаемому ученому прямое обвиненіе меня въ неряшливости!* — Комментаріи излишни.

По поводу упрека г. Шпилевскаго *въ непропорціональности* или даже *излишествъ* частей моего сочиненія, упрека, произведеннаго въ формѣ ариѳметическаго дѣйствія, замѣчу, что на сколько нужна послѣдняя глава (историч. аргументація)— видно изъ предъидущаго объясненія, нужнаго, впрочемъ, только для г. Шпилевскаго, а не для прочитавшаго мою книгу (Ср. по этому поводу статью М. И. Малинина, «По поводу мнѣнія пр. Дювернуа»..., стр. 14); также не идутъ въ сумму, добытую г. Шпилевскимъ, и «безцѣльныя повторенія», которыя я будто-бы дѣлаю, — это не безцѣльныя повторенія, а, какъ объяснено выше, разсмотрѣніе *тѣхъ же*, правда, данныхъ, но *съ разныхъ* сторонъ, *съ разныхъ точекъ зрѣнія, сообразно ходу аргументаціи*. Итакъ, остается 60 страницъ, употребленныхъ на изложеніе *исходныхъ понятій*, необходимыхъ для изслѣдованія *спора*, и на *очеркъ* (краткій) *движенія спора въ жизни и наукѣ*. — Предоставляю читателю судить, на сколько вѣрно разрѣшена моимъ рецензентомъ заданная имъ себѣ ариѳметическая задача,—я же думаю, что на столько же, на сколько вѣрно мой ученый рецензентъ даетъ «справки» изъ чужихъ отзывовъ и приводитъ №№ непроцитированныхъ мною сочиненій.

Я подошелъ къ тому мѣсту отзыва г. Шпилевскаго, которое *въ истинно ученомъ* отзывѣ всегда является *существен-*

[1]) Всѣ курсивы какъ въ этой выпискѣ, такъ и въ предъидущей (изъ мнѣнія г. Шпилевскаго) принадлежатъ автору настоящаго разбора.

нѣйшимъ и *интереснѣйшимъ,* ибо даетъ возможность войти въ суть вопроса рецензируемой книги. Я говорю о критикѣ *значенія и доказанности выводовъ* рецензируемаго сочиненія. Какъ видно, г. Шпилевскій, такъ заботящійся о пропорціональности частей сочиненія и о доказанности заключеній, когда нужно упрекнуть *другаго,* и не подумалъ о примѣнимости этихъ упрековъ *къ нему самому.* Дѣйствительно, въ погонѣ за разными справками и выписками изъ отзывовъ другихъ и за №№ нецитированныхъ брошюръ, мой рецензентъ забылъ о необходимости серьезно отнестись къ обвиненіямъ меня въ томъ, что мои выводы «неновы», «бездоказательны» и «не могутъ имѣть никакого научнаго значенія», забылъ, что такія серьезныя обвиненія нуждаются въ серьезныхъ же доказательствахъ. Ибо какъ, въ самомъ дѣлѣ, я въ состояніи возражать, когда просто говорятъ: «ваши выводы неновы, недоказаны, ничтожны, преувеличены», *не только при этомъ недоказывая,* но и не *указывая опредѣленно, что̀* именно не доказано, *что̀* преувеличено и проч.?! Да, если уже сто̀ило читать въ совѣтѣ и писать отзывъ о моемъ сочиненіи *на цѣломъ почти печатномъ листѣ,* то странно тратить такъ много времени и мѣста на перечни, списки и проч., и быть столь скупымъ на слова при разсмотрѣніи самой *сути* дѣла, конечно, гораздо болѣе интересной и важной для высокоуважаемой коллегіи, слушавшей г. Шпилевскаго! Мало того, даже въ интересахъ г. Шпилевскаго было остановиться на этой сути, такъ какъ только такимъ образомъ можно доказать то, что хотѣлъ онъ доказать въ своемъ отзывѣ, — именно, что мой матеріалъ недостаточенъ, методъ негоденъ, система неудовлетворительна: всѣ эти недостатки, если существуютъ, то отражаются на доказанности и значеніи выводовъ. — Какъ бы то̀ ни было, а мой рецензентъ поступилъ иначе. И здѣсь онъ пытается взвалить ненавистный onus probandi на другое лицо, онъ хочетъ, чтобъ подъ его рѣзкими упреками подписался А. М. Богдановскій, — вообще благосклонный ко мнѣ рецензентъ. Ссылка по такому предмету на другое лицо развѣ тогда имѣла бы ка-

кое-нибудь значеніе, если-бы хоть въ отзывѣ послѣдняго были приведены какія-либо доказательства. А такихъ доказательствъ и въ отзывѣ А. М. Богдановскаго не имѣется не только для подтвержденія рѣзкихъ упрековъ г. Шпилевскаго, но даже и тѣхъ замѣчаній, которыя сдѣланы моимъ рецензентомъ-спеціалистомъ. То же, что сказано г. Шпилевскимъ отъ себя, ужъ никоимъ образомъ претендовать на значеніе доказательства не можетъ. Не доказательство, конечно, фраза: «стоитъ только.... прочесть, чтобы убѣдиться въ безполезности для науки предпринятаго авторомъ труда». Не доказательство, далѣе, и слѣдующая за этой фразой тирада, въ которой г. Шпилевскій, взявъ *одно изъ моихъ положеній* (болѣе всего къ изложенію рецензента подходитъ 3-й тезисъ), взываетъ къ читателю о безполезности моего труда. Здѣсь г. Шпилевскій намекаетъ, кажется, на то, о чемъ онъ говорилъ уже прежде (см. выше), — что безполезно тратить трудъ на личный споръ, уличеніе противниковъ въ подтасовкѣ. На это замѣчу, что это вовсе не единственная моя задача, ибо я доказываю, что шеффенгерихтъ, *кѣмъ бы* и *какъ бы* ни защищался, *въ самой основѣ* своей грѣшитъ *внутреннимъ противорѣчіемъ*, что этотъ институтъ нельзя никакимъ образомъ примирить съ лежащимъ въ его основѣ принципомъ раздѣленія труда, что рекомендовать шеффенгерихтъ *можно вообще*, *только* надѣясь на стушеваніе одного (непроф.) элемента (Ср. 2-й тез., стр. 166 и относ. къ нему мѣста текста дисс.). Далѣе, я выставляю *много еще другихъ положеній*, не имѣющихъ совсѣмъ характера личнаго спора, а напротивъ, спора по существу. (Ср. сказанное выше по поводу выписки изъ рецензіи г. Сергѣевскаго). Но допустимъ, что у меня дѣйствительно только одно положеніе и при томъ въ томъ видѣ, какъ оно приведено моимъ рецензентомъ. Такъ что же? Неужели, если я *раскрылъ дѣйствительную тенденцію*, скрытую въ аргументаціи такихъ признаваемыхъ и г. Шпилевскимъ авторитетовъ, какъ Цахаріэ, Гуго Мейеръ и др., то даже *этотъ* мой результатъ можетъ быть признанъ совершенно ничтожнымъ съ точки зрѣнія того, кто рѣшился внести посильную лепту въ

этотъ важный теоритически и практически *споръ* о сравнительномъ достоинствѣ двухъ институтовъ, изъ которыхъ одинъ признается «всемірнымъ»?! Въ концѣ тирады г. Шпилевскій добавляетъ, что результатъ мой не имѣетъ практическаго интереса для *русскаго* юриста. Такой взглядъ вполнѣ естественъ со стороны человѣка, не давшаго себѣ труда, какъ мы видѣли, познакомиться даже съ той частью рецензируемаго сочиненія (цитаты), которая была предметомъ его *самостоятельной* оцѣнки, его «дополненій» по части названій и перечисленій. О практической важности вопроса, мною изслѣдованнаго, и для русскаго юриста я говорилъ и въ предисловіи къ диссертаціи, и въ текстѣ, и даже въ этомъ отвѣтѣ,—потому распространяться здѣсь считаю лишнимъ. А если важенъ вопросъ, то важны и выводы, если они доказаны, конечно, и соотвѣтствуютъ вопросу. Правда, г. Шпилевскій отрицаетъ доказанность, но, какъ я говорилъ, совершенно бездоказательно и даже *не указывая, что̀* именно недоказано. А спорить при такихъ условіяхъ — значитъ перепечатать здѣсь всю диссертацію. Не удобно мнѣ также возражать и на упрекъ касательно *новизны.* Отмѣтивъ въ цитатахъ все позаимствованное, я даю возможность знающему дѣло судить, *что̀ принадлежитъ мнѣ и въ какой мѣрѣ.* Объясню здѣсь только, что не въ конечныхъ результатахъ столько, сколько *въ аргументаціи* могла проявиться самостоятельность автора такого сочиненія, какъ мое, ибо здѣсь дѣло идетъ о томъ, что̀ лучше—судъ прис. *или* шеффенгерихтъ,—и такъ какъ за оба эти учрежденія до меня высказалось много изслѣдователей.

Возражать-ли мнѣ наконецъ на *странныя* обвиненія г. Шпилевскаго въ несоотвѣтствіи заглавія содержанію моей книги, въ томъ что оно слишкомъ громко? Нѣтъ, употреблю любимые пріемы моего рецензента, скажу: «стоитъ только прочесть» настоящій отвѣтъ, рецензію проф. Кистяковскаго и мою диссертацію, чтобъ убѣдиться какъ-разъ въ противоположномъ.

Я покончилъ съ отзывомъ о диссертаціи и долженъ былъ бы перейти къ разбору мнѣнія г. Шпилевскаго о моихъ пробныхъ

лекціяхъ. Но здѣсь бездоказательность моего ученаго рецензента достигла своего апогея, здѣсь онъ превзошелъ самого себя въ прінсканіи такихъ красивыхъ эпитетовъ, какъ «безтолковость» и пр. А потому оставлю гарантировавшаго себя этимъ способомъ отъ всякихъ возраженій г. Шпилевскаго и разсмотрю отзывъ о моихъ лекціяхъ, принадлежащій перу профессора Дювернуа.

II.

По поводу первой моей лекціи — о преданіи суду въ обвинительномъ процессѣ, г. Дювернуа упрекаетъ меня въ томъ, что я не знакомлю «ни съ содержаніемъ, ни съ послѣдствіемъ преданія суду», что «прослушавъ лекцію, нельзя не спросить— что же такое преданіе суду? Что содержитъ въ себѣ этотъ актъ? Какія юридическія послѣдствія ему свойственны»?

Если г. Дювернуа писалъ выписанную сейчасъ тираду только на основаніи выслушаннаго, то это доказываетъ или то, что онъ былъ невнимателенъ на лекціи, или—что память ему измѣнила. Если же онъ даже читалъ мою лекцію въ печати— къ чему я ему далъ полную возможность[1]) — то онъ по справедливости можетъ быть отнесенъ къ разряду тѣхъ читателей, которые, по словамъ его учителя, Р. фонъ-Іеринга, «wenn sie am Ende derselben (т. е. der Schrift) angelangt sind, nicht mehr wissen, was sie vorne gelesen haben» (der Zweck im Recht, стр. 81 прим.). Въ самомъ дѣлѣ, *достигнувъ послѣдней страницы лекціи, г. Дювернуа, какъ видно, забылъ, что на 2-й стран. отдѣльн. печатнаго оттиска ея (лекціи) содержится и опредѣленіе преданія суду, и указаніе его юридическихъ послѣдствій*. Мало того, тамъ у меня объяснена даже *цѣль, идея* этой процедуры. Не буду перепечатывать здѣсь этого мѣста лекціи, — и безъ того мой настоящій отвѣтъ слишкомъ объемистъ,—скажу только, что сообщенное мною опредѣленіе есть именно то, какое дается такими учеными, какъ

[1]) Мои пробныя лекціи, читанныя 3 и 8 марта 1880 г., въ томъ же мѣсяцѣ напечатаны въ одной изъ мѣстныхъ газетъ (въ «Правдѣ»).

Цахаріэ, Планкъ, Глазеръ и др. Впрочемъ, опредѣленіе преданія суду не представляетъ затрудненій, какъ и опредѣленіе, напр., что такое судебное слѣдствіе и проч. Не въ понятіи о преданіи суду встрѣчается трудность, *а въ организаціи* этой процедуры согласно признаннымъ нынѣ принципамъ процесса, глав. обр. согласно обвинит. началу. Это отношеніе процедуры преданія суду къ обвинит. принципу и заняло ученыхъ новѣйшаго времени, которые пришли къ результатамъ, нашедшимъ свое осуществленіе въ одномъ изъ лучшихъ новѣйшихъ законодательствъ—австрійскомъ уставѣ уг. суд. 23 мая 1873 г. Разъясненіе этого-то отношенія процедуры преданія суду къ обвинит. принципу при посредствѣ *критическаго* обозрѣнія всѣхъ главнѣйшихъ законодательствъ европейскихъ по этому предмету и было предметомъ моей лекціи (ср. стр. 1 отд. печ. отт.) А господину Дювернуа угодно было назвать это соображеніями «самаго общаго характера»! Это произошло, очевидно, оттого, что самъ проф. Дювернуа имѣетъ о вопросѣ моей лекціи представленія «самаго общаго характера», не идущія далѣе смутныхъ понятій о томъ, что такое преданіе суду. Въ слѣдующей фразѣ г. Дювернуа удивляется результату, къ которому я пришелъ, удивляется «легкости заключенія», которая, какъ онъ думаетъ, «не свидѣтельствуетъ въ пользу серьезности взгляда на одну изъ важнѣйшихъ задачъ уголов. правосудія». Да будетъ позволено и мнѣ, въ свою очередь, думать и удивляться не только незнанію г. Дювернуа вопроса, мною изложеннаго, но и невнимательному чтенію моей лекціи. Въ самомъ дѣлѣ, безъ такого незнанія и невниманія, г. Дювернуа не приписалъ бы мнѣ вовсе *незаслуженной мною чести* высказывать самостоятельно взглядъ, нашедшій свое выраженіе въ изслѣдованіяхъ лучшихъ процессуалистовъ, каковы Глазеръ и др., взглядъ, даже осуществленный *въ жизни* (австр. уст. уг. суд. 23 мая 1873 г., шотландское и отчасти англ. законодательства). Г. Дювернуа обнаруживаетъ при этомъ пріемы, совершенно противоположные пріемамъ г. Шпилевскаго: въ то время какъ послѣдній зарывается, такъ сказать, въ нижній этажъ, въ под-

валъ сочиненія, г. Дювернуа вовсе не обращаетъ вниманія на цитаты, а прогуливается около вывѣски, заглавія. А если бы онъ взглянулъ на мои ссылки, то увидѣлъ бы, что, не считая себя обязаннымъ на всякую, заданную мнѣ тему дѣлать открытія, я, на основаніи изложенныхъ въ лекціи аргументовъ, присоединяюсь къ взглядамъ *цитированныхъ въ моей лекціи* ученыхъ и законодательствъ Мнѣ принадлежитъ только, чего я и не скрываю, группировка и сведеніе главнѣйшаго научнаго и законодательнаго матеріала по вопросу о преданіи суду съ цѣлью разъяснить связь и отношеніе этого момента процесса къ обвинит. началу, съ цѣлью провѣрки на сколько послѣднее находитъ свое признаніе въ наукѣ и законодательствахъ, въ томъ числѣ и въ русскомъ.

Г. Дювернуа далѣе упрекаетъ меня въ невыясненіи разницы между актомъ преданія суду и приговоромъ по существу. Этотъ упрекъ опять-таки объясняется тѣмъ «liederliches Lesen und Denken», о которомъ говоритъ его учитель въ цитированномъ выше мѣстѣ. Да въ чемъ же заключается опредѣленіе преданія суда, данное мною на 2-й стр., какъ не въ констатированіи этой разницы?! Да *ради чего* я присоединился къ неправящемуся господину Дювернуа взгляду на преданіе суду, какъ *не ради оттѣненія этой разницы* между этимъ моментомъ процесса и судебнымъ слѣдствіемъ, ведущимъ къ приговору о виновности?! Вѣдь я же говорю въ лекціи, что опредѣленіе о преданіи суду, есть только *промежуточный интерлокутъ*, цѣль котораго только въ томъ, чтобы рѣшить нужно-ли произвести судебное слѣдствіе, ведущее къ приговору о виновности (Ср. стр. 2 лекціи)! Вѣдь я же провожу эту разницу и *въ принципахъ*, господствующихъ надъ названными стадіями процесса (Ср. стр. 10 и 11 лекціи)!—Нельзя-ли послѣ этого примѣнить къ г. Дювернуа словъ Іеринга о тѣхъ критикахъ, которые «sich herausnehmen, eine Schrift zu *beurtheilen*, die nicht *lesen* können»?

Вообще напрасно г. Дювернуа силится выставить меня человѣкомъ, легко относящимся къ важной процедурѣ преданія

суду. Вѣдь *въ томъ же мѣстѣ*, откуда рецензентъ выдернулъ два слова, я говорю о важности этого момента процесса (стр. 10 л.). Кромѣ того, аргументированныя мною положенія вовсе не клонятся къ признанію преданія суду вещью лишнею, напротивъ, *въ извѣстной организаціи* я считаю эту процедуру *необходимой* и *въ строго-обвинительномъ* процессѣ (ср. 2 стр. лекціи). Я только нахожу ее излишней (и здѣсь я согласенъ съ такими учеными, какъ Глазеръ, Гейнце и др) въ томъ случаѣ, когда обѣ стороны (обвинитель и обвиняемый) согласны на скорѣйшее окончаніе дѣла приговоромъ по существу (стр. 10 л.). Кромѣ того, на основаніи развитыхъ мною на 11—12 стр. соображеній, я склоняюсь къ принятому *положительнымъ правомъ* Австрія, Англіи и Шотландіи порядку, по которому заключенія прокуроровъ о прекращеніи преслѣдованія, при извѣстныхъ условіяхъ, изъемлются изъ вѣдѣнія обвинит. камеры. Вотъ и все мое неслыханное новаторство и прожектерство! Не моя вина, что въ пылу исканія доказательствъ моего прожектерства ученый рецензентъ мой неосторожно обличилъ всю степень своего незнанія положенія вопроса въ наукѣ и положит. правѣ.

Что касается *второй* моей лекціи (аппелл. производство въ дѣлахъ уголовныхъ съ точки зрѣнія принципа непосредственности), то упреки ей г. Дювернуа начинаетъ съ указанія на необъятность темы, хотя *ограниченіе* ея я дѣлаю *самъ* и притомъ *въ заглавіи* лекціи. Правда, по поводу этого ограниченія г. Дювернуа замѣчаетъ, что точка зрѣнія, съ которой я разсматриваю аппелляцію, наименѣе свойственна предмету и такая, при которой, какъ онъ говоритъ, можно въ нѣсколько минутъ порѣшить и съ этимъ обширнымъ отдѣломъ науки угол. процесса.—По этому случаю совѣтую господину Дювернуа, по моему указанію въ лекціи (стр. 3, прим. 13), раскрыть классическій трактатъ Цахаріэ на 594—596 стр. II тома, если ужь онъ (г. Д.) окончательно игнорируетъ развитые мною въ лекціи доводы касательно связи, близкаго отношенія вопроса объ аппелляціи съ принципомъ непосредственности (устности).

Сказавъ, что противъ обжалованія правовой части приговора ничего нельзя возразить при какой угодно организаціи процесса, Цахаріэ замѣчаетъ, что не то по отношенію *къ фактической*. Затѣмъ Цахаріэ перечисляетъ различія, неимѣющія никаго значенія при рѣшеніи вопраса о допустимости аппелляціи, какъ средства обжалованія фактич. стороны приговора. Наконецъ, на 596 стр., онъ указываетъ настоящій, рѣшительный моментъ для разрѣшенія этого вопроса, — это принципы письменности или *устности* (непосредственности): «allein in der Schriftlichkeit oder Mündlichkeit des Verfahrens das *entscheidende Moment* für ihre (т. е. der Frage) Lösung», говоритъ Цахаріэ. А вотъ что говоритъ другой авторитетъ по угол. процессу: «Inwieweit eine Anfechtung der Entscheidung über die Thatfrage zu gestatten sei, darüber gehen die Ansichten der Gesetze auseinander. Die Schwierigkeit liegt nicht in der Aufgabe der Obergerichte, *sondern in dem nach dem Grundsatz der Mündlichkeit* gestalteten Verfahren vor dem Untergericht» (Planck, Syst. Darstell des d. Strafverfahrens, стр. 562 — 563). Я бы могъ до безконечности увеличивать подобныя выписки, но думаю, что и сдѣланныхъ достаточно, чтобы убѣдиться въ абсолютномъ незнакомствѣ профессора Дювернуа съ постановкой въ современной наукѣ вопроса о важномъ институтѣ аппелляціи.

Господина Дювернуа удивляетъ далѣе результатъ, къ которому я пришелъ въ своей лекціи по отношенію къ аппелляціи; онъ считаетъ мое отношеніе къ этому институту «чистѣйшимъ произволомъ», — видно, онъ въ первый разъ услышалъ отъ меня, что, какъ средство обжалованія факта, аппелляція *не при всякихъ условіяхъ* можетъ быть рекомендована. Если бы этотъ взглядъ находилъ своихъ представителей только между криминалистами-процессуалистами, то такое удивленіе этому новому взгляду со стороны профессора римскаго права до нѣкоторой степени было бы понятно и извинительно. Но какъ объяснить это удивленіе г. Дювернуа, если допустить, что онъ читалъ знаменитое сочиненіе своего учителя, Рудольфа фонъ-

Іеринга, гдѣ, на стр. 392, встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: «*bei ausreichend besetzten Collegialgerichten ist eine zweite Instanz kaum von Nöthen*, beim Einzelrichter sollte sie nie versagt werden» (der Zweck im Recht), или, выражаясь общѣе, — аппелляція едва-ли полезна *абсолютно*, *при всякихъ условіяхъ*.

Къ условіямъ, при которыхъ безъ аппелляціи можно обойтись, кромѣ коллегіальности, болѣе осторожные процессуалисты относятъ вообще хорошую, согласную признаннымъ въ настоящее время принципамъ, организацію самаго *производства* на судѣ 1-й степени. Вотъ тѣ *условія*, при которыхъ *не я одинъ*, а такіе извѣстные авторитеты, какъ Цахаріэ, Планкъ, Вальтеръ, Марквардсенъ, Глазеръ, Типпельскирхъ и мн. др., считаютъ обжалованіе *фактической* стороны приговора не нужнымъ (ср. стр. 3 и 8 моей лекціи); при этихъ же условіяхъ аппелляція, какъ обжалованіе факта, устранена и въ положительныхъ законодательствахъ Австріи и Германіи, въ размѣрахъ, указанныхъ въ моей лекціи (стр. 9). Вотъ смыслъ того моего выраженія, за которое ухватился г. Дювернуа и которое гласитъ, что «зерно сомнѣнія въ абсолютной пользѣ аппелляціи дало плоды и въ жизни, и въ наукѣ» (стр. 3). Напрасно г. Дювернуа силится вычитать изъ него смыслъ, дѣлающій самое выраженіе немыслимымъ въ устахъ юриста, — смыслъ этого выраженія, разъясненный достаточно въ самой лекціи (ср. стр. 8, 10 и др.), понятенъ *даже* и для *не-юриста*.

Дальнѣйшая тирада господина Дювернуа, въ которой *мнѣ* поставлено въ вину, что «въ двѣ лекціи» я «порѣшилъ такимъ образомъ съ двумя тысячелѣтними учрежденіями», очевидно, разсчитана на консервативныя чувства его слушателей. Какъ мы видѣли, это и дальнѣйшее, болѣе категорическое обвиненіе меня въ прожектерствѣ въ корнѣ своемъ имѣетъ невѣдѣніе профессора Дювернуа, что съ этими институтами, въ указанномъ смыслѣ и при означенныхъ выше условіяхъ, порѣшилъ *не я* лично, а *наука и жизнь* тѣхъ именно просвѣщенныхъ странъ, куда посылаетъ меня въ концѣ мнѣнія самъ же

г. Дювернуа: я говорю объ Австріи и *Германіи* относительно аппелляціи и о Шотландіи, Австріи и отчасти Англіи — по отношенію къ процедурѣ преданія суду. Да, не «проекты» я предлагалъ на лекціяхъ, а изложеніе положенія двухъ интересныхъ и важныхъ вопросовъ уголовно-процессуальнаго права въ современной наукѣ и законодательствахъ, что ясно видно и изъ текста лекцій, и изъ цитатъ. — Само собою, слѣдовательно, рушится то объясненіе впечатлѣнія, произведеннаго на господина Дювернуа моими скромными трудами, которое онъ даетъ въ концѣ своего мнѣнія и которое покоится на воображаемомъ имъ прожектерствѣ. А вотъ болѣе, если хотите, вѣроятныя причины впечатлѣній профессора Дювернуа: 1) *незнакомство* съ вопросами, бывшими предметомъ моихъ трудовъ (касательно отзыва г. Дювернуа о диссертаціи это доказано проф. М. И. Малининымъ) и 2) — тотъ *способъ чтенія* обсуждаемаго сочиненія, о которомъ говоритъ учитель профессора Дювернуа въ цитированномъ въ настоящемъ отвѣтѣ мѣстѣ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стр. 509. Строка 11 сверху	*сколько*	*столько*
» 510. » 2 снизу	амѣненнымъ	замѣненнымъ
» 515. » 15 »	послѣ слова Цахаріэ слѣдуетъ запятая.	

ПОПРАВКА.

Вмѣсто словъ: «*на сколько могутъ*» (стр. 9, строка 12 сверху) слѣдуетъ читать: «*на сколько мало могутъ*».

III. Приложеніе.

АДАТЫ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

МАТЕРІАЛЫ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ

СѢВЕРНАГО и ВОСТОЧНАГО КАВКАЗА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Предисловіе. — Отдѣлъ I. Переписка Кавказскаго горскаго управленія по собиранію свѣдѣній объ адатахъ. — Отдѣлъ II. Адаты черкесъ бывшей Черноморской линіи. — Отдѣлъ III. Адаты черкесъ Кубанской области. — Отдѣлъ IV. Адаты горцевъ Терской области — кабардинцевъ и малкарцевъ.

Ѳ. И. Леонтовича

орд. проф. н. нов. ун.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Матеріалы по обычному праву кавказскихъ горцевъ, обнародываемые въ настоящемъ изданіи, извлечены изъ собранія рукописей, недавно подареннаго Новороссійскому университету І. В. Бентковскимъ, г. секретаремъ Ставропольскаго статистическаго комитета. Собраніе это состоитъ изъ двухъ объемистыхъ фоліантовъ рукописей. Въ первомъ изъ нихъ заключаются документы, въ подлинникахъ или оффиціальныхъ копіяхъ, относящіеся къ перепискѣ кавказскаго горскаго управленія по предпринятому имъ въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія собиранію свѣдѣній объ адатахъ, и затѣмъ 15-ть отдѣльныхъ тетрадей, или сборниковъ (тѣхъ же годовъ) адатовъ горцевъ сѣвернаго Кавказа — черкесъ, малкарцевъ, осетинъ, чеченцевъ и кумыковъ. Второй томъ рукописей содержитъ 12 сборниковъ (60-хъ годовъ) адатовъ горцевъ Терской и Дагестанской областей. Въ «Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ», изд. кавк. горскимъ управленіемъ, помѣщены въ неполномъ составѣ пять сборниковъ 60-хъ годовъ, именно сборники адатовъ округовъ Кумыкскаго, Даргинскаго, Кюринскаго, Кайтаго-Табасаранскаго и Самурскаго. Кромѣ того, въ приложеніи къ статьѣ В. Пфафа: «Народное право осетинъ» (см. І. т. «Сборника свѣд. о Кавказѣ», изд. кавк. статист. комитетомъ), изданъ сборникъ осетинскихъ адатовъ 1859 г. Что касается сборниковъ 40-хъ годовъ, то въ печати извѣстны были до сихъ поръ только извлеченія изъ «Описанія гражданскаго быта чеченцевъ» Фрейтага (1843 г.), помѣщенныя въ

статьяхъ Иванова «Чечня» (Москвит. 1851 № 19) и Берже «Чечня и Чеченцы» (Тифл. 1859). Остальные сборники 40-хъ и 60-хъ годовъ впервые появляются въ печати въ нашемъ изданіи рукописей І. В. Бентковскаго.

Мы предпринимаемъ настоящее изданіе, въ виду несомнѣнной важности обычно-правовыхъ матеріаловъ по такому мало разработанному у насъ вопросу, какъ инородческое право южно-русскихъ окраинъ. Издаваемые нами сборники кавказскихъ адатовъ, составленные на основаніи показаній самихъ туземцевъ (почетныхъ стариковъ), даютъ возможность ближайшаго ознакомленія съ правовымъ бытомъ цѣлаго ряда племенъ, населяющихъ сѣверный и восточный Кавказъ, и въ особенности представляютъ не маловажный научный интересъ для сравнительнаго правовѣдѣнія. Въ обычномъ правѣ кавказскихъ горцевъ, въ большинствѣ стоящихъ на низкихъ ступеняхъ общественнаго развитія, сохранилось не мало институтовъ глубокой старины, по своему происхожденію и характеру принадлежащихъ къ такимъ явленіямъ общественной культуры, которыя на первыхъ порахъ встрѣчались въ исторіи всѣхъ народовъ. Въ особенности обычное право осетинъ, принадлежащихъ къ семьѣ арійскихъ народовъ, представляетъ капитальный интересъ въ отношеніи къ изученію древнѣйшихъ эпохъ въ исторіи права славянъ, германцевъ и другихъ народовъ арійскаго корня. Адаты осетинъ, какъ и другихъ кавказскихъ горцевъ, записанные старыми путешественниками и бытописателями горцевъ и большею частью сохранявшіеся у нихъ еще въ то время, когда составлялись издаваемые нами сборники кавказскихъ адатовъ 40 — 60-хъ годовъ, нерѣдко цѣликомъ напоминаютъ многіе институты древняго германскаго или славянскаго права, — институты, о какихъ говорятъ еще древніе историки и бытописатели славянъ и германцевъ и какіе сохранялись напр. въ Русской Правдѣ, leges barbarorum и пр. Вообще нужно замѣтить, что, судя по всему складу и характеру общественной и правовой жизни кавказскихъ горцевъ, какъ она воспроизводится въ адатахъ, записанныхъ въ издаваемыхъ нами сбор-

никахъ, кавказскихъ горцевъ слѣдуетъ причислять къ народностей, стоящихъ по своему общественному развитi переходной ступени отъ кочеваго къ осѣдло-общинному и удерживающихъ, рядомъ съ институтами, развившимис почвѣ позднѣйшей, осѣдлой культуры, многiе остатки отъ вобытнаго хищническаго быта кочевыхъ родовъ и плел Дѣйствительно, какъ показываетъ изученiе адатовъ ка скихъ горцевъ, у нихъ доселѣ не изчезли старыя род формы и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе прочно утверди и развились всѣ типическiя явленiя быта осѣдлой, терри альной общины—«джамаата» кавказскихъ горцевъ, рѣзко личающагося отъ ихъ «тухума» (рода) и пр. Кромѣ так повсемѣстно распространенныхъ у кавказскихъ горцевъ, ин тутовъ, какъ родовое кровомщенiе или хищничество, под жившее между горцами до новѣйшихъ временъ архаиче воззрѣнiя на имущественныя правонарушенiя (грабежъ и во ство—племенная «доблесть» между горцами и пр.), изсл ватель встрѣчаетъ въ адатахъ кавказскихъ не мало «пер ванiй» отъ древнѣйшихъ эпохъ въ исторiи горцевъ, когд нихъ господствовали въ полной силѣ такiя начала древн шей культуры, какъ утробное родство (когнатство), матерни или первобытныя брачныя формы, наприм. семейная поліанд религiозная и бытовая проституцiя и т. п. Начало специал го изслѣдованiя древнѣйшихъ формъ быта кавказскихъ гор положено послѣдними работами В. Сокольскаго («Архаиче формы семейной организацiи у кавк. горцевъ», въ Жур. М Пр. 1881, ноябрь) и С. Егiазарянца («Бракъ у кавк. цевъ», въ Юрид. Вѣстн. 1878, iюнь—iюль). Но работы э изслѣдователей далеко не обнимаютъ всего богатства данн записанныхъ старыми бытописателями горцевъ, каковы нап Интерiано, Олеарiй, де-Лука, Ламберти и др.[1]), и въ изд

[1]) У Интерiано, наприм., встрѣчаемъ описанiе черкескихъ обы погребальной проституцiи напоминающихъ обычаи руссовъ X вѣка. См., Рус. Геогр. Общ. 1869, II, 737. У абхазцевъ и абазинъ похоронный

емыхъ нами сборникахъ кавказскихъ адатовъ, въ которыхъ найдется не мало данныхъ, относящихся къ вопросу объ «архаическихъ формахъ» горскаго быта кавказцевъ. Отсюда явствуетъ само собою, что изученіе кавказскихъ адатовъ важно не только въ практическихъ видахъ ознакомленія съ современнымъ бытомъ цѣлаго ряда горскихъ племенъ, играющихъ немаловажную роль на южныхъ окраинахъ Россіи, но и въ чисто научныхъ интересахъ выясненія общихъ, коренныхъ законовъ развитія правовыхъ идей и институтовъ.

Прежде разбора имѣющихся въ нашемъ рукописномъ собраніи данныхъ относительно исторіи составленія издаваемыхъ нами сборниковъ кавказскихъ адатовъ, считаемъ не безполезнымъ изложить нѣсколько замѣчаній объ адатахъ вообще, на основаніи свѣдѣній, извлеченныхъ частію изъ существующихъ изслѣдованій о кавказскихъ горцахъ, частію изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи рукописныхъ матеріаловъ.

Общимъ названіемъ народныхъ обычаевъ у всѣхъ кавказскихъ горцевъ служитъ *адатъ*. Терминъ этотъ арабскаго происхожденія и въ употребленіи на всемъ мусульманскомъ востокѣ. У кавказскихъ горцевъ есть, кромѣ того, свои мѣстныя названія обычая. Такъ, у аваръ обычай называется *батль*, у кумыковъ *ольгу*—собственно судебный обычай, прилагаемый къ рѣшенію дѣлъ («ольгу» — буквально «образецъ, выкройка»); чеченцы называютъ свои правовые обычаи *эдиль* или *адиль*, осетины — *арьдау* [1]). Въ источникахъ адатъ употребляется въ

ризмъ практиковался еще въ недавнее время; у осетинъ и ингушей есть досел҄ѣ слѣды стараго института умерщвленія вдовъ. См. Кавказъ 1846 № 30; 1869 № 13.

[1]) См. «Адаты» А. В. Макарова (Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ I, 73); «Чеченское племя» Лаудаева (тамъ же VI, 25); «Матеріалы для исторіи мусульманскаго права» Исарлова (Кавказъ 1875 № 54). См. ниже, IV отдѣлъ нашего сборника, «свѣдѣнія объ адатѣ, или судѣ по обычаямъ кавк. горцевъ Владикавк. округа», Норденстренга, 1844 г., гл. II, — здѣсь адатъ чеченцевъ названъ *адель*, осетинъ—*арьдау*. Послѣдній терминъ несомнѣнно происходитъ отъ одного и того же праарійскаго корня, какъ и латин. *ordo*, фр. *l'ordre*, нѣм. *Ordnung* или древнеславян. и русскій *рядъ* (нарядъ, порядъ и пр.). Въ

различныхъ значеніяхъ. Общимъ, родовымъ понятіемъ а;
нужно считать *обычай*, живущій въ народномъ преданіи.
«собранія кабардинскихъ древнихъ обрядовъ» кн. Голиц
(1844 г.) подъ адатами разумѣются «древніе обычаи, к
рыми управляются всѣ народныя дѣла» (гл. 4) Тоже сі
значеніе дается адату въ сборникахъ черкесъ черноморск
и кубанскихъ, кумыковъ, осетинъ и чеченцевъ [1]), какъ и
документахъ 40-хъ годовъ по собиранію свѣдѣній объ ;
тахъ кавказскихъ горцевъ [2]).

Другое значеніе адата возводится къ *суду*, или лучш
способамъ разбирательства судебныхъ дѣлъ. Въ этомъ смы
адатъ—«судъ по обычаямъ или обрядамъ», противополага
въ источникахъ шаріату — суду по мусульманскимъ законя
Въ запискѣ 1841 г., въ которой впервые возбужденъ б
вопросъ о собираніи свѣдѣній объ адатахъ, говорится
адатѣ въ смыслѣ, «суда, основаннаго на обычаяхъ» и пр
вополагающагося шаріату—суду по Алкорану [3]). Точно та
въ сборникѣ адатовъ Владикавказскихъ горцевъ (осетин
чеченцевъ) 1844 г. говорится объ адатѣ, какъ о судѣ, «
сматривающемъ всѣ дѣла, происходящія отъ несогласія ме
членами общества», и «опредѣляющемъ наказаніе за всяк

другомъ мѣстѣ мы показали, что по старымъ русскимъ памятникамъ «р
означалъ тоже, что и «обычай» (см. «Задружно-общин. характеръ по
быта древн. Россіи», въ Жур. Мин. Пр. т. 174, стр. 219 — 224).

[1]) См. «Собраніе свѣдѣній» объ адатахъ черкесъ Черноморской ли
Кучерова, 1845 г., § 63, примѣчаніе; «Этнографич. очеркъ черкескаго наро
бар. Сталя, 1849 года, гл. II («народы черкеские управлялись искони сво
древними обычаями, изустнымъ преданіемъ переходившими изъ рода въ р
Совокупность обычаевъ каждаго народа, служащая ему правиломъ для се
ной и общественной жизни, называется *адатомъ* или *адетомъ*»); Сборн.
товъ кумыковъ 1844 гл. II, и сборникъ 1865, вступленіе; сборн. ада
Владикавк. округа 1844, II. ст. 2; «Свѣдѣнія по программѣ» объ адат
чеченцевъ, Фрейтага, 1843, гл. 31 (адатъ есть «сводъ обычаевъ или закон
передаваемыхъ через преданія»).

[2]) Въ докладной запискѣ 1842 г. подъ адатами разумѣются «народ
обычаи, существовавшие у горцевъ до введенія магометанской вѣры».
ниже, въ I отдѣлѣ документъ № 2.

[3]) См. отдѣлъ I, документы № 1 и 13.

рода преступленіе» (гл. II, ст. 1). По опредѣленію сборника Фрейтага 1843 г., «адатъ есть судъ по нѣкоторымъ принятымъ правиламъ или законамъ, установленнымъ обычаемъ и освященнымъ давностію» (гл. 2). Въ сводѣ адатовъ Ольшевскаго 1847 г. такъ опредѣляется значеніе адата: «это есть судъ посредническій, лишенный большею частію средствъ понудительныхъ» и пр. (гл. I). Подобное же значеніе дается адату въ сборникахъ 60-хъ годовъ[1]).

Есть еще третье значеніе адата по источникамъ. Въ правѣ мусульманскихъ народовъ адатъ противополагается не только шаріату (какъ мѣстный обычай или преданіе общему преданію мусульманъ), но и общему государственному закону, какъ *законъ мѣстный*, имѣющій обязательное дѣйствіе лишь въ данной мѣстности, по внутреннимъ дѣламъ данной общины или народа. Таково именно значеніе у восточныхъ мусульманъ адата — мѣстнаго закона, въ отношеніи къ «ираде» и вообще законамъ верховнаго главы государства[2]). Значеніе закона пріобрѣталъ адатъ и на Кавказѣ, въ особенности тамъ, гдѣ, вмѣстѣ съ раннимъ упроченіемъ ислама, началось съ давнихъ временъ кодифицированіе обычнаго права, составленіе изъ обычаевъ, жившихъ въ народномъ преданіи, письменныхъ сборниковъ: адаты, разъ записанные въ сборники, при дальнѣйшемъ примѣненіи въ судебной практикѣ, превращались въ строго—обязательные «законы». Такъ именно было въ Дагестанѣ, гдѣ, благодаря арабскимъ вліяніямъ, исламъ являлся господствующимъ уже въ VIII вѣкѣ, и гдѣ мѣстные адаты стали кодифицироваться еще въ XI вѣкѣ и затѣмъ до позднѣйшаго времени удерживали значеніе дѣйствующихъ законовъ

---

[1]) Наприм., въ сборникахъ Нагорнаго (1864 г.) и Кумыкскаго (1865 г.) округовъ находимъ такое опредѣленіе: «адатъ—судъ по обычаямъ, шаріатъ — судъ духовный». См вступленіе въ сборники.

[2]) По словамъ Исарлова, «адаты. какъ мѣстные законы въ мусульманскихъ государствахъ и завоеванныхъ странахъ. всегда сохраняли къ себѣ уваженіе и неприкосновенность и служили руководствомъ при разборѣ дѣлъ мѣстнаго населенія». См. Матеріалы для исторіи мусульм. права, въ Кавк. 1875 № 54.

въ мѣстныхъ общинахъ[1]). Въ настоящее время адатъ упот
ляется въ Дагестанѣ въ смыслѣ «закона, постановленія
Понимая адаты въ смыслѣ законовъ, мѣстные источники г
рятъ объ измѣненіи, дополненіи и пересмотрѣ «адатовъ»
введеніи «новыхъ адатовъ», храненіи ихъ въ народныхъ
дахъ, о «чтеніи» адатовъ при разбирательствѣ дѣлъ, на с
кахъ и пр.[3]).

Источники даютъ рядъ любопытныхъ указаній на *про
хожденіе* адата и формы его образованія и развитія. Главн
органомъ образованія адата кавказскихъ горцевъ изстари
лялось *третейство, мировой судъ посредниковъ.* Мировое
бирательство дѣлъ, «происходящихъ отъ несогласія между
нами общества», служило преобладающимъ источникомъ
скихъ адатовъ. «Судъ посредниковъ, не находя въ ад
установленій на новые случаи, долженъ произносить рѣш
еще небывалыя, хотя и примѣняющіяся къ общему духу ад
Для рѣшеній подобнаго рода обыкновенно приглашаются лк
свѣдущіе въ народныхъ обычаяхъ, и старики, которые мо
сохранить въ своей памяти какіе нибудь случаи, похожіе
разбираемый. Постановленное такимъ образомъ рѣшеніе на
вается *маслагатомъ.* Маслагатъ, повторенный потомъ въ
гихъ подобныхъ же случаяхъ, присоединяется къ общей ма
народныхъ обычаевъ и окончательно обращается въ адатъ»

---

[1]) Такъ было, наприм., съ сборниками дагестанскихъ адатовъ, со
ленными въ XI в. Омаръ-ханомъ или въ XII в. Рустемъ-ханомъ: сбор
эти до послѣдняго времени не потеряли своего дѣйствія въ нѣкоторыхъ
щинахъ дагестанскихъ горцевъ. См. ниже, подробное разсмотрѣніе сборник

[2]) См. Адаты Макарова, въ Сборн. свѣд. о Кавк. горцахъ I, 73.

[3]) См. «Среди горцевъ сѣвернаго Дагестана» Амирова (сборн. с
кавк. горц. VII, 39, 40); Адаты Макарова 9, 11 и пр. Ср. ниже сбор
адатовъ малкарцевъ 1844 гл. IV, ст. 29; сборн. адатовъ осетинъ 1859 г
— Аналогическія явленія замѣчаемъ и въ исторіи славянскаго и русс
права: подобно кавказскому адату, славянская «правда» имѣла значеніе
вовыхъ обычаевъ, суда (по серб. Законнику XV в. «поити къ правдѣ»
чило обратиться къ суду) и устава, закона (Русская Правда).

[4]) См. «о политич. устройствѣ черкескихъ племенъ, населяющихъ
веро-восточный берегъ Чернаго моря», Карлгофа. Русск. Вѣст. 1860, J
стр. 529.

Значеніе маслагата, какъ первичной формы образованія адатовъ, видно изъ всѣхъ показаній мѣстныхъ источниковъ, — у всѣхъ кавказскихъ горцевъ маслагатъ, какъ «мировая сдѣлка, соглашеніе», въ случаяхъ, не рѣшаемыхъ существующимъ адатомъ, является первичной стадіей въ процессѣ образованія адатовъ. Въ этомъ отношеніи маслагатъ (миръ, мировая сдѣлка, нашъ древній «рядъ») и разбирательство дѣлъ по маслагату, или «маслагатное разбирательство», по исконному обычаю горцевъ, пользуются у нихъ такимъ же правомъ гражданства, какъ и адатъ и адатное разбирательство дѣлъ. Такимъ образомъ, у дагестанскихъ горцевъ «средину» между судомъ по адату и судомъ по шаріату (духовнымъ законамъ мусульманъ) занимаетъ рѣшеніе дѣлъ по маслагату, т. е. мировой сдѣлкѣ, при пособіи посредниковъ, избиравшихъ сторонами [1]). Процессуальные обычаи дагестанскихъ горцевъ требуютъ, чтобы къ разбирательству дѣлъ по адату судъ приступалъ только послѣ «совѣта помириться» (маслагата)[2]). Путемъ маслагатнаго разбирательства разрѣшались у кавказскихъ горцевъ не только тяжбы и споры между отдѣльными лицами, но и враждебныя столкновенія общинъ и цѣлыхъ племенъ. По обычаямъ кубанскихъ черкесъ, «когда враждующія племена желаютъ помириться, то высылаютъ посредниковъ, которые заключаютъ между враждующими сторонами маслагатъ, чтобы жить мирно между собою и совокупными усиліями дѣйствовать противъ общаго врага»[3]).

---

[1]) См. Адаты Макарова, 6.

[2]) По наблюденію Пржецлавскаго, каждая жалоба или тяжба у дагестанцевъ первоначально поступаетъ на рѣшеніе сходки (джамаата) сельскихъ старшинъ и почетныхъ стариковъ и только въ томъ случаѣ, если они сами не успѣютъ примирить тяжущихся, установить между ними маслагатъ, дѣло переходитъ къ наибу. См. «Дагестанъ, его нравы и обычаи», въ Вѣст. Евр. 1867, Сент., 179.

[3]) См. ниже, III отдѣлъ, адаты кубанскихъ горцевъ, бар. Сталя, 1819, гл. II. Авторъ затѣмъ прибавляетъ, что самъ по себѣ «маслахатъ, какъ и всякій договоръ, есть мѣра временная и теряетъ свою важность и обязательную силу съ измѣненіемъ обстоятельствъ». — На югѣ точно также столкновенія пограничныхъ жителей Закавказскихъ областей съ персами и пр. разбираются, кромѣ адата и шаріата, еще маслагатомъ, въ значеніи мироваго соглашенія или ряда. См. «Письма съ персид. границы», въ Кавказѣ 1872, № 102.

Третейство, съ характеромъ посреднической функціи работывающей основныя начала обычнаго права, изстар житъ въ основѣ всего судоустройства кавказскихъ го[У осетинъ такое значеніе имѣетъ до настоящаго времени ній институтъ — «тархонъ» (буквально «судъ на то[народный мировой судъ посредниковъ, установляющихъ (шенія («минаваръ», мировыя, миръ) по спорамъ и стол ніямъ родовъ и ихъ членовъ. Осетинскій тархонъ рѣ дѣла по адату или «благоусмотрѣнію», если въ данномъ с нѣтъ подходящаго адата, — рѣшенія по благоусмотрѣнію дальнѣйшей ихъ практикѣ въ аналогическихъ случаяхъ, вращаются съ теченіемъ времени въ мѣстный адатъ, и осетинскому выраженію—арьдау [1]). Не менѣе интересны занія о формахъ образованія адатовъ у другихъ горцевъ. кабардинскимъ (адыхейскимъ) преданіямъ, маслагатъ служилъ главною основою обычнаго права всего кабардин племени, — въ старину всѣ дѣла рѣшались на совѣща (маслагатѣ) старцевъ и только въ концѣ XVI вѣка появл въ кабардинскихъ аулахъ особый народный судъ (хѣезжа рѣшенія дѣлъ по адатамъ, образовавшимся изъ старых слагатовъ [2]). Таковы же народныя преданія объ образо чеченскихъ адатовъ. «Въ прежнее время пастушеской ж чеченцевъ, въ случаѣ родовыхъ споровъ, старшіе въ совѣтывались (установляли маслагатъ), какъ бы уладить

---

[1]) Организація осетинскаго посредническаго суда обстоятельно ясняется въ «Свѣдѣніяхъ объ адатѣ горцевъ Владикавк. округа» 1844 II. ст. 2. Пфафъ невѣрно называетъ судъ посредниковъ «тархону — въ упомянутомъ сборникѣ судъ называется просто тархонъ, а подъ хонъ — лагте» разумѣется выборъ судей, или собственно «мировые избираемые сторонами. Ср. «Народное право осетинъ Пфафа, 210. — ресно объясненіе осетинскихъ названій суда и посредниковъ: осет «тархъ» (тархонъ—судъ) равнозначителенъ съ русск. «торгъ» (напр. Правды или чешскихъ памятниковъ); «минаваръ—лагте» — мировые Нельзя не видѣть въ осет. тархонѣ равительнаго сродства съ древним вянскимъ институтомъ суда, въ видѣ «заклича на торгу» и пр.

[2]) См. «Исторія Адыхейскаго народа», Шора Ногмова. Кавк. Кал на 1862, стр. 39, 113.

условливались и никто имъ не противорѣчилъ. Но, размножившись, народъ сталъ имѣть болѣе тяжбъ, судъ старшаго въ родѣ сталъ уже недостаточнымъ. Тогда старики всѣхъ окрестныхъ фамилій стали собираться для совѣщанія о прекращеніи безпорядковъ въ странѣ. Но и судъ стариковъ въ фамиліяхъ былъ недостаточенъ въ вольномъ чеченскомъ народѣ, потому что некому было блюсти за исполненіемъ его постановленій. Прибѣгали къ маслагату, или примиренію; тяжущихся мирили просьбами, вознагражденіями и уступками. Но и маслагатъ не могъ удовлетворять цѣлой странѣ и всякимъ тяжбамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывалъ даже вредъ. Мало по малу онъ (маслагатъ) перешелъ въ судъ по адату—судъ стариковъ (каной), творившихъ разбирательство дѣлъ на народныхъ сходкахъ, въ опредѣленныхъ обычаемъ мѣстахъ»[1]). Маслагатъ доселѣ не перестаетъ влiять на обычное право чеченцевъ. Въ этомъ отношеніи важно свидѣтельство «сборника адатовъ Нагорнаго округа» 1864 г. о «маслагатномъ разбирательствѣ», удерживающемъ у чеченцевъ равную силу съ судомъ по адату. По чеченскому сборнику 1864 г., маслагатъ состоитъ въ «миролюбивомъ окончаніи дѣлъ» медіаторскимъ судомъ. «Къ этому способу туземцы часто прибѣгаютъ, не обращаясь даже въ судъ, а избирая сами посредниковъ. Но иногда, ежели на предложеніе суда окончить дѣло маслагатомъ тяжущіеся согласны, маслагатъ дѣлается въ судѣ и даже у кадія, когда дѣло на шаріатѣ,—въ такомъ случаѣ депутаты суда или кадій есть посредники тяжущихся». Дѣло рѣшается тогда по совѣсти, — разъ состоялось «маслагатное рѣшеніе», оно по обычаю немедленно исполняется и не принимается на аппелляцію ни адатомъ, ни шаріатомъ (см. «вступленіе» къ сборнику Нагорн. округа 1864 г.). Таково же наконецъ значеніе маслагата по куйыкскому праву: разъ состоялось маслагатное рѣшеніе, всякій долженъ «безприкословно исполнить все, что

[1]) См. «Чеченское племя» Умалатъ Лаудаева, въ Сборн. св. о кавк. горц. VI, 24 — 25.

было сдѣлано маслагатомъ» (см. вступленіе въ «сборникъ адатовъ жителей Кумык. округа» 1865 г.). При такой силѣ маслагатныхъ рѣшеній, часто повторявшихся въ судебной практикѣ, они легко превращались въ постоянные народные адаты.

Кромѣ мироваго разбирательства, выработывающаго въ формѣ судебнаго «маслагата» основныя начала адатнаго права горцевъ, послѣднее образуется также внѣ судебной практики, именно въ формѣ *маслагатовъ вѣчевыхъ*, на мірскихъ сходкахъ, изстари являвшихся рядомъ съ третейcтвомъ главными органами обычнаго права народа. По коренному мусульманскому праву, каждое общество (джамаатъ)[1]. правовѣрныхъ имѣетъ свои сходки стариковъ и почетныхъ жителей, для совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ, — на такихъ сходахъ, при недостаткѣ адатовъ по тому или другому вопросу, старики установляютъ мірскій «маслагатъ», обращающійся при дальнѣйшей практикѣ въ постоянный адатъ общины[2]). Тѣже порядки доселѣ существуютъ у всѣхъ кавказскихъ горцевъ. Такъ, въ дагестанскихъ аулахъ всегда имѣется особое мѣсто на площади, куда въ установленные дни собирается по обычаю сельская община (донамаатъ), для установленія «маслагатовъ» по общественнымъ дѣламъ, не рѣшаемымъ существующимъ адатомъ. Въ лицѣ своихъ «саахваловъ» (бѣлобрадыхъ старцевъ) община установляетъ мірской маслагатъ—соглашеніе, становящееся основаніемъ народнаго адата по даннымъ вопросамъ[3]). По старымъ кумыкскимъ обычаямъ, мірская сходка также рѣшаетъ общественныя дѣла по маслагату, если на данный случай нѣтъ руководящаго адата[4]). Таковы же «совѣты» стариковъ и вообще мірскіе сходы и собранія, съ ихъ маслагатами по

---

[1]) У горцевъ, въ особенности дагестанскихъ, подъ именемъ «джамаатъ» разумѣется община и ея сходка. См. «Сборникъ адатовъ Даргинскаго округа» 1865 г., объясненіе мѣстныхъ терминовъ, именно — «джамаатъ».

[2]) См. «Матеріалы по исторіи мусульм. права», Исарлова (Кавк. 1875 № 54); «еще о матеріалахъ» и пр, Макарова (тамъ же, № 112).

[3]) См. Пржецлавскаго «Дагестанъ, его нравы и обычаи», въ Вѣст. Евр. 1867, Сент. 143.

[4]) См. «Разсказъ кумыка о кумыкахъ» (Кавказъ 1848 № 44).

общественныхъ дѣлахъ, у другихъ горцевъ сѣвернаго К — осетинъ, чеченцевъ и пр. По словамъ Лаудаева, съ женіемъ чеченскихъ родовъ «старики всѣхъ окрестныхъ лій стали собираться для совѣщаній о прекращеніи безп ковъ въ странѣ. На совѣтѣ ими опредѣлялось, какое на діе должно послѣдовать за различныя преступленія. Ста возвращались домой, объявляли фамиліямъ устно свои по новленія и заставляли ихъ клясться свято исполнять ш Изъ такихъ опредѣленій слагался постепенно у чечен адатъ, называемый эдиль или адиль [1]). Такія же собр стариковъ и народа издавна извѣстны у кабардинцевъ и ч кесъ Черноморья и Кубанской области [2]). Баронъ Сталь со щаетъ, въ своемъ «Этнографическомъ очеркѣ черкесскаго н рода» (1849 г.), интересныя данныя объ устройствѣ на ныхъ собраній (За—уча) черкесъ и о маслахатахъ («благ постановлявшихся на собраніяхъ старшинами и утверждавшихся народною присягою и особымъ актомъ — «дефтеромъ [3])». тосеинъ такимъ же образомъ практиковалась изстари вѣчев форма образованія народныхъ «арьдау» (обычаевъ). На сход кахъ (нихасъ) родовъ и ауловъ родовые старшины (альдеръ) и почетные старики (хистеръ) совѣщались объ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ, — рѣшенія стариковъ, положенныя на р довыхъ собраніяхъ, принимались аульцами въ руководство на будущее время. Въ первоначальной формѣ родоваго компро мисса (ряда или маслагата) обычное право установлялось у осетинъ еще въ древнѣйшую пору господства силы и вражд

[1]) См. «Чечен. племя» Лаудаева (Сборн. св. о Кавк. горц. VI, 24).

[2]) См. «Исторія Адыхейскаго народа», Шора Ногмова, 113; «о полит устройствѣ черкесъ», Карлгофа (Русск. Вѣст. 1860 № 16, стр. 531).

[3]) См. ниже, III отдѣлъ, адаты черкесъ Кубанской области, гл. XVI народномъ собраніи. «Деетеры» или «дептеры» (свертки или свитки) изв тны древнему монгольскому праву и упоминаются въ русскихъ лѣтопися въ значеніи особыхъ свитковъ, какіе получали русскіе князья отъ хановъ З лотой Орды, въ родѣ окладныхъ книгъ для записыванія дани ордынской. (мое сочин.—«Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Древній монголо-к мыцкій или ойратскій уставъ взысканій». Од. 1879, стр. 211.

родовъ и поколѣній. «Въ эпоху борьбы патріархальныхъ обществъ сосѣди, утомленные продолжительною враждою, иногда опредѣляли разъ навсегда, для разныхъ правонарушеній, извѣстное возмездіе. Подобные компромиссы — самый обильный источникъ обычнаго права. Для обсужденія правонарушеній учреждаются третейскіе суды, и нормы, которыми они руководствуются, принимаютъ постепенно все болѣе и болѣе опредѣленный видъ. Но все это не прочно,—при недостаткѣ власти, достаточно авторитетной для поддержанія дѣйствія установившихся обычаевъ, обычное право имѣетъ только весьма условную силу: если обѣ стороны соглашаются на его соблюденіе [1])».

Въ такомъ «соглашеніи» раскрывается новое значеніе и роль маслагата въ отношеніи къ обычному праву. Установляя первыя начала образованія адата путемъ судебно-посреднической и вѣчевой практики, маслагатъ являлся затѣмъ до позднѣйшаго времени чуть-ли не единственной компетентной силой, поддерживавшей *дѣйствіе* утвердившихся такъ или иначе въ народной жизни адатовъ. У кавказскихъ горцевъ адаты до послѣдняго времени дѣйствовали безъ поддержки спеціальныхъ учрежденій и органовъ, которые бы наблюдали за ихъ исполненіемъ. Недостатокъ такихъ органовъ восполнялся у горцевъ той же самой силой, которая и создавала адатъ, — силой «маслагатныхъ» соглашеній и союзовъ между отдѣльными родами и общинами, даже цѣлыми племенами. Адатъ очень долго держался и дѣйствовалъ на почвѣ мирныхъ междусоюзныхъ отношеній родовъ и племенъ, вступавшихъ между собою въ соглашенія и ряды, въ видахъ защиты и охраны своихъ адатовъ и регулируемаго ими правоваго порядка. Въ этомъ отношеніи справедливо замѣчаютъ, что «адатъ ближе подходитъ къ разряду международныхъ правъ, чѣмъ гражданскихъ законовъ» [2]). Лишь въ сравнительно недавнее время, когда стало

---

[1]) См. «Народн. право осетинъ», В. Пфафа. Сборн. св. о кавказѣ, I 188, 194 — 196.

[2]) См. цитированную не разъ статью Карлгофа, въ Русск. Вѣстн. 1860 № 16, стр. 531.

усиливаться у горцевъ значеніе мѣстныхъ органовъ (старшинъ и пр.), главнымъ образомъ подъ вліяніемъ русской власти, органы эти получили возможность болѣе строго слѣдить за дѣйствіемъ и исполненіемъ народныхъ адатовъ [1].

Источники въ одинаковыхъ чертахъ рисуютъ «международное» положеніе вопроса о дѣйствіи адатовъ у всѣхъ горскихъ племенъ Кавказа. По наблюденіямъ Люлье надъ бытомъ шапсуговъ и натухажцевъ, дѣйствіе ихъ адатовъ и основанное на нихъ признаніе неприкосновенности личныхъ и имущественныхъ правъ каждаго горца и цѣлыхъ родовъ и общинъ, по изстаринному обычаю, обезпечивались такъ называемыми «общественными обязательствами» (круговой порукой древняго русскаго права). Обязательства такія установлялись путемъ вѣчевыхъ маслагатовъ, или соглашеній между родами и общинами каждаго племени, а иногда и между самими племенами, и утверждались взаимною присягою ихъ представителей. «Присяга ихъ служитъ для всѣхъ и каждаго обязательствомъ не дѣлать ничего во вредъ и безчестіе союзу и кончать со взаимною справедливостію всѣ могущіе возникнуть между членами различныхъ общинъ споры» [2]. Отъ такихъ обязательствъ зависѣло дѣйствіе горскихъ адатовъ: исполненіе ихъ считалось обязательнымъ только для тѣхъ и въ отношеніи къ тѣмъ, кто принималъ участіе въ «общественныхъ обязательствахъ». Отсюда «покушеніе на чужое добро признается воровствомъ, если оно сдѣлано у *своихъ*. Въ этомъ случаѣ разумѣется не только таже самая община и тоже племя, къ которымъ принадлежитъ воръ, но даже чужое племя, если только состоялась съ нимъ присяга жить въ добромъ согласіи; такъ это было между шапсугами, натухажцами и абадзехами. Напротивъ

[1]) См. напр. ниже, IV отдѣлъ — въ «Описаніи вредныхъ народныхъ обычаевъ» Осетинскаго округа 1859 г. заключительную статью и циркуляръ начальника округа Кундухова, по поводу отмѣны вредныхъ обычаевъ.

[2]) См. «Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ», Л. Я. Люлье. Зап. Кавк. Отд. Геогр. Общ 1866, VII, 3.

того, если кто явно промышляетъ воровствомъ на землѣ со
дей, въ отношеніи которыхъ нѣтъ никакихъ обязательствъ,
на это занятіе смотрятъ только какъ на лучшее средство
казать свое удальство и ловкость» [1]). Этими началами о
ясняются адаты о воровствѣ, изложенные въ собраніи свѣдѣ
объ адатѣ черкесъ Черноморской линіи, Кучерова, (1845 :
«воръ, если будетъ открытъ, обязанъ возвратить тому, к
оно (уворованное) принадлежитъ, и въ такомъ разѣ (во
остается свободнымъ отъ штрафа»; штрафъ уплачивается тол
при утратѣ или порчѣ уворованнаго, если хозяинъ его не п
нимаетъ [2]). Здѣсь виновный не несетъ собственно никакого
казанія, — воровство безразлично трактуется, будетъ ли
сдѣлано у односельца, принадлежащаго къ одному роду и п
мени съ воромъ, или же у «чужаго», не связаннаго съ вор
никакими «общественными обязательствами». Когда подоб
обязательства не оберегали населеніе отъ хищничества сво
же, болѣе сильныхъ родовъ, обычное право черкесъ устан
ляло въ такихъ случаяхъ чрезвычайную мѣру, извѣстную п
именемъ «повальной присяги» (эберъ-тааредо). «Почет
старшины всѣхъ общинъ и родовъ, составляющихъ племя,
правляются въ тѣ мѣста, гдѣ безпорядковъ больше, и об
дятъ дома людей подозрительнаго поведенія. Выставляется
ранъ, привѣшенный на палкѣ, воткнутой въ землю, и, —
силу того, что предпринимаемая мѣра касается пользы об
ственной, — начинается повальная присяга всего населен
Каждый присягаетъ отдѣльно и формулою клятвы обязывае
указать всѣхъ, какіе только ему извѣстны, виновниковъ б
порядка, сознаться въ слухъ въ своихъ собственныхъ прест
леніяхъ противъ установленныхъ правилъ и обѣщаться исп
нять правила эти на будущее время ненарушимо». Всякій
ступавшій послѣ отъ этой клятвы или дававшій ложную кл

---

[1]) Тамъ же, 9.
[2]) См. ниже, II отд. сборникъ Кучерова, § 76.

ву «покрываетъ себя въ общественномъ мнѣніи несмываемымъ пятномъ осужденія» [1]).

Сходные же порядки находимъ у другихъ горцевъ. Союзы родовъ и ауловъ ради взаимной защиты и охраненія родовыхъ адатовъ существовали у ингушей до начала настоящаго столѣтія [2]). У кумыковъ еще въ 40-хъ годахъ держался въ полной силѣ институтъ родовой защиты адатовъ, въ видѣ «присяжныхъ братствъ» [3]). Институты родовой поруки доселѣ не исчезли у осетинъ [4]). Легенды и преданія осетинъ, чеченцевъ и другихъ горцевъ, обнародованныя въ недавнее время Шанаевымъ, Ахріевымъ и др., яркими красками рисуютъ древній бытъ горцевъ, подчинявшихся требованіямъ адата лишь въ тѣсныхъ родовыхъ кругахъ и считавшихъ хищничество вполнѣ законнымъ въ отношеніи къ чужеродцамъ [5]), — воззрѣнія,

---

[1]) Онъ пріобрѣтаетъ прозвище «таагаапсе» — клятвопреступника, или слово въ слово — обманщика предъ Богомъ. (См. Зап. Кавк. отдѣла геогр. общ. VII, 16). Путемъ такихъ обычаевъ общественный порядокъ и лежавшіе въ его основѣ адаты поддерживали свое дѣйствіе въ жизни горцевъ. «Переходя изъ устъ въ уста, будучи при каждомъ случаѣ приводимы къ слову, примѣняемы къ дѣлу и обращаясь такимъ образомъ въ кровь и сокъ всего населенія, которое есть свидѣтель и судья поступковъ каждой отдѣльной личности, — обычаи становятся могущественнѣе всякихъ законовъ» (тамъ же, 17) О междусоюзныхъ маслагатахъ черкесъ и основанныхъ на нихъ присяжныхъ союзахъ, или «соприсяжничествахъ» родовъ ради охраны и береженья адатовъ, см. также K. Fr v. Neumann's Russland u. die Tscherkessen 1840, cap. 5; Беслній Абатъ, Ханъ Гирея (Кавк. 1847 № 42 и 45); Fr. Heinzelmann's Reisen in den Ländern d. asiat. Türkei u. Kaukasus 1854, cap. 5 и пр. О воззрѣніи черкесъ на воровство, какъ на дѣяніе, несчитавшееся преступнымъ, см. ниже, II отд. адаты черкесъ Кубан. области, бар. Сталя, 1849. гл. о воровствѣ и хищничествѣ; ср. также Voyages hist. et géogr. dans les pays situés entre la mer Caspienne (Edward). 1798; Taitbout de Marigny, Voyage en Circassie, 1821 и мн. др.

[2]) См. напр «Tagebuch einer Reise die im J. 1781 von d. Mosdok nach d. innern Caucasus unternom. worden (Steder) 1797.

[3]) См. «Кумыки, ихъ нравы, обычаи и законы» (Кавк. 1846 № 37 и 38); «Разсказъ кумыка о кумыкахъ» (тамъ же, 1848 № 40).

[4]) См. Кавказъ 1873 № 13.

[5]) См. сборники горскихъ легендъ и преданій, изд. въ «Сборн. свѣд. о кавказскихъ горцахъ», т. V—VIII.

которыя доселѣ не утратили своей силы въ жизни горцевъ. У осетинъ, напр., еще въ 30 и 40-хъ годахъ воровство на сторонѣ, у «чужихъ», не подлежало никакому взысканію: изобличенный воръ долженъ былъ только возвратить украденное [1]). По чеченскимъ обычаямъ «удовлетвореніе обиженнаго за грабежъ (у салатаевцевъ) состояло только въ возвратѣ ограбленнаго», а ингушей «воровство обратилось въ доблесть, прославляемую въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ». По этому поводу составитель сборника адатовъ ингушей замѣчаетъ: «къ утѣшенію всѣ эти преданія замѣтно блѣднѣютъ, при постепенномъ экономическомъ и нравственномъ развитіи народа и новыхъ требованіяхъ жизни» [2]). Въ сводѣ адатовъ горцевъ сѣвернаго Кавказа (1847 г.) [3]) находимъ слѣдующій отзывъ о воззрѣніяхъ горцевъ на имущественныя правонарушенія: хищничество есть главный промыселъ горцевъ, пріобрѣтающихъ всѣ средства къ жизни добычей между своими единовѣрцами, но чаще у сосѣдей за Кубанью и Терекомъ. «Горецъ старается счастливымъ и удачнымъ исполненіемъ грабежа обратить на себя вниманіе своихъ соотчичей и пріобрѣсти имя джигита или наѣздника. Воровство, поэтому, во всеобщемъ употребленіи у горцевъ, гордящихся своимъ хищничествомъ у разноплеменниковъ». Но, считая доблестнымъ дѣломъ воровскіе наѣзды за предѣлы своего общества, «горецъ никогда и не упомянетъ про свои воровскія дѣла, совершаемыя имъ въ предѣлахъ онаго, а тѣмъ болѣе того аула, въ которомъ онъ живетъ; потому что воровство между аульцами и

---

[1]) «Въ случаѣ воровства на сторонѣ, у чужихъ, по изобличеніи вора, отбирается краденное; а за покражу своихъ и ближнихъ взыскивается въ пользу хозяина противъ украденнаго въ пять разъ; шестая же часть—для общества на обѣдъ». См. ниже, въ IV отдѣлѣ, 13 п. перваго сборника осетинскихъ адатовъ 30-хъ годовъ; ср. также «выписку о нравахъ и обычаяхъ горцевъ Владик. округа» 1849 г. гл. II. п. 8.

[2]) См. ниже. IV отдѣлъ — сборники адатовъ Нагорнаго (гл. 3) и Ингушевскаго округовъ (гл. о воровствѣ), 60-хъ годовъ.

[3]) См. ниже, въ V отдѣлѣ сборникъ Ольшевскаго п. 128—132.

единоплеменниками не только не позволительно, но и позорно. Однако, не смотря на то, кавказскіе горцы, по врожденной страсти, часто совершаютъ воровство и между своими и уличенный въ кражѣ на мѣстѣ не только подвергается оштрафованію, но и дѣлается презрѣннымъ, не потому что онъ рѣшился на воровство, а оттого, что онъ не умѣлъ совершить оное въ тайнѣ, какъ неискусный воръ». Кавказскіе обычаи впрочемъ дозволяютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ воровство и между «своими». Таковъ институтъ «барамты», о которой говорится впервые въ сборникѣ кайтахскихъ адатовъ XII в. (уцмія Рустемъ-хана) [1]). Точно также сводъ адатовъ сѣвернаго Кавказа 1847 г. указываетъ на существованіе обычая барамты у кавказскихъ горцевъ еще въ настоящемъ столѣтіи: «случается, что обидчикомъ можетъ быть лицо, имѣющее силу и вѣсъ въ обществѣ, котораго и судьи не въ состояніи принудить къ исполненію приговора; въ такомъ случаѣ обиженный удаляется въ другую деревню или общество и, съ помощію своихъ родственниковъ или кунаковъ, что нибудь воруетъ у обидѣвшаго его» [2]).

Обычай барамты является естественнымъ результатомъ указаннаго нами «международнаго» положенія у горцевъ вопроса объ обязательности адатовъ, именно лишь между «своими», исполнявшими присяжный маслагатъ — обязательство жить въ согласіи, не нарушать правъ членовъ своей общины и племени. Чуть только обидчикъ добровольно не удовлетворялъ обиженнаго, онъ нарушалъ тѣмъ самымъ союзный масла-

---

[1]) Подъ *барамтой* разумѣется право истца, не получившаго удовлетворенія отъ отвѣтчика, нападать на его родственника или односельца и воровать или силой отнимать принадлежащія имъ вещи, не возвращая ихъ, пока отвѣтчикъ не удовлетворитъ истца. По этому предмету въ сборникѣ Рустема мы нашли слѣдующіе адаты: «кто не позволитъ въ своемъ селѣ брать барамту, съ того берется штрафъ» (п. 49); «брать барамту съ тѣхъ, которые не отдѣлились отъ тохума (рода) отвѣтчика» (п. 81); «кто будетъ брать барамту съ жителей нашего общества, съ тѣхъ и намъ брать» (п. 83). См. ниже, въ VI отдѣлѣ — адаты Рустемъ хана XII в.

[2]) См. ниже, V отдѣлъ, сводъ адатовъ 1847 г. п. 134.

гатъ, становился внѣ защиты родоваго адата, — въ отношеніи къ нему послѣдній терялъ силу и уступалъ свое мѣсто самоуправству (бараитѣ). Такое же самоуправство въ отношеніи къ «своимъ» дозволялось и въ другихъ аналогическихъ случаяхъ: «когда два горца поссорятся между собою и, если обидчикъ не пожелаетъ судиться съ обиженнымъ (т. е. будетъ уклоняться отъ суда), то послѣдній крадетъ что нибудь у перваго и, представивъ украденную вещь въ судъ, заставляетъ этимъ противника своего судиться съ нимъ» [1]).

Замѣтимъ наконецъ, что и безъ прямаго нарушенія общественнаго маслагата (мира) дозволялось иногда безнаказанно нарушать существующій адатъ, если того требовало исполненіе другаго, болѣе уважаемаго почему либо въ народѣ, адата. Извѣстно, какимъ религіознымъ уваженіемъ въ старину пользовался обычай гостепріимства: у древнихъ славянъ дозволялось воровство, лишь бы въ точности былъ соблюденъ этотъ обычай. Слѣды такого же обычая гостепріимной кражи удерживались въ быту кавказскихъ горцевъ до новѣйшаго времени. Въ сборникѣ адатовъ горцевъ (чеченцевъ) Ингушевскаго округа (см. главу о воровствѣ), между прочимъ, находимъ указаніе на то, что «порой и въ настоящее время прорывается старый взглядъ туземца на воровство; эта доблесть выражается и въ самыхъ лучшихъ сторонахъ туземнаго быта. Гостепріимство, первобытная добродѣтель всѣхъ народовъ, не гнушается воровствомъ: хозяинъ, чтобы почтить своего гостя, доставить ему наибольшее удовольствіе и радость, наводитъ его на воровство, коимъ угощаетъ его, какъ лакомымъ десертомъ, въ слѣдъ за шашлыкомъ; скрываетъ воровскія вещи и даже жертвуетъ собой для гостя-вора, принимая на себя всю отвѣтственность преступленія. Можно безошибочно сказать, что главные воры и проводники воровъ — хозяева, тѣ изъ туземцевъ, въ землѣ коихъ случается хищническое происшествіе; краденныя же вещи

---

[1]) См. ниже V отдѣлъ — сводъ адатовъ кавк. горцевъ 1847 г. п. 134

немедленно скрываются передачею въ другія, отдаленныя мѣстности».

Развиваясь изъ маслагата, находя въ немъ компетентную поддержку въ своемъ дѣйствіи и примѣненіи, адатъ затѣмъ подвергался измѣненіямъ и переработкѣ также путемъ маслагата общинъ и родовъ на мірскихъ сходкахъ. Въ описаніяхъ обычаевъ нерѣдко можно встрѣтить указанія на такую форму развитія адатовъ. Такъ, по адатамъ малкарцевъ 1844 г. (гл. IV, § 29), «въ составѣ обрядовъ убавка, прибавка или отмѣна дѣлается по приговору и общему согласію: если народъ убѣдится, что на будущее время невыгодно продолжать сужденіе по дѣлу обрядомъ, до того существующимъ, тогда обрядъ уничтожается по приговору». Разсмотрѣніе адатовъ составляетъ, по изстаринному обычаю кавказскихъ горцевъ, дѣло общинъ (джамаатъ), собирающихся для этого на общественный маслагатъ [1]). Замѣчательный примѣръ разсмотрѣнія адатовъ на сходкѣ цѣлаго племени представляетъ «общій величайшій народный сборъ» туземцевъ военно-осетинскаго округа въ 1859 году: на этомъ племенномъ вѣчѣ осетинъ, «съ общаго согласія» (маслагата), признано было полезнымъ и необходимымъ

---

1) Объ одномъ изъ такихъ маслагатовъ сообщаетъ Амировъ, въ своемъ описаніи быта горцевъ сѣвернаго Дагестана. Въ одномъ изъ ауловъ Темиръ-ханъ Шуринскаго округа, на сходкѣ аула, собравшагося для обычнаго совѣта (маслагата), одинъ изъ судей предложилъ назначить какой нибудь день и собраться для разсмотрѣнія адатовъ. «Въ нихъ есть много такого, что не можетъ понравиться русскимъ. Если мы не поспѣшимъ выкинуть или исправить нѣкоторые изъ адатовъ, то мы навѣрно дождемся того дня, когда черезъ нихъ мы потеряемъ право рѣшать свои домашнія дѣла по адату». Среди джамаата произошло сильное замѣшательство: одни одобряли предложеніе, другіе нѣтъ. Между прочимъ, юзбаши и судьи стояли за, а кадій—противъ. Послѣдній взялъ верхъ, послѣ краткой рѣчи, въ которой онъ приглашалъ джамаатъ всѣми средствами отстаивать установленія своихъ предковъ, съ какой бы стороны на нихъ ни нападали. Джамаатъ отвергъ предложеніе судьи». См. «Среди горцевъ сѣверн. Дагестана», Г. А. Амирова (сборн. св. о кавк. горцахъ 1873, VI, 40). Объ измѣненіи и дополненіи адатовъ у дагестанскихъ горцевъ см. «Адаты» Макарова (тамъ же 1868, стр. 9 и 11).

сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ существовавшихъ до времени обычаяхъ, оказавшихся особенно вредными. Они на собраніи замѣнены новыми обычаями, одобренными наро, тутъ же, на собраніи, были установлены мѣры для наблю за исполненіемъ и дѣйствіемъ адатовъ [1]). Въ источни есть, кромѣ того, указанія на то, что у осетинъ не т цѣлый народъ, но и каждая отдѣльная община могла на ей мірской сходкѣ подвергать пересмотру существующіе а, Таково, напр., соглашеніе мірской сходки въ осетинском леніи Ортеви, въ 70-хъ годахъ, касательно «хуштъ»—п нокъ, разорявшихъ мѣстное населеніе громадными расхо бывшими обязательными въ такихъ случаяхъ по мѣстнымъ тинскимъ адатамъ [2]). Подобные же вѣчевые порядки пересм адатовъ существуютъ издавна и у другихъ кавказскихъ цевъ. Въ сборникѣ адатовъ кабардинцевъ и малкарцевъ, ставленномъ въ 1844 г. (см. ниже, IV отд. адатовъ Тер области), есть указаніе на пересмотръ «древнихъ обряд упомянутыхъ племенъ на народномъ собраніи 1807 г., п прекращенія свирѣпствовавшей у нихъ чумы: «описываем обрядомъ (т. е. народнымъ адатомъ) управлялись всѣ народ дѣла въ Кабардѣ до чумы; потомъ 1807 г. іюля 10-го ланo, по настройству духовенства, съ согласія князей и у ней, въ отмѣну прежнихъ обычаевъ по закону магомета, родное условіе» (маслагатъ) о судѣ и пр. [3]). Въ источник

---

[1]) Старые обычаи осетинъ, вмѣстѣ съ замѣнившими ихъ обыча собраны въ «описаніи вредныхъ народныхъ обычаевъ» осетинъ 1859 г мѣщенномъ нами ниже, во IV отдѣлѣ адатовъ Терской области. По пол нію народнаго собранія, за соблюденіемъ обычаевъ «должны слѣдить става и аульные старшины; въ противномъ случаѣ виновные въ несоб ніи подвергаются на первый случай, согласно приговору народа, взыс штрафа 100 руб. сер., въ чемъ и подписуемся» (слѣдуютъ подписи 30 ренныхъ отъ общества лицъ). См. въ «описаніи» заключительную ст

[2]) См. «Сел. Ортеви», Ф. Натіева. Кавказъ 1873 № 30.

[3]) См въ IV отдѣлѣ адатовъ Терской области — адаты кабарди 1844 г., гл. IV. Въ обзорѣ сборниковъ кавказскихъ адатовъ мы сдѣлаем сколько замѣчаній о «народномъ условіи послѣ чумы», составленномъ н родномъ собраніи кабардинцевъ и малкарцевъ въ 1807 г.

есть извѣстія о подобныхъ же народныхъ «условіяхъ», или маслагатахъ, составлявшихся въ разное время у черкесовъ, чеченцевъ и другихъ горцевъ, въ видахъ пересмотра старыхъ адатовъ, ихъ измѣненія, дополненія или наконецъ полной отмѣны старыхъ и введенія новыхъ адатовъ [1]).

Маслагатъ, въ смыслѣ нашего древняго «ряда», какъ норма, установлявшая основныя начала обычнаго права, не только практиковался у кавказскихъ горцевъ въ формѣ мироваго третейства и вѣчевыхъ соглашеній общины или цѣлаго племени, но и имѣлъ мѣсто въ сферѣ другихъ общественныхъ отношеній. Источники указываютъ, что путемъ маслагата установлялись у горцевъ взаимныя отношенія между отдѣльными классами и даже лицами, напр. между владѣльцемъ и крестьяниномъ. Держась старыхъ народныхъ обычаевъ и именно въ видахъ ближайшаго ихъ примѣненія въ данныхъ обстоятельствахъ, отдѣльныя лица и классы нерѣдко заключали между собой, въ присутствіи стороннихъ посредниковъ, «добровольныя условія» о взаимныхъ отношеніяхъ. «Условія» (маслагатъ) закрѣплялись обоюдною клятвою сторонъ, участвовавшихъ въ маслагатѣ, и ради большаго обезпеченія иногда облекались въ письменную форму (у черкесовъ извѣстную подъ названіемъ «дефтеръ») [2]), съ отдачей акта на храненіе посреднику, напередъ избиравшемуся въ качествѣ судьи, на случай возможныхъ нарушеній маслагата и возникавшихъ отсюда взаимныхъ

---

[1]) Въ «Описаніи» чеченскихъ адатовъ, представленномъ въ горское управленіе въ 1843 г., бывшимъ начальникомъ лѣваго фланга кавказской линіи, ген.-маіоромъ Фрейтагомъ I, находимъ любопытныя извѣстія объ опытахъ пересмотра чеченскихъ адатовъ въ прежнее время (см. въ описаніи главу о «происхожденіи адатовъ»). Мы не приводимъ здѣсь этихъ свѣдѣній; они вмѣстѣ съ «описаніемъ» будутъ помѣщены цѣликомъ во второмъ выпускѣ нашего сборника. См. Иванова «Чечня» (Москвит. 1851 окт. 186—187); Дубровина «Очеркъ Кавказа» I, 456; Лаудаева «Чеченское племя» (сборн. св. о кавк. горц. VI, 24—25). См. также заключеніе сборника адатовъ чеченцевъ Нагорнаго округа 1864 г., гдѣ сообщены свѣдѣнія объ измѣненіи старыхъ адатовъ путемъ «народныхъ постановленій», на общихъ собраніяхъ горцевъ.

[2]) См. выше стр. 12.

споровъ. Подобныя «условія», практиковавшіяся напр. у кесъ бывшей Черноморской линіи до выселенія ихъ въ ' цію, могли служить и дѣйствительно служили очень обильн источникомъ народныхъ адатовъ [1]).

Разъ образовался такимъ или инымъ путемъ адатъ, вѣчавшій народному характеру и потребностямъ, онъ над упрочивался въ народной жизни, сохранялся въ преданіях освященный давностію, изустно передавался изъ рода въ р какъ непреложный законъ предковъ [2]). Впрочемъ, у горц въ особенности восточнаго Кавказа (у дагестанцевъ по имуществу), уже въ VIII столѣтіи ставшихъ подчиняться вн нему господству (персовъ и пр.), замѣчается стремленіе га тировать мѣстные адаты болѣе прочными средствами, ч простое народное преданіе, путемъ письменнаго изложенія въ сборникахъ, служившихъ затѣмъ руководствомъ для скихъ судей и правителей. У дагестанскихъ горцевъ сборн адатовъ появляются уже въ XI вѣкѣ. Адаты записыва въ сборники, ради практическихъ цѣлей судебной практ (ставшей подчиняться съ VIII же столѣтія вліянію мусулы скаго права — шаріата, — см. ниже), мѣстными судьями и менными правителями — ханами и пр. Нѣкоторые изъ древн сборниковъ адатовъ дагестанскихъ горцевъ не перестав дѣйствовать въ народныхъ судахъ до послѣдняго времени У горцевъ сѣвернаго Кавказа, гдѣ внѣшнія вліянія были с нительно не такъ замѣтны, какъ у дагестанцевъ, и горское селеніе вело очень долго вполнѣ изолированную жизнь, п менные адаты едва ли были извѣстны до конца прош вѣка [4]). Лишь съ тѣхъ поръ, какъ стало усиливаться на I

[1]) См. «Объ отношеніахъ крестьянъ къ владѣльцамъ у черкесо Кавказъ 1846 № 9.

[2]) «Адаты» Макарова. Сборн. св. о кавк. горцахъ 1868, I, 9.

[3]) См. «Адаты» Макарова, ib. 7 и 9.

[4]) Въ документахъ (помѣщаемыхъ нами въ I отдѣлѣ настоящаго нія) по собиранію адатовъ въ 40-хъ годахъ, есть указанія на то, что выя правила до послѣдняго времени были «извѣстны у горцевъ по од лишь только преданіямъ» (см. докум. №№ 2, 5 и 9). Ср «Очеркъ Кавк Дубровина, I, 228 и пр.

казѣ вліяніе русской власти, именно съ конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія, начинають появляться у горцевъ письменные сборники адатовъ. Ихъ составляютъ сами горцы, а съ 30-хъ и особенно 40-хъ годовъ начинаетъ заботиться о томъ же въ собственныхъ интересахъ мѣстное горское управленіе, учрежденное русскимъ правительствомъ.

Прежде чѣмъ перейти къ обзору упомянутыхъ сборниковъ кавказскихъ адатовъ, мы скажемъ сначала о тѣхъ ограниченіяхъ, какимъ стали подвергаться эти адаты со времени подчиненія горцевъ вліянію русскаго и мусульманскаго права (шаріата).

Вліянія эти отражались на многихъ сторонахъ правовой жизни горцевъ; они смягчили до значительной степени старый партикуляризмъ горскихъ адатовъ и повели къ уничтоженію многихъ древнихъ обычаевъ горцевъ, а главное — отразились въ общемъ ограниченіи въ судебно-административной практикѣ дѣйствія мѣстныхъ адатовъ, совмѣстно съ которыми дѣйствуютъ въ настоящее время мусульманскій шаріатъ и русское законодательство.

Къ кавказскимъ горцамъ вполнѣ примѣняется поговорка: «что городъ — то норовъ, что деревня — то обычай». У нихъ установилось чрезвычайное разнообразіе адатовъ: не только каждое племя, но и каждая община, аулъ, чуть-ли не каждый домъ и семья, имѣютъ свои особые адаты, живутъ по своимъ «домашнимъ обрядамъ». Въ своихъ общихъ основаніяхъ всѣ эти адаты въ настоящее время представляютъ много сходныхъ чертъ; тѣмъ не менѣе каждая община доселѣ строго держится своихъ домашнихъ обычаевъ и потому можно сказать, что нигдѣ не развился такъ партикуляризмъ обычнаго права, какъ у кавказскихъ горцевъ [1]). Партикуляризмъ кавказскихъ адатовъ является вполнѣ естественнымъ результатомъ той бытовой

---

[1]) См. «Адаты» Макарова (Сборн. св. о кавк. горцахъ I, 9); «Очеркъ Кавказа» Дубровина I, 228 и пр.

обособленности, какая изстари существовала и доселѣ существуетъ, не только между отдѣльными кавказскими племенами, часто принадлежащими къ различнымъ человѣческимъ расамъ, но и между мелкими родами и общинами одного и того же племени и его подраздѣленій. Матеріалы, издаваемые нами въ настоящемъ сборникѣ, какъ нельзя лучше доказываютъ господство партикуляризма въ обычномъ правѣ кавказскихъ горцевъ: рядомъ съ общими адатами цѣлаго племени или общества, существуютъ также «частные» адаты отдѣльныхъ мѣстностей, имѣющіе свои мѣстныя особенности въ отдѣльныхъ «обществахъ», аулахъ и родахъ [1]). Партикуляризмъ обычнаго права

[1]) См. въ первомъ отдѣлѣ документы по собиранію адатовъ въ 40-хъ годахъ, въ которыхъ находимъ отзывы горскаго управленія о партикуляризмѣ и мѣстныхъ особенностяхъ адатовъ у различныхъ кавказскихъ племенъ (см. напр. докум. № 13). У осетинъ, живущихъ на сѣверномъ склонѣ кавказскаго хребта, существовало въ 40-хъ годахъ болѣе десяти партикулярныхъ системъ обычнаго права — въ «обществахъ» и «племенахъ» дигорцевъ, тагоурцевъ, куртатинцевъ, аллагирцевъ, ѳарсалагъ, кавдасардовъ, наръ, мамисоновъ, сидомонцевъ, черaземцевъ и кусогонцевъ (см. «свѣдѣнія объ адатахъ кавк. горцевъ Владик. округа» 1844 г., Норденстренга; «выписка о правахъ и обычаяхъ» осетинъ 60 годовъ). Чеченцы имѣютъ отдѣльныя системы адатовъ въ каждомъ «племени» (джерахи, кисты, галгаи, цоры, назрановцы или ингуши, карабулаки и комбелеевцы) и кромѣ того, каждое отдѣльное «общество» живетъ по своимъ мѣстнымъ адатамъ (см. «свѣд. объ адатахъ Владик. округа» 1844 г., Норденстренга; «выписка о правахъ и обычаяхъ» 1849). Особенная разбивчивость адатовъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ замѣчается въ Дагестанѣ: кромѣ партикулярныхъ системъ адатовъ по каждому округу въ отдѣльности, существуютъ еще «частные» адаты въ каждомъ «обществѣ», а нерѣдко и въ отдѣльныхъ аулахъ округа. Такъ, адаты Даргинскаго округа, какъ видно изъ сборника 1865 г., раздѣляются на «общіе» адаты цѣлаго округа и на семь системъ «частныхъ» адатовъ отдѣльныхъ «обществъ» — акушинскаго, мекашинскаго, мугинскаго, сюргинскаго и цудахарскаго; существуетъ, кромѣ того, особая система адатовъ, установленныхъ между жит лями Даргинскаго округа и сосѣднихъ съ нимъ частей Дагестана. Въ Бежидскомъ округѣ различаются пять партикулярныхъ системъ адатовъ (безъ «общихъ» адатовъ, какъ въ Даргинскомъ округѣ) наибствъ дидойскаго, капучинскаго, анцухскаго, ухнадальскаго и джурмутскаго; въ нѣкоторыхъ наибствахъ, кромѣ того, существуютъ частные адаты въ каждомъ обществѣ и аулѣ. Въ Гунибскомъ округѣ (см. сборникъ адатовъ 60-хъ годовъ) дѣйствуетъ восемь системъ адатовъ въ наибствахъ — куядинскомъ, араканскомъ, уинукульскомъ, чехскомъ, согратлинскомъ, телитлинскомъ, тлейсерух-

кавказскихъ горцевъ начинаетъ смягчаться лишь въ сравнительно недавнее время. Здѣсь главное значеніе имѣютъ внѣшнія вліянія — съ одной стороны, шаріата, распространившагося у большинства горцевъ сѣвернаго Кавказа въ началѣ прошлаго вѣка [1]), а съ другой — русскаго законодательства. Ограничивая дѣйствіе адатовъ въ народныхъ судахъ лишь опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, шаріатъ и русское право вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляли старую племенную рознь горцевъ, сводили ихъ въ «общества» и «округи», гдѣ дѣйствовали единообразныя начала обязательнаго для всѣхъ права мусульманскаго или русскаго. Все это естественно и помимо особыхъ правительственныхъ мѣръ должно было болѣе или менѣе сглаживать рѣзкія различія и мѣстныя особенности въ обычномъ правѣ отдѣльныхъ кавказскихъ племенъ. Подъ внѣшними вліяніями стали исчезать въ теченіи прошлаго и особенно текущаго столѣтія такіе «древніе обряды» и обычаи горцевъ, въ которыхъ сохранялись слѣды отъ своеобразныхъ институтовъ, сложившихся у горцевъ въ древнія времена и шедшихъ въ разрѣзъ съ условіями современнаго ихъ быта и видами правительства, напр. обычаи «канлы» (кровомщенія), гостепріимной кражи, религіозной проституціи, левирата и т. п.

Въ древнее время адатъ былъ исключительною формой

скомъ и гидатлинскомъ и притомъ почти въ каждомъ наибствѣ существовали, кромѣ того, адаты особо по отдѣльнымъ селамъ, — здѣсь дѣйствительно «что деревня, то обычай». Тоже самое замѣчаемъ въ Андійскомъ округѣ: въ немъ дѣйствуютъ партикулярные адаты въ каждой части округа—въ наибствѣ андійскомъ,обществахъ ункратльскомъ, чамалальскомъ, тиндальскомъ и хваршинскомъ, наибствахъ гумбетовскомъ и технуцальскомъ; общіе адаты наибствъ различаются отъ частныхъ адатовъ нѣкоторыхъ селеній. Въ Кайтаго—Табасаранскомъ округѣ существуетъ семь системъ адатовъ въ отдѣльныхъ магалахъ (нашихъ волостяхъ); но есть также частные адаты въ селахъ. Въ одномъ Дагестанѣ дѣйствовало въ 60 хъ годахъ до 40 партикулярныхъ системъ обычнаго праа; такъ что на всемъ сѣверномъ и восточномъ Кавказѣ насчитывалось въ то время болѣе ста мѣстныхъ «правъ», самостоятельно дѣйствовавшихъ у различныхъ кавказскихъ племенъ и общинъ.

[1]) Только у однихъ дагестанскихъ горцевъ мусульманскій шаріатъ получилъ право гражданства въ древнее время, именно съ VIII вѣка. См. ниже — о шаріатѣ.

права у всѣхъ кавказскихъ горцевъ. Первыя ограниченія к петентности и обязательной силы адата появляются на Кав зѣ со времени введенія мусульманской религіи и права (і ріата), сперва въ Дагестанѣ съ VIII столѣтія, а съ нач прошлаго вѣка и у племенъ сѣвернаго Кавказа — чеченце кабардинцевъ и другихъ [1]).

Подъ *шаріатомъ* разумѣется на востокѣ мусульманс право, основанное на общихъ правилахъ и положеніяхъ ис ма, изложенныхъ въ коранѣ и развитыхъ позднѣйшими мусу манскими законоучителями [2]). На Кавказѣ распространенъ преимуществу шаріатъ школы *сунитовъ* (сунни). Въ восточн Кавказѣ (Дагестанѣ) встрѣчаются впрочемъ нѣкоторыя общи населеніе которыхъ причисляется къ шіитамъ, хотя такихъ щинъ въ Дагестанѣ вообще немного [3]). Горцы — суниты вост

[1]) См. «Сводъ адатовъ» Ольшевскаго, 1847, гл. «о распростран шаріата». Ср. «Адаты». Макарова (сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ I, Очеркъ Кавказа Дубровина I, 95, 292, 385, 515.

[2]) «Арабское законодательство основывается на коранѣ, но вслѣд того, что онъ не возбраняетъ «споровъ о вѣрѣ», нѣкоторые не уяснев вопросы или такіе, смыслъ которыхъ можно объяснять различно, объясня разными толкователями по своему. Отсюда нѣкоторыя мусульманскія ст пользуются для судебной практики книгами тѣхъ или другихъ учены (См «О послѣдствіяхъ убійствъ и пораненій между горцами», въ Сб свѣд. о кавк. горц 1875, VIII, 6). Мусульманскіе законовѣды выдѣля въ коранѣ собственно законодательную часть, подъ названіемъ *Сунна Гадисъ*—собраніе мусульманскихъ обычаевъ, сохраненныхъ преданіемъ. мѣ того, есть еще *Иджмаа* (Манджму или Джаміатъ) — толкованія перв учениковъ пророка, и *Аль—кіасъ*, или опредѣленія имамовъ, т. е. законо телей ислама. Въ мусульманскомъ правѣ господствуютъ двѣ главныя шк *Сунни* (Омарова секта) и *Шіи* (Аліева секта). Основателями школы с товъ считаются главнѣйшіе учители ислама: *Абу-Ханифе* (ученіе его рас странено въ Европ. Турціи, Азіи и Кавказѣ), *Абу Шефи* (и на Кавк *Абу-Маликъ* и *Абу-Хандаль*. Народъ называетъ ихъ *Ханафи*, *Шафи*, *Мали Ханбали*. См. статьи Исарлова (Кавк. 1875 № 54) и Макарова (№ 112).

[3]) Дубровинъ указываетъ, между прочимъ, на дагестанскихъ шіи живущихъ въ сел. Мескенджи (см. «Очеркъ Кавказа» I, 375). На суще ваніе на Кавказѣ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, послѣдоват шіитовъ указываетъ инструкція объ устройствѣ мусульманскаго духове Кавказскаго края, изд. въ 1872 году: въ этой инструкціи говорится о д высшихъ духовныхъ главахъ мѣстныхъ мусульманъ — о *муфтіи* Ома

наго Кавказа придерживаются школы *Абу Шефи* (по мѣстному названію — *Шафи* или *Шапіэ*), а западнаго — *Ханафи*. Мѣстная практика горскихъ судовъ восточнаго Кавказа усвоила «нававійскій» сборникъ шаріата (ильму-пикхъ) съ комментаріями Джемалледина, извѣстный подъ общимъ именемъ «Магали» (по другимъ извѣстіямъ — «ибнухаджаръ»)[1]. Тотъ же сборникъ шаріата практикуется также у горцевъ Терской области. Въ Кубанской области въ употребленіи между мѣстными горцами другой сборникъ шаріата, подъ именемъ «Даматъ»[2]. Въ 40-хъ годахъ извѣстенъ былъ на Кавказѣ сборникъ шаріатскихъ законовъ, подъ названіемъ «Дуреръ»[3].

Вліяніе шаріата на адаты кавказскихъ горцевъ начало обнаруживаться въ большей или меньшей степени въ различныхъ мѣстностяхъ Кавказа съ первыхъ же поръ введенія ислама. По замѣчанію горскаго управленія 40-хъ годовъ, «шаріатъ допускаетъ большое вліяніе мусульманскаго духовенства, постоянно оказывающаго намъ неблагонамѣренное свое расположеніе; а адатъ основанъ на обычаяхъ, не согласныхъ съ общественнымъ благоустройствомъ и часто противорѣчащихъ и

ученія (сунитовъ) и *шейхъ-уль-исламъ* Аліева ученія (шіитовъ) (См. Кавказъ 1873 № 60). Авторъ статьи: «о послѣдствіяхъ убійствъ» и пр. (Сборн. свѣд. о кавк. горц. 1875, VIII, 7) и Макаровъ (Кавк. 1875 № 112) утверждаютъ, что кавказскіе горцы *всѣ безъ исключенія* принадлежатъ къ сектѣ «суни».

[1]) См. статью «о послѣдствіяхъ убійствъ» (сборн. св. о кавк. горц. 1875, VIII, 7); Макарова о матеріалахъ по исторіи мусулм. права (Кавк. 1875 № 111). По извѣстію Пржецлавскаго, въ 60-хъ годахъ въ Дагестанѣ были въ употребленіи мусульманскіе сборники шаріата: *Суннетъ* и *Гадисъ* — религіозныя преданія, *Маали* и *Шіабъ* — юридическія преданія. См. «Дагестанъ» (Вѣст Евр. 1867, сент., 162).

[2]) См. Макарова, въ Кавк. 1875 № 111.

[3]) Изъ документовъ по собиранію адатовъ въ 40 годахъ видно, что въ 1843 г. горское управленіе пріобрѣло *три* книги шаріата на арабскомъ языкѣ, предположенныя къ переводу на русскій. Въ этихъ же дукументахъ, между прочимъ, находимъ извѣстіе о томъ, что шаріатъ — собраніе законовъ, «весьма достаточныхъ для всѣхъ случаевъ быта гражданскаго», изложенъ собственно не въ коранѣ, но въ особыхъ книгахъ, напр. извѣстной подъ именемъ *Дурель*, и въ другихъ». См. ниже, I отдѣлъ — докум. № 1 и 5.

стѣснительныхъ для народа. Степень вліянія того и другаго суда у горцевъ весьма различна, смотря потому, съ котораго времени введена магометанская вѣра у того или другаго племени, и какъ она успѣла укорениться у народа»[1]). По вопросу о «распространеніи шаріата» у горцевъ, въ особенности сѣвернаго Кавказа, мы находимъ нѣсколько данныхъ въ сводѣ кавказскихъ адатовъ, составленномъ г. Ольшевскимъ въ 1847 г. (2 гл.). «Адатъ существовалъ у всѣхъ обитателей сѣверной покатости кавказскаго хребта до введенія между ними магометанской религіи. Съ ученіемъ же Алкорана, адатъ началъ замѣняться шаріатомъ, и тѣ племена и общества подверглись въ этомъ отношеніи большей перемѣнѣ, въ которыхъ духовенство, по смыслу корана, пріобрѣтало высокое значеніе и почетное мѣсто въ обществѣ. Въ послѣднее же время, вновь возникшее ученіе мюридизма много способствовало къ измѣненію прежнихъ условій общественной жизни, въ особенности же у чеченцевъ и другихъ племенъ, сопредѣльныхъ Дагестану, гдѣ это ученіе возникло[2]). Такимъ образомъ, въ настоящее время у горскихъ племенъ существуетъ смѣшанное законодательство, составленное изъ двухъ противоположныхъ элементовъ: *шаріата*, основаннаго на общихъ правилахъ нравственности и религіи, и *адата*, основаннаго на обычаяхъ, котораго (т. е. адата) первый законъ гражданскаго

---

[1]) См. ниже, отдѣлъ I, докум. № 2.

[2]) О значеніи кавказскаго мюридизма см. *Сулейманъ-Эфендія*—Описаніе поступковъ Шамиля, противныхъ мусульманскому шаріату (Кавказъ 1847 № 5); *Н. Ханыкова* О мюридахъ и мюридизмѣ (тамъ же № 15); *И. Березина* Путешествіе по Дагестану, 1850; его же—мусульманская религія въ отношеніи къ образованности (Отеч. Зап. 1855 т. 98); *Fr. Bodenstädt* — Die Völker d. Kaukasus. Frkf. 1855 (кн. II, гл. 9. — О Шамилѣ, какъ законодателѣ); *Мирзы Ал. Каземъ Бека* Мюридизмъ и Шамиль (Рус. Слово 1859 № 12); *Макарова* Шамиль, гражданскій и военный правитель (Кавк. 1859 № 94); Шамиль и Чечня (Воен. Сборн. 1859 № 9); *А. Руновскаго* Кодексъ Шамиля (тамъ же 1862 № 2); его же мюридизмъ и газаватъ въ Дагестанѣ (Рус. Вѣстн. 1862 № 12); *П. Пржецлавскаго* О воен. и гражд. устройствѣ въ Чечнѣ и Дагестанѣ при Шамилѣ (Кавк. 1863 № 62 — 61); его же Дагестанъ, его нравы и обычаи (Вѣст. Евр 1867, № 3); Низамъ Шамиля (Сборн. свѣдъ. о кавк. горцахъ 1870, III). Н. Дубровина Очеркъ Кавказа 1871, т. I, кн. I (чеченцы, гл. II).

устройства — право сильнаго. Отсюда происходитъ, что адатъ распространялся и усиливался всякій разъ, когда шаріатъ приходилъ въ забвеніе, и наоборотъ — адатъ падалъ и былъ отмѣняемъ всегда, когда шаріатъ находилъ ревностныхъ проповѣдниковъ и послѣдователей».

У дагестанскихъ горцевъ адатъ лишь въ сравнительно недавнее время сталъ подчиняться болѣе сильнымъ вліяніямъ шаріата,—до конца 30-хъ годовъ адатъ считался господствующимъ источникомъ права мѣстныхъ горцевъ; шаріатъ пользовался самымъ ограниченнымъ дѣйствіемъ въ мѣстной судебной практикѣ [1]). Не разъ заявлялись стремленія имамовъ и высшихъ духовныхъ главъ (шейховъ) къ полной замѣнѣ адата шаріатомъ, считавшимся по мусульманскому ученію единственнымъ, обязательнымъ для мусульманъ, закономъ; но стремленія эти всегда оказывались неудачными Шамиль, въ теченіи 27 лѣтъ, настойчиво стремился къ уничтоженію суда по адату, наказывая смертію не подчинявшихся требованіямъ шаріата. Но лишь только пала власть Шамиля, палъ и шаріатъ,—адатъ возстановленъ былъ самимъ народомъ въ прежней его силѣ. За шаріатомъ, послѣ Шамиля, остались только немногія дѣла гражданскія (брачныя, также по спорамъ и несогласіямъ между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми), дѣла религіозныя или вообще касавшіяся духовенства [2]).

---

[1]) Макаровъ полагаетъ, что главными причинами сохраненія суда по адатамъ были: строгость наказаній по шаріату, шедшая въ разрѣзъ съ народными нравами,—наказаній, которыя на дѣлѣ рѣдко приводились въ исполненіе по недостатку достаточно сильной для этого власти; интерессъ народныхъ правителей, находившихъ для себя выгоднымъ сохраненіе адата, судъ по которому былъ немаловажнымъ источникомъ ихъ доходовъ; открывая, кромѣ того, правителямъ возможность вліять на народныя дѣла путемъ установленія новыхъ адатовъ, послѣдніе могли усиливать ихъ власть и вмѣстѣ уменьшать враждебное для нихъ вліяніе духовенства. Значеніе адата поддерживалось и тѣмъ, что шаріатскія книги, писанныя на арабскомъ языкѣ, были вовсе недоступны для народа, и потому судъ по шаріату не гарантировалъ отъ произвола судей. См. «Адаты» Макарова (Сборн. свѣд. о горц. I, 6).

[2]) Адаты Макарова, стр 5 — 8, 13; Дагестанъ Пржецлавскаго (Вѣст. Евр. 1867, сент. 162). Въ такомъ же смыслѣ рѣшается вопросъ о судебномъ дѣйствіи шаріата и въ сборникахъ дагестанскихъ адатовъ 60-хъ годовъ.

У кумыковъ точно также, не смотря на давнюю ихъ п
надлежность къ послѣдователямъ ислама, адатъ всегда им
рѣшительный перевѣсъ надъ шаріатомъ, къ которому во
прибѣгали рѣдко (главнымъ образомъ, по дѣламъ о завѣ
ніяхъ, опекѣ и пр.). Положеніе дѣла не измѣнилось и по
учрежденія народнаго суда «маккаме»: по шаріату рѣшал
дѣла, главнымъ образомъ, если на то были согласны стор
и большинство судей[1]). По адатамъ кумыковъ, собранн
Фрейтагомъ въ 1843 г., разбирательство по шаріату расп
страняется только на дѣла по наслѣдству, завѣщаніямъ и о
кѣ (см. гл. «о духовенствѣ»). Нѣсколько иначе ставится
просъ о компетентности шаріата въ сборникѣ кумыкскихъ а
товъ 60-хъ годовъ. Здѣсь шаріату подлежатъ дѣла по б
камъ, долговыя дѣла (если есть проценты), исковыя и тяж
ныя; но дѣла эти «передаются на шаріатъ только тогда, ко
судъ, при разбирательствѣ таковыхъ адатнымъ порядкомъ,
трудняется произнести приговоръ» напр. по недостатку фак
ческихъ доказательствъ[2]).

Точно также въ Чечнѣ, гдѣ исламъ утвердился не рань
начала прошлаго вѣка, шаріатъ не пользовался значеніемъ
самаго водворенія Шамиля. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ
чеченскомъ шаріатѣ въ сборникѣ Фрейтага 1843 г., «чечен
всегда были плохими мусульманами; судъ по шаріату, сли
комъ строгій по ихъ нравамъ, въ рѣдкихъ случаяхъ находи
мѣсто; обычай и самоуправленіе рѣшали почти всѣ дѣла».
само духовенство въ Чечнѣ бѣдно и невѣжественно: въ мул

Такъ, по адатамъ Даргинскаго округа, по шаріату разбираются изъ гражд
скихъ дѣлъ—тяжбы частныхъ лицъ о принадлежности имущества, споры
куплѣ и мѣнѣ, дѣла о наслѣдствѣ и завѣщаніяхъ. Кромѣ того, сюда отнесе
дѣла по бракамъ (кромѣ споровъ относительно брачныхъ подарковъ, въ с
чаѣ несостоявшагося брака). Остальныя гражданскія и уголовныя дѣла во
не подлежатъ разбирательству по шаріату (см. «Сборн. адат. Даргин. окр
гл. I, § 1 и 2).

[1]) См. статьи о кумыкахъ въ «Кавказѣ» 1846 № 38; 1848 № 44.

[2]) См. введеніе къ «сборнику адатовъ жителей Кумыкскаго округа»

обыкновенно избираютъ какого либо деревенскаго грамотѣя; ему и даютъ въ распоряженіе шаріатскія книги, для отправленіе должности кадія,—сельскій грамотѣй-кадій, такимъ образомъ, и разбираетъ по своему, лишь формально руководясь шаріатомъ (произвольно толкуемымъ кадіемъ), главнымъ образомъ дѣла по наслѣдству, завѣщаніямъ и опекѣ. При Шамилѣ измѣнилось положеніе дѣлъ: имамъ отмѣнилъ вовсе адатъ, «потворствовавшій слабостію своихъ постановленій буйнымъ страстямъ чеченцевъ», и предписалъ судить всѣ дѣла «ученымъ» кадіямъ по шаріату; прежній адатъ остался въ силѣ только въ тѣхъ общинахъ (надъ-теречныхъ деревняхъ Новомъ и Старомъ Юртѣ и Брагунахъ и чеченскихъ деревняхъ, живущихъ на Кумыкской плоскости), на которыя не простиралась власть имама[1]). Господство шаріата въ Чечнѣ длилось недолго: вслѣдъ за паденіемъ Шамиля, адатъ былъ возстановленъ самимъ же народомъ, какъ и въ Дагестанѣ. И позже, какъ видно изъ сборниковъ мѣстныхъ адатовъ 60-хъ годовъ, шаріату въ Чечнѣ подлежали лишь немногія гражданскія дѣла, и то въ такомъ только случаѣ, если адатный судъ «затрудняется въ рѣшеніи послѣднихъ, по неимѣнію ясныхъ фактическихъ доказательствъ. Такимъ образомъ, дѣлается постепенное уменьшеніе значенія шаріата и перенесеніе дѣлъ изъ его вѣдѣнія въ порядокъ адатнаго производства»[2]).

Мало привился шаріатъ и у осетинъ, уже во второй по-

---

[1]) См. Сборникъ Фрейтага I, 1843 г., гл. I — «духовенство» и гл. II «судъ по адату». Ср. «Чечня» Иванова (Москвит. 1851, окт. 184—188, 198); «очеркъ» Дубровина I, 456.

[2]) См. Сборникъ адатовъ жителей Нагорнаго округа 1864 г., вступленіе. «Вѣдѣнію шаріата подлежатъ всѣ дѣла, до религіи и совѣсти касающіяся; дѣла по бракамъ, разводамъ, опекѣ надъ малолѣтними и умалишенными, по наслѣдству, по раздѣлу имущества,—торговыя, долговыя (если нѣтъ процентовъ) и вообще исковыя и тяжебныя — если судъ затрудняется въ рѣшеніи послѣднихъ, по неимѣнію ясныхъ фактическихъ доказательствъ. Нѣкоторыя изъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію шаріата, если они имѣютъ ясный видъ, рѣшаются и прямо судомъ (по адату), имѣя впрочемъ въ виду шаріатскія постановленія».

Томъ XIV. Каталогъ дублетовъ библіотеки и. нов. ун—та. *Кудрявцевъ А. Н.* Вступ. лекція. *Лебедевъ Д. П.* Анализъ Федона. *Шпилевскій М. М.* Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи.

Томъ XV. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{73}/_{74}$ ак. г. *Лигинъ В. Н.* Истор. очеркъ изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ. *Спиро П. А.* Къ вопросу объ иннерваціи дыхательныхъ движеній. *Лигинъ В. Н.* Кинематика. I.

Томъ XVI. Протоколы зас. сов.: 20 сент.—23 дек. 1874. *Успенскій Ѳ. И.* Значеніе византійскихъ занятій въ изученіи средневѣк. исторіи. *Цитовичъ П. П.* Отзывъ о соч. г. Дювернуа «Осн. форма корреальнаго обязательства». *Синцовъ И. Ѳ.* Отчетъ объ экскурсіяхъ въ губ. сарат. и сам. *Шпилевскій М. М.* Полицейское право какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія. *Павловъ А. С.* Замѣчанія на програму изданія церк. правилъ.

Томъ XVII. Протоколы зас. сов.: 25 янв.—12 мая 1875. Отчетъ о состояніи и. нов. ун—та за $18^{74}/_{75}$ ак. г. *Волковъ А. Н.* Къ вопросу объ ассимиляціи. *Шельтинга А.* Изъ исторіи развитія предростцевъ папоротниковъ. *Кн. Кантакузинъ гр. Сперанскій М.* Опытъ понятія военной контрабанды.

Томъ XVIII. Протоколы зас. сов.: 19 авг.—18 дек. 1875. *Вальцъ Я. Я.* О вліяніи свѣта на нѣкоторые процесы раст. жизни. *Спиро П. А.* О кожномышечныхъ рефлексахъ. *Кононовичъ А.* Способы вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ. *Головкинскій Н. А.* Мысли о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты. *Шельтинга А.* Вліяніе тепла на растенія. *Кондаковъ Н. П.* Отчетъ, 1 марта—1 сент. 1875. *Спиро П. А.* Прибавленіе къ ст. «О кожном. рефлексахъ». *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 авг. 1874—1 февр. 1875.

Томъ XIX. Протоколы зас. сов.: 19 янв.—29 мая 1876. Докладъ о перенесеніи библіотеки. *Кононовичъ А.* Способы .... (продолж.). *Клименко Е. Ф.* Матеріалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ. *Кн. Кантакузинъ гр. Сп. М.* О кодификаціи международнаго права. *Воеводскій Л. Ф.* О т. наз. гомеровскихъ поэмахъ. *Карастелевъ К. И.* Приложеніе теоріи функцій.

Томъ XX. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{75}/_{76}$ ак. г. *Вальцъ Я. Я.* Отзывъ о дисерт. г. Волкова «Къ вопросу объ ассим.» *Малининъ М. И.* Отчетъ, 1874—75. *Григоровичъ В. И.:* 1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Петербургъ 1875 г.; 2. Объ участіи сербовъ въ нашихъ обществ. отношеніяхъ. *Кочубинскій А. А.* Отчеты 2. и 3., 1 февр. 1875—1 февр. 1876. *Кондаковъ Н. П.* Отчетъ, 1 сент. 1875 — 1 марта 1876. *Палаузовъ В. Н.* Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи. *Вальцъ Я. Я.* О размноженіи растеній частями сѣмянъ. *Кудрявцевъ А. Н.* Мохаметанская религія.

Томъ XXI. Протоколы зас. сов.: 18 авг.—7 окт. 1876. *Кондаковъ Н. П.* 1. Исторія визант. искусства и иконографіи по миніатюрамъ греч. рукописей. 2. Отчетъ, 1 марта—1 авг. 1876. Index seminum an. 1876.

Томъ XXII. Протоколы зас. сов.: 21 окт.—16 дек. 1876. Докладъ коммисіи о спец. средствахъ. *Войтковскій В. М.* Разборъ соч. «Константинъ Вел.». *Малининъ М. И.* Судебное признаніе въ гражд. дѣлахъ. *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 февр.—1 іюня 1876. *Лигинъ В. Н.* О способѣ Кемпе для мех. рѣшенія уравненій. *Успенскій Ѳ. И.* Отчетъ, май—окт. 1876.

Томъ XXIII. Протоколы зас. сов.: 20 янв.—20 янв. 1877. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{76}/_{77}$ ак. г. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній. I. *Брунъ Ф. К.* О разныхъ названіяхъ Керчи.... *Клименко Е. Ф.* Отвѣтъ проф. Алексѣеву.

Томъ XXIV. *Воеводскій Л. Ф.* Этологическія и миеологическія замѣтки. Чаши изъ человѣческихъ череповъ. *Посниковъ. А. С.* Общинное землевладѣніе. *Перетятковичъ Е. И.* Вступ. лекція. *Петріевъ В. М.* О моно- и диоксималоновыхъ кислотахъ

Томъ XXV. Протоколы зас. сов.: 7. апр.—29 сент. 1877. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славян. нарѣчій.... II. 1. *Малининъ М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гр. судопроизводства. *Панкевичъ А.* Объектъ авторскаго права. *Цитовичъ П. П.* Курсъ русск. гражд. права. I Общая часть.—Содержаніе первыхъ 25 т. «Записокъ и. нов. ун.» ($18^{67}/_{68}$—$18^{77}/_{78}$).

Томъ XXVI. Протоколы зас. сов.: 6 окт. — 8 дек. 1877 г. *Умовъ Н. А.* Курсъ математ. физики. I. Введеніе. Съ 2-мя табл. *Цитовичъ П. П.* Новые пріемы защиты общиннаго землевладѣнія. По поводу соч. «Общинное землевладѣніе». А. Посникова. *Малининъ М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гражд. судопроизв.—*Его же.* По поводу рецензіи г. Гедримовича. *Сабининъ Е. Ѳ.* Къ интегрированію диференціальныхъ уравненій помощію рядовъ. *Кочу-*

бинскій А. А. Памяти товарищей. Двѣ рѣчи. *Цитовичъ П. П.* Курсъ русскаго гражд. права. I. Общая часть (продолженіе).—Объявленіе.

Томъ XXVII. Краткій отчетъ о дѣятельности и. нов. ун. за 187⁷/₈ ак. г. Протоколы зас. сов. 19 янв. — 23 авг. 1878 г. Прил. къ нимъ: *Кочубинскій А. А.* Polabani. Разборъ соч. на сеи. премію: «Очеркъ языка славянъ Балт. Поморья. Бранд.» *Некрасовъ И. С.* Отзывъ о комед. «Свищи», увѣнч. преміей И. Ю Вучины. *Пономаревъ И.* Къ исторіи производныхъ группы моч. кислоты. *Трачевскій А. С.* Соврем. задача истор. науки. *Успенскій Ө. И.* Образованіе втор. Болг. царства. *Ярошенко С. П.* Проэкт. геометрія.

Томъ XXVIII. Протоколы зас. сов.: 7 сент.—9 дек. 1878 г. *Преображенскій В. В.* О логариѳм. потенціалѣ. *Брунъ Ф. К.* Черноморье. Сборн. изсл. по ист. геогр. юж. Россіи. Ч. I. *Леонтовичъ Ө. И.* Древн. монг.-калм. или ойрат. уст. взыск. (Цааджинъ-Бичикъ). *Ярошенко С. П.* Проэкт. геометрія (продолж.)

Томъ XXIX. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—31 мая 1879 г. *Цомакіонъ Ө. М.* Электропров. газ. *Кононовичъ А.* Законъ отр. свѣта разл. длины волны отъ пов. гипса. *Меликъ-Оганджановъ П.* Разгр. подс. ком. суд. отъ подс. суд. учр., общ. и мир *Леонтовичъ Ө. И.* Къ истор. права рус. инор. Калм. право.

Томъ XXX. Протоколы зас. сов.: 20 авг.—3 дек. 1879. *Брунъ Ф. К.* Черноморье. Сборн. по ист. геогр. юж. Россіи. Ч. II. *Воеводскій Л. Ф.* О занят. по крит. и миѳол. гомер. эпоса. *Ярошенко С. П.* Проэкт. геом. (прод.).

Томъ XXXI. Протоколы зас. сов.: 24 янв —31 мая 1880 г. Отчетъ за 18⁷⁹/₈₀ г. *Трачевскій А. С.* Нѣм. вопр. во Франціи при Люд. XVI. *Кононовичъ А.* Выч. орб. двойн. звѣз. γ Virg. *Сабининъ Е. Ө.* Доп. къ моей стат. въ 9 т. Мат. Сборн. *Бучинскій П.* Объ общ. черт. въ строеніи нерв. сист. *Мечниковъ И. И.* Отчетъ *Кондаковъ Н. П.* Мозаики мечети Μονὴ τῆς Χώρας въ Констант. *Малининъ М. И.* По поводу книж. пр. Дювернуа о кн. г. Палаузова. День памяти Пушкина Здѣсь: *Кочубинскій А. А.* Правда жизни и правда творч. *Яковлевъ В. А.* О гум. знач. поэз. Пушкина. Отчеты о драм. на прем. И. Ю. Вучины. *Ярошенко С. П.* Проэкт. геом. (прод.). *Малининъ М. И.* Теорія гражд. проц.

Томъ XXXII. Протоколы зас сов.: 20 авг.—15 дек. 1880 г. Delectus sem. in bot. Un Caes. N. Ros. *Ерошевскій Н. О.* Къ вопросу о позем. кред. *Успенскій Ө. И.* Соч. Мих. Акомината. *Палаузовъ В. Н.* Вступит. лекція по уголов. судопр. *Сабининъ Е. Ө.* О началѣ наим. дѣйств. *Успенскій Ө. И.* Фил. Карл. Брунъ 1804 — 1880 гг. *Малининъ М. И.* Теорія гражд. проц. (прод.).

Томъ XXXIII. Годов. отч., съ рѣчью *Е. Ө. Сабинина*: «М. В. Остроградскій». Протоколы зас. сов.: 22 янв.—30 мая 1881 г Index sem. *Воеводскій Л. Ф.* Введеніе въ миѳ. Одиссеи. *Кочубинскій А. А.* Итоги слав. и рус филологіи. *Кондаковъ Н. П.* Путешествіе на Синай въ 1881 г. (съ картой).

Цѣна тома 2 р. 50 к. (томъ 1,27—3 р., 28,31—4 р., 29,33—4½ р., 30—3½ р.).

Складъ изданія въ университетѣ. Выписка чрезъ всѣ книжные магазины Одессы.

„Записки императорскаго новороссійскаго университета“ выходятъ въ неопредѣленные сроки, отъ 3 до 4 томовъ въ годъ, отъ 25 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ томъ, in 8° (съ прот.).

Редакціи періодическихъ изданій, которыя пожелали бы вступить съ редакціей «Записокъ» въ обмѣнъ своими изданіями, благоволятъ обращать свои заявленія въ Правленіе имп. нов. ун.

Редакторъ: орд. проф. **А. Кочубинскій.**

Цѣна XXXIV т. 4 руб.

